

КОРОЛЬ ДЖОНЪ [1]).

Среди „историческихъ хроникъ“ Шекспира „Жизнь и смерть короля Джона“ занимаетъ особое, довольно изолированное положеніе. Это единственная хроника Шекспира, основанная не непосредственно на лѣтописи Голиншеда, а черпающая свое содержаніе изъ предшествовавшей ей, довольно слабой, но сходной по сюжету и фабулѣ исторической пьесы неизвѣстнаго автора, предназначавшейся для площадной, балаганной публики. (Авторъ скрылся подъ иниціалами W. Sh.). Вотъ полное заглавіе этой пьесы: The first and second part ot the troublesome Raigne of John King of England. With the Discovery of King Richard Cordelions base sonne (vulgarly named the Bastard Fawconbridge). Also the Death of King John at Swinshead Abbey. As it was (sundry times) publikely acted by Queenes Majesties Players in the honourably City of London. Она была напечатана въ 1591 г. и ставилась на сценѣ въ девятидесятыхъ годахъ XVI ст. Иниціалы автора (W. Sh.) въ изданіи 1611 г. дали поводъ къ предположенію, что мы имѣемъ дѣло съ юношескимъ произведеніемъ Шекспира; но эта гипотеза отвергнута критикой съ полнымъ основаніемъ: ни языкъ, ни стиль, ни композиція пьесы анонима не имѣютъ ничего общаго съ Шекспиромъ. Драма послѣдняго „Король Джонъ“ появилась въ печати въ такъ называемомъ изданіи in folio 1623 г., но упоминаніе о ней мы находимъ гораздо раньше, именно въ книгѣ Мереса „Palladis Tamia“, вышедшей въ 1598 г. Перечисляя пьесы Шекспира, авторъ упоминаетъ и о „Королѣ Джонѣ“. Кромѣ того стиль трагедіи даетъ полное основаніе отнести ее ко второму періоду дѣятельности Шекспира, точнѣе къ 1596—1598 г.

Если мы сравнимъ содержаніе трагедіи Шекспира съ пьесой анонима, то увидимъ, что великій драматургъ находился въ большой зависимости отъ своего предшественника, который внесъ въ содержаніе пьесы такія черты, которыя, не будучи историческими, въ воспроизведеніи Шекспира

[1]) Кромѣ общихъ монографій о Шекспирѣ (Elze, Брандеса, Женэ, Гервинуса, Тенъ-Бринка, Боткина, Даудена, Гейне и др.), ср.

Cassel's national library. The Life and death of King John 1897. Здѣсь напечатанъ и текстъ анонимнаго автора источника Шекспира. Bulthaupt, Dramaturgie des Schauspiels. Shakespe re. 7-ое изд. Lpzg. 1902. Bodenstedt. Shakespeare. Dramatische Werke. т. 4. 1890. Lewes. Shakespeare's Frauengestalten 1893. Delius. Die epischen Elementen in Shakespeare's Dramen (Jahrbuch d. deutschen Shakespeare-Gesellschaft. Weimar 1877. Bd XII). Tümmel I. Shakespeare's, Kindergestalten (Jahrbuch за 1875 г); Friesen. Eine Wort über Shakespeare's Historien (Jahrbuch за 1873 г).

придали его трагедіи своеобразный характеръ. Сопоставляя обѣ пьесы, мы убѣждаемся, что фабула ихъ сходна—почти до совпаденія. Не только акты, но и явленія въ обѣихъ пьесахъ вполнѣ аналогичны.

Прежде всего фигура бастарда (въ переводѣ Дружинина „Филиппъ Незаконнорожденный"), столь яркая и характерная, играющая въ „Королѣ Джонѣ" выдающуюся роль, въ пьесѣ анонимнаго автора отмѣчена тѣми же чертами, что и у Шекспира. Неисторическое участіе въ перипетіяхъ борьбы эрцгерцога австрійскаго можетъ быть указано въ обѣихъ пьесахъ. Далѣе, существенный для трагедіи Шекспира эпизодъ—споръ изъ-за наслѣдства между двумя братьями Фальконбриджами—находится и у анонима и у Шекспира; равнымъ образомъ и здѣсь и тамъ помѣщены характерные эпизоды: признаніе матери Фальконбриджей, разсказъ объ осадѣ Анжера, споръ съ папскимъ легатомъ, ослѣпленіе Артура. Шекспиръ смягчилъ нѣкоторыя частности, руководствуясь художественнымъ чутьемъ и требованіями нравственнаго чувства; признаніе, напр., лэди Фальконбриджъ въ трагедіи Шекспира происходитъ не на глазахъ у всего двора, какъ у анонима, а съ глазу на глазъ съ сыномъ Филиппомъ; убійство эрцгерцога австрійскаго происходитъ не на сценѣ, а за сценой и пр. Но эти измѣненія и подобныя имъ не могли повліять на фабулу произведенія, которая осталась такою же, какъ и у анонима.

Кромѣ фабулы, сходство слабой пьесы неизвѣстнаго автора съ произведеніемъ Шекспира можетъ быть указано и въ техникѣ драматическаго дѣйствія. Равнымъ образомъ вліяніе этого источника сказалось на выборѣ Шекспиромъ темы и историческаго момента. Трудно представить себѣ болѣе неподходящую для драмы личность, какъ Іоаннъ Безземельный. Въ его характерѣ не было ни тѣни героизма, хотя бы показного. Король, достигшій престола двойнымъ преступленіемъ, по отношенію къ брату и племяннику, въ сущности незаконный, Іоаннъ запятналъ память о себѣ цѣлымъ рядомъ вѣроломствъ и измѣнъ, а дарованіе англійскому народу Великой Хартіи было, какъ извѣстно, вынужденное, и король неоднократно пытался подорвать и ослабить значеніе великаго государственнаго акта. Столкновенія Іоанна съ римской куріей сопровождались крайней заносчивостью и высокомѣріемъ короля, которыя, послѣ неблагопріятнаго для него оборота дѣлъ, смѣнялись униженіемъ и лестью папѣ — до забвенія собственнаго достоинства. Преждевременная смерть Артура ставилась въ вину Іоанну, и безпристрастный историческій анализъ дѣйствій короля не можетъ снять съ его памяти этого суроваго обвиненія.

Голиншедъ — хронистъ, вдохновлявшій Шекспира во многихъ его произведеніяхъ, разсказываетъ о царствованіи короля Іоанна приблизительно слѣдующее:

Съ 1199 г. въ Англіи царствуетъ король Іоаннъ, хотя вѣнецъ долженъ былъ достаться не ему, а Артуру Плантагенету, сыну Готфрида, старшаго брата Іоанна. Артуръ былъ малолѣтній; дядя присвоилъ себѣ верховную власть, побуждаемый къ тому королевой Элеонорой, своею матерью, которая ненавидѣла красавицу Констанцію, мать Артура и вдову Готфрида. Констанціи должно было принадлежать регентство во время малолѣтства сына. Не желая допустить Констанцію къ трону, Элеонора убѣдила своего сына Іоанна занять англійскій престолъ. За Артуромъ осталось лишь бретонское княжество. Мать его, отстаивая права сына, обратилась за помощью къ французскому королю Филиппу Августу, который согласился защищать права Артура оружіемъ, если тотъ согласится признать вассальную зависимость англійскихъ владѣній во Франціи отъ французскаго короля. Послѣ восьмимѣсячной войны французскій король завоевалъ провинціи, принадлежавшія Артуру во Франціи, но, по договору съ Іоанномъ въ 1200 г., уступилъ ихъ англійскому королю съ тѣмъ, что, послѣ смерти послѣдняго, онѣ сдѣлаются достояніемъ Франціи. Договоръ былъ скрѣпленъ брачнымъ союзомъ дофина съ племянницей англійскаго короля Бланкой.

Смерть Констанціи, матери Артура, закрѣпила, казалось окончательно за Іоанномъ престолъ. Элеонора торжествовала. Однако между Филиппомъ Августомъ и Іоанномъ вновь вспыхнула война изъ-за Изабеллы Ангулемской. Французскій король вновь ополчился въ защиту правъ Артура, которому уже было 15 лѣтъ, и онъ могъ принять участіе въ войнѣ. Артуръ въ сраженіи при Мирбо попалъ въ плѣнъ.

Побуждаемый къ отреченію отъ престола, Артуръ наотрѣзъ отказался. Его заключили въ отдаленный замокъ Фаней и отдали подъ охрану Губерта дю-Буръ, которому былъ данъ приказъ ослѣпить принца. Тронутый мольбами юноши, Губертъ пощадилъ Артура и обѣщалъ выхлопотать ему про-

щеніе у дяди. Между тѣмъ по всей странѣ распространились слухи о кончинѣ принца, виновникомъ которой, по общему мнѣнію, былъ король. Король, узнавъ, что Губертъ не исполнилъ его повелѣнія, поспѣшилъ успокоить общественное мнѣніе. Однако вскорѣ Артуръ погибъ, упавъ на скалы или въ рѣку во время бѣгства. Нѣкоторые увѣряли, что онъ былъ тайно умерщвленъ по приказанію короля.

Итакъ, Іоаннъ снова торжествовалъ. Пять лѣтъ спустя, папа Иннокентій III отлучаетъ короля отъ церкви за изгнаніе архіепископа Лантона и передаетъ его корону Филиппу Августу. Іоаннъ вооружается и со всей силой отчаянія отстаиваетъ свои права. Въ разгаръ войны пустынникъ Петръ пророчествуетъ, по знаменіямъ небеснымъ, что Іоаннъ добровольно откажется отъ престола. Встревоженный король проситъ прощенія у папскаго легата, передаетъ ему свой вѣнецъ и вновь получаетъ его отъ Иннокентія, признавъ Англію ленницей куріи. Филиппъ Августъ, не взирая на запрещеніе папы, продолжаетъ войну и наноситъ Іоанну пораженіе при Бовинѣ. Англійскіе лорды покидаютъ короля и предлагаютъ французскому дофину корону. Спасаясь отъ преслѣдованія вражескихъ войскъ, Іоаннъ скрывается въ аббатствѣ Свинстидъ, гдѣ умираетъ отъ отравы, предложенной ему монахами въ кубкѣ эля.

Изъ изложенной фабулы видно, что какъ составитель анонимной трагедіи, такъ и Шекспиръ, поняли смыслъ событій царствованія Іоанна согласно изложенію ихъ у Голиншеда. Элементарность этого пониманія очевидна. Но значеніе пьесы Шекспира не въ ея планѣ, фабулѣ и ходѣ драматическаго дѣйствія, а въ художественной и психологической обработкѣ характеровъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Центральнаго героя, какъ и единства драматическаго дѣйствія, въ пьесѣ нѣтъ. Можно сказать, что всѣ лица находятся на одномъ планѣ—перспектива нигдѣ не соблюдается. Мастерство художника сказалось въ превосходной отдѣлкѣ персонажей.

Король Іоаннъ изображенъ немногими, но чрезвычайно рельефными чертами. Это—слабохарактерный, заносчивый и малодушный деспотъ. Надменный и вызывающій при удачѣ, онъ способенъ унижаться до крайности лишь бы удержать за собою вѣчно колеблющійся вѣнецъ. Сознаніе царскаго достоинства почти чуждо Іоанну: онъ весьма легко примиряется со своимъ положеніемъ.

Сегодня Вознесенья день? А мнѣ
Сказалъ пророкъ, что въ полдень Вознесенья
Короны я лишусь. И правъ онъ былъ.
Я думалъ, что лишусь ее насильемъ,
Но, слава небу, самъ я сдалъ корону.

Здѣсь Іоаннъ обманываетъ самого себя, стараясь скрыть, что его вынудили къ отказу отъ престола. Малодушіе—отличительная черта Іоанна. Двуличный всюду, онъ желалъ бы лишь пожинать плоды, сваливая отвѣтственность на другихъ. Лучше всего раскрывается характеръ короля въ сценѣ съ Губертомъ (III, 3).

Нѣтъ, не могу,—хоть и люблю тебя,
Хоть и тебѣ я, кажется любезенъ.

Губертъ.

Любезенъ такъ, что если ты прикажешь
Идти на смерть для выгоды твоей,
Я все исполню,—небо мой свидѣтель.

Король Джонъ.

Исполнишь все? Я это знаю, Губертъ.
Мой Губертъ, добрый Губертъ, кинь свой взглядъ
На этого ребенка; вѣрный другъ мой,
Скажу тебѣ, ребенокъ тотъ—змѣя:
Гдѣ бъ, на пути, я ногу ни поставилъ,
Вездѣ онъ змѣемъ ляжетъ предо мной.
Ты понялъ ли меня? Вѣдь ты къ нему
Приставленъ стражемъ?

Губертъ.

И стеречь я стану
Такъ, что бѣды онъ вамъ не принесетъ.

Король Джонъ.

Смерть!

Губертъ.

Государь?

Король Джонъ.

Въ могилу.

Губертъ.

Онъ умретъ. *).

Когда же слухи о смерти Артура вызываютъ возстаніе, король старается всю вину свалить на вѣрнаго и слѣпого слугу:

На грѣхъ и зло толпятся при царяхъ
Рабы, которымъ высшей власти прихоть
Есть поводъ на кровавыя дѣла,

*) Эта сцена представляетъ собой одно изъ немногочисленныхъ уклоненій Шекспира отъ пьесы анонима.

Рабы, законъ толкующіе смѣло,
По мановенью царственной руки,
Готовые всегда дать ходъ опасный
Тому, что прихоть царская велѣла.

Изъ другихъ мужскихъ персонажей особенное вниманіе привлекаетъ бастардъ Филиппъ Фальконбриджъ. Сходство между нимъ и Готспоромъ 1-ой части драмы „Генрихъ IV“ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ натурами, въ которыхъ жизненная сила льется черезъ край и увлекаетъ стремительнымъ потокомъ всякаго, кто вздумаетъ преградить его теченіе. Стремительный и смѣлый, онъ, подобно Готспору, преисполненъ жажды подвиговъ и съ легкимъ сердцемъ отказывается отъ громаднаго наслѣдства, которое онъ по праву могъ бы удержать за собою. Связавъ свою судьбу съ Іоанномъ, онъ смѣло слѣдуетъ за его знаменемъ, не щадя силъ и крови, и чувства колебанія, а тѣмъ болѣе измѣны королю, никогда не находятъ мѣста въ его сердцѣ. Онъ не честолюбивъ, не стремится ни къ власти, ни къ пріобрѣтенію: его увлекаетъ лишь процессъ войны, составляющей наиболѣе пригодную для него стихію. Его языкъ столь же богатъ образами, какъ и Готспора. Сравните, напр., его обращеніе къ французамъ въ V д., сц. 2.

Ужель рука, что силою своей
Могла тузить васъ передъ дверью вашей,
Рука, передъ которой вы бѣжали
И прятались, какъ ведра по колодцамъ,
И залѣзали подъ навозъ въ конюшняхъ
Со свиньями, ища себѣ спасенья
Въ шкапахъ, въ ларяхъ, въ темницахъ, въ погребахъ,
Дрожа и повергаясь въ страшный трепетъ,
Заслыша крикъ родного пѣтуха
И думая, что то кричитъ британецъ,—
Ужель слаба та грозная рука,
Что била васъ подъ самой кровлей вашей?

Подобное же обиліе картинъ является у Готспора во всѣхъ случаяхъ, когда ему приходится держать болѣе или менѣе длинную рѣчь.

Но ни въ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ не сказалось столько художественнаго мастерства и тонкаго вкуса, какъ въ образѣ Артура. Критика уже давно обратила вниманіе на замѣчательное искусство изображенія Шекспиромъ дѣтей. Въ данной драматической хроникѣ это искусство сказалось съ особеннымъ блескомъ. Вопреки исторіи, которая знаетъ Артура уже пятнадцатилѣтнимъ юношей, Шекспиръ уменьшаетъ его возрастъ, и тѣмъ трогательнѣе вліяетъ на зрителя героизмъ умнаго и сердечнаго мальчика. Всякій педагогъ знаетъ, что въ ребенкѣ слѣдуетъ видѣть не нѣчто безформенное, а будущаго человѣка, что воспитаніе можетъ многое видоизмѣнить, но лишь на основаніи имѣющихся у воспитанника данныхъ. Въ Артурѣ мы видимъ душу благородную и прекрасную, съ преждевременной зрѣлостью, которая украсила бы, безъ сомнѣнія, въ будущемъ англійскій престолъ.

Въ 2-мъ д. (сц. I), гдѣ Артура стараются привлечь на свою сторону поочередно бабка и мать, бѣдный мальчикъ восклицаетъ:

Мать, не кричи!
Я умереть желалъ бы, въ землю лечь;
Не стою ссоръ я и смятеній этихъ.

И это, дѣйствительно, единственное разрѣшеніе вопроса.

Въ извѣстной сценѣ съ Губертомъ (IV д., сц. I), спасая свои глаза отъ ослѣпленія, Артуръ напрягаетъ всѣ силы души и говоритъ такъ убѣдительно и краснорѣчиво, что смягчаетъ сердце суроваго стража. Но все-же рѣчь его чужда дѣланности и риторики, и ни на минуту читатель не забываетъ, что передъ нимъ нѣжный царственный отрокъ:

О, Боже! Еслибъ у тебя въ глазу
Теперь была пылинка или мошка,
Зерно, песчинка или волосокъ
Мученьемъ для безцѣннѣйшаго чувства!
На мелочахъ страданье бъ понялъ ты
И передъ дѣломъ гнуснымъ ужаснулся!

Неудивительно, что его прочувствованныя убѣжденія трогаютъ Губерта.

Изъ женскихъ фигуръ пьесы, прежде всего вниманіе читателя останавливаетъ глубокотрагическій образъ Констанціи. Среди галлереи энергичныхъ и страстныхъ женщинъ, созданныхъ Шекспиромъ, она занимаетъ видное мѣсто.

Въ этой глубокой натурѣ любовь къ сыну поглотила всѣ другія чувства. Даже честолюбіе Констанціи лишь кажущееся: она жаждетъ престола для сына, но, лишившись Артура, она лишается своего жизненнаго нерва и гибнетъ. Весь ея умъ, находчивость, изобрѣтательность — все это имѣетъ своимъ источникомъ Артура. Съ потерей его Констанцію окружаетъ нѣмая

и мрачная пустыня. Она ждетъ смерти, какъ желаннаго гостя. Страстно лелѣетъ она свое горе:

Прекраснѣе ребенка не бывало
Отъ Каина, что первымъ былъ младенцемъ,
До тѣхъ дѣтей, что родились вчера.
И что жъ? червь скорби сгложетъ мой цвѣ-
токъ,
Прогонитъ съ щекъ плѣнительную прелесть
И будетъ сынъ мой мертвеца блѣднѣе,
И худъ и слабъ, какъ послѣ лихорадки,
И такъ умретъ онъ; и когда воскреснетъ,
Когда сойдемся мы на небесахъ—
Его я не узнаю. Вѣчно, вѣчно
Мнѣ милаго ребенка не видать!

Съ такою-же силою сказалось ея чувство въ дальнѣйшей части монолога:

Да, мѣсто сына скорбь моя взяла:
Дитятею лежитъ въ его постелѣ,
Со мною ходитъ, говоритъ какъ онъ,
Въ лицо глядитъ мнѣ свѣтлымъ дѣтскимъ
взглядомъ
На мысль приводитъ милыя движенья,
И крадется въ его пустое платье,
И платье то глядитъ моимъ ребенкомъ!
Вотъ почему я такъ отдалась скорби.

Глубина и страстность характера Констанціи ставятъ ее почти на уровнѣ лэди Макбетъ. Она не отголосокъ античной немезиды, какъ нѣкоторые женскіе характеры этой категоріи (напр., въ Ричардѣ III), а живой, конкретный образъ страдающей и борющейся за сына матери; мягкой женственности чуждъ этотъ образъ — да эта черта были бы въ немъ неумѣстной.

Какъ сценическое произведеніе, „Король Джонъ" въ настоящее время немыслимъ для постановки. Передѣлавъ старую пьесу, Шекспиръ не измѣнилъ ни плана ея, ни фабулы, а лишь художественно обработалъ готовый матеріалъ. Изъ балаганнаго фарса, вродѣ „Битвы русскихъ съ кабардинцами" и многихъ пьесъ наполеоновскаго цикла, было создано рукой великаго художника произведеніе, полное глубины и правды, широко захватывающее многія явленія человѣческой жизни. Интересный и поучительный для чтенія, „Король Джонъ" не сцениченъ, пьеса лишена послѣдовательности драматическаго дѣйствія, разсчитана на патріотическіе эффекты и представляетъ собой лишь рядъ драматическихъ картинъ.

Л. Шепелевичъ.

ФИЛИППЪ, КОРОЛЬ ФРАНЦУЗСКІЙ
(По современнымъ изображеніямъ).

АНГЛІЙСКІЕ ВОИНЫ XI—XIII ВѢКОВЪ (Барельефъ въ Линкольнскомъ соборѣ).

Дѣйствующія лица:

Король Джонъ.

Принцъ Генрихъ, сынъ его, впослѣдствіи король Генрихъ III.

Артуръ, герцогъ Бретонскій, сынъ Готфрида, покойнаго герцога Бретонскаго, старшаго брата короля Джона.

Вилліамъ Маршаллъ, графъ Пэмброкъ.

Джеффри Фицпитеръ, графъ Эссексъ.

Вилліамъ Лонгсвордъ, графъ Салисбюри.

Робертъ Биготъ, графъ Норфолькъ.

Губертъ Де-Бургъ, камергеръ короля.

Робертъ Фальконбриджъ, сынъ сэра Роберта Фальконбриджа.

Филиппъ Фальконбриджъ, его побочный братъ, сынъ короля Ричарда I, прозванный Незаконнорожденнымъ.

Джемсъ Герней, слуга лэди Фальконбриджъ.

Питеръ изъ Помфрета, пророкъ.

Филиппъ, король французскій.

Людовикъ, дофинъ, впослѣдствіи Людовикъ VIII.

Эрцгерцогъ австрійскій.

Кардиналъ Пандольфъ, папскій легатъ.

Мелёнъ, французскій дворянинъ.

Шатильонъ, французскій посланникъ при королѣ Джонѣ.

Королева Элеонора, вдова Генриха II, мать короля Джона.

Констанція, мать Артура.

Бланка, дочь Альфонса короля Кастильскаго, племянница короля Джона.

Лэди Фальконбриджъ, мать Филиппа и Роберта Фальконбриджей.

Лорды и лэди, граждане Анжера, шерифъ, герольды, офицеры, солдаты, вѣстники и проч.

Дѣйствіе происходитъ въ Англіи, частью во Франціи.

ПРИНЦЪ ГЕНРИХЪ (впослѣдствіи ГЕНРИХЪ III).
(По современнымъ изображеніямъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Норттамптонъ. Тронная зала во дворцѣ.

Входятъ король Джонъ, королева Элеонора, Пэмброкъ, Эссексъ, Салисбюри *и другіе съ* Шатильономъ.

Король Джонъ.

Ну, Шатильонъ, чего отъ насъ желаетъ
Король французскій?

Шатильонъ.

Чрезъ мою особу
Онъ шлетъ привѣтъ и держитъ рѣчь къ тебѣ,
Британіи монарху временному.

Королева Элеонора.

Что за начало? Временной монархъ?

Король Джонъ.

Оставь его. Дослушаемъ посланье.

Шатильонъ.

Филиппъ, король французскій, отъ лица
Артура, отрасли Плантагенетовъ,
Рожденнаго твоимъ покойнымъ братомъ
Готфридомъ, предъявляетъ здѣсь права
На сей прекрасный островъ съ областями,
На Пуатье, Анжу, Туренъ и Менъ,
Съ Ирландіею вмѣстѣ—и тебѣ
Онъ предлагаетъ, царскій мечъ сложивъ,
Что беззаконно правитъ здѣшнимъ краемъ,
Вручить тотъ мечъ племяннику Артуру,
Законному монарху твоему.

Король Джонъ.

А если мы отвергнемъ предложенье?

Шатильонъ.

Тогда пойдетъ кровавая война
Въ защиту правъ, предательски отнятыхъ.

Король Джонъ.

Вотъ мой отвѣтъ: пусть кровь идетъ за кровь,
Война за брань, насилье за насилье.

Шатильонъ.

Послѣдней гранью моего посольства—
Вотъ вызовъ мой тебѣ отъ короля.

Король Джонъ.

Мой передай ему и прочь отсюда!
Какъ молнія явися королю,
Но прежде чѣмъ снесешь ты порученье,
Моихъ орудій громы загремятъ.
Иди же. Будь трубою гнѣвной нашей,

Пророкомъ бѣдъ для родины твоей.
Съ почетомъ проводить посла. Графъ Пэм-
брокъ,
Исполни это. Шатильонъ, прощай.

(*Шатильонъ и Пэмброкъ уходятъ*).

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

Что, сынъ мой? или я не говорила,
Что гордая Констанція француза
И цѣлый свѣтъ войной на насъ подыметъ
Въ защиту правъ Артура своего?
Любовію и кроткимъ убѣжденьемъ
Мы безъ труда могли бы отвратить
То, что теперь рѣшится тяжкой бранью
Двухъ королевствъ въ кровавой, лютой сѣчѣ.

КОРОЛЬ ДЖОНЪ.

За насъ права и сила власти нашей.

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

Скорѣе сила власти, чѣмъ права;
Безъ этой силы—слабы мы съ тобой.
Вотъ что тебѣ я на-ухо скажу
И что Господь да ты, да я лишь знаемъ.

Входитъ НОРТГАМПТОНШИРСКІЙ ШЕРИФЪ *и шепчетъ Эссексу на-ухо.*

ЭССЕКСЪ.

Мой государь, со споромъ небывалымъ,
Неслыханнымъ, издалека пришли
Къ тебѣ на судъ просители. Принять ихъ?

КОРОЛЬ ДЖОНЪ.

Пускай войдутъ. (*Шерифъ уходитъ*).
Пріорства наши и монастыри
Уплатятъ за военныя издержки.

Входятъ ШЕРИФЪ *съ* РОБЕРТОМЪ ФАЛЬКОНБРИДЖЕМЪ *и* ФИЛИППОМЪ, *его побочнымъ братомъ.*

КОРОЛЬ ДЖОНЪ.

Вы что за люди?

ФИЛИППЪ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЙ.

Я слуга вашъ вѣрный,
Нортгамптонширскій джентельменъ по роду
И старшій сынъ, какъ полагаю я,
Роберта Фальконбриджа, что въ сраженьи
Былъ Львинымъ-Сердцемъ въ званье дво-
рянина
Державною рукою возведенъ.

КОРОЛЬ ДЖОНЪ (*Роберту*).

Ты кто такой?

РОБЕРТЪ.

Того же Фальконбриджа
Сынъ и наслѣдникъ.

КОРОЛЬ ДЖОНЪ (*указывая на Филиппа*).

Онъ твой старшій братъ,
А ты наслѣдникъ? Стало-быть, вы оба
Отъ разныхъ матерей произошли?

ФИЛИППЪ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЙ.

Нѣтъ, отъ одной, великій государь,
И, кажется, отъ одного отца,
Хоть объ отцѣ сказать навѣрно могутъ
Одинъ Господь и также мать моя.
Сомнѣнье жъ мнѣ, какъ дѣтямъ всѣхъ муж-
чинъ,
Дозволено.

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

Стыдись, невѣжда грубый!
Ты мать свою позоришь, и пятнаешь
Ты честь ея сомнѣніемъ твоимъ!

ФИЛИППЪ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЙ.

Я, королева? Въ томъ мнѣ выгодъ нѣтъ!
Не я, а братъ мой хочетъ сомнѣваться
И доказать, что я побочный сынъ.
Пусть Богъ хранитъ честь матери моей
Съ моей землей!

КОРОЛЬ ДЖОНЪ.

Правдивый, добрый малый!
Зачѣмъ же онъ —по роду младшій братъ—
Права представилъ на твое наслѣдство?

ФИЛИППЪ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЙ.

Затѣмъ, быть можетъ, чтобъ отнять его.
Меня ругаетъ онъ побочнымъ сыномъ.
Про то, законно ль я рожденъ, иль нѣтъ,
Я матери судить предоставляю.
Но кажется мнѣ, государь, что я
(Хвала тому, кто надо мной трудился!)
Сработанъ былъ ничѣмъ не хуже брата.
Сравни обоихъ насъ, и самъ суди!
Когда старикъ сэръ Робертъ насъ родилъ
И сдѣлалъ брата на себя похожимъ,
То на колѣняхъ здѣсь хвалю я Бога
За то, что я родился не въ отца!

КОРОЛЬ ДЖОНЪ.

Вотъ чудака намъ Богъ послалъ сегодня!

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

Съ лица онъ будто сходенъ съ Львинымъ-
Сердцемъ,
И въ голосѣ большое сходство есть.
Гляди—въ сложеньи этомъ богатырскомъ
Сказался тоже мой покойный сынъ.

КОРОЛЬ ДЖОНЪ.

И самъ я разсмотрѣлъ его не худо—
Онъ Ричардъ вылитый. Скажи же мнѣ,
Зачѣмъ ты хочешь взять у брата землю?

Филиппъ Незаконнорожденный.

Затѣмъ, что не съ его несчастной рожей
Владѣть моею родовой землей.
Кто по лицу похожъ на грошъ истертый,
Тому моихъ доходовъ много будетъ.

Робертъ.

Мой государь, когда отецъ былъ живъ,
Служилъ онъ брату вашему усердно.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Моей земли ты этимъ не добьешься.
Какъ мать служила, лучше разскажи!

Робертъ.

Однажды къ императору посломъ
Въ Германію отецъ мой былъ отправленъ
По важнымъ государственнымъ дѣламъ.
Во время той отлучки, въ домѣ нашемъ
Король остановился—стыдно мнѣ
Разсказывать о томъ, съ какою цѣлью,
Но правда правдой будетъ. Мой отецъ
Самъ говорилъ, что сушей онъ и моремъ
Былъ отдѣленъ отъ матери моей,
Когда былъ зачатъ мой противникъ жадный.
Предъ смертію, отецъ мой всѣ владѣнья
Мнѣ завѣщалъ и тутъ же объявилъ,
Что этотъ сынъ или не имъ рожденъ,
Иль мать моя его родила чудомъ—
До срока за четырнадцать недѣль.
Вотъ почему—согласно съ завѣщаньемъ—
Я, государь, прошу земель моихъ.

Король Джонъ (*Роберту*).

Твой братъ усыновленъ путемъ законнымъ,
Рожденъ онъ въ бракѣ матерью твоей;
Пусть грѣхъ и былъ—она одна въ отвѣтѣ,
И каждый, кто себѣ беретъ жену,
Обманутъ можетъ быть. Теперь положимъ,
Что братъ мой Ричардъ, по твоимъ словамъ,
Приживши сына съ матерью твоею,
Его задумалъ требовать къ себѣ?
Не могъ ли твой отецъ ему и свѣту
Сказать, что никогда никто не вправѣ
Съ коровою теленка разлучать?
И въ томъ сомнѣнья нѣтъ, и если бъ точно
Тотъ сынъ былъ сыномъ брата моего,
То не было бъ такого притязанья
И съ нимъ отказа. Вотъ мой приговоръ:
Мой братъ родилъ наслѣдника прямого—
И тотъ наслѣдникъ пусть беретъ наслѣдство.

Робертъ.

Ужели же отца безсильна воля,
Чтобъ земли у чужого сына взять?

Филиппъ Незаконнорожденный.

Должно-быть, сэръ, была она безсильна
И въ свѣтъ родить, и обобрать меня.

Королева Элеонора (*Филиппу*).

Скажи, чѣмъ хочешь быть ты: Фальконбриджемъ
И, какъ твой братъ, помѣстьями владѣть,
Иль сыномъ Сердца Львинаго считаться
И, безъ помѣстьевъ, лорда санъ носить?

Филиппъ Незаконнорожденный.

Когда бъ мой братъ владѣлъ моимъ лицомъ,
А я его отцовскою фигурой,
Съ ногами, словно два хлыста—не толще,
Съ руками, будто чучело угря,
И рожей до того худой, что если
Воткнуть ей розанъ за ухо—всѣ скажутъ:
Глядите, вотъ монета въ три полушки,—
То, королева, изъ всего наслѣдства
(Пусть не сойти мнѣ съ мѣста, если лгу)
Я каждый футъ земли сейчасъ отдамъ,
Чтобъ быть опять съ лица самимъ собою
И ни за что сэръ Робертомъ не быть.

Королева Элеонора.

Ты мнѣ по сердцу. Хочешь тяжбу бросить,
Отдать ему помѣстья и идти
За мной—на брань во Францію?

Филиппъ Незаконнорожденный.

Мой братъ,
Бери себѣ всю землю—такъ и быть!
Своимъ лицомъ пятьсотъ ты добылъ фунтовъ,
Хоть за него копѣйки не дадутъ.
До гроба я за вами, королева!

Королева Элеонора.

Ну, къ гробу можешь безъ меня итти.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Я старшему давать дорогу долженъ.

Король Джонъ.

А какъ тебя зовутъ?

Филиппъ Незаконнорожденный.

Филиппъ, мой государь, Филиппъ, сынъ старшій
Достойнаго сэръ Роберта супруги.

Король Джонъ.

Носи жъ отнынѣ прозвище того,
Чей ростъ и станъ и чье лицо ты носишь.
Филиппъ, склони колѣна. Подымись
И встань сэръ Ричардомъ Плантагенетомъ!

ФИЛИППЪ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЙ.

Ну, братъ по матери, давай мнѣ руку!
Мнѣ—честь отца, тебѣ—твои помѣстья!
Благословенъ навѣки будетъ часъ
Отлучки сэра Роберта изъ дому!

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

Плантагенетъ по духу и по рѣчи!
Отецъ твой Ричардъ въ свѣтъ рожденъ былъ мною—
И бабкою ты можешь звать меня.

ФИЛИППЪ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЙ.

Пусть бабку далъ мнѣ случай, а не право,
Хоть то родство и съ лѣвой стороны,
Не все ль равно, въ окно иль просто въ двери,
Въ часъ дня, иль ночью я прошелъ впередъ?
Какъ ни лови—но чтобъ была добыча,
Какъ ни стрѣляй—но цѣли не минуй,
И кто бъ теперь моимъ отцомъ ни звался,
Въ томъ нужды нѣтъ—я взялъ, что мнѣ далось.

КОРОЛЬ ДЖОНЪ.

Ступай же, Фальконбриджъ! Дала судьба
Ему—высокій санъ, тебѣ—помѣстья!
Ну, королева и сэръ Ричардъ, время
Во Францію, во Францію спѣшить.

ФИЛИППЪ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЙ.

Прощай же, братъ! Будь счастливъ! Знать, не даромъ
Путемъ законнымъ ты на свѣтъ рожденъ!
(*Уходятъ всѣ, кромѣ Филиппа Незаконнорожденнаго*).

На футъ одинъ повысился я званьемъ,
Но много миль земли я потерялъ.
За то я вправѣ всякую дѣвчонку
Почтенной лэди сдѣлать. „Добрый день,
Сэръ Ричардъ!"—„А! здорово, мой любезный!"
И Джоржа тутъ Петромъ я назову.
Всѣ выскочки чужихъ именъ не помнятъ;
И новой знати даже непристойно
Припоминать чужія имена.
Вотъ гость пришелъ издалека. Зоветъ
Его мое сіятельство обѣдать.
И, нагрузивъ вельможный мой желудокъ
И зубы чистя, обращу я рѣчь
Къ почтеннѣйшему гостю-чужеземцу:
„Мой добрый сэръ", начну, склонясь на локоть,
„Скажите мнѣ и то... и то..." Затѣмъ
Отвѣтъ почтительный: „Достойный сэръ,
Повелѣвайте мною! Сэръ почтенный,
Я вашъ слуга!"—„О нѣтъ", я перебью:
„Мой добрый сэръ, я самъ къ услугамъ вашимъ!"
И прежде, чѣмъ опомнится мой гость,
Пойду болтать про По и Аппенины,
О Пиренеяхъ и горахъ Альпійскихъ,
Такъ что, едва бесѣду кончимъ мы,
Часъ ужина за нею подоспѣетъ.
Такъ рѣчь ведутъ въ компаніи высокой,
Которая прилична для меня.
Одинъ щенокъ побочный въ наше время
Понять не въ силахъ, что ему должно
Не только что по модѣ наряжаться,
Но модѣ той отъ всей души служить
И изъ души точить тотъ сладкій, сладкій,
Тотъ сладкій ядъ, что ложью мы зовемъ.
Хоть надувать людей мнѣ нѣтъ разсчета,
Но ужъ себя беречь обязанъ я,
А на ступеняхъ моего величья
Безъ лжи не обойдется! Это кто
Несется вскачь? Какая это дама?
Иль мужа нѣтъ у ней, чтобъ затрубилъ
Въ какой-нибудь рожокъ передъ стѣною?

Входятъ ЛЭДИ ФАЛЬКОНБРИДЖЪ *и* ДЖЕМСЪ ГЕРНЕЙ.

ФИЛИППЪ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЙ.

А, это мать моя! Зачѣмъ, милэди,
Такъ спѣшно вы прибыли ко двору?

ЛЭДИ ФАЛЬКОНБРИДЖЪ.

Гдѣ этотъ рабъ, твой братъ? Какъ смѣетъ онъ
Своею тяжбой честь мою позорить?

ФИЛИППЪ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЙ.

Гдѣ братъ мой Робертъ? Гдѣ тотъ великанъ,
Что старымъ сэромъ Робертомъ рожденъ былъ?
За сыномъ сэра Роберта пришли вы?

ЛЭДИ ФАЛЬКОНБРИДЖЪ.

Надъ чѣмъ смѣешься ты, мальчишка дерзкій?
„За сыномъ сэра Роберта! Сэръ Робертъ!
Сынъ сэра Роберта?" А ты не сынъ?

ФИЛИППЪ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЙ.

Джемсъ Герней—выдь отсюда на минуту.

ГЕРНЕЙ.

Иду, Филиппъ.

ФИЛИППЪ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЙ.

Я не Филиппъ теперь,
Есть новости; о нихъ узнаешь скоро.
(*Герней уходитъ*).

Констанція.

О, матери прими ты благодарность.
Прими вдовы привѣтъ—до той поры,
Пока онъ самъ, твоей рукой могучей
Возвышенный, за всю твою любовь
Получитъ силу отплатить достойно.

Эрцгерцогъ австрійскій.

Господь свой миръ даетъ тому, кто мечъ
На брань такую праведную поднялъ.

Король Филиппъ.

За дѣло же, направимъ пушки наши
Въ вершину непокорныхъ этихъ стѣнъ.
Сзывайте же искуснѣйшихъ вождей:
Изыщемъ съ ними средства къ нападенью.
Предъ городомъ мы царскими костьми
Готовы лечь въ потокахъ нашей крови,
Чтобъ юношѣ подъ власть его отдать.

Констанція.

Дождись отвѣта твоему посольству,
Чтобъ кровью не пятнать мечей безъ нужды.
Изъ Англіи, быть можетъ, Шатильонъ
Съ словами мира принесетъ намъ то,
Чего хотимъ войною мы добиться.
Тогда отъ каждой капли крови намъ
Свою поспѣшность проклинать придется.

Входитъ Шатильонъ.

Король Филиппъ.

Какое чудо! Чуть сказала ты—
И Шатильонъ, посолъ нашъ, здѣсь явился.
Ну, говори короче, добрый лордъ,
Что шлетъ король? Отвѣта лишь и ждемъ мы.

Шатильонъ.

Стяни жъ войска, простись съ осадой мелкой
И будь готовъ на новый, тяжкій трудъ.
Разгнѣванный законнымъ притязаньемъ,
Войной идетъ британецъ на тебя.
Съ противнымъ вѣтромъ въ морѣ я боролся—
И онъ успѣлъ, въ одно со мною время,
На берегъ высадить свои полки
И двинуться на этотъ самый городъ
Съ надежной, многочисленною силой.
Съ нимъ королева, мать его, пришла,
Какъ фурія, ко брани подстрекая,
Съ племянницей своей, испанской Бланкой.
Еще при нихъ сынъ Ричарда побочный
И цѣлый сбродъ отчаянныхъ головъ,
Охотниковъ воинственныхъ и пылкихъ,
Съ лицомъ дѣвицъ, но съ бѣшенствомъ драконовъ.
Свои помѣстья продали они
И, взявъ на плечи все свое богатство,
Явились къ намъ за новою добычей.
Такого сбора воиновъ безстрашныхъ,
Что Англія къ намъ бросила теперь,
Приливъ морей еще не выносилъ
На горе и обиды христіанамъ.

(*Слышны вдалекѣ барабаны*).

Чу! рѣчь мою перебиваетъ громъ
Ихъ барабановъ: врагъ ужъ подошелъ.
Готовься къ объясненьямъ или къ бою.

Король Филиппъ.

Какъ быстро совершилось дѣло это!

Эрцгерцогъ австрійскій.

Пусть мы врага не ждали—тѣмъ сильнѣй
Должны мы приготовиться къ отпору;
Распознается доблесть въ трудный часъ;
Пусть врагъ идетъ—и мы готовы къ бою.

Входятъ король Джонъ, Элеонора, Бланка, Филиппъ Незаконнорожденный, Пэмброкъ *и войско.*

Король Джонъ.

Миръ Франціи—когда она сама
Встрѣчаетъ миромъ насъ на земляхъ нашихъ!
А если нѣтъ, пусть миръ взлетитъ на небо—
И мы, орудье божескаго гнѣва,
Французской кровью смоемъ тяжкій грѣхъ
Тѣхъ гордецовъ, что миръ отвергли сами.

Король Филиппъ.

Миръ Англіи, когда ея бойцы
Въ родной свой край уйдутъ отсюда съ миромъ!
Для блага Англіи, любезной намъ,
Мы льемъ свой потъ подъ тяжкою бронею;
Нашъ трудъ—ты самъ бы долженъ предпринять,
Но слишкомъ мало родину ты любишь.
Ты Англіи законнаго монарха
Права попралъ, преемственность нарушилъ,
Безстыдно государство обманулъ
И дѣвственный вѣнецъ его похитилъ.
Взгляни въ лицо Готфридову дитяти:
Въ его челѣ и взглядѣ живъ твой братъ;
Здѣсь въ слабомъ тѣлѣ скрыто все, что было
Въ Готфридовомъ великомъ тѣлѣ, что
Съ годами намъ его сильнѣй напомнитъ.
Тебѣ Готфридъ тотъ старшимъ братомъ былъ—
Вотъ сынъ его. И Англія Готфриду
Принадлежала такъ, какъ этотъ сынъ.
Такъ почему жъ ты королемъ зовешься,

АНЖЕРЪ.
(По старой гравюрѣ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Францiя. Подъ стѣнами Анжера.

Входятъ, съ одной стороны, эрцгерцогъ австрійскій *съ войскомъ; съ другой* — король Филиппъ французскій *съ войскомъ же*, Людовикъ, Констанція, Артуръ *и свита.*

Людовикъ.

Привѣтъ тебѣ, эрцгерцогъ знаменитый,
Передъ стѣной Анжера! Вотъ, Артуръ,
Тотъ мощный герцогъ, кѣмъ былъ доведенъ
До гибели безвременной твой дядя,
Великій Ричардъ, воинъ Палестины,
Боецъ, у льва изъ груди сердце взявшій.
Чтобъ примириться съ Ричарда потомствомъ,
По вашей просьбѣ, герцогъ къ вамъ пришелъ;
Свои знамена за тебя онъ поднялъ
И въ бой спѣшитъ, за похищенье трона,
Съ жестокосердымъ дядею твоимъ,
Злодѣемъ Джономъ, королемъ британскимъ.
Скажи жъ привѣтъ и обними его!

Артуръ *(эрцгерцогу).*

Смерть Ричарда Господь тебѣ прощаетъ
За жизнь, что ты его потомству шлешь,
Прикрывъ его права крыломъ могучимъ.
Рукой безсильной мой привѣтъ я шлю
И сердцемъ, полнымъ чистою любовью:
Привѣтъ тебѣ передъ Анжеромъ, герцогъ!

Людовикъ.

Ребенокъ благородный, кто же здѣсь
Не жаждетъ за права твои вступиться?

Эрцгерцогъ австрійскій *(цѣлуя Артура).*

Тебѣ на щеки жаркій поцѣлуй
Кладу я, какъ печать любви и клятвы—
Въ томъ клятвы, что домой я не вернусь,
Пока Анжеръ съ твоими областями
Во Франціи и берегъ бѣлый тотъ,
Что отбиваетъ грозною пятой
Шумящіе приливы океана,
Храня народъ свой отъ дружинъ чужихъ,
Передъ тобой не склонятся; покуда—
Та Англія, что стѣнами валовъ
И вѣчною оградой океана
Отъ замысловъ войны ограждена,
Покуда Запада послѣдній уголъ
Тебѣ не дастъ привѣта, какъ царю,—
До той поры, мой юноша, я стану
Вести войну, безъ мысли о возвратѣ.

Когда нибудь расправится чертовски.
Ты заяцъ тотъ, что въ храбрости своей
Убитыхъ львовъ привыкъ щипать за гриву.
Еще къ твоей я кожѣ подберусь—
Ты это знай: свое сдержу я слово.

БЛАНКА.

Не даромъ онъ прикрылся кожей львиной,
Ему не въ диво кожу съ льва снимать.

ФИЛИППЪ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЙ.

И кожа та сидитъ на немъ такъ славно,
Какъ башмаки Алкида на ослѣ;
Но я сниму тотъ грузъ съ спины ослиной,
Чтобъ плечи не разсыпались подъ нимъ.

ЭРЦГЕРЦОГЪ АВСТРІЙСКІЙ.

Какой оселъ намъ уши оглушаетъ
Потоками безпутной болтовни?
Король Филиппъ, рѣшайте, что намъ дѣлать.

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Вы, женщины и болтуны, молчите!
Король британскій, вотъ условья наши:
Во имя правъ Артура, отъ тебя
Я требую Ирландіи, Турени,
Анжу и Менъ, и Англіи. Согласенъ
Ты ихъ отдать и миръ принять отъ насъ?

КОРОЛЬ ДЖОНЪ.

Скорѣй отдамъ я жизнь—вотъ вамъ мой вызовъ.
Артуръ Бретонскій, примирись со мной—
И я вручу тебѣ, съ любовью нѣжной,
Чего не взять отъ насъ французамъ-трусамъ.
Ребенокъ, уступи.

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

Твоя я бабка:
Дитя—иди ко мнѣ.

КОНСТАНЦІЯ.

Иди, дитя,
Иди, отдай ей царство. Бабка дастъ
Тебѣ за то и пряниковъ, и ягодъ:
Вѣдь, бабка такъ добра!

АРТУРЪ.

Мать, не кричи!
Я умереть желалъ бы, въ землю лечь:
Не стою ссоръ я и смятеній этихъ.

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

За мать стыдится онъ и плачетъ, бѣдный!

КОНСТАНЦІЯ.

Стыдится или нѣтъ—но ты стыдись!
Не матери, а бабки преступленья
Изъ глазъ его тѣ перлы извлекли;
И дань изъ бѣдныхъ глазъ Господь возьметъ,
И небеса за жемчугъ тотъ прозрачный
Отплатятъ вамъ и защитятъ его.

КОРОЛЕВА ЭЛЕОНОРА.

Клевещешь ты на землю и на небо!

КОНСТАНЦІЯ.

И небеса, и землю ты срамишь!
Не клевещу я. Ты съ семьей своею
Похитила у бѣднаго младенца
Права, помѣстья, королевскій санъ.
Онъ въ свѣтъ рожденъ твоимъ же старшимъ сыномъ;
Въ тебѣ одной нашелъ несчастье онъ;
Черезъ тебя ребенокъ мой страдаетъ,
И на него обрушился законъ,
Карающій въ позднѣйшемъ поколѣньи
Плоды утробы пагубной твоей.

КОРОЛЬ ДЖОНЪ.

Молчи, безумная!

КОНСТАНЦІЯ.

Одно скажу я:
Не только онъ грѣхомъ ея несчастенъ,
Но попустилъ Господь и ей самой
Терзать младенца. И ея неправда,
И цѣлый рядъ ея поступковъ гнусныхъ
Караются въ ребенкѣ этомъ бѣдномъ.
Пусть упадетъ проклятье на нее!

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Довольно жъ. Обуздай себя на время:
Передъ такимъ собраньемъ неприлично
Озлобленныя рѣчи повторять.
Трубить скорѣй и вызвать трубнымъ звукомъ
Анжерскихъ гражданъ на стѣну! Пускай
Они дадутъ намъ отзывъ—за Артура
Или за Джона городъ ихъ стоитъ.

Трубятъ въ трубы. ГРАЖДАНЕ *выходятъ на стѣну.*

1-Й ГРАЖДАНИНЪ.

Кто насъ зоветъ на стѣну городскую?

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Король французскій для британскихъ дѣлъ.

КОРОЛЬ ДЖОНЪ.

Король британскій, чтобы объявить
Своимъ любезнымъ подданнымъ Анжера...

КОРОЛЬ ФИЛИППЪ.

Анжерскихъ гражданъ, подданныхъ Артура,
Труба зоветъ на ласковую рѣчь.

Король Джонъ.

Рѣчь обо мнѣ—и говорю я первый.
Развилися французскія знамена
Передъ стѣною вашей городской.
На гибель вамъ пришли знамена эти,
И жерла пушекъ, яростію полныхъ,
Готовы плюнуть бѣшенымъ дождемъ
Изъ чугуна на укрѣпленья ваши.
Къ осадѣ безпощадной и кровавой
Уже готовъ безжалостный французъ.
Онъ дерзко сталъ предъ вашими вратами,
И только нашъ приходъ ему мѣшаетъ
Разбить пальбой изъ пушекъ стѣну ту,
Что поясомъ вашъ обнимаетъ городъ,
Повырвать съ ихъ постели известковой
Тѣ камни, что въ стѣнѣ спокойно спятъ,
И по развалинамъ открыть дорогу
Толпѣ кровавой въ мирный городъ вашъ.
Но я пришелъ, законный вашъ король:
Я ускорилъ походъ мой многотрудный,
Я поспѣшилъ загородить къ вамъ путь
И городъ вашъ укрыть отъ ранъ кровавыхъ,
Я къ вамъ пришелъ—и оробѣлъ французъ:
Онъ захотѣлъ вести переговоры.
И вотъ теперь къ вамъ не огонь онъ шлетъ,
Не ядрами вашъ городъ въ дрожь кидаетъ,
А тихими словами мѣтитъ въ васъ,
И дымомъ онъ туманитъ вашъ разсудокъ.
Достойно жъ встрѣтьте, граждане, ту рѣчь
И намъ, монарху, ворота откройте.
Вашъ государь, взволнованный въ душѣ,
Усталый отъ поспѣшнаго похода,
Средь вашихъ стѣнъ желаетъ отдохнуть.

Король Филиппъ.

Вотъ рѣчь моя; за ней—мы ждемъ отвѣта.
Смотрите, здѣсь, направо отъ меня,
Близъ той руки, что, по велѣнью неба,
Въ защиту права мною поднята,
Стоитъ Плантагенетъ, державный отрокъ.
Его отецъ вотъ этому пришельцу
Былъ старшій братъ, и, стало-быть, тотъ отрокъ
Король ему—монархъ его владѣній.
Въ защиту правъ, растоптанныхъ безчестно,
Съ дружиною луга мы топчемъ ваши;
Мы къ вамъ пришли не съ лютой непріязнью,—
Насъ долгъ привелъ, долгъ ревности святой,
Въ защиту угнетенному младенцу.
Итакъ, спѣшите жъ долгъ исполнить вашъ:
Признать монархомъ принца молодого
И въ подданствѣ склониться передъ нимъ.
Тогда оружье наше будетъ страшно
По виду лишь, какъ скованный медвѣдь;
Изъ нашихъ пушекъ громъ безвредный грянетъ
По облакамъ, въ небесной высотѣ,
А мы уйдемъ съ благословеньемъ вашимъ,
Безъ боя и рубцовъ на нашихъ шлемахъ,
Не иззубривъ мечей въ кровавой сѣчѣ,
Не оросивши кровью вашихъ стѣнъ—
Уйдемъ домой, оставя съ миромъ васъ
И вашихъ женъ, и ребятишекъ вашихъ.
Но если вы отвѣтите отказомъ
На рѣчь мою, то отъ громовъ войны
Васъ не укроетъ толща старыхъ стѣнъ,
Хотя бъ за ихъ оградою суровой
Вы помѣстили всѣ полки британцевъ.
Рѣшайтесь же. Признайте нашу власть
Во имя правъ, предъявленныхъ предъ вами,
Иль къ нападенью подадимъ мы знакъ—
И двинемся на васъ путемъ кровавымъ.

БЛАНКА КАСТИЛЬСКАЯ.

(*По современнымъ изображеніямъ*).

1-й гражданинъ.

Отвѣтъ нашъ въ двухъ словахъ: король британскій
И городу, и всѣмъ намъ государь.

Король Джонъ.

Признайте же меня своимъ монархомъ—
И ворота откройте предо мной.

1-й гражданинъ.

Мы предъ тѣмъ лишь склонимся, кто здѣсь
Докажетъ намъ, что онъ король британскій.
До той поры—въ ворота нѣтъ пути!

Король Джонъ.

Когда корона Англіи не въ силахъ
Вамъ доказать, что я вашъ государь,
То тридцать тысячъ я привелъ съ собою
Британскихъ душъ свидѣтелями.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Также
Дѣтей побочныхъ и другихъ.

Король Джонъ.

И каждый
Изъ нихъ то право жизнью подтвердитъ.

Король Филиппъ.

Я столько жъ, какъ и онъ, честныхъ по роду
Привелъ бойцовъ.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Дѣтей побочныхъ также.

Король Филиппъ.

Чтобъ замысламъ его противостать.

1-й гражданинъ.

Рѣшайте жъ—кто изъ васъ король законный;
До той поры мы васъ не признаемъ.

Король Джонъ.

Такъ пусть же Богъ проститъ грѣхи тѣхъ душъ,
Что устремятся къ вѣчному жилищу
До ночи—раньше чѣмъ падетъ роса—
Въ кровавомъ спорѣ за законность нашу!

Король Филиппъ.

Аминь, аминь! Садитесь на коней!
Къ оружью, рыцари!

Филиппъ Незаконнорожденный.

Святой Георгій,
Дракона одолѣвшій—и съ тѣхъ поръ
Гарцующій передъ дверьми трактировъ—
Учи насъ биться!
(*Эрцгерцогу*). Если бъ я теперь
Въ твоей берлогѣ былъ съ твоею львицей,
Я бъ насадилъ надъ этой львиной гривой
Бычачью голову—и былъ бы ты
Большимъ тогда уродомъ.

Эрцгерцогъ австрійскій.

Тсс! Молчи!

Филиппъ Незаконнорожденный.

О, трепещите: то рыканье льва.

Король Джонъ.

Туда, въ долину! Тамъ свои дружины
Построимъ мы—и къ бою поведемъ!

Филиппъ Незаконнорожденный.

Скорѣй! Займемте лучшую часть поля.

Король Филиппъ (*Людовику*).

Идемъ! Иди—и на другомъ холмѣ
Разставь войска. Господь и право наше!
(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Тамъ же.

Тревога. Сраженіе. Отступленіе войскъ. Французскій герольдъ *съ трубачами подходитъ къ городскимъ воротамъ.*

Французскій герольдъ.

Ворота настежь, граждане Анжера!
Артуръ идетъ, бретонскій юный герцогъ,
Тотъ, за кого сегодня нашъ король
Повергнулъ въ слезы матерей британскихъ,
Чьи сыновья лежатъ въ кровавомъ прахѣ;
Тотъ, за кого у многихъ женъ мужья
Теперь сырую землю обнимаютъ.
Съ потерей легкой на знамена къ намъ,
Играя, опустилася побѣда—
И гордо развились знамена тѣ.
Они идутъ къ вамъ, и король вашъ съ ними,
Артуръ бретонскій, Англіи король!

Входитъ англійскій герольдъ *съ трубачами.*

Англійскій герольдъ.

Въ колокола звоните и ликуйте,
Анжерцы! Джонъ британскій, вашъ король,
Идетъ сюда, враговъ своихъ сломивши
Въ сегодняшней и злой, и жаркой битвѣ!
Французской кровью, словно позолотой,
Покрыты латы воиновъ его,
Какъ серебро блиставшія недавно;
Удары копій вражескихъ не сбили
И перышка съ британскаго шелома;
Знамена наши цѣлы въ тѣхъ рукахъ,
Что передъ боемъ здѣсь развили грозно,
И, какъ толпа охотниковъ веселыхъ,
Идутъ британцы, руки омочивъ
Въ крови враговъ, погибшихъ въ сѣчѣ лютой.
Ворота настежь! побѣдили мы!

1-й гражданинъ.

Герольды, мы глядѣли съ нашихъ башенъ
На ходъ сраженья и конецъ его:
Мы знаемъ то, что лучшій глазъ не въ силахъ
За кѣмъ-нибудь примѣтить перевѣса,

Что кровь за кровь пошла, за силу сила,
Удары за удары, гнетъ за гнетъ.
Для насъ равны права и сила ваша.
Побѣда намъ нужна: при равновѣсьи
Къ намъ нѣтъ дороги—не для васъ нашъ городъ.

Входятъ, съ одной стороны, король Джонъ *съ войскомъ,* Элеонора, Бланка *и* Филиппъ Незаконнорожденный; *съ другой*—король Филиппъ, Людовикъ, эрцгерцогъ австрійскій *и ихъ войско.*

Король Джонъ.

Еще ль у васъ довольно лишней крови?
Скажи, французъ, еще ли наше право
Стремительнымъ потокомъ течь должно?
Смотри, чтобъ тотъ потокъ, на зло преградамъ,
Изъ береговъ не выступилъ затѣмъ,
Чтобъ затопить собой твои владѣнья!
Опомнись, дай серебряной той влагѣ
Къ пучинѣ океана мирно плыть.

Король Филиппъ.

Британецъ, иль въ горячей сѣчѣ нашей
Ты меньше пролилъ крови, чѣмъ французъ?
Нѣтъ, больше насъ тобой пролито крови.
Клянусь моей державною рукой,
Что правитъ всей окрестною землею,
Оружія, поднятаго за правду
Противъ тебя, на землю не слагать
До той поры, пока ты не смиришься,
Или пока мы сами не падемъ,
Украсивъ счетъ погибшимъ въ этой брани
Великимъ, царскимъ именемъ своимъ.

Филиппъ Незаконнорожденный.

О, къ облакамъ царей восходитъ слава,
Когда вскипаетъ царственная кровь!
И смерть сама, булатными мечами
Свои клыки и когти замѣнивъ,
Летитъ на шумъ угрозы королевской
На грудѣ труповъ пиршество держать!
Что жъ, короли, въ молчаньи вы стоите?!
Назадъ на поле, смоченное кровью!
Властители, пылающіе гнѣвомъ,
Спѣшите въ бой: вы силами равны!
Одинъ падетъ—и будетъ миръ другому;
До той поры—удары, смерть и кровь!

Король Джонъ.

Вы за кого, анжерцы?—отвѣчайте!

Король Филиппъ.

Анжерцы, кто законный вашъ король?

1-й гражданинъ.

Тотъ, кто законный государь британскій.

Король Филиппъ.

Въ лицѣ моемъ предъ вами тотъ монархъ.

Король Джонъ.

Я вашъ король, я представитель власти,
Во мнѣ самомъ и титулъ, и права
На васъ, на городъ вашъ и земли ваши.

1-й гражданинъ.

Другая власть, сильнѣйшая, чѣмъ мы,
Опровергаетъ эти увѣренья.
Пока сомнѣнье длится, вмѣстѣ съ нимъ
Мы заперты за крѣпкими стѣнами,
Намъ царь- сомнѣнье, и его права
Падутъ лишь предъ монархомъ несомнѣннымъ.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Клянусь я небомъ, подлые анжерцы
Лишь тѣшатся надъ вами, короли!
Имъ весело, какъ на скамьяхъ театра,
Торчать безъ страха на стѣнахъ своихъ
И, ротъ разинувъ, издали глядѣть
На весь вашъ споръ и тяжкія сраженья.
Въ присутствіи монарховъ я рѣшаюсь
Дать мой совѣтъ: какъ тѣ бунтовщики,
Что въ Іерусалимѣ примирились,
На время сблизьтесь и идите вмѣстѣ
На городъ ихъ войною безпощадной.
Пусть съ двухъ сторонъ, съ востока и заката,
Французъ съ британцемъ ставитъ пушекъ рядъ,
Зарядитъ ихъ до жерлъ и бьетъ по стѣнамъ,
Пока подъ тяжкимъ громомъ пушекъ тѣхъ
Не распадутся каменныя ребра
Ихъ крѣпости, презрительно кичливой.
Стрѣляйте безъ пощады: пусть мерзавцы
Останутся предъ вами безъ защиты.
Тогда сведите вновь свои полки,
Знамена ваши вновь разъедините
И вновь въ бою кровавомъ, грудь на грудь,
Пускай судьба рѣшаетъ между вами,
Кому ея любимцемъ быть—кому
Она отдастъ всю славу дня того
И съ поцѣлуемъ подаритъ побѣду.
По нраву ль вамъ, могучіе монархи,
Пришелся мой отчаянный совѣтъ?

Король Джонъ.

Небеснымъ сводомъ, что виситъ надъ нами,
Клянусь я—тотъ совѣтъ мнѣ по душѣ!
Что скажешь ты, король? Сойтись ли намъ
И, разметавъ Анжеръ, въ сраженьи новомъ
Рѣшить—кто будетъ королемъ его?

Филиппъ Незаконнорожденный
(французскому королю).

Когда въ тебѣ есть царственная гордость
И ты сердитъ на мерзкій городъ этотъ,
То вмѣстѣ съ нами пушки ты поставь
Противъ его упорныхъ укрѣпленій;
Размечемъ въ прахъ тѣ стѣны — и тогда
Другъ другу вызовъ кинете вы снова,
И вновь въ бою сойдемся мы толпой,
И на небо иль въ адъ пойдемъ мы разомъ!

Король Филиппъ.

Пусть будетъ такъ! Гдѣ ты начнешь огонь?

Король Джонъ.

Съ востока я пальбу открыть намѣренъ
По городу.

Эрцгерцогъ австрійскій.

На сѣверѣ я стану.

Король Филиппъ.

Я съ юга громъ пошлю — и, вмѣстѣ съ нимъ,
Дождемъ на городъ наши ядра хлынутъ.

Филиппъ Незаконнорожденный
(въ сторону).

Отлично разочли французъ съ австрійцемъ!
На югъ и сѣверъ! Бейте другъ по другу!
Я подстрекну васъ. Всѣ впередъ, впередъ!

1-й гражданинъ.

Великіе монархи—погодите,
Не откажите выслушать меня:
Я укажу путь къ миру и союзу,
Я научу васъ городъ взять безъ боя
И, можетъ быть, спасу отъ смерти лютой
Бойцовъ, что ужъ на жертву обреклись.
Остановите гнѣвъ вашъ, государи,
И выслушайте рѣчь мою.

Король Джонъ.

Охотно
Готовы слушать мы. Что скажешь намъ?

1-й гражданинъ.

При васъ дитя Испаніи—та Бланка,
Что королю британскому родня.
По возрасту прекрасная дѣвица
Къ Людовику дофину такъ близка.
Коль красота нужна для жаркой страсти,
Кто въ красотѣ сравнится съ лэди Бланкой?
Коль непорочность для любви нужна,
Кто въ чистотѣ поспоритъ съ лэди Бланкой?
Когда любовь горда и ищетъ сана,
Чья кровь священнѣй лэди Бланки?
Такъ, какъ она, душой, красой и саномъ—
Всѣхъ въ свѣтѣ выше молодой дофинъ;
И для того, чтобъ совершеннымъ быть,
Ему нужна она, какъ ей онъ нуженъ
Для полнаго на свѣтѣ совершенства.
Его судьба осыпала дарами,
И въ ней найдетъ онъ дополненье къ нимъ.
Она полна всѣхъ прелестей и въ мужѣ
Найдетъ вѣнецъ достоинствамъ своимъ.
Когда такихъ сребристыхъ два потока
Сольются вмѣстѣ—счастье берегамъ,
Среди которыхъ потекутъ ихъ воды!
Въ васъ, короли, мы видимъ берега
Для тѣхъ двухъ рѣкъ, когда онѣ сольются,
Когда на бракъ ихъ сблизитъ мудрость ваша.
Свершите жъ тотъ союзъ—и безъ войны
Быстрѣй, чѣмъ отъ ударовъ гнѣвныхъ пушекъ,
Мы распахнемъ ворота передъ вами.
Безъ этого—мы глухи къ увѣщаньямъ,
Какъ глухо море въ часъ ужасной бури.
Львы болѣе довѣрчивы, чѣмъ мы,
И скалы прежде насъ смягчиться могутъ.
Рѣшенье наше смерти непреклоннѣй—
И города мы не сдадимъ.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Бездѣльникъ,
Чего ты намъ про смерть не наболталъ!
Ты заплевалъ словами насъ, разиня!
Про смерть, про скалы и про волны моря,
И про ревущихъ львовъ ты рѣчи велъ,
Какъ дѣвочка толкуетъ про собачку!
Отъ пушкаря родился вѣрно онъ,
Что такъ твердитъ про пушки, дымъ и ядра;
Какъ палкой, всѣхъ колотитъ языкомъ
И съ каждымъ словомъ заѣзжаетъ въ ухо,
Какъ будто-бы французскимъ кулакомъ!
Съ тѣхъ поръ, какъ тятей сталъ я звать отца,
Я болтовни такой клянусь не слышалъ!

Королева Элеонора *(королю Джону).*

Сынъ, согласись на предложенье гражданъ,
Согласье дай на бракъ и вмѣстѣ съ нимъ
Племянницѣ хорошія помѣстья.
Союзомъ тѣмъ прочнѣе ты скрѣпишь
Свои права на шаткую корону,
И мальчикъ, такъ теперь для насъ опасный,
Не вызрѣетъ подъ солнцемъ въ сильный плодъ.
Въ глазахъ французовъ радость вижу я;
Вотъ шепчутся они... Склони же ихъ,
Пока ихъ души къ выгодѣ наклонны,
Пока не охладилось, не замерзло
Ихъ рвенье, что подъ пламеннымъ дыханьемъ
Мольбы и состраданья разгорѣлось.

1-й гражданинъ.

Что жъ оба государя скажутъ намъ
Въ отвѣтъ на нашу дружескую рѣчь?

Король Филиппъ.

Пусть англичанинъ прежде говоритъ:
Онъ говорилъ здѣсь первымъ.
(*Королю Джону*). Что ты скажешь?

Король Джонъ.

Когда дофинъ твой царственный способенъ
Прочесть „люблю" по этой книгѣ милой—
(*показывая на Бланку*)
Я какъ царицу надѣлю ее.
Анжу, Туренъ и Менъ, и Пуатье,
И земли всѣ отсюда и до моря,
Признавшія и санъ нашъ, и права
(Лишь исключивъ одинъ Анжеръ изъ нихъ),
Собой ей ложе брачное украсятъ,
Какъ золотомъ, и будетъ съ той поры
Она равна по власти и богатству
Принцессамъ всѣмъ, какъ имъ была равна
Красою, кровью, воспитаньемъ царскимъ.

Король Филиппъ (*дофину*).

Что скажешь, сынъ? Взгляни въ лицо дѣвицѣ.

Людовикъ.

Гляжу, мой государь, и вижу я
Въ ея глазахъ неслыханное чудо:
Въ нихъ самъ я отразился, будто тѣнь,
И эта тѣнь блестящимъ солнцемъ стала,
А сынъ вашъ тѣнью солнца этихъ глазъ.
Клянусь, любить себя я былъ не въ силахъ
До той поры, пока не увидалъ
Свой образъ въ этомъ взглядѣ глазъ прелестныхъ!
(*Шепчется съ Бланкой*).

Филиппъ Незаконнорожденный (*въ сторону*).

Какимъ же образомъ дрянной твой образъ
Въ ея глаза попалъ, какъ бы въ тюрьму?
Должно-быть, ты измѣнникъ по природѣ,
Когда въ любви темницу видишь ты.

Бланка (*дофину*).

Я съ волей дяди спорить не умѣю:
Когдѣ тебѣ любовь онъ далъ свою—
Не трудно мнѣ сказать свое согласье
На то, что по-сердцу ему пришлось,
И даже, чтобъ сказать еще точнѣе,
То полюбить, что нравится ему.
Тебѣ, милордъ, я здѣсь не стану льстить:
Я не скажу, что весь любви ты стоишь;
Но я въ тебѣ не вижу ничего—
Хотя бъ смотрѣла строгими глазами—
Что бъ стоило вражды и отвращенья.

Король Джонъ.

Что молодежь толкуетъ? Что намъ скажетъ
Племянница?

Бланка.

Что честь ея велитъ
Повиноваться вашей мудрой волѣ.

Король Джонъ.

Ты можешь ли любить ее, дофинъ?

Людовикъ.

Спроси, могу ль я не любить ее!
Я искренно ей преданъ всей душою.

Король Джонъ.

Бери жъ ее и пять провинцій съ нею—
Волькессенъ, Менъ, Анжу и Пуатье,
Турень и съ нею тридцать тысячъ марокъ
Британскою монетою. Когда,
Филиппъ французскій, ты доволенъ этимъ,
То руки ихъ соедини.

Король Филиппъ.

Я радъ!
Ну, сынъ и дочь, соедините руки.

Эрцгерцогъ австрійскій.

И губы тоже. Помню, какъ и я
При обрученьи тоже цѣловался.

Король Филиппъ (*анжерцамъ*).

Ну, граждане, скорѣй открыть ворота!
Мы черезъ васъ друзьями къ вамъ придемъ,
И тотчасъ же обрядъ свершимъ мы брачный
Въ капеллѣ у святой Маріи. Гдѣ же
Констанція? Я знаю, что она
Ушла отъ насъ: присутствіе ея
Могло бы помѣшать тому союзу.
Кто знаетъ—гдѣ она и сынъ ея?

Людовикъ.

Она въ палаткѣ вашей, государь,
Въ тоскѣ и гнѣвѣ.

Король Филиппъ.

И, клянуся небомъ,
Союзъ нашъ скорби той не облегчитъ!
Британскій братъ нашъ, чтобы намъ придумать
Для той вдовы? Вѣдь, за ея права
Я шелъ на бой, и—видитъ Богъ—изъ выгодъ
Своихъ я отступился отъ нея!

Король Джонъ.

Мы все поправимъ: юному Артуру
Мы герцогство Бретонское дадимъ,
И графство Ричмондъ, и Анжеръ богатый
Къ нему прибавимъ. Пусть идетъ гонецъ
И пригласитъ Констанцію скорѣе
Присутствовать при бракѣ. Не надѣюсь
Ея желаній всю исполнить мѣру,

Но хоть отчасти наградимъ ее
И отъ ея упрековъ оградимся.
Что жъ медлимъ мы? Скорѣй, безъ дальнихъ сборовъ
На торжество нежданное пойдемъ.

(*Всѣ уходятъ, кромѣ Филиппа Незаконнорожденнаго. Граждане сходятъ со стѣны*).

Филиппъ Незаконнорожденный.

Безумный свѣтъ! безумцы короли!
Безумное сближенье! Джонъ британскій,
Чтобъ всѣ права Артура отобрать,
Охотно отдалъ часть своихъ владѣній,
А тотъ французъ, что слылъ бойцомъ Господнимъ,
Что латы вздѣлъ и войско вывелъ въ бой
За правду, честь и собственную совѣсть,
Развѣсивъ уши, дьяволу поддался,
Который искушаетъ насъ на грѣхъ,
Сбиваетъ насъ всегда съ пути прямого,
Велитъ обѣты наши нарушать
И грабить души нищихъ, королей,
И юношей, и стариковъ, и бѣдныхъ
Дѣвицъ, которымъ нечего терять,
За исключеньемъ имени дѣвицы.
Красивъ съ лица тотъ дьяволъ: въ мірѣ онъ
И властвуетъ, и выгодой зовется.
Нашъ шаръ земной не худо сотворенъ:
По ровному онъ полю ровно ходитъ,
Пока поганой выгоды рука,
Направленная бѣсомъ ухищреннымъ,
И вкривь, и вкось пойдетъ его кидать,
По прихоти прыжки тѣ направляя.
И этотъ бѣсъ двуличный, сводникъ этотъ
Измѣнчивою выгодой блеснулъ
Въ глаза французу вѣтреному прямо,
Отвелъ его отъ помысловъ честныхъ
И ходъ войны рѣшительной и правой
Презрѣннымъ, низкимъ миромъ замѣнилъ.
А самъ я почему браню его?
Не потому ль, что выгодой покуда
Я ласково къ соблазну не направленъ?
И я—когда червонцевъ мнѣ предложатъ—
Сожмуль ладонь, чтобъ денегъ тѣхъ не брать?
Но ихъ мнѣ не даютъ, и я покуда,
Какъ нищій, все ворчу на богачей
И все твержу: „богатство тяжкій грѣхъ“,
До той поры, пока, разбогатѣвши,
Я нищеты считать грѣхомъ не стану.
Когда цари для выгодъ клятвы рушатъ,
Мнѣ счастье—Богъ, и я ему молюсь!

(*Уходитъ*).

ЛЮДОВИКЪ, ДОФИНЪ ФРАНЦІИ.

(По его печати).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА 1.

Тамъ же. Палатка французскаго короля.

Входятъ Констанція, Артуръ *и* Салисбюри.

Констанція.

Бракъ торжествуютъ! Миръ хранить клянутся!
Кровь лживая слилася съ лживой кровью!
Друзьями стали! Бланки мужъ—Людовикъ,
И Бланка эти области возьметъ!
Не можетъ быть. Ты не разслышалъ вѣрно,
Ты мнѣ не то сказалъ. Прошу тебя—
Всѣ эти вѣсти передай мнѣ снова.
Все это невозможно! Хоть клянись,
Но я тебѣ не ввѣрюсь. Человѣкъ ты,
А часто рѣчь людская—звукъ пустой.
Повѣрь мнѣ, я словамъ твоимъ не вѣрю·
Король не даромъ клятвы мнѣ давалъ.
За мой испугъ тебя накажутъ строго:
Больна я—и податлива на страхъ,
Угнетена я—и полна я страха,
Вдова я— и подвержена я страху,
Какъ женщина—доступна страху я.
Хоть скажешь ты, что пошутилъ со мной,
Души моей волненье не уймется,
И я весь день дрожать не перестану.
Зачѣмъ ты такъ качаешь головой?
Зачѣмъ глядишь на сына такъ тоскливо?
Зачѣмъ ты руку положилъ на грудь?
Зачѣмъ слеза изъ глазъ твоихъ течетъ,
Изъ береговъ пролившейся, рѣкою?
Иль эти знаки грусти—подтвержденье
Твоимъ словамъ? Что жъ ты не говоришь?
Не повторяй мнѣ повѣсти твоей,
Но лишь скажи, что повѣсть та правдива.

Салисбюри.

Правдива такъ, какъ лживы люди тѣ,
Изъ-за которыхъ ты должна мнѣ вѣрить.

Констанція.

О, чѣмъ учить меня, какъ вѣрить горю,
Устрой, чтобъ смерть мнѣ дало горе то!
Пусть жизнь и вѣра въ сердцѣ у меня
Сшибутся, какъ два бѣшеныхъ бойца,
Что падаютъ и жизнь кончаютъ вмѣстѣ.
Людовикъ въ бракъ вступаетъ съ лэди Бланкой!
Дитя мое, чтожъ станется съ тобою?
Французъ британцу руку подаетъ,
Миръ заключенъ: что ждетъ меня на свѣтѣ?

(*Салисбюри*).

Прочь, негодяй! твой видъ противенъ мнѣ!
Чрезъ вѣсть твою ты сталъ уродомъ мерзкимъ!

Салисбюри.

Я виноватъ ли, добрая принцесса,
Что передалъ извѣстіе о злѣ,
Другими, но не мною совершенномъ?

Констанція.

Въ себѣ самомъ такъ гнусно это зло,
Что вѣстники его и злы, и гнусны.

Артуръ.

Мать милая, прошу тебя—утѣшься.

Констанція.

Когда бы ты, что слово утѣшенья
Несешь ко мнѣ, былъ гадокъ и свирѣпъ,
Постыденъ для утробы материнской,
Уродливыми пятнами покрытъ,
Горбатъ и хромъ, и глупъ, и безобразенъ,
Наростами и ранами испятнанъ,
На оскорбленье чувству и глазамъ,—
Тогда бъ въ душѣ утѣшиться могла я
И быть спокойной: я бы не могла
Тебя любить, и самъ бы ты не стоилъ
Высокой крови и вѣнца царей.
Но ты прекрасенъ, мой ребенокъ милый!
Ты обреченъ судьбою и природой
Со дня рожденья на великій санъ;
Тебѣ дала природа красоту,
Которая и съ лиліей поспоритъ
И съ розой, распустившейся едва.
За то судьба измѣнчива къ тебѣ—
Безпутная, она тебѣ лгала:
Пошла на дѣло срама съ дядей Джономъ,
Француза подкупила—и французъ
Во прахѣ топчетъ право королей
И сводникомъ въ ихъ дѣлѣ срама служитъ.
Да, сводникомъ французскій сталъ король
Судьбѣ распутной и злодѣю Джону.

(*Салисбюри*).

Признайся самъ, не лжецъ ли твой французъ?
Облей его ругательствомъ, какъ ядомъ,
Иль прочь уйди—оставь меня одну
Съ тѣмъ горемъ тяжкимъ, что одна должна я
Принять на душу.

Салисбюри.

Не посмѣю я
Безъ васъ, принцесса, къ королю вернуться.

Констанція.

Посмѣешь и пойдешь. Я не пойду!
Я скорбь свою быть гордой научу!
Тоска горда—и, кто скорбитъ, тотъ стоекъ.
Ко мнѣ теперь пусть идутъ короли
Склоняться предъ величьемъ тяжкой скорби!
Такъ велика та скорбь, что для нея
Одна земля служить подпорой можетъ:
Я на землѣ громадной, какъ на тронѣ,
Теперь сижу со скорбію моей.
Скажи царямъ, чтобъ шли къ нему съ поклономъ!

(*Падаетъ на землю*).

Входятъ король Джонъ, король Филиппъ, Людовикъ, Бланка, Элеонора, Филиппъ Незаконннорожденный, эрцгерцогъ австрійскій *и свита.*

Король Филиппъ.

Дочь милая, права ты. Этотъ день
Для Франціи самóй счастливый праздникъ.
Его хваля, и солнца свѣтлый ликъ
На небѣ медлитъ, какъ алхимикъ новый,
Покрыть пытаясь золотомъ блестящимъ
Земли безплодной темную поверхность.
Пусть этотъ день, въ порядкѣ годовомъ,
Встрѣчаемъ мы всегда, какъ свѣтлый праздникъ.

Констанція (*вставая*).

Нѣтъ, не какъ праздникъ, а какъ день бѣды!
Чѣмъ свѣтелъ этотъ день? что сдѣлалъ онъ,
Чтобъ вписывать его въ мѣсяцесловъ
На ликованье буквой золотою?
Нѣтъ, лучше вырвать день тотъ изъ недѣли—
День ложныхъ клятвъ, стыда и угнетенья!
Но ежели останется тотъ день,
Пусть женщины беременныя молятъ,

КОНСТАНЦІЯ, АРТУРЪ и САЛИСБЮРИ.

Констанція. О, чѣмъ учить меня, какъ вѣрить горю,
Устрой, чтобъ смерть мнѣ дало горе то!

Рисунокъ извѣстнаго англійскаго художника Ф. Дикси (F. Dicksee, род. 1853).

Чтобъ въ этотъ день рождать имъ не пришлось
На горе и крушенье ихъ надеждамъ!
Пускай морякъ страшится въ этотъ день
И гибели, и бури; пусть никто
Условій въ этотъ день не заключаетъ;
Пусть гибнетъ все, что въ день тотъ начато,
И вѣра обращается сама
Въ обманъ постыдный!

Король Филиппъ.

Небомъ я клянуся,
Констанція, не вижу я причины,
За что тебѣ день этотъ проклинать!
Иль не тебѣ я царственное слово
Отдалъ въ залогъ?

Констанція.

Ты обманулъ меня:
Твое поддѣльно царственное слово,
И пробы твой не выдержалъ залогъ!
Клятвопреступникъ, ты обѣтъ нарушилъ,
Ты поднялъ мечъ на недруговъ моихъ
И тѣмъ мечомъ враговъ моихъ усилилъ.
Охолодѣли въ вяломъ, пестромъ мирѣ
И грозный ликъ твой, и призывъ войны—
И вы сошлися намъ на угнетенье.
Услышь мольбу вдовы, Отецъ небесный!
О, разрази обмащиковъ-царей!
Будь мужемъ мнѣ! пошли, чтобъ этотъ день
Не кончился спокойно, чтобы къ ночи
Въ оружіи явилась бы вражда
Средь королей, свои поправшихъ клятвы!
Господь, услышь, услышь меня!

Эрцгерцогъ австрійскій.

Принцесса,
Довольно, успокойся.

Констанція.

Не покоя—
Войны мнѣ надо. Мой покой—война!
Стыдись, австріецъ, за свою добычу:
Въ крови добыча та, лиможскій графъ!
О, рабъ, злодѣй, убійца, трусъ презрѣнный!
Въ бояхъ ты малъ—ты въ подлостяхъ великъ,
Силенъ ты съ тѣмъ, чья сторона сильнѣе,
Удачи рыцарь, ты на бой готовъ
Тогда лишь, какъ капризная богиня
Согласье дастъ тебя оберегать.
Ты власти льстецъ, клятвопреступникъ ты!
Не ты ли здѣсь, дуракъ низкопоклонный,
Кричалъ, ломался, клялся за меня?
Не ты ль, холопъ съ холодной рабской кровью,
Какъ громъ, слова здѣсь сыпалъ въ пользу нашу?
Не ты ли звался воиномъ моимъ?
Не ты ль просилъ, чтобъ ввѣрилася я
Твоей звѣздѣ, твоей судьбѣ и силѣ—
И, вслѣдъ за тѣмъ, отпалъ къ врагамъ моимъ?
И ты на латахъ носишь кожу льва!
Кинь прочь ее и поскорѣй на плечи
Себѣ телячью кожу навяжи.

Эрцгерцогъ австрійскій.

О, если бъ то посмѣлъ сказать мужчина!

Филиппъ Незаконнорожденный.

Скорѣй телячью кожу вздѣнь на плечи!

Эрцгерцогъ австрійскій.

Мерзавецъ, смѣй то слово повторить!

Филиппъ Незаконнорожденный.

Скорѣй телячью кожу вздѣнь на плечи!

Король Джонъ

(*Филиппу Незаконнорожденному*).

Намъ это не по сердцу. Ты забылся.

Входитъ кардиналъ Пандольфъ.

Король Филиппъ.

Сюда идетъ святой легатъ отъ папы.

Пандольфъ.

Избранники, помазанники неба,
Привѣтъ мой вамъ! Съ священнымъ порученьемъ
Къ тебѣ, король британскій, я пришелъ
Отъ папы Иннокентія легатомъ.
Здѣсь, отъ лица пославшаго меня,
Я, кардиналъ прекраснаго Милана,
Пандольфъ, такой вопросъ тебѣ даю:
Какъ ты посмѣлъ итти со злобой лютой
На церковь, на святую нашу мать?
Какъ могъ не допускать ты въ Кентербери
Того Стефана Лангтона, что былъ
Епископомъ въ тотъ округъ нами избранъ?
Отъ имени отца святого папы
Я требую отвѣта отъ тебя.

Король Джонъ.

Иль есть слова на языкѣ земномъ,
Которыми допрашивать ты можешь
Святую мысль и волю королей?
Нѣтъ, кардиналъ, вы съ папою своимъ
Не сыщете безумной, дерзкой рѣчи,
Что на отвѣтъ подвигнуть насъ могла бъ.
Снеси къ нему слова тѣ и въ добавокъ

От Англіи еще такую рѣчь:
Ни дани брать, ни править въ нашихъ землях
Не будетъ больше итальянскій попъ.
Какъ государь, я небу лишь подвластенъ—
И, волей неба, царственная власть,
Пока я царь, за мной однимъ на свѣтѣ,
Безъ помощи чужой отъ смертныхъ рукъ.
Скажи все это папѣ—кончилъ я
И съ нимъ, и съ незаконной папской властью!

Король Филиппъ.

Британскій братъ, ты оскорбляешь Бога!

Король Джонъ.

Пускай тебя и всѣхъ царей на свѣтѣ
Коварный попъ на привязи ведетъ!
Пускай онъ васъ проклятьемъ тѣмъ стращаетъ,
Что самъ же онъ за деньги сниметъ прочь!
Пускай за прахъ, за золото срамное
Берете вы прощеніе грѣховъ
Отъ смертнаго, что торгъ ведетъ прощеньемъ!
Пусть за обманъ и колдовство вы всѣ,
Ослѣпнувши, доходы въ дань несете:
Я здѣсь одинъ—одинъ иду на папу,
И тотъ мнѣ врагъ, кто дружбу съ нимъ ведетъ!

Пандольфъ.

Такъ будь же, въ силу власти, мнѣ врученной,
Ты проклятъ и отъ церкви отлученъ!
И будетъ тотъ блаженъ, кто возмутится
Противу короля-еретика,
И та рука благословена будетъ,
Причислена къ священнѣйшимъ мощамъ,
Которая открыто или тайно
Покончитъ жизнь злодѣйскую твою!

Констанція.

О, праведно могу я, вмѣстѣ съ Римомъ,
Мои проклятья высказать! Отецъ
Мой, добрый кардиналъ, скажи „аминь"
Моимъ проклятьямъ жгучимъ: я одна
Съ моею скорбью праведна въ проклятьяхъ.

Пандольфъ.

Принцесса, за проклятія мои
Законъ и право.

Констанція.

За мои не тоже ль?
Когда законъ намъ правды не даетъ,
Онъ злу преграды полагать не вправѣ.
Вотъ здѣсь законъ дитяти моему
Не въ силахъ возвратить его владѣній,
Затѣмъ что тѣхъ владѣній похититель
Въ себѣ сосредоточилъ весь законъ;
Гдѣ самъ законъ есть полная неправда,
Не вправѣ онъ проклятіямъ мѣшать.

Пандольфъ.

Къ тебѣ я рѣчь держу, Филиппъ французскій!
Подъ страхомъ отлученія отъ церкви,
О, поспѣши свою отдернуть руку
Отъ той руки архи-еретика
И на него нагрянь съ французской ратью,
Коль передъ Римомъ не смирится онъ!

Королева Элеонора.

Король французскій, иль блѣднѣешь ты?
Не отнимай руки своей.

Констанція.

А, дьяволъ,
Въ смятеньи ты! Опомнится французъ,
Разъединитъ сцѣпившіяся руки—
И адъ души лишится.

Эрцгерцогъ австрійскій

(*королю Филиппу*).

Государь,
Склонись на увѣщанья кардинала.

Филиппъ Незаконнорожденный.

И на плечи телячью кожу вздѣнь.

Эрцгерцогъ австрійскій.

Мерзавецъ, дерзость я твою сношу
Затѣмъ...

Филиппъ Незаконнорожденный.

Что взять ее въ карманъ спокойнѣй.

Король Джонъ.

Филиппъ, что скажешь кардиналу ты?

Констанція.

Онъ скажетъ то же, что и кардиналъ.

Людовикъ.

Отецъ, подумай, намъ теперь грозитъ
Иль тяжкое проклятіе изъ Рима,
Иль легкая потеря дружбы той,
Что насъ связала съ королемъ британскимъ.
Въ чемъ меньше зла?

Бланка.

Въ проклятьи папскомъ меньше.

Будь т
Въ пр

Изъ в
Насъ

Да, т
Изъ
Пусті

И я

Коро

О, б

Эр
Корс
Не

А л

Что

Илі
Твс

Свя
И
Съ
Еді
Со
Сл
За
Лк
Го

На
Пр
Пе
Мі
А
И
К
И
И
Е
У
И

Констанція.

Будь твердъ, Людовикъ: дьяволъ предъ тобой
Въ прекрасномъ образѣ твоей жены.

Бланка.

Изъ выгоды Констанція желаетъ
Насъ разлучить: нѣтъ правды въ рѣчи той.

Констанція.

Да, ты права: когда погибла правда,
Изъ выгоды должна я говорить.
Пусть правда та опять для насъ воскрес-
нетъ,
И я сама отъ выгодъ отступлюсь.

Король Джонъ.

Король не отвѣчаетъ: тронутъ онъ.

Констанція (*королю Филиппу*).

О, брось его—и отвѣчай, какъ должно.

Эрцгерцогъ австрійскій (*ему же*).

Король Филиппъ, не медли же отвѣтомъ,
Не налагай сомнѣнья на себя.

Филиппъ Незаконнорожденный.

А лучше, плутъ, надѣнь телячью кожу.

Король Филиппъ.

Что я скажу? въ волненьи разумъ мой!

Пандольфъ.

Или проклятье, съ отлученьемъ вмѣстѣ,
Твое волненье могутъ прекратить?

Король Филиппъ.

Святой отецъ, будь мной хотя на время
И разсуди, что сталъ бы дѣлать ты.
Съ моей рукой та царская рука
Едва соединилась. Души наши
Совокупились полнымъ, тѣснымъ миромъ,
Слились въ обѣтахъ сильныхъ и святыхъ.
Замолкли чуть послѣднія слова
Любви и дружбы, теплыхъ обѣщаній,
Горячихъ клятвъ на преданность другъ
другу,
На вѣчный миръ обоихъ королевствъ.
Предъ радостнымъ и небывалымъ миромъ,
Передъ пожатьемъ царскихъ нашихъ рукъ
Мы руки тѣ едва омыть успѣли—
А знаетъ Богъ, какъ были наши руки
Исписаны убійства страшной кистью,
Какъ пятнами на нихъ сказалось мщенье
И брань царей, подвигнутыхъ на гнѣвъ—
И что жъ? Едва омытыя отъ крови,
Едва соединенныя въ любви—
Ужель опять разнять намъ руки эти
И сильныхъ рукъ расторгнуть вновь союзъ?
Играть обѣтомъ, Небо оскорбляя,
И превратиться въ вѣтреныхъ дѣтей,
Надъ дружескимъ пожатьемъ насмѣявшись,
Поправши клятвы, а на брачномъ ложѣ,
Гдѣ, улыбаясь, тихо дремлетъ миръ,
Поднять борьбу кровавую, и шумной,
Постыдной схваткой тутъ же обезчестить
Взаимной ласки кроткое чело?
О, мужъ святой, прелатъ достопочтенный,
Такому дѣлу не свершиться ввѣкъ!
Умилосердись—изыщи, скажи
Другое, меньше строгое рѣшенье—
И волю ту исполню тутъ же я,
Не измѣняя дружескимъ обѣтамъ.

Пандольфъ.

Не можетъ быть ни воли, ни рѣшенья,
Пока съ британцемъ въ мирѣ ты живешь.
Къ оружію! Иль будь бойцомъ за церковь,
Иль церковь, наша мать, на злого сына
Проклятьемъ материнскимъ загремитъ!
Король французскій, ты скорѣе сдержишь
Змѣю за жало, льва за лапу смерти,
За челюсти голодную тигрицу,
Но той руки, что съ лаской ты сжимаешь,
Не удержать, не удержать тебѣ.

Король Филиппъ.

Рука моя—въ присягѣ я не властенъ.

Пандольфъ.

Такъ съ вѣрою на вѣру ты идешь;
Какъ бунтовщикъ, съ присягой на присягу
И съ языкомъ на собственный языкъ.
Передъ лицомъ небесъ не ты ли клялся
Для церкви быть защитникомъ, бойцомъ?
Такъ выполни же прежде клятву эту!
Противъ той клятвы всѣ обѣты—ложь;
Ихъ свято чтить противъ себя ты клялся,
Но тяжкій грѣхъ—правдиво выполнять
Неправедно свершенную присягу,
И ложный путь бываетъ во спасенье
Заблудшимся, затѣмъ что, не блуждая,
На путь прямой имъ вытти вновь нельзя!
Ложь гонитъ ложь, и въ жилахъ воспален-
ныхъ
Огонь смягчаетъ пламенный недугъ.
Не вѣра ли велитъ хранить присягу?
Но противъ вѣры смѣлъ ты присягать,
И то, чѣмъ ты осмѣлился поклясться,
Присягѣ всей во всемъ противорѣчитъ;
Тебя жъ, безумца, прямо привлекло
На новый грѣхъ, на клятвопреступленье.
Врагъ первымъ клятвамъ—твой обѣтъ по-
слѣдній:
Противъ себя ты поднялъ знамя бунта;
Побѣдой лучшей будетъ для тебя,

КОНСТАНЦІЯ ВЪ ПАЛАТКѢ ФРАНЦУЗСКАГО КОРОЛЯ (Дѣйствіе III, сц. I).
Картина извѣстнаго нѣмецкаго художника Макса Адамо (Max Adamo, род. 1837).

Коль доблестно и твердо ты возстанешь
Противу мелкихъ, вредныхъ помышленій,
О чемъ теперь мои мольбы къ тебѣ.
Исполни жъ ихъ; а если нѣтъ, то знай,
Что на тебя падетъ проклятье наше
И тяжести не сбросишь ты, а самъ
Въ отчаяньи умрешь подъ тяжкой ношей.

Эрцгерцогъ австрійскій.

Бунтъ, бунтъ жестокій!

Филиппъ Незаконнорожденный.

Будто будетъ бунтъ?
Заткни же глотку хоть телячьей шкурой.

Людовикъ.

Къ оружію, отецъ!

Бланка.

Въ твой брачный день?
На кровь, съ которой ты навѣки связанъ?

Или нашъ пиръ изъ мертвыхъ будетъ тѣлъ?
Иль брачною намъ музыкою грянутъ,
Въ смѣшеньи адскомъ, дикій звукъ трубы
И громкій грохотъ мрачныхъ барабановъ?
Супругъ, постой! О, горе мнѣ! Какъ ново
Въ моихъ устахъ то имя—„мой супругъ"!
Хотя для имени, что мой языкъ
Впервые предъ тобою произноситъ—
Остановись! прошу я на колѣняхъ.
Не нападай на дядю моего!

Констанція.

И я тебя молю, склонивъ колѣни,
Что затвердѣли отъ склоненій частыхъ:
Дофинъ великій, противъ приговора
Небеснаго не думай возставать!

Бланка.

Любовь твою теперь узнаю я:
Иль не сильна мольба жены любимой?

Констанція.

Нѣтъ, чести голосъ той мольбы сильнѣй,
Той чести, что свята для васъ обоихъ!
Про честь, про честь не забывай, Людовикъ!

Людовикъ (*королю Филиппу*).

Мой государь, какъ можешь ты встрѣчать
Такъ холодно святыя убѣжденья?

Пандольфъ.

Пора его проклятьемъ поразить!

Король Филиппъ.

Въ томъ нѣтъ нужды. Британскій государь,
Я врагъ тебѣ—нѣтъ мира между нами!

Констанція.

Вернулось вновь величіе твое!

Элеонора.

О, шаткость безобразная француза!

Король Джонъ.

Французъ, ты горько часъ оплачешь этотъ!

Бланка.

Залито кровью солнце! День померкнулъ!
Къ чьей сторонѣ склониться я должна?
Мнѣ обѣ дороги: бойцамъ обоимъ
Съ душой я обѣ руки отдала—
И съ бѣшенствомъ, отпавши другъ отъ друга,
Они меня на части разорвутъ.
Супругъ, могу ль я за тебя молиться,
Должна ли дядѣ я желать побѣды,
Иль звать успѣхъ къ отцовскимъ знаменамъ,
Иль съ бабкою имѣть одни желанья?
Другимъ побѣда—мнѣ бѣда одна
И до борьбы вѣрна за мной погибель.

Людовикъ.

Жена, во мнѣ судьба твоя живетъ.

Бланка.

Въ тебѣ судьба, но жизнь моя съ другими.

Король Джонъ.

Кузенъ, иди и строй мои войска.
(*Филиппъ Незаконнорожденный уходитъ*).
Французъ, я гнѣвомъ пламеннымъ исполненъ
И жаръ души разгнѣванной моей
Одною кровью утолить могу,
Французской кровью, лучшей и знатнѣйшей.

Король Филиппъ.

Самъ первый ты отъ бѣшенства сгоришь.
И гнѣвъ твой не зальется нашей кровью.
О, берегись и жди себѣ бѣды!

Король Джонъ.

Не больше той, какая ждетъ тебя.
Къ оружію! Скорѣй идемъ на бой!
(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Тамъ же. Поле близъ Анжера.

Тревога. Сраженіе.

Входитъ Филиппъ Незаконнорожденный, *съ головою эрцгерцога австрійскаго.*

Филиппъ Незаконнорожденный.

Клянуся жизнью, день ужъ слишкомъ жарокъ!
На облакахъ навѣрное засѣлъ
Какой-нибудь воздушный бѣсъ и сыплетъ
Оттуда гибель. Голову австрійца
Положимъ здѣсь, покуда живъ Филиппъ.

Входятъ король Джонъ, Артуръ *и* Губертъ.

Король Джонъ.

Губертъ, гляди за мальчикомъ. Филиппъ,
Бѣги: въ палату матери ворвались
Враги и чуть ли не взяли ее.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Я, государь, ужъ выручилъ ее!
Не бойтесь: безопасна королева.
Идемте въ бой! Усилье небольшое—
И счастливо окончится нашъ трудъ.
(*Уходятъ*).

ФРАНЦУЗСКІЯ ПАЛАТКИ.
(*Рисунокъ средневѣковой рукописи*).

СЦЕНА III.

Тамъ же.

Тревога. Сраженіе. Отступленье.

Входятъ король Джонъ, Элеонора, Артуръ, Филиппъ Незаконнорожденный, Губертъ *и* лорды.

Король Джонъ.

Пусть будетъ такъ.
(*Элеонорѣ*). Ты, королева, станешь
У насъ въ тылу съ надежной, сильной стражей.
(*Артуру*).
Кузенъ, зачѣмъ грустить? Ты бабкѣ дорогъ,
И дядя твой тебя полюбитъ такъ,
Какъ своему отцу ты былъ любезенъ.

Артуръ.

О, это мать мою убьетъ тоскою!

Король Джонъ (*Филиппу*).

Кузенъ, не медли жъ—въ Англію лети
И растряси предъ нашимъ возвращеньемъ
Скупыхъ аббатовъ толстые мѣшки,
Изъ нихъ на волю выпустя червонцы.
Пора тому, кто въ мірѣ разжирѣлъ,
Кормить бойцовъ голодныхъ. Порученье
Ты выполни со строгостію всей.

Филиппъ Незаконнорожденный

Ни книгами, ни звономъ, ни свѣчами
Отъ тѣхъ мѣшковъ меня не отобьютъ.
Привѣтъ мой государю! Королева,
Когда попасть въ святые я успѣю.
То я за васъ усердно помолюсь.
Цѣлую ваши руки.

Королева Элеонора.

До свиданья,
Кузенъ мой добрый!

Король Джонъ.

Съ Богомъ, мой кузенъ!
(*Филиппъ Незаконнорожденный уходитъ*).

Королева Элеонора (*Артуру*).

Поди ко мнѣ, внукъ милый—на два слова.
(*Отводитъ Артура въ сторону*).

Король Джонъ.

Поди сюда, мой Губертъ добрый.
Тебѣ обязанъ я. Здѣсь, въ тѣлѣ этомъ,
Живетъ душа, которая тебя
Зоветъ всегда своимъ заимодавцемъ
И выплатитъ весь долгъ любви твоей.
Да, добрый другъ мой, преданность твою
Душа моя сокровищемъ считаетъ.
Дай руку мнѣ. Есть дѣло до тебя;
Но про него скажу въ другое время.
Клянуся Богомъ, Губертъ, даже стыдно
Признаться въ томъ, какъ я тебя цѣню!

Губертъ.

За честь благодарю васъ, государь.

Король Джонъ.

Мой добрый другъ, покуда нѣтъ причины
Благодарить меня; но день придетъ—

Хоть тянется медлительное время—
Когда и я взыщу тебя добромъ.
Вотъ что сказать хочу я. Нѣтъ, не нужно!
На небѣ солнце свѣтитъ; гордый день,
Сіяющій всей прелестью мірскою,
Такъ полонъ искушенія и блеска,
Что говорить нѣтъ силы. Если бъ здѣсь
Желѣзнымъ языкомъ и мѣдной пастью
Ко сну позвалъ насъ колоколъ полночный,
Иль если бъ на кладбищѣ я стоялъ
Съ тобою, полнымъ горя и обиды,
Которая бъ тоску тебѣ внушала
И въ жилахъ бы сгущала кровь твою,—
Тогда бъ я могъ заговорить. Но нѣтъ:
Въ тебѣ ключомъ играетъ кровь живая,
Что весело горитъ въ людскихъ глазахъ
И щеки ихъ колышетъ глупымъ смѣхомъ,
Такъ гибельнымъ для помысловъ моихъ.
Когда бъ меня безъ глазъ ты видѣть могъ,
Безъ слуха—слышать и безъ языка
Отвѣтъ мнѣ дать единымъ помышленьемъ,
Безъ глазъ, ушей, безъ вредныхъ словъ и звука—
Тогда, пожалуй, и при свѣтѣ дня
Я бъ мысль свою тебѣ на душу пролилъ.
Нѣтъ, не могу, хоть и люблю тебя,
Хоть и тебѣ я, кажется, любезенъ.

Губертъ.

Любезенъ такъ, что если ты прикажешь
Итти на смерть для выгоды твоей—
Я все исполню: небо мой свидѣтель.

Король Джонъ.

Исполнишь все? Я это знаю, Губертъ.
Мой Губертъ, добрый Губертъ, кинь свой взглядъ
На этого ребенка; вѣрный другъ мой,
Скажу тебѣ, ребенокъ тотъ—змѣя:
Гдѣ бъ на пути я ногу ни поставилъ,
Вездѣ онъ змѣемъ ляжетъ предо мной.
Ты понялъ ли меня? Вѣдь, ты къ нему
Приставленъ стражемъ?

Губертъ.

И стеречь я стану
Такъ, что бѣды онъ вамъ не принесетъ.

Король Джонъ.

Смерть!

Губертъ.

Государь?

Король Джонъ.

Могила.

Губертъ.

Онъ умретъ.

Король Джонъ.

Молчи. Довольно. Веселъ я теперь.
Тебя люблю я, Губертъ. Хоть пока
Награды для тебя не называю,
Но помни. Королевѣ мой привѣтъ.
Я къ вамъ войска мои сейчасъ отправлю.

Элеонора.

Благослови Господь тебя!

Король Джонъ (*Артуру*).

Племянникъ,
Ты ѣдешь въ Англію, съ тобою Губертъ:
Ты въ немъ найдешь усерднаго слугу.
Теперь и мы въ Калэ. Скорѣй въ дорогу.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Тамъ же. Палатка французскаго короля.

Входятъ король Филиппъ, Людовикъ, Пандольфъ *и свита.*

Король Филиппъ.

Итакъ, ревущей бурей въ океанѣ
Раскиданъ и разсѣянъ безнадежно
Согласный флотъ спопутныхъ кораблей.

Пандольфъ.

Мужайся же. Все кончится добромъ!

Король Филиппъ.

Не быть добру, гдѣ было бѣгство злое!
Иль нашъ Анжеръ? иль не разбиты мы?
Артуръ не взятъ, друзья не пали наши,
И не ушелъ кровавый англичанинъ
Къ себѣ домой, француза не страшась?

Людовикъ.

Онъ укрѣпилъ отнятыя владѣнья:
Уходъ свой быстрый онъ прикрылъ разумно.
Онъ сохранилъ въ борьбѣ ожесточенной
Спокойствіе—и сталъ его походъ
Неслыханнымъ и безпримѣрнымъ чудомъ.

Король Филиппъ.

Мнѣ не горька твоя хвала британцу:
Черезъ нее нашъ срамъ не такъ тяжелъ.

КОНСТАНЦІЯ РВЕТЪ НА СЕБѢ ВОЛОСЫ. (Дѣйствіе III, сц. 4).

Картина извѣстнаго англійскаго живописца Р. Вестоля (R. Westall, R. A., 1765—1836).

(Малая Бойделевская галлерея).

Входитъ Констанція.

Король Филиппъ.

Смотри, кто къ намъ идетъ. Могила скрыта
Въ душѣ ея, но вѣчный духъ живетъ,
Противъ ея желанія и воли,
Въ темницѣ тяжкой горестнаго тѣла.
Констанція, молю, уйдемъ отсюда.

Констанція.

Гляди теперь, къ чему твой миръ привелъ?

Король Филиппъ.

О, успокойся, добрая принцесса!
Вооружись терпѣньемъ!

Констанція.

Мнѣ не надо
Твоихъ совѣтовъ и успокоеній;
Въ *одно* успокоенье вѣрю я—
Мнѣ нужно то, что рушитъ ьсѣ совѣты:
Смерть, смерть нужна мнѣ. Радостная смерть!
Твой сладокъ смрадъ, твое гніенье вѣчно!
Ты счастью ненавистна и страшна!
О, встань скорѣй съ постели вѣчной ночи—
И къ гнуснымъ я костямъ прильну губами,
Мои глаза въ твой черепъ я вложу,
Увью персты могильными червями,
Мое дыханье прахомъ затушу,
И чудищемъ истлѣвшимъ въ гробъ я лягу
Такимъ, какъ ты сама! Иди жъ ко мнѣ!
Твой дикій смѣхъ улыбкою мнѣ будетъ.
Я, какъ жена, возьму тебя въ объятья.
Не медли же, утѣха всѣхъ страдальцевъ:
Иди ко мнѣ!

Король Филиппъ.

Страдалица моя,
О, замолчи!

Констанція.

Нѣтъ, нѣтъ, не замолчу я,
Пока дыханье есть для слезъ и стоновъ!
О, если бъ громомъ голосъ мой гремѣлъ,
Я потрясла бы міръ моимъ рыданьемъ;
Я подняла бъ отъ сна ту злую смерть,
Что не спѣшитъ на женскій слабый голосъ
И тѣшится отчаянной мольбою!

Пандольфъ.

Принцесса, то безумье, а не скорбь!

Констанція.

Твой санъ святой въ твоей не виденъ рѣчи.
Я не безумна: волоса вотъ эти
Я рву съ своей несчастной головы.
Зовутъ меня Констанціей; Готфриду
Была женою я; Артуръ—мой сынъ,
Артуръ—мой сынъ, и я его лишилась!
Я не безумна. О, пошли Господь,
Чтобъ я была безумна въ самомъ дѣлѣ!
Тогда бъ себя скорѣй забыла я
И всѣ свои безмѣрныя страданья.
Лиши меня разсудка, кардиналъ—
И будешь ты за то къ святымъ причисленъ.
Я не безумна, горе помню я,
И разумъ мой, изыскивая средства
Меня избавить отъ тоски жестокой,
Ведетъ меня къ самоубійству, къ петлѣ.
Съ безуміемъ—забыла бъ сына я
Иль видѣла бъ его во всякой куклѣ.
Я не безумна: слишкомъ, слишкомъ больно
Я чувствую страданья каждой язвы.

(*Рветъ на себѣ волосы*).

Король Филиппъ.

Закрой свои ты косы. Какъ сказалась
Ея любовь въ кудряхъ ея роскошныхъ!
Тамъ, гдѣ запало каплей серебро,
Къ той сѣдинѣ прижались въ общемъ горѣ
Безчисленными прядями друзья,
Подобно душамъ, преданнымъ и вѣрнымъ,
Сцѣпившимся навѣки въ общей скорби.

Констанція.

О, въ Англію! скорѣй!

Король Филиппъ.

Закрой же прежде
Ты волоса себѣ.

Констанція.

Я ихъ закрою,
Я ихъ свяжу охотно. Волоса
На головѣ рвала я и кричала:
„О, еслибъ бъ сына мнѣ освободить,
Какъ волоса пускаю я на волю!“
Теперь ихъ воля тяготитъ меня:
Я ихъ свяжу, я ихъ отъ всѣхъ прикрою,
Затѣмъ что въ узахъ бѣдный мой ребенокъ.

(*Кардиналу*).

Отецъ святой, ты говорилъ не разъ,
Что близкихъ намъ узнаемъ мы на небѣ.
То правда ли? увижусь ли я съ сыномъ?
Прекраснѣе ребенка не бывало
Отъ Каина, что первымъ былъ младенцемъ,
До тѣхъ дѣтей, что родились вчера.
И что жъ? Червь скорби сгложетъ мой цвѣтокъ,
Прогонитъ съ щекъ плѣнительную прелесть—
И будетъ сынъ мой мертвеца блѣднѣе
И худъ, и слабъ, какъ послѣ лихорадки—
И такъ умретъ онъ; и когда воскреснетъ,
Когда сойдемся мы на небесахъ—
Его я не узнаю. Вѣчно, вѣчно
Мнѣ милаго ребенка не видать!

Пандольфъ.

Великій грѣхъ служить безмѣрно скорби.

Констанція.

О, вижу я, ты сына не имѣлъ!

Король Филиппъ.

Ты къ скорби привязалась, будто къ сыну.

Констанція.

Да, мѣсто сына скорбь моя взяла:
Дитятею лежитъ въ его постелѣ,
Со мною ходитъ, говоритъ какъ онъ,
Въ лицо глядитъ мнѣ свѣтлымъ дѣтскимъ взглядомъ,
На мысль приводитъ милыя движенья
И крадется въ его пустое платье—
И платье то глядитъ моимъ ребенкомъ!
Вотъ почему я такъ отдалась скорби.
Прощайте! Если бъ равная моей
Потеря васъ обоихъ поразила,
Я бъ утѣшать умѣла лучше васъ.

(*Срываетъ свой головной уборъ*).

Долой повязки! Мнѣ уборъ не нуженъ,
Когда мой разумъ меркнетъ въ головѣ.
Господь! Мой сынъ! Артуръ, ребенокъ милый!
Мой хлѣбъ, мой день, мой мальчикъ—весь мой міръ!
Вдовицы радость и скорбямъ утѣха!

(*Уходитъ*).

Король Филиппъ.

Пойду за ней, чтобъ не было бѣды.

(*Уходитъ*).

Людовикъ.

И для меня нѣтъ счастья въ этомъ мірѣ,
И жизнь такъ утомительно скучна,
Какъ два раза разсказанная сказка,
Досадная ушамъ передъ дремотой.
Всю сладость свѣта горькій стыдъ сгубилъ,
Оставивъ мнѣ одинъ позоръ и горечь.

Пандольфъ.

Предъ исцѣленьемъ тяжкаго недуга,
При самомъ возрожденьи жизни силъ—
Припадокъ злѣй, затѣмъ что злость болѣзни
Передъ уходомъ взять свое должна.
Что потерялъ ты, проигравъ сраженье?

Людовикъ.

И счастіе, и славу цѣлой жизни.

Пандольфъ.

Съ побѣдою лишился бъ ты всего!
Когда судьба готовитъ благо смертнымъ,
Суровѣе глядитъ на нихъ она.
Хоть мысль странна, но нѣту въ томъ сомнѣнья,
Что Джонъ британскій, средь удачъ своихъ,
Не зная самъ, во всемъ понесъ потерю.
Артуръ въ плѣну—тоскуешь ты о томъ?

Людовикъ.

Такъ горячо, какъ радъ британецъ плѣну.

Пандольфъ.

Да, юнъ твой умъ, какъ кровь твоя юна.
Склони жъ твой слухъ къ пророческому слову
И помни, что дано моимъ словамъ,
Какъ вихрю, до соломенки послѣдней,
Весь прахъ и соръ смести съ дороги той,
Что подъ твоею стелется стопою
Къ подножію британскаго престола.
Такъ слушай же. Увезъ Артура Джонъ,
Но вѣрно, что пока младая кровь
Играетъ въ жилахъ этого ребенка,
Не будетъ знать престола похититель
Ни часа, ни мгновенія покоя.
Тотъ скиптръ, что взятъ невѣрною рукой,
Держаться въ ней не можетъ безъ усилій,
А кто стоитъ средь скользкаго пути,
Тому красна и гнусная опора.
Чтобъ Джонъ не палъ, Артуру пасть должно;
И будетъ такъ—и нѣтъ пути другого.

Людовикъ.

Чего жъ мнѣ ждать отъ гибели Артура?

Пандольфъ.

Какъ лэди Бланки мужъ, предъявищь ты
То право, что считалось за Артуромъ.

Людовикъ.

Чтобъ, какъ Артуръ, погибнуть вмѣстѣ съ правомъ!

Пандольфъ.

Какъ молодъ ты, какъ новъ ты въ свѣтѣ дряхломъ!
Пусть Джонъ хитритъ—тебѣ помощникъ время:
Кто долженъ кровь въ свою защиту лить,
Того покой кровавый ненадеженъ.
Убивъ ребенка, этимъ дѣломъ зла
Онъ охладитъ сердца въ своемъ народѣ
И преданность подвластныхъ остудитъ.
Пусть выступитъ малѣйшій изъ враговъ
На короля—народу милъ онъ будетъ,
И всякое небесное явленье.
И каждый бурный день, и вихорь сильный
Игра природы, небывалый случай—
Все будетъ истолковано людьми,
Какъ знаки Неба; чудо, метеоръ—
Какъ божій голосъ, вызовъ, предсказанье,
Пророчащее Джону злую месть.

Людовикъ.

Но, можетъ быть, не сгубитъ онъ Артура
Въ темницѣ онъ не страшенъ королю.

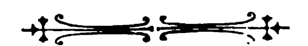
Пандольфъ.

О, принцъ, коли ребенокъ не погибъ,
То вѣсть о томъ, что ты идешь на Джона,
Рѣшитъ убійство; и тогда сердца
Его народа отъ него отпрянутъ,
Лобзаній перемѣны захотятъ—
И дастъ предлогъ на гнѣвное возстанье
Кровавая рука ихъ государя.
Мнѣ кажется, я вижу чернь въ возстаньи!
Я все сказалъ—и не видать тебѣ
Удобнѣйшаго случая. Безстыдный
И незаконный родомъ Фальконбриджъ
Въ Британію ушелъ, чтобъ церкви грабить
И вѣру оскорблять. О, если бъ тамъ
Явилась дюжина бойцовъ французскихъ,
На зовъ ихъ десять тысячъ англичанъ
Примкнуло бъ къ нимъ и стало подъ знамена.
Такъ снѣга комъ, катясь по крутизнѣ,
Становится горой! Дофинъ безстрашный,
Отыщемъ короля. Подумать чудно
О томъ, какъ много выгодъ намъ дадутъ
Сердца народа, полнаго обидой.
Всѣ въ Англію! Склоню я короля.

Людовикъ,

Гдѣ мысль сильна—тамъ дѣло полно силы.
Идемъ. Съ тобой король не станетъ спорить.

(*Уходятъ*).

ПРИНЦЪ АРТУРЪ и ГУБЕРТЪ (Дѣйствіе IV, сц. I).
Картина знаменитаго нѣмецкаго живописца Вильгельма Каульбаха (Wilhelm v. Kaulbach, 1805—1874).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Нортгамптонъ. Комната въ замкѣ.

Входятъ Губертъ *и* двое прислужниковъ.

ГУБЕРТЪ.

Желѣзо раскали, и самъ ты стань
Здѣсь, за ковромъ: когда ногою въ землю
Ударю я, ты выйдешь и привяжешь
Покрѣпче къ стулу мальчика, который
Со мною будетъ. Помни жъ—не зѣвать!

1-й прислужникъ.

А есть у васъ приказъ на это дѣло?

ГУБЕРТЪ.

Сомнѣнье недостойное! не бойся—
Вотъ мой приказъ. (*Прислужники уходятъ*).

Входитъ Артуръ.

ГУБЕРТЪ.

Поди ко мнѣ, дитя:
Мнѣ надобно поговорить съ тобою.

АРТУРЪ.

День добрый, Губертъ.

ГУБЕРТЪ.

И тебѣ день добрый,
Малютка-принцъ.

АРТУРЪ.

Да, точно я малютка,
Хоть, по правамъ, побольше я могъ быть.
Ты что-то скученъ, Губертъ.

ГУБЕРТЪ.

Это правда.
Я веселѣй когда-то былъ.

АРТУРЪ.

О, Боже!
Грустнѣй меня едва ли можно быть.
А между тѣмъ во Франціи, я помню,
Изъ прихоти, казалась молодежь
Грустнѣе ночи. Если бъ могъ теперь я
Тюрьму оставить и стеречь овецъ,
Клянусь душой, я бъ цѣлый день рѣзвился!
И здѣсь мнѣ было бъ весело; но я
Боюсь, что дядя мнѣ бѣду готовитъ.
Его страшусь я, онъ меня страшится:
Моя ль вина, что сынъ Готфрида я?
Я въ этомъ правъ. О, если бъ небеса
Меня на свѣтъ твоимъ родили сыномъ,
Меня бъ любилъ ты, Губертъ!

ГУБЕРТЪ (*въ сторону*).

Нѣтъ силы
Съ нимъ говорить. Его невинный лепетъ
Разбудитъ жалость, спящую во мнѣ.
Что медлить! Поскорѣе кончу дѣло!

АРТУРЪ.

Ты боленъ, Губертъ? Блѣденъ ты сегодня.
Ну, пусть немного похвораешь ты,
Чтобъ могъ я ночью просидѣть съ тобою.
По совѣсти, тебя люблю я больше,
Чѣмъ ты меня.

ГУБЕРТЪ (*въ сторону*).

Мнѣ падаютъ на сердце
Слова его. (*Подаетъ ему бумагу*).
Мой маленькій Артуръ,
Прочти бумагу эту.
(*Въ сторону*). Какъ! я плачу?
О, глупая вода, ты гонишь прочь
Всѣ помыслы мои о пыткѣ лютой!
Помедлю я—и выльется вся твердость
Изъ глазъ моихъ съ потокомъ женскихъ слезъ.
(*Артуру*).
Прочелъ ты? или почеркъ не хорошъ?

АРТУРЪ.

Нѣтъ, слишкомъ онъ хорошъ для вѣсти гнусной.
Какъ? долженъ ты желѣзомъ раскаленнымъ
Мнѣ выжечь оба глаза?

ГУБЕРТЪ.

Да, дитя.

АРТУРЪ

И ты исполнишь это?

ГУБЕРТЪ.

Все исполню.

АРТУРЪ.

И сможешь ты? Я помню, какъ недавно
Ты головною болью занемогъ,
Я обвязалъ тебѣ виски платкомъ—
Изъ всѣхъ платковъ моихъ едва ль не лучшимъ:
Принцессою былъ вышитъ тотъ платокъ—
И отъ тебя назадъ его не взялъ я.
На головѣ твоей держалъ я руку
До полночи, какъ маятникъ усердный,
Глухую ночь тебѣ развеселяя;
И спрашивалъ я: лучше ли тебѣ?
Не надо ли чего? и чѣмъ ты боленъ?
И чѣмъ тебѣ я могъ бы услужить?
Сынъ бѣдняка иной лежалъ бы смирно,
Словъ ласковыхъ не говоря тебѣ,
Но принцъ тебя покоилъ въ часъ недуга.
Ты, можетъ быть, мнѣ скажешь, что хитрилъ я,
Что я къ тебѣ изъ выгоды ласкался?
Какъ знаешь. Если небомъ рѣшено,
Что сгубишь ты меня—пусть такъ и будетъ.
Ужель ты глазъ меня лишить посмѣешь,
Тѣхъ глазъ, что на тебя глядѣть не въ силахъ
Суровымъ взглядомъ?

ГУБЕРТЪ.

Далъ я клятву въ томъ—
И выжгу ихъ желѣзомъ раскаленнымъ.

АРТУРЪ.

Лишь въ нашъ желѣзный вѣкъ найдутся люди
Для дѣлъ такихъ. И самое желѣзо,
И раскалясь, и покраснѣвъ въ огнѣ,
Къ глазамъ моимъ приблизясь, выльетъ слезы,
Загаситъ ими бѣшенство свое
И отойдетъ, признавъ мою невинность,
А ржавчина его, какъ совѣсть, сгложетъ
За тотъ огонь, что жегъ мои глаза.
Ужели ты безчувственнѣе стали?
Нѣтъ, если бъ ангелъ здѣсь мнѣ объявилъ,
Что Губертъ ослѣпить меня желаетъ,
Я Губерту бы вѣрилъ—не ему.

ГУБЕРТЪ (*топаетъ ногой*).

Сюда!

Входятъ прислужники *съ желѣзомъ, веревками и прочимъ.*

ГУБЕРТЪ.

Скорѣй исполнить, что велѣлъ я.

АРТУРЪ.

О, сжалься, Губертъ! я лишенъ ужъ зрѣнья
Отъ дикихъ взглядовъ этихъ кровопійцъ.

Губертъ.

Подать желѣзо и связать ребенка!

Артуръ.

О, горе мнѣ!—зачѣмъ грозишься ты?
Бороться я не стану. Будто камень,
Стоять я буду. Губертъ, ради Бога,
Не надобно вязать меня. Послушай,
Мой Губертъ: отошли своихъ людей—
И, какъ ягненокъ, буду смиренъ я:
Не шевельнусь, не вздрогну и не вскрикну,
Я на желѣзо мрачно не взгляну;
Пошли ихъ прочь—и все тебѣ прощу я,
Какъ ты ни мучь и ни пытай меня.

Губертъ (*прислужникамъ*).

Идите прочь: я съ нимъ одинъ останусь.

1-й прислужникъ.

Я радъ, что мнѣ не быть при дѣлѣ этомъ.

(*Прислужники уходятъ*).

Артуръ.

Бѣда: прогналъ я друга отъ себя!
Онъ взлядомъ дикъ, но жалостливъ по сердцу.
Верни его—пусть жалостью своей
Твою пробудитъ онъ.

Губертъ.

Дитя, готовься.

Артуръ

Иль нѣтъ надежды?

Губертъ.

Нѣтъ: ослѣпнешь ты!

Артуръ.

О, Боже! если бъ у тебя въ глазу
Теперь была пылинка или мошка,
Зерно, песчинка или волосокъ
Мученьемъ для безцѣннѣйшаго чувства!
На мелочахъ страданье бъ понялъ ты -
И передъ дѣломъ гнуснымъ ужаснулся.

Губертъ.

Ты это ли мнѣ обѣщалъ? Молчи!

Артуръ.

О, Губертъ, для обоихъ глазъ моихъ
Два языка мнѣ надобны въ защиту:
Не говори, чтобъ я молчалъ. Нѣтъ, нѣтъ!
Иль лучше, Губертъ, вырѣжь мнѣ языкъ,
Но пощади глаза. О, Губертъ, Губертъ,
Спаси глаза мои, хотя бъ затѣмъ,
Чтобъ на тебя глядѣть мнѣ было можно!
Гляди, твое желѣзо ужъ простыло,
Чтобъ мнѣ не дѣлать зла.

Губертъ.

Я раскалю
Желѣзо это.

Артуръ.

Нѣтъ, клянуся Небомъ!
И самъ огонь отъ ужаса угасъ!
Намъ данъ огонь на радость: онъ не хочетъ
Итти на злое дѣло. Видишь самъ,
Вотъ въ этомъ углѣ нѣтъ горячей злобы:
Въ немъ Господомъ погашенъ лютый гнѣвъ,
И пепломъ покаянья онъ осыпанъ.

Губертъ.

Но дуну я—и вспыхнетъ уголь тотъ.

Артуръ.

И вспыхнетъ уголь краскою стыда,
И за тебя онъ, Губертъ, покраснѣетъ,
Иль искры бросить онъ тебѣ въ глаза.
Такъ господина своего грызетъ
Собака, подстрекаемая къ бою.
Все, что на муку мнѣ готовилъ ты,
Тебѣ служить не хочетъ; ты одинъ
Скупѣй на жалость, чѣмъ огонь съ желѣзомъ,
Привычные къ безжалостнымъ дѣламъ.

Губертъ.

Пусть будетъ такъ. Я глазъ твоихъ не трону
За всѣ богатства дяди твоего,
Хоть клялся я, дитя, желѣзомъ этимъ
Ихъ выжечь и готовился къ тому.

Артуръ.

О, Губертомъ ты сдѣлался опять!
Я узнаю тебя.

Губертъ.

Молчи. Довольно.
Прощай. Скажу я дядѣ твоему,
Что ты погибъ. Доносчиковъ поганыхъ
Я ложной вѣстью отведу покуда.
Усни безъ страха, милое дитя,
И помни, что за всѣ богатства въ мірѣ
Тебя не тронетъ Губертъ.

Артуръ.

Боже мой!
Благодарю тебя, мой Губертъ!

Губертъ.

Полно!
Молчи! Ступай за мной. Изъ-за тебя
Опасности большой я подвергаюсь.

(*Уходятъ*).

ГУБЕРТЪ и ПРИНЦЪ АРТУРЪ (Дѣйствіе IV, сц. 1).

Картина извѣстнаго нѣмецкаго художника Макса Адамо (Max Adamo, род. 18[illegible]7)

СКОНЧАЛАСЬ МАТЬ МОЯ! (Дѣйств. IV, сц. 2).

Рисунокъ современнаго англійскаго иллюстратора Бейама Шоу (Bayam Schaw)

СЦЕНА II.

Тамъ же. Тронная зала во дворцѣ.

Входятъ король Джонъ *въ коронѣ,* Пэмброкъ, Салисбюри *и другіе лорды. Король садится на тронъ.*

Король Джонъ.

Опять мы здѣсь, опять на насъ корона,
И я надѣюсь—радостныя очи
Глядятъ на насъ.

Пэмброкъ.

Твоя священна воля;
Но, государь, обрядъ коронованья
Напрасно ты задумалъ повторить:
Ты былъ ужъ коронованъ. Царской власти
Изъ рукъ твоихъ никто не вырывалъ,
Народъ твой не пятнался злобнымъ бунтомъ,
И государство не ждало въ волненьи
Ни перемѣнъ, ни лучшихъ дней себѣ.

Салисбюри.

И потому—вдвойнѣ носить корону,
Великій санъ безъ нужды возвышать,
Расписывать цвѣтъ лиліи прелестной
И золото скрывать подъ позолотой,
И ароматомъ окроплять фіалку,
И ледъ лощить, и къ радуги цвѣтамъ
Цвѣтъ добавлять, и яркій неба сводъ
Огнемъ свѣчи надѣяться украсить—
Пустая роскошь, трудъ, достойный смѣха.

Пэмброкъ.

Монарха волю чтить готовы мы,
Но весь обрядъ подобенъ сказкѣ старой,
Которую разсказываютъ вновь
Не во-время и слуху не на радость.

Салисбюри.

И древній, и почтенный всѣмъ обрядъ
Обезображенъ новымъ повтореньемъ.
Какъ вихрь нежданный между парусовъ,
Обычныхъ мыслей ходъ онъ измѣняетъ,
Пугаетъ и наводитъ на сомнѣнья,
Мутитъ разсудокъ и перечитъ правдѣ,
Въ уборѣ новомъ скрывъ ее безъ нужды.

Пэмброкъ.

Напрасно трудъ удачный украшать
Пытается работникъ щепетильный.
Какъ часто мы, въ ошибкѣ извиняясь,
Тѣмъ извиненьемъ болѣе грѣшимъ!
Такъ на дырѣ ничтожной чрезъ заплату
Негодность ткани видится яснѣе,
И та заплата выдаетъ весь грѣхъ.

Салисбюри.

Передъ твоимъ коронованьемъ новымъ
Тебѣ совѣтъ нашъ высказали мы;
Но не было угодно государю
Принять совѣта. Впрочемъ, мы довольны:
Всегда желанья подданныхъ должны
Подчинены быть волѣ государя.

Король Джонъ.

Мы вамъ сказали важныя причины
Для новаго вѣнчанія на царство,
А коль смягчатся опасенья наши,
Важнѣйшія причины скажемъ мы.
До той поры спѣшите передать,
Какихъ отъ насъ вы милостей хотите
И убѣдиться, какъ охотно мы
И примемъ, и исполнимъ просьбы ваши.

Пэмброкъ.

Позволь же мнѣ (на то мнѣ голосъ данъ,
Чтобъ выражать вельможъ твоихъ желанья)
За нихъ и за себя, и—что важнѣй—

ГУБЕРТЪ и ПРИНЦЪ АРТУРЪ (Дѣйствіе IV, сц. 1).

Картина извѣстнаго англійскаго живописца Джемса Норскота (James Northcote, R. A., 1746—1836)

(Большая Бойделевская Галлерея).

Для блага твоего, что насъ заботитъ,
Просить, чтобъ ты Артуру далъ свободу.
Ребенка въ заточеньи держишь ты,
И поводъ ты молвѣ неблагосклонной
Даешь къ такимъ опаснымъ разсужденьямъ:
Когда по праву царство за тобою,
Такъ для чего жъ изъ страха (страхъ всегда
Съ неправдой неразлученъ) ты въ темницу
Дитя, тебѣ родное, заключилъ,
Глушишь его въ невѣжествѣ жестокомъ
И юность губишь въ душномъ заточеньи?
Чтобы врагамъ порядка не давать
Возможности къ такому обвиненью,
Свободы принцу просимъ мы теперь.
Не изъ-за выгодъ мы того хотимъ,
Но думаемъ, что для своей же пользы
Ребенка ты велишь освободить.

Король Джонъ.

Пусть будетъ такъ. Дитя ввѣряю я
Заботамъ вашимъ.

Входитъ Губертъ.

Король Джонъ.

Губертъ, что ты скажешь?
(*Отводитъ его въ сторону*).

Пэмброкъ.

Вотъ тотъ злодѣй, что смерть ему готовилъ.
Онъ одному изъ близкихъ мнѣ людей
Показывалъ приказъ на дѣло крови.
Въ глазахъ его сказался тяжкій грѣхъ;
Весь видъ его, отчаянный и мрачный,
Душевную тревогу выдаетъ,
И я страшусь—не выполнилъ ли онъ
Приказа, за который мы страшились.

Салисбюри.

Гляди, король мѣняется въ лицѣ!
Въ немъ мечутся и совѣсть и рѣшимость,
Какъ два герольда межъ двухъ битвъ тяжелыхъ.
Созрѣли злыя мысли—быть грозѣ!

Пэмброкъ.

И та гроза разоблачитъ предъ нами
Убійство злое милаго дитяти.

Король Джонъ (*подходя къ лордамъ*).

Намъ не сдержать руки у смерти сильной:
Хотя во мнѣ рѣшеніе живетъ
Исполнить лордовъ преданныхъ желанье,
Но просьбѣ вашей смерть дала конецъ.

(*Указываетъ на Губерта*).

Онъ вѣсть принесъ — Артуръ скончался ночью.

Салисбюри.

Должно быть, безнадежно занемогъ онъ.

Пэмброкъ.

Должно быть, и ребенокъ самъ не зналъ,
Какъ до болѣзни къ смерти былъ онъ близокъ.
Здѣсь иль не здѣсь—намъ нуженъ въ томъ отвѣтъ.

Король Джонъ.

Зачѣмъ глядите, грозно сдвинувъ брови,
Вы на меня? Иль можете вы думать,
Что ножницы судьбы въ моихъ рукахъ?
Иль жизни токъ подвластенъ нашей волѣ?

Салисбюри.

Тутъ нечиста игра—и стыдно вѣрить,
Что власть земная такъ плутуетъ грубо.
Веди жъ игру съ успѣхомъ и прощай!

Пэмброкъ.

Лордъ Салисбюри, погоди. Вдвоемъ
Пойдемъ къ владѣньямъ бѣднаго дитяти,
Пойдемъ къ его безвременной могилѣ,
Что стало царствомъ маленькимъ ему.
Въ трехъ-футовомъ пространствѣ на землѣ
Та кровь, что цѣлымъ островомъ владѣла!
Намъ гнусенъ свѣтъ! Мы не снесемъ того.
(*Лорды уходятъ*).

Король Джонъ.

Они горятъ негодованьемъ. Каюсь:
Опоры твердой не построишь кровью!
Чужою смертью жизни не спасешь!

Входитъ вѣстникъ.

Король Джонъ.

Бѣдой глядишь ты. Гдѣ дѣвалась кровь,
Которую видалъ въ лицѣ я этомъ?
Такая туча не пройдетъ безъ бури.
Кончай скорѣй! Что Франція?

Вѣстникъ.

Идетъ
Вся Франція войною на британцевъ.
Такой огромной силы для набѣга
Ни въ чьей странѣ еще не собиралось.
Походъ твой быстрый подалъ имъ примѣръ.
И раньше вѣсти о приготовленьяхъ
О высадкѣ ихъ вѣсти я несу.

Король Джонъ.

Иль пьяны были посланные наши?
Иль спало все? Что съ матерью моей?
Иль до нея не доходило слуха
О сборѣ войскъ?

Вѣстникъ.

Великій государь,
Могильнымъ прахомъ слухъ ея засыпанъ.
На первое апрѣля умерла
Высокая родительница ваша,
А за три дня, лишенная разсудка,
Констанція скончалась. Эту вѣсть
Узналъ случайно я и не могу
Сказать—она правдива, или нѣтъ.

Король Джонъ.

Сдержи полетъ свой, страшная судьба!
Примкни ко мнѣ, чтобъ лордовъ раздраженныхъ
Я успокоилъ. Мать моя скончалась!
Бѣда грозитъ моимъ французскимъ землямъ!
Ну, говори: коль высадка была,
То кто ведетъ французскія дружины?

Вѣстникъ.

Дофинъ ведетъ ихъ.

Входятъ Филиппъ Незаконнорожденный и Питеръ *изъ Помфрета.*

Король Джонъ.

Отъ вѣстей твоихъ
Мутится разумъ.
(*Филиппу*). Что, какіе толки
О порученьи, что тебѣ я далъ?
Вѣстями злыми голова полна—
И новыхъ бѣдъ не смѣй ты мнѣ пророчить.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Когда о злѣ не хочешь слушать ты,
То зло къ тебѣ нагрянетъ и нежданнымъ.

Король Джонъ.

Кузенъ, прости меня! Приливомъ бурнымъ
Я съ ногъ былъ сбитъ; но снова изъ пучины
Я поднялся, и перевелъ дыханье
И выслушать твою я вѣсть готовъ,
Хотя бъ она была полна бѣдою.

Филиппъ Незаконнорожденный.

О томъ, какъ я съ попами велъ себя,
Тебѣ казна, мной добытая, скажетъ;
Но, на пути возвратномъ, я нашелъ
Народъ въ волненьи необыкновенномъ:
Онъ слухами и грезами смущенъ,
Исполненъ страха, смутныхъ ожиданій,
И вотъ пророкъ, котораго схватилъ
Я въ Помфретѣ, на улицѣ, гдѣ онъ
Толпѣ за нимъ бѣжавшихъ ротозѣевъ
Разсказывалъ въ уродливыхъ стихахъ,
Что царственнаго ты вѣнца лишишься
Въ день Вознесенья и въ полдневный часъ

Король Джонъ (*Питеру*).

Ты это смѣлъ сказать, болтунъ безумный?

Питеръ.

Событія покажутъ, что я правъ.

Король Джонъ.

Въ тюрьму его! Возьми мерзавца, Губертъ,
И въ Вознесенье, въ полдень, въ самый часъ,
Когда вѣнца потерю онъ пророчитъ,
Пускай его повѣсятъ. Сдай его
И воротись сюда.
(*Губертъ и Питеръ уходятъ*).
Кузенъ мой милый,
Ты слышалъ ли про то, кто къ намъ идетъ?

Филиппъ Незаконнорожденный.

Французъ идетъ; все полно слухомъ этимъ,
Да сверхъ того я повстрѣчалъ сейчасъ
Лордъ-Биготаи лордаСалисбюри.
Глаза у нихъ сверкали краснымъ свѣтомъ,
Какъ только-что разложенный огонь.
Они, съ другими вмѣстѣ, на могилу
Идутъ Артура, говоря, что ночью
Ты приказалъ ребенка умертвить.

Король Джонъ.

Мой добрый другъ и родственникъ, иди,
Смѣшайся съ ихъ толпой, скажи, что я
Имѣю средства примириться съ ними—
И всѣхъ зови сюда.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Я ихъ сыщу.

Король Джонъ.

Не медли же и ногъ ты не жалѣй.
Могу ль я быть въ враждѣ съ моимъ народомъ,
Когда смятенье шлетъ по городамъ
Нашествіе суровыхъ чужеземцевъ?
Крылатыми стопами, какъ Меркурій,
Иди отъ насъ и съ быстротою мысли
Вернись отъ нихъ ко мнѣ скорѣй, скорѣй!

Графъ ПЭМБРОКЪ
(*древняя статуя его въ лондонской церкви Temple-Church*).

Филиппъ Незаконнорожденный.

Я знаю самъ, что некогда зѣвать. (*Уходитъ*).

Король Джонъ.

Да, смѣлый рыцарь виденъ въ этой рѣчи.
(*Вѣстнику*).
Иди за нимъ; понадобится вѣстникъ,
Быть можетъ, между пэрами и мной,
Такъ будь при немъ.

Вѣстникъ.

Иду, мой государь. (*Уходитъ*).

Король Джонъ.

Скончалась мать моя!

Губертъ *возвращается.*

Губертъ.

Мой государь, явилось въ эту ночь.
Какъ говорятъ, пять мѣсяцевъ на небѣ;
Изъ нихъ четыре неподвижны были,
А пятый обходилъ ихъ и чудесно
Бродилъ кругомъ.

Король Джонъ.

Пять мѣсяцевъ на небѣ!

Губертъ.

На улицахъ и старики, и бабы
Явленье то толкуютъ на бѣду:
Въ устахъ у всѣхъ молва про смерть Артура,
И на ухо, качая головами,
Они твердятъ другъ другу эту вѣсть,
Придерживая слушателей руку.
А тотъ, кто слышитъ вѣсть, и морщитъ брови,
И корчится, и головой киваетъ.
Я видѣлъ, какъ съ поднятымъ молоткомъ
Передъ желѣзомъ, на станкѣ остывшемъ,
Кузнецъ стоялъ и слушалъ, ротъ разинувъ,
А съ мѣркою и ножницами тутъ же
Стоялъ портной, и, впопыхахъ надѣвши
Не на ту ногу башмаки свои,
Разсказывалъ, что тысячи французовъ
Въ оружіи пришли и стали въ Кентѣ.
Другой болтунъ немытый прервалъ рѣчь
Той вѣстью, что Артуръ скончался ночью.

Король Джонъ.

Зачѣмъ ты мнѣ твердишь про слухи эти?
Зачѣмъ твердишь про юнаго Артура?
Ты погубилъ дитя. Его кончины
Я могъ желать—зачѣмъ она тебѣ?

Губертъ.

Какъ, государь! не ты ль мнѣ поводъ подалъ?

Король Джонъ.

На грѣхъ и зло толпятся при царяхъ
Рабы, которымъ высшей власти прихоть
Есть поводъ на кровавыя дѣла;
Рабы, законъ толкующіе смѣло,
По мановенью царственной руки
Готовые всегда дать ходъ опасный
Тому, что прихоть царская велѣла.

Губертъ
(*подавая приказъ о смерти Артура*).

Вотъ здѣсь рука—и здѣсь твоя печать.

Король Джонъ.

Когда придетъ послѣдній часъ разсчета
Между землей и небомъ, та рука
И та печать свидѣтелями будутъ
И увлекутъ къ погибели меня.
Какъ часто поводъ къ злымъ дѣламъ даетъ
Одна возможность сдѣлать злое дѣло!
Когда-бъ ты не стоялъ вблизи меня
Помѣченнымъ, готовымъ къ дѣлу срама,
Убійство то мнѣ не пришло-бъ на мысли;
Но я примѣтилъ видъ жестокій твой,
Нашелъ тебя готовымъ къ дѣлу крови,
Угодливымъ, послушнымъ въ часъ опасный—
И я про смерть Артура намекнулъ,
А ты, алкая милостей монарха,
Не устыдился принца погубить.

Губертъ.

Мой государь!

Король Джонъ.

Когда бы ты, рѣчь темную мою
Услышавши, отвѣтилъ мнѣ молчаньемъ,
Иль просто головою покачалъ,
Иль попросилъ дальнѣйшихъ разъясненій.
Глубокій стыдъ мои замялъ бы рѣчи,
И замолчалъ бы я, и опасенья
Твои во мнѣ самомъ развили-бъ ужасъ;
Но всѣ намеки понялъ ты мои—
И самъ грѣху намеками отвѣтилъ,
Отъ сердца ты, не медля, далъ согласье—
И гнусною рукою ты свершилъ
То, что мы оба и назвать стыдились.
Прочь съ глазъ моихъ! навѣки прочь отъ насъ!
Вельможами я брошенъ, у воротъ
Стоятъ враги, смѣясь надъ нашей силой,
И даже здѣсь, во мнѣ самомъ, въ томъ царствѣ,
Гдѣ кровь моя и гдѣ мое дыханье,
Горитъ междоусобная война
Межъ совѣстью и смертію дитяти.

Губертъ.

Иди-жъ на бой противъ чужихъ враговъ,
Я примирю тебя съ душой твоею:
Артуръ не умеръ. Руки у меня
И дѣвственны и чужды преступленья,
И нѣтъ на нихъ пурпурныхъ пятенъ крови.

Я въ эту грудь еще не допускалъ
Кровавыхъ мыслей тяжкаго напора—
И ты во мнѣ природу оскорбилъ,
Которая, подъ оболочкой черствой,
Укрыла душу, что итти не въ силахъ
Невинному ребенку въ палачи.

Король Джонъ.

Какъ, живъ Артуръ? Бѣги, бѣги же къ лордамъ,
Смягчи ихъ гнѣвный пламень вѣстью этой
И ихъ къ повиновенью призови!
Забудь слова, что о тебѣ сказалъ я!
Въ тяжелый часъ отъ гнѣва слѣпъ я былъ
Мечта о крови мнѣ глаза затмила,
И страшный видъ тебѣ она дала.
Не отвѣчай—скорѣе на совѣтъ
Зови ко мнѣ тѣхъ пэровъ раздраженныхъ!
Бѣги быстрѣй, чѣмъ рѣчь течетъ моя!

(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Передъ замкомъ.

На стѣну входитъ Артуръ.

Артуръ.

Хоть высока стѣна, но соскочу я.
О, пожалѣй, не тронь меня, земля!
Почти никто меня въ лицо не знаетъ;
А если-бъ кто и зналъ меня—нарядъ
Матроса-мальчика меня укроетъ.
Хоть страшно мнѣ, но ужъ рѣшился я.
Удастся мнѣ спрыгнуть и не разбиться,
Я безъ труда сумѣю убѣжать.
О, лучше умереть, себя спасая,
Чѣмъ смерти ждать, оставшися въ темницѣ!

(*Прыгаетъ со стѣны*).

О, дяди духъ сказался въ камняхъ этихъ!
Прими мой духъ, Господь— и кости эти
Пускай въ землѣ улягутся британской!

(*Умираетъ*).

Входятъ Салисбюри, Пэмброкъ и Биготъ.

Салисбюри.

Въ Сентъ-Эдмондсбери встрѣчу я его,
Милорды: намъ другого нѣтъ спасенья,
И кроткихъ предложенiй мы не вправѣ
Отвергнуть въ эти тяжкiе часы.

Пэмброкъ.

Но кто-жъ принесъ письмо отъ кардинала?

Салисбюри.

Французскiй вождь, достойный графъ Меленъ.

ПЭМБРОКЪ и САЛИСБЮРИ предъ трупомъ принца АРТУРА (Дѣйствiе IV, сц. 3).

Картина извѣстнаго англ. живописца сэра Роберта Кера Портера (sir Robert Ker Porter, 1777 - 1842).
(*Малая Бойделевская галлерея*).

Онъ на словахъ про всю любовь дофина
Мнѣ разсказалъ яснѣе, чѣмъ въ письмѣ.

Биготъ.

Что-жъ, завтра утромъ съ ними мы сойдемся.

Салисбюри.

Или скорѣй поѣдемъ къ нимъ: до встрѣчи
Два дня въ пути мы провести должны.

Входитъ Филиппъ Незаконнорожденный.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Привѣтъ вамъ снова, гнѣвные вельможи!
Черезъ меня король къ себѣ зоветъ васъ.

Салисбюри.

Король отбросилъ власть надъ всѣми нами;
Дрянной и грязной мантiи его
Мы украшать не станемъ нашей славой,
И не согнемся мы до той ноги,
Что за собой слѣдъ крови оставляетъ.

Вернись и передай ему все это;
А многое, страшнѣе, знаемъ мы.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Вы думайте, какъ знаете; но лучше-бъ,
Мнѣ кажется, къ словамъ вернуться добрымъ.

Салисбюри.

Не наша то—но нашей скорби рѣчь.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Но если нѣтъ причинъ для вашей скорби,
То поводъ есть къ почтительнымъ рѣчамъ.

Пэмброкъ.

Да, сэръ, свои права имѣетъ гнѣвъ.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Права—вредить тому, кто гнѣвомъ полонъ.

Салисбюри.

Вотъ здѣсь его темница. Это кто?

(*Примѣчаетъ трупъ Артура*).

Пэмброкъ.

И царственной, и чистою добычей
Гордится смерть! И нѣтъ на всей землѣ
Могилы, чтобъ укрыть такое дѣло!

Салисбюри.

Себя убійство въ ужасъ привело—
И трупъ не скрытъ, и всѣхъ зоветъ на мщенье!

Биготъ.

Или палачъ прелестнаго ребенка
Его красу не смѣлъ закрыть могилой?

Салисбюри.

Что скажешь ты, сэръ Ричардъ? Ты видалъ
Подобное? Иль слышалъ, иль читалъ,
Или видалъ во снѣ дѣла такія?
Ты въ силахъ ли себѣ отдать отчетъ
Въ томъ, что ты видишь? Въ силахъ ли повѣрить—
Не видѣвъ самъ—тому, что видишь ты?
Не это ли вершина и вѣнецъ
Злодѣйскихъ дѣлъ? Не это ли—корона,
Что надъ гербомъ убійцы стать должна?
О, это стыдъ кровавый, лютость звѣря,
Позорнѣйшій ударъ, какими только
Каменносердый гнѣвъ и злая ярость
У состраданья вызывали слезы!

Пэмброкъ.

Убійства всѣ невинны передъ этимъ:
Оно въ своемъ единствѣ безпримѣрно
И освятитъ, и извинитъ собой
Всѣ ужасы, что намъ въ грядущемъ скрыты,
И шуткой станетъ пролитая кровь,
Въ сравненіи съ ужаснымъ этимъ видомъ.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Кровавое и пагубное дѣло,
Злодѣйскихъ рукъ безжалостнѣйшій слѣдъ.
Коль точно здѣсь виной рука людская.

Салисбюри.

Коль точно здѣсь виной рука людская?
Мы съ ясностью предвидѣли бѣду:
Здѣсь, въ дѣлѣ срама—Губерта рука,
А короля и замыселъ, и воля,
Здѣсь подданство слагаю я свое,
И на колѣняхъ передъ милымъ трупомъ,
Передъ красой безжизненной, несу,
Какъ ѳиміамъ, такой обѣтъ священный:
Отторгнусь я отъ прелестей земныхъ,
Я радостью себя не опозорю,
Не стану знать ни лѣни, ни покоя
До той поры, пока свою я руку
Не освящу отмщеніемъ священнымъ.

Пэмброкъ и Биготъ.

И тѣ слова мы свято подтверждаемъ.

Входитъ Губертъ.

Губертъ.

Я къ вамъ спѣшу, достойные вельможи.
Артуръ не умеръ; васъ зоветъ король.

Салисбюри.

О, дерзокъ онъ предъ смертью не краснѣетъ.
Вонъ, мерзкій извергъ! съ глазъ долой, подлецъ!

Губертъ.

Не извергъ я.

Салисбюри.

Я твой палачъ теперь! (*Вынимаетъ мечъ*).

Филиппъ Незаконнорожденный.

Въ порядкѣ мечъ твой — спрячь его въ ножны!

Салисбюри.

Убійцы трупъ ему ножнами будетъ.

Губертъ.

Назадъ, милордъ! назадъ, я говорю!
Твой мечъ остеръ, но—Небомъ я клянусь—
И у меня наточенъ мечъ изрядно.
Опомнись же, не искушай меня,
Не вызывай опасную защиту,
Чтобъ не забылъ я, предъ твоею злобой,
Величія и сана твоего.

Биготъ.

Ты, куча грязи, лорду шлешь угрозы?

Губертъ.

Нисколько; но стоять за жизнь мою
И противъ императора я смѣю.

Салисбюри.

Убійца ты!

Губертъ.

Нѣтъ, не убійца я.
Тотъ, чей языкъ неправо обвиняетъ,
Тотъ говоритъ неправду предъ людьми.
А кто сказалъ неправду, тотъ солгалъ.

Пэмброкъ.

Руби его въ куски!

Филиппъ Незаконнорожденный.

Остановитесь,
Я говорю вамъ.

Салисбюри.

Отойди назадъ,
Иль я тебя ударю, Фальконбриджъ.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Ударь ты лучше чорта, Салисбюри!
Пошевелись, косой мнѣ взглядъ пошли,
Иль съ гнѣвомъ мнѣ скажи худое слово—
И я тебя убью. Вложи жъ свой мечъ,
Не то—тебя съ твоею кочергою
Я такъ сомну, что будешь думать ты,
Не дьяволъ ли пришелъ къ тебѣ изъ ада.

Биготъ.

Какъ, храбрый, знаменитый Фальконбриджъ
На сторонѣ убійцы и мерзавца?

Губертъ.

Не для меня названья тѣ, лордъ Биготъ.

Биготъ.

Вотъ принца трупъ—кто умертвилъ его?

Губертъ.

За часъ назадъ онъ живъ былъ и здоровъ;
Я чтилъ его, любилъ его—и стану
Всю жизнь рыдать о горестной потерѣ.

Салисбюри.

Коварныхъ глазъ слезамъ не вѣрю я!
Ихъ проливать умѣетъ и злодѣйство;
А кто привыкъ, тотъ ихъ рѣкою льетъ,
И жалость, и невинность представляя.
За мною всѣ, для чьей души ужасенъ
Нечистый воздухъ этой мерзкой бойни!
Здѣсь смрадъ грѣха—и душитъ онъ меня.

Биготъ.

Идемъ, идемъ къ дофину; ѣдемъ въ Бери.

Пэмброкъ.

А королю скажи—пусть ищетъ насъ.

(*Лорды уходятъ*).

Филиппъ Незаконнорожденный.

Не хороши дѣла! (*Губерту*). О смерти принца
Ты зналъ ли? Если ты убилъ его,
То нѣтъ тебѣ прощенья: ты нарушилъ
Границы всѣ и мѣры для пощады.
Ты будешь проклятъ, Губертъ.

Губертъ.

Но послушай.

Филиппъ Незаконнорожденный.

А вотъ что я могу тебѣ сказать:
Ты черенъ такъ, какъ чернота сама,
Проклятѣе ты принца Люцифера,
И дьявола гнуснѣе нѣтъ въ аду,
Чѣмъ ты, убившій этого ребенка.

Губертъ.

Клянусь душой моей...

Филиппъ Незаконнорожденный.

Когда ты далъ
Согласье на жестокій тотъ проступокъ,
То задохнись съ отчаянья, и если
Веревку ты захочешь для себя,
То подбери ничтожнѣйшую нитку,
Что выпускаетъ изъ себя паукъ,
И удавися ей; на тростникѣ,
Какъ на суку, повѣсься безъ труда,
А если ты захочешь утопиться,
То зачерпни себѣ воды на ложку—
И эта ложка станетъ океаномъ,
Чтобъ поглотить такого душегубца.
Да, тяжко заподозрѣнъ мною ты.

Губертъ.

Когда я дѣломъ, мыслію, согласьемъ
Виновенъ въ кражѣ милой той души,
Что замкнута была въ прелестномъ прахѣ,
То пусть въ аду не сыщется мнѣ мукъ!
Онъ былъ здоровъ, когда ушелъ я.

Графъ САЛИСБЮРИ.

(*Древняя статуя его въ соборѣ города Салисбюри*).

Филиппъ Незаконнорожденный.

Ну,
Бери же трупъ, неси его отсюда.
Мой духъ смущенъ—теряется мой путь
Межъ терній и житейскихъ треволненій!
(*Губертъ поднимаетъ тѣло на руки*).
О, какъ легко всю Англію ты поднялъ!
Изъ этихъ мертвыхъ, царственныхъ останковъ
Взлетѣла къ небу жизнь страны родной
И правда, и законъ, и остается
Вся Англія на горе и тревогу,
И на раздоръ, и на добычу скорби.
Теперь, какъ песъ на кинутую кость,
Щетинится война на царство наше—
И грозно зубы скалитъ и рычитъ
На миръ невинный съ кроткими глазами.
Набѣгъ извнѣ и смуты въ государствѣ
Сошлися въ рядъ, и безпорядокъ ждетъ,
Какъ воронъ надъ упавшею скотиной,
Паденія похищеннаго трона.
Счастливъ, чей плащъ и поясъ не слетятъ
Передъ напоромъ этой бури. Что же?
Неси ребенка и бѣги за мной—
Я къ королю иду. Въ рукахъ скопились
По тысячамъ нужнѣйшія дѣла,
А самъ Господь на край нашъ смотритъ грозно.

(*Уходятъ*).

АББАТСТВО ЭДМОНДСБЕРИ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Тамъ же. Комната во дворцѣ.

Входитъ король Джонъ, Пандольфъ *съ короною и свита.*

Король Джонъ.

Итакъ, вѣнецъ величья моего
Тебѣ я сдалъ.

Пандольфъ (*возвращая корону*).

И отъ моей руки
Бери его назадъ. По власти папы
Тебѣ даются власть и царскій санъ.

Король Джонъ.

Теперь спѣши сдержать святое слово:
Иди къ французу и останови
Его походъ отца святого волей.
Спѣши, пока къ намъ пламя не дошло.
Ужъ бунтъ кипитъ по нашимъ графствамъ буйнымъ;
Съ подданствомъ мой разссорился народъ:
Онъ преданность готовитъ и присягу
Чужимъ властямъ и чужеземной крови;
Растетъ напоръ волненія и смутъ,
И ты одинъ сдержать его способенъ.
Не медли же; недугъ временъ таковъ,
Что пропусти минуту врачеванья—
И все падетъ въ бѣдѣ неисцѣлимой.

Пандольфъ.

Моимъ дыханьемъ поднялъ я угрозу
Въ тотъ часъ, когда противился ты папѣ;
Но съ кротостью несешь ты покаянье—
И бурю брани словомъ погашу я
И тишину твоимъ владѣньямъ дамъ
Въ день Вознесенья: помни жь, ты принесъ
Присягу на повиновенье папѣ—
И въ тотъ же день, сегодня, я иду,
Къ французу- и французъ оружье сложитъ.

(*Уходитъ*).

Король Джонъ.

Сегодня Вознесенья день, а мнѣ
Сказалъ пророкъ, что въ полдень Вознесенья
Короны я лишусь. И правъ онъ былъ.
Я думалъ, что лишусь ее насильемъ.
Но, слава Небу, самъ я сдалъ корону.

Входитъ Филиппъ Незаконнорожденный.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Весь Кентъ врагамъ отдался—не сдался
Одинъ лишь замокъ въ Доверѣ; какъ гостя,
Дофина съ войскомъ принимаетъ Лондонъ.
Твои вельможи слушать не хотѣли
Моихъ рѣчей и перешли къ врагу,
А горсть друзей сомнительныхъ твоихъ
Колеблется волненіемъ и страхомъ.

Король Джонъ.

И лорды не вернулися ко мнѣ,
Узнавъ о томъ, что юный принцъ не умеръ?

Филиппъ Незаконнорожденный.

Артура трупъ на улицѣ нашли
Твои вельможи—и въ пустомъ ковчегѣ
Алмаза жизни не было: онъ взятъ
Проклятой, неизвѣстною рукою.

Король Джонъ

Онъ живъ—мерзавецъ Губертъ мнѣ сказалъ.

Филиппъ Незаконнорожденный.

И живъ онъ былъ, клянусь душой моею.
Что жъ ты повѣсилъ голову свою?
Зачѣмъ глядишь такъ грустно? Будь великъ
На дѣлѣ, какъ великъ ты помышленьемъ!
Пусть міръ не видитъ страха и тревоги,
Туманящихъ могучій царскій взглядъ!
Коль грозенъ часъ—встрѣчай его грозою,
Съ огнемъ къ огню, съ угрозою къ грозящимъ,
Къ бѣдѣ съ челомъ безстрашнымъ подступай,—
Тогда и взгляды подданныхъ твоихъ,
Привычные итти за слѣдомъ царскимъ,
Понявъ примѣръ великій, вспыхнутъ сами
Несокрушимой твердости огнемъ.
Впередъ! Сверкай, какъ свѣтлый богъ войны,
Когда на поле брани онъ стремится:
Пустъ видятъ всѣ, какъ ты могучъ и смѣлъ.
Иль пуститъ левъ враговъ въ свою пещеру?
Иль предъ врагами станетъ онъ дрожать?
Нѣтъ, не бывать тому! Сбирай войска,
Иди встрѣчать грозу въ открытомъ полѣ,
Не жди ее, но самъ схватися съ ней!

Король Джонъ.

Посланникъ папы былъ сейчасъ со мною:
Счастливый миръ свершился между нами,
И далъ онъ слово отослать войска
Дофиновы.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Позорное сближенье!
Какъ? Наши земли заняты врагами,
А мы миримся, каемся во всемъ,
Хитримъ, зовемъ посредниковъ и миръ
Презрѣнный предлагаемъ вражьей силѣ?
Какъ? Безбородый мальчикъ, негодяй
Изнѣженный, поля безчеститъ наши,
Ломается въ воинственной странѣ
На срамъ небесъ, знамена распускаетъ—
И мы его не сломимъ? Государь!
Къ оружію, къ оружію! Быть можетъ,
Твой кардиналъ не принесетъ намъ мира;
А если будетъ миръ—пусть знаютъ всѣ,
Что было все готово для защиты.

Король Джонъ.

Распоряжайся всѣмъ за это время.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Смѣлѣй впередъ! У насъ достанетъ силы
И на отпоръ страшнѣйшему врагу.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Поле близъ Эдмондсбери.

Входятъ дофинъ Людовикъ, Салисбюри, Меленъ, Пэмброкъ, Биготъ *и войско.*

Людовикъ.

Милордъ Меленъ, вели списать бумагу
И списокъ сохраняй на память намъ,
А подлинникъ ты лордамъ возврати;
Пускай они, узнавши нашу волю,
И сами мы, читая тѣ слова,
Пребудемъ тверды въ общей клятвѣ нашей,
Въ залогъ которой приняли Дары.

Салисбюри.

Мы клятвы нашей ввѣки не нарушимъ.
Безъ принужденья, по своей охотѣ
Служить тебѣ присягу дали мы,
Хотя не радостно для насъ, повѣрьте,
Лѣчить недугъ и язву дней тяжелыхъ
Возстаніемъ, и раны наносить
Для исцѣленья раны жесточайшей.
Въ душѣ моей мнѣ горько извлекать
Желѣзо это изъ ножонъ затѣмъ,
Чтобъ размножать вдовицъ въ родимомъ краѣ.
До сей поры вездѣ, гдѣ честь звала,
Гдѣ приходилось лишь стоять за правду,
Вездѣ гремѣло имя Салисбюри!
Но такъ полны заразой наши дни,
Что, правду исцѣляя и врачуя,
Намъ руку смутъ осталось лишь поднять

СРЕДНЕВѢКОВЫЯ КОРОЛЕВСКІЯ НОСИЛКИ.

(*Рисунокъ французской рукописи XIV в.*).

На горькую, жестокую неправду.
Не горько ль намъ, печальные друзья,
Сынамъ и дѣтямъ острова родного,
Родиться на такой печальный часъ,
Ступать на сердцѣ родины съ пришельцемъ
И умножать ряды враговъ собою,
И даже здѣсь, гдѣ я стою и горько плачу,
На самомъ мѣстѣ горькаго рѣшенья,
Средь рыцарей чужихъ, далекихъ странъ
Стремиться за чужими знаменами?
Мы на своихъ идемъ! Народъ родной,
О, если бъ ты укрыться могъ отъ брани,
О, если бы объятія Нептуна,
Что обняли тебя со всѣхъ сторонъ,
Тебя отсюда унести могли
И перебросить далеко, къ невѣрнымъ,
Гдѣ обѣ рати христіанскихъ царствъ
Могли бъ смѣнить вражду союзомъ тѣснымъ
И не терзать другъ друга, какъ враги!

Людовикъ.

Въ твоихъ рѣчахъ высокій духъ сказался,
И алая скорбь, стѣснивши грудь твою,
Грозою благородства разразилась.
О, какъ свята была твоя борьба
Межъ принужденьемъ и закономъ чести!
Моей рукой со щекъ твоихъ сотру я
Росистыхъ слезъ честное серебро.
Не разъ душа смягчалася моя
Отъ женскихъ слезъ обычнаго потока,
Но этотъ ливень мужественныхъ капель
Изъ сердца, потрясеннаго грозою,
Меня увлекъ и взоръ мой поразилъ
Сильнѣй, чѣмъ видъ воздушныхъ сводовъ неба,
Пылающихъ рядами метеоровъ.
О, славный Салисбюри, подними
Свое чело и съ мужественнымъ сердцемъ
Иди впередъ, навстрѣчу лютой бурѣ,
А слезы предоставь глазамъ мальчишекъ,
Что не видали міра въ часъ грозы
И на пирахъ однихъ съ судьбой боролись,
Болтая, веселясь и горячась!
Иди ко мнѣ. Съ Людовика рукой
Твоя рука въ сокровищницу счастья
Опустится глубоко—и съ тобой
Дары раздѣлятъ свѣтлые вельможи,
Сцѣпившіеся съ силою моею.
И ангельскій намъ голосъ прозвучитъ...

Входитъ Пандольфъ *со свитой.*

Людовикъ.

Гляди, святой легатъ сюда явился,
Чтобъ волю неба намъ провозгласить
И освятить священнымъ словомъ права
Рѣшенья наши.

Пандольфъ.

Свѣтлый принцъ французскій,
Привѣтъ тебѣ! Затѣмъ—вотъ рѣчь моя:
Король британскій примирился съ Римомъ;
Покоренъ духъ, что грозно возставалъ
Противу церкви и священной власти,
А потому—спѣши скорѣе свить
Твои грозой развитыя знамена
И укротить жестокій духъ войны,
Чтобъ онъ, какъ левъ, пріученный къ рукамъ,
Спокойно легъ передъ стопами мира
И лишь по виду ужасъ возбуждалъ.

Людовикъ.

Прости, отецъ—я не пойду назадъ.
Высокъ мой родъ, и мнѣ не знать подданства,
Не мнѣ чужимъ рѣшеньямъ уступать

И быть слугой или слѣпымъ орудьемъ
Какой-нибудь изъ всѣхъ земныхъ властей.
Ты дунулъ на потухшій уголь брани;
Ты брань разжегъ межъ мной и царствомъ этимъ;
Ты дровъ принесъ, и ты питалъ огонь—
И не задуть теперь дыханьемъ слабымъ
То пламя, что когда-то ты зажегъ.
Ты мнѣ помогъ съ моимъ спознаться правомъ;
На это царство ты мнѣ указалъ;
Въ моей душѣ родилъ ты мысль о брани—
И ты мнѣ смѣешь говорить, что Джонъ
Мирится съ Римомъ. Что мнѣ въ этомъ мирѣ?
Я, въ силу правъ супружескаго ложа,
За смертью принца юнаго Артура,
Прямой властитель этихъ областей;
И, покоривши царства половину,
Ужель теперь назадъ вернуся я,
Затѣмъ что Джонъ смирился передъ Римомъ?
Иль рабъ я римскій? Развѣ Римъ мнѣ далъ
Войска и деньги? Или Римъ доставилъ
Запасы на походъ мой? Иль не я
Несу войны всю тягость? Иль не я
Съ вассалами моими заодно
Тружусь въ поту, подъ тяжестію бранной?
Иль не слыхалъ я, какъ „Vive le Roy"
Островитяне здѣшніе кричали,
Какъ я съ побѣдой въ города вступалъ?
Не мнѣ ль, въ игрѣ на царственный вѣнецъ,
Изъ лучшихъ картъ досталась въ руки сдача?
И выигрышъ мой вѣрный брошу я?
Клянусь душой—того вовѣкъ не будетъ!

Пандольфъ.

На внѣшность дѣла ты глядишь одну.

Людовикъ.

Такъ или нѣтъ—но не вернуся я,
Пока вполнѣ со славой не свершится
Мой замыселъ, пока я не исполню
Моихъ надеждъ, съ которыми я смѣло
На дѣло брани выступилъ, забравъ
Съ собой бойцовъ горячихъ и готовыхъ
Добыть завоеваній и честей
Изъ самой пасти смерти и тревоги.
(*Слышенъ звукъ трубы*).
Кто насъ зоветъ веселымъ трубнымъ звукомъ?

Входитъ Филиппъ Незаконнорожденный *со свитою*.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Согласно всѣмъ обычаямъ житейскимъ,
Прошу свиданья: я посломъ являюсь.
(*Пандольфу*).
Святой отецъ Миланскій, присланъ я
Отъ короля, чтобы узнать о томъ,
Чѣмъ кончились переговоры ваши?
А твой отвѣтъ покажетъ ясно мнѣ,
Какую рѣчь языкъ держать мой будетъ.

Пандольфъ.

Со злобою противится дофинъ,
Моихъ не принимаетъ увѣщаній,
И наотрѣзъ онъ объявляетъ намъ
Что браннаго оружія не сложитъ.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Клянуся всей воинственною кровью,
Рѣчь юноши смѣла и хороша!
Пусть онъ теперь услышитъ рѣчь другую,
Что черезъ меня король британскій держитъ.
На бой готовъ онъ—и давно готовъ:
Смѣется царь мой надъ походомъ вашимъ,
Коварнымъ и достойнымъ обезьянъ.
Ему смѣшны внезапность наступленья,
Попытки бунта, воинскія маски
И дерзость вашихъ безбородыхъ войскъ.
Хлыстомъ онъ сгонитъ прочь съ земли родной
Полки пигмеевъ вашихъ и покончитъ
Пигмейскую, презрѣнную войну.
Ужель рука, что силою своей
Могла тузить васъ передъ дверью вашей;
Рука, передъ которой вы бѣжали
И прятались, какъ ведра, по колодцамъ,
И залѣзали подъ навозъ въ конюшняхъ
Со свиньями, ища себѣ спасенья
Въ шкапахъ, въ ларяхъ, темницахъ, въ погребахъ,
Дрожа и повергаясь въ страшный трепетъ,
Заслыша крикъ родного пѣтуха
И думая, что то кричитъ британецъ—
Ужель слаба та грозная рука,
Что била васъ подъ самой кровлей вашей?
Нѣтъ, знайте жъ, мой могучій государь
Надѣлъ броню—и, какъ орелъ, парящій
Надъ крѣпостью воздушною своей,
Гнѣздо свое готовъ оберегать.
(*Салисбюри и другимъ лордамъ*).
А вы, что бунтъ безсовѣстный подняли,
Неблагодарныхъ выродковъ толпа,
Готовая терзать, какъ злой Неронъ,
Утробу нашей матери любезной—
Краснѣйте! срамъ на васъ! И жены ваши,
И блѣдныя британскія дѣвицы
Идутъ въ толпахъ подъ барабанный бой,
Какъ амазонки, смѣло замѣнивъ
Копьемъ иглу, наперстки побросавъ,
На руки вздѣвъ желѣзныя перчатки

И въ нѣжномъ сердцѣ грозно распаливъ
Кровавый и жестокій пламень брани.

Людовикъ.

Довольно хвастать. Убирайся съ миромъ:
Мы знаемъ, что тебя не переспорить.
Прощай, намъ время дорого: терять
Мы съ болтуномъ такимъ его не вправѣ.

Пандольфъ.

Хочу сказать я слово.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Рѣчь за мною.

Людовикъ.

Обоихъ васъ мы слушать не хотимъ.
Ударить въ барабаны: бранный голосъ
За насъ—и наше право пусть гремитъ!

Филиппъ Незаконнорожденный.

Бей въ барабанъ — и будетъ онъ шумѣть;
Тебя побьютъ—и самъ шумѣть ты станешь.
Ну что-жъ? Пускай гремитъ твой барабанъ—
И близъ него тотчасъ другой ударитъ
И загремитъ не хуже твоего;
Ударь въ другой — и новый барабанъ
Ему въ отвѣтъ подниметъ громъ свой къ небу,
Заспоривъ съ громомъ тяжкимъ и глухимъ.
Здѣсь, въ двухъ шагахъ—легату не ввѣряясь
И не нуждаясь въ помощи его —
Могучій Джонъ стоитъ съ своею силой,
А на челѣ монарха смерть сидитъ,
И предстоитъ ея скелету пиръ
Сегодня же изъ тьмы французскихъ труповъ.

Людовикъ.

Бить въ барабанъ! Увидимъ, близко-ль врагъ!

Филиппъ Незаконнорожденный.

Сейчасъ, дофинъ, его ты самъ увидишь!

(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Тамъ же. Поле сраженія.

Тревога и схватка. Входятъ король Джонъ и Губертъ.

Король Джонъ.

Какъ бой идетъ? Скажи скорѣе, Губертъ!

Губертъ.

Боюсь, что худо. Государь, что съ вами?

Король Джонъ.

Та лихорадка вновь гнететъ меня,
Что мучила меня такъ долго. О,
Моя душа тоскуетъ!

Входитъ вѣстникъ.

Вѣстникъ.

Государь,
Вашъ родственникъ, отважный Фальконбриджъ,
Васъ просить удалиться съ поля битвы
И чрезъ меня увѣдомить его,
Куда вы двинетесь.

Король Джонъ.

Скажи ему,
Что я иду къ Свинстидскому аббатству.

Вѣстникъ.

Мужайтесь-же: огромный тотъ отрядъ,
Что долженъ былъ поспѣть къ дофину въ помощь,
Три дня тому, на гудвинскихъ пескахъ
Понесъ крушеніе. Ричардъ лишь сейчасъ
О томъ узналъ. Французъ дерется слабо
И отступаетъ.

Король Джонъ.

Горе! весь горю я
Въ проклятой лихорадкѣ—и не въ силахъ
Привѣтно встрѣтить радостную вѣсть.
Скорѣе въ Свинстидъ. Гдѣ мои носилки?
Я изнуренъ, меня схватила слабость.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Тамъ же. Другая часть поля сраженія.

Входятъ Салисбюри, Пэмброкъ, Биготъ *и другіе лорды.*

Салисбюри.

Не думалъ я, что Джонъ силенъ друзьями.

Пэмброкъ.

Еще разъ въ бой! Одушевляй французовъ;
Коль ихъ побьютъ—и намъ не сдобровать.

Салисбюри.

Тотъ выкидышъ бѣсовскій, Фальконбриджъ,
На зло судьбѣ, одинъ все поле держитъ.

Пэмброкъ.

Король ихъ Джонъ, я слышалъ, занемогъ
И съѣхалъ съ поля.

Входитъ Меленъ, *раненый и поддерживаемый воинами.*

Меленъ.

Подвести меня
Вотъ къ этимъ возмутившимся британцамъ.

Салисбюри.

Въ счастливый часъ насъ такъ никто не
звалъ.

Пэмброкъ.

То графъ Меленъ.

Салисбюри.

Онъ раненъ — и смертельно!

Меленъ.

Спасайтесь, благородные британцы!
Вы куплены и проданы. Скорѣй
Закройте очи грозному возстанью, —
Вернитеся къ стброшенной присягѣ,
Падите въ прахъ предъ вашимъ государемъ,
Затѣмъ что если въ этотъ бурный день
Останется побѣда за французомъ,
Прикажетъ онъ, за ваши всѣ труды,
Васъ обезглавить, въ видѣ воздаянья.
Въ томъ клялся онъ и я, и всѣ вожди
Въ Сентъ-Эдмонсбери, передъ алтаремъ,
На самомъ мѣстѣ, гдѣ мы вамъ клялися
Въ святой любви и нерушимой дружбѣ.

Салисбюри.

Возможно-ли? Ты правду говоришь?

Меленъ.

Иль не гляжу въ глаза я смерти гнусной?
Иль не остаткомъ жизни я живу,
И съ кровью не уходитъ тотъ остатокъ,
Какъ таетъ воскъ передъ лицомъ огня?
Что въ мірѣ всемъ на ложь меня склонитъ,
Коль не видать мнѣ выгодъ отъ обмана?
Я повторяю: если за дофиномъ
Останется побѣда — на востокѣ
Не увидать вамъ утренней зари!
Ужъ ночи мракъ, и дымный и тлетворный,
Вздымается подъ огненнымъ шеломомъ
Дневнымъ трудомъ измученнаго солнца —
И въ эту ночь проститесь съ жизнью вы:
Людовику дадите вы побѣду,
Но жизнію заплатите вы пеню
Измѣннику за горькую измѣну.
Вы Губерту привѣтъ мой передайте
И государю вашему: любовь
И преданность моя къ обоимъ имъ
(Мой дѣдъ былъ родомъ подданный британ-
скій)
Меня къ моимъ признаніямъ склонила
И совѣсть пробудила у меня.
За мой совѣтъ — я васъ прошу — снесите
Меня подальше съ поля боевого,
Отъ шума дальше, чтобъ спокойно я
Успѣлъ собрать моихъ остатокъ мыслей —
И набожно, въ священныхъ размышленьяхъ
Разлуку встрѣтить тѣла и души.

Салисбюри.

Тебѣ мы вѣримъ и — душой клянусь —
Я радостно, съ любовью вижу случай
Свернуть назадъ съ проклятаго пути
И снова, отступающимъ приливомъ,
Измѣны гниль оставя за собою,
Вступить смиренно въ оскорбленный берегъ
И вновь начать покорное теченье
Туда, гдѣ нашъ великій Океанъ —
Туда, гдѣ Джонъ, нашъ государь великій.
Самъ помогу я отнести тебя;
Въ твоихъ глазахъ мнѣ злая близость смерти
Сказалася. Впередъ, мои друзья!
На новый путь, съ привѣтомъ къ правдѣ
старой!

(Уходятъ, поддерживая Мелена).

— — —

СЦЕНА V.

Тамъ же. Французскій лагерь.

Входятъ Людовикъ *и его свита.*

Людовикъ.

И солнце словно медлило закатомъ,
Румяня на востокѣ свѣтъ небесъ,
Когда британцы, въ полномъ отступленьи,
Вымѣривали собственное поле.
Мы мужественно кончили нашъ день,
Послѣднимъ залпомъ мы привѣтъ послали
И ночи, и концу кровавой сѣчи,
И гордо мы, послѣдніе на полѣ,
Почти добывши полную побѣду,
Знаменъ лоскутья свили предъ врагомъ.

Входитъ гонецъ.

Гонецъ.

Гдѣ принцъ нашъ? гдѣ дофинъ?

Людовикъ.

Передъ тобой.

Какія вѣсти?

Гонецъ.

Графъ Меленъ убитъ;
Отъ насъ ушли британскіе вельможи;
А тѣ запасы, что ты ждалъ давно,
На гудвинскихъ пескахъ погибли въ морѣ.

Людовикъ.

О, горьки вѣсти эти! Я не ждалъ,
Что грустно такъ придется ночь мнѣ
встрѣтить.
Кто-жъ говорилъ мнѣ, что за часъ назадъ,
Пока еще усталыя дружины
Не разошлись отъ темноты ночной,
Король британскій удалился съ поля?

Гонецъ.

Кто-бъ ни сказалъ — то правда, государь.

Людовикъ

Ну, хорошо. Разставьте часовыхъ.
Я раньше дня на-завтра поднимусь —
И снова въ битвѣ счастье испытаю.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА VI.

Открытое поле въ окрестностяхъ Свинстидскаго аббатства. Ночь.

Входятъ съ разныхъ сторонъ Филиппъ Незаконнорожденный *и* Губертъ.

Губертъ.

Кто тутъ? Скорѣй — иль выстрѣлю сейчасъ!

Филиппъ Незаконнорожденный.

Я свой. Ты кто?

Губертъ.

Я съ стороны британской.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Куда идешь?

Губертъ.

Тебѣ какое дѣло?
Я то же у тебя спросить могу.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Не Губертъ-ли?

Губертъ.

Ты вѣрно угадалъ.
Что-бъ ни случилось, вѣрить я готовъ,
Что ты мнѣ другъ, коль распозналъ мой голосъ.
Кто ты такой?

Филиппъ Незаконнорожденный.

Я все, что хочешь ты,
И радъ я буду, если ты признаешь,
Что я Плантагенетамъ не чужой.

Губертъ.

Невѣжливъ я, а ты съ слѣпою ночью
Меня стыдишь! Прости мнѣ, храбрый воинъ,
Что чуткій слухъ мой сразу не призналъ
И рѣчь твою, и голосъ этой рѣчи.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Безъ извиненій. Какъ идутъ дѣла?

Губертъ.

Брожу я по челу у ночи черной,
Чтобы тебя сыскать.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Такъ говори-жъ,
Какія вѣсти?

Губертъ.

Мой любезный рыцарь,
На эту ночь мои походятъ вѣсти:
Черны и страшны, смутны и печальны.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Раскрой всю язву злыхъ твоихъ вѣстей:
Не баба я — и не лишуся чувства.

Губертъ.

Мнѣ кажется, отравленъ нашъ король:
Монахъ ему далъ яду; онъ теперь
Почти не въ силахъ говорить — и я
Его оставилъ, чтобъ тебѣ тотчасъ же
О томъ сказать и время дать тебѣ
Противъ бѣды внезапной взять всѣ мѣры.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Отравленъ? Какъ? Кто ядъ ему поднесъ?

Губертъ.

Я ужъ сказалъ тебѣ — монахъ, мерзавецъ,
Который самъ издохъ ужасной смертью.
Король еще немного говоритъ,
И, можетъ быть, оправится отъ яду.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Кого-жъ оставилъ ты при государѣ?

Губертъ.

Или не знаешь ты? Вельможи наши
Къ нему вернулись всѣ, и вмѣстѣ съ ними
Принцъ Генрихъ прибылъ. Онъ просилъ за нихъ,
И государь простилъ ихъ, и они
Вокругъ его величества собрались.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Умѣрь свой гнѣвъ, могучій царь небесъ!
Не искушай насъ свыше нашей силы!
О, Губертъ, половина войскъ моихъ
Сегодня ночью, двигаясь равниной,
Захвачена была морскимъ приливомъ;
Близъ Линкольна поглощена она;
Мой славный конь одинъ меня избавилъ.
Не медли же, скорѣе къ королю!
Быть можетъ, не дождавшись насъ, онъ умеръ.

(*Уходятъ*).

СМЕРТЬ КОРОЛЯ ДЖОНА.

Картина Вильгельма Каульбаха (Wilhelm v. Kaulbach).

СЦЕНА VII.

Садъ въ Свинстэдскомъ аббатствѣ.

Входятъ принцъ Генрихъ, Салисбюри *и* Биготъ.

Принцъ Генрихъ.

Ужъ поздно! Ужъ совсѣмъ заражена
Вся кровь его, и самый свѣтлый мозгъ,
Какъ думаютъ — души чертогъ скудельный,
Пророчитъ намъ безсвязными рѣчами
Конецъ всему, что смертнаго въ немъ есть.

Входитъ Пэмброкъ.

Пэмброкъ.

Еще король владѣетъ языкомъ
И думаетъ, что ежели его
На свѣжій воздухъ вынесутъ—быть-можетъ,
Ослабится мучительный огонь
И жаръ его терзающаго яда.

Принцъ Генрихъ.

Скорѣй несите-жъ въ этотъ садъ его.
Онъ въ памяти?

Пэмброкъ.

Теперь онъ посмирнѣе,
Чѣмъ при тебѣ. Сейчасъ онъ пѣсни пѣлъ.

Принцъ Генрихъ.

Обманъ недуга! Грозныя страданья
Собою чувства наши притупляютъ.
Смерть, истерзавши нашъ составъ наружный,
Бросаетъ тѣло, чуждое сознанья,
И осаждать идетъ разсудокъ нашъ:

Она его и ранитъ, и тревожитъ
Толпами грезъ мучительныхъ и странныхъ,
А грезы тѣ, смѣшавшись въ безпорядкѣ,
Врываются въ послѣднюю твердыню.
Не чудно-ль то, что пѣсни смерть поетъ?
И мой отецъ — тотъ блѣдный, слабый лебедь
Что гимномъ скорби смерть свою встрѣчаетъ
И голосомъ слабѣющимъ поетъ
Душѣ и тѣлу пѣснь успокоенья.

Салисбюри.

Утѣшься, принцъ! Ты родился на то,
Чтобы создать и стройность, и порядокъ
Изъ хаоса оставленныхъ имъ смутъ.

Входятъ опять Биготъ *и придворные, неся* короля Джона *въ креслѣ.*

Король Джонъ.

А, наконецъ, просторнѣе душѣ:
Ей ни дверей, ни оконъ ужъ не надо.
Внутри меня пылаетъ лѣтній зной,
И внутренности прахомъ изсыхаютъ.
Я — какъ перомъ написанныя строки,
И сушитъ ихъ мой внутренній огонь,
И корчится исписанный пергаментъ.

Принцъ Генрихъ.

Что съ вами, государь?

Король Джонъ.

Отравленъ я!
Мнѣ худо! Умеръ я и брошенъ всѣми:
Никто изъ васъ не позоветъ зимы,
Чтобы она холодными перстами
Коснулась устъ моихъ, никто не скажетъ,
Чтобъ рѣки королевства моего
Пролились мнѣ въ горящую утробу.
Вы сѣвера не просите, чтобъ онъ
Холоднымъ вѣтромъ поцѣлуй послалъ
Моимъ устамъ запекшимся. Немного
У васъ прошу я — холода мнѣ дайте!
Но скупы и неблагодарны вы —
И я молю напрасно.

Принцъ Генрихъ.

О, когда бы
Въ моихъ слезахъ цѣлительная сила
Открылася!

Король Джонъ.

Нѣтъ, горяча ихъ соль.
Весь адъ — во мнѣ. Въ немъ ядъ, какъ лютый бѣсъ,
Засѣлъ и муки тяжкія плодитъ
Навѣки осужденной, грѣшной крови.

Входитъ Филиппъ Незаконнорожденный.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Я весь горю: безъ отдыха, въ тревогѣ
Я къ вашему величеству спѣшилъ.

Король Джонъ.

Кузенъ, приспѣлъ ты мнѣ глаза закрыть:
Всѣ снасти сердца сбиты и сгорѣли,
И тотъ канатъ, что держитъ жизнь мою,
Сталъ тонкой ниткой, волоскомъ ничтожнымъ:
На волоскѣ виситъ душа моя.
И съ вѣстью онъ твоею оборвется,
А тамъ — увидишь ты лишь горсть земли
И куклу королевскаго величья.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Дофинъ опять готовится на бой
И не съ кѣмъ намъ итти къ нему навстрѣчу:
Сегодня въ ночь, часть лучшая дружинъ
Что двигались со мною съ поля битвы,
На берегу нечаянно и быстро
Поглощена приливомъ волнъ морскихъ.

(Король умираетъ).

Салисбюри.

Предъ мертвецомъ ты смерти вѣсть сказалъ.
Мой государь! милордъ! мой повелитель!
Онъ королемъ сейчасъ былъ — а теперь!...

Принцъ Генрихъ.

Такъ я пойду — и я такъ кончу путь,
Гдѣ-жъ въ мірѣ намъ надежда, твердость, сила,
Когда король здѣсь горстью праха сталъ!

Филиппъ Незаконнорожденный *(наклоняясь къ трупу короля).*

Ты насъ покинулъ? Жить я остаюсь,
Чтобъ по тебѣ отмщенья службу справить,
А тамъ — моя душа пойдетъ на небо
Тебѣ служить, какъ здѣсь она служила.

(Лордамъ).

Вы-жъ, звѣзды, вновь вошедшія въ орбиты,
Гдѣ ваша власть и мужество? Загладьте
Измѣну вашу — и впередъ, за мной!
Отбить позоръ и гибель помогите
Отъ изнуренной родины дверей!
Впередъ, впередъ! ужъ врагъ подходитъ къ намъ,
И по пятамъ дофинъ слѣдитъ насъ гнѣвный.

Салисбюри.

Иль ты не слышалъ новостей послѣднихъ?
Здѣсь отдыхаетъ кардиналъ Пандольфъ.
За полчаса назадъ принесъ онъ къ намъ
Условія со стороны дофина —
И тѣ условья съ выгодой и честью
Принять мы можемъ и войну покончить.

Филиппъ Незаконнорожденный.

И самъ ее онъ кончитъ, если мы
Всѣ мѣры примемъ къ мощной оборонѣ.

Салисбюри.

Да онъ ее отчасти ужъ окончилъ,
На берегъ моря отославъ обозы
И кардиналу сдавши отъ себя
Свои права по спору съ нашимъ краемъ.
Сегодня-жъ утромъ, если ты согласенъ,
Къ нему пойдемъ мы съ лордами другими—
И выгодно дѣла всѣ порѣшимъ.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Пусть будетъ такъ. А ты, достойный принцъ,
И остальные старшіе вельможи
Отдайте долгъ послѣдній королю.

Принцъ Генрихъ.

Въ Ворчестерѣ его мы погребемъ —
Такъ онъ желалъ.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Пусть такъ оно и будетъ.
И счастливо да приметъ милый принцъ
И славный санъ, и земли родовыя!
(*Становится на колѣни*).
Ему, колѣна преклонивъ мои,
Я въ вѣрности и подданствѣ покорномъ
Навѣки клятву приношу мою.

Салисбюри.

И мы ему въ любви клянемся нашей —
И пусть на ней пятна не будетъ ввѣкъ.

Принцъ Генрихъ.

Мой кроткій духъ привѣтъ сказать вамъ хочетъ,
Но, вмѣсто словъ, однѣ вамъ слезы шлетъ.

Филиппъ Незаконнорожденный.

Заплатимъ дань печали неизбѣжной,
Когда она начало всѣмъ скорбямъ.
У гордыхъ ногъ воителя чужого
Британія во прахѣ не лежала —
И не лежать ей въ прахѣ никогда,
Пока себя сама она не ранитъ.
Теперь родные принцы къ ней вернулись,
И пусть бойцы со всѣхъ концовъ земли
Идутъ на насъ — мы оттолкнемъ ихъ прочь!
Коль Англія быть Англіей умѣетъ,
Никто на свѣтѣ насъ не одолѣетъ.
(*Уходятъ*).

А. Дружининъ.

СРЕДНЕВѢКОВЫЙ ОБОЗЪ.

(По рисункамъ XIV в.).

Заглавная виньетка къ «Ричарду II» извѣстнаго англ. иллюстратора сэра Джона Джильберта (sir John Gilbert, род. 1817).

Старинный портретъ Ричарда II въ лондонскомъ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ II.

Драматическая хроника: „Король Ричардъ второй" обнимаетъ собою только два послѣдніе года царствованія и жизни этого короля (1398—1400). Въ первомъ дѣйствіи онъ является такимъ, какимъ его показываетъ исторія: самовластнымъ, легкомысленнымъ, окруженнымъ недостойными любимцами, не щадящимъ ни жизни, ни свободы, ни имущества своихъ подданныхъ. Исторически вѣрны и обѣ сцены между Болингброкомъ, герцогомъ Гирфордскимъ, сыномъ Джона Ганта, герцога Ланкастерскаго (будущимъ королемъ Генрихомъ IV-мъ) и Томасомъ Моубрэемъ, герцогомъ Норфолькскимъ. Для дальнѣйшаго развитія дѣйствія лѣтопись Голиншеда дала Шекспиру главные факты—конфискацію наслѣдства, оставшагося послѣ Джона Ганта, отъѣздъ Ричарда въ Ирландію, регентство герцога Іоркскаго, высадку изгнаннаго Болингброка, быстрый успѣхъ поднятаго имъ мятежа, запоздалое возвращеніе Ричарда, переговоры между нимъ и Нортомберлэндомъ, отреченіе Ричарда отъ престола, заключеніе его въ замкѣ Помфретъ и насильственную его смерть. Но въ комбинаціи этихъ фактовъ поэтъ не стѣсняется указаніями лѣтописца. Событія, между которыми на самомъ дѣлѣ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, слѣдуютъ въ драмѣ непосредственно одно за другимъ. Есть и другія отступленія отъ дѣйствительности: Джонъ Гантъ изображенъ въ свѣтѣ черезчуръ благопріятномъ; королева представлена настоящей супругой Ричарда, горячо любящей его, превосходящей его силою духа, тогда какъ на самомъ дѣлѣ жена Ричарда (вторая; первая умерла нѣсколькими годами раньше), Изабелла французская, была въ то время одиннадцатилѣтней дѣвочкой. Существеннаго значенія все это, однако, не имѣетъ; центръ тяжести лежитъ всецѣло въ самомъ Ричардѣ,—а въ немъ нѣтъ ни одной черты, которая противорѣчила бы исторіи и, что

еще важнѣе, всѣ его слова и дѣйствія психологически возможны и понятны. На историческомъ фонѣ, воспроизведенномъ, въ общемъ, безъ нарушенія перспективы, разыгрывается личная трагедія, полная глубокаго смысла и захватывающаго интереса.

Только что восторжествовавшій надъ противниками, Ричардъ въ началѣ хроники исполненъ вѣры въ недосягаемо-высокое достоинство своего сана. Обязанностей, съ нимъ сопряженныхъ, онъ не сознаетъ, но тѣмъ больше цѣнитъ свою безотвѣтственность. „Мы рождены для власти, а не для просьбъ“, говоритъ онъ въ первой сценѣ. Нимало не задумываясь и не колеблясь, онъ рѣшается на такой крайній шагъ, какъ отдача страны на откупъ, хотя ему извѣстно, что пустота казны обусловливается слишкомъ многочисленнымъ его дворомъ и расточительною щедростью. Ему ничего не стоитъ пойти еще дальше и снабдить своихъ намѣстниковъ бланковыми приказами на произвольное обложеніе болѣе богатыхъ гражданъ. Съ циническою радостью онъ узнаетъ о болѣзни Ганта, открывающей ему новый путь къ обогащенію, и беззастѣнчиво выражаетъ желаніе „опоздать“, т. е. прибыть къ дядѣ уже послѣ его смерти (I, 4). Справедливые упреки умирающаго возбуждаютъ въ королѣ только необузданный гнѣвъ. Несмотря на увѣщанія Іорка, онъ немедленно приступаетъ къ конфискаціи имущества Ганта—и все-таки назначаетъ Іорка регентомъ королевства, не допуская мысли, что преданность послѣдняго можетъ и не выдержать тяжелаго испытанія (II, I). Спокойнымъ и самоувѣреннымъ мы видимъ его даже тогда, когда онъ уже знаетъ о бунтѣ Болингброка. Онъ разсчитываетъ, впрочемъ, не столько на свои силы, сколько на неприкосновенность, которую ему даетъ корона. Епископу, напоминающему о необходимости земныхъ средствъ защиты, онъ отвѣчаетъ: „весь бурный океанъ не можетъ смыть божественнаго мура съ вѣнчаннаго чела“... на каждаго врага престола „по ангелу пошлетъ сражаться небо“. Онъ сравниваетъ себя съ солнцемъ, „при восхожденіи котораго трепещутъ и прячутся преступники“. „Воръ и измѣнникъ“ Болингброкъ торжествовалъ, пока въ Англіи царила ночь (т. е. не было Ричарда),—но ему не выдержать сіянія возвратившагося дня. Смертельный ударъ гордымъ надеждамъ наноситъ, однако, первая-же вѣсть о неудачѣ. „Камни скорѣй возстанутъ съ оружіемъ въ рукахъ“—только что восклицалъ Ричардъ,—„чѣмъ преклонитъ свою главу предъ дерзкими врагами родной страны законный государь“; теперь онъ блѣднѣетъ, слушая разсказъ Салисбери, и нужно напоминаніе Омерля, чтобы вновь возбудить въ немъ, на одинъ мигъ, угасшую бодрость. Онъ утѣшаетъ себя мыслью, что одно имя короля равносильно сорока тысячамъ именъ, называетъ Болингброка „ничтожнымъ подданнымъ“, но окончательно падаетъ духомъ, когда является второй печальный вѣстникъ. Напрасны уговоры епископа и Омерля: Ричардъ не видитъ, не можетъ и не хочетъ видѣть выхода изъ постигшей его бѣды и проклинаетъ того, кто старается совлечь его „съ сладкой дороги къ отчаянію“. Смѣна настроеній происходитъ въ немъ столь-же быстро, какъ и рѣзко. Болѣзненно воспріимчивый къ впечатлѣніямъ минуты, онъ колеблется, какъ маятникъ, между противоположными крайностями, не зная мѣры то надеждамъ, то унынію. Король, еще недавно считавшій себя неуязвимымъ, чувствуетъ себя теперь обыкновеннымъ смертнымъ, жертвою нужды и печали (III, 2). Вспышки царственной гордости и упадка духа чередуются и въ разговорѣ Ричарда съ Нортсмберлэндомъ. Не столько въ собственной силѣ, сколько въ очевидной слабости противника Болингброкъ черпаетъ рѣшимость перейти отъ своихъ первоначальныхъ, скромныхъ притязаній къ посягательству на престолъ, ускользающій изъ дрожащихъ рукъ Ричарда (III, 3). Передъ парламентомъ Ричардъ является уже покорнымъ своей участи, хотя и не привыкшимъ еще къ покорности; даже оскорбительное требованіе Нортомберлэнда—прочитать публично перечень совершенныхъ имъ преступленій—не вызываетъ въ немъ суроваго отпора. Онъ сознаетъ, что окруженъ измѣнниками, но сознаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что прежде всего измѣнилъ себѣ онъ самъ, и негодованіе погасаетъ въ слезахъ, которыя онъ проливаетъ надъ самимъ собою (IV). Безслѣднымъ проходитъ даже упрекъ, съ которымъ обращается къ нему, въ сценѣ прощанья, королева (V, 1). „Левъ—говоритъ она—и въ смертный часъ грозитъ, кусая землю; такъ неужель, какъ маленькій ребенокъ, снесешь ты свой позоръ, цѣлуя розгу, и какъ дитя преклонишься предъ властью своихъ враговъ—ты! левъ и царь звѣрей“? Ничего царственнаго не осталось въ Ричардѣ; онъ признаетъ за собою только одно право—право на состраданье. Въ заточеньи онъ иногда вспоминаетъ объ утраченной власти, но тотчасъ же возвращается къ

мысли о своемъ ничтожествѣ. Инстинктивно онъ отстаиваетъ свою жизнь противъ убійцъ—и только умирая, вновь чувствуетъ себя королемъ.

Таковъ Ричардъ II, созданный Шекспиромъ. Его господствующее свойство („faculté maîtresse"), возводящее его на степень типа—воображеніе, развившееся въ ущербъ всѣмъ другимъ сторонамъ душевной жизни. Благодаря ему, сознаніе могущества, порожденное раннимъ обладаніемъ властью и укрѣпленное легко доставшимися успѣхами, становится у Ричарда увѣренностью въ высшей силѣ, которой ничто не угрожаетъ и угрожать не можетъ. Основанная не на разсудочной теоріи, а на горделивой мечтѣ, эта увѣренность мѣшаетъ Ричарду понимать событія и людей, мѣшаетъ ему давать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и сдерживать свои порывы. Даже паденіе—и это чрезвычайно характерно — пробуждаетъ въ немъ только сожалѣніе объ ошибкахъ, а не раскаянье въ преступленіяхъ. „Какъ же я"—говоритъ онъ въ своемъ послѣднемъ монологѣ, прислушиваясь къ музыкѣ,—„какъ же я, умѣвшій различить фальшивость звука, не въ силахъ былъ замѣтить иной разладъ, возникшій въ государствѣ между мной и тѣмъ, что требовало время? Я время убивалъ безъ сожалѣнья—теперь оно мнѣ платитъ тѣмъ же самымъ!" Итакъ, умерщвленіе Глостера, изгнаніе Болингброка и Норфолька, конфискація имущества Джона Ганта, незаконные поборы, разорявшіе страну—все это, даже освѣщенное неугасимымъ свѣтомъ горькаго опыта, приписывается Ричардомъ только недостатку чуткости къ требованіямъ времени! Онъ не очнулся, очевидно, отъ усыпленія, въ которое его погрузили убаюкивающія грезы... Возносившее его, въ моменты счастья, на мнимо-недосягаемую высоту воображеніе не позволяетъ ему бороться съ бѣдою, ярко рисуя всю ея глубину, всю ея безнадежность. Вмѣсто ангеловъ, спѣшащихъ ему на помощь, передъ его глазами проходитъ теперь вереница королей, которыхъ постигла бѣдственная участь. Въ коронѣ, которую онъ недавно считалъ своей охраной, онъ видитъ теперь сѣдалище смерти, насмѣшливо дарящей королямъ короткій мигъ власти и однимъ булавочнымъ уколомъ разрушающей ихъ мнимую твердыню. Передъ этими картинами рушится мысль о противодѣйствіи, о борьбѣ. Ричардъ находитъ въ нихъ какое-то странное наслажденіе; ему сладка дорога къ отчаянію—и именно потому для него нѣтъ возможности поворота. Какъ прежде, такъ и теперь онъ могъ бы сказать, вмѣстѣ съ Макбетомъ: „міръ видѣній меня обнялъ". Ему любо рисовать свое положеніе въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, любо созерцать противорѣчіе между его прошедшимъ и будущимъ. „За четки" — говоритъ онъ Омерлю еще прежде чѣмъ отречься отъ престола,—„за четки я отдамъ мои брильянты, смѣню дворецъ на нищенскую келью, на рубища—богатыя одежды, на грубый ковшъ—узорчатые кубки, на страннической посохъ—царскій скипетръ", обширное королевство—на маленькую могилу, маленькую, маленькую (какъ знаменательно это повтореніе!), темную могилу. Онъ идетъ еще дальше, выражая желаніе быть погребеннымъ на большой дорогѣ, чтобы подданные попирали ногами голову своего государя; вѣдь попираютъ же они, еще при его жизни, его сердце! Въ сценѣ отреченія онъ, держа корону вмѣстѣ съ Болингброкомъ, сравниваетъ ее съ колодцемъ, себя и своего соперника—съ ведрами: пустое ведро, стремящееся къ верху—это Болингброкъ, ведро, скрытое отъ глазъ и полное слезами—самъ Ричардъ. Ему чудится, что вмѣстѣ съ положеніемъ должно было измѣниться и его лицо—и онъ изумленъ, когда видитъ въ зеркалѣ прежнія свои черты. Работа фантазіи не прекращается въ немъ и въ тюрьмѣ, безсильная, подъ гнетомъ горя, остановиться на чемъ-нибудь опредѣленномъ. Въ этомъ преобладаніи воображенія—разгадка невольнаго сочувствія, которое, начиная съ первыхъ ударовъ судьбы, внушаетъ намъ Ричардъ. Его жизнь была точно сномъ, съ сновидѣніями, навѣянными обстановкой—и даже разразившаяся надъ нимъ гроза только измѣнила характеръ этихъ сновидѣній.

Естественнымъ контрастомъ Ричарду является Болингброкъ, разсудительный, разсчетливый и хладнокровный. Во весь ростъ его фигура возстаетъ передъ нами въ хроникахъ, спеціально ему посвященныхъ („Король Генрихъ IV", ч. I и 2); но и въ „Ричардѣ II" обрисовываются уже основныя черты счастливаго соперника. Болингброкъ возвращается въ Англію ослушникомъ королевской воли, но еще не мятежникомъ: онъ ищетъ только того, что принадлежитъ ему безспорно. Съ средневѣковой точки зрѣнія, онъ несомнѣнно имѣлъ основаніе сказать (II, 3): „коль скоро мой братъ—король, то по тому же праву я—герцогъ Ланкастеръ". Какъ подданный, онъ обращается къ закону,—и если форма обращенія

необычна, то лишь потому, что для него былъ закрытъ нормальный путь судебной защиты. Что искатель наслѣдства обращается въ искателя короны, этому способствуетъ съ одной стороны самъ король, сразу готовый отдать больше требуемаго, съ другой—настроеніе страны, рѣшительно враждебное Ричарду (см. разсказъ Скрупа въ 2-ой сценѣ III-го дѣйствія). Настоящая вина Болингброка—въ словахъ, вызвавшихъ преступную рѣшимость Экстона, и эту вину не снимаетъ съ него осужденіе, съ которымъ онъ относится, post factum, къ внушенному имъ дѣлу. Крупными, яркими штрихами изображенъ и герцогъ Іоркскій, типичный представитель слабыхъ, нерѣшительныхъ людей, брошенныхъ въ пучину борьбы между противоположными теченіями. Вынужденный стать на ту или другую сторону, онъ испытываетъ мучительныя колебанія — и примыкаетъ, въ концѣ концовъ, къ болѣе сильному. „Я оставленъ опорой трона"— восклицаетъ онъ при первой вѣсти о мятежѣ,—„я, въ комъ нѣтъ силъ поддерживать себя" (II, 2)! „Вѣдь надо жъ дѣлать что-нибудь", говоритъ онъ самъ себѣ—и, въ сущности, ничего не дѣлаетъ. Свое объясненіе съ Болингброкомъ (II, 3) онъ начинаетъ угрозами и упреками, а заканчиваетъ утѣшеніемъ слабыхъ—ссылкою на обстоятельства, лишающія его возможности сопротивляться. Онъ плачетъ, видя униженіе Ричарда передъ Болингброкомъ (III, 3), но первый провозглашаетъ новаго короля, уступая епископу Карлейльскому почетную роль заступника за право (IV). Неумолимо твердымъ онъ является только какъ обвинитель Омерля (V, 2 и 3), опасаясь, очевидно, что измѣна сына повлечетъ за собою опалу и для отца... Изъ среды придворныхъ выдается только одинъ Нортомберлэндъ, льстивый съ сильнымъ (II, 3), безжалостный къ слабому (IV и V, 1), побуждаемый къ мятежу не столько несправедливостью короля къ Болингброку, сколько страхомъ за собственную безопасность (II, I). Королева принадлежитъ къ числу тѣхъ нѣжныхъ, безгранично и беззавѣтно преданныхъ женъ, которыхъ съ такою любовью рисовалъ Шекспиръ. Ей не чужда, однако, способность „возстать на море бѣдъ"; она томится предчувствіями (II, 2), съ трудомъ переноситъ тягостную неизвѣстность (III, 4), но, когда разразилось несчастье, встрѣчаетъ его съ бо́льшимъ мужествомъ, чѣмъ Ричардъ (V, 1). Къ ней пріурочена прелестная сцена съ садовникомъ (III, 4), устами котораго народная мудрость произноситъ глубоко продуманный приговоръ надъ королемъ, недостойнымъ своего сана... Съ удивительною силой необузданность и грубость средневѣковыхъ нравовъ отражается во взаимныхъ обвиненіяхъ Болингброка и Норфолька (I, 1 и 3), Бэгота и Омерля (IV). Послѣдняя сцена, во многомъ повторяющая первую, можетъ показаться излишней, но она довершаетъ характеристику среды, въ которой происходитъ дѣйствіе.

Первое изданіе „Ричарда II" появилось въ печати въ 1597-мъ, второе—въ 1598-мъ, третье—въ 1608-мъ, четвертое—въ 1615 г. Въ первыхъ двухъ изданіяхъ нѣтъ той части четвертаго акта (начиная со словъ Нортомберлэнда: „угодно-ль, лорды, выслушать искъ общинъ" до словъ Болингброка: „Въ ближайшую изъ средъ желаемъ мы короноваться"), въ которой дѣйствующимъ лицомъ является Ричардъ. Большинство комментаторовъ полагаютъ, что она была написана одновременно со всѣмъ остальнымъ, но не допущена къ печати—а вѣроятно и къ представленію—въ царствованіе Елизаветы, къ концу своей жизни утратившей прежнюю популярность и имѣвшей поводъ сомнѣваться въ прочности своего престола. Въ подтвержденіе этого предположенія указываютъ съ одной стороны на то, что четвертый актъ, безъ указаннаго мѣста, несоразмѣрно кратокъ (всего 169 стиховъ, между тѣмъ какъ въ пятомъ актѣ ихъ 553, въ третьемъ—579), съ другой стороны—на то, что передъ возстаніемъ Эссекса (1600) его сообщники заставили актеровъ играть на улицахъ и площадяхъ трагедію о Ричардѣ II-мъ, съ намѣреніемъ произвести впечатлѣніе, невыгодное для королевской власти. По общему признанію, эта трагедія— не хроника Шекспира, а другая пьеса, раньше написанная и менѣе благосклонная къ Ричарду; но важно то, что заговорщикамъ казалось не безполезнымъ напомнить о низложеніи короля—и, слѣдовательно, такого напоминанія могла опасаться королева *). Есть, однако, и другое мнѣніе, менѣе рѣшительное: одинаково возможнымъ при-

---

*) Что событія временъ Ричарда II-го и позже могли возбуждать страсти, доказательствомъ этому служитъ любопытный фактъ, приводимый Гервинусомъ: во время всемогущества и наименьшей популярности Вальполя публика привѣтствовала одобрительными восклицаніями тѣ мѣста шекспировской хроники, гдѣ идетъ рѣчь о зависимости короля отъ его любимцевъ.

знается и составленіе четвертаго акта съ самаго начала въ той формѣ, какую онъ имѣетъ въ третьемъ и послѣдующихъ изданіяхъ, и позднѣйшее его дополненіе, вызванное именно сравнительною краткостью акта. Въ подтвержденіе послѣдней гипотезы указываютъ на то обстоятельство, что и въ первоначальномъ своемъ видѣ четвертый актъ образуетъ стройное цѣлое; недостающее въ немъ мѣсто не можетъ быть названо притомъ болѣе опаснымъ для авторитета и престижа королевской власти, чѣмъ все остальное содержаніе хроники. Убѣдительность этихъ соображеній весьма невелика. Страннымъ представляется уже отсутствіе главнаго дѣйствующаго лица въ самый разгаръ дѣйствія; трудно объяснить себѣ, какимъ образомъ Ричардъ, составляющій средоточіе и суть всей пьесы, могъ быть оставленъ за кулисами въ самый рѣшительный моментъ его жизни. Во внѣшнемъ, логическомъ смыслѣ нельзя отказать четвертому акту и въ той формѣ, какую онъ имѣетъ въ первыхъ двухъ изданіяхъ; но напрасно было бы искать въ немъ внутренняго, поэтическаго смысла, глубокой связи со всѣмъ предыдущимъ и послѣдующимъ. Ричардъ, слагающій съ себя корону,—необходимое звено между королемъ, врасплохъ застигнутымъ бѣдою, и развѣнчаннымъ монархомъ, покорившимся судьбѣ и способнымъ отстаивать только свою жизнь. Едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что состарившейся, подозрительной и осторожной королевѣ особенно опасной должна была показаться именно сцена униженія короля передъ парламентомъ, унизить который было постояннымъ стремленіемъ Тюдоровъ.

Другой спорный вопросъ касается времени составленія хроники. По мнѣнію однихъ, она написана передъ самымъ появленіемъ ея въ печати, по мнѣнію другихъ—нѣсколькими годами раньше, около 1593-го года. Послѣдняго мнѣнія держатся тѣ, кто не особенно высоко цѣнитъ художественное достоинство хроники и сближаетъ ее съ сравнительно слабыми произведеніями Шекспира, напр. съ „Генрихомъ VI". Есть еще среднее мнѣніе, различающее въ „Ричардѣ II" первоначальную основу, тѣсно примыкающую къ лѣтописи, и позднѣйшія поэтическія вставки. Несомнѣнными точками соприкосновенія между „Ричардомъ II" и предшествующими пьесами служатъ двѣ внѣшнія черты: отсутствіе прозаическихъ сценъ (какъ и въ первой и третьей частяхъ „Генриха VI", въ „Ричардѣ III", въ „Королѣ Джонѣ") и сравнительно частое употребленіе риѳмы; но ни изъ той, ни изъ другой нельзя заключить, что между написаніемъ и напечатаніемъ хроники прошло нѣсколько лѣтъ. Если въ „Генрихѣ IV", непосредственно слѣдующемъ за „Ричардомъ II", проза играетъ такую большую роль, то это объясняется широкимъ мѣстомъ, отведеннымъ въ позднѣйшей хроникѣ комическому элементу, котораго нѣтъ въ „Ричардѣ II": стихъ являлся мало подходящимъ для рѣчей Фальстафа и К°, Шалло и Сайленса, мистриссъ Куикли и Тиршитъ. Количество риѳмованныхъ стиховъ имѣло бы значеніе только въ такомъ случаѣ, если бы мы не знали, какая хроника написана раньше—„Ричардъ II" или „Генрихъ IV"; но основаніемъ къ тому, чтобы отодвинуть составленіе первой на нѣсколько лѣтъ назадъ, оно служить не можетъ. Чрезвычайно неправдоподобно, наконецъ, предположеніе о позднѣйшихъ вставкахъ. Неодинаковая поэтическая цѣнность различныхъ частей пьесы вполнѣ возможна и при одновременномъ ихъ написаніи: она объясняется какъ быстротою, съ которою работалъ Шекспиръ, такъ и различіемъ матеріаловъ. Совершенно понятно, что воспроизведеніе событій, которыя въ почти готовомъ видѣ давала лѣтопись (напр. спора между Болингброкомъ и Норфолькомъ), не могло вызвать въ поэтѣ такого подъема вдохновенія, какъ свободное изображеніе душевной жизни его героевъ.

Гервинусъ и многіе другіе видятъ въ „Ричардѣ II-мъ" необходимое введеніе къ трилогіи, посвященной Ланкастерскому дому (двѣ части „Генриха IV" и „Генрихъ V"). И дѣйствительно, всѣ четыре хроники соединены между собою не только тождествомъ нѣсколькихъ дѣйствующихъ лицъ (Болингброкъ—Генрихъ IV, Нортомберлэндъ, Перси, Омерль), не только ретроспективными взглядами, встрѣчающимися въ позднѣйшихъ пьесахъ („Генрихъ IV" ч. 1-ая, III, 2; IV, 3; ч. 2-ая, III, 1; IV, 4; „Генрихъ V", IV, 1), но и „тѣнью грядущаго", отбрасываемою „Ричардомъ II". Такова рѣчь епископа Карлейльскаго въ парламентѣ (д. IV), предвѣщающая междоусобія XV-го вѣка; таково обращеніе Ричарда къ Нортомберлэнду (V. 1)—къ этой „лѣстницѣ", которою Болингброкъ достигъ престола"; таковы слова Болингброка о своемъ сынѣ (будущемъ Генрихѣ V-мъ), сквозь пороки котораго блеститъ лучъ на-

дежды (V, 3). Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ событіяхъ 1399—1400 г. заключалось, какъ въ зародышѣ, многое изъ дальнѣйшихъ судебъ Англіи—и это ясно видѣлъ поэтъ. До крайности парадоксальнымъ кажется намъ поэтому мнѣніе, усматривающее въ „Ричардѣ II "скорѣе конецъ, чѣмъ начало—конецъ по отношенію къ другимъ, не дошедшимъ до насъ пьесамъ, изображавшимъ болѣе ранніе годы царствованія Ричарда II-го. Гораздо скорѣе можно предположить, что, задумавъ дать картину судебъ Ланкастерской монархіи—параллельную той, которую онъ раньше посвятилъ дому Іорковъ („Генрихъ VI" и „Ричардъ III"),—Шекспиръ остановился прежде всего на послѣднихъ годахъ царствованія Ричарда II-го, когда посѣяны были сѣмена могущества, но вмѣстѣ съ тѣмъ и упадка новой династіи.

Есть-ли въ „Ричардѣ II" слѣды политическихъ убѣжденій и симпатій Шекспира? Нѣкоторые изъ англійскихъ комментаторовъ разрѣшаютъ этотъ вопросъ утвердительно, находя въ „Ричардѣ II "порицаніе злоупотребленій каролевской властью—но еще болѣе сильное осужденіе посягательствъ на права законнаго монарха. Чтобы судить о степени правильности этого взгляда, нужно было бы имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія о личности Шекспира; теперь возможны только болѣе или менѣе произвольныя догадки—произвольныя уже потому, что самыя характерныя, съ этой точки зрѣнія, мѣста хроники (напр. рѣчь епископа Карлейльскаго) вполнѣ объяснимы изъ хода дѣйствія безъ допущенія какой-либо тенденціи со стороны поэта. Съ полною ясностью отразился въ „Ричардѣ II" только пламенный патріотизмъ Шекспира. Хвалебный гимнъ Джона Ганта въ честь Англіи (II, 1) такъ слабо связанъ съ рѣчью, въ которую онъ вставленъ, и до такой степени проникнутъ искреннимъ энтузіазмомъ, что въ немъ нельзя не видѣть настроеніе самого автора. Глубокая нѣжность къ родной странѣ слышится въ словахъ: „Счастливѣйшее племя, въ маломъ—міръ, роскошный перлъ въ сверкающей оправѣ",—а въ указаніи на ея „всемірную славу" мы узнаемъ современника Елизаветы, гордаго побѣдами Англіи надъ Испаніей, ея вліяніемъ на европейскую политику, ея растущей властью надъ океаномъ.

К. Арсеньевъ.

РИЧАРДЪ II и БОЛИНГБРОКЪ ВЪ ЛОНДОНѢ. (Средневѣковая миніатюра).

Король Ричардъ II.

Рамка изъ изданія Найта. Составлена изъ герба и другихъ геральдическихъ знаковъ Ричарда II.

РИЧАРДЪ II (средневѣковая миніатюра).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА 1.

Лондонъ. Дворецъ короля Ричарда.

Входятъ король Ричардъ, Джонъ Гантъ, *разныя знатныя лица и придворные.*

Король Ричардъ.

Джонъ Гантъ, почтенный старый Ланкастеръ!
Согласно долгу и присягѣ ленной,
Скажи, тобою вызванъ ли сюда
Твой сынъ, отважный Генри Гирфордъ, чтобы
Здѣсь подтвердить всю тяжесть обвиненій,
Взведенныхъ имъ на герцога Моубрэя
Норфолькскаго? Ихъ выслушать намъ было
Донынѣ недосугъ.

Джонъ Гантъ.

Да, повелитель,
Онъ здѣсь.

Король Ричардъ.

Скажи, разспрашивалъ ли ты:
Быть можетъ, только по старинной злобѣ
Онъ обвиняетъ герцога, иль вправду
Замѣтилъ въ немъ измѣну и рѣшилъ,
Какъ вѣрный подданный, донесть объ этомъ?

Джонъ Гантъ.

Насколько могъ узнать я, онъ находитъ,
Что вашему величеству грозитъ
Опасность; онъ доноситъ не по злобѣ.

Король Ричардъ.

Позвать сюда обоихъ! Пусть предъ нами
Лицомъ къ лицу, нахмурясь другъ на друга
Свободно мысли выскажутъ свои
И обвиняемый и обвинитель. Оба
Они горды, упрямы, въ гнѣвѣ глухи,
Какъ море, и поспѣшны, какъ огонь.

Входятъ Болингброкъ и Моуврэй.

Болингброкъ.

Да здравствуетъ на много лѣтъ счастливыхъ
Мой сюзеренъ, любимый мой король!

Моуврэй.

Пусть каждый день усугубляетъ счастье,
Пусть небеса, завидуя землѣ,
Безсмертьемъ свѣтлымъ твой вѣнецъ украсятъ!

Король Ричардъ.

Благодарю обоихъ; но, конечно,
Одинъ изъ васъ намъ только льститъ, какъ видно

Изъ дѣла, васъ приведшаго сюда:
Другъ друга, вѣдь, вините вы въ измѣнѣ.
Кузенъ нашъ Гирфордъ, что намъ скажешь ты
Про герцога Норфолькскаго?

Болингброкъ.

Во-первыхъ,
Я небеса въ свидѣтели зову,
Что лишь какъ вѣрный подданный, влекомый
Желаніемъ сердечнымъ охранить
Жизнь короля священную, и чуждый
Иныхъ причинъ,—какой либо вражды,—
Предъ королемъ предсталъ я съобвиненьемъ.
Затѣмъ, Томасъ Моубрэй, я обращаюсь
Къ тебѣ: запомни, что я говорю;
Здѣсь, на землѣ, я отвѣчаю тѣломъ
За это, а на небесахъ—душой.
Измѣнникъ ты и негодяй презрѣнный,
Чрезмѣрно знатный для злодѣйскихъ дѣлъ,
Душою же своей—чрезмѣрно низкій,
Чтобъ ты въ живыхъ достоинъ былъ остаться!
Чтобъ подтвердить, что ты измѣнникъ,— снова
Тебѣ вбиваю въ глотку это слово,
И, лишь король позволилъ бы,—мой мечъ
Докажетъ, что моя правдива рѣчь!

Моубрэй.

По хладнокровью моему о чувствахъ
Моихъ прошу я не судить; вѣдь здѣсь
Не женскій споръ, крикливо-безтолковый,
Борьба двухъ раздраженныхъ языковъ:
Рѣшаться такъ не можетъ наша распря;
Кровь горяча, но здѣсь остыть должна.
Конечно, не могу я похвалиться
Такимъ терпѣньемъ, чтобъ смолчать совсѣмъ,
Но къ королю глубокое почтенье
Меня стѣсняетъ дать словамъ свободу,
Пустить ихъ и пришпорить, чтобъ вдвойнѣ
Они врагу обратно вбили въ глотку
Всю клевету, что взвелъ онъ на меня.
Хоть онъ и родственъ королю по крови,
Оставимъ это въ сторонѣ,—его
Я презираю, на него плюю,
За то, что трусъ онъ, клеветникъ безчестный.
Чтобъ это доказать, я предоставлю
Ему всѣ преимущества въ бою
И биться съ нимъ готовъ вездѣ, хотя бы
Пришлось пѣшкомъ идти мнѣ до вершинъ
Обледенѣлыхъ Альповъ, иль въ пустыню,
Гдѣ не была британская нога.
Теперь же лишь скажу въ свою защиту,—
И клятву дамъ,—что онъ безстыдно лжетъ.

Болингброкъ.

Дрожащій блѣдный трусъ! Тебѣ перчатку
Бросаю я, предъ всѣми отрекаясь
На этотъ разъ отъ кровнаго родства,
Которымъ съ нашимъ королемъ я связанъ;
Оно тебѣ внушаетъ не почтенье,
А только страхъ. И если грѣшный ужасъ
Въ тебѣ еще довольно силъ оставилъ,
Чтобъ мой залогъ принять, то наклонись
И подними! Съ тобою я расправлюсь,
По всѣмъ законамъ рыцарства, за все,
Въ чемъ обличилъ тебя, и все, что впредь
Ты худшаго измыслишь.

Моубрэй.

Поднимаю
Перчатку эту и клянусь мечомъ,
Мнѣ возложившимъ рыцарство на плечи,
Что дамъ тебѣ лихой отвѣтъ, согласно
Всѣмъ правиламъ и рыцарскимъ законамъ.
Сѣвъ на коня, пусть не сойду живой,
Коль я измѣнникъ и кривлю душой.

Король Ричардъ.

Въ чемъ именно,—скажи, кузенъ, точнѣе,—
Ты обвиняешь герцога? Вина
Должна быть тяжела, чтобъ мы помыслить
Могли о немъ недоброе.

Болингброкъ.

Скажу
И доказать готовъ цѣною жизни,
Во-первыхъ, что онъ взялъ сто тысячъ ноблей,
Чтобъ уплатить солдатамъ короля,
И ихъ растратилъ на развратъ безстыдный,
Какъ лживый плутъ и мерзостный измѣнникъ.
Скажу еще, и докажу оружьемъ,
Здѣсь и вездѣ, хоть въ самыхъ дальнихъ дебряхъ,—
Куда лишь взоръ британца проникалъ, —
Что всѣхъ измѣнъ, за восемнадцать лѣтъ,
Затѣянныхъ у насъ въ странѣ, источникъ
И голова—все онъ. Моубрэй коварный.
Затѣмъ скажу и буду утверждать,
Пока цѣной его зловредной жизни
Я не исправлю сдѣланныхъ имъ золъ,
Что Глостерскаго герцога убійство
Подстроилъ онъ, коварно сговорившись
Съ врагами легковѣрными его,
Какъ подлый трусъ,—и вотъ въ потокахъ крови
Погибла неповинная душа.
Та кровь, какъ жертва Авеля, взываетъ
Изъ молчаливой глубины земли
Ко мнѣ о правой и суровой мести;

И я поклялся честью родовой,
Что отомщу, иль не уйду живой!

Король Ричардъ.

Высокъ полетъ его рѣшеній смѣлыхъ!
Томасъ Норфолькскій, что на это скажешь?

Моубрэй.

Пусть государь мой отвратитъ лицо,
Ушамъ своимъ прикажетъ быть глухими,
Пока я буду говорить объ этомъ
Позорѣ крови королевской, гнусномъ
Мерзавцѣ, ненавистномъ честнымъ людямъ
И самому Создателю.

Король Ричардъ.

Моубрэй!
Глаза и уши наши безпристрастны;
Онъ сынъ лишь брата моего отца,
Но будь онъ самъ мой братъ, наслѣдникъ даже,—
Такая близость и родство по крови
Ему не послужили бы щитомъ
И не могли бъ поколебать нисколько
Правдивый судъ прямой души моей.
Онъ, какъ и ты,—нашъ подданный; свободно
Все говорить ты можешь.

Моуврей.

Если такъ,—
Знай, Болингброкъ, какъ ты ни низокъ сердцемъ:
Гортанью лживой ложь извергнулъ ты.
Три четверти полученной мной суммы
Я честно уплатилъ въ Калэ солдатамъ;
Остатокъ—взялъ себѣ по уговору,
Затѣмъ, что былъ передо мной въ долгу
Мой государь по тѣмъ расходамъ крупнымъ,
Которые я несъ въ мою поѣздку
Во Францію, за нашей королевой.
На, проглоти же эту ложь! Затѣмъ,
Что Глостера касается, то вовсе
Его не убивалъ я; въ этомъ дѣлѣ
Я пренебрегъ лишь, къ своему стыду,
Своимъ священнымъ долгомъ. Передъ вами,
Отецъ почтенный моего врага,
Лордъ Ланкастеръ, я точно былъ виновенъ
И противъ жизни вашей замышлялъ;
То былъ мой грѣхъ: скорбя о немъ душевно,
Передъ моимъ послѣднимъ причащеньемъ
Я каялся усердно, васъ просилъ
Простить меня и былъ прощенъ, надѣюсь.
Всѣ остальныя обвиненья—ложь,
Источникъ коей—злоба негодяя,
Предателя и гнуснаго мерзавца,—
И я съумѣю ей противостать.
Взамѣнъ его перчатки, я швыряю
Свою къ ногамъ зазнавшагося труса,
Чтобъ доказать цѣною лучшей крови,
Какая въ немъ найдется, что я честенъ.
И чтобъ покончить съ этимъ, умоляю
Васъ, государь, назначить поскорѣй
День поединка нашего.

Король Ричардъ.

Моубрэй
И Гирфордъ, оба дышете вы злобой;
Послушайтесь меня; пусть изольется
Свирѣпый гнѣвъ вашъ безъ пролитья крови.
Хоть мы не врачъ, но вамъ лѣченье это
Предпишемъ; если язва глубока,
То и надрѣзъ глубокъ чрезмѣрно будетъ.
Врачи намъ говорятъ, что этотъ мѣсяцъ
Кровопусканью не благопріятенъ;
Простите же другъ другу, помиритесь.
Добрѣйшій дядя, помогите мнѣ
Окончить споръ ихъ съ самаго почина:
Я успокою герцога, вы—сына.

Гантъ.

Въ мои лѣта, конечно, мнѣ прилично
Быть миротворцемъ. Сынъ мой, поскорѣй
Брось герцогу перчатку.

Король Ричардъ.

Брось, Моубрэй,
Залогъ кузена.

Гантъ.

Что же, Гарри, что же?
Мнѣ просьбу дважды повторять не гоже.

Король Ричардъ.

Брось, Норфолькъ, брось, прошу: не будь упрямъ
Безъ всякой пользы.

Моубрэй.

Я бросаюсь самъ,
Великій государь, къ твоимъ ногамъ!
Отнять ты можешь жизнь мою, — нѣтъ спора;
Не требуй только моего позора!
Я за тебя обязанъ жизнь сложить,
Но послѣ смерти имя будетъ жить,
И помрачать его красу и славу,
О государь, не можешь ты по праву.
Я здѣсь униженъ, тяжко оскорбленъ,
До глубины души своей пронзенъ
Доноса ядомъ, весь покрытъ я срамомъ,—
Для этихъ ранъ единственнымъ бальзамомъ
Послужитъ кровь изъ сердца груди той,
Что породила этотъ ядъ.

Король Ричардъ.

Постой,
Моубрэй; смирять должны мы наши страсти;
Отдай залогъ, покорствуй нашей власти:
Львы укрощаютъ леопардовъ *).

Моубрей.

Да,
Но пятенъ ихъ не смоютъ никогда.
Возьми себѣ мой стыдъ,—и по приказу
Тогда перчатку возвращу я сразу.
Возлюбленный король и властелинъ!
Всей жизни нашей лучшій даръ—одинъ:
Честь наша; человѣкъ, ея лишенный,
Подобенъ жалкой глинѣ позлащенной
Или куску раскрашенной земли.
Намъ данъ брильянтъ, чтобъ мы его блюли
За десятью замками: твердый, вѣрный,
Отважный духъ въ груди нелицемѣрной.
Честь—жизнь моя: онѣ срослись въ одно,
И честь утратить—для меня равно
Утратѣ жизни. Добрый повелитель!
Дозволь, чтобъ былъ я чести той хранитель
Въ бою съ врагомъ! Я жилъ, ее храня;
Смерть за нее—отрада для меня.

Король Ричардъ.

Кузенъ, начни: разстанься ты съ залогомъ.

Болингброкъ.

Чтобъ грѣхъ такой свершилъ я передъ Богомъ!
Чтобъ въ страхѣ хвостъ поджалъ въ глазахъ отца!
Чтобъ струсилъ я на вызовъ подлеца,
Набравшагося храбрости! Когда бы
Языкъ мой вздумалъ дать отвѣтъ столь слабый,
Столь низкій, рабскій вымолвить отказъ
Отъ словъ моихъ,—тогда я самъ сейчасъ
Зубами бы отгрызъ языкъ лукавый
И онъ съ плевкомъ бы полетѣлъ, кровавый,
Въ лицо Моубрэя, гдѣ живетъ позоръ!

(*Гентъ уходитъ*).

Король Ричардъ.

Какъ видно, мы не въ силахъ этотъ споръ
Уладить. Впрочемъ, не для просьбъ покорныхъ,—
Мы лишь для повелѣній рождены.
Готовьтесь же за все отвѣтить жизнью
И въ Конветри, въ день Ламберта, прибудьте.
Мечи и копья ваши тамъ рѣшатъ

*) Леопардъ былъ въ гербѣ Норфольковъ, а левъ—въ королевскомъ гербѣ.

Раздоръ, взрощенный ненавистью вашей.
Васъ помирить не удалось намъ; пусть же
Сочтется правымъ тотъ, кто побѣдитъ.
Лордъ маршалъ, позаботьтесь, чтобъ герольды
Ко дню, сейчасъ назначенному мной,
Устроили домашній этотъ бой.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Дворецъ герцога Ланкастерскаго.

Входятъ Джонъ Гантъ *и* герцогиня Глостерская.

Гантъ.

Увы, во мнѣ связь кровная съ Вудстокомъ
Сильнѣе возбуждаетъ жажду мести
Его убійцамъ, чѣмъ всѣ ваши вопли.
Но такъ какъ судъ и месть—въ рукахъ того,
Кто самъ свершилъ тотъ грѣхъ непоправимый,—
То предоставимъ нашу тяжбу—небу.
Когда настанетъ часъ, оно прольетъ
Кипящій дождь возмездья на злодѣевъ.

Герцогиня.

И братскій духъ такъ мало возмущенъ?
Любовь совсѣмъ угасла въ старомъ сердцѣ?
Семь сыновей Эдварда,—въ ихъ числѣ
И ты,—священной крови семь фіаловъ,
Иль семь вѣтвей отъ общаго ствола.
Изъ нихъ одни природа изсушила,
Другія вѣтви—срѣзаны судьбой;
Но мужъ мой милый, жизнь моя, мой Глостеръ,
Фіалъ, весь полный той священной крови,
—Цвѣтущій отпрыскъ царственнаго древа,—
Разбитъ,—и вытекъ драгоцѣнный сокъ!
Онъ срубленъ,—и листы его увяли
Отъ зависти, отъ топора убійцъ!
О Гантъ! Та кровь—твоя: одно, вѣдь, ложе
Одна утроба породила васъ;
Одинъ металлъ, одна и та же форма:
Въ нее онъ также вылился, какъ ты!
И хоть онъ мертвъ, а ты живешь и дышешь,
Но ты въ лицѣ его убитъ; ты даже,
Перенося спокойно гибель брата,
Какъ будто тѣмъ даешь свое согласье
На смерть отца,—затѣмъ, что бѣдный братъ твой былъ
Подобіемъ отца. Не называй
Терпѣньемъ это, Гантъ: то не терпѣнье,—
Отчаянье! Терпя убійство брата,
Убійцамъ ты указываешь путь,
Чтобъ и тебя они лишили жизни.

Что въ низкихъ душахъ мы зовемъ терпѣньемъ,—
Для благородныхъ душъ—холодный страхъ,
Дрянная трусость! Что еще сказать мнѣ?
Чтобы ты остался живъ,—нѣтъ средства лучше,
Какъ месть за гибель мужа моего.

Гантъ.

Пусть судитъ Богъ; Его земной намѣстникъ,
Помазанный передъ его лицомъ,
Ту смерть устроилъ: если онъ виновенъ,—
Пусть небо мститъ, я жъ не могу поднять
Руки своей на ставленника Неба.

Герцогиня.

Увы, кому жъ я жаловаться буду?

Гантъ.

Лишь Господу, защитнику вдовицъ.

Герцогиня.

О, да, Ему! Прощай же, Гантъ мой старый!
Ты въ Ковентри отправишься теперь,
Чтобъ видѣть битву Гирфорда родного
Съ Моубрэемъ кровожаднымъ. О, пускай
Моей и мужа моего обидой
Копье твое, нашъ Гарри, заострится
И грудь убійцы гнуснаго пронзитъ!
Иль, если въ первой стычкѣ дашь ты промахъ,
То пусть грѣхи Моубрэя отягчатъ
Его настолько, чтобы подломился
Подъ ненавистнымъ взмыленный хребетъ
Коня его, и всадникъ, трусъ презрѣнный,
Въ песокъ арены грохнулся бъ стремглавъ
Предъ нашимъ Гарри! Ну, прощай, мой старый!
Того, кого ты братомъ звалъ, жена
Съ своей печалью умереть должна.

Гантъ.

Прощай, сестра: я въ Ковентри отправлюсь;
Пусть счастье Богъ пошлетъ тебѣ и мнѣ.

Герцогиня.

Еще словечко! Наша скорбь, упавши,
Всегда стремится вверхъ подняться снова,—
Не отъ того, чтобы она была
Пуста, какъ мячъ,—отъ тяжести великой.
Я попращалась, не окончивъ рѣчи:
Печаль всегда отсрочитъ свой конецъ.
Прошу тебя, снести поклонъ мой брату,
Эдмонду Іорку. Это все. Нѣтъ, нѣтъ!
Хоть это все, не уходи такъ скоро:
Я что нибудь еще припомню. Да:
Пусть онъ скорѣй ко мнѣ пріѣдетъ въ Плэши.
Ахъ, чтожъ найдетъ тамъ добрый старый Іоркъ?
Домъ опустѣлый, стѣны безъ убранства,
Пустыя службы, плиты, по которымъ
Никто не ходитъ; а въ привѣтъ—мой плачъ...
Нѣтъ, кланяйся ему; пусть не приходитъ
За горемъ: горе всюду насъ находитъ.
Нѣтъ, нѣтъ отрады мнѣ: умру съ тоской!
Прости: въ слезахъ прощаюсь я съ тобой.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Арена въ Ковентри.

Входятъ лордъ маршалъ *и* герцогъ Омерльскій.

Лордъ маршалъ (*герцогу*).

Скажите, лордъ, вооруженъ-ли Гирфордъ?

Омерль.

Да, съ головы до ногъ; войти онъ жаждетъ.

Лордъ маршалъ.

И герцогъ Норфолькъ бодръ и полнъ отваги,
Ждетъ только зова вражеской трубы.

Омерль.

Бойцы готовы, ждать лишь остается
Прибытія особы короля.

Раздаются трубы. Входитъ король *въ сопровожденіи придворныхъ,* Гантъ, Бюши, Бэготъ, Гринъ *и другіе. Они садятся.*

Входитъ вооруженный Моубрэй *въ качествѣ отвѣтчика, въ сопровожденіи герольда.*

Король Ричардъ.

Спроси, лордъ маршалъ, у того бойца,
Зачѣмъ сюда явился онъ съ оружьемъ;
Потребуй, чтобъ свое сказалъ онъ имя
И чтобы, по закону, клятву далъ,
Что правое онъ защищаетъ дѣло.

Лордъ маршалъ.

Во имя Господа и короля!
Скажи, кто ты, зачѣмъ сюда явился
Вооруженный, съ кѣмъ ты биться хочешь
И тяжба въ чемъ твоя? Держи отвѣтъ
По правдѣ и по рыцарской присягѣ,
И, если правъ ты, то да защитятъ
Тебя Господь и рыцарская доблесть!

Моубрэй.

Томасъ Моубрэй, Норфолькскій герцогъ я!
Пришелъ я въ силу рыцарской присяги,—

Которую не дай Господь нарушить,—
Чтобъ честь мою и вѣрность охранить
Предъ Богомъ, королемъ и всѣмъ потомством
Моимъ, противу тяжкихъ обвиненій,
Которыя облыжно герцогъ Гирфордъ
Взвелъ на меня, и этою защитой,
При помощи небесъ и этихъ рукъ,
Всѣмъ доказать, что лжецъ онъ и предатель
Предъ Богомъ, королемъ моимъ и мной.
И, такъ какъ правъ я,—помоги мнѣ, Небо!

Раздаются трубы. Входитъ вооруженный Болингброкъ, *въ сопровожденіи герольда.*

Король Ричардъ.

Спроси, лордъ-маршалъ, рыцаря того,
Кто онъ такой, зачѣмъ сюда явился,
Закованный въ военные доспѣхи,
И допроси формально, по закону,
За правое ли дѣло онъ стоитъ.

Лордъ маршалъ.

Кто ты? Зачѣмъ явился на арену,
Предъ королемъ, закованъ въ эти латы?
Съ кѣмъ биться хочешь? Тяжба въ чемъ твоя?
По правдѣ дай отвѣтъ, какъ честный рыцарь,
И, если правъ ты,—Небомъ будь хранимъ.

Болингброкъ.

Я Гарри Гирфордъ, Ланкастеръ и Дерби,
Вооруженный я сюда явился,
Чтобъ доказать, при помощи небесъ
И силъ моихъ тѣлесныхъ, на аренѣ
То, что сказалъ о герцогѣ Норфолькскомъ:
Что онъ измѣнникъ, грязный и опасный,
Предъ Богомъ, королемъ моимъ и мной!
И, такъ какъ правъ я, помоги мнѣ, Небо!

Лордъ маршалъ.

Подъ страхомъ смерти, пусть никто не смѣетъ
Ногой коснуться до арены этой,
Куда имѣетъ доступъ только маршалъ
И тѣ—чей долгъ за битвою слѣдить.

Болингброкъ

Дозвольте мнѣ поцѣловать, лордъ маршалъ,
У сюзерена руку, преклонивъ
Предъ нимъ колѣна, чтобы съ нимъ проститься.
Моубрэй и я—двумъ странникамъ подобны,
Идущимъ въ долгій и тяжелый путь.
Затѣмъ, позвольте также намъ съ друзьями
Сердечно и торжественно проститься.

Лордъ маршалъ.

Всеподданнѣйше проситъ обвинитель
У вашего величества: дозволить
Поцѣловать вамъ руку и проститься.

Король Ричардъ.

Сойдемъ мы съ трона, чтобъ его обнять!
Прощай, кузенъ мой! Въ царственной сей битвѣ
Настолько пусть судьба тебя хранитъ,
Насколько ты за правду будешь биться!
Ты—кровь моя; и если здѣсь пролиться
Ей суждено, то слезы я пролью,
Но мстить не долженъ я за смерть твою.

Болингброкъ.

Пусть благородный ликъ не осквернится
Слезою, если въ битвѣ я паду.
Какъ соколъ вслѣдъ за птицею стремится,
Такъ смѣло въ бой съ Моубрэемъ я иду.
Прощаюсь съ вами, добрый лордъ, съ тобою,
Кузенъ Омерль, другъ благородный мой;
Пусть смерть близка,—но я передъ борьбою
Не слабъ, а бодръ, и свѣжъ, и юнъ душой.
У англичанъ послѣднимъ подается
На пиршествахъ вкуснѣйшее изъ блюдъ:
Такъ мнѣ теперь проститься остается
Съ тѣмъ, кто всѣхъ ближе и милѣе мнѣ тутъ.
Ты, мой земной творецъ! Возобновленный
Во мнѣ и прежней силой оживленный,
Духъ юности твоей меня вдвойнѣ
Возвыситъ, чтобъ достать побѣду мнѣ!
Мой панцырь укрѣпи своимъ моленьемъ,
Мнѣ заостри копье благословеньемъ,
Чтобъ то копье не вѣдая преградъ,
Пробило сталь лощеныхъ вражьихъ латъ,
И пусть твой сынъ побѣдою кровавой
Покроетъ имя Ганта новой славой!

Гантъ.

Пошли тебѣ Богъ счастья въ правомъ дѣлѣ!
Какъ молнія, будь быстръ и пусть удары
Твои падутъ, удвоенные дважды,
Какъ громъ ошеломляющій, на шлемъ
Противника! Пусть быстро льется въ жилахъ
Кровь юная твоя, будь бодръ и смѣлъ!

Болингброкъ.

Моя правдивость и святой Георгій
Мнѣ да помогутъ въ томъ!

Моубрэй.

Хотя мой жребій
Отъ Господа зависитъ иль отъ счастья,—
Убитъ ли буду, иль останусь живъ,—
Я вѣренъ трону короля, какъ честный,
Всегда правдивый и прямой джентльмэнъ.
И никогда освобожденный плѣнникъ
Такъ радостно не сбрасывалъ цѣпей,
Встрѣчая снова золотую волю,

Какъ веселится здѣсь моя душа
Предъ празднествомъ желаннымъ этой битвы!
Вы, сюзеренъ могучій мой, вы, пэры
Товарищи, изъ устъ моихъ примите
Привѣтъ прощальный съ пожеланьемъ счастья.
Какъ на игру иду я, бодръ и живъ,
На битву: тотъ спокоенъ, кто правдивъ.

Король Ричардъ.

Прощай, милордъ! И мужество и силу
Спокойно вижу я въ твоихъ словахъ.
Распорядитесь, маршалъ! пусть начнутъ.

Лордъ маршалъ.

Ты, Гарри Гирфордъ, Ланкастеръ и Дерби,
Возьми копье. Богъ правому защита!

Болингброкъ.

Какъ башня твердъ въ надеждѣ, я воскликну
Аминь!

Лордъ маршалъ (*одному изъ офицеровъ*)

Изъ рукъ твоихъ Томасъ Моубрэй,
Норфолькскій, герцогъ, пусть копье получитъ.

Первый герольдъ.

Здѣсь Гарри Гирфордъ, Ланкастеръ и Дерби
Оружіемъ обязанъ доказать
Во имя Бога, короля и чести
Своей,—подъ страхомъ, что онъ будетъ признанъ
Лжецомъ и трусомъ,—что Томасъ Моубрэй,
Норфолькскій герцогъ, совершилъ измѣну
Предъ Богомъ, королемъ и передъ нимъ,
За что его на бой онъ вызываетъ.

Второй герольдъ.

Томасъ Моубрэй, Норфолькскій герцогъ, здѣсь
Обязанъ оправдать себя, подъ страхомъ,
Что будетъ признанъ онъ лжецомъ и трусомъ,
И доказать съ оружіемъ въ рукахъ,
Что Гарри Гирфордъ, Ланкастеръ и Дерби,
Предъ Богомъ, королемъ и нимъ—безчестенъ.
Онъ мужества исполненъ, жаждетъ битвы
И только ждетъ сигнала, чтобъ начать.

Лордъ маршалъ.

Звучите, трубы, и впередъ, бойцы!
(*Трубятъ сигналъ атаки*).
Постойте! Жезлъ свой бросилъ государь!

Король Ричардъ.

Пусть снимутъ шлемы и отложатъ копья
И возвратятся на свои мѣста.
Вы, лорды, удалитесь съ нами. Трубы
Пускай звучатъ, пока вернемся мы
И этимъ принцамъ возвѣстимъ рѣшенье.

(*Продолжительные звуки трубъ. Король уходитъ въ сопровожденіи лордовъ и черезъ нѣкоторое время возвращается*).

Приблизьтесь
И слушайте, что порѣшилъ совѣтъ нашъ.
Чтобъ королевства нашего земля
Не осквернялась драгоцѣнной кровью
Своихъ съ любовью вскормленныхъ сыновъ;
Чтобъ наши очи не узрѣли распри
Междоусобной, ненавистной намъ,
Взлелѣянной сосѣдскими мечами;
Чтобъ гордостью орлиной и полетомъ
Заносчивымъ честолюбивыхъ думъ
И вѣчною соперничества злобой
Не разбудили бъ вы нашъ тихій миръ,
Который, какъ младенецъ въ колыбели,
У насъ въ странѣ такъ безмятежно дышетъ,
И чтобъ, испуганъ грохотомъ нестройнымъ
Свирѣпыхъ барабановъ, ревомъ трубъ
И грознымъ стукомъ тяжкихъ латъ желѣзныхъ
Отъ насъ тотъ сладкій миръ не убѣжалъ
Чтобъ не пришлось ходить намъ по колѣна
Въ крови дѣтей,—чтобъ отвратить все это,
Изъ нашихъ странъ мы изгоняемъ васъ.
Кузенъ мой Гирфордъ! Ты, подъ страхомъ смерти,
Пока поля двухъ пятилѣтій жатвы
Намъ не дадутъ,—касаться не дерзай
Ногой своей владѣній нашихъ славныхъ,
Ходи въ изгнаньи по чужимъ путямъ.

Болингброкъ.

Исполню все. Утѣшусь тѣмъ, что всюду
Согрѣтъ однимъ я съ вами солнцемъ буду,
И тѣ лучи, что здѣсь сіяютъ вамъ,
Позолотятъ мое изгнанье тамъ.

Король Ричардъ.

Тебѣ, Моубрэй, суровѣй жребій выпалъ
И нехотя его я объявлю.
Теченье дней предѣла не положитъ
Безсрочному изгнанью твоему:
Подъ страхомъ смерти, мы тебя лишаемъ
Надежды возвратиться—навсегда.

Моубрэй.

Суровъ вашъ судъ, мой сюзеренъ державный,
И я не ждалъ его изъ вашихъ устъ.
Казалось мнѣ, я заслужилъ предъ вашимъ
Величествомъ иное, чѣмъ жестокій
Такой ударъ: быть выброшеннымъ вонъ!
Родная рѣчь, которой я учился
Ужъ сорокъ лѣтъ,—должна быть мной забыта,
И мой языкъ не больше нуженъ мнѣ,
Чѣмъ скрипка, струнъ лишенная, иль арфа

Разбитая, иль сложный инструментъ,
Который плотно запертъ въ крѣпкій ящикъ,
И если будетъ ящикъ тотъ открытъ,
То попадетъ онъ неизбѣжно въ руки
Тѣхъ, кто не сможетъ изъ него извлечь
Гармоніи. Языкъ мой вами запертъ
Во рту моемъ, за двойственной оградой
Зубовъ и губъ;безчувственныйтюремщикъ—
Невѣжество приставлено къ нему!
Изъ лѣтъ ученья я давно ужъ вышелъ,
Чтобъ вновь ласкаться къ нянькѣ,—слишкомъ старъ!
Лишать языкъ мой словъ страны родимой!
Нѣмая смерть—вашъ судъ неумолимый!

Король Ричардъ.

Сочувствіемъ ужъ не поможешь тутъ;
Не жалуйся: произнесенъ нашъ судъ.

Моубрэй.

Итакъ, отчизны свѣтъ забудьте, очи:
Удѣлъ мой—грустный сумракъ вѣчной ночи!
(*Хочетъ уйти*).

Король Ричардъ.

Вернись еще, чтобъ клятву дать одну.
Кладите ваши изгнанныя руки
На мечъ нашъ королевскій и клянитесь
Предъ Богомъ,—нашу долю этой клятвы
Мы изгоняемъ здѣсь, какъ васъ изгнали,—
Клянитесь въ томъ, что мы предпишемъ вамъ:
Что никогда—и пусть вамъ Богъ и правда
Помогутъ въ томъ—союзъ не заключите
Въ изгнаніи другъ съ другомъ; никогда
Не будете вы видѣться, ни въ письмахъ
Привѣтствовать другъ друга, примиряя
Вражду и гнѣвъ домашнихъ вашихъ ссоръ;
Что никогда не примете участья
Въ злыхъ умыслахъ и козняхъ противъ насъ,
Державы нашей, нашихъ всѣхъ владѣній
И подданныхъ.

Болингброкъ.

Клянусь!

Моубрэй.

Клянусь и я!

Болингброкъ.

Моубрэй, хоть ты мнѣ врагъ, отвѣть мнѣ прямо.
Когда-бъ король позволилъ намъ, теперь
Одна изъ нашихъ душъ вокругъ блуждала-бъ
Въ изгнаніи изъ бренной нашей плоти,
Какъ изгоняютъ нашу плоть отсель;
Сознайся же въ своихъ измѣнахъ раньше,
Чѣмъ ты покинешь это королевство.
Твой путь далекъ: не уноси же бремя
Тяжелое грѣховъ твоей души.

Моубрэй.

Нѣтъ, Болингброкъ! Пусть, если я измѣнникъ,
Изъ книги жизни вычеркнется имя
Мое навѣки; пусть лишусь блаженства
И съ неба буду изгнанъ, какъ отсюда.
Но что такое самъ ты,—знаетъ Богъ,
Да ты, да я; боюсь, что слишкомъ скоро
Съ раскаяньемъ узнаетъ и король.
Прощайте, повелитель мой! Весь міръ
Дорога мнѣ: нельзя мнѣ заблудиться;
Лишь въ Англію мнѣ ввѣкъ не возвратиться.
(*Уходитъ*).

Король Ричардъ.

Въ стеклѣ твоихъ очей я вижу, дядя,
Сердечную печаль. Твой грустный видъ
Четыре года ссылки отнимаетъ
У сына. (*Къ Болингброку*). Черезъ шесть морозныхъ зимъ
Тебѣ мы возвратиться разрѣшимъ

Болингброкъ.

Какъ мало словъ—и сколько дней собою
Они объемлютъ! Въ нихъ заключена
Четырежды прекрасная весна,
Четырежды зима съ ея тоскою!
Таковъ языкъ могучихъ королей!

Гантъ.

Благодарю васъ, государь, что сыну
Вы для меня изгнанье сократили,
Но мнѣ, признаться, мало пользы въ томъ.
Пока пройдутъ шесть лѣтъ, смѣняя мѣсяцъ
За мѣсяцемъ, и срокъ ихъ истечетъ,—
Погаснетъ лампа старая: ужъ мало
Въ ней масла, догорѣть пора настала
Куску ея свѣтильни; вѣчной тьмой
Тогда смѣнится свѣтъ потухшій мой,
Меня навѣки ослѣпитъ кончина,
И не удастся мнѣ увидѣть сына.

Король Ричардъ.

Ты, дядя, можешь много лѣтъ прожить!

Гантъ.

Но ты, король, не можешь подарить
Мнѣ ни мгновенья! Дни мои убавить,
Число ночей печалью сократить—
Ты можешь; но не въ силахъ ты доставить
Мнѣ утро, хоть единое! Тотъ срокъ
Что остается мнѣ въ земной юдоли,
Урѣзать—отъ твоей зависитъ воли,
Но ты не сдержишь времени потокъ:
Къ моей кончинѣ рѣчь твоя несется

Съ потокомъ тѣмъ; умру — и не вернется,
Хоть королевства цѣлаго цѣной,
Дыханіе, утраченное мной!

Король Ричардъ.

Но сынъ твой изгнанъ съ общаго совѣта,
И поддержалъ ты самъ рѣшенье это;
Чтожъ ропщешь ты? Я этому дивлюсь.

Гантъ.

Въ желудкѣ вещи, сладкія на вкусъ,
Скисая, производятъ несваренье.
Да, какъ судья, конечно, то рѣшенье
Я поддержалъ; но предпочелъ бы я,
Чтобъ спрошенъ былъ отецъ, а не судья.
Будь онъ чужой, не сынъ,—я, безъ сомнѣнья,
Его винѣ нашелъ бы извиненья;
Но, чтобъ не впасть въ пристрастье, подтвердилъ
Я приговоръ—и жизнь свою разбилъ.
Увы, напрасно ждалъ я съ нетерпѣньемъ,
Чтобъ кто нибудь вмѣшался съ возраженьемъ,
Что къ сыну я сверхъ всякой мѣры строгъ,—
Никто изъ васъ мнѣ словомъ не помогъ,
И собственный языкъ мой, противъ воли,
Причиной сталъ моей несчастной доли!

Король Ричардъ.

Прощай, кузенъ! (*Ганту*). Проститесь, мой совѣтъ:
Отнынѣ сынъ твой изгнанъ на шесть лѣтъ.
(*Трубы. Король и его свита уходятъ*).

Омерль.

Кузенъ, прощайте! То, что между нами
Должно остаться, просимъ сообщить
Письмомъ.

Лордъ маршалъ.

А я, милордъ, отправлюсь съ вами,
Пока земля дозволитъ проводить.

Гантъ.

Что жъ ты молчишь, слова приберегая,
Не отвѣчаешь на привѣтъ друзей?

Болингброкъ.

Не хватитъ словъ, чтобъ съ вами распрощаться:
Языкъ мой слишкомъ бѣденъ, чтобъ онъ могъ
Вамъ передать души моей все горе.

Гантъ.

Что жъ такъ скорбѣть? Изгнанья срокъ не дологъ.

Болингброкъ.

Когда въ изгнаньи радость,—скорбь со мной
На весь тотъ срокъ.

Гантъ.

Шесть зимъ—ужели много?
Онѣ такъ быстро пролетятъ!

Болингброкъ.

Для тѣхъ,
Кто въ радости ликуетъ, время мчится,
Въ тоскѣ же часъ одинъ, какъ десять, длится.

Гантъ.

Старайся на изгнанье посмотрѣть,
Какъ на поѣздку ради развлеченья.

Болингброкъ.

Застонетъ сердце, если буду я
Такъ называть скитанье противъ воли!

Гантъ.

Считай тяжелый путь свой за оправу,
Въ которую ты вставишь чудный перлъ
Желаннаго на родину возврата.

Болингброкъ.

Напротивъ: каждый ненавистный шагъ
Напоминать мнѣ будетъ удаленье
Отъ всѣхъ сокровищъ, здѣсь любимыхъ мной.
Не долженъ ли я пріучаться долго
Къ чужимъ путямъ,—и только для того,
Чтобъ, получивъ свободу, могъ сказать я,
Что былъ я тамъ поденщикомъ печали?

Гантъ.

Для мудреца въ обширной поднебесной
Любое мѣсто—вѣрный портъ и гавань.
Необходимость учитъ такъ судить,—
Она же всякой доблести сильнѣе.
Представь себѣ, что не король изгналъ
Тебя, а ты его. Для насъ несчастье
Тѣмъ тяжелѣй, чѣмъ мы предъ нимъ слабѣе;
Представь, что не въ изгнаньи ты,—что я
Послалъ тебя на поиски за славой;
Предположи, что язва моровая
Нашъ воздухъ отравила, ты жъ уѣхалъ
Въ мѣста, гдѣ климатъ болѣе здоровъ;
Вообрази, что все, что сердцу мило,
Не тамъ, откуда ты пришелъ, а тамъ,
Куда идешь; что птицы—музыканты,
Что поле, по которому идешь ты,—
Чертогъ роскошный, что его цвѣты—
Прекраснѣйшія женщины, шаги же
Твои—лишь танца мѣрныя движенья.

Печаль не такъ страшна тому, кто ей
Въ глаза смѣется, кто ея сильнѣй.

Болингброкъ.

Увы, кто сможетъ взять рукою пламя,
Хотя бъ онъ думалъ о кавказскихъ льдахъ?
Кто утолитъ жестокій голодъ сможетъ,
Вообразивъ передъ собою пиръ?
Мечтая о палящемъ лѣтнемъ зноѣ,
Кто выйдетъ голымъ въ стужу декабря?
О, нѣтъ! О счастьи думая въ несчастьи,
Мы только хуже чувствуемъ бѣду:
Злой скорби зубъ тогда больнѣй насъ гложетъ,
Когда грызетъ гнойникъ, но вскрыть не можетъ.

Гантъ.

Пойдемъ, мой сынъ! Пора ужъ уѣзжать:
Будь молодъ я, какъ ты,—не сталъ бы ждать.

Болингброкъ.

О, Англія! Прощай, страна родная!
Ты мать моя и нянька: въ этотъ мигъ
Еще меня ты держишь! Пусть въ изгнанье
Я ухожу; осталось мнѣ сознанье,
Въ которомъ гордость для меня и честь:
Во мнѣ британецъ истый—былъ и есть!

(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Во дворцѣ.

Входятъ черезъ одну дверь король, Бэготъ *и* Гринъ, *черезъ другую*—герцогъ Омерльскій.

Король Ричардъ.

Да, кое что мы наблюдали тамъ.
Кузенъ Омерль, далеко ль провожали
Вы Гирфорда высокаго?

Омерль.

Того,
Кого высокимъ Гирфордомъ угодно
Вамъ называть, лишь до большой дороги
Я проводилъ.

Король Ричардъ.

И очень много слезъ
Вы пролили при этомъ разставаньи?

Омерль.

Я—ни одной. Холодный, рѣзкій вѣтеръ
Намъ дулъ въ лицо; схватилъ я сильный насморкъ:
Лишь потому холодное прощанье
Сопровождалось кой какой слезой.

Король Ричардъ.

Что вамъ сказалъ кузенъ, прощаясь съ вами?

Омерль.

„Прости", сказалъ онъ. Я же, не желая,
Чтобъ мой языкъ то слово оскверняль
Неискреннимъ его употребленьемъ,—
Искусно притворился, что подавленъ
Печалью такъ, что всѣ мои слова
Погребены въ печали той. Конечно,
Когда бъ я могъ, сказавъ „прости", продлить
Часы, иль годы къ краткому изгнанью
Его прибавить,—я бъ его засыпалъ
Прощаньями; но такъ какъ въ этомъ словѣ
Той силы нѣтъ,—я просто промолчалъ.

Король Ричардъ.

Онъ нашъ кузенъ, онъ нашъ кузенъ, конечно;
Но сомнѣваюсь, чтобы этотъ кровный
По возвращеньи навѣстилъ друзей.
Мы сами, Беши, Бэготъ, Гринъ нашъ вѣрный—
Всѣ видѣли, какъ къ черни онъ ласкался,
Какъ будто влѣзть старался въ ихъ сердца
Съ униженной любезностью, какъ ровня;
Какъ онъ почтенье расточалъ рабамъ,
Какъ льстилъ мастеровымъ своей улыбкой
И лживою покорностью судьбѣ,—
Какъ будто съ нимъ вся ихъ любовь уходитъ!
Предъ устричной торговкой снялъ онъ шляпу,
Двумъ ломовымъ, ему желавшимъ счастья,
Онъ низко поклонился и отвѣтилъ:
„Спасибо вамъ, друзья и земляки!"
Какъ будто наша Англія въ наслѣдство
Должна ему пойти, какъ будто онъ—
Всѣхъ подданныхъ ближайшая надежда!

Гринъ.

Ну,—онъ ушелъ, а съ нимъ и эти мысли
Пора принять намъ мѣры, государь,
Чтобъ укротить мятежниковъ ирландскихъ
И времени имъ больше не давать
Усилиться, къ ущербу вашей власти.

Король Ричардъ.

Мы самолично ѣдемъ на войну.
Но, такъ какъ дворъ у насъ великъ и щедрость
Извѣстна наша,—то казна у насъ
Изрядно опустѣла, къ сожалѣнью.
А потому принуждены мы сдать
Имѣнья королевскія въ аренду;

Доходы съ нихъ помогутъ намъ устроить
Ближайшія дѣла, а если мало
Тѣхъ денегъ будетъ намъ,—на этотъ случай
Намѣстникамъ мы оставляемъ нашимъ
Открытые листы: пусть богачей
Они разыщутъ, подписать заставятъ
Большія суммы и, собравъ тѣ деньги,
Немедленно пусть отошлютъ ихъ намъ,
На наши нужды. Мы сейчасъ же ѣдемъ
Въ Ирландію.

(*Входитъ* Беши).

Что новаго, мой Беши?

Беши.

Милордъ, Джонъ Гантъ внезапно заболѣлъ
Весьма опасно, и прислалъ поспѣшно
У вашего величества просить,
Чтобъ посѣтили вы его.

Король Ричардъ.

А гдѣ онъ?

Беши.

Онъ въ Эли-Гоузѣ.

Король Ричардъ.

Пусть Господь внушитъ
Врачу его—отправить паціента
Въ гробъ поскорѣй! Какъ разъ поможетъ намъ
То, что найдемъ мы въ сундукахъ у Ганта,
Одѣть солдатъ въ ирландскую войну.
За мной, джентльмэны, поспѣшимъ къ больному;
Дай Богъ спѣшить—и опоздать!

Всѣ.

Аминь.

(*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Эли-Гоузъ.

Входятъ больной Джонъ Гантъ, герцогъ Іоркскій *и другіе.*

Гантъ.

Пріѣдетъ ли король? Хотѣлъ бы я
Прощаясь съ жизнью, дать совѣтъ цѣлебный
Ему, который молодъ такъ и вѣтренъ.

Іоркъ.

Не мучь себя усильемъ этимъ празднымъ:
Ко всякому совѣту глухъ король.

Гантъ.

Но, говорятъ, таинственную силу
Имѣютъ умирающихъ слова,
Подобныя гармоніи глубокой.
Кто говоритъ съ трудомъ, того скорѣй
Послушаютъ; чья въ мукахъ рѣчь родится,—
Тому внимаютъ: ясно для людей,
Что въ этой рѣчи истина таится.
Слова того, кто больше говорить
Не будетъ,—выше цѣнятся, конечно,
Чѣмъ рѣчи тѣхъ, кто въ юности безпечной
Умѣетъ только нашимъ вкусамъ льстить.
Когда намъ свѣтитъ солнце лучъ прощальный
Иль музыки гремитъ аккордъ финальный,
Или во рту пріятный вкусъ сластей
Отъ пира остается,—безъ сомнѣнья,
Мы это помнимъ лучше и прочнѣй,
Чѣмъ давнія, былыя впечатлѣнья.
Пока я живъ былъ, Ричардъ не внималъ
Моимъ совѣтамъ,—ихъ онъ отвергалъ;
Теперь ему велитъ, быть можетъ, совѣсть
Предсмертную мою послушать повѣсть.

Іоркъ.

Нѣтъ, плотно уши онъ заткнулъ свои
Рѣчами лести, громкими хвалами;
Хвалу, вѣдь, любятъ даже мудрецы.
Любовные стихи, чей ядъ зловредный
Всегда впиваетъ юность такъ охотно,
Извѣстія о всѣхъ новѣйшихъ модахъ
Напыщенной Италіи, которымъ
Плетется вслѣдъ народъ нашъ мѣшковатый,
Стараясь съобезьянить ихъ,—вотъ все,
Что интересно королю! Чуть только
Появится какая-нибудь новость,
Какая бы то пошлость ни была,—
О ней ему жужжатъ сейчасъ же въ уши.
Нѣтъ, поздно ужъ давать тому совѣтъ,
Кто съ разумомъ въ разладѣ много лѣтъ
Чей вздорный путь ведетъ куда попало!
Тебѣ и жить, и говорить ужъ мало
Осталось, къ смерти ты уже готовъ,—
Такъ попусту не трать послѣднихъ словъ.

Гантъ.

Мнѣ мнится, что пророкъ я вдохновенный,
И такъ о немъ предъ смертью предреку:
Разгула пылъ не можетъ долго длиться,
Большой огонь себя съѣдаетъ самъ;
Дождь мелкій дологъ, бури жъ — кратко-срочны;
Что слишкомъ скоро, то не слишкомъ споро;
Кто много ѣстъ,—отъ пищи тотъ умретъ;
Пустая спесь, обжора ненасытный,
Съѣвъ пищу всю, пожретъ сама себя.
Какъ, этотъ островъ царственно-могучій,
Страна величья, тронъ любимый Марса,
Второй Эдемъ, почти воскресшій рай,
Самой природой созданная крѣпость
Противу войнъ и всяческой заразы,
Счастливѣйшее племя, въ маломъ—міръ,
Роскошный перлъ въ сверкающей оправѣ
Серебрянаго моря, для него
Служащей и стѣной, и рвомъ надежнымъ
На зависть всѣхъ не столь счастливыхъ странъ,—
Благословенный край, страна родная,
Отчизна наша, Англія,—она,
Вскормившая на плодоносномъ лонѣ,
Взростившая, какъ нянька, королей,
Рожденьемъ знаменитыхъ, силой грозныхъ,
Чьи имена и подвиги гремятъ
По всей землѣ во славу христіанства
И рыцарства, до самыхъ дальнихъ странъ,
До родины упрямаго еврейства,
До гроба Искупителя земли,
Божественнаго сына чистой Дѣвы,—
Страна великихъ душъ, нашъ милый, милый,
Увѣнчанный всемірной славой край,—
Заложенъ онъ, въ аренду сданъ, какъ ферма
Ненужная, какъ старый домъ пустой!
О, какъ не умереть, сказавши это!
Британія, донынѣ только моремъ
Могучимъ окруженная, осаду
Царя морей, Нептуна, отражая
Утесами скалистыхъ береговъ,—
Окружена теперь позоромъ, цѣпью
Чернильныхъ пятенъ, свитками гнилыми
Пергамента; Британія, когда то
Со славой покорявшая другихъ,—
Сама себя позору покорила!
О, если бы тотъ стыдъ со мною умеръ,
Какъ радъ бы былъ я встрѣтить смерть свою!

(*Входятъ* король Ричардъ, королева, Омерль, Беши. Гринъ, Бэготъ, Россъ, Виллоуби).

Іоркъ.

Король идетъ: будь мягокъ съ нимъ: онъ молодъ,
Притомъ горячъ, какъ молодой жеребчикъ,
Котораго опасно горячить.

Королева.

Что съ вами, герцогъ, нашъ любезный дядя?

Король Ричардъ.

Ну, какъ дѣла? Какъ можешь, старый Гантъ?

Гантъ.

Да, старый Гантъ! Сухимъ меня прозвали*),
И какъ прозванье это мнѣ къ лицу!
Внутри меня печаль постилась долго,—
А какъ, постясь, не сдѣлаться сухимъ?
Спитъ Англія,—я сна за то лишился,
Безсонница жъ рождаетъ худобу,
А худоба и сухость—неразрывны.
Другихъ отцовъ питающую радость
Мнѣ также постъ тяжелый замѣнилъ;
Лишенъ я этой пищи,—я не вижу
Своихъ дѣтей; ты наложилъ тотъ постъ
И черезъ то меня сухимъ ты сдѣлалъ.
Изсохъ для гроба я, самъ сухъ, какъ гробъ:
Внутри меня, какъ въ гробѣ, только кости.

Король Ричардъ.

Какъ странно, что больные такъ искусно
Играть умѣютъ прозвищемъ своимъ!

Гантъ.

Нѣтъ, здѣсь печаль лишь надъ собой смѣется:
Во мнѣ убить мое ты хочешь имя,
И я смѣюсь надъ именемъ своимъ,
Дабы польстить тебѣ, король великій.

Король Ричардъ.

Къ чему же умирающаго лесть
Живущему?

Гантъ.

Ошибся ты, ошибся:
Живущій умирающему льститъ.

Король Ричардъ.

Ты умираешь, — и сказалъ, что льстишь мнѣ.

Гантъ.

Да, боленъ я, но умираешь ты.

Король Ричардъ.

Но я здоровъ, а ты—я вижу—боленъ.

*) Gaunt по англійски значитъ *сухой*; въ подлинникѣ непереводимая игра словъ между собственнымъ именемъ Gaunt (Гантъ) и прилагательнымъ gaunt.

Гантъ.

Творецъ мой видитъ, какъ я вижу ясно
Болѣзнь твою! И самъ я потому
Страдаю, что тебя больнымъ я вижу.
Предсмертная постель твоя, гдѣ тяжко
Страдаешь ты,—родная вся страна;
Болѣзнь твоя—утрата доброй славы;
И ты, безпечный паціентъ, довѣрилъ
Помазанное тѣло тѣмъ врачамъ,
Которымъ ты болѣзнью той обязанъ!
Въ твоей коронѣ, вкругъ главы вѣнчанной,
Гнѣздятся просто тысяча льстецовъ,—
Хоть малъ тотъ кругъ, гдѣ этотъ вредъ родится,
Но охватилъ онъ цѣлую страну.
О, еслибъ дѣдъ твой славный могъ предвидѣть,
Какъ сынъ его возлюбленнаго сына
Сынамъ страны родимой повредитъ,—
Онъ этого стыда не допустилъ бы.
Заранѣе низложенъ былъ бы тотъ,
Кто самъ себя позоромъ низлагаетъ.
Племянникъ мой! Будь ты властитель міра,—
И то бы стыдно было сдать въ аренду
Нашъ милый край; но этотъ край—все то,
Чѣмъ ты владѣешь: стыдно, дважды стыдно!
Ты не король, ты Англіи помѣщикъ;
Законодатель сталъ рабомъ законнымъ,
И ты...

Король Ричардъ.

Да ты съ ума сошелъ, дуракъ,
Безумный пустомеля? Подъ предлогомъ
Болѣзни ты насъ вздумалъ поучать?
Блѣднѣть ты насъ отъ гнѣва заставляешь,
Съ лица сгоняя царственную кровь?
Клянусь своимъ я скипетромъ: не будь ты
Эдварда сынъ,—языкъ твой, такъ проворно
Вертящійся во рту твоемъ безстыдномъ,
Тебѣ свернулъ бы шею съ дерзкихъ плечъ!

Гантъ.

О, не жалѣй меня, Эдварда внукъ,
За то, что я—братъ сыновей Эдварда!
Какъ пеликанъ, ты началъ ужъ терзать
Родную грудь и кровью упиваться:
Братъ Глостеръ,—эта кроткая душа,
Пошли Господь ей миръ среди блаженныхъ,—
Тобой убитъ онъ! Нужно ли еще
Свидѣтельство, что смѣло, безъ стѣсненья,
Готовъ ты кровь Эдварда проливать!
Прибавь сюда болѣзнь мою, да грубость,
Съ которою, какъ сгорбленная старость,
Ты ускоряешь дней моихъ конецъ,
Спѣша сорвать цвѣтокъ, давно увядшій!
Живи въ своемъ позорѣ, но позоръ твой
Да не умретъ съ тобой! И пусть всю жизнь
Мои слова твою терзаютъ совѣсть!
Сведите же въ постель меня, а тамъ—
Скорѣй въ могилу! Тотъ лишь жить желаетъ,
Кого любовь и почесть окружаетъ.

(*Уходитъ, поддерживаемый слугами*).

Король Ричардъ.

И пусть умретъ, кто старъ, въ комъ злости зудъ!
Пусть злость и старость вмѣстѣ въ гробъ уйдутъ.

Іоркъ.

Я васъ прошу и умоляю, ваше
Величество: слова его вмѣните
Болѣзни лишь и старости; онъ любитъ
Васъ такъ же, какъ любилъ васъ герцогъ Гирфордъ
До своего изгнанья.

Король Ричардъ.

Да, вы правы:
Онъ точно такъ же любитъ насъ, какъ Гирфордъ,
И точно также я люблю его.
Все это вѣрно: только и всего.

(*Входитъ Нортомберлэндъ*).

Нортомберлэндъ.

Вамъ, государь, поклонъ шлетъ старый Гантъ.

Король Ричардъ.

Что-жъ передать велѣлъ онъ?

Нортомберлэндъ.

Ничего,
Все сказано уже. Его языкъ
Теперь — безструнный инструментъ: утратилъ
Слова, и жизнь, и все нашъ старый герцогъ.

Іоркъ.

Теперь бы, Іоркъ, тебѣ конецъ пришелъ!
Хоть смерть горька,—она конецъ всѣхъ золъ.

Король Ричардъ.

Созрѣвшій плодъ скорѣе упадаетъ,
Чѣмъ прочіе. Его чреда пришла,
А передъ нами—странствіе земное.
Довольно же объ этомъ. Намъ пора
Вернуться къ мысли о войнѣ ирландской.
Упрямыхъ, грубыхъ этихъ мужиковъ,
Въ отравленномъ гнѣздѣ своемъ живущихъ
И въ немъ плодящихъ вѣчную отраву,—
Пора сломить. Но подвигъ тотъ великъ
И требуетъ изрядныхъ онъ издержекъ;
А потому, чтобъ поддержать казну,

Беремъ мы деньги, утварь, всѣ доходы
И движимость, которыми владѣлъ
Покойный Гантъ, нашъ дядя.

Іоркъ.

О, доколѣ
Терпѣть все это буду я? Доколѣ
По чувству долга буду допускать
Насиліе? Ни Глостера погибель,
Ни Гирфорда изгнанье, ни помѣхи
Вступленью въ бракъ бѣдняги Болингброка,
Ни тяжкая обида Ганта,
Ни притѣсненья разныхъ частныхъ лицъ,
Ни то, что я и самъ попалъ въ немилость,—
Ничто не вызывало знаковъ гнѣва
Въ лицѣ моемъ покорномъ: я себѣ
Поморщиться ни разу не позволилъ
Предъ королемъ. Изъ сыновей Эдварда
Послѣдній я; отецъ твой, принцъ Уэльскій,
Изъ нихъ былъ первый; царственный и юный,
Въ войнѣ, какъ левъ, и грозенъ, и могучъ,
Онъ въ мирѣ былъ, незлобивъ, какъ ягненокъ.
Ты на него похожъ; въ твои онъ годы
Имѣлъ такой же точно видъ, какъ ты;
Но гнѣвался онъ только на французовъ,
Не на друзей своихъ; онъ благородно
Жилъ только тѣмъ, что самъ пріобрѣталъ,
Не расточая достоянья предковъ;
Родною кровью былъ онъ не запятнанъ,
Лилъ только кровь враговъ своей родни.
О, Ричардъ! Если я себѣ позволилъ
Объ этомъ вспомнить,—то лишь потому,
Что слишкомъ я глубоко опечаленъ.

Король Ричардъ.

Въ чемъ дѣло, дядя?

Іоркъ.

О, мой государь,
Прости меня, когда тебѣ угодно,
Иль, если не угодно, не прощай,
Я и на то согласенъ. Неужели
Всѣ Гирфорда изгнанника права
И все наслѣдство хочешь ты присвоить?
Не умеръ развѣ Гантъ? Не живъ ли Гирфордъ?
И развѣ Гантъ былъ предъ тобой не правъ?
И развѣ Гирфордъ былъ тебѣ не вѣренъ?
Чѣмъ Гантъ былъ недостоинъ передать
Наслѣдство сыну? Чѣмъ нашъ Гарри Гирфордъ
Не заслужилъ наслѣдства своего?
Что-жъ, отними у Гирфорда наслѣдство,
У времени—обычныя права;
Тогда пусть день не слѣдуетъ за утромъ,
И самъ собой ты перестанешь быть:
Вѣдь если ты король, то только въ силу
Священныхъ правъ преемства и наслѣдства!
Клянусь я Богомъ, и не дай, о Боже,
Чтобъ то, что я предвижу, все сбылось,—
Какъ только ты правъ Гирфорда коснешься
Рукой несправедливою, отнимешь
Значенье все у жалованныхъ граматъ,
Которыя чрезъ стряпчихъ онъ представитъ,
Чтобъ получить имущество свое,
И подданство его чрезъ то отвергнешь,—
Ты тысячу опасностей накличешь
На голову свою, утратишь разомъ
Тебѣ покорныхъ тысячу сердецъ,
И даже я, исполненный терпѣнья
И вѣрности,—начну я думать такъ,
Какъ подданнымъ не подобаетъ думать.

Король Ричардъ.

Какъ хочешь, можешь думать: мы беремъ
Себѣ его имѣнья, деньги, домъ.

Іоркъ.

Ну, дѣлать мнѣ здѣсь нечего. Прощаюсь
Сь тобой, король; что будетъ,—не ручаюсь,
Но такъ какъ зло свершиться здѣсь должно.
Добромъ едва-ли кончится оно.

(*Уходитъ*).

Король Ричардъ.

Сейчасъ же къ графу Уильтширу отсюда
Ты, Беши, поѣзжай, чтобъ замѣнилъ
Онъ въ Эли-Гоузѣ насъ. Пускай присмотритъ
За этимъ дѣломъ. Завтра же мы ѣдемъ
Въ Ирландію; пора, давно пора.
Пока въ отъѣздѣ будемъ мы, пусть будетъ
Правителемъ верховнымъ Іоркъ, нашъ дядя:
Онъ справедливъ и насъ всегда любилъ.
Поѣдемъ, королева! Завтра въ путь;
Будь весела: недолго быть намъ вмѣстѣ.

(*Трубы*. Король, королева, Омерль, Беши, Гринъ *и* Бэготъ *уходятъ*).

Нортомберлэндъ.

Ну, лорды, умеръ герцогъ Ланкастеръ.

Россъ.

И въ то же время живъ: отнынѣ герцогъ—
Сынъ герцога покойнаго.

Виллоуби.

Но только
По титулу, не по имѣнью.

Нортомберлэндъ.

Онъ
Тѣмъ и другимъ богатъ бы былъ по праву,
Когда бы соблюдались здѣсь права.

Россъ.

На сердцѣ тяжко у меня; но лучше

Сшибка двухъ англійскихъ рыцарей на турнирѣ или въ судебномъ поединкѣ (къ сц. 3, дѣйствіе I; средневѣковая миніатюра).

Пусть сердце разорвется отъ тоски,
Чѣмъ облегчитъ себя свободной рѣчью.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Нѣтъ, выскажи свои намъ мысли смѣло,
И пусть языкъ отсохнетъ у того,
Кто ихъ, во вредъ тебѣ, другимъ разскажетъ.

ВИЛЛОУБИ.

Быть можетъ, рѣчь о Гирфордѣ пойдетъ?
Знай· если такъ, то говорить не бойся;
Я слышать радъ все доброе о немъ.

РОССЪ.

Что добраго могу ему я сдѣлать?
Лишь помянуть добромъ его, жалѣть,
Что онъ ограбленъ и лишенъ наслѣдства.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Позоръ, позоръ — чинить насилье это
Надъ нимъ, надъ принцемъ королевской крови!
Да и не онъ одинъ: въ странѣ несчастной,
Клонящейся къ упадку, пострадали
Ужъ многіе изъ знати. Нашъ король
Собою не владѣетъ; онъ во власти
Льстецовъ негодныхъ: что ему внушаютъ
По злобѣ на кого-нибудь изъ насъ,
То онъ исполнить радъ безпрекословно
И безпощадно насъ караетъ онъ,
Все отнимая: жизнь, дѣтей, наслѣдство!...

РОССЪ.

Онъ общины давно ужъ разорилъ
Тяжелыми налогами, и этимъ
Сердца ихъ отвратилъ; карая знатныхъ
За старыя ихъ распри родовыя,
Любовь вельможъ онъ также потерялъ.

ВИЛЛОУБИ.

И что ни день, то новые поборы.
То бланки, то пожертвованій взносы,—
Богъ знаетъ, что еще... Что-жъ съ нами будетъ?

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

И не отъ войнъ все это разоренье;
Онъ войнъ не велъ: посредствомъ гнусныхъ сдѣлокъ
Онъ раздавалъ все то, что предковъ рядъ
Съ отвагою мечомъ пріобрѣтали!
Онъ въ мирѣ тратилъ больше, чѣмъ они
Въ войнѣ.

РОССЪ.

Лордъ Уильтширъ взялъ все
Королевство въ аренду.

Виллоуби.

Да; и нашъ король отнынѣ—
Банкротъ, какъ разорившійся купецъ.

Нортомберлэндъ.

Надъ нимъ виситъ позоръ и разрушенье.

Россъ.

Нѣтъ денегъ на ирландскую войну,
Хотя налоги прямо непомѣрны;
Что же оставалось дѣлать, какъ не грабить
Изгнанника?

Нортомберлэндъ.

Онъ родственникъ ему!
О, какъ испорченъ нашъ король! Что жъ, лорды?
Вокругъ себя мы слышимъ бури вой,—
И отъ нея не ищемъ мы защиты;
Глядимъ, какъ вѣтеръ реветъ намъ паруса,—
И не спѣшимъ убрать ихъ, погибая.

Россъ.

Мы видимъ зло, но отвратить опасность
Не можемъ мы: нельзя намъ устранить
Причину зла, которую мы знаемъ.

Нортомберлэндъ.

А я скажу, что жизни свѣточъ намъ
Мерцаетъ даже сквозь глазницы смерти.
Я не рѣшаюсь только вамъ сказать,
Какъ близки вѣсти о спасеньи нашемъ.

Виллоуби.

Свои ты мысли долженъ намъ открыть,
Какъ мы тебѣ свои открыли мысли.

Россъ.

Не бойся говорить, Нортомберлэндъ:
Мы трое—все равно, что ты одинъ,
И все равно—что скажешь, что помыслишь.

Нортомберлэндъ.

Такъ слушайте-жъ: изъ Портъ-ле Блана, порта
Въ Бретани, я извѣстье получилъ,
Что герцогъ Гарри Гирфордъ, Рэнольдъ Кобгемъ,—
Съ которымъ нынѣ въ ссорѣ герцогъ Экстеръ,—
И братъ его, архіепископъ бывшій
Кентербюрійскій, Томасъ Эрпингемъ,
Сэръ Джонъ Рэмстонъ и сэръ Джонъ Норбери,
Сэръ Робертъ Уотертонъ и Фрэнсисъ Квойнтъ,—
Соединясь всѣ вмѣстѣ, получили
Отъ герцога Бретонскаго въ подмогу
Прекрасныхъ восемь кораблей и войско
Въ три тысячи солдатъ. Они плывутъ,
Вполнѣ готовы къ бою, къ намъ, и вскорѣ
Намѣрены на сѣверѣ пристать,—
Быть можетъ, и пристали бъ ужъ, но только
Ждутъ, чтобъ король въ Ирландію уѣхалъ.
Хотите ль сбросить рабское ярмо,
Скрѣпить отчизны сломанныя крылья,
Изъ низкой сдѣлки выкупить корону
И съ золотого скипетра пыль смахнуть,
Чтобъ возвратить державному величью
Достоинство, приличное ему,—
Тогда за мною въ Равенспоргъ скорѣе!
Но если вы колеблетесь, боитесь
Такъ поступить,—то лишь храните тайну,
А въ Равенспоргъ отправлюсь я одинъ.

Россъ.

Такъ на коней скорѣй, безъ промедленья!
Другимъ оставимъ страхи и сомнѣнья!

Виллоуби.

Лишь только бы хватило силъ коня, —
Изъ насъ увидятъ первымъ тамъ меня!
(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Дворецъ короля Ричарда.

Королева, Беши и Бэготъ.

Беши.

Вы слишкомъ, государыня, грустите;
Прощаясь съ королемъ, вы обѣщали
Прогнать тоску, снѣдающую жизнь,
И быть въ расположеньи духа свѣтломъ.

Королева.

Для короля я это обѣщала,
Но для себя—могу ль веселой быть?
Да и не знаю, для чего бъ я стала
Привѣтствовать такого злого гостя,
Какъ скорбь, сказавъ „прости" такому гостю,
Какъ милый Ричардъ мой. Притомъ гнететъ
Меня печаль какая-то иная,
Которая изъ тайныхъ нѣдръ судьбы
На свѣтъ еще какъ будто не явилась;
Дрожитъ душа моя,—а передъ чѣмъ,—
Сама не знаю, но скорблю сильнѣе,
Чѣмъ при прощаньи съ королемъ моимъ.

Беши.

Печаль имѣетъ двадцать отраженій;
Изъ нихъ готовы каждое мы счесть
За новую печаль. Вы имъ не вѣрьте!
Нашъ глазъ, когда его туманятъ слезы,
Все видитъ вкругъ себя вдвойнѣ, втройнѣ.
Такъ точно, если прямо мы посмотримъ

Сквозь толстое граненое стекло,—
Мы не увидимъ ничего; взглянувъ же
Немного вкось,—мы различаемъ формы.
И съ вами, государыня, мы видимъ
Явленье то же: косо посмотрѣвъ
На огорчившій васъ отъѣздъ супруга,
Вы больше горя видите, чѣмъ есть.
Печали ваши—это только тѣни
Того, чего въ дѣйствительности нѣтъ,
И вамъ, безцѣнной нашей королевѣ,
Нѣтъ основанья ни о чемъ скорбѣть,
Какъ только о разлукѣ съ вашимъ мужемъ:
Другихъ причинъ не видно; если жъ вы
Ихъ видите,—то лишь обманомъ зрѣнья,
Принявъ за фактъ—игру воображенья.

КОРОЛЕВА.

Быть можетъ, это вѣрно; но въ душѣ
Я все таки убѣждена въ противномъ.
Но будь, что будетъ, не могу никакъ
Я отрѣшиться отъ тоски тяжелой,—
Такой тяжелой, что, хоть я сама
Не знаю, что, о чемъ и какъ я мыслю,
Но это что-то, какъ тяжелый гнетъ,
Меня страшитъ и скорбь мнѣ сердце жметъ.

БЕШИ.

Все это только мнительность, милэди.

КОРОЛЕВА.

Но мнительность должна была бъ имѣть
То иль иное основанье въ прошломъ;
Моей же грусти основанья нѣтъ,
Да и о чемъ скорблю,—сама не знаю:
Что я имѣю, тѣмъ и обладаю,
Но чтó оно и какъ его назвать,—
Я имени ему не въ силахъ дать.

(*Входитъ* ГРИНЪ).

ГРИНЪ.

Да сохранитъ Господь всесильный Ваше
Величество! Привѣтъ мой вамъ, джентльмены!
Надѣюсь, не успѣлъ еще король
Въ Ирландію отплыть?

КОРОЛЕВА.

Какъ? Почему
Надежду ты такую выражаешь?
Надѣяться должны мы, что отплыть
Онъ ужъ успѣлъ; онъ съ этимъ такъ спѣшилъ,
Въ поспѣшности была его надежда.
Зачѣмъ же намъ надѣяться на то,
Что онъ отплыть донынѣ не собрался?

ГРИНЪ.

Затѣмъ, чтобъ могъ король, надежда наша,
Вернуться съ войскомъ и разбить надежду
Враговъ своихъ, которые у насъ,
Въ странѣ его, нашли себѣ опору.
Вернулся къ намъ изгнанникъ Болингброкъ,
Благополучно переплывши море,
И въ Равенспоргѣ поднялъ онъ мятежъ.

КОРОЛЕВА.

Ахъ, Боже сохрани!

ГРИНЪ.

Увы, милэди:
Все это слишкомъ правда. Но всего
Ужаснѣе, что лордъ Нортомберлэндъ
Совмѣстно съ сыномъ, юнымъ Гарри Перси,
И лорды Россъ, Бьюмондъ и Виллоуби,
И всѣ друзья вліятельные съ ними,
Къ измѣннику бѣжали въ Равенспоргъ.

БЕШИ.

Но отчего жъ вы ихъ не объявили
Виновными въ измѣнѣ, въ мятежѣ?

ГРИНЪ.

Мы объявили; но въ отвѣтъ на это
Графъ Вустеръ санъ сложилъ, сломалъ свой жезлъ
И, слугъ своихъ собравъ, бѣжалъ туда же.

КОРОЛЕВА.

Я вижу, Гринъ, для горя моего
Ты повивальной бабкой оказался,
А Болингброкъ—моей печали смутной
Ужасное дитя. Моя душа
Чудовищемъ свирѣпымъ разрѣшилась,
И вотъ, родивъ его, прибавлю я
Печаль къ своей печали, горе къ горю.

БЕШИ.

Милэди, не отчаивайтесь.

КОРОЛЕВА.

Кто же
Мнѣ помѣшаетъ въ этомъ? Я хочу
Отчаянью предаться, гнать надежду,
Какъ лживаго льстеца и паразита,
Который лишь задерживаетъ смерть.
Легко бы смерть порвала узы жизни,
Когда бъ не длила время нашихъ дней
Надежда лживой помощью своей!

(*Входитъ* ІОРКЪ).

ГРИНЪ.

Вотъ герцогъ Іоркъ.

КОРОЛЕВА.

Со знаками войны
Вкругъ старой головы своей. О, сколько

Въ глазахъ его тревоги! Ради Бога,
Подайте, дядя, намъ благую вѣсть.

Іоркъ.

Подавъ благія вѣсти, оболгалъ бы
Свои я мысли. Все, что есть благого,
То въ небесахъ, а мы, вѣдь, на землѣ,
Гдѣ только горе, скорби и заботы
Живутъ всегда. Уѣхалъ вашъ супругъ,
Чтобъ дальнія свои сберечь владѣнья,
А здѣсь пришли другіе безъ него,
Чтобъ дома онъ своей лишился власти.
Оставленъ я, чтобъ поддержать корону,
А я и самъ, старикъ, едва держусь.
Пришелъ тотъ часъ, когда чревоугодье
Жестокою болѣзнью разразится;
Пришла пора, чтобъ испытать друзей,
Которые ему такъ много льстили.

(Входитъ слуга).

Слуга.

Милордъ, вашъ сынъ уже въ отъѣздѣ былъ,
Когда пришелъ я.

Іоркъ.

Вотъ какъ? Онъ уѣхалъ?
Пусть ѣдутъ всѣ, куда они хотятъ!
Вельможи всѣ бѣгутъ, народъ покамѣстъ
Молчитъ; боюсь, что къ Гирфорду и онъ
Въ концѣ концовъ примкнетъ. (*Слугѣ*).
Сейчасъ же, малый,
Ты въ Плэши поѣзжай, къ моей сестрѣ:
Пусть тысячу гиней пришлетъ скорѣе,
Вотъ перстень мой,—возьми.

Слуга.

Милордъ, я вамъ
Забылъ сказать: туда ужъ заѣзжалъ я,
Но... право, я не смѣю досказать,—
Боюсь я вашу свѣтлость опечалить.

Іоркъ.

Что тамъ еще, холопъ?

Слуга.

За часъ предъ тѣмъ,
Какъ я пришелъ, скончалась герцогиня.

Іоркъ.

Умилосердись, Боже! Что за масса
Ужасныхъ бѣдъ обрушилась, вся разомъ,
На край несчастный нашъ! Что дѣлать мнѣ?
Я, право, былъ бы радъ,—хотя, конечно,
Того не заслужилъ я,—чтобъ король,
Снявъ голову съ плечъ брата, заодно ужъ
Снялъ и мою. Отправлены ль гонцы
Въ Ирландію? Откуда взять намъ денегъ?
Сестра, то-бишь, племянница, простите
Меня, прошу,—поѣдемте со мною! (*Слугѣ*).
А ты, пріятель, поѣзжай въ мой домъ,
Достань телѣгъ и вывези оружье. (*Слуга уходитъ*).
Джентльмены, соберете-ль вы войска?
Пусть буду я не я, когда я знаю,
Какъ выбраться изъ этой кучи дѣлъ,
Которыя взвалили мнѣ на плечи.
Враги—мнѣ оба близкіе родные;
Одинъ—мой государь: мой долгъ и клятва
Велятъ мнѣ защищать его; другой—
Племянникъ мнѣ: онъ королемъ обиженъ
И мнѣ родство и совѣсть не велятъ
Мѣшать ему. Но что нибудь да нужно жъ
Начать! Итакъ, племянница, поѣдемъ.
Джентльмены, васъ прошу собрать войска
И послѣ къ намъ явиться въ замокъ Беркли.
Мнѣ также нужно было бъ съѣздить въ Плэши,
Да время не позволитъ. Вотъ разгромъ!
Все развалилось, все пошло вверхъ дномъ!

(Іоркъ и королева уходятъ).

Беши.

Въ Ирландію легко дойдутъ извѣстья:
Благопріятенъ вѣтеръ для того;
Но какъ оттуда мы отвѣтъ получимъ?
А здѣсь набрать намъ столько же солдатъ,
Какъ у враговъ,—конечно, невозможно.

Гринъ.

При томъ же наша близость къ королю
Насъ приближаетъ къ ненависти злобной
Тѣхъ, кто не любитъ короля.

Бэготъ.

Его
Не любитъ весь народъ непостоянный:
У нихъ любовь, вѣдь, скрыта въ кошелькѣ;
Кто деньги съ нихъ беретъ, того, конечно,
Они терпѣть не могутъ всей душой.

Беши.

Вѣдь, въ этомъ короля и обвиняли.

Бэготъ.

А вмѣстѣ съ нимъ и насъ, когда они
Хоть чуточку способны къ разсужденію.

Гринъ.

Въ Бристольскій замокъ я хочу укрыться;
Лордъ Уильтширъ тамъ ужъ.

Беши.

Съ вами ѣду я.
Намъ трудно было-бъ ожидать защиты
Отъ черни злой: они насъ, какъ дворняжки,
Готовы будутъ растерзать въ куски.

(Бэготу).
Вы съ нами?

БЭГОТЪ.

Я въ Ирландію поѣду:
Спѣшу къ его величеству. Прощайте!
Недоброе предчувствую я сердцемъ,
И если правду говоритъ оно,
То свидѣться ужъ намъ не суждено.

БЕШИ.

Быть можетъ, Іоркъ прогонитъ Болингброка.

ГРИНЪ.

Ахъ, бѣдный герцогъ! Взялъ онъ на себя
Такую-жь невозможную задачу,
Какъ счесть пески иль выпить океанъ.
Одинъ при немъ остаться согласится,
А тысяча сейчасъ же разбѣжится.
Примите же прощальный нашъ привѣтъ,
Быть можетъ, навсегда.

БЕШИ.

Я все-жъ въ надеждѣ,
Что вновь мы всѣ увидимся, какъ прежде.

БЭГОТЪ.

Боюсь я, что надежды этой нѣтъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Пустынная мѣстность въ Глостерширѣ.

Входятъ БОЛИНГБРОКЪ *и* НОРТОМБЕРЛЭНДЪ, *съ войскомъ.*

БОЛИНГБРОКЪ.

Далеко-ли, милордъ, теперь до Беркли?

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Не знаю, право, благородный лордъ.
Я здѣсь совсѣмъ чужой, вѣдь, въ Глостерширѣ.
Высокіе пустынные холмы
И грубыя неровныя дороги,
Путь удлинняя, утомляютъ насъ.
Но мнѣ бесѣда ваша, точно сахаръ,
Даетъ усладу въ трудностяхъ пути.
Какъ тягостна, я думаю, дорога
Отъ Равенспорга въ Котсвольдъ, по которой
Къ вамъ лорды Россъ и Виллоуби спѣшатъ,
Лишенные возможности пріятной
Быть вмѣстѣ съ вами! Увѣряю васъ,
Что общество мнѣ ваше облегчило
Всѣ трудности суроваго пути
Они, конечно, могутъ утѣшаться
Надеждою достичь, въ концѣ концовъ,
Того же счастья, что и я; надежда
На счастье—тоже, вѣдь, почти что счастье:
Она ихъ путь тяжелый сократитъ,
Какъ сократила мнѣ его отрада
Увидѣть васъ и въ обществѣ быть вашемъ.

БОЛИНГБРОКЪ.

Не стоитъ, право, общество мое
Словъ вашихъ добрыхъ. Это кто идетъ къ намъ?

(Входитъ ГЕНРИ ПЕРСИ*).*

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Я вижу, это сынъ мой — Гарри Перси.
Онъ посланъ братомъ Вустеромъ,—откуда,
Не знаю. Здравствуй, Гарри! Что твой дядя?

ПЕРСИ.

Я думалъ, вы мнѣ скажете о немъ.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Какъ, развѣ онъ теперь не съ королевой?

ПЕРСИ.

О нѣтъ, отецъ: онъ дворъ совсѣмъ покинулъ,
Сложилъ съ себя свой санъ, сломалъ свой жезлъ
И распустилъ дворцовую прислугу.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Зачѣмъ? Когда я съ нимъ въ послѣдній разъ
Бесѣдовалъ, онъ былъ иного мнѣнья.

ПЕРСИ.

Затѣмъ, что вашу свѣтлость объявили
Измѣнникомъ. Онъ въ Равенспоргъ уѣхалъ,
Чтобъ Гирфорду услуги предложить,
Меня жъ послалъ онъ въ Беркли, чтобъ развѣдать,
Какія силы герцогъ Іоркъ собралъ
И свѣдѣнья тѣ въ Равенспоргъ доставить.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

А герцога ты Гирфорда забылъ,
Мой мальчикъ?

ПЕРСИ.

Нѣтъ, отецъ: забыть нельзя,
Чего не помнимъ. Герцога ни разу
Я, кажется, не видѣлъ до сихъ поръ.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Ну, такъ узнай его: вотъ герцогъ Гирфордъ.

ПЕРСИ.

Мой милостивый лордъ, я предлагаю
Вамъ всѣ свои услуги,—что могу.
Теперь я слабъ, неопытенъ и молодъ,

Но съ возрастомъ мои созрѣютъ силы,
Чтобъ болѣе достойно вамъ служить.

Болингброкъ.

Благодарю тебя, мой милый Перси,
И знай, что счастье высшее свое
Я вижу въ томъ, что въ сердцѣ благодарно
Лелѣю память о своихъ друзьяхъ.
Съ твоей любовью вѣрною фортуна
Моя созрѣетъ и твоя любовь
Тогда найдетъ себѣ вознагражденье.
Пусть заключенный сердцемъ договоръ
Рука моя скрѣпитъ своимъ пожатьемъ.

Нортомберлэндъ.

Далеко ли до Беркли? Очень страшенъ
Съ своею ратью добрый старый Іоркъ?

Перси.

Вонъ тамъ, за этой группою деревьевъ
Есть замокъ; въ немъ, я слышалъ, гарнизону
Всего лишь триста человѣкъ. Тамъ Іоркъ
И лорды Беркли и Сеймуръ, а больше
Изъ знати и дворянства — никого.

(*Входятъ* Россъ *и* Виллоуби).

Нортомберлэндъ.

Вотъ лорды Россъ и Виллоуби: въ крови
Ихъ шпоры, лица красны, какъ огонь.
Вы видите, какъ къ вамъ они спѣшили!

Болингброкъ.

Привѣтъ вамъ, лорды! Вижу я, что вы
Изгнанника, измѣнника — любовью
Своею не оставили! Пока —
Все, что имѣю я,—лишь благодарность
Безсильная; разбогатѣвъ, она
За преданность и трудъ вознаградитъ васъ.

Россъ.

Богаты мы ужъ тѣмъ, что видимъ васъ.

Виллоуби.

И тѣмъ нашъ трудъ вознагражденъ сторицею кратно.

Болингброкъ.

Благодарю васъ снова. Благодарность —
Единая казна у бѣдняка;
Въ младенчествѣ пока моя фортуна,—
Когда она немного подростетъ,
Щедрѣй я буду. Кто тамъ къ намъ идетъ?

Нортомберлэндъ.

Мнѣ кажется, я вижу лорда Беркли.

(*Входитъ* Беркли).

Беркли.

Я присланъ къ вамъ, лордъ Гирфордъ.

Болингброкъ.

Но, милордъ,
Позвольте возразить вамъ: я не Гирфордъ,
А Ланкастеръ; я въ Англію явился,
Чтобъ это имя здѣсь себѣ добыть.
Пока я этотъ титулъ не услышу
Изъ вашихъ устъ,—не стану отвѣчать.

Беркли.

Милордъ, повѣрьте, вовсе не хотѣлъ я
Какихъ нибудь васъ титуловъ лишать.
Я присланъ, какъ бы вы ни назывались,
Къ вамъ отъ лица правителя страны.
Свѣтлѣйшій герцогъ Іоркъ велѣлъ спросить васъ,
Какая быть могла тому причина,
Что, пользуясь отъѣздомъ короля,
Явились вы, поднявши самовольно
Оружье и нарушивъ миръ страны.

(*Входитъ* Іоркъ *со свитою*).

Болингброкъ.

Мнѣ надобности нѣтъ передавать
Отвѣтъ мой черезъ васъ: свѣтлѣйшій герцогъ
Идетъ къ намъ самъ.
(*Преклоняетъ колѣна*).
Мой благородный дядя!

Іоркъ.

Что мнѣ твое колѣнопреклоненье!
Покорное мнѣ сердце покажи!
Предательски нарушилъ ты присягу.

Болингброкъ.

Но, милостивый дядя мой...

Іоркъ.

Прочь, прочь!
Ты долженъ знать, что дядя тутъ не дядя
И милость тутъ, какъ милость, ни при чемъ.
Измѣннику не дядя я; а милость,
Когда исходитъ изъ немилыхъ устъ,
Свое значенье только оскверняетъ.
Какъ смѣли эти изгнанныя ноги
Коснуться праха англійской земли?
Да это что! Пройти дерзнулъ ты съ войскомъ
Такъ много миль чрезъ мирную страну,
Грозя войной испуганнымъ селеньямъ
И ненавистнымъ хвастаясь мечомъ!
Не потому-ль рѣшился ты на это,
Что короля здѣсь нѣтъ? Мальчишка глупый,
Ошибся ты: король остался здѣсь!
Въ моемъ лицѣ, въ моей груди, хранящей
Свой долгъ святой, могущество его!
О, еслибъ былъ я молодъ, какъ въ то время,
Когда отецъ твой, храбрый Гантъ, и я,

Прорвавъ ряды густые многихъ тысячъ
Французовъ, Принца Чернаго спасли,
Отважнаго, какъ юный Марсъ! Тогда бы
Вотъ этою рукой, теперь разбитой
Параличемъ, съумѣлъ бы я жестоко
Тебя сейчасъ за дерзость наказать!

Болингброкъ.

Но вы скажите, милостивый дядя,
Въ чемъ прегрѣшилъ я? Въ чемъ моя вина?

Іоркъ.

Какъ въ чемъ вина? Да что жъ быть можетъ хуже?
Мятежъ безстыдный, гнусная измѣна!
Вѣдь ты изгнанникъ: какъ же ты посмѣлъ
До истеченья срока возвратиться.
Поднявъ оружье противъ короля?

Болингброкъ.

Когда я изгнанъ былъ, то лишь какъ Гирфордъ,
Вернулся же, какъ герцогъ Ланкастеръ.
Я попрошу васъ, благородный дядя,
Взгляните только безпристрастнымъ окомъ
На тѣ обиды, что я претерпѣлъ.
Вы мнѣ отецъ: мнѣ кажется, я вижу
Передъ собою Ганта старика.
Что-жъ, какъ отецъ, ужели вы могли бы
Снести, чтобъ смѣли на меня смотрѣть,
Какъ на бродягу; чтобъ лишили силой
Меня всѣхъ правъ и отдали бы ихъ
На мотовство негоднымъ проходимцамъ?
Кто я такой? Вѣдь если мой кузенъ
Есть Англіи король, то всякій знаетъ,
Что я, тѣмъ самымъ, герцогъ Ланкастеръ.
У васъ есть сынъ, Омерль, родной кузенъ мой;
Что, еслибъ вы скончались прежде Ганта
И сынъ вашъ былъ обиженъ такъ, какъ я?
Отца бъ себѣ нашелъ онъ въ дядѣ Гантѣ,
Который бы вступился за него
И отомстилъ бы за его обиды!
Отсутствуя, не могъ я самъ принять
Имущество свое, но все жъ за мною
Оно, по силѣ жалованныхъ граматъ,
Остаться бы должно; что жъ видимъ мы?
Распроданы отцовскія имѣнья,
Расхищено, пропало все добро!
Что жъ оставалось дѣлать мнѣ? Къ закону,
Какъ подданный, я обратился; но
Моихъ не допустили адвокатовъ!
Тогда я лично требовать пришелъ
Того, что долженъ получить въ наслѣдство.

Нортомберлэндъ.

Конечно, герцогъ слишкомъ оскорбленъ.

Россъ.

Его права признайте, ваша свѣтлость.

Виллоуби.

Его добромъ мерзавцы нажились.

Іоркъ.

Послушайте, что я скажу вамъ, лорды:
Я знаю, что племянникъ оскорбленъ,
И все, что могъ, въ его я пользу сдѣлалъ.
Но развѣ можно дѣйствовать, какъ онъ,
Являться самому себѣ судьею,
Мечомъ себѣ прокладывать дорогу,
Путемъ неправымъ правъ своихъ искать?
Мятежникъ онъ, и всѣ вы, поощряя
Мятежъ, виновны также въ мятежѣ!

Нортомберлэндъ.

Но благородный герцогъ намъ поклялся,
Что онъ явился только за своимъ;
А потому мы также дали клятву
Помочь ему. Кто клятву ту нарушитъ,—
Пусть радости не знаетъ никогда!

Іоркъ.

Ну ладно, ладно: я уже предвижу,
Чѣмъ кончится война. Я не могу
Вамъ помѣшать и долженъ въ томъ сознаться:
Я войскомъ слабъ, все плохо вкругъ меня.
Когда бъ я могъ, тогда, — клянусь вамъ Богомъ,—
Я всѣхъ бы васъ сейчасъ велѣлъ схватить
И вашу участь я бы предоставилъ
Державной волѣ короля. Но такъ какъ
Безсиленъ я, то, высказавъ все это,—
Я остаюсь нейтральнымъ. Ну, прощайте!
Иль, можетъ быть, войдете въ замокъ вы?
Тамъ ночевать, быть можетъ, вамъ угодно?

Болингброкъ.

Мы примемъ ваше приглашенье, дядя;
Но вы должны намъ обѣщать, что вы
Отправитесь въ Бристольскій замокъ съ нами.
Засѣли тамъ, я слышалъ, Беши, Бэготъ
И всѣ единомышленники ихъ,—
Вся эта для общественнаго блага,—
Которыхъ я далъ клятву истребить.

Іоркъ.

Быть можетъ, съ вами я туда отправлюсь,
Покамѣстъ же подумать я хочу;
Я не охотникъ нарушать законы.
Прошу васъ въ замокъ,—тамъ приму васъ я:
Вы не враги мнѣ, хоть и не друзья;
Мнѣ поздно было бъ вамъ преграды ставить:
Что сдѣлано, того ужъ не поправить.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Лагерь въ Уэльсѣ.

Входятъ лордъ Салисбери *и капитанъ уэльскаго войска.*

Капитанъ.

Милордъ, мы цѣлыхъ десять дней здѣсь ждали;
Съ трудомъ своихъ я сдерживалъ солдатъ;
О королѣ жъ—все никакихъ извѣстій.
Теперь они расходятся. Прощайте!

Салисбери.

Еще хоть день останься, вѣрный воинъ:
Вся короля надежда—на тебя!

Капитанъ.

Нѣтъ, мы уйдемъ: король, по слухамъ, умеръ.
Лавровыя деревья всѣ увяли
Въ странѣ у насъ, а ночью въ небесахъ,
Пугая звѣзды, блещутъ метеоры
И блѣдный мѣсяцъ красенъ сталъ, какъ кровь.
Зловѣщіе пророки предвѣщаютъ
Намъ бѣдствія: богатые дрожатъ,
Бродяги же и прыгаютъ, и пляшутъ,—
Одни—боясь лишиться благъ земныхъ,
Другіе—въ ожиданьи благъ обильныхъ
Отъ грабежа. Всѣ знаменья такія
Бываютъ передъ смертью королей
Иль передъ ихъ паденьемъ. Такъ прощайте жъ!
Всѣ земляки ушли: по мнѣнью ихъ
Ужъ Ричарда нѣтъ болѣе въ живыхъ,
(*Уходитъ*).

Салисбери.

О Ричардъ, съ грустью вижу я, что слава
Твоя стремится быстро, какъ звѣзда
Падучая, съ высотъ небесныхъ—долу!
Твое заходитъ плачущее солнце,
Грозя приходомъ бурь, тревогъ и бѣдъ,
Твои друзья къ врагамъ твоимъ бѣжали
И все ведетъ судьба къ твоей печали.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Бристоль. Передъ замкомъ.

(*Входятъ* Болингброкъ, Іоркъ, Нортомберлэндъ, Россъ, Перси, Виллоуби; *затѣмъ* Беши *и* Гринъ, *въ качествѣ плѣнниковъ*).

Болингброкъ.

Пусть эти люди подойдутъ поближе.
Не буду, Гринъ и Беши, вашихъ душъ,
Съ которыми разстанетесь вы скоро,
Терзать чрезмѣрно длиннымъ изложеньемъ
Всей вредной жизни вашей: это было бъ
Не милосердно. Но, чтобъ вашу кровь
Смыть съ рукъ своихъ, я лишь назвать намѣренъ
При всѣхъ, кто здѣсь, — хоть нѣсколько причинъ,
Которыя приводятъ къ вашей казни.
Вы развратили царственнаго принца,
Испортили характеръ короля,
Счастливаго своимъ происхожденьемъ
И благородной внѣшностью своей:
Онъ былъ во всемъ обезображенъ вами!
Своимъ развратнымъ обществомъ съ супругой
Его вы разлучили, прекративъ
Жизнь мирную ихъ царственнаго ложа
И королевы юной красоту
Заставили поблекнуть отъ потоковъ
Слезъ горькихъ, вами причиненныхъ ей.
Я, по рожденью своему принцъ крови,
И по родству столь близкій къ королю,
Къ нему былъ близокъ также и любовью,
Пока его не научили вы
Мои поступки толковать превратно.
Предъ вашими неправдами склонясь,
Былъ вынужденъ я край родной покинуть,
Объ Англіи вздыхать въ чужихъ краяхъ,
Ѣсть на чужбинѣ горькій хлѣбъ изгнанья;
Вы, между тѣмъ, кормились здѣсь на счетъ
Моихъ имѣній, портили мнѣ парки,
Въ лѣсахъ моихъ деревья вырубали,
Сорвали съ замковъ мой фамильный гербъ,
Девизъ мой стерли,—словомъ, постарались
Стереть всѣ знаки знатности моей,
И лишь одно общественное мнѣнье
Да кровь моя живая—говорятъ,
Что я джентльменъ. Всѣ эти злодѣянья
И многія иныя,—вдвое больше,
Чѣмъ это все,—велятъ мнѣ васъ казнить.
(*Стражѣ*).
Немедленно предать ихъ въ руки смерти!

Беши.

Не столько смерть ужасна для меня,

РИЧАРДЪ II НА БЕРЕГУ УЭЛЬСА. (Дѣйствіе III, сц. 2).

Картина извѣстнаго англійскаго живописца Вильяма Гамильтона (William Hamilton, R., A. 1751—1801). (Малая Бойделевская Галлерея).

Какъ Болингброкъ для Англіи. Прощаюсь
Я съ вами, лорды.

Гринъ.

Я же тѣмъ утѣшенъ,
Что небо приметъ наши души въ рай,
Неправду жъ строго покараетъ адомъ.

Болингброкъ.

Прошу васъ, лордъ Нортомберлэндъ, отправьте
Ихъ къ мѣсту казни.

(Нортомберлэндъ и плѣнники подъ стражей уходятъ).

Дядя, слышалъ я,
Что королева нынѣ въ вашемъ домѣ.
Прошу васъ, ради Бога, чтобы съ ней
Всѣ тамъ какъ можно лучше обращались;
Ей передайте низкій мой поклонъ,—
Особенно объ этомъ позаботьтесь.

Іоркъ.

Я одного джентльмена къ ней отправилъ
Съ письмомъ, гдѣ я подробно изложилъ
Всѣ эти ваши чувства.

Болингброкъ.

Добрый дядя,
Благодарю! Теперь поѣдемъ, лорды,
Чтобъ усмирить Глендоура и его
Сообщниковъ. Сперва свои заботы
Покончимъ, послѣ—праздникъ будетъ намъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Берегъ Уэльса. На заднемъ планѣ—замокъ.

Барабаны, трубы, знамена. Входятъ король Ричардъ, Епископъ Карлейльскій, Омерль *и солдаты.*

Король Ричардъ.

Барклофли,—такъ зовется этотъ замокъ?

Омерль.

Да, государь. Какъ нравится вамъ здѣсь
Привольный воздухъ послѣ страшной качки,
Которую вы испытали въ морѣ?

Король Ричардъ.

Еще-бъ онъ мнѣ не нравился! Я плачу
Отъ радости, что снова я стою
На дорогой мнѣ почвѣ королевства!
Земля родная, шлю тебѣ привѣтъ,
Хотя тебя мятежники терзаютъ
Копытами коней своихъ! Какъ мать,
Встрѣчая, послѣ тягостной разлуки,
Дитя свое, его ласкаетъ нѣжно,
И плачетъ, и смѣется вновь сквозь слезы,
Такъ здѣсь и я, то плача, то смѣясь,
Привѣтствую тебя, земля родная,
Своею королевскою рукой!
О, не питай, земля моя, злодѣевъ,
Враждебныхъ господину твоему!
Ты хищниковъ прожорливыхъ отвергни
И не давай имъ сладостей своихъ!
Пусть на пути повсюду ихъ встрѣчаютъ
Лишь пауки, сосущіе твой ядъ,
Да жабы, неуклюжія и злыя;
Пусть эти гады уязвляютъ ноги
Измѣнниковъ, осмѣлившихся дерзко
Тебя, родная почва, попирать!
Встрѣчай вездѣ ихъ жгучею крапивой,
Когда жъ они нагнутся, чтобъ сорвать
Съ груди твоей цвѣтокъ, то, умоляю,
Спрячь подъ цвѣткомъ ты лютую змѣю
И пусть она враговъ, мнѣ ненавистныхъ,
Двойнымъ своимъ коснувшись языкомъ,
Ихъ уничтожитъ смертоноснымъ ядомъ!
Не смѣйтесь, лорды, надъ заклятьемъ этимъ
Безсмысленнымъ: скорѣе оживетъ
Сама земля, скорѣе камни эти
Въ солдатъ вооруженныхъ превратятся,
Чѣмъ я, король природный, устрашусь
Оружія мятежниковъ негодныхъ!

Карлейль.

О, не страшитесь, государь; та Сила,
Благодаря которой вы—король,
Вамъ силу дастъ, чтобъ королемъ вы также
Остались, не взирая ни на что.
Но средства, намъ дарованныя Небомъ,
На пользу мы должны употреблять,
Не относясь небрежно къ нимъ; а если
Захочетъ Небо, мы жъ не захотимъ
Помочь себѣ, тогда не дастъ и Небо
Въ концѣ концовъ, намъ помощи своей.

Омерль.

Сказать онъ хочетъ, государь, что слишкомъ
Мы медлимъ, а измѣнникъ Болингброкъ,
Безпечностью воспользовавшись нашей,
Ростетъ себѣ и крѣпнетъ съ каждымъ днемъ.

Король Ричардъ.

Кузенъ чрезмѣрно мнительный! Ужели
Не знаешь ты, что въ темнотѣ ночной,
Когда пытливый глазъ небесъ сокрылся
За горизонтомъ, озаряя свѣтомъ
Другое полушаріе земли,—
Подъ кровомъ тайны воры и убійцы
Снуютъ, творя безчинства и разбой;
Когда же онъ изъ за земного шара
Покажется и пламенемъ своимъ
Озолотитъ вершины горныхъ сосенъ
И золотой стрѣлой своей вонзится
Во всякую преступную нору,—
Тогда дрожитъ измѣнникъ и разбойникъ,
Приходятъ въ ужасъ грязные грѣхи,
Затѣмъ, что мрака сорвана завѣса
Съ ихъ страшныхъ лицъ, съ ихъ грѣшной наготы!
Такъ Болингброкъ, измѣнникъ, воръ презрѣнный,
Неистово свирѣпствовалъ всю ночь,
Пока мы были тамъ, у антиподовъ;
Когда же мы взойдемъ на нашъ востокъ,
На нашъ престолъ,—лицо ему покроетъ
Измѣна яркой краскою стыда
И, не стерпѣвъ лучей дневного свѣта,
Самъ задрожитъ онъ предъ своимъ грѣхомъ.
Знай: всей воды бушующаго моря
Не хватитъ, чтобы смыть елей священный
Съ помазаннаго короля, и смертнымъ
Не развѣнчать посланника небесъ!
На каждаго изъ тѣхъ, кого заставитъ
Злой Болингброкъ поднять стальной свой мечъ
Противу нашей золотой короны,—
Господь пошлетъ по ангелу съ небесъ
И смертные предъ ратью вышней славы
Падутъ: Господь хранитъ лишь тѣхъ, кто правы!

(*Входитъ* Салисбери).

Лордъ, здравствуйте! Далеко ль ваши силы?

Салисбери.

Не дальше и не ближе, государь,
Чѣмъ эти руки слабыя. Несчастье
Приноситъ вамъ печальный мой языкъ,—
Отчаянье владѣетъ имъ всецѣло!
О, государь, потеря велика:
Боюсь, что день единый опозданья
Навѣки ваше счастье помрачилъ.
Верните день одинъ лишь, день вчерашній,—
И будете вы войскомъ обладать

Въ двѣнадцать тысячъ человѣкъ; сегодня жъ,—
Несчастное сегодня!—слишкомъ поздно:
Своихъ друзей, богатство, счастье, санъ—
Навѣкъ утратить можете вы разомъ:
Уэльцы всѣ, повѣривши разсказамъ
О вашей смерти, быстро разбрелись
И Болингброку всѣ передались.

Омерль.

Вы поблѣднѣли, государь? Мужайтесь!

Король Ричардъ.

Мое лицо, ликуя, оживляла
Кровь войска въ двадцать тысячъ человѣкъ,—
Они бѣжали! Какъ же не блѣднѣть мнѣ,
Пока я вновь не получу той крови?
Моя гордыня меркнетъ: отъ меня
Всѣ убѣгаютъ, жизнь свою храня.

Омерль.

Мужайтесь, государь: не забывайте,
Кто вы такой.

Король Ричардъ.

Да, я себя забылъ.
Что жъ, развѣ не король я? Пробудись же,
Трусливое величье: ты заснуло
Постыднымъ сномъ. Какъ? Имя короля
Не стоитъ развѣ двухъ десятковъ тысячъ
Другихъ именъ? Вооружись же, имя
Мое! Грозитъ твоей великой славѣ
Лишь подданный ничтожный! Не смущайтесь,
Любимцы короля: величье наше
Не упадетъ. Я знаю: дядя Іоркъ
Имѣетъ силъ довольно, чтобъ услугу
Намъ оказать. Но кто сюда идетъ?

Входитъ Скрупъ.

Скрупъ.

Желаю государю больше счастья
И радости, чѣмъ можетъ возвѣстить
Языкъ мой, полный горя и тревоги.

Король Ричардъ.

Мой слухъ открытъ, мое готово сердце:
Что худшаго ты можешь разсказать,
Чѣмъ вѣсти о земныхъ моихъ утратахъ?
Быть можетъ, я утратилъ свой престолъ?
Но мой престолъ мнѣ приносилъ заботы,
А кто жъ не радъ лишиться всѣхъ заботъ?
Иль Болингброкъ сравняться хочетъ съ нами?
Онъ больше насъ не будетъ: онъ рабъ Божій,—
Съ нимъ наравнѣ я также Божій рабъ.
Иль возмутились подданные наши?
Что жъ съ этимъ можемъ сдѣлать мы? Они,
Намъ измѣнивъ, и Богу измѣнили.
Пусть горе, плачъ, потери шлетъ намъ рокъ;
Смерть злѣй всѣхъ золъ: она придетъ въ свой срокъ.

Скрупъ.

Я радъ, что вы вооружились, ваше
Величество, чтобъ выслушать извѣстья
О бѣдствіи. Какъ въ бурный, мрачный день
Бушуетъ ливень и, шумя, выходятъ
Изъ береговъ серебряныя рѣки,
И, кажется, слезами изойдетъ
Весь міръ,—такъ вышла ярость Болингброка
Изъ всѣхъ границъ, страна покрылась сталью
И тверже стали сдѣлались сердца!
Сѣдобородый старецъ покрываетъ
Свой голый черепъ шлемомъ, а мальчишки,
Стараясь женскій голосъ свой на басъ
Перемѣнить, чрезъ силу заключаютъ
Въ тяжелый панцырь женственные члены,
Стремясь сразиться противъ короля;
Монахи ваши учатся прилежно
Упругій лукъ свой изъ двойнаго тиса
Натягивать, грозя властямъ стрѣлой;
И даже пряхи, дерзко возмутившись,
Грозятъ престолу ржавымъ топоромъ!
Возстали старъ и младъ; все вкругъ ужасно;
Все горе счесть старался бъ я напрасно.

Король Ричардъ.

Да, хорошо, чрезмѣрно хорошо
Мнѣ разсказалъ ты злую эту повѣсть.
Но гдѣ жъ графъ Уильтширъ, Беши, Бэготъ, Гринъ?
Что сталось съ ними? Какъ могли позволить
Они врагу опасному бродить
Спокойно такъ внутри предѣловъ нашихъ?
За это, если одолѣемъ мы
Врага,—они заплатятъ головами!
Ручаюсь я, что съ Болингброкомъ миръ
Они поспѣшно заключили.

Скрупъ.

Правда;
Они теперь съ нимъ въ мирѣ, государь.

Король Ричардъ.

О негодяи, гадины, злодѣи,
Геённѣ обреченные навѣкъ
Безъ искупленья! Подлыя собаки,
Готовыя хвостомъ вилять предъ каждымъ!
Безчувственныя змѣи, кровью сердца
Пригрѣтыя и жало въ это сердце
Вонзившія! Три гнусные Іуды,
И каждый втрое хуже, чѣмъ Іуда!

Они съ нимъ въ мирѣ! О, свирѣпый адъ
Пусть вѣчно мучитъ грязныя ихъ души!

Скрупъ.

Я вижу, какъ измѣнчива любовь,
И какъ легко преобразиться можетъ
Она въ смертельно-лютую вражду.
Не проклинайте ихъ: они купили
Свой миръ цѣною собственныхъ головъ,
А не цѣною рукъ своихъ. Тѣ люди,
Которыхъ проклинали вы, погибли
Жестокой смертью и въ могилѣ спятъ.

Омерль.

Какъ? Умерли Гринъ, Беши и графъ Уильтширъ?

Скрупъ.

Они въ Бристольскомъ замкѣ казнены.

Омерль.

Но гдѣ же герцогъ, мой отецъ, съ войсками?

Король Ричардъ.

Не все ль равно, гдѣ онъ? О, пусть никто
Не говоритъ о благѣ и спасеньи!
Пусть говорятъ о гробѣ, о червяхъ,
О надписяхъ надгробныхъ; пусть бумагой
Намъ будетъ прахъ земной; мы слезъ дождемъ
На немъ напишемъ наши всѣ печали;
Возьмемъ душеприкащиковъ и волю
Имъ выскажемъ свою, — иль, впрочемъ нѣтъ:
Что завѣщать мы можемъ по наслѣдству?
Лишь наше тѣло—матери землѣ!
Владѣнья наши, наша жизнь—отнынѣ
Въ рукахъ у Болингброка; что мы можемъ
Назвать своимъ? Одну лишь нашу смерть,
Да жалкій тотъ клочекъ земли безплодной,
Который вязкой тяжестью своей
Придавитъ и прикроетъ наши кости!
Присядемъ здѣсь, прошу васъ, на землѣ;
Пусть намъ разскажутъ грустныя преданья
О смерти королей. Изъ нихъ одни
Низложены, другіе пали въ битвахъ;
Иныхъ жестоко призраки терзали
Убитыхъ ими жертвъ; иныхъ сгубили
Отравою ихъ собственныя жены;
Иныхъ во снѣ сразила смерть; и всѣ—
Убиты. Да, внутри короны нашей,
Надвинутой на бренные виски,
Смерть свой дворецъ устроила; гнѣздится
Тамъ старый шутъ, смѣясь надъ нашей властью,
На пышность нашу скаля дерзкій ротъ.
Онъ королю немного позволяетъ
Пожить, продѣлать рядъ потѣшныхъ сценъ,
Повластвовать, казаться страшнымъ, грознымъ,
Единымъ взглядомъ убивать людей,—
И столько намъ внушаетъ самомнѣнья,
Какъ будто наша плоть, жилище жизни,
Несокрушима и тверда, какъ мѣдь!
И вотъ, натѣшась вволю такъ надъ нами,—
Подходитъ онъ и тонкою булавкой
Пронзаетъ стѣну этого жилища,—
И вмигъ конецъ всему: прощай, король!
Накройте жъ ваши головы: не смѣйтесь,
Торжественно почтенье выражая,
Надъ нашей плотью, нашей кровью! Прочь
Все бремя формъ, традицій, церемоній!
Во мнѣ все время ошибались вы:
Какъ вы, я хлѣбъ ѣмъ, чувствую лишенья,
Терплю печаль, завишу отъ друзей.
Я подчиненъ, какъ вы,—ничуть не меньше!
Какъ думать вы могли, что я король?

Карлейль.

О государь! Кто разумомъ владѣетъ,
Тотъ не сидитъ, не ждетъ своихъ несчастій,—
Спѣшитъ, напротивъ, путь имъ преградить!
Страхъ предъ врагомъ васъ только ослабляетъ,
Врагу жъ надъ вами больше силъ даетъ.
Безумье ваше — врагъ вашъ! Чѣмъ отъ страха
Намъ умирать, — не лучше ль смерть въ бою?
Смерть храбраго надъ смертью торжествуетъ
И лишь рабу страхъ смерти грудь волнуетъ.

Омерль.

Вѣдь мой отецъ еще имѣетъ рать:
Нельзя ль изъ крохъ богатство намъ собрать?

Король Ричардъ.

О, да, ты правъ. Впередъ! Готовъ я къ бою!
Насъ мечъ разсудитъ, Болингброкъ, съ тобою!
Прошелъ припадокъ страха; смѣло въ путь!
Свое нетрудно будетъ намъ вернуть.
Гдѣ дядя съ войскомъ, Скрупъ, — скажи скорѣе?
Хоть мраченъ ты, дай вѣсть повеселѣе!

Скрупъ.

По качеству и строю облаковъ
Предполагаютъ люди о погодѣ;
Такъ мрачный взоръ мой — знакъ, что я готовъ
Вамъ возвѣстить о новой лишь невзгодѣ.
Я, какъ мучитель, злѣйшее изъ золъ
Лишь отдалялъ; послѣднее извѣстье
Есть худшее изъ всѣхъ: вашъ дядя Іоркъ
Соединился также съ Болингброкомъ.
На сѣверѣ всѣ замки ужъ сдались,
На югѣ же все рыцарство примкнуло
Къ мятежникамъ.

РАЗВАЛИНЫ ФЛИНТЪ-КЭСТЛЯ. (Дѣйствіе III, сц. 3).

Король Ричардъ.

Довольно! Будь ты проклятъ,
Кузенъ, что ты столкнулъ меня съ дороги
Къ отчаянью, единственно мнѣ милой!
Что скажете? Ну, гдѣ жъ надежда? Въ чемъ?
Клянусь, навѣки я возненавижу
Того, кто скажетъ, что надежда есть!
Поѣдемъ въ замокъ Флинтъ: тамъ я угасну.
Король, рабъ горя, пусть по королевски
Падетъ предъ горемъ. Всѣхъ моихъ солдатъ,
Которые остались,—распустите;
Пусть пашутъ ниву, гдѣ надежды цвѣтъ
Растетъ и зрѣетъ: мнѣ жъ надежды нѣтъ;
И чтобъ никто не возражалъ на это:
Погибло все; не нужно мнѣ совѣта!

Омерль.

Хоть слово, государь!

Король Ричардъ.

Мнѣ врагъ вдвойнѣ
Отнынѣ тотъ, кто льстить посмѣетъ мнѣ.
Всѣхъ распустить! Служить мнѣ — трудъ напрасный:
Я, Ричардъ,—ночь, а Болингброкъ — день ясный!

(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Уэльсъ. Равнина передъ замкомъ Флинтъ.
Барабаны, знамена. Входятъ Болингброкъ, Нортомберлэндъ, Іоркъ, *свита и войско*

Болингброкъ.

Итакъ, насколько видно изъ извѣстій,
Уэльское все войско разошлось,
А Салисбери къ королю поѣхалъ,
Который лишь надняхъ, въ сопровожденьи
Друзей немногихъ, высадился здѣсь.

Нортомберлэндъ.

Есть новыя, отраднѣйшія вѣсти:
Неподалеку здѣсь, въ одномъ изъ замковъ,
Скрываетъ Ричардъ голову свою.

Іоркъ.

Мнѣ кажется, милордъ, приличнѣй было бъ
Прибавить къ слову „Ричардъ“ также слово
„Король“. Плохія времена настали:
Король вѣнчанный голову свою
Скрыть вынужденъ!

Нортомберлэндъ.

Напрасно, ваша свѣтлость,
Вы такъ мои толкуете слова:
Для краткости лишь пропустилъ я титулъ.

Іоркъ.

Въ былое время за такую краткость
Онъ также былъ бы съ вами очень краткимъ:
За то, что вы такъ голову задрали,
Срубивъ ее, онъ сократилъ бы васъ.

Болингброкъ.

Не пробирайте, дядя, слишкомъ строго.

Іоркъ.

Не забирай, племянникъ, слишкомъ много *)
И не забудь, что есть надъ нами Богъ!

Болингброкъ.

Я это знаю, дядя, и нисколько
Я Богу не противлюсь. Кто идетъ?

(*Входитъ Перси*).

А, здравствуй, Гарри! Замокъ не сдается?

Перси.

Нѣтъ; онъ по королевски противъ васъ
Вооруженъ.

Болингброкъ.

Вотъ какъ, по королевски!
Но самъ король не тамъ?

Перси.

Онъ тамъ, милордъ.
Тамъ Ричардъ самъ, въ оградѣ этой крѣпкой
Изъ камня и цемента; съ нимъ Омерль,
Лордъ Салисбери, Стефенъ Скрупъ, а также
Духовное лицо большого сана;
Кто,—я не могъ узнать.

Нортомберлэндъ.

Должно быть это
Карлейль, епископъ.

Болингброкъ.

Слушайте же, лорды:
Идите къ ребрамъ древней той твердыни
И мѣдною трубой подайте кличъ
Въ ея полуразрушенныя уши,
Въ знакъ, что вступаемъ мы въ переговоры;
И такъ скажите: Генрихъ Болингброкъ,
Почтительно на оба ставъ колѣна,
Предъ Ричардомъ, предъ королемъ своимъ,
Ему цѣлуетъ руку, предлагая
Ему отъ сердца преданность и вѣрность.
Скажите, что явился я сюда
Затѣмъ лишь, чтобъ къ стопамъ его поверг-
нуть
Всѣ силы, все могущество мое,—

*) Изъ подлинникѣ игра словами take (брать, забирать) и mistake (ошибаться); въ переводѣ она замѣнена игрою словъ «пробирать» и «забирать».

Съ однимъ условьемъ: чтобъ мое изгнанье
Онъ отмѣнилъ и обѣщалъ бы мнѣ,
Что получу я вновь свои имѣнья.
А если нѣтъ,—то я своею силой
Воспользуюсь и лѣтнюю всю пыль
Прибью къ землѣ дождемъ—дождемъ крова-
вымъ
Изъ ранъ сраженныхъ въ битвѣ англичанъ.
Какъ далеко отъ мыслей Болингброка
Намѣренье—кровавой этой бурей
Всю свѣжую, зеленую одежду
Земли прекрасной короля смочить,—
Ему покажетъ вся моя покорность.
Идите жъ, передайте это все,
Мы жъ по ковру зеленому равнины
Походимъ. Пусть умолкнутъ барабаны,
Чтобъ видно было тамъ, изъ за зубцовъ
Иззубренныхъ старинной этой башни,
Что мирныя намѣренья у насъ.
Мнѣ кажется, что еслибъ я и Ричардъ
Сошлись въ бою,—была бы наша встрѣча
Ужасна столько жъ, какъ борьба стихій —
Огня съ водой, когда они, встрѣчаясь,
Сшибаются и съ грохотомъ ужаснымъ
Рвутъ сумрачный покровъ лица небесъ.
Пусть онъ—огонь; уступчивой водою
Я буду; пусть онъ яростью горитъ,—
А я пролью на земли дождь свой мирный:
На землю дождь пролью,—не на него.
Идите же, за королемъ слѣдите,
Замѣтьте, какъ посмотритъ онъ на насъ.

(*Раздается звукъ трубы, которой отвѣчаетъ труба внутри замка. Затѣмъ, при звукахъ трубъ, выходятъ на стѣну* король Ричардъ епископъ Карлейльскій, Омерль, Скрупъ *и* Салисбери).

Смотрите: вотъ самъ Ричардъ, самъ король!
Такъ красное, разгнѣванное солнце
Изъ пламенныхъ дверей востока смотритъ,
Увидѣвъ тучъ завистливыхъ семью,
Готовыхъ помрачить его сіянье
И запятнать его блестящій путь,
Съ востока протекающій на западъ!

Іоркъ.

Да, смотритъ онъ, какъ истинный король!
Глаза его, какъ у орла, сверкаютъ;
Проникнутъ весь величьемъ этотъ взоръ.
Увы, какъ жаль, что этотъ видъ прекрасный
Такимъ тяжелымъ горемъ помраченъ!

Король Ричардъ (*Нортомберлэнду*).

Немало мы изумлены. Мы ждали,
Чтобъ ты благоговѣйно преклонилъ
Свои колѣна, ибо мы считали
Себя твоимъ законнымъ королемъ;

И если это такъ, то какъ же смѣли
Твои суставы, находясь предъ нами,
Священный долгъ почтенья позабыть?
А если мы не правы,—покажи намъ
Создателя карающую руку,
Которая отъ нашего поста
Насъ отрѣшила! Ибо намъ извѣстно,
Что нѣтъ руки изъ крови и костей,
Которая отнять у насъ могла бы
Священный скипетръ нашъ инымъ путемъ,
Какъ лишь захватомъ, кражей, оскверненьемъ!
Конечно, вы надѣетесь на то,
Что всѣ, какъ вы, свои сгубили души,
Покинувъ насъ; что здѣсь мы передъ вами
Безпомощны и лишены друзей;
Но знайте, что Господь нашъ всемогущій,
На помощь намъ, готовитъ въ облакахъ
Полки заразы: ею уничтожитъ
Дѣтей онъ вашихъ, даже тѣхъ, что нынѣ
Еще не рождены,—за то, что вы,
Вассалы, вашу дерзостную руку
Осмѣлились поднять на короля
И угрожать красѣ его короны!
Скажи ты Болингброку,—тамъ вдали
Онъ, кажется, стоитъ, — что съ каждымъ шагомъ
Здѣсь, по моей землѣ, онъ совершаетъ
Безстыдную измѣну. Онъ пришелъ,
Дабы раскрыть пурпуровую книгу
Войны кровавой; пусть же онъ узнаетъ,
Что прежде, чѣмъ, надѣвъ корону, мира
Дождется онъ,—кровавые вѣнцы
Чело украсятъ у десятковъ тысячъ
Сыновъ родной земли; ея жъ лицо,
Страданьемъ искаженное, утратитъ
Дѣвическій свой бѣлый, мирный цвѣтъ
И яркой краской гнѣва разразится,
А пастбища любезной намъ страны
Польются вѣрной англійскою кровью.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Храни насъ Царь Небесный отъ того,
Чтобъ нашъ король и властелинъ сталъ жертвой
Междоусобья! Трижды благородный
Кузенъ вашъ, славный Генрихъ Болингброкъ,
Почтительно цѣлуетъ вашу руку.
Клянется онъ священною гробницей,
Гдѣ кости дѣда вашего лежатъ,
И королевской, въ жилахъ васъ обоихъ
Струящеюся кровью, исходящей
Изъ общаго, великаго потока,
И погребенной славною рукой
Воинственнаго Ганта, также честью
И собственнымъ достоинствомъ своимъ,
Которое порука въ этихъ клятвахъ,—
Что лишь затѣмъ явился онъ сюда,
Чтобъ испросить съ колѣнопреклоненьемъ
Признанья всѣхъ своихъ наслѣдныхъ правъ
Изгнанья же—немедленной отмѣны.
Какъ только въ томъ поруку дастъ король,—
Онъ обречетъ блестящее оружье
На ржавчину, а боевыхъ коней
Поручитъ стойламъ; собственное жъ сердце
Онъ вашему величеству, для службы,
И преданной, и вѣрной, радъ отдать.
Во всемъ онъ этомъ вамъ, какъ принцъ, клянется,
И, какъ джентльменъ, той клятвѣ вѣрю я.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Нортомберлэндъ, отвѣтъ нашъ королевскій
Такъ передай: мы рады видѣть здѣсь
Кузена, и готовы мы исполнить
Безпрекословно всѣ его желанья.
Прошу я также передать ему
Привѣтъ мой, въ самыхъ лестныхъ выраженьяхъ.
(Омерлю, по уходѣ Нортомберлэнда).
Не правда ль, мы унизили себя
Такою жалкой, ласковою рѣчью?
Позвать ли намъ назадъ Нортомберлэнда,
Чтобъ съ нимъ послать измѣннику нашъ вызовъ
И умереть?

ОМЕРЛЬ.

Нѣтъ, государь; на время
За недостаткомъ дружескихъ мечей,
Прибѣгнемъ къ силѣ ласковыхъ рѣчей.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

О Боже, Боже! Мой языкъ, который
Изрекъ изгнанья грозный приговоръ
Надменному,—теперь словами ласки
Тотъ приговоръ взять вынужденъ назадъ!
О, еслибъ былъ я такъ великъ, какъ горе,
Иль менѣе, чѣмъ мой великій санъ!
О, еслибъ могъ забыть я, кѣмъ я былъ,
Или не помнить, кѣмъ теперь я буду!
Ты бьешься, сердце гордое? Дозволю
Тебѣ я биться: бьются, вѣдь, враги,
Дабы убить тебя со мною вмѣстѣ.

ОМЕРЛЬ.

Нортомберлэндъ идетъ отъ Болингброка.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Что жъ дѣлать королю? Покорно сдаться?
Онъ сдастся. Что жъ, низложенъ будетъ онъ?
Онъ согласится. Долженъ онъ утратить
Названье короля? Богъ съ нимъ, съ названьемъ!

Свои алмазы я отдамъ за четки,
Отдамъ за келью пышный мой дворецъ,
За нищенское рубище —порфиру,
Рѣзные кубки—за простую чашку,
А скипетръ мой—за страннический посохъ;
Всѣхъ подданныхъ—за пару образковъ,
А королевство гордое мое—
За малую, малѣйшую могилку,
Безвѣстную могилку... Или пусть
Меня зароютъ на большой дорогѣ,
Средь шумнаго торговаго пути,
Чтобъ попиралась подданныхъ ногами
Глава ихъ государя ежечасно;
Они, вѣдь, сердце попирали мнѣ
При жизни; послѣ смерти—почему же
Имъ голову мою не попирать?
Омерль, ты плачешь? О, кузенъ мой нѣжный!
Плачь, плачь! Ручьями ненавистныхъ слезъ
И вздохами произведемъ мы бурю,
Къ землѣ всю жатву лѣтнюю прибьемъ,
Чтобъ породить въ землѣ мятежной голодъ.
Иль, можетъ быть, не поиграть ли намъ
Своей печалью, слезы проливая?
Изъ нашихъ глазъ пусть капаютъ онѣ
Все на одно и то же мѣсто, роя
Въ землѣ двѣ ямки—наши двѣ могилы;
Тамъ ляжемъ мы, и надпись пусть гласитъ:
Здѣсь вырыли два друга, два родные
Себѣ могилы горькихъ слезъ дождемъ.
Не правда ль, тѣмъ мы зло къ добру направимъ?
Да, да, я вижу: вздоръ и пустяки
Я говорю; вы надо мной смѣетесь. *(Нортомберлэнду).*
О принцъ могучій, лордъ Нортомберлэндъ!
Что говоритъ король нашъ Болингброкъ?
Ужель его величество дозволитъ
Жить Ричарду, пока не сгинетъ Ричардъ?
Повѣжливѣй расшаркайтесь; тогда
Вамъ Болингброкъ, конечно, скажетъ: да.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Милордъ, онъ ждетъ на нижнемъ васъ дворѣ
И хочетъ съ вами говорить. Онъ проситъ
Васъ внизъ сойти.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Внизъ? Да, спущусь я внизъ,
Какъ Фаэтонъ блестящій, не съумѣвшій
Осилить клячъ взбѣсившихся своихъ.
На нижній дворъ? Чтобъ былъ король униженъ,
Чтобъ онъ на зовъ измѣнниковъ пошелъ
И оказалъ имъ вѣжливость и ласку!
Внизу тотъ дворъ? Внизъ, внизъ скорѣй, король!
И пусть крикливый филинъ тамъ ютится,
Гдѣ долженъ съ пѣсней жаворонокъ виться.
(Сходятъ сверху).

БОЛИНГБРОКЪ.

Что вамъ его величество сказалъ?

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Отъ горя и печали онъ какъ будто
Въ разсудкѣ помутился; рѣчь его
Совсѣмъ безумна. Вотъ онъ самъ, однако.

(Входятъ на нижній дворъ король Ричардъ и его свита).

БОЛИНГБРОКЪ.

Всѣ станьте въ сторонѣ и окажите
Во всемъ его величеству почетъ.
(Преклоняетъ колѣна).
Мой государь...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Кузенъ мой благородный,
Не унижайте царственныхъ колѣнъ,
Чтобъ низкая земля не возгордилась
Лобзаньемъ ихъ. Пріятнѣй было бъ мнѣ,
Чтобъ могъ я сердцемъ убѣдиться въ вашей
Любви, чѣмъ видѣть недовольнымъ окомъ
Любезность вашу. Встаньте же скорѣй;
Я знаю, вѣдь: въ васъ сердце такъ и рвется
Стать выше насъ, хотя колѣно—гнется.

БОЛИНГБРОКЪ.

Я за своимъ лишь, государь, явился.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Что ваше — ваше; самъ я вашъ, какъ все.

БОЛИНГБРОКЪ.

Моимъ настолько будьте, повелитель,
Насколько вѣрной службой заслужу
Любовь я вашу.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Все вы заслужили!
Тотъ заслужилъ имѣть—кто знаетъ средства,
Какъ лучше взять и крѣпче удержать.
Мой дядя, дайте руку мнѣ; но слезы
Свои утрите: въ нихъ видна любовь,
Но пользы мнѣ принесть онѣ не могутъ.
Кузенъ, я слишкомъ молодъ, чтобъ я могъ
Отцомъ вамъ быть, но вы довольно стары,
Чтобъ быть моимъ наслѣдникомъ. Все то,
Что вы имѣть желали, уступаю
Вамъ добровольно: надо кроткимъ быть,
Когда велитъ намъ сила уступить.
Теперь, кузенъ, вы въ Лондонъ; такъ ли?

БОЛИНГБРОКЪ.

Да,
Мой государь.

Король Ричардъ.

Тогда и я туда.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Лэнгли. Садъ герцога Іоркскаго.

Входятъ королева *и двѣ* фрейлины.

Королева.

Какую бы игру придумать намъ
Въ саду, чтобъ мысли мрачныя разсѣять?

Фрейлина.

Сыграемъ, государыня, въ шары.

Королева.

Нѣтъ, это мнѣ напомнитъ, что весь міръ
Препятствій полонъ, а моя фортуна
Ведетъ меня къ упадку.

Фрейлина.

Танцовать
Угодно ль государынѣ?

Королева.

О, нѣтъ!
Я не могу ступать ногами мѣрно,
Затѣмъ, что мѣры нѣтъ моей тоскѣ.
Нѣтъ, дѣвушка, мы танцовать не будемъ.
Придумай намъ другое что нибудь.

Фрейлина.

Когда угодно, разскажу я сказку.

Королева.

Веселую, иль грустную?

Фрейлина.

Какую
Угодно вамъ.

Королева.

Не надо никакой.
Когда начнешь веселую ты сказку,
То, такъ какъ я всѣмъ радостямъ чужда,
Тѣмъ хуже ты напомнишь мнѣ о горѣ;
А если сказку грустную начнешь,
То, такъ какъ вся исполнена я грусти,
Ты увеличишь только скорбь мою.
Что я имѣю,—повторять не стоитъ,
Чего же нѣтъ,—о томъ не нужно слезъ.

Фрейлина.

Я что нибудь спою вамъ.

Королева.

Это счастье,
Когда имѣешь ты причину пѣть,
Но мнѣ пріятнѣй, чтобъ ты стала плакать.

Фрейлина.

Я рада бы заплакать, еслибъ это
Вамъ помогло.

Королева.

А я бы рада пѣть,
Когда бы плачъ могъ облегчить мнѣ горе,
И слезъ бы у тебя не занимала.
(*Входятъ садовникъ и два работника*).
Постой: сюда садовники идутъ.
Укроемся вонъ тамъ, въ тѣни деревьевъ.
Клянусь моимъ я горемъ, что начнутъ
Бесѣдовать они о государствѣ.
Предъ перемѣной, вѣдь, всегда бываетъ
Немало толковъ: предъ бѣдой бѣда
Предвѣстіемъ является всегда.

(*Прячутся*).

Садовникъ (*работнику*).

Поди сюда. Вотъ эти абрикосы
Совсѣмъ повисли и согнули вѣтви,
Подобно непослушнымъ сыновьямъ,
Которые, какъ тягостное бремя,
Сгибаютъ спину своего отца;
Такъ подвяжи согнувшіяся вѣтви.
(*Другому работнику*).
А ты подрѣжь, подобно палачу,
Верхушки этихъ вѣтокъ слишкомъ длинныхъ;
Онѣ чрезмѣрно вытянулись вверхъ,
А въ нашемъ государствѣ соблюдаемъ
Мы равенство всеобщее. Пока
Вы этою работою займетесь,
Я плевелы повыдергаю вонъ,
Которыя сосутъ безъ пользы почву
И отнимаютъ пищу у цвѣтовъ.

Работникъ.

Къ чему намъ здѣсь, въ оградѣ тѣсной сада,
Хранить во всемъ законность, форму, мѣру,
Чтобъ былъ нашъ садъ порядка образцомъ,
Когда великій садъ нашъ, обнесенный
Стѣнами моря, наша вся страна,
Полна зловредныхъ плевелъ, потеряла
Всѣ лучшіе цвѣты свои,—деревья
Плодовыя никто не подстригаетъ,
Разрушены всѣ изгороди въ ней,
Испорчены дорожки, а растенья
Изъѣдены губительнымъ червемъ?

Садовникъ.

Молчи ужъ! Тотъ, кто этотъ безпорядокъ
Дозволилъ,—самъ теперь теряетъ листья.
Тѣ плевелы, которыя росли

Подъ сѣнью листьевъ царственнаго древа,
Служа ему поддержкою на видъ,
На дѣлѣ же его лишь пожирая,—
Повырваны съ корнями Болингброкомъ.
Я говорю объ Уильтширѣ, о Гринѣ
И Беши.

Работникъ.

Какъ? Всѣ умерли они?

Садовникъ.

Да, умерли, и самъ король безпечный
Захваченъ Болингброкомъ. О, какъ жаль,
Что не берегъ онъ, не лелѣялъ нѣжно
Страну свою, какъ мы лелѣемъ садъ!
Дабы сберечь плодовыя деревья,
Мы въ должный срокъ надрѣзы на корѣ
Имъ дѣлаемъ: иначе сокъ чрезмѣрно
Ихъ переполнитъ и погубитъ ихъ.
Когда бы точно также поступалъ онъ
Со знатными людьми, которыхъ сила
Росла чрезмѣрно,—жили бы они,
А онъ вкушалъ бы плодъ ихъ вѣрной службы.
Мы лишнія обрѣзываемъ вѣтви,
Чтобъ дать просторъ вѣтвямъ, несущимъ плодъ;
Когда бъ онъ дѣлалъ такъ,—на немъ корона
Держалась бы, онъ не терялъ бы трона.

Работникъ.

Ты думаешь, низложатъ короля?

Садовникъ.

Уже лишенъ онъ власти; вѣроятно,
Его низложатъ вскорѣ. Нынче ночью
Однимъ изъ близкихъ герцога друзей
Получено письмо, въ которомъ вѣсти
Содержатся недобрыя.

Королева.

Нѣтъ, больше
Нѣтъ силъ терпѣть! Молчать я не могу!

(*Выходитъ изъ-за кустовъ*).

Ты, ты, Адама стараго подобье,
Чтобъ садъ блюсти, приставленное здѣсь!
Какъ смѣетъ жесткій, грубый твой языкъ
Произносить такія злыя вѣсти?
Какая Ева, что за новый змѣй
Тебѣ внушили эту мысль о новомъ
Паденьи и проклятьи человѣка?
Какъ смѣлъ сказать ты, что король низложенъ?
Ты, кто немного лучше, чѣмъ земля,
Какъ смѣлъ ты предвѣщать его паденье?
Откуда, гдѣ и какъ ты могъ узнать
Всѣ эти вѣсти? Говори, несчастный!

Садовникъ.

Простите, государыня; мнѣ, право,
Не радостно сказать вамъ эту вѣсть.
Къ несчастью, то, что говорю я,—правда.
У Болингброка нашъ король въ плѣну;
Ихъ жребій брошенъ на вѣсы фортуны,
И на одной изъ чашекъ—вашъ супругъ
И нѣсколько ничтожныхъ лицъ, чья помощь
Ту чашку развѣ только облегчаетъ,
А на другой—великій Болингброкъ
И вмѣстѣ съ нимъ всѣ англійскіе пэры:
Съ такой придачей быстро перевѣситъ
Онъ Ричарда! Спѣшите въ Лондонъ: тамъ
Увидите, что я по правдѣ, честно
Сказалъ вамъ только то, что всѣмъ извѣстно.

Королева.

Проворное несчастье! Ты такъ быстро,
Такъ легокъ бѣгъ твой; отчего-жъ ко мнѣ
Своихъ пословъ ты раньше не послало?
Я позже всѣхъ узнала эту вѣсть!
О, знаю я: хотѣло ты, чтобъ горе
Какъ можно дольше мнѣ терзало грудь!

(*Фрейлинамъ*).

Скорѣй въ столицу поспѣшимъ, дѣвицы,
Чтобъ видѣть горе короля столицы!
Затѣмъ ли мнѣ судилъ родиться рокъ,
Чтобъ твой тріумфъ украсить, Болингброкъ?
Садовникъ, за такую злую вѣсть
Дай Богъ твоимъ прививкамъ ввѣкъ не цвѣсть.

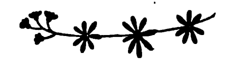
(*Королева и фрейлины уходятъ*).

Садовникъ.

Бѣдняжка королева! Радъ проклясть я
Свой трудъ, чтобъ дать тебѣ немного счастья!
Упала здѣсь слеза ея: гряду
Печальной руты здѣсь я разведу *),
И пусть взойдутъ унылые посѣвы,
Въ воспоминанье плача королевы.

(*Садовникъ и работники уходятъ*).

*) Въ подлинникѣ игра словомъ *rue*, которое означаетъ и растеніе руту, и сожалѣніе. Рута считалась символомъ сожалѣнія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Зала Вестминстерскаго дворца.

Входятъ, какъ въ засѣданіе палаты, Болингброкъ, Омерль, Нортомберлэндъ, Перси, Фицуотеръ, Серрей, *епископъ* Карлейльскій, *аббатъ* Вестминстерскій *и другіе лорды, герольды, офицеры и* Бэготъ.

Болингброкъ.

Пусть Бэготъ станетъ передъ нами. Бэготъ,
Прошу тебя я разсказать свободно
О смерти дяди Глостера все то,
Что знаешь ты: кто, съ королемъ въ союзѣ,
Устроилъ это, кто кровавый трудъ
Взялъ на себя, къ безвременной кончинѣ
Несчастнаго приведшій.

Бэготъ.

Предо мною
Тогда пусть станетъ лордъ Омерль.

Болингброкъ.

Кузенъ,
Стань прямо передъ этимъ человѣкомъ.

Бэготъ (*Омерлю*).

Милордъ, я знаю, смѣлый вашъ языкъ
Отъ словъ своихъ не станетъ отрекаться.
Въ печальные былые эти дни,
Какъ Глостера погибель замышлялась,
Я слышалъ, какъ сказали вы: „ужель
Рука моя длины той не имѣетъ,
Чтобъ ей достать отсюда, изъ дворца
Спокойнаго Британіи счастливой,
Въ Калэ, чтобъ дядѣ голову сорвать?“.
Затѣмъ, среди другихъ рѣчей различныхъ,
Я слышалъ также, что сказали вы,
Что лучше бъ вы сто тысячъ кронъ отвергли,
Чѣмъ согласиться, чтобы Болингброкъ
Вернулся, и прибавили при этомъ,
Что осчастливить Англію могла бъ
Смерть вашего кузена.

Омерль.

Принцы! Лорды!
Чѣмъ долженъ я мерзавцу отвѣчать?
Я допустить могу ли униженье
Прекрасныхъ звѣздъ фамильнаго герба
И наказать злодѣя въ поединкѣ?
Иль допущу я это, или ляжетъ
На мнѣ пятно отъ устъ клеветника;
Вотъ мой залогъ, возьми; твоей въ немъ смерти
Моя собственноручная печать;
На ней прочтешь ты надпись: въ адъ! Безстыдно
Ты лжешь! Берусь я это подтвердить
И доказать твоею кровью сердца,
Хоть ты и слишкомъ низокъ, чтобъ марать
Мечъ рыцаря своею гнусной кровью!

Болингброкъ.

Стой, Бэготъ, стой! Перчатку брать не смѣй!

Омерль.

Какъ я желалъ бы, чтобъ не онъ, а лучшій
Изъ всѣхъ здѣсь лордовъ,—кромѣ одного,—
Посмѣлъ мнѣ бросить это обвиненье!

Фицуотеръ.

Когда ты ищешь равенства, Омерль,—
Вотъ мой залогъ взамѣнъ твоей перчатки.
Клянусь я дивнымъ солнцемъ, чьи лучи
То мѣсто озаряютъ, гдѣ стоишь ты,—
Что самъ я слышалъ, какъ ты говорилъ,—
И даже, помню, хвастался ты этимъ,—
Что Глостера кончины ты виной!
Хоть двадцать разъ ты это отрицалъ бы,
Я докажу всегда, что ты солгалъ;
И эту ложь концомъ своей рапиры
Тебѣ обратно въ сердце я вгоню,
Туда, гдѣ эта ложь взяла начало.

Омерль.

Не доживешь ты, трусъ, до той поры!

Фицуотеръ.

Клянусь душой, я хоть сейчасъ радъ биться.

Омерль.

Фицуотеръ, ты пойдешь за это въ адъ.

Перси.

Омерль, ты лжешь: тебя онъ обвиняетъ
Настолько жъ честно, сколько ты безчестенъ.
А потому тебѣ я шлю мой вызовъ
И буду биться до послѣднихъ силъ,
Чтобъ доказать здѣсь всѣмъ, что это правда.
Вотъ мой залогъ: коль смѣешь подними.

Омерль.

А если я не смѣю,—пусть отсохнетъ

Моя рука и больше никогда
Не замахнется мстительною сталью
На вражескій блистательный шеломъ.

Другой лордъ.

И я хочу, Омерль клятвопреступникъ,
Съ тобою биться. Чтобъ тебя взбѣсить,
Кричать въ твое предательское ухо
Отъ солнца буду я до солнца: лжешь!
Вотъ мой залогъ; сразимся, если смѣешь.

Омерль.

Ну, кто еще? Готовъ я всѣхъ васъ вызвать;
Во мнѣ одномъ есть тысяча бойцовъ,—
Они отвѣтятъ всѣмъ, хоть двадцать тысячъ
Ихъ будь такихъ, какъ вы!

Серрей.

Милордъ Фицуотеръ,
Я слышалъ этотъ разговоръ съ Омерлемъ.

Фицуотеръ.

Вы правы; онъ происходилъ при васъ.
Свидѣтель вы, что говорю я правду.

Серрей.

Клянусь я небомъ: сколько правды въ небѣ,
Настолько лжи въ твоихъ словахъ!

Фицуотеръ.

Серрей,
Ты лжешь.

Серрей.

Нѣтъ, ты солгалъ, мальчишка гнусный!
И эта ложь твоя такъ тяжко ляжетъ
На мечъ мой, что проникнется онъ местью
И будетъ мстить, пока и ложь и лжецъ
Въ землѣ лежать не будутъ неподвижно,
Какъ мертвый черепъ твоего отца;
Ручаюсь въ этомъ честью! Вотъ залогъ мой,
Возьми и, если смѣешь, то сразись.

Фицуотеръ.

Какъ бѣшено коню даешь ты шпоры!
Когда я смѣю жить, дышать, пить, ѣсть,—
То вѣрно смѣю встрѣтить и Серрея,
Хоть гдѣ нибудь въ глуши, чтобъ на него
Съ презрѣньемъ плюнуть и сказать, что лжетъ онъ,
Лжетъ, лжетъ и лжетъ! Возьми мою перчатку
Въ залогъ того, что ты придти обязанъ,
Чтобъ я тебя сурово наказалъ.
Насколько вѣрно то, что въ этомъ мірѣ,
Столь новомъ для меня, идти впередъ
Намѣренъ я,—настолько жъ достовѣрна
Вина Омерля. Кромѣ же того
Я слышалъ отъ изгнанника Норфолька,
Что ты, Омерль, двухъ изъ своихъ людей
Послалъ въ Калэ, чтобъ герцога убили.

Омерль.

Пусть кто нибудь изъ честныхъ христіанъ
Мнѣ одолжитъ перчатку, пусть залогомъ
Она послужитъ, что Моубрэй солгалъ!
Ему я брошу вызовъ, если можно,
Чтобъ онъ изъ ссылки возвратился къ намъ.

Болингброкъ.

Всѣ эти споры, эти разногласья
Остаться подъ залогами должны,
Пока Норфолькъ изъ ссылки не вернется.
Онъ будетъ возвращенъ; хоть онъ и врагъ мой,
Но всѣ свои помѣстья и владѣнья
Получитъ вновь. Когда вернется онъ,
Прикажемъ мы ему съ Омерлемъ биться,

Карлейль.

Нѣтъ, не настанетъ славный этотъ день!
Норфолькъ въ изгнаньи много разъ сражался
За нашего Спасителя Христа,
Неся Христово знамя противъ черныхъ
Язычниковъ, и сарацинъ, и турокъ;
Но, утомленъ трудами этихъ войнъ,
Въ Италію вернулся онъ и вскорѣ
Въ Венеціи свою нашелъ онъ смерть.
Землѣ тѣхъ дивныхъ странъ онъ отдалъ тѣло,
А чистый духъ—вождю его, Христу,
Подъ знаменемъ котораго онъ бился.

Болингброкъ.

Какъ, развѣ онъ скончался?

Карлейль.

Да, милордъ.
Онъ умеръ: это такъ же достовѣрно,
Какъ то, что я живу.

Болингброкъ.

Пошли, Господь,
Душѣ его на лонѣ Авраама
Покой и миръ! Раздоры ваши, лорды,
Оставьте подъ залогами, пока
Мы вамъ назначимъ дни для поединковъ.

(*Входитъ герцогъ Іоркъ со свитою*).

Іоркъ.

Великій герцогъ Ланкастеръ! Къ тебѣ
Отъ Ричарда, лишеннаго всѣхъ знаковъ

РИЧАРДЪ II и БОЛИНГБРОКЪ (Дѣйствіе IV, сц. 1).

Ричардъ. Сколько хрупкой славы
Сіяетъ въ немъ!

Рисунокъ извѣстнаго англійскаго иллюстратора Силуза (H. C. Selous, 1812–1890)

Верховнаго достоинства, я присланъ,
Чтобъ возвѣстить отъ имени его,
Что добровольно онъ тебя назначилъ
Наслѣдникомъ и скипетръ свой державный
Твоей вручаетъ царственной рукѣ.
Взойди жъ на тронъ, который имъ покинутъ!
Виватъ, король нашъ Генрихъ Ланкастеръ,
Изъ Генриховъ четвертый на престолѣ!

Болингброкъ.
Во имя Бога, я вступлю на тронъ.

Карлейль.
Нѣтъ, нѣтъ! Храни отъ этого насъ, Боже!
Здѣсь, предъ лицомъ владѣтельныхъ особъ,
Рѣшусь сказать я самое худое,
Затѣмъ, что мнѣ приличнѣе всего
Вамъ высказать всю истину. Дай, Боже,
Чтобъ между всѣхъ васъ, благородныхъ лордовъ,
Настолько благородные нашлись,
Чтобъ судъ чинить могли они достойно
Надъ благороднымъ Ричардомъ! Тогда
Ихъ благородство, вѣрно, удержало бъ
Ихъ отъ такого гнуснаго грѣха.
Изъ подданныхъ кто своему монарху
Судья? Кто здѣсь—не подданный его?
Воровъ,—и тѣхъ, не выслушавъ, не судятъ,
Хотя бъ была вина ихъ всѣмъ ясна;
А онъ, подобье Божьяго величья,
Избранникъ, вождь, намѣстникъ, данный Имъ,
Помазанный, вѣнчанный, на престолѣ
Сидѣвшій столько лѣтъ король,—отъ васъ,
Отъ подданныхъ, отъ низшихъ по рожденью,
Вашъ дерзновенный приметъ приговоръ,
Притомъ еще заочный! Боже, Боже!
Въ странѣ разумныхъ христіанскихъ душъ
Свершается такое злое дѣло,
Такой ужасный, черный, гнусный грѣхъ!
Для подданныхъ, какъ подданный, отъ Бога
Воздвигнутый въ защиту короля,
Я говорю все это вамъ открыто!
Лордъ Гирфордъ, тотъ, котораго хотите
Вы королемъ назвать,—измѣнникъ гнусный
Передъ своимъ законнымъ королемъ;
И если вы надѣнете корону
На голову его,—пророчу я,
Что удобрится англійскою кровью
Земля у насъ, застонутъ поколѣнья
Грядущія отъ этой злой бѣды,
Миръ будетъ жить у турокъ и невѣрныхъ,
А здѣсь у насъ, гдѣ прежде миръ царилъ,
Конца не будетъ битвамъ безпрерывнымъ,
Возстанетъ братъ на брата, родъ на родъ;
Страхъ, ужасъ, смута и мятежъ здѣсь будутъ
Свирѣпствовать, и край нашъ назовется
Голгоѳою, страною череповъ!
О, если вы рѣшитесь двухъ династій
Разжечь борьбу,—возникнетъ здѣсь раздоръ,
Ужаснѣйшій изъ всѣхъ, какіе были,
Пока живетъ проклятая земля!
Не допустите жъ этого, возстаньте,
Чтобъ ваши дѣти, дѣти ихъ дѣтей
Не проклинали васъ въ бѣдѣ своей!

Нортомберлэндъ.
Сэръ, ваши разсужденья такъ прекрасны,
Что мы сейчасъ подъ стражу васъ беремъ
За явную измѣну государству.
Прошу васъ, лордъ Вестминстеръ, задержите
Его въ надежномъ мѣстѣ, до суда.
Угодно ль, лорды, выслушать искъ общинъ?

Болингброкъ.
Пусть Ричарда введутъ сюда, чтобъ онъ
При всѣхъ отрекся лично отъ престола.
Тогда мы подозрѣній избѣжимъ.

Іоркъ.
Я приведу его сейчасъ.

Болингброкъ.
Тѣ лорды,
Которыхъ здѣсь арестовали мы,
Пусть за себя доставятъ намъ поруки
До дня суда. Мы мало ожидали
Къ себѣ любви и помощи отъ нихъ.
(*Возвращается Іоркъ; съ нимъ Ричардъ и офицеры, несущіе государственныя регаліи*).

Король Ричардъ.
О, горе мнѣ! Зачѣмъ предстать я долженъ
Предъ королемъ, еще не позабывъ
Думъ царственныхъ, съ которыми я правилъ!
Наушничать и кланяться, сгибаться
И льстить—еще не научился я;
Хоть дали бы моей печали время,
Чтобъ мнѣ науку эту преподать!
Но все таки запомнилъ я черты
Людей вотъ этихъ: развѣ не подвластны
Они мнѣ были, развѣ не кричали
Мнѣ иногда: да здравствуетъ король?
Такъ и Христа привѣтствовалъ Іуда;
Но Онъ, среди двѣнадцати, въ одномъ
Нашелъ измѣну, въ прочихъ — встрѣтилъ вѣрность,
А мнѣ двѣнадцать тысячъ измѣнили
И не остался вѣренъ ни одинъ.
Да здравствуетъ король! Ну, что жъ не скажетъ
Никто „аминь"? Ужели долженъ быть
Я и священникъ, и причетникъ вмѣстѣ?

Ну, хорошо, я самъ скажу: аминь.
Да здравствуетъ король! Ужъ не король я,
Но всетаки скажу: аминь! Быть можетъ,
Меня считаетъ Небо королемъ.
Зачѣмъ сюда придти вы мнѣ велѣли?

Іоркъ.

Затѣмъ, чтобъ волей собственной своей,
Державными трудами утомленный,
Отрекся ты отъ сана своего
И отъ короны—въ пользу Болингброка.

Король Ричардъ.

Подайте мнѣ корону. Здѣсь, кузенъ,.
Возьмитесь за корону; здѣсь, кузенъ;
Вотъ съ этой стороны моя рука,
А съ э Эта золотая
Корона теперь
при которомъ
Есть два поочередно
Водою на одно,
Пустое, вверхъ стремится, а другое,
Незримое, наполнившись водой,
Спускается. Я нижнее изъ ведеръ,
Наполнившись слезами, въ нихъ тону;
Вы вверхъ стремитесь, я жъ иду ко дну.

Болингброкъ.

Я полагалъ, что вы мнѣ добровольно
Корону отдаете.

Король Ричардъ.

Да, корону;
Но скорбь моя останется при мнѣ.
Весь блескъ, всю власть я отдаю, не споря,
Но я король моихъ заботъ и горя.

Болингброкъ.

Съ своей короной часть своихъ заботъ
Вы отдаете мнѣ.

Король Ричардъ.

Вамъ станетъ больше
Заботъ, но мнѣ—не меньше отъ того.
Моя забота есть заботъ лишенье,
А ваша—къ новымъ тягостямъ стремленье;
Отдавъ корону и заботы съ ней,
Я сохраню ихъ все жъ въ душѣ своей.

Болингброкъ.

Согласны ль вы отречься отъ короны?

Король Ричардъ.

Да, нѣтъ; нѣтъ, да; я долженъ быть—
ничто;
Что жъ пользы, еслибъ „нѣтъ“ я вамъ
отвѣтилъ?
Вѣдь въ вашу пользу отрекаюсь я.
Смотри жъ, кузенъ, какъ самъ себя я
свергну.
Съ главы своей сниму я это бремя,
Свой тяжкій скипетръ выроню изъ рукъ,
Изъ сердца вырву царственную гордость,
Съ себя слезами смою я елей,
Собственноручно я отдамъ корону,
Сло ично свой священный санъ;
Отъ всѣхъ мнѣ должныхъ знаковъ уваженья,
Отъ пышности величья моего,
Отъ рентъ моихъ, помѣстій и доходовъ,—
Я отрекаюсь; акты
Уставы всѣ мои—
Прости Господь всѣ нарушенья клятвъ,
Когда то данныхъ мнѣ; храни Господь
Тебя, кузенъ, отъ нарушенья данной
Тебѣ присяги! Я лишенъ всего,—
Такъ пусть же я лишусь всѣхъ огорченій,
А ты, кузенъ, живи средь ій,
Владѣя всѣмъ, что ты
Дай Богъ, чтобъ много я малъ
Тронъ Ричарда, а Ричардъ, чтобы вскорѣ
Въ могилу легъ, забывъ свое все горе!
Король нашъ Гарри, Богъ тебя храни
На многіе безоблачные дни!
Развѣнчанный такъ Ричардъ восклицаетъ.
Ну, что еще сказать мнѣ подобаетъ?

Нортомберлэндъ.

Сказать не нужно больше ничего.
Прочтите только эти обвиненья
Въ тяжелыхъ преступленьяхъ, учиненныхъ
Особой вашей, въ бытность королемъ,
И вашими ками, противъ
Страны и Если въ нихъ
Сознаться м,—всѣ увидятъ,
Что мы по праву низложили васъ.

Король Ричардъ.

Мнѣ—сдѣлать это? Развернуть открыто
Предъ всѣми ткань безумья моего?
Скажи мнѣ, другъ Нортомберлэндъ, когда бы
Пришлось твои грѣхи припоминать,
Ужели ты о нихъ не постыдился бъ
Читать въ я жественномъсобраньи?
А еслибъ ты хотѣлъ, то въ этомъ спискѣ
Нашелъ бы ты позорную главу,
Въ которой говорится о сверженьи
Законнаго монарха, о разрывѣ
Твоей святой присяги крѣпкихъ узъ:
Позорное пятно страницы этой
Отмѣтится навѣкъ судомъ небесъ!
А вы, что здѣсь стоите всѣ, глазѣя
Какъ мучусь я несчастіемъ моимъ!
Изъ васъ иные, какъ Пилатъ, готовы
Умыть въ томъ руки съ жалостью при-
творной;

Но вами я, Пилаты, осужденъ
Нести мой крестъ тяжелый, и водою
Не смыть съ себя вамъ этого грѣха!

Нортомберлэндъ.

Милордъ, прочтите поскорѣй вотъ это.

Король Ричардъ.

Не вижу: слезъ глаза мои полны,
И все же я соленою водою
Не ослѣпленъ настолько, чтобъ не видѣть
Вокругъ себя измѣнниковъ толпу.
Когда же внутрь себя я взоръ направлю,
То вижу, что и самъ измѣнникъ я:
Я далъ сейчасъ сердечное согласье
Снять съ короля порфироносный санъ,
Я въ рабство отдалъ власть, унизилъ славу,
Величество на подданство обрекъ,
Крестьяниномъ я сдѣлалъ государя...

Нортомберлэндъ.

Милордъ...

Король Ричардъ.

Не лордъ я для тебя, наглецъ,
И никому не лордъ! Я все утратилъ
Ни имени, ни титуловъ моихъ
Ужъ нѣтъ; я даже то утратилъ имя,
Которое въ крещеньи получилъ:
Его украли! О, какое горе,
Что я, проживъ на свѣтѣ столько зимъ,
Теперь не знаю, какъ мнѣ называться!
Хотѣлъ бы я быть снѣжнымъ королемъ
Игрушечнымъ: подъ солнцемъ Болингброка
Расплылся бъ весь я въ капляхъ водяныхъ!
Великій мой король, король мой добрый,—
Хоть добротой не слишкомъ ты великъ,—
Когда мое хоть стерлингъ стоитъ слово
Здѣсь, въ Англіи,—вели сейчасъ принесть
Мнѣ зеркало: хочу я посмотрѣться,
Какое у меня теперь лицо,
Съ тѣхъ поръ, какъ я величества лишился.

Болингброкъ.

За зеркаломъ сходите кто-нибудь.

(*Одинъ изъ свиты уходитъ*).

Нортомберлэндъ.

А вы, пока за зерколомъ онъ сходитъ,
Прочли бы эту вотъ бумагу.

Король Ричардъ.

Демонъ!
Не мучь меня: вѣдь здѣсь еще не адъ!

Болингброкъ.

Оставьте это, лордъ Нортомберлэндъ.

Нортомберлэндъ.

Но общины не будутъ тѣмъ довольны.

Король Ричардъ.

Довольны будутъ! Я прочту довольно,
Когда взгляну въ ту истинную книгу,
Гдѣ всѣ мои записаны грѣхи,
А книга та—я самъ.

(*Входитъ придворный съ зеркаломъ*).

Сюда подайте
Мнѣ зеркало: я буду въ немъ читать.
Мои морщины, развѣ вы не глубже?
Ужель печаль, нанесшая такъ много
Ударовъ мнѣ по этому лицу,
Его едва изранила настолько?
О, льстивое стекло! Ты точно такъ же,
Какъ въ счастья дни приверженцы мои,
Меня стремишься обмануть! Ужели
Вотъ это здѣсь—то самое лицо,
Которое сбирало ежедневно
Подъ гордый свой гостепріимный кровъ
По десять тысячъ человѣкъ? Ужели
Вотъ это здѣсь—то самое лицо,
Которое, какъ солнце, заставляло
Своимъ сіяньемъ опускать глаза?
То самое лицо, что отличалось
Безумствами своими, а теперь
Такъ быстро обезличиться успѣло
Предъ Болингброкомъ? Сколько хрупкой славы
Сіяетъ въ немъ, и самое лицо
Настолько жъ хрупко, какъ и эта слава!

(*Разбиваетъ зеркало объ полъ*).

Вотъ здѣсь оно, на тысячу кусковъ
Разбитое! Смотри, король безмолвный,
Какъ это поучительно: печаль
Лицо мое разрушила такъ скоро!

Болингброкъ.

Тѣнь вашего лица отъ тѣни горя
Разрушилась.

Король Ричардъ.

Какъ? Повтори еще!
Тѣнь горя моего? Ха, ха! Конечно!
Да, горе настоящее—внутри;
Всѣ жалобы и внѣшнія страданья—
Лишь тѣни скорби, тихо и безмолвно
Таящейся въ измученной душѣ:
Тамъ сущность горя, на лицѣ жъ—лишь тѣни!
Благодарю тебя, король, за щедрость:
Ты мнѣ не только поводъ къ скорби далъ,
Но указалъ великодушно способъ,
Какъ долженъ я скорбѣть. Еще нельзя ли
Мнѣ объ одной лишь милости просить?

РИЧАРДЪ II ПЕРЕДАЕТЪ БОЛИНГБРОКУ КОРОНУ. (Дѣйствіе IV, сц. 2).

Картина англійскаго художника XVIII в., М. Брауна (M. Browne) (Большая Бойделевская галлерея).

Затѣмъ не буду больше безпокоить
Присутствіемъ своимъ. Могу ли я
Надѣяться, что получу ту милость?

Болингброкъ.

Въ чемъ милость та, прекрасный мой ку-
зенъ?

Король Ричардъ.

„Прекрасный мой кузенъ!“ Теперь я больше,
Чѣмъ самъ король! Какъ былъ я королемъ,
Тогда мнѣ только подданные льстили,—
Теперь, я вижу, самъ король мнѣ льститъ!
Я такъ великъ, что въ просьбахъ не ну-
ждаюсь.

Болингброкъ.

Такъ требуйте.

Король Ричардъ.

И получу?

Болингброкъ.

О, да!

Король Ричардъ.

Позвольте мнѣ уйти.

Болингброкъ.

Куда же?

Король Ричардъ.

Это
Мнѣ все равно, лишь прочь бы съ вашихъ
глазъ.

Болингброкъ.

Пусть кто нибудь его проводитъ въ Тоуэръ.

Король Ричардъ.

А, пусть проводитъ! Я ужъ проведенъ:
Проводники похитили мой тронъ.

(*Король Ричардъ подъ стражею и нѣкоторые изъ лордовъ уходятъ*).

Болингброкъ.

Въ ближайшую изъ средъ желаемъ мы
Короноваться. Лорды, приготовьтесь.

(*Всѣ уходятъ, кромѣ епископа Карлейльскаго, аббата Вестминстерскаго и Омерля*).

Аббатъ.

Тяжелаго мы зрѣлища сейчасъ
Свидѣтелями были.

Карлейль.

Хоть для насъ
Сей горекъ день, но дѣти лишь и внуки
Почувствуютъ всѣ скрытыя въ немъ муки.

Омерль.

Отцы святые, развѣ средства нѣтъ
Намъ какъ-нибудь избавиться отъ бѣдъ?

Аббатъ.

Милорды, прежде, чѣмъ свои я мысли
Вамъ выскажу, не только вы должны,
Принявъ причастье, дать святую клятву,
Что сохраните въ тайнѣ вы мои
Намѣренья, но также обѣщаться,
Что будете во всемъ мнѣ помогать,
Какое бы я дѣло ни задумалъ.
Нахмурились, я вижу, ваши брови,
Сердца полны печали, очи—слезъ;
Прошу ко мнѣ поужинать собраться,
И тамъ я планъ поставлю вамъ на видъ,
Который намъ дни счастія сулитъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Улица, ведущая къ Тоуэру.

Входятъ королева *и* фрейлины.

Королева.

Вотъ здѣсь пройдетъ король. Дорога эта
Ведетъ къ зловѣщей башнѣ, что когда то
На горе намъ построилъ Юлій Цезарь.
Въ ея суровой каменной груди
Супругъ мой будетъ плѣнникомъ томиться:
Такъ захотѣлъ надменный Болингброкъ.
Здѣсь отдохнемъ мы, если только можно
Найти въ странѣ мятежной уголокъ
Для отдыха законной королевы.

(*Входитъ король Ричардъ подъ стражею*).

Вотъ, вотъ онъ! О, взгляните!.. Или нѣтъ,—
Нѣтъ, лучше не глядите, какъ онъ вя-
нетъ,
Мой дивный розанъ! Впрочемъ, нѣтъ:
смотрите
И плачьте, чтобы освѣжился онъ
Росою слезъ и вѣрною любовью!

О, славная руина древней Трои,
Картина чести, Ричарда гробница,
Не Ричардъ самъ! Зачѣмъ, дворецъ прекрасный,
Въ тебѣ живетъ угрюмая печаль,
Тріумфъ же свѣтлый сталъ харчевни гостемъ?

Король Ричардъ.

Прекрасная жена! Не будь въ союзѣ
Съ моей печалью: этимъ ты приблизишь
Мою кончину. Милый, добрый другъ!
Старайся думать о счастливомъ прошломъ,
Какъ о хорошемъ снѣ; представь себѣ,
Что, пробудясь, мы истину узнали
И видимъ, что навѣкъ я побратался
Со злой Необходимостью, союзъ
Съ ней заключивъ до смерти. Ты жъ укройся
Во Францію, запрись въ монастырѣ,
Своей святою жизнью мы заслужимъ
Себѣ вѣнцы иные, вмѣсто тѣхъ,
Которыхъ нынѣ насъ лишаетъ грѣхъ.

Королева.

Ужель въ тебѣ, мой Ричардъ, измѣнился
Не только обликъ, но и самый духъ?
Ужель твой умъ похищенъ Болингброкомъ?
Ужели въ сердцѣ онъ твое проникъ?
Левъ, умирая, лапы простираетъ
И, если не враговъ, хоть землю рветъ
Отъ ярости и гнѣвнаго безсилья;
А ты, какъ школьникъ, злое наказанье
Пріемлешь кротко, лобызаешь прутъ,
Хвостомъ виляешь предъ врагомъ свирѣпымъ!
Опомнись же, ты левъ, ты царь звѣрей!

Король Ричардъ.

Да, точно царь звѣрей! Когда бъ не звѣри,
А люди были вкругъ меня,—спокойно
Царилъ бы я донынѣ надъ людьми.
О, королева бывшая! Къ отъѣзду
Во Францію готовься и считай,
Что умеръ я, что ты со мной прощалась
Теперь навѣки, какъ бы у одра
Предсмертнаго, гдѣ разстаюсь я съ жизнью.
Когда нибудь, какъ въ долгій зимній вечеръ
Передъ каминомъ будешь ты сидѣть
Въ кругу людей почтенныхъ, добрыхъ, старыхъ,—
Ты попроси ихъ повѣсть разсказать
О бѣдствіяхъ временъ давно минувшихъ;
И, прежде чѣмъ сказать имъ „доброй ночи",
Чтобъ отплатить за грустный ихъ разсказъ,
Ты разскажи имъ горестную повѣсть
О Ричардѣ: пусть, плача, отойдутъ
Ко сну! Клянусь,—той повѣсти внимая,
Безчувственныя даже головни
Прольютъ въ каминѣ огненныя слезы
Отъ жалости къ несчастіямъ моимъ;
Однѣ изъ нихъ замрутъ, покрывшись пепломъ,
Другія въ черный уголь превратятся,
Услышавъ, какъ низложенъ былъ король!

(*Входитъ* Нортомберлэндъ *со свитой*).

Нортомберлэндъ.

Милордъ, свое недавнее рѣшенье
Перемѣнилъ внезапно Болингброкъ:
Не въ Тоуэръ вы отправитесь, а въ Помфретъ.
Для васъ же, государыня, полученъ
Приказъ: скорѣй во Францію отбыть.

Король Ричардъ.

Нортомберлэндъ! Ты лѣстницею служишь
Для Болингброка, чтобы онъ взошелъ
На королевскій тронъ,—но будетъ время,—
И, можетъ быть, оно настанетъ скоро,—
Когда твой грѣхъ, какъ гнилостный нарывъ,
Раскроется. Тебѣ казаться будетъ,
Хотя бъ полцарства отдалъ онъ тебѣ,
Что всетаки вознагражденъ ты мало,
Затѣмъ, что ты помогъ ему взять все;
А онъ, узнавъ, какъ ловко ты умѣешь
Сажать на тронъ монарховъ незаконныхъ,
Подумаетъ, что ты когда нибудь,
Изъ-за пустой какой либо обиды,
Найдешь пути, чтобъ свергнуть и его
Съ предательски похищеннаго трона.
Любовь дурныхъ людей всегда готова
Въ страхъ превратиться; быстро переходитъ
Страхъ въ ненависть, а ненависть всегда
Для одного изъ двухъ враговъ опасна,
И по заслугамъ смерть его разитъ.

Нортомберлэндъ.

Въ чемъ грѣшенъ я, за то я самъ отвѣчу.
Довольно же! Разстаться вамъ пора!

Король Ричардъ.

Двойной разводъ! О злые, злые люди!
Два раза вы разрушили мой бракъ:
Съ короною и съ вѣрною женою!
О, дай мнѣ снять супружескую клятву
Съ тебя моимъ прощальнымъ поцѣлуемъ!
Иль нѣтъ,—ту клятву поцѣлуй скрѣпилъ!
Расторгни же, Нортомберлэндъ, союзъ нашъ!

Отправлюсь я на сѣверъ, гдѣ погода
И холодомъ и сухостью грозитъ;
Жена жъ моя—во Францію, откуда
Въ нарядѣ пышномъ нѣкогда она
Явилась къ намъ, какъ день веселый мая,
Куда теперь, какъ зимній день, грустна,
Она вернется, слезы проливая.

Королева.

Какъ? Намъ съ тобой разстаться?

Король Ричардъ.

Да, мой другъ,
Разстанемся: какъ руки прочь отъ рукъ,
Такъ сердце прочь отъ сердца.

Королева.

О, нельзя-ли,
Чтобъ вмѣстѣ насъ во Францію изгнали?

Нортомберлэндъ.

Любовь была бы тѣмъ награждена,
Политика жъ, пожалуй, потеряла бъ.

Королева.

Такъ пусть за мужемъ вслѣдъ идетъ жена!

Король Ричардъ.

Зачѣмъ намъ вмѣстѣ быть для нашихъ жалобъ!
Плачь обо мнѣ во Франціи, а я—
Здѣсь о тебѣ; не въ дальности разлуки,
А въ близости всего ужаснѣй муки.
Иди: дорога дальняя твоя
Пусть вздохами измѣрится, свою же
Я буду мѣрить стонами.

Королева.

Тѣмъ хуже;
Мой путь длиннѣй: тѣмъ больше вздоховъ мнѣ!

Король Ричардъ.

Я съ каждымъ шагомъ радъ стонать вдвойнѣ
И краткій путь продлю своей тоскою!
Иди жъ, иди; напрасно мы съ тобою
Такъ долго горе сватаемъ свое:
Сосватавъ, долго будемъ съ нимъ томиться.
Цѣлуй меня, чтобъ намъ безъ словъ проститься;
Твое возьму я сердце, ты жъ—мое. (*Цѣлуются*).

Королева.

Отдай мое назадъ: мнѣ грустно бъ было,
Когда бы сердце я твое убила
Своей печалью. (*Снова цѣлуются*). Такъ; теперь иди;
Пусть скорбь убьетъ его въ моей груди.

Король Ричардъ.

Мы, медля, только тѣшимъ горе злое;
Прощай: тоска доскажетъ остальное.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Дворецъ герцога Іоркскаго.

Входятъ герцогъ и герцогиня Іоркскіе.

Герцогиня.

Супругъ мой, вы хотѣли досказать
То, что мѣшали вамъ докончить слезы,
Когда вы грустный начали разсказъ
О въѣздѣ двухъ племянниковъ въ столицу.

Іоркъ.

На чемъ остановился я?

Герцогиня.

На томъ,
Какъ грубыя, распущенныя руки
Изъ оконъ внизъ бросали пыль и мусоръ
На Ричарда, когда онъ проѣзжалъ.

Іоркъ.

Въ то время герцогъ, Болингброкъ великій,
На гордомъ и горячемъ жеребцѣ,
Красуясь, ѣхалъ; конь, какъ, будто чуя
Все честолюбье мыслей сѣдока,
Шелъ поступью неспѣшной, величавой,
И громко всѣ вокругъ кричали глотки:
„Да здравствуетъ великій Болингброкъ!“
Казалось, вкругъ всѣ окна говорили:
Такъ много алчныхъ взоровъ старъ и младъ
Старались бросить изъ оконницъ узкихъ,
Чтобъ видѣть, хоть на мигъ, его лицо;
Казалось, вкругъ всѣ стѣны расписныя
Вдругъ ожили и воздухъ огласили
Единодушнымъ возгласомъ: „привѣтъ,
Нашъ Болингброкъ, храни тебя Спаситель!“
А онъ съ открытой ѣхалъ головой
И, нагибаясь ниже конской шеи,
Имъ кланялся направо и налѣво
И говорилъ: „спасибо, земляки!“
Такъ, кланяясь, онъ ѣхалъ всю дорогу.

Герцогиня.

А бѣдный Ричардъ? Что же было съ нимъ?

Іоркъ.

Ахъ, какъ въ театрѣ,—чуть актеръ любимый
Уйдетъ со сцены, зрителей толпа
За вновь вошедшимъ нехотя, лѣниво

ВЪѢЗДЪ БОЛИНГБРОКА и РИЧАРДА II ВЪ ЛОНДОНЪ. (Дѣйствіе V, сц. 2).

Картина извѣстнаго англійскаго художника Джемса Норкота (James Northcote R. A., 1746—1836). (Большая Бойделевская галлерея).

Я убѣжденъ, что если Богъ захочетъ
Насъ наказать,—накажетъ чрезъ него.
Нельзя ль его найти мнѣ, ради Бога!
По Лондону ищите, по тавернамъ,—
Тамъ, говорятъ, проводитъ онъ всѣ дни
Въ сообществѣ товарищей безпутныхъ,
Изъ тѣхъ, что, въ узкихъ улицахъ ютясь,
Бьютъ караульныхъ и прохожихъ грабятъ;
А онъ, пустой, изнѣженный мальчишка,
Себѣ въ заслугу ставитъ и въ почетъ
Поддерживать дрянную эту шайку.

Перси.

Милордъ, два дня назадъ я видѣлъ принца
И съ нимъ о тѣхъ турнирахъ говорилъ,
Что въ Оксфордѣ идутъ теперь.

Болингброкъ.

Ну, что же
Сказалъ вамъ мой кутила?

Перси.

Онъ сказалъ,
Что онъ пойдетъ въ публичный домъ, перчатку
Съ руки продажной твари тамъ сорветъ
И съ этою перчаткой, вмѣсто банта
Отъ дамы сердца, хочетъ на турниръ
Явиться онъ; при этомъ обѣщаетъ
Сильнѣйшаго тамъ выбить изъ сѣдла.

Болингброкъ.

Отчаянный развратникъ! Но порою
Въ немъ кой какія искры вижу я,
Которыя мнѣ подаютъ надежду
На лучшее, когда онъ будетъ старше.—
Но вотъ идетъ къ намъ кто то.

(*Входитъ* Омерль).

Омерль.

Гдѣ король?

Болингброкъ.

Кузенъ нашъ что-то очень дико смотритъ,—
Глаза его блуждаютъ.

Омерль.

Государь,
Храни васъ Богъ! Могу ль просить я ваше
Величество—со мной наединѣ
Немного побесѣдовать?

Болингброкъ (*лордамъ*)

Прошу васъ,
Оставьте насъ однихъ (*Перси и другіе лорды уходятъ*).
Ну, въ чемъ же дѣло?
Скажи, кузенъ.

Омерль.

Пусть къ полу приростутъ
Мои колѣна, а языкъ мой—къ небу,
Когда рѣшусь я встать иль говорить,
Не получивъ сперва отъ васъ прощенья.

Болингброкъ.

Свершенъ проступокъ иль задуманъ только?
Когда онъ лишь задуманъ,—какъ бы ни былъ
Онъ гнусенъ,—я готовъ тебя простить,
Чтобъ пріобрѣсть твою любовь напредки.

Омерль.

Позвольте жъ дверь на ключъ мнѣ запереть,
Чтобъ не вошелъ никто, пока я буду
Разсказывать.

Болингброкъ.

Ты можешь запереть.

Іоркъ (*за дверью*).

Остерегись, король,—грозитъ опасность!
Передъ тобой измѣнникъ!

Болингброкъ (*обнажая мечъ*).

Негодяй!
Сейчасъ навѣки будешь ты безвреденъ.

Омерль.

Нѣтъ, удержите мстительную руку:
Нѣтъ никакой опасности для васъ.

Іоркъ (*за дверью*).

Дверь отопри сейчасъ, король безпечный,
Безумно смѣлый! Иль, при всей любви,
Измѣнникомъ явлюсь я предъ тобою?
Дверь отопри, иль выбью я ее!
(*Болингброкъ отворяетъ дверь; входитъ Іоркъ*).

Болингброкъ.

Въ чемъ дѣло, дядя? Говори! Но прежде
Переведи дыханье. Гдѣ опасность?
Близка ль она? Скажи, чтобъ намъ успѣть,
Вооружась, ее спокойно встрѣтить.

Іоркъ (*подавая бумагу*).

Прочти бумагу: въ ней увидишь ты
Измѣну всю, какая угрожаетъ;
А мнѣ усталость говорить мѣшаетъ.

Омерль.

Когда прочтешь бумагу, государь,
Не позабудь, что обѣщалъ мнѣ раньше;
Исполненъ я раскаянья; прошу
Мое тамъ имя не читать; душою
Я былъ далекъ, когда своей рукою
Подписывалъ.

Іоркъ.

Неправда, негодяй!

ІОРКЪ ВЫРЫВАЕТЪ БУМАГУ У ОМЕРЛЯ.

Предательство! Измѣна! Негодяй,
Измѣнникъ, рабъ!

(Дѣйствіе V, сц. 2).

Картина извѣстнаго англійскаго художника В. Гамильтона (W. Hamilton, R. A., 1751—1801).

(Малая Бойделевская галлерея).

Измѣнникомъ въ душѣ ты былъ ужъ раньше,
Чѣмъ подписалъ! Бумагу ту, король,
Я вырвалъ у него изъ подъ камзола.
Страхъ, не любовь, раскаянье ему
Внушаетъ; не щади его,—иначе
Змѣю пригрѣешь на своей груди!

Болингброкъ.

О, заговоръ ужасный, дерзкій, грозный!
О честный другъ, измѣнника отецъ!
Серебряный источникъ, свѣтлый, ясный,
Изъ коего заблудшій тотъ ручей
Истекъ, и вотъ, пробравшись сквозь извивы
Проходовъ мутныхъ, полнымъ грязи сталъ!
Добра избытокъ превратился въ сынѣ
Во зло, но эта доброта отца
Безпутнаго собой покроетъ сына
И будетъ смертный грѣхъ его прощенъ.

Іоркъ.

Такъ въ честности моей не будетъ проку:
Она послужитъ сводней лишь пороку;
Всю честь мою, увы, своимъ стыдомъ
Растратилъ онъ: такъ часто мотовствомъ
Безпутный сынъ въ немногія мгновенья
Отцовскія всѣ губитъ сбереженья.
Стыдъ будетъ жить,—позора мнѣ не снесть;
Умретъ позоръ,—тогда жить будетъ честь;
Щадя его,—твой судъ меня осудитъ,
Измѣнникъ жить, а честный гибнуть будетъ.

Герцогиня (*за сценой*).

Впустите! Ради Бога! Государь!

Болингброкъ.

Чей голосъ тамъ, пронзительный и рѣзкій,
Кричитъ съ такой мольбою?

Герцогиня.

Это я!
Я, женщина; тебѣ, король великій,
Я тетка! О впусти, молю тебя,
Какъ нищая, просящая впервые!

Болингброкъ.

Отрывокъ здѣсь разыгрываемъ мы,
Немного измѣненный, старой драмы
„Король и нищій". Ну, кузенъ опасный,
Дверь матери открой: она пришла
Просить прощенья за твои дѣла.

Іоркъ.

Кто бъ ни просилъ,—ты не давай прощенья:
Тѣмъ поощришь ты только преступленья;
Спасая тѣло, членъ отрѣжь гнилой,
Иначе всюду разольется гной.
(*Омерль отворяетъ дверь; входитъ герцогиня*).

Герцогиня.

Король, не слушай человѣка злого:
Кто своего не любитъ, тотъ чужого
Любить не можетъ!

Іоркъ.

Глупая жена!
Зачѣмъ ты здѣсь? Ужель ты вновь должна
Вскормить своими старыми сосцами
Измѣнника?

Герцогиня.

Постой, мой другъ! Вы сами,
Мой государь, послушайте меня! (*Становится на колѣна*).

Болингброкъ.

Встань, тетушка!

Герцогиня.

Нѣтъ, умоляю я:
Вѣкъ на колѣняхъ я стоять готова;
Счастливыхъ дней я не увижу снова,
Пока счастливой быть мнѣ не велишь
И Рутлэнда проступокъ не простишь.

Омерль (*становясь на колѣна*).

Съ ея мольбой свою я съединяю.

Іоркъ (*становясь на колѣна*).

Я жъ вѣрныя колѣна преклоняю,
Прося одну мнѣ милость оказать:
Преступника сурово наказать.

Герцогиня.

Серьезно ли онъ проситъ? О, нискољко!
Взгляни, король: нѣтъ слезъ въ его глазахъ,
Его всѣ просьбы—только на словахъ,
Слова жъ его изъ устъ выходятъ только,
А наши— изъ сердечной глубины!
Притворства всѣ мольбы его полны;
Онъ радъ отказу будетъ; мы же съ сыномъ
Слились душой въ моленіи единомъ,—
Всѣмъ сердцемъ мы къ тебѣ устремлены!
Онъ радъ съ колѣнъ подняться, мы же рады,
Чтобъ хоть колѣна приросли къ землѣ;
Фальшивы всѣ слова его и взгляды,
У насъ—любовь и правда на челѣ.
Его не слушай: милость снисхожденья
Тѣмъ окажи, чьи искренни моленья!

Болингброкъ.

Встань, тетушка!

Герцогиня.

Не говори мнѣ „встань!"
Сперва скажи „прощаю", послѣ—„встань".
Будь я твоею нянькою съизмала,
„Прощаю" было бъ первое изъ словъ,
Которымъ я тебя учить бы стала.
Откликнись же на мой сердечный зовъ!
Я никогда такъ страстно не желала
Услышать это слово, какъ теперь.
Тебѣ его подскажетъ жалость, вѣрь!
Оно такъ кратко,—тѣмъ оно пріятнѣй!
Для короля нѣтъ слова благодатнѣй!

Іоркъ.

Ты по французски ей, король, отвѣть:
„Pardonne moi".

Герцогиня.

Какъ, чтобъ не имѣть мнѣ
Прощенья? Мужъ жестокій! Подмѣняешь
Ты словомъ слово, ловко отмѣняешь
Прощеніемъ прощенье, съ мыслью злой!
Нѣтъ, языкомъ страны своей родной
Скажи, король, „прощаю"! Рѣчи грубы
Французскія и намъ онѣ не любы!
Твой взоръ ужъ говоритъ; пускай языкъ
За нимъ идетъ! О, еслибы проникъ
Изъ твоего внимательнаго уха
До сердца голосъ нашъ, достигшій слуха,
Чтобъ, жалостью проникнувшись и самъ,
Ты молвилъ бы въ отвѣтъ: прощаю вамъ!

Болингброкъ.

Встань, встань!

Герцогиня.

Не встать прошу я позволенья;
Прошу я только одного: прощенья.

Болингброкъ.

Пусть Богъ меня проститъ, какъ я простилъ.

Герцогиня.

О, счастіе колѣнопреклоненья!
Но все жъ боюсь; страхъ силъ меня лишилъ;
О, повтори опять прощенья слово!
Не значитъ это, чтобъ простилъ ты снова,
Но чтобы ты прощенье подкрѣпилъ.

Болингброкъ.

Отъ всей души кузена я простилъ.

Герцогиня.

Ты—богъ земной!

Болингброкъ.

Но что до тѣхъ злодѣевъ
Касается,—до вѣрнаго зятька,
И до аббата, и до прочей шайки,—
Помчится смерть за ними по пятамъ!
Любезный дядя, нѣсколько отрядовъ
Прошу отправить въ Оксфордъ,—вообще
Во всѣ мѣста, гдѣ можно встрѣтить этихъ
Измѣнниковъ; и чтобъ ихъ всѣхъ схватить!
Клянусь, имъ въ этомъ мірѣ ужъ не жить.
Прощайте, добрый дядя! До свиданья,
Кузенъ мой; вашей матери рыданья
Спасли вамъ жизнь: старайтесь вѣрнымъ быть.

Герцогиня.

Пойдемъ, мой сынъ; дай Богъ, чтобъ я отнынѣ
Нашла другую душу въ прежнемъ сынѣ.

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Тамъ же.

Входятъ Экстонъ *и* слуга.

Экстонъ.

Ты не замѣтилъ, какъ король сказалъ:
„Ужель нѣтъ друга, кто бъ меня избавилъ
Отъ этого живого страха?"

Слуга.

Да;
Онъ точно такъ сказалъ.

Экстонъ.

„Ужель нѣтъ друга?"
Онъ съ удареньемъ дважды повторилъ.
Не правда ли?

Слуга.

Да, совершенно вѣрно.

Экстонъ.

Сказавши это, пристально свой взоръ
Онъ на меня направилъ, будто думалъ:
„Вотъ человѣкъ, который точно могъ бы
Съ души моей снять тяжкій этотъ страхъ".
А этотъ страхъ—король, въ тюрьмѣ сидящій.
Скорѣй же въ Помфретъ! Другъ я королю,
А потому врага его сломлю.

(Уходятъ).

СЦЕНА V.

Замокъ Помфретъ.

Входитъ король Ричардъ.

Король Ричардъ.

Я размышлялъ: нельзя ли мнѣ сравнить
Темницу, гдѣ живу я, съ цѣлымъ міромъ?
Сравненье это сдѣлать не легко:
Міръ населенъ милльонами созданій,
А я—одно живое существо
Въ тюрьмѣ моей! Однако постараюсь.
Пусть будетъ такъ: мой мозгъ — супругъ души,
Душа—его жена; отъ нихъ родится
Рядъ поколѣній плодовитыхъ думъ,
Которыя собой наполнить могутъ
Весь этотъ малый міръ. Народъ тѣхъ думъ
Подобенъ всѣмъ народамъ во вселенной,
Затѣмъ, что вѣчно ни одна изъ нихъ
Довольна не бываетъ. Родъ ихъ высшій;
Которыя касаются вещей
Божественныхъ, — всегда полны сомнѣній;
Противорѣчій также много въ нихъ.
Вотъ, напримѣръ: „придите, всѣ придите!"
А вслѣдъ за тѣмъ: „придти туда труднѣй,
Чѣмъ сквозь ушко иглы пройти канату".
А думы честолюбья—тѣ стремятся
Къ недостижимымъ чудесамъ: онѣ
Вотъ этими безсильными ногтями
Хотѣли бы прорвать всю толщу стѣнъ
Моей темницы каменнаго міра;
А такъ какъ сдѣлать этого нельзя,—
Отъ гордости тѣ думы умираютъ.
Другія думы къ скромности влекутъ
И льстить себѣ стараются, что въ мірѣ
Не первыя онѣ рабы судьбы,
И также не послѣднія, конечно.
Такъ жалкіе бродяги въ кандалахъ
Стараются прикрыть свой стыдъ сознаньемъ,
Что многіе подобную же участь
Перенесли и вновь перенесутъ,—
И видятъ что-то вродѣ облегченья
Въ томъ, чтобъ взвалить несчастія свои
На шею тѣхъ, кто раньше былъ несчастенъ!
Такъ я въ одномъ лицѣ роль многихъ лицъ
Играю, и всѣ лица недовольны.

То я король,—но, видя вкругъ себя
Измѣнниковъ, желаю я стать нищимъ;
То нищій я,—но тягость нищеты
Мнѣ говоритъ, что королемъ быть лучше;
Вотъ я опять король: тутъ не могу
Не вспомнить, что я свергнутъ Болингброкомъ
И обращенъ въ ничто; но кто бъ я ни былъ,—
Ни я, ни кто на свѣтѣ никогда
Своей судьбой доволенъ не бываетъ,
Пока не обратится онъ въ ничто
И не найдетъ себѣ покоя въ этомъ.

(*За сценой раздается музыка*).

Что это? Звуки музыки? Ха, ха!
Тактъ соблюдайте: музыка ужасна,
Когда ни такта въ ней, ни мѣры нѣтъ.
И нашей жизни музыка такимъ же
Подчинена законамъ; чуткимъ ухомъ
Разстройство струнъ я уловляю вмигъ;
Когда жъ я правилъ, не имѣлъ я слуха,
Который бы мнѣ во-время сказалъ,
Что я нарушилъ тактъ, растратилъ время.
Да, я растратилъ время; а теперь—
Теперь меня нещадно время губитъ.
Я обратился для него въ часы:
Мои всѣ мысли—тѣхъ часовъ минуты,
И раздѣленъ на вздохи каждый часъ;
Глаза мои—лишь циферблатъ, а палецъ,
Стирая слезы, движется, какъ стрѣлка,
По циферблату. Что же дальше, сэръ?
Бой тѣхъ часовъ—тѣ громкія стенанья,
Которыя мнѣ въ сердце тяжко бьютъ,
Какъ колоколъ. Такъ слезы, вздохи, стоны
Считаютъ ходъ минутъ, часовъ и дней.
Для Болингброка быстро время мчится
Въ весельи гордомъ, я же здѣсь стою,
Служа въ его часахъ кукушкой глупой.
Какъ бѣситъ эта музыка меня!
Пусть не играетъ! Музыкой, я слышалъ,
Безумнаго возможно излѣчить;
Я жъ отъ нея съ ума сойти способенъ.
А впрочемъ я того благословлю,
Кто тамъ играетъ: это служитъ знакомъ
Любви ко мнѣ, а къ Ричарду любовь—
Вещь странная въ жестокомъ этомъ мірѣ,
Гдѣ ненависть царитъ во всѣхъ сердцахъ.

(*Входитъ конюхъ*).

Конюхъ.

Принцъ королевскій! Мой привѣтъ вамъ низкій!

Король Ричардъ.

Благодарю васъ, благородный пэръ.
Хоть намъ цѣна обоимъ небольшая,
Но болѣе дешевому изъ насъ
Возвысили вы цѣну въ десять разъ *).
Кто ты такой и какъ сюда явился,
Куда приходитъ только мрачный песъ,
Мнѣ приносящій пищу, чтобы горе
Мое продлить?

Конюхъ.

Я при твоей конюшнѣ
Былъ конюхомъ, въ тѣ времена, какъ ты
Былъ королемъ. Проѣздомъ въ Іоркъ попалъ я
Сюда. Не мало было мнѣ хлопотъ,
Чтобъ повидать тебя мнѣ разрѣшили,
Мой нѣкогда хозяинъ и король!
Какъ больно сердце у меня заныло,
Когда мнѣ видѣть въ Лондонѣ пришлось
Въ торжественный тотъ день коронованья,
Какъ величаво ѣхалъ Болингброкъ
На Вàрварѣ гнѣдомъ,—твоемъ любимомъ
Конѣ! Какъ часто ѣздилъ ты на немъ!
Какъ я ходить за нимъ всегда старался!

Король Ричардъ.

На Вàрварѣ онъ ѣхалъ? Разскажи,
Мой другъ, какъ шелъ мой конь подъ Болингброкомъ?

Конюхъ.

Такъ гордо, будто землю презиралъ.

Король Ричардъ.

Онъ Болингброкомъ—сѣдокомъ гордился!
А прежде эта кляча ѣла хлѣбъ
Изъ королевскихъ рукъ моихъ, гордилась
Ударами хлыста въ рукѣ моей!
И этотъ конь ни разу не споткнулся
И не упалъ (вѣдь гордость пасть должна),—
Онъ не упалъ, сломать стараясь шею
Тому, кто сѣлъ измѣной на него!
А впрочемъ, что жъ мнѣ на тебя сердиться,
Мой конь! Ты созданъ, чтобъ людей носить
И слушаться. Вотъ я конемъ не созданъ,
И всетаки тащу я, какъ оселъ,
Тяжелый грузъ, а Болингброкъ надменный
Меня терзаетъ, шпоритъ, дразнитъ, бьетъ!

(*Входитъ тюремщикъ съ блюдомъ*).

Тюремщикъ.

Пріятель, уходи: нельзя здѣсь больше
Стоять.

Король Ричардъ.

Да, если любишь ты меня,
Пора уйти.

---

*) Въ подлинникѣ игра словомъ *royal*. *Royal* означаетъ названіе *монеты*, дѣлившейся на десять частей, а прилагательное *royal* — означаетъ *королевскій*. Ричардъ намекаетъ, что онъ теперь не стоитъ и десятой части этой монеты.

СМЕРТЬ РИЧАРДА II. (Дѣйствіе V, сц. 5).
Картина извѣстнаго англійскаго живописца Фрэнсиса Уитли (Francis Wheatley R. A., 1747—1801).
(Малая Бойделевская галлерея).

Конюхъ.

Чего сказать не смѣетъ
Языкъ, то въ сердцѣ я своемъ скажу.
(*Уходитъ*).

Тюремщикъ.

Милордъ, угодно ль будетъ вамъ отвѣдать?

Король Ричардъ.

Сперва ты самъ попробуй, какъ всегда.

Тюремщикъ.

Милордъ, я не смѣю этого сдѣлать: сэръ Пирсъ Экстонъ, недавно прибывшій отъ короля, запретилъ мнѣ это.

Король Ричардъ.

Чортъ васъ возьми, чтобъ оба вы пропали:
И ты, и Генрихъ Ланкастеръ! Усталъ
Я все сносить, нѣтъ моего терпѣнья!
(*Бьетъ тюремщика*).

Тюремщикъ.

Помогите, помогите, помогите!
(*Входятъ Экстонъ и слуги, вооруженные*).

Король Ричардъ.

Какъ? Это что? Смерть дерзко мнѣ грозитъ?
Мерзавецъ! Ты мнѣ самъ даешь орудье
Твоей же смерти!
(*Вырываетъ у одного изъ слугъ сѣкиру и убиваетъ его*).
Ты—ступай за нимъ
И поселись въ аду съ нимъ по сосѣдству!
(*Убиваетъ другого слугу. Тогда Экстонъ поражаетъ его на смерть*).
Ту руку, чей ударъ меня сразилъ,
Пусть вѣчно жжетъ огонь неугасимый!
Кровь короля проливъ, ты, Экстонъ злой,
Грудь запятналъ страны его родной!
Пари, душа! Твой тронъ—обитель рая;
Пусть плоть лежитъ во прахѣ, умирая!
(*Умираетъ*).

Экстонъ.

Онъ доблести высокой полонъ былъ
И королевской крови: я сгубилъ
То и другое въ нападеньи смѣломъ.
О, еслибъ это было добрымъ дѣломъ!
Но дьяволъ, кѣмъ поступокъ тотъ внушенъ,
Мнѣ говоритъ, что вписанъ будетъ онъ
Въ скрижали ада. Къ королю живому
Убитаго снесу я короля;
Тѣла другихъ прошу поближе къ дому
Похоронить,—пусть приметъ ихъ земля.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА VI.

Виндзорскій замокъ.

Трубы. Входятъ Болингброкъ, Іоркъ, *другіе лорды и свита.*

Болингброкъ.

Любезный Іоркъ, послѣднія извѣстья
Гласили, что мятежниковъ толпа
Сожгла нашъ городъ Сайстеръ, въ Глостерширѣ.
Схватили ль ихъ, казнили ль ихъ за это,—
Намъ неизвѣстно. (*Входитъ Нортомберлэндъ*).
Здравствуйте, милордъ!
Что новаго?

Нортомберлэндъ.

Вопервыхъ, я желаю
Державѣ вашей всяческаго счастья;
Затѣмъ могу и новость сообщить;
Послалъ я въ Лондонъ головы злодѣевъ:
Лордъ Оксфордъ, Салисбери, Блентъ и Кентъ—
Всѣ казнены, а кто и какъ схватилъ ихъ,—
О томъ разскажетъ письменный отчетъ.
(*Подаетъ бумагу*).

Болингброкъ.

Благодарю, другъ Перси; за старанье
Достойное получишь воздаянье.

(*Входитъ* Фицуотеръ).

Фицуотеръ.

Милордъ, сэръ Брокасъ и сэръ Беннетъ Сили
Мной казнены; изъ Оксфорда отправилъ
Ихъ головы я въ Лондонъ: оба были
Опасные измѣнники изъ шайки,
Тебя желавшей въ Оксфордѣ убить.

Болингброкъ.

Твоя, Фицуотеръ, велика заслуга:
Я не забуду преданнаго друга.

(*Входятъ* Перси *и* епископъ Карлейльскій).

Перси.

Глава всѣхъ заговорщиковъ, аббатъ
Вестминстерскій, отъ мукъ тоски тяжелой
И угрызеній совѣсти, сошелъ
Въ могилу; но Карлейля я привелъ,
Чтобъ выслушалъ онъ судъ твой королевскій;
Здѣсь предъ тобою онъ стоитъ живой
И кары ждетъ за нравъ надменный свой.

Болингброкъ.

Карлейль, вотъ наше твердое рѣшенье:
Укрыться долженъ ты въ уединенье,

БОЛИНГБРОКЪ У ГРОБА РИЧАРДА II. (Дѣйствіе V, сц. 6).
Картина извѣстнаго нѣмецкаго художника Пехта (Fr. Pecht, p. 1814).

Замкнуться въ тѣсной кельѣ навсегда;
И если мирно будешь жить,—тогда
Не опасайся для себя невзгоды,
Живи, пока твои продлятся годы.
Хоть ты ко мнѣ всегда враждебенъ былъ,—
Твою я честность видѣлъ и цѣнилъ.

(*Входятъ* Экстонъ *и еще нѣсколько лицъ, несущихъ гробъ*).

Экстонъ.

Король великій! Здѣсь передъ тобою
Лежитъ твой страхъ подъ крышкой гробовою:
Прахъ Ричарда Бордосскаго! Онъ былъ
Твой врагъ сильнѣйшій: я его сразилъ.

Болингброкъ.

Благодарить за это дѣло злое
Не стану я: убійство роковое

Свершивъ, покрылъ позоромъ ты меня
И всю страну.

Экстонъ.

Исполнилъ только я,
Чего желалъ своими ты устами!

Болингброкъ.

Хотя бы ядъ намъ нуженъ былъ,—мы сами
Не любимъ яда; чтобы умеръ онъ,
Я могъ желать,—когда жъ онъ умерщвленъ,
На мертваго съ любовью, съ сокрушеньемъ
Гляжу я, на убійцу жъ—съ отвращеньемъ.
Тебя, въ награду за твой гнусный трудъ,
Пусть вѣчно муки совѣсти гнетутъ,
А отъ меня не жди ни словъ отрады,
Ни благодарной царственной награды.
Броди, какъ Каинъ, вѣчно въ тьмѣ ночей.
При блескѣ жъ дня—не смѣй поднять очей!
Клянусь вамъ, лорды, я скорблю сердечно,
Что для меня, чтобъ тронъ возвысить мой,
Рѣкою кровь лилась безчеловѣчно;
Печальтесь же, тоскуйте всѣ со мной!
Немедленно мы въ трауръ облачимся
И въ общей скорби всѣ соединимся.
Въ Святую Землю я намѣренъ плыть,
Чтобъ кровь съ грѣховныхъ рукъ моихъ омыть.
Пойдемъ за гробомъ, въ горѣ и кручинѣ
О грустной сей безвременной кончинѣ.

(*Уходятъ*).

Н. Холодковскій.

КОРОЛЕВСКІЙ (ЭДУАРДА III) ЩИТЪ XIV вѣка.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
Проф. Ѳ. А. БРАУНА.

Заглавная виньетка извѣстнаго англійскаго иллюстратора сэра Джона Джильберта (sir John Gilbert, р. 1817).

ГЕНРИХЪ IV.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ IV.

Время написанія и перваго появленія въ печати обѣихъ частей „Генриха IV“ опредѣляется довольно точно: такъ какъ онѣ по содержанію представляютъ прямое продолженіе „Ричарда II“, то a priori вѣроятно, что онѣ возникли непосредственно послѣ этой драмы, которая была напечатана впервые въ 1597 г. безъ имени автора. Заканчивая „Ричарда II“, поэтъ уже задумалъ „Генриха IV“: это видно изъ разговора только что коронованнаго Генриха съ молодымъ Перси въ первой изъ названныхъ драмъ (V, 3), разговора, показывающаго, что фантазія поэта уже была занята разработкой типа его любимаго героя, принца Уэльскаго, впослѣдствіи Генриха V. Та же хронологическая связь доказывается, наконецъ, и имѣющимися въ нашемъ распоряженіи внѣшними фактами, относящимися къ исторіи занимающихъ насъ драмъ. Мы знаемъ, что первая часть Генриха IV появилась въ печати уже въ 1598 г. безъ имени автора, которое было прибавлено лишь ко второму изданію 1599 г.; вторая же часть, возникшая не позже 1599 г., напечатана впервые лишь въ 1600 г. Попытка болѣе точнаго хронологическаго пріуроченія, сдѣланная Кольеромъ (Collier, 1835), желавшимъ доказать, что работа надъ второй частью была закончена еще до 25 февраля 1598 г., основана на недоразумѣніи. Впрочемъ, болѣе точная датировка въ данномъ случаѣ и не важна; гораздо важнѣе фактъ, что какъ „Ричардъ II“, такъ и обѣ части „Генриха IV“ далеко не первыя драматическія „хроники“ Шекспира. Всѣ три части „Генриха VI“, а также „Ричардъ III“ написаны лѣтъ на 6—7 раньше (т. е. около 1592—

1593 г.), хотя по изображеннымъ въ нихъ событіямъ онѣ слѣдуютъ за ними, обнимая время отъ 1422 до 1485 гг. Между ними и нашими драмами лежатъ, повидимому, еще „Безплодныя усилія любви", „Два Веронца", „Ромео и Джульетта", „Сонъ въ Иванову ночь" и, вѣроятно, „Король Джонъ".

Эти годы, проведенные въ непрерывной работѣ, не пропали даромъ для поэта; хронологическому отличію вполнѣ соотвѣтствуетъ отличіе художественное и техническое. Прогрессъ въ ростѣ Шекспировскаго генія бросается въ глаза даже при бѣгломъ сравненіи „Ричарда III" съ „Ричардомъ II" или первой частью „Генриха IV"; тамъ многое еще напоминаетъ его предшественниковъ, въ особенности Марло; здѣсь, наоборотъ, геній Шекспира окончательно выбрался на свободу, далеко оставивъ за собою всѣхъ, кто до него брался за историческія темы. И превосходство Шекспира бросается въ глаза, несмотря на то, что его „Ричардъ II" во многихъ частностяхъ художественной композиціи сильно напоминаетъ „Эдуарда II" Марло. Значительный шагъ впередъ представляетъ въ особенности первая часть „Генриха IV", которая была своего рода откровеніемъ въ исторіи англійской драмы, вызвавшимъ всеобщій восторгъ. Мы приведемъ ниже нѣсколько фактовъ, доказывающихъ, какою широкою популярностью эта „хроника" пользовалась среди современниковъ. Ограничимся пока указаніемъ, что при жизни Шекспира вышло въ свѣтъ, кромѣ указанныхъ уже двухъ изданій 1598 и 1599 гг., еще три: въ 1604, 1608 и 1613 гг.

Гораздо меньшимъ успѣхомъ пользовалась вторая часть. До смерти поэта она вышла въ одномъ лишь изданіи въ 1600 году, что служитъ неоспоримымъ доказательствомъ меньшей ея популярности. Дѣйствительно, и теперь еще, когда мы вспоминаемъ напр. о „толстомъ рыцарѣ" Фальстафѣ, намъ припоминаются, прежде всего, чудныя сцены первой части (I, 2; II, 2. 4, V, 4 и другія). Тѣмъ не менѣе, мы не рѣшились бы повторить приговоръ современниковъ поэта безъ оговорокъ и должны, во всякомъ случаѣ, признать обѣ части необходимыми звеньями одного цѣлаго; онѣ дополняютъ другъ друга и немыслимы одна безъ другой; во второй части завершается то, что начато въ первой, а первая — необходимое основаніе второй. Онѣ такъ тѣсно связаны между собою, что характеристика какъ композиціи, такъ и отдѣльныхъ типовъ должна имѣть въ виду одновременно обѣ части.

Историческій матеріалъ, которымъ воспользовался Шекспиръ, сводится къ слѣдующему:

Дѣйствіе, изображенное въ первой части „Генриха IV", обнимаетъ очень незначительный промежутокъ времени: отъ битвы при Гольмдонѣ (14-го сентября 1402 г.), о которой королю приносятъ вѣсть въ первой же сценѣ перваго дѣйствія, до сраженія при Шрюсбери (Shrewsbury, 21-го іюля 1403), въ которомъ палъ Гарри Перси и изображенію котораго посвящены послѣднія сцены драмы. Въ общемъ, драматическое дѣйствіе здѣсь не расходится съ исторіей, если не считать нѣкоторыхъ мелкихъ отступленій.

Сильнѣе отклоняется отъ историческихъ фактовъ вторая часть. Поэтъ значительно сдвинулъ событія, такъ что факты, между которыми на самомъ дѣлѣ были промежутки въ нѣсколько лѣтъ, представляются здѣсь совершающимися непосредственно другъ за другомъ.

Самыя событія, легшія въ основу этой второй части, обнимаютъ время отъ 1405 г. до смерти Генриха IV, т. е. до марта 1413 г.

То было время, полное тревогъ и сильныхъ потрясеній, время переходное отъ средневѣковаго феодальнаго строя къ новому, столь своеобразно сложившемуся въ Англіи. Началось оно уже при Іоаннѣ Безземельномъ (1199—1216 гг.), даровавшемъ своему народу Великую хартію вольностей (1215 г.). При его сынѣ и наслѣдникѣ Генрихѣ III (1216—1272 гг.), мы впервые встрѣчаемся въ исторіи Англіи съ „парламентомъ".

Этимъ словомъ на первыхъ порахъ обозначалось, впрочемъ, лишь собраніе бароновъ—политическій факторъ, возникшій за долго до этого. И только черезъ 50 лѣтъ послѣ Великой хартіи, въ 1265 г, къ совѣщаніямъ были привлечены и представители другихъ сословій, т. е. возникло то, что впослѣдствіи получило названіе нижней палаты. Во время войнъ при сынѣ Іоанна-Эдуардѣ I (1272—1307 гг.), въ особенности же вслѣдствіе смутъ при его внукѣ, несчастномъ Эдуардѣ II (1307—1327 гг.), значеніе парламента въ государственной жизни Англіи все усиливается, что выразилось особенно ярко въ статутѣ 1322 г., дающемъ уже нѣчто въ родѣ конституціоннаго правленія. Развитіе это не прерывается также и безконечными войнами съ Франціей, начавшимися при сынѣ

Эдуарда II — Эдуардѣ III (1327—1377 гг.), и дѣлаетъ значительные успѣхи особенно при внукѣ послѣдняго, слабомъ и безхарактерномъ Ричардѣ II (1377—1399). Это движеніе, приводившее постепенно къ значительному ограниченію королевской власти, отнюдь, однако, не ослабило значенія феодальныхъ бароновъ, которые, опираясь на свои традиціонныя права и пользуясь весьма значительными матеріальными средствами, находившимися въ ихъ распоряженіи, пріобрѣтали временами рѣшающее значеніе въ государствѣ, въ особенности послѣ того, какъ со смертью Ричарда II прервалась линія прямого престолонаслѣдія и на престолъ вступила младшая линія Плантагенетовъ, домъ Ланкастеръ, въ лицѣ Генриха IV. Борьба послѣдняго съ непокорными баронами составляетъ главное содержаніе нашихъ драмъ, и лишь войны Алой и Бѣлой Розы между домами Ланкастеръ и Іоркъ (1452—1485 гг.), кончившіяся восшествіемъ на престолъ новой династіи Тюдоръ, родственной Ланкастерамъ, настолько ослабило феодальное дворянство, что короли могли, опираясь на нижнюю палату, съ болѣе прочнымъ успѣхомъ продолжать борьбу съ баронами, и постепенно лишить ихъ прежнихъ политическихъ прерогативъ.

Въ моментъ, когда открывается дѣйствіе нашихъ драмъ, до этого еще очень далеко. Борьба лишь началась, и Генриху IV пришлось вынести на своихъ плечахъ первые удары ея.

Передъ нами въ его лицѣ въ высшей степени сложный и интересный типъ. Сынъ Іоанна Ганта, герцога Ланкастерскаго, родной внукъ короля Эдуарда III и, стало быть, двоюродный братъ короля Ричарда II, съ которымъ онъ былъ одних лѣтъ (оба родились въ 1367 г.), онъ рано пострадалъ отъ смутъ, возникшихъ въ царствованіе этого слабаго короля. Послѣдній, боясь своего умнаго и энергичнаго родственника, успѣвшаго, несмотря на свою молодость, пріобрѣсти громкую военную славу, и предчувствуя въ немъ соперника, изгналъ его изъ Англіи въ 1398 г., а когда отецъ Генриха, герцогъ Ланкастерскій, въ 1399 г. умеръ, то король объявилъ его сына лишеннымъ наслѣдства. Это послужило поводомъ къ открытому возстанію. Генрихъ Болингброкъ (такъ онъ былъ названъ по мѣсту своего рожденія; оффиціально онъ носилъ титулъ герцога Герфордскаго) высадился въ Англіи съ небольшимъ отрядомъ, быстро разросшимся, такъ какъ со всѣхъ сторонъ къ нему стекался народъ, недовольный правленіемъ Ричарда. Высланное противъ него войско было разбито и, благодаря измѣнѣ со стороны графа Нортомберлэндскаго, играющаго видную роль и въ нашей драмѣ, самъ король вѣроломно былъ схваченъ. Дальнѣйшія событія быстро слѣдуютъ одно за другимъ: 29-го сентября того же 1399 г. несчастнаго Ричарда заставляютъ отречься отъ престола, 30-го сентября королемъ провозглашается Генрихъ IV, Ричардъ же отводится въ замокъ Помфретъ, гдѣ уже черезъ нѣсколько недѣль онъ умираетъ, вѣроятно насильственною смертью, причемъ народная молва указывала, конечно, на Генриха, какъ на виновника ея. Такъ оно, вѣроятно, и было; во всякомъ случаѣ, Шекспиръ становится именно на эту точку зрѣнія: ему нуженъ былъ данный мотивъ столько же для окончанія драмы „Ричардъ II“, сколько для обрисовки объясненія и дальнѣйшаго развитія типа Генриха IV.

Послѣдній, прежде всего, умный, дальновидный и энергичный политикъ, быстро схватывающій суть положенія, быстро и хладнокровно принимающій рѣшенія и затѣмъ уже ни передъ чѣмъ не останавливающійся при ихъ проведеніи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эта натура не вполнѣ цѣльная; честолюбивыми замыслами и безжалостнымъ ихъ выполненіемъ далеко не исчерпывается его внутренній міръ и ими онъ не удовлетворяется. Оказавшись, силою внѣшнихъ обстоятельствъ, во главѣ возстанія противъ законнаго короля, онъ, влекомый честолюбіемъ, не отказывается отъ послѣдствій этого положенія и смѣло беретъ на себя отвѣтственность за все, что отсюда вытекало. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему всегда присуще сознаніе незаконности его дѣйствій. Достигнувъ престола незаконнымъ путемъ, онъ не только боится потерять свою власть, отлично понимая, какъ умный политикъ, что его ближайшіе друзья и помощники при государственномъ переворотѣ, возведшемъ его на престолъ, необходимо должны явиться и наиболѣе опасными его врагами, когда онъ захочетъ не только называться, но и быть королемъ. Не даромъ онъ пользуется первымъ же случаемъ, чтобы унизить опаснѣйшихъ изъ нихъ — старика Нортомберлэнда и его сына Перси. Но не въ этомъ одномъ дѣло. Къ лихорадочно-энергичной дѣятельности, которую онъ проявляетъ во время борьбы съ бунтовщи-

ками, примѣшивается нота скорби и нравственнаго удрученія отъ сознанія собственной вины. Это не угрызенія совѣсти: такія натуры, какъ Генрихъ, раскаянія не знаютъ; попади онъ вновь въ тѣ же условія, въ какихъ онъ находился въ 1399 г., онъ повторилъ бы свои дѣйствія, не отклоняясь ни на іоту отъ того, что имъ было сдѣлано тогда. Итакъ, предъ нами не угрызенія совѣсти, а удрученность, съ которою онъ справиться не можетъ; сознаніе разлада между тѣмъ, что сдѣлано, и тѣмъ, что надлежало сдѣлать по чувству нравственнаго долга, которое глубоко заложено въ его душу.

Такимъ былъ Генрихъ, повидимому, въ исторіи, таковымъ-же понялъ его и Шекспиръ, заинтересовавшись, конечно, именно этой человѣчной чертой въ нравственномъ обликѣ своего героя. И эта черта, лишь нѣсколько болѣе точно развитая имъ, дала ему возможность создать изъ него почти трагическій типъ. На ней Шекспиръ исключительно и останавливается. Политика короля, помимо борьбы его съ бунтовщиками, его нисколько не интересуетъ, хотя она стоила того, чтобы въ нее всмотрѣлись. Дѣло въ томъ, что правленіе Генриха IV знаменуетъ собой своего рода переворотъ во внутренней государственной жизни Англіи. Генрихъ IV—первый король котораго можно было бы назвать конституціоннымъ правителемъ, идущимъ на встрѣчу желаніямъ страны и парламента, тогда какъ его предшественники уступали имъ обыкновенно лишь поневолѣ, по принужденію. Такъ, онъ предоставилъ въ 1404 г. парламенту право контроля надъ расходованіемъ податныхъ суммъ и т. под. Лишь въ церковныхъ дѣлахъ онъ велъ независимую отъ парламента политику—и въ этомъ одна изъ темныхъ сторонъ его правленія. Желая привлечь на свою сторону высшее духовенство—все по тому же желанію упрочить свою власть—онъ не только отказался принять предложеніе парламента о секуляризаціи нѣкоторыхъ частей церковнаго имущества, но въ угоду духовенству принялся за истребленіе ученія Виклефа и подвергъ жестокому гоненію огнемъ и мечемъ послѣдователей его, такъ называемыхъ лоллардовъ *). Въ этомъ отношеніи его примѣру послѣдовалъ и его сынъ, любимецъ Шекспира, Генрихъ V.

Но Шекспира указанная сторона дѣятельности Генриха не интересуетъ и интересовать не могла. Онъ останавливаетъ вниманіе исключительно на борьбѣ изъ-за династическихъ интересовъ, вокругъ которой онъ искусно группируетъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, лишь слегка видоизмѣняя ходъ историческихъ событій.

Послѣднихъ немного. Генрихъ Перси, сынъ графа Нортомберлэнда, пока еще сторонникъ короля, одержалъ блестящую побѣду при Гольмдонѣ надъ шотландскимъ графомъ Дугласомъ и захватилъ много знатныхъ плѣнныхъ, которыхъ онъ, однако, отказывается выдать королю, за исключеніемъ одного Мордака, графа Фейфскаго. Король былъ правъ, усмотрѣвъ тутъ открытое пренебреженіе къ своей власти и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы энергично отстоять королевскія права передъ своими прежними союзниками. Противъ короля въ сѣверныхъ провинціяхъ образовалась сильная дворянская коалиція, душею которой былъ Генрихъ Перси. Но въ самый рѣшительный моментъ Перси былъ покинутъ частью своихъ союзниковъ—между прочимъ собственнымъ отцомъ. Принявъ тѣмъ не менѣе сраженіе, онъ потерпѣлъ сильное пораженіе и самъ палъ въ битвѣ при Шрюсбери.

Таковы факты, легшіе въ основу первой части драмы Шекспира. Онъ нашелъ ихъ въ хроникѣ Голиншеда, которая является его главнымъ, если не единственнымъ источникомъ для всѣхъ частей драмы. Правда, уже раньше, т. е. въ началѣ 80-хъ годовъ XVI вѣка, личность принца Уэльскаго, позднѣйшаго Генриха V, послужила предметомъ драматической обработки въ пьесѣ „The famous victories of Henry V“; но драма эта до-нельзя груба и лишена всякихъ художественныхъ достоинствъ. Шекспиръ ее навѣрное зналъ, но воспользоваться ею онъ могъ только въ нѣкоторыхъ незначительныхъ частностяхъ, намекахъ и именахъ.

Разсказа же хроники Голиншеда онъ придерживается строго, позволяя себѣ лишь незначительныя отступленія отъ него въ интересахъ художественныхъ. Такъ напр. Генрихъ Перси (род. 1367), у него ровесникъ принца Уэльскаго, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ на 20 лѣтъ старше послѣдняго (род. 1387). Но зависимость Шекспира отъ хроники сказывается напр. въ томъ, что онъ, какъ послѣдняя, смѣшиваетъ двухъ одноименныхъ лицъ, сливъ ихъ воедино:—Эдмунда Мортимера, сына

*) См. Wylie, History of England under Henry the Fourth, London 1884—94.

Филиппы, внучки Эдуарда III, зятя предводителя уэльскаго возстанія Оуэна Глендовера, и младшаго Эдмунда Мортимера, графа Марчскаго.

Таковы источникъ и матеріалъ. Что-же сдѣлалъ изъ него Шекспиръ?

Выше я назвалъ первую часть „Генриха IV" своего рода откровеніемъ въ исторіи англійскаго театра. По новизнѣ и смѣлости композиціи и типовъ она дѣйствительно была таковымъ. По композиціи это, строго говоря, вовсе не драма, такъ какъ драматическаго дѣйствія въ ней очень мало, и то немногое, что заслуживаетъ этого названія—безхитростная завязка, заговоръ, и быстро слѣдующая за нею развязка, пораженіе бунтовщиковъ—такъ мало привлекаетъ вниманіе читателя или зрителя, что онъ подчасъ совершенно забываетъ о немъ, отвлекаясь отъ него эпизодическими вставками, которыя по существу ничего общаго съ главнымъ дѣйствіемъ не имѣютъ.

Послѣднее простой предлогъ, дающій поэту возможность сгруппировать вокругъ одного центра рядъ блестящихъ живыхъ типовъ. Лишь въ очень незначительной степени развитіе ихъ обусловлено дѣйствіемъ, и наоборотъ—дѣйствіе приводится въ движеніе и поддерживается въ немъ лишь отчасти характеромъ этихъ типовъ. Внутренней, необходимой связи между ними не чувствуется.

Съ точки зрѣнія общепринятой теоріи драматической композиціи, такая постановка дѣла не можетъ не быть признана грубымъ нарушеніемъ основныхъ принциповъ драматическаго искусства.

Но поэтъ идетъ еще дальше: онъ сознательно и намѣренно раздваиваетъ интересъ, сосредоточивая его то на одномъ, то на другомъ. Главный герой драмы, конечно, не Генрихъ IV, давшій ей имя; важнѣйшее, въ смыслѣ интереса, дѣйствующее лицо безъ всякаго сомнѣнія—Фальстафъ. А что общаго между нимъ и главнымъ дѣйствіемъ? Онъ стоитъ совершенно въ сторонѣ отъ него, и въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ онъ входитъ съ нимъ въ соприкосновеніе, онъ однимъ своимъ появленіемъ нарушаетъ производимое этимъ дѣйствіемъ впечатлѣніе.

„Генрихъ IV", конечно, вовсе не драма, а лишь рядъ драматическихъ сценъ, точнѣе—эпосъ въ драматической формѣ. Дѣйствительно, тутъ все дышетъ эпосомъ: полное почти отсутствіе драматическаго развитія; спокойствіе, съ которымъ поэтъ, не спѣша, отдѣлываетъ мельчайшія детали въ портретахъ своихъ героевъ, и многое другое. Никогда никто ни до, ни послѣ Шекспира не посмѣлъ такъ беззаботно-самоувѣренно, какъ бы свысока, отнестись къ законамъ драмы, и ужъ во всякомъ случаѣ это никогда никому такъ не удавалось, какъ ему.

Въ этомъ отношеніи „Генрихъ IV"—единственное въ своемъ родѣ произведеніе всемірной литературы; въ этомъ—и еще въ другомъ: въ созданіи того типа, которому наша драма главнымъ образомъ обязана своей славой—въ созданіи великаго безсмертнаго толстаго Фальстафа, все просвѣтляющаго—и все уничтожающаго своей бездонно глубокой житейской философіей. Кто устоитъ передъ обаяніемъ этой безобразной личности? Мы любимъ его съ перваго момента появленія его на сценѣ, и любимъ, какъ слѣдуетъ любить—съ тоской при разлукѣ. Передъ нами совершаются великія дѣла, выступаютъ настоящіе герои, но нѣтъ Фальстафа—и все намъ кажется постылымъ. Гдѣ-же Фальстафъ? Скоро-ли будетъ Фальстафъ? Но вотъ онъ явился—и все озарилось, и мы съ глубокимъ наслажденіемъ любуемся красотой этого безобразнаго тѣла. Его одного было бы достаточно, чтобы заставить насъ забыть о всѣхъ изъянахъ драмы какъ таковой—еслибъ мы ихъ замѣчали при чтеніи. Но въ томъ-то же и дѣло, что мы ихъ не замѣчаемъ: такъ властно овладѣваетъ нами поэтъ съ первыхъ же словъ. Въ рѣдкихъ драмахъ Шекспиръ достигъ такого мастерства въ обрисовкѣ мельчайшихъ деталей при полномъ отсутствіи того, что мы могли бы назвать напряженіемъ творческой силы. Говорятъ, что всѣ произведенія Шекспира въ большей или меньшей степени импровизаціи, плодъ счастливой минуты, результатъ таинственнаго наитія, которое дается безъ труда и напряженія. Такъ-ли это или нѣтъ—вопросъ по меньшей мѣрѣ спорный; но во всякомъ случаѣ нѣтъ другой драмы его, въ которой впечатлѣніе беззаботнаго творчечества получалось-бы такъ ясно, какъ именно въ „Генрихѣ IV", не смотря на то, что Шекспиръ несомнѣнно чувствовалъ себя связаннымъ исторической традиціей.

Выше уже было указано, что заглавный герой—самъ Генрихъ IV—прямо перенесенъ Шекспиромъ изъ хроники въ драму. Онъ только перевелъ его на свой родной художественный языкъ, вслѣдствіе чего стиль, если можно такъ выразиться, получился иной чѣмъ въ хроникѣ Голиншеда. Фактически новаго онъ къ нему ничего не прибавилъ,

развивъ его лишь въ извѣстномъ направленіи. Такъ, ему одному принадлежитъ характеристика отношенія Генриха къ сыну, отношенія, бросающагося изъ одной крайности въ другую. Неудовольствіе сыномъ, однако, преобладаетъ, и онъ завидуетъ старику Нортомберлэнду, сынъ котораго—знаменитый Перси: „О, еслибъ можно было доказать, что эльфы ночной порой подмѣнили нашихъ сыновей въ пеленкахъ, что мой сынъ—Перси, а его—Плантагенетъ“ (1-ая ч., I, 1). Этимъ усугубляется трагизмъ его положенія: несмотря на весь свой умъ, онъ не разглядѣлъ сына, хотя послѣдній неоднократно даетъ ему къ тому возможность. Моментами въ его душу входитъ иное чувство къ сыну (напр. 1 часть III, 2), но эти моменты рѣдки и смѣняются часами недовѣрія.

Впрочемъ, принцъ Уэльскій дѣйствительно на столько сложная натура, что разглядѣть и понять ее даже отцу было не легко. Исходная точка и здѣсь также хроника Голиншеда, которая даетъ нѣсколько намековъ на распутную жизнь молодого принца въ бытность его наслѣдникомъ престола. Изъ хроники они перешли и въ упомянутую выше до-шекспировскую драму о Генрихѣ V. Весьма вѣроятно, что въ нихъ есть нѣкоторая доля правды. Въ драмѣ—это одна изъ важнѣйшихъ чертъ, на которой поэтъ останавливается съ особенной охотой не потому только, что каждая подобная сцена приводила къ Фальстафу, но и ради самого принца. Это любимѣйшій его герой, его идеалъ, если у него вообще былъ таковой въ обычномъ смыслѣ слова. Давно уже была высказана догадка, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ автобіографическимъ элементомъ, т. е. что Шекспиръ изобразилъ въ лицѣ принца самого себя въ извѣстную пору своей жизни. Многія соображенія говорятъ въ пользу этой догадки. Мы знаемъ также, что поэтъ не любилъ отказываться отъ хорошей компаніи и что онъ былъ желаннымъ гостемъ въ кабакѣ „Морской дѣвы“ (Mermaid), въ которомъ собиралась литературная и театральная молодежь Лондона. Существуетъ также предположеніе, что Фальстафъ съ внѣшней стороны не что инсе какъ портретъ одного изъ членовъ кружка, —толстяка Четля (Henry Chettle). Такъ-ли это или нѣтъ, мы провѣрить не можемъ; да это и не нужно для уразумѣнія данныхъ типовъ.

Въ особенности принцъ представляется намъ въ изображеніи Шекспира вполнѣ яснымъ. Это великая по своей нравственной силѣ личность, цѣльная, правдивая, прямая и какъ-то самоувѣренно, но искренне скромная. Въ компанію Фальстафа и его собутыльниковъ принцъ попалъ совершенно сознательно; онъ относится къ ней трезво, нисколько не обманывая себя относительно нравственной ея чистоплотности. Не избѣгаетъ онъ ея, какъ слѣдовало-бы ожидать, а ищетъ. И не то, чтобы распутная жизнь и оргіи его привлекали: привлекаетъ его неистощимое остроуміе Фальстафа и тотъ духъ абсолютной свободы, нестѣсняемой никакими соціальными или иными предразсудками, который исходитъ отъ толстаго рыцаря. Правда, отсутствіе предразсудковъ сопровождается полнѣйшимъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было нравственныхъ устоевъ. Но принцъ достаточно знаетъ себя, чтобы понять, что съ этой стороны не грозитъ опасности заразы. При дворѣ отца ему дѣлать нечего: отецъ, прежде всего, хитрый дипломатъ, и при всей искренней любви они другъ друга понять не могутъ. А заискивать передъ отцомъ онъ тоже не можетъ. И вотъ онъ самоувѣренно удаляется отъ двора, зная, что часъ настанетъ, когда онъ будетъ нуженъ. А что́ о немъ пока говорятъ, это ему безразлично: сильной натурѣ не приходится считаться съ тѣмъ, какова ея слава, она прокладываетъ себѣ дорогу, не оглядываясь боязливо на другихъ.

Въ данномъ случаѣ дорога эта ведетъ черезъ кабакъ и пьяную компанію Фальстафа, и первая же сцена, въ которой мы съ нимъ знакомимся (I, 2), вводитъ насъ въ самую суть дѣла. Сцена превосходная, рисующая намъ нашихъ любимцевъ не въ разгаръ веселой пирушки, а скорѣе послѣ весело проведенной пьяной ночи. Оба, какъ принцъ, такъ и Фальстафъ, какъ будто устали; правда, шутки и каламбуры сыпятся по обыкновенію со всѣхъ сторонъ, но они какъ то не такъ веселы и свѣжи, какъ всегда. Всѣхъ давитъ свинцовая атмосфера, обычная въ подобныхъ случаяхъ, и ею, вѣроятно, слѣдуетъ объяснить и знаменитый краткій монологъ въ концѣ этой сцены, въ которомъ принцъ характеризуетъ свое отношеніе ко всей этой компаніи:

Я всѣхъ васъ знаю, но хочу на время
Потворствовать затѣямъ вашимъ праздн-
нымъ,
И въ этомъ стану солнцу подражать.

Оно злотворнымъ тучамъ позволяетъ
Отъ міра закрывать свою красу,
Чтобъ послѣ, становясь самимъ собою,
Прорвавши дымъ уродливыхъ тумановъ,
Который задушить его грозилъ,
Къ себѣ тѣмъ больше вызвать удивленья,
Чѣмъ дольше міръ его лишенъ былъ свѣта.
Будь цѣлый годъ изъ праздниковъ составленъ,
Досугъ-бы такъ же скученъ былъ, какъ трудъ,
Но тѣмъ желанны праздники, что рѣдки;
Случайная-же радость всѣхъ сильнѣй.
Такъ, отъ разгульной жизни отрѣшившись
И уплативъ, чего не обѣщалъ,
Тѣмъ выше буду всѣми я поставленъ,
Чѣмъ больше всѣхъ надежды обману.
Какъ блещущій металлъ на темномъ фонѣ,
Мое перерожденіе затмитъ
Своимъ сіяньемъ прежнія ошибки
И взоры блескомъ привлечетъ сильнѣй,
Чѣмъ если-бъ мишура его не оттѣняла.
Съ искусствомъ подведу своимъ ошибкамъ счетъ
И вдругъ ихъ искуплю, когда никто не ждетъ.

Монологъ этотъ нѣсколько страненъ и хвастливый его тонъ, строго говоря, совсѣмъ не подходитъ къ скромному веселому принцу: словно онъ сознательно ищетъ Фальстафа только для того, чтобы потомъ блеснуть передъ свѣтомъ неожиданно сохраненной невинностью. Онъ этимъ оскорбляетъ не столько своего пріятеля—толстяка, сколько самого себя, ибо это была бы игра въ прятки, недостойная принца. Нѣкоторые комментаторы, также чувствовавшіе диссонансъ, который заключается въ этомъ монологѣ, пытались объяснить его тѣмъ, что, поэтъ хотѣлъ какъ можно скорѣе выяснить зрителямъ истинную натуру принца, во избѣжаніе недоразумѣнія. Но пріемъ всетаки остается грубымъ; и въ особенности въ этой драмѣ намъ пришлось бы признать спорный монологъ единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ звучалъ бы разсчетъ на извѣстнаго рода эффектъ, совершенно притомъ ненужный. Вѣдь если принцъ хотѣлъ поразить людей неожиданностью своей нравственной силы и чистоты, то тотъ-же эффектъ онъ конечно произвелъ бы и на зрителей, еслибы впослѣдствіи вдругъ оказалось, что онъ совсѣмъ не такой распущенный человѣкъ, какимъ онъ казался раньше. Становясь же на нашу точку зрѣнія, мы услышимъ въ этомъ монологѣ лишь понятную въ такомъ положеніи ноту досады на самого себя и желаніе хотя сколько нибудь утѣшить себя и подбодрить.

Личность принца единственная въ драмѣ, которая до извѣстной степени развивается. Правда, конецъ развитія лежитъ внѣ границъ двухъ нашихъ драмъ: лишь король Генрихъ V „исполняетъ то, что обѣщалъ принцъ“; въ этомъ отношеніи обѣ части „Генриха IV“ лишь прологъ къ „Генриху V“; но самая интересная и важная часть этого развитія происходитъ именно здѣсь. Она рисуетъ намъ постепенное—шагъ за шагомъ—отчужденіе принца отъ Фальстафа, и нигдѣ, можетъ быть, искусство психологической мотивировки, обычное у Шекспира, не сказалось такъ блестяще, какъ здѣсь. Принца, съ одной стороны, отвлекаютъ заботы объ отцѣ и государствѣ; въ немъ проснулся наслѣдникъ престола и рыцарь, сохранившій въ неприкосновенной полнотѣ чувство долга и понимающій всю серьезность положенія.

Внимательный читатель легко замѣтитъ постепенное усиленіе этой ноты и, въ зависимости отъ нея, охлажденіе къ Фальстафу, съ которымъ принцъ во второй части сходится уже гораздо рѣже. Мастерски поэтъ съумѣлъ подготовить полный разрывъ послѣ восшествія на престолъ; онъ совершается не разомъ, а подготовленъ всѣмъ предшествующимъ развитіемъ, и всякій изъ насъ чувствуетъ, что онъ необходимъ. Наша симпатія къ Фальстафу, правда, не легко мирится съ этимъ фактомъ, который, по крайней мѣрѣ въ такой формѣ, кажется намъ слишкомъ жестокимъ.

Когда старикъ, надъ которымъ только что пронеслась длинная поучительная рѣчь молодого короля, возвращающагося съ коронаціи (2 ч. V, 5), находитъ въ отвѣтъ только грустную шутку, съ которою онъ обращается къ своему сосѣду: „Мистеръ Шалло, я вамъ долженъ 1000 фунтовъ!“—то нами невольно овладѣваетъ чувство глубокаго состраданія. И напрасно поэтъ, подготовляя эту сцену въ предыдущемъ, старался ослабить производимое ею впечатлѣніе, намѣренно выставляя на показъ все худшія и худшія стороны стараго грѣшника, — впечатлѣніе остается все то же, и виноватъ тутъ самъ поэтъ, съумѣвшій придать этой безобразной фигурѣ неотразимую прелесть.

Процессъ отчужденія отъ Фальстафа есть вмѣстѣ съ тѣмъ процессъ очищенія молодого принца и подготовки его къ великому призванію. Съ этой точки зрѣнія

Фальстафіада представляется необходимымъ элементомъ нашей драмы. Цѣлямъ всесторонней характеристики Генриха служатъ и всѣ остальныя дѣйствующія лица, и на первомъ планѣ—Генрихъ Перси, его соперникъ по храбрости, блестящій, мужественный, но по уму—недалекій. Всѣ его любятъ за то, что онъ, герой, при одномъ имени котораго всѣ враги дрожатъ, безпомощенъ какъ ребенокъ, какъ только дѣло коснется чего иного, чѣмъ войны и боя. Аристократъ до мозга костей, онъ ставитъ честь выше всего, честь рыцарскую, довольно своеобразно и узко понимаемую. Спокойная разсудительность ему совершенно чужда; онъ либо молчитъ и бездѣйствуетъ, либо увлекается, да такъ, что никто и ничто уже не можетъ его удержать. Это человѣкъ импульса, олицетвореніе извѣстнаго темперамента, безъ участія въ немъ разсудка. Въ концѣ концовъ онъ губитъ себя и дѣло своихъ друзей, столкнувшись съ человѣкомъ не менѣе храбрымъ и сильнымъ, но болѣе умнымъ, чѣмъ онъ, съ принцемъ Генрихомъ. При всей цѣльности и даже при всемъ величіи этого типа, онъ въ своихъ увлеченіяхъ доходитъ, самъ того не замѣчая, до той черты, за которой уже начинается смѣшное. Очень мѣткую, хотя и каррикатурную характеристику его даетъ принцъ Генрихъ (1-ая часть, II, 4): „Перси какъ ни въ чемъ не бывало убиваетъ къ завтраку 6—7 дюжинъ шотландцевъ, умываетъ руки и говоритъ женѣ: „экая скучная жизнь! Надо придумать себѣ работу". „Сердечный мой, отвѣчаетъ она, сколькихъ-же ты сегодня убилъ?" „Напойте моего коня", говоритъ онъ, и черезъ часъ лишь отвѣчаетъ: „Штукъ четырнадцать. Сущіе пустяки!".

Къ характеристикѣ нѣкоторыхъ изъ другихъ дѣйствующихъ лицъ „Генрихъ IV" и къ Фальстафу мы еще вернемся въ предисловіи къ „Виндзорскимъ проказницамъ". Ср. также предисловіе къ „Генриху V".

Событія, легшія въ основу второй части „Генриха IV", обнимаютъ время отъ 1405 г. до смерти Генриха IV, т. е. до марта 1413 г. Что и здѣсь фактическая сторона играетъ второстепенную роль, явствуетъ уже изъ того, что она является до извѣстной степени повтореніемъ фабулы первой части. Мы и здѣсь имѣемъ дѣло съ баронами, возставшими противъ короля, и все сводится къ подавленію ихъ бунта. Едва-ли Шекспиръ счелъ бы нужнымъ посвятить этимъ событіямъ новую драму, еслибъ ему не предстояла необходимость довести до конца развитіе принца Уэльскаго, будущаго Генриха V. Само дѣйствіе здѣсь еще менѣе интересно, чѣмъ въ первой части, такъ какъ среди враговъ короля нѣтъ уже могучихъ фигуръ Перси и графа Дугласа, нѣтъ и жалкаго, но интереснаго по типу Глендовера. Да и самъ король менѣе энергиченъ и дѣятеленъ, дѣйствіе подвигается медленнѣе и однообразнѣе. Наконецъ, Фальстафъ и его сподвижники спустились ниже и поэтъ намѣренно, какъ мы видѣли, сгущаетъ темныя краски. Очевидно, что и въ глазахъ Шекспира эта вторая часть самостоятельнаго значенія не имѣла. Она служитъ лишь переходомъ отъ первой части къ „Генриху V", которымъ завершается трилогія.

Въ виду этой служебной цѣли, Шекспиръ намѣренно сократилъ дѣйствіе, сильно сдвинувъ событія. Старикъ Нортомберлэндъ, отецъ убитаго Перси, не поднялъ возстанія немедленно послѣ битвы при Шрюсбери, въ несчастномъ исходѣ которой онъ отчасти самъ былъ виноватъ. Наоборотъ, онъ безъ сопротивленія покорился побѣдителю-королю, и лишь черезъ два года онъ собрался съ духомъ, чтобы отомстить за смерть сына, и возвелъ на англійскій престолъ молодого Эдмунда, графа Марчскаго, который, будучи по бабушкѣ правнукомъ герцога Кларенскаго, второго сына Эдуарда III, имѣлъ, казалось, болѣе правъ на престолъ, чѣмъ династія Ланкастеровъ. Снова образовалась коалиція противъ короля, къ которой, кромѣ цѣлаго ряда феодаловъ, примкнулъ и архіепископъ Іоркскій. Заговоръ окончился плачевно: важнѣйшіе заговорщики, между прочими и архіепископъ, были вѣроломно схвачены и казнены. Старикъ Нортомберлэндъ спасся бѣгствомъ въ Шотландію, но и онъ палъ въ 1408 г. во время нападенія на англійскія пограничныя области. Принцъ Генрихъ въ этихъ дѣлахъ участія не принималъ: онъ былъ занятъ въ Уэльсѣ борьбой съ Глендоверомъ.

Король Генрихъ пережилъ свою побѣду надъ бунтовщиками еще на цѣлыхъ 5 лѣтъ, тогда какъ у Шекспира онъ умираетъ непосредственно послѣ побѣды.

Ѳ. Браунъ.

Король Генрихъ IV.

Рамка, составленная изъ гербовъ дѣйствующихъ лицъ 1-ой части «Генриха IV» (изъ изд. Найта).

ПРИНЦЪ, ПОЙНСЪ и УХОДЯЩІЙ ФАЛЬСТАФЪ. (Дѣйств. I, сц. 2).
Рисунокъ извѣстнаго англ. жанриста Орчардсона. (Orchardson, род. 1835)

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Комната во дворцѣ.

Входятъ король Генрихъ, Вестморлэндъ, сэръ Вальтеръ Блентъ *и* другіе

Король Генрихъ.

Истомлены, въ заботахъ поблѣднѣвъ,
Мы все-жъ нашли, что вспуганному миру
Пора вздохнуть, чтобъ вскорѣ прозвучали
Прерывистые клики новыхъ войнъ,
Которыя въ странахъ начнутся дальнихъ.
Пусть жадный прахъ земли родной отнынѣ
Не обагряетъ больше устъ въ крови
Своихъ дѣтей. Пусть острый мечъ войны
Ея полей не бороздитъ глубоко,
Пусть тяжкія копыта вражьей рати
Ея цвѣтовъ не топчутъ. Тѣ бойцы,
Что, обративъ другъ другу взоръ враждебный,
Какъ метеоры въ бурныхъ небесахъ,
Родные всѣ по духу и по крови,
Еще недавно сталкивались въ шумѣ
Гражданскихъ сѣчъ и внутреннихъ усобицъ.—
Пускай согласно, стройными рядами
Однимъ отнынѣ шествуютъ путемъ;
Роднымъ, друзьямъ, знакомымъ не на встрѣчу.
Клинокъ войны, какъ ножъ, что плохо спрятанъ
Въ ножны, пускай хозяина не ранитъ.
Итакъ, друзья, туда, гдѣ гробъ Христа,—
Подъ сѣнью-же Его креста честнáго
Призванье и обѣтъ влекутъ насъ биться,—
Хотимъ подвигнуть рать изъ англичанъ.
Еще въ утробѣ матери ихъ руки
Сложились, чтобъ язычниковъ прогнать
Съ земли святой, къ которой прикасались
Стопы благословенныя Того,
Кто ради насъ, четырнадцать столѣтій
Тому назадъ, былъ пригвожденъ къ кресту.
Но эти мысли мы ужъ годъ лелѣемъ,—
Излишне повторять, что ихъ свершимъ.
Не съ тѣмъ сошлись мы. Но хотимъ услышать
Отъ васъ, кузенъ любезный Вестморлэндъ,
Какъ нашъ совѣтъ рѣшилъ вчерашней ночью,
Чтобъ дѣло, дорогое намъ, ускорить.

Вестморлэндъ.

Вопросъ объ ускореньи, государь,

Былъ обсуждаемъ горячо, расходовъ
Утверждены различныя статьи,
Какъ вдругъ, ужъ поздней ночью, изъ Валлиса
Съ недобрыми гонецъ вѣстями прибылъ.
Вотъ худшая: отважный Мортимеръ,
Ведя на бой мужей изъ Герфордшейра
Съ неистовымъ Глендоверомъ сражаться,
Попался въ руки грубыя валлійца.
До тысячи изрублено солдатъ,
И трупы ихъ столь скотски поруганью
Со стороны валлійскихъ женъ подверглись,
Увѣчьямъ столь безстыднымъ, что нельзя
О томъ повѣдать слово, не краснѣя.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ.

И кажется, что вѣсть объ этой битвѣ
Заботы о Святой землѣ прервала?

ВЕСТМОРЛЭНДЪ.

Да, добрый государь, въ связи съ другими.
Еще тревожнѣй вѣсть и злополучнѣй
Къ намъ съ сѣвера пришла и такъ гласитъ:
Сошлися въ день Воздвиженья креста
Подъ Гольмедономъ младшій Гарри Перси,
Блестящій Готспуръ, съ доблестнымъ шотландцемъ,
Прославленнымъ и храбрымъ Арчибальдомъ,
И завязался тяжкій бой кровавый.
Объ этомъ заключаютъ по пальбѣ
Орудій ихъ и признакамъ другимъ.
Гонецъ-же самъ, принесшій намъ извѣстье,
Вскочилъ въ разгаръ сраженья на коня
И ничего не знаетъ объ исходѣ.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ.

Вотъ дорогой и дѣятельный другъ,
Сэръ Вальтеръ Блентъ. Онъ только что съ коня
На землю спрыгнулъ и еще покрытъ
Весь брызгами разнообразныхъ почвъ
Межъ Гольмедономъ и жилищемъ нашимъ.
Отрадна вѣсть его: разбитъ графъ Дугласъ.
Онъ видѣлъ на равнинѣ гольмедонской
Рядами легшихъ въ собственной крови
Шотландцевъ храбрыхъ десять тысячъ, двадцать
Двухъ рыцарей. А въ плѣнъ Готспуромъ взяты
Мордэкъ, графъ Файфскій, старшій сынъ Дугласа,
Разбитаго имъ тутъ же, также графы
Атоль и Муррей, Ангусъ и Ментейтъ.
Ужели не почетная добыча,
Не славная награда? Что, кузенъ?

ВЕСТМОРЛЭНДЪ.

Да, принцъ бы могъ такой побѣдой хвастать.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ.

Вотъ ты меня повергъ въ печаль, а вмѣстѣ
И согрѣшить заставилъ тѣмъ, что къ лорду
Нортомберлэнду зависть возбудилъ,—
Къ отцу такого доблестнаго сына,
Чье имя на устахъ всегда у славы,
Кто, возносясь какъ стволъ стройнѣйшій въ рощѣ,
Сталъ баловнемъ и гордостью судьбы.
Межъ тѣмъ какъ я, свидѣтель славы чуждой,
Взираю, какъ безславье и распутство
Чело пятнаютъ Гарри моего.
О, еслибъ вѣрить, что, скитаясь ночью,
Еще въ пеленкахъ фея подмѣнила
Малютокъ нашихъ, моему названье
Давъ Перси, а его—Плантагенета.
Тогда-бы мнѣ его достался Гарри,
А мой—ему. Но прочь такія мысли.
Что скажете, кузенъ, вы о подобномъ
Высокомѣрьи Готспура? Всѣхъ плѣнныхъ,
Имъ взятыхъ въ битвѣ, хочетъ удержать
Въ свою онъ пользу, мнѣ-же слово шлетъ,
Что только графа Файфскаго мнѣ выдастъ.

ВЕСТМОРЛЭНДЪ.

Подъученъ дядей Ворчестеромъ онъ,
Къ вамъ всячески враждебнымъ. Оттого
Топорщится и гребень молодой
Подъемлетъ противъ вашего онъ сана.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ.

Но я къ нему послалъ, зовя къ отвѣту.
Итакъ, на срокъ откажемся отъ нашихъ
Священныхъ сборовъ въ Іерусалимъ.
Совѣтъ мы держимъ въ будущую среду
Въ Виндзорѣ. Такъ оповѣстите лордовъ,
А сами возвращайтесь къ намъ скорѣй.
Сказать и сдѣлать многое осталось,
Къ чему не должно въ гнѣвѣ приступить.

ВЕСТМОРЛЭНДЪ.

Я все исполню, государь.
(*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Тамъ же. Другая комната во дворцѣ.

Входятъ ГЕНРИХЪ, ПРИНЦЪ УЭЛЬСКІЙ *и* ФАЛЬСТАФЪ.

ФАЛЬСТАФЪ. Послушай, Галь, какое теперь время дня, братецъ?

ПРИНЦЪ ГЕНРИХЪ. У тебя мозги такъ заплыли жиромъ отъ питья стараго хереса, разстегиванія жилета послѣ ужина, и дрыханья по скамейкамъ послѣ обѣда, что ты раз-

учился спрашивать о томъ, что въ самомъ дѣлѣ хочешь знать. На кой чортъ тебѣ справляться о времени дня? Другое дѣло, если-бы часы были бокалами хереса, минуты каплунами, маятники языками своденъ и циферблаты вывѣсками публичныхъ домовъ, а само солнце на небѣ красивой, горячей дѣвкой въ огненно-красномъ шелкѣ,—а то я не вижу причины, зачѣмъ бы тебѣ спрашивать о времени дня.

Фальстафъ. Печальную ты правду сказалъ, Галь. Мы, обиратели кошельковъ, живемъ по лунѣ и семизвѣздію, а не по Фебу, этому „прекрасному, странствующему рыцарю". И я прошу тебя, голубчикъ, когда будешь королемъ,—да сохранитъ Господь твою милость,—я хотѣлъ сказать твое величество, потому что милости тебѣ не будетъ.

Принцъ Генрихъ. Какъ, совсѣмъ не будетъ?

Фальстафъ. Вѣрно говорю, не будетъ—даже на молитву передъ завтракомъ изъ яицъ и масла.

Принцъ Генрихъ. Ну, такъ что-жъ ты хотѣлъ сказать? Валяй безъ околичностей.

Фальстафъ. Такъ вотъ, голубчикъ, когда ты будешь королемъ, пусть насъ, рыцарей ночи, не зовутъ дневными грабителями; пусть мы считаемся лѣсничими Діаны, кавалерами ночного мрака, любимцами луны; пусть говорятъ, что мы люди правые, потому, что нами, какъ и моремъ, правитъ наша благородная и цѣломудренная повелительница—луна, подъ покровительствомъ которой мы грабимъ.

Принцъ Генрихъ. Хорошо сказано, и совершенно вѣрно, потому что у насъ, служителей луны, счастье имѣетъ свой приливъ и отливъ, какъ море. Нами, какъ и моремъ, управляетъ луна. И вотъ примѣръ: въ понедѣльникъ ночью золото приливаетъ послѣ отважнаго грабежа, а во вторникъ утромъ отливаетъ послѣ безпутнаго кутежа. Добыто оно грознымъ окликомъ „отдавай"; пропито съ криками „подавай". То счастье убываетъ ниже первой ступени лѣстницы, а то, гляди, и приливаетъ до верхняго края висѣлицы.

Фальстафъ. Вѣрно, братецъ, ей Богу. А неправда ли, моя трактирщица объядѣніе?

Принцъ Генрихъ. Сладка, какъ медъ, старый хвастунъ. А не правда ли, буйволовая куртка очень прочная штука?

Фальстафъ. Ну тебя, сумасшедшій. Что это за остроты и шутки? какое мнѣ, чортъ возьми, дѣло до буйволовой куртки?

Принцъ Генрихъ. А на кой дьяволъ мнѣ трактирщица?

Фальстафъ. Ты вѣдь ее не разъ звалъ, чтобы сводить счеты.

Принцъ Генрихъ. Развѣ я когда нибудь требовалъ, чтобы ты уплатилъ свою часть?

Фальстафъ. Нѣтъ, отдаю тебѣ справедливость, ты всегда тамъ за все платилъ.

Принцъ Генрихъ. И тамъ, и вездѣ, пока у меня были деньги; а когда не хватало, я пускалъ въ ходъ мой кредитъ.

Фальстафъ. Да, и такъ имъ пользовался, что изъ этого слѣдовало, что ты наслѣдникъ. Но прошу тебя, голубчикъ, скажи мнѣ, неужели въ Англіи будутъ еще висѣлицы, когда ты станешь королемъ, неужели ржавыя цѣпи дѣдушки Закона будутъ, какъ и теперь, сковывать храбрецовъ? Пожалуйста, когда будешь королемъ, не вѣшай ни одного вора.

Принцъ Генрихъ. Нѣтъ, это будешь дѣлать ты.

Фальстафъ. Я? Чудесно. Клянусь Богомъ, я буду славнымъ судьей.

Принцъ Генрихъ. Вотъ ты уже и невѣрно разсудилъ: я хотѣлъ сказать, что тебѣ будетъ предоставлено вѣшать воровъ, и что ты сдѣлаешься такимъ образомъ отличнымъ палачомъ.

Фальстафъ. Хорошо, братъ, хорошо; это мнѣ такъ же по душѣ, какъ служба при дворѣ, увѣряю тебя.

Принцъ Генрихъ. Тебя прельщаетъ плата?

Фальстафъ. Да, меня прельщаетъ платье—а у палача запасъ его не малый. Чортъ возьми, и я сегодня печаленъ, какъ старый котъ, или медвѣдь на цѣпи.

Принцъ Генрихъ. Или какъ старый левъ? или лютня влюбленнаго?

Фальстафъ. Да, или какъ сопѣніе линкольнширской волынки.

Принцъ Генрихъ. Можно еще сказать, какъ заяцъ, или какъ мрачный Мурскій ровъ.

Фальстафъ. Ты любишь самыя непріятныя сравненія; право, ты самый несравненный, самый негодный и самый милый молодой принцъ на свѣтѣ. Но, пожалуйста, Галь, не искушай меня болѣе суетными благами. Хотѣлъ бы я знать, гдѣ намъ съ тобой купить доброе имя. Меня недавно на улицѣ одинъ старый членъ Совѣта бранилъ за васъ, сэръ; но я не слушалъ его; а онъ говорилъ очень умно; я не обращалъ на

него вниманія—а онъ говорилъ очень мудро, и притомъ на улицѣ.

Принцъ Генрихъ. Такъ оно всегда бываетъ—вѣдь сказано, что мудрость кричитъ на улицѣ, и никто ее не слушаетъ.

Фальстафъ. Какая у тебя нечестивая страсть къ текстамъ; право, ты можешь совратить и святого. Ты прямо таки загубилъ мою душу, Галь,—да проститъ тебя Богъ. До моего знакомства съ тобой, Галь, я былъ невиненъ; а теперь я, говоря по правдѣ, немногимъ лучше самаго большого нечестивца. Мнѣ необходимо измѣнить свой образъ жизни и я измѣнюего,клянусьчестью; пусть меня назовутъ мерзавцемъ, если не измѣню; я не хочу погубить душу ни изъ за какого королевскаго сына во всемъ мірѣ.

Принцъ Генрихъ. Гдѣ бы намъ завтра стащить кошелекъ съ деньгами, Джэкъ?

Фальстафъ. Гдѣ хочешь, братецъ, я буду заодно съ тобой; назови меня подлецомъ и наплюй мнѣ въ глаза, если я отрекусь отъ тебя.

Принцъ Генрихъ. Хорошо-же ты каешься—отъ молитвъ къ грабежу.

(*Вдали показывается Пойнсъ*).

Фальстафъ. Что-жъ дѣлать, Галь, таково мое призваніе: не грѣшно слѣдовать своему призванію. Ба, Пойнсъ!—Теперь мы узнаемъ, выслѣдилъ ли Гэдсгиль что нибудь. Да, еслибы спасеніе людей зависѣло отъ ихъ добродѣтелей, въ аду не нашлось-бы достаточно жаркаго мѣста для него. Онъ величайшій плутъ изъ всѣхъ, когда либо останавливавшихъ на дорогѣ честныхъ людей крикомъ: стой!

Принцъ Генрихъ. Здравствуй, Недъ.

Пойнсъ. Здравствуй, милый Галь. Ну, что подѣлываетъ синьоръ Раскаяніе? Какъ поживаетъ сэръ Джонъ Сладкій Хересъ? Джекъ, какъ ты столковался съ дьяволомъ относительно твоей души, которую ты ему продалъ въ послѣднюю Страстную пятницу за рюмку мадеры и кусокъ холоднаго каплуна?

Принцъ Генрихъ. Сэръ Джонъ сдержитъ слово: чортъ не будетъ обманутъ. Сэръ Джонъ никогда не нарушалъ вѣрности пословицамъ, а пословица говоритъ, что чортъ всегда получитъ свое.

Пойнсъ. Такъ ты погубишь свою душу тѣмъ, что сдержишь слово чорту.

Принцъ Генрихъ. А иначе онъ погубитъ свою душу тѣмъ, что обманетъ чорта.

Пойнсъ. Слушайте-же, братцы мои: завтра утромъ, въ четыре часа, нужно быть въ Гэдсгилѣ. Тамъ проѣдутъ богомольцы въ Кентербэри, съ богатыми дарами, и купцы, ѣдущіе въ Лондонъ съ набитыми кошельками. Я приготовилъ для всѣхъ васъ маски, а лошади у васъ самихъ есть. Гэдсгиль ночуетъ сегодня въ Рочестерѣ. На завтра ужинъ заказанъ въ Истчипѣ—вся эта затѣя такъ же безопасна, какъ сонъ послѣ обѣда. Если вы отправитесь со мной, я вамъ набью кошельки кронами; если нѣтъ—оставайтесь дома, и желаю вамъ быть повѣшенными.

Фальстафъ. Помни, Эдуардъ: если я замѣшкаюсь дома и не пойду съ вами, я васъ повѣшу за то, что вы пошли.

Пойнсъ. Неужели, мясная туша?

Фальстафъ. Галь, а ты съ нами?

Принцъ Генрихъ. Чтобы я сталъ грабителемъ? Чтобы я воровалъ? Клянусь честью, ни за что.

Фальстафъ. Гдѣ же твоя честность, твое мужество и чувство дружбы? Не знаю, есть ли въ тебѣ королевская кровь, если ты не можешь добыть десяти шиллинговъ королевскаго чекана.

Принцъ Генрихъ. Ну хорошо, буду сумасбродомъ разъ въ жизни.

Фальстафъ. Вотъ это хорошо сказано.

Принцъ Генрихъ. Нѣтъ, будь что будетъ, я остаюсь дома.

Фальстафъ. Клянусь честью, если такъ, то я сдѣлаюсь государственнымъ измѣнникомъ, когда ты вступишь на престолъ.

Принцъ Генрихъ. Какъ хочешь.

Пойнсъ. Сэръ Джонъ, прошу тебя, оставь меня наединѣ съ принцемъ: я ему приведу такіе доводы въ пользу нашего предпріятія, что онъ согласится участвовать въ немъ.

Фальстафъ. Хорошо. Да ниспошлетъ на тебя Господь даръ убѣжденія, а ему откроетъ слухъ, чтобы твои слова подѣйствовали на него, и онъ могъ повѣрить, что истинный принцъ можетъ ради забавы сдѣлаться поддѣльнымъ воромъ; въ наше печальное время нужно чѣмъ нибудь поднять духъ. Прощайте: вы найдете меня въ Истчипѣ.

Принцъ Генрихъ. Прощай, запоздалая весна. Прощай, бабье лѣто. (*Фальстафъ уходитъ*).

Пойнсъ. Послушай, милый дорогой Галь, поѣзжай съ нами завтра: я придумалъ шутку и одинъ не могу выполнить ее. Фальстафъ, Бардольфъ, Пето и Гэдсгиль ограбятъ тѣхъ людей, которыхъ мы уже высмотрѣли; насъ съ тобой при этомъ не будетъ; а когда они захватятъ добычу,

то я даю голову на отсѣченіе, что мы отнимемъ ее у нихъ.

Принцъ Генрихъ. Но какъ же мы отдѣлимся отъ нихъ?

Пойнсъ. Мы выѣдемъ или раньше, или позже, назначимъ мѣсто встрѣчи, куда, конечно, можемъ не явиться; они рѣшатъ сдѣлать нападеніе безъ насъ, и какъ только покончатъ съ дѣломъ, мы бросимся на нихъ.

Принцъ Генрихъ. Да, но они навѣрное узнаютъ насъ по нашимъ лошадямъ, по платью и по всякимъ другимъ примѣтамъ.

Пойнсъ. Ничуть. Нашихъ лошадей они не увидятъ, потому что я привяжу ихъ въ лѣсу; маски мы перемѣнимъ, какъ только уѣдемъ отъ нихъ, и я нарочно заготовилъ клеенчатые плащи, подъ которыми не видно будетъ нашего знакомаго имъ платья.

Принцъ Генрихъ. Да, но я боюсь, что намъ ихъ не одолѣть.

Пойнсъ. Двое изъ нихъ самые настоящіе трусы, и сейчасъ же покажутъ намъ спины; что касается до третьяго, то я готовъ никогда больше не носить оружія, если онъ будетъ противиться дольше чѣмъ слѣдуетъ. Вся потѣха будетъ заключаться въ невообразимомъ враньѣ этого жирнаго плута, когда мы встрѣтимся за ужиномъ. Онъ будетъ разсказывать, что дрался одинъ противъ по крайней мѣрѣ тридцати, будетъ говорить объ опасностяхъ, которымъ подвергался, о нанесенныхъ и парированныхъ ударахъ и въ изобличеніи его и будетъ состоять потѣха.

Принцъ Генрихъ. Хорошо, я согласенъ; приготовь все нужное, и мы встрѣтимся завтра вечеромъ въ Истчипѣ; тамъ я ужинаю. Прощай.

Пойнсъ. До свиданья, принцъ. (*Уходитъ*).

Принцъ Генрихъ.

Я всѣхъ васъ знаю, но хочу на время
Потворствовать затѣямъ вашимъ празднымъ,
И въ этомъ стану солнцу подражать.
Оно злотворнымъ тучамъ позволяетъ
Отъ міра закрывать свою красу,
Чтобъ послѣ, становясь самимъ собою,
Прорвавши дымъ уродливыхъ тумановъ,
Который задушить его грозилъ,
Къ себѣ тѣмъ больше вызвать удивленья,
Чѣмъ дольше міръ его лишенъ былъ свѣта.
Будь цѣлый годъ изъ праздниковъ составленъ,
Досугъ бы такъ же скученъ былъ, какъ трудъ.
Но тѣмъ желанны праздники, что рѣдки,
Случайная-же радость всѣхъ сильнѣй.
Такъ, отъ разгульной жизни отрѣшившись
И уплативъ, чего не обѣщалъ,
Тѣмъ выше буду всѣми я поставленъ,
Чѣмъ больше всѣхъ надежды обману.
Какъ блещущій металлъ на темномъ фонѣ,
Мое перерожденіе затмитъ
Своимъ сіяньемъ прежнія ошибки
И взоры блескомъ привлечетъ сильнѣй,
Чѣмъ если-бъ мишура его не оттѣняла.
Съ искусствомъ подведу своимъ ошибкамъ счетъ
И вдругъ ихъ искуплю, когда никто не ждетъ.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Другая комната во дворцѣ.

Входятъ король Генрихъ, Нортомберлэндъ, Ворчестеръ, Готспуръ, сэръ Вальтеръ Блентъ *и другіе*.

Король Генрихъ.

Умѣренной, холодной черезчуръ,
Вскипѣть отъ оскорбленій неспособной
Была донынѣ кровь моя. И видя
Меня такимъ, вы топчете ногами
Мое терпѣнье. Знайте-жъ, что рѣшивъ
Самимъ собою стать,—могучимъ, страшнымъ,—
Я измѣню свой нравъ. Онъ былъ къ вамъ нѣженъ,
Какъ юный пухъ, и ласковъ, какъ елей,
И право потерялъ на уваженье,
Что только къ гордымъ гордые питаютъ.

Ворчестеръ.

Нашъ домъ, о государь, не заслужилъ
Чтобъ на него поднялся бичъ величья,
Величья, что своими-же руками
Мы сдѣлали столь пышнымъ.

Нортомберлэндъ.

Лордъ мой добрый...

Король Генрихъ.

Прочь, Ворчестеръ, отсюда, ибо вижу
Въ твоихъ глазахъ угрозу и мятежъ.
Сэръ! Слишкомъ дерзко ваше обращенье.
Величье королевское не терпитъ
Угрюмой тучи на лицѣ слуги.
Даемъ вамъ разрѣшенье насъ покинуть.
Коль вашъ совѣтъ иль помощь будутъ нужны,

Васъ призовемъ. (*Ворчестеръ уходитъ*).
(*Къ Нортомберлэнду*). Вы говорить хотѣли?

Нортомберлэндъ.

Да, государь. Отказъ тѣхъ выдать плѣнныхъ,
Потребованныхъ именемъ-же вашимъ,
Которыхъ Гарри взялъ подъ Гольмедономъ,
Не такъ былъ, говоритъ онъ, сдѣланъ рѣзко,
Какъ вашему величеству сказали.
Лишь только зависть или заблужденье
Виновны въ томъ проступкѣ, — не мой сынъ.

Готспуръ.

Я въ плѣнныхъ, государь, не отказалъ вамъ.
Но, помнится, по окончаньи битвы,
Когда, томимый жаждой отъ волненья
И напряженья крайняго, усталый,
Съ трудомъ дыша, на мечъ я опирался,
Какой-то подошелъ тутъ лордъ опрятный,
Щеголеватый, свѣжій, какъ женихъ.
Сверкалъ недавно бритый подбородокъ,
И былъ похожъ на жниво въ праздникъ жатвы.
Какъ продавецъ нарядовъ надушенный,
Коробочку съ душистымъ порошкомъ
Большимъ и указательнымъ перстами
Держалъ онъ, часто къ носу поднося
И отнимая прочь. И носъ во гнѣвѣ
Сопѣлъ, когда коробка приближалась,
А самъ онъ улыбался и болталъ.
Когда-жъ солдаты трупы проносили,
Онъ ихъ бранилъ невѣжами за то,
Что смѣютъ проходить съ нечистой ношей
Межъ вѣтромъ и его высокородьемъ.
Онъ въ женственныхъ и праздничныхъ словахъ
Мнѣ предлагалъ вопросы, между прочимъ
Для вашего величества просилъ
Мной взятыхъ плѣнныхъ. И терзаемъ болью
Холодныхъ ранъ и этимъ попугаемъ,
Отъ ярости терпѣнье потерявъ,
Небрежно я отвѣтилъ, что—не помню:
Что онъ получитъ плѣнныхъ или нѣтъ.
Но я былъ близокъ къ изступленью, видя
Его столь чистымъ, пахнущимъ столь сладко,
Болтающимъ, какъ фрейлина, о пушкахъ,
О барабанахъ, ранахъ (сжалься Боже!).
Онъ сообщилъ, что нѣтъ вѣрнѣй лекарства,
Чѣмъ спармацетъ при внутреннихъ ушибахъ,
Потомъ онъ сталъ жалѣть,—и вправду жаль,—
Зачѣмъ изъ безобидныхъ нѣдръ земли
Выкапываютъ мерзкую селитру,
Сгубившую не мало статныхъ парней
Столь гнусно. А не будь презрѣнныхъ пушекъ,
Онъ, можетъ быть, пошелъ бы самъ въ солдаты.
На этотъ вздоръ безсвязный, государь,
Я, какъ сказалъ, уклончиво отвѣтилъ.
И васъ молю, не дайте вы разсказу
Его, какъ обвиненью, проскользнуть
Межъ вашимъ саномъ и моей любовью.

Блентъ.

О, добрый государь мой, если дѣло
Все обсудить, то сказанное Гарри
Въ такомъ-то мѣстѣ и въ такое время
Лицу такому, съ прочимъ донесеньемъ
Должно по справедливости считаться
Умершимъ и ужъ больше не воскреснуть
Ему во вредъ или въ помѣху, лишь-бы
Отъ прежнихъ словъ онъ нынѣ отказался.

Король Генрихъ.

Однако, онъ согласенъ выдать плѣнныхъ
Лишь только съ оговоркой да съ условьемъ,
Чтобъ выкупъ мы немедленно внесли
Изъ нашихъ средствъ за шурина его,
За Мортимера глупаго, кто предалъ
Умышленно,—клянуся въ томъ душой,—
Солдатъ, которыхъ самъ онъ велъ сражаться
Съ кудесникомъ, съ проклятымъ Глендоверомъ,—
На чьей, какъ слышно, дочери недавно
Графъ Марчъ женился. Неужель должны мы
Опустошить казну, чтобы вернуть
Предателя? Чтобъ выкупить измѣну?
За труса хлопотать, кто самъ себя
Сгубилъ, отдавшись въ плѣнъ? Нѣтъ, пусть исчахнетъ
Онъ на горахъ безплодныхъ. Человѣка
Того во вѣки другомъ не сочту я,
Языкъ чей повернется попросить,
Чтобъ я хоть пенни внесъ за Мортимера
Крамольника.

Готспуръ.

Крамольникъ Мортимеръ!
Коль онъ теперь не съ вами, государь,
Случайности войны тому виною.
Объ этой правдѣ языкомъ единымъ
Свидѣтельствуютъ раны всѣ его,
Подобно ртамъ зіяющія раны,
Полученныя въ доблестномъ бою
Тамъ на красивыхъ берегахъ Северна,
Осокою поросшихъ, гдѣ другъ съ другомъ
Въ единоборствѣ чуть не цѣлый часъ

Онъ простоялъ, ударами мѣняясь
Съ великимъ Глендоверомъ. Трижды оба,
Съ взаимнаго согласія, отдыхали,
Изъ быстрыхъ струй Северна трижды пили.
И, устрашась ихъ взоровъ кровожадныхъ,
Потокъ бѣжалъ межъ камышей дрожащихъ
Подъ обагренной кровью тѣхъ бойцовъ
Нависшій берегъ подлое коварство
Свои дѣла не наряжаетъ въ раны
Смертельныя. Такъ много ихъ принять
Не могъ бы благородный Мортимеръ
Умышленно. Пускай же не клеймятъ
Измѣнникомъ его.

Король Генрихъ.

Ты лжешь, о Перси,
Лжешь на него. Онъ никогда не бился
Съ Глендоверомъ. Я говорю тебѣ:
Онъ дьявола не съ большею охотой
Наединѣ противникомъ бы встрѣтилъ,
Чѣмъ Овена Глендовера. Стыдись.
Но знайте: впредь прошу о Мортимерѣ
Не говорить. Скорѣй пришлите плѣнныхъ,
Иль я вамъ такъ напомню о себѣ,
Что будетъ вамъ не по-сердцу. Милордъ
Нортомберлэндъ, теперь мы отпускаемъ
Васъ вмѣстѣ съ сыномъ. Плѣнныхъ намъ пришлите,
Не то о нихъ услышите.
(*Уходятъ король Генрихъ, Блентъ и свита*).

Готспуръ.

И еслъ-бъ
Самъ чортъ ревущій требовать ихъ сталъ,—
Не выдамъ ихъ! Пойду за королемъ
И такъ скажу, чтобъ сердце облегчить,
Хотя-бъ пришлось мнѣ жизнью поплатиться.

Нортомберлэндъ.

Что? Желчью опьяненъ? Постой. Вашъ дядя
Идетъ.

Готспуръ.

Не говорить о Мортимерѣ?
Нѣтъ, чортъ возьми, я буду говорить.
И пусть моей душѣ грозитъ погибель,
Коль съ нимъ не стану вмѣстѣ. За него
Я жилы всѣ готовъ открыть
И дорогую кровь за каплей каплю
Пролить въ песокъ, лишь только-бъ Мортимера,
Затоптаннаго въ грязь, мнѣ вознести
На ту-же высоту, гдѣ блещетъ этотъ
Забывчивый король, неблагодарный,
Зловредный, какъ отрава, Болингброкъ.

Нортомберлэндъ (*къ Ворчестеру*).

Братъ! Обезумѣлъ изъ-за короля
Племянникъ вашъ.

Ворчестеръ.

Кто по моемъ уходѣ
Раздулъ въ немъ это пламя?

Готспуръ.

Онъ не въ шутку
Желаетъ получить моихъ всѣхъ плѣнныхъ.
Когда-же я потребовалъ опять,
Чтобъ выкупленъ былъ братъ моей жены,
Вдругъ по щекамъ его разлилась блѣдность,
И на меня взглянулъ онъ взоромъ смерти,
Дрожалъ, услышавъ имя Мортимера.

Ворчестеръ.

Я не виню его. Не Мортимера-ль
Ричардъ покойный объявилъ ближайшимъ
По крови?

Нортомберлэндъ.

Да, я слышалъ объявленье.
То было въ дни, когда король несчастный,—
Прости намъ, Боже, всѣ предъ нимъ вины,—
Съ войною на Ирландію пошелъ,
Его-жъ назадъ заставили вернуться,
Чтобы съ престола свергнуть и убить.

Ворчестеръ.

И въ этой смерти насъ, покрывъ безчестьемъ,
Винятъ уста широкія молвы.

Готспуръ.

Постойте. Вправду-ль брата моего
Эдмунда Мортимера объявилъ
Король Ричардъ наслѣдникомъ престола?

Нортомберлэндъ.

Его. Я слышалъ самъ.

Готспуръ.

Ну, если такъ,
Могу-ли короля винить за то,
Что пожелалъ кузену онъ исчахнуть
Средь горъ безплодныхъ? Но неужто-жъ вы,
На этого забывчиваго мужа
Надѣвшіе вѣнецъ, чтобъ за него
Самимъ покрыться гнуснымъ подозрѣньемъ
Въ подкупленномъ убійствѣ,—о, неужто-жъ
Вы на себя проклятья навлечете
Лишь въ качествѣ пособниковъ его,
Второстепенныхъ, низменныхъ орудій,—
Веревокъ, лѣстницы иль палача?
Простите, что я такъ спускаюсь низко,
Чтобъ указать на ваше положенье
И роль при этомъ хитромъ королѣ.
О, стыдъ! Ужели скажутъ въ наши дни
И въ лѣтопись внесутъ для дней грядущихъ,
Что люди рода вашего и сана
Себя связали съ дѣломъ непристойнымъ

(Какъ вы, прости вамъ Богъ, и поступили),
Исторгнувъ розу нѣжную—Ричарда,
И посадивъ терновникъ—Болингброка?
Ужель—къ стыду тягчайшему—прибавятъ,
Что васъ презрѣлъ, прогналъ, отринулъ прочь
Тотъ, для кого вы этотъ стыдъ пріяли?
Но нѣтъ. Еще не поздно вамъ вернуть
Утраченную честь и вновь подняться
Во мнѣньи добромъ свѣта. Отомстите
За все пренебреженье, за обиды
Вы этому спѣсивцу королю,
Кто день и ночь о томъ лишь помышляетъ,
Какъ бы за всѣ услуги вамъ воздать
Кровавою расплатой вашей смерти.
Еще скажу...

Ворчестеръ.

Молчи, кузенъ. Ни слова.
Раскрыть пора таинственную книгу
Предъ быстрымъ взоромъ гнѣва твоего
И объ опасномъ дѣлѣ и глубокомъ
Тебѣ прочесть,—рискованномъ и трудномъ,
Какъ переходъ черезъ потокъ гремящій
По древку шаткому копья.

Готспуръ.

А если
Въ потокъ свалился,—то покойной ночи!
Тонуть иль плыть. Когда опасность мчится
Съ восхода на закатъ, ей честь дорогу
Пересѣкаетъ съ сѣвера на югъ.
Пусть сцѣпятся! Волнуетъ кровь сильнѣе
На льва охота, чѣмъ гоньба за зайцемъ.

Нортомберлэндъ.

Одна лишь мысль о подвигѣ опасномъ
Его за грань терпѣнья унесла.

Готспуръ.

Не трудно-бъ подскочить,—клянусь въ томъ небомъ,—
Чтобъ свѣтлый образъ чести съ блѣдноликой
Сорвать луны, не трудно бы нырнуть
Въ пучину глубочайшую, гдѣ лотъ
Еще не трогалъ дна, чтобы за кудри
Извлечь на берегъ тонущую честь,
Лишь только-бъ тотъ, кто спасъ ее, былъ вправѣ
Присвоить безъ соперниковъ себѣ
Всѣ почести ея. Но половинный
Съ товарищемъ дѣлежъ я презираю.

Ворчестеръ.

Онъ цѣлый міръ здѣсь образовъ увидѣлъ,
Но то, что долженъ видѣть, проглядѣлъ.
Кузенъ добрѣйшій, мигъ одинъ вниманья.

Готспуръ.

Прошу пощады.

Ворчестеръ.

Взятыхъ вами въ плѣнъ
Шотландцевъ благородныхъ...

Готспуръ.

Всѣхъ оставлю.
Ни одного шотландца,—Богъ свидѣтель,—
Ему не видѣть. Если-бъ отъ шотландцевъ
Зависѣло души его спасенье,
Онъ все-жъ ихъ не получитъ. При себѣ
Оставлю всѣхъ, клянусь своей рукой.

Ворчестеръ.

Вы вновь помчались, словъ моихъ не слыша·
Тѣхъ плѣнныхъ удержите при себѣ.

Готспуръ.

И удержу. То рѣшено. Сказалъ онъ,
Что выкупить не хочетъ Мортимера,
Мнѣ имя Мортимера запретилъ
Произносить. Приду-жъ къ нему, какъ спитъ онъ,
И закричу надъ ухомъ: Мортимеръ!
Скворца я научу твердить одно
Лишь слово: Мортимеръ! и королю
Въ даръ поднесу, да бередитъ въ немъ злобу.

Ворчестеръ.

Одно, кузенъ, лишь выслушайте слово.

Готспуръ.

Торжественно отнынѣ открекаюсь
Отъ всѣхъ стремленій, кромѣ одного:
Злить вѣчно Болингброка и щипать.
И этотъ безобразникъ принцъ Уэльскій
Отравленъ былъ бы мною въ кружкѣ эля,
Но, кажется, отецъ его не любитъ
И будетъ радъ, коль съ нимъ бѣда случится.

Ворчестеръ.

Прощай, племянникъ. Я вернусь къ бесѣдѣ,
Когда ты будешь слушать расположенъ.

Нортомберлэндъ.

Зачѣмъ ты, какъ ужаленный осой,
Иль какъ безумецъ буйный, иль какъ баба,
Свой слухъ къ своей лишь рѣчи приковалъ?

Готспуръ.

Мнѣ, видите-ли, каждый разъ, какъ слышу
О гнусномъ интриганѣ Болингброкѣ,
Сдается, будто розгой иль крапивой
Избитъ я иль искусанъ муравьями.
Во дни Ричарда,—какъ зовутъ то мѣсто?—
Чума тамъ поселись.—то въ Глостерширѣ.

Гдѣ дядя жилъ его, безумный герцогъ
Іоркскій,—тамъ я въ первый разъ колѣни
Согнулъ предъ этимъ королемъ улыбокъ,
Предъ этимъ Болингброкомъ, въ день, какъ вы
Вернулись вмѣстѣ съ нимъ изъ Равенспорта.

Нортомберлэндъ.

То въ замкѣ Беркли.

Готспуръ.

Совершенно вѣрно.
Какихъ лишь словъ засахаренныхъ, нѣжныхъ
Мнѣ не поднесъ сей льстивый песъ борзой.
„Когда, молъ, счастье юное мое
Взраститъ съ годами" и „кузенъ любезный"
И „милый Гарри Перси". Чортъ побралъ-бы
Обманщиковъ такихъ—прости мнѣ, Боже!
Я кончилъ. Говорите, добрый дядя.

Ворчестеръ.

Коль нѣтъ, мы подождемъ.

Готспуръ.

Я кончилъ вправду.

Ворчестеръ.

Итакъ, вернусь къ шотландцамъ вашимъ плѣннымъ.
Безъ выкупа всѣхъ тотчасъ отпустите,
Чтобъ сынъ Дугласа, вашимъ ставъ орудьемъ,
Набрать войска въ Шотландіи помогъ вамъ.
Есть много основаній полагать—
Я изложу ихъ письменно—что дѣло
Удастся намъ легко. (*Къ Нортомберлэнду*).
А вы, милордъ,
Пока вашъ сынъ Шотландіей займется,
Вы тайно попытайтесь вкрасться въ душу
Къ прелату благородному, къ тому
Архіепископу, кого всѣ любятъ.

Готспуръ.

Къ Іоркскому, не правда-ль?

Ворчестеръ.

Да, къ нему.
Онъ гнѣвъ таитъ за брата своего,
Казненнаго въ Бристолѣ лорда Скрупа.
Я это говорю не въ видѣ мнѣнья
О томъ, что лишь возможно. Все, я знаю,
Обдумано, условлено подробно,
Предвидѣно и мановенья ждетъ
Лишь случая, чтобы на свѣтъ родиться.

Готспуръ.

Я чую дѣло. Жизнію клянусь,
Оно удастся.

Нортомберлэндъ.

Дичи не поднявъ,
Уже спускаешь свору.

Готспуръ.

Заговоръ,
Я вижу, неудачнымъ быть не можетъ,
Когда войска Шотландіи и Іорка
Пристанутъ къ Мортимеру.

Ворчестеръ.

Такъ и будетъ.

Готспуръ.

По истинѣ, затѣяно отлично.

Ворчестеръ.

Причины не пустыя заставляютъ
Теперь спѣшить. Чтобъ головы снести намъ.
Должно возстанье голову поднять.
Какъ мы себя спокойно ни держали-бъ,
Король все-жъ будетъ помнить, что у насъ
Въ долгу онъ и считать, что мы считаемъ
Себя не получившими уплаты,
Пока не улучитъ онъ часъ, чтобъ съ нами
Всѣ счеты свесть. Уже онъ, примѣчайте,
Сталъ отвращать отъ насъ привѣтный взоръ.

Готспуръ.

Да, вѣрно, вѣрно, только месть за нами.

Ворчестеръ.

Кузенъ, прощайте. Не стремитесь дальше
Границъ, что я вамъ въ письмахъ укажу.
Когда созрѣетъ время,—ждать недолго,—
Къ Глендоверу украдкой проберусь
И къ лорду Мортимеру. Тамъ устрою,
Чтобъ вы съ Дугласомъ и войсками всѣми
Сошлись благополучно. И тогда
Въ свои возьмемъ окрѣпшія мы руки
То счастье, что теперь такъ держимъ слабо.

Нортомберлэндъ.

Прощайте, братъ. Надѣюсь на успѣхъ.

Готспуръ.

Прощайте, дядя. Играмъ нашимъ браннымъ
Земля пусть вторитъ стономъ непрестаннымъ.

(*Уходятъ*).

СТАРО-АНГЛІЙСКІЙ ЗАѢЗЖІЙ ДВОРЪ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Рочестеръ. Дворъ гостиницы.

Входитъ извощикъ *съ фонаремъ въ рукахъ.*

1-ый извощикъ. Ого! Я дамъ себя повѣсить, если теперь не четыре часа. Медвѣдица уже стоитъ надъ новой трубой, а наша лошадь еще не навьючена. Эй, конюхъ!

Конюхъ (*за сценой*). Иду, иду.

1-ый извощикъ. Пожалуйста, Томъ, поправь сѣдло у лошади и подложи подъ луку пакли, а то она, бѣдная, ужасно какъ натерла себѣ загривокъ.

(*Входитъ второй извощикъ*).

2-ой извощикъ. Горохъ и бобы здѣсь совсѣмъ подмоченные, чтобъ ихъ чортъ побралъ, и того и гляди у бѣдной скотины черви заведутся: все въ этомъ домѣ пошло вверхъ дномъ со смерти конюха Робина.

1-ый извощикъ. Бѣдняга! Онъ загрустилъ съ тѣхъ поръ, какъ вздорожалъ овесъ. Это свело его въ могилу.

2-ой извощикъ. Ни въ одномъ домѣ на всемъ лондонскомъ трактѣ нѣтъ такого количества блохъ: я отъ нихъ весь въ пятнахъ, что твой линь.

1-й извощикъ. Что твой линь! Клянусь обѣдней, ни одного короля въ христіанскомъ мірѣ нельзя было бы старательнѣе искусать, чѣмъ меня сегодня послѣ первыхъ пѣтуховъ.

1-й извощикъ. Ну да, намъ не поставили горшка, и пришлось облегчаться въ каминъ, а отъ мочи блохи плодятся, какъ гольцы.

1-ый извощикъ. Эй, конюхъ, иди сюда, висѣльникъ, иди сюда!

2-ой извощикъ. Мнѣ нужно доставить окорокъ ветчины и два тюка инбиря въ самый Чэрингъ Кроссъ.

1-ый извощикъ. Проклятіе! Мои индюшки совсѣмъ околѣли съ голода въ корзинѣ. Эй, конюхъ! Напади на тебя чума! Что, у тебя глазъ нѣтъ во лбу? Оглохъ ты, что-ли? Будь я подлецъ, если разбить тебѣ башку не такое же хорошее дѣло, какъ выпить. Иди сюда, висѣльникъ! Гдѣ твоя совѣсть?

(*Входитъ* Гэдсгиль).

Гэдсгиль. Здравствуйте, братцы. Который часъ?

1-ый извощикъ. Кажется, два часа.

Гэдсгиль. Одолжи мнѣ пожалуйста свой фонарь, мнѣ нужно въ конюшню—на мерина взглянуть.

1-ый извощикъ. Эй, полегче. Я знаю штуки похитрѣе, которыя двухъ такихъ стоятъ.

Гэдсгиль (*другому извощику*). Такъ одолжи мнѣ хоть ты.

2-ой извощикъ. Чорта съ два. Одолжить тебѣ фонарь... какъ бы не такъ! я раньше погляжу, какъ тебя повѣсятъ.

Гэдсгиль. Скажи, къ какому часу думаешь поспѣть въ Лондонъ?

2-ой извощикъ. Достаточно рано, чтобы лечь спать еще при свѣчѣ, ручаюсь тебѣ. Идемъ, сосѣдъ Муксъ, пора будить господъ. Они хотятъ ѣхать въ компаніи — вѣдь у нихъ много поклажи. (*Извощики уходятъ*).

Гэдсгиль. Эй, кто тамъ? Человѣкъ?

Слуга (*за сценой*). Я тутъ какъ тутъ— какъ сказалъ воръ.

Гэдсгиль. Или какъ сказалъ трактирный слуга—это одно и то же. Разницы между нимъ и тобой не больше, чѣмъ между подстрекателемъ и исполнителемъ: ты показываешь намъ, какъ надо грабить.

(*Входитъ* слуга).

Слуга. Съ добрымъ утромъ, мистеръ Гэдсгиль. Все, что я вамъ вчера вечеромъ сказалъ, подтверждается: одинъ изъ путешественниковъ богатый кентскій землевладѣлецъ; онъ везетъ съ собой триста марокъ золотомъ. Я самъ слышалъ, какъ онъ вчера за ужиномъ говорилъ объ этомъ одному изъ попутчиковъ. А тотъ нѣчто вродѣ сборщика податей — у него тоже много поклажи--но что онъ везетъ, неизвѣстно. Они уже встали и потребовали себѣ яицъ и масла — сейчасъ двинутся въ путь.

Гэдсгиль. Не миновать имъ встрѣчи съ прислужниками Стараго Ника — даю тебѣ голову на отсѣченіе.

Слуга. Не надо мнѣ твоей головы, побереги ее для палача, вѣдь я знаю, ты вѣрный слуга Стараго Ника — насколько можетъ быть вѣрнымъ плутъ и мошенникъ.

Гэдсгиль. Что ты мнѣ мелешь про палача? Если меня повѣсятъ, то потребуется пара крѣпкихъ висѣлицъ. Вѣдь со мной въ компаніи должны будутъ вздернуть и старика сэра Джона, а онъ, какъ тебѣ извѣстно, не заморышъ. Да что говорить! Заодно съ нами такіе троянцы, о какихъ тебѣ и не снилось: они ради развлеченія оказываютъ честь нашему ремеслу своимъ участіемъ, и поэтому, если бы насъ накрыли, они все уладятъ, заботясь о собственной шкурѣ. Мои союзники не какіе нибудь проходимцы, не бродяги, которые выходятъ съ дубинами грабить на шесть пенсовъ, не сумасбродные красноносые пьянчуги, а люди знатные и степенные, бургомистры и богачи; люди, которые умѣютъ постоять за себя, больше дерутся, чѣмъ говорятъ, больше говорятъ, чѣмъ пьютъ, больше пьютъ, чѣмъ молятся. Нѣтъ, вру— они постоянно молятся своей святой заступницѣ—чужой мошнѣ: или вѣрнѣе не молятся ей, а заставляютъ ее самое взмолиться, обирая ее: они помыкаютъ ею, они на ней выѣзжаютъ и топчутъ ее, какъ старые сапоги.

Слуга. Какъ? чужая мошна ихъ сапоги? а выдержать ли эти сапоги грязь, въ которой они топчутся?

Гэдсгиль. Выдержатъ. Правосудіе ихъ смазываетъ. Мы грабимъ съ полной безопасностью—какъ за каменной стѣной. При насъ такое зелье—папортниковый цвѣтъ, и мы ходимъ невидимками.

Слуга. Ну, а я полагаю, что если васъ не видно, то этимъ вы больше обязаны ночной темнотѣ, чѣмъ папортникову цвѣту.

Гэдсгиль. Дай мнѣ руку. Ты получишь свою долю въ добычѣ, клянусь тебѣ, какъ честный человѣкъ.

Слуга. Нѣтъ, поклянись лучше, какъ мошенникъ и воръ.

Гэдсгиль. Да ну тебя. Homo—общее названіе для всѣхъ людей. Вели конюху вывести моего мерина изъ конюшни. Прощай, грязный плутъ.

ИЗВОЩИКИ и ГЭДСГИЛЬ. (Д. II, сц. 1).

Картина извѣстнаго англ. жанриста Роб. Смирка (Rob. Smirke, R. A., 1752—1845).

СЦЕНА II.

Дорога близъ Гэдсгиля.

Входятъ принцъ Генрихъ *и* Пойнсъ; Бардольфъ *и* Пето *вдали*.

Пойнсъ. Скорѣе, спрячемся! Я увелъ лошадь Фальстафа, и его коробитъ отъ злости, какъ новый бархатъ.

Принцъ Генрихъ. Спрячемся.

(*Входитъ* Фальстафъ).

Фальстафъ. Пойнсъ, Пойнсъ, чтобъ тебя на висѣлицу вздернули! Пойнсъ!

Принцъ Генрихъ. Молчи, ожирѣвшія почки. Что это ты за шумъ поднялъ?

Фальстафъ. Гдѣ Пойнсъ, Галь?

Принцъ Генрихъ. Онъ поднялся туда на пригорокъ—пойду приведу его.

(*Дѣлаетъ видъ, что ищетъ Пойнса*).

Фальстафъ. Чистое проклятіе отправляться грабить въ компаніи такого вора. Негодяй увелъ мою лошадь и чортъ его знаетъ, гдѣ привязалъ ее. Сдѣлай я еще пѣшкомъ четыре мѣряныхъ фута—и я испустилъ бы духъ. Право, я еще могу умереть порядочнымъ человѣкомъ, если меня не повѣсятъ за убійство этого бездѣльника. Я ежечасно отрекаюсь отъ сообщничества съ нимъ вотъ уже двадцать два года, и точно заколдованный не отстаю отъ него. Пусть меня повѣсятъ, если этотъ негодяй не приворожилъ меня къ себѣ какимъ-нибудь зельемъ. Иначе быть не можетъ—мнѣ дали приворотнаго зелья. Пойнсъ! Галь! Чума на васъ обоихъ. Бардольфъ! Пето! Пусть я умру съ голода, если я хоть разъ еще пойду на грабежъ. Будь я презрѣннѣйшимъ холопомъ, когда либо жевавшимъ пищу, если не лучше стать опять честнымъ человѣкомъ и уйти отъ этихъ негодяевъ. Восемь ярдовъ по неровной почвѣ для меня

то же самое, что для другихъ пройти семьдесять верстъ и эти безсердечные подлецы это хорошо знаютъ. Проклятіе, когда воры нечестно поступаютъ другъ съ другомъ. (*Слышенъ свистъ*). Фью-ю! Чума васъ всѣхъ срази! Приведите мнѣ мою лошадь, бездѣльники. Лошадь мнѣ, висѣльники!

Принцъ Генрихъ. Замолчи, жирное брюхо. Ложись на землю. Приложи ухо къ землѣ и прислушайся, не ѣдутъ ли путники.

Фальстафъ. А есть у тебя рычаги, чтобы потомъ поднять меня? Чортъ побери! Я еще разъ не потащу такъ далеко свое тѣло за всѣ деньги въ казнѣ твоего отца. Зачѣмъ это вы, негодяи, такъ меня подвели?

Принцъ Генрихъ. Врешь, никто тебя не подводилъ—нѣтъ у тебя ни подводы, ни лошади.

Фальстафъ. Прошу тебя, добрый принцъ Галь, помоги мнѣ найти мою лошадь, милый сынъ нашего короля.

Принцъ Генрихъ. Убирайся, бездѣльникъ! Что я тебѣ конюхъ дался?

Фальстафъ. Такъ иди повѣсься на своей собственной подвязкѣ, которая тебѣ дана, какъ наслѣднику престола. Если меня накроютъ, вы за это поплатитесь. Если про васъ не сочинятъ пѣсни на самые гнусные мотивы, пусть я отравлюсь стаканомъ хереса. Когда шутка такъ далеко заходитъ, да еще пѣшкомъ, я ее терпѣть не могу.

(*Входитъ* Гэдсгиль).

Гэдсгиль. Стой.

Фальстафъ. Я и такъ стою, хотя противъ желанія.

Пойнсъ. А, это нашъ развѣдчикъ. Узнаю его по голосу.

(*Входитъ* Бардольфъ).

Бардольфъ. Что слышно?

Гэдсгиль. Становитесь на мѣста, надѣвайте маски. Съ горы везутъ королевскія деньги въ королевскую казну.

Фальстафъ. Врешь, плутъ, ихъ везутъ въ королевскій кабакъ.

Гэдсгиль. Ихъ хватитъ на то, чтобы всѣхъ насъ вывести въ люди.

Фальстафъ. Вѣрнѣе привести къ висѣлицѣ.

Принцъ Генрихъ. Вы четверо нападете на нихъ на узкой тропинкѣ; Недъ Пойнсъ и я будемъ стоять внизу. Если они улизнутъ отъ васъ, то попадутся прямо намъ въ руки.

Пето. Сколько ихъ?

Гэдсгиль. Восемь или десять человѣкъ.

Фальстафъ. Чортъ возьми, а не ограбятъ ли они насъ?

Принцъ Гэнрихъ. Что, струсилъ, сэръ Джонъ Толстое Пузо?

Фальстафъ. Я, конечно, не такой сухарь какъ твой дѣдъ, Джонъ Гантъ, но я не трусъ, Галь.

Принцъ Генрихъ. Это видно будетъ на дѣлѣ.

Пойнсъ. Эй, Джэкъ, твоя лошадь стоитъ за заборомъ, когда она тебѣ понадобится, ты ее тамъ найдешь. Прощай, и держись крѣпко.

Фальстафъ. Теперь ужъ я не могу приколотить его, хотя бы мнѣ грозила висѣлица.

Принцъ Генрихъ (*тихо Пойнсу*). Гдѣ же наши плащи, Недъ?

Пойнсъ. Здѣсь поблизости. Спрячемся.

(*Уходятъ принцъ Генрихъ и Пойнсъ*).

Фальстафъ А теперь, кому счастье улыбнется, тотъ добычу и возьметъ. Всѣ по мѣстамъ.

(*Входятъ путешественники*).

1-й путешественникъ. Идемъ сосѣдъ. Мальчикъ спустится съ нашими лошадьми съ горы, а мы пройдемся пѣшкомъ, чтобы размять ноги.

Воры. Стой!

Путешественники. Господи Іисусе!

Фальстафъ. Бейте, валите ихъ; перерѣжьте бездѣльникамъ горло. А, ублюдки гусеницъ, упитанные ветчиной, мерзавцы Они ненавидятъ насъ, молодежь. Валите ихъ на землю, общипайте ихъ.

Путешественники. Мы погибли, разорены въ конецъ—мы и наши семьи.

Фальстафъ. Повѣсить бы васъ, толстопузыхъ негодяевъ. Разорены! Нѣтъ, жирные скряги, жаль, что не все ваше добро съ вами. Шевелитесь, окорока, шевелитесь! И намъ, молодымъ людямъ, жить надо, негодяи. Можетъ быть, вы къ тому же присяжные судьи,—такъ мы же васъ разсудимъ.

(*Уходятъ Фальстафъ и другіе, уводя съ собой путешественниковъ*).

(*Входятъ* принцъ Генрихъ *и* Пойнсъ).

Принцъ Генрихъ. Грабители связали честныхъ людей. А если бы мы съ тобой могли теперь обобрать воровъ и весело отправиться въ Лондонъ, было бы о чемъ толковать цѣлую недѣлю, надъ чѣмъ хохо-

тать цѣлый мѣсяцъ и что запомнить, какъ хорошую шутку навсегда.

Пойнсъ. Спрячемся, я слышу ихъ шаги.

(Возвращаются воры).

Фальстафъ. Идемъ, голубчики. Давайте дѣлить добычу, а потомъ на лошадей, пока не занялся день. Если принцъ и Пойнсъ не два величайшихъ труса—то нѣтъ справедливости на свѣтѣ. Пойнсъ этотъ не храбрѣе дикой утки.

Принцъ Генрихъ. Деньги давайте!
(Бросается на нихъ).

Пойнсъ. Негодяи!
(Въ то время какъ они занялись дѣлежомъ, принцъ и Пойнсъ кидаются на нихъ. Всѣ они бѣгутъ, и Фальстафъ, послѣ двухъ-трехъ ударовъ, тоже убѣгаетъ, бросая добычу).

Принцъ Генрихъ.

Легко досталось. Живо на коней.
Воришки разбѣжались, перетрусивъ
Такъ сильно, что не смѣютъ повстрѣчаться,
Подозрѣвая стражника другъ въ другѣ.
Впередъ, мой добрый Недъ. Теперь Фальстафъ
Бѣжитъ, потѣя до смерти, и землю
Сухую утучняетъ вдоль дороги.
Не будь онъ такъ смѣшонъ, онъ былъ бы жалокъ.

Пойнсъ.

Какъ громко негодяй ревѣлъ!

СЦЕНА III.

Варквортъ. Комната въ замкѣ.

Входитъ Готспуръ, *читая письмо.*

—„Что касается меня, милордъ, то изъ любви, которую питаю къ вашему дому, я былъ бы счастливъ, если бы могъ примкнуть къ вамъ“. Онъ былъ бы счастливъ—такъ почему же его нѣтъ здѣсь? Изъ любви, которую онъ питаетъ къ нашему дому—онъ однако доказываетъ своимъ письмомъ, что его собственный сарай ему дороже нашего дома. Посмотримъ, что онъ пишетъ дальше. „Ваше предпріятіе очень опасное“; конечно, опасное: опасно также простудиться, спать, пить; но я могу васъ увѣрить, милордъ дуракъ, что среди этой крапивы, которую называютъ опасностью, мы сорвемъ цвѣтокъ, называемый безопасностью. „Предпріятіе, которое вы затѣяли, опасно; друзья, которыхъ вы называете, ненадежны; время неподходящее, и весь вашъ заговоръ слишкомъ легковѣсенъ для борьбы съ такимъ сильнымъ непріятелемъ“. Такъ вы думаете? А я вамъ на это скажу, что вы пустоголовый трусъ и что вы лжете. Что за дуракъ! Клянусь Господомъ, нашъ заговоръ не хуже всякаго другого. Наши друзья вѣрны и надежны; хорошій заговоръ, хорошіе друзья и очень надежные; великолѣпный заговоръ, очень хорошіе друзья. Что за холодный, какъ ледъ, негодяй! Архіепископъ Іоркскій одобряетъ и заговоръ, и весь ходъ дѣла. Чортъ побери! Если бы онъ мнѣ теперь попался, я бы пришибъ его вѣеромъ его жены. Развѣ въ этомъ предпріятіи не участвуетъ мой отецъ, мой дядя и я? Лордъ Эдмундъ Мортимеръ, архіепископъ Іоркскій и Оуэнъ Глендоверъ? Да еще и Дугласъ? Развѣ не получилъ я отъ всѣхъ письма, съ условіемъ встрѣтиться со всѣми войсками девятаго числа слѣдующаго мѣсяца, и развѣ нѣкоторые изъ нихъ уже не выступили въ походъ? Что за язычникъ! Нечестивецъ! Окажется еще, что въ своей искренней трусости и ограниченности онъ отправится къ королю и откроетъ ему всѣ наши замыслы. О, я готовъ надавать себѣ пощечинъ за то, что предложилъ такому молокососу участіе въ столь почетномъ предпріятіи. Чортъ съ нимъ! Пусть разскажетъ королю. Мы готовы. Я отправлюсь сегодня въ ночь.

Входитъ лэди Перси.

Здравствуй, Кэтъ! я долженъ покинуть васъ черезъ два часа.

Лэди Перси.

Зачѣмъ, супругъ мой добрый, ты всегда
Уединенья ищешь? За какую
Вину отлучена я двѣ недѣли
Отъ ложа Гарри моего? Скажи,
Мой милый, отчего ты отвратился
Отъ пищи, смѣха, золотого сна?
Зачѣмъ глаза ты въ землю опускаешь
И вздрагиваешь часто, оставаясь
Одинъ? Что молодую кровь согнало
Со щекъ твоихъ? Зачѣмъ мое блаженство
И право на тебя ты уступилъ
Угрюмымъ думамъ и проклятой грусти?
Твой чуткій сонъ я часто сторожила
И слышала, какъ ты шепталъ о битвахъ
Желѣзныхъ, правилъ скачущимъ конемъ,
Кого-то ободрялъ: „смѣлѣе въ битву“,

ПРИНЦЪ и ПОЙНСЪ НАПАДАЮТЪ НА ФАЛЬСТАФА (Дѣйств. II, сц. 2).

Картина извѣстныхъ англійскихъ живописцевъ Роберта Смирка и Джозефа Фаррингтона (Rob. Smirke, 1752—1845; J. Farington, R. A. 1747—1821) (Большая Бойделевская галлерея).

О вылазкахъ твердилъ и отступленьяхъ,
О рвахъ, о частоколахъ, о палаткахъ,
О брустверахъ, окопахъ пограничныхъ,
О базилискахъ, пушкахъ, кулевринахъ,
Солдатахъ мертвыхъ, выкупленныхъ плѣнныхъ
И всѣхъ другихъ подробностяхъ войны.
Твой духъ во снѣ такъ поглощенъ былъ битвой,
Такъ возбужденъ, что у тебя на лбу
Потъ бисеромъ стоялъ, какъ пузырьки
На только что встревоженномъ потокѣ.
И странное являлось на лицѣ
Волненье, какъ у тѣхъ, кто вдругъ дыханье
Въ поспѣшности великой затаилъ.
Что эти всѣ примѣты знаменуютъ?
Супругъ мой труднымъ дѣломъ озабоченъ.
Я знать хочу, иль онъ меня не любитъ.

Готспуръ.

Эй, кто тамъ? (*Входитъ слуга*).
Что, ушелъ съ пакетомъ Вильямъ?

Слуга.

Такъ точно, съ часъ тому назадъ.

Готспуръ.

А Бутлеръ
Привелъ-ли отъ шерифа лошадей?

Слуга.

Одну, милордъ, онъ только что привелъ.

Готспуръ.

Какую? Чалой масти? Корноушку?

Слуга.

Ее, милордъ.

Готспуръ.

Конь чалый—вотъ мой тронъ *).
Немедленно сажусь. О, Espèrance **)!
Скажи, чтобъ Бутлеръ въ садъ его привелъ.
(*Слуга уходитъ*).

Лэди Перси.

О, выслушай, супругъ мой!

Готспуръ.

Что, супруга?

Лэди Перси.

Какъ отъ меня уѣдешь ты?

Готспуръ.

Верхомъ,
Дружокъ, верхомъ.

*) Игра словъ roan и throne.
**) Девизъ дома Перси.

Лэди Перси.

Ты—глупая мартышка.
Хорекъ такимъ причудамъ не подверженъ,
Какъ ты. Безъ шутокъ, Гарри. Знать хочу я
Твои дѣла, я такъ хочу. Боюсь,
Что братъ мой Мортимеръ, возстановляя
Свои права, твоей просилъ поддержки
Въ томъ предпріятьи. Если-жъ ты пойдешь...

Готспуръ.

Такъ далеко пѣшкомъ? Устану, другъ мой.

Лэди Перси.

Ну, полно, полно, попугай мой. Прямо
Отвѣть на мой вопросъ. Безъ шутокъ, Гарри,
Сломаю твой мизинецъ, если правды
Не скажешь мнѣ.

Готспуръ.

Прочь, баловница, прочь.
Любовь? Я не люблю. Мнѣ до тебя
Нѣтъ дѣла, Кэтъ. Играть не время въ куклы
Иль губные устраивать турниры.
Носовъ разбитыхъ нужно намъ побольше,
Дырявыхъ череповъ. Вотъ нынче наша
Ходячая монета. Эй, коня!
Что ты сказала, Кэтъ? Что нужно?

Лэди Перси.

Такъ ты меня не любишь? Вправду, нѣтъ?
Ну, хорошо. Но если ты не любишь,
И я любить не стану. Такъ не любишь?
Скажи хоть: это шутка или правда?

Готспуръ.

Идемъ, коль хочешь видѣть, какъ поѣду.
Чуть на коня вскочу, я поклянусь,
Что я тебя люблю и безпредѣльно.
Но слушай, Кэтъ. Отнынѣ не должна
Ты спрашивать, куда я отправляюсь
Или зачѣмъ. Спѣшу, куда мнѣ нужно.
А въ заключенье, дорогая Кэтъ:
Я вечеромъ сегодня васъ покину.
Я знаю, ты умна, но не умнѣе
Супруги Гарри Перси,—постоянна,
Но все-же женщина, а что до тайнъ,
Нѣтъ лэди болѣ скрытной. Оттого-то
Охотно вѣрю, что не передашь
Всего того, чего еще не знаешь.
Такъ велико, о дорогая Кэтъ,
Мое къ тебѣ довѣрье.

Лэди Перси.

Неужели
Такъ велико?

Готспуръ.

Не больше, ни на дюймъ.

ГОТСПУРЪ и ЛЭДИ ПЕРСИ. (Дѣйствіе II, сц. 3).
Картина извѣстнаго англійскаго жанриста Роб. Смирка (Rob. Smirke, R. A., 1752—1845).
(Малая Бойделевская галлерея).

Но слушай, Кэтъ. Куда теперь я ѣду,
Поѣдешь ты. Сегодня я, ты—завтра.
Довольна ты?

Лэди Перси.
Довольна поневолѣ.
(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Истчипъ. Комната въ тавернѣ «Кабанья голова».

Входятъ принцъ Генрихъ *и* Пойнсъ.

Принцъ Генрихъ. Недъ, прошу тебя, выйди изъ этой грязной комнаты, и посмѣйся вмѣстѣ со мной.

Пойнсъ. Гдѣ ты былъ, Галь?

Принцъ Генрихъ. Съ тремя или четырьмя болванами, среди трехъ или четырехъ дюжинъ бочекъ. Я спустился на самую низшую ступень плебейства. Да, голубчикъ, я побратался со всѣми трактирными мальчишками, и могу ихъ всѣхъ назвать тебѣ по именамъ—Томъ, Дикъ и Фрэнсисъ. Они клянутся спасеніемъ своей души, что хотя я еще только принцъ Уэльскій, но уже король по учтивости, и открыто говорятъ мнѣ, что я не спѣсивецъ, какъ Фальстафъ, а настоящій коринѳянинъ — весельчакъ добрый малый (клянусь Богомъ, такъ они меня называютъ) — и что когда я буду англійскимъ королемъ, то всѣ истчипскіе молодцы будутъ готовы служить мнѣ. Напиваться значитъ по ихнему „нарумяниться", а если хочешь во время питья перевести духъ, они кричатъ: „живѣй, живѣй, осуши до дна!" Словомъ, въ какіе нибудь четверть часа я сдѣлалъ такіе успѣхи, что всю жизнь могу пить съ любымъ мѣдникомъ, говоря

Принцъ Генрихъ. Я теперь готовъ на всѣ шалости, которыя когда-либо продѣлывались со временъ старика Адама до этой юной полуночи. (*Входитъ Фрэнсисъ съ виномъ*). Который часъ, Фрэнсисъ?

Фрэнсисъ. Сейчасъ, сейчасъ, сэръ! (*Уходитъ*).

Принцъ Генрихъ. И этотъ мальчишка, который знаетъ меньше словъ чѣмъ попугай, рожденъ отъ женщины! Все его занятіе исчерпывается бѣганіемъ по лѣстницамъ вверхъ и внизъ, а все его краснорѣчіе итогомъ трактирнаго счета. — Да, а я все таки еще не въ такомъ настроеніи, какъ Перси Готспуръ; онъ убиваетъ какихъ нибудь шесть или семь дюжинъ шотландцевъ передъ завтракомъ, умываетъ руки и говоритъ женѣ:—„Надоѣла мнѣ эта спокойная жизнь, мнѣ нужна работа".—„О, милый Гарри", спрашиваетъ она, „сколько человѣкъ ты убилъ сегодня?" — „Напоите моего чалаго", говоритъ онъ и отвѣчаетъ черезъ часъ: „Штукъ четырнадцать, пустяки, пустяки!" Пожалуйста, позови Фальстафа. Я буду играть Перси, а эта жирная туша— лэди Мортимеръ, супругу его. „Rivo!" какъ восклицаютъ пьяницы. Позови-же этотъ окорокъ, позови кусокъ сала!

Входятъ Фальстафъ, Гэдсгиль, Бардольфъ *и* Пето.

Пойнсъ. Здравствуй, Джэкъ. Гдѣ ты былъ?

Фальстафъ. Чума на всѣхъ трусовъ, говорю я, чума и проклятіе, говорю я, и прибавляю „аминь".—Эй, малый, дай мнѣ стаканъ хереса.—Чѣмъ вести дольше такую жизнь, я лучше готовъ вязать чулки, штопать ихъ и чинить пятки. Чума на всѣхъ трусовъ! Дай же мнѣ стаканъ хереса, бездѣльникъ. — Неужели на землѣ нѣтъ болѣе добродѣтели? (*Пьетъ*).

Принцъ Генрихъ. Видалъ-ли ты когда нибудь, какъ богъ солнца (этотъ сострадательный Титанъ) цѣлуетъ тарелку съ масломъ, которое таетъ отъ его ласки? Если не видалъ—то взгляни вотъ на эту тушу.

Фальстафъ. Ахъ ты, мерзавецъ! Въ хересъ подмѣшана известь. Да чего и ждать кромѣ плутовства отъ мошенниковъ. Но трусъ еще хуже, чѣмъ стаканъ хереса съ примѣсью извести. Ступай своей дорогой, старый Джекъ! Умри, когда хочешь. Пусть меня назовутъ выпотрошенной селедкой, если неправда, что мужество, истинное мужество исчезло съ лица земли. Во всей Англіи не осталось болѣе трехъ не повѣшенныхъ порядочныхъ людей, и одинъ изъ нихъ разжирѣлъ и начинаетъ стариться—да помилуетъ насъ Богъ! Нѣтъ, говорю я, свѣтъ сталъ никуда не годенъ. Хотѣлъ бы я быть ткачемъ — распѣвать псалмы и все такое. Чума на всѣхъ трусовъ, повторю я.

Принцъ Генрихъ. Что ты такъ ворчишь, мѣшокъ, набитый шерстью?

Фальстафъ. И это сынъ короля! Пусть у меня на лицѣ не останется ни одного волоска, если я не выгоню тебя изъ твоего королевства деревянной шпагой, и не погоню передъ тобой всѣхъ твоихъ подданныхъ, какъ стадо дикихъ гусей. И ты— принцъ Уэльскій!

Принцъ Генрихъ. Это еще что такое, поганый брюханъ?

Фальстафъ. Развѣ ты не трусъ? Отвѣчай... Да и Пойнсъ также.

Пойнсъ. Ахъ ты, жирное пузо, я тебя заколю, если еще разъ назовешь меня трусомъ.

Фальстафъ. Развѣ я назвалъ тебя трусомъ? Будь ты раньше проклятъ, чѣмъ я назову тебя трусомъ. Но я бы далъ тысячу фунтовъ, чтобы умѣть бѣжать такъ быстро, какъ ты. У васъ прямыя плечи, такъ вы и не боитесь показать свои спины— но развѣ это значитъ быть опорой друзьямъ? Къ чорту такую опору! Настоящіе друзья не показываютъ тыла, а прямо въ глаза смотрятъ. Дайте мнѣ стаканъ хереса. Будь я подлецъ, если у меня хоть капля была во рту.

Принцъ Генрихъ. Ахъ, негодяй — у тебя еще губы не обсохли отъ послѣдняго стакана.

Фальстафъ. Не все ли равно. (*Пьетъ*). Проклятіе всѣмъ трусамъ! говорю я.

Принцъ Генрихъ. Въ чемъ дѣло?

Фальстафъ. Въ чемъ дѣло? Въ томъ, что вотъ мы четверо сегодня утромъ добыли тысячу фунтовъ.

Принцъ Генрихъ. Гдѣ жъ деньги, Джэкъ?

Фальстафъ. Гдѣ? Ихъ у насъ отняли. На насъ несчастныхъ четырехъ напало сто.

Принцъ Генрихъ. Какъ, неужели сто?

Фальстафъ. Будь я подлецъ, если я не сражался съ цѣлой дюжиной ихъ два часа подъ рядъ. Я спасся какимъ то чудомъ. Мой камзолъ продырявленъ въ восьми мѣстахъ, штаны въ четырехъ, щитъ мой весь изрубленъ, мечъ иззубренъ какъ пила: ecce signum. Съ тѣхъ поръ какъ я сталъ

БАРДОЛЬФЪ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

взрослымъ мужчиной, я лучше не дрался— но все напрасно. Чума на всѣхъ трусовъ! Пусть вотъ они разскажутъ: если они что нибудь прибавятъ къ правдѣ, или убавятъ изъ нея — значитъ они подлецы, исчадія тьмы.

Принцъ Генрихъ. Разскажите, господа, какъ было дѣло.

Гэдсгиль. Мы, четверо, напали человѣкъ на двѣнадцать.

Фальстафъ. Шестнадцать по крайней мѣрѣ, милордъ.

Гэдсгиль. И связали ихъ.

Пето. Нѣтъ, нѣтъ, мы ихъ не связали.

Фальстафъ. Ахъ ты, бездѣльникъ, конечно связали каждаго въ отдѣльности: будь я еврей, жидъ-еврей, если это не такъ.

Гэдсгиль. Когда мы стали дѣлить добычу, на насъ напали еще шесть или семь человѣкъ...

Фальстафъ. Они развязали первыхъ; а тутъ подоспѣли и другіе.

Принцъ Генрихъ. Какъ, и вы со всѣми бились?

Фальстафъ. Со всѣми? Я не знаю, что ты называешь всѣми; но если я не дрался съ пятьюдесятью изъ нихъ, ты можешь меня назвать пучкомъ рѣдьки. Если на бѣднаго, стараго Джэка не напало пятьдесятъ два или пятьдесятъ три человѣка— то я послѣ этого не двуногая тварь.

Принцъ Генрихъ. Господи помилуй! Надѣюсь, ты никого не убилъ изъ нихъ.

Фальстафъ. Ну, братъ, объ этомъ поздно молиться. Двухъ я зарубилъ, съ двумя навѣрное всѣ счеты покончены — съ двумя негодяями въ клеенчатыхъ плащахъ. Говорю тебѣ, Галь—если я солгалъ, плюнь мнѣ въ лицо, назови меня клячей. Ты вѣдь знаешь мой обычный фехтовальный пріемъ; вотъ такъ я сталъ, такъ держалъ шпагу. Четверо негодяевъ въ клеенчатыхъ плащахъ кинулись на меня...

Принцъ Генрихъ. Какъ четверо? вѣдь ты только что сказалъ, что двое?

Фальстафъ. Четверо, Галь, я тебѣ сказалъ четверо.

Пойнсъ. Да, да. онъ сказалъ четверо.

Фальстафъ. Эти четверо выстроились рядомъ и сразу направили на меня свои шпаги. Я, не долго раздумывая, подставилъ щитъ и всѣ семь клинковъ воткнулись въ него.

Принцъ Генрихъ. Семь? Вѣдь ихъ было только-что четверо?

Фальстафъ. Въ клеенчатыхъ плащахъ?

Пойнсъ. Да, четверо въ клеенчатыхъ плащахъ.

Фальстафъ. Семеро, клянусь рукоятью этой шпаги; будь я бездѣльникъ, если это не такъ.

Принцъ Генрихъ. Пожалуйста, не мѣшай ему, число ихъ скоро еще возростетъ.

Фальстафъ. Ты слушаешь, Галь?

Принцъ Генрихъ. Слушаю и отмѣчаю, Джэкъ.

Фальстафъ. То то-же—стоитъ послушать. Такъ вотъ, эти девять человѣкъ въ клеенчатыхъ плащахъ, какъ я тебѣ сказалъ...

Принцъ Генрихъ. Ну вотъ, уже двумя больше стало.

Фальстафъ. Такъ какъ острія ихъ шпагъ отломились...

Пойнсъ. То штаны съ нихъ свалились?

Фальстафъ. То они стали отступать; но я бросился за ними, и въ одно мгновеніе ока уложилъ семерыхъ изъ одиннадцати.

Принцъ Генрихъ. Какой ужасъ! Одиннадцать человѣкъ въ клеенчатыхъ плащахъ выросло изъ двухъ.

Фальстафъ. Но тутъ чортъ вмѣшался въ дѣло—на меня наскочили сзади трое проклятыхъ негодяевъ въ зеленыхъ курткахъ изъ кендальскаго сукна, и стали колотить меня, а было такъ темно, Галь, что не видать было собственной руки.

Принцъ Генрихъ. Эти выдумки похожи на своего родителя—огромныя, точно горы, явныя, осязательныя. Ахъ, ты грязный обжора, безмозглый чурбанъ, грязный комъ сала, потаскушкино отрод..

Фальстафъ. Что съ тобой? Ты съ ума сошелъ? Что правда, то правда, вѣдь!

Принцъ Генрихъ. Какъ ты могъ знать, что эти люди были въ зеленыхъ курткахъ изъ кендальскаго сукна, если было такъ темно, что ты не могъ видѣть своей руки? Объясни намъ это. Ну, что ты скажешь?

Пойнсъ. Объясни, Джекъ, объясни!

Фальстафъ. Какъ, по принужденію? Нѣтъ, если бы меня на дыбу вздернули, или чѣмъ угодно пытали, я бы ничего не сказалъ по принужденію. Давать вамъ объясненія по принужденію! Если-бъ у меня было столько-же объясненій, сколько бываетъ ежевики лѣтомъ, то я бы никому ничего не объяснилъ по принужденію.

Принцъ Генрихъ. Не хочу я больше имѣть этого грѣха на душѣ: этотъ налитой кровью трусъ, этотъ лежебэка, этотъ ломатель лошадиныхъ хребтовъ, эта огромная гора мяса...

Фальстафъ. Отстань, заморышъ, шкурка отъ угря, сушенный коровій языкъ, хвостъ бычачій, треска — о, если бы я могъ, не переводя духъ, назвать все, на что ты похожъ—портняжный аршинъ, пустые ножны, колчанъ, дрянная шпага!

Принцъ Генрихъ. Отдышись немного, а тамъ опять начни; а когда ты устанешь отъ своихъ скверныхъ сравненій, выслушай только вотъ это...

Пойнсъ. Слушай, Джэкъ, внимательно.

Принцъ Генрихъ. Мы двое видѣли, какъ вы напали вчетверомъ на четверыхъ, связали ихъ и забрали ихъ имущество. Ты только замѣть, какъ простая правда сразу вас обличитъ. Затѣмъ мы вдвоемъ напали на васъ четырехъ и въ одну минуту прогнали васъ отъ добычи, которая теперь у насъ; мы можемъ показать ее—она здѣсь же въ домѣ. А ты, Фальстафъ, быстрехонько и проворно понесъ свое брюхо, и такъ ревѣлъ, моля о пощадѣ, такъ бѣжалъ и ревѣлъ, какъ настоящій теленокъ. Какая подлость иззубрить свою шпагу, и увѣрять, что это произошло въ бою! Что же ты можешь придумать, какую хитрость, какую уловку, чтобы прикрыть свой явный и очевидный позоръ?

Пойнсъ. Говори, Джэкъ, посмотримъ, какъ ты выпутаешься!

Фальстафъ. Клянусь небомъ, я узналъ васъ—узналъ, какъ родной отецъ. Послушайте-же, господа. Развѣ я смѣлъ убить наслѣднаго принца? Неужели бы я сталъ сражаться съ настоящимъ принцемъ? Вѣдь ты знаешь, я храбръ, какъ Геркулесъ—но все дѣло въ инстинктѣ: левъ не тронетъ истиннаго принца. Инстинктъ великое дѣло, я велъ себя трусомъ—слѣдуя инстинкту. Я отнынѣ буду еще лучшаго мнѣнія и о себѣ и о тебѣ—о себѣ, какъ о храбромъ львѣ, о тебѣ, какъ о храбромъ принцѣ. Но, братцы, я чертовски радъ, что деньги у васъ. Хозяйка, двери на запоръ: сегодня будемъ кутить, а молиться завтра. Храбрые ребята, молодцы, золотыя сердца—вы заслуживаете всяческихъ похвалъ за доброе товарищество. Ну что-жъ, будемъ веселиться? Не сыграть ли намъ комедію экспромтомъ?

Принцъ Генрихъ. Согласенъ — и содержаніемъ ея будетъ твое бѣгство.

Фальстафъ. Пусть этотъ стулъ будетъ моимъ трономъ, этотъ кинжалъ моимъ скипетромъ и эта подушка моей короной. (Дѣйствіе II, сц. 4).
Картина Роберта Смирка (Rob. Smirke, R. A.). (Большая Бойделевская Галлерея).

Фальстафъ. Нѣтъ, ужъ объ этомъ ни слова, Галь, если ты меня любишь.

(*Входитъ хозяйка*).

Хозяйка. Господи Іисусе! милордъ принцъ...

Принцъ Генрихъ. Что тебѣ, милэди хозяйка? Что скажешь мнѣ?

Хозяйка. Ахъ, милордъ, тамъ у дверей какой-то придворный, который хочетъ васъ видѣть—онъ говоритъ, что пришелъ отъ вашего отца.

Принцъ Генрихъ. Дай ему крону, если онъ отъ короля, и отошли его обратно къ моей матушкѣ.

Фальстафъ. Каковъ онъ изъ себя?

Хозяйка. Старый человѣкъ.

Фальстафъ. Зачѣмъ почтенная старость въ этотъ полуночный часъ не въ постели? Не пойти-ли мнѣ переговорить съ нимъ?

Принцъ Генрихъ. Пожалуйста, Джэкъ.

Фальстафъ. Я съумѣю его спровадить. (*Уходитъ*).

Принцъ Генрихъ. Да, господа, вы славно сражались—и ты, Пето, и ты, Бардольфъ. Вы тоже львы и убѣжали только по инстинкту, чтобы не тронуть истиннаго принца. Стыдитесь!

Бардольфъ. Клянусь Богомъ, я тогда побѣжалъ, когда увидѣлъ, что другіе бѣгутъ.

Принцъ Генрихъ. А теперь, скажите по правдѣ — какъ случилось, что шпага Фальстафа такъ иззубрена?

Пето. Онъ иззубрилъ ее своимъ кинжаломъ, и сказалъ, что если бы даже ему пришлось божиться до тѣхъ поръ, пока онъ не выгонитъ правду изъ Англіи—онъ заставитъ васъ повѣрить, что это случилось въ сраженіи; и насъ онъ уговорилъ слѣдовать его примѣру.

Бардольфъ. Да, и уговорилъ насъ расцарапать себѣ носы колючей травой до крови, испачкать платье кровью и потомъ божиться, что это кровь честныхъ людей. Со мной случилось то, чего не бывало послѣднія семь лѣтъ—я краснѣлъ, слушая его чудовищное лганье.

Принцъ Генрихъ. Негодяй, ты восемнадцать лѣтъ тому назадъ укралъ стаканъ хереса, и былъ схваченъ съ поличнымъ,—съ тѣхъ поръ, ты постоянно краснѣешь будто невзначай.—Въ твоемъ распоряженіи былъ огонь и мечъ,—а ты все-таки убѣжалъ. Это какой же инстинктъ тобой руководилъ?

Бардольфъ. Милордъ, видите вы эти метеоры? Видите-ли эти вулканическія изверженія?

Принцъ Генрихъ. Вижу.

Бардольфъ. Какъ вы думаете, что они предвѣщаютъ?

Принцъ Генрихъ. Пьянство и пустые кошельки.

Бардольфъ. Нѣтъ, милордъ, если ихъ вѣрно толковать,—то гнѣвный нравъ.

Принцъ Генрихъ. А вѣрнѣе всего петлю. (*Входитъ Фальстафъ*). А, вотъ и тощій Джэкъ, вотъ онъ—скелетъ. Ну, что, ватное чучело? Сколько лѣтъ, Джэкъ, ты не видѣлъ своихъ собственныхъ колѣнъ?

Фальстафъ. Моихъ собственныхъ колѣнъ? Когда я былъ твоихъ лѣтъ, Галь, я былъ въ обхватѣ не толще орлиной лапы; я бы могъ пролѣзть сквозь перстень съ большого пальца любого альдермэна. Чортъ бы побралъ печаль и вздохи! отъ нихъ человѣкъ раздувается, какъ пузырь. Скверныя вѣсти, Галь. Тутъ былъ сэръ Джонъ Брэсси съ порученіемъ твоего отца: тебя требуютъ ко двору завтра утромъ. Этотъ сѣверный сумасбродъ, Перси, и тотъ валліецъ, который отколотилъ Амемона, наставилъ рога Люциферу, и заставилъ дьявола присягнуть ему въ вѣрности на крестѣ валлійской аллебарды—этотъ, чортъ его побери, какъ его зовутъ?

Пойнсъ. Глендоверъ?

Фальстафъ. Овенъ Глендоверъ, онъ самый—и его зять Мортимеръ, и старый Нортомберлэндъ, и отважный шотландецъ изъ шотландцевъ Дугласъ,—тотъ, который въѣзжаетъ верхомъ на отвѣсную гору.

Принцъ Генрихъ. Тотъ, который мчится во всю прыть, и на скаку стрѣляетъ изъ пистолета въ воробья?

Фальстафъ. Именно онъ, ты попалъ въ самую точку.

Принцъ Генрихъ. Лучше, чѣмъ онъ въ воробья.

Фальстафъ. Ну, этотъ плутъ не изъ трусливыхъ; онъ не убѣжитъ.

Принцъ Генрихъ. Что-же ты, плутъ эдакій, хвалилъ его за проворство?

Фальстафъ. Верхомъ—кукушка, а пѣшкомъ онъ не отступитъ ни на шагъ.

Принцъ Генрихъ. Ну, а по инстинкту, Джэкъ?

Фальстафъ. По инстинкту, можетъ быть. Ну такъ вотъ, и онъ тамъ и еще какой-то Мордэкъ, и тысяча другихъ шотландскихъ синихъ шапокъ. Ворчестеръ удралъ ночью; у отца твоего борода посѣдѣла отъ этихъ

Фальстафъ. Вотъ такъ я сталъ, такъ держалъ шпагу.
(Дѣйствіе II, сц. 4).
(Шекспировская галлерея Пехта).

новостей; теперь можно покупать землю дешевле тухлой макрели.

Принцъ Генрихъ. Значитъ, если будетъ жарко въ Іюнѣ, и эта междуусобная драка не прекратится, то дѣвственницъ можно будетъ покупать сотнями, какъ гвозди для подковъ.

Фальстафъ. Вѣрно, голубчикъ, клянусь обѣдней. Кажется, что этотъ товаръ намъ не дорого обойдется.—Но скажи мнѣ, Галь, ты, я думаю, сильно напуганъ? Для тебя, наслѣднаго принца, нельзя было бы выискать во всемъ мірѣ трехъ болѣе страшныхъ противниковъ, чѣмъ этотъ чортъ Дугласъ, злой духъ Перси, и дьяволъ Глендоверъ. Развѣ ты не страшно испуганъ? Я думаю, у тебя кровь стынетъ въ жилахъ.

Принцъ Генрихъ. Ничуть, увѣряю тебя — мнѣ недостаетъ твоего инстинкта.

Фальстафъ. А вѣдь завтра, когда ты явишься къ отцу, тебѣ страшно достанется. Прошу тебя, изъ любви ко мнѣ, приготовь отвѣтъ; сдѣлаемъ репетицію.

Принцъ Генрихъ. Хорошо. Представь ты моего отца, и разспроси меня о подробностяхъ моей жизни.

Фальстафъ. Согласенъ. Пусть этотъ стулъ будетъ моимъ трономъ, этотъ кинжалъ моимъ скипетромъ и эта подушка моей короной.

Принцъ Генрихъ. И впрямь тебѣ трономъ послужитъ скамья, золотымъ ски-

петромъ кинжалъ изъ жести, и драгоцѣнной короной жалкая лысина.

Фальстафъ. Если только въ тебѣ не угасла хоть искра благодати, ты увидишь, какъ я тебя теперь растрогаю. Пусть мнѣ дадутъ стаканъ хереса, чтобы глаза у меня были красные, какъ будто я плакалъ. Я долженъ говорить съ чувствомъ—и я это сдѣлаю не хуже короля Камбиза въ трагедіи.

Принцъ Генрихъ. Хорошо. Вотъ я отвѣшиваю тебѣ поклонъ.

Фальстафъ. А вотъ я начинаю свою рѣчь. Отойдите въ сторону, знатные лорды.

Хозяйка. Господи Іисусе! вотъ такъ славная потѣха!

Фальстафъ. Не плачь, супруга, токи слезъ напрасны.

Хозяйка О, Боже, какую онъ на себя важность напустилъ!

Фальстафъ. Уйдите, лорды, съ грустной королевой;
Ея глазные шлюзы полны слезъ.

Хозяйка. Ахъ, Господи Іисусе! онъ говоритъ, точь въ точь какъ эти поганые комедіанты.

Фальстафъ. Молчи, добрая пивная кружка, молчи, славная наливка!—Гарри, меня удивляетъ не только твое времяпрепровожденіе, но и общество, въ которомъ ты живешь. Хотя ромашка тѣмъ быстрѣе ростетъ, чѣмъ больше ее топчутъ, но молодость тѣмъ скорѣе изнашивается, чѣмъ больше ею злоупотребляютъ. Что ты мой сынъ, въ этомъ меня отчасти убѣждаютъ увѣренія твоей матери, отчасти мое собственное мнѣніе, но въ особенности плутовской взглядъ твоихъ глазъ и дурацкая отвислость нижней губы. Если же ты мой сынъ—и къ этому я рѣчь веду—почему же на моего сына всѣ указываютъ пальцами? Неужели благодатное солнце можетъ стать праздношатающимся и ѣсть ежевику? Вопросъ, который излишне предлагать. Неужели сынъ англійскаго короля можетъ стать воромъ и похищать кошельки? Вотъ вопросъ, который приходится ставить. Есть одна вещь на свѣтѣ, Гарри, о которой ты часто слышалъ, и которая извѣстна у насъ въ странѣ подъ названіемъ дегтя. А деготь, по свидѣтельству старинныхъ писателей, мараетъ—и точно такъ же мараетъ человѣка твое общество. Я говорю тебѣ это, Гарри, не съ пьяныхъ глазъ, а со слезами на глазахъ, не шутя, а скорбя, не только словами, а и болящимъ сердцемъ. Все таки есть одинъ хорошій человѣкъ, котораго я часто замѣчалъ въ твоемъ обществѣ, но я не знаю, какъ его зовутъ.

Принцъ Генрихъ. Каковъ онъ собою, ваше величество?

Фальстафъ. Это внушительный и довольно плотный человѣкъ, съ веселымъ лицомъ, пріятными глазами и очень благородными манерами. Я думаю, ему лѣтъ около пятидесяти, или даже, пожалуй, ближе къ шестидесяти, и теперь я припоминаю, что его зовутъ Фальстафомъ. Если бы этотъ человѣкъ оказался распутнымъ, то его наружность очень обманчива, потому что во взорѣ его отражается добродѣтель. Если же дерево узнается по плодамъ, какъ плоды по дереву, то я съ увѣренностью говорю, что Фальстафъ хорошій человѣкъ. Его общества держись, а всѣхъ остальныхъ прогони. Теперь, скажи мнѣ, бездѣльникъ, гдѣ ты пропадалъ цѣлый мѣсяцъ?

Принцъ Генрихъ. Развѣ королю подобаетъ такъ говорить? Стань ты теперь на мое мѣсто, а я представлю моего отца.

Фальстафъ. Меня свергаютъ съ престола? Посмотримъ. Если ты съумѣешь быть хоть на половину столь величественнымъ и внушительнымъ, какъ я, въ словахъ и движеніяхъ, пусть меня повѣсятъ за ноги, какъ кролика или зайца у продавца дичи.

Принцъ Генрихъ. Ну вотъ, я сѣлъ.

Фальстафъ. А я сталъ. Судите, господа.

Принцъ Генрихъ. Ну, Гарри, откуда ты?

Фальстафъ. Изъ Истчипа, государь.

Принцъ Генрихъ. До меня дошли очень серьезныя жалобы на тебя.

Фальстафъ. Это все вранье, милордъ. Покажу я тебѣ принца, увидишь!

Принцъ Генрихъ. Ты ругаешься, скверный мальчишка? Прочь съ глазъ моихъ! Тебя насильно совращаютъ съ пути добродѣтели. Ты одержимъ дьяволомъ въ образѣ жирнаго старика. Твой товарищъ бочка, а не человѣкъ. Зачѣмъ ты водишь дружбу съ этимъ тюкомъ гнусностей, этимъ мѣшкомъ скотства, съ этой вздутой водянкой, съ этой огромной бочкой хереса, съ этими набитыми грязью кишками, съ этимъ жаренымъ маннингтрійскимъ невыпотрошеннымъ быкомъ, съ этимъ дряхлымъ Порокомъ, сѣдымъ Безбожіемъ, съ этимъ старымъ негодяемъ, съ этимъ престарѣлымъ Тщеславіемъ? На что онъ годенъ? Развѣ только на то, чтобы пробовать и пить хересъ. Въ чемъ онъ аккуратенъ и опрятенъ? Только въ разрѣзываніи и ѣдѣ каплуновъ. Въ чемъ ловокъ?—Только въ обманѣ. Въ чемъ расторопенъ?—Въ плутовствѣ. Въ чемъ

ФАЛЬСТАФЪ СВАЛИВАЕТСЯ ПОСЛѢ ПОПОЙКИ. (Дѣйствіе II, сц. 4).
Рисунокъ извѣстнаго нѣмецкаго художника Фердинанда Пилоти (Ferdinand Piloty, 1828—1895).

презрѣненъ?—Во всемъ. Въ чемъ порядоченъ?—Ни въ чемъ.

Фальстафъ. Я бы хотѣлъ, чтобы ваша милость объяснила мнѣ, о комъ идетъ рѣчь, а то я не могу понять вашихъ словъ.

Принцъ Генрихъ. Я говорю объ отвратительномъ совратителѣ юности, о Фальстафѣ, этомъ старомъ бѣлобородомъ дьяволѣ.

Фальстафъ. Милордъ, я его знаю.

Принцъ Генрихъ. Не сомнѣваюсь въ этомъ.

Фальстафъ. Но если бы я сказалъ, что знаю за нимъ больше дурного, чѣмъ за самимъ собой — я бы солгалъ. Что онъ старъ—къ сожалѣнію—объ этомъ свидѣтельствуютъ его сѣдины, но чтобы онъ былъ, простите, ваше величество, распутникомъ, это я совершенно отрицаю. Если пить хересъ съ сахаромъ преступленіе — то да поможетъ Богъ преступникамъ. Если быть веселымъ на старости лѣтъ грѣхъ, то многіе знакомые мнѣ старые трактирщики станутъ добычей дьявола. Если тучныхъ людей слѣдуетъ ненавидѣть, то значитъ, тощія коровы Фараона достойны любви. Нѣтъ, добрый государь: прогоните Пето, прогоните Бардольфа, прогоните Пойнса; но что касается милаго Джэка Фальстафа, добраго Джэка Фальстафа, вѣрнаго Джэка Фальстафа, храбраго Джэка Фальстафа, и тѣмъ болѣе храбраго, что онъ старый Джэкъ Фальстафъ—не разлучайте его съ Гарри, не отнимайте его у вашего Гарри: прогнать толстаго Джэка—все равно что прогнать весь міръ.

Принцъ Генрихъ. Я хочу прогнать его,—и прогоню. (*Слышенъ стукъ въ двери. Уходятъ хозяйка, Фрэнсисъ и Бардольфъ*).

(*Снова вбѣгаетъ Бардольфъ*).

Бардольфъ. О, милордъ, милордъ! у дверей шерифъ и съ нимъ грозная стража.

Фальстафъ. Убирайся, плутъ. Нужно закончить представленіе. Я еще многое имѣю сказать въ пользу Фальстафа.

(*Входитъ хозяйка*).

Хозяйка. О Господи Іисусе! Милордъ, милордъ!

Принцъ Генрихъ. Ну, что тамъ такое? Ужъ не дьяволъ-ли пріѣхалъ верхомъ на смычкѣ? Что тамъ случилось?

Хозяйка. Шерифъ и стража у дверей. Они пришли обыскать домъ. Впустить ихъ?

Фальстафъ. Слышишь, Галь? Никогда не считай настоящій золотой фальшивымъ. Вотъ ты въ самомъ дѣлѣ съ ума сошелъ, хотя и не кажешься сумасшедшимъ.

Принцъ Генрихъ. А ты природный трусъ и помимо инстинкта.

Фальстафъ. Я отрицаю твою главную посылку. Если ты не впустишь шерифа, хорошо. Если впустишь, пусть войдетъ. Если я не съумѣю держаться не хуже всякаго другого, когда меня на телѣгѣ повезутъ на висѣлицу, то къ чорту все мое воспитаніе. Я надѣюсь, что петля меня такъ же скоро удавитъ, какъ и всякаго другого.

Принцъ Генрихъ. Поди спрячься за занавѣску—а вы всѣ ступайте наверхъ. Ну, а теперь, господа, нужно принять видъ честныхъ людей со спокойной совѣстью.

Фальстафъ. Была у меня и честность, и спокойная совѣсть, да теперь сплыли и потому я спрячусь. (*Уходятъ всѣ, кромѣ принца и Пето*).

Принцъ Генрихъ. Позовите шерифа.

(*Входятъ* шерифъ *и* извощикъ).

Принцъ Генрихъ.

Что, господинъ шерифъ, угодно будетъ
Вамъ отъ меня?

Шерифъ.

Сперва, милордъ, прощенье.
Народъ кричитъ, что прослѣдилъ какихъ-то
Людей вотъ въ этотъ домъ.

Принцъ Генрихъ.

Какихъ людей?

Шерифъ.

Свѣтлѣйшій лордъ, одинъ изъ нихъ извѣстенъ:
Мужчина очень жирный.

Извощикъ.

Точно масло.

Принцъ Генрихъ.

Его, я увѣряю васъ, здѣсь нѣтъ.
Онъ только что мной посланъ съ порученьемъ.
Но слово я даю тебѣ, шерифъ,
Его доставить завтра, въ часъ обѣда.
Пусть держитъ предъ тобою иль другимъ
Отвѣтъ во всемъ, въ чемъ будетъ обвиняемъ.
Итакъ, прошу покинуть этотъ домъ.

Шерифъ.

Я слушаю, милордъ. Два джентльмена
Ограблены на триста были марокъ.

Принцъ Генрихъ.

Быть можетъ. Коли ихъ ограбилъ онъ,
То будетъ отвѣчать. Итакъ, прощайте.

Шерифъ.

Покойной ночи, благородный лордъ.

Принцъ Генрихъ.

Вѣрнѣе, утра добраго, не такъ-ли?

Шерифъ.

О да, милордъ. Теперь ужъ третій часъ.

(*Шерифъ и извощикъ уходятъ*).

Принцъ Генрихъ. Этотъ жирный мошенникъ всѣмъ извѣстенъ, какъ церковь св. Павла. Поди, позови его.

Пето. Фальстафъ! Спитъ мертвецкимъ сномъ, и храпитъ, какъ лошадь.

Принцъ Генрихъ. Смотри, какъ онъ тяжело дышетъ. Обыщи его карманы.

(*Пето обыскиваетъ*). Что ты нашелъ?

Пето. Однѣ бумаги, милордъ.

Принцъ Генрихъ. Посмотримъ, что въ нихъ такое; прочти.

Пето. (*читаетъ*) Item, каплунъ—2 шил. 2 пенса; item—соусъ—4 пенса; item—хересу, два штофа—5 шил., 8 пенсовъ; item—анчоусы и хересъ послѣ ужина—2 шил., 6 пенсовъ; item—хлѣбъ—полъ-пенса.

Принцъ Генрихъ. Возмутительно! Только на полъ-пенса хлѣба при такомъ невѣроятномъ количествѣ хереса. Все остальное спрячь—мы прочтемъ на досугѣ. Пусть онъ тутъ спитъ до разсвѣта. Я съ утра отправлюсь ко двору. Намъ всѣмъ нужно отправиться на войну, и ты получишь почетное назначеніе. Этому жирному мерзавцу я доставлю мѣсто въ пѣхотѣ, и я знаю, что для него пройти сто двадцать футовъ—смерть. Деньги мы вернемъ съ избыткомъ. Приходи ко мнѣ завтра пораньше, а теперь прощай, Пето.

Пето. Прощайте, добрый лордъ.

БАНГОРЪ.
(По старой гравюрѣ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Бангоръ. Комната въ домѣ архидіакона.

Входятъ Готспуръ, Ворчестеръ, Мортимеръ и Глендоверъ.

Мортимеръ.

Друзья вѣрны, блестящи обѣщанья,
Начало полно радужныхъ надеждъ.

Готспуръ.

Лордъ Мортимеръ и вы, кузенъ Глендоверъ,
Не сѣсть-ли намъ? И дядя Ворчестеръ.
Будь проклята она, –забылъ я карту!

Глендоверъ.

Нѣтъ, вотъ она. Садитесь, Гарри Перси,
Кузенъ нашъ добрый Готспуръ. Всякій разъ,
Какъ васъ въ бесѣдѣ такъ зоветъ Ланкастръ,
Блѣднѣетъ онъ и, подавляя вздохъ,
Желаетъ вамъ скорѣе быть на небѣ.

Готспуръ.

А вамъ—въ аду, какъ только слышитъ имя
Онъ Овена Глендовера.

Глендоверъ.

Винить
Его не стану: при моемъ рожденьи
Среди небесъ вдругъ образы явились
Изъ пламени и факелы пылали.
И чуть на свѣтъ пришелъ я, вся земля,
Какъ трусъ, трястись до основаній стала.

Готспуръ.

Въ ту пору было-бъ то же, если-бъ кошка
У матушки у вашей окотилась,
Хотя-бы вы совсѣмъ не родились.

Глендоверъ.

Я говорю вамъ: при моемъ рожденьи
Земля тряслась.

Готспуръ.

А я вамъ говорю,

Что чувствъ моихъ земля не раздѣляла,
Когда тряслась изъ страха передъ вами.

Глендоверъ.

Земля тряслась и небеса пылали.

Готспуръ.

О, если такъ, земля тряслась, пугаясь
Огня небесъ, не вашего рожденья.
Нерѣдко у природы заболѣвшей
Престранныя бываютъ изверженья.
Чреватая земля страдаетъ часто,
Терзаемая внутреннею рѣзью
Отъ вѣтровъ злыхъ, въ ея утробѣ скрытыхъ.
Они-то, вонъ стремясь, вдругъ затрясутъ
Старушку землю такъ, что колокольни
И башни, мхомъ покрытыя, валятся.
Въ день вашего рожденья, заболѣвъ
Недугомъ тѣмъ, прабабушка земля
Тряслась отъ боли.

Глендоверъ.

Не отъ многихъ снесъ-бы,
Кузенъ, я эти всѣ противорѣчья.
Позвольте-жъ повторить, что при моемъ
Рожденьи въ небесахъ огни пылали,
Бѣжали козы съ горъ, и ревомъ стада
Луга, объяты страхомъ, оглашались.
Тѣ знаменья отмѣтили меня
Отличнымъ отъ другихъ. И все теченье
Моей дальнѣйшей жизни подтвердило,
Что я не изъ людей обыкновенныхъ.
Гдѣ тотъ, въ предѣлахъ, моремъ окруженныхъ,
Всей Англіи, Шотландіи, Валлиса,
Кто могъ-бы поучить меня иль звать
Ученикомъ? Кто, женщиной рожденный,
Послѣдуетъ за мною по крутымъ
Путямъ искусствъ, въ глубь опытовъ научныхъ?

Готспуръ.

Я вѣрю, лучше васъ здѣсь по валлійски
Никто не говоритъ. Иду обѣдать.

Мортимеръ.

Ну, брось, кузенъ. Съ ума его сведешь.

Глендоверъ.

Я духовъ вызывать могу изъ бездны.

Готспуръ.

И я могу, и каждый это можетъ.
Вопросъ: придетъ-ли духъ, кого зовете?

Глендоверъ.

И васъ, кузенъ, могу я научить,
Какъ чортомъ управлять.

Готспуръ.

Я-жъ научу васъ,
Какъ чорта посрамлять: посредствомъ правды.
Лишь правду рѣжь, и чорта посрамишь.
Коль въ силахъ вы, такъ вызовите чорта.
Клянусь, его смогу прогнать со срамомъ.
Не лги всю жизнь, и чорта посрамишь.

Мортимеръ.

Довольно. Будетъ праздно вамъ болтать.

Глендоверъ.

Три раза Генрихъ Болингброкъ тягался
Со мною силой. Трижды съ береговъ
Уэя и песчанаго Северна
Онъ налегкѣ былъ прогнанъ въ непогоду.

Готспуръ.

И нагишомъ, и въ бурю? Чортъ возьми!...
Какъ лихорадки не схватилъ онъ?

Глендоверъ.

Полно.
Вотъ карта. Какъ, согласно договору,
Владѣнья на три части мы раздѣлимъ?

Мортимеръ.

На три участка, совершенно равныхъ,
Архидіаконъ такъ ихъ раздѣлилъ:
Вся Англія, отъ Трента и Северна
На югъ и на востокъ—участокъ мой.
Глендоверу принадлежитъ весь западъ
Съ той стороны Северна и Валлисъ,
И весь богатый край въ предѣлахъ этихъ,
А вамъ, кузенъ,—все къ сѣверу отъ Трента.
Готовы три условья. Намъ осталось
Взаимно ихъ печатями скрѣпить,—
Мы съ этимъ нынче-жъ вечеромъ покончимъ,
А завтра, Перси, вы и я, и добрый
Лордъ Ворчестеръ, — всѣ выступимъ въ походъ,
Чтобъ вашего отца съ шотландскимъ войскомъ,
Какъ мы рѣшили, въ Шрюсбери встрѣчать.
Мой тесть Глендоверъ не готовъ, но помощь
Его нужна намъ лишь чрезъ двѣ недѣли.
(*Къ Глендоверу*).
За этотъ срокъ успѣете собрать
Друзей, вассаловъ и дворянъ сосѣднихъ.

Глендоверъ.

Я въ болѣе короткій срокъ явлюся къ вамъ
И вашихъ женъ съ собою привезу.
Отъ нихъ теперь тайкомъ и не простившись

Уѣхать вы должны. Не то ихъ слезы
Зальютъ весь міръ потопомъ при прощаньи.

Готспуръ.

Участокъ мой, на сѣверъ отъ Бортона,
Мнѣ кажется обоихъ вашихъ меньше.
Взгляните, какъ потокъ, змѣясь, проходитъ,
Ужасный клокъ моихъ владѣній лучшихъ
Отрѣзавъ полумѣсяцемъ огромнымъ.
Я въ этомъ мѣстѣ рѣку запружу,
И въ новомъ потечетъ руслѣ спокойно
Прекрасный, серебристо-свѣтлый Трентъ.
Не будетъ онъ излучинами виться,
Меня земель лишая богатѣйшихъ.

Глендоверъ.

Не будетъ виться? Будетъ. Посмотрите,
Какъ вьется онъ.

Мортимеръ.

Да, только прослѣдите,
Какъ дальше онъ мѣняетъ направленье,
И отъ меня уходитъ, въ вашу пользу
Вотъ съ этой стороны земли прирѣзавъ
Не меньше, чѣмъ съ другой онъ васъ лишилъ.

Ворчестеръ.

Да, но легко плотину здѣсь устроить,
И этотъ мысъ на сѣверъ отойдетъ,
И прямо потечетъ рѣка и ровно.

Готспуръ.

Я такъ хочу. Расходовъ будетъ мало.

Глендоверъ.

Я противъ измѣненій всѣхъ.

Готспуръ.

Вы противъ?

Глендоверъ.

Да, ихъ не будетъ.

Готспуръ.

Кто-жъ мнѣ скажетъ: нѣтъ?

Глендоверъ.

А я скажу.

Готспуръ.

Скажите-жъ такъ, чтобъ я
Не понялъ васъ: скажите по валлійски.

Глендоверъ.

Я говорить умѣю по англійски
Не хуже васъ, милордъ. Я при дворѣ
Воспитанъ былъ англійскомъ. Много нѣжныхъ
Англійскихъ пѣсенъ тамъ сложилъ для арфы
Я въ юности, языкъ приукрашая.
Такого дара въ васъ не примѣчали.

Готспуръ.

Чему, клянусь, я радъ отъ всей души.
Я-бъ предпочелъ быть кошкой и мяукать,
Чѣмъ быть однимъ изъ этихъ виршеплетовъ,
Торгующихъ балладами. Пріятнѣй
Вертящійся подсвѣчникъ мѣдный слушать,
Иль визгъ сухого колеса вкругъ оси.
Все это боль зубную причиняетъ
Не такъ легко, какъ приторные вирши.
Я ихъ люблю, какъ вынужденный бѣгъ
Разбитой клячи.

Глендоверъ.

Хорошо, для васъ
Пускай рѣка теченіе измѣнитъ.

Готспуръ.

Мнѣ все равно. Услужливому другу
Земли дамъ втрое больше, но замѣтьте,
Едва дошло до торга, буду спорить
Изъ-за девятой доли волоска.
Готовы-ли условья? Въ путь пора.

Глендоверъ.

Луна сіяетъ,—можно ѣхать ночью.
Пойду писца поторопить и вмѣстѣ
Къ отъѣзду приготовить вашихъ женъ.
Боюсь, что дочь разсудокъ потеряетъ:
Такъ нѣжно въ Мортимера влюблена. *(Уходитъ).*

Мортимеръ.

Фи, Перси, можно-ль тестю моему
Перечить такъ?

Готспуръ.

Я не могу иначе.
Порой меня онъ бѣситъ, повѣствуя
О муравьяхъ, кротахъ, о духовидцѣ
Мерлинѣ и пророчествахъ его,
Иль о драконѣ, о безперой рыбѣ,
Безкрыломъ грифѣ, воронѣ слинявшемъ,
Лежащемъ львѣ и крадущейся кошкѣ
И прочей тарабарщинѣ, способной
Меня лишить разсудка. Вотъ послушай,
Вчера меня держалъ часовъ онъ девять,
Перечисляя имена чертей,
Ему служившихъ. Я ворчалъ: „гм“, „вотъ какъ“,
Не слушая ни слова. Онъ скучнѣй
Коня хромого и сварливой бабы,
Несноснѣй дымной хаты. Предпочту я
На вѣтряной жить мельницѣ, и сыромъ
Да чеснокомъ питаться, чѣмъ пышнѣйшій

Въ крещеномъ мірѣ занимать дворецъ
И лакомствъ объѣдаться, но его
Имѣя собесѣдникомъ своимъ.

МОРТИМЕРЪ.

По-истинѣ, онъ человѣкъ достойный.
Онъ крайне свѣдущъ въ книгахъ и причастенъ
Наукамъ тайнымъ, доблестенъ, какъ левъ,
На диво обходителенъ и щедръ,
Какъ рудники индійскіе. Кузенъ,
Сказать-ли вамъ? Вашъ духъ цѣня высоко,
Онъ собственный природный нравъ смиряетъ,
Когда ему перечите. Клянусь вамъ,
Нѣтъ въ мірѣ человѣка, кто бы могъ
Его дразнить, какъ дѣлаете вы,
Опасности себя не подвергая.
Позвольте-жъ васъ просить его терпѣньемъ
Не злоупотреблять.

ВОРЧЕСТЕРЪ.

Милордъ, вы вправду
Достойны порицанья. Вы съ тѣхъ поръ,
Какъ здѣсь живете, сдѣлали довольно,
Чтобъ изъ терпѣнья вывести его.
Отъ этого должны вы недостатка
Избавиться, милордъ. Хоть въ немъ порой
Видны величье, доблесть и порода,—
Все лучшее, чѣмъ вы украшены,—
Но часто онъ свидѣтельствуетъ также
О вспыльчивости грубой, самомнѣньи,
Надменности, отсутствіи манеръ
И самообладанья, о презрѣньи
Или высокомѣрьи,—недостаткахъ,
Малѣйшій изъ которыхъ отвращаетъ
Отъ рыцаря, страдающаго имъ,
Сердца людей, всѣ доблести пятнаетъ,
Лишая ихъ похвалъ.

ГОТСПУРЪ.

Я снова школьникъ.
Да здравствуютъ хорошія манеры!
Вотъ наши жены. Скажемъ имъ прости.

(Возвращается Глендоверъ, въ сопровожденіи леди Мортимеръ и леди Перси).

МОРТИМЕРЪ.

Смертельная досада. По англійски
Не говоритъ жена, я—по валлійски.

ГЛЕНДОВЕРЪ.

Вотъ дочь моя льетъ слезы, не желая
Разстаться съ вами. Хочетъ быть солдатомъ
И на войну поѣхать.

МОРТИМЕРЪ.

Объясните,
Любезный батюшка, ей съ тетей Перси,
Что вскорѣ подъ охраной вашей обѣ
Послѣдуютъ за нами.

(Глендоверъ говоритъ съ леди Мортимеръ по валлійски, она на томъ-же языкѣ ему отвѣчаетъ).

ГЛЕНДОВЕРЪ.

Безутѣшна.
Да, словомъ убѣжденья не проймешь
Упрямой, своевольной этой бабы.

(Леди Мортимеръ обращается къ мужу на валлійскомъ языкѣ).

МОРТИМЕРЪ.

Я понялъ взоръ твой. Тотъ языкъ валлійскій,
Что льется съ этихъ вотъ небесъ припухшихъ,
Я знаю слишкомъ хорошо. Лишь стыдъ
Мѣшаетъ мнѣ на немъ-же отвѣчать.

(Леди Мортимеръ снова обращается къ нему по валлійски).

Твои я поцѣлуи понимаю,
Какъ ты мои, и это я зову
Прочувствованнымъ диспутомъ. Но, другъ мой,
Не успокоюсь раньше, чѣмъ языкъ твой
Не изучу. Валлійской рѣчи звукъ
Въ твоихъ устахъ чаруетъ, точно пѣсня,
Которую прекрасная въ саду,
Поетъ подъ рокотъ лютни королева.

ГЛЕНДОВЕРЪ.

Коль таять ты начнешь, она совсѣмъ
Разсудокъ потеряетъ.

(Леди Мортимеръ опять обращается къ мужу по валлійски).

МОРТИМЕРЪ.

О, я въ этомъ
Само невѣжество!

ГЛЕНДОВЕРЪ.

Она васъ проситъ
Прилечь на эти пышныя цыновки,
Къ ней на колѣни голову склонить,
Она вамъ будетъ пѣть напѣвъ любимый,
Пока богъ сна вамъ вѣки не смежитъ
И кровь заворожитъ истомой сладкой,—
Чтобъ разница была межъ сномъ и явью
Не больше, чѣмъ межъ днемъ и ночью въ часъ,
Какъ въ упряжи небесной колесница
Съ востока въ путь выходитъ золотой.

Мортимеръ.

Отъ всей души я буду слушать пѣнье;
Тѣмъ временемъ намъ списки приготовятъ.

Глендоверъ.

Ты такъ и сдѣлай. Тѣ-же музыканты,
Что вамъ должны играть, теперь витаютъ
За тысячу отсюда миль. Но вскорѣ
Услышите вы ихъ. Присядь и жди.

Готспуръ.

Поди сюда, Кэтъ. Ты въ совершенствѣ изучила искусство лежать. Скорѣй, скорѣй, дай мнѣ положить голову тебѣ на колѣни.

Лэди Перси.

Поди прочь, вертопрахъ.

(*Глендоверъ произноситъ нѣсколько словъ по валлійски, и немедленно раздаются звуки музыки*).

Готспуръ.

Знать, дьяволъ понимаетъ по валлійски.
Коль такъ, не диво, что причудъ онъ полонъ.
Клянусь Пречистой Дѣвой, музыкантъ
Онъ превосходный.

Лэди Перси.

Въ такомъ случаѣ ты болѣе всего музыкаленъ, потому что вѣчно одержимъ причудами. Лежи смирно, воришка, и слушай, какъ лэди будетъ пѣть по валлійски.

Готспуръ.

Я предпочелъ-бы слушать, какъ моя собака „Лэди" воетъ по ирландски.

Лэди Перси.

Хочешь, чтобы тебѣ разбили черепъ?

Готспуръ.

Нѣтъ, не хочу.

Лэди Перси.

Въ такомъ случаѣ лежи смирно.

Готспуръ.

Зачѣмъ? Это—недостатокъ женскій.

Лэди Перси.

Да поможетъ тебѣ Богъ!

Готспуръ.

Пробраться въ постель къ валлійской лэди?

Лэди Перси.

Это еще что такое?

Готспуръ.

Молчи, она собирается пѣть.

(*Лэди Мортимеръ поетъ валлійскую пѣсню*).

Теперь, Кэтъ, я хотѣлъ-бы послушать твое пѣнье.

Лэди Перси.

Я-то? ни за какія коврижки.

Готспуръ.

„Вы-то? Ни за какія коврижки". Дружокъ мой, вы выражаетесь сладко, какъ жена кондитера. „Я-то, ни за какія коврижки". Или: „такъ-же вѣрно, какъ то, что я живу". Или: „да поможетъ мнѣ Богъ". Или: „это ясно какъ божій день".
Ты божишься такъ шелково-мѣщански,
Какъ будто не гуляла никогда
Ты дальше Финсбери. Какъ лэди, Кэтъ,
Должна ты ротъ набить божбой отборной,
„Коврижки"-же и пряничныя клятвы
Мѣщанкамъ разодѣтымъ предоставить
И щеголямъ воскреснымъ. Спой, прошу.

Лэди Перси.

Я пѣть не стану.

Готспуръ.

Пѣть—это самое вѣрное средство сойти за портного или за дрессировщика снигирей. Условія будутъ скоро готовы, и я черезъ два часа ѣду. Итакъ, приходи ко мнѣ, если хочешь. (*Уходитъ*).

Глендоверъ.

Лордъ Мортимеръ, идемъ. Вы такъ-же вяло
Относитесь къ отъѣзду, какъ лордъ Перси
Пылаетъ нетерпѣньемъ. Договоръ,
Должно быть, переписанъ. Остается
Печати приложить—и на коней.

Мортимеръ.

Я съ радостью готовъ. (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Лондонъ. Комната во дворцѣ.

Входятъ король Генрихъ, принцъ Генрихъ *и* лорды.

Король Генрихъ.

Оставьте насъ, милорды. Принцъ Уэльскій
И я поговоримъ наединѣ.
Но будьте всѣ поблизости. Вы вскорѣ
Понадобитесь намъ. (*Лорды выходятъ*).

СОВѢЩАНІЕ ГОТСПУРА СЪ ВОРЧЕСТЕРОМЪ, МОРТИМЕРОМЪ и ГЛЕНДОВЕРОМЪ.

Картина извѣстнаго англ. живописца Ричарда Вестоля (Richard Westall, R. A., 1765—1836).
(Большая Бойделевская Галлерея).

За что, не знаю,
За грѣхъ какой мой тяжкій Богъ рѣшилъ
Въ совѣтѣ тайномъ изъ моей-же крови
Создать мнѣ отомщеніе и бичъ.
Но знаю то, что весь твой образъ жизни
Мнѣ доказалъ, что ты назначенъ быть
Бичемъ небесъ, орудьемъ жгучей мести
И карой за грѣхи мои. Иначе
Какъ объяснить, что цѣли столь пустыя
И грубыя, столь гнусныя дѣла,
Столь жалкія, позорныя затѣи,
Столь пошлыя забавы, кругъ столь низкій
Товарищей, гдѣ корни ты пустилъ,—
Что это все могло ужиться съ кровью
Твоей высокой, съ сердцемъ королевскимъ?

Принцъ Генрихъ.

Коль вашему величеству угодно,
Хотѣлъ-бы быть я въ силахъ оправдаться
Во всѣхъ проступкахъ такъ же, какъ могу
Отъ множества взводимыхъ на меня
Себя очистить ложныхъ обвиненій.
Позвольте-жъ мнѣ молить о снисхожденьи;
Коль обнаружу лживость многихъ сказокъ,
Которымъ слухъ правителя порой
Не можетъ не внимать изъ льстивыхъ устъ
Вѣстовщиковъ и сплетниковъ презрѣнныхъ,—
Простите мнѣ, хотя-бъ за то, что каюсь,
Дѣйствительно свершенныя ошибки,
Въ которыя обманно вовлеченъ
Я молодостью былъ своей безпутной.

Король Генрихъ.

Прости тебя Господь. Но все-же, Гарри,
Дивлюсь твоимъ наклонностямъ, ушедшимъ
Такъ далеко отъ гордаго полета
Твоихъ всѣхъ предковъ. Ты въ совѣтѣ мѣста
Лишился изъ-за грубости,—его
Твой младшій занялъ братъ. Сердцамъ придворныхъ
И принцевъ крови чуждъ ты совершенно.
Надежды, ожиданья прежнихъ дней,—
Всѣ рушились. Нѣтъ больше человѣка,
Кто-бъ о твоемъ паденьи не пророчилъ.
Вѣдь если-бъ я присутствіе свое
Такъ расточалъ, какъ ты, собой пресытивъ
Глаза народа, если-бъ въ дружбѣ съ чернью
Изнашивалъ себя и дешевѣлъ,—
То никогда общественное мнѣнье
Надѣть не помогло-бы мнѣ вѣнецъ,
А, къ прежней власти вѣрность сохраня,
Оставило-бъ меня въ изгнаньи темномъ,
Какъ мужа низкой пробы, безъ цѣны.
Но, рѣдко появляясь, каждый разъ
Я возбуждалъ вниманье, что комета.
Показывали дѣтямъ: „это онъ".
Вслухъ вопрошали: „гдѣ? кто Болингброкъ?"
Тогда, рядясь въ смиренье, похищая
Всю ласковость, какая есть лишь въ небѣ,
Въ сердцахъ людей я преданность рождалъ,
А въ ихъ устахъ—привѣтственные клики
Въ присутствіи хотя-бы короля.
Такъ пребывалъ всегда я свѣжъ и новъ.
Народъ меня могъ видѣть, точно ризу
Первосвященника, лишь съ изумленьемъ.
И столь-же рѣдкимъ будучи, сколь пышнымъ,
Мое явленье праздникомъ казалось,
Тѣмъ болѣе торжественнымъ, что рѣдкимъ.
А вѣтренный король повсюду рыскалъ
Съ толпой шутовъ, чьи шутки, точно хворостъ,
Сгорали, еле вспыхнувъ; принижалъ
Свой санъ высокій; остряковъ вертлявыхъ
Призвалъ въ свой дворъ и царственное имя
Ихъ смѣхомъ оскверняль; забывъ свой санъ,
Насмѣшки поощрялъ надъ молодыми
Повѣсами и подвергался самъ
Глумленью безбородыхъ шутниковъ;
Являлся среди улицъ многолюдныхъ,
Прислушиваться сталъ къ молвѣ народной
И такъ глаза людей собой мозолилъ,
Что отъ его присутствія тошнило,
Какъ человѣка, кто объѣлся меда,
Тошнитъ отъ сладости: немножко больше,
Чѣмъ мало, и выходитъ слишкомъ много.
Являясь предъ толпой, онъ былъ похожъ
На крикъ кукушки въ дни іюня: слышишь,
И забываешь. На него глядѣли
Тупымъ, усталымъ отъ привычки взглядомъ,
Не взорами восторга, какъ взираютъ
На солнце королевскаго величья,
Когда оно глаза ласкаетъ рѣдко.
Но, опустивъ рѣсницы, въ полуснѣ
Смотрѣли на лицо его, какъ смотритъ
Угрюмый человѣкъ въ лицо сосѣда,
Чьимъ пресыщенъ присутствіемъ давно.
На той-же, Гарри, ты стоишь дорогѣ.
Лишился королевскихъ преимуществъ
Ты изъ-за низкихъ связей. Въ тягость всѣмъ
Сталъ видъ твой, кромѣ лишь меня, кто чаще
Тебя хотѣлъ-бы видѣть и чьи взоры
Ослѣплены, наперекоръ желанью,
Безумной нѣжностью.

Принцъ Генрихъ.

Я постараюсь,
О, трижды благосклонный государь,
Быть болѣе самимъ собой отнынѣ.

Король Генрихъ.

Такимъ, какъ ты теперь въ глазахъ людей,
Ричардъ былъ въ дни, какъ на пути обратномъ

Изъ Франціи я прибылъ въ Равенспургъ.
Какимъ я былъ тогда, теперь сталъ Перси.
Клянусь своимъ я скиптромъ и душой,
Онъ больше правъ имѣетъ на корону,
Чѣмъ ты, лишь тѣнь наслѣдника престола.
Не пріобрѣвъ намека на права,
Ужъ онъ войска безъ счета вывелъ въ поле,
Вооруженной пасти льва на встрѣчу.
И, будучи предъ возрастомъ въ долгу
Не болѣе чѣмъ ты, онъ старыхъ лордовъ,
Епископовъ почтенныхъ за собою
Ведетъ въ кровавый бой на звонъ мечей.
Какую славу вѣчную стяжалъ онъ
Побѣдой надъ Дугласомъ знаменитымъ,
Кто бурными набѣгами своими
И доблестью бойца себѣ снискалъ
Средь всѣхъ солдатъ въ державахъ христіанскихъ
Первѣйшій санъ и воинскій почетъ.
Три раза Готспуръ, этотъ Марсъ въ пеленкахъ,
Дитя-герой, усилья всѣ разбилъ
Великаго Дугласа, самого-же
Взялъ въ плѣнъ, освободилъ, обрѣлъ въ немъ друга,
Чтобы наполнить бездну старой розни
И потрясти нашъ тронъ и нашъ покой.
Чтожъ вы объ этомъ скажете намъ? Перси,
Нортомберлэндъ, архіепископъ Іоркскій,
Дугласъ и Мортимеръ соединились
И противъ насъ возстали. Но зачѣмъ
Тебѣ я сообщаю эти вѣсти?
Зачѣмъ я о врагахъ своихъ толкую
Съ тобой, врагомъ и злѣйшимъ, и ближайшимъ?
Съ тобой, кто вдругъ, изъ рабскаго-ли страха,
Въ постыдномъ увлеченьи, иль со скуки
Способенъ, какъ наемникъ Перси, противъ
Меня-жъ сражаться, слѣдуя за нимъ
И передъ гнѣвомъ Перси пресмыкаясь,
Чтобъ доказать, какъ выродился ты.

Принцъ Генрихъ.

Не думайте о томъ, чего не будетъ.
И Богъ пусть всѣхъ проститъ, кто отъ меня
Такъ отклонилъ расположенье ваше.
За это все своею головой
Заплатитъ Перси мнѣ. Когда нибудь,
Подъ вечеръ дня, отмѣченнаго славой,
Я съ гордостью скажу, что я вашъ сынъ.
Въ доспѣхахъ къ вамъ приду окровавленныхъ,
Лицо подъ маской спрятавши кровавой,
Но, смывъ ее, позоръ свой вмѣстѣ смою.
То будетъ день,—пусть только онъ заблещетъ,—
Въ который этотъ баловень молвы,
Блестящій Готспуръ, многославный рыцарь,
Сразится съ вашимъ сыномъ позабытымъ.
О, если-бъ разрослись до легіона
Тѣ доблести, что шлемъ его вѣнчаютъ,
Позоръ-же надъ моею головой
Сталъ больше вдвое! Ибо будетъ время,
Когда позоръ на славу обмѣняемъ
Мы съ этимъ юнымъ сѣвернымъ вождемъ.
О, добрый государь, вѣдь этотъ Перси—
Прикащикъ мой, кто для меня обязанъ
Какъ можно больше славы накопить.
Отчета я потребую такъ строго,
Что до послѣдней онъ вернетъ крупицы
Всѣ почести, всѣ доблести свои,
Иль вырву тотъ отчетъ я вмѣстѣ съ сердцемъ.
Я именемъ вамъ Бога въ томъ клянусь.
И если Богъ мнѣ дастъ исполнить клятву,
Молю васъ, государь, бальзамъ прощенья
Пролейте на зіяющія раны
Моей безпутной жизни. Если-жъ нѣтъ,
То смерть всѣ договоры разрѣшаетъ.
Но умереть сто тысячъ разъ мнѣ слаще,
Чѣмъ свой обѣтъ нарушить хоть въ малѣйшемъ.

Король Генрихъ.

Въ немъ смерть ста тысячамъ бунтовщиковъ.
Ты получаешь главное начальство.

(*Входитъ* Блентъ).

Что, добрый Блентъ? Въ твоихъ глазахъ поспѣшность.

Блентъ.

Не терпитъ отлагательствъ мой докладъ.
Лордъ Мортимеръ шотландскій извѣщаетъ,
Что въ Шрюсбери, въ одиннадцатый день
Теперешняго мѣсяца, сошлись
Мятежники англійскіе съ Дугласомъ.
Коль всѣ взаимно сдержатъ обѣщанья,
Сберется рать столь грозная, какая
Еще не угрожала королевству.

Король Генрихъ.

Пять дней назадъ узналъ я вашу новость.
Графъ Вестморлэндъ ужъ выступилъ сегодня,
А съ нимъ лордъ Джонъ Ланкастерскій, мой сынъ.
Ты, Гарри, ѣдешь въ среду, мы—въ четвергъ.
Пусть мѣстомъ нашей встрѣчи будетъ Бриджнортъ;
На Глостерширъ отправишься туда.
На мой разсчетъ,—черезъ двѣнадцать дней
Всѣ наши силы въ Бриджнортѣ сойдутся.

Не станемъ медлить. Жизнь готовитъ намъ труды.
Покуда ждемъ, растутъ мятежниковъ ряды.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Истчипъ. Комната въ тавернѣ «Кабанья Голова».

Входятъ Фальстафъ и Бардольфъ.

Фальстафъ. Бардольфъ, неправда-ли, я возмутительно опустился со времени послѣдняго нашего дѣла? Я худѣю, сохну. Кожа виситъ на мнѣ, какъ распущенное платье на старой женщинѣ. Я сморщился, какъ печеное яблоко. Надо мнѣ покаяться, и какъ можно скорѣе, пока я еще хоть на что-нибудь похожъ. А то я скоро совсѣмъ ослабѣю, и у меня не хватитъ силы на покаяніе. Пусть я буду перечнымъ зерномъ, или лошадью на пивоваренномъ заводѣ, если я не позабылъ, какой видъ имѣетъ церковь внутри. Общество, дурное общество погубило меня.

Бардольфъ. Да, сэръ Джонъ, вы такъ разстроены — вамъ недолго жить.

Фальстафъ. Въ томъ-то и дѣло. Спой же мнѣ поскорѣе разгульную пѣсню, развесели меня. Я былъ настолько порядоченъ, насколько подобаетъ дворянину, т. е. въ мѣру порядоченъ: мало бранился, не игралъ въ кости болѣе семи разъ въ недѣлю, ходилъ въ публичные дома не болѣе чѣмъ одинъ разъ въ четверть часа; платилъ долги — три или четыре раза; жилъ хорошо, въ границахъ, а теперь я живу безпорядочно, и внѣ всякихъ границъ.

Бардольфъ. Да вѣдь вы такъ разжирѣли, сэръ Джонъ, что, конечно, вышли изъ всякихъ границъ, изъ всякихъ мыслимыхъ границъ.

Фальстафъ. А ты исправь свою рожу, тогда я, пожалуй, исправлю свою жизнь. Ты нашъ адмиральскій корабль съ фонаремъ на носу, вмѣсто кормы. Ты рыцарь горящей лампы.

Бардольфъ. Мой носъ вамъ вреда не причинилъ, сэръ Джонъ.

Фальстафъ. Клянусь, онъ мнѣ полезенъ, и я пользуюсь имъ, какъ другіе черепомъ или memento mori. Каждый разъ, когда я гляжу на твое лицо, я думаю о пламени въ аду, о томъ богачѣ, который при жизни всегда одѣвался въ пурпуръ. Вотъ онъ тутъ сидитъ въ своемъ платьѣ, и горитъ, горитъ. Если бы въ тебѣ было хоть немножко добродѣтели, я бы клялся твоимъ лицомъ и говорилъ: „клянусь этимъ огнемъ, который и есть ангелъ небесный". Но ты человѣкъ совсѣмъ погибшій, и если бы не свѣточъ у тебя на лицѣ, ты былъ бы совсѣмъ сыномъ мрака. Когда ты ночью бѣгалъ по Гэдсгилю и ловилъ мою лошадь, клянусь деньгами, ты казался блуждающимъ огнемъ или огненнымъ шаромъ. Да, ты постоянное факельное шествіе, вѣчный фейерверкъ. Ты спасъ мнѣ тысячу марокъ на свѣчи и факелы, когда мы ходили съ тобой ночью изъ таверны въ таверну. Но ты выпилъ столько хереса на мой счетъ, что за эти деньги можно бы купить свѣчей въ самой дорогой лавкѣ въ Европѣ. Вотъ уже тридцать два года, какъ я питаю огнемъ эту саламандру — да вознаградитъ меня за это Богъ.

Бардольфъ. Чортъ побери! я бы хотѣлъ, чтобы мой носъ очутился у васъ въ животѣ.

Фальстафъ. Сохрани Боже, я бы умеръ отъ изжоги. (*Входитъ хозяйка*). Ну-съ, милѣйшая курочка, разыскала-ли ты того, кто шарилъ въ моихъ карманахъ?

Хозяйка. Да что это вы, сэръ Джонъ, что вы выдумали? Неужели вы полагаете, что у меня въ домѣ воры? И я, и мой мужъ искали, допрашивали всѣхъ по одиночкѣ, каждаго мальчика, каждаго слугу. Въ моемъ домѣ до сихъ поръ десятой доли волоска не пропадало.

Фальстафъ. Вранье! Бардольфъ здѣсь брился, да и кромѣ того много волосъ потерялъ, и я клянусь, что у меня обчистили карманы. Такъ ужъ ты молчи, баба.

Хозяйка. Кто, я? Нѣтъ, я не позволю тебѣ ругаться. Меня никто такъ не называлъ до сихъ поръ въ моемъ домѣ.

Фальстафъ. Оставь, я тебя отлично знаю.

Хозяйка. Нѣтъ, сэръ Джонъ, вы меня не знаете, сэръ Джонъ, а я васъ знаю. Вы задолжали мнѣ, сэръ Джонъ, и теперь нарочно затѣяли ссору, чтобы не заплатить. Я купила для васъ дюжину рубашекъ.

Фальстафъ. Изъ негодной гнилой холстины. Я ихъ отдалъ булочницамъ на сита.

Хозяйка. Клянусь честью, это было голландское полотно, по восьми шиллинговъ за локоть. Вы еще мнѣ должны, кромѣ того, сэръ Джонъ, за ѣду и питье во всякое время, да и кромѣ того деньгами вы взяли у меня двадцать четыре фунта.

Фальстафъ (*указывая на Бардольфа*).

Онъ тоже всѣмъ этимъ пользовался, пусть заплатитъ.

Хозяйка. Онъ? Да вѣдь онъ бѣденъ, у него ничего нѣтъ.

Фальстафъ. Какъ бѣденъ? Взгляни на его лицо. Кто-жъ тогда богатъ? Пусть вычеканятъ деньги изъ его носа, изъ его щекъ. Я не заплачу ни гроша. Ты, кажется, считаешь меня молокососомъ? Какъ, мнѣ уже въ своей харчевнѣ и заснуть нельзя безъ того, чтобъ не обобрали карманы? У меня украли дѣдовскій перстень, которому цѣна сорокъ марокъ.

Хозяйка. Ахъ, Господи Іисусе! Сколько разъ я сама слышала отъ принца, что перстень мѣдный.

Фальстафъ. Принцъ твой шутъ гороховый и дармоѣдъ. Чортъ побери, будь онъ здѣсь, я бы его отколотилъ, какъ собаку, за такія слова.

Входятъ принцъ Генрихъ *и* Пойнсъ, *маршируя.* Фальстафъ *идетъ навстрѣчу принцу, играющему на своемъ командирскомъ жезлѣ, какъ на флейтѣ).*

Фальстафъ. Ну что, голубчикъ? Значитъ вотъ откуда вѣтеръ подулъ? Неужели намъ всѣмъ придется маршировать?

Бардольфъ. Да, попарно, какъ колодники въ Ньюгетской тюрьмѣ.

Хозяйка. Милордъ, ради Бога, выслушайте меня!

Принцъ Генрихъ. Что тебѣ нужно, мистриссъ Квикли? Какъ поживаетъ твой мужъ? Мнѣ онъ нравится, онъ честный человѣкъ.

Хозяйка. Добрый принцъ, выслушайте меня.

Фальстафъ. Плюнь на нее, пожалуйста, и выслушай меня.

Принцъ Генрихъ. Что скажешь, Джэкъ?

Фальстафъ. Вчера вечеромъ я заснулъ здѣсь за занавѣской, и у меня очистили карманы: эта харчевня стала непотребнымъ домомъ, здѣсь грабятъ людей.

Принцъ Генрихъ. Что же у тебя пропало, Джэкъ?

Фальстафъ. Повѣришь-ли, Галь, три или четыре билета въ сорокъ фунтовъ, и дѣдовскій перстень съ печатью.

Принцъ Генрихъ. Ну, это пустяковина, вся-то цѣна ему пенсовъ восемь.

Хозяйка. Такъ и я ему говорила, милордъ, и сказала, что слышала это отъ вашей милости. А онъ, милордъ, сквернословъ этакій, сталъ бранить васъ и даже похвалился, что отколотитъ васъ.

Принцъ Генрихъ. Не можетъ быть!

Хозяйка. Не будь я честной женщиной, если это не правда.

Фальстафъ. На тебя такъ же можно положиться, какъ на вываренный черносливъ; правдивости въ тебѣ не больше, чѣмъ въ травленной лисицѣ, а что касается женской чести, то въ сравненіи съ тобой плясунья Маріанна — честная жена околодочнаго надзирателя. Убирайся, тварь!

Хозяйка. Какъ тварь? Какая такая тварь?

Фальстафъ. Ну да, тварь, такая, что не дай Богъ.

Хозяйка. Вовсе я не такая тварь, что не дай Богъ, замѣть себѣ это. Я жена честнаго человѣка. А ты, несмотря на свое рыцарство, подлецъ, если меня такъ честишь.

Фальстафъ. А ты, несмотря на то, что женщина — животное, и больше ничего.

Хозяйка. Скажи-ка, подлецъ, какое я животное?

Фальстафъ. Какое? Выдра.

Принцъ Генрихъ. Выдра? Почему же выдра, сэръ Джонъ?

Фальстафъ. Почему? Потому, что она ни рыба, ни мясо, — неизвѣстно, какъ за нее взяться.

Хозяйка. Лжешь, ты и всякій другой отлично знаете, какъ взяться, подлецъ!

Принцъ Генрихъ. Ты права, хозяйка. Онъ грубо на тебя клевещетъ.

Хозяйка. И на васъ также, милордъ. Онъ сказалъ, что вы должны ему тысячу фунтовъ.

Принцъ Генрихъ. Вотъ какъ! это я тебѣ долженъ тысячу фунтовъ?

Фальстафъ. Какое тысячу, Галь—милліонъ! твоя любовь стоитъ милліона, а ты мнѣ долженъ свою любовь.

Хозяйка. Онъ еще назвалъ васъ шутомъ гороховымъ, и сказалъ, что отколотитъ васъ.

Фальстафъ. Развѣ я это сказалъ, Бардольфъ?

Бардольфъ. Да, сэръ Джонъ, вы сказали.

Фальстафъ. Ну да, если онъ станетъ утверждать, что мое кольцо мѣдное.

Принцъ Генрихъ. Я и говорю, что оно мѣдное. Что-жъ, ты теперь посмѣешь выполнить свою угрозу?

Фальстафъ. Поскольку ты только человѣкъ, Галь, я посмѣю, но ты принцъ—и я тебя боюсь, какъ боюсь рычащаго львенка.

Принцъ Генрихъ. А почему же не какъ льва?

Фальстафъ. Какъ льва, нужно бояться

львенка рычанія. Неужели ты воображаешь, что я боюсь тебя, какъ боюсь отца? Пусть мой поясъ лопнетъ, если это такъ.

Принцъ Генрихъ. О, если бы онъ лопнулъ, твое брюхо упало-бы до колѣнъ! Въ утробѣ твоей, негодяй, нѣтъ мѣста для вѣрности и честности — все въ ней набито кишками и потрохами. Обвинять честную женщину въ обираніи твоихъ кармановъ! Ахъ, ты ублюдокъ, безстыдный, вздутый мерзавецъ. Будь я подлецъ, если въ твоемъ карманѣ было что-нибудь, кромѣ трактирныхъ счетовъ, адресовъ публичныхъ домовъ и жалкаго грошоваго леденца противъ одышки — ничего, кромѣ этой дряни, тамъ не было. А ты все-таки стоишь на своемъ и не хочешь сознаться. Не стыдно тебѣ?

Фальстафъ. Послушай, Галь, ты знаешь, что нашъ праотецъ Адамъ палъ во дни невинности; какъ же бѣдному Джеку Фальстафу не пасть въ наши дни скверны? Ты видишь, на мнѣ больше плоти, чѣмъ на другихъ, поэтому и слабости во мнѣ больше. (*Къ хозяйкѣ*). Такъ ты, значитъ, сознаешься, что обобрала мои карманы?

Принцъ Генрихъ. Такъ оно оказывается, по ходу дѣла.

Фальстафъ. Хозяйка, я прощаю тебя. Ступай, приготовь завтракъ, люби своего мужа, смотри за слугами, угождай гостямъ. Ты видишь, я сдаюсь на разумные доводы — и умиротворенъ. Какъ, опять? Нѣтъ ужъ, пожалуйста, уходи (*Хозяйка уходитъ*). А теперь, Галь, скажи, что слышно при дворѣ? А наша грабежка — какъ ты это уладилъ?

Принцъ Генрихъ. О, мой милый бифштексъ, мнѣ опять пришлось быть твоимъ ангеломъ хранителемъ. Деньги возвращены.

Фальстафъ. Не люблю я, когда возвращаются деньги — это двойная работа.

Принцъ Генрихъ. Я помирился съ отцомъ, и могу теперь дѣлать, что хочу.

Фальстафъ. Такъ прежде всего съ мѣста въ карьеръ ограбь казну.

Бардольфъ. Пожалуйста, милордъ, сдѣлайте это.

Принцъ Генрихъ. Я досталъ тебѣ мѣсто, Джэкъ, въ пѣхотѣ.

Фальстафъ. Я предпочелъ бы служить въ конницѣ. Гдѣ мнѣ найти умѣлаго вора — славнаго воришку лѣтъ около двадцати двухъ? У меня ни гроша за душой. Ну, а все-таки, нужно благодарить Бога за этихъ бунтовщиковъ. Они нападаютъ только на честныхъ людей: я хвалю ихъ, я превозношу ихъ.

Принцъ Генрихъ. Бардольфъ?

Бардольфъ. Милордъ?

Принцъ Генрихъ.

Одно письмо доставьте лорду Джону
Ланкастерскому, брату моему,
А это вотъ милорду Вестморлэнду.

(*Бардольфъ уходитъ*).

Пойнсъ, на коней! Скорѣе на коней!
Намъ тридцать миль осталось до обѣда.

(*Пойнсъ уходитъ*).

Джэкъ, завтра къ двумъ часамъ будь въ Темпль-Голлѣ.
Тамъ о своемъ узнаешь назначеньи,
Получишь деньги и уставъ вербовки.
Страна въ огнѣ. Грозитъ мнѣ Перси свысока.
Моя или его,— чья-либо смерть близка.

(*Уходитъ*).

Фальстафъ.

Прекрасно сказано. Но завтракать хочу я.
Ахъ, если-бъ въ кабачкѣ гулять, солдатъ вербуя.

(*Уходитъ*).

ГОТСПУРЪ, ВОРЧЕСТЕРЪ и ДУГЛАСЪ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Лагерь мятежниковъ подъ Шрюсбери.

Входятъ Готспуръ, Ворчестеръ *и* Дугласъ.

Готспуръ.

Вы правы, благородный мой шотландецъ.
Когда-бы правды не сочли за лесть
Въ нашъ хитрый вѣкъ, Дугласъ похвалъ дождался-бъ,
Какъ ни одинъ извѣстный намъ солдатъ,
Чья слава по всему гуляетъ свѣту.
Я льстить, клянусь въ томъ Богомъ, не умѣю,
Ласкательства гнушаюсь, но скажу:
Никто моей любви такъ не былъ близокъ.
Лови-жъ меня на словѣ, испытай.

Дугласъ.

Въ поступкахъ чести ты король. Нѣтъ въ мірѣ
Того бойца, кому не брошу вызовъ.

Готспуръ.

Такъ поступай и будетъ хорошо.

(*Входитъ гонецъ съ письмами*).

Ты отъ кого? Благодарить могу лишь.

Гонецъ.

То письма къ вамъ отъ вашего отца.

Готспуръ.

Какъ, письма отъ него? Что-жъ самъ не прибылъ?

Гонецъ.

Не въ силахъ онъ, милордъ. Онъ тяжко боленъ.

Готспуръ.

Проклятье! Какъ въ горячее столь время
Болѣть онъ удосужился? Кто-жъ войско
Его ведетъ? Подъ чьимъ идутъ начальствомъ?

Гонецъ.

Не мнѣ, милордъ, онъ письмамъ ввѣрилъ мысли.

Ворчестеръ.

Скажи, прошу, лежитъ-ли онъ въ постели?

Гонецъ.

Онъ слегъ, милордъ, до моего отъѣзда
Дня за четыре, а въ послѣдній день
Своихъ врачей онъ сильно безпокоилъ.

Ворчестеръ.

Пусть времени онъ выздоровѣть далъ-бы,
Предъ тѣмъ какъ самому вдругъ заболѣть.
Его здоровье никогда донынѣ
Намъ не было нужнѣе, чѣмъ теперь.

Готспуръ.

Теперь болѣть! Теперь томиться праздно!
Его болѣзни ядъ вдругъ заразилъ
Затѣи нашей жизненные соки,
Проникнувъ и сюда, къ намъ въ этотъ лагерь.
Онъ пишетъ мнѣ о внутренней болѣзни,
О томъ, что чрезъ посла не могъ такъ скоро
Созвать друзей. Къ тому-же онъ считаетъ,
Что въ дѣлѣ столь опасномъ и завѣтномъ
Ни на кого нельзя и положиться,
Какъ только на себя. Но тѣмъ не менѣ
Совѣтуетъ при нашихъ малыхъ силахъ
Безстрашно продолжать, чтобы извѣдать,
Насколько благосклонна къ намъ судьба.
Нельзя, онъ пишетъ, медлить намъ теперь,
Когда король узналъ всѣ наши планы.
Какъ быть?

Ворчестеръ.

Его болѣзнь для насъ увѣчье.

Готспуръ.

Опаснѣйшій ударъ, отнятье члена.
А впрочемъ, нѣтъ. Не такъ, быть можетъ, дурно,
Что онъ теперь отсутствуетъ. Ужели
Разумно было-бъ на одинъ ударъ
Поставить участь нашихъ всѣхъ имуществъ?
И прихоти обманчиваго часа
Довѣрить столь большую ставку? Нѣтъ.
Мы обнажили-бъ этимъ глубину
И душу всѣхъ надеждъ своихъ, границы
И крайніе предѣлы нашихъ средствъ.

Дугласъ.

Да, такъ оно и было-бъ. А теперь
Намъ остается добрая подмога.
Мы смѣло можемъ тратить все, надѣясь
На будущую помощь и предвидя
Возможность отступленья.

Готспуръ.

Намъ готовы
Убѣжище и сборный пунктъ, коль дьяволъ
Или судьба неласково посмотрятъ
На дѣвственный починъ затѣи нашей.

Ворчестеръ.

А я-бъ хотѣлъ, чтобъ вашъ отецъ былъ здѣсь.
Природа нашихъ замысловъ не терпитъ
Дробленья силъ. И многіе, не зная
Причинъ его отсутствія, рѣшатъ,
Что вѣрность королю, благоразумье,
А то неодобренье нашихъ плановъ
Держали графа дома. И подумай,
Какъ мысль такая можетъ пошатнуть
Рѣшимость нашихъ робкихъ партизановъ,
Сомнительнымъ все сдѣлавъ предпріятье.
Вы знаете: готовясь къ наступленью,
Намъ должно избѣжать пытливой мысли,
Законопатить всѣ отверстья, щели,
Чтобъ взоръ разсудка насъ не подглядѣлъ.
Отсутствіе-же вашего отца,
Какъ занавѣсъ подъятый, открываетъ
Непосвященнымъ страхи, о которыхъ
Имъ и не снилось.

Готспуръ.

Вы зашли далеко.
Я-жъ такъ его отсутствіе толкую:
Оно придастъ и блескъ, и обаянье,
И большій видъ отваги предпріятью,

Чѣмъ если-бъ графъ былъ съ нами. Люди скажутъ,
Что если мы безъ помощи его
Пошли тягаться съ цѣлымъ королевствомъ,
То вмѣстѣ съ нимъ поставимъ все вверхъ дномъ.
Итакъ, все къ лучшему, всѣ скрѣпы цѣлы.

Дугласъ.

Какъ только сердце можетъ пожелать.
Въ Шотландіи нѣтъ даже слова: страхъ.

(*Входитъ* сэръ Ричардъ Вернонъ).

Готспуръ.

Добро пожаловать, кузенъ Вернонъ.

Вернонъ.

Просите Бога, лордъ, чтобы привѣта
Достойны были новости мои.
Графъ Вестморлэндъ идетъ сюда; съ нимъ войско
Въ семь тысячъ человѣкъ; при немъ принцъ Джонъ.

Готспуръ.

Бѣды въ томъ мало. Дальше что?

Вернонъ.

А дальше
Узналъ я, что король своей особой
Съ могучимъ войскомъ выступилъ въ походъ
И быстро направляется сюда-же.

Готспуръ.

Добро пожаловать скажу еще разъ.
Гдѣ-жъ сынъ его безпутный, быстроногій?
Съ компаніей своей гдѣ принцъ Уэльскій,
Кто оттолкнулъ прочь отъ себя весь міръ
И далъ ему идти своей дорогой?

Вернонъ.

Въ доспѣхахъ всѣ; всѣ перьями покрыты,
Какъ страусы, которыхъ гонитъ вѣтеръ;
Крылами гордо машутъ, какъ орлы,
Что только-что купались; золотыми
Кольчугами сверкаютъ, какъ иконы;
Всѣ полны свѣжихъ силъ, какъ мѣсяцъ май,
Какъ солнце среди лѣта, лучезарны;
Рѣзвы, какъ козы; буйны, какъ бычки.
Я видѣлъ Гарри молодого, въ шлемѣ,
Въ набедренникахъ, въ панцырѣ блестящемъ:
Онъ отъ земли Меркуріемъ крылатымъ
Въ сѣдло съ такою легкостью вскочилъ,
Какъ будто съ тучи ангелъ устремился,
Чтобъ огненнаго закружить Пегаса,
И міръ плѣнить ѣздою благородной.

Готспуръ.

Довольно. Могутъ вызвать лихорадку
Хвалы такія, хуже солнца въ мартѣ.
Пускай придутъ, разряжены, какъ жертвы.
Покрытыхъ кровью, въ жертву принесемъ
Ихъ огнеокой дѣвѣ дымныхъ битвъ,
Чтобъ мѣднобронный Марсъ на алтарѣ
Весь по-уши въ крови сидѣлъ. При мысли,
Что столь близка богатая добыча
И все-жъ не наша,—весь въ огнѣ горю я.
Лишь только-бъ на коня мнѣ сѣсть, и въ битву
Помчусь на немъ стрѣлою громовою
И принца въ грудь ударю. Гарри съ Гарри
Должны сойтись конь-о-конь и не раньше
Разстаться, чѣмъ одинъ не рухнетъ наземь.—
Глендовера я жду.

Вернонъ.

Еще есть вѣсти.
Дорогой черезъ Ворчестеръ узналъ я,
Что онъ войска сберетъ чрезъ двѣ недѣли.

Дугласъ.

Изъ всѣхъ вѣстей считаю худшей эту.

Ворчестеръ.

Отъ этихъ словъ, клянусь, морозомъ вѣетъ.

Готспуръ.

А сколько будетъ войскъ у короля?

Вернонъ.

Да тысячъ съ тридцать.

Готспуръ.

Пусть-бы даже сорокъ.
Хоть нѣтъ отца, ни Глендовера съ нимъ,
Въ великій день враговъ мы отразимъ.
Устроимъ смотръ войскамъ. День судный близко.
Такъ встрѣтимъ смерть, смѣясь. Бояться низко.

Дугласъ.

Что смерть? Еще полгода — въ томъ клянусь—
Ни смерти, ни напастей не боюсь.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Дорога близъ Ковентри.

Входятъ Фальстафъ и Бардольфъ.

Фальстафъ. Бардольфъ, отправься впередъ въ Ковентри и добудь мнѣ бутылку

хереса. Нашъ отрядъ пройдетъ, не останавливаясь, чтобы поспѣть къ ночи въ Сотонъ-Колфиль.

Бардольфъ. Вы мнѣ дадите денегъ, капитанъ?

Фальстафъ. Выложи пока свои.

Бардольфъ. Одна эта бутылка составитъ ангелъ.

Фальстафъ. Ну, такъ и бери себѣ его за труды, а если она составитъ не одинъ, а двадцать ангеловъ, возьми ихъ себѣ всѣхъ—я отвѣчаю за чеканку. Вели моему лейтенанту Пето ждать меня у городскихъ воротъ.

Бардольфъ. Слушаю, капитанъ *(уходитъ)*.

Фальстафъ. Будь я маринованая селедка, если я самъ не стыжусь за своихъ солдатъ. Я возмутительно злоупотребилъ королевскимъ приказомъ о вербовкѣ. Вмѣсто ста пятидесяти солдатъ, я набралъ болѣе трехсотъ фунтовъ. Я вербовалъ только зажиточныхъ людей, сыновей фермеровъ, выбиралъ преимущественно обрученныхъ холостяковъ, уже раза два оглашенныхъ въ церкви, или такихъ изнѣженныхъ трусовъ, для которыхъ барабанный бой ужаснѣе чорта, которымъ ружейный выстрѣлъ страшнѣе, чѣмъ рѣзанной курицѣ или подстрѣленной дикой уткѣ. Я выбиралъ маменькиныхъ сынковъ, у которыхъ храбрости въ душѣ съ булавóчную головку, и всѣ они откупились отъ службы. Такъ что теперь всѣ мои прапорщики, капралы, лейтенанты и рядовые—оборванцы вродѣ Лазаря на картинѣ, гдѣ псы лижутъ его раны. Все это люди, которые никогда не были солдатами: прогнанные за воровство лакеи, младшіе сыновья младшихъ братьевъ, бѣжавшіе трактирные слуги и разорившіеся кабатчики—словомъ, ржавчина долгаго мирнаго времени; они въ десять разъ обтрепаннѣе стараго знамени. Ихъ я навербовалъ, чтобы замѣстить откупившихся отъ службы. Глядя на нихъ, можно подумать, что я набралъ сто пятьдесятъ одѣтыхъ въ лохмотья блудныхъ сыновей, которые недавно пасли свиней и питались помоями и шелухой. Какой то дуракъ по дорогѣ сказалъ мнѣ, что я опустошилъ всѣ висѣлицы и навербовалъ повѣшенныхъ. Такихъ пугалъ свѣтъ не видалъ. Я не могу пройти съ ними черезъ Ковентри—это ясно. И эти подлецы маршируютъ къ тому же, широко разставивъ ноги, какъ будто у нихъ кандалы на ногахъ; потому что въ самомъ дѣлѣ большинство я набралъ изъ тюремъ. Во всемъ моемъ отрядѣ едва-ли наберется полторы рубашки, да и то половина рубашекъ сшита изъ двухъ салфетокъ и наброшена на плечи, какъ безрукавная епанча герольдовъ. А цѣльная рубашка, говоря по правдѣ, украдена у трактирщика въ Сентъ-Альбанѣ, или у толстоносаго кабатчика въ Дэнтри. Ну, да это не бѣда. Они добудутъ сколько угодно бѣлья на любомъ заборѣ.

Входятъ принцъ Генрихъ и Вестморлэндъ.

Принцъ Генрихъ. Ну, что, вздутый Джэкъ, какъ поживаешь, перина?

Фальстафъ. Какъ, это ты, Галь? Что слышно, сумасбродъ? Кой чортъ занесъ тебя въ Варвикшайръ? Милордъ Вестморлэндъ, прошу прощенія: я думалъ, что ваша милость уже въ Шрюсбери.

Вестморлэндъ. Да, сэръ Джонъ, мнѣ давно пора туда, да и вамъ тоже. Но мои войска уже тамъ. Король, могу васъ увѣрить, ждетъ насъ всѣхъ. Придется намъ маршировать всю ночь.

Фальстафъ. Обо мнѣ-то не безпокойтесь. Я бдителенъ, какъ котъ, собирающійся стащить сливки.

Принцъ Генрихъ. Именно стащить сливки. Ты столько разъ таскалъ ихъ, что превратился въ масло. Но скажи, Джэкъ, что это за молодцы тащатся тамъ позади?

Фальстафъ. Эти мои солдаты, Галь.

Принцъ Генрихъ. Я никогда не видѣлъ такой жалкой сволочи.

Фальстафъ. Ничего, для копій они годятся. Снѣдь для пороху, снѣдь для пороху! Яму они заполнятъ не хуже другихъ. Смертные люди, братъ, смертные люди.

Вестморлэндъ. Да, но мнѣ кажется, сэръ Джонъ, что они ужасно блѣдные и изнуренные—слишкомъ похожи на нищихъ.

Фальстафъ. Право, не знаю, откуда взялась у нихъ бѣдность. А что касается изнуренности, то навѣрное не я имъ подавалъ примѣръ.

Принцъ Генрихъ. Клянусь, что не ты—если не называть худобой жиръ въ три пальца на ребрахъ. Однако, торопись. Перси уже выступилъ.

(Уходитъ).

Фальстафъ. Какъ, король уже сталъ лагеремъ?

Вестморлэндъ. Да, сэръ Джонъ, какъ бы намъ не придти слишкомъ поздно.

(Уходитъ).

Фальстафъ. Хорошо.
До начала на пирушку, на исходѣ въ бой
Поспѣваетъ гость голодный и солдатъ съ лѣнцой.

(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Лагерь мятежниковъ подъ Шрюсбери.

Входятъ Готспуръ, Ворчестеръ, Дугласъ и Вернонъ.

Готспуръ.

Сегодня-жъ въ ночь сразимся съ нимъ.

Ворчестеръ.

Нельзя.

Дугласъ.

Ему на пользу медлимъ мы.

Вернонъ.

Нисколько.

Готспуръ.

Какъ, развѣ подкрѣпленій онъ не ждетъ?

Вернонъ.

Мы также.

Готспуръ.

Онъ увѣренъ въ нихъ, мы—нѣтъ.

Ворчестеръ.

Послушайтесь, кузенъ мой. Не сегодня.

Вернонъ.

Не трогайтесь, милордъ.

Дугласъ.

Совѣтъ вашъ плохъ.
Въ васъ говоритъ иль страхъ, иль равнодушье.

Вернонъ.

Дугласъ, ты на меня клевещешь. Жизнью
Клянусь и жизнью клятву подтвержу:
Мной правитъ вѣрно понятая честь,
И такъ же мало страху я послушенъ,
Какъ вы, милордъ, или другой шотландецъ.
Въ бою увидимъ завтра, кто изъ насъ
Боится.

Дугласъ.

Да, сегодня-же.

Вернонъ.

Согласенъ.

Готспуръ.

Сегодня, говорю я.

Вернонъ.

Но поймите,
Что это невозможно. Я дивлюсь,
Какъ, будучи искусными вождями,
Не видите, препятствія какія
Мѣшаютъ битвѣ. Мой кузенъ Вернонъ
Еще съ отрядомъ конницы не прибылъ.
Вашъ дядя Ворчестеръ пришелъ сегодня.
Теперь въ нихъ спитъ ихъ удаль и отвага,
А доблесть такъ усталостью забита,
Что двое конныхъ стоютъ одного.

Готспуръ.

Не въ лучшемъ видѣ конница врага:
Истощена, измучена ѣздою.
Средь насъ-же лучшіе ужъ отдохнули.

Ворчестеръ.

Король сильнѣй числомъ. Во имя Бога,
Помедлите, пока всѣ будутъ въ сборѣ.

(Трубы возвѣщаютъ прибытіе посла).

Входитъ сэръ Вальтеръ Блентъ.

Блентъ.

Я съ милостивымъ посланъ предложеньемъ
Отъ короля. Вниманье и почетъ.

Готспуръ.

Добро пожаловать, сэръ Вальтеръ Блентъ.
О, если-бъ, волей Бога, вы стояли
У насъ въ рядахъ. Здѣсь многіе, любя васъ,
Порочатъ ваше имя и заслуги
За то лишь, что стоите вы не съ нами,
А противъ насъ, какъ врагъ.

Блентъ

Не дай мнѣ Богъ,
Иначе поступать, доколѣ вы,
Нарушивъ долгъ и преданность, грозите
Помазаннику Божію.—Но къ дѣлу.
Король знать хочетъ сущность вашихъ жалобъ.
Зачѣмъ враждой строптивой вы смутили
Гражданскій миръ, зачѣмъ странѣ покорной
Примѣръ явили дерзости и буйства?
Но если-бы одну изъ вашихъ многихъ,
Имъ признанныхъ, заслугъ король забылъ,—
Онъ проситъ васъ назвать свои обиды:
И ваши всѣ желанья онъ исполнитъ
Немедля и съ лихвою, обѣщая
Полнѣйшее прощенье вамъ и всѣмъ,
Введеннымъ въ заблужденье вашимъ словомъ.

Готспуръ

Король великодушенъ. А извѣстно,
Что знаетъ онъ, когда давать, когда
Исполнить обѣщанье. Мой отецъ,

Мой дядя и я самъ,—вотъ кто доставилъ
Ему вѣнецъ. Лѣтъ двадцати шести,
Ничтожный въ мнѣньи свѣта, жалкій нищій,
Тайкомъ домой крадущійся изгнанникъ,
Кѣмъ былъ онъ встрѣченъ, на берегъ сойдя,
Какъ не моимъ отцомъ? Когда-жъ онъ, плача,
Въ словахъ правдивыхъ увѣрялъ съ божбой,
Что лишь пришелъ за герцогствомъ Ланкастрскимъ,
Что мирно своего лишь ищетъ лена,
Отецъ мой, движимъ жалостью сердечной,
Клялся ему помочь, да и помогъ.
А лорды и бароны королевства,
Узнавъ, что за него Нортомберлэндъ,
Къ нему и старъ и младъ являться стали
Съ поклономъ и колѣнопреклоненьемъ,
Встрѣчали въ городахъ, посадахъ, селахъ,
На перепутьяхъ ждали, на мостахъ,
Дары несли и въ вѣрности клялись,
Наслѣдниковъ въ пажи опредѣляли,
Блистательной за нимъ толпою шли.
Тутъ, мощь свою сознавъ, онъ шагъ за шагомъ
Все больше удаляется отъ клятвы,
Въ дни бѣдствій данной моему отцу
На берегахъ пустынныхъ Равенспурга.
Сперва предпринимаетъ измѣненье
Какихъ-то правилъ о налогахъ, будто
На общемъ благѣ бременемъ лежащихъ,
Вопитъ о притѣсненьяхъ, притворяясь,
Что плачетъ надъ страданьями отчизны,
И подъ личиной правды покоряетъ
Сердца людей, кого плѣнить задумалъ.
Идетъ онъ далѣе: велитъ рубить
Онъ головы любимцамъ короля,
Которыхъ тотъ, въ Ирландіи воюя,
Въ отсутствіи намѣстниками сдѣлалъ.

Блентъ.

Не съ тѣмъ, чтобъ это слушать, я пришелъ.

Готспуръ.

Кончаю. Вскорѣ короля онъ свергъ
Съ престола, а затѣмъ и умертвилъ,
Налогами обременилъ весь край,
И, въ довершенье зла, теперь желаетъ,
Чтобъ Марчъ, его кузенъ (а если-бъ каждый
На мѣстѣ былъ своемъ, его король)
Безъ выкупа въ плѣну хирѣлъ въ Валлисѣ.
Меня-жъ въ счастливыхъ унижалъ побѣдахъ
И хитростью хотѣлъ поймать въ силки.
Еще прогналъ онъ дядю изъ совѣта,
А моему отцу велѣлъ во гнѣвѣ
Покинуть дворъ; нарушилъ всѣ обѣты,
Насилье за насиліемъ творилъ
И тѣмъ въ концѣ заставилъ насъ искать
Спасенья въ мятежѣ и вникнуть мыслью
Въ его права. Мы ихъ находимъ слишкомъ
Невѣрными, чтобъ долго имъ продлиться.

Блентъ.

Отвѣтъ вашъ передать-ли королю?

Готспуръ.

Не въ этихъ выраженіяхъ, сэръ Вальтеръ.
Подумаемъ. Вы-жъ къ королю вернитесь.
Коль вѣрное ручательство онъ дастъ намъ,
Что нашъ посолъ вернется невредимо,
То завтра утромъ съ нашимъ предложеньемъ
Придетъ мой дядя. А пока прощайте.

Блентъ.

Пускай онъ встрѣтитъ милость и любовь.

Готспуръ.

Такъ, можетъ быть, случится.

Блентъ.

Дай-то Богъ.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Іоркъ. Комната въ архіепископскомъ дворцѣ.

Входятъ Архіепископъ Іоркскій *и* сэръ Микаэль.

Архіепископъ.

Въ путь, добрый сэръ. Письмо съ печатью лорду
Маршалу съ быстротой доставьте птицы.
Вотъ это — брату Скрупу. Остальныя —
По назначенью. Если бы вы знали
Всю важность ихъ, вы-бъ сами поспѣшили.

Сэръ Микаэль.

Догадываюсь я о содержаньи.

Архіепископъ.

Возможно. Десять тысячъ человѣкъ
Отъ завтрашняго дня рѣшенья ждутъ
Своей судьбы. Какъ я узналъ навѣрно,
Король, собравъ поспѣшно рать большую,
Подъ Шрюсбери сразится съ лордомъ Перси.
Боюсь, сэръ Микаэль, что за болѣзнью
Нортомберлэнда, на кого такъ много
Надежды возлагалось, а равно
За неприбытьемъ лорда Глендовера,
Кто обѣщалъ имъ сильную поддержку,
Но не пришелъ, пророчествамъ послушный,—
Боюсь, что войско Перси слишкомъ слабо,
Чтобъ вынесть столкновенье съ королемъ.

Сэръ Микаэль.

Бояться нечего, милордъ. Тамъ Дугласъ,
Лордъ Мортимеръ.

Архіепископъ.

Тамъ Мортимера нѣтъ.

Сэръ Микаэль.

Но тамъ Мордекъ, Вернонъ, лордъ Гарри Перси,
Лордъ Ворчестеръ, и вмѣстѣ съ ними войско
Изъ благородныхъ, доблестныхъ бойцовъ.

Архіепископъ.

Все это такъ. Но и король стянулъ
Войска со всѣхъ концовъ. Съ нимъ принцъ Уэльскій,
Лордъ Джонъ Ланкастерскій, отважный Блентъ
И благородный Вестморлэндъ, и много
Соратниковъ, превознесенныхъ славой,
Искусныхъ полководцевъ.

Сэръ Микаэль.

Но повѣрьте,
Противниковъ они достойныхъ встрѣтятъ.

Архіепископъ.

Надѣюсь самъ. Но нужно все предвидѣть.
Итакъ, чтобъ худшее предупредить,
Вы съ письмами, сэръ Микаэль, спѣшите.
Коль Перси не одержитъ верхъ, король,
Узнавшій о союзѣ нашемъ, раньше
Чѣмъ распустить войска, насъ посѣтитъ.
Намъ въ ожиданьи нужно укрѣпиться.
Итакъ, спѣшите. Кой-какимъ друзьямъ
Еще писать осталось. До свиданья.

(Уходятъ въ разныя стороны).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Лагерь короля подъ Шрюсбери.

Входятъ король Генрихъ, принцъ Генрихъ, принцъ Джонъ Ланкастерскій, сэръ Вальтеръ Блентъ *и* сэръ Джонъ Фальстафъ.

Король Генрихъ.

Въ какихъ лучахъ кровавыхъ всходитъ солнце
Надъ тѣмъ холмомъ лѣсистымъ! День, при видѣ
Его лица больного, поблѣднѣлъ.

Принцъ Генрихъ.

А южный вѣтеръ о его трубитъ
Намѣреньяхъ и громкимъ свистомъ въ листьяхъ
Вѣщаетъ про грозу и грустный день.

Король Генрихъ.

Сочувствіе найдетъ онъ въ побѣжденныхъ.
Кто побѣдилъ, ни въ чемъ не видитъ грусти.
(Трубы. Входятъ Ворчестеръ *и* Вернонъ).
Ну что, лордъ Ворчестеръ? Не хорошо,
Что мнѣ и вамъ такъ встрѣтиться пришлось,
Вотъ какъ теперь. Вы наше обманули
Довѣрье. Вы заставили меня
Удобныя одежды мира сбросить
И члены престарѣлые облечь
Въ неласковую сталь. Не хорошо,
Не хорошо, милордъ. Какъ ваше мнѣнье?
Хотите-ль грубый узелъ развязать
Войны, всѣмъ ненавистной, чтобъ отнынѣ
Вновь двигаться въ орбитѣ послушанья,
Гдѣ вы струили яркій свѣтъ природный;
Не быть заблудшимъ больше метеоромъ,
Примѣтой страшной, знаменьемъ зловѣщимъ,
Угрозою грядущимъ временамъ?

Ворчестеръ.

О, выслушайте слово, государь.
Что до меня, охотно-бъ согласился
Остатокъ дней я провести въ покоѣ.
Я объявляю вслухъ, что никогда
Не думалъ, что настанетъ день раздора.

Король Генрихъ.

Не думалъ? Какъ-же этотъ день насталъ?

Фальстафъ.

Мятежъ валялся на дорогѣ, онъ и подобралъ.

Принцъ Генрихъ.

Молчи, паштетъ, молчи.

Ворчестеръ.

Вамъ, государь, угодно было взоры
Привѣтливости кроткой отвратить
И отъ меня, и отъ семьи всей нашей.
Но долженъ я напомнить вамъ, милордъ:
Мы первые въ числѣ друзей нужнѣйшихъ
Считались вашихъ. Должностной свой жезлъ
Для вась переломилъ я въ дни Ричарда.
Чтобъ васъ встрѣчать, облобызать вамъ руку,
Скакалъ я день и ночь, хоть положеньемъ
Я былъ сильнѣй и счастьемъ васъ богаче.
Я, братъ и сынъ его васъ пріютили
И смѣло шли опасностямъ на встрѣчу.
Вы-жъ намъ клялись — въ Донкастрѣ это было —
Что не грозите власти королевской,
Но ищете по праву, какъ наслѣдникъ,
Престола Ганта, герцогства Ланкастра.
Тогда и мы клялись вамъ помогать.
Тутъ счастье вдругъ посыпалось на васъ,
Потокъ благополучій хлынулъ сразу:
Отсутствіе Ричарда, наша помощь,
Распущенность всеобщая и смута,
Страданья ваши мнимыя, невзгоды,
Что короля въ походѣ злополучномъ
Въ Ирландіи такъ долго задержали,
Что въ Англіи сочли его умершимъ.
Вы этимъ всѣмъ стеченіемъ событій
Воспользовались такъ, чтобъ васъ просили
Немедленно принять бразды правленья,
Забывши клятвы, данныя въ Донкастрѣ.
Питомецъ нашъ, вы съ нами поступили,
Какъ злобная кукушка съ воробьемъ,
Ее вскормившимъ: стали притѣснять
Пріемное гнѣздо. На нашей пищѣ
Вы вдругъ такъ выросли, что и любовь
Не смѣла на глаза вамъ показаться,
Изъ страха быть проглоченной. Должны
Мы были, чтобъ спастись, расправить крылья,
Бѣжать отъ васъ и собирать войска.
Мы противъ васъ теперь стоимъ съ оружьемъ,
Что на себя вы выковали сами
Обидно-грознымъ съ нами обращеньемъ,
Забвеньемъ клятвъ, произнесенныхъ въ дни,
Когда еще вашъ замыселъ былъ молодъ.

Король Генрихъ.

Все это, знаю, вы распространяли,
На площадяхъ провозглашали людныхъ,
Въ церквахъ читали, чтобъ одежду бунта
Окрасить въ яркій цвѣтъ, прельщая взоры
Тѣхъ ротозѣевъ, нищихъ недовольныхъ,
Что, руки потирая, ждутъ извѣстій
О каждой новой буйной суматохѣ.
Такъ ни одно возстанье не нуждалось
Ни въ краскахъ водяныхъ, чтобъ расцвѣтить
Свои права, ни въ мрачныхъ оборванцахъ,
Что алчутъ разоренія и смуты.

Принцъ Генрихъ.

За эту рознь придется многимъ душамъ
Въ обѣихъ ратяхъ дорого платиться,
Когда дойдетъ до столкновенья дѣло.
Я васъ прошу племяннику сказать,
Что въ похвалахъ герою Гарри Перси
Сошелся съ цѣлымъ свѣтомъ принцъ Уэльскій.
Оставя въ сторонѣ возстанье это,
Клянусь надеждой, нѣтъ другого мужа,
Столь дѣятельно-храбраго, какъ онъ,
Столь храбро-молодого, столь душой
Отважнаго, безстрашнаго, кто-бъ могъ
Нашъ вѣкъ украсить славными дѣлами.
Что до меня, я сознаюсь къ стыду,
Что въ рыцарствѣ лѣнивцемъ былъ доселѣ.
И онъ, я слышалъ, обо мнѣ такъ судитъ.
Но вотъ мнѣ царственный отецъ свидѣтель,
Я радъ, что превосходитъ онъ меня
Своимъ великимъ именемъ и славой
И предлагаю, кровь щадя двухъ войскъ,
Съ нимъ счастье попытать въ единоборствѣ.

Король Генрихъ.

На это, принцъ Уэльскій, мы даемъ
Свое согласье, хоть причинъ есть много
Противиться. Нѣтъ, Ворчестеръ, мы любимъ
Народъ свой, даже тѣхъ заблудшихъ любимъ,
Кто къ вашему племяннику присталъ.
И если имъ принять угодно милость,
Которую теперь мы предлагаемъ,
Они, и онъ, и вы,—да, всякъ изъ васъ
Вновь станетъ другомъ мнѣ, какъ я—ему.
Все это вы племяннику скажите
И намъ отвѣтъ доставьте отъ него.
Но если не уступитъ, въ нашей власти
Возмездье и законъ: мы къ нимъ прибѣгнемъ.
Ступайте. Не желаемъ, чтобъ теперь
Вы слухъ нашъ утруждали возраженьемъ.
Мы кротки. Пользуйтесь разумно снисхожденьемъ.

(Ворчестеръ и Вернонъ уходятъ).

Принцъ Генрихъ.

Не согласятся, жизнію клянусь.
Дугласъ и Готспуръ оба рады биться
Одни съ вооруженною вселенной.

Король Генрихъ.

А потому начальство по мѣстамъ!
Мы двинемся, едва отвѣтъ получимъ.
И Богъ намъ въ помощь: наше дѣло право.
(Король, Блентъ и принцъ Джонъ уходятъ).

Король Генрихъ: А потому начальство по мѣстамъ
Мы двинемся, едва отвѣтъ получимъ.
И Богъ намъ въ помощь: наше дѣло право. (Дѣйствіе V, сц. I).
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Фальстафъ. Галь, если во время битвы ты увидишь, что я упалъ, то пожалуйста заслони меня—окажи мнѣ эту дружескую услугу.

Принцъ Генрихъ. Только колоссъ могъ-бы тебѣ оказать эту услугу. Помолись Богу, и прощай.

Фальстафъ. Хорошо, еслибъ это была уже молитва на сонъ грядущій, Галь, если бы все уже благополучно кончилось.

Принцъ Генрихъ. Вѣдь долженъ же ты заплатить Богу дань смерти. (*Уходитъ*).

Фальстафъ. Срокъ платежа не наступилъ, и мнѣ вовсе не хотѣлось бы заплатить прежде времени. Зачѣмъ торопиться, если меня еще не призываютъ къ уплатѣ. Ну да—честь меня толкаетъ. А что, если честь отправитъ меня на тотъ свѣтъ, толкая меня впередъ? Что тогда? Развѣ честь можетъ приставить ногу? Нѣтъ. Или руку? Нѣтъ. Или излечить рану? Нѣтъ. Значитъ, честь не хирургъ? Нѣтъ. Что-же тогда честь? Слово. Что такое слово честь? Воздухъ. Славный счетецъ! Кто владѣетъ честью? Тотъ, кто умеръ въ среду. А онъ ощущаетъ ее? Нѣтъ. Слышитъ ее? Нѣтъ. Значитъ, честь не ощущаема? Да, для мертвыхъ не ощущаема. Но не можетъ ли она остаться среди живыхъ? Нѣтъ. Почему? Этого не допуститъ злословіе. А потому не хочу я чести. Честь не что иное какъ щитъ, который несутъ за гробомъ. На этомъ кончается мой катехизисъ. (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Лагерь мятежниковъ.

Входятъ Ворчестеръ и Вернонъ.

Ворчестеръ.

Нѣтъ, сэръ Ричардъ, племянникъ знать не долженъ
О добромъ предложеньи короля.

Вернонъ.

Не лучше-ли сказать?

Ворчестеръ.

Тогда намъ гибель.
Не можетъ быть, немыслимо, чтобъ слово
Сдержалъ король и вправду насъ любилъ.
Не вѣря намъ, онъ время улучитъ
И отомститъ за это возмущенье
По поводу другому. Сотней глазъ
Слѣдить за нами будетъ подозрѣнье.
Измѣнѣ довѣряютъ, какъ лисицѣ:
Учи ее, ласкай иль запирай,
Лукавство предковъ все-же въ ней проснется.
Угрюмъ-ли будетъ видъ нашъ или веселъ,
Его онъ истолкуетъ намъ во вредъ.
И будемъ жить, какъ скотъ въ хлѣву: тѣмъ большимъ
Уходомъ пользуясь, чѣмъ ближе къ смерти.
Племяннику легко вину забудутъ:
За молодость простятъ, за жгучесть крови,
За прозвище. Сорви, молъ, голова,
Пришпорившій судьбу, мечтѣ послушный.
Его грѣхи на голову мою
Обрушатся и на его отца.
Онъ нашъ питомецъ, порчей намъ обязанъ,
Мы—корень зла, и мы за все заплатимъ.
Вотъ почему, кузенъ мой, скрыть должны мы
Отъ Гарри предложенье короля.

Вернонъ.

Скажите, что хотите. Вамъ я буду
Поддакивать во всемъ. Да вотъ и онъ.

(*Входятъ* Готспуръ *и* Дугласъ. *За ними офицеры и солдаты*).

Готспуръ.

Вернулся дядя. Лорда Вестморлэнда
Освободить. Какія вѣсти, дядя?

Ворчестеръ.

Король немедля вступитъ съ нами въ бой.

Дугласъ.

Пошлемъ чрезъ лорда Вестморлэнда вызовъ.

Готспуръ.

Вы, лордъ Дугласъ, ему о томъ скажите.

Дугласъ.

Съ готовностью и радостью великой.
(*Уходитъ*).

Ворчестеръ.

Нѣтъ въ королѣ и тѣни снисхожденья.

Готспуръ.

Вы не просили-ль—Боже упаси—
О снисхожденьи?

Ворчестеръ.

Нѣтъ, обиды наши
Я перечислилъ сдержанно и клятвы,
Нарушенныя имъ. Тутъ въ оправданье
Онъ клятвенно отъ клятвъ своихъ отрекся,
Корилъ насъ за измѣну и крамолу,
Грозя оружьемъ въ насъ ихъ сокрушить.

(*Входитъ Дугласъ*).

Дугласъ.

Къ оружью, рыцари, къ оружью. Бросилъ
Я въ зубы королю отважный вызовъ.
Его повезъ заложникъ Вестморлэндъ,
А это лишь ускоритъ нападенье.

Ворчестеръ.

Племянникъ, васъ въ присутствіи отца
На поединокъ вызвалъ принцъ Уэльскій.

Готспуръ.

О, если-бъ распря тяготѣла только
На нашихъ головахъ и смерть сегодня
Лишь мнѣ и Гарри Монмуту грозила!
Скажи, какъ сдѣланъ вызовъ. Не съ презрѣньемъ?

Вернонъ.

Клянусь душою, вызова скромнѣе
Я въ жизни не слыхалъ. Какъ будто братъ
Звалъ брата состязаться въ фехтованьи.
Онъ воздавалъ вамъ должныя хвалы
Въ изысканныхъ словахъ, достойныхъ принца,
Какъ лѣтописецъ, ваши перечислилъ
Заслуги, ставилъ выше всѣхъ похвалъ,
Ничтожныхъ передъ доблестію вашей.
И—что въ немъ вправду принца обличало—
Онъ молодость лѣнивую свою
Съ такимъ хулилъ достоинствомъ, краснѣя,
Какъ будто въ немъ два разума вмѣщалось:
Учителя и съ нимъ ученика.
Таковъ былъ вызовъ. Я-жъ при всѣхъ скажу,
Что если только выживетъ онъ этотъ
Враждебный день, донынѣ не бывало
У Англіи такой надежды свѣтлой,
Подъ внѣшнимъ легкомысліемъ сокрытой.

Готспуръ.

Мнѣ кажется, кузенъ, вы влюблены
Въ его безумье. Никогда не слышалъ
Я о такомъ безпутно-дикомъ принцѣ.
Но кто-бъ онъ ни былъ, до прихода ночи
Сожму его въ объятіяхъ солдатскихъ,
И отъ моей онъ ласки изнеможетъ.
Скорѣй къ оружью. Воины, друзья,
Вы сами долгъ обсудите свой лучше,
Чѣмъ я, кто не владѣетъ даромъ слова,
Своимъ воззваньемъ могъ-бы это сдѣлать.

(Входитъ гонецъ).

Гонецъ.

Милордъ, къ вамъ письма.

Готспуръ.

Некогда читать ихъ.
Друзья, жизнь коротка. Но если-бъ жизнь
На стрѣлкѣ часовой верхомъ сидѣла,
Чтобъ кончиться, когда ударитъ часъ,
Она-бы и тогда казалась долгой,
Когда-бъ ее мы тратили постыдно.
Коль жизнь—топтать мы будемъ королей.
Коль смерть — то славная, съ князьями вмѣстѣ.
А что до совѣсти, прекрасенъ мечъ,
Когда онъ обнаженъ за справедливость.

(Входитъ другой гонецъ).

Гонецъ.

Милордъ, готовьтесь. Къ намъ спѣшитъ король.

Готспуръ.

Спасибо, что ты рѣчь мою прервалъ.
Я не любитель словъ. Одно скажу лишь:
Пусть всякъ свой долгъ исполнитъ. А теперь
Я обнажаю мечъ, намѣреваясь
Покрыть клинокъ блестящій лучшей кровью,
Какую встрѣчу въ этотъ день опасный.
Въ путь! Espérance и Перси и—впередъ!
Пускай звучатъ воинственныя трубы,
Подъ звуки ихъ обнимемся другъ съ другомъ.
Я небо прозакладываю противъ
Земли, что многимъ здѣсь не суждено
Свершить еще разъ этотъ долгъ пріязни.

(Звуки трубъ. Всѣ обнимаютъ другъ друга и уходятъ).

СЦЕНА III.

Равнина между обоими лагерями подъ Шрюсбери.

Сражающіеся отдѣльные воины и отряды. Клики сраженія. Съ разныхъ сторонъ входятъ Дугласъ *и* серъ Вальтеръ Блентъ *и встрѣчаются.*

Блентъ.

Кто ты и почему меня въ сраженьи
Преслѣдуешь? Какой ты ищешь славы
Въ моей крови?

Дугласъ.

Знай, имя мнѣ Дугласъ.
Я оттого такъ за тобой гоняюсь,
Что мнѣ сказали, будто ты король.

Блентъ.

Тебѣ сказали истину.

Дугласъ.

Лордъ Стаффордъ
Ужъ поплатился дорого за сходство
Съ тобою: этотъ мечъ его убилъ
Взамѣнъ тебя, король англійскій Генрихъ.
Теперь, коль въ плѣнъ не сдашься, твой чередъ.

Блентъ.

Шотландецъ дерзкій, я рожденъ не съ тѣмъ,
Чтобъ въ плѣнъ сдаваться. Короля ты встрѣтилъ,
Онъ мстить за лорда Стаффорда готовъ.

(Сражаются. Блентъ падаетъ. Входитъ Готспуръ).

Готспуръ.

Когда-бъ ты такъ подъ Гольмедономъ дрался,
Ни одного не взялъ-бы я шотландца.

Дугласъ.

Все сдѣлано, все выиграно. Вотъ
Безжизненное тѣло короля.

Готспуръ.

Гдѣ?

Дугласъ.

Предъ тобою.

Готспуръ.

Этотъ? Нѣтъ, Дугласъ.
Его лицо мнѣ хорошо знакомо.
То знатный рыцарь былъ, названьемъ Блентъ,
Онъ лишь носилъ одежду короля.

Дугласъ.

Пусть шутъ твою сопровождаетъ душу,
Куда-бъ ни шла. Ужъ дорого ты слишкомъ
Платилъ за титулъ, взятый на прокатъ.
Зачѣмъ себя за короля ты выдалъ?

Готспуръ.

Здѣсь многіе одѣты, какъ король.

Дугласъ.

Клянусь мечемъ, я всѣ его одежды,
Весь гардеробъ убью за штукой штуку,
Пока не встрѣчусь съ нимъ самимъ.

Готспуръ.

Впередъ!
Весь день солдаты выстояли бодро.
(Уходятъ).

(Новыя стычки. Входитъ Фальстафъ*).*

Фальстафъ. Въ Лондонѣ я могъ усколь-

знуть отъ расплаты, здѣсь-же отъ нея не убѣжишь. Здѣсь ничего не записываютъ на счетъ, а сейчасъ зарубятъ на башкѣ.—А, ты кто? Сэръ Вальтеръ Блентъ: вотъ она, честь; ну развѣ она не суета суетъ? Я разгорячился, какъ расплавленный свинецъ, и такъ же какъ онъ отяжелѣлъ. Да хранитъ меня Господь отъ свинца, и безъ него мнѣ тяжело тащить свою утробу. Я своихъ оборвышей поставилъ туда, гдѣ имъ задали перцу. Отъ ста пятидесяти двухъ осталось въ живыхъ не болѣе трехъ, и тѣ должны будутъ остатокъ дней своихъ просить милостыню у городскихъ воротъ.

(*Входитъ* принцъ Генрихъ).

Принцъ Генрихъ.

Что праздно сталъ? Свой мечъ мнѣ одолжи.
Немало здѣсь лежитъ и коченѣетъ
Героевъ подъ копытами коней
Надменнаго врага, межъ тѣмъ какъ смерть
их
Еще не отомщенною осталась.
Свой мечъ мнѣ одолжи.

Фальстафъ. О, Галь, прошу тебя, дай мнѣ отдышаться немного. Турокъ Григорій не совершалъ такихъ военныхъ подвиговъ, какъ я сегодня. Съ Перси мы квиты. Я его успокоилъ.

Принцъ Генрихъ.

Спокоенъ онъ и живъ, тебѣ на гибель.
Свой мечъ мнѣ одолжи.

Фальстафъ. Нѣтъ, если Перси еще живъ, я тебѣ не отдамъ меча. Но если хочешь, возьми мой пистолетъ.

Принцъ Генрихъ. Давай. Какъ, онъ въ чехлѣ?

Фальстафъ. Да, Галь, онъ горячъ, очень горячъ. Имъ можно сжечь цѣлый городъ. (*Принцъ вынимаетъ изъ чехла бутылку хереса*).

Принцъ Генрихъ. Неужели же теперь время для шутокъ? (*Бросаетъ бутылку въ него и уходитъ*).

Фальстафъ. Ну, если Перси живъ, то я живо его заколю. Конечно, если онъ попадется мнѣ на глаза, если-же нѣтъ и я нарочно на него полѣзу, пусть онъ меня изрубитъ въ котлеты. Я не добиваюсь чести, отъ которой лицо искажается въ такую гримасу, какъ у сэра Вальтера. Я люблю жизнь, и если смогу спасти ее, то тѣмъ лучше. Если же нѣтъ,—то честь придетъ незванной; значитъ нечего и стараться.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА IV.

Другая часть поля битвы.

Клики сраженія. Стычки. Входятъ король Генрихъ, принцъ Генрихъ, принцъ Джонъ *и* Вестморлэндъ.

Король Генрихъ.

Прошу тебя, о Гарри, удались,
Ты истекаешь кровью. Вмѣстѣ съ нимъ
Ступай и ты, лордъ Джонъ Ланкастрскій.

Принцъ Джонъ.

Нѣтъ, милордъ,
Уйду, когда и я въ крови весь буду.

Принцъ Генрихъ.

Молю васъ, государь, явиться войску.
Отсутствіемъ встревожите друзей.

Король Генрихъ.

Я такъ и сдѣлаю. Лордъ Вестморлэндъ,
Прошу васъ принца провести въ палатку.

Лордъ Вестморлэндъ.

Милордъ, идемте, я васъ отведу.

Принцъ Генрихъ.

Меня, милордъ? Мнѣ помощи не нужно.
Избави Богъ, чтобъ принцъ Уэльскій ради
Царапины пустой покинулъ поле,
Гдѣ въ прахѣ и крови лежатъ герои,
Гдѣ мечъ крамольный въ сѣчѣ торжествуетъ.

Принцъ Джонъ.

Мы долго отдыхаемъ здѣсь. Идемте,
Братъ Вестморлэндъ, куда зоветъ насъ долгъ.
Идемте, ради Бога.
(*Принцъ Джонъ и Вестморлэндъ уходятъ*).

Принцъ Генрихъ.

Богъ свидѣтель,
Ты сильно обманулъ меня, Ланкастръ.
Не зналъ я, что въ тебѣ столь мощный духъ.
Донынѣ я любилъ тебя, какъ брата,
Теперь я уважаю отъ души.

Король Генрихъ.

Я видѣлъ, какъ удары лорда Перси
Онъ отражалъ съ отвагою, какой
Не ждалъ я отъ бойца столь молодого.

Принцъ Генрихъ.

О, этотъ мальчикъ всѣхъ насъ зажигаетъ.
(*Уходитъ. Трубы. Входитъ* Дугласъ).

Дугласъ.

Еще король! Они здѣсь выростаютъ,
Какъ головы у гидры. Я—Дугласъ,
Гроза для всѣхъ, въ твои цвѣта одѣтыхъ.
Кто ты, принявшій образъ короля?

Король Генрихъ.

Я самъ король и есть. Мнѣ жаль, Дугласъ,
Что вмѣсто короля его ты встрѣтилъ
Лишь призраки. Есть у меня два сына.
Они тебя и Перси всюду ищутъ.
Но разъ счастливый случай сводитъ насъ,
Я самъ съ тобою справлюсь. Защищайся.

Дугласъ.

Боюсь, и ты — поддѣлка короля,
Хоть впрямь себя ты держишь, какъ король.
Но кто-бъ ты ни былъ, знаю, что ты—мой.
И вотъ какъ я тобою овладѣю.

(*Сражаются. Король въ опасности. Возвращается* принцъ Генрихъ).

Принцъ Генрихъ.

Вверхъ голову, шотландецъ гнусный, или
Ее снесу. Въ мой мечъ вселились души
Героевъ Ширли, Стаффорда и Блента.
Тебѣ такъ угрожаетъ принцъ Уэльскій.
Онъ что сулитъ, то платитъ.

(*Сражаются. Дугласъ отступаетъ*).

Успокойтесь.
Какъ ваша милость чувствуетъ себя?
Сэръ Никольсъ Гауси проситъ подкрѣпленій
И Клифтонъ. Самъ я къ Клифтону бѣгу.

Король Генрихъ.

Постой, передохни. Ты искупилъ
Свою дурную славу и, на помощь
Ко мнѣ явившись въ пору, доказалъ,
Что жизнью дорожишь моей отчасти.

Принцъ Генрихъ.

О, Боже, какъ неправы были тѣ,
Кто увѣрялъ, что вашей жду я смерти.
Будь это правда, мнѣ лишь оставалось
Покинуть васъ въ рукахъ шотландца дерзкихъ.
Не хуже-бъ онъ любого яда въ мірѣ
Мгновенно съ вашей жизнію покончилъ,
И былъ-бы сынъ вашъ отъ труда избавленъ
Къ измѣнѣ прибѣгать.

Король Генрихъ.

Ступай на помощь
Ты къ Клифтону, а я отправлюсь къ Гауси.

(*Уходитъ*).

(*Входитъ* Готспуръ).

Готспуръ.

Коль не ошибся я, ты Гарри Монмутъ.

Принцъ Генрихъ.

Ты такъ сказалъ, какъ будто я желаю
Отъ имени отречься своего.

Готспуръ.

Мнѣ имя—Гарри Перси.

Принцъ Генрихъ.

Значитъ, вижу
Отважнаго мятежника, кого
Лишь зналъ по имени. Я—принцъ Уэльскій.
Знай, Гарри: впредь нельзя дѣлить намъ славу,
Какъ двумъ звѣздамъ въ одной вращаться сферѣ.
Не могутъ принцъ Уэльскій съ Гарри Перси
Вдвоемъ царить надъ Англіей единой.

Готспуръ.

Тому не быть, о, Гарри! Часъ насталъ,
Когда одинъ изъ насъ погибнуть долженъ.
О, если-бъ слава бранная твоя
Моей равнялась.

Принцъ Генрихъ.

Раньше чѣмъ простимся,
Она твою переростетъ, о, Гарри!
Со шлема твоего сорву всѣ лавры,
Чтобъ сплесть вѣнокъ для головы своей.

Готспуръ.

Нѣтъ больше силъ терпѣть твое тщеславье.

(*Сражаются. Входитъ* Фальстафъ).

Фальстафъ.

Хорошо сказано! Бей его, Галь!—Могу тебя увѣрить, здѣсь пахнетъ не дѣтской игрой.

(*Возвращается Дугласъ и нападаетъ на Фальстафа, который падаетъ, притворяясь мертвымъ. Дугласъ уходитъ. Готспуръ раненъ и падаетъ на землю*).

Готспуръ.

Ты молодость похитилъ у меня,
О, Гарри. Но потерю бренной жизни
Мнѣ легче снесть, чѣмъ мысль о громкой славѣ,
Что принесу тебѣ. Отъ этой мысли
Душѣ больнѣй, чѣмъ тѣлу отъ меча.
Но мысль—раба мгновенной жизни, жизнь—
Игрушка времени, само-же время—
Всемірный стражъ—должно имѣть конецъ.
О, я-бъ теперь пророчить могъ, но смерти
Землистая и мерзлая рука
Уже легла мнѣ на уста. Нѣтъ, Перси,
Теперь ты прахъ и пища для...

(*Умираетъ*).

Принцъ Генрихъ.

И пища для червей, мой храбрый Перси.
Прощай, великій духъ. Какъ быстро сжалось

Ты, честолюбье, сотканное плохо.
Пока душа ютилась въ этомъ тѣлѣ,
Ему казалось тѣснымъ королевство.
Теперь ему довольно двухъ шаговъ
Негоднѣйшей земли. На той землѣ,
Гдѣ мертвый ты простерся, не осталось
Въ живыхъ героя, равнаго тебѣ.
Будь ты теперь чувствителенъ къ участью,
Я-бъ нѣжное усердье утаилъ.
Но искаженный ликъ покрою шарфомъ,
И благодарность самому себѣ
За исполненье нѣжнаго обряда
Отъ твоего-же имени воздамъ.
Прощай, возьми съ собой на небо славу,
Безславье-же пусть спитъ съ тобой въ гробу
И не возникнетъ въ надписи надгробной.
(*Замѣчаетъ лежащаго на землѣ Фальстафа*).
Ба! старый другъ. Ужель все это мясо
Въ себѣ нисколько жизни не содержитъ?
Прощай, мой бѣдный Джэкъ. Я-бъ легче снесъ
Смерть человѣка, лучшаго чѣмъ ты,
И будь сильнѣй привязанъ я къ разврату,
Я-бъ видѣлъ въ ней тяжелую утрату.
Едва-ль сраженъ жирнѣе красный звѣрь,
Хоть не прекрасный, въ этотъ день потерь.
Пока я трупъ твой выпотрошу жирный,
Спи рядомъ съ Перси, сонъ вкушая мирный.
(*Уходитъ*).

Фальстафъ (*поднимаясь*). Выпотрошить меня? Если тебѣ удастся сдѣлать это сегодня, то я позволю тебѣ завтра посолить меня и съѣсть. Чортъ возьми, хорошо, что я представился мертвымъ, иначе этотъ неистовый шотландецъ расквитался бы со мной. Но развѣ я представлялся? Неправда. Представляться — значитъ быть чѣмъ-нибудь поддѣльнымъ; вотъ мертвый человѣкъ въ самомъ дѣлѣ поддѣлка; въ комъ нѣтъ жизни, тотъ только поддѣлка подъ человѣка; но представляться мертвымъ, будучи живымъ, вовсе не значитъ совершать поддѣлку, а скорѣе быть вѣрнымъ и превосходнымъ воплощеніемъ жизни. Главное достоинство храбрости — благоразуміе, и вотъ, благодаря ему, я и спасъ свою жизнь. Чортъ возьми, я боюсь этого горячаго, какъ порохъ, Перси, хотя онъ и мертвъ. Что, если онъ тоже только прикидывается мертвымъ и сейчасъ встанетъ? Право, боюсь, чтобы онъ не оказался лучшимъ притворщикомъ, чѣмъ я. Поэтому не добить ли его? Потомъ буду божиться, что я его убилъ. Почему бы ему не подняться, какъ я это сдѣлалъ? Меня могутъ убѣдить только мои собственные глаза, а здѣсь меня никто не видитъ. Поэтому, вотъ тебѣ, братецъ! (*Закалываетъ трупъ*). А теперь, нанеся тебѣ новую рану въ бедро, я уберу тебя подальше. (*Взваливаетъ трупъ Готспура себѣ на спину. Возвращаются принцъ Генрихъ и принцъ Джонъ*).

Принцъ Генрихъ.

Идемъ, братъ Джонъ. Ты дѣвственный свой мечъ
Геройски обновилъ.

Принцъ Джонъ.

Постой. Что вижу?
Не ты-ль сказалъ мнѣ, что толстякъ убитъ?

Принцъ Генрихъ.

Да, самъ я видѣлъ, какъ онъ бездыханный
Лежалъ, покрытый кровью, на землѣ.
Ты живъ? Иль то игра воображенья,
Обманъ очей? Молю тебя, скажи.
Однимъ глазамъ безъ слуха не повѣрю.
Иль ты не то, чѣмъ кажешься?

Фальстафъ. Нѣтъ, я не двойникъ. Будь я шутъ гороховый, если я не Джонъ Фальстафъ. Вотъ вашъ Перси. Если вашъ отецъ вознаградитъ меня за это—хорошо, если-жъ нѣтъ—то ужъ слѣдующаго Перси пусть онъ самъ убиваетъ. Я разсчитываю теперь быть произведеннымъ въ графы или герцоги,—не меньше.

Принцъ Генрихъ. Что это значитъ? Я самъ убилъ Перси и видалъ тебя мертвымъ.

Фальстафъ. Вотъ, какъ! О, Господи, Господи, какъ весь міръ изолгался! Я вѣдь не спорю, что былъ сраженъ и лежалъ безъ дыханія — какъ и онъ. Но мы оба вскочили въ одну и ту-же минуту, и сражались цѣлый часъ по Шрюсберійскимъ часамъ. Если ты мнѣ вѣришь, хорошо; если нѣтъ—то пусть грѣхъ падетъ на головы тѣхъ, кто долженъ былъ-бы воздать должное храбрости. Клянусь жизнью, что я нанесъ ему эту рану въ бедро. Если-бы онъ былъ живъ и отрицалъ это, то, чортъ возьми, я заставилъ бы его проглотить кусокъ моей шпаги.

Принцъ Джонъ.

Чуднѣе не слыхалъ я въ жизни сказки.

Принцъ Генрихъ.

И не видалъ чуднѣе молодца.
Ступай, красуйся съ ношей на спинѣ.
Что до меня, коль ложь тебѣ полезна,
Ее раззолочу, какъ только въ силахъ.
(*Трубятъ отступленіе*).

ПРИНЦЪ ГЕНРИХЪ и УМИРАЮЩІЙ ГОТСПУРЪ. (Дѣйствіе V, сц. 4).
Картина итальянско-англійскаго художника Дж. Риго (J. F. Rigaud, 1742–1810).
(Большая Бойделевская Галлерея).

МНИМО-УБИТЫЙ ФАЛЬСТАФЪ ПОДНИМАЕТСЯ. (Дѣйствіе V, сц. 4).
Картина Роберта Смирка (Rob. Smirke, R. A., 1752 - 1845).
(Малая Бойделевская Галлерея).

Вотъ трубы возвѣщаютъ отступленье.
День этотъ нашъ. Взойдемъ-же, милый братъ,
На высшій пунктъ средь поля, чтобъ увидѣть,
Кто изъ друзей убитъ, кто живъ остался.
(*Принцъ Генрихъ и принцъ Джонъ уходятъ*).

Фальстафъ. Пойду за ними—кажется, рѣчь идетъ о наградѣ. Того, кто вознаградитъ меня, да вознаградитъ Господь. Если я достигну величія, я уменьшусь въ объемѣ: буду принимать слабительное, не буду пить хереса, буду жить прилично, какъ подобаетъ знатному лорду. (*Уходитъ, унося съ собой трупъ*).

СЦЕНА V.

Другая часть поля битвы.

Звуки трубъ. Входятъ король Генрихъ, принцъ Генрихъ, принцъ Джонъ, Вестморлэндъ *и другіе; за ними* Ворчестеръ *и* Вернонъ *подъ стражей.*

Король Генрихъ.

Такъ бунтъ всегда находитъ воздаянье.—
О, Ворчестеръ злокозненный. Не съ вами-ль
Послали мы любовь, прощенье, милость?
Зачѣмъ вы извратили наше слово,
Употребивъ во зло довѣрьемъ Перси?
Трехъ рыцарей сегодня мы лишились,
Палъ благородный графъ и много войска.
Они-бы въ этотъ часъ всѣ были живы,
Когда-бъ ты честно, какъ христіанинъ,
Возстановилъ согласье межъ войсками.

Ворчестеръ.

Такъ поступить заставили меня
Заботы о спасеньи. Терпѣливо
Свою судьбу встрѣчаю: на меня
Обрушилась она неотвратимо.

Король Генрихъ.

Пусть Ворчестера поведутъ на казнь
И съ нимъ Вернона. О другихъ виновныхъ
Разсудимъ послѣ.
(Ворчестера и Вернона уводитъ стража).
Что на полѣ битвы?

Принцъ Генрихъ.

Когда шотландецъ знатный, лордъ Дугласъ,
Увидѣлъ, что имъ счастье измѣнило,
Что Перси палъ, что страхъ объялъ все войско,
Собравъ остатки, въ бѣгство онъ пустился.
Но, ринувшись съ холма, онъ такъ расшибся,
Что гнавшимся за нимъ попался въ руки.
Теперь Дугласъ въ палаткѣ у меня.
Молю васъ, предоставьте мнѣ рѣшенье
Его судьбы.

Король Генрихъ.

Отъ всей души согласенъ.

Принцъ Генрихъ.

Тебѣ, братъ Джонъ Ланкастрскій, предстоитъ
Почетное исполнить порученье.
Ступай къ Дугласу и ему верни
Безъ выкупа свободу: пусть идетъ,
Куда желаетъ. Храбрость, что онъ нынче
Явилъ на нашихъ шлемахъ, научила
Насъ уважать воинственную доблесть
И въ сердцѣ непріятеля.

Король Генрихъ.

Теперь
Намъ остается раздѣлить войска.
Вы, сынъ мой Джонъ и братъ нашъ Вестморлэндъ,
Поспѣшно устремитесь въ Іоркъ, на встрѣчу
Нортомберлэнду и прелату Скрупу,
Стоящимъ, какъ я слышалъ, подъ оружьемъ.
Мы съ вами, Гарри, поспѣшимъ въ Валлисъ
Съ Глендоверомъ и графомъ Марчемъ биться.
Еще одно такое пораженье.
И мятежа вездѣ замретъ движенье.
Начавъ съ удачи, мы не отдохнемъ,
Пока странѣ покоя не вернемъ.

(Уходятъ).

ГАРРИ МОНМУТЪ (ПРИНЦЪ ГЕНРИХЪ)
(Средневѣковая миніатюра).

Король Генрихъ IV.

Часть II.

РАЗВАЛИНЫ ЗАМКА ВАРКВОРТЪ.

ПРОЛОГЪ.

Въ Варквортѣ. Передъ замкомъ Нортомберлэнда.

Входитъ Молва, *въ одеждѣ, испещренной языками.*

Молва.

Насторожите уши. Кто захочетъ
Дверь слуха запереть, когда Молва
Заговорила громко? Я съ востока
Къ усталому закату мчусь и, вѣтеръ
Избравъ конемъ почтовымъ, раскрываю
Дѣла земного шара въ ихъ зачатьи.
Вкругъ языковъ моихъ витаютъ сплетни.
Я ихъ твержу на языкахъ несчетныхъ
И вымыслами слухъ людей морочу.
Я миръ сулю, когда вражда, прикрывшись
Улыбкой кроткой, ужъ терзаетъ міръ,
И кто-же, какъ не я, какъ не Молва,
Скликаетъ рать, готовитъ оборону;
Межъ тѣмъ какъ время вспухшее чревато
Не грозною войной, какъ полагаютъ,
А зломъ совсѣмъ другимъ. Молва—свирѣль,
Въ которую дудятъ обманъ, догадки
И зависть; столь удобная свирѣль,
Что даже шаткой, вздорящей толпѣ,—
Чудовищу о головахъ несчетныхъ,—
Играть на ней легко. Но для чего мнѣ
Въ кругу домашнихъ расчленять свое
И безъ того извѣстное имъ тѣло?
Зачѣмъ Молва пришла сюда? Лечу
Предъ королемъ я Генрихомъ, вѣщая
Его побѣду. На кровавомъ полѣ
Подъ Шрюсбери разбитъ имъ юный Готспуръ
Съ дружиной всей, и пламень мятежа
Въ крови самихъ мятежниковъ потушенъ.
Но что со мной? Я говорю вдругъ правду,
Межъ тѣмъ какъ долгъ мой — всюду разгласить,
Что Гарри Монмутъ палъ, сраженный славнымъ
Мечемъ героя Готспура, что въ смерти
Король поникъ помазанной главой
Предъ яростью Дугласа. Вотъ о чемъ я
По городамъ шумѣла захолустнымъ
Межъ королевскимъ Шрюсберійскимъ полемъ
И этою источенной червями
Твердынею изъ голыхъ камней, гдѣ
Старикъ Нортомберлэндъ, отецъ Готспура,
Недужнымъ притворяется. Гонцы
Приносятъ въ попыхахъ мои же вѣсти.
Со словъ Молвы всѣ повторяютъ ту-же
Отраду лжи, что горькой правды хуже.

(*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Тамъ-же.

(*Входитъ* лордъ Бардольфъ).

Лордъ Бардольфъ.

Эй, кто здѣсь у воротъ стоитъ?
(*Привратникъ открываетъ ворота*).
Гдѣ графъ?

Привратникъ.

Какъ доложить о васъ?

Лордъ Бардольфъ.

Скажи ты графу,
Что ждетъ его лордъ Бардольфъ.

Привратникъ.

Графъ гуляетъ
Въ саду. Не постучитъ-ли ваша милость
Въ калитку, — онъ отвѣтитъ.

Лордъ Бардольфъ.

Вотъ и графъ.
(*Привратникъ уходитъ. Входитъ* Нортомберлэндъ).

Нортомберлэндъ.

Что новаго, лордъ Бардольфъ? Каждый мигъ
Теперь рождаетъ новое событье.
Знать, вѣкъ нашъ одичалъ. Раздоръ, что конь
Раскормленный, порвавъ узду, помчался
И на пути своемъ все сокрушаетъ.

Лордъ Бардольфъ.

Я, графъ, принесъ изъ Шрюсбери извѣстья.

Нортомберлэндъ.

И добрыя, коли угодно Богу?

Лордъ Бардольфъ.

Какъ только сердце можетъ пожелать.
Король смертельно раненъ; принцъ же Генрихъ
Поверженъ въ прахъ счастливымъ вашимъ сыномъ.
Обоихъ Блентовъ умертвилъ Дугласъ.
Бѣжали съ поля битвы молодой
Принцъ Джонъ, равно какъ Вестморлэндъ и Стаффордъ.

А боровъ Гарри Монмута, сэръ Джонъ,
Взятъ вашимъ сыномъ въ плѣнъ. Подобный день,
Съ такимъ сраженьемъ и съ такой побѣдой,
Не украшалъ столѣтій со временъ
Счастливца Цезаря.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Откуда вѣсти?
Вы были въ Шрюсбери? видали поле?

ЛОРДЪ БАРДОЛЬФЪ.

Я говорилъ съ однимъ, кто шелъ оттуда.
То джентльменъ былъ почтенный, родовитый;
Онъ эти вѣсти выдалъ мнѣ за правду.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

А вотъ слуга мой Траверсъ. За вѣстями
Еще во вторникъ я его послалъ.

ЛОРДЪ БАРДОЛЬФЪ.

Милордъ, я обогналъ его въ дорогѣ.
Едва-ль принесъ онъ вѣсти достовѣрнѣй
Того, что самъ узналъ съ моихъ-же словъ.

(*Входитъ* ТРАВЕРСЪ).

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Ну, Траверсъ, что хорошаго намъ скажешь?

ТРАВЕРСЪ.

Меня, милордъ, съ отрадными вѣстями
Вернулъ съ дороги сэръ Джонъ Эмфревиль,
Но обогналъ: подъ нимъ былъ конь рѣзвѣе.
Вослѣдъ за нимъ другой какой-то джентльменъ
Во весь опоръ примчался, чуть дыша.
Со мною поровнявшись, онъ дозволилъ
Вздохнуть окровавленному коню,
Спросивъ дорогу въ Честеръ. Въ свой чередъ
О новостяхъ спросилъ я Шрюсберійскихъ.
Отвѣтилъ онъ, что плохо кончилъ бунтъ
И что остылъ горячій Гарри Перси.
Тутъ, опустивъ поводья и нагнувшись,
Вонзилъ онъ шпоры до полузвѣзды
Въ дрожавшіе бока несчастной клячи
И, не дождавшись болѣе вопросовъ,
Пустился вскачь, пространство пожирая.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Какъ? Повтори. Остывшій Гарри Перси?
Горячій рыцарь сталъ остывшимъ трупомъ?
Возстанье плохо кончило?

ЛОРДЪ БАРДОЛЬФЪ.

Милордъ,
Скажу вамъ вотъ что. Ежели побѣда
За вашимъ юнымъ сыномъ не осталась,
Свое баронство,— честью въ томъ клянусь,—
За шелковый снурокъ отдамъ. Ни слова.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Какъ могъ-бы джентльменъ, Траверса догнавшій,
Подробности измыслить пораженья?

ЛОРДЪ БАРДОЛЬФЪ.

Кто? Этотъ джентльменъ? Вѣрно, проходимецъ,
Скакавшій на украденномъ конѣ.
Болталъ онъ на-угадъ... Вотъ снова вѣстникъ.

(*Входитъ* МОРТОНЪ).

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Смотри: его лицо, какъ листъ заглавный,
Трагическую повѣсть возвѣщаетъ.
Такъ смотритъ берегъ, гдѣ приливъ могучій
Слѣды оставилъ своего набѣга.
Изъ Шрюсбери-ли, Мортонъ, держишь путь?

МОРТОНЪ.

Изъ Шрюсбери, свѣтлѣйшій лордъ, бѣжалъ я,
Гдѣ смерть надѣла страшную личину,
Чтобъ нашихъ испугать.

НОРТОМБЕРЛЭНДЪ.

Что сынъ? что братъ мой?
Но ты дрожишь! И блѣдность щекъ твоихъ
Вѣщаетъ горе раньше, чѣмъ языкъ твой.
Таковъ, какъ ты, измученъ, безъ дыханья,
Съ потухшимъ взоромъ, полуживъ отъ скорби,
Былъ вѣстникъ, кто отдернулъ пологъ съ ложа
Пріама, чтобъ средь мертвой ночи крикнуть,
Что въ пламени полъ-Трои. Но Пріамъ
Увидѣлъ пламя ранѣе, чѣмъ вѣстникъ
Нашелъ даръ слова. Такъ о смерти Гарри
Узналъ я прежде, чѣмъ ты слово молвилъ.
Ты началъ-бы съ разсказа о герояхъ,
Мой жадный слухъ восторгомъ оглушая:
„Такъ отличался сынъ вашъ, такъ—вашъ братъ,
Такъ бился храбрый Дугласъ". А въ концѣ,
Чтобъ въ правду оглушить меня, ты-бъ сразу
Всѣ похвалы однимъ развѣялъ вздохомъ,
Шепнувъ: „вашъ братъ, и сынъ, и всѣ убиты".

МОРТОНЪ.

Въ живыхъ остался Дугласъ, братъ вашъ—также.
Но что до сына вашего...

Нортомберлэндъ.

Онъ умеръ!
Смотри, какъ страхъ проворенъ на языкъ.
Чѣмъ больше мы несчастія боимся
И не хотимъ узнать о немъ, тѣмъ легче
Въ чужихъ глазахъ чутьемъ мы прозрѣваемъ,
Что то, чего страшимся, наступило.
Отвѣть же, Мортонъ, графу своему,
Скажи, что всѣ его догадки лгутъ.
Я сладкою сочту твою обиду,
За обличенье щедро награжу.

Мортонъ.

Я слишкомъ почитаю васъ, чтобъ смѣть
Противорѣчить. Слишкомъ прозорливъ
Вашъ разумъ, слишкомъ вѣрны опасенья.

Нортомберлэндъ.

Ты все-жъ не говоришь, что Перси мертвъ.
Въ твоихъ глазахъ читаю я признанье.
Ты головой качаешь, точно правду
Опасностью считаешь иль грѣхомъ.
Коль онъ убитъ, скажи. Не оскорбляетъ
Языкъ того, кто вѣсть принесъ о смерти.
Грѣшитъ лишь тотъ, кто лжетъ о мертвецѣ,
Не тотъ, кто мертвеца зоветъ усопшимъ.
Хоть спора нѣтъ, быть вѣстникомъ несчастья—
Печальная обязанность. Тотъ голосъ,
Что возвѣстилъ однажды смерть любимыхъ,
Звучитъ и послѣ звономъ погребальнымъ.

Лордъ Бардольфъ.

Я вѣрить не могу, что сынъ вашъ умеръ.

Мортонъ.

Мнѣ горько убѣждать васъ въ томъ, чего я—
Будь воля Божья—лучше-бъ не видалъ.
Но все-жъ моимъ глазамъ пришлось увидѣть,
Какъ сынъ вашъ, запыхавшійся, усталый,
Окровавленный, слабо отражалъ
Удары Монмута, чей быстрый гнѣвъ
Непобѣдимаго доселѣ Перси
Низвергнулъ въ прахъ, откуда тотъ не всталъ.
При жизни онъ вдыхалъ огонь отваги
Въ трусливѣйшихъ солдатъ; его-же смерть,
Едва о ней узнали, потушила
Огонь и пылъ въ храбрѣйшихъ среди войска.
Онъ былъ металломъ, превращавшимъ въ сталь
Друзей всѣхъ нашихъ. Ослабѣвши въ немъ,
Опять собою ставъ, всѣ превратились
Въ тяжелый и тупой свинецъ. Какъ тяжесть
Тѣмъ шибче отъ толчка летитъ, чѣмъ больше
Въ ней вѣса, такъ, съ утратой тяжкой Перси,
Помноженной на страхъ, солдаты наши,
Ища спасенья въ бѣгствѣ, съ поля мчались
Быстрѣй, чѣмъ стрѣлы, ищущія цѣли.
Тутъ скоро въ плѣнъ лордъ Ворчестеръ попался.
А яростный шотландецъ, кровожадный
Дугласъ, чей неустанный мечъ три раза
Сразилъ въ бою подобье короля,
Вдругъ духомъ палъ, украсилъ стыдъ бѣгущихъ.
Но, на бѣгу споткнувшись, взятъ былъ въ плѣнъ.
Итогъ всему: король насъ побѣдилъ
И подъ начальствомъ юнаго Ланкастра
И Вестморлэнда вамъ, милордъ, на встрѣчу
Послалъ поспѣшно войско.—Вотъ всѣ вѣсти.

Нортомберлэндъ.

Еще для скорби времени довольно.
Теперь-же ядъ послужитъ мнѣ лѣкарствомъ.
Здоровый, я-бы заболѣлъ отъ этихъ
Вѣстей; больной, я ими исцѣленъ.
Какъ немощный страдалецъ, чьи суставы,
Разслабленные долгой лихорадкой,
Подъ гнетомъ жизни гнутся, точно плети,—
Вдругъ въ дикомъ вырывается припадкѣ
Изъ рукъ больничныхъ сторожей, какъ пламя:
Такъ и въ моихъ, отъ скорби слабыхъ, членахъ,
Теперь, отъ изступленья новой скорби,
Проснулась мощь тройная. Прочь, костыль
Изнѣженный. Отнынѣ эти руки
Чешуйчатыя стянутъ рукавицы
Со скрѣпами стальными. Прочь и ты,
Недужная повязка,—слишкомъ слабый
Оплотъ для головы, которой ищутъ
Побѣдой подзадоренные принцы.
Чело мое желѣзомъ увѣнчайте,
И пусть наступитъ самый мрачный часъ,
Какимъ вражда и время только въ силахъ
Суровому грозить Нортомберлэнду.
Пусть небо и земля сольются вмѣстѣ,
Пусть грозныхъ водъ не сдержитъ въ ихъ предѣлахъ
Рука природы. Да умретъ порядокъ!...
Пусть этотъ міръ не будетъ больше сценой,
Гдѣ медленно растетъ и зрѣетъ злоба.
Но пусть въ груди у каждаго проснется
Духъ Каина, духъ первенца людского,
Пусть всѣ сердца зажгутся жаждой крови,
Чтобъ кончилась жестокая игра
И воцарился мракъ—могильщикъ смерти.

Траверсъ.

Такъ волноваться вредно вамъ, милордъ.

Лордъ Бардольфъ.

Не порывайте связи межъ разсудкомъ
И честью, графъ.

Мортонъ.

От вашего здоровья
Зависитъ жизнь союзниковъ всѣхъ вашихъ.
Оно-же пошатнется, если бурнымъ
Вы предаваться будете страстямъ.
Вѣдь прежде чѣмъ сказать: „поднимемъ бунтъ“,—
Вы разочли послѣдствія возстанья
И взвѣсили случайности войны.
Конечно, вы предвидѣли, милордъ,
Что можетъ подъ ударъ попасть смертельный
И сынъ вашъ. Знали вы, что онъ шагаетъ
Надъ пропастью опасной и что легче
Въ нее свалиться, чѣмъ надъ ней пройти.
Еще извѣстно было вамъ, что тѣло
Его подвержено рубцамъ и ранамъ
И что безстрашный духъ его толкнетъ
Туда, гдѣ всѣ опасности столпились.
Вы все-таки ему сказали: въ путь!
И какъ ни сильно было опасенье,
Ничто въ васъ не могло поколебать
Упрямаго рѣшенья. Что-жъ случилось,
Что страшнаго явило предпріятье
Чего вы не могли предвидѣть раньше?

Лордъ Бардольфъ.

Мы всѣ, кого постигло пораженье,
Мы знали, что пустились въ океанъ
Опаснѣйшій, гдѣ можно разъ спастись
И десять разъ погибнуть. Но надежда
На выгоды въ насъ побѣдила страхъ
Опасности. Теперь, хотя разбиты,
Дерзнемъ еще разъ, снова ополчимся,
Всѣмъ жертвуя—имуществомъ и жизнью.

Мортонъ.

Давно пора. Я слышалъ, лордъ свѣтлѣйшій,
Какъ правду, и какъ правду повторяю,
Что доблестный архіепископъ Іоркскій
Возсталъ съ отлично обученнымъ войскомъ.
То человѣкъ, кто узами двойными
Привязывать сторонниковъ умѣетъ.
Вашъ сынъ, милордъ, велъ въ битву лишь тѣла,
Лишь тѣни и подобія людскія,
Затѣмъ, что слово „бунтъ“ разъединяло
Въ нихъ дѣятельность тѣла и души.
Они сражались нехотя, брезгливо,
Какъ пьютъ лѣкарство. Съ нами было только
Оружье ихъ, а не душа и чувства,
Замерзшія отъ слова „бунтъ“, какъ рыба
Въ прудѣ зимой. Теперь архіепископъ
Мятежъ въ святыню превратилъ. За нимъ,
Чья искренность и святость всѣмъ извѣстны,
Послѣдуютъ и тѣломъ, и душой.
Съ Помфретскихъ камней соскоблитъ онъ кровь
Прекраснаго Ричарда и возстанье
Помажетъ ею. Чуть онъ объявитъ,
Что защищаетъ край окровавленный,
Томящійся подъ властью Болингброка,—
И знать, и чернь последуютъ за нимъ.

Нортомберлэндъ.

Я это зналъ, но, правду говоря,
Отъ свѣжей скорби все въ душѣ померкло.
Зайдемъ ко мнѣ. Пусть каждый мнѣ укажетъ
Вѣрнѣйшій путь къ спасенію и мести.
Напишемъ письма, соберемъ друзей.
Ничтожно ихъ число, хоть никогда
Такъ велика въ нихъ не была нужда.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Лондонъ. Улица.

Входитъ сэръ Джонъ Фальстафъ *съ* пажемъ, *который несетъ за нимъ мечъ и щитъ.*

Фальстафъ. Ну что, великанъ, что сказалъ докторъ про мою мочу?

Пажъ. Онъ сказалъ, что она сама по себѣ здоровая и хорошая, но что касается собственника ея, то въ немъ сидятъ болѣзни, о которыхъ онъ не подозрѣваетъ.

Фальстафъ. Всякаго рода люди почему то считаютъ за честь глумиться надо мной. Мозгъ человѣка, этого глупаго глинянаго истукана, не въ состояніи придумать ничего смѣшного помимо моихъ измышленій, или моей особы. Я не только остроуменъ, но являюсь источникомъ остроумія для другихъ. Вотъ я иду передъ тобою, похожій на свинью, которая сожрала всѣхъ своихъ поросятъ, кромѣ одного. Или я ничего не понимаю, или принцъ приставилъ тебя ко мнѣ только для контраста. Тебѣ бы, непотребный корешокъ мандрагоры, торчать у меня на шляпѣ, а не ходить по моимъ пятамъ. Никогда еще мнѣ не прислуживалъ агатъ изъ перстня. Но я тебя не вправлю ни въ золото, ни въ серебро, а одѣну въ качествѣ драгоцѣннаго камня къ твоему

господину, къ этому молокососу принцу, у котораго еще пухъ не пробился на подбородкѣ. У меня скорѣе борода выростетъ на ладони, чѣмъ у него на щекѣ, а все-таки онъ не стѣсняется увѣрять, что у него лицо королевское. Господь, быть можетъ, когда нибудь и закончитъ его—до сихъ поръ на немъ нѣтъ лишняго волоска, но королевское оно лишь потому, что и его, какъ и изображеніе короля на монетахъ, цирюльникъ не сбрѣетъ и за шесть пенсовъ. А все-таки онъ ходитъ пѣтушкомъ, точно уже считался возмужалымъ человѣкомъ, еще когда отецъ его былъ холостъ. Наплевать мнѣ на его милость,—моей милости онъ почти совсѣмъ лишился—въ этомъ я могу его увѣрить. А что сказалъ мистеръ Домбльдонъ относительно атласа на епанчу и штаны для меня?

Пажъ. Онъ сказалъ, сэръ, что требуетъ болѣе надежнаго поручителя, чѣмъ Бардольфъ; онъ не хочетъ принять ни вашей, ни его росписки. Такого обезпеченія ему недостаточно.

Фальстафъ. Будь онъ проклятъ, какъ обжора въ притчѣ. Пусть у него еще больше сохнетъ во рту отъ жажды. Непотребный дьяволъ, Ахитофель, подлецъ, невѣжа! Какъ онъ смѣетъ заманивать благороднаго человѣка обѣщаніями, а потомъ требовать поручительства. Эти сладкорѣчивые мерзавцы теперь иначе не ходятъ, какъ на высокихъ каблукахъ и со связками ключей у пояса, а когда человѣкъ хочетъ честно взять у нихъ товаръ въ кредитъ, они смѣютъ требовать обезпеченія. Я предпочелъ бы, чтобы мнѣ насыпали въ ротъ крысиной отравы, чѣмъ затыкали его словомъ „обезпеченіе". Я ждалъ, что онъ мнѣ пришлетъ двадцать два аршина атласа, какъ благородному рыцарю, а онъ шлетъ мнѣ слово—обезпеченіе! Пусть спитъ безпечно—у него вѣдь есть рогъ изобилія, сквозь который просвѣчиваетъ вѣтренность его жены. Онъ того не видитъ, хотя у него есть собственный фонарь. А гдѣ Бардольфъ?

Пажъ. Отправился въ Смитсфильдъ купить лошадь для вашей милости.

Фальстафъ. Я самого его нанялъ въ соборѣ св. Павла, а онъ мнѣ купилъ лошадь въ Смитсфильдѣ. Если бы я еще взялъ себѣ жену изъ непотребнаго дома, я былъ бы снабженъ слугой, лошадью и женой.

(*Входитъ* Верховный судья *съ помощникомъ*).

Пажъ. Сэръ, вотъ идетъ лордъ, посадившій въ тюрьму принца за то, что онъ ударилъ его изъ-за Бардольфа.

Фальстафъ. Отойдемъ: я не хочу его видѣть.

Судья. Кто это тамъ уходитъ?

Помощникъ. Фальстафъ, милордъ.

Судья. Тотъ, который былъ подъ слѣдствіемъ по дѣлу о грабежѣ?

Помощникъ. Да, милордъ. Но съ тѣхъ поръ онъ отличился при Шрюсбери и, какъ я слышалъ, получилъ теперь военное назначеніе; онъ отправляется къ лорду Джону Ланкастерскому.

Судья. Какъ, въ Іоркъ? Верни его сюда.

Помощникъ. Сэръ Джонъ Фальстафъ!

Фальстафъ. Мальчикъ, скажи ему, что я глухъ.

Пажъ. Говорите громче, мой господинъ глухъ.

Судья. Да, я знаю, глухъ ко всему хорошему. Поди, потяни его за рукавъ; мнѣ нужно поговорить съ нимъ.

Помощникъ. Сэръ Джонъ...

Фальстафъ. Какъ, молодой парень—и проситъ милостыню? Развѣ нѣтъ войны? Развѣ нѣтъ дѣла? Развѣ королю не нужны подданные, а бунтовщикамъ солдаты? Хотя и позорно быть на чьей нибудь сторонѣ, кромѣ королевской, но позорнѣе просить милостыню, чѣмъ присоединиться къ неправой сторонѣ, хотя бы ея дѣйствія были хуже, чѣмъ можно выразить словомъ „мятежъ".

Помощникъ. Вы ошибаетесь во мнѣ, сэръ.

Фальстафъ. Развѣ я сказалъ, что вы честный человѣкъ, сэръ? Несмотря на то, что я воинъ и рыцарь, я былъ бы лгуномъ, еслибъ это сказалъ.

Помощникъ. Въ такомъ случаѣ, не въ обиду вашему рыцарству и вашей воинской чести, позвольте сказать вамъ, что вы лжете, называя меня нечестнымъ человѣкомъ.

Фальстафъ. Чтобы я позволилъ тебѣ это сказать? Чтобы я отказался отъ того, что срослось со мной? Если я это тебѣ позволю, пусть меня повѣсятъ; если ты самъ себѣ это позволишь, то пусть тебя повѣсятъ. Прочь, дрянная ищейка, убирайся!

Помощникъ. Сэръ, милордъ хочетъ съ вами поговорить.

Судья. Сэръ Джонъ Фальстафъ! Мнѣ нужно вамъ сказать пару словъ.

Фальстафъ. Добрѣйшій лордъ, пошли вамъ Господь здоровья! Я счастливъ, что вижу васъ внѣ дома; я слыхалъ, что вы больны, милордъ. Надѣюсь, что вы вышли

изъ дому по совѣту врача, милордъ? Хотя вы, милордъ, еще не переступили границъ молодости, но все-таки ваши годы уже отзываются преклонностью; въ нихъ уже чувствуется соль времени и поэтому я почтительнѣйше умоляю васъ, милордъ, заботиться о вашемъ драгоцѣнномъ здоровьѣ.

Судья. Сэръ Джонъ, я посылалъ за вами передъ вашимъ выступленіемъ въ Шрюсбери.

Фальстафъ. Съ вашего соизволенія, милордъ, я слышалъ, что его величество вернулся нѣсколько разстроенный изъ Уэльса?

Судья. Я не говорю о его величествѣ... Вы не явились, когда я посылалъ за вами.

Фальстафъ. И я слышалъ также, что съ его высочествомъ опять приключилась мерзостная апоплексія?

Судья. Пошли ему Господь выздоровленіе! Но прошу васъ, дайте мнѣ сказать вамъ слово.

Фальстафъ. Съ вашего позволенія, милордъ, эта апоплексія нѣчто въ родѣ летаргіи или сонливости крови, и какой-то проклятый зудъ.

Судья. Зачѣмъ вы мнѣ все это говорите? Пусть она будетъ чѣмъ угодно.

Фальстафъ. Она происходитъ отъ большихъ огорченій, отъ занятій или потрясенія мозга. Я читалъ о причинѣ ея появленія у Галэна. Это родъ глухоты.

Судья. Мнѣ кажется, что вы заболѣли этой болѣзнью,—вы не слышите, что я вамъ говорю.

Фальстафъ. Вѣрно, милордъ, вѣрно. Или, съ вашего позволенія, я скорѣе страдаю тѣмъ, что не слушаю, не обращаю вниманія на другихъ.

Судья. Если бы васъ отлупить по пяткамъ, вашъ слухъ бы излѣчился. Я, кажется, не откажусь быть вашимъ докторомъ.

Фальстафъ. Я бѣденъ, какъ Іовъ, милордъ, но не такъ терпѣливъ. Вы можете прописать мнѣ микстуру тюремнаго заключенія, въ виду моей бѣдности, но выполню ли я ваши предписанія; мудрецъ можетъ сомнѣваться на драхму или на цѣлый скрупулъ.

ФАЛЬСТАФЪ И ЕГО ПАЖЪ.

Рисунокъ извѣстнаго нѣмецкаго силуэтиста Поля Коневки (Paul Konewka; 1841—1871).

Судья. Я послалъ за вами, чтобы поговорить о дѣлѣ по обвиненію, которое могло вамъ стоить жизни.

Фальстафъ. А я, по совѣту моего очень опытнаго въ англійскихъ законахъ адвоката, не явился.

Судья. Дѣло въ томъ, сэръ Джонъ, что вы живете въ большомъ беззаконіи.

Фальстафъ. Кому нуженъ такой поясъ какъ мнѣ, не можетъ жить въ меньшемъ

Судья. У васъ средства малыя, а аппетиты большіе.

Фальстафъ. Я хотѣлъ бы, чтобы это было наоборотъ: чтобы мои средства были больше, а аппетитъ поменьше.

Судья. Вы совратили съ праваго пути молодого принца.

Фальстафъ. Молодой принцъ совратилъ меня; я толстобрюхій слѣпой, а онъ моя собака.

Судья. Ну, да я не хочу растравлять только что зажившую рану. Ваше поведеніе въ Шрюсбери нѣсколько загладило ваши ночные подвиги въ Гэдсгилѣ; благодарите наше безпокойное время за то, что васъ оставили въ покоѣ по тому дѣлу.

Фальстафъ. Милордъ!

Судья. Но разъ все обошлось, держитесь смирно, чтобы не разбудить спящаго волка.

Фальстафъ. Будить волка такъ же плохо, какъ нюхать слѣдъ лисицы.

Судья. Вы точно свѣчка, лучшая часть которой уже сгорѣла.

Фальстафъ. Большая праздничная свѣча вся изъ сала. Если бы я даже сказалъ— восковая, то мой объемъ подтвердилъ бы это.

Судья. Каждый сѣдой волосъ на вашемъ лицѣ долженъ былъ бы увеличивать вашу внушительность.

Фальстафъ. А развѣ мой вѣсъ не внушителенъ?

Судья. Вы всюду слѣдуете за молодымъ принцемъ, какъ злой ангелъ.

Фальстафъ. Ну, нѣтъ, милордъ, дурной ангелъ очень легокъ, а кто на меня взглянетъ, тотъ навѣрное приметъ меня, не провѣряя вѣса; а все-таки въ нѣкоторомъ отношеніи, сознаюсь, я не имѣю курса. Въ наше продажное время добродѣтель такъ упала въ цѣнѣ, что истиннымъ храбрецамъ остается водить медвѣдей, умницамъ наниматься въ трактирные слуги и тратить свою находчивость на представленіе счетовъ. Всѣ другія качества, присущія человѣку, по нынѣшнимъ злымъ временамъ не стоятъ выѣденнаго яица. Вы, старики, не понимаете, на что мы, молодые, способны; вы мѣрите нашъ жаръ горечью вашей желчи; а мы, находящіеся въ авангардѣ молодости, я долженъ сознаться, склонны иногда къ сумасбродствамъ.

Судья. Какъ это вы причисляете себя къ молодымъ, будучи отмѣчены всѣми признаками старости: развѣ у васъ глаза не слезятся, руки не высохли, щеки не пожелтѣли, борода не побѣлѣла, ноги не ослабѣли, а животъ не отвисъ? Развѣ у васъ не разбитый голосъ, не короткое дыханіе, не двойной подбородокъ и не слабый умъ,— все въ васъ одряхлѣло отъ старости, а вы все-таки считаете себя молодымъ. Стыдно, сэръ Джонъ, стыдно!

Фальстафъ. Милордъ, я родился около трехъ часовъ пополудни съ бѣлой головой и круглымъ животомъ. Что касается моего голоса, то я потерялъ его отъ постояннаго оранія и церковныхъ пѣсенъ. Я не хочу приводить другихъ доказательствъ моей молодости. Если я старъ, то только умомъ и разсудительностью, и если кто хочетъ биться со мной объ закладъ на тысячу марокъ въ томъ, кто лучше прыгаетъ—пусть дастъ деньги, и тогда посмотримъ. Что касается пощечины, которую вамъ далъ принцъ, то онъ поступилъ какъ невѣжливый принцъ, а вы получили ее, какъ разсудительный лордъ. Я его за это выругалъ и молодой левъ кается; конечно, онъ не сидитъ въ рубищѣ и не посыпаетъ голову пепломъ, а, напротивъ того, одѣтъ въ новый атласъ и распиваетъ старый хересъ.

Судья. Пошли Господь принцу лучшаго товарища!

Фальстафъ. Пошли Господь товарищу лучшаго принца. Я не знаю, какъ развязаться съ нимъ.

Судья. Ну, да вѣдь король разлучилъ васъ съ принцемъ Генрихомъ. Я слышалъ, что вы отправляетесь съ лордомъ Джономъ Ланкастерскимъ противъ архіепископа и графа Нортомберлэнда.

Фальстафъ. Да, благодаря вашимъ маленькимъ стараніямъ. Но вы всѣ, покоющіеся дома въ объятіяхъ мира, молитесь о томъ, чтобы наша армія не сошлась съ врагами въ жаркій день,—потому что клянусь Господомъ, я взялъ съ собой только двѣ рубашки и вовсе не желаю слишкомъ потѣть. Если день будетъ жаркій, то пусть мнѣ никогда не выплевывать больше бѣлой слюны, если я буду размахивать чѣмъ нибудь, кромѣ бутылки. Чуть только гдѣ опасное дѣло, какъ меня непремѣнно туда посылаютъ. Но вѣдь я не вѣченъ. Таковы ужъ наши англичане: если у нихъ заведется что-нибудь хорошее, они этимъ не дорожатъ. Если вы настаиваете на томъ, что я старъ, дали бы мнѣ отдохнуть. Лучше бы ужъ мое имя не приводило въ такой ужасъ непріятеля. Лучше быть изъѣденнымъ ржавчиной, чѣмъ истереться въ ничто отъ вѣчнаго движенія.

Судья. Ну, будьте честнымъ человѣкомъ, будьте честнымъ и да благословитъ Господь вашъ походъ.

Фальстафъ. Не одолжите-ли вы мнѣ милордъ, тысячу фунтовъ на подъемъ?

Судья. Ни одного пенни: вы слишкомъ нетерпѣливы, чтобы вамъ давать кресты. Прощайте, передайте привѣтъ моему кузену Вестморлэнду. (*Уходятъ судья и помощникъ*).

Фальстафъ. Пусть мнѣ дадутъ щелчка

въ носъ, если я передамъ твое порученіе. Видно, старость такъ же неразлучна со скупостью, какъ молодость съ распутствомъ. Зато подагра мучаетъ старость, а венера молодость и обѣ эти болѣзни дѣлаютъ ненужными мои дальнѣйшія проклятія. Мальчикъ!

Пажъ. Сэръ?

Фальстафъ. Сколько денегъ у меня въ кошелькѣ?

Пажъ. Семь гротовъ и два пенса.

Фальстафъ. Не могу найти лѣкарства противъ карманной чахотки. Займы только нѣсколько затягиваютъ ее, но болѣзнь неизлѣчима.—Поди, снеси это письмо лорду Ланкастерскому, это принцу, это графу Вестморлэнду, — а это старой мистриссъ Урсулѣ, которой я еженедѣльно клянусь жениться съ тѣхъ поръ, какъ у меня появился первый бѣлый волосъ въ бородѣ. Ступай! ты знаешь, гдѣ отыскать меня. (*Пажъ уходитъ*). Ахъ, чтобы чортъ наслалъ венеру на эту подагру, или подагру на венеру. И та и другая пошаливаютъ въ моемъ большомъ пальцѣ, на ногѣ. Ну, да не бѣда, что я хромаю—я могу все свалить на войну, и тѣмъ легче добиться пенсіи. Умный человѣкъ можетъ все обратить въ свою пользу. Я съумѣю извлечь выгоду даже изъ болѣзней.

СЦЕНА III.

Іоркъ. Комната въ архіепископскомъ дворцѣ.

Входятъ архіепископъ, лорды Гастингсъ, Моврэ и Бардольфъ.

Архіепископъ.

Теперь извѣстны вамъ нашъ планъ и
средства.
Прошу васъ, благородные друзья,
Открыто мнѣнье высказать о нашихъ
Надеждахъ на успѣхъ. Вы, лордъ маршалъ,
Начните. Что намъ скажете?

Моврэ.

Причины,
Приведшія къ возстанью, одобряю.
Но я-бъ хотѣлъ подробнѣе узнать,
На столько-ли велики наши силы,
Что можемъ съ гордо поднятымъ челомъ
Взирать на мощь отрядовъ королевскихъ.

Гастингсъ.

Теперь по спискамъ тысячъ двадцать пять
Отборнаго насчитываемъ войска.
Къ тому-же съ подкрѣпленьями большими
Мы ждемъ великаго Нортомберлэнда,
Чей духъ горитъ враждой непримиримой.

Лордъ Бардольфъ.

Вопросъ, лордъ Гастингсъ, вотъ въ чемъ:
наши двадцать
Пять тысячъ войска устоять-ли могутъ
Безъ помощи Нортомберлэнда?

Гастингсъ.

Могутъ,
Но съ помощью его.

Лордъ Бардольфъ.

Все дѣло въ этомъ.
Но если безъ него мы слишкомъ слабы,
То мой совѣтъ—не заходить далеко,
Пока у насъ не будетъ эта помощь
Въ рукахъ: въ такомъ кровавомъ предпріятьи
Не должно допускать предположеній,
Надеждъ на чью-то помощь, ожиданій.

Архіепископъ.

Лордъ Бардольфъ правъ вполнѣ. Не оттого-ли
Подъ Шрюсбери палъ Готспуръ молодой?

Лордъ Бардольфъ.

О, да, милордъ! Надеждами питаясь,
Проглатывая воздухъ обѣщаній,
Онъ жилъ мечтами о громадномъ войскѣ,—
Оно-жъ на дѣлѣ оказалось меньше
Его мечты скромнѣйшей. Такъ, увлекшись
Воображеньемъ, свойственнымъ безумью,
Своихъ друзей на гибель онъ повелъ
И самъ, глаза зажмуря, прыгнулъ въ бездну.

Гастингсъ.

Но никогда, сознайтесь, не вредило
Счетъ сбыточнымъ надеждамъ подводить.

Лордъ Бардольфъ.

Въ такой войнѣ, какъ наша, это вредно.
Когда ужъ все готово и въ ходу,
Опасно жить надеждами на помощь,
Какъ раннею весной, на почки глядя,
Считать плоды: надежда, что онѣ
Созрѣютъ, не прочнѣе опасенья,
Что ихъ побьетъ морозъ. Чтобъ строить домъ,
Мы почву изучаемъ, чертимъ планъ
И по размѣрамъ счетъ кладемъ расходамъ.
Когда же смѣта выше нашихъ средствъ,
Мы планъ мѣняемъ, сокративъ размѣры,
Иль вовсе мысль бросаемъ о постройкѣ.
Тѣмъ болѣе въ такомъ громадномъ дѣлѣ,
Какъ разрушенье въ цѣломъ государства,
И возведенье новаго, должны мы
Подробно мѣстность изучить и планы,
Условиться о прочномъ основаньи,

Строителей спросить, размѣрить средства,
Узнать, способны-ль мы окончить дѣло
И взвѣсить возраженья всѣ. Не то
Мы укрѣпимся только на бумагѣ,
Взамѣнъ солдатъ получимъ имена,
И будемъ мы, какъ тотъ, кто выше средствъ
Составилъ планъ на зданье, и, достроивъ
До половины, долженъ прекратить
Постройку и оставить цѣнный срубъ
Безъ крыши,—тучамъ плачущимъ въ добычу,
Неистовству зимы на расхищенье.

Гастингсъ.

Но даже допустивъ, что наши всѣ
Столь много обѣщавшія надежды
Должны мертворожденными остаться,
Что больше не дождаться намъ на помощь
Ни одного солдата, полагаю,
Что наша рать достаточно сильна,
Чтобъ потягаться съ войскомъ королевскимъ.

Лордъ Бардольфъ.

Ужель у короля всего лишь двадцать
Пять тысячъ человѣкъ?

Гастингсъ.

На нашу долю
Не болѣе, лордъ Бардольфъ, даже меньше.
При смутахъ нашихъ дней онъ на три части
Былъ вынужденъ все войско подѣлить.
Одна готова съ Франціей сражаться,
Другая—съ Глендоверомъ, только третья
Пойдетъ на насъ. Такъ, войско раздѣливъ
На три отряда, сталъ король безсиленъ.
Его-же сундуки звукъ издаютъ
Печальной пустоты.

Архіепископъ.

Того, что стянетъ
Онъ всѣ войска и противъ насъ направитъ,
Намъ нечего бояться.

Гастингсъ.

Если-бъ онъ
Такъ поступилъ, оставивъ тылъ открытымъ,
Французъ съ валлійцемъ стали-бы хватать
Его за пятки. Нечего бояться.

Лордъ Бардольфъ.

Кто противъ насъ вести назначенъ войско?

Гастингсъ.

Принцъ Джонъ Ланкастерскій и Вестморлэндъ.
Король и Гарри Монмутъ угрожаютъ
Валлійцу. Кто-жъ вождемъ назначенъ противъ
Французовъ, неизвѣстно мнѣ.

Архіепископъ.

Итакъ,
Впередъ. И всенародно объявимъ
Причины, породившія возстанье.
Народу сталъ претить его избранникъ,
И похоть пресыщеніемъ смѣнилась.
Непрочна, неустойчива обитель
Того, кто строитъ на любви народной.
О, буйная толпа! Съ какимъ восторгомъ
Ты небо потрясала похвалами,
Въ честь Болингброка, до того какъ сталъ
Онъ тѣмъ, чѣмъ ты хотѣла, чтобъ онъ сталъ.
Теперь-же, какъ сбылись твои желанья,
Ты такъ полна имъ, грубая обжора,
Что хочешь изъ себя его изрыгнуть.
Такъ, о, собака гнусная, извергла
Ты изъ своей утробы ненасытной
Прекраснаго Ричарда, а теперь
Блевотину свою пожрать желаешь
И воешь, чтобъ тебѣ ее вернули.
Кому-же нынче вѣрить? Тѣ, кто смерти
Желали Ричарду, когда онъ жилъ,
Теперь въ его могилу вдругъ влюбились.
Ты, въ голову священную его
Бросавшій грязью въ день, когда, вздыхая,
Онъ слѣдовалъ черезъ кичливый Лондонъ
За Болингброкомъ, славою покрытымъ,—
Теперь вопишь: „земля, верни того
Мнѣ короля, а этого возьми".
Превратный духъ людей. Въ быломъ, въ грядущемъ
Все хорошо, все дурно въ днѣ текущемъ.

Мобрэ.

Итакъ, мы всѣ готовы для борьбы.

Гастингсъ.

Такъ хочетъ время. Мы—его рабы.

(*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Улица.

Входятъ хозяйка, Коготь *и его мальчикъ*; *потомъ* Силокъ.

Хозяйка. Мистеръ Коготь, занесли ли вы мою жалобу въ списокъ?

Коготь. Занесъ.

Хозяйка. Гдѣ-же вашъ помощникъ? А сильный онъ человѣкъ? Съумѣетъ онъ постоять за себя?

Коготь. Эй, мальчикъ, гдѣ Силокъ?

Хозяйка. О, Господи! гдѣ милый мистеръ Силокъ?

Силокъ. Здѣсь.

Коготь. Силокъ, мы должны арестовать сэръ Джона Фальстафа.

Хозяйка. Да, милый мистеръ Силокъ, я подала на него ко взысканію.

Силокъ. Это можетъ кому нибудь изъ насъ стоить жизни,—онъ возьмется за оружіе.

Хозяйка. Ахъ, Господи, берегитесь его: онъ брался за оружіе, нападая на меня самымъ скотскимъ образомъ въ моемъ собственномъ домѣ. Ему вѣдь ей Богу все нипочемъ, когда онъ обнажитъ оружіе; онъ кидается, какъ дьяволъ; онъ не пощадитъ ни мужчину, ни ребенка.

Коготь. Мнѣ бы только съ нимъ сцѣпиться, а его ударовъ я не боюсь.

Хозяйка. Я тоже не боюсь, я около васъ стоять буду.

Коготь. Пусть онъ только попадется мнѣ въ лапы.

Хозяйка. Его уходъ для меня чистое разореніе; онъ безконечно много задолжалъ мнѣ. Милый мистеръ Коготь, задержите его; милый мистеръ Силокъ, не дайте ему улизнуть. Онъ, съ вашего позволенія, пошелъ покупать сѣдло въ Паштетный уголъ, а потомъ собирался обѣдать въ „Леопардовой Головѣ“ на Ломбардской улицѣ, у торговца шелковыми товарами, мистера Смута. Прошу васъ, разъ моя жалоба записана и дѣло мое извѣстно всему свѣту, заставьте его расплатиться. Сто марокъ не шутка для бѣдной, одинокой женщины; а я все ждала и ждала безъ конца, и онъ меня все обманывалъ и обманывалъ, все отсрочивалъ платежъ со дня на день,—стыдно даже вспомнить. Такъ поступать безчестно, и если женщина не оселъ и не животное, она не снесетъ обиды отъ всякаго. (*Входятъ* сэръ Джонъ Фальстафъ, пажъ и Бардольфъ). Вотъ онъ идетъ, и съ нимъ этотъ красноносый мерзавецъ, Бардольфъ. Исполняйте же вашу обязанность, мистеръ Коготь и мистеръ Силокъ, пожалуйста, исполняйте ее—ради меня.

Фальстафъ. Что такое,—чья кобыла подохла, что случилось?

Коготь. Сэръ Джонъ, я арестую васъ, по взысканію мистриссъ Квикли.

Фальстафъ. Прочь, холопы. Обнажи мечъ, Бардольфъ! Отруби голову этому негоднику, и брось эту шлюху въ канаву.

Хозяйка. Меня въ канаву? Подожди, я тебя самого брошу въ канаву. Ахъ, ты ублюдокъ, ахъ мерзавецъ! Караулъ, рѣжутъ! Ахъ, ты разбойникъ, хочешь убить господнихъ и королевскихъ слугъ? Ахъ, ты душегубъ, мужеубійца и женоубійца!...

Фальстафъ. Убери ихъ, Бардольфъ.

Коготь. На помощь! на помощь!

Хозяйка. Добрые люди, приведите помощь или двѣ помощи!... Такъ ты не хочешь? не хочешь? Пойдешь, подлецъ, пойдешь, пеньковая петля!

Фальстафъ. Прочь, судомойка, прочь, бѣшеная баба, мразь,—а не то тебѣ влетитъ!

(*Входитъ* верховный судья *со свитой*).

Судья. Что случилось? Что за шумъ?

Хозяйка. Милордъ, заступитесь за меня, молю васъ, заступитесь!

Судья.

Сэръ Джонъ! Вы вновь буяните? Теперь
При вашемъ назначеніи и чинѣ?
Вамъ быть бы нужно на дорогѣ въ Іоркъ.
Прочь, господа! Зачѣмъ къ нему пристали?

Хозяйка. Ахъ, высокопочтенный лордъ, я бѣдная вдова изъ Истчипа, и онъ арестованъ по моему взысканію.

Судья. На какую сумму?

Хозяйка. Больше чѣмъ за простую ссуду, милордъ. Онъ у меня отнялъ все, все, что у меня есть. Онъ съѣлъ меня со

всѣмъ моимъ хозяйствомъ и домомъ. Все мое состояніе перешло въ это толстое брюхо; но я выцарапаю хоть что-нибудь обратно, или буду давить тебя по ночамъ, какъ кошмаръ.

Фальстафъ. Ну, я самъ съумѣю давить тебя, если только удастся вскарабкаться.

Судья. Что это значитъ, сэръ Джонъ? Стыдитесь! Какъ можетъ порядочный человѣкъ переносить такую бурю ругательствъ? Какъ вамъ не стыдно заставлять бѣдную вдову прибѣгать къ такимъ грубостямъ для возвращенія ея собственности?

Фальстафъ. Какую такую сумму я тебѣ долженъ? Говори!

Хозяйка. Будь ты честный человѣкъ, ты зналъ бы, что задолжалъ мнѣ не только деньгами, но и своей особой. Помнишь, ты клялся мнѣ на золоченомъ кубкѣ, — это было въ моей дельфиновой комнатѣ, у круглаго стола, передъ каминомъ, гдѣ пылалъ каменный уголь, въ среду послѣ Духова дня, когда принцъ разбилъ тебѣ голову за то, что ты сравнилъ его отца съ виндзорскимъ пѣвчимъ... да, ты клялся мнѣ, когда я промывала тебѣ рану, что женишься на мнѣ, и сдѣлаешь меня барыней. Станешь ты это отрицать? Тутъ еще вошла ко мнѣ сосѣдка Кичь, жена мясника, и назвала меня кумушкой Квикли. Она пришла взять взаймы уксусу, такъ какъ готовила въ этотъ день блюдо изъ раковъ; тебѣ еще захотѣлось поѣсть ихъ, а я сказала, что ѣсть раковъ вредно при свѣжей ранѣ. Развѣ ты мнѣ не сказалъ послѣ ея ухода, чтобы я не разговаривала слишкомъ фамильярно съ такими людишками, потому что они меня скоро будутъ звать барыней? Развѣ ты не поцѣловалъ меня и не велѣлъ принести тебѣ тридцать шиллинговъ. Я тебя заставлю присягнуть на Библіи — попробуй отпереться.

Фальстафъ. Милордъ, она жалкая помѣшанная; она на весь городъ кричитъ, что ея старшій сынъ похожъ на васъ. У нея было прежде хорошее состояніе, но она обѣднѣла и вслѣдствіе этого лишилась разсудка. А что касается этихъ глупыхъ судейскихъ, то я требую удовлетворенія.

Судья. Сэръ Джонъ, сэръ Джонъ, я хорошо знаю вашу манеру извращать истину. Ваша увѣренность и весь этотъ потокъ словъ, который вы извергаете съ такой безстыдной наглостью, не заставятъ меня отступиться отъ безпристрастія. Я вижу, что вы злоупотребили слабохарактерностью этой женщины, и пользовались ея деньгами и ею самою.

Хозяйка. Истинно такъ, милордъ.

Судья. Помолчи, пожалуйста. Заплатите ей долгъ и загладьте вашу вину относительно нея. Первое вы можете сдѣлать уплатой звонкой монеты, а второе искреннимъ раскаяніемъ.

Фальстафъ. Милордъ, я не могу оставить этого выговора безъ отвѣта. Вы называете благородную смѣлость безстыдною наглостью; по вашему, добродѣтеленъ тотъ, кто отвѣшиваетъ поклоны и молчитъ. Нѣтъ, милордъ, при всемъ моемъ почтеніи къ вамъ, я вамъ кланяться не стану. Я требую, чтобы меня освободили отъ этихъ стражей, такъ какъ у меня спѣшное дѣло на королевской службѣ.

Судья. Вы какъ будто считаете себя вправѣ поступать беззаконно, но лучше отвѣтьте дѣломъ, а чтобы сохранить доброе имя, удовлетворите эту бѣдную женщину.

Фальстафъ. Иди сюда, хозяйка (*отводитъ ее въ сторону*).

(*Входитъ* Гоуэръ).

Судья. Что слышно, мистеръ Гоуэръ?

Гоуэръ.

Милордъ, король и принцъ Уэльскій вскорѣ
Прибудутъ. Здѣсь прочтете остальное.

(*Передаетъ письма*).

Фальстафъ. Клянусь, какъ дворянинъ!

Хозяйка. Нѣтъ—это я уже слышала.

Фальстафъ. Даю слово дворянина—и не будемъ больше говорить объ этомъ.

Хозяйка. А я клянусь тебѣ этой небесной землей, по которой я ступаю, что мнѣ придется заложить посуду и драпировки изъ столовой.

Фальстафъ. Оставь только стаканы—это все, что нужно для питья. А что касается стѣнъ—то если повѣсить на нихъ какую-нибудь веселую картинку, исторію блуднаго сына, или германскую охоту, написанную акварелью, это лучше будетъ тысячи зановѣсокъ или изъѣденныхъ молью драпировокъ. Ну, дай хоть десять фунтовъ, если можешь. Право, еслибы не твои капризы, во всей Англіи не было бы лучшей женщины, чѣмъ ты. Ну поди, вымой лицо и возьми назадъ свою жалобу. Право, не слѣдъ тебѣ ссориться со мной. Неужели ты мнѣ не вѣришь? Вѣдь я знаю, что тебя другіе настроили противъ меня.

Хозяйка. Пожалуйста, сэръ Джонъ,

удовольствуйтесь двадцатью ноблями. Право, мнѣ не хочется нести въ залогъ посуду.

Фальстафъ. Ну, какъ хочешь—я ужъ какъ нибудь извернусь. Ты весь вѣкъ будешь дурой.

Хозяйка. Хорошо, хорошо—будутъ вамъ деньги, хотя бы мнѣ пришлось заложить платье. Надѣюсь, вы придете ужинать? Такъ вы мнѣ сразу все выплатите?

Фальстафъ. Умереть мнѣ на мѣстѣ... (*Бардольфу*). Иди за ней, иди за ней, и не отставай.

Хозяйка. Не позвать ли къ ужину Долли Тиршитъ?

Фальстафъ. Полно толковать—позови ее, позови.

(*Уходятъ хозяйка, Бардольфъ, чиновники и мальчикъ*).

Судья. Новости то не изъ пріятныхъ.

Фальстафъ. Какія вѣсти, милордъ?

Судья. Гдѣ провелъ король прошлую ночь?

Гоуэръ. Въ Базингстокѣ, милордъ.

Фальстафъ. Надѣюсь, милордъ, что все обстоитъ благополучно? Какія вѣсти у васъ, милордъ?

Судья. Всѣ ли войска съ нимъ?

Гоуэръ.

Нѣтъ, тысячу пятьсотъ пѣхоты разной
И всадниковъ пятьсотъ послалъ онъ къ лорду
Ланкастрскому на помощь противъ войскъ
Епископа Іоркскаго и графа Нортомберланда.

Фальстафъ. Развѣ король возвращается изъ Уэльса, милордъ?

Судья. Я вамъ немедленно дамъ письма. Пойдемте со мной, мистеръ Гоуэръ!

Фальстафъ. Милордъ...

Судья. Что вамъ угодно?

Фальстафъ. Мистеръ Гоуэръ, позвольте пригласить васъ отобѣдать со мной.

Гоуэръ. Благодарю васъ, сэръ Джонъ,—меня требуетъ къ себѣ милордъ.

Судья. Вы напрасно медлите здѣсь, сэръ Джонъ, вмѣсто того, чтобы вербовать солдатъ въ графствахъ.

Фальстафъ. Не отужинаете ли вы со мной, мистеръ Гоуэръ?

Судья. Какой дуракъ научилъ васъ такимъ манерамъ, сэръ Джонъ?

Фальстафъ. Мистеръ Гоуэръ, если онѣ мнѣ не къ лицу, то конечно тотъ, кто меня имъ научилъ—дуракъ. Вотъ какъ слѣдуетъ фехтовать, милордъ, ударъ за ударъ! А затѣмъ, прощайте.

СИЛОКЪ И КОГОТЬ.
Силуэты Поля Коневки (Paul Konewka).

Судья. Ну, да просвѣтитъ тебя Господь! Ты большой дуракъ.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Тамъ же; другая улица.

Входятъ принцъ Генрихъ *и* Пойнсъ.

Принцъ Генрихъ. Я ужасно усталъ, ей Богу.

Пойнсъ. Неужели? я не думалъ, чтобы усталость смѣла посягнуть на такую высокорожденную особу!

Принцъ Генрихъ. Однако это такъ, хотя такое признаніе можетъ быть и заставляетъ краснѣть мое величіе. Не низменно-ли также пожелать выпить простого пива?

Пойнсъ. Да, принцу слѣдовало бы быть болѣе утонченнымъ и не думать о такихъ жалкихъ напиткахъ.

Принцъ Генрихъ. Ну, значитъ мой аппетитъ не княжескій—потому что я теперь именно хочу скромнаго простого пива. Но, дѣйствительно, скромность моихъ вкусовъ расходится съ моимъ высокимъ саномъ. Развѣ мнѣ пристало помнить твое имя? Или узнавать тебя на слѣдующій день, или знать, сколько у тебя паръ шелковыхъ чулокъ, т.-е. помнить, что кромѣ вотъ этихъ у тебя есть еще другіе персиковаго цвѣта? Или вести счетъ твоимъ рубашкамъ, знать, что есть одна для смѣны, другая на тѣлѣ? Впрочемъ, это знаетъ лучше меня сторожъ при площадкѣ для игры въ тенисъ; если тебя тамъ нѣтъ съ ракеткой въ рукахъ, значитъ бѣлье твое уплыло... А ты давно не игралъ, потому что на свои нидерланды извелъ все свое голландское полотно. Богъ вѣсть, заслужатъ ли царства небеснаго тѣ дѣти, которыя пищатъ изъ остатковъ твоего полотна, разорваннаго на пеленки; впрочемъ, по увѣренію повивальныхъ бабокъ, дѣти неповинны въ томъ, что міръ все болѣе заселяется и родственныя связи разростаются.

Пойнсъ. Какъ не вяжутся съ вашимъ серьезнымъ дѣломъ такія праздныя шутки! Скажите сами, какой другой добродѣтельный принцъ велъ бы такія рѣчи, если бы отецъ его былъ такъ боленъ, какъ вашъ теперь?

Принцъ Генрихъ. Сказать тебѣ коечто, Пойнсъ?

Пойнсъ. Скажите, только ужъ пожалуйста что-нибудь очень хорошее.

Принцъ Генрихъ. Для такого ограниченнаго ума, какъ твой, мои слова будутъ достаточно хороши.

Пойнсъ. Говорите, я уже приготовился къ тому, что вы скажете.

Принцъ Генрихъ. Ну, такъ вотъ—мнѣ не подобаетъ быть грустнымъ, когда мой отецъ боленъ; хотя и признаюсь тебѣ, котораго, за неимѣніемъ лучшаго, мнѣ угодно называть другомъ, что я печаленъ, и даже очень.

Пойнсъ. Едва ли изъ-за этого.

Принцъ Генрихъ. Клянусь этой рукой, ты, кажется, думаешь, что я записанъ въ книгу дьявола такими же неизгладимыми буквами, какъ ты и Фальстафъ, за свою черствость и закоснѣлость. Но поживемъ—увидимъ. Я говорю тебѣ, что сердце мое обливается кровью при мысли о болѣзни отца, и только въ такомъ бурномъ обществѣ, какъ твое, я долженъ удерживаться отъ проявленія моей печали.

Пойнсъ. А по какой причинѣ?

Принцъ Генрихъ. Что бы ты подумалъ обо мнѣ, если бы я заплакалъ?

Пойнсъ. Я подумалъ бы, что ты изъ всѣхъ принцевъ самый большой лицемѣръ.

Принцъ Генрихъ. И всякій подумалъ бы то же самое; твое счастье, что ты думаешь, какъ всѣ; ничьи мысли на свѣтѣ такъ не держались избитаго пути, какъ твои; конечно, каждый счелъ бы меня лицемѣромъ. А что собственно склоняетъ твою высокочтимую мысль къ такому заключенію?

Пойнсъ. Твое распутство и твоя близость къ Фальстафу.

Принцъ Генрихъ. И къ тебѣ

Пойнсъ. Клянусь свѣтомъ дня, я пользуюсь хорошей славой—это я слышалъ собственными ушами; самое худшее, что обо мнѣ могутъ сказать, это то, что я младшій сынъ и потому живу на свой собственный страхъ. Ни того, ни другого я, сознаюсь, не могу отвратить... Клянусь обѣдней, вотъ идетъ Бардольфъ.

(*Входятъ* Бардольфъ *и* пажъ).

Принцъ Генрихъ. А съ нимъ и мальчикъ, котораго я приставилъ къ Фальстафу. Онъ былъ совсѣмъ еще христіанскимъ ребенкомъ, когда поступилъ къ нему, а теперь, смотри—этотъ жирный мерзавецъ превратилъ его въ настоящую обезьяну.

Бардольфъ. Да хранитъ Господь вашу милость!

Принцъ Генрихъ. И вашу, благороднѣйшій Бардольфъ.

Бардольфъ (*пажу*). Ну, ты, добродѣтельный оселъ, застѣнчивый дуракъ, чего ты постоянно краснѣешь? Почему ты теперь покраснѣлъ? Не солдатъ ты, а красная дѣвица. Велика важность осушить кружку пива въ четыре пинты.

Пажъ. Онъ только что позвалъ меня, милордъ, черезъ красный ставень харчевни, и я не могъ различить черезъ окно ни одной части его лица. Наконецъ, я разглядѣлъ его глаза: мнѣ показалось, что онъ сдѣлалъ двѣ дыры въ новой юбкѣ трактирщицы и выглядываетъ оттуда.

Принцъ Генрихъ. Вотъ видишь, мальчикъ, кажется, сдѣлалъ успѣхи.

Бардольфъ. Пошелъ вонъ, непотребный двуногій заяцъ! пошелъ вонъ!

Пажъ. Пошелъ вонъ, безпутный сонъ Алтеи!

Принцъ Генрихъ. Какой такой сонъ, мальчикъ, объясни намъ?

Пажъ. Да видите, милордъ, Алтеѣ приснилось, что она родила пылающую головню; вотъ я и прозвалъ его сномъ Алтеи.

Принцъ Генрихъ. Объясненіе это стоитъ кроны. Вотъ тебѣ, мальчикъ (*даетъ ему деньги*).

Пойнсъ. Если бы можно было уберечь этотъ прекрасный бутонъ отъ червей! Ну, вотъ тебѣ шесть пенсовъ, чтобы ты не пропалъ.

Бардольфъ. Если вы не позаботитесь о томъ, чтобы его вздернули, вы нанесете обиду висѣлицѣ.

Принцъ Генрихъ. А какъ поживаетъ твой господинъ, Бардольфъ?

Бардольфъ. Хорошо, добрый лордъ. Онъ узналъ о пріѣздѣ вашей милости въ Лондонъ—вотъ вамъ письмо (*подаетъ письмо*).

Пойнсъ. Доставлено съ должнымъ почтеніемъ. Какъ же здоровье твоего начальника, бабьяго лѣта?

Бардольфъ. Тѣло его пребываетъ въ вожделѣнномъ здравіи, сэръ.

Пойнсъ. Зато безсмертная часть его нуждается во врачѣ, но это его не печалитъ—она хоть и больна, да не умираетъ.

Принцъ Генрихъ. Я позволяю этому наросту обходиться со мной запросто, какъ моей собакѣ, и онъ этимъ пользуется — смотри, что онъ пишетъ.

Пойнсъ (*читаетъ*). „Отъ Джона Фальстафа, рыцаря"—при каждомъ случаѣ онъ себя такъ называетъ, какъ люди, которые сродни королямъ; они никогда не уколятъ пальца, не сказавъ: „вотъ пролилась королевская кровь".—Какъ такъ, спрашиваетъ тотъ, кто притворяется непонимающимъ; и отвѣтъ слѣдуетъ такъ же быстро, какъ летитъ шапка съ головы просителя: „я бѣдный родственникъ короля, сэръ".

Принцъ Генрихъ. Да, они непремѣнно хотятъ считаться нашими родственниками, хотя бы для этого пришлось вести родословную отъ Іафета. Прочитай письмо.

Пойнсъ. „Отъ сэра Джона Фальстафа, рыцаря, сыну короля, ближайшему наслѣднику своего отца, Гарри, принцу Уэльскому, привѣтъ"—да вѣдь это точно оффиціальная бумага.

Принцъ Генрихъ. Читай!

Пойнсъ. „Я хочу уподобиться благороднымъ римлянамъ по краткости".—Онъ вѣроятно думалъ о краткости дыханія, объ одышкѣ.—„Я поручаю себя твоей благосклонности, привѣтствую тебя и уѣзжаю. Не будь слишкомъ близокъ съ Пойнсомъ; онъ такъ злоупотребляетъ твоимъ расположеніемъ, что клянется, будто ты собираешься жениться на его сестрѣ Нелли. Покайся, сколько можешь, въ своихъ грѣхахъ въ свободныя минуты, и прощай. Остаюсь твой или не твой (смотря по твоему обращенію) Джэкъ Фальстафъ для моихъ пріятелей, Джонъ для моихъ братьевъ и сестеръ, сэръ Джонъ для всей Европы".—Милордъ, я обмокну это письмо въ хересъ и заставлю Фальстафа проглотить его.

Принцъ Генрихъ. Ты этимъ заставишь его проглотить десятка два его собственныхъ словъ. Но неужели ты такъ поступаешь со мною, Недъ? Развѣ я долженъ жениться на твоей сестрѣ?

Пойнсъ. Пошли Богъ бѣдняжкѣ не худшую участь! Но я этого никогда не говорилъ.

Принцъ Генрихъ. Вотъ мы такъ праздно убиваемъ время, а души мудрецовъ сидятъ въ облакахъ и смѣются надъ нами. (*Бардольфу*). Твой начальникъ теперь въ Лондонѣ?

Бардольфъ. Да, милордъ.

Принцъ Генрихъ. Гдѣ онъ ужинаетъ? Все въ прежнемъ хлѣвѣ кормится, старый боровъ?

Бардольфъ. Да, попрежнему, милордъ, въ Истчипѣ.

Принцъ Генрихъ. Въ какой компаніи?

Пажъ. Съ гуляками стараго прихода, милордъ.

Принцъ Генрихъ. Будутъ съ нимъ женщины?

Пажъ. Ни одной, милордъ, кромѣ мистриссъ Квикли и мистриссъ Долли Тиршитъ.

Принцъ Генрихъ. Это что еще за тварь?

Пажъ. Очень приличная женщина, сэръ, и родственница моего господина.

Принцъ Генрихъ. Такая же родственница, какъ деревенская корова городскому быку. Что-жъ, Недъ, не накрыть ли намъ ихъ за ужиномъ?

Пойнсъ. Я ваша тѣнь, милордъ, я слѣдую за вами.

Принцъ Генрихъ. Слушай, мальчикъ, и ты, Бардольфъ—ни слова вашему господину о томъ, что я пріѣхалъ въ Лондонъ. Вотъ вамъ за ваше молчаніе.

Бардольфъ. Я онѣмѣлъ, сэръ.

Пажъ. Я тоже съумѣю держать языкъ за зубами.

Принцъ Генрихъ. Хорошо, ступай. (*Уходятъ Бардольфъ и пажъ*). Эта Долли Тиршитъ, вѣроятно, нѣчто вродѣ проѣзжей дороги?

Пойнсъ. Навѣрное такая же изъѣзженная, какъ дорога между Сентъ-Альбаномъ и Лондономъ.

Принцъ Генрихъ. Какъ бы намъ сегодня увидать Фальстафа въ настоящемъ свѣтѣ и такъ, чтобы насъ не видѣли?

Пойнсъ. Одѣнемъ кожаныя куртки и передники и будемъ прислуживать за ужиномъ вмѣсто слугъ.

Принцъ Генрихъ. Изъ бога превратиться въ быка—паденіе не малое. Однако нѣчто подобное бывало и съ Юпитеромъ. Изъ принца стать лакеемъ—низменное превращеніе. Но я и на это пойду. Для такой цѣли можно и сумасбродство совершить.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Варквортъ. Передъ замкомъ.

Входятъ Нортомберлэндъ, лэди Нортомберлэндъ *и* лэди Перси.

Нортомберлэндъ.

Прошу тебя, о нѣжная супруга
И дорогая дочь, свободнымъ дайте
Итти путемъ моимъ дѣламъ печальнымъ.
Не будьте сумрачны, какъ наши дни.
Подобно имъ, не огорчайте Перси.

Лэди Нортомберлэндъ.

Я, что могла, сказала и смолкаю.
Творите, что хотите. Ваша мудрость
Пусть вамъ укажетъ путь.

Нортомберлэндъ.

Увы, любимый другъ.
Я честь свою оставилъ, какъ залогъ,
И лишь отъѣздомъ на войну возможно
Мнѣ выкупить ее.

Лэди Перси.

Во имя Бога,
Не отправляйтесь на войну вы эту!
Ужъ разъ, отецъ, вы слову измѣнили,
Хоть были вы имъ связаны сильнѣй:
Когда родной вашъ Перси, мой сердечно
Любимый Гарри, взоры устремлялъ
На сѣверъ, не увидитъ-ли отца,
Идущаго съ подмогой, но напрасно.
Кто васъ тогда склонялъ остаться дома?
Въ тотъ страшный день обоимъ вамъ грозила
Потеря чести. Что до васъ, пусть снова
Лучемъ небесъ заблещетъ ваша честь.
Но честь его! Она надъ нимъ всю жизнь
Сверкала, точно солнце средь лазури,
И свѣтъ ея звалъ къ доблестнымъ дѣламъ
Все рыцарство англійское. Мой Гарри
Былъ зеркаломъ для молодежи знатной.
Одни безногіе не подражали
Его походкѣ. Слишкомъ быстрый говоръ—
Случайный въ немъ природный недостатокъ—
И тотъ сталъ вскорѣ признакомъ героевъ.
Кто-жъ одаренъ былъ тихой, плавной рѣчью,
Тотъ на порокъ достоинство мѣнялъ,
Лишь только-бъ походить на Гарри Перси.
Такъ рѣчь его, походка, образъ жизни,
Любимыя забавы, упражненья
Военныя, привычки и причуды,—
Все становилось зеркаломъ и цѣлью,
Уставомъ, образцомъ для всѣхъ другихъ.
И отъ него, отъ лучшаго изъ смертныхъ,
Отъ чуда средь людей, кто ни предъ кѣмъ
Еще не отступалъ, вы отступились,
Безъ помощи покинули его
Лицомъ къ лицу съ жестокимъ богомъ смерти,
Средь войска, гдѣ про доблесть говорило
Лишь имя Готспура. Такъ никогда,
О никогда, молю, не оскорбляйте
Его безплотной тѣни и не будьте
Честнѣй съ другими, чѣмъ вы были съ нимъ.
Оставьте ихъ однихъ. Безъ васъ довольно
Сильны архіепископъ и маршалъ.
Имѣй мой милый Гарри половину
Ихъ войска, я теперь-бы обвивала
Руками шею Готспура и съ нимъ
О смерти Монмута вела бесѣду.

Нортомберлэндъ.
Смири свою печаль, дитя родное,
Во мнѣ ты бодрость духа убиваешь,
Оплакивая старыя ошибки.
Итти я долженъ, чтобъ опасность встрѣтить
Лицомъ къ лицу. Не то она настигнетъ
Меня въ другое время болѣ слабымъ.

Лэди Нортомберлэндъ.
Въ Шотландію бѣги, пока народъ
И знать своей не обнаружатъ силы.

Лэди Перси.
Коль одолѣть имъ короля удастся,
Пристаньте къ нимъ, сплотите ихъ, какъ обручъ,
Чтобъ сильное еще сильнѣе стало.
Но раньше пусть сражаются одни,
Какъ Гарри вашъ. Вы это допустили,
И вотъ теперь осталась я вдовой
Чтобъ вѣчно, сколько-бъ лѣтъ я ни жила,
Слезами орашать супруга память,
Пока она не разцвѣтетъ до неба.

Нортомберлэндъ.
Идемъ, идемъ. Душа моя подобна
Приливу, что достигъ уже предѣла
И вдругъ остановился безъ движенья.
Пристать къ архіепископу хотѣлъ я,
Но тысяча мѣшаетъ мнѣ причинъ.
Итакъ, въ Шотландію. Тамъ буду ждать доколѣ
Судьба не повелитъ предстать на бранномъ полѣ.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА IV.

Лондонъ. Комната въ тавернѣ Кабаньей Головы въ Истчипѣ.

Входятъ двое слугъ.

Первый слуга. Зачѣмъ, чортъ возьми, ты принесъ печеныя яблоки? Ты вѣдь знаешь, что сэръ Джонъ терпѣть не можетъ печеныхъ яблокъ?

Второй слуга. Ты правъ, клянусь обѣдней. Принцъ однажды поставилъ передъ нимъ блюдо печеныхъ яблокъ и сказалъ ему, что вотъ еще пять сэровъ Джоновъ; снявъ шляпу, онъ добавилъ: „Имѣю честь раскланяться съ этими шестью черствыми, старыми, круглыми, сморщенными рыцарями“. Сэръ Джонъ очень злился, но навѣрное уже забылъ объ этомъ.

Первый слуга. Ну, такъ накрой столъ для дессерта и поставь ихъ. Поищи, не встрѣтится ли тебѣ гдѣ-нибудь Сникъ съ его музыкантами. Мистриссъ Тиршитъ хотѣла-бы послушать музыку. Поторопись. Въ комнатѣ, гдѣ они ужинали, очень жарко; они сейчасъ придутъ сюда.

Второй слуга. Слушай: сюда сейчасъ прибудутъ принцъ и мистеръ Пойнсъ; они надѣнутъ наши куртки и передники и сэръ Джонъ не долженъ объ этомъ знать. Бардольфъ былъ здѣсь и предупредилъ объ этомъ.

Первый слуга. Вотъ такъ потѣха будетъ, чортъ возьми. Отлично придумано.

Второй слуга. Пойду поищу Сника.

(*Уходитъ. Входятъ* хозяйка и мистриссъ Тиршитъ).

Хозяйка. Право, душечка, у васъ кажется отличная температура! Вашъ пульсикъ рвется такъ быстро, какъ только можно пожелать, а личико у васъ, даю слово, румяное, какъ у розы. Но вы, кажется, выпили слишкомъ много канарскаго вина; оно удивительно какъ пробираетъ и проникаетъ въ кровь, прежде чѣмъ успѣешь подумать, что съ тобой такое. Ну, а какъ вы себя теперь чувствуете?

Долли. Немного лучше.

Хозяйка. Хорошо сказано! Доброе сердце лучше золота. Вотъ и сэръ Джонъ.

(*Входитъ* Фальстафъ, *напѣвая*).

Фальстафъ. „Когда Артуръ явился ко двору“... вынесите горшокъ... „онъ былъ достойнымъ королемъ“. (*Уходитъ слуга*). Какъ вы себя чувствуете, мистриссъ Долли?

Хозяйка. Ей стало дурно—отъ духоты ей грудь сдавило.

Фальстафъ. Всѣ женщины таковы. Какъ только ихъ придавишь — имъ сдѣлается дурно.

Долли. Ахъ, поганый тетеревъ, такъ-то вы меня успокаиваете!

Фальстафъ. Тетерева изъ-за васъ жирѣютъ, мистриссъ Долли.

Долли. Изъ-за меня? нѣтъ, отъ обжорства и болѣзней, а не изъ-за меня.

Фальстафъ. Если повара порождаютъ обжорство, то ты, и такія какъ ты, порождаютъ болѣзни. Эти подарочки мы получаемъ отъ васъ, Долли. Согласитесь съ этимъ, моя невинная овечка.

Долли. Вовсе нѣтъ!—это вы отбираете у насъ наши цѣпочки и драгоцѣнности.

Фальстафъ. „Брошки, жемчугъ и золото“—когда бьешься храбро, то уходишь съ поля битвы, хромая. Идешь въ атаку,

храбро подымаешь пику, а потомъ также храбро идешь къ хирургу, который храбро берется за начиненные колчаны.

Долли. Чтобъ тебя повѣсили, грязный морской угорь!

Хозяйка. Старая исторія, стоитъ вамъ двоимъ встрѣтиться, какъ непремѣнно подеретесь. Вы раздражительны, точно двѣ поджаренныя безъ масла корки, что никакъ не могутъ быть вмѣстѣ, не царапаясь. Что за несчастіе! Долженъ же кто-нибудь уступить—и, конечно, вы, мистриссъ Долли. Вы слабѣйшій сосудъ и, какъ говорятъ, порожній сосудъ.

Долли. Можетъ ли слабый порожній сосудъ вмѣстить такую бочку? Въ немъ цѣлый грузъ бордосскаго вина: ни на одномъ торговомъ суднѣ трюмъ не бываетъ болѣе нагруженъ. Ну, да ужъ такъ и быть—помиримся, Джэкъ. Ты отправляешься на войну, и какъ знать, увидимся ли мы еще съ тобой. (*Входитъ слуга*).

Слуга. Сэръ, пришелъ прапорщикъ Пистоль и хочетъ васъ видѣть.

Долли. Повѣсить бы его, хвастливаго забіяку. Не пускайте его сюда,—это самый негодный сквернословъ въ Англіи.

Хозяйка. Если онъ забіяка, не пускайте его сюда — ни за что. У меня вѣдь есть сосѣди Не нужно мнѣ забіякъ, я въ почетѣ у самыхъ лучшихъ людей. Закройте двери! Не пускать забіякъ. Не для того я такъ долго жила, чтобы теперь имѣть дѣло съ забіяками. Закройте двери, прошу васъ.

Фальстафъ. Послушай, однако, хозяйка...

Хозяйка. Пожалуйста успокойтесь, сэръ Джонъ, мы не пустимъ сюда забіякъ.

Фальстафъ. Да развѣ ты не слышишь, что это мой прапорщикъ.

Хозяйка. Глупости, сэръ Джонъ — лучше и не говорите. Вашего забіяку-прапорщика я не пущу. Я была на-дняхъ у мистера Тиссика, нашего комиссара, и онъ мнѣ сказалъ, — это было не далѣе, чѣмъ въ прошлую среду: „сосѣдка Квикли", сказалъ онъ, мистеръ Домбъ, нашъ пастырь, былъ при этомъ; „сосѣдка Квикли", сказалъ онъ, „пускайте къ себѣ только вѣжливыхъ людей, потому что", сказалъ онъ, „про васъ идетъ дурная слава", а я знаю, почему онъ это сказалъ,—„потому что", сказалъ онъ, „вы честная женщина, и на хорошемъ счету; будьте же осторожны, и принимайте гостей съ разборомъ". „Не принимайте", сказалъ онъ, „забіякъ". Я не впущу забіяку. Вы бы перекрестились, если бы слышали, какъ онъ это сказалъ. Нѣтъ, я не пущу сюда забіяку.

Фальстафъ. Онъ не забіяка, хозяйка, а мелкій плутъ. Его хоть по спинѣ гладь, какъ маленькую левретку: онъ не заденетъ и индюшки, если она взъерошитъ перья и будетъ сопротивляться. Позови его, слуга.

Хозяйка. Вы говорите, что онъ плутъ; я не заграждаю путь къ себѣ въ домъ ни честному человѣку, ни плуту, но я не люблю забіякъ. Мнѣ сразу становится дурно при одномъ напоминаніи о нихъ. Потрогайте меня, господа, какъ меня всю трясетъ, посмотрите.

Долли. Правда, хозяйка, вы дрожите.

Хозяйка. Не правда-ли, какъ осиновый листъ? Я не выношу забіякъ.

(*Входятъ* Пистоль, Бардольфъ *и* пажъ).

Пистоль. Да хранитъ васъ Господь, сэръ Джонъ.

Фальстафъ. Здравствуй, прапорщикъ Пистоль. Вотъ, Пистоль, я тебя заряжаю стаканомъ хереса—а ты пали въ хозяйку.

Пистоль. Я выпалю въ нее двумя пулями, сэръ Джонъ.

Фальстафъ. Она обстрѣлена, ее такими зарядами не проймешь.

Хозяйка. Я до такихъ напитковъ, какъ ваши пули и заряды, не охотница — и не буду пить больше, чѣмъ влѣзетъ—ни для чьего удовольствія.

Пистоль. Ну, такъ я выпалю въ васъ, мистриссъ Доротея.

Долли. Въ меня? Мнѣ наплевать на тебя, гнусный мерзавецъ. Ахъ, ты низкій оборванецъ, негодяй, обманщикъ, оборвышъ, не имѣющій рубашки на тѣлѣ. Убирайся, заплѣснѣвшій плутъ, убирайся! Я тутъ не для тебя, а для твоего господина.

Пистоль. Я знаю васъ, мистриссъ Доротея.

Долли. Убирайся, негодный карманный воришка! Прочь, мерзкій грабитель! Клянусь этимъ виномъ, я воткну ножъ въ твою грязную глотку, если ты будешь приставать ко мнѣ. Убирайся, пьяный негодяй, истасканный шутъ. Съ которыхъ поръ это ты знаешь меня? Господи помилуй, подумаешь, какая важность, что у него два шнура на плечѣ болтаются!

Пистоль. Провалиться мнѣ на мѣстѣ, если я не обомну тебѣ оборки за это.

Фальстафъ. Отстань, Пистоль — не ссорься здѣсь. Убирайся отсюда, Пистоль.

Хозяйка. Да, добрый капитанъ Пи-

ПИСТОЛЬ И ХОЗЯЙКА „КАБАНЬЕЙ ГОЛОВЫ“.

Силуэтъ Поля Коневки (Paul Konewka).

столь, не ссорьтесь здѣсь, гдѣ угодно буяньте, только не здѣсь, дорогой капитанъ.

Долли. Капитанъ? Проклятый обманщикъ! Не стыдно тебѣ величаться капитаномъ? Будь я на мѣстѣ капитановъ, я бы отколотила тебя за то, что ты присваиваешь себѣ ихъ званіе, не дослужившись до него. Какой ты такой капитанъ? Низкій ты человѣкъ? За что тебя произвели въ капитаны? За то, что ты рвешь оборки у потаскушекъ въ публичныхъ домахъ? Онъ капитанъ! Повѣсить бы его, мерзавца. Онъ живетъ тухлымъ черносливомъ и сухими корками. Онъ капитанъ! Такіе мерзавцы и самое слово „капитанъ“, сдѣлали такимъ же мерзкимъ, какъ слово „обладать“, которое было хорошимъ словомъ, прежде чѣмъ ему не придали сквернаго смысла. Пора, чтобы настоящіе капитаны положили этому конецъ.

Бардольфъ. Пожалуйста, уйди, милый прапорщикъ.

Фальстафъ. Мистриссъ Долли, поди сюда на одно слово.

Пистоль. Чтобъ я ушелъ? Нѣтъ, капралъ Бардольфъ. Я способенъ разорвать ее—вотъ что я тебѣ скажу. Я ей отомщу.

Пажъ. Пожалуйста, уйди.

Пистоль. Нѣтъ, не раньше чѣмъ упрячу ее въ адъ—въ проклятое озеро Плутона, въ кромѣшную глубину ада, вмѣстѣ съ Эребомъ, и пусть ее мучатъ такими же гнусными пытками. Давайте сюда уды и удилища, говорю я. Спѣшите же, собаки! Тащите ее внизъ, парки. Не Ирена ли передъ нами?

Хозяйка. Добрый капитанъ, успокойтесь, прошу васъ! Теперь поздно. Укротите свой гнѣвъ.

Пистоль.

Вотъ такъ потѣха. Водовозныхъ клячъ,
Одровъ татарскихъ, дѣлающихъ въ день
Съ усильемъ тридцать верстъ—вдругъ принимать
За Цезарей или за Канибаловъ
Иль за троянскихъ грековъ. Пусть проклятье
Падаетъ на нихъ и Цербера, ихъ князя.
И пусть небесный громъ ихъ разразитъ.
Что спорить намъ изъ-за такого вздора!

Хозяйка. Клянусь душой, капитанъ, очень вы сердитыя слова говорите.

Бардольфъ. Уходите, добрый прапорщикъ, а то дѣло дойдетъ до драки.

Пистоль. Пусть люди дохнутъ, какъ собаки, а вѣнцы отдаются, какъ булавки. Не Ирена-ли передъ нами?

Хозяйка. Даю вамъ слово, капитанъ, что такой здѣсь нѣтъ. Господи помилуй, неужели бы я ее прятала отъ васъ? Ради Бога, успокойтесь.

Пистоль.

Красавица моя Калиполида,
Ѣшь и толстѣй. Эй, хереса сюда!
Si fortune me tormente, sperato me contente.
Бояться-ль залпа? Нѣтъ, пусть врагъ палитъ.
Эй, хереса! А ты ложись, красотка.

(*Кладетъ около себя свою шпагу*).

Фальстафъ. Смирно, Пистоль.

Пистоль. Дорогой рыцарь, я цѣлую твой кулакъ. Развѣ мы не видали съ тобой вмѣстѣ семизвѣздія?

Долли. Ради Бога, сбросьте его съ лѣстницы. Я не могу выносить этого вздорнаго мерзавца.

Пистоль. Сбросить его съ лѣстницы! Знаемъ мы такихъ голлоуэйскихъ клячъ, какъ ты!

Фальстафъ. Выброси его, Бардольфъ, какъ негодную игорную марку. Если онъ болтаетъ, чтобы ничего не сказать, пусть онъ самъ обратится въ ничто.

Бардольфъ. Ну ступай, ступай.

Пистоль.

Что? Надобно колоть и кровь пускать?

(*Схватываетъ шпагу*).

Смерть, усыпи-жъ меня. Прерви мой скорбный вѣкъ.
Пусть тяжкія, зіяющія раны
Приманятъ трехъ сестеръ. Ты, Атропосъ, ко мнѣ!

Хозяйка. Вотъ такъ исторія завязалась!

Фальстафъ. Мальчикъ, подай шпагу.

Долли. Прошу тебя, Джекъ, прошу не обнажай шпаги!

Фальстафъ (*наступая со шпагой на Пистоля*). Вонъ отсюда!

Хозяйка. Вотъ такъ скандалъ! Я лучше откажусь отъ содержанія таверны, чѣмъ вѣчно терпѣть такіе страхи и ужасы. Еще произойдетъ убійство, чего добраго. Ради Бога, спрячьте въ ножны шпаги, спрячьте ихъ. (*Уходятъ Бардольфъ и Пистоль*).

Долли. Прошу тебя, Джекъ, успокойся, негодяй ушелъ. Ахъ, ты мой непотребный, храбрый плутишка!

Хозяйка. Не ранены ли вы въ пахъ? Онъ вѣдь, кажется, мѣтилъ вамъ прямо въ животъ.

(*Возвращается* Бардольфъ).

Фальстафъ. Вытолкалъ ты его за дверь?

Бардольфъ. Да, сэръ, негодяй былъ пьянъ. Вы его ранили, сэръ, въ плечо.

Фальстафъ. Негодяй! какъ онъ смѣлъ задирать меня.

Долли. Ахъ, ты милый плутишка. Бѣдная обезьянка, какъ ты вспотѣлъ! Дай мнѣ вытереть лицо—дай твою мордочку. Ахъ, негодяй! вѣдь я, право, люблю тебя. Ты храбръ, какъ Гекторъ троянскій, ты одинъ стоишь пятерыхъ Агамемноновъ, и въ десять разъ превосходишь всѣхъ девять героевъ. Ахъ, негодникъ!

Фальстафъ. Проклятый мерзавецъ, я его въ другой разъ закачаю на простынѣ.

Долли. Сдѣлай это, если можешь—и я тебя за это покачаю промежъ двухъ простынь.

(*Входятъ музыканты*).

Пажъ. Музыка пришла, сэръ.

Фальстафъ. Пусть играютъ. Играйте, господа. Сядь ко мнѣ на колѣни, Долли. Этакій подлый забіяка. Убѣжалъ отъ меня, какъ ртуть, бездѣльникъ!

Долли. Это правда, а ты нападалъ на него, какъ церковная башня. Ахъ, ты ма-

ФАЛЬСТАФЪ и ДОЛЛИ ТИРШИТЪ.

Картина извѣстнаго швейцарско-англійскаго живописца Фюсли (Johann Heinrich Füssli, у англичанъ Fuseli, 1742—1825). (Большая Бойделевская галлерея).

тенькій, чистенькій поросеночекъ съ Варѳоломеевской ярмарки. Когда же ты перестанешь драться днемъ и фехтовать ночью, когда начнешь чинить свое старое тѣло для неба?

(Сзади приходятъ принцъ Генрихъ *и* Пойнсъ, *переодѣтые трактирными слугами).*

Фальстафъ. Замолчи, милая Долли. Не говори, какъ мертвая голова, и не напоминай мнѣ о моемъ концѣ.

Долли. Скажи, какой характеръ у принца?

Фальстафъ. Онъ пустой, но добрый малый. Изъ него вышелъ бы хорошій хлѣбникъ, онъ съумѣлъ бы хорошо рѣзать хлѣбъ на куски.

Долли. Говорятъ, что Пойнсъ очень уменъ.

Фальстафъ. Онъ уменъ? Къ чорту эту обезьяну! Умъ его тяжелый, какъ густая тьюксбюрійская горчица. Въ немъ столько же остроумія, какъ въ селезнѣ.

Долли. Почему же принцъ его такъ любитъ?

Фальстафъ. Потому что у него такія же тонкія ноги, какъ у принца и онъ умѣетъ попадать въ цѣль шарами, ѣстъ угрей и укропъ, проглатываетъ зажженные огарки въ винѣ, играетъ въ чехарду съ мальчишками, прыгаетъ черезъ скамейки, сквернословитъ съ изяществомъ, потому что сапоги на немъ сидятъ гладко, какъ на вывѣскѣ и потому что онъ не создаетъ ссоръ, передавая остроумныя сплетни. У него много такихъ пустяковинныхъ талантовъ, свидѣтельствующихъ о слабости ума и гибкости тѣла, и за это принцъ держитъ его при себѣ. Вѣдь онъ самъ точь-въ-точь такой же. Если ихъ поставить на двѣ чашки вѣсовъ, достаточно будетъ волоска, чтобы перетянула та или другая.

Принцъ Генрихъ. Не оборвать ли уши этой колесной ступицѣ?

Пойнсъ. Поколотимъ его на глазахъ его шлюхи!

Принцъ Генрихъ. Смотри, этотъ истасканный старикъ заставляетъ чесать себѣ голову, какъ попугай.

Пойнсъ. Не странно ли, что желаніе на столько лѣтъ переживаетъ силу.

Фальстафъ. Поцѣлуй меня, Долли.

Принцъ Генрихъ. Въ нынѣшнемъ году, кажется, происходитъ соединеніе Сатурна и Венеры. Что говоритъ календарь?

Пойнсъ. Посмотри, этотъ огненный Тригонъ, его слуга, примазывается къ старой записной книжкѣ своего господина.

Фальстафъ. Ты только притворно ласкаешь меня.

Долли. Нѣтъ, правда-же, я цѣлую тебя отъ всего сердца.

Фальстафъ. Вѣдь я старъ, я старъ.

Долли. А я все-таки люблю тебя больше всѣхъ этихъ молокососовъ.

Фальстафъ. Какую матерію подарить тебѣ на юбку? Я получу деньги въ четвергъ, а завтра у тебя будетъ новая шапочка. Спой веселую пѣсню. Уже поздно, пойдемъ спать. Ты забудешь меня, когда я уйду.

Долли. Я заплачу, если будешь такъ говорить. Вотъ увидишь, что я не буду наряжаться до твоего возвращенія. Но послушаемъ музыку до конца.

Фальстафъ. Принеси хересу, Фрэнсисъ!

Принцъ Генрихъ и Пойнсъ (*выступаютъ впередъ*). Сейчасъ, сейчасъ, сэръ!

Фальстафъ. Какъ, да ты, должно быть, незаконный сынъ короля! А ты не братъ-ли Пойнса?

Принцъ Генрихъ. Ахъ, ты глобусъ грѣховныхъ земель, какую жизнь ты ведешь!

Фальстафъ. Лучшую, чѣмъ ты. Я дворянинъ, а ты трактирный слуга, который только деньги деретъ съ посѣтителей.

Принцъ Генрихъ. Вѣрно, сэръ. И поэтому я отдеру тебѣ уши.

Хозяйка. Да сохранитъ Господь твою милость! Какъ я счастлива, что ты опять въ Лондонѣ. Да благословитъ Господь твое милое личико! Господи Іисусе, такъ вы вернулись изъ Уэльса?

Фальстафъ (*кладетъ руку на плечо Долли*). Клянусь этимъ хрупкимъ тѣломъ и зараженной кровью, что я радъ тебя видѣть, непотребный, царственный безумецъ!

Долли. Какъ, толстый дуракъ, наплевать мнѣ на тебя!

Пойнсъ. Милордъ, онъ помѣшаетъ вашему мщенію и превратитъ все въ шутку, если вы не отколотите его сгоряча.

Принцъ Генрихъ. Ахъ ты, проклятая бочка съ саломъ, какъ мерзко ты говорилъ обо мнѣ въ присутствіи этой честной, добродѣтельной, вѣжливой женщины!

Хозяйка. Да благословитъ Господь ваше доброе сердце. Она вѣдь дѣйствительно такова.

Фальстафъ. Развѣ ты слышалъ?

Принцъ Генрихъ. Да, и ты, конечно, узналъ меня — какъ узналъ, когда бѣжалъ отъ меня въ Гэдсгилѣ? Ты зналъ, что я стою у тебя за спиной, и говорилъ все это нарочно, чтобы испытать мое терпѣнье.

Фальстафъ. Нѣтъ, нѣтъ,—вовсе не то: я не думалъ, что ты могъ меня услышать.

Принцъ Генрихъ. Я заставлю тебя сознаться, что ты умышленно оскорбилъ меня, и тогда я буду знать, какъ съ тобой раздѣлаться.

Фальстафъ. Я тебя не оскорблялъ, Галь, клянусь честью.

Принцъ Генрихъ. Какъ? ты сказалъ, что я хлѣбникъ, разрѣзающій хлѣбъ и еще не знаю что?

Фальстафъ. У меня не было намѣренія оскорбить тебя, Галь.

Пойнсъ. Какъ не было?

Фальстафъ. Никакого оскорбленія не было, Нэдъ, никакого, честный Нэдъ. Я говорилъ о немъ дурно передъ безпутными, чтобы безпутныя его не полюбили. Дѣлая это, я поступалъ, какъ заботливый другъ, какъ преданный подданный. Оскорбленія не было, Галь, никакого, Нэдъ, увѣряю васъ, дѣти мои.

Принцъ Генрихъ. Сознайся, что ты теперь только изъ страха и трусости оскорбляешь эту честную женщину, чтобы примириться съ нами! Развѣ она безпутная? Развѣ твоя хозяйка, которая вотъ здѣсь, безпутная? Или твой пажъ, или честный Бардольфъ, у котораго носъ пылаетъ отъ усердія, развѣ онъ безпутенъ?

Пойнсъ. Отвѣчай, сгнившій пень, отвѣчай.

Фальстафъ. Дьяволъ отмѣтилъ Бардольфа неизгладимой печатью и лицо его—домашняя кухня Люцифера для поджариванія пьяницъ. Что касается пажа, то его охраняетъ добрый ангелъ, но чортъ его все-таки одолѣетъ.

Принцъ Генрихъ. Ну, а женщины?

Фальстафъ. Одна изъ нихъ уже въ аду и поджариваетъ тамъ души грѣшниковъ. Что касается другой — то я долженъ ей деньги и не знаю, попадетъ ли она за это въ адъ.

Хозяйка. Навѣрное нѣтъ, ручаюсь вамъ.

Фальстафъ. Я тоже думаю, что нѣтъ—я думаю, что за это мы въ разсчетѣ съ тобой. Но за тобой есть еще другой грѣхъ — ты въ своемъ домѣ противозаконно торгуешь мясомъ. Вотъ за это тебѣ придется орать въ аду.

Хозяйка. Всѣ трактирщики дѣлаютъ то же самое. Что значитъ одинъ или два куска баранины за весь постъ.

Принцъ Генрихъ. Вы, сударыня...

Долли. Что говоритъ ваша милость?

Фальстафъ. Его милость говоритъ то, противъ чего возмущается вся его плоть.

(Стукъ въ дверь).

Хозяйка. Кто тамъ такъ сильно стучится? Посмотри, Фрэнсисъ.

(Входитъ Пето).

Принцъ Генрихъ. А, Пето! Какія вѣсти?

Пето.

Король, родитель вашъ, въ Вестминстеръ прибылъ.
Тамъ двадцать ждетъ измученныхъ гонцовъ,
Пришедшихъ съ сѣвера. А по дорогѣ
Я повстрѣчалъ и обогналъ двѣнадцать
Начальниковъ отрядовъ: всѣ безъ шапокъ
Въ поту бѣгутъ въ харчевню изъ харчевни,
Разыскивая всюду сэра Джона
Фальстафа.

Принцъ Генрихъ.

Пойнсъ. Мнѣ стыдно, Богъ свидѣтель,
Что праздно трачу время дорогое,
Когда, подобно черной тучѣ съ юга,
Мятежъ примчался и пролился ливнемъ
Надъ нашей непокрытой головой.
Дай мечъ и плащъ.—Фальстафъ, покойной ночи.

(Принцъ Генрихъ, Пойнсъ, Пето и Бардольфъ уходятъ).

Фальстафъ. Теперь какъ разъ наступаетъ самый пріятный кусочекъ ночи, и мы должны уйти, не отвѣдавъ его. *(Стукъ въ дверь).* Опять стучатъ? *(Возвращается Бардольфъ).* Что тамъ еще случилось?

Бардольфъ. Васъ требуютъ ко двору сейчасъ-же, сэръ. Дюжина капитановъ ждетъ у дверей.

Фальстафъ *(пажу).* Эй ты, заплати музыкантамъ. Прощай, хозяйка, прощай, Долли. Вотъ видите, мои милыя, какъ гонятся за достойными людьми. Недостойные могутъ спать, въ то время какъ людей, способныхъ къ дѣлу, призываютъ. Прощайте, милыя бабенки. Если меня не отправятъ тотчасъ-же, я еще повидаюсь съ вами передъ отъѣздомъ.

Долли. Я не могу говорить—мое сердце разрывается. Прощай, милый Джэкъ, береги себя.

Фальстафъ. Прощай, прощай! *(Уходятъ Фальстафъ и Бардольфъ).*

Хозяйка. Прощай, прощай! Вотъ когда

Пустозвонъ. Приходилось, приходилось, сэръ Джонъ, ей Богу приходилось. Помните нашъ лозунгъ: „эй, ребята, впередъ!“ Пойдемте обѣдать, пойдемте обѣдать. Да, было время. Идемте, идемте. (*Уходятъ Фальстафъ, Пустозвонъ и Тихоня*).

Бычокъ. Добрый мистеръ капралъ Бардольфъ, будьте мнѣ другомъ, и вотъ вамъ за это четыре генриха по десяти шиллинговъ французскими кронами. Клянусь, сэръ, для меня лучше быть повѣшеннымъ, чѣмъ отправиться на войну. И все-таки я не о себѣ хлопочу, а только мнѣ самому не охота идти на войну; что же касается меня, то я хотѣлъ бы остаться съ моими друзьями: иначе, для себя самого, я не сталъ бы хлопотать.

Бардольфъ. Ну, хорошо, становись въ сторону.

Плѣсень. Добрый мистеръ капралъ капитанъ, будьте мнѣ другомъ ради моей старухи. У нея нѣтъ никого, кто бы позаботился о ней, если я уйду; она стара и сама ничего не можетъ дѣлать. Я вамъ дамъ сорокъ шиллинговъ за это, сэръ.

Бардольфъ. Хорошо, отойди въ сторону.

Слабнякъ. Мнѣ, честное слово, все равно; смерти не миновать,—нужно же заплатить Господу дань смерти. Я не трусъ. Если мнѣ судьба умереть, пусть будетъ такъ; если нѣтъ—тѣмъ лучше. Служить государю всякій долженъ, и во всякомъ случаѣ тотъ, кто умеръ въ этомъ году, избавленъ отъ смерти въ будущемъ.

Бардольфъ. Хорошо сказано, ты молодецъ.

Слабнякъ. Да, я не струшу.

(*Возвращаются* Фальстафъ *и* судьи).

Фальстафъ. Ну, такъ какъ же, сэръ, кого изъ нихъ вы мнѣ даете?

Пустозвонъ. Выбирайте четырехъ.

Бардольфъ. Сэръ, на одно слово. Я получилъ три фунта, чтобы освободить Плѣсень и Бычка.

Фальстафъ. Хорошо.

Пустозвонъ. Ну, такъ какихъ же четырехъ вы выбираете, сэръ Джонъ?

Фальстафъ. Выберите вы за меня.

Пустозвонъ. Хорошо, такъ я выберу Плѣсень, Бычка, Слабняка и Тѣнь.

Фальстафъ. Плѣсень и Бычокъ. Ты, Плѣсень, оставайся дома, пока не сдѣлаешься совершенно негоднымъ для службы. А ты, Бычокъ, вырости еще, пока станешь пригоднымъ. Вы оба мнѣ не нужны.

Пустозвонъ. Сэръ Джонъ, сэръ Джонъ, вы дѣйствуете себѣ во вредъ. Вѣдь это самые лучшіе изъ всѣхъ—и я нарочно выбиралъ ихъ, чтобы угодить вамъ.

Фальстафъ. Ужъ не станете ли вы, мистеръ Пустозвонъ, учить меня, какъ надо выбирать солдатъ? Что мнѣ въ сложеніи, въ силѣ, въ статности, въ ростѣ и внѣшнемъ видѣ человѣка? Дѣло все въ томъ, какой духъ въ солдатѣ, мистеръ Пустозвонъ. Вотъ напримѣръ, Бородавка—смотрите, какой ободранецъ съ виду, но онъ навѣрное будетъ заряжать и разряжать ружье съ быстротой слесарнаго молотка, напирать и отскакивать быстрѣе того, кто подвѣшиваетъ на коромысла пивоваренныя ведра. А этотъ тощій парень Тѣнь,—вотъ какихъ солдатъ мнѣ нужно—онъ не можетъ служить мишенью для врага. Цѣлиться въ него то же, что цѣлиться въ лезвіе ножа. А въ случаѣ отступленія—какъ быстро побѣжитъ вотъ этотъ Слабнякъ, женскій портной. Мнѣ нужны не видные люди—отъ видныхъ избавьте меня. Бардольфъ, дай-ка Бородавкѣ ружье.

Бардольфъ. Держи, Бородавка, и маршъ! Вотъ такъ.

Фальстафъ. Посмотримъ, какъ ты управляешься съ ружьемъ. Вотъ такъ, очень хорошо. Продолжай, очень хорошо, отлично. Люблю я маленькихъ, тощихъ, старыхъ, уродливыхъ, лысыхъ стрѣлковъ. Хорошо, Бородавка, ты славный плутъ. Вотъ тебѣ шесть пенсовъ за это.

Пустозвонъ. А все таки онъ не мастеръ своего дѣла, — не хорошо онъ это продѣлываетъ. Вотъ я помню, когда я посѣщалъ еще Климентовскую школу и исполнялъ на играхъ Артура въ Майлэндъ Гринѣ роль сэра Дагонета, такъ вотъ тамъ былъ маленькій ловкій человѣчекъ — тотъ умѣлъ управлять ружьемъ. Повернетъ его вотъ такъ и этакъ, направо и налѣво, потомъ скажетъ: бацъ! и отскочитъ, а потомъ опять тутъ какъ тутъ. Такого ловкача я больше никогда не увижу.

Фальстафъ. Эти молодцы годятся, мистеръ Пустозвонъ. Да хранитъ васъ Богъ, мистеръ Тихоня—мнѣ некогда тратить съ вами много словъ. Прощайте, господа. Благодарю васъ. Мнѣ еще до ночи нужно сдѣлать двѣнадцать миль. Бардольфъ, выдай платье новобранцамъ.

Пустозвонъ. Да благословитъ васъ Господь, сэръ Джонъ, да пошлетъ Онъ вамъ преуспѣяніе въ вашихъ дѣлахъ, а намъ да пошлетъ Онъ миръ! На обратномъ пути навѣстите меня пожалуйста. Возобновимъ

ФАЛЬСТАФЪ и РЕКРУТЫ.

Картина англійскаго художника конца XVIII ст. Дэрно (J. Durno). (Большая Бойделевская галлерея).

Готовый къ битвѣ. Судя по пространству,
Имъ занятому, численность его
Могу опредѣлить я въ тридцать тысячъ.

МОБРЭ.

Какъ разъ число, что мы предполагали.
Итакъ, впередъ, чтобъ встрѣтиться съ нимъ
въ полѣ.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Кто этотъ вождь въ вооруженьи полномъ,
Идущій къ намъ?

МОБРЭ.

Лордъ Вестморлэндъ, какъ будто.
(*Входитъ* ВЕСТМОРЛЭНДЪ).

ВЕСТМОРЛЭНДЪ.

Привѣтъ и пожеланіе здоровья
Шлетъ генералъ нашъ, принцъ лордъ Джонъ
и герцогъ
Ланкастрскій.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Объясните дружелюбно,
Лордъ Вестморлэндъ, цѣль вашего прихода.

ВЕСТМОРЛЭНДЪ.

Милордъ, лишь къ вашему преосвященству
Относится по существу отвѣтъ мой.
Когда-бъ мятежъ, своей природѣ вѣрный,
Явился въ видѣ низкихъ гнусныхъ полчищъ
Подъ руководствомъ буйной молодежи,
Подъ знаменемъ неистовства, со стражей
Изъ уличныхъ мальчишекъ или нищихъ,—
Когда-бъ, я говорю, проклятый бунтъ
Явился къ намъ въ своемъ природномъ
видѣ,—
Ни вы, святой отецъ, ни эти лорды
Сюда-бы не пришли, чтобъ мерзкій образъ
Возстанья лютаго прикрыть своей
Высокой честью. Да, милордъ епископъ,
Вы, чей престолъ гражданскимъ миромъ
крѣпокъ,
Чьи кудри долгій миръ посеребрилъ,
Чьи знанья расцвѣли подъ сѣнью мира,
Чьи бѣлыя одежды знаменуютъ
Невинность, кротость голубя, духъ мира,—
Зачѣмъ себя перевели вы сами
Такъ плохо съ языка любви и мира
На грубое нарѣчіе войны?
Зачѣмъ вы книги превратили въ латы,
Свои чернила—въ кровь и перья въ копья,
А голосъ свой, вѣщавшій намъ о Богѣ,
Въ зловѣщій кличъ воинственной трубы?

АРХІЕПИСКОПЪ.

Зачѣмъ я это сдѣлалъ? На вопросъ вашъ
Я краткій дамъ отвѣтъ: мы всѣ больны.
Излишества разврата довели насъ
До яростной горячки и должны
Подвергнуться мы всѣ кровопусканью.
Недугомъ этимъ зараженный, умеръ
Ричардъ, послѣдній нашъ король. Однако,
Мой благороднѣйшій лордъ Вестморлэндъ,
Я за врача себя не выдаю.
И если я стою въ толпѣ военныхъ,
То не какъ врагъ заклятый мира. Нѣтъ,
Я лишь на время принялъ грозный образъ,
Чтобъ исцѣлить больныя счастьемъ души,
Чтобы очистить тѣло отъ заваловъ,
Грозящихъ засорить каналы жизни.
Я выскажусь яснѣй. Я точно взвѣсилъ
На правильныхъ вѣсахъ то зло, что терпимъ,
И то, что можемъ причинить возстаньемъ.
И вижу: наше горе тяжелѣй,
Чѣмъ наше возмущенье. Намъ открылось,
Куда течетъ рѣка временъ—и вотъ
Потокъ бурливый случая насильно
Изъ гавани спокойной насъ умчалъ.
Мы перечень составили всѣхъ жалобъ,
Чтобъ въ должный срокъ по пунктамъ ихъ
прочесть.
Давно мы королю ихъ предлагали,
Но не могли вниманіе привлечь;
Чуть захотимъ обжаловать обиды,
Намъ преграждаютъ доступъ къ королю
Тѣ люди, отъ кого обиды терпимъ.
Итакъ, опасности недавнихъ дней,
Которыхъ злая память на землѣ
Начертана еще всѣмъ видной кровью,
И грустные примѣры, что донынѣ
Съ собой приноситъ каждая минута,
Все это насъ заставило облечься
Въ намъ чуждые доспѣхи, не за тѣмъ,
Чтобъ надломить одну хоть вѣтку мира,
Но чтобы вправду миръ возстановить
Не только на словахъ, но и на дѣлѣ.

ВЕСТМОРЛЭНДЪ.

Когда-же не былъ выслушанъ вашъ голосъ?
Чѣмъ васъ король обидѣлъ? Кто изъ пэровъ
Уполномоченъ былъ васъ оскорблять?
Какъ вы могли скрѣпить священною печатью
Кровавый, беззаконный свитокъ бунта
И лезвіе возстанья освятить?

АРХІЕПИСКОПЪ.

Я общаго намъ брата—государство—
Хочу считать отвѣтственнымъ за жребій
Жестокій моего родного брата.

ВЕСТМОРЛЭНДЪ.

Никто не ждетъ заступничества здѣсь,
А если-бъ ждалъ, не вамъ-бы заступаться.

вольда. Такихъ четырехъ головорѣзовъ не сыскать было во всѣхъ школахъ. И, увѣряю васъ, мы знали гдѣ раки зимуютъ, и въ нашемъ распоряженіи всегда были самыя лучшія женщины. Былъ тамъ еще Джэкъ Фальстафъ, нынѣ сэръ Джонъ; тогда онъ еще былъ мальчишкой, пажомъ Томаса Мобрэ, герцога Норфолька.

Тихоня. Тотъ сэръ Джонъ, который пріѣхалъ сюда вербовать солдатъ?

Пустозвонъ. Тотъ самый сэръ Джонъ, тотъ самый. Онъ при мнѣ проломилъ голову Скогану у воротъ школы, когда еще самъ былъ совсѣмъ карапузомъ. Я еще въ тотъ самый день дрался съ Самсономъ Штокфишемъ, фруктовщикомъ, за школой Грэя. Ахъ, Господи Іисусе, веселое было время! И какъ подумаешь, сколько моихъ старыхъ знакомыхъ уже умерло.

Тихоня. Всѣ мы тамъ будемъ, кузенъ.

Пустозвонъ. Конечно, конечно; это вѣрно и не подлежитъ сомнѣнію. Отъ смерти не уйдешь, какъ говоритъ псалмопѣвецъ; всѣ умрутъ. А какая цѣна парѣ хорошихъ воловъ на Стамфордской ярмаркѣ?

Тихоня. Право, кузенъ, не знаю, я тамъ не былъ.

Пустозвонъ. Смерть неизбѣжна. А что, живъ еще старикъ Добль, вашъ землякъ?

Тихоня. Умеръ, сэръ.

Пустозвонъ. Ахъ, Господи Іисусе, умеръ!—Онъ хорошо стрѣлялъ изъ лука, удивительный стрѣлокъ былъ — и умеръ. Джонъ Гантъ очень его любилъ, и всегда держалъ большія пари за него. Такъ онъ умеръ! Онъ попадалъ въ цѣль на разстояніи двухсотъ сорока шаговъ, а легкую стрѣлу пускалъ и въ двухстахъ восьмидесяти—просто сердце въ груди радовалось! А почемъ теперь бараны?

Тихоня. Зависитъ отъ того, какіе. За пару хорошихъ барановъ нужно заплатить фунтовъ десять.

Пустозвонъ. Значитъ, старикъ Добль умеръ?

Тихоня. Вотъ, кажется, идутъ двое изъ отряда сэра Джона Фальстафа.

(*Входятъ* Бардольфъ *съ однимъ изъ сослуживцевъ*).

Бардольфъ. Съ добрымъ утромъ, честные джентльмены. Скажите мнѣ, пожалуйста, который изъ васъ судья Пустозвонъ?

Пустозвонъ. Я Робертъ Пустозвонъ, сэръ, бѣдный эсквайръ здѣшняго графства и одинъ изъ королевскихъ мировыхъ судей. Чѣмъ могу служить?

Бардольфъ. Мой капитанъ, сэръ, свидѣтельствуетъ свое почтеніе; мой капитанъ, сэръ, Джонъ Фальстафъ,—видный джентльменъ, клянусь небомъ, и отважный предводитель.

Пустозвонъ. Благодарю за поклонъ, сэръ. Я его зналъ славнымъ рубакой. Какъ поживаетъ почтенный рыцарь? Позвольте также спросить о здоровьи милэди, его супруги.

Бардольфъ. Простите, сэръ, солдату удобнѣе безъ жены.

Пустозвонъ. Хорошо сказано, честное слово, сэръ, хорошо сказано, ей Богу. Удобнѣе безъ жены—хорошо. Хорошія слова всегда слѣдуетъ говорить. Прекрасная фраза.

Бардольфъ. Простите меня, сэръ, я слышу слово — фраза. Клянусь свѣтлымъ днемъ, я фразы не знаю, но съ мечемъ въ рукахъ буду стоять за свое слово: это отличное солдатское слово. Удобнѣе безъ жены—это значитъ, что ему удобнѣе, или когда человѣкъ находитъ, или, говоря проще, думаетъ, что ему удобно — а это очень хорошо.

(*Входитъ* Фальстафъ).

Пустозвонъ. Совершенно вѣрно. А, да вотъ и добрѣйшій сэръ Джонъ! Вашу руку, сэръ, вашу почтенную руку. Да у васъ, клянусь, молодцоватый видъ—васъ годы не старятъ. Добро пожаловать, милѣйшій сэръ Джонъ.

Фальстафъ. Очень радъ видѣть васъ, добрѣйшій мистеръ Робертъ Пустозвонъ. А это, мистеръ Гуляка, кажется?

Пустозвонъ. Нѣтъ, сэръ Джонъ, это мой кузенъ и сослуживецъ, мистеръ Тихоня.

Фальстафъ. Добрѣйшій мистеръ Тихоня, вамъ какъ разъ подобаетъ быть мировымъ судьей.

Тихоня. Благодарю васъ, сэръ.

Фальстафъ. Фу, какая жаркая погода. Ну, что же, господа, достали вы мнѣ человѣкъ шесть удовлетворительныхъ рекрутовъ?

Пустозвонъ. Достали, сэръ. Присядьте, пожалуйста.

Фальстафъ. Покажите мнѣ рекрутовъ, прошу васъ.

Пустозвонъ. Гдѣ списокъ, гдѣ списокъ, гдѣ списокъ? Дайте взглянуть, дайте взглянуть: такъ, такъ, такъ. Да, сэръ, совершенно такъ. Ральфъ Плѣсень... такъ пусть они выходятъ по вызову... пусть выходятъ. Ну, чтожъ, гдѣ Плѣсень?

Плѣсень. Здѣсь, ваша милость.

Иль къ мѣсту брани созовемъ мечи,
Которые рѣшатъ ее.

Архіепископъ.

Поступимъ,
Какъ вы, милордъ, сказали.

(*Вестморлэндъ уходитъ*).

Мобрэ.

Что-то въ сердцѣ
Нашептываетъ мнѣ, что никакія
Не будутъ прочны мирныя условья.

Гастингсъ.

Не бойтесь. Если миръ нашъ утвердимъ
На основаньяхъ твердыхъ и широкихъ,
Какія мы намѣтили въ условьяхъ,—
Скалы гранитной будетъ онъ прочнѣй.

Мобрэ.

Но къ намъ король довѣрье потеряетъ.
Довольно будетъ повода пустого,
Ничтожной, вздорной, призрачной причины,
Чтобъ онъ опять услышалъ запахъ бунта.
Будь наша вѣрность мученицей долга,
Насъ на такомъ провѣютъ рѣзкомъ вѣтрѣ,
Что наша рожь не будетъ тяжелѣе
Мякины и отъ добраго зерна
Не отличатъ дурного.

Архіепископъ.

Нѣтъ, милордъ.
Замѣтьте, что король давно усталъ
Отъ этихъ мелкихъ и досадныхъ кляузъ.
Узналъ онъ, что, врага предавши смерти,
Въ наслѣдникахъ двухъ новыхъ наживаешь,
И потому дощечки записныя
Онъ начисто сотретъ, чтобъ не шептали
Онѣ воспоминаній о быломъ
И не увѣковѣчивали въ мысляхъ
Минувшихъ пораженій. Знаетъ онъ,
Что выполоть нельзя все королевство,
Какъ подозрительность его хотѣла-бъ.
Его враги съ друзьями такъ срослись,
Что чуть врага онъ хочетъ вырвать съ
корнемъ,
Какъ долженъ вмѣстѣ расшатать и друга.
Похоже государство на жену
Сварливую, что мужа злитъ и бѣситъ.
Но чуть онъ руку поднялъ для удара,
Она ему ребенка подставляетъ
И не даетъ рукѣ свершить угрозу.

Гастингсъ.

Ктому-жъ, король всѣ розги обломалъ
О прежнихъ оскорбителей и нынѣ
Въ орудьяхъ кары терпитъ недостатокъ,
И мощь его, какъ львица безъ когтей,
Еще грозитъ, но растерзать не въ силахъ

Архіепископъ.

Вы правы, мой добрѣйшій лордъ маршалъ.
Повѣрьте, если мудро все устроимъ,
Нашъ миръ, какъ переломленная кость,
Что вновь срослась, прочнѣй, чѣмъ прежде,
станетъ.

Мобрэ.

Да будетъ такъ. Лордъ Вестморлэндъ вер-
нулся.

(*Входитъ* Вестморлэндъ).

Вестморлэндъ.

Принцъ ждетъ поблизости. Угодно-ль вамъ,
Милорды, съ нимъ сойтись на полъ-пути
Между обѣихъ армій?

Мобрэ.

Многочтимый
Архіепископъ Іоркскій, первымъ вы
Ступайте съ Божьей помощью.

Архіепископъ.

Сперва
Снесите нашъ привѣтъ. Идемъ, милорды.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Другая часть лѣса.

Съ одной стороны входятъ Мобрэ, архіепископъ, Гастингсъ *и другіе; съ другой*— принцъ Джонъ Ланкастерскій, Вестморлэндъ, *офицеры и свита.*

Принцъ Джонъ.

Я радъ васъ встрѣтить здѣсь, кузенъ Мобрэ.
Привѣтъ вамъ, добрый лордъ архіепископъ,
И вамъ, лордъ Гастингсъ, какъ и всѣмъ дру-
гимъ.
Милордъ епископъ Іоркскій! Видѣть васъ
Отраднѣй было въ дни, какъ ваша паства
На колокольный зовъ благоговѣйно
Стекалась слушать ваше толкованье
Священнаго писанья, чѣмъ теперь,
Когда вы тѣло облекли въ желѣзо
И боемъ барабаннымъ веселите
Бунтовщиковъ презрѣнныхъ, вмѣсто слова
Избравши мечъ и вмѣсто жизни—смерть.
Какъ много могъ-бы натворить несчастій
Тотъ, кто, въ душѣ монарха утвердясь,
Въ его любви созрѣвъ, какъ въ свѣтѣ солнца,
Вдругъ вздумалъ-бы, таясь въ тѣни величья,

ДЖОНЪ ЛАНКАСТЕРСКІЙ И ЕГО СВИТА.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Во зло употребить его довѣрье.
Подобное, о лордъ архіепископъ,
Случилось съ вами. Кто изъ насъ не слышалъ
О глубинѣ познаній вашихъ въ книгахъ
Божественныхъ? Для насъ всегда вы были
Ораторомъ парламента Господня,
Для насъ вы были гласомъ божества,
Провидцемъ и посредникомъ духовнымъ
Межъ благодатной святостью небесъ
И нашими ничтожными дѣлами.
Кто-бъ вѣрить могъ, что вы употребите
Во зло святыню сана своего,
Воспользуетесь благодатью неба,
Какъ пользуется лживый временщикъ
Въ дѣлахъ безчестныхъ именемъ монарха?
О Господѣ ревнуя, отвратили
Вы подданныхъ отъ моего отца,
Кто замѣститель Бога въ государствѣ,
Заставили нарушить Божій миръ,
И вмѣстѣ королевскій.

Архіепископъ.

Добрый лордъ

Ланкастерскій, я здѣсь не оттого,
Что миръ хочу съ отцомъ нарушить вашимъ,
Но оттого,—какъ лорду Вестморлэнду
Сказалъ и какъ само собой понятно,—
Что смуты нашихъ дней насъ заставляютъ
Искать спасенья въ средствахъ самыхъ крайнихъ.
Я вашему высочеству послалъ
Подробнѣйшую роспись нашихъ жалобъ,
Отвергнутыхъ съ презрѣньемъ при дворѣ,
Что породило гидру этой распри.
Но гидры злобный взоръ вы усыпите,
Законныя исполнивъ наши просьбы,
И послушанье, сбросивъ гнетъ безумья,
Падетъ къ стопамъ величества покорно.

Мобрэ.

А если нѣтъ, готовы испытать
Мы счастье до послѣдняго солдата.

Гастингсъ.

И если всѣ падемъ, за наше дѣло
Друзья возстанутъ наши; тѣ погибнутъ,
Вослѣдъ придутъ другіе. Пораженье
Родитъ удачу. Къ сыну отъ отца
Передаваться будетъ наша распря,
Покуда будетъ Англія рождать
Людскія поколѣнія.

Принцъ Джонъ.

Лордъ Гастингсъ,
Вы слишкомъ слабы, слишкомъ близоруки,
Чтобъ глубину грядущаго провидѣть.

Вестморлэндъ.

Угодно-ль вашей милости отвѣтить,
Какія вы ихъ приняли условья?

Принцъ Джонъ.

Я всѣ ихъ принялъ, всѣ ихъ одобряю.
И королевской кровью вамъ клянусь,
Что были истолкованы превратно
Намѣренія моего отца,
Что слишкомъ вольно лица изъ придворныхъ
Распоряжались мыслями его
И властію. Клянусь душой, исполнимъ
Немедленно всѣ требованья ваши.
Такъ не хотите-ль распустить войска,
Чтобъ разошлись по графствамъ. Мы же сами,
Посерединѣ стоя между армій,
Обнимемся и выпьемъ дружелюбно,
Чтобъ взоры всѣхъ запечатлѣли образъ
Любви воскресшей нашей и пріязни.

Архіепископъ.

Мнѣ служитъ ваше княжеское слово
Порукой въ исполненьи нашихъ просьбъ.

Принцъ Джонъ.

Даю вамъ слово и его сдержу.
Позвольте-жъ, ваша милость, съ вами выпить.

Гастингсъ (*къ офицеру*).

Ступайте, капитанъ, и объявите
По войску вѣсть о заключеньи мира.
Пусть плату всѣмъ вручатъ и по домамъ.
Имъ, знаю, улыбнется это. Живо.

(*Офицеръ уходитъ*).

Архіепископъ.

Лордъ Вестморлэндъ, за ваше пью здоровье.

Вестморлэндъ.

Я отвѣчаю тѣмъ-же. Если-бъ ваше
Преосвященство знали, сколько я
Труда потратилъ, чтобы миръ устроить,
Вы пили-бъ съ легкимъ сердцемъ. Впрочемъ, вскорѣ
Моя любовь къ вамъ скажется яснѣй.

Архіепископъ.

Не сомнѣваюсь въ этомъ.

Вестморлэндъ.

Радъ сердечно.
Здоровье ваше, мой кузенъ любезный,
Милордъ Мобрэ.

Мобрэ.

Желанье ваше кстати:
Мнѣ что-то нездоровится внезапно.

Архіепископъ.

Передъ бѣдою люди веселятся,
А предъ удачей ихъ томитъ тоска.

Вестморлэндъ.

Коль такъ, кузенъ, на жизнь глядите бодро.
Сегодня дождь, а завтра будетъ вёдро.

Архіепископъ.

Повѣрьте, у меня въ душѣ свѣтло.

Мобрэ.

Коль вѣрно ваше правило—тѣмъ хуже.
(*За сценой радостные возгласы*).

Принцъ Джонъ.

Раздалось слово: миръ. Чу! Какъ ликуютъ.

Мобрэ

Отрадно-бъ слушать эти клики послѣ
Побѣды.

Архіепископъ.

Добрый миръ сродни побѣдѣ.

Тутъ обѣ стороны побѣждены,
Хоть ни одна не понесла урона.

ПРИНЦЪ ДЖОНЪ.

Лордъ Вестморлэндъ, ступайте распустите
И наше войско. (*Вестморлэндъ уходитъ*).
А теперь, милорды,
Благоволите провести предъ нами
Свои войска, чтобъ мы узнали, съ кѣмъ
Избѣгли столкновенія.

АРХІЕПИСКОПЪ.

Лордъ Гастингсъ,
Скажите имъ, пусть мимо насъ пройдутъ,
Предъ тѣмъ какъ разойтись.

(*Гастингсъ уходитъ*).

ПРИНЦЪ ДЖОНЪ.

Надѣюсь, лорды,
Что эту ночь мы вмѣстѣ проведемъ. (*Возвращается Вестморлэндъ*).
Что это значитъ, лордъ? Недвижны наши
Стоятъ войска.

ВЕСТМОРЛЭНДЪ.

Начальники отрядовъ,
Отъ васъ самихъ имѣя приказанье
Стоять на мѣстѣ, двинутся не раньше,
Чѣмъ свой приказъ отмѣните вы лично.

ПРИНЦЪ ДЖОНЪ.

Они свои обязанности знаютъ.

(*Гастингсъ возвращается*).

ГАСТИНГСЪ.

Милордъ, ужъ наше войско разбрелось,
На сѣверъ мчатся, югъ, востокъ и западъ,
Какъ юные волы изъ подъ ярма,
Какъ школьники, окончивши ученье,
Стремятся, кто на игры, кто домой.

ВЕСТМОРЛЭНДЪ.

Лордъ Гастингсъ, ты пришелъ съ отличной вѣстью.
Въ награду за нее я арестую
Тебя, крамольника, по обвиненью
Въ измѣнѣ государственной. Васъ также,
Милордъ епископъ и милордъ Мобрэ,
Обоихъ за измѣну арестую.

МОБРЭ.

Какъ справедливъ, какъ честенъ вашъ поступокъ!

ВЕСТМОРЛЭНДЪ.

Вашъ заговоръ честнѣе?

АРХІЕПИСКОПЪ.

Неужели
Нарушите вы данное намъ слово?

ПРИНЦЪ ДЖОНЪ.

Тебѣ не обѣщалъ я ничего.
Я слово далъ исправить беззаконья
По вашимъ жалобамъ. Клянуся честью,
Что слово то сдержу по христіански.
Но что до васъ, предатели, то ждите
Расплаты должной за свои дѣла.
На гибель ты повелъ свои дружины,
Собравъ и распустивъ ихъ безъ причины.
Преслѣдуйте-же сволочь по пятамъ,—
Не мы, Господь съ небесъ сразилъ ихъ самъ.
И пусть ведутъ виновниковъ раздора
На плаху—ложе смерти и позора.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Другая часть лѣса.

Стычки. Встрѣчаются ФАЛЬСТАФЪ *и* КОЛЬВИЛЬ.

ФАЛЬСТАФЪ. Ваше имя, сэръ, какого вы званія, изъ какого мѣста?

КОЛЬВИЛЬ. Я—рыцарь, сэръ. Зовутъ меня Кольвилемъ изъ долины.

ФАЛЬСТАФЪ. Хорошо. Имя ваше Кольвиль, званіе рыцарь, и мѣстожительство—долина. Кольвиль останется вашимъ именемъ, но ваше званіе отнынѣ—измѣнникъ, и мѣстожительствомъ вамъ будетъ тюрьма. Мѣсто это тоже достаточно глубокое, такъ что вы попрежнему будете Кольвилемъ изъ долины.

КОЛЬВИЛЬ. Не вы ли сэръ Джонъ Фальстафъ?

ФАЛЬСТАФЪ. Кто бы я ни былъ, я человѣкъ, стоющій его. Чтожъ, сдаетесь вы сэръ, или мнѣ придется потѣть изъ за васъ? Если такъ, то капли моего пота станутъ слезами вашихъ близкихъ, оплакивающихъ вашу смерть, поэтому разбудите въ себѣ страхъ и трепетъ, и молите меня о пощадѣ.

КОЛЬВИЛЬ. Я полагаю, что вы сэръ Джонъ Фальстафъ, и потому сдаюсь вамъ.

ФАЛЬСТАФЪ. Въ моемъ животѣ цѣлая школа языковъ, и всѣ они провозглашаютъ мое имя. Если бы только животъ мой былъ хоть сколько нибудь обыкновеннымъ, я былъ бы самымъ предпріимчивымъ человѣкомъ въ Европѣ. Моя утроба, моя утроба, моя утроба губитъ меня. А вотъ и нашъ военачальникъ.

(*Входятъ* принцъ Джонъ Ланкастерскій, Вестморлэндъ *и другіе*).

Принцъ Джонъ.

Пылъ битвы миновалъ. Конецъ погонѣ.
Любезный Вестморлэндъ, сберите войско.

(*Вестморлэндъ уходитъ*).

А, Джонъ Фальстафъ, гдѣ жъ были вы все время?
Сраженію конецъ—вы тутъ какъ тутъ.
Когда нибудь за́ эти всѣ продѣлки,
Клянусь, подъ вами висѣлица рухнетъ.

Фальстафъ. Странно было бы, если бы этого не случилось. Я знаю, что хула и попреки всегдашняя награда за храбрость. Что-жъ я по вашему ласточка, стрѣла или ядро? Развѣ я могу при моей старости двигаться съ быстротой мысли? Я мчался сюда съ величайшей поспѣшностью, загналъ болѣе ста восьмидесяти почтовыхъ лошадей, пріѣхалъ сюда, и еще весь въ пыли, но блистая своей честной, незапятнанной храбростью, взялъ въ плѣнъ сэра Джона Кольвиля изъ долины, бѣшенаго рыцаря и храбраго врага. Но мнѣ это нипочемъ! Онъ увидалъ меня и сдался, такъ что я могу по справедливости сказать вмѣстѣ съ крючконосымъ римляниномъ: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.

Принцъ Джонъ. Это было скорѣе учтивостью съ его стороны, чѣмъ вашей заслугой.

Фальстафъ. Не знаю. Вотъ онъ, я его вамъ передаю и прошу вашу милость записать это на ряду съ другими подвигами сегодняшняго дня; или, клянусь Господомъ, я закажу отдѣльную балладу, съ изображеніемъ на заголовкѣ Кольвиля, цѣлующаго мои ноги. Если вы меня къ этому принудите, то клянусь словомъ дворянина, ваша слава померкнетъ, какъ позолоченный мѣдный грошъ передъ моей, и на свѣтломъ небѣ славы я возсіяю надъ вами, какъ полный мѣсяцъ, затмевающій звѣзды, которыя въ сравненіи съ нимъ кажутся булавочными головками. Поэтому воздайте мнѣ должное; доблесть заслуживаетъ превознесенія.

Принцъ Джонъ. Твоя доблесть слишкомъ тяжела, чтобы вознестись.

Фальстафъ. Такъ пусть она возсіяетъ.

Принцъ Джонъ. Твоя доблесть слишкомъ мутна, чтобы сіять.

Фальстафъ. Дѣлайте съ ней что угодно, зовите ее какъ хотите, лишь бы это послужило мнѣ на пользу.

Принцъ Джонъ.

Тебѣ вѣдь имя Кольвиль?

Кольвиль.

Да, милордъ.

Принцъ Джонъ.

Ты, Кольвиль, бунтовщикъ извѣстный.

Фальстафъ.

И его взялъ въ плѣнъ извѣстный своей преданностью вѣрноподанный.

Кольвиль.

Милордъ, такой-же я, какъ и мои
Начальники, приведшіе меня.
Начальствуй я надъ ними и они-бы
Дороже обошлись вамъ, чѣмъ теперь.

Фальстафъ.

Не знаю, за сколько они продали себя. Но ты, добрый человѣкъ, отдался мнѣ даромъ, и я плачу тебѣ за твою особу благодарностью.

(*Возвращается Вестморлэндъ*).

Принцъ Джонъ.

Прекращено-ль преслѣдованье?

Вестморлэндъ.

Да,
Бьютъ отступленье и конецъ рѣзнѣ.

Принцъ Джонъ.

Отправьте Кольвиля съ его друзьями
Въ Іоркъ, гдѣ ихъ немедленно казнятъ.
Блентъ, отведите ихъ и стерегите. (*Стража уводитъ Кольвиля*).
Теперь, милорды, поспѣшимъ къ двору.
Я слышалъ, что отецъ мой тяжко боленъ.
Пусть наши вѣсти насъ опередятъ.
Кузенъ, отправьтесь, чтобъ его утѣшить;
По мѣрѣ силъ мы поспѣшимъ вослѣдъ.

Фальстафъ.

Мидордъ, молю, позвольте мнѣ идти
На Глостерширъ. Когда къ двору вернетесь,
Замолвите, милордъ, въ своемъ докладѣ
Словечко обо мнѣ.

Принцъ Джонъ.

Фальстафъ, прощайте.
По своему я долженъ положенью
Васъ расхвалить, какъ вы не заслужили.

(*Всѣ, кромѣ Фальстафа, уходятъ*).

Фальстафъ. Хорошо, если бы у тебя хватило на это ума: это было бы лучше твоего герцогства. Клянусь душой, этотъ трезвый мальчишка не любитъ меня, и

никто въ мірѣ не можетъ заставить его смѣяться. Да это и не мудрено: вѣдь онъ не пьетъ вина. Изъ такихъ смиренниковъ никогда прока не выйдетъ. Водянистые напитки слишкомъ охлаждаютъ ихъ кровь, вмѣстѣ съ частымъ употребленіемъ въ пищу рыбы, такъ что они впадаютъ въ какую то мужскую дѣвичью немочь, а когда женятся, то производятъ на свѣтъ только дѣвчонокъ. Они большей частью дураки и трусы и нѣкоторые изъ насъ тоже были бы таковы, если бы не возбуждали себя горячительными напитками. Хорошій хересъ производитъ двоякое дѣйствіе: во-первыхъ, бросается въ голову и высушиваетъ въ мозгу всѣ скопившіеся въ немъ пары глупости, тупости и мрачности, дѣлаетъ его быстрымъ, воспріимчивымъ, изобрѣтательнымъ, полнымъ яркихъ, пламенныхъ, игривыхъ образовъ, которые, переходя въ горло и рождаясь на языкѣ, становятся мѣткимъ остроуміемъ. Второе дѣйствіе хорошаго хереса состоитъ въ томъ, что онъ грѣетъ кровь. Она сначала холодная и неподвижная, и печень поэтому блѣдная, почти бѣлая, что всегда служитъ доказательствомъ и признакомъ слабодушія и тупости; но хересъ разогрѣваетъ кровь и разгоняетъ ее изнутри по конечностямъ. Хересъ расцвѣчиваетъ лицо, и оно, какъ сигнальный огонь, созываетъ къ оружію всѣ остальныя силы маленькаго королевства, и тогда всѣ мелкія жизненныя полчища и маленькіе духи собираются вокругъ своего капитана—сердца, и оно, подзадоренное такой свитой, совершаетъ подвиги храбрости,—и все это отъ хереса. Такъ что военное искусство ничто безъ хереса — хересъ приводитъ все въ дѣйствіе; ученость—золотой кладъ, оберегаемый дьяволомъ, пока хересъ не пускаетъ ее въ дѣло. Если принцъ Генрихъ храбръ, то именно поэтому; холодную кровь, которую онъ унаслѣдовалъ отъ отца, словно тощую, безплодную землю, онъ разработалъ, вспахалъ и удобрилъ тѣмъ, что благородно пилъ, принявъ большой запасъ плодоноснаго хереса. Вотъ почему онъ такой горячій и храбрый. Еслибъ у меня была тысяча сыновей, то первое житейское правило, которое я бы имъ внушилъ, было бы отвращеніе къ водянистымъ напиткамъ и приверженность къ хересу.

(*Входитъ* Бардольфъ).

Ну что, Бардольфъ?

Бардольфъ. Войско распущено, и всѣ разошлись.

Фальстафъ. Ну, и Богъ съ ними! Я поѣду черезъ Глостерширъ и тамъ навѣщу мистера Роберта Пустозвона, эсквайра. Я уже порядкомъ размялъ его между пальцами, и скоро буду имъ запечатывать письма. Идемъ.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Вестминстеръ. Комната во дворцѣ, называемая Іерусалимомъ.

Входятъ король Генрихъ, принцы Томасъ Кларенсъ *и* Гемфри Глостеръ, Варвикъ *и другіе*.

Король Генрихъ.

Теперь, милорды, если волей божьей
Успѣшно кончимъ съ мятежомъ, который
Предъ нашей дверью истекаетъ кровью,—
Мы юношество наше поведемъ
Съ оружьемъ освященнымъ къ лучшимъ битвамъ.
Суда готовы, набраны войска
И облеченъ правами нашъ намѣстникъ.
Сложилось все согласно нашей волѣ,
Лишь намъ самимъ побольше-бъ нужно силъ.
И вотъ мы медлимъ здѣсь, покуда бунтъ
Не покорится подъ ярмо закона.

Варвикъ.

То и другое сбудется и ваше
Величество обрадуетъ.

Король Генрихъ.

Мой сынъ,
Принцъ Гемфри Глостеръ, гдѣ вашъ старшій братъ?

Принцъ Гемфри.

Мнѣ кажется, милордъ, онъ на охоту
Уѣхалъ въ Виндзоръ.

Король Генрихъ.

Въ чьемъ сопровожденьи?

Принцъ Гемфри.

Не знаю, государь.

Король Генрихъ.

А братъ его,
Принцъ Томасъ Кларенсъ, развѣ не при немъ?

Принцъ Гемфри.

Нѣтъ, государь, онъ съ нами.

Кларенсъ.

Что угодно
Отцу и государю?

Король Генрихъ.

Мнѣ угодно,
Принцъ Томасъ Кларенсъ, чтобы ты былъ счастливъ.
Зачѣмъ не съ братомъ ты? Тебя онъ любитъ,
А ты какъ будто имъ пренебрегаешь.
Изъ братьевъ, Томасъ, ты єму всѣхъ ближе,
Его любовью, сынъ мой, дорожи.
Когда умру, окажешь прочимъ братьямъ
Почетную услугу, какъ посредникъ
Межъ ними и величіемъ его.
Такъ не теряй его, не притупляй
Его любви холодностью наружной
И вялымъ отношеньемъ къ волѣ брата.
Себя же не лишай великихъ выгодъ
Его расположенія къ тебѣ.
Онъ милостивъ, внимательность встрѣчая,
Есть у него для жалости слеза
И есть рука, открытая, какъ день,
Для милосердія. Но раздраженный
Становится онъ жестокъ, что кремень,
Измѣнчивъ, какъ зима, и непредвидѣнъ,
Какъ утренникъ холодный. Оттого
Соображайся съ настроеньемъ брата.
Его за недостатки пожури
Почтительно, въ веселую минуту.
Когда-же онъ угрюмъ, его не трогай.
Пускай въ немъ страсти, какъ на сушѣ китъ,
Уходятся отъ собственныхъ усилій.
Все это, Томасъ, изучи прилежно,
И будешь ты оплотомъ для друзей,
И свяжешь золотымъ кольцомъ всѣхъ братьевъ,
Чтобъ не далъ трещину сосудъ ихъ общей крови,
Соединенной съ ядомъ клеветы,
Который попадетъ туда съ годами,—
Будь этотъ ядъ сильнѣй, чѣмъ аконитъ,
Мгновеннѣе, чѣмъ порохъ.

Кларенсъ.

Буду къ брату
Съ вниманьемъ относиться и любовью.

Король Генрихъ.

Зачѣмъ не съ нимъ ты въ Виндзорѣ?

Кларенсъ.

Его тамъ нѣтъ,
Онъ въ Лондонѣ обѣдаетъ.

Король Генрихъ.

Но съ кѣмъ?
Ты можешь-ли сказать мнѣ это?

Кларенсъ.

Съ Пойнсомъ
И остальной компаніей обычной.

Король Генрихъ.

На тучной почвѣ сорныхъ травъ не счесть.
А онъ — подобье юности моей —
Онъ ими весь поросъ. И оттого-то
Моя печаль простерлась дальше смерти.
Кровавыми слезами плачетъ сердце,
Когда хочу я въ образахъ представить
Дни непотребства, времена разгула,
Которые вамъ суждено увидѣть,
Межъ тѣмъ какъ буду спать въ сосѣдствѣ предковъ.
Когда съ его упрямаго распутства
Спадетъ узда, когда пылъ буйной крови
Совѣтникомъ его единымъ станетъ
И руку мотовству подастъ богатство,—
Какъ быстро онъ тогда на крыльяхъ страсти
Опасностямъ на встрѣчу полетитъ
И гибели грозящей!

Варвикъ.

Въ опасеньяхъ
Вы, государь, заходите далеко.
Принцъ изучилъ товарищей своихъ,
Лишь какъ чужой языкъ. Чтобъ овладѣть имъ,
Необходимо видѣть и запомнить
И самыя безстыдныя слова.
Но это знанье лишь ведетъ къ тому,
Какъ вашему величеству извѣстно,
Чтобъ словъ подобныхъ избѣгать, гнушаясь.
Такъ принцъ, когда приспѣетъ срокъ, отринетъ
Своихъ друзей, какъ грубыя слова,
И память лишь о нихъ ему послужитъ
Образчикомъ иль мѣркой, чтобы ею
Измѣрить жизнь другихъ: тогда на пользу
Ему пойдутъ и прежнія ошибки.

Король Генрихъ.

Нѣтъ, пчелы рѣдко покидаютъ падаль,
Гдѣ медъ снесли. Кто это? Вестморлэндъ?

(*Входитъ* Вестморлэндъ).

Вестморлэндъ.

Привѣтъ вамъ, государь. Пошли вамъ небо
Побольше радостей такихъ, какъ вѣсть моя.
Принцъ Джонъ, вашъ сынъ, цѣлуетъ вашу руку.
Мобрэ, епископъ Скрупъ, лордъ Гастингсъ— всѣ
Познали кару вашего закона.
Крамолы мечъ нигдѣ намъ не грозитъ,
Но мирная вездѣ цвѣтетъ олива.
О томъ, какъ все происходило, ваше
Величество прочтете на досугѣ
Во всѣхъ подробностяхъ.

Король Генрихъ.

О, Вестморлэндъ,

УМИРАЮЩІЙ КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ УКОРЯЕТЪ ПРИНЦА ГЕНРИХА.

Картина Роберта Смирка (Rob. Smirke). (Малая Бойделевская Галлерея).

Ты — птица вешняя, и средь зимы
Поющая съ зарей. Смотри,—еще извѣстья.

(*Входитъ* Гаркуртъ).

Гаркуртъ.

Пусть небо отъ враговъ избавитъ ваше
Величество. Пусть каждый врагъ возставшій
Падетъ, какъ тѣ, о комъ принесъ я вѣсть.
Лордъ Бардольфъ, графъ Нортомберлэндъ и съ ними
Солдатъ англійскихъ много и шотландскихъ
Разгромлены шерифомъ изъ Іоркшира.
Подробности и самый ходъ сраженья
Содержитъ, государь, бумага эта.

Король Генрихъ.

Что-жъ мнѣ такъ плохо отъ вѣстей столь добрыхъ?
Ужель Фортуна въ жизни никогда
Къ намъ не приходитъ съ полными руками?
Ужель она всѣ лучшія сказанья
Уродливыми пишетъ письменами?
То голодъ намъ пошлетъ она безъ пищи,
Какъ это видимъ на здоровыхъ нищихъ;
То намъ пошлетъ роскошнѣйшія яства
Безъ позыва на пищу, какъ мы видимъ
На богачахъ, что средь обилья чахнутъ.
Мнѣ-бъ радоваться радостнымъ извѣстьямъ,
Но гаснетъ взоръ, кружится голова.
Приблизьтесь. Дурно мнѣ...

(*Падаетъ въ обморокъ*).

Принцъ Гемфри.

Бодритесь, ваше
Величество.

Клarенсъ.

О, мой отецъ державный!...

Вестморлэндъ.

Очнитесь, государь, глаза откройте!

Варвикъ.

О, принцы, успокойтесь! Вамъ извѣстно,
У короля припадки эти часты.
Лишь разступитесь. Воздуха побольше,
И онъ оправится.

Кларенсъ.

Нѣтъ, нѣтъ, ему
Тревогъ мучительныхъ не вынесть долго.
Отъ умственныхъ трудовъ, заботъ безсонныхъ
Ограда духа такъ въ немъ истончилась,
Что жизнь черезъ нее сквозитъ, готова
Прорваться вонъ.

Принцъ Гемфри.

Меня народъ пугаетъ.
Толкуютъ о зачатьяхъ безъ отцовъ,
О противоестественныхъ рожденьяхъ.
Обычный ходъ временъ вдругъ измѣнился,
Какъ если-бъ годъ перескочилъ въ пути
Чрезъ мѣсяцы уснувшіе.

Кларенсъ.

Въ рѣкѣ
Приливъ три раза кряду повторился,
Не раздѣленъ отливомъ. Старики —
Временъ минувшихъ лѣтопись живая —
Твердятъ, что незадолго передъ тѣмъ,
Какъ Эдуардъ, нашъ предокъ, заболѣлъ
И умеръ, то же самое случилось.

Варвикъ.

Потише, принцы. Вотъ король очнулся.

Принцъ Гемфри.

Боюсь, его ударъ погубитъ этотъ.

Король Генрихъ.

Прошу, возьмите на руки меня
И отнесите въ комнату другую.
Но тише, ради Бога.

(*Короля уносятъ въ глубину сцены и кладутъ на постель*).

Не шумите,
О, добрые друзья! Но пусть чья-либо
Негромкая и нѣжная рука
Мой духъ усталый музыкой ласкаетъ!

Варвикъ.

Въ покой сосѣдній музыку позвать!

Король Генрихъ.

Корону положите на подушку.

Кларенсъ.

Глаза его ввалились. Какъ ужасно
Онъ измѣнился весь.

Варвикъ.

О, тише, тише!

(*Входитъ* принцъ Генрихъ).

Принцъ Генрихъ.

Кто скажетъ мнѣ, гдѣ герцогъ Кларенсъ?

Кларенсъ.

Братъ,
Я здѣсь и въ сильномъ горѣ.

Принцъ Генрихъ.

Какъ? Теперь?
На улицѣ свѣтло, а въ домѣ дождь?
Что съ королемъ?

Принцъ Гемфри.

Онъ боленъ и опасно.

Принцъ Генрихъ.

Услышалъ-ли онъ радостныя вѣсти?
Скажи ему.

Принцъ Гемфри.

Вѣстямъ внимая этимъ,
Онъ заболѣлъ.

Принцъ Генрихъ.

Отъ радости ставъ боленъ,
Онъ безъ лѣкарствъ поправится.

Варвикъ.

Молчите,
Милорды. Тише, милый принцъ. Король,
Родитель вашъ, какъ будто засыпаетъ.

Кларенсъ.

Идемъ въ другую комнату.

Варвикъ.

Угодно-ль,
Добрѣйшій принцъ, послѣдовать за нами?

Принцъ Генрихъ.

Нѣтъ, я хочу смотрѣть за королемъ.

(*Всѣ, кромѣ принца Генриха, уходятъ*).

Зачѣмъ лежитъ здѣсь на его подушкѣ
Корона,—сопостельница дурная,
Блестящая тревога, золотая
Забота? Сколько разъ безсонной ночью
Она предъ нимъ держала двери бдѣнья
Распахнутыми настежъ? А теперь
Онъ съ нею спитъ. Но все-жъ наполовину

ПРИНЦЪ ГЕНРИХЪ БЕРЕТЪ КОРОНУ ОТЦА. (Дѣйствіе IV, сц. 4).
Картина англ. живописца Дж. Бойделя (Josia Boydell, 1750—1817) (Большая Бойделевская Галлерея).

Не столь здоровымъ, сладкимъ сномъ, какъ тотъ,
Что, покрывши себѣ свой грубой тканью,
Всю ночь храпитъ спокойно. О величье!
Того, кто облеченъ тобой, ты давишь,
Какъ въ знойный день блестящіе доспѣхи,
Что защищаютъ тѣло, но и жгутъ.
Вотъ перышко у вратъ его дыханья
Лежитъ недвижно. Если-бъ онъ дышалъ,
Пушокъ воздушно-легкій шевелился-бъ.
Мой государь добрѣйшій, мой отецъ,
Твой вправду крѣпокъ сонъ. То — сонъ, который
Вотъ съ этимъ золотымъ кольцомъ немало
Ужъ разлучилъ англійскихъ королей.
Мой долгъ по отношенію къ тебѣ —
Скорбѣть и плакать. Этотъ долгъ сполна
Тебѣ, о дорогой отецъ, заплатятъ
Природная любовь и нѣжность сына.
Твой долгъ, по отношенію ко мнѣ,
Отдать мнѣ королевскую корону,
Которою по сану и по крови
Теперь я непосредственно владѣю.
Вотъ гдѣ ей быть.

(Надѣваетъ корону себѣ на голову).

И Богъ ее храни!
Ничья рука — хотя-бы и гиганта,
Вмѣстившая въ себѣ всю крѣпость міра,—
Насильно у меня не вырветъ этой
Доставшейся мнѣ по наслѣдству чести.
Но тотъ вѣнецъ, что раздобылъ ты самъ,
Взявъ у тебя, я дѣтямъ передамъ.

(Уходитъ).

Король Генрихъ.

О Варвикъ, Кларенсъ, Глочестеръ!

(Входятъ Варвикъ, Кларенсъ, Глочестеръ *и другіе).*

Кларенсъ.

Король
Изволилъ звать насъ?

Варвикъ.

Какъ здоровье ваше?
Что вашему величеству угодно?

Король Генрихъ.

Зачѣмъ, милорды, одного меня
Покинули вы здѣсь?

Кларенсъ.

Мы, государь,
Оставили здѣсь брата моего.
При васъ сидѣть хотѣлъ онъ.

Король Генрихъ.

Принцъ Уэльскій?
Но гдѣ-жъ онъ? Дайте на него взглянуть мнѣ.
Здѣсь нѣтъ его.

Варвикъ.

Открыта дверь: онъ вышелъ.

Принцъ Гемфри.

Но не чрезъ комнату, гдѣ были мы.

Король Генрихъ.

Корона гдѣ? Кто взялъ ее съ подушки?

Варвикъ.

Она лежала тутъ, когда мы вышли.

Король Генрихъ.

То принцъ, должно быть. Разыщите принца.
Ужель онъ такъ торопится, что принялъ
Мой сонъ за смерть? Лордъ Варвикъ, отыщите
И, пожуривъ, сюда пришлите принца.

(Варвикъ уходитъ).

Такой поступокъ сына лишь поможетъ
Болѣзни доканать меня. Смотрите,
О сыновья мои, что вы такое!
Какъ быстро извращается природа,
Увлекшись блескомъ золота, какъ цѣлью.
Вотъ для чего, безумные отцы,
Тревогой вы свой сонъ обременяли,
Заботой — мозгъ, трудомъ тяжелымъ — кости.
Вотъ для чего вы накопляли груды
Похищеннаго золота чужого.
Вотъ для чего вы сыновей учили
Искусствамъ и военнымъ упражненьямъ.
Какъ пчелы, что на всѣхъ цвѣтахъ сбираютъ
Ихъ сладкій сокъ, мы, ротъ набивши медомъ
И свѣтлымъ воскомъ бедра нагрузивъ,
Летимъ въ свой улей и, подобно пчеламъ,
Встрѣчаемъ смерть въ награду за труды.
Вотъ горечь, что приходится вкусить
Отцу передъ кончиной. *(Возвращается Варвикъ).*

Гдѣ-же тотъ,
Кто ужъ не въ силахъ ждать, пока болѣзнь—
Союзница его — со мной покончитъ?

Варвикъ.

Милордъ, въ сосѣдней комнатѣ засталъ
Я принца, обливавшаго лицо
Прекрасное столь нѣжными слезами,
Что даже кровожадное злодѣйство,
Увидѣвши его, свой ножъ омыло-бъ
Росой очей. Вотъ онъ, сюда идетъ.

Король Генрихъ.

Зачѣмъ-же онъ корону взялъ отсюда?

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ ВЪ ПРЕДСМЕРТНОМЪ РАЗГОВОРѢ СЪ ПРИНЦЕМЪ ГЕНРИХОМЪ.
(Дѣйствіе IV, сц. 4).
Картина Дж. Бойдела (Josiah Boydell, 1750—1817). (Большая Бойделевская Галлерея).

(*Входитъ* принцъ Генрихъ).

Смотрите, онъ идетъ. Приблизься, Гарри.
Уйдите всѣ. Оставьте насъ однихъ.

(*Варвикъ и другіе уходятъ*).

Принцъ Генрихъ.

Не думалъ я вашъ голосъ вновь услышать.

Король Генрихъ.

Отцомъ подобной мысли было, Гарри.
Твое желанье. Зажился на свѣтѣ
Я слишкомъ долго. Въ тягость я тебѣ.
Но неужели такъ изголодался
Ты по моемъ престолѣ опустѣвшемъ,
Что поспѣшилъ облечься въ знаки власти.
Предъ тѣмъ какъ часъ созрѣлъ? Безумна юность.
Величья ищешь, что тебя раздавитъ.
Немного потерпи. Столь слабый вѣтеръ
Поддерживаетъ отъ паденья тучку
Моей минувшей власти, что ей вскорѣ
Поникнуть суждено. Мой день померкъ.
Ты то похитилъ, что и безъ вины
Чрезъ нѣсколько часовъ твоимъ-бы стало.
Предъ смертью ты какъ-бы скрѣпилъ печатью
Мои всѣ подозрѣнья. Жизнь твоя
Уликой мнѣ служила, что меня
Не любишь ты. И вотъ ты захотѣлъ
Чтобъ умеръ я, вполнѣ въ томъ убѣжденный.
Таилъ ты въ мысляхъ тысячу кинжаловъ,
О каменное сердце ихъ точилъ,
Чтобъ полъ-часа убить отцовской жизни.
Какъ! Полъ-часа не могъ ты потерпѣть?
Коль такъ, ступай, самъ вырой мнѣ могилу,
Вели колоколамъ вѣщать съ весельемъ
Не смерть мою,—твое коронованье.
Изъ слезъ, что оросятъ мой гробъ, свари
Елей, чтобъ имъ чело свое помазать.
Смѣшай меня съ давно забытымъ прахомъ.
Отдай червямъ того, кто далъ тебѣ
Дыханье. Отмѣни мои указы,
Смѣсти моихъ сановниковъ. Не время
Теперь блюсти порядокъ. Генрихъ Пятый
Вступилъ на тронъ! Тщеславье, ободрись!
Сокройся, королевское величье!
Прочь, мудрые совѣтники! Отнынѣ
Со всѣхъ концовъ къ англійскому двору
Пусть обезьяны праздныя стекутся.
Теперь, сосѣди, вы отъ всѣхъ отбросовъ
Очиститесь. Имѣются-ль у васъ
Бездѣльники, что сквернословятъ, пляшутъ,
Всю ночь гуляютъ, грабятъ, убиваютъ,
Ну, словомъ совершаютъ всѣ грѣхи
Старинные на новый ладъ? Утѣшьтесь,
Они васъ больше тяготить не станутъ:
Тройное зло ихъ Англія прикроетъ
Двойною позолотой. Должность, силу
Почетъ,—все это Англія имъ дастъ.
Тамъ Генрихъ Пятый снялъ намордникъ власти
Съ распутства, укрощеннаго съ трудомъ,
И злобный песъ зубами вновь вопьется
Въ тѣла невинныхъ. О, мой бѣдный край,
Междоусобной распрей изнуренный!
Ужъ если власть моя не сберегла
Тебя отъ безпорядка, что-же будетъ,
Коль безпорядокъ овладѣетъ властью?
Вновь станешь глушью, логовомъ волковъ,
Твоихъ-же обитателей старинныхъ.

Принцъ Генрихъ (*преклоняя колѣни*).

Простите, государь мой. Если-бъ слезы
Помѣхой влажной не были для словъ,
Давно-бъ я вашъ укоръ прервалъ столь горькій
И милый мнѣ, и не далъ вашей скорби
Его договорить, своей—дослушать.
Вотъ вашъ вѣнецъ, и пусть его надолго
Хранитъ для васъ Тотъ, чей вѣнецъ—безсмертье.
О, если онъ дороже былъ мнѣ чести
И славы вашей, пусть я никогда
Съ земли не встану, гдѣ лежу, простертый,
Послушный чувству вѣрности и долга.
Извѣстно Богу одному, какъ сердце
Во мнѣ похолодѣло вдругъ, когда я,
Войдя сюда, засталъ васъ безъ дыханья.
Коль притворяюсь, пусть средь буйной жизни
Теперь умру, чтобъ свѣтъ, довѣрья чуждый,
Не видѣлъ благородной перемѣны,
Которую рѣшилъ я проявить.
Войдя сюда и васъ сочтя умершимъ,
Чуть не умерши самъ при этой мысли,
Съ короной, какъ съ разумнымъ существомъ,
Я рѣчь повелъ и такъ ее корилъ:
„Заботы, неразлучныя съ тобою,
Пожрали тѣло моего отца.
За то тебя, слывущую чистѣйшимъ,
Я наихудшимъ золотомъ зову.
Другое, хоть достоинствомъ пониже,
Цѣннѣе оттого, что какъ цѣлебный
Напитокъ сохраняетъ нашу жизнь.
Ты-жъ, первая по качеству и славѣ,
Того убила, кто тебя носилъ".
Такъ, государь, твердя слова укора,
Я на себя корону возложилъ,
Чтобъ съ нею—съ супостатомъ, на моихъ
Глазахъ убившимъ моего отца—
Затѣять бой, какъ истинный наслѣдникъ.
Но если заразила кровь мою
Она малѣйшей радостью иль гордость
Раздула въ мысляхъ, если духъ мятежный

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ ВЪ ПРЕДСМЕРТНОМЪ РАЗГОВОРѢ СЪ ПРИНЦЕМЪ ГЕНРИХОМЪ.

(Шекспировская галлерея, изданная Пехтомъ).

Иль суетный во мнѣ на встрѣчу ей
Съ привѣтомъ устремился, какъ къ желанной,—
Пусть вѣчно Богъ ее далеко держитъ
Отъ головы моей, пусть превращусь
Въ бѣднѣйшаго вассала, кто колѣни
Предъ ней въ священномъ страхѣ преклоняетъ.

Король Генрихъ.

О, сынъ мой! Богъ внушилъ тебѣ желанье
Унесть ее, чтобъ мудрымъ извиненьемъ
Любовь отца сильнѣе возбудить.
Приблизься, Гарри, сядь у изголовья
И выслушай послѣдній мой совѣтъ,
Который, вѣрю, дать еще я въ силахъ.
Извѣстно Богу одному, какими
Окольными путями и кривыми
Я раздобылъ корону эту. Мнѣ-же
Извѣстно хорошо, какъ безпокойно
Она на головѣ моей сидѣла.
Къ тебѣ—она окрѣпшей перейдетъ
Средь общаго признанья и покоя.
Все темное, что связано съ ея
Пріобрѣтеньемъ, въ гробъ уйдетъ со мною.
На мнѣ она казалась знакомъ власти,
Захваченной насильственной рукой.
Отъ многихъ въ жизни могъ укоръ я слышать,
Что свой вѣнецъ съ ихъ помощью я добылъ,
И это каждый день рождало распри
Кровавыя, терзая мнимый миръ.
Ты видѣлъ самъ, съ опасностью какою
Я отвѣчалъ на грозные удары.
Мое все царствованье было драмой,
Раздоры—содержаніемъ ея.
Моя-же смерть мѣняетъ все. Что было
Въ моихъ рукахъ захватомъ, перейдетъ
Къ тебѣ съ названьемъ болѣ благороднымъ:
Ты свой вѣнецъ въ наслѣдство получилъ.
И все таки, хотя стоишь ты тверже,
Чѣмъ я, ты крѣпокъ не вполнѣ, покуда
Обиды свѣжи. Тѣ мои друзья,
Кого и ты назвать друзьями долженъ,
Лишились такъ еще недавно грозныхъ
Зубовъ и жалъ Могуществомъ своимъ
Они мнѣ помогли достигнуть власти,
И я бояться могъ, что сила ихъ
Меня низвергнетъ. Чтобъ бѣды избѣгнуть,
Однихъ я сокрушилъ, другихъ сбирался
Вести въ святую землю, чтобы праздность
И долгій отдыхъ не дали имъ слишкомъ
Глубоко заглянуть въ мои права.
И потому, мой Гарри, вѣчно думай
О томъ, чтобъ занимать войною внѣшней
Ихъ шаткіе умы. Трудясь въ чужбинѣ,
Они забудутъ о своемъ быломъ.
Хотѣлъ сказать я многое, но въ легкихъ
Дыханья нѣтъ. Изсякла сила рѣчи.
Прости, Господь, мой путь, къ вѣнцу приведшій,
Пусть долгій миръ смѣнитъ раздоръ прошедшій.

Принцъ Генрихъ.

Вы добыли, носили свой вѣнецъ
И мнѣ вручили. Спорамъ всѣмъ конецъ.
Пусть ополчится міръ. Со всей вселенной
Одинъ сражусь за вашъ вѣнецъ священный.

(*Входятъ* принцъ Джонъ, Варвикъ, лорды *и другіе*).

Король Генрихъ.

Смотри, смотри, идетъ мой Джонъ Ланкастрскій.

Принцъ Джонъ.

Здоровья, мира, счастья государю.

Король Генрихъ.

Ты, Джонъ, съ собой приносишь миръ и счастье
Здоровье-же, увы, на крыльяхъ юныхъ
Умчалось и покинуло меня,
Какъ голый пень сухой. Тебя увидѣвъ,
Покончилъ я съ заботами земли.
Лордъ Варвикъ здѣсь?

Принцъ Генрихъ.

Лордъ Варвикъ!

Король Генрихъ.

Тотъ покой,
Гдѣ мнѣ впервые сдѣлалося дурно,
Неноситъ-ли особаго названья?

Варвикъ.

Милордъ, его зовутъ Іерусалимомъ.

Король Генрихъ.

Хвала Творцу! Тамъ долженъ жизнь я кончить.
Давно тому назадъ мнѣ предсказали,
Что я окончу дни въ Іерусалимѣ.
Мечталъ я тщетно про святую землю.
Въ ту комнату! Тамъ вѣчнымъ сномъ усни!
Въ Іерусалимѣ Гарри кончитъ дни.

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Глостерширъ. Комната въ домѣ Пустозвона.

Входятъ Пустозвонъ, Фальстафъ, Бардольфъ *и* пажъ.

Пустозвонъ. Клянусь пѣтухомъ и сорокой, сэръ, вы не уѣдете сегодня. Эй, Дэви!

Фальстафъ. Ужъ вы извините меня, мистеръ Робертъ Пустозвонъ.

Пустозвонъ. Не извиню, никакихъ извиненій не принимаю. Никакое извиненіе вамъ не поможетъ. Васъ не извинятъ. Эй, Дэви, гдѣ ты?

(*Входитъ* Дэви).

Дэви. Здѣсь, сэръ.

Пустозвонъ. Дэви, Дэви, Дэви, постой—ахъ да! позови сюда повара Вильяма. Сэръ Джонъ, ваше извиненіе не принимается.

Дэви. Слушаю, сэръ. Этихъ повѣстокъ я не могъ вручить. Да и вотъ еще—чѣмъ мы засѣемъ ту большую пашню—пшеницей?

Пустозвонъ. Да, красной пшеницей, Дэви. Но позови погара Вильяма... Есть у насъ молодые голуби?

Дэви. Да, сэръ. А вотъ счетъ кузнеца за ковку лошадей и за плуги.

Пустозвонъ. Провѣрь счетъ и заплати. Сэръ Джонъ, никакихъ извиненій!

Дэви. А еще, сэръ, нужно купить новую цѣпь къ ведру; да еще—прикажете вычесть изъ жалованья Вильяма за мѣшокъ, который онъ потерялъ на рынкѣ въ Гинкслэѣ?

Пустозвонъ. Непремѣнно. Такъ вотъ, Дэви, пару голубей, пару цыплятъ, ножку баранины, да еще разныя разности, скажи это повару Вильяму.

Дэви. А военный господинъ останется здѣсь на ночь, сэръ?

Пустозвонъ. Да, Дэви. Я хочу его хорошенько угостить. Другъ при дворѣ лучше, чѣмъ пенни въ кошелькѣ. Угости хорошенько и его людей, Дэви. Они вѣдь порядочные плуты и потомъ будутъ кусать заглазно.

Дэви. У нихъ самихъ спина искусана, сэръ: бѣлье на нихъ страсть какое грязное.

Пустозвонъ. Хорошо придумано, Дэви. Дѣлай, что сказано, Дэви.

Дэви. Я прошу васъ, сэръ, поддержать Вильяма Визора изъ Винкота противъ Клемента Перкса съ горы.

Пустозвонъ. На Визора поступило много жалобъ. Онъ, насколько я знаю, большой подлецъ.

Дэви. Вполнѣ согласенъ съ вашей милостью, сэръ, что онъ подлецъ. Но неужели, Господи помилуй, нельзя поддержать подлеца по просьбѣ его друга? Честный человѣкъ, сэръ, можетъ самъ себя защитить, а подлецъ не можетъ. Я вѣрно служилъ вашей милости, сэръ, вотъ уже восемь лѣтъ, и если мнѣ не дозволено разъ или два раза въ четверть года поддержать мошенника противъ честнаго человѣка, то, видно, мало у васъ ко мнѣ расположенія. Этотъ подлецъ мой честный другъ, сэръ, и потому я очень прошу вашу милость рѣшить дѣло въ его пользу.

Пустозвонъ. Ну, хорошо, я его не обижу. А теперь иди, Дэви. (*Дэви уходитъ*). Гдѣ вы, сэръ Джонъ? Ну, ну, пожалуйста, снимайте сапоги. Вашу руку, мистеръ Бардольфъ.

Бардольфъ. Я радъ видѣть вашу милость.

Пустозвонъ. Благодарю тебя отъ всего сердца, милый Бардольфъ. Добро пожаловать, великанъ. Идемте, сэръ Джонъ.

Фальстафъ. Скоро приду, мистеръ Пустозвонъ. (*Пустозвонъ уходитъ*). Бардольфъ, присмотри за нашими лошадьми. (*Бардольфъ и пажъ уходятъ*). Если бы меня распилили на части, то вышло бы четыре дюжины такихъ бородатыхъ, монашескихъ посоховъ, какъ мистеръ Пустозвонъ. Какое удивительное соотвѣтствіе между его умомъ и умомъ его прислуги: глядя на него, они ведутъ себя какъ дураки судьи, а онъ, разговаривая постоянно съ ними, превратился въ лакея, похожаго на судью. Ихъ мысли такъ слились, благодаря постоянному сообществу, что они держатся всѣ вмѣстѣ, какъ стадо дикихъ гусей. Имѣй я нужду въ мистерѣ Пустозвонѣ, я бы сталъ льстить его людямъ, говоря имъ объ ихъ сходствѣ съ ихъ хозяиномъ; нуждайся я въ его слугахъ, я льстилъ бы мистеру Пустозвону, говоря ему, что никто не умѣетъ лучше повелѣвать слугами, чѣмъ онъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что какъ мудрое поведеніе, такъ и глупое заразительны подобно болѣзни,—поэтому нужно брать товарищей со строгимъ разборомъ. Я изъ этого Пустозвона

извлекъ достаточно смѣшного, чтобы позабавить принца Генриха столько времени, сколько длятся шесть модъ, что равняется четыремъ судебнымъ срокамъ и двумъ долговымъ, и онъ будетъ хохотать безъ „интерваловъ". Удивительно, какъ дѣйствуетъ на людей выдумка, приправленная легкой клятвой, или шутка, сказанная съ мрачнымъ видомъ—въ особенности на молодежь, не испытавшую, что такое ломота въ плечахъ. Принцъ будетъ хохотать до тѣхъ поръ, пока лицо его не сморщится, какъ промокшій плащъ.

Пустозвонъ (*за сценой*). Сэръ Джонъ!

Фальстафъ. Иду, мистеръ Пустозвонъ, иду. (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Вестминстеръ. Комната во дворцѣ.

Съ разныхъ сторонъ входятъ Варвикъ *и* лордъ верховный судья.

Варвикъ.

Ну что, милордъ судья, куда идете?

Верховный судья.

Какъ чувствуетъ себя король?

Варвикъ.

Отлично.
Онъ всѣмъ заботамъ чуждъ.

Верховный судья.

Надѣюсь, онъ
Не умеръ?

Варвикъ.

Путь, указанный природой,
Онъ совершилъ и не живетъ для насъ.

Верховный судья.

Зачѣмъ онъ и меня не взялъ съ собой?
За то, что вѣкъ свой правдой прослужилъ я,
Теперь не защищенъ я отъ обидъ.

Варвикъ.

И впрямь, васъ молодой король не любитъ.

Верховный судья.

Да, знаю и заранѣе готовлюсь
Привѣтствовать я новые порядки.
Дѣйствительность не можетъ быть печальнѣй
Того, что мнѣ сулитъ воображенье.

Входятъ Принцъ Джонъ, принцъ Гемфри, принцъ Кларенсъ, Вестморлэндъ *и другіе.*

Варвикъ.

Вотъ Генриха умершаго идутъ
Потомки огорченные. О, если-бъ
Живущій Генрихъ нравомъ былъ похожъ
На худшаго изъ братьевъ трехъ! Какъ много-бъ
Осталось на мѣстахъ служилой знати,
Которой нынче паруса убрать
Предъ сволочью нахлынувшей придется.

Верховный судья.

Увы! Боюсь, что все пойдетъ вверхъ дномъ.

Принцъ Джонъ.

Привѣтъ, лордъ Варвикъ.

Принцы Гемфри и Кларенсъ.

Съ добрымъ утромъ, лордъ.

Принцъ Джонъ.

Мы будто разучились говорить.

Варвикъ.

Ну, не совсѣмъ, но слишкомъ наша скорбь
Тяжка, чтобъ говорить о ней.

Принцъ Джонъ.

Миръ праху
Того, по комъ такъ тяжко мы скорбимъ.

Верховный судья.

Миръ намъ.
Спаси насъ Богъ отъ скорби болѣ тяжкой.

Принцъ Гемфри.

Милордъ, вы вправду друга потеряли.
И я готовъ поклясться, что на вашемъ
Лицѣ печаль взята не на прокатъ,
А въ собственность вполнѣ принадлежитъ вамъ.

Принцъ Джонъ.

Хотя никто не можетъ быть увѣренъ
Въ расположеньи короля, но васъ
Вѣрнѣе, чѣмъ всѣхъ прочихъ, ждетъ немилость.
Скорблю за васъ. Какъ измѣнить все это?

Кларенсъ.

Заискивать теперь у сэра Джона
Фальстафа вамъ придется. Это значитъ:
Противъ теченья плыть своихъ-же чувствъ.

Верховный судья.

Въ своихъ дѣлахъ всегда служилъ я чести,
Руководился духомъ безпристрастья.
Нѣтъ, принцы дорогіе, никогда

Меня вы не увидите просящимъ
О нищенскомъ позорномъ снисхожденьи.
Коль правда и невинность не помогутъ,
Отправлюсь вслѣдъ за королемъ умершимъ
И разскажу, кѣмъ посланъ.

ВАРВИКЪ.

Принцъ идетъ.

(*Входитъ* король Генрихъ Пятый *въ сопровожденьи свиты*).

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ.

Привѣтъ вамъ. Да хранитъ Всевышній ваше
Величество!

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ.

Величество—нарядъ
Хоть блещущій—сидитъ не такъ удобно,
Какъ думаете вы! Я вижу, братья,
Подъ вашей грустью скрытъ какой-то страхъ.
Мы при дворѣ англійскомъ, не турецкомъ.
Не Амурату Амуратъ, но Генрихъ
Здѣсь Генриху наслѣдуетъ. Грустите,
О, братья добрые! Вамъ грусть пристала.
Нарядъ печали такъ по королевски
Вы носите, что углубить хочу я
Вашъ трауръ и въ душѣ его носить.
Да, будьте грустны, братья дорогіе,
Но на себѣ несите это бремя,
Лишь какъ частицу грусти всенародной.
Что до меня, молю васъ Богомъ, вѣрьте,
Что буду вамъ отцомъ и вмѣстѣ братомъ.
Вы дайте мнѣ любовь свою, и я
Возьму заботы ваши. Плачьте, братья,
Что Генрихъ умеръ. Самъ о томъ я плачу.
Но Генрихъ живъ, который превратитъ
Въ дни счастья вашу каждую слезинку.

ПРИНЦЪ ДЖОНЪ.

Мы ничего другого и не ждемъ
Отъ вашего величества.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ.

Какъ странно
Вы смотрите. (*Верховному судьѣ*)
Въ особенности вы.
Вы, думаю, вполнѣ убѣждены,
Что я васъ не люблю?

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ.

Я убѣжденъ,
Что, безпристрастно на меня взглянувъ,
Вы, государь, причины не найдете
Для ненависти.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ.

Нѣтъ? Какъ можетъ принцъ
Столь высоко поставленный забыть
Столь тяжкія обиды? Какъ! Позорить,
Бранить и грубо посадить въ тюрьму
Наслѣдника англійскаго престола!
И это все ничто и можетъ
Быть смыто въ волнахъ Леты и забыто?

ВЕРХОВНЫЙ СУДЬЯ.

Въ моемъ лицѣ въ то время былъ представленъ
Родитель вашъ, его-же власти знакъ
Лежалъ на мнѣ. И вотъ, когда законы
Его я примѣнялъ, заботясь только
Объ общемъ благѣ,—вамъ угодно было,
Забывъ мой санъ, величье правосудья,
Закона мощь и образъ короля,
Который я собою воплощалъ,
Мнѣ нанести ударъ въ судейскомъ креслѣ,
И, смѣло пользуясь мнѣ данной властью,
Я васъ велѣлъ подъ стражу взять, какъ если-бъ
Вы оскорбили вашего отца.
Коль я тогда неправъ былъ, вы теперь,
Вѣнецъ надѣвъ, должны мириться съ мыслью,
Что сынъ вашъ будетъ обращать въ ничто
Велѣнья ваши, прогонять судью
Съ его скамьи почетной, преграждать
Теченье правосудья, притуплять
Тотъ мечъ, что охраняетъ безопасность
Особы вашей. Болѣе того:
Топтать ногами образъ вашъ державный,
Надъ вашими дѣлами издѣваться
Въ лицѣ другого. Собственную мысль
Спросите, какъ король. Себя на мѣсто
Отца поставьте. Будьте сами въ мысляхъ
Отцомъ такого, какъ вы были, сына.
Внемлите поруганью своего
Достоинства, взгляните на презрѣнье
Къ священнѣйшимъ законамъ, къ вамъ самимъ.
Теперь вообразите, что за васъ
Вступаюсь я и въ силу вашей власти
Спокойно сына вашего смиряю.
Все это хладнокровно обсудивъ,
Мнѣ, какъ монархъ, рѣшенье объявите.
Скажите, чѣмъ, когда я преступилъ
Свой санъ, права и преданность престолу?

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ.

Вы взвѣсили все вѣрно. Оттого
Держите впредь вѣсы и мечъ закона.
Желаю вамъ средь почестей ростущихъ
Дожить до дня, когда мой взрослый сынъ,
Васъ оскорбивъ, какъ я, вамъ подчинится.
Тогда я повторю слова отца:
„Я счастливъ, смѣлаго судью имѣя,
Кто сына моего дерзнулъ судить.
Но также счастливъ я, имѣя сына,

Кто въ руки правосудья самъ предалъ
Свое величье". Вы меня къ тюрьмѣ
Приговорили. Я приговорю васъ
Носить и впредь тотъ мечъ, что вы носили
Донынѣ безъ пятна, въ надеждѣ твердой,
Что будете имъ дѣйствовать всегда
Безъ страха и пристрастія, какъ противъ
Меня когда-то. Вотъ моя рука.
Отцомъ моей вы молодости будьте.
Мой голосъ станетъ вторить вашей мысли;
Свои желанья подчиню покорно
Совѣтамъ мудрымъ опытности вашей.
А вы, о принцы, вѣрьте мнѣ, молю васъ:
Мои пороки спятъ въ гробу съ отцомъ,
Во мнѣ-же ожилъ духъ его суровый,
Чтобъ я надъ ожиданьями людей,
Надъ ложнымъ мнѣньемъ свѣта посмѣялся
И пристыдилъ пророковъ, осудившихъ
Меня за внѣшность. Суетно донынѣ
Во мнѣ потокъ струился буйной крови.
Теперь назадъ онъ къ морю путь направитъ
И тамъ сольется съ царствомъ всѣхъ потоковъ
И потечетъ въ величьи королевскомъ.
Мы созовемъ высокій нашъ парламентъ.
Въ совѣтъ свой членовъ изберемъ такихъ,
Чтобъ мощное державы нашей тѣло
Отъ государствъ другихъ не отставало,
Имѣющихъ правителей мудрѣйшихъ.
Война-ль придетъ, иль миръ, иль оба вмѣстѣ,
Мы встрѣтимъ ихъ, готовы ко всему. (*Къ верховному судьѣ*)
И вы, отецъ мой, будете всѣмъ этимъ
Руководить. Вслѣдъ за вѣнчаньемъ нашимъ
Чины мы созовемъ, какъ я сказалъ вамъ,
И Богъ да подкрѣпитъ меня въ благихъ
Намѣреньяхъ. Пускай ни принцъ, ни пэръ
Просить у неба не найдетъ причины
Жизнь Гарри сократить на день единый.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Глостерширъ, садъ въ домѣ Пустозвона.

Входятъ Фальстафъ, Пустозвонъ, Тихоня, Бардольфъ, пажъ *и* Дэви.

Пустозвонъ. Нѣтъ, вы должны еще посмотрѣть мой садъ, и тамъ въ бесѣдкѣ мы покушаемъ прошлогоднихъ яблокъ моей собственной прививки, съѣдимъ тарелку конфектъ съ тминомъ и еще что нибудь... Идемте, кузенъ Тихоня. А потомъ въ постель.

Фальстафъ. Однако, клянусь Богомъ, у васъ славное помѣстье—очень богатое.

Пустозвонъ. Жалкое, жалкое, жалкое помѣстье, сэръ Джонъ, совсѣмъ нищенское, одно только, что хорошій воздухъ. Накрывай, Дэви, накрывай. Вотъ такъ, хорошо!

Фальстафъ. Этотъ Дэви у васъ на всѣ руки,—онъ и слуга, и управляющій.

Пустозвонъ. Хорошій слуга, очень хорошій, сэръ Джонъ. Клянусь обѣдней, я слишкомъ много хересу выпилъ за ужиномъ... Хорошій слуга! А теперь, садитесь, садитесь. Идемъ, кузенъ.

Тихоня.

Эй, говорю я,
Послѣ годика хорошаго
Всѣ полны боченки.
Нынче мясо стоитъ дешево,
Дороги дѣвчонки.
Будемъ, братцы, ѣсть да пить.
Веселѣй, ребята.

Фальстафъ. Какой вы весельчакъ. Я выпью за ваше здоровье, мистеръ Тихоня.

Пустозвонъ. Дай вина мистеру Бардольфу, Дэви.

Дэви. Добрѣйшій сэръ, садитесь, я сейчасъ вернусь къ вамъ; садитесь, добрый сэръ. И вы, добрый мистеръ пажъ, садитесь. Ваше здоровье! Если не достанетъ чего съѣстного—мы вознаградимъ выпивкой. Не взыщите—главное, все здѣсь отъ души.

(*Уходитъ*).

Пустозвонъ. Веселѣй, мистеръ Бардольфъ, и ты, мой маленькій солдатъ, тоже будь веселѣй.

Тихоня (*поетъ*).

Веселѣй да веселѣй!
Хочешь, маршъ къ женѣ моей,
Бабы всѣ плутовки.
Гдѣ мужчины, тамъ онѣ
Наровятъ наединѣ
Колдовать, чертовки.

Фальстафъ. Я не зналъ, что мистеръ Тихоня такой молодецъ.

Тихоня. Я? Мнѣ ужъ случалось въ жизни быть веселымъ разъ другой.

(*Возвращается Дэви*).

Дэви. Вотъ вамъ тарелка яблокъ.
(*Ставитъ ихъ предъ Бардольфомъ*).

Пустозвонъ. Дэви!

Дэви. Что прикажете, ваша милость? Я сейчасъ къ вашимъ услугамъ.—Стаканъ вина, сэръ?

Тихоня (*поетъ*).

Зайдемъ, красотка, въ кабачокъ.

Нальемъ стакана два—и чокъ,
И сердцу будетъ любо.

Фальстафъ. Хорошо сказано, мистеръ Тихоня.

Тихоня. Давайте веселиться; предъ нами еще самая пріятная часть ночи.

Фальстафъ. Ваше здоровье, мистеръ Тихоня,—много лѣтъ вамъ здравствовать.

Тихоня (*поетъ*).

Я выпью весь стаканъ вина,
Будь миля цѣлая до дна.

Пустозвонъ. Честный Бардольфъ, — твое здоровье. Если тебѣ чего нибудь хочется и ты не требуешь — пеняй на самого себя. И ты тоже, маленькій плутишка, милости просимъ. Я пью за здоровье мистера Бардольфа и всѣхъ лондонскихъ кавалеровъ.

Дэви. Я надѣюсь, что еще увижу Лондонъ, прежде чѣмъ умру.

Бардольфъ. Хотѣлъ-бы встрѣтиться съ тобою тамъ, Дэви.

Пустозвонъ. Клянусь обѣдней, вы тамъ осушите вмѣстѣ добрую кварту. Не правда ли, мистеръ Бардольфъ?

Бардольфъ. Конечно, сэръ,—пинты въ четыре.

Пустозвонъ. И прекрасно, благодарю тебя. Этотъ негодяй не отстанетъ отъ тебя, повѣрь мнѣ. Онъ славный малый.

Бардольфъ. И я отъ него не отстану, сэръ.

Пустозвонъ. Ты сказалъ это, какъ король. Пейте и ѣшьте вдоволь—будьте веселы. (*Стукъ*). Посмотри, кто тамъ стучитъ. (*Уходитъ Дэви*).

Фальстафъ. (*Тихонѣ, который только что выпилъ полный кубокъ*). Вотъ теперь я получилъ отъ васъ надлежащій отвѣтъ.

Тихоня (*поетъ*).

Мой отвѣтъ храня,
Въ рыцари меня
Посвяти, Саминго.

Такъ вѣдь?

Фальстафъ. Такъ.

Тихоня. Вотъ видите. Сознайтесь, что старый человѣкъ иногда еще кой на что годится.

(*Возвращается Дэви*).

Дэви. Съ позволенія вашей милости, тутъ пришелъ какой-то Пистоль и привезъ новости отъ двора.

Фальстафъ. Отъ двора? Пусть войдетъ.

(*Входитъ* Пистоль).

Что слышно, Пистоль?

Пистоль. Да хранитъ васъ Богъ, сэръ Джонъ.

Фальстафъ. Какой вѣтеръ занесъ тебя сюда, Пистоль?

Пистоль. Не тотъ злой вѣтеръ, который ничего не приноситъ хорошаго. Милѣйшій рыцарь, ты теперь одинъ изъ самыхъ вѣскихъ людей въ королевствѣ.

Тихоня. Клянусь Богородицей, онъ самый увѣсистый, если не считать кума Пуфа изъ Барсона.

Пистоль.

Пуфъ? Въ зубы пуфъ тебѣ, дрянной трусишка!
Сэръ Джонъ, я твой Пистоль, я твой пріятель,
Я, голову сломя, къ тебѣ скакалъ,
Чтобъ радостныя вѣсти принести
О золотыхъ денькахъ, о счастьи свѣтломъ.

Фальстафъ. Говори скорѣе, въ чемъ дѣло, да говори толкомъ, какъ житель здѣшняго міра.

Пистоль.

Къ чертямъ весь здѣшній міръ съ его жильцами!
Объ Африкѣ вѣщаю золотой.

Фальстафъ.

Презрѣнный ассирійскій рабъ, въ чемъ дѣло?
Король Кафетуа знать хочетъ правду.

Тихоня (*поетъ*).

И Робинъ Гудъ, и Джонъ, и Скарлетъ.

Пистоль.

Смѣяться-ль надъ сынами Геликона
Собакамъ? Вѣсть о счастьи презирать?
Коль такъ, Пистоль, лети въ объятья фурій.

Пустозвонъ. Честнѣйшій джентльменъ, я не знаю, кто вы и о чемъ вы говорите.

Пистоль.

Скорби и плачь объ этомъ.

Пустозвонъ. Простите, сэръ. Если вы принесли вѣсти отъ двора, то вамъ остается одно изъ двухъ: или выложить ихъ, или удержать при себѣ. Знайте, что и я облеченъ нѣкоторою властью, по волѣ короля.

Пистоль.

Какого короля, скажи, бродяга,
Иль духъ испустишь!

Пустозвонъ.

Генриха.

Пистоль.

Какого?
Четвертаго иль Пятаго?

Пустозвонъ.

Конечно,
Четвертаго.

Пистоль.

Ты должность потерялъ.
Сэръ Джонъ! Теперь король—твой кроткій агнецъ,
Онъ—Генрихъ Пятый. Правду говорю.
Коль я солгалъ, то покажи мнѣ кукишъ,
Какъ дѣлаютъ надменные испанцы.

Фальстафъ. Какъ, старый король умеръ?

Пистоль. Онъ мертвъ, какъ гвоздь дверной. Слова мои истинны.

Фальстафъ. Скорѣе, Бардольфъ, осѣдлай мою лошадь. Мистеръ Робертъ Пустозвонъ, выбирай какую хочешь должность въ государствѣ—она твоя; Пистоль, я награжу тебя чинами.

Бардольфъ. О, радостный день! Я свое счастье не обмѣнялъ бы на рыцарское достоинство.

Пистоль. Ну, чтожъ, хорошія я вѣсти принесъ?

Фальстафъ. Снесите мистера Тихоню въ постель. Мистеръ Пустозвонъ, лордъ Пустозвонъ—ты будешь теперь чѣмъ хочешь, я управитель фортуны. Одѣвай сапоги, мы проскачемъ всю ночь. О, дорогой Пистоль! Иди, Бардольфъ. (*Бардольфъ уходитъ*). Ну, Пистоль, разскажи мнѣ еще что нибудь и придумай, чего бы тебѣ хотѣлось. Надѣвайте же сапоги, мистеръ Пустозвонъ. Я знаю, молодой король тоскуетъ по мнѣ. Возьмемте чьихъ угодно лошадей—законы Англіи въ моей власти. Счастливы тѣ, кто были моими друзьями, и горе лорду верховному судьѣ.

Пистоль.

Пусть коршуны ему терзаютъ печень.
—„Гдѣ счастье на землѣ?"—поютъ они.
Вотъ гдѣ оно. Привѣтъ счастливымъ днямъ!
(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Лондонъ. Улица.

Входятъ полицейскіе, которые тащатъ хозяйку Квикли *и* Долли Тиршитъ.

Хозяйка. Постой, мерзавецъ! Я готова была бы умереть, лишь бы увидать тебя повѣшеннымъ—ты мнѣ плечо вывихнулъ.

1-й полицейскій. Констэбли передали ее мнѣ, и я могу ее увѣрить, что она получитъ свою порцію розогъ. Еще недавно изъ за нея убиты были два человѣка.

Долли. Врешь, крюкъ для стаскиванія яблокъ, врешь. Пусти—говорю тебѣ, мерзкая требушиная рожа: если ребенокъ, котораго я теперь ношу, погибнетъ, то лучше бы ты отколотилъ мать свою, бумажная образина.

Хозяйка. О, Господи,—если бы только сэръ Джонъ былъ здѣсь! Онъ бы кому нибудь тутъ уготовилъ смертный часъ. Молю Бога, чтобы ребенокъ ея погибъ.

1-й полицейскій. Чтожъ, тогда у тебя будетъ дюжина подушекъ—а теперь только одиннадцать. Ступайте за мной, приказываю вамъ—человѣкъ, котораго вы отколотили вмѣстѣ съ Пистолемъ, умеръ.

Долли. А я тебѣ говорю, поджарая фигурка на пепельницѣ, тебя за это здорово выпорятъ. Ахъ ты, синій навозный жукъ! Ахъ, грязный изголодавшійся палачъ! Если тебя не выпорятъ, не носить мнѣ короткаго платья.

1-й полицейскій. Ну, ты, странствующій рыцарь въ юпкѣ, идемъ.

Хозяйка. О, Господи, неужели правда одолѣетъ силу? Ну, ничего—будетъ и на нашей улицѣ праздникъ.

Долли. Идемъ, негодяй, веди меня къ судьѣ.

Хозяйка. Идемъ, голодный песъ.

Долли. Ахъ ты, смерть костлявая!

Хозяйка. Скелетъ!

Долли. Идемъ, сухарь, идемъ, негодяй!

1-й полицейскій. Идемъ. (*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Площадь близъ Вестминстерскаго аббатства.

Входятъ двое прислужниковъ, усыпая площадь осокой.

1-й прислужникъ. Больше осоки, больше осоки.

2-й прислужникъ. Уже два раза трубили.

1-й прислужникъ. Они раньше двухъ часовъ не вернутся съ коронаціи. Живѣй, живѣй. (*Прислужники уходятъ*).

Входятъ Фальстафъ, Пустозвонъ, Пистоль, Бардольфъ *и* пажъ.

Фальстафъ. Станьте подлѣ меня, мистеръ Робертъ Пустозвонъ. Я устрою, чтобы король былъ милостивъ къ вамъ. Я ему подмигну, когда онъ проѣдетъ мимо меня—вы увидите, какъ онъ со мной обойдется.

Пистоль. Пошли Богъ силы твоимъ легкимъ, добрый рыцарь.

Фальстафъ. Стань сюда, Пистоль, за мной. (*Къ Пустозвону*). Жаль, что у меня не было времени заказать новое платье въ счетъ тысячи фунтовъ, которые я одолжилъ у тебя. Но не все ли равно. Эта бѣдная одежда еще болѣе подходитъ къ данному случаю,—она показываетъ, какъ я торопился увидѣть его.

Пустозвонъ. Это вѣрно.

Фальстафъ. Она доказываетъ глубину моей привязанности.

Пустозвонъ. Да, да.

Фальстафъ. Мое преклоненіе.

Пустозвонъ. Правда, правда.

Фальстафъ. Видно будетъ, что я скакалъ день и ночь, и не вспомнилъ, не считалъ нужнымъ, не имѣлъ терпѣнія перемѣнить платье.

Пустозвонъ. Совершенно вѣрно.

Фальстафъ. Вотъ я стою здѣсь, забрызганный еще грязью съ дороги, и потѣю отъ желанія видѣть его; ни о чемъ другомъ не думаю, забываю о всѣхъ остальныхъ дѣлахъ, какъ будто нѣтъ у меня никакого другого дѣла на умѣ, кромѣ желанія увидѣть его.

Пистоль. Это „Semper idem“, ибо „absque hoc nihil est“—все сказывается въ каждой отдѣльной части.

Пустозвонъ. Вѣрно.

Пистоль.

О, рыцарь, вашу доблестную печень
Хочу разжечь и въ ярость привести.
Знай: Долли, нѣжныхъ чувствъ твоихъ Елена,
Безжалостною грубою рукой
Повергнута въ тюрьму—въ пріютъ заразы.
Скорѣй для мщенья вызови изъ мрака
Змѣю Алекто яростной. Въ тюрьмѣ
Томится Долли. Ложь чужда Пистолю.

Фальстафъ. Я ее освобожу.

Пистоль.

Какъ будто моря шумъ. Рокочутъ трубы.

(*Входитъ* король, *за нимъ свита; въ числѣ другихъ* верховный судья).

Фальстафъ.

Храни тебя Господь, король нашъ, Галь,
Мой королевскій Галь.

Пистоль.

Да берегутъ
Васъ небеса, побѣгъ высокой славы.

Фальстафъ.

Храни тебя Господь, мой милый мальчикъ.

Король Генрихъ.

Милордъ судья, поговорите съ этимъ
Безумцемъ.

Верховный судья (*къ Фальстафу*).

Да въ своемъ-ли вы умѣ?
Вы знаете-ли, съ кѣмъ вы говорите?

Фальстафъ.

Я говорю съ тобою, мой король,
Юпитеръ мой, другъ сердца моего.

Король Генрихъ.

Тебя, старикъ, не знаю я. Молись.
Какъ сѣдины нейдутъ къ шутамъ безпутнымъ!
Такой, какъ ты, мнѣ долго снился,—столь-же
Раздутый, столь-же старый, столь-же гнусный.
Теперь, проснувшись, сонъ свой презираю.
Сбавь плоть свою и о душѣ подумай.
Обжорство брось. Вѣдь помни, что могила
Передъ тобой разверста втрое шире,
Чѣмъ предъ другими. Возражать не вздумай
Дурацкой шуткой. Не воображай,
Что я теперь такой, какимъ былъ прежде.
Но знаетъ Богъ и вскорѣ міръ увидитъ,
Что я отринулъ прежняго себя,
Равно какъ всѣхъ, съ кѣмъ дружбу велъ донынѣ.
Когда услышишь, что я вновь сталъ прежнимъ,
Вернись ко мнѣ и будешь ты опять
Учителемъ распутства моего.
А до тѣхъ поръ тебя я изгоняю
Подъ страхомъ смерти, а съ тобою вмѣстѣ
Всѣхъ прочихъ совратителей своихъ,
На десять миль прочь отъ особы нашей.
Я буду доставлять вамъ средства къ жизни,
Чтобъ къ худшему нужда не привела васъ.
Услышавъ-же о вашемъ исправленьи,
Я тотчасъ васъ опредѣлю на службу,
Способностямъ и силамъ соразмѣрно.
Милордъ, вы позаботитесь о томъ,

Чтобъ нашъ приказъ исполненъ былъ.—
Идемъ.

(*Уходятъ*).

Фальстафъ. Мистеръ Пустозвонъ, я долженъ вамъ тысячу фунтовъ.

Пустозвонъ. Да, сэръ Джонъ, и я попрошу васъ отдать ихъ мнѣ сейчасъ—я ѣду домой.

Фальстафъ. Это почти невозможно, мистеръ Пустозвонъ. Но вы не тревожьтесь. Онъ пришлетъ за мной тайно. Вѣдь вы понимаете—ему нужно было показать себя такимъ передъ свѣтомъ. Не безпокойтесь относительно вашего назначенія, — я все таки еще придамъ вамъ вѣсу.

Пустозвонъ. Не вижу, какъ вы это сдѣлаете,—развѣ только надѣнете на меня вашъ камзолъ и набьете его соломой. Я молю васъ, добрый сэръ Джонъ, отдайте хоть пятьсотъ изъ тысячи.

Фальстафъ. Я сдержу слово, сэръ. То, что вы слышали, было только маской.

Пустозвонъ. Только маской... боюсь, что въ этой маскѣ вы умрете, сэръ Джонъ.

Фальстафъ. Не бойтесь масокъ. Пойдемте обѣдать. Идемъ, лейтенантъ Пистоль; идемъ, Бардольфъ. За мной еще пришлютъ сегодня же вечеромъ.

(*Возвращаются* принцъ Джонъ, лордъ верховный судья *и офицеры*).

Верховный судья.

Во Флитскую тюрьму отправьте Джона
Фальстафа и товарищей его.

Фальстафъ.

Милордъ, милордъ!

Верховный судья.

Мнѣ некогда теперь.
Я выслушаю васъ потомъ. Ступайте.

Пистоль.

Si fortuna me tormenta, spera me contenta.

(*Фальстафъ, Пустозвонъ, Пистоль, Бардольфъ, пажъ и офицеры уходятъ*).

Принцъ Джонъ.

Мнѣ по душѣ рѣшенье короля
О прежнихъ собутыльникахъ его.
Всѣхъ средствами онъ къ жизни обезпечилъ,
Но все таки изгналъ ихъ до тѣхъ поръ,
Пока не станутъ нравы ихъ приличнѣй.

Верховный судья.

Да, такъ оно и есть.

Принцъ Джонъ.

Король уже парламентъ свой созвалъ.

Верховный судья.

Такъ точно.

Принцъ Джонъ.

Клянусь вамъ, не успѣетъ годъ истечь,
Во Францію пошлемъ огонь и мечъ.
О томъ, я слышалъ, птичка распѣвала
И пѣсней короля очаровала.
Идемъ.

(*Уходятъ*).

ЭПИЛОГЪ.

Произносится танцоромъ.

Являюсь къ вамъ прежде всего со страхомъ, затѣмъ съ поклономъ и, наконецъ, съ рѣчью. Боюсь я вашего неудовольствія, кланяюсь по обязанности, а говорю, чтобы попросить у васъ прощенія. Если вы ждете теперь хорошей рѣчи — вы меня губите, потому что то, что я имѣю сказать, собственное мое сочиненіе, а то, что я долженъ былъ бы сказать, боюсь, испорчено мною. Но къ дѣлу—я попробую. Да будетъ вамъ извѣстно (какъ вы конечно знаете), что я являлся здѣсь передъ вами въ концѣ плохой пiесы, которая вамъ не понравилась, и просилъ у васъ съ терпѣніемъ выслушать ее—и обѣщалъ вамъ лучшую. Дѣйствительно, я надѣялся заплатить свой долгъ этой. А если она, какъ неудачное коммерческое предпріятіе, лопнетъ, я буду банкротомъ, а вы, мои милые кредиторы, пострадаете. Я обѣщалъ вамъ явиться сюда— и вотъ я пришелъ, поручая себя вашей снисходительности. Отпустите мнѣ часть долга, а часть я заплачу и, какъ большинство должниковъ, наобѣщаю вамъ безъ конца. Если мой языкъ не можетъ убѣдить васъ отпустить мнѣ вину, не прикажете ли вы пустить въ дѣло ноги? Положимъ, это была бы легкая расплата,—оттанцовать свой долгъ. Но чистая совѣсть готова дать какое угодно удовлетвореніе, и я на все пойду. Всѣ дамы, находящіяся здѣсь, уже простили меня; если же кавалеры не простятъ, значитъ, кавалеры не соглашаются

Король Генрихъ V. Тебя, старикъ, не знаю я. (Дѣйствіе V, сцена 5).

Картина Роб. Смирка. (Rob. Smirke, R. A.). (Малая Бойделевская Галлерея).

съ дамами—вещь совершенно невиданная въ такомъ собраніи.

Еще одно слово, прошу васъ. Если вамъ не прискучила жирная пища, нашъ смиренный авторъ продолжитъ исторію, въ которой дѣйствуетъ сэръ Джонъ, и развеселитъ васъ Катериной французской. Въ этой исторіи, насколько я знаю, Фальстафъ умретъ отъ смертельнаго пота,—если онъ еще не убитъ вашимъ суровымъ приговоромъ; потому что Ольдкэстль умеръ мученикомъ, а Фальстафъ не онъ. Языкъ мой усталъ, а когда мои ноги тоже устанутъ, то я пожелаю вамъ доброй ночи. И затѣмъ я преклоняю колѣни,—но лишь для того, чтобы помолиться за королеву.

Зин. Венгерова и Н. Минскій.[1]

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ТАНЦОРЪ XVII в.

Рисунокъ знаменитаго нѣмецко-англійскаго гравера Голлара (Wenceslaus Hollar, 1607 — 1677).

[1] Зин. А. Венгеровой принадлежитъ переводъ прозаической части «Генриха IV», Н. М. Минскому — стихотворной.

Переводъ П. И. ВЕЙНБЕРГА.

Съ предисловіемъ ЗИН. А. ВЕНГЕРОВОЙ.

Заглавная виньетка извѣстнаго англійскаго иллюстратора сэра Джона Джильберта (sir John Gilbert).

ФЛОРЕНЦІЯ ОКОЛО 1490 г.

(Современная гравюра; изъ коллекцій берлинской національной галлереи).

Конецъ всему дѣлу вѣнецъ.

Комедія „Конецъ всему дѣлу вѣнецъ" (All's well, that ends well) напечатана была впервые въ in-Folio 1623 года, безъ раздѣленія на акты и списка дѣйствующихъ лицъ (приложеннаго къ изд. Rowe'a 1709 г.). Время появленія на сценѣ съ точностью установить нельзя: никакихъ указаній на современныя событія нѣтъ; въ содержаніи комедіи много общаго съ ранними произведеніями Шекспира, но есть и черты, приближающія ее къ драмамъ зрѣлаго періода. Д-ръ Фармеръ въ своемъ „Essay on the learning of Shakespeare" (1767 г.), отождествилъ „All's well that ends well" съ упомянутой въ спискѣ Фрэнсиса Мереса (Palladis Tamia) комедіей „Love's labours won", представленной съ большимъ успѣхомъ въ 1598 г. Такъ какъ трудно предположить, чтобы извѣстная современникамъ пьеса Шекспира не вошла въ in-Folio, то очевидно нужно искать названную Мересомъ комедію въ какой-нибудь изъ пьесъ, носящихъ другое заглавіе. Предположеніе Hunter'a, что „Love's labours won" первоначальное заглавіе „Бури" падаетъ само собой, потому что „Буря" одна изъ послѣднихъ драмъ Шекспира, и не могла быть извѣстна въ 1598 г. Заглавіе же „Love's labours won" (Плодотворныя усилія любви) вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію комедіи „Конецъ всему дѣлу вѣнецъ". Первоначальное заглавіе объясняется тѣмъ, что „Love's labours won" составляла pendant къ одной изъ раннихъ комедій Шекспира „Безплоднымъ усиліямъ любви". Въ обѣихъ представлена одна и та же придворная среда, и рѣчи придворныхъ кавалеровъ отмѣчены одинаковой манерностью. Но „Безплодныя усилія любви" насквозь проникнуты „эвфуизмомъ", а „Конецъ всему дѣлу вѣнецъ" сохранила лишь въ отдѣльныхъ сценахъ слѣды напыщенности. Къ взгляду Фармера о тождествѣ „All's well that ends well" съ „Love's labours won" примкнули всѣ толкователи Шекспира, начиная съ Тика и Кольриджа, но мнѣнія критиковъ раздѣляются по вопросу о томъ, соотвѣтствуетъ ли „Love's labours won" окончательной, помѣщенной въ in-Folio редакціи комедіи. Деліусъ полагаетъ, что въ 1598 г. комедія представлена была въ своемъ теперешнемъ окончательномъ видѣ, Найтъ тоже относитъ „Конецъ всему дѣлу вѣнецъ" къ раннимъ произведеніямъ Шекспира, написаннымъ до 1590 г. Но гораздо убѣдительнѣе взглядъ Гервинуса и Фризена; они указываютъ на сліяніе въ пьесѣ двухъ разныхъ стилей, изъ чего можно заключить, что пьеса подверглась переработкѣ; первая редакція относится къ раннему періоду, и она упомянута Мересомъ; другая, кореннымъ образомъ передѣланная, къ болѣе позднему времени—по Мэлону къ 1606 году. Два совершенно различныхъ стиля видятъ въ комедіи и Кольриджъ, и Грэндъ - Уайтъ; послѣдній

относитъ цѣлую треть стиховъ къ позднѣйшей обработкѣ. Слѣды первой редакціи видны главнымъ образомъ въ риѳмованныхъ стихахъ нѣкоторыхъ сценъ („догреляхъ"), въ выспренности рѣчей придворныхъ кавалеровъ; языкъ избраннаго общества тоже отмѣченъ „эвфуизмомъ", какъ и въ „Безплодныхъ усиліяхъ любви". Цинизмъ шута и въ особенности Пароля совершенно въ стилѣ раннихъ комедій Шекспира; наиболѣе характеренъ въ этомъ отношеніи разговоръ Пароля съ Еленой о дѣвственности (Д. I, сц. 1), одинъ изъ наиболѣе непристойныхъ у Шекспира. Сцена написана прозой, изобилующей грубыми выраженіями, и заканчивается „догрелями" въ монологѣ Елены. Тѣмъ же низменнымъ стилемъ говорятъ главныя дѣйствующія лица комедіи — Елена, графиня, Бертрамъ, король въ вводныхъ, не относящихся непосредственно къ дѣйствію разговорахъ съ шутомъ и Паролемъ—всѣ эти сцены, такъ же какъ и напыщенныя рѣчи придворныхъ, перенесены вѣроятно безъ всякихъ измѣненій въ позднѣйшую обработку изъ первоначальной редакціи. Но по мѣрѣ того, какъ дѣйствіе становится болѣе драматичнымъ, общій тонъ мѣняется и приближается къ благородству зрѣлыхъ произведеній Шекспира: напутственная рѣчь графини сыну, бесѣды графини съ Еленой о любви къ Бертраму, воспоминанія короля объ отцѣ Бертрама написаны выдержаннымъ бѣлымъ стихомъ; проза въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ разсказѣ управителя о чувствахъ Елены къ Бертраму (Д. I, сц. 3) выдѣляется своею простотою и серьезнымъ тономъ на фонѣ грубаго балагурства другихъ дѣйствующихъ лицъ. Отдѣльныя мысли и намеки, такъ же какъ и характеръ нѣкоторыхъ сценъ, даютъ поводъ предположить, что „Конецъ всему дѣлу вѣнецъ" написанъ или непосредственно, или вскорѣ послѣ „Гамлета": такъ напр. наставленія графини отъѣзжающему сыну напоминаютъ прощаніе Полонія съ Лаертомъ, ироническіе разсказы шута о придворной жизни, о холопствѣ царедворцевъ (въ разговорѣ съ графиней, Д. II, сц. 2)—издѣвательства Гамлета надъ Полоніемъ въ бесѣдѣ о видѣ и формѣ облаковъ. Въ комедіи есть выходки противъ пуританъ— шутъ высмѣиваетъ католическихъ и протестантскихъ фанатиковъ; въ этомъ сказывается негодованіе Шекспира противъ показного благочестія, что тоже пріурочиваетъ комедію къ эпохѣ „Гамлета".

Сюжетъ комедіи заимствованъ Шекспиромъ изъ новеллы Боккачіо (Декамеронъ, 3-ій день, нов. 9), которая была извѣстна Шекспиру по англійскому переводу William Paynter'а въ его „Palace of Pleasure" (1566 г.). Изъ сравненія комедіи съ новеллой Боккачіо видно, какъ Шекспиръ умѣлъ углублять психологическій смыслъ неправдоподобныхъ, фантастическихъ, а иногда, какъ именно въ данномъ случаѣ, почти оскорбительныхъ для нравственнаго чувства положеній и дѣйствій. Новелла Боккачіо „Джилетта Нарбонская" принадлежитъ къ серіи повѣстей о беззавѣтно и рабски любящихъ женщинахъ, которыя силой смиренія и готовностью ко всякаго рода униженіямъ покоряютъ сердца своихъ суровыхъ избранниковъ. Такова напр. Гризельда въ послѣдней новеллѣ „Декамерона" — идеальное воплощеніе нѣжности и женственности. Джилетта, въ противоположность Гризельдѣ, предпріимчива и неразборчива въ выборѣ средствъ для достиженія своей цѣли; хитрости, къ которымъ она прибѣгаетъ, лишаютъ ее и женственности, и душевной красоты. Джилетта, по новеллѣ, богатая сирота, дочь знаменитаго врача Жирарда Нарбонскаго. Она любитъ сына графа Руссильонскаго, Бельтрамо, своего товарища дѣтства, и отказывается поэтому отъ всѣхъ предлагаемыхъ ей блестящихъ партій. Бельтрамо отправился въ Парижъ, ко двору французскаго короля; узнавъ о неизлѣчимой болѣзни короля (опухоль на груди), Джиллетта строитъ на этомъ свои планы. Она является ко двору, предлагаетъ королю излѣчить его — ея отецъ передалъ ей тайны своего искусства — и, когда въ назначенный ею срокъ король дѣйствительно выздоравливаетъ, Джилетта проситъ въ награду, чтобы король выдалъ ее замужъ за Бельтрамо. Несмотря на нескрываемое презрѣніе къ дочери простого лѣкаря, молодой графъ соглашается на бракъ, исполняя волю короля; но тотчасъ же послѣ вѣнца онъ уѣзжаетъ на войну во Флоренцію, гдѣ становится партизаномъ флорентинцевъ противъ Сіенны. Молодая графиня Руссильонская отправляется одна во владѣнія своего мужа, мудро управляетъ его землями и пріобрѣтаетъ симпатіи подданныхъ. Водворивъ порядокъ въ странѣ, разоренной долгимъ отсутствіемъ владѣльца, она посылаетъ къ своему мужу гонцовъ съ запросомъ о причинахъ его добровольнаго изгнанія—если онъ не возвращается изъ-за нея, то лучше она уѣдетъ. Бельтрамо шлетъ ей грубый и безпощадный отвѣтъ: „Пусть она поступаетъ какъ знаетъ", передаетъ

онъ ей черезъ ея посланныхъ. „Я же только тогда вернусь къ ней, когда у нея на пальцѣ очутится вотъ этотъ перстень (тотъ, который Бельтрамо очень любилъ и никогда не снималъ съ пальца), и когда она будетъ держать на рукахъ своего сына, отцомъ котораго былъ бы я". Явная невыполнимость этихъ условій не останавливаетъ предпріимчивую Джилетту, и она тотчасъ же замышляетъ новые хитрые планы. Она объявляетъ всѣмъ о своемъ намѣреніи навсегда покинуть владѣнія графа и провести остатокъ дней въ странствованіи по святымъ мѣстамъ; затѣмъ, взявъ съ собой только преданную служанку, а также много серебра и драгоцѣнностей, она отправляется въ одеждѣ странницы прямо во Флоренцію. Тамъ, поселившись въ домѣ одной вдовы, она видитъ проѣзжающаго мимо оконъ Бельтрамо и, разспрашивая о немъ какъ о незнакомцѣ, узнаетъ о любви его къ бѣдной дѣвушкѣ, которая отвергаетъ его ухаживанія. Джилетта отправляется къ матери дѣвушки и предлагаетъ ей большую награду, если она согласится помочь покинутой женѣ вернуть себѣ расположеніе мужа. Та соглашается, и Джилетта, назвавъ себя, открываетъ ей свой планъ. Нужно, чтобы дѣвушка потребовала отъ влюбленнаго Бельтрамо его кольцо, а затѣмъ позволила ему тайно пробраться ночью въ ея комнату, гдѣ вмѣсто молодой флорентинки будетъ ждать графа сама Джилетта. Планъ приводится въ исполненіе. Послѣ нѣкотораго времени Джилетта чувствуетъ себя матерью, и щедро вознаграждаетъ мать и дочь, которыя за минованіемъ надобности въ нихъ, уѣзжаютъ изъ Флоренціи. Бельтрамо тоже возвращается въ Руссильонъ, узнавъ объ отъѣздѣ графини. Джилетта остается во Флоренціи, родитъ тамъ двухъ близнецовъ, очень похожихъ на отца, и черезъ нѣсколько времени возвращается на родину; узнавъ, что въ замкѣ Бельтрамо устраивается пышное празднество въ день Всѣхъ Святыхъ, она является туда въ одеждѣ странницы, съ дѣтьми на рукахъ, падаетъ на колѣни передъ мужемъ и, рыдая, проситъ его признать ее своей женой: она выполнила всѣ поставленныя имъ условія, добыла его кольцо и родила ему двухъ сыновей. Изумленный и растроганный Бельтрамо разспрашиваетъ ее о всемъ случившемся, преклоняется передъ силой и постоянствомъ ея любви, и между супругами водворяется любовь и согласіе.

Неправдоподобность сюжета не сглажена въ новеллѣ никакой психологической мотивировкой, всѣ событія управляются случаемъ и характеръ героини съ ея навязчивой любовью менѣе всего привлекателенъ. Въ ея дѣйствіяхъ отсутствуетъ всякая внутренняя правда. Нельзя допустить, чтобы глубоко и нѣжно любящая дѣвушка, каковой по замыслу должна быть Джилетта, насильно женила бы на себѣ человѣка, откровенно ее отвергнувшаго, и тѣмъ болѣе недопустимо, чтобы ея хитрыя затѣи пробудили въ немъ любовь,—напротивъ того, въ томъ видѣ, какъ замыслы Джилетты представлены у Боккачіо, они должны были бы еще болѣе возстановить Бельтрамо противъ назойливой до безстыдства женщины. Для Боккачіо интересъ, конечно, не въ психологической правдѣ, а въ колоритномъ жизнерадостномъ изображеніи пикантнаго любовнаго приключенія.

Шекспиръ извлекъ изъ грубоватаго анекдота богатый психологическій матерьялъ, создалъ изъ грубой неженственной Джилетты одинъ изъ самыхъ трогательныхъ типовъ своей женской галлереи и внесъ столько своего въ неподатливый сюжетъ, что идея его комедіи приближается къ психологическимъ задачамъ, разработаннымъ въ другихъ пьесахъ, почерпнутыхъ изъ совершенно иныхъ источниковъ.

На сюжетъ новеллы Боккачіо написана была до Шекспира пьеса итальянца Бернардо Аккольди, „Виргинія", представленная въ Сіеннѣ на празднествѣ въ честь бракосочетанія Magnifico Антоніо Спанокки и напечатанная во Флоренціи въ 1513 году (авторъ ея умеръ въ 1534 г.). Клейнъ доказываетъ въ своей „Gesch. des Italien Drama's" (I), что Шекспиръ зналъ эту пьесу, но гораздо правдоподобнѣе, что онъ пользовался только новеллой Боккачіо въ переводѣ Пэнтера.

Героиня комедіи, Елена, имѣетъ много общаго съ Юліей изъ „Двухъ веронцевъ", тоже самоотверженно любящей дѣвушкой, которая слѣдуетъ за отвергающимъ ее возлюбленнымъ, съ Віолой въ „Двѣнадцатой ночи", съ Порціей въ „Венеціанскомъ купцѣ". А вся исторія дѣвушки, которая своею сильною и смѣлою любовью покоряетъ сердце строптиваго юноши, представляетъ интересный pendant къ „Усмиренію строптивой",—разница только та, что тамъ активная роль принадлежитъ мужчинѣ, здѣсь женщинѣ. Въ этомъ обстоятельствѣ вся трудность сюжета: какъ изобразить предпріимчивую, воюющую за свое

счастье женщину, не лишивъ ея обаянія женственности. Въ итальянской новеллѣ эта задача не разрѣшена; Шекспиръ же, увлеченный трудностью сюжета, блестяще справился съ нею. Вся борьба Елены, завоевывающей свое счастье, перенесена во внутренній міръ, вся сила, дающая ей побѣду, заключается въ глубинѣ и святости ея чувства, а внѣшніе факты, дѣйствія, къ которымъ она прибѣгаетъ, теряютъ свою преднамѣренность, становятся только выразителями душевныхъ переживаній, возникаютъ естественно изъ самыхъ обстоятельствъ, не составляя предначертаннаго заранѣе плана. Шекспиръ достигаетъ этого тѣмъ, что вводитъ въ дѣйствіе тонкія психологическія подробности. Онъ и въ этой комедіи, какъ и во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, чрезвычайно бережно относится къ источнику, совершенно вѣрно воспроизводитъ все фактическое, но даетъ фактамъ свое собственное освѣщеніе, и тѣмъ самымъ вкладываетъ въ нихъ новый смыслъ. Къ лицамъ, выведеннымъ у Боккачіо, Шекспиръ прибавляетъ нѣсколько новыхъ; въ его комедіи большую роль играетъ мать Бертрама, старая графиня Руссильонская; она поощряетъ трогательную любовь Елены, становится на ея сторону, настаиваетъ на ея поѣздкѣ въ Парижъ. Этимъ съ Елены снимается упрекъ въ неженственной назойливости и неделикатности. Она только любитъ, только стремится овладѣть любовью Бертрама, и хватается за всѣ средства, которыя даются ей въ руки, именно благодаря силѣ ея побѣднаго желанія. Въ противоположность Джилеттѣ, она не строитъ никакихъ завоевательныхъ плановъ и, напротивъ того, считаетъ свое чувство безнадежнымъ,—активная роль принадлежитъ отчасти старой графинѣ, которая своимъ вмѣшательствомъ охраняетъ чистоту и нѣжность образа Елены. Шекспиръ облагородилъ также и Бертрама, давъ ему въ совѣтчики пошлаго и хвастливаго товарища, Пароля, уже всецѣло созданнаго Шекспиромъ: у Боккачіо ни о какихъ товарищахъ Бельтрамо не упоминается. Пароль — злой геній Бертрама, толкающій его на кутежи и грубость; его вліяніе обусловливаетъ безсердечную надменность юноши по отношенію къ „дочери бѣднаго лѣкаря"; въ дальнѣйшемъ развитіи дѣйствія происходитъ борьба за власть надъ душой Бертрама; драматическій интересъ комедіи сводится въ значительной степени къ вопросу о томъ, кто побѣдитъ: Елена съ ея благородной любовью, или Пароль, развращающій Бертрама, т. е. будетъ ли побѣда на сторонѣ добра или зла. Отсюда обычный въ драмахъ Шекспира параллелизмъ двухъ дѣйствій: съ одной стороны, любовной драмы Елены, съ другой—обличенія Пароля; убѣдившись въ его низменности и невѣрности, Бертрамъ тѣмъ самымъ научается цѣнить благородство и любовь Елены.

Создавъ новое дѣйствующее лицо, хвастуна Пароля, расширивъ и углубивъ этимъ сюжетъ, Шекспиръ ввелъ въ него этическій мотивъ и представивъ борьбу между вѣрностью искренно любящей женщины и притворной, корыстной преданностью льстиваго труса, тѣмъ самымъ облагородилъ и придалъ нравственный интересъ герою разыгрывающейся любовной драмы. Бельтрамо въ новеллѣ настолько грубъ и пошлъ въ своей аристократической заносчивости, что любовь Джилетты къ нему совершенно неправдоподобна. Шекспировскій Бертрамъ тоже очень непривлекателенъ и тогда, когда онъ изъ сословныхъ предразсудковъ отказывается жениться на Еленѣ, и въ особенности въ концѣ, когда онъ нагло лжетъ и клевещетъ на невинную дѣвушку, Діану, предъявляющую справедливыя права на него. Но онъ до нѣкоторой степени оправданъ дурнымъ вліяніемъ Пароля, и побѣда Елены обозначаетъ нравственный переломъ въ немъ. Бертрамъ такъ же исправляется, отказавшись отъ Пароля и признавъ Елену, какъ принцъ Гарри въ „Генрихѣ IV", отринувъ Фальстафа и прочихъ старыхъ собутыльниковъ. Кромѣ графини и Пароля, Шекспиръ ввелъ въ свою комедію еще стараго лорда Лафэ, который приводитъ доказательства благородства Елены, и управителя графини Руссильонской, тоже свидѣтельствующаго о силѣ и смиренности чувствъ Елены.

При помощи этихъ новыхъ, отсутствующихъ въ первоисточникѣ лицъ, а также осложненныхъ психологическихъ мотивовъ, Шекспиръ создалъ изъ мало привлекательнаго, даже отталкивающаго сюжета интересную, психологически продуманную комедію. Тѣмъ не менѣе „Конецъ всему дѣлу вѣнецъ" не относится къ числу лучшихъ произведеній Шекспира. Сюжетъ, все-же, остается грубымъ—Елена всетаки навязываетъ себя мужу, пользуясь своими правами на благодарность короля, а всякое насиліе надъ чувствами нестерпимо для утонченнаго пониманія любви. Кромѣ того, способъ, кото-

рымъ она исполняетъ условія, поставленныя мужемъ, не только не правдоподобенъ —это вина не Шекспира, а первоисточника,—но очень грубъ и не совмѣстимъ не только съ чисто женскимъ, но и вообще съ человѣческимъ достоинствомъ. Понятны, поэтому, нападки критиковъ на эту комедію. Нѣмецкіе шекспирологи—Рюмелинъ, Женэ—говорятъ о психологической неправдоподобности дѣйствія, о нестерпимой „неженственности“ Елены; Женэ сомнѣвается въ возможности счастливой семейной жизни Бертрама и Елены, такъ какъ не допускаетъ успѣшности „такихъ усилій любви“. Онъ ставитъ неизмѣримо выше Елены нѣмецкій классическій образецъ дѣвушки, побѣждающей силой любви и смиренія: Kätchen von Heilbronn Клейста. Среди шекспирологовъ есть, однако, и защитники комедіи, въ особенности характера героини; Гервинусъ очень пространно доказываетъ чистоту ея чувствъ, видитъ въ ней образецъ смиренной и неустрашимой женской любви и превозноситъ тонкую психологическую мотивировку дѣйствій и событій, поражающихъ своей неправдоподобностью въ новеллѣ. Эльце усматриваетъ смыслъ комедіи въ изображеніи истинно-женственнаго существа, сохраняющаго свою женственность и въ столь несвойственномъ для женщины наступательномъ положеніи. Сидней Ли считаетъ Елену однимъ изъ величайшихъ созданій Шекспира, несмотря на то, что она попираетъ законы дѣвичьей скромности; онъ отмѣчаетъ трогательную нѣжность въ изображеніи страданій отвергнутой любви. Дѣйствительно, при всей грубости сюжета, отразившейся и въ обработкѣ Шекспира, комедія „Конецъ всему дѣлу вѣнецъ“ проникнута высокимъ идеализмомъ, и анализъ любви сдѣланъ съ глубокимъ проникновеніемъ въ сложные мотивы человѣческихъ чувствъ.

Въ основѣ шекспировской комедіи лежитъ мысль о силѣ любви, которая своей цѣльностью и напряженностью побѣждаетъ всѣ препятствія. Елена не замышляетъ никакихъ плановъ, она только любитъ, страдаетъ отъ кажущейся безнадежности своей любви, но при этомъ горда, свободна и смѣла. Только въ этомъ и заключается ея сила. Когда Бертрамъ уѣзжаетъ въ Парижъ, ко двору, она печальна; всѣ приписываютъ ея грусть мыслямъ объ умершемъ отцѣ, она же въ первомъ монологѣ говоритъ объ истинной причинѣ своего горя: свою любовь она считаетъ безнадежной, но не кается въ ней. Слова Елены—кроткія и нѣжныя: она стремится только быть поблизости Бертрама, глядѣть на него, хотя и знаетъ, что это блаженство вмѣстѣ съ тѣмъ и великая мука. Никакія мысли о томъ, чтобы „завоевать“ Бертрама, не возникаютъ у нея. Разнузданныя рѣчи Пароля возбуждаютъ въ ней желаніе отправиться въ Парижъ,—она увидала изъ его словъ, что Бертрама ожидаетъ при дворѣ множество искушеній, и ревность окрыляетъ ее. Въ эту минуту она чувствуетъ силу своей любви, и, не представляя себѣ даже, что она могла бы предпринять, начинаетъ вѣрить въ возможность счастья, заложеннаго въ подъемѣ ея чувствъ, въ страстности ея желанія. Монологъ, которымъ заканчивается ея бесѣда съ Паролемъ, очень характеренъ: это переходъ отъ пассивнаго, безсознательнаго чувства къ активной силѣ, психологическое объясненіе дальнѣйшихъ дѣйствій, порожденныхъ проснувшейся, сознавшей себя душевной мощью. Передъ нею исчезаютъ преграды дѣвичьей скромности, но душевная чистота и смиренность передъ человѣкомъ, вызвавшимъ восторженное безпредѣльное чувство, остаются неприкосновенными; въ результатѣ является удивительно-поэтическая смѣсь предпріимчивости, граничащей съ безстыдствомъ, и нѣжной кротости, готовности претерпѣть всяческія страданія во имя любви. Такова Елена на протяженіи всей пьесы. Она требуетъ отъ короля въ награду за исцѣленіе право избрать себѣ мужа, но робѣетъ, подходя къ Бертраму и говоритъ: „Не смѣю я сказать, что васъ избрала я.—Нѣтъ, въ вашу власть, пока продлится жизнь моя,—себя я отдаю“. Суровость мужа она переноситъ безропотно, нѣжно проситъ у него прощальнаго поцѣлуя, и съ трогательнымъ смиреніемъ принимаетъ его отказъ и приказаніе отправиться одной къ его матери въ Руссильонъ. Она боготворитъ предметъ своей любви, стремится только стать достойной его вниманія; ея любовь—служеніе Богу, котораго она возлюбила всей душой, и этотъ оттѣнокъ религіознаго культа вноситъ паѳосъ во всѣ ея дѣйствія и слова. Когда Бертрамъ, какъ бы насмѣхаясь надъ ней, посылаетъ ей письменно условія, на которыхъ онъ согласенъ вернуться къ ней, она впадаетъ въ отчаяніе и, въ противоположность Боккачіевской Джилеттѣ, вовсе не думаетъ о возможности перехитрить мужа, а предаетъ себя волѣ Божіей. Думая только о мужѣ, она уходитъ изъ дому, чтобы дать

ему возможность вернуться, и распускаетъ слухъ о своей смерти для его успокоенія. Она ѣдетъ во Флоренцію за нимъ безъ опредѣленнаго плана дѣйствій; она хочетъ быть поблизости Бертрама — больше ни о чемъ она не думаетъ; только встрѣча со вдовой и ея дочерью пробуждаетъ ея активность, и она приводитъ въ исполненіе планъ, требующій глубокой вѣры въ силу своего чувства. Боккачіевская Джилетта побѣждаетъ хитростью, Елена—непосредственностью своей любви, освящающей всѣ ея дѣйствія. Психологическая мотивировка, преобладаніе внутренняго міра надъ внѣшними событіями, постоянная душевная борьба, вѣра въ святость своихъ побужденій,—все это дѣлаетъ образъ Елены трогательнымъ образцомъ истинной любви, на все способной, свободной—и потому торжествующей. Предметъ ея любви, Бертрамъ, мало привлекателенъ, но тѣмъ сильнѣе выступаетъ святость ея чувства, имѣющаго оправданіе только въ своей собственной глубинѣ. И все же, въ сравненіи съ Бельтрамо новеллы, герой шекспировской комедіи болѣе интересенъ, такъ какъ его нравственная испорченность объясняется вліяніемъ Пароля. Если допустить, что наша комедія написана раньше „Генриха IV", то Пароль интересенъ, какъ подготовительный эскизъ къ Фальстафу; по трусости и хвастовству онъ представляетъ собой развитіе Плавтовскаго „miles gloriosus", и въ немъ намѣчены многія черты, столь геніально разработанныя Шекспиромъ въ типѣ Фальстафа. Сцена изобличенія лганья и предательства Пароля товарищами Бертрама—живо напоминаетъ сцены съ мнимымъ нападеніемъ разбойниковъ въ „Генрихѣ IV" (см. объ отношеніи Пароля къ Фальстафу статью проф. Стороженко: „Прототипы Фальстафа" въ книгѣ его „Опыты изученія Шекспира", 1902).

Въ художественномъ отношеніи, кромѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, выясняющихъ основную идею комедіи, интересны второстепенныя, въ особенности король, говорящій мудрыя слова о сословныхъ предразсудкахъ, объ истинномъ благородствѣ (въ похвалахъ умершему отцу Бертрама), о суетности молодежи, которая гонится всегда за внѣшней новизной; въ его уста Шекспиръ вкладываетъ мысли, занимавшія его въ эпоху созиданія „Гамлета"; очень интересенъ также шутъ съ его острымъ, грубымъ и мѣткимъ юморомъ, съ его смѣлыми до цинизма нападками на современные нравы.

Зин. Венгерова.

СТАРЫЙ ПАРИЖЪ.

a.

ртрамомъ

ьонской.

Бертрама.

цуэскіе и

Тосканѣ.

ЗНАТНЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ ДАМЫ НАЧАЛА XVI в.
(По ковру того времени въ Музеѣ Сіпи въ Парижѣ).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Руссильонъ. Комната во дворцѣ графини.

Входятъ Бертрамъ, графиня, Елена, *всѣ въ траурѣ, и* Лафэ.

Графиня. Разставаясь съ моимъ сыномъ, я хороню второго супруга.

Бертрамъ. А я, удаляясь отъ васъ, графиня, снова оплакиваю смерть моего отца. Но я долженъ повиноваться приказанію короля, тѣмъ болѣе, что теперь онъ опекунъ мой, и, слѣдовательно, я подчиненъ ему больше, чѣмъ когда либо.

Лафэ. Графиня, вы найдете въ королѣ мужа, а вы, графъ,—отца. Онъ, постоянно и въ отношеніи ко всѣмъ отличающійся добротою, конечно, надѣлитъ и васъ своею благосклонностью. Ваши достоинства вызвали бы ее даже тогда, если бъ въ немъ не было этого качества; тѣмъ скорѣе вы встрѣтите ее тамъ, гдѣ она въ такомъ изобиліи.

Графиня. Какія надежды на выздоровленіе его величества?.

Лафэ. Онъ отпустилъ своихъ докторовъ, подъ руководствомъ которыхъ онъ тратилъ время на надежды, при чемъ выигралъ только то, что съ теченіемъ этого времени потерялъ всякую надежду.

Графиня *(указывая на Елену).* У этой молодой дѣвушки былъ отецъ... О, это слово „былъ": какую грусть нагоняетъ оно! Его ученость почти равнялась его честности. Но если бы первая совершенно сравнялась съ послѣднею, онъ сдѣлалъ бы человѣческую природу безсмертною, и смерти, за недостаткомъ работы, пришлось бы без-

дѣльничать. Ради здоровья короля, я очень желала бы, чтобъ онъ былъ теперь живъ. Онъ-бы, кажется, съумѣлъ убить болѣзнь короля.

Лафэ. Какъ звали человѣка, о которомъ вы говорите, графиня?

Графиня. Онъ былъ знаменитъ въ своей профессіи и вполнѣ достоинъ этой извѣстности; его имя—Жераръ Нарбонскій.

Лафэ. Да, дѣйствительно, онъ былъ очень искусный человѣкъ. Король еще недавно отзывался о немъ съ большими похвалами и сожалѣніемъ. Со своими познаніями онъ могъ бы прожить еще долго, если бъ познанія имѣли силу одолѣвать смерть.

Бертрамъ. Скажите, пожалуйста, чѣмъ боленъ король?

Лафэ. Фистулой.

Бертрамъ. Въ первый разъ слышу о такой болѣзни.

Лафэ. Я бы очень желалъ, чтобы никто о ней никогда ничего не зналъ. Такъ эта дѣвица—дочь Жерара Нарбонскаго?

Графиня. Да, единственное дитя его и завѣщанное моимъ попеченіямъ. Ея воспитаніе заставляетъ меня возлагать на нее много хорошихъ надеждъ. Она получила въ наслѣдство дары, которыя увеличиваютъ прекрасныя качества, усвоенныя воспитаніемъ. Когда хорошія свойства проявляются въ душѣ испорченной, похвалы имъ сопровождаются сожалѣніемъ, потому что эти свойства являются въ этомъ случаѣ достоинствами и въ то же время измѣнниками. Но въ этой дѣвушкѣ прекрасныя качества еще возвышаются ея простотою. Добродѣтельная по природѣ, она еще сама усовершенствовала свою добродѣтель.

Лафэ. Ваши похвалы, графиня, растрогали ее до слезъ.

Графиня. Слезы — лучшее, чѣмъ дѣвушка можетъ приправлять похвалы, расточаемыя ей. Воспоминаніе объ отцѣ никогда не подступаетъ къ ея сердцу безъ того, чтобы сила скорби не уносила съ ея щекъ всѣ признаки жизни. Ну, полно, Елена, полно плакать, а то, пожалуй, подумаютъ, что ты выказываешь больше грусти, чѣмъ на самомъ дѣлѣ чувствуешь.

Елена. Правда, что я кажусь печальной, но эта печаль не только кажущаяся.

Лафэ. Умѣренная скорбь есть право мертвыхъ; скорбь чрезмѣрная—врагъ живыхъ.

Графиня. Когда живой—врагъ скорби, она умираетъ вслѣдствіе своей чрезмѣрности.

Бертрамъ. Графиня, я желаю получить ваше благословеніе.

Лафэ. Какъ понимать намъ это?

Графиня.

Пріими, Бертрамъ, мое благословенье!
Поступками и внѣшностью будь схожъ
Съ твоимъ отцомъ; пусть правятъ въ равной мѣрѣ
Твоей душой и доблестная кровь,
И качества высокія; пусть будутъ
Твои дѣла достойны твоего
Высокаго рожденья. Всѣхъ на свѣтѣ
Люби, мой сынъ, немногимъ только вѣрь
И никого не обижай; будь страшенъ
Своимъ врагамъ лишь силою своей,
А не ея употребленьемъ; друга,
Какъ жизнь свою, храни; пускай тебя
Въ молчаньѣ упрекаютъ, лишь бы только
Въ болтливости ты не былъ обвиненъ.
Пусть все, что дать тебѣ захочетъ небо
И что могу добыть я у него
Молитвами,—струится въ изобильи
На голову твою! Прощай!
(Къ Лафэ). Мой сынъ —
Неопытный придворный: будьте добрымъ
Совѣтникомъ ему.

Лафэ.

Достаточно
Совѣтовъ лучшихъ будетъ у него.

Графиня.

Храни его, Господь! Прощай, Бертрамъ!
(Уходитъ).

Бертрамъ *(Еленѣ).* Пусть всѣ лучшія желанья. какія только образуются въ вашемъ сердцѣ, будутъ вашими слугами! Будьте утѣшеніемъ моей матери, вашей госпожи, и берегите ее.

Лафэ. Прощайте, прекрасное дитя! Вы должны поддержать репутацію вашего отца.

(Уходитъ съ Бертрамомъ).

Елена.

Ахъ, если бъ ограничилось все этимъ!
Я объ отцѣ своемъ теперь уже
Не думаю, и больше сожалѣнье,
Что слышалось изъ устъ высокихъ здѣсь
Честь воздаетъ умершему, чѣмъ слезы,
Что я лила. Каковъ онъ былъ собою—
Забыла я; фантазія моя
Рисуетъ мнѣ одно лицо—Бертрама.
Погибла я: съ Бертрамомъ улетитъ
Вся жизнь моя. Ахъ, точно то же было бъ,
Когда бы я влюбилася въ звѣзду,
Блестящую на небѣ, и мечтала
О бракѣ съ ней! Да, такъ же высоко

Онъ надо мной стоитъ: сіяньемъ яркимъ
Его лучей могу издалека
Я грѣть себя, но въ сферу ихъ проникнуть
Мнѣ не дано. Итакъ, моя любовь
Терзается своимъ же честолюбьемъ:
Когда ко льву пылаетъ страстью лань,
Исходъ ей смерть. Какъ сладостно и вмѣстѣ
Мучительно мнѣ было цѣлый день
Быть вмѣстѣ съ нимъ, сидѣть и эти брови
Высокія, и соколиный взглядъ,
И шелкъ кудрей чертить себѣ на сердцѣ—
На сердцѣ томъ, что каждую черту
Прекраснаго лица воспринимало
Такъ хорошо. Теперь уѣхалъ онъ,
И слѣдъ его своимъ боготвореньемъ
Я освящу. Но кто идетъ сюда?

Входитъ Пароль.

Елена (*тихо*).

Пароль, его сопутникъ. Я за это
Люблю его, а между тѣмъ какъ лгунъ
Отъявленный онъ мнѣ извѣстенъ; знаю,
Что онъ глупецъ и подлый человѣкъ,
Но эти всѣ пороки такъ отлично
Идутъ къ нему, что есть у нихъ пріютъ,
И имъ тепло, межъ тѣмъ какъ добродѣтель
Синѣетъ вся отъ стужи. Сколько разъ
Мы видимъ умъ, отъ холода дрожащій,
Прислужникомъ у глупости блестящей.

Пароль. Да сохранитъ васъ Богъ, прекрасная королева!

Елена. И васъ, монархъ.

Пароль! Я не монархъ.

Елена. И я не королева.

Пароль. О чемъ вы размышляли здѣсь? — о дѣвственности?

Елена. Да. Вы—въ нѣкоторомъ родѣ воинъ; позвольте же мнѣ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ. Мужчина—врагъ дѣвственности: какимъ способомъ можемъ мы защищать ее отъ его нападеній?

Пароль. Не допускайте его къ себѣ.

Елена. Но онъ осаждаетъ насъ, а наша дѣвственность, хотя она защищается доблестно, все-таки слаба. Укажите намъ какое-нибудь сильное средство къ сопротивленію.

Пароль. Такого средства нѣтъ. Мужчины, осаждающіе васъ, подводятъ подъ васъ подкопы и, наконецъ, взрываютъ на воздухъ.

Елена. Да хранитъ Богъ нашу бѣдную дѣвственность отъ этихъ подкоповъ и взрывовъ! Но нѣтъ ли какого-нибудь стратегическаго средства для того, чтобы дѣвственницы могли взрывать на воздухъ мужчинъ?

Пароль. Къ чему же это? Въ царствѣ природы не существуетъ политическаго правила—сохранить дѣвственность. Потеря ея влечетъ за собой пріобрѣтеніе, и еще ни одна дѣвственница не родилась на свѣтъ безъ того, чтобы прежде не утратилась дѣвственность другой. То, изъ чего вы состоите, есть матеріалъ для образованія дѣвственницъ. Потеряется одна дѣвственность — можно найти десять другихъ; кто хочетъ всегда сохранить ее — навѣки ее утрачиваетъ. Вообще она слишкомъ холодная подруга: надо отдѣлываться отъ нея.

Елена. Нѣтъ, я буду сохранять ее еще нѣсколько времени, хотя бы отъ этого мнѣ пришлось умереть дѣвственницей.

Пароль. Въ пользу этого нельзя сказать почти ничего. Это значитъ поступать противъ правилъ природы. Та женщина, которая защищаетъ дѣвственность, обвиняетъ этимъ свою мать, то есть совершаетъ полное неповиновеніе. Дѣвственница — то же, что самоубійца, потому что дѣвственность сама себя умерщвляетъ, и ее слѣдовало бы хоронить на большихъ дорогахъ, далеко отъ освященной земли, какъ дерзкаго преступника противъ природы. Дѣвственность порождаетъ червячковъ, какъ сыръ; она сама съѣдаетъ себя до послѣднихъ краевъ и умираетъ, питаясь собственными внутренностями. Кромѣ того, дѣвственность сварлива, надменна, тщеславна, вся создана изъ самолюбія, то есть заражена самымъ запрещеннымъ въ заповѣдяхъ грѣхомъ. Не берегите ея: отъ этого вы останетесь только въ проигрышѣ. Долой ее—и черезъ десять лѣтъ у васъ будетъ десять дѣвственницъ, что составляетъ очень хорошій процентъ, тѣмъ болѣе, что и самый капиталъ не много упадетъ въ цѣнѣ. Бросьте ее.

Елена. Но какъ нужно поступать для того, чтобы потерять ее по своему желанью?

Пароль. А вотъ какъ: надо поступать дурно — любить того, кто не любитъ дѣвственности. Дѣвственность — товаръ, который теряетъ весь блескъ вслѣдствіе лежанья: чѣмъ больше беречь его, тѣмъ меньше онъ стоитъ. Сбывайте его, пока онъ еще можетъ найти покупщика; пользуйтесь, пока на него есть запросъ. Дѣвственность похожа на стараго придворнаго, который носитъ платье богато вышитое, но вышедшее изъ моды, или на тѣ украшенья и зубочистки, которыхъ никто уже не употребляетъ. Ваша дѣвственность, ваша старая дѣвственность то же, что старая французская груша: она и на видъ невзрачна,

и вкусомъ суха, словомъ, залежавшаяся груша. Прежде она была хороша, а теперь никуда не годится. Что вы станете съ нею дѣлать?

Елена.

Нѣтъ, дѣвственность моя еще не такова!
Но при дворѣ найдетъ вашъ господинъ навѣрно
И тысячу возлюбленныхъ, и мать,
И феникса, и вѣрную подругу,
Монархиню, начальника, врага,
Совѣтницу, измѣнницу, богиню,
Надменное смиреніе свое
И честолюбье скромное, согласье,
Лишенное гармоніи, раздоръ,
Исполненный созвучія, и вѣрность,
И сладостную скорбь, и цѣлый міръ
Малютокъ страстныхъ, нѣжныхъ и прелестныхъ,
Лелѣемыхъ Амуромъ. И тогда
Онъ будетъ... Я не знаю, чѣмъ онъ будетъ.
Пошли ему Господь всѣхъ благъ на свѣтѣ!
Дворъ—мѣсто для ученья, а Бертрамъ...

Пароль. Что же онъ?

Елена. Человѣкъ, которому я желаю добра. Очень прискорбно...

Пароль. Что прискорбно?

Елена.

Что не дано желаньямъ добрымъ тѣла,
Которое мы осязять могли-бъ;
Тогда и намъ, рожденнымъ въ бѣдной долѣ—
Намъ, низшими звѣздами на одни
Желанья осужденнымъ, можно было бъ
Передавать осуществленье ихъ
Своимъ друзьямъ и раскрывать предъ милымъ
То, что теперь мы лишь въ умѣ таимъ
Безъ всякаго признательнаго слова.

Входитъ пажъ.

Пажъ. Мосье Пароль, графъ проситъ васъ къ себѣ. (*Уходитъ*).

Пароль. Прощай, миленькая Елена. Если мнѣ можно будетъ не забыть тебя, я вспомню о тебѣ при дворѣ.

Елена. Вы родились подъ милосердной звѣздой.

Пароль. Я родился подъ звѣздою Марса.

Елена. Да, именно, *подъ* Марсомъ.

Пароль. Отчего же именно *подъ?*

Елена. Оттого, что войны столько разъ *под*рѣзывали васъ, что вы не могли родиться иначе, какъ *подъ* Марсомъ.

Пароль. Когда онъ стоялъ на переднемъ планѣ.

Елена. Нѣтъ, я полагаю, скорѣе, когда онъ стоялъ на заднемъ.

Пароль. Отчего же вы такъ думаете?

Елена. Оттого, что въ битвахъ вы всегда отступаете назадъ.

Пароль. Это дѣлается, чтобы обезпечить успѣхъ.

Елена. Да, по этой же причинѣ обращаются въ бѣгство, когда страхъ совѣтуетъ искать безопасности. Но эта смѣсь храбрости и страха, которою вы отличаетесь—быстрокрылая добродѣтель, и полетъ ея очень нравится мнѣ.

Пароль. У меня теперь столько дѣла, что я не въ состояніи отвѣчать тебѣ остроумно. Я вернусь сюда придворнымъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, и тогда мои познанья помогутъ мнѣ пріобщить тебя къ придворнымъ понятіямъ, сдѣлаютъ тебя способной принимать совѣты придворнаго и понимать все, что онъ будетъ разъяснять тебѣ; иначе ты умрешь въ твоей неблагодарности, и твое невѣжество погубитъ тебя. Прощай. Въ свободные часы читай свои молитвы, а если не будетъ у тебя этихъ свободныхъ часовъ, вспоминай о твоихъ друзьяхъ. Найди себѣ хорошаго мужа и обращайся съ нимъ такъ, какъ онъ будетъ обращаться съ тобой. Затѣмъ—до свиданія. (*Уходитъ*).

Елена.

Мы часто небесамъ приписываемъ то,
Что, кромѣ насъ самихъ, не создаетъ никто,
Намъ волю полную судьба предоставляетъ
И наши замыслы тогда лишь разрушаетъ,
Когда лѣниво мы ведемъ свои дѣла.
Какая сила такъ высоко вознесла
Мою любовь, глазамъ моимъ тотъ ликъ рисуя,
Которымъ жадный взглядъ насытить не могу я?
Предметы, что совсѣмъ разлучены судьбой,
Природа часто вдругъ сливаетъ межъ собой,
Какъ части равныя, сплетая ихъ объятья,
Какъ созданныхъ на свѣтъ родными. Предпріятья
Необычайныя являются для тѣхъ
Неисполнимыми, кто трудный ихъ успѣхъ
Берется взвѣшивать и полагаетъ ложно,
Что безпримѣрному случиться невозможно.
Какая женщина, пуская сильно въ ходъ
Достоинства свои, уронъ въ любви несетъ?
Болѣзнью короля... Мои предположенья
Пускай ошибочны, но я тверда въ рѣшеньи.
(*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Парижъ. Дворецъ короля.

Трубы. Входятъ король, *съ письмами въ рукахъ, и* свита.

Король.

Флоренція и Сьенна въ рукопашный
Вступили бой. Покамѣстъ съ равнымъ счастьемъ
Они дрались, и съ прежнимъ жаромъ тамъ
Идетъ война.

1-й вельможа.

Да, государь, такъ слышно.

Король.

И этому вполнѣ я вѣрю. Вотъ
Отъ нашего австрійскаго кузена
Письмо, гдѣ онъ все это подтверждаетъ,
И говоритъ, что флорентинцы къ намъ
За помощью поспѣшной обратятся.
Нашъ добрый другъ предупреждаетъ насъ
Объ этомъ ихъ намѣреньи и хочетъ,
Какъ кажется, чтобъ было имъ у насъ
Отказано.

1-й вельможа.

Онъ столько разъ уже
Доказывалъ и опытность, и дружбу
Къ вамъ, государь, что вѣрить можемъ мы
Ему вполнѣ.

Король.

Да, нашъ отвѣтъ нашли мы
Въ его словахъ. Флоренціи отказъ
Рѣшенъ уже до полученья просьбы.
Но тѣхъ дворянъ французскихъ, что хотятъ
Итти служить Тосканѣ, не стѣсняемъ
Нимало мы: они вольны сражаться
И здѣсь, и тамъ.

2-й вельможа.

Да, это можетъ быть
Для нашего дворянства славной школой;
А, вѣдь, оно хвораетъ отъ тоски
По подвигамъ воинственнымъ.

Король.

Кто это
Идетъ сюда?

Входятъ Бертрамъ, Лафэ *и* Пароль.

1-й вельможа.

Бертрамъ, графъ Руссильонскій.

Король.

Лицо отца ты, юноша, несешь
Въ своихъ чертахъ. Радушная природа
Старательно, нисколько не спѣша,
Создала твой прекрасный образъ. Будь же
И нравственными свойствами похожъ
На твоего отца. Тебя въ Парижѣ
Привѣтствую.

Бертрамъ.

Примите, государь,
И преданность мою и благодарность.

Король.

Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось быть теперь
Здоровымъ такъ, какъ въ дни, когда впервые
Съ твоимъ отцомъ друзьями вышли мы
На поле ратное. Въ военномъ дѣлѣ
Онъ былъ весьма искусенъ, изучивъ
Его вполнѣ у первыхъ полководцевъ.
И долго онъ держался; но пришла
Къ обоимъ намъ сѣдая вѣдьма—старость,
И унесла изъ круга нашихъ дѣйствій.
О доблестномъ отцѣ твоемъ всегда
Мнѣ говорить отрадно. Въ молодые
Свои года имѣлъ онъ острый умъ,
Который я теперь встрѣчаю также
И въ молодыхъ вельможахъ нашихъ; но
Они острятъ, пока не обратятся
На нихъ самихъ насмѣшки злыя ихъ,
Когда еще прикрыть они не могутъ
Заслугами всю пустоту свою.
Онъ былъ вполнѣ придворный: въ остроумьи
И гордости его не замѣчалъ
Я никогда презрѣнія и злобы,
И чувства тѣ одинъ лишь равный могъ
Въ немъ вызывать. Его характеръ честный
Служилъ ему часами—и по нимъ
Онъ узнавалъ минуту и секунду,
Когда прервать молчаніе; языкъ же
Движенью ихъ всегда повиновался.
На низшихъ онъ смотрѣлъ, какъ на людей,
Поставленныхъ въ другое положенье,
И къ низкимъ ихъ рядамъ склонялъ свое
Величіе; онъ поселялъ въ нихъ гордость
Смиреніемъ своимъ, а похвалами
Ихъ жалкими уничижалъ себя.
Вотъ человѣкъ, котораго должна бы
За образецъ взять наша молодежь.
Будь это такъ, ей сдѣлалось бы ясно,
Что все назадъ идетъ она.

Бертрамъ.

Монархъ,
Хвала ему пышнѣе въ вашихъ мысляхъ,
Чѣмъ на его гробницѣ. Жизнь его
Прославила не такъ высоко надпись
Надгробная, какъ царственная рѣчь.

Король.

Ахъ, если бы теперь мы были вмѣстѣ!

Онъ говорилъ... Мнѣ кажется, его
Я слышу. Словъ своихъ, значенья полныхъ,
Онъ не кидалъ безслѣдно, но въ ушахъ
Ихъ насаждалъ глубоко, чтобъ пускали
Они ростки и приносили плодъ.
Онъ говорилъ: „я умереть желаю!“—
Въ такихъ словахъ грусть тихая его
Высказываться часто начинала,
Когда мы съ нимъ прощались, проведя
Веселый часъ: „я умереть желаю,
Когда въ огнѣ моемъ не станетъ масла,
Чтобъ не служить для молодыхъ умовъ
Насмѣшкою; вѣдь, въ гордомъ легкомысльи
Они на все неновое глядятъ
Съ презрѣніемъ; всѣ мысли ихъ къ тому
Направлены, чтобъ сочинять наряды,
А твердость ихъ быстрѣе всякихъ модъ
Мѣняется“. Такія онъ желанья
Высказывалъ и, вслѣдъ за нимъ идя,
Того же я желаю. Въ домъ свой больше
Ни воску я, ни меду приносить
Ужъ не могу—такъ слѣдуетъ изъ улья
Мнѣ уходить, чтобъ мѣсто дать скорѣй
Работникамъ.

2-й вельможа.

Вы, государь, любимы;
И даже тотъ, кто меньше всѣхъ другихъ
Привязанъ къ вамъ, скорѣй, чѣмъ всѣ другіе,
Почувствуетъ разлуку съ вами.

Король.

Нѣтъ,
Я вижу самъ, что мѣсто занимаю—
Не болѣе. Скажите, графъ, давно-ль
Врачъ вашего родителя скончался?
Онъ славился повсюду.

Бертрамъ.

Государь,
Шесть мѣсяцевъ прошло съ его кончины.

Король.

Будь онъ въ живыхъ, его бы на себѣ
Я испыталъ теперь. На вашу руку
Мнѣ дайте опереться. А другіе
Мои врачи ослабили меня
Различными лѣченьями. Пускай же
Между собой природа и болѣзнь
Рѣшаютъ споръ, какъ будетъ имъ угодно.
Привѣтствую васъ снова отъ души,
Графъ Руссильонъ! Вы дороги мнѣ такъ же,
Какъ сынъ родной.

Бертрамъ.

Благодарю, монархъ.
(*Всѣ уходятъ при звукахъ трубъ*).

СЦЕНА III.

Руссильонъ. Дворецъ графа.

Входятъ графиня, управитель *и* шутъ.

Графиня. Теперь я готова слушать васъ: что вы имѣете сказать мнѣ объ этой дѣвицѣ?

Управитель. Графиня, я желалъ бы, чтобъ въ календарь, въ который записаны мои прошедшія заслуги, была внесена та заботливость, съ которой я всегда старался угождать вамъ, потому что человѣкъ, самъ прославляющій свою дѣятельность, ранитъ свою скромность и пятнаетъ чистоту своего усердія.

Графиня (*указываетъ на шута*). Онъ зачѣмъ здѣсь? Ступай вонъ! Я не вѣрю всѣмъ жалобамъ на тебя, доходившимъ ко мнѣ; но это только потому, что мнѣ не хочется заниматься ими. А я хорошо знаю, что ты достаточно взбалмошенъ, чтобъ задумать всякую гнусность, и настолько ловокъ, чтобъ исполнить ее.

Шутъ. Вамъ не безызвѣстно, графиня, что я бѣднякъ.

Графиня. Ну, хорошо, хорошо.

Шутъ. Нѣтъ, ваше сіятельство, совсѣмъ не хорошо, что я бѣденъ—несмотря на то, что большая часть богачей идетъ въ адъ. Но если бы ваше сіятельство были такъ добры и позволили мнѣ отправиться по свѣту—Изабелла и я устроились бы, какъ слѣдуетъ.

Графиня. Такъ ты непремѣнно хочешь нищенствовать?

Шутъ. Я прошу только вашего позволенія въ этомъ дѣлѣ.

Графиня. Въ какомъ дѣлѣ?

Шутъ. Въ дѣлѣ, касающемся меня и Изабеллы. Находиться въ услуженіи—не то, что получить наслѣдство, и я полагаю, что Богъ не благословитъ меня до тѣхъ поръ, пока я не произведу на свѣтъ потомства: вѣдь, говорятъ, что дѣти—благословенье Божіе.

Графиня. Скажи мнѣ, почему ты хочешь жениться?

Шутъ. Мое бѣдное тѣло требуетъ этого, графиня. Тѣло побуждаетъ меня, а того, что побуждается дьяволомъ ничѣмъ не удержишь.

Графиня. И это вся причина?

Шутъ. Нѣтъ; признаться, ваше сіятельство, есть у меня и другія причины, да еще святыя.

ЕЛЕНА ПРИЗНАЕТСЯ ВЪ СВОЕЙ ЛЮБВИ КЪ БЕРТРАМУ.

Картина Фр. Уитли (Francis Wheatly 1747—1801). (Малая Бойделевская Галлерея).

Графиня. Позволено ли намъ узнать ихъ?

Шутъ. Изволите видѣть, графиня, я какъ и вы, и какъ все, что создано изъ плоти и крови, былъ до сихъ поръ грѣшникомъ. Вотъ для того-то я и женюсь, чтобъ раскаяться.

Графиня. Скорѣе въ твоей женитьбѣ, чѣмъ въ грѣхахъ.

Шутъ. У меня нѣтъ ни одного друга, графиня, а черезъ жену я надѣюсь себѣ добыть друзей.

Графиня. Дуракъ, да вѣдь, такіе друзья—враги.

Шутъ. Извините, графиня, такіе друзья—большіе друзья, потому-что эти плуты дѣлаютъ за насъ то, что намъ надоѣло дѣлать. Кто пашетъ мою землю, тотъ сберегаетъ мою упряжь и отдаетъ въ мое пользованіе жатву; если я по его винѣ рогоносецъ, то онъ зато слуга. Кто утѣшаетъ мою жену—благотворитъ моей плоти и крови; кто благотворитъ моей плоти и крови—любитъ, значитъ, мою плоть и кровь; кто же любитъ, мою плоть и кровь—мой другъ; *ergo*, кто цѣлуетъ мою жену, тотъ мой другъ. Если бъ люди довольствовались своею долею, въ бракѣ не было бы ничего страшнаго, потому что молодой пуританинъ Чарбонъ и старый папистъ Пойзамъ, какъ ни разнятся ихъ чувства въ вопросѣ о религіи, головами все-таки сходятся между собою и могутъ сшибиться рогами, какъ олени въ стадѣ.

Графиня. Ты, должно быть, всегда будешь злоязычнымъ и гадкимъ сплетникомъ.

Шутъ. Я пророкъ, графиня, и говорю правду безъ всякихъ обиняковъ.

Спою я вамъ пѣсенку старую тутъ:
Ее справедливою люди найдутъ.
Судьба совершаетъ всѣ браки людей;
Кукушка поетъ по натурѣ своей.

Графиня. Ну, ступай отсюда: я съ тобой поговорю послѣ.

Управитель. Не прикажете-ли ему, ваше сіятельство, послать сюда Елену—потому что я намѣренъ говорить вамъ о ней.

Графиня. Поди, скажи барышнѣ, что я зову ее—барышнѣ, то есть Еленѣ.

Шутъ (*поетъ*).

„Такъ это лицо миловидное“,
Она вопросила: „виною,
Что греки разрушили Трою?
О, дѣло безумно-постыдное!
Такъ это-то самое зло
Пріама въ восторгъ привело?“

При этомъ глубоко, глубоко вздохнула,
При этомъ глубоко, глубоко вздохнула,
И вотъ что разумно сказала она:
„Коль на девять скверныхъ одна недурная,
Коль на девять скверныхъ одна недурная,
То на десять тоже одна!“

Графиня. Какъ, одна на десять? Ты перевираешь пѣсню.

Шутъ. Нѣтъ, графиня: говоря, что на десять женщинъ приходится одна хорошая, я только улучшаю пѣсню. О, если бъ Богу было угодно снабжать міръ въ такой пропорціи каждый годъ, отъ меня—будь я пасторомъ — никто не услышалъ бы жалобы на мою женскую десятину. Одна на десять! шутка! Да если бъ у насъ рождалось по хорошей женщинѣ хоть передъ появленіемъ каждой новой кометы или передъ каждымъ землетрясеніемъ — какъ бы поправилась брачная лотерея! А, вѣдь, теперь въ ней мужчина скорѣе выдернетъ себѣ сердце, чѣмъ вытянетъ удачный нумеръ.

Графиня. Ступай, ступай, бездѣльникъ, и сдѣлай, что я тебѣ приказала.

Шутъ. Желалъ бы я видѣть, какъ мужчина можетъ исполнить приказаніе женщины безъ того, чтобы изъ этого не вышло что нибудь скверное. Но хотя честность не пуританка, на этотъ разъ она не сдѣлаетъ ничего дурного: она согласится надѣть стихарь смиренья на черную рясу своего гордаго сердца... Иду, иду... помню, что вы мнѣ приказали послать сюда Елену.

(*Уходитъ*).

Графиня. Теперь вы можете говорить.

Управитель. Я знаю, графиня, что вы искренно любите вашу воспитанницу.

Графиня. Да, я люблю ее. Ея отецъ завѣщалъ ее мнѣ, да и она сама, помимо всякихъ другихъ отношеній, пріобрѣла всѣ права на ту любовь, которую встрѣчаетъ во мнѣ. Я ей должна больше, чѣмъ плачу, и заплачу больше, чѣмъ она потребуетъ.

Управитель. Графиня, еще очень недавно мнѣ случилось быть подлѣ нея ближе, чѣмъ бы она желала, какъ мнѣ кажется. Она была одна и передавала свои собственныя слова своимъ собственнымъ ушамъ; я могу поклясться за нее, что она не думала, чтобы эти слова могли быть услышаны кѣмъ-нибудь постороннимъ. Темой ея разговора съ самой собою была ея любовь къ вашему сыну. „Фортуна“, говоритъ она: „не богиня, если она поставила насъ въ такія различныя положенія; Амуръ не богъ, если онъ показываетъ власть свою только тамъ, гдѣ существуетъ полное равенство; Діана не царица дѣвственницъ, если допускаетъ нападеніе на свою бѣдную амазонку и потомъ не выкупаетъ ее изъ плѣна“. Такъ говорила она съ глубочайшею горестью, какую я когда-нибудь встрѣчалъ въ словахъ дѣвушки—и я счелъ долгомъ поскорѣе довести объ этомъ до вашего свѣдѣнія, сообразивъ, что, на случай какого-нибудь несчастья, вамъ не мѣшаетъ знать это дѣло заранѣе.

Графиня. Вы исполнили долгъ честнаго человѣка; но держите ваше открытіе въ тайнѣ. Судя по многимъ признакамъ, я уже прежде догадывалась объ этомъ; но догадки эти были такъ смутны, что я не могла ни вѣрить, ни отрицать. Оставьте меня теперь и скройте эту тайну въ вашей груди. Благодарю васъ за честное усердіе, а подробнѣе поговоримъ объ этомъ послѣ.

(*Управитель уходитъ*).

Графиня.

Ахъ, это все, что я встрѣчаю въ ней,
Мной пережито въ молодые годы!
Безъ тѣхъ шиповъ нѣтъ розы юныхъ дней:
Они въ крови, они законъ природы.
Печать правдивости на той душѣ лежитъ,
Что страстью пылкою въ дни юности горитъ.
Ахъ, точно такъ же мы въ то время согрѣшали,
Но этого грѣхомъ нисколько не считали.

Входитъ Елена.

Графиня.

Ея недугъ читаю ясно я
Въ ея глазахъ.

Елена.

Графиня, что угодно
Вамъ приказать?

Графиня.

Елена, знаешь ты,
Что для тебя я мать?

Елена.

Вы дорогая
Владычица моя.

Графиня.

Нѣтъ, мать твоя.
Да отчего жъ не мать? Когда сказала
Я слово „мать", ты будто бы змѣю
Увидѣла. Что можетъ въ этомъ словѣ
Тебя пугать такъ страшно? Повторяю—
Я мать тебѣ, и заношу тебя
Я въ списокъ тѣхъ, что выношены мною.
Случается нерѣдко, что ведетъ
Съ природою борьбу усыновленье
И сѣмена чужія намъ даютъ
Родную вѣтвь. Хоть материнской муки
Ты никогда не причиняла мнѣ,
Но я тебя всегда, какъ мать, любила.
Помилуй Богъ, дитя! Ужели кровь
Кипитъ въ тебѣ, когда произношу я:
„Я мать тебѣ"? И почему, скажи,
Твои глаза окружены печальной
Предвѣстницею слезъ, Ирисой пестрой?
Ужель всему причиною одно—
Что ты мнѣ дочь?

Елена.

Нѣтъ, то, что я не дочь вамъ.

Графиня.

Ты слышала слова мои, что мать
Я для тебя.

Елена.

Простите мнѣ, графиня,
Графъ Руссильонъ не можетъ быть мнѣ братомъ:
Мой родъ простой, въ немъ доблестная кровь;
Моихъ родныхъ никто не знаетъ въ мірѣ,
Его же родъ повсюду славенъ. Онъ
Мой господинъ, мой повелитель милый,
А я его рабыня до могилы.
Онъ братомъ мнѣ не долженъ быть.

Графиня.

И я
Не мать тебѣ?

Елена.

Вы мать моя, графиня,—
Но лишь бы онъ, мой господинъ, вашъ сынъ,
Не называлъ меня сестрою. Правда,
Вы мать моя; но ежели вы мать
Обоимъ намъ, то въ рай войти желаю
Я меньше, чѣмъ не быть его сестрой.
Ужели мнѣ васъ матерью родною
Нельзя назвать, графиня, безъ того,
Чтобъ не имѣть въ немъ брата своего?

Графиня.

Нѣтъ, можно бы, когда бъ моей невѣсткой
Ты сдѣлалась. Отъ этой мысли Богъ
Спаси тебя! Опять ты поблѣднѣла?
Какъ кровь твою волнуетъ разговоръ
О матери и дочери! Открыла
Моя боязнь твою любовь; теперь
Таинственная страсть къ уединенью
Понятна мнѣ; теперь открыла я
Источникъ горькихъ слезъ твоихъ. Все ясно
Теперь, какъ день; мой сынъ любимъ тобой.
Опровергать такое проявленье
Твоей любви не могъ бы безъ стыда
Хитрѣйшій нравъ, и потому всю правду
Ты мнѣ скажи, но только словъ моихъ
Не отрицай—вѣдь, въ этомъ сознается
Одна твоя щека щекѣ другой;
Твои глаза такъ ясно это видятъ
Во всѣхъ твоихъ поступкахъ, что тотчасъ
По своему разсказываютъ свѣту,
И лишь языкъ твой, скованный грѣхомъ
И дьявольскимъ упорствомъ, позволяетъ
Догадываться только. Отвѣчай—
Права ли я? и если *да*—смотала
Ты для себя порядочный клубокъ;
А если *нѣтъ*, то поклянись мнѣ въ этомъ;
Но да иль нѣтъ—я, именемъ того,
Что небо мнѣ внушитъ тебѣ на благо,
Прошу тебя всю правду мнѣ сказать.

Елена.

Простите мнѣ!

Графиня.

Ты любишь Руссильона?

Елена.

Простите мнѣ!

Графиня.

Ты любишь?

Елена.

Развѣ вы
Не любите его?

Графиня.

Оставь увертки!
Моей любви источникъ не закрытъ
Ни для кого. Ну, полно же, Елена,
Открой мнѣ все, что есть въ душѣ твоей:
Вѣдь страсть твоя изобличила громко,
Сама себя.

Елена

(*падая предъ нею на колѣни*).

Ну, да—я сознаюсь
Предъ Господомъ и вами на колѣняхъ,

Что я его люблю сильнѣй, чѣмъ васъ,
И столько же, какъ Бога. Родъ мой бѣденъ,
Но честенъ былъ—и такова теперь
Моя любовь.
(*Вставая*). Графиня, не сердитесь!
Вѣдь, этою любовью я вреда
Не приношу тому, кого люблю я.
Ни разу онъ не видѣлъ отъ меня
Искательства и притязаній дерзкихъ:
Его женой хотѣла бы я стать
Не ранѣе, какъ заслуживши это,
А какъ могу я это заслужить—
Рѣшительно не знаю. Знаю только,
Что я люблю безплодно, что борюсь
Съ надеждою напрасно— и однако
Все лью и лью я въ это рѣшето
Дырявое обильнѣйшія рѣки
Моей любви, не истощая ихъ.
Подобная фанатику индійцу,
Боготворю я солнце, а оно
На своего поклонника взираетъ,
Но ничего не вѣдаетъ о немъ.
О, добрая графиня, не встрѣчайте
Мою любовь враждой изъ-за того,
Что обѣ мы одно и то же любимъ!
И если вы—о, госпожа моя—
Вы, старость чья почтенная вѣщаетъ
О юности безгрѣшной—если вы
Когда-нибудь огнемъ любви горѣли,
Такой любви прекраснѣйшей, такихъ
Желаній чистыхъ, что Діана ваша
Могла въ одно и тоже время быть
Діаной и любовію—то сжальтесь
Надъ той, которая ссужать принуждена
Лишь тамъ, въ потерѣ гдѣ увѣрена она,
И ищетъ не того, что сердце жадно проситъ,
Но, какъ загадка, то, что ей же смерть приноситъ!

ГРАФИНЯ.

Сбиралась ли недавно ты поѣхать
Въ Парижъ? скажи мнѣ правду?

ЕЛЕНА.

Да, графиня,
Я думала поѣхать.

ГРАФИНЯ.

Для чего?
Открой мнѣ все.

ЕЛЕНА.

Души моей спасеньемъ
Я вамъ клянусь, что не солгу ни въ чемъ.
Вы знаете, что мой отецъ оставилъ
Мнѣ нѣсколько рецептовъ; сила ихъ
Чудесная испытана на дѣлѣ;
Лѣкарства тѣ составилъ онъ своей
Ученостью и опытностью славной
И отдалъ мнѣ въ наслѣдство, завѣщавъ
Лишь въ крайности ихъ тратить, какъ снадобья,
Которыя, по внутреннимъ своимъ
Достоинствамъ, стоятъ гораздо выше,
Чѣмъ кажутся по виду. Въ ихъ числѣ
Лѣкарство есть съ испытанною силой
И противъ той отчаянной болѣзни,
Которая, какъ говорятъ, должна
Жизнь короля покончить.

ГРАФИНЯ.

И за этимъ
Сбиралася въ Парижъ ты? Отвѣчай.

ЕЛЕНА.

На эту мысль навелъ меня, графиня,
Вашъ сынъ; не будь его, повѣрьте мнѣ,
Парижъ, король, лѣкарство не пришли бы
Мнѣ въ голову.

ГРАФИНЯ.

Но развѣ твердо такъ,
Елена, ты убѣждена, что приметъ
Король твое пособіе? Вѣдь, онъ
И доктора его теперь согласны
Въ одномъ и томъ-же: онъ, что не помогутъ
Они ему, они—что излѣчить
Его нельзя. Такъ кто жъ повѣритъ бѣдной,
Несвѣдущей дѣвицѣ, если мужи
Ученые, всѣ знанья истощивъ,
Самой себѣ рѣшились предоставить
Его болѣзнь?

ЕЛЕНА.

Мнѣ что-то говоритъ,
Чему я больше вѣрю, чѣмъ искусству
Покойнаго отца, а онъ, вѣдь, былъ
Искуснѣйшимъ изъ всѣхъ своихъ собратьевъ,
Что средство, мнѣ завѣщанное имъ,
Благословятъ счастливѣйшія звѣзды.
И если вы попытку сдѣлать мнѣ
Позволите, то я ручаюсь жизнью,
Что короля въ такой-то день и часъ
Я вылѣчу.

ГРАФИНЯ.

Увѣрена ль ты въ этомъ?

ЕЛЕНА.

Увѣрена, графиня, и вполнѣ.

ФРАНЦУЗСКІЙ КОРОЛЬ.

Портретъ Генриха II (1550–59), кисти знаменитаго французскаго живописца Жане Клуэ (Janet Clouet, 1510–1572).

Графиня.

Ну, если такъ, Елена, позволенье
Тебѣ даю съ любовью; отъ меня
Получишь деньги ты и провожатыхъ,
И письма теплыя къ моимъ друзьямъ,
Что при дворѣ. А я останусь дома
Молить Творца, чтобъ Онъ благословилъ
Твой добрый планъ. Такъ отправляйся завтра
И вѣрь, что всѣмъ, чѣмъ только я могу
Тебѣ помочь,—отъ сердца помогу!
(*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Парижъ. Королевскій дворецъ.

Трубы. Входятъ король, *въ сопровожденіи нѣсколькихъ* молодыхъ дворянъ, *отправляющихся на флорентинскую войну*, Бертрамъ *и* Пароль.

Король (*одному изъ дворянъ*).

Прощайте же вы, юные вельможи!
Пускай всегда живетъ въ васъ этотъ духъ
Воинственный.
(*Другому*). И вы прощайте тоже!
Я васъ прошу совѣтъ мой раздѣлить
Между собой, а ежели вы оба
Его вполнѣ присвоите, то онъ,
Вѣдь даръ такой, который принимаетъ
Все большіе и большіе размѣры,
По мѣрѣ полученья—и его
На васъ обоихъ хватитъ.

1-й дворянинъ.

Мы въ надеждѣ,
Что, ратную науку изучивъ
И возвратясь на родину, увидимъ
Васъ, государь, вполнѣ здоровымъ.

Король.

Нѣтъ,
Нѣтъ, это быть не можетъ—и однако
До этихъ поръ все сердцу моему
Не хочется сознаться, что проникла
Въ него болѣзнь, которая гнететъ
Всю жизнь мою. Прощайте, молодые
Воители! Умру ли я, иль нѣтъ,
Останьтесь вы сынами славныхъ франковъ.
Пусть верхняя Италія—страна,
Которая отъ древнихъ римлянъ только
Паденіе наслѣдовала—пусть
Она теперь увидитъ, что пришли вы
За славою не для того, чтобъ съ ней
Любезничать, но чтобъ на ней жениться.
И даже тамъ, гдѣ вашъ храбрѣйшій врагъ
Узнаетъ страхъ, вы находить умѣйте,
Что ищете, чтобъ слава громко васъ
Превознесла! Прощайте же!

2-й дворянинъ.

Да служитъ
Вамъ, государь, здоровье!

Король.

Вотъ еще
О дѣвушкахъ Италіи хочу я
Напомнить вамъ. О, берегитесь ихъ!
Вѣдь, говорятъ, что у французовъ нашихъ
Нѣтъ языка, чтобъ выразить отказъ
На просьбы ихъ. Смотрите, чтобы прежде,
Чѣмъ службою заняться, вы ужъ въ плѣнъ
Не отдались.

Оба дворянина.

Совѣты ваши въ сердцѣ
Мы сохранимъ.

Король.

Прощайте.
(*Къ свитѣ*). Отдохнуть
Меня теперь сведите. (*Его уводятъ*).

1-й дворянинъ.

Графъ мой милый,
Ахъ, отчего вы остаетесь здѣсь?

Пароль.

Ужъ въ этомъ-то не виноватъ нисколько
Нашъ молодецъ.

2-й дворянинъ.

А славная война!

Пароль.

Славнѣйшая! Такія войны видѣть
Случалось мнѣ.

Бертрамъ.

Меня все держатъ здѣсь
И все поютъ: „еще ты слишкомъ молодъ;
Вотъ потерпи—на слѣдующій годъ“.

Пароль.

Да ежели, любезнѣйшій, такъ сильно
Стремишься ты душою, то – бѣги:
Что трусить тутъ.

Бертрамъ.

Я долженъ оставаться
Безъ всякаго здѣсь дѣла, долженъ я
По гладкому паркету башмаками
Скользить, пока вся слава будетъ тамъ
Распродана, и мечъ носить лишь въ танцахъ!
Нѣтъ, чортъ возьми, я убѣгу!

1-й дворянинъ.

Почетъ
Доставитъ вамъ такое бѣгство.

КОМНАТА ВО ФРАНЦУЗСКОМЪ КОРОЛЕВСКОМЪ ДВОРЦѢ XVI ВѢКА.

(Дворецъ въ Фонтенебло, построенъ при Францискѣ I, украшенъ при Генрихѣ IV).

Пароль.

Право,
Бѣгите, графъ.

2-й дворянинъ.

Я радъ вамъ помогать.
Подумайте, а между тѣмъ—прощайте!

Бертрамъ. Я такъ сросся съ вами, что наша разлука то же, что пытка для тѣла.

1-й дворянинъ. Прощайте, капитанъ.

2-й дворянинъ. Прощайте, любезнѣйшій Пароль.

Пароль. Благородные герои, мой мечъ и ваши—родные. Послушайте, храбрые и блестящіе молодцы; еще одно слово, милые воины!... Въ Спиніевскомъ полку найдете вы нѣкоего капитана Спуріо, съ рубцомъ—эмблемою войны—на лѣвой щекѣ; этотъ рубецъ вырѣзанъ вотъ этимъ самымъ мечомъ. Скажите ему, что я еще живу, и обратите вниманіе на то, что онъ поразскажетъ вамъ обо мнѣ.

1-й дворянинъ. Хорошо, благородный капитанъ.

Пароль. Да хранитъ васъ Марсъ, какъ своихъ послушниковъ. (*Дворяне уходятъ*). На что вы рѣшаетесь?

Бертрамъ. Остаться... вотъ король.

(*Король показывается въ глубинѣ сцены*).

Пароль. Вамъ бы слѣдовало поторжественнѣе и почувствительнѣе обойтись съ этими благородными вельможами: вы замкнули себя въ рамку слишкомъ холоднаго прощанья. Будьте съ ними попривѣтливѣе: вѣдь, они стоятъ во главѣ вѣка, они—вѣрные указатели того, какъ слѣдуетъ ходить, ѣсть, говорить Они движутся подъ вліяніемъ самаго важнаго созвѣздія, и хотя-бы самъ чортъ велъ танецъ, а слѣдовать, все-таки, надо за этими господами. Догоните ихъ и проститесь позадушевнѣе.

Бертрамъ. Да, я это сдѣлаю.

Пароль. Славные они люди—и, судя по всему, изъ нихъ выйдутъ отличнѣйшіе рубаки. (*Уходитъ съ Бертрамомъ*).

Входитъ Лафэ.

Лафэ

(*преклоняя колѣни передъ королемъ, который въ это время вышелъ на авансцену*).
Прощенье, государь—и мнѣ... и вѣсти,
Съ которою являюсь я.

Король.

Его
Получишь ты, поднявшись.

Лафэ (*вставая*).

Значитъ, ваше
Величество, предъ вами человѣкъ,
Уже свое прощенье искупившій.
Хотѣлъ бы я, чтобъ также у меня
Просили вы прощенья на колѣняхъ
И съ нихъ могли подняться такъ, какъ я,
По моему приказу.

Король.

Я и самъ бы
Желалъ того. Тогда тебѣ разбилъ бы
Я голову и въ этомъ попросилъ
Прощенья.

Лафэ.

Отлично! Но пока,
Мой государь, вотъ дѣло въ чемъ: угодно ль
Разстаться вамъ съ болѣзнью вашей?

Король.

Нѣтъ.

Лафэ.

Какъ, царственной лисицѣ не угодно
Ѣсть виноградъ? Но отъ моихъ гроздей
Прекраснѣйшихъ ужель вы, государь,
Откажетесь, коль царственной лисицѣ
Онѣ вполнѣ доступны? У меня
Есть врачъ одинъ. Способенъ онъ въ движенье
Привесть скалу и въ камень жизнь вдохнуть,
И сдѣлать такъ, что быстро и изящно
Пропляшете вы канарію намъ.
Одно его прикосновенье можетъ
Умершаго Пипина воскресить,
Вложить перо способно въ руку Карла
Великаго и силу дать ему
Къ ней написать любовное посланье.

Король.

Что значитъ *къ ней?*

Лафэ.

А то, что врачъ—*она*.
Да, государь, къ вамъ врачъ такой пріѣхалъ.
Угодно ль вамъ принять ее? Клянусь
Я честью вамъ—и говоря серьезно,
Оставивши всѣ шутки—съ нею я
Бесѣдовалъ и, при своихъ лѣтахъ
И полѣ, такъ глубоко изумила
Она меня и мудростью своей,
И твердостью, что въ этомъ изумленьи
Я не могу винить свой слабый умъ.
Угодно ль вамъ принять ее—васъ проситъ
Она о томъ—и выслушать, зачѣмъ
Она сюда пріѣхала, а послѣ
Ужъ надо мной посмѣйтесь.

Король.

Хорошо,
Введи, Лафэ мой добрый, это диво,
Чтобъ раздѣлить съ тобою изумленье
И мы могли, иль чтобъ его въ тебѣ
Поколебать немного, изумившись,
Что сильно такъ ты изумиться могъ.

Лафэ.

А вотъ сейчасъ увидите; немного
Мнѣ убѣждать придется васъ.
(*Уходитъ*).

Король.

Таковъ
Всегда прологъ его къ полнѣйшимъ вздорамъ.

Лафэ *возвращается съ* Еленой.

Лафэ.

Войдите же.

Король.

Поспѣшность у него
Крылатая, какъ видно.

Лафэ.

Подойдите.
Вотъ нашъ король; откройте передъ нимъ
Намѣренье свое. У васъ во взглядѣ
Предательскаго много, но такихъ
Предателей монархъ нашъ не боится.
Какъ дядюшка Крессиды, я вдвоемъ
Рѣшаюсь васъ оставить. До свиданья.
(*Уходитъ*).

Король.

Итакъ, моя красавица, у васъ
Есть дѣло къ намъ?

Елена.

Да, государь мой добрый.
Отецъ мой былъ Жераръ Нарбонскій —тотъ,
Что славился вездѣ своимъ искусствомъ.

Король.

Я зналъ его.

Елена.

Тѣмъ болѣе могу
Я отъ похвалъ ему повоздержаться:
Узнать его довольно было. Онъ
Предъ смертью далъ мнѣ множество рецептовъ,
И въ ихъ числѣ одинъ былъ—лучшій плодъ

Его трудовъ, единственный любимецъ
Его работъ въ теченье долгихъ лѣтъ.
Онъ мнѣ велѣлъ хранить лѣкарство это,
Какъ третій глазъ, дороже двухъ моихъ
Считать его. Такъ я и поступала
До этихъ поръ. Но слухъ дошелъ ко мнѣ,
Что именно той самою болѣзнью
Вы страждете, великій государь,
Лѣченіе которой славу средства,
Что завѣщалъ мнѣ милый мой отецъ,
Особенно усиливало. Съ нимъ-то
Являюсь я почтительнѣйше къ вамъ,
Мой государь,—и помощь предлагаю.

Король.

Благодарю, дитя, но не могу
Я такъ легко повѣрить въ исцѣленье,
Когда врачи ученѣйшіе насъ
Оставили, когда и въ факультетѣ
Ужъ рѣшено, что безполезны всѣ
Усилія науки къ избавленью
Отъ страшнаго недуга. Не должны
Мы до того безчестить нашъ разсудокъ
И до того надежду обольщать,
Чтобъ отдавать на поруганье зельямъ
Лѣкарственнымъ смертельный нашъ недугъ.
Достоинство монарха запрещаетъ
Къ безумной помощи имѣть довѣрье тамъ,
Гдѣ помощь кажется немыслимою намъ.

Елена.

Итакъ, мое усердіе послужитъ
Наградой мнѣ за трудъ. Я не хочу
Къ вамъ приставать съ услугами моими,
И потому смиреннѣйше прошу
Мнѣ удѣлить мѣстечко въ вашихъ мысляхъ,
О, государь, и отпустить меня.

Король.

Ужъ меньшаго я и не могъ бы сдѣлать,
Чтобъ не прослыть неблагодарнымъ. Ты
Хотѣла мнѣ помочь—тебя благодарю я,
Какъ умирающій спѣшитъ благодарить
Желающихъ ему подолѣе пожить.
Но тайна для тебя все то, что мнѣ такъ ясно:
Я вижу смерть — меня лѣчила бъ ты напрасно.

Елена.

Безвредною была бъ моя попытка тамъ,
Гдѣ кажется болѣзнь неизлѣчимой вамъ.
Нерѣдко видимъ мы — Виновникъ дѣлъ славнѣйшихъ
Орудіемъ для нихъ беретъ людей слабѣйшихъ;
Такъ часто въ Библіи мы мудрецовъ-дѣтей
Встрѣчаемъ посреди ребяческихъ судей.
Межъ тѣмъ, какъ шли, смѣясь надъ всѣми чудесами,
Сильнѣйшіе умы, огромными рѣками
Рѣченки дѣлались, и дно большихъ морей
Пересыхало вдругъ. Какъ часто у людей
Навѣкъ вѣрнѣйшія надежды разрушались,
И тутъ же между тѣмъ блистательно сбывались
Тѣ ожиданія, гдѣ безпредѣльный страхъ
И гнетъ отчаянья надежды рушилъ въ прахъ.

Король.

Нѣтъ, слушать не могу я эти увѣщанья.
Прощай, мое дитя, и пусть твои старанья,
Отвергнутыя мной, найдутъ въ себѣ самихъ
Награду должную. Удѣлъ услугъ такихъ—
Непринимаемыхъ—слова благодаренья.

Елена.

Такъ отвергаются небесныя внушенья
Однимъ движеньемъ устъ. Мы, смертные, не то,
Что Онъ, отъ Коего не скроется ничто.
На внѣшнихъ признакахъ свой судъ, обыкновенно,
Основываемъ мы и дѣйствуемъ надменно,
Когда считаемъ то за дѣло рукъ людскихъ,
Что небомъ послано. О, государь, моихъ
Услугъ не отвергай! Возьми на испытанье
Могущество небесъ, а не мое познанье!
Я не обманщица; въ душѣ я не таю
Сомнѣнья въ томъ, что здѣсь за правду выдаю.
Нѣтъ, знайте, государь, что я не лицемѣрю,
И вѣрьте, какъ и я глубоко, твердо вѣрю,
Что сила прежняя въ моемъ лѣкарствѣ есть,
Что тяжкій вашъ недугъ оно должно унесть.

Король.

Ужели такъ въ тебѣ глубоко убѣжденье?
Чрезъ сколько жъ времени окончишь ты лѣченье?

Елена.

Коль божья благодать пребудетъ здѣсь со мной,
То прежде, чѣмъ свершитъ два раза бѣгъ дневной
На быстрыхъ лошадяхъ богъ солнца воспаленный
И влажный Гесперъ свой свѣтильникъ утомленный
Въ туманы вечера два раза погрузитъ—
И кормчему его песочникъ объяснитъ
Дважды двѣнадцать разъ, какъ время воровское

Бѣжитъ минутами—все, государь, больное
Изъ тѣла вашего уйдетъ, и съ этихъ поръ
Болѣзнь умершая здоровью дастъ просторъ.

Король.

Но что жъ въ залогъ того, что это убѣжденье
Не ложно, ты даешь?

Елена.

Даю я позволенье
Меня развратницей нахальной огласить,
Въ стихахъ ругательныхъ позоръ мой разносить
И дѣвственность мою отдать на поруганье,
И кончить пыткою мое существованье.

Король.

Мнѣ чудится, въ тебѣ какой-то духъ благой
Вѣщаетъ; слышу я—могучій голосъ свой
Онъ въ слабыя уста вложилъ, и тамъ, гдѣ прежде
Не смѣлъ простой мой смыслъ и думать о надеждѣ,
Тамъ высшій умъ теперь возможность признаетъ.
Жизнь дорога тебѣ: все то, что придаетъ
Ей цѣну высшую, природа съединила
Въ тебѣ, дитя: и умъ, и молодость, и сила,
И красота—все, все, что свѣтлая весна
Даетъ блаженнаго—ты всѣмъ надѣлена.
Сокровищемъ такимъ рискнетъ лишь тотъ, конечно,
Кто знаетъ, что его искусство безконечно,
Иль кто отчаяньемъ чудовищнымъ томимъ.
Любезный докторъ мой, съ лѣченіемъ твоимъ
Я опытъ сдѣлаю; но знай, что ты отнынѣ
Свой смертный приговоръ найдешь въ моей кончинѣ.

Елена.

Коль срокъ я пропущу, не сдѣлавши для васъ
Обѣщаннаго мной, безжалостно тотчасъ
Казните вы меня—я это заслужила:
За неспасенье мнѣ отплатою могила;
Но если я спасу, чѣмъ трудъ мой наградить
Вы обѣщаете?

Король.

Скажи, что получить
Желаешь ты?

Елена.

И я увижу исполненье?

Король.

Мой скиптръ и вся моя надежда на спасенье—
Порукой въ томъ тебѣ.

Елена.

Такъ царственной рукой
Ты дашь въ супруги мнѣ того, кто будетъ мной
Назначенъ, государь. Не думай, что гнѣздится
Надменное во мнѣ желанье породниться
Съ священной кровію французскихъ королей
И славнымъ отпрыскомъ фамиліи твоей
Мой низкій родъ продлить навѣки. Нѣтъ, избрала
Супругомъ будущимъ я твоего вассала,
И знаю, что его я вправѣ попросить,
А ты, мой государь, со мной соединить.

Король.

Такъ вотъ моя рука: сдержи лишь обѣщанье,
И въ точности твое исполню я желанье.
Назначь сама твой часъ: я, твой больной, вполнѣ
Довѣрился тебѣ. Еще о многомъ мнѣ
Хотѣлось бы тебя поразспросить, хотя
Не увеличишь ты ничѣмъ во мнѣ, дитя,
Довѣрія къ тебѣ. Я разузнать желаю,
Откуда ты пришла и съ кѣмъ. Но оставляю
Вопросы всякіе. Сомнѣніе гоня,
Я радъ тебѣ душой.
(*Свитѣ*). Эй! поддержать меня!
(*Еленѣ*).
Исполни дѣломъ то, что сказано словами—
И будетъ подвигъ твой вполнѣ оплаченъ нами.

(*Всѣ уходятъ. Трубы*).

СЦЕНА II.

Руссильонъ. Замокъ графини.

Входятъ графиня *и* шутъ.

Графиня. Поди-ка сюда; мнѣ хочется испытать—хорошо ли ты воспитанъ?

Шутъ. Вы изволите увидѣть, что я отлично упитанъ и совершеннѣйшимъ образомъ воспитанъ. Изъ этого слѣдуетъ, что мое дѣло—быть при дворѣ.

Графиня. При дворѣ? Какому же мѣсту ты придаешь значеніе, если такъ презрительно отзываешься о дворѣ? Каково—при дворѣ!

Шутъ. Ну, да; согласитесь, ваше сіятельство, что кого Богъ надѣлилъ какими-нибудь хорошими качествами, тотъ при дворѣ можетъ отложить ихъ въ сторону. Кто не умѣетъ шаркнуть ножкой, снять шляпу, поцѣловать свою руку и сказать хоть какой-нибудь вздоръ—у того нѣтъ ни ногъ, ни рукъ, ни губъ, ни шляпы и, говоря точнѣе, такой молодецъ для двора не годится. Но что касается до меня, то я имѣю въ запасѣ отвѣтъ, пригодный для всѣхъ.

Графиня. Значитъ, очень выгодный отвѣтъ, если онъ идетъ ко всякому вопросу.

Шутъ. Онъ то же, что стулъ цырюльника, который годится для всякаго зада: и костляваго, и мясистаго, и круглаго: для какого угодно зада.

Графиня. И твой отвѣтъ идетъ ко всякому вопросу?

Шутъ. Такъ идетъ, какъ десять грошей—къ рукѣ стряпчаго, какъ французская крона—къ дѣвкѣ въ шелковомъ платьѣ, какъ тростниковое кольцо Тибби — указательному пальцу Тома, какъ блины—масляничному вторнику, какъ мавританская пляска — первому мая, какъ гвоздь—сдѣланной имъ же дырѣ, какъ рогоносецъ—своимъ рогамъ, какъ сварливая баба—забіякѣ-парню, какъ губы монахини—губамъ монаха, наконецъ, какъ внутренность колбасы—своей кожѣ.

Графиня. Я тебя спрашиваю—годится ли твой отвѣтъ для всѣхъ вопросовъ?

Шутъ. Для всѣхъ рѣшительно, начиная отъ вопросовъ герцога до послѣдняго констэбля.

Графиня. Такой отвѣтъ, годный для всякаго вопроса, долженъ быть самаго чудовищнаго размѣра.

Шутъ. Нѣтъ, сказать правду, онъ—бездѣлица, если ученые обсудятъ его, какъ слѣдуетъ. Онъ у меня въ головѣ со всѣми своими принадлежностями. Спросите у меня —придворный ли я? Вамъ не мѣшало бы выучиться...

Графиня. Искусству снова помолодѣть, если бы это было возможно? Буду задавать глупые вопросы, въ надеждѣ поумнѣть отъ твоего отвѣта. Итакъ, скажите, сэръ, вы придворный?

Шутъ. О, Господи, сэръ!... Вотъ вы и отдѣлались отъ вопроса. Задавайте, задавайте еще вопросы—хоть цѣлую сотню.

Графиня. Сэръ, вѣдь, я бѣдный другъ вашъ, любящій васъ!

Шутъ. О, Господи, сэръ! Еще, еще! Не жалѣйте меня.

Графиня. Я думаю, сэръ, что вы не можете ѣсть это грубое блюдо?

Шутъ. О, Господи, сэръ! Извольте продолжать—и ручаюсь, что не стану втупикъ.

Графиня. Сколько мнѣ кажется, сэръ, васъ недавно высѣкли?

Шутъ. О, Господи, сэръ! Дальше, не щадите меня.

Графиня. Вы и подъ розгами кричите: „О, Господи, сэръ!" и „не щадите меня". Дѣйствительно, ваше „о, Господи, сэръ!" очень идетъ къ вашему сѣченью. На каждый ударъ розги вы отвѣчали бы весьма кстати, еслибы дѣло дошло до этого.

Шутъ. Никогда въ жизни мнѣ не приходилось такъ плохо, какъ теперь, съ моимъ „о, Господи, сэръ!" Я вижу, что вещи могутъ служить долго, но не вѣчно.

Графиня. Я слишкомъ расточительно хозяйничаю съ временемъ, тратя его на пустыя шутки съ шутомъ.

Шутъ. О, Господи, сэръ! Вотъ опять отвѣтъ пригодился.

Графиня.

Довольно, шутъ. Пора за дѣло. Это
Ты отвези къ Еленѣ и скажи,
Что я прошу отвѣта поскорѣе.
Моимъ роднымъ и сыну мой поклонъ
Ты передашь. Совсѣмъ пустое дѣло.

Шутъ.

Поклонъ-то вашъ?

Графиня.

Пустое дѣло я
Даю тебѣ. Меня ты понялъ?

Шутъ.

Съ пользой
Огромнѣйшей. Я прежде ногъ своихъ
Приду туда.

Графиня.

Скорѣе возвращайся.
(*Уходятъ въ разныя стороны*).

— —

СЦЕНА III.

Парижъ. Королевскій дворецъ.

Входятъ Бертрамъ, Лафе *и* Пароль.

Лафэ. Говорятъ, что чудесъ больше нѣтъ на свѣтѣ. У насъ даже завелись философы, которые превращаютъ явленія

сверхъестественныя и не имѣющія видимой причины въ простыя и легко объяснимыя. Вслѣдствіе этого мы издѣваемся надъ ужасами и загораживаемся мнимымъ знаніемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда намъ слѣдуетъ подчиниться неисповѣдимому страху.

Пароль. Да, это удивительнѣйшее доказательство существованія чудесъ, какое только представлялось въ наше время.

Бертрамъ. Совершенно справедливо.

Лафэ. Оставленный всѣми знатоками...

Пароль. И я то же самое говорю.

Лафэ. И Галеномъ, и Парацельсомъ...

Пароль. То же самое и я говорю.

Лафэ. Всѣми учеными и благонадежными лицами...

Пароль. Именно; то же и я говорю.

Лафэ. Которые признали его неизлѣчимымъ.

Пароль. Такъ, такъ; рѣшительно то же самое говорю и я.

Лафэ. Совершенно безнадежнымъ...

Пароль. Это такъ. Человѣкомъ, который можетъ быть увѣренъ...

Лафэ. Въ непрочности своей жизни и въ неизбѣжности смерти.

Пароль. Отлично сказано; это же самое я хотѣлъ сказать.

Лафэ. Нѣтъ сомнѣнія, что для свѣта это новость.

Пароль. Непремѣнно новость. Если хотите представить это себѣ наглядно, прочтите... какъ, бишь, это называется?

Лафэ. „Проявленіе небесной силы въ земномъ существѣ".

Пароль. Ну, да; ну, да! Точь въ точь то же, что я хотѣлъ сказать.

Лафэ. Онъ теперь игривъ, что твой дельфинъ.

Пароль. Странное, чрезвычайно странное дѣло!—въ этомъ то вся штука и загадка. Надо имѣть самый развращенный умъ, чтобы не признавать тутъ...

Лафэ. Руки Бога.

Пароль. Совершенно то же, что я говорю.

Лафэ. Въ самомъ слабомъ и тлѣнномъ орудіи проявляется великая сила, великое могущество, которое не должно ограничиться излѣченіемъ короля, но можетъ еще сдѣлать насъ благодарными.

Пароль. Я только-что хотѣлъ сказать это. Очень хорошо сказано. Но вотъ и король.

Входятъ король, Елена *и свита. Лафэ и Пароль отходятъ въ сторону.*

Лафэ. Lustick! какъ говорятъ голландцы. Теперь, пока у меня останется хоть одинъ зубъ, я буду любить дѣвушекъ еще больше, чѣмъ прежде. Поглядите, онъ способенъ протанцовать съ нею курантъ.

Пароль. Mort du vinaigre! Да это Елена?

Лафэ. Убей меня Богъ—она.

Король.

Позвать ко мнѣ сейчасъ же всѣхъ придворныхъ.
(*Еленѣ*). Садись, моя спасительница, рядомъ
Съ твоимъ больнымъ. Вотъ этою рукой,
Въ которую ты снова возвратила
Чувствительность утраченную, я
Вторично подтверждаю исполненье
Обѣщаннаго мной—и только жду,
Чтобъ ты его по имени назвала.

(*Входятъ нѣсколько придворныхъ*).

Король.

Вотъ, милое дитя мое, взгляни
Вокругъ себя: всѣ эти молодые
И доблестные люди у меня
Въ покорности; располагаю ими
Я, какъ монархъ и какъ отецъ. Изъ нихъ
Ты избирай любого. Право выбрать
Имѣешь ты, но права отказать
Имъ не дано.

Елена.

Когда любви угодно,
Пускай она дастъ каждому изъ васъ
Прекрасную и вѣрную подругу;
Да, каждому, но... кромѣ одного.

Лафэ.

Я отдалъ бы свою гнѣдую лошадь
Со сбруею, чтобъ только былъ мой ротъ
Съ такими же зубами, какъ у этихъ
Молодчиковъ, и борода моя—
Въ такихъ же волосенкахъ.

Король.

Осмотри ихъ
Внимательно. Здѣсь нѣтъ ни одного,
Который бы имѣлъ незнатныхъ предковъ.

Елена.

Почтенные вельможи, короля
Богъ исцѣлилъ черезъ мое посредство.

Всѣ.

Да, знаемъ мы, и Господа за васъ
Благодаримъ.

Елена.

Я дѣвушка простая,

ЕЛЕНА и КОРОЛЬ. (Дѣйствіе II, сц. 3).
Картина Фрэнсиса Уитли (Francis Wheatly, R. A.). (Малая Бойделевская галлерея).

И главное мое богатство въ томъ,
Что дѣвушкою просто я себя
Могу назвать. Я, государь, свой выборъ
Ужъ сдѣлала. Румянецъ щекъ моихъ
Мнѣ шепчетъ такъ: „я оттого пылаю,
Что къ выбору ты хочешь приступить;
Но если ты отказъ услышишь—блѣдность
Смертельная пристанетъ навсегда
Къ твоимъ щекамъ, и я на нихъ вовѣки
Не возвращусь“.

КОРОЛЬ.

Свободно выбирай —
И знай, что тотъ изъ нихъ, кто пренебречь рѣшится
Твоей любовію, моей любви лишится.

ЕЛЕНА.

Итакъ, Діана, я бросаю твой алтарь
И вздохи всѣ мои къ тебѣ, Любовь, о, царь
Безсмертныхъ всѣхъ боговъ, теперь я направляю!
(*Одному изъ вельможъ*).
Угодно ль вамъ узнать, о чемъ просить желаю?

1-Й ВЕЛЬМОЖА.

Да—и исполнить все.

ЕЛЕНА.

Мессеръ, благодарю —
И больше ничего я вамъ не говорю.

ЛАФЭ. Быть въ числѣ предметовъ ея выбора для меня было бы пріятнѣе, чѣмъ всю жизнь проигрывать въ кости.

ЕЛЕНА (*другому придворному*).
Тотъ пламень гордости, мессеръ, которымъ глазъ
Прекрасный вашъ горитъ, заранѣе отказъ

Вѣщаетъ грозно мнѣ. Пусть счастье, что пошлется
Любовью въ вашу жизнь, въ сто разъ превознесется
Надъ тѣмъ, что скромною любовію своей
Я вамъ бы принесла.

2-й вельможа.
Но счастія сильнѣй
Я не хочу!

Елена.
Молю, чтобы мои желанья
Всесильный богъ любви исполнилъ. До свиданья.

Лафэ (*стоя въ отдаленіи и думая, что придворные отказываются отъ Елены*). Неужели они всѣ чуждаются ея? Будь они мои сыновья, я бы ихъ отодралъ или отослалъ къ туркамъ, чтобы тѣ сдѣлали изъ нихъ евнуховъ.

Елена (*третьему придворному*).
Откиньте всякій страхъ, что вашею рукой
Я завладѣть хочу: печали никакой
Не причиню я вамъ. Благослови, о, Боже,
Желанья ваши всѣ, и пусть на вашемъ ложѣ,
Коль доживете вы до свадебнаго дня,
Возляжетъ женщина прекраснѣе меня!

Лафэ. Да, они, видно, изо льда сдѣланы: ни одинъ не хочетъ ея. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ они—незаконнорожденныя дѣти англичанъ, такъ какъ французы не могли произвесть на свѣтъ такихъ сыновей.

Елена (*четвертому придворному*).
Вы слишкомъ счастливы и юны—вотъ причина,
Что отъ меня имѣть не захотите сына.

Четвертый придворный. Я не такого мнѣнья, прекрасная дѣва.

Лафэ. Вотъ и еще виноградная кисть! Я увѣренъ, что твой отецъ пивалъ вино; но если ты не оселъ, то я четырнадцатилѣтній мальчишка. Тебя я давно знаю.

Елена (*Бертраму*).
Не смѣю я сказать, что васъ избрала я—
Нѣтъ, въ вашу власть, пока продлится жизнь моя,
Себя я отдаю. Вотъ мой избранникъ!

Король.
Что жъ, молодой Бертрамъ, возьми ее:
Она твоя жена.

Бертрамъ.
Какъ вы сказали—
Моя жена? Я умоляю ваше
Величество въ подобномъ дѣлѣ мнѣ
Позволить взять въ помощники и судьи
Свои глаза.

Король.
Но развѣ ты, Бертрамъ,
Не знаешь, чѣмъ я ей обязанъ?

Бертрамъ.
Знаю,
Но никогда надѣюсь не узнать,
Мой государь, изъ-за чего я долженъ
Съ ней въ бракъ вступить.

Король.
Извѣстно, вѣдь, тебѣ,
Что ею я съ одра болѣзни поднятъ.

Бертрамъ.
Но изъ того, что подняла она
Васъ, государь, не слѣдуетъ, что должно
Меня свалить: не такъ-ли? Кто она —
Мнѣ хорошо извѣстно: воспиталась
Она въ дому у моего отца.
Дочь бѣднаго врача—моя супруга!
Нѣтъ, пусть скорѣй убьетъ меня позоръ!

Король.
Когда ты въ ней лишь званье презираешь—
Его могу поднять я. Странно мнѣ,
Что кровь людей различныхъ—если вмѣстѣ
Ее смѣшать—одна передъ другой
Не разнится ни теплотой, ни вѣсомъ,
Ни краскою, а между тѣмъ она
Огромнѣйшихъ исполнена отличій.
Коль дѣвушкѣ, стоящей здѣсь, даны
Всѣ лучшія достоинства и ею
Ты брезгаешь затѣмъ лишь, что она
Дочь бѣднаго врача, то ради званья
Ты брезгаешь прекраснѣйшей душой.
Но этого, Бертрамъ, не надо дѣлать.
Когда изъ темнаго источника идутъ
Прекрасныя дѣла, то и ему даютъ
Они собою блескъ; когда жъ величьемъ рода
Раздуты мы, но въ насъ черства и зла природа—
Водянкой одержимъ нашъ внѣшній блескъ тогда.
Что истинно добро — безъ имени всегда
Останется добромъ; что зло, то остается
Зломъ и безъ имени; цѣна вещамъ дается
Не ихъ названіемъ, а сущностью. Она
(*Указывая на Елену*).
Годами молода, прекрасна и умна;
Природа ей дала всѣ эти превосходства
Въ наслѣдство—и они источникъ благородства.
Кто хвалится, что онъ сынъ чести и на мать

Нисколько не похожъ — тотъ можетъ лишь пятнать
Позоромъ эту честь; та знатность, что исходитъ
Изъ нашихъ подвиговъ, далеко превосходитъ
Преуспѣяньемъ ту, что намъ передаетъ
Нашъ предокъ. Слово—рабъ, что такъ позорно лжетъ
На камняхъ гробовыхъ; надъ каждымъ мавзолеемъ
Оно является обманщикомъ-трофеемъ,
И тамъ безмолвно, гдѣ на доблестныхъ костяхъ
Лежатъ проклятое забвеніе и прахъ.
Что мнѣ сказать еще? Когда ее душою
Ты можешь полюбить, какъ дѣвушку, устрою
Я остальное все. Приданое у ней —
Она сама съ душой прекрасною своей.
То собственность ея; а я къ нему въ придачу
Богатства и почетъ, и громкій санъ назначу.

Бертрамъ.

Но, государь, я не люблю ея
И не хочу стараться сдѣлать это.

Король.

Упорствомъ ты приносишь вредъ себѣ.

Елена.

Исцѣлены вы, государь, — и этимъ
Я счастлива. Объ остальномъ прошу
Не хлопотать.

Король.

Здѣсь честь моя въ залогѣ;
Чтобъ выручить ее, я власть мою
Употребить обязанъ. Эту руку
Бери сейчасъ, мальчишка гордый, злой,
Столь чуднаго подарка недостойный!
Мою пріязнь и качества ея
Ты съ гнусною надменностью отвергнулъ;
Но ты забылъ, что помѣстивъ свое
Величіе въ ея убогой чашѣ,
Тебя поднять мы можемъ къ самой стрѣлкѣ;
Не хочешь знать, что въ нашей полной волѣ
Пересадить въ то мѣсто честь твою,
Гдѣ мы хотимъ ея произрастанья.
Смири свое презрѣнье; сдѣлай такъ,
Какъ мы велимъ—мы, о твоемъ же благѣ
Радѣющіе здѣсь; не довѣряй
Надменности своей; повиновеньемъ,
Котораго желаетъ наша власть,
Которымъ ты, какъ подданный, обязанъ,
Самъ счастіе свое составь,—иначе я
Изъ глубины любви моей исторгну
Тебя навѣкъ и брошу въ страшный вихрь
Невѣдѣнья и вѣтренности юной,
И, именемъ закона, на тебя
Я месть свою и ненависть обрушу
Безжалостно. Что жъ мнѣ отвѣтишь ты?

Бертрамъ.

Простите мнѣ, мой государь великій!
Мой личный вкусъ рѣшенью вашихъ глазъ
Я подчиню. Сообразивъ, какъ много
И творчества высокаго, и чести
Стекаются туда, гдѣ ихъ вмѣстить
Угодно вамъ,—я нахожу, что это
Созданіе, недавно низко такъ
Стоявшее въ моихъ надменныхъ мысляхъ,
Прославлено монаршей похвалой
И въ ней себѣ такое благородство
Пріобрѣло, какое придаетъ
Рожденіе.

Король.

Такъ протяни жъ ей руку
И назови ее своей; а я
Установлю межъ вами равновѣсье,
И сдѣлаю, быть можетъ, даже такъ,
Что перевѣсъ она возьметъ.

Бертрамъ.

Я руку
Ей протянулъ.

Король.

Да будетъ вашъ союзъ
Привѣтствуемъ улыбкою и счастьемъ,
И милостью монаршею! Обрядъ,
Которымъ мы должны новорожденный
Союзъ скрѣпить, свершится нынче въ ночь;
А празднество торжественное можно
И отложить на время: подождемъ
Своихъ друзей отсутствующихъ. Если
Ты преданъ ей, Бертрамъ, то преданъ также мнѣ —
Иначе я въ тебѣ увѣренъ не вполнѣ.

(*Всѣ уходятъ, кромѣ Лафэ и Пароля*).

Лафэ. Послушайте, monsieur,—на одно слово.

Пароль. Что прикажете?

Лафэ. Вашъ господинъ и владыка хорошо сдѣлалъ, что согласился.

Пароль. Согласился?—мой господинъ? мой владыка?

Лафэ. Ну, да. Развѣ я говорю не на языкѣ?

Пароль. На языкѣ-то на языкѣ, но такомъ жесткомъ, что нельзя понять безъ кроваваго объясненія. Мой господинъ?

Лафэ. Да вы товарищъ графа Руссильона, что-ли?

Пароль. Я товарищъ всякаго графа, всѣхъ графовъ, всякаго, кто человѣкъ...

Лафэ. Кто человѣкъ графа, пожалуй; но

господинъ графа — дѣло совсѣмъ другого рода.

Пароль. Вы слишкомъ стары, сударь,— и довольно съ васъ этого; вы слишкомъ стары.

Лафэ. Я долженъ сказать тебѣ, почтеннѣйшій, что мое имя—человѣкъ; до этого имени ты не доживешь никогда.

Пароль. Я не рѣшаюсь дѣлать, что могъ бы очень легко рѣшиться сдѣлать.

Лафэ. Въ теченіе двухъ обѣдовъ я считалъ тебя человѣкомъ съ нѣкоторымъ здравымъ смысломъ. Правда, ты и въ это время порядочно пускалъ пыль въ глаза разсказами о своихъ странствованіяхъ, но это бы еще ничего. Когда же я увидѣлъ шарфы и бантики, которыми ты покрываешь себя, то положительно убѣдился, что ты корабль съ большимъ грузомъ. Теперь я тебя нашелъ; но если снова потеряю, то не стану объ этомъ печалиться: такую находку и подымать не стоитъ.

Пароль. Если бъ только ты не пользовался привилегіею старости...

Лафэ. Не погружайся слишкомъ глубоко въ гнѣвъ, иначе ты только ускоришь испытаніе надъ собою, а тогда — умилосердись Господи надъ этой мокрой курицей! Прощай, однако, мое доброе рѣшетчатое окно: мнѣ не нужно растворять твои ставни, потому что и безъ того я вижу тебя насквозь. Дай мнѣ руку.

Пароль. Мессеръ, вы причиняете мнѣ самое утонченное оскорбленіе.

Лафэ. Да, и дѣлаю это отъ всего сердца; ты стоишь его.

Пароль. Я не заслужилъ такого обращенія.

Лафэ. Совершенно напротивъ — заслужилъ всякую драхму, и я не обсчитаю тебя ни на одинъ скрупулъ.

Пароль. Хорошо, я постараюсь быть умнѣе.

Лафэ. И сдѣлай это, какъ можно скорѣе, потому что тебя такъ и тянетъ въ противную сторону. Если тебя когда-нибудь свяжутъ твоимъ собственнымъ шарфомъ и отколотятъ, ты узнаешь, что значитъ гордиться своимъ рабствомъ. Мы бы хотѣлось продолжать знакомство съ тобою, или, лучше сказать, мое изученіе твоего характера, чтобы, въ случаѣ нужды, имѣть возможность сказать: „это человѣкъ, котораго я знаю“.

Пароль. Милостивый государь, ваше приставаніе крайне невыносимо для меня.

Лафэ. Ради твоего блага, я желалъ бы, чтобъ оно было адскимъ мученіемъ и чтобъ эти муки я могъ создавать тебѣ вѣчно; но время созиданія для меня прошло, и я ухожу на столько скоро, на сколько это позволяетъ моя старость. (*Уходитъ*).

Пароль. Хорошо, хорошо—у тебя есть сынъ, и онъ заплатитъ мнѣ за это оскорбленіе, скверный, грязный, паршивый старичишка! Нечего дѣлать, надо терпѣть: сильнаго не остановишь. Но, клянусь жизнью, я исколочу его, если только мнѣ представится удобная встрѣча съ нимъ—исколочу, будь онъ хоть вчетверо знатнѣе. Я такъ же мало сжалюсь надъ его старостью, какъ и надъ... Да, пусть онъ только еще разъ попадется мнѣ, я исколочу его.

Лафэ *возвращается.*

Лафэ. Другъ любезный, твой господинъ и владыка женатъ, — вотъ тебѣ новость. Теперь у тебя новая госпожа.

Пароль. Съ полнѣйшею откровенностью умоляю васъ, мессеръ, умѣрить немного ваши оскорбленія. Графъ мой добрый господинъ, но владыка мой — Тотъ, кому я служу и который тамъ, наверху.

Лафэ. Кто же это? Богъ?

Пароль. Да.

Лафэ. Дьяволъ твой владыка. Къ чему это ты перевязалъ такъ свои руки? Ужъ не хочешь ли превратить свои рукава въ штаны? Развѣ другіе слуги одѣваются такъ? Ты бы еще лучше сдѣлалъ, если бы перемѣстилъ свои нижнія части туда, гдѣ помѣщается твой носъ. Клянусь честью, будь я моложе хоть двумя часами, я бы поколотилъ тебя! Мнѣ кажется, что ты—насмѣшка надъ всѣми людьми и что всякій долженъ тебя бить. Ты какъ будто для того и созданъ, чтобы люди могли дѣлать на твоей спинѣ моціонъ.

Пароль. Вы жестоки и несправедливы ко мнѣ.

Лафэ. Разсказывай! Вѣдь, тебя отколотили въ Италіи за покражу зернышка изъ гранатоваго яблока. Ты не честный путешественникъ, а бродяга. Ты обращаешься съ дворянами и почтенными людьми гораздо нахальнѣе, чѣмъ имѣешь право по рожденію и достоинствамъ. Ты не стоишь, чтобы ко всему сказанному я прибавилъ хоть одно слово; иначе я еще назвалъ бы тебя негодяемъ. Прощай. (*Уходитъ*).

Пароль. Хорошо, очень хорошо. Такъ вотъ какъ! Хорошо, очень хорошо. До поры до времени сохранимъ это въ тайнѣ.

Входитъ Бертрамъ.

Бертрамъ.

Погибло все! На вѣчныя заботы
Я осужденъ.

Пароль.

Что, миленькій, съ тобой?

Бертрамъ.

Предъ алтаремъ торжественную клятву
Я произнесъ, но ложе раздѣлить
Съ ней не хочу.

Пароль.

Да что же приключилось,
Мой миленькій, скажи?

Бертрамъ.

О, мой Пароль,
Они меня женили! Но уѣду
Я на войну въ Тоскану; никогда
Не допущу ее къ себѣ на ложе.

Пароль.

Да, Франція—собачья конура;
Ея земля не стоитъ, чтобъ ходила
По ней нога героевъ. На войну!

Бертрамъ. Вотъ письмо отъ моей матушки; но что она пишетъ въ немъ—я еще не знаю.

Пароль.

Узнается. Въ походъ, въ походъ, мой милый!
Какъ въ ящикѣ сокрыта честь того,
Кто у себя въ дому съ своей красоткой
Цѣлуется и тратитъ у нея
Въ объятіяхъ то мужество, которымъ
Онъ долженъ былъ поддерживать скачки
И быстроту въ конѣ горячемъ Марса.
Бѣжимъ отсель! Нашъ край—конюшня, мы—
Живущіе въ конюшнѣ этой—клячи,
И потому—въ походъ!

Бертрамъ.

Да, рѣшено:
Ее домой отправлю я; тогда же
Я матушку о ненависти къ ней
Увѣдомлю и о причинѣ бѣгства;
А королю я напишу все то,
Чего не смѣлъ сказать ему. Послѣднимъ
Подаркомъ онъ далъ средства мнѣ прожить
Въ Италіи, гдѣ столько храбрыхъ бьются.
Кому судьба дала противную жену
И мрачный домъ—идетъ съ отрадой на войну.

Пароль.

Ты убѣжденъ, что эта прихоть будетъ
Сильна въ тебѣ?

ПРИДВОРНЫЙ ШУТЪ.
Картина знаменитаго испанскаго живописца Веласкеза (Velazquez, 1599—1660).

Бертрамъ.

Пойдемъ ко мнѣ домой:
Совѣтомъ ты поможешь мнѣ. Сейчасъ же
Я отошлю ее; а завтра—на войну,
Оставивши ее съ своей тоской одну.

Пароль.

Ухъ, скачутъ пули какъ, и шумъ какой проклятый!
Тотъ юноша погибъ, кто человѣкъ женатый!
Въ походъ же! Брось ее! Ты королемъ своимъ
Обиженъ, оскорбленъ. Но лучше помолчимъ!
(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Другая комната въ томъ же дворцѣ.

Входятъ Елена *и* шутъ.

Елена. Моя матушка посылаетъ мнѣ сердечный привѣтъ. Какъ она поживаетъ?

Шутъ. Не хорошо, но она здорова; она

очень весела, но поживаетъ не хорошо. Слава Богу, она очень здорова и ни въ чемъ рѣшительно не нуждается, но поживаетъ все-таки не хорошо.

Елена. Но если она очень здорова, то вслѣдствіе какого страданья ей не хорошо?

Шутъ. Да, ей дѣйствительно было бы хорошо, еслибъ не двѣ вещи.

Елена. Какія двѣ вещи?

Шутъ. Во-первыхъ, то, что она до сихъ поръ не на небѣ, куда да возьметъ ее Господь поскорѣе; во-вторыхъ — что она до сихъ поръ на землѣ, откуда да возьметъ ее Господь поскорѣе!

Входитъ Пароль.

Пароль. Благослови васъ Господи, моя счастливая дама!

Елена. Надѣюсь, что вы согласны на мое счастье.

Пароль. Я молилъ, чтобъ оно пришло къ вамъ, и молюсь, чтобы оно всегда оставалось при васъ.—А, любезнѣйшій плутъ! какъ поживаетъ наша старая барыня?

Шутъ. Еслибъ у васъ были ея морщины, а у меня ея деньги, я желалъ бы, чтобы она поживала такъ, какъ вы говорите.

Пароль. Но, вѣдь, я ничего не сказалъ.

Шутъ. Тѣмъ умнѣе вы поступили, потому что часто языкъ слуги наговариваетъ погибель его господину. Ничего не говорить, ничего не дѣлать, ничего не знать и ничего не имѣть—это ваши главныя достоинства, которыя почти то же, что ничто.

Пароль. Убирайся прочь; ты негодяй.

Шутъ. Вамъ бы слѣдовало сказать: „ты негодяй передъ негодяемъ“, то есть—передъ вами. Это было бы совершенно справедливо.

Пароль. Ты, братъ, остроумный дуракъ; я открылъ это.

Шутъ. Вы открыли меня въ самомъ себѣ? Или кто-нибудь выучилъ васъ открывать меня? Поиски ваши принесли вамъ пользу; впрочемъ, вы могли бы открыть въ себѣ много дураковъ на удовольствіе и большую потѣху свѣту.

Пароль.

Отличный шутъ, ей-ей, да и отлично
Откормленный! Графиня, нынче въ ночь
Мой господинъ уѣдетъ: отзываютъ
Его дѣла важнѣйшія. Вполнѣ
Онъ признаетъ любви святое право,
Которое, какъ долгъ, онъ заплатить
Обязанъ вамъ; но это исполненье
Нужда велитъ отсрочить. Впрочемъ, васъ
Нѣжнѣйшіе восторги промедленья
Вознаградятъ; ихъ перерывъ
Насильственный сладчайшимъ наслажденьемъ
Грядущія минуты наводнитъ
И радостей всю чашу переполнитъ.

Елена.

Чего еще желаетъ онъ?

Пароль.

Чтобъ вы—
Сейчасъ же распростились съ государемъ
И вашъ отъѣздъ поспѣшный объяснили,
Какъ собственную волю, подкрѣпивъ
Свои слова какимъ-нибудь предлогомъ,
Который бы заставилъ вѣрить имъ.

Елена.

Чего еще онъ требуетъ?

Пароль.

Простившись,
Дальнѣйшихъ приказаній отъ него
Вы ждать должны и ихъ тотчасъ исполнить.

Елена.

Исполню все, чего желаетъ онъ.

Пароль.

Я такъ и доложу ему объ этомъ.

Елена.

Пожалуйста. (*Шуту*). Идемъ со мною, шутъ.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Другая комната тамъ же.

Входятъ Лафэ *и* Бертрамъ.

Лафэ. Но я надѣюсь, графъ, что вы не смотрите на него, какъ на воина.

Бертрамъ. Смотрю какъ на воина и, притомъ, доказавшаго большую храбрость.

Лафэ. Вы это слышали отъ него самого?

Бертрамъ. Отъ него и изъ другихъ достовѣрныхъ источниковъ.

Лафэ. Ну, значитъ, мои часы идутъ невѣрно, и этого жаворонка я принялъ за воробья.

Бертрамъ. Увѣряю васъ, мессеръ, что онъ человѣкъ съ большими знаніями и съ такою же храбростью.

Лафэ. Значитъ, я грѣшенъ противъ его опытности и былъ несправедливъ къ его мужеству—и въ этомъ отношеніи мое по-

БЕРТРАМЪ и ЕЛЕНА. (Дѣйствіе II, сц. 5).
Рисунокъ извѣстнаго англійскаго художника Франка Дикси (Fr. Dicksee, род. 1853).

ложеніе опасно тѣмъ, что я и теперь не могу найти въ моемъ сердцѣ раскаянія.— Вотъ онъ идетъ; пожалуйста, помирите насъ; я хочу пріобрѣсть его дружбу.

Входитъ Пароль.

Пароль (*Бертраму*). Все это будетъ исполнено, графъ.

Лафэ (*Паролю*). Позвольте узнать, мессеръ, кто вашъ портной?

Пароль. Мессеръ?

Лафэ. О, я его хорошо знаю, мессеръ; онъ хорошій рабочій, мессеръ, онъ очень хорошій портной.

Бертрамъ (*тихо Паролю*). Она пошла къ королю?

Пароль. Пошла.

Бертрамъ. И уѣдетъ сегодня ночью?

Пароль. Да, какъ вы приказали

Бертрамъ.

Написаны мои всѣ письма, деньги
Уложены въ шкатулку, лошадей
Я приказалъ готовить--и сегодня
Въ тотъ часъ, когда женою завладѣть
Мнѣ надо бы, окончу, не начавши.

Лафэ. Хорошій путешественникъ имѣетъ кое-какое значеніе въ концѣ обѣда; но тотъ, кто вретъ на три трети и пользуется одною извѣстною правдой, чтобы вмѣстѣ съ ней спустить тысячу небылицъ, заслуживаетъ, чтобъ его разъ выслушали, а три раза отколотили. (*Паролю*). Спаси васъ Господи, капитанъ!

Бертрамъ (*Паролю*). Скажи, ты имѣлъ какія нибудь непріятности съ этимъ вельможей?

Пароль. Я не знаю, чѣмъ заслужилъ ихъ немилость.

Лафэ. Вы съумѣли сами попасть въ нее по шею, съ сапогами и шпорами — какъ тотъ, который вскакиваетъ въ пирогъ, а вылѣзете изъ нея скорѣе, чѣмъ будете въ состояніи отвѣтить, по какой причинѣ вы забрались туда.

Бертрамъ. Можетъ быть, вы не такъ понимаете его.

Лафэ. Я буду всегда понимать его такъ, даже если застану когда набудь за молитвой. Прощайте, графъ, и вѣрьте мнѣ, что этотъ грѣхъ—совершенная пустышка; душа этого человѣка—его платье. Не довѣряйте ему ни въ какомъ важномъ дѣлѣ; сквозь мои руки проходили такіе господа, и я знаю ихъ натуру. Прощайте, monsieur; я отзывался о васъ лучше, чѣмъ вы заслуживаете и впередъ заслужите; но мы должны платить за зло добромъ. (*Уходитъ*).

Пароль. Пустой человѣкъ, честное слово.

Бертрамъ. Я того же мнѣнія.

Пароль. Да развѣ вы не знаете его?

Бертрамъ.

Нѣтъ, хорошо его я знаю; но
Онъ въ мнѣньи всѣхъ достойнымъ человѣкомъ
Считается. Вотъ сѣть моя идетъ.

(*Входитъ* Елена).

Елена.

Графъ, вашему желанью повинуясь,
Я къ королю ходила—и король
Позволилъ мнѣ немедленно уѣхать.
Но прежде онъ желаетъ видѣть васъ
Наединѣ.

Бертрамъ.

Исполню приказанье.
Елена, васъ не долженъ удивлять
Поступокъ мой, хоть съ нашимъ положеньемъ
Въ разладѣ онъ и новую мою
Обязанность такъ рѣзко нарушаетъ.
Я не былъ подготовленъ къ этой всей
Исторіи; вотъ почему такъ сильно
Она меня разстроила, и я
Поэтому прошу васъ отправляться
Домой и лучше поразмыслить тамъ,
Чѣмъ спрашивать причину этой просьбы.
Повѣрьте мнѣ, что доводы мои
Почтеннѣе, чѣмъ кажутся, и дѣло,
Зовущее меня, важнѣй, чѣмъ вамъ,
Не знающей его, казаться можетъ
На первый взглядъ.

(*Отдаетъ ей письмо*).

Вотъ къ матушкѣ письмо.
Черезъ два дня я снова сживусь съ вами
И вашему благоразумью васъ
Покамѣстъ поручаю.

Елена.

Графъ, я только
Могу сказать, что я всегда слуга
Покорнѣйшая ваша.

Бертрамъ.

Полно, полно!
Что говорить объ этомъ!

Елена.

И всегда
Искоренять въ себѣ усердно буду
То, чѣмъ моя несчастная звѣзда

БЕРТРАМЪ ОТКАЗЫВАЕТЪ ЕЛЕНѢ ВЪ ПРОЩАЛЬНОМЪ ПОЦѢЛУѢ.
Картина извѣстнаго нѣмецкаго живописца Пехта (Fr. Pecht, род. 1814).

Мѣшаетъ мнѣ съ такимъ высокимъ счастьемъ
Стать въ уровень.

БЕРТРАМЪ.

Оставимъ это; я
Весьма спѣшу. Прощайте. Отправляйтесь
Сейчасъ домой.

ЕЛЕНА.

Графъ... извините... я...

БЕРТРАМЪ.

Ну, что еще, скажите!.

ЕЛЕНА.

Я не стою
Сокровища, доставшагося мнѣ,
И хоть оно мое, назвать не смѣю
Его моимъ; но, какъ пугливый воръ,
Душевно бы желала то похитить,
Что далъ законъ мнѣ въ собственность.

БЕРТРАМЪ.

Чего жъ
Хотите вы?

ЕЛЕНА.

Пустого—даже меньше,
Чѣмъ кое-что,—почти что ничего.
Графъ, право, я сказать вамъ не хотѣла-бъ,
Чего бы мнѣ хотѣлось. Впрочемъ, пусть:
Чужіе и враги безъ поцѣлуя
Прощаются.

БЕРТРАМЪ.

Прошу васъ не терять
Здѣсь времени. На лошадей скорѣе!

ЕЛЕНА.

Исполню все, мой добрый господинъ.

БЕРТРАМЪ (*Паролю*).

Готовы ли мои другіе слуги?
(*Еленѣ*). Прощайте же. (*Елена уходитъ*).
Ступай въ мой домъ, а я
Не возвращусь въ него, пока владѣть мечемъ
И слушать барабанъ мнѣ будетъ нипочемъ.
Бѣжимъ скорѣй!

ПАРОЛЬ.

Брависсимо! coraggio!
(*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Флоренція. Дворецъ герцога.

Трубы. Входятъ ГЕРЦОГЪ ФЛОРЕНТИНСКІЙ *со свитой, два французскіе* ДВОРЯНИНА *и* СОЛДАТЫ.

ГЕРЦОГЪ.

Итакъ, теперь подробно вы узнали
Причины всѣ главнѣйшія войны,
Которая, въ виду великой цѣли,
Ужъ пролила такъ много крови здѣсь
И жажды все еще не утолила.

1-Й ДВОРЯНИНЪ.

Въ раздорѣ этомъ, герцогъ, ваша роль
Мнѣ кажется святою; роль же вашихъ
Противниковъ я гнусной нахожу.

ГЕРЦОГЪ.

Вотъ почему дивимся мы не мало,
Что въ дѣлѣ столь правдивомъ нашъ кузенъ,
Французскій государь, моленьямъ нашимъ
Не растворилъ души своей.

2-Й ДВОРЯНИНЪ.

О видахъ
Французскаго правительства могу
Я разсуждать, какъ посторонній, только
Какъ человѣкъ, живущій внѣ двора
И собственной фантазьей создающій
Сановниковъ великія дѣла.
Вотъ почему, мой герцогъ, я не смѣю
Вамъ высказать сужденіе мое
О видахъ тѣхъ, тѣмъ болѣе, что знаю
По опыту, что каждый разъ мои
Непрочныя предположенья были
Ошибочны.

ГЕРЦОГЪ.

Пусть поступаетъ онъ,
Какъ хочется ему.

1-Й ДВОРЯНИНЪ.

Но я увѣренъ,
Что молодежь французская, пресытясь
Бездѣйствіемъ, все больше съ каждымъ днемъ
Сюда начнетъ стекаться за лѣкарствомъ.

ГЕРЦОГЪ.

Мы встрѣтимъ ихъ съ привѣтомъ, и на нихъ
Посыпятся всѣ почести, какія
Мы можемъ дать. Вашъ постъ извѣстенъ вамъ;
Но если высшіе падутъ—то ихъ паденье,
Мессеры, вамъ доставитъ возвышенье.
На завтра бой! (*Уходятъ. Трубы*).

СЦЕНА II.

Руссильонъ. Комната въ замкѣ графини.

Входятъ ГРАФИНЯ *и* ШУТЪ.

ГРАФИНЯ. Все такъ и случилось, какъ я желала; жаль только, что онъ не пріѣхалъ съ ней.

ШУТЪ. Сказать правду, я нахожу, что

ФЛОРЕНТИНСКІЙ ДВОРЕЦЪ ЭПОХИ РЕНЕСАНСА.

(*Palazzo Pitti*).

мой молодой господинъ большой меланхоликъ.

Графиня. Почему же ты такъ думаешь?

Шутъ. Потому, что когда онъ смотритъ на свои сапоги, то поетъ, поправляетъ манишку—поетъ, спрашиваетъ о чемъ нибудь—поетъ, ковыряетъ въ зубахъ—поетъ. Я зналъ одного человѣка съ такими же меланхолическими наклонностями: такъ тотъ продалъ хорошую мызу за пѣсню.

Графиня (*раскрывая письмо*). Посмотримъ, что онъ пишетъ и когда думаетъ возвратиться.

Шутъ. Не нравится мнѣ Изабелла съ тѣхъ поръ, какъ я побывалъ при дворѣ. Наша старая треска и наши деревенскія Изабеллы ничто въ сравненіи съ придворною старой треской и придворными Изабеллами. Моему Купидону расшибли голову, и я начинаю любить, какъ старикъ любитъ деньги—безъ аппетита.

Графиня. Что я вижу?

Шутъ. Именно то, что видите. (*Уходитъ*).

Графиня (*читаетъ*). „Посылаю вамъ невѣстку; она вылѣчила короля и убила меня. Я женился на ней, но не ввелъ ее въ свою спальню и поклялся, что никогда не сдѣлаю этого. Вы услышите, что я бѣжалъ; узнайте же объ этомъ прежде, чѣмъ другіе вамъ разскажутъ. Если міръ достаточно широкъ, я всегда буду на большомъ разстояніи отъ нея. Съ должнымъ почтеніемъ остаюсь вашъ несчастный сынъ Бертрамъ“.
Не хорошо, мальчишка непокорный
И вѣтренный—не хорошо бѣжать
Отъ милостей столь добраго монарха
И навлекать на голову свою
Гнѣвъ короля пренебреженьемъ къ дѣвѣ,
Которою, за чистоту ея,
Не пренебрегъ бы даже императоръ!

(*Шутъ возвращается*).

Шутъ. Ахъ, графиня, тамъ два солдата привезли грустныя вѣсти моей молодой госпожѣ.

Графиня. Въ чемъ же дѣло?

Шутъ. Но есть и утѣшительное въ этихъ новостяхъ, есть и утѣшительное: вашего сына не убьютъ такъ скоро, какъ я предполагалъ.

Графиня. Да отчего же ему надо быть убитымъ?

Шутъ. Это и я говорю, графиня, если правда, что онъ бѣжалъ. Вотъ вмѣстѣ оставаться опасно, потому что это сожительство—гибель для мужей, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и начало жизни дѣтей. Вотъ они сами; отъ нихъ вы услышите больше. А я только и слышалъ, что вашъ сынъ бѣжалъ. (*Уходитъ*).

Входятъ Елена *и два* дворянина.

1-й дворянинъ. Богъ вамъ въ помощь, добрая графиня.

Елена. Графиня, мой супругъ уѣхалъ—уѣхалъ навсегда.

2-й дворянинъ. Не говорите этого.

Графиня.

Вооружись терпѣньемъ. Господа,
Я столько ужъ ударовъ испытала—
И радости, и горя—что меня
Внезапностью они не поражаютъ,
Хоть я и женщина. Итакъ, прошу—
Скажите мнѣ: гдѣ сынъ мой?

2-й дворянинъ.

Онъ, графиня,
Отправился на службу ко двору
Флоренціи. Мы только-что оттуда
И встрѣтили его въ пути. Отдавъ
Здѣсь при дворѣ депеши, возвратимся
Опять туда.

Елена.

Графиня, вотъ что онъ
Мнѣ написалъ: вотъ паспортъ мой отъ мужа.
(*Читаетъ*).

„Когда ты добудешь кольцо съ моего пальца, которое я никогда не сниму, и когда покажешь мнѣ дитя, рожденное тобою и отъ меня—тогда назовешь меня своимъ мужемъ; но подъ этимъ *тогда* я понимаю *никогда*".—Страшный приговоръ!

Графиня.

Мессеры, вы доставили ей это
Посланье?

1-й дворянинъ.

Да, графиня, и, узнавъ,
Что пишетъ графъ, жалѣемъ, что трудились.

Графиня.

Прошу тебя, дитя, не унывай.
Присвоивши всѣ эти огорченья,
Ты у меня, вѣдь, половину ихъ
Похитила. Онъ былъ мой сынъ, но имя
Его навѣкъ изглаживаю я
Изъ сердца моего, и—знай—отнынѣ
Мое дитя единственное—ты.
Такъ онъ на службу къ герцогу въ Тоскану
Отправился?

2-й дворянинъ.

Такъ точно.

Графиня.

И солдатомъ
Тамъ хочетъ быть?

2-й дворянинъ.

Да; благородный планъ
Его таковъ; но, безъ сомнѣнья, герцогъ
Воздастъ ему всѣ почести, какихъ
Достоинъ онъ.

Графиня.

Намѣрены вы ѣхать
Опять туда?

1-й дворянинъ.

На крыльяхъ полетимъ.

Елена (*читаетъ*). „Пока у меня будетъ жена, я ничего не буду имѣть во Франціи". Это горько!

Графиня.

И это все онъ пишетъ?

Елена.

Да, графиня.

1-й дворянинъ. Можетъ быть, это только дерзкій поступокъ его руки, на который сердце не давало согласія.

Графиня.

„Нѣтъ ничего во Франціи, пока
Тамъ есть жена!" Да, ничего такого
Здѣсь нѣтъ, чего бы не былъ онъ достоинъ,
За исключеньемъ лишь его жены.
Клянусь, она заслуживаетъ мужа,
Которому служило бъ сто такихъ
Безпутнѣйшихъ мальчишекъ, называя
Ее всегда своею госпожей.
Кто ѣхалъ съ нимъ?

1-й дворянинъ.

Всего одинъ служитель
Да дворянинъ, котораго знавалъ
Когда-то я.

Графиня.

Пароль, навѣрно?

1-й дворянинъ.

Онъ.

Графиня.

Негодный лжецъ! Я знаю, сынъ мой губитъ

ФРАНЦУЗСКІЯ ОДЕЖДЫ КОНЦА XV и НАЧАЛА XVI В.
(По ковру въ музеѣ Сіюни въ Парижѣ).

Достоинства природныя свои
Совѣтами его.

1-й дворянинъ.
Да, это правда.
У этого Пароля слишкомъ много
Такого есть, чего ему имѣть
Не нужно бы.

Графиня.
Я рада вамъ, мессеры.
Когда опять вы сына моего
Увидите, пожалуйста, скажите,
Что никогда не возвратитъ мечемъ
Онъ чести той, которую утратилъ.
И, сверхъ того, я буду васъ просить
Свезти ему письмо.

2-й дворянинъ.
Графиня, рады
Мы вамъ служить и въ этомъ, и во всѣхъ
Другихъ дѣлахъ важнѣйшихъ.

Графиня.
Нѣтъ, служенья
Я не хочу: мы сдѣлаемъ обмѣнъ
Любезности. Пожалуйте за мною.

(Уходитъ съ двумя дворянами).

Елена.
„Нѣтъ ничего во Франціи, пока
Тамъ есть жена". Пока жену имѣетъ,
Во Франціи все для него—ничто.
Ее имѣть ты, Руссильонъ, не будешь
Во Франціи и, значитъ, у тебя
Все будетъ вновь. Несчастный графъ, ужели
Я выгнала изъ родины тебя
И нѣжные твои подвергла члены
Случайностямъ безжалостной войны?
Ужели я тебѣ велѣла кинуть
Веселый дворъ, гдѣ ты сносилъ стрѣльбу
Прекрасныхъ глазъ, чтобъ сдѣлаться мишенью
Дымящихся мушкетовъ? О, молю
Васъ, вѣстники свинцовые, на крыльяхъ
Убійственныхъ летящіе въ огнѣ—
Не трогайте его! Пронзайте воздухъ,
Что съ пѣсенкой встрѣчаетъ вашъ ударъ,
Но моего владыки не касайтесь!

Кто выстрѣлитъ въ него—того рукой
Я правила; кто налетитъ съ ударомъ
На грудь его геройскую—того
Я, гнусная, на это подстрекнула!
Не отъ моей руки онъ упадетъ,
Но буду я причиной этой смерти.
О, лучше бы сойтись мнѣ съ хищнымъ львомъ,
Когда реветъ онъ, голодомъ томимый!
О, лучше бы упали на меня
Всѣ бѣдствія, какія есть въ природѣ!
Нѣтъ, Руссильонъ, вернись домой изъ мѣстъ,
Гдѣ мужество находитъ только раны
Въ опасности и очень часто въ ней
Теряетъ все: я удалюсь. Не хочешь
Вернуться ты лишь потому, что здѣсь
Меня найдешь: ужели захочу я
Мѣшать тебѣ? Нѣтъ, нѣтъ, хотя бы здѣсь,
Въ твоемъ дому, и вѣялъ воздухъ рая,
А ангелы служили мнѣ—уйду
Я для того, чтобъ полная участья
Молва о томъ утѣшила твой слухъ.
Кончайся, день! ночь, наступи скорѣй!
Какъ робкій воръ, я скроюсь въ мглѣ твоей!
(*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Флоренція. Передъ дворцомъ герцога.

Трубы. Входятъ герцогъ, Бертрамъ, Пароль, солдаты *и* музыканты.

Герцогъ.

Начальникомъ надъ конницей тебя
Мы дѣлаемъ и, сильные надеждой,
Съ довѣріемъ и дружбою себя
Твоей звѣздѣ счастливой поручаемъ.

Бертрамъ.

Для бремени такого, герцогъ мой,
Я слишкомъ слабъ; но приложу всѣ силы,
Чтобъ, изъ любви и преданности къ вамъ,
Его нести до крайняго предѣла
Случайности.

Герцогъ.

Такъ отправляйся жъ въ путь!
Пусть счастіе, какъ добрая подруга,
Ласкаетъ твой побѣдоносный шлемъ.

Бертрамъ.

Великій Марсъ, сегодня я вступаю
Въ твои ряды! Содѣлай лишь меня
Такимъ, каковъ я въ мысляхъ—и на дѣлѣ
Я докажу тогда, что у меня въ крови
Любовь къ твоей трубѣ и ненависть къ любви!
(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Руссильонъ. Замокъ графини.

Входятъ графиня *и* управитель.

Графиня.

Ахъ, Боже мой, и для чего ты взялъ
У ней письмо? Ты могъ, вѣдь, быть увѣренъ,
Что, отославъ его ко мнѣ, она
Такъ сдѣлаетъ, какъ сдѣлала. Прочти-ка.

Управитель (*читаетъ*).

„Иду я въ странствіе къ Іакову святому.
Честолюбивою любовью я грѣшна,
И, чтобъ прощеніе принесть грѣху такому,
По ледяной землѣ, босая и одна,
Ушла святой обѣтъ свершить. О, напишите,
Чтобъ вашъ любезный сынъ, властитель милый мой,
Бѣжалъ кровавыхъ сценъ войны. Благословите
Жизнь мирную его подъ кровлею родной,
Межъ тѣмъ какъ вдалекѣ, полна благоговѣнья,
О немъ съ горячностью молиться буду я.
Просите, чтобы онъ простилъ мнѣ огорченья,
Мной причиненныя. Вѣдь, въ чуждые края,
Гдѣ ходятъ по пятамъ воителей отборныхъ
Опасности и смерть, я—сдѣлавшись его
Юноной пагубной—отъ всѣхъ друзей придворныхъ
Заставила бѣжать владыку моего.
Для смерти и меня онъ слишкомъ благороденъ—
И къ смерти я иду, чтобъ онъ лишь былъ свободенъ".

Графиня.

Ахъ, сколько острыхъ иглъ и въ самыхъ кроткихъ
Ея словахъ! Ринальдо, никогда
Не дѣйствовалъ ты такъ неосторожно,
Какъ поступилъ, дозволивъ ей уйти.
Поговори я съ ней—ея рѣшенье
Я измѣнить успѣла бъ: но меня
Она предупредила.

Управитель.

Да, простите,
Графиня, мнѣ. Когда бы вамъ письмо
Я ночью далъ, мы, можетъ быть, успѣли-бъ
Ее догнать, хотя въ письмѣ она
И говоритъ, что были бъ безполезны
Всѣ поиски.

Графиня.

Какой же ангелъ дастъ
Теперь ему, нестоющему мужу,

Свое благословенье? Никогда
Не обрѣтетъ онъ счастья, если только
Молитвы той, которой небеса
Съ любовію и милостью внимаютъ,
Не отвратятъ гнѣвъ высшаго судьи.
Пиши, пиши скорѣй, Ринальдо, къ мужу,
Своей жены не стоющему. Пусть
Твои слова всѣ будутъ полны качествъ
Ея души, которымъ онъ придалъ
Ничтожный вѣсъ; изобрази порѣзче
Мою печаль великую, хоть онъ
Не очень къ ней чувствителенъ. Съ посланьемъ
Отправь къ нему вѣрнѣйшаго гонца.
Быть можетъ, онъ, узнавъ, что удалилась
Она отъ насъ,—вернется; также я
Надѣюсь, что, узнавъ о возвращеньи
Его домой, Елена ускоритъ
И свой возвратъ, влекомая любовью
Чистѣйшею. Ахъ, кто изъ нихъ двоихъ
Дороже мнѣ—я и сама не въ силахъ
Сообразить. Сыщи скорѣй гонца.
Душа моя болитъ, года одолѣваютъ;
Грусть хочетъ слезъ, заботы словъ желаютъ.
(*Уходитъ*).

СЦЕНА V.

Передъ стѣнами Флоренціи.

Вдали военная музыка. Входятъ старая ВДОВА, ДІАНА, ВІОЛЕНТА, МАРІАНА *и другіе* ГРАЖДАНЕ.

ВДОВА. Идите же: вѣдь, если они подойдутъ къ городу—мы ничего не увидимъ.

ДІАНА. Говорятъ, что французскій графъ оказалъ Флоренціи большія услуги.

ВДОВА. Я слышала, что онъ взялъ въ плѣнъ главнаго начальника непріятелей и собственной рукой убилъ брата герцога. (*Вдали музыка*). Наши труды пропали даромъ—они пошли другой дорогой. Слышите: объ этомъ можно догадаться по звуку ихъ трубъ.

МАРІАНА. Ну, такъ вернемся и будемъ довольствоваться разсказами. А вы, Діана, берегитесь этого французскаго графа. Вѣдь, вся слава дѣвушки въ ея чести—и эта честь дороже всякаго наслѣдства.

ВДОВА. Я разсказала моей сосѣдкѣ, какъ васъ преслѣдовалъ одинъ изъ товарищей графа.

МАРІАНА. Я знаю этого негодяя, чтобъ ему повѣситься! Это Пароль, гнусный человѣкъ, который служитъ молодому графу въ подобныхъ дѣлахъ. Берегитесь этихъ людей, Діана; ихъ обѣщанія, обольщенія, клятвы, подарки и всѣ эти орудія соблазна—совсѣмъ не то, за что они выдаются. Не одна дѣвушка была обольщена ими; но, къ несчастію, такіе ужасные примѣры гибели дѣвственности не образумливаютъ невинности—и другія дѣвушки, все таки, попадаются въ ту же самую западню. Надѣюсь, что мнѣ незачѣмъ еще больше предостерегать васъ, потому что, по моему соображенію, ваша собственная добродѣтель сохранитъ васъ въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ вы теперь находитесь, хотя бы вамъ и угрожала только одна опасность—потеря добраго имени.

ДІАНА. Не бойтесь за меня.

ВДОВА. Я и сама такъ думаю.

Входитъ ЕЛЕНА *въ одеждѣ пилигримки.*

ВДОВА. Смотрите, сюда идетъ пилигримка. Я знаю, что она захочетъ остановиться въ моемъ домѣ, потому что эти странницы посылаютъ ко мнѣ одна другую. Я заговорю съ ней. Богъ въ помощь, пилигримка! Куда вы идете?

ЕЛЕНА.
Къ Іакову святому. Гдѣ живутъ,
Пожалуйста, скажите, пилигримы?

ВДОВА.
Здѣсь у воротъ, вотъ, гдѣ святой Францискъ.

ЕЛЕНА.
По той ли я иду дорогѣ?

ВДОВА.
Прямо
По ней. (*Вдали музыка*).
Но, чу! они идутъ сюда.
Угодно вамъ, святая пилигримка,
Пообождать, пока пройдутъ войска?
Тогда сама сведу васъ въ домъ, гдѣ будетъ
Квартира вамъ, тѣмъ болѣе, что я,
Какъ кажется, хозяйку вашу знаю,
Какъ самое себя.

ЕЛЕНА.
Такъ это вы?

ВДОВА.
Да, если вамъ угодно, пилигримка.

ЕЛЕНА.
Благодарю и буду ждать, пока
Вы скажете.

ВДОВА.
Изъ Франціи, какъ видно,
Идете вы?

Елена.
Такъ точно.

Вдова.
Здѣсь съ однимъ
Изъ земляковъ вы встрѣтитесь, который
Большія намъ услуги оказалъ.

Елена.
А какъ его зовутъ?

Діана.
Графъ Руссильонскій,
Знакомъ онъ вамъ?

Елена.
По слухамъ. Онъ у всѣхъ
Въ большой чести; въ лицо жъ его не знаю.

Діана.
Каковъ бы ни былъ онъ, но здѣсь его
Всѣ доблестнымъ считаютъ. Онъ—какъ слышно—
Изъ Франціи уѣхалъ оттого,
Что государь женилъ его насильно.
Не знаете-ли, правда это?

Елена.
Да,
Все это такъ, дѣйствительно. Я знаю
Его жену.

Діана.
Здѣсь офицеръ одинъ
При графѣ есть; о ней онъ очень дурно
Всѣмъ говоритъ.

Елена.
А какъ его зовутъ?

Діана.
Monsieur Пароль.

Елена.
О, да, я съ нимъ согласна:
Заслугами и свойствами она
Такъ далека отъ доблестнаго графа,
Что вмѣстѣ съ нимъ ее и называть
Не слѣдуетъ. Она однимъ владѣетъ
Достоинствомъ—смиренной чистотой,
Которую еще никто сомнѣнью
Не подвергалъ, насколько знаю я.

Діана.
Ахъ, бѣдная! Тяжелая неволя—
Быть замужемъ, коль ненавидитъ мужъ.

Вдова.
Конечно, такъ; я думаю, бѣдняжка,
Гдѣ бъ ни была, а на сердцѣ у ней
Большая грусть. Когда-бъ хотѣла эта
Красавица, она бы ей могла
Понасолить.

Елена.
Что вы сказать хотите?
Ужели графъ, влюбившися въ нее,
Къ поступку незаконному желаетъ
Ее склонить?

Вдова.
Да, это правда: онъ
Пускаетъ въ ходъ все то, чѣмъ только можно
Въ такихъ дѣлахъ честь дѣвичью убить;
Ну, да она вооружилась крѣпко,
И самая честнѣйшая борьба—
Охрана ей.

Маріана.
И отъ иной развязки
Спаси ее Господь!

Вдова.
Вотъ они
Идутъ сюда.

Входитъ Бертрамъ, Пароль *и войско, со знаменами и барабаннымъ боемъ.*

Вдова.
Вотъ герцога наслѣдникъ,
Антоніо; за нимъ Эскалъ.

Елена.
Но гдѣ жъ
Французскій графъ?

Діана.
А вонъ, съ перомъ на шляпѣ!
Какъ онъ хорошъ! Желала бъ я, чтобъ онъ
Любилъ жену; будь онъ честнѣй, онъ былъ бы
Еще милѣй. Не правда ли, что онъ
Весьма красивъ?

Елена.
Да, нравится мнѣ очень
Его лицо.

Діана.
Жаль, что не честенъ онъ.
Вотъ негодяй, который подбиваетъ
Его на все дурное. Будь женой
Я графа, дала бы, право, яду
Я этому мерзавцу.

Елена.
Гдѣ же онъ?

Діана. Да вотъ этотъ франтъ въ шутовскихъ перевязяхъ. Отчего онъ такъ задумчивъ?

ЕЛЕНА ВЪ КОСТЮМѢ ПИЛИГРИМКИ.
Рисунокъ англійскаго художника Райта (John William Wright, 1802—1848).

Елена. Можетъ быть, онъ раненъ въ сраженіи.

Пароль. Потерять барабанъ! О!

Маріана. Онъ чѣмъ-то очень разстроенъ. Смотрите, онъ замѣтилъ насъ.

Вдова. Чтобъ ему повѣситься!

Маріана. Чортъ бы побралъ его любезности и передаваніе колецъ!

(*Бертрамъ, Пароль и войско уходятъ*).

Вдова.

Войска прошли. Пойдемъ же, пилигримка:
Я васъ сведу въ то мѣсто, гдѣ стоять
Вы будете. Тамъ у меня найдете
Вы странниковъ. Четыре или пять
Ихъ собралось—идутъ на поклоненье
Къ Іакову святому.

Елена.

От̀ъ души
Благодарю. Когда бъ моя хозяйка
И милая дѣвица эта мнѣ
Поужинать со мной не отказали,
Я бы взяла издержки на себя
И, сверхъ того, чтобъ доказать яснѣе
Признательность мою, дала бы вамъ,
Красавица, полезные совѣты.

Вдова *и* Діана.

Принять вашъ зовъ весьма пріятно намъ.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА VI.

Лагерь передъ Флоренціей.

Входятъ Бертрамъ *и два французскіе* дворянина.

2-й дворянинъ Право, любезный графъ, испытайте его; пусть онъ поступитъ, какъ хочетъ.

1-й дворянинъ. И если вы не убѣдитесь, что онъ подлецъ—перестаньте уважать меня.

2-й дворянинъ. Клянусь вамъ честью, графъ, онъ мыльный пузырь.

Бертрамъ. Значитъ, вы думаете, что я такъ сильно ошибся въ немъ?

2-й дворянинъ. Вѣрьте мнѣ, я говорю потому, что самъ хорошо знаю это, говорю безъ всякой злобы, какъ бы отзывался о своемъ родственникѣ: онъ отъявленный трусъ, безконечный и безпредѣльный лгунъ, ежечасно нарушающій свое слово, не имѣющій ни одного достоинства, которое давало бы ему право на вашу благосклонность.

1-й дворянинъ. Вамъ бы слѣдовало узнать его; иначе, слишкомъ полагаясь на его доблести, которыхъ у него нѣтъ, вы когда-нибудь увидите, что онъ измѣнитъ вамъ въ какомъ-нибудь важномъ и секретномъ дѣлѣ, въ самомъ разгарѣ опасности.

Бертрамъ. Мнѣ хотѣлось бы найти какое-нибудь хорошее средство, чтобъ испытать его.

1-й дворянинъ. Лучше всего—предоставьте ему возвратить его барабанъ; вы слышали, какъ самоувѣренно онъ брался сдѣлать это.

2-й дворянинъ. А я, съ отрядомъ флорентинцевъ, внезапно нападу на него; для этого я найду людей, которыхъ, я увѣренъ, онъ не отличитъ отъ непріятеля. Мы его свяжемъ и завяжемъ ему глаза—и онъ непремѣнно вообразитъ, что его притащили въ непріятельскій лагерь, между тѣмъ какъ мы приведемъ его на наши же биваки. Только вы, графъ, должны присутствовать при его допросѣ, и если, за обѣщаніе пощады и подъ вліяніемъ гнуснаго страха, онъ не вызовется измѣнить вамъ, не скажетъ все, что онъ можетъ объявить во вредъ вамъ, и не поклянется спасеніемъ своей души въ правдивости своихъ словъ—вы можете, графъ, впередъ ни въ чемъ не вѣрить мнѣ.

1-й дворянинъ. Хоть ради смѣха, графъ, позвольте ему отправиться за барабаномъ. Онъ говоритъ, что придумалъ для этого особенную хитрость. А если и затѣмъ, графъ, увидавъ, какъ успѣшно онъ кончитъ это дѣло и въ какой металлъ превратится этотъ слитокъ фальшивой руды, вы не угостите его, какъ Джона Друма—значитъ, вашего расположенія къ нему нельзя поколебать ничѣмъ. Но вотъ и онъ.

Входитъ Пароль.

2-й дворянинъ (*тихо Бертраму*). Пожалуйста, графъ, ради смѣха не удерживайте его отъ его доблестнаго предпріятія. Пусть онъ непремѣнно отправится за своимъ барабаномъ.

Бертрамъ. Ну, что, monsieur? Этотъ барабанъ рѣшительно не даетъ тебѣ покоя.

1-й дворянинъ. Э, чортъ съ нимъ! Вѣдь, это только барабанъ—и ничего больше.

Пароль. Только барабанъ! Нѣтъ, не только барабанъ: тутъ барабанъ, потерянный такимъ образомъ... Нечего сказать, славное распоряженье: пустить конницу на свое же собственное крыло и смять своихъ же солдатъ.

1-й дворянинъ. Въ этомъ надо винить не распоряженіе: это одно изъ тѣхъ несчастій войны, которыхъ самъ Цезарь не могъ бы предотвратить, если бы онъ предводительствовалъ нами.

Бертрамъ. Однако мы не можемъ пожаловаться на большую неудачу. Правда, потеря барабана немного обезчестила насъ, но что жъ дѣлать—воротить его невозможно.

Пароль. Было бы возможно.

Бертрамъ. Было бы возможно прежде, но невозможно теперь.

Пароль. Возможно и теперь. Если бы слава подвига не такъ рѣдко приписывалась именно тому, кто совершилъ его, я возвратилъ бы или этотъ барабанъ, или другой, или hic jacet!

Бертрамъ. Но если ты имѣешь желаніе сдѣлать это, если ты полагаешь, что какая-нибудь изъ твоихъ стратегическихъ тонкостей поможетъ тебѣ возвратить этотъ почетный инструментъ чести подъ его родимый кровъ, то рѣшись великодушно на это предпріятіе и отправляйся въ путь. Я вознагражу твою попытку, какъ славный подвигъ. Если ты съ успѣхомъ совершишь ее, герцогъ будетъ говорить о ней и заплатитъ за нее со-

образну своему сану и до послѣдней іоты ея стоимости.

Пароль. Клянусь солдатскою рукою, я возьмусь за это дѣло.

Бертрамъ. Но ты не долженъ откладывать его въ долгій ящикъ.

Пароль. Я займусь имъ сегодня вечеромъ. Сейчасъ же напишу свои соображенія, укрѣплюсь въ несомнѣнности моихъ предположеній, сдѣлаю всѣ смертоносныя приготовленія, а въ полночь вы навѣрно услышите обо мнѣ.

Бертрамъ. А могу я увѣдомить герцога о твоемъ предпріятіи?

Пароль. Я не знаю, каковъ будетъ успѣхъ, но что я попытаюсь, въ этомъ клянусь.

Бертрамъ. Я знаю, что ты храбръ, и готовъ поручиться за твою воинственность. Прощай.

Пароль. Я не люблю тратить словъ.

(*Уходитъ*).

2-й дворянинъ. Да, точно такъ же, какъ рыба не любитъ воды. Что, графъ, не странный ли это человѣкъ, берущійся повидимому съ такою увѣренностью за дѣло, въ неисполнимости котораго онъ убѣжденъ— клянущійся, что сдѣлаетъ, и готовый лучше быть проклятымъ, чѣмъ сдѣлать?

1-й дворянинъ. Вы, графъ, не знаете его такъ, какъ мы. Несомнѣнно, что онъ можетъ втереться въ расположеніе кого бы то ни было и въ теченіе недѣли его трудно будетъ уличить; но, узнавъ его разъ, будешь знать всегда.

Бертрамъ. Такъ вы полагаете, что онъ ничего не сдѣлаетъ изъ того, что такъ серьезно обязался исполнить?

2-й дворянинъ. Рѣшительно ничего; но онъ вернется съ новой выдумкой и пуститъ въ васъ двѣ или три правдоподобныя небылицы. Впрочемъ, мы уже почти затравили его, и сегодня ночью онъ повалится. Право, онъ рѣшительно не стоитъ вашего уваженія.

1-й дворянинъ. Мы еще позабавимъ васъ этою лисицей, прежде чѣмъ сдеремъ съ нея шкуру. Старикъ Лафэ первый раскусилъ его; когда съ него снимутъ маску, вы разскажете мнѣ, что это за птица; а узнаете вы это не позже, какъ сегодня ночью.

2-й дворянинъ. Я долженъ пойти поставить мою западню; онъ попадетъ въ нее.

Бертрамъ. А вашъ братъ отправится со мною.

2-й дворянинъ. Какъ вамъ будетъ угодно. Прощайте. (*Уходитъ*).

Бертрамъ.

Теперь я васъ сведу въ тотъ домъ и тамъ
Вамъ покажу красотку, о которой
Я говорилъ.

1-й дворянинъ.

Но какъ изъ вашихъ словъ
Я заключилъ—она строжайшихъ правилъ.

Бертрамъ.

Вотъ въ этомъ-то и весь ея порокъ.
Я только разъ съ ней говорилъ и крайне
Холодною нашелъ ее. Съ шутомъ,
Котораго мы гнать хотимъ на травлю,
Я письма къ ней, подарки посылалъ,
Но ихъ она вернула мнѣ обратно.
Вотъ все, чего добился я. Она—
Прелестное созданіе. Хотите
Пойти взглянуть?

1-й дворянинъ.

Весьма охотно, графъ.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА VII.

Флоренція. Комната въ домѣ вдовы.

Входятъ Елена *и* вдова.

Елена.

Не знаю, чѣмъ еще увѣрить васъ,
Что я—жена его; осталось средство
Васъ убѣдить—но съ нимъ разрушу я
Основы всѣ обдуманнаго плана.

Вдова.

Хотя теперь и обѣднѣла я,
Но изъ семьи происхожу хорошей.
Подобныхъ дѣлъ не знаю я совсѣмъ
И не хочу себѣ запачкать имя
Безсовѣстнымъ поступкомъ.

Елена.

Да и я
Васъ этому подвергнуть не желаю.
Повѣрьте лишь, что графъ мой мужъ, что все,
Чѣмъ съ вами я секретно подѣлилась,
Отъ слова и до слова правда: вы
Увидите изъ этого, что, помощь
Мнѣ оказавъ, которой я прошу,
Дурного вы не сдѣлаете.

Вдова.

Надо
Повѣрить вамъ ужъ потому, что вы,
Мнѣ предложивъ такъ много, доказали
Огромное богатство.

Елена.

Вотъ пока
Вамъ кошелекъ съ червонцами; позвольте
Мнѣ этою цѣною помощь дружбы
У васъ купить; а убѣдившись въ ней,
Я заплачу еще гораздо больше.
Графъ въ вашу дочь влюбился, красотѣ
Ея грозитъ осадой сладострастной
И одолѣть ее рѣшился. Пусть
Она теперь какъ-будто согласится,
А мы ее научимъ, какъ потомъ
Вести себя. Сгорая пылкой страстью,
Тогда ни въ чемъ онъ не откажетъ ей.
Есть у него кольцо: въ семействѣ графа
Оно идетъ изъ рода въ родъ. Уже
Смѣнилось семь иль восемь поколѣній
Съ тѣхъ поръ, какъ въ домъ оно попало.
Графъ
Имъ дорожитъ чрезмѣрно; но въ безумной
Горячности, чтобъ цѣль свою купить,
Онъ и его отдастъ безъ сожалѣнья,
Хотя потомъ раскается.

Вдова.

Теперь
Я поняла вашъ планъ.

Елена.

Его законность
Вы видите. Хочу я одного
Чтобъ ваша дочь, предъ тѣмъ какъ притво-
риться
Согласною, спросила у него
Кольцо; потомъ пускай ему назначитъ
Свиданіе и, въ дѣвственномъ своемъ
Отсутствіи, мнѣ предоставитъ мѣсто
Ея занять. За это, сверхъ того,
Что мной уже обѣщано, прибавлю
Три тысячи червонцевъ для нея
Въ приданое.

Вдова.

Извольте. Научите
Вы дочь мою, какъ ей устроить такъ,
Чтобъ выборомъ и времени, и мѣста
Невинному обману пособить.
Ночь каждую онъ всякихъ музыкантовъ
Приводитъ къ намъ и распѣваетъ здѣсь
Въ честь красоты ея ничтожной пѣсни.
Напрасно мы отъ оконъ гнать его
Стараемся—упорствуетъ онъ: точно
Отъ этого зависитъ жизнь его.

Елена.

Такъ мы начнемъ свой планъ сегодня-жъ
ночью
Разыгрывать; осуществится онъ—
Коварный замыселъ цѣль честную добудетъ,
И честный замыселъ въ поступкѣ честномъ
будетъ,
Не согрѣшитъ ни та, ни эта сторона,
Но мысль грѣховная все жъ будетъ свершена.
Однако, намъ пора заняться дѣломъ!

(*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Окрестности флорентинскаго лагеря.

Входитъ первый дворянинъ *съ нѣсколькими* солдатами.

1-й дворянинъ. Онъ непремѣнно пройдетъ мимо этого плетня—другой дороги нѣтъ. Когда нападете на него, говорите на самомъ странномъ языкѣ, какой только придумаете. Хоть и вы сами не поймете своихъ словъ—это все равно: намъ надо только показать этому господину, что, за исключеніемъ одного изъ насъ, котораго мы выдадимъ за переводчика, никто не понимаетъ его языка.

1-й солдатъ. Капитанъ, позвольте мнѣ быть переводчикомъ.

1-й дворянинъ. А ты не знакомъ съ нимъ? онъ не знаетъ твоего голоса?

1-й солдатъ. Ручаюсь вамъ, что нѣтъ.

1-й дворянинъ. На какомъ же тарабарскомъ языкѣ ты будешь разговаривать съ нами?

1-й солдатъ. На томъ же самомъ, на которомъ и вы со мной.

1-й дворянинъ. Надо, чтобъ онъ принялъ насъ за шайку чужеземцевъ, служащихъ въ непріятельскомъ войскѣ. Онъ коекакъ болтаетъ на всѣхъ сосѣднихъ языкахъ; поэтому, каждый изъ насъ долженъ сочинять свои слова такъ, чтобы одинъ не по-

ЗАЛЪ ВО ДВОРЦѢ ФЛОРЕНТИНСКАГО ГЕРЦОГА (Palazzo Vecchio).

нималъ другого и только показывалъ видъ, что понимаетъ. Мы должны только помнить нашъ планъ. Будетъ ли нашъ разговоръ воронье карканье или безсмысленная болтовня—все равно А ты, переводчикъ, смотри, дѣйствуй, какъ можно политичнѣй. Но— тише! по мѣстамъ! Вотъ онъ идетъ, чтобы часа два проспать, а потомъ, вернувшись съ какою-нибудь сочиненной небылицей, клясться, что это правда. (*Солдаты прячутся*).

Входитъ Пароль

Пароль. Десять часовъ; черезъ три часа можно будетъ смѣло вернуться домой. Что жъ я отвѣчу, когда меня спросятъ—что я сдѣлалъ? Надо придумать что-нибудь очень правдоподобное. Они начинаютъ уже раскусывать меня, и въ послѣднее время немилости слишкомъ часто постукивали въ мою дверь. Я нахожу, что мой языкъ ужъ черезчуръ смѣлъ, тогда-какъ сердце постоянно боится Марса и его служителей и не отваживается поддержать разсказни языка

1-й дворянинъ (*въ сторону*). Вотъ первая правда, въ которой первый разъ въ жизни провинился твой языкъ.

Пароль. Какой дьяволъ подбилъ меня взяться за возвращеніе барабана, когда мнѣ было извѣстно, что это невозможно и что я совсѣмъ не имѣлъ этого намѣренія? Надо будетъ нанести себѣ нѣсколько ранъ и сказать, что я получилъ ихъ въ битвѣ. Но, вѣдь, легкія раны меня не выручатъ; они скажутъ: „какъ это вы отдѣлались такъ легко?“ а ранить себя сильно я не рѣшусь. Что жъ дѣлать? О, языкъ мой, если твоя болтовня вовлекаетъ меня въ такія опасности—я буду принужденъ вложить тебя въ ротъ торговки масломъ, а себѣ купить другой у Баязетова мула.

1-й дворянинъ (*въ сторону*). Это невѣроятно: онъ знаетъ, кто онъ, и остается такимъ же!

Пароль. Не убѣдятся ли они, если изрѣжу свое платье или сломаю мой испанскій мечъ? Вотъ было бы хорошо!

1-й дворянинъ (*въ сторону*). Нѣтъ, этого съ насъ недостаточно.

Пароль. Или если я сбрѣю бороду и скажу, что это была военная хитрость?

1-й дворянинъ (*въ сторону*). Тоже не годится.

Пароль. Или же если утоплю свое платье и объявлю, что меня ограбили?

1-й дворянинъ (*въ сторону*). Едва ли это поможетъ.

Пароль. Ужъ не поклясться ли, что я выпрыгнулъ изъ окна крѣпости?

1-й дворянинъ (*въ сторону*). Съ какой высоты?

Пароль. Съ высоты въ тридцать сажень.

1-й дворянинъ (*въ сторону*). Давай хоть три крупныя клятвы—едва ли кто-нибудь повѣритъ.

Пароль. Хоть бы мнѣ найти какой-нибудь непріятельскій барабанъ! Тогда бы я поклялся, что возвратилъ свой.

1-й дворянинъ (*въ сторону*). Ты сейчасъ услышишь его. (*За сценой барабанный бой и шумъ*).

Пароль. Что это? Непріятельскій барабанъ!

1-й дворянинъ (*бросаясь на него съ солдатами*). Трока мовозусъ, карго, карго, карго!

Солдаты. Карго, карго, карго, вилліанда паркорбо каръ! (*Солдаты схватываютъ его и завязываютъ глаза*).

Пароль. О, пощадите, пощадите! Не завязывайте мнѣ глазъ!

1-й солдатъ. Боскосъ тромульдо боскосъ!

Пароль.

Я знаю—вы изъ Мускоса полка
И оттого паду, что неизвѣстенъ
Мнѣ вашъ языкъ. Коль между вами есть
Какой-нибудь голландецъ, итальянецъ,
Иль датчанинъ, иль нѣмецъ, иль французъ—
Пусть онъ со мной заговоритъ: открою
Тогда ему я много кой-чего,
Чѣмъ погубить возможно флорентинцевъ.

1-й солдатъ. Боскосъ вувало—я понимаю тебя и могу говорить на твоемъ языкѣ. Керелибонто, подумай о спасеніи души твоей, потому что семьдесятъ кинжаловъ приставлены къ твоей груди.

Пароль. Ай!

1-й солдатъ. О, молись, молись, молись! Манка реванія дулке!

1-й дворянинъ. Оскорбідулкосъ воливорко!

1-й солдатъ.

Нашъ генералъ согласенъ жизнь твою
Помиловать пока и, не снимая
Повязки съ глазъ, велитъ тебя вести
Къ допросу; тамъ ты, можетъ быть, откроешь
Такое намъ, что можетъ и совсѣмъ
Спасти тебя.

Пароль.

О, пощадите только
Вы жизнь мою—и я разоблачу
Всѣ лагерныя тайны, наши планы,
Число солдатъ; открою вамъ такія
Дѣла, что вы придете въ изумленье.

1-й солдатъ.

И не наврешь?

Пароль.

Пусть буду проклятъ я,
Коли солгать рѣшусь!

1-й солдатъ.

Акордо линта!
Ну, маршъ! Тебѣ дозволено итти.
(*Уходитъ съ Паролемъ и нѣсколькими солдатами*).

1-й дворянинъ
(*одному изъ оставшихся солдатъ*).

Ступай сейчасъ—и графу Руссильону
И брату моему скажи, что дроздъ
У насъ въ рукахъ и что его мы будемъ
Держать въ сѣтяхъ, покамѣстъ не придетъ
Къ намъ вѣсть отъ нихъ.

2-й солдатъ.

Исполню приказанье.

1-й дворянинъ.

Увѣдомь ихъ, что намъ же выдать насъ
Рѣшился онъ.

2-й солдатъ.

Все передамъ.

2-й дворянинъ.

Что будетъ
Онъ до тѣхъ поръ въ потемкахъ, подъ ключомъ.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Флоренція. Домъ вдовы.

Входятъ Бертрамъ *и* Діана.

Бертрамъ.

Сказали мнѣ, что звать васъ Фонтибель.

Діана.

Нѣтъ, графъ, меня зовутъ Діаной.

Бертрамъ.

Имя
Вы носите богини, но достойны
И болѣе прекраснаго. Ужель,
Прелестное созданье, въ вашемъ тѣлѣ
Прекраснѣйшемъ нѣтъ мѣста для любви?
О, если вамъ не согрѣваетъ сердца
Живительное пламя юныхъ лѣтъ—
Статуя вы, не дѣвушка По смерти
Вы будете такою жъ, какъ теперь,
Затѣмъ что вы теперь и неподвижны,
И холодны; а надо бы вамъ быть
Такою же, какой была, мой ангелъ,
Въ часъ вашего зачатья ваша мать.

Діана.

Она была честна въ то время.

Бертрамъ.

Честной
И вы могли бъ остаться тоже.

Діана.

Нѣтъ:
Вѣдь, мать моя лишь долгъ свой исполняла,
Тотъ самый долгъ, которымъ, графъ, и вы
Своей женѣ обязаны.

Бертрамъ.

Ни слова
Объ этомъ. Я прошу васъ не итти
Противъ того, что я поклялся сдѣлать.
Съ ней связанъ я насильственно; тебя жъ
Я полюбилъ по сладкому насилью
Одной любви и вѣчно буду всѣмъ
Тебѣ служить.

Діана.

Да, вы обыкновенно
Намъ служите, пока мы служимъ вамъ;
Но только вы сорвете наши розы,
Какъ намъ шипы оставите; о нихъ
Мы колемся, а вы еще смѣетесь
Надъ нашею печальной наготой.

Бертрамъ.

Но сколько разъ я клялся...

Діана.

Признакъ правды—
Не много клятвъ, а лишь одинъ обѣтъ,
Обѣтъ простой, но вышедшій изъ сердца.
Вѣдь, только тѣмъ, что свято на землѣ
Клянемся, и Бога призываемъ
Въ свидѣтели. Но если бы я вамъ
Величіемъ Всевышняго поклялась,
Что нѣжно васъ люблю—скажите, графъ,
Ужели бы вы этимъ страстнымъ клятвамъ
Повѣрили, когда бъ коварно васъ
Любила я? Безсмысленна та клятва,
Которая дается лишь затѣмъ,
Чтобъ повредить тому, кому клянешься?
Вотъ почему всѣ ваши клятвы, графъ,
Одни слова, пустыя увѣщанья,
Безъ всякаго скрѣпленія. Таковъ
На это все мой взглядъ, по крайней мѣрѣ.

Бертрамъ.

Перемѣни, перемѣни его!
Не будь такой жестокою, святою!
Любовь свята; я никогда не зналъ
Тѣхъ хитростей, въ которыхъ обвиняешь
Ты всѣхъ мужчинъ. Не убѣгай меня,
Отдайся мнѣ—и страсть моя больная
Воскреснетъ вновь. Скажи, что ты моя—
И какъ теперь тебя я обожаю,
Такъ обожать и вѣчно обѣщаю.

Діана.

Я вижу, графъ, что въ этакихъ дѣлахъ
Мужчины насъ раскачивать умѣютъ
Надъ бездною. Прошу васъ это вотъ
Кольцо мнѣ дать.

Бертрамъ.

На время дамъ, мой ангелъ,
Но подарить его не вправѣ я.

Діана.

Отдать его вы не хотите?

Бертрамъ.

Это
Кольцо у насъ изъ рода въ родъ идетъ,
Служа всегда залогомъ чести дому.
Утратою его, повѣрь, себя
Покрылъ бы я позоромъ величайшимъ.

Діана.

И честь моя—такое же кольцо.
Сокровищемъ семейнымъ непорочность
Считаемъ мы; изъ рода въ родъ идетъ
Она у насъ; утратою его
И я себя позоромъ величайшимъ
Покрыла бы. Такъ ваша мудрость, графъ,
Призвала честь, чтобъ мнѣ она защитой
Могла служить отъ вашихъ нападеній
Безплоднѣйшихъ.

Бертрамъ.

Вотъ, вотъ мое кольцо!
Мой домъ и честь, и даже жизнь пусть будетъ
Все, все твоимъ, а я—твой вѣчный рабъ.

Діана.

Въ полночный часъ придите постучаться
Въ мое окно. Я такъ распоряжусь,

Чтобъ матушка не слышала. Теперь же
Вы истиной должны поклясться мнѣ,
Что, завладѣвъ моимъ дѣвичьимъ ложемъ,
Вы только часъ останетесь со мной
И будете безмолвны. Есть причины
Важнѣйшія на это у меня;
Вы послѣ ихъ узнаете, когда я
Вамъ возвращу кольцо; а ночью вамъ
На палецъ я свое кольцо надѣну,
Чтобъ въ будущемъ могло для насъ служить оно
Свидѣтелемъ того, что прежде свершено.
Пока прощайте. Вы во мнѣ жену добыли;
Хоть быть женой мою надежду сокрушили.

БЕРТРАМЪ.

Въ твоей любви обрѣлъ я рай земной!
(*Уходитъ*).

ДІАНА.

И дай вамъ Богъ жить долго, чтобы Небо,
Да и меня благодарить. А тѣмъ
Окончится, пожалуй... Слово въ слово
Мнѣ матушка сказала напередъ,
Что будетъ онъ мнѣ говорить, какъ-будто
Въ его душѣ она была. Отъ ней
Узнала я, что очень схожи клятвы
У всѣхъ мужчинъ. Онъ клялся, что, по смерти
Своей жены, онъ женится на мнѣ;
Поэтому я раздѣлю съ нимъ ложе,
Когда улягусь въ гробъ. О, если всѣхъ проводятъ,
Французы такъ, какъ онъ, то замужъ пусть выходятъ,
Кто хочетъ, а ужъ я умру, какъ и живу—
Дѣвицей, и грѣхомъ совсѣмъ не назову
Того, что обмануть рѣшилась я мужчину,
Который, чтобъ прельстить, надѣлъ и самъ личину.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Флорентинскій лагерь.

Входятъ два французскіе ДВОРЯНИНА *и нѣсколько* СОЛДАТЪ.

1-й ДВОРЯНИНЪ. Вы еще не отдали ему письма отъ матери?

2-й ДВОРЯНИНЪ. Отдалъ съ часъ назадъ. Въ этомъ письмѣ есть что-то, очень задѣвающее его, потому что, читая его, онъ сдѣлался какъ-будто другимъ человѣкомъ?

1-й ДВОРЯНИНЪ. Онъ навлекъ на себя справедливое негодованіе многихъ тѣмъ, что отвергнулъ такую добрую жену, такую милую женщину.

2-й ДВОРЯНИНЪ. Особенно сильно и навсегда разгнѣвался на него король, который только что настроилъ свою благосклонность такъ, чтобы она напѣвала ему счастіе. Я сообщу вамъ еще кое-что, но вы должны не разглашать эту новость.

1-й ДВОРЯНИНЪ. Когда вы скажете ее—она умретъ, и я буду ея могилой.

2-й ДВОРЯНИНЪ. Онъ обольстилъ здѣсь, во Флоренціи, молодую дѣвушку, извѣстную своимъ цѣломудріемъ—и сегодня ночью насытитъ свою страсть похищеніемъ ея чести. Онъ отдалъ ей свое родовое кольцо и очень счастливъ тѣмъ, что устроилъ эту безнравственную сдѣлку.

1-й ДВОРЯНИНЪ. Сохрани насъ, Господи, отъ грѣха! И во что мы превращаемся, когда отдаемся ему во власть?

2-й ДВОРЯНИНЪ. Превращаемся въ измѣнниковъ самимъ себѣ. И какъ случается со всѣми измѣнами, что онѣ сами обличаютъ себя, прежде чѣмъ достигаютъ своей отвратительной цѣли—такъ и онъ, этимъ поступкомъ вступающій въ заговоръ противъ собственнаго благородства, самъ выводитъ изъ береговъ взбаламученный имъ потокъ.

1-й ДВОРЯНИНЪ. Какъ преступно мы поступаемъ, когда сами становимся герольдами нашихъ противозаконныхъ замысловъ? Значитъ, сегодня ночью мы не увидимъ его?

2-й ДВОРЯНИНЪ. Если увидимъ, то только послѣ полуночи, потому что ожидающее его угощеніе назначено въ полночь.

1-й ДВОРЯНИНЪ. Этотъ часъ приближается. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы онъ присутствовалъ при разоблаченіи своего товарища и убѣдился, на сколько справедливо его сужденіе, на основаніи котораго онъ такъ странно переоцѣнилъ эту фальшивую монету.

2-й ДВОРЯНИНЪ. Мы не займемся этимъ дѣломъ до его прихода, потому что его присутствіе должно послужить бичомъ для этого франта.

1-й ДВОРЯНИНЪ. А покамѣстъ скажите, не слыхали ли вы чего-нибудь новаго о нашей войнѣ?

2-й ДВОРЯНИНЪ. Я слышалъ, что приступлено къ мирнымъ переговорамъ.

1-й ДВОРЯНИНЪ. А я даже могу увѣрить васъ, что миръ заключенъ.

2-й ДВОРЯНИНЪ. Что жъ теперь будетъ дѣлать графъ Руссильонъ? Отправится ли онъ странствовать дальше, или вернется во Францію?

1-й ДВОРЯНИНЪ. Изъ этого вопроса я заключаю, что вы не изъ числа его приближенныхъ.

ФЛОРЕНТИНСКІЙ ГЕРЦОГЪ XV ВѢКА И ЕГО СВИТА.

Фреска знаменитаго Беноццо Гоццоли (Benozzo Gozzoli, 1420—1468) во дворцѣ Медичи во Флоренціи; представляетъ выѣздъ герцога Козьмы I Медичи.

2-й дворянинъ. Боже меня упаси отъ этого—иначе мнѣ пришлось бы принимать дѣятельное участіе въ его продѣлкахъ.

1-й дворянинъ. Его жена, мѣсяца два тому назадъ, бѣжала изъ дому подъ предлогомъ желанья отправиться на богомолье къ святому Іакову. Этотъ святой обѣтъ она выполнила съ самымъ строгимъ благоговѣніемъ; но въ то время, когда она жила тамъ, нѣжность ея натуры сдѣлалась добычею ея горя; наконецъ, она испустила послѣднее дыханіе и теперь поетъ на небѣ.

2-й дворянинъ. Чѣмъ подтверждена достовѣрность этого извѣстія?

1-й дворянинъ. Самая важная часть его — ея собственными письмами, которыя свидѣтельствуютъ о справедливости этого разсказа до самой минуты ея смерти. А смерть ея, о которой она сама не могла засвидѣтельствовать письменно, подтверждена мѣстнымъ священникомъ.

2-й дворянинъ. Знаетъ ли обо всемъ этомъ графъ?

1-й дворянинъ. Знаетъ во всѣхъ подробностяхъ, отъ слова до слова — знаетъ всѣ мелочи, вполнѣ подтверждающія истину этого извѣстія.

2-й дворянинъ. Мнѣ очень прискорбно, что это можетъ радовать его.

1-й дворянинъ. Какое сильное утѣшеніе находимъ мы иногда въ своихъ потеряхъ!

2-й дворянинъ. И съ другой стороны, въ какихъ горькихъ слезахъ мы топимъ иногда свои пріобрѣтенья! Громкая слава, которую онъ добылъ здѣсь своею храбростью, будетъ встрѣчена на родинѣ такимъ же громкимъ позоромъ.

1-й дворянинъ. Ткань нашей жизни сдѣлана изъ смѣшанной пряжи—дурной и хорошей. Наши добродѣтели гордились бы собою, еслибъ ихъ не бичевали наши пороки, а пороки наши приходили бы въ отчаяніе, еслибъ ихъ не лелѣяли наши добродѣтели.

Входитъ слуга.

1-й дворянинъ. Ну, что? Гдѣ твой господинъ?

Слуга. Онъ встрѣтилъ герцога на улицѣ

и торжественно простился съ нимъ: его сіятельство уѣзжаетъ во Францію завтра утромъ. Герцогъ вызвался дать ему рекомендательныя письма къ королю.

2-й дворянинъ. Они ему крайне необходимы, даже если бы герцогъ хвалилъ въ нихъ его больше, чѣмъ это возможно.

1-й дворянинъ. Король такъ сердитъ, что эти похвалы ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть слишкомъ щедрыми. Вотъ и его сіятельство.

Входитъ Бертрамъ.

1-й дворянинъ. Ну, что графъ, полночь уже прошла?

Бертрамъ. Нынѣшнюю ночь я успѣшно окончилъ шестьнадцать дѣлъ, изъ которыхъ каждаго хватило бы другому на мѣсяцъ. Я откланялся герцогу, простился съ его приближенными, схоронилъ свою жену, сносилъ по ней трауръ, написалъ моей матери, что ѣду домой, приготовилъ все къ отъѣзду, и рядомъ съ этими главными дѣлами покончилъ нѣсколько другихъ, болѣе щекотливыхъ. Послѣднее изъ нихъ было самое важное, но оно еще не кончено.

2-й дворянинъ. Если оно затруднительно, а вы собираетесь утромъ ѣхать, то вамъ надо поторопиться.

Бертрамъ. Я говорю, что это дѣло не кончено, въ томъ соображеніи, что боюсь услышать о немъ впослѣдствіи. Что жъ, будемъ мы свидѣтелями разговора между этимъ шутомъ и солдатомъ? Ну, выводите этотъ фальшивый образецъ всевозможныхъ совершенствъ. Онъ надулъ меня, какъ двусмысленный предсказатель.

2-й дворянинъ. Ведите его сюда. (*Солдаты уходятъ*). Бѣдный храбрецъ просидѣлъ всю ночь въ колодкѣ.

Бертрамъ. Это ничего. Его пятки заслужили такое обращеніе: онѣ такъ долго и незаконно носили шпоры. А какъ онъ себя держитъ?

2-й дворянинъ. Я уже объяснилъ вашему сіятельству, что его колодка держитъ. Но, чтобы отвѣтить вамъ въ томъ смыслѣ, который вы придали вашему вопросу - скажу, что онъ ревётъ, какъ баба, пролившая свое молоко. Принявъ Моргана за монаха, онъ исповѣдался ему во всемъ, что сдѣлалъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ помнить себя, до злополучной минуты, когда его посадили въ колодку. И какъ вы полагаете, что заключалось въ этой исповѣди?

Бертрамъ. Полагаю. что ничего, касающагося меня.

2-й дворянинъ. Эта исповѣдь записана и будетъ прочитана въ его присутствіи. Если, какъ я думаю. въ ней упоминается и о васъ — вамъ надо будетъ терпѣливо выслушать.

Входитъ Пароль *подъ стражею, съ завязанными глазами.*

Бертрамъ. Чтобъ онъ издохъ! Экъ его укатали! Онъ ничего не можетъ сказать обо мнѣ. Тише, тише!

1-й дворянинъ. Игра въ жмурки начинается! Порто тартароза.

1-й солдатъ (*Паролю*). Это онъ велитъ принести орудія пытки. Что вы скажете безъ ихъ содѣйствія?

Пароль. Я безъ всякаго принужденья объявляю все, что знаю, а затѣмъ не найду сказать ничего, хоть бы вы меня изрубили, какъ начинку для пирога.

1-й солдатъ. Боско кимурко.

1-й дворянинъ. Боблибиндо кукур мурко.

1-й солдатъ. Вы очень снисходительны, генералъ. (*Паролю*). Нашъ генералъ приказываетъ. чтобъ вы отвѣчали мнѣ на все, о чемъ я буду спрашивать васъ по этой запискѣ.

Пароль. И я отвѣчу такъ же искренно, какъ желаю остаться въ живыхъ.

1-й солдатъ (*читаетъ*). „Во-первыхъ, спросить его, какъ велика кавалерія герцога“. Что вы отвѣтите на это?

Пароль. Пять или шесть тысячъ лошадей, но весьма слабыхъ и негодныхъ для службы. Отряды всѣ разсѣяны, а начальники ихъ — ничтожные людишки. Клянусь въ этомъ моимъ добрымъ именемъ и надеждою на спасеніе жизни.

1-й солдатъ. Такъ и записать вашъ отвѣтъ?

Пароль. Такъ и запишите. Я готовъ присягнуть въ этомъ, гдѣ и какъ вамъ угодно.

Бертрамъ. Ему и это все равно. Какой отпѣтый негодяй!

1-й дворянинъ. Вы ошибаетесь, графъ! это monsieur Пароль, тотъ самый храбрый воинъ—говоря его собственными словами—у котораго въ узлѣ шарфа вся теорія, а въ ножнахъ меча вся практика войны.

2-й дворянинъ. Теперь ужъ я никогда не буду вѣрить человѣку только ради того, что онъ держитъ въ блестящей чистотѣ свой мечъ, и не буду думать, что въ немъ соединены всѣ достоинства только потому, что онъ щегольски носитъ свое платье.

1-й солдатъ. Я записалъ.

Пароль. Я сказалъ: „пять или шесть тысячъ“. Не хочу лгать—напишите: „или около того“. Я хочу говорить одну правду.

1-й дворянинъ. Въ этомъ случаѣ онъ очень близокъ къ ней.

Бертрамъ. Но я не могу благодарить его за манеру высказыванья этой правды.

Пароль. Да, ничтожные людишки! Такъ, пожалуйста, и запишите

1-й солдатъ. Записалъ.

Пароль. Чувствительнѣйше благодарю васъ. Что правда, то правда—людишки самые ничтожные.

1-й солдатъ (*читаетъ*). „Спросить его, какъ велика герцогская пѣхота“. Что вы отвѣтите на это?

Пароль. Клянусь вамъ честью—хотя бы мнѣ оставалось только часъ прожить на свѣтѣ—я скажу правду. Позвольте сообразить. У Спуріо сто пятьдесятъ, у Себастіана столько же, у Корамбуса столько же, у Жака столько же, у Гильціана, Козьмы, Людовика и Граціо—по двѣсти пятьдесятъ у каждаго, у меня, Хитофера, Вомона, Бенціо по двѣсти пятьдесятъ. Такимъ образомъ, все войско, считая здоровыхъ и больныхъ, не превосходитъ, клянусь честью, и пятнадцати тысячъ человѣкъ. Да и изъ нихъ половина не посмѣетъ стряхнуть снѣга съ своихъ кафтановъ, изъ боязни не растрепать вмѣстѣ съ тѣмъ и самые кафтаны.

Бертрамъ. Что же съ нимъ теперь сдѣлаютъ?

1-й дворянинъ. Ничего; только поблагодарятъ. (*Солдату*). Спроси у него, что я за человѣкъ и на какомъ счету у герцога?

1-й солдатъ. И это у меня записано. (*Читаетъ*). „Спросить его, служитъ ли въ войскѣ капитанъ Дюмень, французъ? На какомъ счету онъ у герцога? на сколько онъ храбръ, честенъ, опытенъ въ военномъ дѣлѣ, и есть ли возможность за хорошія деньги подкупить его?“ Что вы скажете на это? что вы объ этомъ знаете?

Пароль. Умоляю васъ, позвольте мнѣ отвѣчать на каждый изъ этихъ вопросовъ отдѣльно. Задавайте ихъ по одиночкѣ.

1-й солдатъ. Знаете вы этого капитана Дюменя?

Пароль. Знаю. Въ Парижѣ онъ былъ подмастерьемъ у одного бѣднаго портного, откуда его выгнали палками за то, что сдѣлалъ ребенка нѣмой дурочкѣ шерифа, которая не могла сказать ему: „нѣтъ“.

Бертрамъ (*1-му дворянину, замахивающемуся на Пароля*). Пожалуйста, сдержите ваши руки, хотя я знаю, что его черепъ обреченъ первой черепицѣ, какая свалится съ крыши..

1-й солдатъ. Этотъ капитанъ находится теперь въ войскѣ флорентинскаго герцога?

Пароль. Сколько мнѣ извѣстно, онъ тамъ—и покрытъ вшами.

1-й дворянинъ (*Бертраму*). Не смотрите на меня такъ иронически: скоро мы услышимъ и о вашемъ сіятельствѣ.

1-й солдатъ. На какомъ счету онъ у герцога?

Пароль. Герцогъ знаетъ его только, какъ дурного офицера изъ моего отряда, и на-дняхъ писалъ мнѣ, чтобъ я исключилъ его изъ службы. Письмо, кажется, у меня въ карманѣ.

1-й солдатъ. Поищемъ.

Пароль. Навѣрное, впрочемъ, не знаю; или оно при мнѣ, или осталось въ моей палаткѣ въ одной связкѣ съ прочими письмами герцога.

1-й солдатъ. Вотъ какая-то бумага. Прочесть ее?

Пароль. Не знаю—то ли это письмо, или другое.

Бертрамъ. Нашъ переводчикъ дѣйствуетъ славно.

1-й дворянинъ. Превосходно.

1-й солдатъ (*читаетъ*). „Діана! Графъ дуракъ, набитый золотомъ...“

Пароль. Это письмо не отъ герцога. Это предостереженіе одной честной флорентинской дѣвушкѣ, Діанѣ, чтобы она береглась преслѣдованій нѣкоего графа Руссильона, вѣтренаго и глупаго мальчишки, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень развратнаго. Пожалуйста, положите это письмо снова ко мнѣ въ карманъ.

1-й солдатъ. Нѣтъ, съ вашего позволенія я прежде прочту его.

Пароль. Увѣряю васъ, что я писалъ это только изъ желанія добра этой дѣвушкѣ, потому что зналъ графа, какъ опаснаго и развратнаго юношу. Онъ для дѣвушекъ—китъ, пожирающій всякую мелкую рыбу, какая только ему попадется.

Бертрамъ. Проклятый, двуличный бездѣльникъ!

1-й солдатъ (*читаетъ*).

„Когда онъ клянется, ты денегъ проси у него и бери:
Долговъ онъ не платитъ, когда ужъ покончится дѣло.
Торгъ прибыленъ только съ задаткомъ—торгуйся жъ толково, смотри:

Онъ *послѣ* не платитъ—*впередъ* запасайся ты смѣло.
И эти совѣты, Діана, тебѣ посылаетъ солдатъ.
Смотри ты на взрослыхъ, бѣги поцѣлуевъ ребятъ;
Вѣдь, графа я знаю отлично: повѣрь, онъ глупецъ;
Впередъ не заплатитъ—такъ послѣ и дѣлу конецъ.
Весь твой, какъ и клялся тебѣ на ушко.
Пароль".

Бертрамъ. Надо прогнать его сквозь строй съ этими стихами на лбу.

2-й дворянинъ. Это, вѣдь, вашъ преданный другъ, отличный лингвистъ и опытнѣйшій воинъ.

Бертрамъ. До сихъ поръ я могъ переносить все, кромѣ кошки, а онъ теперь для меня—кошка.

1-й солдатъ. По взглядамъ нашего генерала я заключаю, что намъ нужно васъ повѣсить.

Пароль. Жизнь во чтобы ни стало сохраните мнѣ! Умоляю васъ! Не то, чтобы я боялся умереть, но у меня столько грѣховъ, что на покаяніе я употребилъ бы весь остатокъ моихъ дней. Позвольте мнѣ жить—въ тюрьмѣ ли, въ колодкѣ ли, въ другомъ ли какомъ-нибудь мѣстѣ—но только позвольте жить!

1-й солдатъ. Ну, мы еще посмотримъ, что для васъ можно будетъ сдѣлать, лишь бы откровенно говорили. Итакъ, вернемся снова къ капитану Дюменю. Вы отвѣчали на вопросы о его положеніи при герцогѣ и о его храбрости. Что же вы скажете насчетъ его честности?

Пароль. Онъ не откажется украсть яйцо изъ монастыря, а въ грабежахъ и обманахъ можетъ сравниться съ самимъ Нессомъ. Держать клятвы онъ считаетъ ненужнымъ, но въ нарушеніи ихъ онъ сильнѣе Геркулеса. Вретъ онъ съ такою легкостью, что слушая его, вы и истину примите за сумасшедшую. Пьянство—его главная добродѣтель, потому что онъ напивается, какъ свинья, и уже во снѣ не вредитъ никому, кромѣ своей простыни; всѣ это знаютъ и оттого кладутъ его на солому. Кромѣ этого, мнѣ почти нечего сказать о его честности, такъ какъ онъ имѣетъ все, чего честный человѣкъ не долженъ имѣть, а изъ того, что должно быть у честнаго человѣка, у него нѣтъ ничего.

1-й дворянинъ. Я начинаю его любить за этотъ отзывъ.

Бертрамъ. За это описаніе вашей честности? Я съ своей стороны желаю ему издохнуть. Для меня онъ все болѣе и болѣе кошка.

1-й солдатъ. Что вы скажете о его опытности въ военномъ дѣлѣ?

Пароль. Сказать вамъ правду, онъ игралъ на барабанѣ въ труппѣ англійскихъ актеровъ. Лгать на него я не хочу, а больше о его воинственности ничего не знаю, за исключеніемъ того, что въ Англіи онъ имѣлъ честь служить офицеромъ въ мѣстечкѣ, называемомъ Майль-Эндъ, гдѣ занимался удвоеніемъ рядовъ. Я желалъ бы воздать ему возможно-большую честь, но въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ не увѣренъ.

1-й дворянинъ. Онъ такъ далеко выступилъ за предѣлы гнусности, что самая эта оригинальность выкупаетъ его.

Бертрамъ. Чтобъ ему околѣть! Онъ все-таки кошка.

1-й солдатъ. Если онъ такъ бѣденъ достоинствами, то мнѣ нечего спрашивать—можно ли его деньгами подкупить на возмущеніе?

Пароль. За четверть червонца онъ продастъ спасеніе своей души, свое наслѣдственное право на него, лишитъ его своихъ потомковъ и отречется отъ него на вѣки вѣчные.

1-й солдатъ. А что вы скажете о его братѣ, другомъ капитанѣ Дюменѣ?

2-й дворянинъ. Для чего онъ спрашиваетъ обо мнѣ?

1-й солдатъ. Каковъ онъ?

Пароль. Ворона изъ того же самаго гнѣзда; не такъ великъ, какъ старшій братъ, въ хорошихъ качествахъ, но гораздо болѣе великъ въ дурныхъ. Онъ превосходитъ брата трусостью, хоть тотъ славится, какъ самый лучшій трусъ, какой только есть на свѣтѣ. Во время отступленія онъ бѣжитъ шибче всякаго лакея, а при нападеніи у него дѣлаются спазмы.

1-й солдатъ. Если васъ оставятъ въ живыхъ, согласитесь вы измѣнить герцогу флорентинскому?

Пароль. И ему, и начальнику его кавалеріи, графу Руссильону.

1-й солдатъ. Я поговорю съ генераломъ и узнаю его рѣшеніе.

Пароль (*въ сторону*). Не стану больше барабанить. Чортъ побери всѣ барабаны! Только изъ желанія показаться доблестнымъ и не возбудить подозрѣнія въ этомъ распутномъ мальчишкѣ — графѣ, я влѣзъ въ такую опасность. Но кто бы могъ предпо-

Картина извѣстнаго итальянскаго художника и историка искусства Джорджіо Вазари (Giorgio Vasari, 1512—1574), представляющая осаду Флоренціи въ 1529—30 г. (Находится въ Palazzo Vecchio, во Флоренціи).

ложить существованіе западни тамъ, гдѣ я попался?

1-й солдатъ. Нѣтъ, все напрасно—вы должны умереть. Генералъ говоритъ, что человѣкъ, такъ измѣннически раскрывшій тайны своей арміи и давшій такіе ядовитые отзывы о людяхъ, пользующихся общимъ уваженіемъ, не можетъ принесть міру никакой честной пользы, а потому и долженъ умереть. Ну, палачъ, руби ему голову!

Пароль. О, Господи! Пощадите меня, или хоть позвольте мнѣ увидѣть мою смерть.

1-й солдатъ. Это можно. Проститесь со всѣми своими друзьями. (*Снимаетъ съ глазъ его повязку*). Взгляните вокругъ себя—не найдете ли своихъ знакомыхъ?

Бертрамъ. Здравствуйте, благородный капитанъ!

2-й дворянинъ. Да благословитъ васъ Богъ, капитанъ Пароль!

1-й дворянинъ. Да сохранитъ васъ Господь, благородный капитанъ!

2-й дворянинъ. Капитанъ, какое порученіе дадите вы мнѣ къ мессеру Лафэ? Я ѣду во Францію.

1-й дворянинъ. Добрый капитанъ, не дадите ли вы мнѣ списать вашъ сонетъ къ Діанѣ, по поводу графа Руссильона? Если бы я не былъ страшнымъ трусомъ, я бы отнялъ его у васъ силою Однако, прощайте! (*Оба дворянина и Бертрамъ уходятъ*).

1-й солдатъ. Вы погибли, капитанъ, цѣликомъ; уцѣлѣлъ одинъ только узелъ на вашемъ шарфѣ.

Пароль. Кто можетъ устоять противъ заговора!

1-й солдатъ. Если бы вы могли найти страну, гдѣ женщины были бы обезчещены такъ, какъ вы теперь—вамъ можно было бы сдѣлаться родоначальникомъ безстыдной націи. Прощайте. Я тоже ѣду во Францію: мы тамъ поговоримъ о васъ. (*Уходитъ съ другими солдатами*).

Пароль.

И все-таки я благодаренъ. Если бъ
Я былъ гордецъ, все сердце у меня
Разбилось бы. Теперь ужъ капитаномъ
Не буду я; но стану ѣсть и пить,
И почивать такъ сладко и свободно,
Какъ капитанъ. Мое простое „я"
Мнѣ дастъ, чѣмъ жить. Кто ясно понимаетъ,
Что онъ хвастунъ—такого же конца
Пусть ждетъ. Одна всегда развязка съ хвастунами:
Въ концѣ концовъ они являются ослами.
Ну, ржавѣй, мечъ! лицо, переставай краснѣть!
А ты, Пароль, живи: чего на стыдъ смотрѣть!
Ты одураченъ; что жъ, живи и самъ обманомъ:
Есть въ мірѣ пища всѣмъ и людямъ и карманамъ.
Пойду ее искать! (*Уходитъ*).

СЦЕНА IV.

Флоренція. Домъ вдовы.

Входятъ Елена, вдова *и* Діана.

Елена.

Чтобъ вы могли яснѣе убѣдиться,
Что васъ ни въ чемъ не обманула я,
Одинъ изъ первыхъ въ царствахъ христіанскихъ
Порукою моею будетъ; я
Должна склонить предъ нимъ колѣни прежде,
Чѣмъ до конца осуществить свой планъ.
Въ былые дни ему я оказала
Важнѣйшую услугу, дорогую
Какъ жизнь его—услугу, что и въ грудь
Кремнистую татарина проникла бъ
И изъ нея признательный отвѣтъ
Исторгнула-бъ. Я достовѣрно знаю,
Что государь въ Марсели. Мы туда,
Въ сообществѣ приличныхъ провожатыхъ,
Отправимся. Вамъ надо знать, что я
Умершею считаюсь. Такъ какъ войско
Распущено, то мужъ мой поспѣшитъ
На родину; но, съ помощію Божіей
И съ добраго согласья короля,
Мы тамъ его опередить успѣемъ.

Вдова.

Почтенная графиня, ни одна
Изъ вашихъ слугъ не принимала къ сердцу
Всѣхъ вашихъ дѣлъ такъ горячо, какъ я.

Елена.

И не одинъ вашъ другъ не такъ усердно,
Какъ я, желалъ за благосклонность васъ
Вознаградить. Не сомнѣвайтесь—Небо
Меня въ вашъ домъ за тѣмъ лишь привело,
Чтобъ ваша дочь обзавелась приданымъ;
А ей оно судило быть моей
Помощницей, опорой въ возвращеньи
Супруга мнѣ. Какъ странно созданы
Мужчины! Имъ возможно наслаждаться
И тѣмъ, къ чему въ нихъ ненависть, когда
Ночную тьму грязнятъ они, безстыдно
Повѣривши обманутымъ мечтамъ.
Такъ тѣшится развратъ и ненавистнымъ,
Принявъ его за то, что далеко.
Но мы потомъ поговоримъ объ этомъ.
Діана, вамъ придется для меня,
И слѣдуя моимъ совѣтамъ слабымъ,
Помучиться еще не много.

Діана.

Я
Вся ваша, все снести для васъ готова,
Хотя бы то, что захотите вы
Мнѣ приказать, влекло бы за собою
Смерть честную.

Елена.

Да, я васъ попрошу...
Но принесетъ намъ время скоро лѣто,
И не одни шипы покроютъ стволъ
Шиповника; одѣнется онъ въ листья,
И станетъ онъ не только что колючъ,
Но и красивъ. Пора намъ отправляться;
Карета ждетъ—и мѣшкать намъ нельзя.
Конецъ всему вѣнецъ: онъ все всегда вѣнчаетъ;
Какъ дѣло бы ни шло, конецъ вознаграждаетъ.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Руссильонъ. Комната въ замкѣ графини.

Входятъ Графиня, Лафэ *и* шутъ.

Лафэ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Вашего сына сбилъ съ толку тафтяной бездѣльникъ, мерзкій шафранъ котораго могъ бы окрасить въ свой цвѣтъ всю недопеченую, мягкую, какъ тѣсто, молодежь цѣлаго народа. Если бы не онъ, ваша невѣстка была бы жива, а вашъ сынъ жилъ бы во Франціи, и милость короля принесла бы ему больше пользы, чѣмъ сообщество этого шмеля съ краснымъ хвостомъ, о которомъ я говорю.

Графиня. О, если бы я никогда не знала его! Онъ убилъ добродѣтельнѣйшую дѣвушку, созданіе которой приносило самую большую честь природѣ. Если бъ она даже была моей плотью и стоила мнѣ нѣжнѣйшихъ стоновъ матери—я не могла бы питать къ ней болѣе глубокой любви, чѣмъ теперь.

Лафэ. Да, она была хорошая женщина, хорошая женщина. Тысячу кустиковъ салату сорвешь прежде, чѣмъ найдешь другую такую траву.

Шутъ. Да, это правда: она была то же, что сладкій майоранъ въ салатѣ, или, лучше сказать, травка благодати.

Лафэ. Дуракъ, это не салатныя травы, а травы для носа.

Шутъ. Я не великій Навуходоносоръ—я не большой знатокъ въ травахъ.

Лафэ. А чѣмъ ты себя считаешь: плутомъ или дуракомъ?

Шутъ. Дуракомъ, мессеръ, на службѣ у жены и плутомъ на службѣ у мужа.

Лафэ. Что означаетъ это различіе?

Шутъ. Я стибрилъ бы у мужа жену и исполнялъ бы его обязанности.

Лафэ. Да, въ этомъ случаѣ ты дѣйствительно былъ бы плутомъ на службѣ у мужа.

Шутъ. А женѣ отдалъ бы мою дурацкую палочку, чтобъ и она исполняла свою обязанность.

Лафэ. Я могу засвидѣтельствовать, что ты и плутъ, и дуракъ.

Шутъ. Къ вашимъ услугамъ.

Лафэ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Шутъ. Ну, если я не буду служить вамъ, то могу служить князю, который не ниже васъ.

Лафэ. Какому же это? французскому?

Шутъ. Сказать правду, у него имя англійское, но физіономія его во Франціи горячѣе, чѣмъ въ Англіи.

Лафэ. Какой же это князь?

Шутъ. Черный князь, мессеръ; alias—князь тьмы, alias—дьяволъ.

Лафэ. Ну, довольно; вотъ тебѣ мой кошелекъ. Я даю тебѣ его не для того, чтобы переманить отъ господина, о которомъ ты только что говорилъ; нѣтъ, продолжай ему служить.

Шутъ. Я родомъ изъ лѣсистой стороны и всегда любилъ большой огонь; а у господина, о которомъ я говорю, постоянно хорошій огонь. Но такъ какъ несомнѣнно, что онъ князь міра, то пусть его дворянство остается при его дворѣ. Я предпочитаю домикъ съ узенькою дверью, которая, по моему мнѣнію, слишкомъ мала для того, чтобы знать могла пройти въ нее. Тѣ немногіе, которые предаются смиренію, войти могутъ, но большая часть, уже слишкомъ зябкая и нѣжная, конечно, выберетъ покрытую цвѣтами дорогу, которая ведетъ къ главнымъ воротамъ и къ главному огню.

Лафэ. Ступай себѣ: ты начинаешь надоѣдать мнѣ, и я впередъ говорю тебѣ объ этомъ, потому что не хотѣлъ бы ссориться съ тобою. Ступай своей дорогой и распорядись, чтобы о моихъ лошадяхъ хорошенько позаботились—только не наплети чего-нибудь по своему.

Шутъ. Если я и наплету имъ что-нибудь, то только плетью, которая принадлежитъ имъ по закону природы. (*Уходитъ*).

Лафэ. Хитрый и вредный плутъ!

Графиня. Это правда. Мой покойный мужъ очень потѣшался имъ, и только ради его онъ остается здѣсь, вслѣдствіе чего и

считаетъ себя вправѣ быть нахальнымъ. Онъ никогда нейдетъ прямой дорогой, а бѣгаетъ, гдѣ ему вздумается.

Лафэ. Онъ мнѣ нравится, потому что не глупъ. Я хотѣлъ вамъ сказать, что когда я услышалъ о смерти этой милой женщины и о скоромъ возвращеніи вашего сына, то просилъ моего государя быть у графа адвокатомъ моей дочери; его величество былъ такъ добръ, что самъ предложилъ мнѣ это еще въ то время, когда вашъ сынъ и моя дочь были дѣтьми. Государь обѣщалъ исполнить мою просьбу—и мнѣ кажется, что для уничтоженія неудовольствія, которое возбудилъ въ немъ вашъ сынъ, нѣтъ лучшаго средства. Какъ вамъ нравится этотъ планъ, графиня?

Графиня. Я его совершенно одобряю—и желала бы, чтобъ онъ благополучно осуществился.

Лафэ. Его величество ѣдетъ на почтовыхъ изъ Марселя и здоровъ, какъ въ то время, когда ему было тридцать лѣтъ. Завтра онъ будетъ здѣсь, если меня не обманулъ человѣкъ, который рѣдко говоритъ неправду въ такихъ случаяхъ.

Графиня. Меня очень радуетъ надежда увидѣть его прежде, чѣмъ я умру. Я получила письмо, что сынъ мой пріѣдетъ сюда сегодня ночью—и убѣдительнѣйше прошу васъ не уѣзжать отсюда до тѣхъ поръ, пока они не встрѣтятся.

Лафэ. Графиня, я въ эту минуту думалъ—какимъ бы способомъ мнѣ получить доступъ къ королю

Графиня. Вамъ стоитъ только предъявить ваши почтенныя права.

Лафэ. Я ужъ не разъ дерзко пользовался ими, но, благодаря Бога, они еще не утратили своего значенія.

Входитъ шутъ.

Шутъ. Графиня, графиня, тамъ мой господинъ, а вашъ сынъ—съ кусочкомъ бархата на лицѣ: есть ли подъ нимъ шрамъ, или нѣтъ—знаетъ бархатъ, а бархатъ весьма недуренъ. Его лѣвая щека—первый сортъ; но правая—вся голая.

Лафэ. Почетно-пріобрѣтенный шрамъ—благородный шрамъ, прекрасная одежда чести. Вѣроятно, что и этотъ такого же рода.

Шутъ. Но, вѣдь его лицо изрублено какъ котлета.

Лафэ. Пойдемте, пожалуйста, на встрѣчу вашему сыну: мнѣ очень хочется поговорить съ молодымъ и благороднымъ воиномъ.

Шутъ. Да ихъ тамъ цѣлая дюжина, и всѣ въ отличныхъ шляпахъ съ чрезвычайно вѣжливыми перьями, которыя кланяются и киваютъ всякому человѣку. (*Уходятъ*)

Парадный итальянскій шлемъ конца XV вѣка.

МАРСЕЛЬ.

Гравюра знаменитаго швейцарскаго художника Матвѣя Меріана (Matthäus Merian, 1593—1650); изъ его собранія видовъ «Topographia Galliae».

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Марсель. Улица.

Входятъ ЕЛЕНА, ВДОВА, ДІАНА *и двое* СЛУГЪ.

ЕЛЕНА.

Конечно, вы совсѣмъ изнурены
Ѣздой и днемъ, и ночью; да иначе
Намъ быть нельзя. Но такъ-какъ день и ночь
Для васъ одно съ тѣхъ поръ, какъ ваши члены,
Столь нѣжные, вы стали утомлять
Въ моихъ дѣлахъ, то до того глубоко
Въ признательность мою врослися вы,
Что изъ нея ничто васъ не исторгнетъ
Въ другіе дни счастливые.

Входитъ ДВОРЯНИНЪ.

ЕЛЕНА.

Вотъ онъ,
Когда свое значеніе захочетъ
Употребить, то доступъ къ королю
Доставитъ мнѣ, быть можетъ. Богъ вамъ въ помощь,
Мессеръ.

ДВОРЯНИНЪ.

И вамъ.

ЕЛЕНА.

Я при дворѣ французскомъ
Встрѣчала васъ.

ДВОРЯНИНЪ.

Я тамъ не разъ бывалъ.

ЕЛЕНА.

Надѣюсь я, что вы не перестали
Всеобщій слухъ о вашей добротѣ
Оправдывать—и такъ какъ я нуждою
Страшнѣйшею принуждена теперь
Всѣ свѣтскія условія откинуть,
То прямо васъ прошу дать ходъ своимъ
Достоинствамъ душевнымъ- и за это
Признательна я буду вѣчно вамъ.

ДВОРЯНИНЪ.

Чего же вамъ угодно?

ЕЛЕНА.

Чтобы эту
Смиренную записку королю
Вы отдали и помогли мнѣ вашимъ
Вліяніемъ имѣть свиданье съ нимъ.

Дворянинъ.

Король не здѣсь.

Елена.

Не здѣсь?

Дворянинъ.

Да, нынче ночью
Уѣхалъ онъ отсюда и быстрѣй,
Чѣмъ ѣздитъ онъ обыкновенно.

Вдова.

Боже,
Пропали всѣ старанья наши!

Елена.

Нѣтъ;
Конецъ всему дѣлу вѣнецъ, какъ бы
Ни шла судьба всему наперекоръ
И какъ бы всѣ ни были слабы средства.
Пожалуйста, скажите мнѣ, куда
Поѣхалъ онъ?

Дворянинъ.

Да, сколько мнѣ извѣстно,
Онъ въ Руссильонъ отправился, куда
И я спѣшу.

Елена.

Вы, значитъ, государя
Скорѣй, чѣмъ я, увидите, мессеръ,
И потому мою записку въ руки
Монаршія молю васъ передать.
Надѣюсь я, что васъ никто за это
Не упрекнетъ; скорѣе будутъ вамъ
Признательны за трудъ. А я за вами
Пріѣду вслѣдъ со всею быстротой,
Возможною для насъ.

Дворянинъ.

Готовъ я этимъ
Васъ обязать.

Елена.

И сами вы потомъ
Увидите, что васъ за это будутъ
Благодарить, какъ слѣдуетъ. Теперь
На лошадей! Идемъ, идемъ скорѣе!

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Руссильонъ. Мѣсто передъ замкомъ графини.

Входятъ шутъ *и* Пароль.

Пароль. Добрѣйшій monsieur Лавашъ, передайте это письмо господину Лафэ. Прежде, когда я жилъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ свѣжимъ туалетомъ, вы не брезгали моимъ знакомствомъ; но теперь я выпачкался во рву фортуны и сильненько пахну ея сильною немилостью.

Шутъ. Значитъ, немилость фортуны очень нечистоплотна, если воняетъ такъ сильно, какъ ты говоришь. Съ этихъ поръ я не стану ѣсть рыбы, подмасленной фортуной. Пожалуйста, стань на ту сторону, откуда нѣтъ вѣтра.

Пароль. Вамъ незачѣмъ зажимать носъ: я говорю только метафорически.

Шутъ. Если ваша метафора воняетъ, я зажму носъ; то же сдѣлаю я и передъ метафорой всякаго другого. Сдѣлай милость, отойди подальше.

Пароль. Прошу васъ—передайте эту бумагу.

Шутъ. Пожалуйста, отойди! Развѣ возможно бумагу изъ отхожаго мѣста фортуны вручить дворянину! Да вотъ онъ самъ.

Входитъ Лафэ.

Шутъ. Вотъ, мессеръ, котъ фортуны или кошка фортуны—только не мускусная кошка. Онъ упалъ въ грязную канаву немилостей фортуны и, какъ онъ самъ говоритъ, выпачкался въ ней. Прошу васъ, мессеръ, распорядиться съ этимъ животнымъ, какъ вамъ угодно, потому что онъ похожъ на бѣднаго, разорившагося, хитраго, сумасшедшаго и плутоватаго негодяя. Я сочувствую его несчастіямъ. Будучи самъ обласканъ судьбою, я и предоставляю его на ваше благоусмотрѣніе. (*Уходитъ*).

Пароль. Высокопочтенный мессеръ, я человѣкъ, котораго фортуна жестоко исцарапала.

Лафэ. Чѣмъ же я могу помочь этому? Теперь уже поздно обрѣзывать ей ногти. Чѣмъ же это вы напакостили фортунѣ, что она такъ исцарапала васъ? Вѣдь, сама по себѣ, она добрая женщина, которая не позволяетъ, чтобы плуты долго благоденствовали при ней. Вотъ вамъ четверть червонца. Пусть судьи мирятъ васъ съ фортуной—у меня есть другія дѣла.

Пароль. Умоляю васъ позволить мнѣ сказать вамъ хоть одно слово.

Лафэ. Вы желаете получить еще одинъ пенсъ? Хорошо, я вамъ дамъ его: спрячьте только свое слово.

Пароль. Мое имя, добрѣйшій мессеръ,—Пароль.

Лафэ. Такъ вы хотите сказать больше, чѣмъ одно слово? Чортъ побери мой гнѣвъ! Дайте мнѣ вашу руку. Какъ поживаетъ вашъ барабанъ?

Пароль. Ахъ, мой добрый мессеръ, вы первый разоблачили меня.

Лафэ. Будто я? И я первый потерялъ тебя.

Пароль. Отъ васъ зависитъ ввести меня хоть въ небольшую милость, потому что вы же выгнали меня изъ нея.

Лафэ. Убирайся прочь, негодяй! Тебѣ хочется возложить на меня въ одно и то же время обязанность Бога и дьявола, чтобы одинъ тебя вводилъ въ милость, а другой выталкивалъ изъ нея? (*Трубы*). Это король— я узнаю его по этимъ трубамъ. Навѣдайся ко мнѣ послѣ. Я вчера вечеромъ говорилъ о тебѣ. Хотя ты дуракъ и плутъ, но не будешь голодать. Иди за мной!

Пароль. Благословляю Бога за васъ.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Руссильонъ. Комната въ замкѣ графини.

Трубы. Входятъ король, графиня, Лафэ, *два французскихъ* дворянина *и свита.*

Король.

Сокровище мы потеряли въ ней,
И сдѣлалась бѣднѣе наша слава
Отъ этого. Но вашъ безумный сынъ
На столько былъ безъ смысла, что не понялъ
Ея цѣны.

Графиня.

Все это, государь,
Уже прошло, и я васъ умоляю
Считать его поступокъ возмущеньемъ
Естественнымъ, содѣяннымъ въ пылу
Тѣхъ юныхъ лѣтъ, когда съ огнемъ и маслом,
Не можетъ нашъ разсудокъ совладѣть
И удержать горѣнье ихъ.

Король.

Графиня
Почтенная, я все ему простилъ
И все забылъ, хотя мой гнѣвъ былъ сильно
Вооруженъ и времени лишь ждалъ
Чтобъ поразить.

Лафэ.

Прошу я извиненья,
Но высказать обязанъ вотъ что: графъ
Жестокую обиду государю,
Женѣ своей и матери нанесъ,
Но никому не повредилъ такъ сильно,
Какъ самому себѣ. Лишился онъ
Своей жены, что красотой дивила
И самые богатые глаза,
Что голосомъ порабощала чудно
Слухъ каждаго, что свойствами души
Высокими сердца людей надменныхъ
Смиренно заставляла звать ее
Владычицей и быть ея слугами.

Король.

Хвала тому, чего ужъ нѣтъ—даетъ
Высокую цѣну воспоминанью.
Пускай войдетъ: мы примирились съ нимъ,
И первый взглядъ убьетъ во мнѣ навѣки
Прошедшее. Прощенія просить
Не долженъ онъ: исчезнула причина
Его грѣха великаго, и мы
Послѣдніе остатки гнѣва глубже,
Чѣмъ самое забвеніе, схоронимъ.
Пусть онъ придетъ, какъ незнакомецъ, къ намъ,
Но не какъ врагъ-обидчикъ. Объясните
Ему, что мы желаемъ такъ.

Дворянинъ.

Сейчасъ,
Мой государь.

(*Уходитъ*).

Король.

Ну, что же, вы имѣли
Съ нимъ разговоръ о дочери? Что онъ
Сказалъ о ней?

Лафэ.

Монаршей вашей волѣ
Всецѣло онъ отдался.

Король.

Если такъ,
Отпразднуемъ мы свадьбу. Мною письма
Получены, въ которыхъ высоко
Прославленъ онъ.

Входитъ Бертрамъ.

Лафэ.

О, съ радостью великой
Ждетъ свадьбы онъ.

Король.

Я не осенній день:
Въ одно и то же время можешь видѣть
Ты на моемъ лицѣ и солнца свѣтъ,
И мракъ. Теперь разсѣянныя тучи
Даютъ просторъ блистательнымъ лучамъ—
И потому приблизься: вновь погода
Прекрасная.

Бертрамъ.

Поступокъ тяжкій мой,

Искупленный раскаяньемъ глубокимъ,
Простите мнѣ великій государь.

КОРОЛЬ.

Забыто все. Ни слова о прошедшемъ.
Должны схватить мы настоящій мигъ
За волоса, затѣмъ что мы ужъ стары,
И времени неслышная стопа
Быстрѣйшія рѣшенья наши, прежде
Чѣмъ можемъ мы исполнить ихъ, сметаетъ.
Ты помнишь ли дочь этого вельможи?

БЕРТРАМЪ.

Да, государь,—и ею восхищенъ
До этихъ поръ. На ней я выборъ сердца
Остановилъ, когда еще оно
Языкъ избрать герольдомъ не дерзало;
И врѣзалась глубоко такъ она
Въ мои глаза, что свой лорнетъ надменный
Презрѣніе ссудило мнѣ—и въ немъ
Черты другихъ красавицъ представлялись
Ужасными, и блескъ румянца ихъ
Иль меркъ совсѣмъ, или чужимъ казался,
И формы всѣ, то уже становясь,
То вдругъ опять расширясь, превращались
Въ противнѣйшихъ уродовъ. Оттого
И женщина, которую высоко
Цѣнили всѣ, которую и я
Любилъ, когда утратилъ—представлялась
Въ моихъ глазахъ соринкой, бывшей имъ
Помѣхою.

КОРОЛЬ.

Ты славно извинился.
Сознаніе, что ты любилъ ее,
Твой длинный счетъ немного сокращаетъ.
Но та любовь, что слишкомъ поздно въ насъ
Рождается, похожа на прощанье,
Не во-время пришедшее, когда
Все кончено; язвительнымъ упрекомъ
Оно судьѣ становится, крича:
„Прекрасное погибло!" Въ заблужденьи
Порывистомъ ничтожную цѣну
Даемъ мы лучшему, чѣмъ только обладаемъ,
И, только гробъ его увидя, начинаемъ
Цѣнить, какъ слѣдуетъ. Губя друзей своихъ
Несправедливостью, потомъ на трупы ихъ
Мы слезы льемъ. Любовь проснется и рыдаетъ,
Межъ тѣмъ какъ ненависть постыдно засыпаетъ.
Пусть прозвучатъ, какъ погребальный звонъ,
Мои слова Еленѣ нашей милой—
И съ этихъ поръ забудь ее. Пошли
Залогъ любви прекрасной Магдалинѣ.
Препятствій главныхъ нѣтъ. Уѣду я домой
Вторичный бракъ вдовца отпраздновать съ тобой.

ГРАФИНЯ.

О, Боже, этотъ бракъ благослови сильнѣе,
Чѣмъ первый! Если жъ нѣтъ — зову я смерть скорѣе!

ЛАФЭ.

Ну, сынъ мой, ты, съ чьимъ именемъ теперь
И имя моего сольется рода,
Дай мнѣ залогъ любви, чтобъ блескъ его
Въ духъ дочери моей проникъ и ѣхать
Сюда ее скорѣе побудилъ.

(*Бертрамъ дастъ кольцо*).

Клянусь моей сѣдою бородою
И волоскомъ малѣйшимъ изъ нея,
Умершую Елену украшали
Всѣ качества прекрасныя. У ней
На пальцѣ я такой же перстень видѣлъ
Въ послѣднее свиданье при дворѣ.

БЕРТРАМЪ.

Нѣтъ, не было его у ней.

КОРОЛЬ.

Позвольте
Мнѣ посмотрѣть. Онъ нѣсколько ужъ разъ
Приковывалъ глаза мои въ то время,
Какъ говорилъ я съ вами. Прежде онъ
Былъ мой. Его я подарилъ Еленѣ,
Сказавши ей, что если какъ-нибудь
Нужда ее заставитъ обратиться
За помощью—пусть этотъ перстень мнѣ
Пришлетъ, и я ей помогу тотчасъ же.
Такъ неужель обманомъ ты ее
Лишилъ того, что ей такую пользу
Могло принесть?

БЕРТРАМЪ.

Мой добрый государь,
Вы думать такъ вольны, но этотъ перстень
Ей никогда принадлежать не могъ.

ГРАФИНЯ.

Сынъ, жизнь моя порукой, что носила
Она его—я видѣла сама—
И, по ея словамъ, дороже жизни
Онъ былъ для ней.

ЛАФЭ.

Я твердо убѣжденъ,
Что на ея рукѣ его я видѣлъ.

БЕРТРАМЪ.

Ошиблись вы—и видѣть не могла
Она его. Мнѣ брошенъ этотъ перстень
Въ Флоренціи изъ одного окна,
Завернутымъ въ бумажку, на которой
И имя той, что бросила его,

Я прочиталъ. Фамильи благородной
Она была. Вообразилось ей,
Что, давши мнѣ кольцо, она связала
Меня съ собой. Когда же извѣстилъ
Я женщину, плѣнившуюся мною,
Что не могу я честно отвѣчать
На вызовы ея—съ глубокой грустью
Она со мной разсталась, но кольца
Обратно взять не захотѣла.

Король.

Самъ Плутусъ—онъ, открывшій вещество,
Что въ золото всѣ вещи превращаетъ—
Съ секретами природы не знакомъ
Такъ хорошо, какъ этотъ самый перстень
Извѣстенъ мнѣ. Кто бъ вамъ ни далъ его,
Но былъ онъ мой и перешелъ къ Еленѣ.
Поэтому—когда еще себя
Вы помните, какъ слѣдуетъ—сознайтесь,
Что правы мы; скажите намъ, какимъ
Насиліемъ грубѣйшимъ вы успѣли
Взять у нея кольцо? Она святыхъ
Въ свидѣтели призвала, что не сниметъ
Его съ руки, пока ей не удастся
Тебѣ его на брачномъ ложѣ дать—
А ложа ты не раздѣлялъ, вѣдь, съ нею—
Или пока великая бѣда
Не вынудитъ ее къ намъ этотъ перстень
Послать.

Бертрамъ.

Она не видѣла его
Ни разу.

Король.

Лжешь—и это вѣрно такъ же,
Какъ то, что честь свою люблю я. Ты
Въ моей душѣ рождаешь подозрѣнья,
Которыя хотѣлось бы убить;
Но если ты былъ такъ безчеловѣченъ...
Нѣтъ, это быть не можетъ. А межъ тѣмъ—
Я знаю—ты смертельно ненавидѣлъ
Покойницу—и умерла она;
А смерть ея ничто не доказало бъ
Такъ сильно мнѣ, какъ это вотъ кольцо,
Ужъ развѣ я ей самъ глаза закрылъ бы.
Эй! взять его!

(Стража схватываетъ Бертрама).

Что бъ ни было потомъ,
Но все, въ чемъ я до этихъ поръ успѣлъ
Увѣриться, съ меня упрекъ снимаетъ
Въ напрасномъ подозрѣньи, потому
Что, кажется, сперва я слишкомъ мало
Подозрѣвалъ. (*Стражѣ*). Ведите прочь его!
Обслѣдуемъ мы послѣ это дѣло.

Бертрамъ.

Пусть доказать удастся, что она
Когда-нибудь владѣла этимъ перстнемъ —
Докажете вы, значитъ, также то,
Что ложе съ ней дѣлилъ я во Флоренцьи,
Гдѣ не была она ни разу.

(Бертрама уводятъ).

Король.

Я
Охваченъ весь мучительнымъ сомнѣньемъ.

Входитъ дворянинъ.

Дворянинъ.

Не знаю самъ, великій государь,
Я, хорошо иль дурно сдѣлалъ: это
Прошеніе одною флорентинкой
Мнѣ вручено; на станцій пять иль шесть
Отставъ отъ васъ, не успѣвала лично
Она его представить. Взялся я
Ей услужить; меня къ тому склонили
И грація, и милыя слова
Просительницы бѣдной. Въ эту пору
Она ужъ здѣсь, какъ мнѣ извѣстно. Я
Въ ея глазахъ увидѣлъ важность дѣла,
Которое—какъ въ нѣсколькихъ словахъ
Она мнѣ объяснила задушевно—
Касается и васъ, мой государь.

Король (*читаетъ*). „Съ помощью многихъ обѣщаній жениться на мнѣ послѣ смерти своей жены, онъ — я краснѣю сознаться въ этомъ — завладѣлъ мною. Теперь графъ Руссильонъ — вдовецъ, онъ клятвенно отдался мнѣ, и за это я заплатила своею честью. Онъ тайно уѣхалъ изъ Флоренціи, не простившись, и я послѣдовала за нимъ на его родину, чтобы искать правосудія. Окажите мнѣ его, о государь, такъ какъ оно совершенно въ вашей власти; иначе обольститель восторжествуетъ, а бѣдная дѣвушка погибнетъ. Діана Капилетъ“.

Лафэ. Я куплю себѣ зятя на ярмаркѣ и заплачу за него пошлину — а этого совсѣмъ не хочу.

Король.

Господь хранитъ тебя, Лафэ, открывъ
Передъ тобою это дѣло. Гдѣ же
Несчастная? Скорѣй найти ее
И графа воротить сюда! Графиня,
Сдается мнѣ, что у Елены жизнь
Похищена насильемъ гнуснымъ.

Графиня.

Пусть же
Преступниковъ караетъ правый судъ!

Входитъ Бертрамъ *подъ стражею.*

Король.

Дивлюсь я, графъ: вы женщинъ за чудовищъ
Считаете, вы бѣгаете ихъ,
Поклявшись имъ жениться, а жениться
Желаете.

Входятъ вдова *и* Діана.

Король.

Кто это?

Діана.

Государь,
Я флорентинка бѣдная, изъ рода
Старинныхъ Капилетовъ. Вамъ уже—
Я слышала—моя извѣстна просьба,
И потому вы можете понять,
На сколько я достойна состраданья.

Вдова.

Я, государь великій, мать ея,
Которой честь и возрастъ тѣмъ, на что мы
Къ вамъ съ жалобой пришли, поражены
И пропадутъ безъ вашего лѣкарства.

Король.

Приблизьтесь, графъ. Знакомы вамъ онѣ?

Бертрамъ.

Я не могу, монархъ, и не хочу
Скрывать, что ихъ я знаю. Въ чемъ меня
Онѣ винятъ?

Діана.

Графъ, отчего такъ странно
Вы на жену глядите?

Бертрамъ.

Государь,
Она совсѣмъ чужая мнѣ.

Діана.

Женившись,
Вы отдадите руку, а она—
Моя рука; вы отдадите клятвы
Священныя, а клятвы тѣ—мои,
И самое меня вы отдадите,
А я—моя. Вы клятвами меня
Связали такъ съ собой, что та, кто выйдетъ
За васъ, должна и за меня пойти,
Или за насъ обоихъ вмѣстѣ, или
Ни за кого изъ насъ.

Лафэ. Ваша репутація становится слишкомъ невзрачною для моей дочери. Вы мужъ не для нея.

Бертрамъ.

Мой государь, повѣрьте мнѣ, она—
Лишь жалкое, безумное созданье,
Съ которымъ мнѣ случалось иногда
Дурачиться. На честь мою смотрите,
Мой государь, вы съ лучшей стороны.
Не думая, что могъ ее такъ низко
Я уронить.

Король.

Графъ, мнѣніе мое
Не будетъ къ вамъ пріязненно, покамѣстъ
Вы дѣйствіемъ не привлечете вновь
Его къ себѣ. На дѣлѣ докажите,
Что ваша честь свѣтлѣе, чѣмъ о ней
Я думаю.

Діана.

Мой добрый повелитель,
Пусть клятвенно онъ подтвердитъ при васъ
Увѣренность, что дѣвственность не отнялъ
Онъ у меня.

Король.

Что ты отвѣтишь ей?

Бертрамъ.

Монархъ, она безстыдное созданье,
И въ лагерѣ всѣ пользовались ею.

Діана.

Онъ на меня клевещетъ, государь:
Будь это такъ—цѣной обыкновенной
Купить меня онъ могъ бы. Нѣтъ, ему
Не вѣрьте. О, взгляните: этотъ перстень
По цѣнности и блеску не найдетъ
Подобнаго, а между тѣмъ онъ графомъ
Данъ лагерной развратницѣ, когда
Я такова.

Графиня.

Онъ покраснѣлъ, и это—
Его кольцо. Шесть цѣлыхъ поколѣній
Завѣщаннымъ сокровищемъ оно
Изъ рода въ родъ идетъ, и каждый свято
Его хранилъ. Она—его жена;
Мильоны доказательствъ въ этомъ перстнѣ

Король.

Вы, кажется, сказали мнѣ, что здѣсь
Есть человѣкъ, который можетъ это
Все подтвердить?

Діана.

Такъ точно, государь;
Но стыдно мнѣ свидѣтеля такого
Представить вамъ: его зовутъ Пароль.

Лафэ.

Я съ этимъ человѣкомъ, если только
Онъ человѣкъ, здѣсь видѣлся сегодня

Король.

Найти его и привести сюда.
(*Одинъ изъ свиты уходитъ*).

Бертрамъ.

Къ чему онъ вамъ? Извѣстенъ онъ за плута
Безчестнаго, запачканнаго всѣмъ,
Что въ мірѣ есть гнуснѣйшаго; натура
Ужъ такова его, что слово правды
Противно ей. Ужели вы меня
Сочтете тѣмъ или инымъ по слову
Того, кто все отвѣтитъ, что хотятъ?

Король.

Твое кольцо у ней.

Бертрамъ.

Я соглашаюсь,
Что это такъ. Не скрою, что она
Когда-то мнѣ понравилась и началъ
Я съ вѣтренностью юноши за ней
Ухаживать. Она себя умѣла
Держать въ дали и, подхвативъ меня
На удочку, своимъ сопротивленьемъ
Усиливала страсть мою: всегда
Препятствія въ любовныхъ увлеченьяхъ
Ихъ только разжигаютъ. Наконецъ,
Уловками хитрѣйшими добилась
Она цѣны, которую себѣ
Назначила: я отдалъ этотъ перстень
И получилъ то, что простой солдатъ
Могъ пріобрѣсть за рыночную цѣну.

Діана.

Приходится терпѣть мнѣ. Вы ужъ разъ
Отвергнули прекрасную супругу,
Такъ можете, конечно, и меня
Лишить всѣхъ правъ. Я васъ прошу, однако—
Вы отреклись отъ благородства: мнѣ
Не нуженъ мужъ—я васъ прошу, возьмите
Свое кольцо и дайте мнѣ мое.

Бертрамъ.

Нѣтъ у меня его.

Король.

Какое было
У васъ кольцо?

Діана.

Точь въ точь, мой государь,
Какъ то, что я у васъ на пальцѣ вижу.

Король.

Знакомо вамъ оно? Недавно графъ
Его имѣлъ.

Діана.

И на постели графу
Его дала я.

Король.

Значитъ, онъ солгалъ,
Что изъ окна былъ брошенъ этотъ перстень?

Діана.

Я правду вамъ сказала.

Бертрамъ.

Государь,
Я сознаюсь, что это прежде было
Ея кольцо.

Входитъ Пароль.

Король.

Какъ странно вы въ словахъ
Сбиваетесь! Малѣйшая пушинка
Пугаетъ васъ. (*Діанѣ*). Объ этомъ человѣкѣ
Вы говорили мнѣ?

Діана.

Да, государь.

Король (*Паролю*).

Скажи-ка мнѣ; но только долженъ правду
Ты всю сказать. Пусть не страшитъ тебя
Гнѣвъ графа: я тебѣ защитой буду,
Коль не солжешь. Скажи, что знаешь ты
О женщинѣ, стоящей здѣсь, и графѣ?

Пароль. Смѣю доложить вашему величеству, что мой господинъ былъ всегда почтеннымъ дворяниномъ и иногда дѣлалъ только шалости, которыя позволяютъ себѣ всѣ дворяне.

Король. Дальше, дальше—къ дѣлу! Любилъ ли онъ эту женщину?

Пароль. Да, государь, любилъ; но какъ?

Король. Какъ же?

Пароль. Онъ любилъ ее, государь, какъ дворянинъ любитъ женщину.

Король. Это что же значитъ?

Пароль. Онъ любилъ ее, государь—и не любилъ.

Король. Точно такъ же, какъ ты плутъ и не плутъ? Что это за двусмысленный шутъ?

Пароль. Я бѣдный человѣкъ, государь, послушный приказаніямъ вашего величества.

Лафэ. Государь, онъ хорошій барабанщикъ, но скверный ораторъ.

Діана. Вамъ извѣстно, что графъ обѣщалъ на мнѣ жениться?

Пароль. Мнѣ извѣстно больше, чѣмъ я хочу сказать.

Король. Развѣ ты не скажешь всего, что знаешь?

Пароль. Все скажу, если это угодно вашему величеству. Я уже доложилъ вамъ, что свелъ ихъ между собою; но независимо

отъ этого, онъ любилъ ее, потому что дѣйствительно сходилъ по ней съ ума, говорилъ о сатанѣ и духахъ, о фуріяхъ и Богъ вѣсть о чемъ. Въ то время я пользовался у него такимъ довѣріемъ, что зналъ, когда они отправлялись спать и разныя другія подробности, какъ напримѣръ: обѣщаніе его жениться на ней и еще кое-что, за разсказъ о чемъ мнѣ пришлось бы плохо. Вотъ почему я не скажу всего, что знаю.

Король. Ты уже сказалъ все, если только не можешь еще объявить, что они обвѣнчаны. Но ты слишкомъ хитеръ въ твоихъ показаніяхъ: поэтому, можешь отойти. (*Діанѣ*). Итакъ, кольцо, вы говорите, ваше?

Діана.

Да, государь мой добрый.

Король.

Гдѣ его
Купили вы, иль кѣмъ оно вамъ было
Подарено?

Діана.

Никто мнѣ не дарилъ,
Нигдѣ его я не купила.

Король.

Кто же
Вамъ далъ его на время?

Діана.

Не давалъ
Никто его на время.

Король.

Ну, такъ гдѣ вы
Нашли его?

Діана.

Я не нашла его.

Король.

Но если ни однимъ изъ средствъ всѣхъ этихъ
Его вы не добыли—какъ могли
Его отдать вы графу?

Діана.

Не давала
Его я графу никогда.

Лафэ. Эта женщина, государь, то же, что свободная перчатка: ее можно надѣвать и снимать, когда хочешь.

Король.

Принадлежалъ мнѣ этотъ перстень; первой
Его женѣ я далъ его.

Діана.

Онъ могъ
И ей, и вамъ принадлежать—не спорю.

Король.

Возьмите прочь ее; она ужъ мнѣ
Не нравится. Въ тюрьму ее сведите,
Да и его туда же. Если ты
Не скажешь мнѣ, гдѣ взятъ тобою перстень—
Ты черезъ часъ умрешь.

Діана.

Я никогда
Вамъ не скажу.

Король.

Въ тюрьму ее!

Діана.

Представлю
Я за себя поруку, государь.

Король.

Теперь и я тебя считаю просто
Публичною развратницей.

Діана.

Клянусь
Юпитеромъ, коль знала я мужчину
До сей поры—такъ это только васъ.

Король.

Но почему жъ все это время графа
Винила ты?

Діана.

Да потому, что онъ
И виноватъ, и не виновенъ. Знаетъ
Онъ хорошо и клятвой подтвердитъ,
Что я уже не дѣвственница; я же
Вамъ поклянусь, что дѣвственница я,
И этого не знаетъ онъ. Великій
Мой государь, я не развратна—нѣтъ,
Клянусь вамъ жизнью, я иль дѣвственница, или
Съ нимъ (*указывая на Лафэ*) узы брачныя меня соединили.

Король.

Нашъ слухъ она во зло употребляетъ;
Въ тюрьму ее!

Діана.

Теперь я попрошу
Васъ, матушка, ввести мою поруку.
(*Вдова уходитъ*).
Минуточку терпѣнья, государь.
Послала я ее за ювелиромъ.

Елена: Вотъ перстень вашъ, а вотъ и то письмо, въ которомъ вы писали:
«Когда кольцо съ руки моей добыть
Удастся вамъ, когда дитя зачнете
Вы отъ меня... и прочее...» (Дѣйствіе V, сц. 3).

Картина Фрэнсиса Уитли (Francis Weatley, R. A.). (Большая Бойделевская галлерея).

Хозяиномъ кольца: онъ за меня
Поручится. Отъ этого жъ вельможи,
Что обольстилъ меня, какъ въ этомъ онъ
Самъ убѣжденъ, хотя на самомъ дѣлѣ
Онъ мнѣ ни въ чемъ вреда не наносилъ,
Я отрекаюсь. Онъ самъ знаетъ, что на ложе
Ко мнѣ онъ восходилъ, и въ это время тоже
Отъ графа понесла дитя его жена.
Теперь хоть мертвая, но чувствуетъ она
Движеніе плода. Такъ вотъ моя загадка:
Умершее живетъ—а вотъ вамъ и разгадка.

Входятъ Елена *и* вдова.

Король.

Не чародѣй ли напустилъ обманъ
Въ мои глаза? Ужели въ самомъ дѣлѣ
Я вижу то, что есть?

Елена.

Нѣтъ, государь,
Вы видите лишь тѣнь жены, лишь имя,
А не предметъ.

Бертрамъ.

И имя, и предметъ!
Прости, прости!

Елена.

О, господинъ мой добрый!
Въ тотъ часъ, когда похожа я была
На эту дѣвушку—такъ чудно нѣжнымъ
Я васъ нашла! Вотъ перстень вашъ, а вотъ
И то письмо, въ которомъ вы писали:
„Когда кольцо съ руки моей добыть
Удастся вамъ; когда дитя зачнете
Вы отъ меня... и прочее...“ Я все
Исполнила—и вы два раза взяты мною:
Угодно ль вамъ теперь назвать меня женою?

Бертрамъ.

Коль можетъ это все она мнѣ разъяснить,
Клянусь ее, король, всегда, всегда любить!

Елена.

Коль я не разъясню и лгуньей окажуся—
Пускай убійственнымъ разводомъ васъ лишуся!

О, дорогая матушка, въ живыхъ
Я вижу васъ!

Лафэ.

Глаза мои ужъ чуютъ
Чеснокъ: сейчасъ заплачу.
(*Паролю*). Добрый Томъ,
Дай мнѣ платокъ, пожалуйста. Спасибо!
Ступай ко мнѣ и подожди меня—
Потѣшусь я тобою. Да поклоны
Свои оставь: на что мнѣ эта дрянь?

Король.

Во всей подробности мы это приключенье
Хотимъ узнать теперь, чтобъ въ правдѣ убѣжденье
Въ восторгъ насъ привело.
(*Діанѣ*). Коль вижу я въ тебѣ
Цвѣтокъ не сорванный и свѣжій, то себѣ
Супруга избери, а я не пожалѣю
Приданаго, затѣмъ, что помощью своею,
Какъ догадался я, столь честной и прямой,
Оставшись дѣвушкой, ты сдѣлала женой
Другую женщину. Пусть о твоей услугѣ
И, вообще о всемъ, что было—на досугѣ,
Разскажутъ намъ. Пока все хорошо идетъ,
И если насъ конецъ такой же славный ждетъ,
То всѣ прошедшія печали и страданья
Усилятъ лишь всю сладость окончанья!

ЭПИЛОГЪ.

Король (*къ публикѣ*).

Пьеса кончена—и государь тотчасъ
Выходитъ нищимъ къ вамъ. Все хорошо для насъ
Окончится, когда добьемся мы отвѣта,
Что вы довольны; мы отплатимъ вамъ за это
Стараньемъ съ каждымъ днемъ все угождать сильнѣй.
Такъ не лишайте же насъ доброты своей,
И, пьесу выслушавъ, любезно одолжите
Намъ руки, а у насъ за то сердца возьмите.

П. Вейнбергъ.

Рамка эпохи итальянскаго Ренесанса (типографія братьевъ Грегоріевъ въ Венеціи. 1498). Русскія буквы по шрифтамъ того времени стилизованы В. А. Табуринымъ.

МЕССИНА XVI вѣка (по старинной гравюрѣ).

Много шуму изъ ничего.

Комедія „Много шуму изъ ничего" была впервые напечатана въ 1600 году. Вышедшій за два года передъ тѣмъ трактатъ Миреса «Palladis Tamia» въ своемъ знаменитомъ перечнѣ шекспировскихъ произведеній этой пьесы не упоминаетъ. Основаніемъ для подобнаго пропуска могло быть только то обстоятельство, что комедія эта въ 1598 году еще не была извѣстна публикѣ. Шекспиръ написалъ такимъ образомъ „Много шуму изъ ничего" между 1598 и 1599 годами. Дата эта пригодится намъ, какъ для пониманія всей пьесы вообще, такъ и при анализѣ характеровъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Какъ большинство Шекспировскихъ драмъ, и „Много шуму изъ ничего" построена на сводѣ двухъ совершенно различныхъ сюжетовъ.

Одинъ изъ нихъ заимствованъ частью изъ разсказа Далинды въ Аріостовскомъ „Неистовомъ Роландѣ", въ то время уже переведенномъ на англійскій языкъ, а частью изъ одной итальянской повѣсти Банделло, вошедшей въ извѣстную компиляцію Бельфореста. Это горестныя перипетіи любви Клавдіо и Геро. Въ повѣсти Банделло роль Клавдіо играетъ знатный молодой человѣкъ Тимбрео изъ Кордовы. Онъ также близокъ ко двору, также богатъ и также отличился только что во время одной междуусобной войны, какъ и Клавдіо. Онъ любитъ Финичію дочь Ліонато, человѣка небогатаго, но принадлежащаго къ почтенному старинному роду. Прелестная Финичія полна всевозможныхъ достоинствъ, и, казалось бы, ничто не должно препятствовать счастью молодыхъ влюбленныхъ. Предложеніе уже сдѣлано и получено согласіе; въ домѣ Ліонато шьютъ приданое. Все шло бы быстро къ желанному концу, еслибы въ сердцѣ Тимбрео не заговорила ревность, ревность безсмысленная и несправедливая, рожденная клеветой Джирандо. Такъ же какъ Донъ-Жуанъ въ „Много шуму изъ ничего", Джирандо позоритъ невинную дѣвушку изъ зависти. Только Шекспиръ постарался обосновать этотъ скверный поступокъ: у него клеветникъ сталъ мрачнымъ, озлобленнымъ завистникомъ, которому причинить зло доставляетъ особое наслажденіе. Въ повѣсти Банделло, растянутой и плохо разсказанной, Джирандо почти не обрисованъ; авторъ не

остановился вовсе на его психологіи, онъ только намекаетъ на любовь Джирандо къ Финичіи, оставшейся безъ отвѣта.

Доказательства Джирандо почти тѣ же, что и Донъ-Жуана. Онъ одѣваетъ въ дорогое платье одного изъ своихъ слугъ, прыскаетъ его духами, чтобы придать ему видъ счастливаго любовника, и тотъ ночью на глазахъ у Тимбрео ставитъ лѣстницу къ одному изъ оконъ дома Ліонато и проникаетъ въ комнаты. Тимбрео внѣ себя отъ негодованія. Онъ отказывается отъ руки Финичіи и публично обличаетъ ее за мнимую измѣну. Услыхавъ ужасное обвиненіе, Финичія не можетъ выговорить ни слова; она падаетъ безъ чувствъ, и Ліонато увѣряетъ всѣхъ, что дочь его скончалась. Устраиваются торжественныя похороны. Банделло сообщаетъ даже стихотворную эпитафію на ея могилѣ. Но Финичія жива; ее скрываютъ загородомъ, въ домѣ родственниковъ. Тимбрео думаетъ между тѣмъ, что онъ убилъ Финичію, и его беретъ раздумье. Не былъ ли онъ слишкомъ жестокъ? Неужели могла Финичія сдѣлать то, въ чемъ онъ ее заподозрѣлъ? И онъ вспоминаетъ, что человѣкъ, влѣзшій въ домъ Ліонато, проникъ вовсе не въ комнату Финичіи, а въ нежилыя комнаты. Раскаяніе беретъ и Джирандо. Вѣдь онъ завѣдомо погубилъ ни въ чемъ неповинную дѣвушку. Онъ проситъ Тимбрео зайти съ нимъ наединѣ въ церковь, гдѣ находится мнимая могила Финичіи, и здѣсь торжественно признается въ своемъ злодѣяніи. Тимбрео въ отчаяніи, онъ идетъ повиниться къ Ліонато, и къ своему удивленію получаетъ отъ него не только полное прощеніе, но еще выраженія дружбы.

Подошло лѣто, и вотъ Ліонато приглашаетъ обоихъ — и Джирандо и Тимбрео — ѣхать съ его семьей загородъ провести цѣлый день у родственниковъ. Предложеніе это принято, и Тимбрео видитъ вновь Финичію; но ему говорятъ, что это вовсе не она, а ея младшая сестра, которой онъ еще не видѣлъ. Ему предлагаютъ жениться на этой молодой особѣ. Тимбрео согласенъ, хотя сердце его принадлежитъ Финичіи, и онъ останется вѣрнымъ ей до гроба. Ліонато только этого и надо было. Теперь все выясняется и наконецъ наступаетъ счастливый бракъ Финичіи и Тимбрео. Джирандо также окончательно прощенъ, и онъ женится на настоящей младшей дочери Ліонато.

Въ этомъ разсказѣ Шекспиръ почерпнулъ основную схему своей комедіи, и между прочимъ и имя Ліонато, но самую сцену предательства онъ заимствовалъ изъ разсказа Далинды въ „Неистовомъ Роландѣ". Здѣсь жертвой подобной же клеветы стала Гиневра, госпожа Далинды. Ее любитъ Аріоданто. Наговорщикъ Полинессо, пользующійся ласками Далинды убѣждаетъ ее одѣться въ платье Гиневры и принять его въ такомъ видѣ черезъ окно комнаты своей госпожи. Онъ убѣждаетъ Далинду что это мимолетный капризъ, невинная шутка, и она изъ любви къ нему не рѣшается отказать. Она и не подозрѣваетъ, какое коварство готовитъ ея возлюбленный. Она не знаетъ, что въ саду будетъ спрятанъ Аріоданто и что онъ повѣритъ послѣ этой сцены преступнымъ наговорамъ Полинессо. Обстоятельства, губящія добрую славу Гиневры, такимъ образомъ совершенно схожи съ соотвѣтствующей сценой въ „Много шуму изъ ничего".

Другой сюжетъ этой комедіи Шекспира, переплетающійся тѣсно съ первымъ, представляетъ собою дальнѣйшее развитіе того, что уже было разработано въ одной изъ первыхъ его комедій, въ „Безплодныхъ усиліяхъ любви". Вспомнилась эта пьеса Шекспиру едва-ли случайно: въ 1598 году она была заново поставлена въ присутствіи королевы Елизаветы. Въ томъ же году вышло въ свѣтъ и первое изданіе этой комедіи. Шекспиръ такимъ образомъ остановилъ еще разъ свое вниманіе на этой забавной парочкѣ: на Биронѣ и Розалиндѣ, стоящихъ въ самомъ центрѣ „Безплодныхъ усилій любви". Ихъ остроумныя словопренія, подъ которыми теплится горячая, хотя можетъ быть и еще безсознательная любовь, въ новомъ блескѣ воспроизведены въ ѣдкой, словесной враждѣ Бенедикта и Беатриче.

Подобно Бирону и Розалиндѣ, Бенедиктъ и Беатриче, какъ только встрѣтятся, преслѣдуютъ другъ друга колкостями и сарказмами. Какъ Биронъ, Бенедиктъ славится своимъ остроуміемъ. Беатриче такъ же, какъ и Розалинда, встрѣчала и раньше своего соперника, и между ними давно завязалась эта салонная дуэль, такъ счастливо кончающаяся. Беатриче также сразу въ первой же сценѣ, въ разговорѣ съ гонцомъ, обнаруживаетъ свой глубокій интересъ къ Бенедикту. Только Биронъ не былъ по природѣ такимъ ненавистникомъ женщинъ, какъ Бенедиктъ. Онъ вѣдь даже неохотно подписался подъ предложеніемъ короля Наварры не видѣть въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ ни одной женщины. Биронъ даже справедливо предсказываетъ, что эту клятву

прійдется нарушить. Рядомъ съ этимъ и Розалинда гораздо менѣе строптива, чѣмъ Беатриче; она также не давала вовсе зарока не подчиняться ни одному мужчинѣ.

Два сюжета, разработанные въ „Много шуму изъ ничего", казалось бы, не имѣютъ ничего общаго другъ съ другомъ. Съ одной стороны, мрачная драма ревности и предательства; съ другой — забавная перебранка двухъ свѣтскихъ остряковъ.

Однако достаточно вдуматься во взаимныя отношенія обоихъ сюжетовъ, чтобы убѣдиться, насколько они сознательно объединены. Въ комедіи Шекспира они необходимы другъ другу. Они не только взаимно другъ друга пополняютъ, но, переплетаясь вмѣстѣ, они одинаково способствуютъ развитію дѣйствія. Какъ всегда, и тутъ Шекспиръ съумѣлъ соединить требованія драматическаго единства съ стремленіемъ обогатить и разнообразить дѣйствіе. Мало этого, при всемъ различіи, оба сюжета психологически схожи другъ съ другомъ; обѣ пары влюбленныхъ одинаково оказываются жертвой заговора. Противъ Бенедикта и Беатриче, которыхъ невольно влечетъ другъ къ другу, хотя они и поддаются такъ туго охватывающему ихъ чувству симпатіи, также затѣвается особаго рода предательство: веселые гости Ліонато, герцогъ и его придворные, забрасываютъ въ сердца Бенедикта и Беатриче мысль о возможности любви. И эта мысль ростетъ, крѣпнетъ и влечетъ обоихъ молодыхъ людей другъ къ другу, и влечетъ уже не на вражду, а къ счастливому исходу сватовства. Клавдіо и Геро, напротивъ, попадаются въ сѣти озлобленнаго Донъ-Жуана и его шайки. Клевета, совершенно невѣроятная и никому ненужная, производитъ свое дѣйствіе. Геро поругана, уничтожена. Но это именно несчастье Геро служитъ послѣднимъ толчкомъ сближенія Бенедикта и Беатриче. Беатриче не сомнѣвается въ невинности Геро и ищетъ опоры въ мужествѣ Бенедикта. Этотъ злой острякъ, представляющійся такимъ безчувственнымъ, долженъ выказать положительныя черты своей натуры. И онъ оказывается благороднымъ и смѣлымъ. Оба, Беатриче и Бенедиктъ, развертываютъ такимъ образомъ лучшія стороны своей души: первая—вѣрность и твердость въ дружбѣ, второй—рѣшимость и готовность пожертвовать собою. Ихъ взаимныя усилія способствуютъ обнаруженію той роковой лжи, изъ за которой чуть было не погибла Геро. Такимъ образомъ одинъ заговоръ ведетъ къ уничтоженію пагубныхъ послѣдствій другого.

Оба дѣйствія сливаются стало быть воедино. Оба они совершенно аналогичнымъ путемъ и только черезъ различныя перипетіи совмѣстно стремятся къ тому же самому исходу,—къ тихой пристани супружеской любви. Этотъ параллелизмъ въ обоихъ сюжетахъ комедіи даетъ извѣстное основаніе думать, что „Много шуму изъ ничего" есть нечто иное, какъ окончательная передѣлка недошедшей до насъ пьесы Шекспира „Плоды усилій любви" (Love 's Labour won). Сходство этого заглавія съ названіемъ только что заново поставленной и вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ комедіи „Безплодныя усилія любви" (Love 's Labour lost) бросается въ глаза. Одинъ изъ сюжетовъ „Много шуму изъ ничего" также схожъ съ „Безплодными усиліями любви". Различіе между этими двумя пьесами лишь въ томъ, что въ „Много шуму изъ ничего" любовь торжествуетъ надъ неподатливостью Беатриче; въ суровомъ испытаніи, которое переживаютъ Геро и Клавдіо, любовь также выходитъ побѣдительницей. Заглавіе „Плоды усилій любви" подходитъ такимъ образомъ къ разбираемой здѣсь пьесѣ[1]).

Сліяніе въ „Много шуму изъ ничего" веселаго сюжета съ сюжетомъ грустнымъ, почти трагическимъ въ высшей степени характерно для того момента, когда была написана комедія. Особенностью этой отличаются вѣдь всѣ комедіи такъ называемаго второго періода драматической карьеры Шекспира. Она придаетъ его произведеніямъ, написаннымъ между 1595 и 1599 годами, особую вдумчивость и глубину. Подъ ея вліяніемъ и самыя дѣйствующія лица стали осложненнѣе. Ихъ психологія болѣе продумана, ихъ поступки болѣе обоснованы. Шекспиръ уже начинаетъ постепенно подходить къ періоду высшаго разцвѣта своего художественнаго дарованія, своихъ умственныхъ запросовъ. 1598 годъ, къ которому относится написаніе комедіи „Много шуму изъ ничего", есть конечный моментъ этого второго періода его творчества.

Вотъ почему, какъ ни близка „Много шуму изъ ничего" къ „Безплоднымъ усиліямъ любви", между ними всетаки цѣлая пропасть. „Много шуму изъ ничего" уже отнюдь не комедія рѣзвыхъ шалостей. Въ

---

[1]) Весьма вѣскія соображенія, однако, говорятъ и въ пользу того, чтобы видѣть «Love's labour won» въ комедіи «Конецъ всему дѣлу вѣнецъ» (См. предисловіе къ этой пьесѣ). *Ред.*

ней уже отразился серьезный интересъ къ самымъ важнымъ проблеммамъ человѣческой жизни. Психологія елизаветинской драмы уже успѣла сдѣлать огромные успѣхи съ того времени, когда завистливый Гринъ прозвалъ Шекспира „потрясателемъ сцены". Розалинда и Биронъ только слабые эскизы Беатриче и Бенедикта. Они поверхностны и не глубоки. Ихъ хватаетъ только на свѣтскую болтовню. Въ относящейся къ тому-же самому времени какъ и „Много шуму" комедіи „Какъ вамъ это понравится" (As you like it), съ той нравственной побѣдой, какую одерживаетъ тамъ Орландо надъ своимъ старшимъ братомъ, Оливеромъ, когда спасаетъ его отъ льва, тезка первой Розалинды (изъ „Безплодныхъ усилій любви") стала значительно осложненнѣе и интереснѣе. Этой второй Розалиндой начинается та вереница женщинъ Возрожденія, которая тянется черезъ цѣлый рядъ шекспировскихъ драмъ.

Беатриче занимаетъ среди женщинъ этого типа одно изъ первыхъ мѣстъ; она не многимъ уступаетъ и Порціи. Она чувствуетъ достаточно силы, чтобы помѣриться съ мужчиной и не легко поддается ему; она споритъ съ нимъ и начитанностью, и природнымъ умомъ, и нравственной выдержкой. Она хочетъ и умѣетъ не только заставить полюбить себя, но и научить уважать, какъ человѣка. Когда дядя Беатриче Ліонато называетъ ее слишкомъ строптивой и пророчитъ ей, что не легко она найдетъ себѣ мужа, Беатриче, также, какъ и Бенедиктъ, увѣряетъ, будто ей замужъ вовсе и не хочется. Но это слова, скрывающія ея настоящія мысли. Она скорѣе слишкомъ требовательна. Она подчинится не тому мужу, который укротитъ ее, какъ Петруччіо укротилъ Катарину; она оставитъ свою дѣвичью гордость передъ тѣмъ, кто покажется ей достойнымъ. Бѣда только въ томъ, что такого человѣка не легко найти: онъ долженъ соединять въ себѣ пылкость юноши съ опытностью мужчины; вѣдь именно это хочетъ сказать Беатриче, когда объясняетъ своему дядѣ, что „у кого есть борода, тотъ больше, чѣмъ юноша, а тотъ, у кого нѣтъ бороды, меньше, чѣмъ мужчина; но, кто болѣе юноши, не для меня, а кто меньше мужчины, для того я не гожусь".

Если въ характерахъ Беатриче и Бенедикта такъ ясно видна связь „Много шуму изъ ничего" съ такъ называемымъ вторымъ періодомъ художественной дѣятельности Шекспира, то перипетіи любви Геро и Клавдіо вводятъ насъ уже въ новый, третій періодъ. Это періодъ большихъ трагедій. Его обыкновенно называютъ періодомъ пессимизма. „Много шуму изъ ничего" есть пьеса переходная. Она обнаруживаетъ тотъ переломъ въ творчествѣ Шекспира, послѣ котораго воображеніе его создаетъ трагическіе образы Лира, Отелло, Гамлета и др. Въ разбираемой пьесѣ великій драматургъ только какъ бы обернулся еще назадъ, оживилъ еще разъ фигуры своихъ комедій. Великія горести человѣческой жизни, которыя онъ скоро представитъ передъ нами во всемъ ихъ ужасѣ, онъ также еще только намѣчаетъ. Онѣ изображены еще поверхностно; великій сердцевѣдъ еще вѣритъ въ возможность счастливаго исхода; только зная, куда поведетъ черезъ нѣсколько лѣтъ Шекспира его художественный геній, можно понять всесторонне „Много шуму изъ ничего".

И, дѣйствительно, Клавдіо конечно не Отелло, Геро не Дездемона, Донъ Жуанъ не Яго и не Эдмондъ, незаконный сынъ Глостера, но во всемъ сюжетѣ „Много шуму изъ ничего", заимствованномъ изъ новеллы Банделло, много чертъ приближаетъ насъ къ великимъ трагедіямъ. Геро такъ же несправедливо и такъ же неправдоподобно оклеветана, какъ и Дездемона. И передъ клеветой, зіяющей своей нелѣпостью, она такъ же безпомощна и безоружна. Ея несчастье лежитъ въ неслыханной озлобленности ея предателя. Донъ-Жуанъ въ „Много шуму изъ ничего" это одновременно прототипъ и Эдмонда въ „Королѣ Лирѣ", и Яго въ „Отелло". Такъ же, какъ Эдмондъ, онъ незаконный сынъ, вѣчно чувствующій униженіе своего положенія и таящій вслѣдствіе этого месть противъ той семьи, съ которой онъ связанъ позоромъ своего рожденія. Онъ негодуетъ и втайнѣ ищетъ возможности стать вровень съ тѣми, у кого въ жилахъ течетъ та же кровь, что и у него; онъ также не можетъ примириться съ тѣмъ, что другіе случайностью своего рожденія получаютъ всѣ почести и всѣ преимущества въ обществѣ, тогда какъ отъ него все это отнято той же случайностью рожденія. И, какъ Яго, Донъ-Жуанъ задумываетъ месть, отъ которой гибнетъ слабое, неповинное существо. Донъ-Жуанъ также геній зла, воплощеніе глухой ненависти, безполезной и безпощадной.

Успѣхъ Донъ-Жуана заключается однако не въ его изобрѣтательности,—успѣхъ его во вспыльчивомъ, легко воспламеняющемся нравѣ Клавдіо. Гонецъ, разсказывая въ

первой же сценѣ „Много шуму изъ ничего" о только что окончившейся войнѣ, изображаетъ Клавдіо героемъ, „съ видомъ ягненка, совершающимъ поступки льва". Развѣ тутъ не надо видѣть какъ будто зародышъ такъ же воинственнаго и такъ же ревниваго мавра? и у него слово слишкомъ близко къ дѣлу, онъ также не склоненъ вовсе къ размышленію. Отелло, правда, еще болѣе легковѣренъ, чѣмъ Клавдіо; онъ еще болѣе неукротимъ. Улики Донъ-Жуана подстроены поэтому болѣе хитро, чѣмъ жалкая улика, придуманная Яго.

Къ послѣдующему, мрачному періоду драматической дѣятельности Шекспира относится и мягкій, слишкомъ покорный, слишкомъ безотвѣтный характеръ Геро. Такова не одна только Дездемона, такова и бѣдная Офелія, погибшая отчасти также отъ подозрительности наболѣвшей души Гамлета. Въ „Много шуму изъ ничего" Геро спасаетъ ея болѣе рѣшительная, созданная для борьбы подруга Беатриче. Черезъ нѣсколько лѣтъ Шекспиръ будетъ думать иначе. Онъ воочію покажетъ, что подобнымъ женщинамъ вовсе нѣтъ спасенія, имъ мѣсто не въ жизни; онѣ гибнутъ въ соприкосновеніи съ ожесточеннымъ сердцемъ мужчины, съ грубой, оскверненной пороками каждодневностью. Поэтому Гамлетъ и кричитъ въ изступленіи своей Офеліи: „иди въ монастырь". Въ пессимистическій періодъ жизни Шекспира ему и самому, вѣроятно, казалось, что Дездемонѣ и Офеліи мѣсто не въ жизни, а въ монастырѣ. Иначе ихъ ждетъ трагическій конецъ. Шекспиръ смотрѣлъ тогда на человѣчество мрачнымъ взоромъ Тимона Аѳинскаго.

Но вотъ къ концу жизни въ душѣ Шекспира настанетъ успокоеніе. Проблески надежды сверкнутъ передъ нимъ. Переселившись опять въ родной Стратфордъ, онъ узнаетъ радости семейной жизни, родительскую любовь, такъ ярко выраженную въ „Периклѣ" и въ „Бурѣ". И по мѣрѣ приближенія къ этому послѣднему періоду, къ такъ называемому періоду примиренія, передъ зрителями будутъ вновь вставать въ шекспировской драмѣ образы покорныхъ, тихихъ и напрасно оклеветанныхъ женщинъ. И тогда испытанія ихъ будутъ уже вновь приводить къ счастливому исходу. Только залогомъ его явится не помощь со стороны, не участіе болѣе сильной, менѣе податливой натуры; самое долготерпѣніе, самая нравственная чистота непорочной женщины помогутъ ей лучше всего преодолѣть испытанія. Тогда правда будетъ торжествовать надъ ложью по самому ходу событій. Добро окажется тогда сильнѣе зла. И тогда обликъ Геро превратится въ болѣе ярко обрисованные образы Имогены въ „Цимбелинѣ" и Герміоны въ „Зимней сказкѣ".

Евг. Аничковъ.

ПОЭЗІЯ.

Фреска Рафаэля (Плафонъ въ Camera del'a Segnatura въ Ватиканѣ).

МНОГО ШУМУ ИЗЪ НИЧЕГО

(Much Addo about nothing).

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Дѣйствующія лица:

Донъ-Педро, принцъ Арагонскій.
Донъ-Жуанъ, его побочный братъ.
Клавдіо, молодой флорентинецъ, приближенный Донъ-Педро.
Бенедиктъ, молодой падуанецъ, тоже приближенный Донъ-Педро.
Леонато, мессинскій намѣстникъ.
Антоніо, его братъ.
Бальтаваръ, изъ свиты Донъ-Педро.
Борахіо, Конрадъ — изъ свиты Донъ-Жуана.
Клюква, Кисель — полицейскіе.
Отецъ Францискъ, монахъ.
Протоколистъ.
Мальчикъ.
Геро, дочь Леонато.
Беатриче, его племянница.
Маргарита, Урсула — камеръ-юнгферы Геро.
Вѣстники, сторожа, слуги и прочіе.

Мѣсто дѣйствія Мессина.

Боковой орнаментъ представляетъ собою одну изъ пилястръ Рафаэлевскихъ ложъ въ Ватиканѣ.

ЗНАТНЫЙ ИТАЛЬЯНЕЦЪ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ, по типу подходящій къ Леонато.

Картина итальянскаго живописца Paolo Morando, также Cavazzola (1486 - 1522).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Передъ домомъ Леонато.

Входятъ Леонато, Геро, Беатриче *и* гонецъ.

Леонато. Изъ этого письма я вижу, что донъ-Педро будетъ на ночь въ Мессину.

Гонецъ. Онъ очень близко; я его оставилъ мили за три отсюда.

Леонато. Сколько людей потеряли вы въ этомъ сраженіи?

Гонецъ. Вообще очень мало; изъ офицеровъ ни одного.

Леонато. Побѣда — двойная побѣда, когда всѣ возвращаются домой. Здѣсь сказано, что донъ-Педро осыпалъ наградами молодого флорентинца, по имени Клавдіо.

Гонецъ. Онъ вполнѣ заслужилъ ихъ, и донъ-Педро это видѣлъ. Онъ превзошелъ все, что можно было ожидать отъ его лѣтъ; въ образѣ ягненка дрался какъ левъ; онъ до того превзошелъ ожиданія всѣхъ, что я не съумѣю и разсказать вамъ.

Леонато. Здѣсь, въ Мессинѣ, есть у него дядя: это его порадуетъ.

Гонецъ. Я уже отдалъ ему письма, и они доставили ему, кажется, много радости; онъ такъ обрадовался, что не могъ даже удержаться отъ слезъ.

Леонато. Заплакалъ?

Гонецъ. Просто зарыдалъ.

Леонато. Добрый вздохъ добраго чувства! Честно лицо, омытое такими слезами! И во сколько разъ лучше плакать отъ радости, чѣмъ радоваться слезамъ!

Беатриче. Позвольте спросить: храбрый витязь Бова воротился или нѣтъ?

Гонецъ. Я такого, сударыня, не знаю; такого офицера у насъ не было.

Леонато. О комъ это ты спрашиваешь, племянница?

Геро. Сестрица спрашиваетъ о падуанцѣ Бенедиктѣ.

Гонецъ. А, вотъ кто! Онъ возвратился—и веселъ попрежнему.

Беатриче. Онъ здѣсь, въ Мессинѣ, объявилъ афишами, что вызываетъ Купидона состязаться въ пораженіи сердецъ; дядюшкинъ шутъ расписался за божка. Скажите, пожалуйста, много онъ у васъ тамъ, на войнѣ, убилъ и съѣлъ? то есть сколько убилъ? Я обѣщала съѣсть всѣ его жертвы.

Леонато. Право, племянница, ты его обижаешь; впрочемъ, я увѣренъ, что вы сойдетесь.

Гонецъ. Онъ оказалъ большія услуги въ этой войнѣ.

Беатриче. Вѣроятно, у васъ были залежалые съѣстные припасы и онъ помогалъ ихъ доѣдать. Онъ истинно застольный герой; желудокъ у него—просто чудо.

Гонецъ. И хорошій воинъ къ тому, сударыня.

Беатриче. Да, хорошій—для дамы; но каковъ онъ для кавалера?

Гонецъ. Съ кавалеромъ—кавалеръ, съ мужчиной—мужчина... Онъ полонъ всякаго рода добродѣтелей, достойныхъ уваженья.

Беатриче. Да, ваша правда, онъ мужчина полный; но что касается, полноты... конечно, всѣ мы люди смертные...

Леонато. Надо объяснить вамъ выходки моей племянницы. У нея съ Бенедиктомъ родъ потѣшной войны: не могутъ встрѣтиться, чтобъ не порѣзаться на остротахъ.

Беатриче. Да—и онъ вѣчно срѣжется. Въ послѣдней схваткѣ четыре изъ его пяти умственныхъ способностей обратились въ бѣгство подъ предводительствомъ здраваго смысла, и теперь онъ кое-какъ пробавляется одною. Слава Богу, что хоть одна осталась, по крайней мѣрѣ можно еще различить ѣздока отъ лошади. На этомъ только и держатся права его на разумное существо. Кто у него теперь пріятелемъ? У него, вѣдь, что ни мѣсяцъ, то новая дружба по гробъ.

Гонецъ. Возможно ли?

Беатриче. Очень возможно. Вѣрность у него въ родѣ модной шляпы: онъ безпрестанно пересаживаетъ ее съ одного болвана на другого.

Гонецъ. Я вижу, онъ у васъ на дурномъ счету.

Беатриче. Въ противномъ случаѣ я не умѣла бы считать. Такъ кто же у него теперь другъ-то? Неужели не сыскалось повѣсы, готоваго отправиться съ нимъ къ чорту?

Гонецъ. Онъ большею частью бываетъ съ Клавдіо.

Беатриче. Несчастный! Бенедиктъ пристанетъ къ нему какъ чума: онъ неимовѣрно прилипчивъ—и зараженный немедленно лишается разсудка. О, Господи! спаси благороднаго Клавдіо! Если онъ боленъ Бенедиктомъ, лѣченіе обойдется ему тысячъ въ двадцать.

Гонецъ. Позвольте мнѣ быть вашимъ другомъ.

Беатриче. Сдѣлайте одолженіе.

Леонато. Вы никогда не лишитесь разсудка, племянница.

Беатриче. Надѣюсь; развѣ въ январѣ станетъ жарко.

Гонецъ. Донъ-Педро идетъ.

Входитъ Донъ-Педро *въ сопровожденіи* Бальтазара *и другихъ; за ними* Донъ-Жуанъ, Клавдіо *и* Бенедиктъ.

Донъ-Педро. Добрѣйшій синьоръ Леонато! вы сами навязываетесь на заботы. На свѣтѣ водится избѣгать издержекъ, а вы сами ихъ ищете.

Леонато. Забота никогда не являлась въ домъ мой въ образѣ вашего высочества. Когда исчезаетъ забота, остается покой; но съ вами исчезаетъ счастье и остается грусть.

Донъ-Педро. Вы слишкомъ снисходительно принимаете на себя трудъ. Это, кажется, дочь ваша?

Леонато. Мать ея не разъ мнѣ это говорила.

Бенедиктъ. А вы сомнѣвались, что спрашивали ее?

Леонато. Нѣтъ, синьоръ Бенедиктъ, вы были тогда еще ребенкомъ.

Донъ-Педро. Вотъ вамъ, Бенедиктъ! Теперь понятно, что вы за птица. (*Къ Геро*). Но ваше лицо говоритъ всего яснѣе: вы удивительно похожи на вашего отца. Позвольте пожелать вамъ всевозможнаго счастья.

Бенедиктъ. Хотя синьоръ Леонато и отецъ ей, а я увѣренъ, что она и за всю Мессину не согласится, чтобъ голова его очутилась на ея плечахъ, какъ она на него ни похожа.

Беатриче. Удивляюсь, что вы безпрестанно говорите, синьоръ Бенедиктъ: никто не обращаетъ на это вниманія.

Бенедиктъ. А! насмѣшница! вы еще живы?

Беатриче. Можетъ ли насмѣшница умереть, пока насмѣшки ея питаются такою сытною пищею, какъ синьоръ Бенедиктъ? Сама учтивость превращается въ насмѣшку, когда вы являетесь на сцену.

Бенедиктъ. Въ такомъ случаѣ учтивость вѣроотступница. Однако, что ни говорите, а всѣ женщины отъ меня безъ ума, кромѣ васъ одной; и мнѣ, право, жаль, что у меня такое жестокое сердце: я ни одной изъ нихъ не люблю.

Беатриче. Какъ онѣ счастливы! Онѣ избавлены отъ убійственнаго вздыхателя! Благодаря Бога и у меня кровь холодная; я тоже никого не люблю. Слушать клятвы въ любви! Нѣтъ, мнѣ сноснѣе слушать, какъ моя собаченка лаетъ на воронъ.

Бенедиктъ. Да сохранитъ въ васъ Господь Богъ такой образъ мыслей! Это сохранитъ чье-нибудь лицо отъ ногтей.

Беатриче. Ногти не сдѣлаютъ его хуже, если оно похоже на ваше.

Бенедиктъ. Изъ васъ вышелъ бы превосходный попугай.

Беатриче. Говорящая птица лучше безсловеснаго животнаго.

Бенедиктъ. Не могу не пожелать моей лошади проворства и неутомимости вашего языка. Впрочемъ, продолжайте съ Богомъ: я молчу.

Беатриче. Вы всегда кончаете лошадиною остротою. Не новость.

Донъ-Педро (*говорившій между тѣмъ съ Леонато*). Вотъ въ чемъ состоитъ дѣло, Леонато. Синьоръ Клавдіо и синьоръ Бенедиктъ! другъ мой, Леонато, приглашаетъ васъ къ себѣ. Я говорю ему, что мы пробудемъ здѣсь съ мѣсяцъ, но онъ надѣется, что насъ задержитъ что-нибудь дольше— и я ручаюсь, что онъ говоритъ чистосердечно.

Леонато. Вы не ошибаетесь (*Донъ-Жуану*). Позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе. Вы примирились съ его высочествомъ—и я къ вашимъ услугамъ.

Донъ-Жуанъ. Благодарю васъ. Я не люблю лишнихъ словъ: благодарю васъ.

Леонато. Не угодно ли вашему высочеству войти?

Донъ-Педро. Вашу руку, Леонато: войдемте вмѣстѣ. (*Всѣ уходятъ, кромѣ Бенедикта и Клавдіо*).

Клавдіо. Бенедиктъ, замѣтилъ ты дочь Леонато?

Бенедиктъ. Нѣтъ, не замѣчалъ; я только смотрѣлъ на нее.

Клавдіо. Не правда ли, она хороша?

Бенедиктъ. Что, вы меня спрашиваете какъ честный человѣкъ и желая знать настоящее мое мнѣніе, или прикажете отвѣчать вамъ, по моему обыкновенію, какъ заклятый врагъ женскаго пола?

Клавдіо. Нѣтъ, пожалуйста, говори просто.

Бенедиктъ. Мнѣ кажется, она слишкомъ мала для большой, слишкомъ смугла для свѣтлой и слишкомъ низка для высокой похвалы. Все, что я могу сказать въ ея пользу: будь она другою, она была бы не хороша собой; а такъ, какъ она есть, она мнѣ не нравится.

Клавдіо. Ты думаешь, я шучу—нѣтъ; сдѣлай милость, скажи мнѣ откровенно, какъ она тебѣ нравится?

Бенедиктъ. Чего вы такъ разспрашиваете—ужъ не хотите ли купить ее?

Клавдіо. Есть ли цѣна такому алмазу?

Бенедиктъ. Сыщется и футляръ... Да нѣтъ, вы какъ: серьезно говорите? или такъ только, зря? по вашему, Купидонъ зоркій стрѣлокъ, Вулканъ ловкій танцоръ? Подайте камертонъ, а то какъ же вамъ вторить?

Клавдіо. На мои глаза, я не видывалъ подобной красавицы.

Бенедиктъ. Я смотрю еще безъ очковъ, а ничего такого не вижу. Вотъ сестрица ея—не вселись въ нее бѣсъ, такъ она была бы лучше Геро, какъ 1-е мая лучше 31-го декабря. Надѣюсь, вы не думаете жениться? или—думаете?

Клавдіо. Я не повѣрилъ бы самому себѣ, если бы поклялся въ противномъ, зная, что Геро согласна быть моею женою.

Бенедиктъ. Право? Такъ вотъ оно до чего дошло? Неужели нѣтъ на свѣтѣ ни одного человѣка, который желалъ бы спокойно надѣвать на ночь колпакъ? неужели мнѣ не видать шестидесятилѣтняго холостяка? Что жъ, по мнѣ—пожалуй! Надѣвай ярмо, если хочешь; зѣвай у себя дома въ халатѣ. А вонъ и донъ-Педро. Онъ, кажется, за нами.

Донъ-Педро *возвращается*.

Донъ-Педро. Что у васъ тутъ за секреты? почему вы не пошли къ Леонато?

Бенедиктъ. Сдѣлайте одолженіе, ваше высочество, заставьте меня говорить.

Донъ-Педро. Повелѣваю тебѣ властью государя.

Бенедиктъ. Слышите, графъ Клавдіо? Повѣрьте, я могу быть нѣмъ, какъ могила, но—властью государя! слышите—властью

ЛЕОНАТО, ГЕРО, БЕАТРИЧЕ и ГОНЕЦЪ. (Дѣйствіе I, сц. I).
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

государя! (*Дону-Педро*). Онъ влюбленъ. Въ кого? Это вы спрашиваете, ваше высочество. Отвѣтъ очень короткій: въ Геро, дочь Леонато.

Клавдіо. Конечно, если это такъ, такъ вѣрно не иначе.

Бенедиктъ. Да, какъ говорится въ старой сказкѣ: оно не то, чтобы то, а такъ сказать въ нѣкоторомъ родѣ того. Впрочемъ, избави Богъ, чтобы дѣйствительно было *того*.

Клавдіо. Если страсть моя не пройдетъ скоро, то не дай Богъ, чтобы она прошла когда-нибудь.

Донъ-Педро. Аминь, говорю я, если вы ее любите; она достойна любви.

Клавдіо. Это съ вашей стороны только ловушка, ваше высочество.

Донъ-Педро. Увѣряю васъ, что говорю отъ души.

Клавдіо. Клянусь вамъ, что и я говорю отъ души.

Бенедиктъ. Такъ ужъ и я отъ души— клянусь и увѣряю!

Клавдіо. Я чувствую, что люблю ее.

Донъ-Педро. А я знаю, что она этого достойна.

Бенедиктъ. А я—ни чувствую, какъ ее можно любить, ни знаю, почему она этого достойна, и этого убѣжденія не выжжетъ изъ меня никакой огонь; умру за него.

Донъ-Педро. Что касается до обожанія красоты, ты былъ всегда упорнымъ еретикомъ.

Клавдіо. И выдерживалъ свою роль черезъ силу.

Бенедиктъ. Я очень благодаренъ женщинѣ, которая зачала меня; что она меня воспитала, и за это нижайше благодарю; но чтобы у меня на головѣ играла роговая музыка—нѣтъ, ужъ извините, милостивыя государыни. Я не хочу обидѣть ни одной, не довѣряя именно ей, и потому отдаю справедливость всѣмъ: никому не довѣряю. А конецъ пѣсни тотъ, что я остаюсь холостякомъ.

Донъ-Педро. Я надѣюсь еще дожить до той минуты, когда ты поблѣднѣешь отъ любви.

Бенедиктъ. Отъ досады, отъ болѣзни, отъ голода—только не отъ любви. Если я начну когда-нибудь сохнуть отъ любви, такъ что и виномъ меня не размочишь—позволяю выколоть мнѣ глаза перомъ кропателя балладъ и повѣсить меня надъ дверьми не-

пристойнаго дома, вмѣсто вывѣски слѣпого Купидона.

Донъ-Педро. Смотри, если ты отречешься когда нибудь отъ твоихъ вѣрованій, то сдѣлаешься превосходнѣйшею мишенью для сатиры.

Бенедиктъ. Если отрекусь, то повѣсьте меня въ кувшинѣ, какъ кошку—и стрѣляйте; и кто попадетъ въ меня, потреплите его по плечу и назовите Адамомъ.

Донъ-Педро. Время все рѣшитъ.

„И дикій быкъ свыкается съ ярмомъ".

Бенедиктъ. Да, дикій быкъ; но если свыкнется съ нимъ разумный Бенедиктъ, да переселятся рога быка на его голову! Можете даже, если угодно, приказать намалевать меня и надписать вершковыми буквами: „здѣсь показываютъ законнаго супруга Бенедикта".

Клавдіо. А ты не станешь за это бодаться?

Донъ-Педро. Скоро задрожишь ты передъ стрѣлами Купидона, если только онъ не растратилъ всего колчана въ Венеціи.

Бенедиктъ. Скорѣе задрожитъ земля.

Донъ-Педро. Посмотримъ; время не свой братъ. Однако сходите, добрѣйшій синьоръ Бенедиктъ, къ Леонато. Кланяйтесь ему отъ меня и скажите, что я непремѣнно буду къ ужину. У него тамъ такія приготовленія!

Бенедиктъ. Вотъ на подобное посольство я способенъ: честь имѣю...

Клавдіо. Быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою. Замокъ „такой-то"... О! если бы онъ у меня былъ!

Донъ-Педро. Шестого іюля. Вашъ вѣрный другъ Бенедиктъ.

Бенедиктъ. Не смѣйтесь, не смѣйтесь. Краснорѣчіе ваше заштопано лохмотьями, да и тѣ едва держатся. Вы хоть бы посовѣстились повторять истасканныя остроты. До свиданія. (*Уходитъ*).

Клавдіо. Ваше высочество, вы теперь могли бы оказать мнѣ милость.

Донъ-Педро.

Такъ научи меня, и ты увидишь,
Съ какою легкостью я разрѣшу,
Любя тебя, труднѣйшую задачу.

Клавдіо.

Есть сыновья у Леонато?

Донъ-Педро.

Нѣтъ,
Одна наслѣдница и дочь. А что?
Она понравилась тебѣ—не такъ ли?

Клавдіо.

Когда готовились мы выступить въ походъ,
Я любовался ею, принцъ, но помнилъ,
Что я солдатъ, что ждетъ меня тревога
Суровыхъ битвъ—не до любви мнѣ было;
Теперь не то: одержана побѣда,
Миръ заключенъ. Воинственныя думы
Смѣнились сладкою мечтой любви,
И сердце шепчетъ мнѣ: „взгляни на Геро!
Что за божественная красота!
Ты полюбилъ ее, когда"...

Донъ-Педро.

Довольно!
Ты истинно влюбленный; не жалѣешь
Чужихъ ушей; откуда что берется!
Ты любишь Геро; что жъ, люби ее,
А я посватаю—и ты женатъ.
Вѣдь это цѣль хитросплетенной рѣчи?

Клавдіо.

О, какъ вы поняли недугъ любви!
Какъ зорко видите всѣ раны сердца!
Вы угадали. Не хотѣлось мнѣ
Такую мысль разоблачить внезапно,
Какъ необузданный порывъ: словами
Старался я прикрыть мое желанье.

Донъ-Педро.

Напрасный трудъ! На узкую рѣченку
Не стоитъ наводить широкій мостъ.
Тутъ дѣло просто: ты въ нее влюбленъ,
А я готовъ тебѣ помочь. Какъ слышно,
Сегодня вечеромъ назначенъ балъ.
Я буду въ маскѣ и признаюсь Геро,
Что я графъ Клавдіо; заговорю
Отъ сердца къ сердцу, и сквозь слухъ, плѣненный
Внезапной встрѣчей съ языкомъ любви,
Проникну въ грудь ея. Потомъ, немедля,
Пойду къ отцу, а въ заключенье пѣсни
Она твоя. Сейчасъ примусь за дѣло.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Комната въ домѣ Леонато.

Входятъ Леонато *и* Антоніо.

Леонато. Ну что, братъ? Гдѣ сынъ твой, мой племянникъ? Распорядился онъ музыкой?

Антоніо. Да, хлопочетъ. Знаешь ли, я могу сообщить тебѣ странныя новости; тебѣ и не снилось ничего подобнаго.

Леонато. А хороши онѣ?

Антонiо. Смотря по тому, чѣмъ кончатся; съ перваго взгляда по крайней-мѣрѣ не дурны. Принцъ и графъ Клавдіо гуляли у меня въ саду; аллея была густа, и одинъ изъ моихъ людей подслушалъ ихъ разговоръ. Принцъ говорилъ Клавдіо, что влюбленъ въ племянницу мою, твою дочь, и что признается ей въ этомъ сегодня же ввечеру, во время танцевъ. Если она не прочь, онъ не намѣренъ терять времени и тотчасъ же переговоритъ объ этомъ съ тобою.

Леонато. А слуга твой не глупый малый?

Антонiо. Очень смышленый. Я велю позвать его: разспроси его самъ.

Леонато. Нѣтъ, нѣтъ; будемъ это считать сномъ, пока онъ не осуществится самъ собою. Однако не мѣшаетъ предварить дочь: пусть приготовитъ отвѣтъ на всякій случай. Можетъ статься, это и правда. Пожалуйста, увѣдомь ее. (*Нѣсколькимъ слугамъ, проходящимъ черезъ сцену*). Вы, господа, уже знаете, какъ и чѣмъ распорядиться. (*Антонію*). Пожалуйста, позаботьтесь, чтобы все было готово. Сдѣлай милость, пойдемъ со мною; ты мнѣ понадобишься. (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Другая комната въ домѣ Леонато.

Входятъ Донъ-Жуанъ *и* Конрадъ.

Конрадъ. Что за дьявольщина! Что вы такъ печальны?

Донъ-Жуанъ. Да, на душѣ у меня тяжело; да и причина не легка.

Конрадъ. Надо быть благоразумнымъ; послушайтесь разсудка.

Донъ-Жуанъ. Положимъ, я и послушаюсь—что мнѣ изъ того?

Конрадъ. Если это не облегчитъ участи вашей мгновенно, по крайней мѣрѣ вы будете сносить это терпѣливѣе.

Донъ-Жуанъ. Мнѣ, право, странно: ты утверждаешь, что родился подъ вліяніемъ Сатурна, а предлагаешь нравственное лѣкарство противъ смертельнаго недуга. Я не могу притворяться: грущу, когда мнѣ грустно, несмотря ни на чьи шутки; ѣмъ, когда голоденъ, и не жду никого; сплю, когда спать хочется, не заботясь ни о чьихъ дѣлахъ; смѣюсь, когда мнѣ весело—не могу и не хочу поддѣлываться ни подъ кого.

Конрадъ. Да только вамъ не слѣдуетъ высказывать этого, пока вы еще не совершенно самостоятельны. Вы были въ ссорѣ съ вашимъ братомъ, примирились съ нимъ недавно—и если хотите утвердиться, такъсказать, пустить корни въ его добромъ расположеніи, такъ должны сами позаботиться о хорошей погодѣ.

Донъ-Жуанъ. Я согласенъ лучше быть репейникомъ на волѣ, нежели розаномъ въ его цвѣтникѣ; кровь моя говоритъ, что лучше быть ненавистнымъ для всѣхъ, нежели лестью втереться къ кому-нибудь въ милость. Меня не могутъ назвать честнымъ льстецомъ, зато должны сознаться, что я прямодушный негодяй. Мнѣ довѣряютъ, надѣвши на меня намордникъ, и даютъ свободу, наложивши кандалы на ноги. Такъ не хочу же пѣть въ клѣткѣ! Говорю прямо: дай мнѣ волю—я буду кусаться. Тебѣ не измѣнить меня: останусь тѣмъ, чѣмъ создала меня природа.

Конрадъ. Неужели вы не придумаете, на что употребить вашу досаду?

Донъ-Жуанъ. Я употребляю ее на все возможное, потому что съ досады готовъ на все, и все, что ни дѣлаю, дѣлаю съ досады.

Входитъ Борахіо.

Донъ-Жуанъ. Кто это? Что скажешь, Борахіо?

Борахіо. Я прямо съ великолѣпнаго ужина. Леонато царски угощаетъ вашего брата. Могу сообщить вамъ новость: затѣвается свадьба.

Донъ-Жуанъ. Въ доказательство людской глупости? Кто же этотъ дуракъ, который самъ лѣзетъ въ петлю?

Борахіо. Кто? Правая рука вашего брата.

Донъ-Жуанъ. Знаменитый Клавдіо?

Борахіо. Онъ самый.

Донъ-Жуанъ. Великодушный рыцарь! А на комъ же? на комъ? Куда онъ мѣтитъ?

Борахіо. На Геро, дочери и наслѣдницѣ Леонато.

Донъ-Жуанъ. Истинно заморская пташка! Какъ ты это узналъ?

Борахіо. Мнѣ приказали покурить въ комнатахъ. Вхожу я въ залу, вижу—принцъ и Клавдіо ходятъ рука-объ-руку и о чемъто серьезно разговариваютъ. Я за коверъ—и слышу: рѣшили, что принцъ посватаетъ Геро и, получивъ согласіе, отдастъ ее графу Клавдіо.

Донъ-Жуанъ. Пойдемъ же; тутъ мнѣ

есть на чемъ выместить досаду: этотъ выскочка-молокососъ причиною моего паденія, и если можно подставить ему ногу, такъ я очень радъ. На васъ, надѣюсь, можно положиться? Вы за меня?

Конрадъ. По гробъ.

Донъ-Жуанъ. Пойдемъ же на этотъ великолѣпный ужинъ. Они пируютъ и радуются моему паденію... Гм! если бы поваръ думалъ по-моему! Что жъ, идемъ? Тамъ увидимъ, что дѣлать.

Борахіо. Мы къ вашимъ услугамъ.

(*Уходятъ*).

БЕАТРИЧЕ и БЕНЕДИКТЪ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ТИПЫ МЕССИНСКИХЪ СИНЬОРОВЪ XV ВѢКА.
Портреты извѣстнаго мессинскаго живописца Antonello da Messina (1444—1493).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Зала въ домѣ Леонато.

Входятъ Леонато, Антоніо, Геро, Беатриче *и другіе.*

Леонато. Графъ Жуанъ не былъ за ужиномъ.

Антоніо. Я его не видалъ.

Беатриче. Что за кислое лицо у этого человѣка! У меня дѣлается изжога, когда я его вижу.

Геро. Угрюмая натура.

Беатриче. Вотъ былъ бы прекрасный человѣкъ: нѣчто среднее между нимъ и Бенедиктомъ. Одинъ, какъ статуя, вѣчно молчитъ; другой какъ матушкинъ сынокъ, вѣчно болтаетъ.

Леонато. Итакъ,—полъ языка Бенедикта во рту графа Жуана и половина его кислаго выраженія на лицѣ Бенедикта.

Беатриче. Прибавьте къ этому стройныя ноги, дядюшка, да побольше денегъ въ кошелькѣ—такой человѣкъ покоритъ хоть какую женщину, если только она согласится.

Леонато. Право, племянница, съ такимъ злымъ языкомъ ты никогда не выйдешь замужъ.

Антоніо. Дѣйствительно, язычекъ у тебя ужъ черезчуръ востеръ.

Беатриче. Большая потеря! говорятъ: бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ...

Леонато. И тебѣ не дастъ.

Беатриче. Да, потому что не дастъ мужа, о каковомъ благодѣяніи и молю Его денно и нощно. Боже! мужъ съ бородой! Терпѣть прикосновеніе этой щетки! нѣтъ, я согласнѣе спать на соломѣ безъ простыни.

Леонато. Можешь попасть и на безбородаго.

Беатриче. А что мнѣ съ нимъ дѣлать? Нарядить его въ мои юбки и приставить къ себѣ горничной? Человѣкъ съ бородой уже не юноша, безъ бороды еще не мужъ; если онъ уже не юноша, онъ не по-мнѣ, если еще не мужъ, я не по-немъ. Нѣтъ, лучше наймусь за шесть пенсовъ къ какому-нибудь бородатому вожаку медвѣдей отводить его обезьянъ въ преисподнюю.

Леонато. Прекрасно; такъ ты охотнѣе пойдешь въ адъ?

Беатриче. Нѣтъ, только до входа; тамъ встрѣтитъ меня старый рогоносецъ Сатана и скажетъ: „идите на небеса, Беатриче, идите на небеса; здѣсь для васъ, дѣвъ, нѣтъ мѣста“. Тогда я вручу ему обезьянъ, а сама на небо къ святому Петру; и святой Петръ укажетъ мнѣ, гдѣ сидятъ холостяки—и заживемъ мы припѣваючи.

Антоніо *(къ Геро)*. А вы, племянница, надѣюсь, послушаетесь вашего отца?

Беатриче. Конечно; сестрица вмѣнитъ себѣ въ непремѣнную обязанность присѣсть и сказать: „какъ *вамъ* угодно, папенька“.

(*Геро*). Только послушай, сестрица: онъ долженъ быть молодецъ-молодцомъ; иначе совѣтую присѣсть еще разъ и сказать: „какъ *мнѣ* угодно, папенька“.

Леонато. Хорошо, племянница, хорошо! Впрочемъ, я все-таки не теряю надежды увидѣть тебя когда-нибудь замужемъ.

Беатриче. Когда Богъ создастъ мужчину не изъ земли. Не обидно ли подумать, что мною станетъ помыкать сильный кусокъ глины? отдавать отчетъ въ своемъ поведеніи противной кочкѣ? Нѣтъ, дядюшка, не хочу; сыны Адама мнѣ братья, и я считаю грѣхомъ выйти за родственника.

Леонато. Не забудь, Геро, о чемъ я тебѣ говорилъ. Если принцъ заведетъ объ этомъ рѣчь—ты знаешь, что ему отвѣчать.

Беатриче. Онъ согрѣшитъ противъ музыки, если посватается за тебя не въ тактъ. Скажи ему тогда, что во всемъ должно наблюдать мѣру—и протанцуй ему твой отвѣтъ. Потому что вотъ, видишь ли, милая Геро, сватовство, женитьба и раскаяніе похожи на шотландскій джигъ, менуетъ и *cinq-pas*. Сватовство горячо и бурно, какъ джигъ; женитьба—чинно-церемонна, какъ степенный, прадѣдовскій менуетъ; а потомъ является раскаяніе, разбитое на ноги, и спотыкается въ *cinq-pas* все чаще, пока не упадетъ въ могилу.

Леонато. Ты на все смотришь косо, племянница.

Беатриче. У меня зоркіе глаза: днемъ я могу разглядѣть церковь.

Леонато. Маски! Дадимъ имъ мѣсто, братъ.

(*Всѣ надѣваютъ маски*).

Входятъ Донъ-Педро, Клавдіо, Бенедиктъ, Бальтазаръ, Донъ-Жуанъ, Борахіо, Маргарита, Урсула *и другіе въ маскахъ.*

Донъ-Педро (*Геро*). Не угодно ли вамъ пройтись съ вашимъ поклонникомъ?

Геро. Если вы пойдете тихо и въ краснорѣчивомъ молчаніи, я готова идти, особенно готова идти прочь.

Донъ-Педро. Со мною?

Геро. Да, если мнѣ вздумается.

Донъ-Педро. А когда вамъ это вздумается?

Геро. Когда мнѣ понравится ваше лицо; избави Боже, если скрипка похожа на футляръ.

Донъ-Педро. Моя маска—хижина Филемона; внутри—Зевесъ.

Геро. Такъ отчего же на ней нѣтъ соломы? (*Уходятъ въ глубину сцены*).

Маргарита. Говорите тише, если вы говорите о любви.

Бальтазаръ. Полюбите же меня.

Маргарита. Нѣтъ, мнѣ васъ жаль; у меня много дурныхъ привычекъ.

Бальтазаръ. Напримѣръ?

Маргарита. Я молюсь вслухъ.

Бальтазаръ. Тѣмъ лучше, слушающій можетъ произнести: *аминь*.

Маргарита. О Господи! пошли мнѣ хорошаго танцора!

Бальтазаръ. Аминь!

Маргарита. И удали его съ глазъ, когда кончится танецъ! Отвѣчай же, дьячокъ.

Бальтазаръ. Ни слова больше. (*Проходятъ*).

Урсула. Я очень хорошо васъ знаю: вы синьоръ Антоніо.

Антоніо. Честное слово, нѣтъ.

Урсула. Знаете, почему я васъ узнала? У васъ голова трясется.

Антоніо. Сказать вамъ правду, такъ я нарочно ему подражаю.

Урсула. Куда вамъ это дѣлать такъ отлично дурно, если вы не онъ. Вотъ и сухая, какъ бумага, рука его; это вы, вы!

Антоніо. Честное слово, нѣтъ.

Урсула. Полноте! какъ будто я не узнаю васъ по несравненному остроумію! Таланта не скроешь. Не спорьте, я угадала. Геній высказывается. (*Уходятъ дальше*).

Беатриче. И вы не хотите сказать, кто вамъ это говорилъ?

Бенедиктъ. Нѣтъ, извините.

Беатриче. Скажете ли вы, по крайней мѣрѣ, кто вы?

Бенедиктъ. Теперь нѣтъ.

Беатриче. Что я вычитала всѣ мои остроты изъ „*Ста веселыхъ сказокъ*“—я знаю: это сказалъ вамъ синьоръ Бенедиктъ.

Бенедиктъ. Кто это?

Беатриче. Я увѣрена, что вы его очень хорошо знаете.

Бенедиктъ. Увѣряю васъ, что нѣтъ.

Беатриче. Неужели онъ никогда не заставлялъ васъ смѣяться?

Бенедиктъ. Да скажите же, пожалуйста, кто онъ?

Беатриче. Принцевъ шутъ, шутъ довольно плоскій; умѣетъ только клеветать внѣ всякаго вѣроятія; нравится только повѣсамъ и негодяямъ, и то не за остроуміе, а за плутовство; онъ смѣшитъ и сердитъ, надъ нимъ смѣются и бьютъ его. Онъ

вѣрно гдѣ нибудь здѣсь лавируетъ. Желательно, чтобы онъ причалилъ ко мнѣ.

Бенедиктъ. Если я съ нимъ познакомлюсь, я перескажу ему ваши слова.

Беатриче. Сдѣлайте одолженіе. Вы увидите: онъ разразится надо мною какимъ нибудь сравненіемъ, и если случится, что никто этого не замѣтитъ и не засмѣется, такъ онъ и носъ повѣситъ—а за ужиномъ спасена какая-нибудь куропатка: ему ничего въ ротъ не пойдетъ. (*Музыка за сценой*). Мы должны слѣдовать за передовыми.

Бенедиктъ. Ко всему доброму.

Беатриче. Конечно, если они поведутъ насъ къ худому, такъ я оставлю васъ при первомъ турѣ. (*Танцы. Уходятъ всѣ, кромѣ Донъ-Жуана, Борахіо и Клавдіо*).

Донъ-Жуанъ. Мой братъ влюбленъ въ Геро—это ясно; онъ отвелъ отца ея въ сторону сдѣлать ему предложеніе. Дамы ушли за нею и осталась одна только маска.

Борахіо. Это Клавдіо: я узнаю его по походкѣ.

Донъ-Жуанъ (*подходитъ къ Клавдіо*). Вы не синьоръ ли Бенедиктъ?

Клавдіо. Вы угадали; да.

Донъ-Жуанъ. Послушайте: вы очень близки съ моимъ братомъ. Онъ влюбленъ въ Геро. Пожалуйста отговорите его: она ему не пара. Вы сдѣлаете благородный поступокъ.

Клавдіо. Почему вы знаете, что онъ ее любитъ?

Донъ-Жуанъ. Я слышалъ собственными ушами, какъ онъ ей въ этомъ клялся.

Борахіо. Я тоже. Онъ поклялся, что женится на ней сегодня же.

Донъ-Жуанъ. Пойдемте въ залу.

(*Донъ-Жуанъ и Борахіо уходятъ*).

Клавдіо.

Я отвѣчалъ ему за Бенедикта,
Но вѣсть кольнула въ сердце мнѣ. О дружба!
Тебѣ нельзя довѣрить тайны сердца.
Измѣнница при встрѣчѣ съ красотой,
Ты таешь въ разгорѣвшейся крови,
Какъ воскъ во огнѣ! О, кто бы могъ подумать!
Онъ обманулъ меня! прости же, Геро!

Входитъ Бенедиктъ.

Бенедиктъ. Графъ Клавдіо?

Клавдіо. Онъ самый.

Бенедиктъ. Хотите идти со мной?

Клавдіо. Куда?

Бенедиктъ. Къ ближайшей ивѣ, по вашему собственному дѣлу, графъ. Какъ намѣрены вы носить вашу гирлянду: на шеѣ, какъ цѣпь ростовщика, или черезъ плечо, какъ лейтенантскій шарфъ? Какъ-нибудь да надо же вамъ ее носить: принцъ подцѣпилъ вашу Геро.

Клавдіо. Желаю ему веселиться.

Бенедиктъ. Хорошо сказано. Однако, согласитесь, вы не ожидали, чтобы онъ сыгралъ съ вами такую штуку?

Клавдіо. Пожалуйста, оставьте меня въ покоѣ.

Бенедиктъ. Ну вотъ, вы бьете какъ слѣпой: шалунъ стянулъ лакомство, а вы по столу.

Клавдіо. Если *вы* не хотите меня оставить, такъ *я* васъ оставлю. (*Уходитъ*).

Бенедиктъ. Увы! бѣдная, подстрѣленная птичка, спрячься въ траву! Однако странно, что Беатриче и знаетъ и не знаетъ меня. Принцевъ шутъ!... Что жъ, можетъ быть, я и окрещенъ этимъ названіемъ за мою веселость. Нѣтъ, однако же, я несправедливъ къ самому себѣ; я не такъ еще ославленъ: это только злой, ѣдкій языкъ Беатриче чествуетъ меня этимъ титуломъ, присвоивая себѣ голосъ свѣта. Отмщу какъ съумѣю.

Донъ-Педро *возвращается*.

Донъ-Педро. Гдѣ же графъ, синьоръ? Видѣли ли вы его?

Бенедиктъ. Признаться вамъ, я разъигралъ роль молвы. Я нашелъ его здѣсь, томно-одинокаго, какъ хижину въ лѣсу; я сказалъ ему—кажется, правду?—что ваше высочество пріобрѣли благосклонность Геро и предложилъ проводить его къ ближайшей ивѣ, чтобы сплесть для него, забытаго, гирлянду, или связать ему розгу, потому что его стоитъ высѣчь.

Донъ-Педро. Высѣчь? за что?

Бенедиктъ. За школьную глупость, за то, что онъ нашелъ птичье гнѣздо и, въ восторгѣ, показалъ его товарищу, а тотъ и укралъ птичку.

Донъ-Педро. Довѣрчивость ты вмѣняешь ему въ вину? виноватъ воръ.

Бенедиктъ. А все-таки не мѣшало бы связать розгу и сплесть гирлянду; гирлянда пригодилась бы для него, а розга—для васъ. Вѣдь вы, кажется, стянули у него птичку?

Донъ-Педро. Я только выучу ее пѣть и возвращу владѣльцу.

Бенедиктъ. Хорошо, если и она запоетъ на тотъ же ладъ.

ЗНАТНАЯ ИТАЛЬЯНКА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ, по типу подходящая къ Геро.
Портретъ (Donna Isabella) кисти знаменитаго итальянскаго живописца Тиціана (Tiziano Vecellio 1477—1576).

Донъ-Педро. Беатриче на васъ сердита: кавалеръ ея говорилъ, что вы ее оскорбили.

Бенедиктъ. Она сама обошлась со мною такъ, что и бревно не осталось бы равнодушнымъ! Дубъ, на которомъ есть еще хоть одинъ зеленый листикъ—и тотъ не смолчалъ бы; даже маска на лицѣ моемъ начала, кажется, оживать и браниться съ нею. Не подозрѣвая, что это я, она вдругъ говоритъ мнѣ, что я шутъ принца, что я тупъ, какъ пятка—и пошла и пошла! Насмѣшка за насмѣшкой посыпались съ такой невѣроятной быстротою, что я сталъ какъ мишень для выстрѣловъ цѣлой арміи. У нея не языкъ, а бритва: каждое слово такъ и рѣжетъ! Будь ея дыханіе такъ же ядовито, какъ слова—въ цѣломъ мірѣ не осталось бы ни одного живого существа: она отравила бы все, до полярной звѣзды. Я на ней не соглашусь жениться, хоть самъ Адамъ дай ей въ приданое все, что имѣлъ до грѣхопаденія. Она и Геркулеса засадитъ за вертелъ; мало того, заставитъ его и палицу свою поколоть на лучины. Это адская Ате въ модной юбкѣ. Хоть бы какой-нибудь колдунъ заговорилъ насъ отъ нея! Покамѣсть она здѣсь, въ преисподней живется спокойно, какъ въ церкви, и люди нарочно грѣшатъ, потому что имъ хочется туда попасть. Кто не радъ избавиться отъ ссоръ, отъ смутъ, отъ клеветы, отъ всѣхъ неразлучныхъ съ нею спутниковъ?

МОЛОДОЙ ИТАЛЬЯНЕЦЪ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ, по типу подхоящій къ Клавдіо.
Портретъ кисти знаменитаго итальянскаго живописца Бронзино (Angelo Bronzino 1502—1572).

Входятъ Клавдіо, Беатриче, Геро *и* Леонато.

Донъ-Педро. Вотъ и она.

Бенедиктъ. Нѣтъ ли у васъ какого-нибудь порученія на конецъ свѣта? Я готовъ сходить къ антиподамъ за пустѣйшимъ дѣломъ, готовъ сбѣгать за зубочисткой въ отдаленнѣйшій уголокъ Азіи, принесть вамъ мѣрку съ ноги попа Ивана, волосокъ изъ бороды великаго могола. Мнѣ легче сходить къ пигмеямъ, нежели обмѣняться тремя словами съ этой гарпіей. Нѣтъ ли у васъ порученія?

Донъ-Педро. Есть одна просьба: останьтесь здѣсь.

Бенедиктъ. Нѣтъ, это выше моихъ силъ! трещетки для меня невыносимы (*Уходитъ*).

Донъ-Педро (*Беатриче*). Вы потеряли сердце Бенедикта.

Беатриче. Дѣйствительно, онъ давалъ мнѣ его взаймы; впрочемъ, я заплатила ему за это проценты: отдала двойное сердце за простое. Онъ выигралъ его у меня когда-то мѣчеными картами. Вы правы, я проиграла его.

Донъ-Педро. Онъ палъ передъ вами, совершенно палъ.

Беатриче. Хорошо, что не я передъ нимъ: дураковъ и безъ того много родится. Вотъ графъ Клавдіо, за которымъ вы меня посылали.

Донъ-Педро. Что это, графъ, отчего вы такъ печальны?

Клавдіо. Я не печаленъ.

Донъ-Педро. Такъ больны.

Клавдіо. И то нѣтъ.

Беатриче. Графъ ни печаленъ, ни боленъ, ни веселъ, ни здоровъ: онъ только нѣженъ и желтъ какъ апельсинъ; а желтый цвѣтъ, извѣстно, цвѣтъ ревности.

Донъ-Педро. Чуть-ли это не правда, хотя въ такомъ случаѣ я готовъ побожиться, что его обманываетъ воображеніе. Клавдіо, я посватался отъ твоего имени — и Геро согласна; отецъ ея тоже. Назначь день свадьбы, и да благословитъ тебя Богъ!

Леонато. Графъ, я отдаю вамъ дочь и съ нею мое богатство.

Беатриче. Говорите же, графъ; это ваша реплика.

Клавдіо. Молчаніе лучшій герольдъ радости; мало былъ бы я счастливъ, если бы могъ сказать на сколько. Вы моя, Геро, я вашъ; я отдаю себя за васъ и безъ ума отъ этой мѣны.

Беатриче. Говори, сестрица; а если не можешь, такъ закрой ему ротъ поцѣлуемъ: пусть и онъ молчитъ.

Донъ-Педро. Право, у васъ веселое сердце!

Беатриче. Да, спасибо ему, бѣдняжкѣ: оно не поддается грусти. Кузина говоритъ ему на ухо, что она его любитъ

Клавдіо. Это правда, сестрица.

Беатриче. Господи! опять свадьба! Всѣ выходятъ замужъ, только я, чернушка, не выхожу: приходится сѣсть въ уголъ и кричать: будьте жалостливы! мужа! мужа! мужа!

Донъ-Педро. Извольте, я вамъ достану!

Беатриче. Лучше доставилъ бы мнѣ его вашъ отецъ; нѣтъ ли у вашего высочества брата, такого, какъ вы? Отецъ вашъ производилъ прекрасныхъ мужей, нашлась бы только дѣвушка имъ подъ пару.

Донъ-Педро. Хотите вы за меня?

Беатриче. Нѣтъ; развѣ найдется еще другой, будничный мужъ: вы слишкомъ драгоцѣнны, чтобы носить васъ каждый день. Извините, ваше высочество, я ужъ такъ создана: не могу не болтать пустяковъ!

Донъ-Педро. О! ваше молчаніе мнѣ не нравится; веселость вамъ къ лицу; нѣтъ сомнѣнія, что вы родились въ веселую минуту.

Беатриче. Ошибаетесь: матушка страдала; но въ то же время на небесахъ плясала звѣзда, и я вступила въ свѣтъ подъ ея вліяніемъ. (*Къ Геро и Клавдіо*). Дай Богъ вамъ счастья!

Леонато. Племянница, не угодно ли вамъ позаботиться, о чемъ я васъ просилъ?

Беатриче. Ахъ, извините дядюшка? сейчасъ. Честь имѣю кланяться, ваше высочество. (*Уходитъ*).

Донъ-Педро. Веселая дѣвушка.

Леонато. Да; грустной стихіи въ ней мало; она серьезна только когда спитъ, и то не всегда. Дочь говорила мнѣ, что иногда ей снится что-нибудь непріятное, а просыпается она со смѣхомъ.

Донъ-Педро. Не можетъ выносить, когда ей говорятъ о мужѣ.

Леонато. Ни за что! Всѣхъ жениховъ прогоняетъ насмѣшками.

Донъ-Педро. А Бенедикту она была бы очень подъ пару.

Леонато. О, Господи! они въ недѣлю заговорили бы другъ друга до смерти.

Донъ-Педро. Графъ, когда вы думаете вѣнчаться?

Клавдіо. Завтра, ваше высочество. Время тащится на костыляхъ, пока любовь не вступитъ во всѣ права свои.

Леонато. Нѣтъ, любезный зятюшка, не раньше понедѣльника, то есть ровно черезъ недѣлю; и то едва успѣю распорядиться всѣмъ, какъ мнѣ хочется.

Донъ-Педро. Ты покачиваешь головою на долгую отсрочку, но я ручаюсь тебѣ, Клавдіо, что мы не будемъ скучать это время; я предприму на досугѣ геркулесовскій подвигъ: постараюсь влюбить другъ въ друга Бенедикта и Беатриче. Мнѣ ужасно хочется соединить эту парочку—и я увѣренъ въ успѣхѣ, если вы трое согласитесь дѣйствовать по моимъ указаніямъ.

Леонато. Я готовъ не спать десять ночей.

Клавдіо. Я тоже.

Донъ-Педро. Вы тоже, Геро?

Геро. Я охотно сдѣлаю все, что прилично, чтобы доставить кузинѣ добраго мужа.

Донъ-Педро. А Бенедиктъ, смѣло можно сказать, не изъ послѣднихъ. Благороднаго происхожденія, храбръ и честенъ. Я научу васъ, какъ настроить кузину, чтобы она влюбилась въ Бенедикта; а я, съ вашею помощью, такъ обработаю Бенедикта, что, на зло своему живому остроумію и прихотливому вкусу, онъ влюбится въ Беатриче. Если намъ удастся—Купидонъ разжалованъ изъ стрѣлковъ; слава его озаритъ насъ, единственныхъ боговъ любви. Пойдемте за мною: я разскажу вамъ мой планъ.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Другая комната въ домѣ Леонато.

Входятъ Донъ-Жуанъ *и* Борахіо.

Донъ-Жуанъ. Это дѣло рѣшенное: Клавдіо женится на дочери Леонато.

Борахіо. Такъ; только я могу помѣшать.

Донъ-Жуанъ. Всякая задержка, всякое препятствіе для меня лѣкарство; я боленъ ненавистью къ нему; все, что противорѣчитъ его желаніямъ, согласно съ моими. Какъ можешь ты помѣшать этой свадьбѣ?

Борахіо. Не очень честно, но за то очень ловко: плутовства не замѣтятъ.

Донъ-Жуанъ. Объяснись короче.

Борахіо. Съ годъ назадъ, кажется, я говорилъ вамъ, что я очень близокъ съ Маргаритой, камеръ-юнгферой Геро?

Донъ-Жуанъ. Помню.

Борахіо. Я могу уговорить ее выглянуть въ какой угодно часъ ночи изъ окна Геро.

Донъ-Жуанъ. Хорошо; но какъ же это разстроитъ свадьбу?

Борахіо. Выжать ядъ—ваше дѣло. Ступайте къ вашему брату, принцу, скажите ему, что бракъ знаменитаго Клавдіо, —не поскупитесь на похвалы ему—съ такой грязной женщиной, какъ Геро, оскорбителенъ для его чести.

Донъ-Жуанъ. Какія же я могу представить доказательства?

Борахіо. А такія, что принцъ будетъ обманутъ, Геро погублена, Леонато убитъ, Клавдіо раненъ въ самое сердце. Неужели этого мало?

Донъ-Жуанъ. Я готовъ на все, лишь бы хоть подразнить ихъ.

Борахіо. Ступайте же, отыщите случай поговорить съ Донъ-Педро и Клавдіо наединѣ; скажите имъ, что Геро влюблена въ меня, что вы знаете это навѣрно; притворитесь, что васъ побуждаетъ говорить чувство преданности къ принцу и Клавдіо, что вы открыли это дорожа честью вашего брата, который былъ сватомъ, и доброю славою его друга, котораго хотятъ обмануть личиною дѣвичества. Едва ли повѣрятъ они этому на слово... Предложите имъ доказать истину; они увидятъ меня подъ окномъ ея спальни. услышатъ, какъ я зову Маргариту—Геро, а Маргарита называетъ меня своимъ Борахіо,

Извѣстная англійская актриса XVIII в. Абингтонъ въ роли Беатриче.

Рисунокъ извѣстнаго нѣмецко-англ. художника Рамберга (Ramberg, Johann, 1763—1840).

Все это можно устроить въ ночь наканунѣ свадьбы. Я ужъ сдѣлаю такъ, что Геро будетъ въ отсутствіи и выставлю невѣрность ея такъ правдоподобно, что ревность не усомнится ни на минуту и всѣ сборы къ свадьбѣ рушатся.

Донъ-Жуанъ. Надѣлай это бѣдъ сколько судьбѣ угодно—я готовъ. Если ты ловко разыграешь свою роль, дарю тебѣ тысячу червонцевъ.

Борахіо. Обвиняйте ее только рѣшительнѣе, а я ужъ не дамъ промаха.

Донъ-Жуанъ. Пойду узнать, когда назначена свадьба. (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Садъ Леонато.

Входятъ Бенедиктъ *и* мальчикъ.

Бенедиктъ. Послушай!

Мальчикъ Синьоръ?

Бенедиктъ. У меня въ комнатѣ лежитъ на окнѣ книга: принеси ее сюда, въ садъ.

Мальчикъ. Сейчасъ. (*Уходитъ*).

Бенедиктъ. Удивляюсь, какъ человѣкъ, который видитъ, какъ глупъ и смѣшенъ влюбленный—какъ такой человѣкъ, вдоволь насмѣявшись надъ глупостью другихъ, влюбляется наконецъ самъ и дѣлается предметомъ собственныхъ насмѣшекъ. Вотъ напримѣръ, Клавдіо: помню еще то время, когда ему нравилась только одна музыка — барабанъ и трубы, а теперь онъ охотнѣе слушаетъ тамбуринъ и флейту. Бывало десять миль готовъ пройти пѣшкомъ—посмотрѣть хорошій панцырь, а теперь готовъ не спать десять ночей, обдумывая покрой новаго платья. Прежде онъ говорилъ, бывало, безъ обиняковъ, прямо, какъ честный человѣкъ и солдатъ; теперь онъ витія; рѣчь его фантастическій пиръ: что ни слово, то блюдо на удивленіе! Неужто и со мной можетъ случиться такое же превращеніе? Не знаю; думаю, однако же, что нѣтъ; божиться не хочу, что Купидонъ не превратитъ меня въ устрицу, но клянусь,

что устрицей не устрицей, а такимъ дуракомъ по его милости никогда не сдѣлаюсь. Положимъ, одна женщина хороша собою— хорошо; другая умна — въ добрый часъ: третья добродѣтельна — съ чѣмъ ее имѣю честь поздравить; но пока все завлекательное не соединится въ одной, я и не завлекусь ни одной. Она должна быть богата— непремѣнно, объ этомъ и говорить нечего; умна—или по-мнѣ хоть вовсе не будь ея на свѣтѣ; добродѣтельна, иначе я не дамъ за нее и гроша; хороша собой, а не то не показывайся мнѣ и на глаза; кротка—или не подходи ко мнѣ близко; благородна, жива въ разговорѣ, хорошая музыкантша; а насчетъ волосъ, русые они или черные, какъ Богу угодно, лишь бы не крашеные. А, принцъ и нашъ синьоръ Аморе! Спрячусь. (*Прячется въ чащу*).

Входятъ Донъ-Педро, Леонато *и* Клавдіо.

Донъ-Педро.

Ну, что жъ, споетъ онъ намъ романсъ?

Клавдіо.

Конечно.
Какъ вечеръ тихъ! все въ воздухѣ замолкло,
Чтобъ дать гармоніи просторъ.

Донъ-Педро (*тихо*).

Ты видѣлъ,
Какъ ясный соколъ нашъ порхнулъ въ кусты?

Клавдіо (*тихо*).

И очень видѣлъ: выслушавши пьесу,
Разставимъ сѣть.

Входитъ Бальтазаръ *съ музыкантами*.

Донъ-Педро.

А вотъ и Бальтазаръ!
Пропой-ка намъ еще разъ твой романсъ.

Бальтазаръ.

Вы слишкомъ добры, принцъ; не заставляйте
Безчестить музыку плохимъ искусствомъ.

Донъ-Педро.

Старинная художниковъ замашка:
Бранить свой собственный талантъ. Ну, спой же,
Не заставляй молить себя напрасно,
Какъ дѣвушку-невѣсту.

Бальтазаръ.

Какъ невѣсту?
Извольте, я спою. Невѣстамъ часто
Приходится выслушивать мольбы
Отъ тѣхъ, кто цѣнитъ ихъ не высоко,
Что, впрочемъ, не мѣшаетъ ни мольбамъ,
Ни даже клятвамъ.

Донъ-Педро.

Такъ начни же, полно;
Иль отговаривайся хоть и дольше,
Да только нотами.

Бальтазаръ. Прежде, нежели услышите мои ноты, позвольте сообщить вамъ ноту, что въ моихъ нотахъ нѣтъ ничего такого, что бы заслуживало какой-нибудь нотаціи.

Донъ-Педро. Въ самомъ дѣлѣ, онъ говоритъ трехсвязными нотами: ноты, нота и нотація! (*Музыка*).

Бенедиктъ (*въ сторону*). Началось!.. Божественная арія!... Растаялъ!.. Не странно ли, что овечьи кишки вытягиваютъ душу человѣку? Хорошо; протрубите сборъ моимъ деньгамъ, когда все кончится.

Бальтазаръ (*поетъ*).

Не плачь, красавица! слезами
Его любви не возвратить.
Смѣется онъ. Играть сердцами
Никто ему не запретитъ.

Не пой! печальныхъ пѣсенъ звуки
Больной души не исцѣлятъ;
Они удвоятъ только муки
И раны сердца растравятъ.

Донъ-Педро. Славная пѣсня!

Бальтазаръ. И плохой пѣвецъ.

Донъ-Педро. Что? Нѣтъ, право, нѣтъ; ты поешь не дурно.

Бенедиктъ. Провой имъ это собака, они повѣсили бы ее. Дай только Богъ, чтобы это карканье не напророчило бѣды! Я съ такимъ же удовольствіемъ выслушалъ бы ночного ворона, вѣстника ужаснѣйшихъ несчастій.

Донъ-Педро. (*Клавдіо*). Да, конечно. Слышишь, Бальтазаръ? Пожалуйста, добудь намъ музыку получше; завтра вечеромъ намъ хочется дать серенаду подъ окнами Геро.

Бальтазаръ. Постараюсь, ваше высочество.

Донъ-Педро. Пожалуйста. Прощай. (*Бальтазаръ и музыканты уходятъ*). О чемъ бишь вы говорили мнѣ сегодня, Леонато? Что племянница ваша, Беатриче, влюблена въ Бенедикта?

Клавдіо. Да, (*тихо*). Подкрадывайтесь:

птичка слушаетъ (*вслухъ*). Никогда бы я не повѣрилъ, что она можетъ влюбиться.

Леонато. Я тоже; а что всего удивительнѣе, такъ это то, что она влюбилась именно въ Бенедикта, котораго, повидимому, просто ненавидѣла.

Бенедиктъ. Возможно ли? Такъ вотъ откуда дуетъ вѣтеръ?

Леонато. Право, я самъ не знаю, что объ этомъ думать: и влюбиться до такого безумія—это непостижимо.

Донъ-Педро. А можетъ-быть она притворяется.

Клавдіо. Вы думаете?

Леонато. Боже мой! притворяется! Нѣтъ, притворная страсть никогда не сближалась до такой степени съ истинною.

Донъ-Педро. Да изъ чего же это видно?

Клавдіо (*тихо*). Не жалѣйте приманки: рыбка ужъ открыла ротъ.

Леонато. Изъ чего? Сидитъ... Да, вѣдь, дочь моя вамъ уже разсказывала.

Клавдіо. Да, слышалъ.

Донъ-Педро. Что такое? пожалуйста! Я, просто, въ изумленіи; я считалъ сердце ея рѣшительно недоступнымъ для любви.

Леонато. Я самъ готовъ былъ въ этомъ побожиться; особенно для любви къ Бенедикту.

Бенедиктъ. Я счелъ бы это за шутку, если бы не эта сѣдая борода говорила: плутовство не можетъ скрываться подъ такой почтенной наружностью.

Клавдіо (*тихо*). Ядъ принятъ—ускоряйте его дѣйствіе.

Донъ-Педро. И она призналась ему въ любви?

Леонато. Нѣтъ; клянется даже, что никогда не признается. Въ томъ-то и состоитъ ея мученіе.

Клавдіо. Совершенная правда; она безпрестанно повторяетъ вашей дочери: „я обходилась съ нимъ такъ гордо, и мнѣ написать ему, что я его люблю?"

Леонато. Это она говорила въ то время, когда начинала писать къ нему. Потомъ она вставала разъ двадцать ночью и сидѣла въ одной сорочкѣ, пока не исписала цѣлаго листа кругомъ. Дочь все мнѣ разсказываетъ.

Клавдіо. Заговоривши о листѣ бумаги, вы напомнили мнѣ одно забавное происшествіе, о которомъ разсказывала ваша дочь.

Леонато. А! Когда она написала его и стала перечитывать, то замѣтила, что имена Бенедикта и Беатриче въ складкахъ письма ложились одно на другое.

Клавдіо. Да.

Леонато. И она рветъ его на мельчайшіе кусочки и бранитъ себя за нескромную мысль писать къ тому, который, разумѣется, только посмѣется надъ ней. „Я сужу", говоритъ она, „по себѣ: я презирала бы его, если бы онъ вздумалъ писать ко мнѣ—да, презирала бы, несмотря на всю мою любовь!"

Клавдіо. Потомъ бросается на колѣни, плачетъ, рыдаетъ, бьетъ себя въ грудь, рветъ на себѣ волосы, клянется, молится: „Бенедиктъ! милый! Дай силы мнѣ, о Боже!"

Леонато. Да, все это разсказывала намъ Геро. Страсть овладѣла ею до такой степени, что дочь моя боится, какъ бы она съ отчаянья не сдѣлала чего надъ собою.

Донъ-Педро. Не мѣшало бы увѣдомить объ этомъ Бенедикта стороною, если она сама не хочетъ признаться.

Клавдіо. Къ чему? Онъ обратитъ это въ шутку и будетъ мучить ее еще больше.

Донъ-Педро. За это стоило бы его повѣсить: она прекраснѣйшая дѣвушка, достойная истиннаго уваженія!

Клавдіо. И съ умомъ необыкновеннымъ.

Донъ-Педро. Во всемъ, кромѣ любви къ Бенедикту.

Леонато. Къ сожалѣнію, если умъ и кровь спорятъ въ такомъ нѣжномъ тѣлѣ, можно держать десять противъ одного, что кровь побѣдитъ. Я, какъ дядя и опекунъ, не могу не пожалѣть о ней.

Донъ-Педро. Лучше бы она влюбилась въ меня: я пренебрегъ бы всѣми отношеніями и женился бы на ней. Пожалуйста, разскажите все это Бенедикту: послушаемъ, по крайней мѣрѣ, что онъ на это отвѣтитъ.

Леонато. Вы думаете, это будетъ хорошо?

Клавдіо. Геро твердо увѣрена, что она умретъ; она сама говоритъ, что умретъ, если онъ ея не полюбитъ; умретъ скорѣе, нежели признается ему въ любви; даже если онъ за нее посватается, то и тогда скорѣе умретъ, нежели отречется отъ своихъ обычныхъ сарказмовъ.

Донъ-Педро. И хорошо сдѣлаетъ: если она признается—дѣло очень возможное, что онъ станетъ насмѣхаться. Вы знаете, какъ онъ гордъ.

Клавдіо. А молодецъ.

Донъ-Педро. Сложенъ очень красиво.

Клавдіо. Ну, да и умомъ не отсталъ.

Донъ-Педро. Да; иногда у него проблескиваетъ даже что-то въ родѣ остроумія.

Клавдіо. Храбрый солдатъ!

Донъ-Педро. Какъ Гекторъ—за это я ручаюсь; а что касается поединковъ, такъ даже мудрецъ: онъ или отвиливаетъ очень ловко, или идетъ на битву съ истинно христіанскимъ страхомъ.

Леонато. Это доказываетъ, что въ немъ есть страхъ Господень: онъ всѣми силами старается хранить миръ или, если ужъ пришлось нарушить его, такъ ссорится со страхомъ и трепетомъ.

Донъ-Педро. Да, страхъ Божій въ немъ живъ, несмотря на кой-какія иногда вольныя шутки. Жаль мнѣ вашей племянницы! Что, пойдемъ, отыщемъ его и разскажемъ?

Клавдіо. Не говорите, ваше высочество! Лучше обратиться къ *ней* съ добрыми совѣтами.

Леонато. Это невозможно; она умретъ, а не образумится.

Донъ-Педро. Обождемъ, послушаемъ, что скажетъ ваша дочь; между тѣмъ страсть можетъ быть, поостынетъ. Я люблю Бенедикта и желалъ бы, чтобы онъ оцѣнилъ себя съ скромною разсудительностью: онъ увидитъ, что не стоитъ такой женщины.

Леонато. Угодно вамъ идти, ваше высочество? Пора обѣдать.

Клавдіо (*тихо*). Если послѣ этого онъ не сойдетъ отъ нея съ ума, такъ не знаю, какому разсчету и вѣрить!

Донъ-Педро (*тихо*) Теперь устроимъ такую же ловушку и для Беатриче; это дѣло вашей дочери и ея камеръ-фрейлины. Вотъ будетъ забавно, если они вообразятъ себѣ, что влюблены другъ въ друга, а на самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ! Хотѣлось бы посмотрѣть на эту сцену: нѣмая пантомима! Пошлемъ ее позвать его къ обѣду.

(*Донъ-Педро, Клавдіо и Леонато уходятъ*).

Бенедиктъ. Это не шутка: они разговаривали слишкомъ серьезно. Геро разсказала имъ всю правду. Они, кажется, сожалѣютъ о Беатриче; страсть ея дошла до крайней степени. Влюблена въ меня! За это надо отблагодарить. И какого они обо мнѣ мнѣнія: загордится, если узнаетъ, что она его любитъ! а она скорѣе умретъ, нежели подастъ хоть малѣйшій знакъ. Я никогда не думалъ жениться... Не надо казаться гордымъ... Счастливъ тотъ, кто слышитъ, что въ немъ порицаютъ: онъ можетъ исправиться. Она, говорятъ они, хороша собою: правда, это я самъ вижу; добродѣтельна—и противъ этого возразить нечего; умна—жаль только, что влюблена въ меня. Да, это, дѣйствительно, не рекомендуетъ ее со стороны ума, впрочемъ, не доказываетъ и глупости: я самъ влюблюсь въ нее насмерть. Конечно, въ меня пустятъ какую-нибудь пару истасканныхъ остротъ, крохи остроумія, за то, что я такъ долго проповѣдывалъ противъ брачной жизни. Да развѣ вкусъ не измѣняется? Иной въ молодости любитъ какое-нибудь кушанье, а въ старости терпѣть его не можетъ. Мужчинѣ ли бояться колкихъ словъ и нравоучительныхъ сужденій, и ради ихъ своротить съ дороги? Нѣтъ; міръ долженъ быть населенъ. Я говорилъ, что умру холостымъ; что жъ, я тогда не думалъ, что доживу до свадьбы.

Входитъ Беатриче.

Бенедиктъ. Вотъ и Беатриче: клянусь дневнымъ свѣтиломъ—красавица! Я уже замѣчаю въ ней кое-какіе признаки любви.

Беатриче. Меня противъ моей воли послали просить васъ къ обѣду.

Бенедиктъ. Благодарю васъ за трудъ, милая Беатриче!

Беатриче. Я столько же трудилась ради вашей благодарности, какъ вы сами: если бы позвать васъ составляло для меня трудъ, я не пришла бы.

Бенедиктъ. Такъ это вамъ доставляетъ удовольствіе?

Беатриче. На грошъ. Вы не голодны, синьоръ? Прощайте. (*Уходитъ*).

Бенедиктъ. А! *Меня противъ воли послали просить къ обѣду*—тутъ скрывается двойной смыслъ. *Я столько же трудилась ради вашей благодарности, какъ вы сами*—это то же самое, что *трудиться для васъ мнѣ такъ же легко, какъ благодарить*. Только негодяй можетъ не сжалиться надъ ней. Будь я жидъ, если не полюблю ея! Сейчасъ же пойду заказать ея портретъ.

(*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Садъ Леонато.

Входятъ Геро, Маргарита *и* Урсула.

Геро.

Сходи-ка въ залу, Маргарита: тамъ
Найдешь ты Клавдіо и Беатриче—
Они бесѣдуютъ о чемъ-то съ принцемъ.
Шепни ей на ухо, что мы съ Урсулой
Въ саду—и рѣчь идетъ о ней; скажи,
Что ты подслушала, и посовѣтуй
Пройти тайкомъ въ тѣнистую аллею,
Туда, гдѣ жимолость, густою сѣтью
Раскинувшись на солнечныхъ лучахъ,
Отъ свѣта и тепла загородила
Траву и домъ, какъ гордый царедворецъ,
Всесильный милостью царя, толпу
Отъ царской милости загородившій.
Тамъ можно скрыться и подслушать; это
Твоя забота; не испорть, иди.

Маргарита.

Придетъ, ручаюсь вамъ. (*Уходитъ*).

Геро.

Смотри жъ, Урсула,
Какъ только мы замѣтимъ Беатриче,
Сейчасъ заводимъ разговоръ о немъ;
Я назову его; а ты
Начни хвалить безъ мѣры и границъ.
На это я замѣчу, что бѣдняжка
Влюбился, къ сожалѣнью, въ Беатриче.
Повѣрь мнѣ, мѣткая стрѣла Амура
Вопьется въ слухъ, и словно ранитъ сердце.
(*Беатриче показывается вдали*).
Начнемъ. Смотри, она скользитъ въ травѣ,
Какъ пиголица, навостривши уши.

Урсула.

Смотрѣть, какъ рыбка въ серебристой влагѣ
Спѣшитъ на веслахъ золотыхъ и жадно
Впивается въ предательскій крючекъ—
Вотъ истинное наслажденье ловли!
И точно такъ удимъ мы Беатриче.
Смотри, смотри! плутовка притаилась
Подъ тѣнью каприфолій. Начинай,
Я не отстану.

Геро.

Подойдемъ поближе;
Она должна не проронить ни грана
Изъ сладостно-обманчивой приманки.
Нѣтъ, ни за что! Она высокомѣрна,
Пуглива и дика, какъ горный соколъ.

Урсула.

Да, полно, правда ли, что Бенедиктъ
Влюбленъ какъ сумасшедшій въ Беатриче?

Геро.

Такъ говорятъ донъ-Педро и женихъ мой.

Урсула.

И вамъ поручено сказать ей это?

Геро.

Просили, да; но я отговорила;
Пусть онъ сгараетъ затаенной страстью,
А ей не надо говорить.

Урсула.

Однако,
Ужели онъ не стоитъ Беатриче?

Геро.

Не стоитъ? Онъ? О, нѣтъ! клянусь Амуромъ,
Онъ стоитъ больше нежели кто-нибудь:
Но въ ней природа создала обращикъ
Надменной женщины. Ея глаза
Сверкаютъ гордостью; она на все
Глядитъ съ презрѣньемъ, по ея понятью
Она сама стоитъ такъ высоко,
Что прочее не стоитъ и вниманья.
Съ такой любовью къ собственной особѣ
Нельзя не только что любить другихъ,
Но даже и прикинуться влюбленной.

Урсула.

Я то же думаю и, безъ сомнѣнья,
Ей говорить объ этомъ не годится:
Она его подыметъ на смѣхъ.

Геро.

Да
Ей дай хоть мудреца, хоть раскрасавца,
Она сейчасъ отыщетъ въ немъ порокъ.
Будь бѣлъ, румянъ—такъ годенъ ей въ сестрицы,

Будь черенъ, смуглъ—такъ брызга отъ чернилъ;
Высокъ—такъ шестъ, ушедшій съ голубятни;
Приземистъ—такъ камей дрянной работы;
Молчи—такъ пень, а говори—такъ флюгеръ.
Она во всемъ доищется изнанки,
А справедливой похвалы заслугѣ
Отъ ней не жди.

Урсула.

Да, правда, правда, въ ней
Есть страсть язвить—и это не похвально.

Геро.

Колоть такъ зло, какъ колетъ Беатриче,
И какъ не принято никѣмъ, нигдѣ,—
Не только не похвально—неприлично.
Но кто осмѣлится сказать ей это?
Осмѣлься я—бѣда! Ея насмѣшки
Со свѣта сгонятъ, въ порошокъ сотрутъ.
Такой конецъ грозитъ и Бенедикту.
Нѣтъ, пусть онъ лучше обратится въ пепелъ
Отъ скрытаго огня своей любви,
Чѣмъ быть засмѣяну; такая смерть
Ужаснѣе, чѣмъ смерть отъ щекотанья.

Урсула.

Однако все-таки поговорите съ ней;
Услышимъ, что она отвѣтитъ.

Геро.

Нѣтъ,
Ужъ если говорить, такъ лучше съ нимъ:
Подать ему спасительный совѣтъ—
Стараться сердце покорить разсудку.
Я, право, выдумаю на нее
Такъ что-нибудь, невинное. Кто знаетъ,
Какъ силенъ ядъ лукаваго словечка?

Урсула.

Ну, нѣтъ, къ чему же обижать сестру?
Съ ея блестящимъ, правильнымъ умомъ
Она не можетъ быть такъ безразсудна,
Чтобъ отказать синьору Бенедикту.
Онъ рѣдкій человѣкъ.

Геро.

Безспорно, первый
Во всей Италіи; и только графъ,
Женихъ мой, лучше Бенедикта.

Урсула.

Нѣтъ;
Вы не сердитесь, если я скажу
Что думаю: а Бенедиктъ, извѣстно,
Слыветъ первѣйшимъ смѣльчакомъ, красавцемъ
И умницей.

Геро.

Да; въ этомъ всѣ согласны.

Урсула.

И онъ вполнѣ достоинъ громкой славы.
Когда же свадьба?

Геро.

Завтра, каждый день.
Пойдемъ, я покажу тебѣ обновки,
Да посовѣтуй мнѣ, какъ пріодѣться.

Урсула (*тихо*).

Она на удочкѣ—ручаюсь вамъ.

Геро (*тихо*).

Когда ее поймать намъ удалось,
То надо согласиться, что любовь
Случайно успѣваетъ. Купидонъ
Однихъ пронзаетъ острыми стрѣлами,
Другихъ же ловитъ хитрой западней.

(*Геро и Урсула уходятъ*).

Беатриче (*выходя изъ чащи*).

Возможно ли? меня бранятъ за гордость!
Худую славу заслужила я!
Пора исправиться, пора смириться
И сердце, дикое какъ горный соколъ,
Отдать ему ручнымъ. Прощай же, гордость
Любовью на любовь отвѣчу я,
И насъ соединитъ союзъ священный.
Всѣ говорятъ: ты благороденъ, храбръ,
Исполненъ доблести, любви достоинъ—
На что мнѣ отзывы чужихъ? Я вѣрю
Не имъ, а собственнымъ глазамъ.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Комната въ домѣ Леонато.

Входятъ Донъ-Педро, Клавдіо, Бенедиктъ *и* Леонато.

Донъ-Педро. Я дождусь только окончанія вашей свадьбы и потомъ ѣду въ Арагонію.

Клавдіо. Позвольте мнѣ проводить васъ.

Донъ-Педро. Нѣтъ, это значило бы помрачить блескъ новаго счастья: все равно, что показать ребенку обнову и не позволить надѣть ее. Я возьму себѣ въ спутники одного Бенедикта; онъ отъ темени до пятокъ олицетворенная веселость. Раза два или три уже перерѣзалъ онъ тетиву Купидона, такъ что маленькій палачъ не смѣетъ уже и стрѣлять по немъ. Сердце у него

БЕАТРИЧЕ ПОДСЛУШИВАЕТЪ РАЗГОВОРЪ ГЕРО И УРСУЛЫ.

Картина англійскаго живописца Петерса (Matthew Williams Peters, R. A., 1740—1814).
(Бойделевская Галлерея).

здорово какъ колоколъ, и языкъ болтается въ немъ очень свободно; у него что на душѣ, то и на языкѣ.

Бенедиктъ. Господа, я уже не тотъ, что былъ.

Леонато. Я то же говорю: мнѣ кажется, вы стали серьезнѣе.

Клавдіо. Надѣюсь, онъ влюбленъ.

Донъ-Педро. Онъ? этотъ пустозвонъ? Въ немъ нѣтъ и капли настоящей крови, въ которой могла бы вспыхнуть настоящая любовь. Если онъ не веселъ, такъ значитъ—у него нѣтъ денегъ.

Бенедиктъ. У меня зубъ болитъ.

Донъ-Педро. Выдернуть его.

Бенедиктъ. Повѣсить его.

Клавдіо. Прежде повѣсить, а потомъ выдернуть.

Донъ-Педро. Какъ, вздыхать отъ зубной боли?

Леонато. Отъ какого-нибудь флюса?

Бенедиктъ. Да, легко говорить тому, кто здоровъ.

Клавдіо. Я стою на своемъ: онъ влюбленъ.

Донъ-Педро. Нѣтъ, господа, въ немъ нѣтъ и признака любви, исключая любви къ страннымъ костюмамъ: сегодня онъ—голландецъ, завтра — французъ, а послѣзавтра — разомъ двое: снизу нѣмецъ, а сверху испанецъ. Если онъ не влюбленъ въ эти глупости, такъ не сошелъ еще съ ума отъ любви.

Клавдіо. Нѣтъ, онъ влюбленъ въ женщину! Если я ошибаюсь, такъ послѣ этого нельзя вѣрить старымъ примѣтамъ. Онъ каждое утро гладитъ щеткою свою шляпу; это что значитъ?

Донъ-Педро. Видѣлъ его кто-нибудь у цирюльника?

Клавдіо. Все равно, цирюльника видѣли у него, и древнимъ украшеніемъ его ланитъ набито уже нѣсколько мячиковъ.

Леонато. То-то, я смотрю, онъ какъбудто помолодѣлъ.

Донъ-Педро. Натирается амврой—понимаете, чѣмъ это пахнетъ?

Клавдіо. Очень ясно: сахаръ-медовичъ влюбился.

Донъ-Педро. И повѣсилъ носъ — это еще яснѣе.

Клавдіо. Когда прежде онъ умывался?

Донъ-Педро. И румянился? Объ этомъ уже поговариваютъ.

Клавдіо. Остроуміе его вытянулось въ струнку томной лютни.

Донъ-Педро. Плачевное обстоятельство! Да что тутъ толковое дѣло рѣшать! не онъ влюбленъ.

Клавдіо. А я такъ знаю, кто *въ него* влюбленъ.

Донъ-Педро. Интересно бы узнать вѣрно такая, которая его не знаетъ.

Клавдіо. Напротивъ, знаетъ даже всѣ его дурныя замашки, и, несмотря на то, влюблена на смерть.

Донъ-Педро. За то ее похоронятъ вверхъ лицомъ.

Бенедиктъ. Все это прекрасно, только этимъ вамъ не заговорить боли. (*Къ Леонато*). Дѣдушка-синьоръ, пойдемте со мною: я имѣю сказать вамъ съ десятокъ умныхъ словъ, которыхъ эти куклы не должны слышать. (*Бенедиктъ и Леонато уходятъ*).

Донъ-Педро. Клянусь жизнью, это насчетъ Беатриче.

Клавдіо. Безъ сомнѣнія. А Геро и Маргарита разыграли, между тѣмъ, свои роли передъ Беатриче—и эти медвѣди не будутъ теперь грызться при каждой встрѣчѣ.

Входитъ донъ-Жуанъ.

Донъ-Жуанъ. Здравствуйте, братецъ.

Донъ-Педро. Здравствуйте.

Донъ-Жуанъ. Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами; есть вамъ время?

Донъ-Педро. Наединѣ?

Донъ-Жуанъ. Если позволите. Впрочемъ, графъ Клавдіо можетъ слышать, потому что дѣло касается его.

Донъ-Педро. Говорите.

Донъ-Жуанъ (*Клавдіо*). Вы располагаете вѣнчаться завтра?

Донъ-Педро. Вы это знаете очень хорошо.

Донъ-Жаунъ. Я еще не знаю этого, пока онъ не узнаетъ, что я знаю.

Клавдіо. Развѣ есть какое-нибудь препятствіе? Въ такомъ случаѣ, пожалуйста скажите.

Донъ-Жуанъ. Вы, можетъ быть, думаете, что я не люблю васъ? это покажетъ время; а между тѣмъ судите по тому, что я скажу. Братъ, кажется, очень васъ любитъ и изъ дружбы къ вамъ помогъ устроить эту свадьбу. Плохая услуга! Напрасный трудъ!

Донъ-Педро. Какъ? отчего?

Донъ-Жуанъ. Это-то я и пришелъ объяснить вамъ; скажу безъ околичностей—предисловіе и безъ того было довольно длинно—она не вѣрна.

Клавдіо. Кто? Геро?

Донъ-Жуанъ. Да, ваша Геро, Леонатова Геро, чья угодно Геро.

Клавдіо. Не вѣрна?

Донъ-Жуанъ. Это выраженіе еще слишкомъ мягко: она хуже, нежели не вѣрна; сыщите выраженіе пожестче: я докажу вамъ, что она его достойна. Не удивляйтесь, обождите — я докажу; пойдемте сегодня ночью со мною—и вы увидите, какъ лазятъ къ ней въ окно даже наканунѣ свадьбы. Если любовь ваша при этомъ не остынетъ, женитесь на ней завтра; но для вашей же чести лучше оставить это намѣреніе?

Клавдіо. Неуже-ли это правда?

Донъ-Педро. Не вѣрю.

Донъ-Жуанъ. Если вы не смѣете повѣрить своимъ глазамъ, такъ отрекитесь отъ всякаго знанія. Пойдемте со мною, я покажу вамъ довольно; увидѣвши и услышавши, дѣйствуйте какъ угодно.

Клавдіо. Если я увижу сегодня ночью что-нибудь, почему не захочу жениться на ней завтра, то осрамлю ее при всемъ собраніи.

Донъ-Педро. А я?.. Я сваталъ, такъ я помогу и осрамить.

Донъ-Жуанъ. Больше говорить о ней не хочу: вы сами все увидите. Потерпите только до ночи: дѣло скажется само.

Донъ-Педро. Какой неожиданный оборотъ!

Клавдіо. Какое несчастье!

Донъ-Жуанъ. Какое счастье во-время избавиться отъ стыда, скажете вы послѣ. (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Улица.

Входятъ Клюква *и* Кисель *со стражею.*

Клюква. Что, вы народъ честный, благонамѣренный?

Кисель. Разумѣется; иначе жаль было бы, а пострадали бы ихъ тѣла и души.

Клюква. Нѣтъ, это наказаніе было бы слишкомъ для нихъ легко, такъ какъ къ нимъ имѣли столько довѣренности, что выбрали для почетной стражи принца.

Кисель. Ну, отдай имъ приказъ, сосѣдушка.

Клюква. Во-первыхъ, кто, по-вашему, больше всѣхъ годенъ въ констэбли?

Первый сторожъ. Петръ Книшъ или Иванъ Уголекъ: они грамотные.

Клюква. А! Подойди сюда, сватъ Уголекъ, Господь благословилъ тебя хорошимъ именемъ. Статный ты молодецъ — твое счастье; а что грамотный, такъ ужъ это какъ кому на роду написано.

Второй сторожъ. То и другое...

Клюква. Досталось на твою долю, хочешь ты сказать — знаю. Ну, что до статей—благодари Бога, а чваниться нечего; касательно же грамотности — суета суетъ! Ты, говорятъ, наиспособнѣйшій въ констэбли, такъ возьми фонарь. Обязанность твоя—хватать всѣхъ праздношатающихся и всѣхъ останавливать во имя принца.

Второй сторожъ. А если кто не захочетъ остановиться?

Клюква. Такъ не обращай на него вниманія—пусть проваливаетъ; ты же созови своихъ товарищей и вмѣстѣ возблагодарите Бога, что избавились отъ мошенника.

Кисель. Если кто не остановится по приказу, значитъ онъ не принцевъ подданный.

Клюква. Правда; а съ чужими имъ связываться нечего. По улицамъ не шумѣть; часовой не долженъ болтать; это субординація, вещь не позволительная.

Второй сторожъ. Зачѣмъ болтать? лучше всхрапнемъ; мы знаемъ, какъ слѣдуетъ быть на часахъ.

КЛЮКВА, КИСЕЛЬ и СТРАЖА.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Клюква. Э? Иной подумаетъ, что ты и Богъ знаетъ какой старый служивый: весь порядокъ знаешь—кто спитъ, тотъ не грѣшитъ. Только смотрите, чтобы алебарды у васъ не украли. По кабакамъ приказывать, чтобы пьяные ложились спать.

Второй сторожъ. А если они не захотятъ?

Клюква. Оставить ихъ въ покоѣ, пока не протрезвятся; если они и тогда не отвѣтятъ умнѣе, такъ можете сказать имъ, что они совсѣмъ не тѣ люди, за кого ихъ приняли.

Второй сторожъ. Слушаемъ.

Клюква. Въ случаѣ нападете на вора—можете, въ силу вашего званія, подозрѣвать его въ мошенничествѣ. Съ такого рода людьми чѣмъ меньше связываться, тѣмъ лучше для нравственности.

Второй сторожъ. Такъ воровъ не хватать?

Клюква. Можете и хватать, въ силу вашего званія; только я вамъ скажу—тронешь грязь, самъ запачкаешься. А благоприличнѣе всего, если поймаете вора, пусть самъ докажетъ, что онъ за птица: дайте ему улизнуть.

Кисель. Не даромъ говорятъ, что ты милосердый человѣкъ.

Клюква. Я и собаку добровольно не повѣшу, а человѣка, въ которомъ есть еще хоть сколько-нибудь честности, и подавно.

Кисель. Если услышете, что дитя плачетъ, такъ кликнете мамку, чтобы накормила его.

Второй сторожъ. А если она спитъ и не слышитъ?

Клюква. Такъ идите себѣ съ миромъ: дитя ужъ разбудитъ ее. Овца, не внемлющая блеянію своего ягненка, не отвѣтитъ на мычаніе быка.

Кисель. Совершенно справедливо.

Клюква. Вотъ и всѣ ваши обязанности. Ты констэбль, представитель лица самаго принца, если встрѣтишь его ночью, можешь остановить и его.

Кисель. Ну, нѣтъ, этого-то онъ, я думаю, не можетъ.

Клюква. Пять противъ одного! Сошлюсь на кого угодно, кто знаетъ уставъ; онъ *можетъ* остановить его, разумѣется, съ соизволенія его высочества, потому что дозоръ не долженъ обижать никого, а остановить человѣка насильно — обида и насиліе.

Кисель. Что правда, то правда. Ей-Богу, такъ!

Клюква. Ха-ха-ха! то-то же! Ну, ребята, доброй ночи. Если случится что-нибудь важное, позовите меня. Смотрите жъ, всѣ вы! держать ухо востро! Пойдемъ, сосѣдушка.

Второй сторожъ. Мы свое дѣло знаемъ; прясядемъ вотъ здѣсь у церкви часовъ до двухъ, а тамъ и на боковую.

Клюква. Да слышите, вотъ еще что: пожалуйста, поприглядывайте около дома синьора Леонато: завтра тамъ свадьба, такъ ночью-то будетъ довольно возни. Не зѣвать! (*Клюква и Кисель уходятъ*).

Входятъ Борахіо *и* Конрадъ.

Борахіо. Конрадъ!

Первый сторожъ (*тихо*). Тс! смирно!

Борахіо. Конрадъ.

Конрадъ! Здѣсь, у твоего локтя.

Борахіо. Чувствую — онъ чешется; я думалъ ужъ не чесотка ли.

Конрадъ. Отвѣтъ за мною; досказывай-ка свою исторію.

Борахіо. Станемъ-ка вотъ сюда подъ навѣсъ — видишь, дождь накрапываетъ—а я, какъ истый пьяница, разскажу тебѣ все.

Первый сторожъ (*тихо*). Тутъ плутни. Стойте смирно!

Борахіо. Такъ знай же: я заработалъ у Донъ-Жуана тысячу червонцевъ.

Конрадъ. Статочное ли дѣло, чтобъ мошенникъ заработалъ такъ много?

Борахіо. Подивись лучше, что мошенникъ можетъ платить такъ много; а ужъ если богатому мошеннику нуженъ бѣдный, такъ бѣдный можетъ взять сколько ему угодно.

Конрадъ. Странное дѣло!

Борахіо. Эхъ, простота! Что тутъ страннаго? Вотъ, примѣрно, насчетъ фасона; вѣдь такого ли, другого ли фасона на человѣкѣ шляпа или платье, кажется все равно?

Конрадъ. Платье все равно.

Борахіо. Я говорю про фасонъ.

Конрадъ. Ну, фасонъ фасономъ.

Борахіо. Гм! а дуракъ дуракомъ. Ну, а понимаешь ли ты, голова, что за тонкая штука фасонъ-то?

Первый сторожъ (*тихо*). Я его знаю: Фасонъ—онъ уже лѣтъ семь занимается воровствомъ; а посмотрѣть на него, такъ что твой джентльменъ! Имя-то я хорошо помню.

Борахіо. Ты ничего не слышалъ?

Конрадъ. Нѣтъ; это флюгеръ на крышѣ.

Борахіо. Да, такъ понимаешь ли, говорю я, что за хитрая бестія фасонъ? Какъ

СТОРОЖА СХВАТЫВАЮТЪ КОНРАДА и БОРАХІО.

Картина извѣстнаго англійскаго живописца Фрэнсиса Уитли (1747—1801).
(Малая Бойделевская Галлерея).

кружитъ онъ голову всѣмъ отъ четырнадцати до тридцати-пяти лѣтъ? То одѣнетъ ихъ фараоновыми солдатами, какъ на закопченныхъ картинахъ, то жрецами Бэла, какъ на церковныхъ окнахъ, то обритымъ Геркулесомъ прямо съ засаленныхъ, гнилыхъ обоевъ, гдѣ его мизинецъ представляется такимъ же массивнымъ, какъ его палица.

Конрадъ. Все понимаю; понимаю, что фасонъ изнашиваетъ платья больше людей. Однако, не закружилась ли у тебя у самого голова, что своротилъ съ разсказа въ сторону?

Борахіо. Своротилъ, да не далеко. Вотъ видишь ли, сегодня ночью я любезничалъ съ Маргаритой, камеръ-юнгферой Геро, и называлъ ее именемъ Геро; а она, высматривая изъ окна своей госпожи, тысячу разъ желала мнѣ покойной ночи. Да что! Плохой я разскащикъ. Надо прежде всего разсказать тебѣ, какъ Донъ-Жуанъ привелъ и поставилъ въ саду принца и Клавдіо, и какъ они подсматривали любовное свиданіе.

Конрадъ. И приняли Маргариту за Геро.

Борахіо. Двое, конечно, принцъ и Клавдіо; но дьяволъ Донъ-Жуанъ зналъ, что это Маргарита, а клялся, что Геро. Ночь была темна; разглядѣть хорошенько было трудно и главное, я сплутовалъ такъ ловко, что всѣ клеветы Донъ-Жуана подтвердились, и Клавдіо убѣжалъ, какъ сумасшедшій. Онъ поклялся явиться завтра утромъ, какъ условились, въ церковь, осрамить ее тамъ, въ полномъ собраніи, разсказавши, что видѣлъ ночью, и отпустить домой безъ мужа.

Первый сторожъ. Именемъ принца— стой!

Второй сторожъ. Позовите настоящаго

констэбля! Такого мошенничества еще и свѣтъ не видывалъ.

Первый сторожъ. И Фасонъ съ ними за-одно; я его знаю: онъ завивается.

Конрадъ. Что вы это? что вы?

Второй сторожъ. Ужъ мы доберемся до этого Фасона, погоди!

Конрадъ. Послушайте...

Первый сторожъ. Что тутъ слушать! Извольте-ка идти за нами.

Борахіо. Вотъ-те и потѣха! Зацѣпились за алебарды!

Конрадъ. Хороша потѣха, нечего сказать! Идите, мы за вами. (*Уходятъ*).

— —

СЦЕНА IV.

Комната въ домѣ Леонато.

Входятъ Геро, Маргарита *и* Урсула.

Геро. Милая Урсула, разбуди, пожалуйста, Беатриче.

Урсула. Сейчасъ.

Геро. Попроси ее придти сюда.

Урсула. Хорошо. (*Уходитъ*).

Маргарита. Знаете ли, мнѣ кажется, другой воротничекъ будетъ лучше.

Геро. Нѣтъ, я ужъ этотъ надѣну.

Маргарита. Право, этотъ не такъ хорошъ; вотъ вы увидите, и сестрица то же скажетъ.

Геро. Сестрица—вертушка, а ты—другая. Я надѣну непремѣнно этотъ.

Маргарита. Накладка эта чудо какъ хороша, если бы только волосы были хоть на одну мысль потемнѣе; и платье превосходнѣйшаго покроя—ужъ повѣрьте мнѣ. Я видѣла хваленое платье миланской герцогини.

Геро. Говорятъ, оно просто прелесть!

Маргарита. Въ сравненіи съ вашимъ—просто ночной капотъ; золотая полосатая матерія обложена серебромъ и вышита жемчугомъ; рукава двойные; вокругъ—оборки на голубой парчѣ: но что касается вкуса и красоты покроя, такъ ваше вдесятеро лучше.

Геро. Дай-то Богъ, чтобъ весело въ немъ было! Мнѣ что-то ужасно тяжело на сердцѣ!

Маргарита. Скоро будетъ еще тяжелѣе; мужчина не перышко.

Геро. Какъ тебѣ не стыдно!

Маргарита. Чего? Что я высказала честную мысль? Развѣ жениться не честное дѣло, хоть бы и нищему? И развѣ будущій господинъ вашъ не честный человѣкъ, даже еще и не женившись? Вамъ кажется—извините—хотѣлось, чтобы я сказала: мужъ? Дурная мысль не извращаетъ правдиваго слова; я никого не хотѣла обидѣть. И что жъ въ этомъ худого: мужъ не перышко? Вѣдь это сказано о законномъ мужѣ и законной женѣ; иначе онъ, конечно, легче пуху; вотъ спросите хоть у Беатриче.

Входитъ Беатриче.

Геро. Здравствуй, сестрица.

Беатриче. Здравствуй, милая Геро.

Геро. Это что значитъ? что за болѣзненный тонъ?

Беатриче. Такъ, ничего; кажется, я спала со всякаго другого тона.

Маргарита. Перейдите въ плясовую; спойте, напримѣръ: „Свѣтъ любви", а я протанцую.

Беатриче. Да, „Свѣтъ любви"—для васъ. Будь только мужъ, а о потомствѣ ужъ вы позаботитесь.

Маргарита. Вы говорите непозволительныя вещи.

Беатриче. Скоро пять часовъ, сестрица: тебѣ пора бы уже быть готовой. Право, мнѣ что-то нехорошо. Охъ...

Маргарита. О комъ это? о кречетѣ, конѣ или о красавцѣ?

Беатриче. О буквѣ „К", которою начинаются всѣ слова.

Маргарита. Если съ вами не совершилось чудеснаго превращенія, такъ нельзя держать пути и по звѣздамъ.

Беатриче. Что ты хочешь этимъ сказать?

Маргарита. Ничего. Да исполнятся сердечныя желанія каждаго!

Геро. Вотъ эти перчатки прислалъ мнѣ графъ. Какъ прекрасно пахнутъ!

Беатриче. У меня носъ залегъ, душа моя: ничего не слышу; такъ тяжело!

Маргарита. Дѣвушка—и тяжела. Сильно должно быть простудилась.

Беатриче. Ахъ, Боже мой, давно ли ты пустилась въ такія тонкости?

Маргарита. Съ тѣхъ поръ, какъ вы ихъ оставили. А что, развѣ остроты мнѣ нейдутъ?

Беатриче. Не знаю, что-то незамѣтны; ты бы приколола ихъ къ шляпѣ. Право, я нездорова.

Маргарита. Приложите къ сердцу припарку изъ *carduus benedictus*: превосходное средство отъ стѣсненія въ груди.

Геро. Какъ шипомъ уколола!

Беатриче. *Benedictus!* Почему же

именно *benedictus*? Ты на что-то намекаешь этимъ *benedictus*.

Маргарита. Намекаю? И не думала! Я просто говорю объ извѣстномъ растеніи. Вы думаете, можетъ быть, что я считаю васъ влюбленною? Нѣтъ, увѣряю васъ, я не такъ глупа, чтобы думать, что вздумается; не хочу даже подумать, что можетъ вздуматься, и право, хоть думай не думай, а никакъ нельзя подумать, что вы влюблены или можете влюбиться. Вотъ и Бенедиктъ: что онъ теперь? Клялся, что никогда не женится—и вдругъ, наперекоръ своему сердцу, растаялъ какъ сахаръ. Исправитесь ли и вы—не знаю, только кажется, вы смотрите такими же глазами, какъ и всѣ другія женщины.

Беатриче. Куда это ты мѣтишь?

Маргарита. Не мимо цѣли.

Урсула *возвращается*.

Урсула. Пожалуйте, сударыня. Принцъ, графъ, синьоръ Бенедиктъ, донъ-Жуанъ, и всѣ почетные жители города собрались проводить васъ въ церковь.

Геро. Помогите жъ мнѣ одѣться, милая сестрица, милая Маргарита, милая Урсула.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Другая комната въ домѣ Леонато.

Входятъ Леонато, *за нимъ* Клюква и Кисель.

Леонато. Что тебѣ братецъ надо?

Клюква. Поговорить съ вами касательно близкаго вамъ дѣла.

Леонато. Говори, только, пожалуйста, короче; ты видишь, я очень занятъ: время такое хлопотливое.

Клюква. Да, ужъ такое время.

Кисель. Истинно—такое.

Леонато. Что же вамъ?

Клюква. Вотъ, сватъ Кисель кое-что вамъ поразскажетъ. Старый человѣкъ, сударь, впрочемъ, еще не выжилъ изъ ума. Дай Богъ ему дожить до всего! Честный старикашка.

Кисель. Да, благодаря Бога, насчетъ честности, могу сказать: я не хуже кого другого, кто не честнѣе меня.

Клюква. Полно, сосѣдушка. Замололъ!

Леонато. Сосѣди, вы скучны.

Клюква. Какъ вашей милости угодно, а впрочемъ мы состоимъ на службѣ его высочества: но если бъ я былъ скученъ, какъ король, то право, съ моей стороны, отъ всего сердца пожаловалъ бы ее вашей милости.

Леонато. Всю твою скуку мнѣ? А!

Клюква. Такъ точно, будь она даже въ тысячу разъ болѣе настоящей, потому что на васъ сыплется столько похвалъ, какъ ни на кого въ городѣ. Я маленькій человѣкъ, но радъ это слышать.

Кисель. И я также.

Леонато. Хотѣлось бы, наконецъ, услышать, что вы имѣете сказать мнѣ.

Кисель. А вотъ что. Наша команда арестовала сегодня ночью, съ позволенья вашей милости, такихъ двухъ мошенниковъ, что и свѣтъ не производилъ.

Клюква. Нельзя не болтнуть, не терпится! Правду говорятъ, что сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро. А добрый старикашка! Хорошо сказано, сватъ, хорошо, а все-таки, если двое ѣдутъ на одной лошади, такъ одному непремѣнно надо сидѣть позади. Честная душа, сударь, честнѣйшая; но Богу угодно смиреніе, сосѣдушка; не всѣ люди между собою равны, что жъ дѣлать!

Леонато. Да, за тобою ему не поспѣть.

Клюква. На то милость Господня.

Леонато. Мнѣ некогда съ вами оставаться.

Клюква. Два слова, ваша милость: наша стража дѣйствительно схватила двухъ подозрительныхъ людей; вы допросили бы ихъ сегодня же утромъ.

Леонато. Допросите ихъ сами и донесите мнѣ о послѣдствіяхъ. Мнѣ, право, недосугъ.

Клюква. Слушаемъ.

Леонато. Спросите себѣ вина. Прощайте.

Входитъ слуга.

Слуга. Васъ ждутъ въ церкви; пожалуйте—передать вашу дочь ея супругу.

Леонато. Сейчасъ. (*Леонато и слуга уходятъ*).

Клюква. Сходи-ка, сватъ, прикажи Угольку, чтобы явился въ тюрьму съ перомъ и чернилами. Допросимъ нашихъ молодцовъ.

Кисель. Только надо вести допросъ поумнѣе.

Клюква Это ужъ моя забота: не ударимъ лицомъ въ грязь. Тутъ (*онъ указываетъ на свою голову*) найдется, чѣмъ ихъ сбить съ толку. Вели только писцу приготовить бумаги и приходи въ тюрьму.

(*Уходятъ*).

МЕССИНСКІЙ СОБОРЪ (Построенъ въ XII вѣкѣ, фонтанъ эпохи Ренесанса).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Въ церкви.

Входятъ донъ-Педро, донъ-Жуанъ, Леонато, отецъ Францискъ, Клавдіо, Бенедиктъ, Геро, Беатриче *и другіе.*

Леонато. Короче, отецъ Францискъ, совершите только обрядъ, а обязанности ихъ объясните имъ послѣ.

Отецъ Францискъ (*къ Клавдіо*). Вы пришли заключить брачный союзъ съ этой дѣвицей?

Клавдіо. Нѣтъ.

Леонато. Вступить съ ней въ союзъ: союзъ же заключаете вы, отецъ Францискъ.

Отецъ Францискъ (*Геро*). А вы пришли вступить въ брачный союзъ съ графомъ.

Геро. Да.

Отецъ Францискъ. Если кому-либо изъ васъ извѣстно препятствіе, непозволяющее вамъ вступить въ этотъ союзъ, заклинаю васъ спасеніемъ души вашей объявить его.

Клавдіо. Извѣстно вамъ, какое-нибудь, Геро?

Геро. Нѣтъ.

Отецъ Францискъ. А вамъ, графъ?

Леонато. Смѣю отвѣчать за него: нѣтъ.

Клавдіо. О, чего не смѣетъ человѣкъ! Чего не дѣлаютъ люди! Чего не дѣлаютъ они ежедневно, сами не зная, что дѣлаютъ!

Бенедиктъ. Что это? Междометія? Такъ есть же и повеселѣе, напримѣръ: ха-ха-ха!

Клавдіо.

Постой, монахъ. Позвольте, Леонато!
Вы дочь мнѣ отдаете добровольно?

Леонато.

Какъ мнѣ далъ Богъ ее.

Клавдіо.

А чѣмъ же я
Могу, какъ слѣдуетъ, вамъ отплатить
За вашъ богатый, драгоцѣнный даръ?

Донъ-Педро.

Ничѣмъ—иль развѣ возвратишь ее же.

ВНУТРЕННІЙ ВИДЪ МЕССИНСКАГО СОБОРА.

Клавдіо.

Урокъ признательности благородной.
Возьмите же назадъ ее, Леонато;
Гнилымъ плодомъ не угощайте друга.
Смотрите, вотъ она! На маскѣ чести
Какой стыдливый заигралъ румянецъ!
Съ какимъ достоинствомъ лукавый грѣхъ
Умѣетъ скрыться подъ личиной правды!
Кто не подумаетъ, что это кровь—
Свидѣтель скромной чистоты! Взгляните!
Вы всѣ готовы, глядя на нее,
Поклясться, что она еще дѣвица;
Но ей знакомъ жаръ ложа сладострастный,
И эта краска на ея лицѣ
Не стыдъ невинности, а стыдъ грѣха.

Леонато.

Графъ, что хотите вы сказать?

Клавдіо.

Что я
Моей души не оскверню союзомъ
Съ отъявленной...

Леонато.

Графъ! если сами вы
Надъ юностью побѣду одержали...

Клавдіо.

Я знаю, что хотите вы сказать:
Что если я тутъ виноватъ, такъ Геро
Мнѣ отдалась, какъ будущему мужу,
И грѣхъ не такъ еще великъ. Но нѣтъ,
Нѣтъ! Леонато, нѣтъ! я никогда
Не искушалъ ее и вольнымъ словомъ:
Какъ братъ сестрѣ оказывалъ ей ласки
Любви безгрѣшной.

Геро.

Неуже-ли я
Казалась вамъ любящею иначе.

Клавдіо.

Казалась? прочь съ твоимъ *казаться!*
На видъ ты непорочнѣе Діаны;
На видъ ты чище нерасцвѣтшей почки,
Но жаръ въ крови твоей неугасимъ,
И ты, какъ звѣрь, неистово и дико
Бѣснуешься въ животномъ сладострастьи.

Геро.

Здоровы ли вы, графъ? Вы говорите
Такъ дико.

Леонато.

Принцъ! а вы зачѣмъ молчите?

Донъ-Педро.

Что мнѣ сказать? Я тоже оскорбленъ.
Я другу высваталъ простую...

Леонато.

Что?
Во снѣ иль на яву я это слышу?

Донъ-Жуанъ.

Нѣтъ, не во снѣ; вамъ высказали правду.

Бенедиктъ.

Не свадьбой это смотритъ.

Геро.

Правду? Боже!

Клавдіо.

Скажите, Леонато, здѣсь ли я?
Донъ-Педро ль это? Это донъ-Жуанъ ли?
И Геро ль, здѣсь передо мной? Не лгутъ ли
Мои глаза?

Леонато.

Не лгутъ; но что же дальше?

Клавдіо.

Позвольте сдѣлать ей вопросъ; а вы
Отцовской властью прикажите ей
Отвѣтить истину.

Леонато.

Дитя мое,
Я требую, чтобъ ты сказала правду.

Геро.

О Боже! какъ они меня тѣснятъ!
И что же это за вопросъ?

Клавдіо.

Признайтесь:
Вы кто такая? какъ васъ звать?

Геро.

Какъ? Геро.
Кто это имя очернитъ упрекомъ?

Клавдіо.

Вы сами. Геро посрамила Геро.
Съ кѣмъ говорили вы вчера за полночь
Изъ вашихъ оконъ? Если вы невинны,
Скажите—съ кѣмъ?

Геро.

Ни съ кѣмъ не говорила
Я въ этотъ часъ!

Донъ-Педро.

Такъ не невинны вы
Мнѣ очень жаль, добрѣйшій Леонато,
Но увѣряю васъ моею честью—
Я самъ, мой братъ и оскорбленный графъ,
Мы трое слышали, какъ прошлой ночью
Изъ оконъ комнаты своей она
Бесѣдовала съ кѣмъ-то неизвѣстнымъ.
Съ безстыдствомъ истиннаго негодяя
Онъ говорилъ ей о преступной связи
И... частыхъ встрѣчахъ ихъ наединѣ.

Донъ-Жуанъ.

Ну да, яснѣй нельзя же выражаться;
Тутъ скромныхъ словъ не приберешь. (*Геро*).
Мнѣ жаль васъ
За вашу... вѣтренность.

Клавдіо.

О, Геро! Геро!
О, что за женщина была бы ты,
Будь сердцемъ и душой хоть вполовину
Такъ хороша, какъ хороша лицомъ!
Прощай, уродливая красота,
Невинный грѣхъ, грѣховная невинность!
Я затворилъ врата любви; сомнѣнье
Поставилъ сторожемъ моихъ очей—
И красотой имъ впредь не увлекаться.

Леонато.

Уже-ли нѣтъ ни у кого ножа
Пронзить мнѣ грудь?

(*Геро падаетъ въ обморокъ*).

Беатриче.

Сестрица! что съ тобою?
Ты падаешь.

Донъ-Жуанъ.

Пойдемъ! Ее сразило
Разоблаченіе поступка!
(*Донъ-Педро, Донъ-Жуанъ* и *Клавдіо уходятъ*).

Бенедиктъ.

Что съ ней?

Беатриче.

Не умерла ли? Геро! Геро! Геро!
Спасите дядюшка! спасите, Бенедиктъ!

Леонато.

Не отклоняй твоей руки, судьба!
Дави! могила скроетъ стыдъ! Дави—
Чего желать намъ лучше?

Беатриче.

Геро! Геро!
Опомнись, что съ тобою?

ОТВЕРГНУТАЯ ГЕРО ПАДАЕТЪ ВЪ ОБМОРОКЪ.

Картина извѣстнаго англійскаго живописца Вильяма Гамильтона (Willam Hamilton, R. A. 1751–1801), (Бойделевская Галлерея).

ОТЕЦЪ ФРАНЦИСКЪ.

Успокойтесь.

ЛЕОНАТО.

Она очнулась?

ОТЕЦЪ ФРАНЦИСКЪ.

Почему же нѣтъ?

ЛЕОНАТО.

Какъ почему? Не все ль живое въ мірѣ
Кричитъ ей: стыдъ! Румянецъ на лицѣ
Изобличилъ ее—она не отперлась!...
Умри жъ, закрой свои глаза! О, знай я,
Что ты не поспѣшишь проститься съ жизнью,
Что духъ твой вынесетъ утрату чести,
Я самъ готовъ бы задушить тебя!
Ропталъ ли я на скупость силъ природы,
Недавшей мнѣ другихъ дѣтей? Довольно,
Довольно слишкомъ и одной тебя!
Въ моихъ глазахъ была ты такъ прекрасна!
Тебя любилъ я... О, зачѣмъ судьба
Мнѣ не подбросила младенца нищей?
Съ любовью пріютилъ бы я чужую,
Оставленную у моихъ дверей;
Запачкайся безчестіемъ она,
Ея стыду, плоду безвѣстной крови,
Я былъ бы непричастенъ. Но тобой,
Тобой гордился я, въ тебѣ любилъ я
Мое дитя! *мое!* И что же ты?
Ты пала въ грязь. Нѣтъ въ морѣ столько капель,
Чтобы смыть съ тебя пятно, нѣтъ столько соли,
Чтобъ плоть твою отъ порчи сохранить.

БЕНЕДИКТЪ.

Ленато, успокойтесь. Я сраженъ:
Не знаю, что подумать, что сказать!

БЕАТРИЧЕ.

О, я клянусь, ее оклеветали!

БЕНЕДИКТЪ.

Вы спали съ ней прошедшей ночью?

Беатриче.

Нѣтъ,
Вчера особо; но до этихъ поръ
Я цѣлый годъ не разлучалась съ ней.

Леонато.

Такъ! истина стоитъ неколебимо,
Какъ сталью схвачена; вина ясна,
Два принца станутъ лгать? и графъ, любившій
Ее такъ пламенно, что срамъ паденья
Омылъ слезой своей? Нѣтъ, прочь отсюда!
И пусть умретъ она!

Отецъ Францискъ.

Позвольте мнѣ
Промолвить слово. Я молчалъ такъ долго
И далъ просторъ теченію событій,
Единственно, чтобъ наблюдать за ней.
Я видѣлъ вспышки на ея лицѣ
Румянца алаго, но онъ мгновенно
Смѣнялся нѣжной бѣлизной.
Въ ея глазахъ сверкалъ огонь, сжигавшій
Сомнѣніе въ дѣвичьей чистотѣ.
Вы можете назвать меня глупцомъ, не вѣрить
Ни наблюденіямъ моимъ, ни чтенью,
Ни опыту, сопутнику науки,
Ни старости, ни званію монаха,
Но я вамъ говорю: она невинна.
Тутъ есть какая-то ошибка.

Леонато.

Нѣтъ,
Не можетъ быть. Ты видишь, въ ней осталось
Немного совѣсти еще: она
Не хочетъ грѣхъ удвоить ложной клятвой,
Къ чему стараться скрыть вину? Ничѣмъ
Ты не прикроешь наготы проступка.

Отецъ Францискъ.

Съ кѣмъ обвиняютъ васъ въ связи?

Геро.

Спросите тѣхъ, кто обвиняетъ. Я
Его не знаю. Если я была
Въ связи съ мужчиной, если измѣнила
Дѣвичьей скромности, да не отпуститъ
Господь грѣховъ моихъ! О! докажите,
Что съ кѣмъ бы ни было, въ часъ неприличный,
Видалась я, иль что вчерашней ночью
Бесѣдовала съ существомъ живымъ—
И прокляните вашу дочь, убейте,
Замучьте до смерти.

Отецъ Францискъ.

Какъ видно, принцы
Въ какомъ-то непонятномъ заблужденьи.

Бенедиктъ.

Они не могутъ поступить безчестно;
И если кто-нибудь ихъ обманулъ,
Такъ это плутни донъ-Жуана: онъ
Не можетъ жить безъ злыхъ и гнусныхъ козней.

Леонато.

Не знаю. Знаю только то, что если
Слова ихъ истинны, такъ эти руки
Ее задушатъ; но за клевету
Я всякому съумѣю отомстить.
Я изъ ума еще не выжилъ, кровь
Во мнѣ отъ лѣтъ еще не охладѣла,
Не нищій я, и жизнію лукавой
Не оттолкнулъ я отъ себя друзей;
Пусть оскорбятъ меня—на месть найдутся
И жаръ въ душѣ, и крѣпость въ старомъ тѣлѣ,
И золото, и вѣрные друзья.

Отецъ Францискъ.

Позвольте мнѣ подать совѣтъ вамъ. Геро
Лежала замертво, когда они ушли.
Скажите, что она скончалась; спрячьте
Ее куда-нибудь, надѣньте трауръ,
Украсьте надписью фамильный склепъ,
Исполните обряды погребенья.

Леонато.

Къ чему же это поведетъ?

Отецъ Францискъ.

Къ тому,
Что сплетни замѣнятся сожалѣньемъ;
И это что-нибудь да значитъ; но
Мой планъ ведетъ къ другой, важнѣйшей цѣли,
Услышавши, что Геро умерла
Въ минуту обвиненья—пожалѣютъ
И извинятъ ее. Такъ созданъ свѣтъ.
Мы не даемъ цѣны тому, что наше,
Но стоитъ только потерять—и вдругъ
Откроемъ въ немъ прекраснаго такъ много,
Что нѣтъ утраченному и цѣны.
И съ Клавдіо случится точно то же:
Услышитъ онъ, что Геро пала жертвой
Суровыхъ словъ его—и незамѣтно
Въ рабочую его воображенья
Проникнетъ идеалъ минувшей жизни;
Что было милаго въ живой, воскреснетъ
Въ глазахъ души его еще милѣй,
Одѣтое прекраснѣйшей одеждой,
Нѣжнѣй, изящнѣе, полнѣе жизнью,
Чѣмъ было истинно живой. И если
Ее любилъ онъ, онъ начнетъ грустить,
И какъ ни будь онъ убѣжденъ въ винѣ,

ХАРАКТЕРНЫЙ ИТАЛЬЯНСКІЙ ЖЕНСКІЙ КОСТЮМЪ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНІЯ.

Картина знаменитаго венеціанскаго живописца Париса Бордоне (Paris Bordone 1500—1570) въ СПб. Эрмитажѣ.

А станетъ жаль ему, что такъ жестоко
Казнилъ онъ ту, которую любилъ.
Устройте жъ все, какъ я сказалъ; повѣрьте,
Развязка оправдаетъ ожиданья.
И ежели разсчетъ мой неудаченъ
Во всемъ другомъ, такъ несомнѣнно то,
Что мнимая кончина уничтожитъ
Всѣ злые толки, усыпитъ молву—
И вы укроете ее (а ей
Чего желать безъ доброй славы въ мірѣ?)
Подальше гдѣ-нибудь въ монастырѣ.

Бенедиктъ.

Послѣдуйте его совѣту. Я,
Вы знаете, душевно преданъ принцу
И Клавдіо, но обѣщаю вамъ
Хранить молчаніе.

Леонато.

Я обезсиленъ.
Вы можете вести меня теперь,
Куда угодно на тончайшей ниткѣ.

Отецъ Францискъ.

Пойдемъ. Изъ смерти возникаетъ жизнь,
И ваша свадьба впереди. Утѣшьтесь.

(Отецъ Францискъ, Геро и Леонато уходятъ).

Бенедиктъ. Беатриче, вы все это время плакали?

Беатриче. Да; и еще долго буду плакать.

Бенедиктъ. Я не желалъ бы этого.

Беатриче. И не къ чему. Я плачу добровольно.

Бенедиктъ. Я увѣренъ, что сестрицу вашу обвиняютъ несправедливо.

Беатриче. Какъ обязалъ бы меня тотъ, кто оправдалъ бы ее!

Бенедиктъ. А есть средство оказать вамъ такую дружбу?

Беатриче. Средствъ много, да друга нѣтъ.

Бенедиктъ. Можетъ ли взяться за это мужчина?

Беатриче. Да—то есть не вы.

Бенедиктъ. Я люблю васъ больше всего на свѣтѣ. Не странно ли это?

Беатриче. Такъ странно, какъ вещь, о которой я ничего не знаю. Я тоже могла бы сказать, что люблю васъ больше всего на свѣтѣ; но не вѣрьте мнѣ, хоть я и не лгу; я не признаюсь ни въ чемъ, ничего не отрицаю. Мнѣ жаль сестру.

Бенедиктъ. Клянусь мечомъ моимъ, Беатриче, ты любишь меня!

Беатриче. Не клянитесь вашимъ мечомъ: скушайте его лучше.

Бенедиктъ. Нѣтъ, клянусь, вы меня любите; и я заставлю отвѣдать его того, кто вздумаетъ утверждать противное.

Беатриче. Смотрите, не взять бы вамъ клятвы назадъ?

Бенедиктъ. Ни за что въ мірѣ. Клянусь, я люблю тебя!

Беатриче. Такъ прости мнѣ, Господи...

Бенедиктъ. Какое прегрѣшеніе, милая Беатриче?

Беатриче. Вы прервали меня кстати: я тоже хотѣла поклясться, что люблю васъ.

Бенедиктъ. Побожись же!

Беатриче. Я люблю васъ такъ сильно, что нѣтъ силъ и побожиться.

Бенедиктъ. Прикажи мнѣ сдѣлать для тебя что нибудь.

Беатриче. Убейте Клавдіо.

Бенедиктъ. Ни за весь міръ!

Беатриче. Вы убиваете меня отказомъ. Прощайте.

Бенедиктъ. Постой, Беатриче!

Беатриче. Меня ужъ нѣтъ, хоть я и здѣсь еще—вы не любите. Нѣтъ, пожалуйста пустите.

Бенедиктъ. Беатриче!

Беатриче. Серьезно, я иду.

Бенедиктъ. Будемъ друзьями.

Беатриче. Конечно, быть моимъ другомъ не такъ страшно, какъ сразиться съ моимъ врагомъ.

Бенедиктъ. А Клавдіо врагъ твой?

Беатриче. Не доказалъ ли онъ, что онъ величайшій негодяй, оклеветавши и осрамивши мою родственницу? О, если бы я была мужчиной! Какъ, носить ее на рукахъ, пока не пришло время соединить руки, и вдругъ публично оклеветать съ такою явною злобой. О, Боже! будь я мужчина, я вырвала бы у него сердце и съѣла его на площади, всенародно.

Бенедиктъ. Послушайте, Беатриче...

Беатриче. Разговаривать изъ окна съ мужчиной!... Прекрасная выдумка!

Бенедиктъ. Однако, Беатриче...

Беатриче. Бѣдная Геро! Ее оскорбили, оклеветали, погубили!

Бенедиктъ. Беат...

Беатриче. Принцы и графы! Истинно рыцарскій поступокъ! Кровный графъ, сахарный графъ — дивный любовникъ! О, будь я мужчиной!... найди я друга, который захотѣлъ бы быть мужчиной ради меня!... Нѣтъ, мужество растаяло въ учтивость, храбрость въ комплименты; лучшее сердце перелилось въ языкъ. Нынче тотъ Геркулесъ, кто лжетъ и клянется. Но что напрасно желать быть мужчиной! Лучше умереть, какъ женщина.

Бенедиктъ. Постой, милая Беатриче! Клянусь моею душой, я люблю тебя!

Беатриче. Употребите ее, изъ любви ко мнѣ, на что-нибудь другое, кромѣ клятвъ.

Бенедиктъ. Скажите, положа руку на сердце, думаете вы, что Клавдіо виноватъ передъ Геро?

Беатриче. Такъ же вѣрно, какъ то, что во мнѣ есть душа.

Бенедиктъ. Довольно! Я вызову его—даю вамъ слово. Позвольте поцѣловать на прощанье вашу руку. Клянусь этою рукою, Клавдіо дорого мнѣ поплатится. Идите, утѣшьте сестру. Я долженъ говорить, что она умерла. Прощайте.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Тюрьма.

Входятъ Клюква, Кисель, Протоколистъ *и стража съ* Конрадомъ *и* Борахіо.

Клюква. Всѣ ли на лицо?

Кисель. Эй! подать протоколисту стулъ и подушку!

Протоколистъ. Гдѣ же подсудимые?

Клюква. А вотъ, мы съ товарищемъ.

Кисель. Мы имѣемъ предписаніе сдѣлать допросъ.

Протоколистъ. Но гдѣ же допрашиваемые преступники? пусть подойдутъ къ констэблю.

Клюква. Да-да, пусть подойдутъ ко мнѣ. Какъ тебя, пріятель, зовутъ?

Борахіо Борахіо.

Клюква. Запишите: Борахіо. А тебя?

Конрадъ. Я дворянинъ; меня зовутъ Конрадъ.

Клюква. Запишите: дворянинъ Конрадъ. Вѣруете ли въ Бога?

Конрадъ *и* Борахіо. Да, сударь, надѣемся!

Клюква. Запишите: они надѣются, что вѣруютъ въ Бога. Дѣло ясное, что вы архиплуты; вотъ мы васъ выведемъ на свѣжую воду! Что вы на это скажите?

Конрадъ. Что мы люди честные.

Клюква. Экая тонкая бестія! Да не на того напалъ. (*Борахіо*). А подойди-ка ты сюда, пріятель; я тебѣ шепну что-то на ушко: вы, говорятъ, мошенники.

КЛЮКВА и КИСЕЛЬ ДОПРАШИВАЮТЪ КОНРАДА и БОРАХІО. (Дѣйствіе IV, сцена II).

Картина извѣстнаго англійскаго жанриста Роберта Смирка (Rob. Smirke, 1752 - 1845). Бойделевская галлерея.

Борахіо. А я говорю вамъ, что нѣтъ.

Клюква. Хорошо. Отойди же въ сторону. Ей-богу, они стакнулись. Записали вы, что они не мошенники?

Протоколистъ. Вы, господинъ констэбль, не такъ ведете допросъ; вы должны призвать стражей, ихъ обвинителей.

Клюква. Да, да, это будетъ короче всего. Пусть сторожа подойдутъ. Именемъ принца приказываю вамъ обвинить этихъ людей.

Первый сторожъ. Вотъ этотъ человѣкъ, ваша милость, сказалъ, что братъ принца донъ-Жуанъ—мошенникъ.

Клюква. Запишите: принцъ Жуанъ мошенникъ. Э! да это клятвопреступленье, назвать брата принца мошенникомъ.

Борахіо. Господинъ констэбль...

Клюква. Пожалуйста, братецъ, молчи. Объявляю тебѣ, что мнѣ не нравится твоя физіономія.

Протоколистъ. Что онъ еще говорилъ?

Второй сторожъ. Что получилъ отъ донъ-Жуана тысячу червонцевъ за ложное обвиненіе синьоры Геро.

Клюква. Чистое душегубство!

Кисель. Да, чистое.

Протоколистъ. Что дальше?

Первый сторожъ. И что графъ Клавдіо рѣшился, основываясь на его словахъ, осрамить Геро въ полномъ собраніи и не жениться на ней.

Клюква. Мерзавецъ! за это ты будешь осужденъ на вѣчное искушеніе.

Протоколистъ. Что еще?

Второй сторожъ. Больше ничего.

Протоколистъ. И отъ этого вы не можете отпереться. Принцъ Жуанъ бѣжалъ тайно сегодня утромъ. Геро дѣйствительно была обвинена, осрамлена и съ горя внезапно умерла. Господинъ констэбль, прикажите-ка ихъ связать да отвести къ Леонато; я сейчасъ пойду показать ему допросъ. (*Уходитъ*).

Клюква. Такъ связать ихъ!

Кисель. Въ кандалы!

Конрадъ. Прочь, болванъ!

Клюква. Святой владыко, гдѣ же протоколистъ? Пусть запишетъ; состоящій на службѣ принца—болванъ. Эй! связать ихъ! Ничтожная тварь!

Конрадъ. Оселъ! оселъ вислоухій!

Клюква. Какъ, и къ чину никакого уваженія? никакого решпекта къ моимъ лѣтамъ? Ну, счастье твое, что некому записать, что я оселъ. Впрочемъ, прошу прислушаться, господа: я оселъ; ничего, что не записано, не забудьте только: я оселъ! Погоди, мошенникъ! Этакая нравственная каналья!... Свидѣтели есть... Не дуракъ я, да еще—подымай выше—чиновный, да еще—подымай выше—отецъ семейства; и собой не хуже кого другого въ Мессинѣ; и законы знаю, и не нищій какой-нибудь; тертый калачъ; не даромъ ношу мундиръ—да! Ведите его! Экая досада, что нельзя записать: „оселъ! Я оселъ! (*Уходятъ*).

„Я ОСЕЛЪ!"

Концовка Джильберта (Gilbert).

НАДЪ ВХОДОМЪ ВЪ ЧАСОВНЮ.

Слѣва поврежденный барельефъ изъ эмальированной и окрашенной глины, работы знаменитаго итальянскаго скульптора Лука делла Роббіа (Luca della Robbia, 1399—1482; Via d' Agnolo, Флоренція).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Передъ домомъ Леонато.

Входятъ Леонато *и* Антоніо.

Антоніо.

Послушай, ты себя убьешь. Умно ли
Поддерживать печаль себѣ на гибель?

Леонато.

Пожалуйста, оставь твои совѣты!
Они безъ пользы проникаютъ въ слухъ,
Какъ жидкость въ рѣшето. Побереги ихъ.
Пусть тотъ попробуетъ меня утѣшить,
Кто самъ узналъ подобное несчастье,
Кто дочь любилъ такъ горячо, какъ я,
И у кого, какъ у меня, внезапно
Изъ сердца вырвано все счастіе отца—
Пусть онъ заговоритъ мнѣ о терпѣньи.
Да, если тотъ, чье горе глубоко
И полно, какъ мое, въ комъ скорбь жива
Съ такой же силою, въ такомъ же видѣ,
О! если онъ со смѣхомъ вмѣсто слезъ
Промолвитъ: „горе, прочь!", въ ночной пирушкѣ
Пропьетъ несчастіе и остротами
Заштопаетъ больныя раны сердца—
Ко мнѣ его! веди его ко мнѣ:
Я у него терпѣнью научусь.
Не сыщешь ты такого человѣка!
Совѣтовать и утѣшать легко
Тому, кто скорби непричастенъ самъ;
А испытай ее, мудрецъ-совѣтникъ,
Такъ всѣ твои совѣты вспыхнутъ
Мгновенной страстью. Ты мечтаешь въ нихъ
Подать лѣкарство отъ горячки мозга,
Связать безумство тонкой шелковинкой,
Смирить словами агонію сердца...
Нѣтъ, нѣтъ! Кто гнется подъ тяжелой скорбью,
Тому всегда совѣтуютъ смириться,
А между тѣмъ ни въ комъ нѣтъ столько силы,

Чтобъ самому въ подобную невзгоду
Послѣдовать премудрымъ поученьямъ.
Такъ не совѣтуй мнѣ. Всѣ разсужденья
Затушены сильнѣйшимъ воплемъ скорби.

Антоніо.

Такъ чѣмъ же разнится дитя отъ мужа?

Леонато.

Молчи, пожалуйста! Я кровь и плоть,
И ими быть хочу. Какой философъ
Зубную боль переносилъ спокойно!
А вѣдь они съ безсмертнымъ краснорѣчьемъ
Писали противъ рока и страданій.

Антоніо.

По крайней мѣрѣ не страдай одинъ:
Пусть и обидчики немного пострадаютъ.

Леонато.

Да, въ этомъ случаѣ ты правъ, согласенъ;
Мнѣ сердце говоритъ, что дочь невинна:
Такъ пусть же знаютъ это принцъ и графъ—
Всѣ, очернившіе ее.

Входятъ донъ-Педро *и* Клавдіо.

Антоніо.

Вотъ принцъ
И Клавдіо; они спѣшатъ куда-то.

Донъ-Педро.

А, здравствуйте!

Клавдіо.

Здорово, господа!

Леонато.

Послушайте...

Донъ-Педро.

Намъ некогда, Леонато.

Леонато.

Вамъ некогда? Ну да, прощайте, принцъ!
Теперь спѣшите вы? Что жъ, все равно!

Донъ-Педро.

Не ссорься съ нами, добрый Леонато!

Антоніо.

О, если бъ ссора помогла ему,
Давно бы кто-нибудь изъ насъ былъ мертвъ!

Клавдіо.

Кто жъ оскорбилъ его?

Леонато.

Ты оскорбилъ,
Ты, лицемѣръ. Къ чему за мечъ хвататься!
Я не боюсь тебя.

Клавдіо.

Пусть онѣмѣетъ
Моя рука, когда она хотѣла
Подать къ такому опасенью поводъ.
Она безъ умысла за мечъ схватилась.

Леонато.

Не смѣйся надо мной. Мои слова
Не бредъ глупца иль старика-дитяти.
И я не пользуюсь правами лѣтъ,
Не хвастаю, не говорю: давно,
Когда я молодъ былъ, я дѣлалъ то-то,
И сдѣлалъ бы теперь, не будь я старъ.
Я прямо говорю: ты такъ глубоко
Мое невинное дитя обидѣлъ,
Что я обязанъ позабыть мой санъ,
Сѣдые волосы и бремя лѣтъ
И звать тебя на смертный поединокъ.
Ты оболгалъ ее: она невинна!
Твоя безсовѣстная клевета
Пронзила сердце ей; она въ гробницѣ
Среди отцовъ своихъ, гдѣ никогда
Безчестные доселѣ не почили.
Ты, лжецъ презрѣнный, очернилъ ее!

Клавдіо.

Я лжецъ?

Леонато.

Да, ты; ты лжецъ, я повторяю.

Донъ-Педро.

Старикъ, неправда!

Леонато.

Пусть со мною бьется:
На зло его проворству и искусству
И цвѣту юности, и силѣ мышцъ,
Я докажу, что онъ солгалъ.

Клавдіо.

Поди!
Я, не хочу старикъ, съ тобою биться.

Леонато.

Не смѣешь? А! ты дочь мою убилъ,
Дитя! Убей меня, по крайней мѣрѣ
Тогда убьешь ты не ребенка!

Антоніо.

Да,
Пусть онъ узнаетъ, что не дѣти мы;
Пусть онъ убьетъ обоихъ насъ; но первый
Я съ нимъ дерусь. Ступай за мной, мальчишка!
Пойдемъ, я проучу тебя, мальчишка!
Честное слово, проучу!

Леонато.

Послушай...

Антоніо.

Молчи и не мѣшай мнѣ. Богъ свидѣтель,
Что я племянницу мою любилъ.
Ее сразила клевета; убійца
Не смѣетъ встрѣтиться со мной въ бою,
Какъ я змѣю не смѣю взять за жало.
О, хвастуны, мальчишки, паяцы!

Леонато.

Но, братъ...

Антоніо.

Молчи. Я знаю ихъ насквозь—
Пустые франты и лгуны! Мальчишки!
Солгать, польстить, оклеветать—ихъ дѣло.
Посмотришь—страшно подойти; какъ песъ
Рычитъ угрозами: „осмѣлься только
Такъ я съ тобой и то и то". И что же?
А ничего: слова и только.

Леонато.

Братъ!

Антоніо.

Довольно. Не мѣшайся въ это дѣло,
Я самъ его покончу.

Донъ-Педро.

Господа,
Мы не хотимъ васъ раздражать. Жалѣю
О смерти Геро, но ручаюсь честью—
Она не жертва клеветы; мы ясно
Убѣждены въ ея поступкѣ.

Леонато.

Принцъ!

Донъ-Педро.

Я слушать не хочу.

Леонато.

Вы не хотите?
Пойдемъ же, братъ. Я слушать ихъ заставлю.

Антоніо.

Или кому-нибудь не сдобровать.
(*Леонато и Антоніо уходятъ*).

Входитъ Бенедиктъ.

Донъ-Педро. Вотъ и онъ! а мы васъ ищемъ.

Клавдіо. Что новаго?

Бенедиктъ. Здравствуйте, принцъ.

Донъ-Педро. Здравствуйте, синьоръ. Вы чуть-чуть не поспѣли разнять драку.

Клавдіо. Еще немного—и два беззубые старика откусили бы намъ носы.

Донъ-Педро. Леонато съ братомъ. Какъ ты думаешь? если бы дошло до дѣла, врядъ ли мы оказались бы для нихъ слишкомъ молоды!

Бенедиктъ. Виноватый не можетъ быть храбръ. Я пришелъ собственно къ вамъ.

Клавдіо. А мы искали тебя. Намъ что-то ужасно скучно; хотѣлось бы разогнать тоску. Съостри, пожалуйста, что нибудь.

Бенедиктъ. Острота моя въ ножнахъ; прикажете обнажить?

Донъ-Педро. Она и то голь-голью.

Клавдіо. А голь на выдумки хитра: съостри что нибудь.

Донъ-Педро. Честное слово, онъ недаромъ блѣденъ. Что ты, боленъ, или сердитъ?

Клавдіо. Полно, мужайся! съ тоски, говорятъ, и кошка худѣетъ! а тебѣ ни почемъ: скорѣе, я думаю, тоска отъ тебя похудѣетъ.

Бенедиктъ. Если вы цѣлите вашими остротами въ меня, такъ я готовъ встрѣтить ихъ когда и гдѣ угодно.

Клавдіо. Ну, такъ дайте ему новое копье, прежнее изломалось въ куски.

Донъ-Педро. Право, онъ измѣняется въ лицѣ все больше и больше. Я думаю, онъ не шутя сердитъ.

Клавдіо. Въ такомъ случаѣ, онъ знаетъ, какъ поступаютъ порядочные люди.

Бенедиктъ. Позвольте сказать вамъ словечко на ухо.

Клавдіо. Господи! спаси меня отъ вызова.

Бенедиктъ (*тихо Клавдіо*). Вы негодяй. Я не шучу. Я повторю это, когда и гдѣ вамъ угодно. Я требую отъ васъ удовлетворенія, иначе при всѣхъ назову васъ трусомъ. Вы убили невинную дѣвушку и дорого поплатитесь за ея смерть. Жду отвѣта.

Клавдіо. Хорошо, я приду угостить васъ на славу.

Донъ-Педро. Что такое? пирушка?

Клавдіо. Да, вотъ, спасибо, зоветъ на телячью голову и каплуна; даю вамъ слово разрѣзать ихъ мастерски, въ противномъ случаѣ можете сказать, что ножъ мой никуда негоденъ. Не найду ли я и гуся?

Бенедиктъ. Ваше остроуміе бѣжитъ иноходью: оно легко на ногу.

Донъ-Педро. Разсказать тебѣ, какъ расхваливала тебя намедни Беатриче? Я сказалъ, что у тебя тонкій умъ. „Да", говоритъ она, „такъ тонокъ, что его вовсе незамѣтно".—„Виноватъ", говорю, „я хотѣлъ

сказать обширный".—„Плоскость необозримая", прибавила она.—„Сыплетъ остротами очень ловко".—„Да", говоритъ, „никого никогда не задѣнетъ".—„Знаетъ", говорю, „нѣсколько языковъ".—„Вѣрю", говоритъ: „онъ клялся мнѣ кое въ чемъ въ понедѣльникъ ввечеру и отрекся во вторникъ поутру—это два различные языка". И такъ она цѣлый часъ выворачивала наизнанку твои достоинства, а кончила все таки вздохомъ, говоря, что лучше тебя никого нѣтъ въ Италіи.

Клавдіо. Горько заплакала, а говоритъ: мнѣ все равно.

Донъ-Педро. Да, это правда; и при всемъ томъ, не питай она къ нему смертельной ненависти, она горячо бы его полюбила. Дочь нашего старика-то все намъ разсказала.

Клавдіо. Все, все и, кромѣ того, какъ онъ прятался въ саду.

Донъ-Педро. Когда же водрузимъ мы родъ дикаго быка на челѣ чувствительнаго Бенедикта?

Клавдіо. Съ надписью: „законный супругъ Бенедиктъ".

Бенедиктъ. Прощай, мальчишка—ты меня понимаешь. Можете безъ меня болтать сколько вамъ угодно: ваши остроты, какъ шпага хвастуна, слава Богу, никого не ранятъ. Позвольте поблагодарить васъ, принцъ, за ваши ласки: я долженъ васъ оставить. Братъ вашъ, донъ-Жуанъ, бѣжалъ изъ Мессины. Вы вмѣстѣ убили невинную, прекрасную дѣвушку. Что до этого господина молокососа, то мы съ нимъ еще встрѣтимся, а до тѣхъ поръ счастливо оставаться! (*Уходитъ*).

Донъ-Педро. Онъ говоритъ серьезно.

Клавдіо. Какъ нельзя серьезнѣе и, ручаюсь вамъ, изъ любви къ Беатриче.

Донъ-Педро. Онъ вызвалъ тебя?

Клавдіо. Начисто.

Донъ-Педро. Что за забавная штука человѣкъ, когда надѣваетъ штаны и кафтанъ, а умъ оставляетъ дома!

Клавдіо. Тогда онъ, конечно, великанъ въ сравненіи съ обезьяною; но за то и обезьяна въ сравненіи съ нимъ—докторъ.

Донъ-Педро! Однако, это меня тревожитъ: не сказалъ ли онъ, что братъ мой бѣжалъ?

Входятъ Клюква, Кисель *и стража съ* Конрадомъ *и* Борахіо.

Клюква. Пойдемъ-ка, пойдемъ: если правосудіе съ тобою не справится, такъ чтобъ ему никогда не развѣшивать на вѣсахъ своихъ ничего умнаго. Плутоватъ ты, да мы тебя поразглядимъ.

Донъ-Педро. Это что? Двое изъ свиты моего брата—и связаны? Борахіо?

Клавдіо. Спросите за что.

Донъ-Педро. Въ чемъ они провинились?

Клюква. Они сдѣлали ложный доносъ; кромѣ того, произнесли ложь; во-вторыхъ, они клеветники; въ-шестыхъ и въ-послѣднихъ,—оболгали дѣвицу; въ третьихъ—подтвердили несправедливыя вещи и, въ заключеніе, они лжецы и мошенники.

Донъ-Педро. Во-первыхъ, я спрашиваю тебя, что они сдѣлали? въ-третьихъ, въ чемъ провинились? въ-шестыхъ и въ-послѣднихъ, за что арестованы? и въ заключеніе, въ чемъ вы ихъ обвиняете?

Клавдіо. Вотъ что называется допросить по всѣмъ пунктамъ.

Донъ-Педро (*арестантамъ*). Кого вы обидѣли? За что васъ связали и ведутъ къ допросу? Ученый констэбль такъ премудръ, что его не поймешь. Въ чемъ состоитъ вашъ проступокъ?

Борахіо. Ваше высочество, не для чего вести меня къ допросу. Выслушайте, и пусть графъ убьетъ меня. Я обманулъ даже ваши глаза. Чего не могла открыть ваша проницательность, то открыли эти дураки: ночью они подслушали, какъ я разсказывалъ вотъ ему, что братъ вашъ, донъ-Жуанъ, научилъ меня оклеветать Геро; что васъ проводили въ садъ, гдѣ вы были свидѣтелемъ свиданія моего съ Маргаритой, одѣтой въ платье Геро; что вы хотѣли опозорить ее въ минуту вѣнчанія. Они записали мое преступленіе, и я охотнѣе запечатлѣю его моею смертью, нежели снова повторю всѣ подробности. Геро умерла вслѣдствіе моего ложнаго обвиненія. Словомъ, я желаю только возмездія за мое преступленіе.

Донъ-Педро.

Что скажете? Мнѣ отъ его разсказа
Какъ-будто кто нибудь горячей сталью
Погладилъ по сердцу.

Клавдіо.

Онъ далъ мнѣ выпить яду.

Донъ-Педро.

Такъ это братъ мой научилъ тебя?

Борахіо.

И щедро наградилъ за трудъ!

Донъ-Педро.

Онъ только и живетъ что преступленьемъ.
Вотъ почему онъ и бѣжалъ.

Клавдіо.

Съ какой невинной красотой, о Геро,
Въ моей душѣ теперь ты воскресаешь!

Клюква. Ведите прочь истцовъ. Протоколистъ, должно быть, уже отрапортовалъ обо всемъ Леонато. А вы не забудьте въ надлежащее время, что я—оселъ.

Кисель. Вотъ и синьоръ Леонато съ протоколистомъ.

Входятъ Леонато, Антоніо *и* протоколистъ.

Леонато.

Гдѣ, гдѣ злодѣй? Взгляну ему въ глаза,
Чтобъ, встрѣтившись съ подобнымъ человкомъ,
Я могъ поостеречься. Кто изъ нихъ?

Борахіо.

Преступникъ я.

Леонато.

Такъ ты своимъ дыханьемъ,
Презрѣнный рабъ, убилъ мое дитя?

Борахіо.

Да, я одинъ.

Леонато.

Нѣтъ, нѣтъ; ты лжешь на самого себя.
Вотъ двое знатныхъ—третій убѣжалъ—
Они съ тобой замѣшаны въ убійствѣ.
Спасибо, принцы, за убійство Геро!
Воистину вамъ есть чѣмъ похвалиться!
Великій подвигъ—и ничѣмъ не хуже
Всѣхъ остальныхъ, блестящихъ вашихъ дѣлъ!

Клавдіо.

Не знаю, какъ просить васъ о терпѣньи,
Но говорить я долженъ. Леонато,
Назначьте мнѣ за грѣхъ мой искупленье;
Вы властны мстить—я покоряюсь казни:
Я согрѣшилъ, но только по ошибкѣ.

Донъ-Педро.

Свидѣтель Богъ, я тоже ошибался;
Но я готовъ загладить мой проступокъ:
Скажите—чѣмъ? я все готовъ исполнить.

Леонато.

Я не могу сказать вамъ: прикажите
Воскреснуть ей. Надъ смертью вы не властны.
Но пусть всѣ обитатели Мессины
Узнаютъ, что она была чиста.
Гдѣ есть любовь, тамъ есть и вдохновенье:
Почтите гробъ ея печальнымъ гимномъ
И скромной надписью. А завтра утромъ
Прошу ко мнѣ. Судьба вамъ не судила
Быть мужемъ дочери моей, такъ будьте
Моимъ племянникомъ. У брата есть
Для васъ невѣста: дочь его похожа
На Геро, какъ на самое себя;
Она наслѣдница отца и дяди.
Женитесь—и обида позабыта.

Клавдіо.

Вы благородный человѣкъ! Ленато,
Такой избытокъ доброты нельзя
Слезой признательною не почтить.
Я принимаю ваше предложенье—
Располагайте мной.

Леонато.

Итакъ, до завтра.
(*Указывая на Борахіо*).
А этого мы на очную ставку
Сведемъ съ помощницей; она
Безъ всякаго сомнѣнія, была
Подкуплена и знала обо всемъ.

Борахіо.

Нѣтъ нѣтъ, она не знала ничего,
Ни цѣли, ни значенья разговора
И, сколько мнѣ извѣстно, завсегда
Была честна. Она не виновата.

Клюква. Сверхъ того, ваша милость—оно хоть и не записано—этотъ истецъ и обидчикъ назвалъ меня осломъ. Просимъ покорно, не забудьте этого при наказаніи. Кромѣ того еще, сторожа слышали, что они говорили о какомъ-то Фасонѣ: онъ, говорятъ, ходитъ съ сережкой въ ухѣ, занимаетъ у всѣхъ деньги за порукою Господа Бога и никогда не отдаетъ, только кредитъ подрываетъ. Объ этомъ, совѣтую, ваша милость, хорошенько его допросить.

Леонато. Благодарю за трудъ.

Клюква. Ваша милость говоритъ какъ достойный, признательный молодой человѣкъ.

Леонато. Вотъ тебѣ за труды.

Клюква. Господи благо...

Леонато. Ступай; арестанты останутся здѣсь. Благодарю.

Клюква. Я оставляю васъ съ отъявленными мошенниками. Надѣюсь, вы не забудете задать себѣ порядочную экзекуцію, для примѣра другимъ. Счастливо оставаться, ваша милость. Наше почтеніе! Будьте здоровы! Имѣемъ честь уволить насъ отъ присутствія вашей особы. Пойдемъ, сосѣдушка. (*Клюква и Кисель уходятъ*).

Леонато.
Итакъ, до завтра, господа, прощайте!

Антоніо.
Прощайте. Мы васъ ждемъ.

Донъ-Педро.
Навѣрно.

Клавдіо.
А ночь я проведу у гроба Геро.

Леонато.
Ведите ихъ за мной; мы разузнаемъ,
Какъ познакомился онъ съ Маргаритой.
(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Садъ Леонато.

Бенедиктъ *и* Маргарита *встрѣчаются.*

Бенедиктъ. Милая Маргарита, сослужи мнѣ службу: устрой мнѣ свиданіе съ Беатриче.

Маргарита. А напишете вы мнѣ сонетъ въ честь моей красоты?

Бенедиктъ. Такимъ высокимъ слогомъ, что никому изъ смертныхъ не добраться...

Маргарита. До моей красоты?

Бенедиктъ. Что за догадливость! Умъ какъ клещи—такъ и хватаетъ!

Маргарита. О вашемъ можно сказать: тупъ какъ рапира,—попадаетъ, да не ранитъ.

Бенедиктъ. Изъ вѣжливости, щадя дамъ. Позови же, сдѣлай милость, Беатриче... Я отдаю тебѣ щитъ.

Маргарита. Отдайте-ка намъ мечи—щиты у насъ есть свои.

Бенедиктъ. Если ты хочешь употребить ихъ въ дѣло, Маргарита, такъ придется защищаться и отъ копій, а они самое опасное оружіе для дѣвушекъ.

Маргарита. Извольте, я позову къ вамъ, Беатриче, которая, кажется, не безъ ногъ. (*Уходитъ*).

Бенедиктъ. И слѣдовательно придетъ. (*Поетъ*).

О богъ любви!
Воспламени
Въ моей крови...

Я разумѣю даръ пѣснопѣнія; что же касается любви, то ни знаменитаго пловца Леандра, ни Троила, ни цѣлый лексиконъ этихъ господъ ci devant франтовъ, имена которыхъ такъ и катятся по гладкому шоссе бѣлыхъ стиховъ—никого изъ нихъ не измѣняла любовь такъ радикально, какъ меня. Жаль, что не могу выразить ее въ хорошихъ стихахъ: риѳма проклятая не дается, сколько я ни пробовалъ. Я родился не подъ созвѣздіемъ рифмъ и не могу любезничать въ торжественныхъ выраженіяхъ.

Входитъ Беатриче.

Бенедиктъ. Милая Беатриче, ты пришла на мой зовъ.

Беатриче. Да, и уйду, когда прикажете.

Бенедиктъ. Нѣтъ, постой, хоть до тѣхъ поръ, пока...

Беатриче. *Тѣхъ поръ* уже сказано—прощайте! Да скажите, пожалуйста—вѣдь я за этимъ собственно пришла—что вы съ Клавдіо?

Бенедиктъ. Поговорили довольно крупно, вслѣдствіе чего я тебя и поцѣлую.

Беатриче. Слова—вѣтеръ, крупныя слова—сильный вѣтеръ; крупныя слова, произнесенныя вами—сильный сквозной вѣтеръ, а я боюсь простудиться. Пожалуйста, не цѣлуйте.

Бенедиктъ. Ты лѣпишь изъ словъ смыслъ и значеніе какъ изъ воску. Скажу тебѣ просто: Клавдіо принялъ мой вызовъ, и если не явится на свиданіе, такъ я объявлю его трусомъ. Скажи мнѣ, за какой изъ моихъ пороковъ полюбила ты меня?

Беатриче. За всѣ. Они охраняютъ въ васъ царство зла съ такою тонкою политикой, что не даютъ доступу и тѣни чего-нибудь порядочнаго. А за какую изъ моихъ доблестей сдѣлались вы жертвою любви?

Бенедиктъ. Жертвою любви! Хорошо сказано: я дѣйствительно жертва, потому что люблю противъ воли.

Беатриче. На зло вашему сердцу, конечно. Увы, бѣдное сердце! Если вы обижаете его ради меня, такъ я обижу его ради васъ; я не хочу любить врага моего друга.

Бенедиктъ. Мы съ вами такъ умны, что не можемъ любезничать мирно.

Беатриче. Изъ вашихъ словъ этого не замѣтно: какой умный человѣкъ станетъ хвалить самого себя?

Бенедиктъ. Была правда, какъ бабушка еще не выходила замужъ; а теперь, кто не воздвигнетъ самъ себѣ памятника заживо, о томъ будутъ помнить только, пока въ колоколъ звонятъ, да вдова плачетъ.

Беатриче. А долго это продолжается?

Бенедиктъ. Что за вопросъ! Часъ на упражненіе легкихъ, четверть часа на отдѣ-

леніе влаги изъ слезной железы. Слѣдовательно—если только не мѣшаетъ госпожа совѣсть — умнѣе всего самому трубить о своихъ достоинствахъ. Вотъ почему я и хвалю самъ себя; и могу вамъ засвидѣтельствовать, что хвалимый достоинъ похвалъ. Что ваша кузина? какъ поживаетъ?

Беатриче. Плохо.

Бенедиктъ. А вы?

Беатриче. Тоже очень плохо.

Бенедиктъ. Молитесь Богу, любите меня и старайтесь исправиться. Затѣмъ прощайте: сюда кто-то спѣшитъ.

Входитъ Урсула.

Урсула (*Беатриче*). Пожалуйте къ дядюшкѣ. Тамъ такая тревога! Открылось, что Геро невинна, а принцъ и Клавдіо обмануты: это все донъ-Жуанъ надѣлалъ. Онъ бѣжалъ. Идемте!

Беатриче (*Бенедикту*). Хотите со мной? Послушаемъ, что такое.

Бенедиктъ. Я хочу жить въ твоемъ сердцѣ, хочу умереть на груди твоей, хочу послѣ смерти покоиться въ глазахъ твоихъ, сверхъ того, хочу идти съ тобою къ твоему дядюшкѣ. (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Внутренность часовни.

Входятъ донъ-Педро, Клавдіо *и свита съ факелами.*

Клавдіо. Это ли фамильный склепъ Леонато?

Одинъ изъ свиты. Это онъ, синьоръ.

Клавдіо
(*развертываетъ свитокъ и читаетъ*).

Жертва лживыхъ языковъ,
Геро здѣсь опочиваетъ.
Смерть, невинности покровъ,
Вѣчной славой озаряетъ
Память дѣвы молодой.
Такъ убитую позоромъ
Смерть являетъ нашимъ взорамъ
И невинной и святой.

(*Вѣшаетъ свитокъ надъ склепомъ*).

Виси надъ раннею ея могилой,
Хвали ее, когда я буду нѣмъ.
Теперь пусть музыканты начинаютъ
Играть и пѣть торжественный свой гимнъ.

Гимнъ.

Богиня ночи! пощади
Убійцъ твоей невинной дѣвы.
Они пришли съ тоской въ груди—
И льются грустные напѣвы.
Внемли, о полночь, ихъ мольбамъ,
Ихъ стонамъ, вздохамъ и слезамъ!...
Уныло—все уныло!
Могила, вскройся, разступись!
Видѣнье милое, явись—
Взгляни, какъ все уныло!

Клавдіо.

Миръ праху твоему! Я каждый годъ
Свершать обрядъ печальный этотъ стану.

Донъ-Педро.

День добрый, господа! тушите свѣчи.
Замолкли волки; вотъ востокъ румяный,
Предъ лучезарной колесницей Феба,
Туманными покрылся полосами,
Возставъ отъ сна. Благодарю васъ всѣхъ!
Оставьте насъ; счастливаго пути.

Клавдіо.

Такъ по домамъ! прощайте, господа!

Донъ-Педро.

Пойдемъ отсюда; скинемъ этотъ трауръ—
И къ Леонато.

Клавдіо.

Приготовь намъ жребій,
О Гименей, счастливѣе того,
Какой мы здѣсь оплакивали нынче!

(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Въ домѣ Леонато.

Входятъ Леонато, Антоніо, Бенедиктъ, Беатриче, Урсула, отецъ Францискъ *и* Геро.

Отецъ Францискъ.

Не говорилъ ли я: она невинна?

Леонато.

Такъ точно, какъ и Клавдіо и принцъ.
Они обмануты. Но Маргарита
Не вовсе безъ вины, хотя, какъ видно,
Была участницею противъ воли.

Антоніо.

Я очень радъ, что ложная тревога
Кончается такъ счастливо.

Бенедиктъ.

Я тоже;
Теперь намъ поединокъ безполезенъ.

Леонато.

Ступай же, дочь, съ твоею свитой въ залу;
Надѣньте маски и дождитесь тамъ,
Пока васъ позовутъ; сегодня утромъ
Донъ-Педро и женихъ твой обѣщали
Придти ко мнѣ—и ты, мой братъ, вручишь
Племянницу обманутому графу.
(*Женщины уходятъ*).

Антоніо.

Увидите, какъ разыграю я отца.

Бенедиктъ.

Отецъ Францискъ, я долженъ васъ просить...

Отецъ Францискъ.

О чемъ?

Бенедиктъ.

Связать меня. Синьоръ Ленато!
Синьора Беатриче измѣнилась—
И смотритъ ласково.

Леонато.

А я скажу вамъ:
Очки надѣла ей сестра.

Бенедиктъ.

Не знаю,
Но я на ласки отвѣчаю лаской,
Любовью—на любовь.

Леонато.

А я такъ знаю,
Кто подсказалъ вамъ и отвѣтъ: Ленато,
Графъ Клавдіо и принцъ. Но что же дальше?

Бенедиктъ.

Вы что-то изъясняетесь темно.
Но все равно; вотъ въ чемъ мое желанье:
Желательно, чтобъ я и Беатриче
Сошлись въ своемъ желаньи съ вами, то есть,
Чтобъ вы благословили нашъ союзъ,
А вы, отецъ Францискъ, его скрѣпили.

Леонато.

Согласенъ отъ души.

Отецъ Францискъ.

Вотъ принцъ и графъ.

Входятъ Донъ-Педро *и* Клавдіо *со свитой*.

Донъ-Педро.

Здорово, господа!

Леонато.

Мое почтенье.
Мы ждали васъ. Что, вы не измѣнили,
Графъ Клавдіо, намѣренья жениться?

Клавдіо.

Нѣтъ, будь она лицомъ хоть эѳіопка.

Леонато (*Антоніо*).

Введи жъ ее—и пусть ихъ обвѣнчаютъ.
(*Антоніо уходитъ*).

Донъ-Педро.

Здорово, Бенедиктъ. Что это значитъ?
Ты смотришь сентябремъ: метель и буря
Свирѣпствуютъ на пасмурномъ челѣ.

Клавдіо.

Онъ вспомнилъ, кажется, какъ дикій быкъ
Свыкается съ ярмомъ. Смѣлѣй! мужайся!
Мы позлатимъ твои рога; Европа
Придетъ отъ нихъ въ восторгъ и умиленье,
Какъ нѣкогда отъ мощнаго Зевеса,
Когда онъ вздумалъ разыграть быка.

Бенедиктъ.

Юпитеръ-быкъ мычалъ краснорѣчиво;
Мычанію жъ внимала ваша мать;
Отъ этого и сынъ, телецъ на диво,
Мычитъ божественно—хоть прочь бѣжать.

Входятъ Антоніо *и замаскированныя женщины*.

Клавдіо.

Отвѣтъ за мной. Теперь не до того.
Которая невѣста?

Леонато.

Вотъ возьмите.

Клавдіо.

Позвольте же увидѣть васъ безъ маски.

Леонато.

Нельзя, пока вы не дадите клятвы,
Что женитесь.

Клавдіо.

Передъ лицомъ монаха
Клянусь, что если только вы согласны,
Такъ я женюсь.

Геро (*снимая маску*).

Останься я въ живыхъ,
Такъ я была бы вамъ женой; воскресши,
Я снова отдаю вамъ руку.

Клавдіо.

Геро!...
Другая Геро!...

Геро.

Да, другая Геро:

Одна скончалась со стыдомъ; но я
Воскресла съ честью.

ДОНЪ-ПЕДРО.

Это та же—та,
Что пала жертвой клеветы.

ЛЕОНАТО.

Она
Была мертва, пока злорѣчье жило.

ОТЕЦЪ ФРАНЦИСКЪ.

Окончивши святой обрядъ вѣнчанья,
Я разскажу вамъ, какъ она скончалась,
И чудо воскресенья объяснится.
Пойдемте въ церковь.

БЕНЕДИКТЪ.

Нѣтъ еще, постойте.
Кто Беатриче здѣсь?

БЕАТРИЧЕ.

Я за нее. (*Снимаетъ маску*).
Что вамъ угодно?

БЕНЕДИКТЪ.

Получить отвѣтъ:
Вы любите меня?

БЕАТРИЧЕ.

Какъ всѣхъ—не больше.

БЕНЕДИКТЪ.

Такъ, принцъ и Клавдіо, и Леонато
Обмануты: они клялись въ противномъ.

БЕАТРИЧЕ.

А вы? вы любите меня?

БЕНЕДИКТЪ.

Какъ всѣхъ.

БЕАТРИЧЕ.

Такъ Геро, Маргарита и Урсула
Обмануты: онѣ клялись въ противномъ.

БЕНЕДИКТЪ.

Онѣ клялись, что вы влюбились на-смерть.

БЕАТРИЧЕ.

Клялись, что вы изсохли отъ любви.

БЕНЕДИКТЪ.

Все ложь. Такъ вы не любите меня?

БЕАТРИЧЕ.

Изъ благодарности—слегка, не больше.

КЛАВДІО: Геро, другая Геро!..
(Дѣйств. V, сц. IV).

Картина Фрэнсиса Уитли (Francis Weatley).
(Малая Бойделевская галлерея).

ЛЕОНАТО.

Довольно, Беатриче! я увѣренъ,
Что онъ вамъ по-сердцу.

КЛАВДІО.

А я божусь,
Что вы свели его съ ума. Взгляните,
Вотъ доказательство: хромой сонетъ
Во славу вашей красоты и сердца—
Посильный плодъ разстроеннаго мозга.

ГЕРО.

А вотъ другой: твореніе кузины—
Собственноручный мадригалъ! признанье
Въ глубокой, пламенной любви!

БЕНЕДИКТЪ. Чудеса чудесъ! Рука свидѣтельствуетъ противъ сердца! Перестаньте же! Вы моя, но клянусь, дневнымъ свѣтомъ, я беру васъ изъ состраданія.

БЕАТРИЧЕ. Я не хочу вамъ отказывать, но, клянусь солнцемъ, соглашаюсь только потому, что другіе просятъ, и отчасти еще

съ цѣлью спасти васъ отъ смерти: у васъ, говорятъ, чахотка.

Бенедиктъ. Полно! Я закрою вамъ ротъ. (*Цѣлуетъ ее*).

Донъ-Педро. Какъ поживаете, законный супругъ Бенедиктъ?

Бенедиктъ. Знаете ли, что я вамъ скажу, принцъ: цѣлая академія остряковъ не въ состояніи лишить меня веселаго расположенія духа. Вы думаете, я побоюсь сатиры или эпиграммы? Какъ же! Ужъ если я положилъ жениться, такъ по мнѣ пусть себѣ говорятъ что угодно. Не припоминайте же мнѣ моихъ прежнихъ выходокъ. Человѣкъ измѣнчивъ—и дѣло съ концомъ. Что касается тебя, Клавдіо, я хотѣлъ поколотить тебя; но, такъ и быть, мы теперь родственники, такъ оставайся цѣлъ и люби мою кузину.

Клавдіо. Жаль, что ты не отказался отъ Беатриче: я отправилъ бы тебя на тотъ свѣтъ и заставилъ бы обмануться въ разсчетѣ; а здѣсь ты будешь обманывать другихъ, если кузина не станетъ присматривать за тобою построже.

Бенедиктъ. Полно! будемъ друзьями. Не худо бы потанцовать, пока мы еще не женаты: на сердцѣ станетъ какъ-будто легче.

Леонато. Танцы будутъ послѣ.

Бенедиктъ. Прежде, Леонато, прежде! Эй! музыку! Вы не веселы, принцъ: женитесь, право, совѣтую вамъ, женитесь.

Входитъ вѣстникъ.

Вѣстникъ. Ваше высочество! Донъ-Жуанъ пойманъ и приведенъ подъ стражей въ Мессину.

Бенедиктъ. Забудемъ о немъ до завтра: я выдумаю для него славное наказаніе. Начинайте! (*Музыка и танцы*).

А. Кронебергъ.

Заключительная концовка къ «Много шуму изъ ничего» Джильберта (Gilbert).
(Шотландскіе волынщики).

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ V.

Старинный портретъ, кисти неизвѣстнаго художника, въ Лондонской національной портретной галлереѣ.

Король Генрихъ V.

Время сочиненія этой пьесы опредѣляется прологомъ къ 5-му дѣйствію, гдѣ описывается, какъ лондонскіе граждане встрѣчаютъ короля, возвращающагося послѣ побѣды при Азенкурѣ.

Въ этихъ стихахъ указывается на графа Эссекса, который усмирялъ возстаніе въ Ирландіи съ 27 марта по 28 сентября 1599 г. Слѣдовательно, „Генрихъ V" былъ написанъ и, по всей вѣроятности, представленъ осенью этого года. Въ августѣ 1600 г. появилось первое изданіе пьесы, въ четверть листа, исполненное, какъ полагаютъ, какимъ-нибудь книгопродавцемъ безъ согласія автора, подъ заглавіемъ: „Лѣтописная исторія о Генрихѣ Пятомъ, съ сраженіемъ, происходившимъ при Эджинъ Кортѣ во Франціи. Съ участіемъ прапорщика Пистоля. Какъ она нѣсколько разъ была играна слугами достопочтеннаго Лорда Камергера". Это изданіе было затѣмъ перепечатано въ 1602 и 1608 гг. Мнѣніе о томъ, что оно вышло безъ вѣдома Шекспира и помимо его воли, основывается на небрежной передачѣ въ изданіяхъ 1600—1608 гг. текста пьесы, подвергшагося здѣсь значительнымъ искаженіямъ и сокращеніямъ, устраненнымъ только въ первомъ in folio 1623 г. Въ упомянутыхъ изданіяхъ въ 4-ку текстъ пьесы является не только въ искаженномъ видѣ, но и сокращенъ почти на половину: такъ, напр., выпущены всѣ прологи и пр. Въ изданіи 1623 г., въ которомъ пьеса явилась уже въ полномъ видѣ, она носитъ названіе: „Жизнь Генриха V".

По содержанію своему, эта хроника стоитъ въ тѣсной связи съ обѣими частями „Генриха IV" и представляетъ дальнѣйшее развитіе характера главнаго дѣйствующаго лица или, лучше сказать,—превращеніе прежняго безпутнаго „принца Галя", проводившаго время въ попойкахъ и разныхъ ночныхъ приключеніяхъ съ Фальстафомъ и его свитой,—въ идеальнаго короля-рыцаря, храбраго воителя и мудраго государя. Фальстафъ, который, какъ видно изъ эпилога къ „Генриху IV", долженъ былъ опять явиться на сцену въ этой новой пьесѣ,

исключенъ изъ числа дѣйствующихъ лицъ при окончательной ея обработкѣ; мы слышимъ только разсказъ о смерти толстаго рыцаря отъ кабатчицы Куикли, успѣвшей уже выйти замужъ за бывшаго его собутыльника Пистоля. Вообще, память о Фальстафѣ сохраняется въ новой пьесѣ лишь настолько, насколько это нужно для того, чтобы зритель не забывалъ о прежнемъ принцѣ Генрихѣ.

Весь интересъ разбираемой нами пьесы заключается въ томъ, что она представляетъ дальнѣйшее развитіе характера героя. Развернувъ передъ нами, въ первой части „Генриха IV" беззаботную юность принца Галя, показавъ, во второй части, какъ съ приближеніемъ болѣе зрѣлаго возраста принцъ мало по малу становится серьезнымъ, мыслящимъ человѣкомъ, поэтъ изображаетъ, наконецъ, въ лицѣ короля Генриха V, свой высокій идеалъ государя, одареннаго всѣми наиболѣе привлекательными качествами,—храбростью, мудростью, умѣренностью, простотою и справедливостью. Устами прелатовъ, разсуждающихъ въ первой сценѣ о королѣ, Шекспиръ высказываетъ, что мы должны искать естественныхъ причинъ этой чудесной перемѣны характера принца именно въ той мало обѣщавшей школѣ, въ которой воспитался этотъ, повидимому, вовсе не воспитанный человѣкъ. Тамъ образовалась въ немъ эта многосторонность, которой теперь всѣ удивляются и вслѣдствіе которой онъ легко справляется со всякими дѣлами, и духовными, и свѣтскими, и въ кабинетѣ, и на полѣ сраженія. Теперь онъ уже не тратитъ на пустяки время, ставшее для него драгоцѣннымъ, а взвѣшиваетъ его до послѣдняго зерна; теперь онъ на свою страстную, порывистую натуру набросилъ узду кротости и милости, и даже непріятели начинаютъ догадываться, что его прежняя безпорядочность была только маской, которая подъ видомъ глупости скрывала умъ и характеръ. Въ первой же сценѣ, гдѣ мы встрѣчаемся съ королемъ Генрихомъ, онъ разсуждаетъ со своими совѣтниками о войнѣ съ Франціей. Всѣ одушевлены мыслью объ этомъ славномъ предпріятіи, всѣ сословія въ героическомъ единодушіи одинаково преданы королю; его родственники, дядя и братья, и все дворянство одинаково побуждаютъ его къ войнѣ; духовенство даетъ ему огромную денежную ссуду, какой не давало ни одному изъ его предшественниковъ; всѣ вспоминаютъ о героическихъ временахъ Эдуардовъ и убѣждаютъ Генриха возобновить ихъ подвиги; всѣ проникнуты мужествомъ и самыми лучшими намѣреніями. Даже Бардольфъ, Нимъ и Пистоль,—и тѣ охвачены общимъ патріотическимъ подъемомъ чувствъ и готовы отправиться въ походъ противъ общаго непріятеля. Ирландцы, возставшіе противъ Ричарда II, валійцы и шотландцы, съ которыми приходилось бороться Генриху IV,—всѣ теперь являются какъ земляки въ войскѣ англійскаго короля. Измѣна нѣсколькихъ подкупленныхъ дворянъ оказывается совершенно безсильною...

Война съ Франціей является слѣдствіемъ той политики, которую внушилъ своему сыну умирающій король Генрихъ IV. Къ этой войнѣ молодого государя влечетъ не только сознаніе своего права и основательности своихъ притязаній, но и честолюбіе, побуждающее его загладить великими подвигами ту праздность, какою отличалась его молодость. Онъ говоритъ, что исторія должна во весь голосъ трубить объ его дѣяніяхъ,—иначе пусть его кости будутъ погребены въ недостойной урнѣ, на которой не будетъ никакой надписи. Высокомѣрное презрѣніе со стороны непріятеля и его насмѣшливый намекъ на буйно проведенную Генрихомъ молодость еще болѣе возбуждаютъ воинственный пылъ короля. „Въ бурные дни моей молодости, говоритъ онъ, — я не высоко чтилъ бѣдный тронъ Англіи; но когда я сяду на мой тронъ во Франціи, то я окажу должную честь моему званію и явлюсь королемъ въ такомъ блескѣ, что вы всѣ ослѣпнете!" Но въ то же время Генрихъ является и совершенно простымъ, всѣмъ доступнымъ человѣкомъ: въ его обхожденіи съ людьми часто проглядываетъ прежняя привычка къ безцеремонному обществу, хотя онъ и умѣетъ при этомъ сохранять все свое королевское достоинство. Рядомъ съ воинственною возбужденностью мы видимъ у него полное спокойствіе и хладнокровіе, рядомъ съ царственно-героическимъ настроеніемъ духа—проявленія простой мѣщанской натуры, одаренной свѣжимъ юморомъ и свѣтлымъ взглядомъ на жизнь.

Главнымъ источникомъ для изображенія историческихъ событій служила Шекспиру извѣстная хроника Голиншеда. Отчасти онъ пользовался также и старинной пьесой: „Знаменитыя побѣды Генриха V". Историческіе факты переданы у Шекспира вполнѣ согласно съ источниками. Король

Генрихъ V царствовалъ съ 1413 по 1422 гг. Въ самомъ началѣ своего царствованія онъ предпринялъ тотъ смѣлый завоевательный походъ во Францію, который и служитъ содержаніемъ и предметомъ патріотическаго прославленія въ пьесѣ Шекспира. Поводомъ къ этой войнѣ послужили притязанія англійскаго короля на французскій престолъ,—притязанія, основанныя на мотивахъ, которые въ наше время представляются болѣе, чѣмъ сомнительными, но въ средніе вѣка, — да и во времена Шекспира,—признавались вполнѣ достаточными. Во Франціи дѣйствовалъ старый салическій законъ, исключавшій женскую линію отъ престолонаслѣдія. Но, какъ передаетъ лѣтописецъ Холлъ, жившій въ царствованіе Елизаветы, англійское духовенство всегда возражало противъ этого закона и доказывало права Генриха на французскую корону, такъ какъ прадѣдъ Генриха, король Эдуардъ III, былъ сыномъ Изабеллы, дочери французскаго короля Филиппа Красиваго; къ ея то потомкамъ, по мнѣнію англичанъ, и долженъ былъ перейти французскій престолъ съ прекращеніемъ, за смертью Карла IV, мужской линіи Капетинговъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности французскимъ королемъ сдѣлался не родной племянникъ Карла Эдуардъ III, а двоюродный племянникъ — Филиппъ VI Валуа. Правда, впослѣдствіи Эдуардъ III, по торжественному мирному договору въ Бретиньи, отказался не только отъ своихъ притязаній на французскую корону, но и отъ своихъ правъ на давнишнія вассальныя владѣнія Плантагенетовъ во Франціи, — на Нормандію, Турэнь, Анжу, Мэнъ и пр.—взамѣнъ крупнаго денежнаго вознагражденія со стороны Франціи; но этотъ договоръ былъ уничтоженъ позднѣйшими войнами и, въ сущности, никогда не исполнялся. Во владѣніи англичанъ все еще оставалось во Франціи нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ, какъ напр. Калэ, Байонна, Бордо. Въ царствованіе Ричарда II и Генриха IV внутреннія междоусобія въ самой Англіи препятствовали предпринять что либо противъ сосѣдняго королевства, и взаимныя отношенія между Англіей и Франціей были, въ сущности, похожи скорѣе на перемиріе, такъ какъ спорный вопросъ о престолонаслѣдіи еще нельзя было считать окончательно рѣшеннымъ. Такимъ образомъ, молодой король Генрихъ V, жаждавшій подвиговъ и славы, смотрѣлъ на свой походъ не только какъ на продолженіе славнаго дѣла, начатаго его предками и только пріостановленнаго неблагопріятными событіями, но и какъ на вполнѣ законное „возстановленіе“ принадлежащаго ему права на французскую корону. Въ этомъ и убѣждаетъ его епископъ Кентерберійскій, въ уста котораго Шекспиръ вложилъ историческіе и политическіе доводы, почерпнутые изъ хроники Голиншеда. Независимо отъ этого, Генрихъ полагалъ, что завоеваніе Франціи англичанами будетъ благодѣяніемъ для самой этой страны, которая въ царствованіе слабоумнаго Карла VI пришла въ самое жалкое положеніе. Но Шекспиръ не останавливается на этомъ соображеніи: тѣхъ аргументовъ, которые онъ нашелъ у Голиншеда, ему было вполнѣ достаточно для того, чтобы не только вполнѣ оправдать, но и возвеличить своего героя.

Изъ исторіи извѣстно, что вся Англія единодушно поддержала своего короля въ задуманномъ имъ предпріятіи. Со стороны Франціи въ ту пору мы вовсе не видимъ того высокомѣрія, какое приписываетъ ей Шекспиръ, основываясь на своихъ позднѣйшихъ и не всегда достовѣрныхъ источникахъ. Когда Генрихъ отправилъ во Францію торжественное посольство, съ требованіемъ, чтобы ему отдали французскую корону или, по крайней мѣрѣ, треть государства, руку принцессы Екатерины и 3.600,000 франковъ приданаго,—французы, ради сохраненія мира, предложили ему значительную часть Аквитаніи, половину Прованса и приданое въ размѣрѣ 800,000 франковъ. Когда же эти предложенія были отвергнуты, французское правительство само отправило въ Англію посольство, чтобы по возможности предупредить вооруженное столкновеніе; но это посольство не имѣло успѣха. Лѣтомъ 1415 г. Генрихъ уже собралъ войско и флотъ въ Саутгэмптонѣ и былъ готовъ къ переправѣ во Францію; но въ это время открытъ былъ опасный заговоръ среди ближайшихъ къ королю лицъ. Двоюродный братъ Генриха, сынъ его дяди Іорка, графъ Ричардъ Кембриджскій, и лордъ Скрупъ, къ которому король всегда относился съ братскимъ довѣріемъ, оказались во главѣ заговора, который, впрочемъ, вовсе не былъ затѣянъ по соглашенію съ французами, какъ это предположилъ Шекспиръ на основаніи хроникъ, а имѣлъ въ виду исключительно англійскія политическія цѣли. Этотъ заговоръ явился отголоскомъ возмущенія Перси, и такъ сказать, прологомъ къ войнѣ Алой и Бѣлой Розы, такъ какъ дѣло касалось правъ

Іоркскаго дома на престолъ, находившійся въ рукахъ Ланкастеровъ. Графъ Ричардъ былъ женатъ на Аннѣ Мортимеръ, происходившей отъ третьяго сына Эдуарда III, Ліонеля герцога Кларенса; а такъ какъ дѣдъ Генриха V, Джонъ Гантъ, былъ четвертымъ сыномъ Эдуарда, то, слѣдовательно, Анна являлась представительницею старшей линіи. Ея братъ, Эдмундъ Мортимеръ, графъ Марчскій, былъ холостъ, а потому графъ Ричардъ и разсчитывалъ, что права Эдмунда современемъ перейдутъ къ его сестрѣ или къ ея потомству. Минута, когда Генрихъ готовъ былъ отправиться въ походъ, представилась заговорщикамъ весьма удобною для государственнаго переворота, который былъ предупрежденъ только своевременнымъ обнаруженіемъ заговора. Генрихъ былъ пораженъ этимъ открытіемъ. Онъ чувствовалъ себѣ въ полной безопасности, такъ какъ вся Англія безъ исключеній признала его законнымъ государемъ, и онъ до такой степени далекъ былъ отъ всякихъ опасеній, что сейчасъ же по вступленіи на престолъ освободилъ единственнаго опаснаго претендента, именно этого самаго Мортимера, заключеннаго въ тюрьму Генрихомъ IV. Теперь Генрихъ призналъ необходимымъ дѣйствовать противъ внутреннихъ враговъ со всею строгостью: всѣ заговорщики были тотчасъ же преданы суду и казнены въ Соутгэмптонѣ.

Въ августѣ 1415 г. англійская эскадра, состоявшая изъ полутора тысячъ кораблей, на которыхъ находилось 6000 конницы, 23000 стрѣлковъ, 1000 канонировъ и саперовъ, явилась въ устьѣ Сены. Гарфлёръ былъ взятъ послѣ четырехнедѣльнаго геройскаго сопротивленія. Но вскорѣ послѣ этой первой удачи, въ англійскомъ войскѣ обнаружилась чума, истребившая чуть не половину всей арміи. Франція не была истощена; населеніе вовсе не было расположено признать надъ собою власть англійскаго короля, и на средней Сенѣ постепенно собралось довольно сильное войско подъ начальствомъ дофина, коннетабля, герцога Алансонскаго и другихъ вельможъ. Наиболѣе осторожные изъ англійскихъ вождей стали уговаривать Генриха вернуться домой; но король не допускалъ и мысли объ этомъ; онъ отослалъ въ Англію только 5000 больныхъ, да 2000 оставилъ гарнизономъ въ Гарфлёрѣ, а съ остальными, которыхъ было не болѣе 12000, двинулся въ походъ внутрь Франціи, въ дождливую погоду и среди всевозможныхъ затрудненій. Французскій король прислалъ въ лагерь своихъ герольдовъ, чтобы побудить Генриха или къ отступленію, или къ рѣшительному бою. „Скажите своему господину“, отвѣчалъ имъ Генрихъ, „что на сей разъ я не стану искать встрѣчи съ нимъ; но если онъ или его полководцы станутъ искать встрѣчи со мною, то я, съ Божьей помощью, пойду на нихъ. Но я думаю, что вы будете благоразумны и не подадите мнѣ повода окрасить вашу черную землю вашей алой кровью“. Съ этими словами и съ подаркомъ въ сто кронъ король отпустилъ герольдовъ, а вскорѣ послѣ того, 24 октября, встрѣтился съ главными силами непріятеля: болѣе 50-ти тысячъ французовъ заградили путь англичанамъ; все это были свѣжія и хорошо вооруженныя войска, въ томъ числѣ—не менѣе 14-ти тысячъ всадниковъ. Французамъ казалось совершенно невѣроятнымъ, чтобы Генрихъ могъ устоять противъ такого войска, имѣя не больше 1000 конницы и 10-ти тысячъ стрѣлковъ, тѣмъ болѣе, что къ пѣхотѣ французскіе рыцари относились съ полнымъ презрѣніемъ. Никто не сомнѣвался въ рѣшительномъ пораженіи англичанъ; французы уже заранѣе дѣлили между собою плѣнныхъ, которыхъ разсчитывали захватить на слѣдующій день, и всю ночь пировали, предвкушая свое торжество. И въ самомъ дѣлѣ, со стороны Генриха было безумною дерзостью принять сраженіе; но эта безумная дерзость соединялась у него съ разсчетливымъ хладнокровіемъ. Онъ позаботился, въ виду тяжелаго боя, подкрѣпить своихъ солдатъ пищей, питьемъ и сномъ и постарался воспользоваться всѣми выгодами мѣстности. Въ его лагерѣ было тихо и темно; шелъ проливной дождь; многіе исповѣдывались и причащались. Утро 25 октября, въ день свв. Криспина и Криспіана, началось у англичанъ обѣдней; потомъ король, въ блестящемъ вооруженіи и въ шлемѣ, увѣнчанномъ короною, построилъ свои войска къ бою длинной линіей, не больше, какъ въ четыре ряда,—какъ еще и въ наше время строится англійская пѣхота. Передъ каждымъ стрѣлкомъ былъ наискось воткнутъ въ землю длинный и острый колъ, для защиты отъ натиска непріятельской конницы. Противъ англичанъ тремя отрядами выступило пестрое, блестящее и шумное французское войско. „О, если бы сюда явились сегодня всѣ англичане, владѣющіе мечемъ!“ воскликнулъ одинъ рыцарь изъ свиты Генриха. „Мнѣ не нужно больше людей“, отвѣчалъ

король: „Богъ можетъ даровать побѣду и малочисленному войску". Онъ нимало не сомнѣвался въ своей побѣдѣ,—и эта увѣренность оправдалась. Французы сражались безпечно, не дружно, не слушались приказаній коннетабля и, такимъ образомъ, утратили всѣ свои преимущества. Пушки и лошади вязли въ полѣ, размокшемъ отъ дождя, а 8000 спѣшившихся рыцарей, составившие передовой отрядъ, въ своемъ тяжеломъ вооруженіи едва могли двигаться.

Въ одиннадцать часовъ король Генрихъ воскликнулъ: „Впередъ!" Старый маршалъ сэръ Томасъ Эрпингэмъ подалъ знакъ къ наступленію, и вся линія стрѣлковъ съ громкимъ боевымъ кличемъ устремилась на непріятельскій центръ. Въ то же время съ боковъ англичане осыпали пѣшихъ французскихъ рыцарей цѣлымъ градомъ стрѣлъ. Отрядъ герцога Алансонскаго бросился было на англичанъ, но былъ встрѣченъ сильнымъ отпоромъ; завязался ожесточенный рукопашный бой дубинами, топорами, мечами, и вскорѣ французами овладѣлъ панический страхъ, и они бросились бѣжать. Цѣлыя тысячи безъ боя сдавались побѣдителямъ. Въ это время другой отрядъ французовъ неожиданно напалъ на англичанъ съ тылу. Генрихъ быстро принялъ ужасное и по тому времени очень убыточное рѣшеніе: онъ приказалъ перебить всѣхъ плѣнныхъ, чтобы не имѣть помѣхи для новаго боя. Вскорѣ оказалось, что причиною тревоги было только нападеніе мародеровъ на оставшійся почти безъ прикрытія англійскій обозъ.

Англичане одержали полную и рѣшительную побѣду. Убито было болѣе 10,000 французовъ; герцогъ Орлеанскій и 1500 рыцарей взяты были въ плѣнъ. Перечень убитыхъ рыцарей, приводимый Шекспиромъ въ 8-ой сценѣ IV дѣйствія, исторически вѣренъ. Потери англичанъ были крайне незначительны, хотя, разумѣется, превышали 25 человѣкъ, — число, приводимое Шекспиромъ. Между прочимъ, въ этомъ сраженіи былъ убитъ герцогъ Іоркскій,—тотъ самый, который выведенъ въ „Ричардѣ II" подъ именемъ Омерля.

Генрихъ обратился къ своимъ войскамъ съ рѣчью, въ которой говорилъ, чтобы они не превозносились этой побѣдой, такъ какъ она дарована имъ Богомъ, который навелъ слѣпоту на непріятеля. Когда въ англійскій лагерь явились французские герольды, чтобы освѣдомиться о числѣ убитыхъ, король спросилъ ихъ, какъ называется замокъ, возвышавшійся надъ полемъ битвы, и, узнавъ, что это—Азинкуръ, назвалъ свою побѣду азинкурской; день же св. Криспина онъ приказалъ праздновать по всей Англіи.

Англичане безпрепятственно продолжали свой походъ до Калэ и оттуда переправились на родину съ огромной добычей. Когда король прибылъ въ Лондонъ, все населеніе города, съ мэромъ и ольдерменами во главѣ, вышло къ нему навстрѣчу и провожало его по украшеннымъ цвѣтами улицамъ въ соборъ св. Павла и въ Вестминстеръ.

Сдѣлавъ Азинкурскую побѣду и ея ближайшія послѣдствія центральнымъ фактомъ своей пьесы, Шекспиръ лишь слегка коснулся событій дальнѣйшей англо-французской войны, продолжавшейся еще цѣлыхъ четыре года, и отъ изображенія побѣды прямо перешелъ къ заключенію мира. При этомъ онъ даже не объяснилъ тѣхъ мотивовъ, которые заставили французовъ пожертвовать интересами своего дофина и признать иностраннаго государя наслѣдникомъ французской короны. Герцогъ Іоаннъ Бургундскій былъ измѣннически убитъ въ Парижѣ, въ присутствіи самого дофина и не безъ соучастія послѣдняго; его родная мать, королева Изабелла, въ ярости поклялась ему за это отомстить. Съ нею заодно дѣйствовалъ и наслѣдникъ убитаго, Бургундскій герцогъ Филиппъ, и имъ не трудно было заставить неспособнаго Карла заключить позорный для Франціи мирный договоръ въ Труа (1420), фактически предавшій Францію во власть иноземнаго государя. И дѣйствительно, Генрихъ V въ продолженіе двухъ лѣтъ управлялъ Франціей—„великодушно, мужественно и умно", какъ говоритъ старинный лѣтописецъ, замѣчая при этомъ, что король былъ „превосходнымъ судьею въ крупныхъ и мелкихъ дѣлахъ и пользовался уваженіемъ какъ своихъ подданныхъ, такъ и сосѣдей". Онъ скончался всего 35-ти лѣтъ отъ роду, въ Венсенѣ, 31-го августа 1422 года, девять мѣсяцевъ спустя послѣ рожденія наслѣдника,—будущаго короля Генриха VI. На смертномъ одрѣ онъ сдѣлалъ всѣ распоряженія для того, чтобы обезпечить своему малолѣтнему преемнику мирное и благополучное царствованіе, и жалѣлъ только объ одномъ, что ему не суждено было совершить крестовый походъ въ Св. Землю, о которомъ онъ уже давно мечталъ.

Тѣло скончавшагося такъ преждевременно короля перевезено было въ Англію

и погребено въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Англія была глубоко опечалена вѣстью объ его смерти, въ которой всѣ справедливо видѣли потерю невознаградимую. И чѣмъ хуже были времена впослѣдствіи, тѣмъ чаще вспоминали англичане о своемъ „безпутномъ принцѣ“, который съумѣлъ сдѣлаться такимъ идеальнымъ государемъ. Преданія о немъ жили въ памяти народа и дали матеріалъ для того величественнаго апоѳеоза, которымъ почтилъ его Шекспиръ въ своей драматической хроникѣ.

Комментаторы Шекспира и историки англійской литературы любятъ сравнивать „Генриха V“ съ „Персами“ Эсхила. И въ самомъ дѣлѣ, обѣ пьесы представляютъ большое сходство въ томъ отношеніи, что обѣ онѣ являются торжественными побѣдными гимнами въ драматической формѣ; обѣ „полны Ареева духа“ и высокаго патріотизма. Во времена Шекспира азинкурская побѣда считалась однимъ изъ величайшихъ событій англійской исторіи, точно такъ же, какъ ея герой—Генрихъ V—признавался однимъ изъ величайшихъ англійскихъ королей, не взирая на то, что матеріальныя выгоды этой побѣды исчезли вскорѣ послѣ смерти побѣдителя. Значеніе французскаго похода Генриха V для Англіи сравниваютъ съ значеніемъ крестовыхъ походовъ для Европы: ничтожные въ смыслѣ завоевательномъ, они имѣли огромное вліяніе на подъемъ національнаго самосознанія. Смѣлое предпріятіе молодого короля, проведенное съ такимъ упорствомъ и хладнокровіемъ и увѣнчавшееся успѣхомъ вопреки всякой вѣроятности, внушило Англіи сознаніе своихъ силъ и могущества тѣхъ качествъ, которымъ она обязана своимъ выдающимся положеніемъ въ средѣ европейскихъ государствъ. Въ особенности же важно было то, что въ походѣ Генриха V маленькіе люди, крестьяне и мелкіе землевладѣльцы, сражались рядомъ съ представителями крупнаго дворянства: здѣсь уже не видно было прежней противоположности между норманскими рыцарями и саксонскими мужиками; всѣ являлись представителями единой британской націи, которая впервые здѣсь дала почувствовать всю свою силу непріятелю, несравненно болѣе многочисленному. „Съ этого историческаго момента“, говоритъ Боденштедтъ, „и ведетъ свое начало та самоувѣренность, которая въ позднѣйшіе вѣка такъ часто вела англичанъ къ успѣху въ самыхъ рискованныхъ предпріятіяхъ и обезпечила имъ господство надъ морями и надъ отдаленными государствами. Та специфически-британская національная гордость, съ какою даже простолюдинъ смотритъ на всѣ прочіе народы, а особенно—на народы романскаго происхожденія, въ значительной степени обязана своимъ развитіемъ этой удивительной побѣдѣ мужества и энергіи англичанъ надъ французами при Азинкурѣ“.

Подобно тому, какъ Эсхилъ въ „Персахъ“ и въ трагедіи „Семеро противъ Ѳивъ“ проводитъ мысль, что „цвѣтъ тщеславія даетъ плодомъ бѣдствіе, а жатвою—слезы“, такъ и Шекспиръ противопоставляетъ въ своей пьесѣ французскій лагерь и французскихъ принцевъ съ ихъ высокомѣріемъ и нечестіемъ—маленькой горсти британцевъ и ихъ неустрашимому и богобоязненному вождю. Между изображенными имъ французскими полководцами нѣтъ ни одного, который бы не соперничалъ съ другими въ пустомъ хвастовствѣ и заносчивости, не обнаруживалъ бы дѣтской радости при видѣ пышныхъ нарядовъ и красиваго оружія и проявлялъ бы хоть нѣсколько той серьезности, того спокойнаго мужества и той преданности, какими одушевлены англичане. И между французами всѣхъ превосходитъ дофинъ своимъ мелкимъ самодовольствомъ, легкомысленной кичливостью и простодушной ограниченностью. Эти сцены, благодаря вплетенію въ нихъ осколковъ французской рѣчи, подходятъ къ карикатурѣ... „Мнѣ кажется болѣе нежели вѣроятнымъ“, говоритъ Гервинусъ, „что Шекспиръ, изображая своего Генриха, былъ руководимъ ревностно-патріотическою мыслью — противопоставить своему блистательному современнику—Генриху IV французскому своего народнаго героя Генриха, который на англійскомъ престолѣ не уступалъ французскому королю ни въ величіи, ни въ оригинальности. Но величіе этого героя проявилось бы съ еще бóльшимъ достоинствомъ, если бы поэтъ обрисовалъ его враговъ въ менѣе недостойномъ видѣ. Однимъ только древнимъ свойственно было уважать своихъ враговъ: Гомеръ не унижаетъ троянцевъ; у Эсхила нѣтъ и слѣда презрѣнія къ персамъ, даже тамъ, гдѣ онъ изображаетъ и караетъ ихъ безбожіе. Что Шекспиръ изображалъ карикатурно враждебныхъ Англіи французовъ, это составляетъ одну изъ тѣхъ немногихъ чертъ, которыхъ не хотѣлось бы встрѣчать въ его сочиненіяхъ; это—та національная ограниченность, вслѣдствіе которой англичанинъ въ

немъ затмевалъ человѣка. Народы древности, при всемъ томъ, что національный отпечатокъ сказался на нихъ гораздо явственнѣе, были чужды подобной узкой національной гордости, — даже римляне: возлѣ своихъ тріумфальныхъ арокъ они ставили статуи плѣнныхъ варварскихъ царей, придавая имъ облагороженный внѣшній видъ и то возвышенное внутреннее выраженіе, которое свидѣтельствовало объ ихъ врожденомъ чувствѣ сопротивленія и независимости"...

Дѣйствительно, Шекспиръ въ этой пьесѣ является вполнѣ національнымъ поэтомъ-патріотомъ, со всею односторонностью исключительнаго патріотизма: то высокое безпристрастіе, которое онъ проявляетъ въ другихъ своихъ произведеніяхъ, здѣсь совершенно покидаетъ его. Онъ смотритъ на французовъ положительно какъ на низшую расу; наряду съ дофиномъ и коннетаблемъ даже рядовые англійскіе солдаты являются героями, а въ 4-мъ актѣ французскій рыцарь, ради спасенія своей жизни, пресмыкается даже передъ трусомъ и негодяемъ Пистолемъ. Очевидно, поэтъ имѣлъ въ виду публику, въ высокой степени одушевленную тѣмъ же національнымъ патріотизмомъ и вѣрою въ превосходство Англіи предъ всѣми странами міра. Старинныя притязанія англійскихъ королей на французскій престолъ не совсѣмъ были забыты даже и въ XVI вѣкѣ: о возобновленіи ихъ помышлялъ одно время Генрихъ VIII, и еще много лѣтъ спустя по смерти Шекспира послѣдній англійскій король изъ дома Стюартовъ включалъ въ свой гербъ, наряду съ англійскими и шотландскими, также и французскіе знаки. Въ эпоху Елизаветы, когда воинствующій патріотизмъ въ Англіи былъ чрезвычайно силенъ, вполнѣ естественно было всспоминаніе о славныхъ подвигахъ прежнихъ государей и возвеличеніе рыцарственнаго Генриха V.

Кромѣ азинкурскаго сраженія и сценъ, имѣющихъ съ нимъ непосредственную связь, Шекспиръ рисуетъ своего героя и въ мирныхъ отношеніяхъ къ придворнымъ, полководцамъ и пр., и въ сценахъ сватовства къ французской принцессѣ Екатеринѣ. Эти послѣднія сцены окрашены слегка комическимъ характеромъ, такъ какъ Шекспиръ представилъ короля говорящимъ только по-англійски, а принцессу — говорящею только по-французски; исторически это, конечно, невѣрно, потому что въ XV вѣкѣ французскій языкъ все еще продолжалъ быть въ Англіи языкомъ двора и высшаго общества; поэтъ допустилъ эту неточность именно ради комическаго эффекта; онъ даже заставляетъ принцессу брать урокъ англійскаго языка и сравнивать между собою французскія и англійскія слова, сходныя по звуку, но имѣющія совершенно разное, и по-французски—даже неприличное значеніе. Вообще, французскій языкъ. которымъ говорятъ иныя лица пьесы, очень неправиленъ; но, очевидно, это — тотъ самый языкъ, который Шекспиръ слышалъ въ Лондонѣ и который для его цѣли былъ совершенно достаточенъ.

Какъ и въ „Генрихѣ IV", серьезное дѣйствіе пьесы окружено разными веселыми эпизодами; но здѣсь этотъ комическій элементъ не имѣетъ такого значенія, какъ въ „Генрихѣ IV", и ограничивается лишь небольшими сценками. Мы уже говорили о томъ, что Шекспиръ первоначально желалъ вывести и въ этой пьесѣ Фальстафа, но потомъ отказался отъ своего намѣренія и только заставилъ кабатчицу Куикли повѣствовать о смерти толстаго рыцаря; изъ прежнихъ сотоварищей ночныхъ похожденій принца Галя остались въ пьесѣ только Бардольфъ, Пистоль и Нимъ; но ихъ роль здѣсь уже совершенно не та, что прежде: Бардольфа король приговариваетъ къ смертной казни за святотатство; Пистоль является жалкимъ трусомъ и наглымъ хвастуномъ; Нимъ—личность совершенно безцвѣтная. Взамѣнъ этихъ старыхъ фигуръ, оказавшихся теперь неумѣстными, Шекспиръ выводитъ на сцену типы иного порядка,—представителей войска и народа. Наряду съ положительнымъ и достойнымъ Гоуэромъ, суровымъ Уильямсомъ и сухимъ Бэтсомъ, самою видною и типичною фигурою является валліецъ Флюелленъ, землякъ короля. Онъ, какъ выражается о немъ и самъ король,—человѣкъ очень мужественный и очень заботливый, но нѣсколько старомодный. Въ сравненіи съ прежними собесѣдниками Генриха, распущенными, грубыми и пьяными хвастунами, Флюелленъ является воплощеніемъ дисциплины, добросовѣстности, честности и храбрости. Сначала онъ простодушно даетъ одурачить себя хвастуну Пистолю, повидимому, равнодушно переноситъ отъ него оскорбленія, но потомъ съ лихвой отплачиваетъ ему за все, заставляетъ его съѣсть пучекъ валлисскаго порею и, напослѣдокъ, даетъ ему грошъ, чтобы залѣчить его разбитый черепъ. Точно такъ же онъ устроилъ одно

дѣло и съ Уильямсомъ, по порученію короля, хотя это и стоило ему удара; но когда король награждаетъ Уильямса полной перчаткой кронъ, то и Флюелленъ не хочетъ отстать отъ своего государя въ великодушіи, и тоже даритъ Уильямсу шиллингъ. О своихъ начальникахъ онъ отзывается, смотря по ихъ достоинству, хорошо или дурно, будучи глубоко убѣжденъ въ значеніи и важности своихъ отзывовъ; но долгъ свой онъ одинаково исполняетъ при каждомъ начальникѣ. Онъ бываетъ болтливъ весьма не кстати, перебиваетъ чужія слова и сердится, когда его перебиваютъ; но въ ночь передъ битвой умѣетъ быть тихимъ и спокойнымъ, потому что въ его глазахъ нѣтъ ничего выше военной дисциплины, о которой ему случалось читать въ римской исторіи. Своего земляка-короля онъ высоко чтитъ въ особенности за то, что король съумѣлъ избавиться отъ своихъ старыхъ товарищей. Дѣлая сравненіе между Генрихомъ V и Александромъ Македонскимъ, онъ видитъ самое существенное различіе между ними въ томъ, что Александръ подъ пьяную руку убивалъ своихъ друзей, а Генрихъ, протрезвившись, прогоняетъ ихъ. Съ этихъ поръ онъ вписалъ своего земляка въ свое честное сердце, между тѣмъ какъ прежде считалъ его только пустозвономъ; теперь ему уже нечего опасаться, что кто-нибудь узнаетъ о томъ, что онъ—землякъ королю, потому что ему не придется краснѣть за Генриха, — „пока его величество будетъ оставаться честнымъ человѣкомъ". Счастье для Генриха, что онъ можетъ на такой приговоръ искренно отвѣчать: „Аминь! Да сохранитъ меня Богъ такимъ!"—иначе капитанъ Флюелленъ тотчасъ же прекратилъ бы съ нимъ всякую дружбу. Вообще, во всѣхъ чертахъ этого характера превосходно выдержано убѣжденіе въ своей непоколебимой правотѣ и не поддающейся никакому искушенію честности. Въ ряду многочисленныхъ типовъ, созданныхъ Шекспиромъ, капитанъ Флюэленъ—одна изъ очень замѣтныхъ и интересныхъ фигуръ.

Что касается техники „Генриха V", то въ этой пьесѣ обращаетъ на себя вниманіе весьма широкое пользованіе поэта хоромъ. Въ разныхъ пьесахъ Шекспира мы встрѣчаемся съ прологами,—напр. въ „Зимней Сказкѣ", „Ромео и Джульетѣ", во 2-й части „Генриха IV"; но въ „Генрихѣ V", кромѣ пролога, которымъ пьеса начинается, и эпилога, которымъ она заключается, мы имѣемъ еще хоры въ началѣ каждаго акта,—пріемъ, къ которому Шекспиръ не обращался нигдѣ, кромѣ этой пьесы. Эти хоры, какъ объясняетъ и самъ поэтъ, введены имъ для того, чтобы восполнить недостающія подробности дѣйствія. Весьма вѣроятно также, что они послужили выраженіемъ внутренней потребности поэта высказать свое личное мнѣніе объ изображаемыхъ имъ событіяхъ, чего онъ не могъ сдѣлать рѣчами своихъ дѣйствующихъ лицъ.

П. Морозовъ.

Средневѣковой англійскій епископъ.

Король Генрихъ V.

Рамка, взятая изъ изданія Найтъ; составлена изъ гербовъ Генриха V и дѣйствующихъ лицъ хроники.

ГЕНРИХЪ V.
(По старинному рисунку).

ХОРЪ (*входитъ*).

О, еслибъ муза, пламени подобно,
Взвилася къ небесамъ за вдохновеньемъ,
И еслибъ царство намъ служило сценой,
Князья актерами, а государи
Смотрѣли бы на мощный драмы ходъ—
Явиться-бъ могъ себя достойнымъ Генрихъ,
Какъ истый Марсъ, съ лежащими у ногъ,
Какъ свора псовъ, сигнала жадно ждущихъ,
Мечомъ, огнемъ и голодомъ. Итакъ,
Простите, господа, коль слабый умъ
Рѣшился на такихъ подмосткахъ жалкихъ
Изобразить высокій столь предметъ!
Какъ здѣсь, гдѣ пѣтухамъ лишь впору биться,
Вмѣстить равнины Франціи? Иль скучить
Здѣсь въ деревянномъ *О* одни хоть шлемы,
Наведшіе грозу подъ Азинкуромъ?
Простите-же! Но если рядомъ цифръ
На крохотномъ пространствѣ милліоны
Изобразить возможно, то позвольте
И намъ, нулямъ ничтожнымъ въ общей суммѣ,
Воображенья силу въ васъ умножить!
Себѣ представьте вы, что въ этихъ стѣнахъ
Заключены два мощныхъ государства,
Чьи братски-близкіе и вмѣстѣ съ тѣмъ
Враждебные другъ другу берега
Проливъ опасный, узкій раздѣляетъ;
Пополните всѣ недочеты наши
Фантазіей своей, и единицы
На тысячи умноживъ, возсоздайте
Воображаемую мощь и силу!
Рѣчь о коняхъ зайдетъ, а вы представьте,
Что слышите копытъ могучій топотъ;
Прикрасьте въ мысляхъ нашихъ королей
И мчитесь имъ во слѣдъ; переноситесь
Чрезъ тьму временъ; событія годовъ
Въ единый часъ соединяйте смѣло!
Все объяснять вамъ будетъ хора дѣло.
Теперь, прологъ закончивъ, просимъ васъ
Судить поснисходительнѣе насъ!

АРХІЕПИСКОПЪ КЭНТЕРБЕРІЙСКІЙ и ЕПИСКОПЪ ЭЛІЙСКІЙ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Лондонъ.

Входятъ архіепископъ Кэнтерберійскій *и* епископъ Элійскій.

Архіепископъ.

Скажу вамъ, лордъ, на очередь поставленъ
Опять законъ, что былъ бы уже принятъ,
Намъ вопреки, въ одиннадцатый годъ
Правленія покойнаго монарха,
Когда-бъ не тѣхъ временъ волненья, смуты.

Епископъ.

И какъ теперь ему намъ помѣшать?

Архіепископъ.

Подумать надо, лордъ. Пройдетъ законъ—
Мы добрую утратимъ половину
Изъ нашего имущества. Вѣдь, дѣло

О томъ идетъ, чтобъ взять у насъ всѣ земли,
Которыми владѣетъ наша церковь
По завѣщаньямъ набожныхъ людей.
Онѣ дадутъ возможность содержать,
Во славу короля, пятнадцать графовъ,
Пятнадцать сотенъ рыцарей и цѣлыхъ
Шесть тысячъ двѣсти латниковъ-дворянъ;
Затѣмъ для немощныхъ, больныхъ и старыхъ,
Что неспособны болѣе къ труду,
Сто обезпеченныхъ вполнѣ пріютовъ,
И отчислять въ монаршую казну
Десятокъ сотенъ фунтовъ ежегодно.
Таковъ законъ.

Епископъ.

Изрядный кусъ, однако.

Архіепископъ.

Да, съ кусомъ тѣмъ языкъ не проглотить бы.

Епископъ.

Но какъ же намъ предотвратить бѣду?

Архіепископъ.

Король нашъ милостивъ и здраво судитъ.

Епископъ.

И вѣрный церкви сынъ.

Архіепископъ.

Не подавалъ
Онъ въ юности такихъ надеждъ. Едва-же
Отецъ его скончался, вмѣстѣ съ нимъ
Какъ будто умерло безпутство сына;
Разсудокъ свѣтлый вмигъ къ нему явился,
Какъ ангелъ съ небеси, въ немъ уничтожилъ
Адама ветхаго и плоть его
Обителью, подобной раю, сдѣлалъ,
Достойною вмѣщать небесныхъ духовъ.
Да, никогда еще не становился
Законченнымъ такъ быстро ученикъ,
И въ душу никогда такой могучей
Волной не приливало исправленье,
Смывая всѣ пороки и грѣхи;
Да никогда и гидра своеволья
Съ такою быстротой, однимъ ударомъ,
Низвержена съ престола не была,
Какъ этимъ королемъ.

Епископъ.

На наше счастье
Такъ измѣнился онъ.

Архіепископъ.

Послушать только,
Какъ свѣдущъ онъ въ ученіи церковномъ,—
Смѣшается съ восторгомъ въ васъ желанье
Невольное узрѣть его прелатомъ;
Послушать, какъ о благѣ государства
Онъ рѣчь ведетъ, признаете, что это
И есть его предметъ; иль о войнѣ—
Упьетесь музыкой грозы военной,
А до политики дойдетъ—развяжетъ
Онъ узелъ Гордіевъ любой предъ вами
Легко и просто, какъ свою подвязку.
Заслушаться его и самый воздухъ,
Насмѣшникъ вѣтренный, способенъ, право;
Свой слухъ преклонитъ каждый въ восхищеньи,
Медъ мудрости впивая съ устъ его.
Подумаешь, что опытъ, знанье жизни
Его теоріямъ такимъ учили.
Но диво, гдѣ онъ ихъ набраться могъ
Съ своею склонностью къ пустымъ забавамъ,
Въ кругу друзей—невѣждъ, тупыхъ и грубыхъ;
Онъ время коротал гулякой празднымъ,
Не зная склонности къ труду, къ тиши
Уединенія; искалъ, напротивъ,
Онъ гульбищъ низменныхъ, якшался съ чернью.

Епископъ.

Ростетъ-же подъ крапивой земляника,
И благородный плодъ порою зрѣетъ
Роскошнѣе среди плодовъ простыхъ.
Таилъ подъ маскою безпутства Генрихъ
Свой свѣтлый умъ, который незамѣтно,
Какъ лѣтняя трава ночами, росъ
Да росъ, и взросъ тѣмъ лучше и пышнѣе.

Архіепископъ.

Ну, да, пора чудесъ прошла, и намъ
Подыскивать приходится причины
Всему, что совершается на свѣтѣ.

Епископъ.

Но какъ намъ быть, милордъ, чтобъ не прошелъ
Законъ, одобренный палатой нижней?
Какъ самъ король относится къ нему?

Архіепископъ.

Ни за пока, ни противъ онъ. Однако,
Сдается мнѣ, готовъ скорѣй склониться
На нашу сторону, чѣмъ оказать
Поддержку нашимъ недругамъ. Къ тому же
Я королю на видъ поставилъ, что,
Внимая нуждамъ времени,—предъ этимъ
О Франціи у насъ бесѣда шла,—
Мы, пастыри, готовы всѣмъ соборомъ
Вотировать ему такую сумму,
Какой не получалъ отъ духовенства
Никто изъ прежнихъ королей.

Епископъ.

И какъ,
Милордъ, онъ къ этому отнесся?

Архіепископъ.

Съ полнымъ
Благоволѣніемъ. Позволь намъ время,
Со мной охотно онъ, какъ я замѣтилъ,
Поговорилъ бы о своихъ правахъ
На герцогства, а также на корону
Всей Франціи, наслѣдованныхъ имъ
Отъ Эдуарда-прадѣда.

Епископъ.

Но кто-же
Прервалъ вашъ разговоръ?

Архіепископъ.

Пришли съ докладомъ,
Что прибыло французское посольство.
Пріема часъ теперь насталъ, пожалуй;
Часа четыре есть?

Епископъ.

Какъ разъ четыре.

Архіепископъ.

Пойдемъ же въ залъ и мы. Хочу послушать
Я рѣчь посла, хоть знаю, что̀ услышимъ,
И прежде, чѣмъ французъ промолвитъ слово.

Епископъ.

И я горю желаніемъ послушать.
(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Пріемная зала во дворцѣ.

Входятъ король Генрихъ, Глостеръ, Бедфордъ, Эксетеръ, Варвикъ, Вестморлэндъ и *придворные.*

Король Генрихъ.

Лордъ Кэнтербери здѣсь?

Эксетеръ.

Его здѣсь нѣтъ.

Король Генрихъ.

Пошлите же за нимъ, любезный дядя.

Вестморлэндъ.

Пора ввести пословъ, мой государь?

Король Генрихъ.

Прошу повременить, кузенъ. Сначала
Намъ предстоитъ рѣшить одинъ вопросъ,
Что на душѣ у насъ лежитъ; и насъ
И Франціи касается онъ близко.

(Входятъ архіепископъ Кэнтерберійскій и епископъ Элійскій).

Архіепископъ.

Господь и ангелы Его священный
Вашъ тронъ да защитятъ и вамъ дaруютъ
Его собой надолго украшать!

Король Генрихъ.

Благодаримъ, и выслушать отъ васъ,
Ученый лордъ, желаемъ разъясненье,
Согласное съ законами людскими
И Божьими: лишаетъ ли насъ правъ
На Францію саллическій законъ?
Но Богъ избави васъ свою ученость
Употребить во зло, взять грѣхъ на совѣсть
И, мудрствуя лукаво, защищать
Права, что истины цвѣтовъ не носятъ
Въ своемъ гербѣ. Господь единый знаетъ,
Какое множество людей погибнетъ
Во цвѣтѣ лѣтъ, отстаивая то,
Къ чему теперь склонить насъ вамъ удастся.
Не забывайте-же о томъ, какую
Отвѣтственность возложите на насъ,
Нашъ мечъ побѣдный пробудивъ отъ сна.
Васъ заклинаю именемъ Господнимъ
Не забывать о томъ! Еще ни разу
Два государства мощныхъ не боролись,
Чтобъ не лилась потокомъ кровь невинныхъ,
А капля каждая ея—что вздохъ,
Что вопль къ Творцу противъ того, чья кривда
Точила мечъ. Иль не ужасно жизни
И безъ того срокъ краткій сокращать!...
Итакъ, во имя Господа, начните,
И будемъ слушать мы, всѣмъ сердцемъ вѣря,
Что слово каждое отъ васъ исходитъ
Омытымъ совѣстью, какъ грѣхъ крещеньемъ.

Архіепископъ.

Внимайте-жъ мнѣ, мой государь и пэры,
Обязанные трону всѣмъ—и жизнью
И службою, всѣмъ существомъ своимъ.
Препятствіе для вашихъ притязаній
На Францію единое въ законѣ,—
Его приписываютъ Фарамонду—
„In terram Salicam mulieres
Ne succedant“: наслѣдія для женщинъ
Въ землѣ Салійской нѣтъ. Но примѣняютъ
Французы къ Франціи названье это

Неправильно, равно и Фарамонда
Считають авторомъ того закона;
Французскіе ученые дають
Въ своихъ трудахъ свидѣтельство прямое:
Находится Салійская земля
Въ Германіи, межъ Эльбою и Салой,
Гдѣ саксовъ Карлъ Великій побѣдилъ
И поселилъ своихъ французовъ. Эти,
Смотря съ презрѣніемъ на женъ германскихъ
За вольность ихъ обычаевъ и нравовъ,
И издали законъ, лишавшій женщинъ
Наслѣдованья правъ въ землѣ Салійской,
Но та земля, какъ сказано, лежитъ
Межъ Эльбою и Салою, и Мейсенъ
Ея названіе теперь. Отсюда
Понятно, что „салическій законъ"
Во Франціи имѣть не можетъ силы,
Земля-жъ салійская сдалась французамъ
Четыреста и двадцать слишкомъ лѣтъ
Уже спустя по смерти Фарамонда,
Кому законъ приписывають тотъ.
Скончался онъ въ четыреста и двадцать
Шестомъ году по Рождествѣ Христовомъ,
А саксовъ Карлъ Великій побѣдилъ
И франковъ поселилъ въ землѣ салійской
Лишь въ пятый годъ девятаго столѣтья.
Затѣмъ, французы сами пишутъ, что
Пипинъ, низвергшій съ трона Хильдерика,
Свои права наслѣдныя на тронъ
Основывалъ на томъ, что былъ потомкомъ
Блитхильды, дочери Клотара; далѣ
Гуго Капетъ, похитившій корону
У Карла Лотарингскаго,—что былъ
Послѣднимъ изъ прямыхъ потомковъ Карла
Великаго по линіи мужской,—
Чтобъ свой захватъ прикрыть хоть тѣнью права,
Весьма сомнительнаго, правду молвить,
Свой отъ Лингарды родъ производилъ,
Отъ Карломана дочери и внучки
Людовика, родного сына Карла
Великаго. Людовикъ же Десятый,
Наслѣдникъ узурпатора Капета,
Съ покойной совѣстью носить корону
Тогда лишь сталъ, какъ доказалъ, что бабка
Его и королева Изабелла
Ведетъ отъ Ирмингарды Лотарингской,
Отъ дочери низвергнутаго Карла,
Свой родъ прямой, и что такимъ путемъ
Опять коронѣ Франціи родъ Карла
Великаго былъ пріобщенъ. Итакъ,
Яснѣе солнца лѣтняго, что право
Свое на тронъ Пипинъ, и свой захватъ
Гуго Капетъ, спокойствіе Людовикъ —
Основывали всѣ на правѣ женщинъ
Наслѣдовать. И зиждется на немъ
Власть королей французскихъ и понынѣ,
Хотя они „салическій законъ"
Противу васъ охотно выставляютъ,
Запутаться готовы въ сѣти лжи,
Чтобы прикрыть свое кривое право
На тронъ, похищенный у вашихъ предковъ
И вашего величества.

Англійскій женскій головной уборъ XV вѣка. (Съ надгробнаго памятника графини Арундель).

Король Генрихъ.

Могу-ли
Я съ чистой совѣстью и полнымъ правомъ
Потребовать его?

Архіепископъ.

Мой государь,
Пусть на голову мнѣ падетъ весь грѣхъ!
Но въ книгѣ Числъ написано, что если
Скончался сынъ, наслѣдница есть дочь.
Возстаньте, государь, за ваше право!
Взовьется пусть вашъ стягъ кровавый къ небу!
На предковъ рядъ могучій оглянитесь,
Къ могилѣ славной прадѣда ступайте,
Кому обязаны вы этимъ правомъ,
И призовите духъ его геройскій,
А съ нимъ и дѣда Эдуарда духъ,
Духъ принца Чернаго, что разыгралъ
Во Франціи трагедію на славу.
Онъ въ бѣгство обратилъ всю мощь французовъ;
И, стоя на холмѣ, могъ любоваться
Отецъ его великій тѣмъ, какъ львенокъ
Его отважный жажду утолялъ
Въ крови французскихъ рыцарей. Хвала
Вамъ, храбрецы британскіе! Всѣ силы
Французовъ вы развѣяли одной
Лишь половиной вашихъ силъ, другая-жъ
Стояла на холмѣ, смѣясь и ежась
Отъ холода бездѣйствія!

Епископъ.

Пусть память

Вамъ воскресить тѣхъ доблестныхъ героевъ,
А вы дѣла ихъ воскресите вашей
Могучею рукой. На тронѣ ихъ
Сидите вы; вы ихъ прямой преемникъ;
Ихъ кровь геройская и въ васъ течетъ.
Теперь достигли вы поры расцвѣта
И юношескихъ лѣтъ и силъ, созрѣли
Для славныхъ подвиговъ и гордой цѣли!

Эксетеръ.

Монархи, короли—собратья ваши—
Всѣ ждутъ, когда-жъ воспрянете и вы,
Подобно львамъ могучимъ, вашимъ предкамъ.
У васъ права, и средства есть, и силы.

Вестморлэндъ.

Все, государь, за васъ. Ни у кого
Изъ королей англійскихъ не бывало
Дворянъ богаче, подданныхъ вѣрнѣе;
Здѣсь въ Англіи теперь лишь ихъ тѣла,
Сердца-жъ во Франціи разбили лагерь.

Архіепископъ.

Такъ и тѣламъ туда летѣть велите,
Чтобы на тронъ французскій ваше право
Огнемъ, мечомъ и кровью подтвердить!
И церковь вамъ помочь готова суммой,
Какой изъ вашихъ предковъ ни одинъ
Не получалъ заразъ отъ духовенства.

Король Генрихъ.

Не противъ Франціи одной должны
Вооружаться мы, но также противъ
Шотландцевъ быть готовыми къ защитѣ;
Тѣ не упустятъ случая къ набѣгу.

Архіепископъ.

Живущіе близъ ихъ границъ британцы
Сомкнутся какъ стѣна и не пропустятъ
Грабителей въ страну.

Король Генрихъ.

Не мелкихъ шаекъ,
Вторженья всѣхъ шотландскихъ силъ боюсь.
Шотландія всегда дурной сосѣдкой
Была для насъ. Извѣстно вамъ, мой прадѣдъ
Во Францію не могъ отплыть съ войсками,
Чтобъ въ беззащитную страну къ намъ тотчасъ
Не хлынули шотландцы, какъ потокъ
Въ плотину прорванную, затопляя
Несчастную страну и раны ей
Кровавыя безъ счету нанося,
Держа въ осадѣ города и замки.
Да, Англія, оставшись безъ защиты,
Не разъ предъ злой сосѣдкой трепетала.

Архіепископъ.

Нестолько тутъ вреда, какъ страха было,
Мой государь. И вотъ, какъ превзошла
Себя однажды Англія: въ то время,
Какъ рыцарство ея на полѣ брани
Во Франціи все было, и сидѣла
Она вдовицею осиротѣвшей,
Не только отразить врага съумѣла,
Но короля шотландскаго плѣнила
И плѣнникомъ во Францію послала,
Чтобы тріумфъ украсить Эдуардовъ,
И хронику свою уподобить
Сокровищницѣ, славою богатой,
Какъ моря дно обломками судовъ
И разными богатствами безъ счета.

Вестморлэндъ.

Но старая пословица права:
„Чтобъ Францію завоевать,
Должны съ Шотландіи начать“.
Не то, едва умчится за добычей
Англійскій нашъ орелъ, въ его гнѣздо,
Какъ ласочка, Шотландія вползаетъ,
И яица орлиныя сосетъ.
Чуть кошки дома нѣтъ, раздолье мышкѣ,
Напортитъ болѣе, чѣмъ съѣстъ.

Эксетеръ.

Итакъ,
Должна сидѣть весь вѣкъ свой дома кошка.
Постыдная необходимость! Есть-же
Замки и кладовыя для запасовъ,
А для воришекъ западни найдутся.
Пока вооруженная рука
Внѣ дома борется, пусть защищаетъ
Себя разумно дома голова!
Хоть въ государствѣ власть раздроблена
На высшую, затѣмъ пониже и пониже,
Но все-жъ гармонія, какъ въ музыкѣ, въ ней есть,—
Сливаются созвучія въ аккордѣ.

Архіепископъ.

Поэтому и раздѣлило небо
Сословія людскія по призваньямъ,
Вложило въ каждое свое влеченье,
Объединивъ повиновенья долгомъ.
Подобное-жъ находимъ и у пчелъ,
Которыя порядкомъ жизни могутъ
Дать образецъ любому государству.
У нихъ и королева есть и разныхъ
Сословій граждане; одни, подобно
Чиновникамъ, порядокъ правятъ въ ульѣ;
Другіе торгъ ведутъ внѣ стѣнъ его;
А третьи воины,—ихъ жала копья,—
И грабятъ лѣта бархатныя почки,
Съ добычею веселымъ роемъ мчатся
Въ станъ королевы вновь, а та, полна
Заботы царственной, слѣдитъ, какъ съ пѣсней
Прилежные строители выводятъ

Ей золотыя келіи, какъ медъ
Готовятъ граждане и какъ простые
Чернорабочіе съ тяжелой ношей
У входа узкаго толкутся роемъ;
Какъ блѣднымъ палачамъ, жужжа сурово,
Судья лѣнивца-трутня отдаетъ.
Закончу такъ: въ согласіи бываютъ
Вполнѣ различныя по виду вещи;
Въ одну мишень вонзаются же стрѣлы
Хотя и съ разныхъ пущены сторонъ;
Дорогъ ведетъ немало въ каждый городъ,
Немало прѣсныхъ водъ впадаетъ въ море,
И сходятся всѣ радіусы въ центрѣ;
Такъ почему-жъ и сложная задача,
Разъ къ ней приступимъ мы, не можетъ быть
Разрѣшена вполнѣ благополучно.
Итакъ, во Францію, мой государь!
Всѣ силы Англіи подраздѣлите
Вы на три части равныя; съ одной
Всю Галлію вы смѣло покорите,
А если мы не сможемъ съ остальными
Отгрызться отъ собакъ шотландскихъ, то
Да будетъ стыдно намъ! Пусть нашъ народъ
Съ тѣхъ поръ ни мудрымъ не слыветъ, ни храбрымъ!

Король Генрихъ.

Пусть пригласятъ сюда пословъ дофина.

(*Одинъ изъ свиты уходитъ. Король восходитъ на тронъ*).

Рѣшились мы и съ помощью Господней
И вашею, милорды,—нашей силы
Стальные мускулы,—иль подчинится
Намъ Франція, иль будетъ стерта въ прахъ!
Возсѣсть на тронъ хотимъ, принявъ подъ скипетръ
Всю Францію и герцогства ея,
Что съ королевствами тягаться могутъ;
Не то пусть сложимъ кости мы безъ славы
И память самая о насъ умретъ.
Коль не за что воспѣть насъ будетъ громко
Исторіи,—пускай уподобится
Нашъ гробъ нѣмымъ гробамъ турецкимъ; пусть
Не будетъ даже надписью почтенъ.

(*Входитъ французское посольство*).

Мы выслушать готовы, что угодно
Отъ насъ кузену нашему дофину;
Мы слышали, васъ онъ сюда отправилъ,
А не король.

Посолъ.

Позволитъ ли монархъ
Начистоту намъ рѣчь вести, иль лучше
Дофина рѣчь и цѣль посольства намъ
Намеками лишь передать?

Король Генрихъ.

Предъ вами
Монархъ-христіанинъ, а не тиранъ.
Находятся въ плѣну всѣ наши страсти
У нашей милости, въ цѣпяхъ надежныхъ,
Какъ заключенные у насъ въ темницахъ.
Скажите смѣло все мнѣ безъ утайки,
Что поручилъ дофинъ.

Посолъ.

Я буду краток.
Отъ вашего величества посольство
Къ намъ прибыло, чтобъ заявить о вашихъ
Правахъ на герцогства, къ вамъ перешедшихъ
Отъ прадѣда великаго. На это
Въ отвѣтъ нашъ принцъ и господинъ велѣлъ
Вамъ передать, что требованья ваши
О юности зеленой говорятъ.
Нѣтъ ничего во Франціи такого,
Что добывается веселой пляской,
И герцогства нельзя стяжать разгуломъ.
А вотъ, онъ вамъ въ боченкѣ этомъ шлетъ
Такую дань, что болѣ къ вамъ подходитъ;
Взамѣнъ-же проситъ васъ забыть на вѣки
О герцогствахъ. Вотъ рѣчь дофина.

Король Генрихъ.

Что-же,
Любезный дядя, тамъ, въ боченкѣ этомъ?

Эксетеръ.

Мячи для тениса.

Король Генрихъ.

О, намъ пріятно,
Что любитъ пошутить дофинъ. Спасибо
Ему за даръ, а вамъ за трудъ. Къ мячамъ
Мы подберемъ ракеты и сыграемъ
Во Франціи, при помощи Господней,
А ставкою назначимъ тронъ французскій.
Пусть знаетъ вашъ дофинъ: онъ нарзался
На игрока такого, что заставитъ
Мячей своихъ полетомъ трепетать
Всю Францію. Мы поняли, что хочетъ
Онъ насъ безумства днями попрекнуть,
Но смыслъ безумствъ тѣхъ дней ему не вѣдомъ.
Англійскій тронъ не очень мы цѣнили,
И оттого, вдали его держась,
Безъ удержа веселью предавались.
„Изъ дому вонъ и веселись во всю"—
Такъ изстари ведется у людей.
Но пусть дофинъ узнаетъ, что теперь
Я постою за санъ свой королевскій;
Съумѣю показать себя монархомъ,
На парусахъ величья плыть, когда
На тронъ французскій мой взойду. Недаромъ
Я въ сторону откладывалъ пока

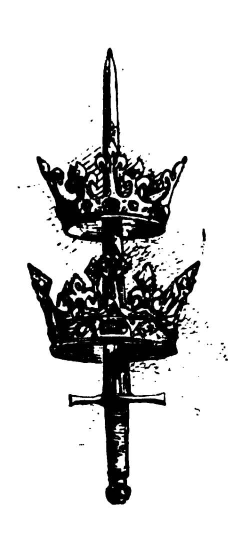
Величіе свое и, какъ поденщикъ
Простой, работалъ день-денской. Теперь
Готовъ возстать я въ полномъ блескѣ славы
И Францію тѣмъ блескомъ ослѣпить,—
Въ глазахъ дофина самого стемнѣетъ!
Скажите шутнику: его насмѣшки
Мячи его преобразили въ ядра,
И тяжко на душу его падетъ
Та месть, которую они обрушатъ
На Францію, гдѣ много тысячъ женъ
Заплатятъ мнѣ мужьями за насмѣшки,
Сынами матери, а всѣ французы
Развалинами городовъ и замковъ.
Глумленіе дофина клясть придется
И тысячамъ не зачатыхъ еще
И не родившихся на свѣтъ младенцевъ.
Но, впрочемъ, все въ рукахъ Господнихъ. Онъ
Разсудитъ насъ. Скажите же дофину:
Благословясь, я въ путь отправлюсь скоро,
По мѣрѣ силъ за оскорбленье мстить,
За дѣло правое свое вступиться.
Ступайте-же, да передайте принцу:
Шутникъ плохой, кто сотню забавляетъ,
А сотни тысячъ плакать заставляетъ.—
Пускай проводятъ съ миромъ ихъ. Прощайте!

Эксетеръ.

Веселое посольство!

Король Генрихъ.

Покраснѣть
Заставимъ мы пославшаго, надѣюсь.
Теперь же времени не тратьте, лорды,
Но ревностно готовьтеся въ походъ.
Мы послѣ Господа одно лишь держимъ
Въ умѣ теперь—французскую корону.
Итакъ, къ войнѣ готовьте все, милорды,
Обдумайте и взвѣсьте все, что можетъ
Успѣхъ нашъ окрылить. И дай Богъ намъ
Навлечь на голову дофина срамъ
Въ его-жъ землѣ! Горимъ мы славы жаждой,—
Такъ пусть теперь свой долгъ исполнитъ каждый! (*Всѣ уходятъ*).

БАРДОЛЬФЪ и НИМЪ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Хоръ (*входитъ*).

Вся юность Англіи огнемъ объята;
Долой атласъ, шелка и всѣ причуды!
Для оружейниковъ же чистый праздникъ.
Во всѣхъ сердцахъ пылаетъ жажда славы;
Сбываютъ земли, чтобъ коня купить
И мчаться вслѣдъ за королемъ, достойнымъ
Быть зеркаломъ монарховъ христіанскихъ.
Ни дать—ни взять Меркуріевы крылья
У всѣхъ повыростали за пятами!
Надежда въ воздухѣ паритъ, скрывая
Свой мечъ, унизанный до рукоятки
Коронами всѣхъ величинъ, отъ графской
До императорской,—для короля
И для сподвижниковъ его. Французы,
Освѣдомленные объ этихъ грозныхъ
Приготовленіяхъ, дрожатъ отъ страха
И гнусною политикой хотятъ
Заставить Англію свернуть съ дороги.
О, Англія! Ты, истый образецъ
Величія душевнаго! Геройскій
Великій духъ таишь ты въ маломъ тѣлѣ!
Какихъ высотъ ты не смогла-бъ достигнуть,
Будь всѣ твои сыны тебѣ вѣрны,
Будь всѣ воистину тебѣ сынами!
Но зри свой стыдъ! Французы, отыскавъ
Въ тебѣ гнѣздо пустыхъ сердецъ, съумѣли
Ихъ золотомъ наполнить до краевъ.
Нашлись продажныхъ три души: сэръ Ричардъ
Графъ Кэмбриджскій, лордъ Скрупъ, сэръ Грей. Они-то
За злато красное, о стыдъ багровый!
Съ трусливой Франціей стакнулись въ тайнѣ.
И еслибъ клятвъ своихъ держались адъ
И подлая измѣна,—цвѣтъ монарховъ
Погибнуть долженъ былъ отъ рукъ злодѣевъ,
Садясь въ Соутгэмптонѣ на корабль,
Чтобы отплыть во Францію.—Терпѣнье!
Увидите, препоны разстоянья
Всѣ сгладимъ мы для васъ на нашей сценѣ.
Представьте, что подкуплены злодѣи,
И что король изъ Лондона уѣхалъ
Въ Соутгэмптонъ, куда за нимъ и вы
И мѣсто дѣйствія перенесетесь.
Оттуда васъ во Францію отправимъ
И вновь назадъ, заклявъ проливъ бурливый
Вамъ даровать спокойный переѣздъ.
Мы ни за что-бъ на свѣтѣ не желали,
Чтобъ вы отъ пьесы нашей захворали!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ I.

Лондонъ. Истчипъ. Передъ таверной «Кабанья голова».

Нимъ *и* Бардольфъ *встрѣчаются.*

Бардольфъ. Въ добрый часъ, капралъ Нимъ!

Нимъ. Здравствуйте, лейтенантъ Бардольфъ!

Бардольфъ. Ну, все еще дружите съ прапорщикомъ Пистолемъ?

Нимъ. Мнѣ все едино. Я мало говорю. А придетъ часъ—у меня, поди, запляшутъ. Но пусть будетъ, что будетъ. Драться не смѣю, а закрою глаза и выставлю мечъ впередъ. Онъ у меня немудреный, да что-жъ? Сыръ поджарить на немъ можно, и морозъ выдержитъ не хуже любого клинка, вотъ и весь сказъ.

Бардольфъ. Я не постою за угощеньемъ, коли помирю васъ. Тогда всѣ трое махнемъ во Францію, какъ закадычные друзья. По рукамъ, капралъ Нимъ!

Нимъ. По чести, хочу жить, пока живется, вотъ оно. А нельзя больше жить—пусть будетъ, что будетъ; я такъ разсуждаю, и дѣло съ концомъ.

Бардольфъ. Оно положимъ, онъ взялъ Нелли Квикли, а она, сказать правду, надула васъ; вы, вѣдь, женихались съ ней.

Нимъ. Ничего я не знаю. Будь, что будетъ. Бываетъ, люди спятъ, а глотки-то у нихъ при себѣ, да еще недаромъ говорятъ, у ножа есть лезвіе. Пусть будетъ, что будетъ. Заѣзженная кляча терпѣнье, а и та куда-нибудь доковыляетъ. Всему есть окончаніе. Ну, да ладно; я ничего не знаю.

Бардольфъ. Вотъ идутъ прапорщикъ Пистоль съ женой. Добрѣйшій капралъ, будьте благоразумны.

(*Входятъ* Пистоль *и* Квикли).

Ну, какъ дѣла, трактирщикъ Пистоль?

Пистоль.

Трактирщикомъ зовешь меня, мужланъ!
Клянусь, мнѣ слово это ненавистно!
И не трактирщица ужъ больше Нелли.

Квикли. Нѣтъ, право слово, нѣтъ. Что тутъ подѣлаешь, коли нельзя взять въ нахлѣбницы десятка честныхъ дѣвушекъ, промышляющихъ иголкой, чтобы люди сейчасъ не подумали, будто у насъ публичный домъ. (*Нимъ вынимаетъ мечъ*). Ай, Пречистая Дѣва! Никакъ онъ мечъ вынимаетъ! Ой, быть прямому насилію и убійству!... Добрый лейтенантъ Бардольфъ!... Добрый капралъ!... Не надо ничего такого!...

Нимъ.

Фу, ты!

Пистоль.

Фу, самъ! Исландскій карноухій песъ!

Квикли. Добрый капралъ Нимъ! Будьте настоящимъ мужчиной съ сердцемъ, спрячьте свой мечъ!

Нимъ. Пошла!... Попадись ты мнѣ *solus*! (*Вкладываетъ мечъ въ ножны*).

Пистоль.

Какъ, *solus*, архипесъ, поганный ужъ!
А вотъ какъ залѣплю тебѣ твой *solus*
Я въ морду безподобную твою,
Да въ легкія поганыя, да въ глотку,
Въ утробу мерзкую я этотъ *solus*
Да въ пасть мерзѣйшую, въ кишки—повсюду!
Какъ порохъ, вспыльчивъ я; курокъ взведенъ,
За выстрѣломъ у насъ не станетъ дѣло.

Нимъ. Я не злой духъ, нечего меня заклинать. А меня подмываетъ задать вамъ хорошую встрепку. И если вы будете грубить мнѣ, Пистоль, я васъ отпотчую своимъ мечомъ по чести. А пойдете своей дорогой, какъ бы мнѣ не пришла охота пощекотать вамъ кишки, какъ умѣю, по чести. Вотъ штука въ чемъ.

Пистоль.

Га, трусъ, хвастунъ! Безумецъ! Осужденный!
Твой гробъ раскрылъ свой зѣвъ! Тебя ждетъ смерть!
Такъ сгинь!

(*Пистоль и Нимъ обнажаютъ мечи*).

Бардольфъ. Эй, вы, послушайте! Кто первый подыметъ руку, тому я самъ всажу въ брюхо свой мечъ по рукоятку, не будь я солдатъ! (*Вынимаетъ мечъ*).

Пистоль.

Вотъ клятва мощная! Вражда, погасни!
Давай кулакъ, давай сюда мнѣ лапу!
Великъ твой духъ!

Нимъ. Ужъ рано или поздно я перерѣжу тебѣ глотку, по чести; вотъ оно.

Пистоль.

Что? *Coupe la gorge*? Тебя я не боюсь!
Ты, критскій песъ, задумалъ подобраться
Къ моей женѣ! Нѣтъ, ты поди въ больницу
Да изъ разсола гнуснаго порока

ГЕНРИХЪ V УЛИЧАЕТЪ ИЗМѢННИКОВЪ. (Дѣйствіе II, сц. 2).

Картина знаменитаго англо-швейцарскаго художника Фюсли (Johann Heinrich Füssli, у англичанъ Fuseli, (1742 — 1825).
(Большая Бойделевская галлерея).

Себѣ мегеру выуди, Крессидѣ
Сродни, а по прозванью Долли Тиршитъ.
На ней женись! А quondam Нелли Квикли
Моей единственной на вѣкъ пребудетъ.
Ну, *pauca*. Довольно, убирайся!

(*Входитъ* мальчикъ).

Мальчикъ. Хозяинъ Пистоль! Идите скорѣе къ моему господину... и вы тоже, хозяйка! Ему очень плохо; просится въ постель. Добрѣйшій Бардольфъ! Сунь ему подъ простыню свой носъ вмѣсто грѣлки. Право, ему совсѣмъ плохо.

Бардольфъ. Пошелъ ты, бездѣльникъ!

Квикли. Да, право слово, не сегодня —завтра изъ него выйдетъ жирный пуддингъ воронамъ на поживу! Король разбилъ ему сердце. Милый муженекъ, пойдемъ скорѣе! (*Уходитъ за мальчикомъ*).

Бардольфъ. Ну, что-же, помирю я васъ? Намъ надо во Францію, неужто, чортъ побери, наши ножи только на то у насъ и болтаются, чтобы мы рѣзали глотки другъ другу?

Пистоль.

Бушуютъ волны, пусть и бѣсы воютъ!

Нимъ. А вы мнѣ заплатите восемь шиллинговъ, которые пробили мнѣ объ закладъ?

Пистоль.

Презрѣнный рабъ, кто платитъ!

Нимъ. А мнѣ подавай мое! Вотъ въ чемъ вся штука.

Пистоль.

Пусть храбрость споръ рѣшитъ! Ну, выпадай!

(*Пистоль и Нимъ обнажаютъ мечи*).

Бардольфъ. Вотъ вамъ мечъ порукой— проткну того, кто первый начнетъ. Порукой мечъ!

Пистоль.

Да, клятву на мечѣ я уважаю!

Бардольфъ. Капралъ Нимъ! Хочешь мириться, такъ мирись, а не хочешь, такъ поссорься и со мной. Говорю тебѣ—спрячь мечъ.

Нимъ. Получу я свои восемь шиллинговъ, которые вы пробили мнѣ объ закладъ?

Пистоль.

Ты цѣлый нобль получишь чистоганомъ!
И магарычъ готовъ тебѣ поставить.
Отнынѣ братьями съ тобой мы будемъ.
Живу для Нима я, Нимъ—для меня.
Не правда ли? Я буду маркитантомъ
Въ полку и накоплю себѣ деньжонокъ.
Дай руку мнѣ!

Нимъ. Такъ я получу мой нобль?

Пистоль.

Монетой чистою на чистоту!

Нимъ. Ну, ладно. Вотъ въ чемъ вся штука.

(*Входитъ* Квикли).

Квикли. Если только вы чада женщинъ, то бѣгите бѣгомъ къ сэръ Джону! Ахъ, бѣдняга! Его трясетъ такая лихорадка-горячка, что глядѣть жалость. Голубчики, идите къ нему.

Нимъ. Король плохую штуку сыгралъ съ рыцаремъ. Вотъ оно что!

Пистоль.

Ты правъ. Въ куски его разбито сердце
И склеено.

Нимъ. Король — добрый король, а и онъ не безъ причудъ и штукъ.

Пистоль.

Такъ соболѣзновать идемъ сэръ Джону.
Отнынѣ будемъ жить, какъ агнцы, мы.

(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Соутгэмптонъ. Зала совѣта

Эксетеръ, Бедфордъ *и* Вестморлэндъ *входятъ*.

Бедфордъ.

И смѣлъ, клянусь, король, что довѣряетъ
Измѣнникамъ такимъ.

Эксетеръ.

Теперь ужъ скоро
Возьмутъ подъ стражу ихъ.

Вестморлэндъ.

И какъ умѣютъ
Они прикинуться хитро! Какъ будто
И впрямь горятъ усердіемъ, любовью
И вѣрностью.

Бедфордъ.

Всѣ козни ихъ извѣстны
Его величеству такимъ путемъ,
Какой не снился имъ.

Эксетеръ.

И какъ рѣшился
Тотъ человѣкъ, съ кѣмъ кровъ дѣлилъ король,
Кто милостями былъ его осыпанъ,
Предать монарха своего, польстясь
На золото враговъ!

(*Звуки трубъ. Входитъ* король Генрихъ *въ сопровожденіи* лорда Скрупа, графа Кэмбриджскаго, сэра Грея и свиты).

Король Генрихъ.

Попутный вѣтеръ,—
Пора и на корабль.—Скажите намъ,
Графъ Кэмбриджскій, лордъ Скрупъ нашъ благородный,
И вы, сэръ Грей, какъ думаете вы:
Пробьемся-ль мы сквозь силу войскъ французскихъ
Съ войсками нашими? Удастся-ль намъ
Со славою закончить наше дѣло,
Къ которому теперь мы приступаемъ?

Лордъ Скрупъ.

Мой государь! Не сомнѣваюсь, если
Свой долгъ исполнятъ всѣ по мѣрѣ силъ.

Король Генрихъ.

О, въ этомъ мы увѣрены, какъ въ томъ,
Что никого мы не беремъ съ собою,
Кто-бъ съ нами заодно всѣмъ сердцемъ не былъ,
И что изъ тѣхъ, кто остается здѣсь,
Нѣтъ никого, кто-бъ не желалъ успѣха
Походу нашему.

Графъ Кэмбриджскій.

Да не бывало
И короля, котораго бы больше
Боялись всѣ, но вмѣстѣ и любили,
Чѣмъ васъ, мой государь. Увѣренъ я,
Что подданнаго нѣтъ, который могъ бы
Печаль въ душѣ таить иль недовольство
Подъ сѣнью вашей благостной державы.

Сэръ Грей.

И даже въ тѣхъ, кто къ вашему отцу
Пылалъ враждой, смѣшалась съ медомъ желчь,
И тѣ вамъ вѣрою и правдой служатъ.

Король Генрихъ.

И посему на насъ лежитъ большой
Признательности долгъ. Скорѣй забудемъ
Свою десницу мы, чѣмъ наградить

КАРЛЪ VI, КОРОЛЬ ФРАНЦУЗСКІЙ.

(*Версальская Историческая галлерея*).

Кого нибудь забудемъ по заслугамъ,
За службу вѣрою и правдой намъ.

Лордъ Скрупъ.

И будетъ тѣмъ лишь укрѣпляться вѣрность.
Труду дастъ силы новыя надежда
Быть вашей милости всегда достойнымъ.

Король Генрихъ.

Надѣемся. Такъ пусть освободятъ,
Любезный дядя Эксетеръ, бѣднягу,
Котораго вчера подъ стражу взяли
За бранныя слова о насъ. Причиной
Былъ хмель; такъ мы за благо разсудили
Помиловать его.

Лордъ Скрупъ.

Великодушно,
Мой государь, но и неосторожно.
Онъ долженъ быть наказанъ, чтобъ примѣромъ
Своимъ не соблазнилъ другихъ.

Король Генрихъ.

Ну, дайте
Намъ, всетаки, помиловать его.

Графъ Кэмбриджскій.

Помиловать вы можете, властитель,
И покаравъ.

Сэръ Грей.

Да, покаравъ сурово,
Даруйте жизнь ему, и это будетъ
Великой милостью.

Король Генрихъ.

О, лорды! Ваша
Любовь и преданность ко мнѣ—плохіе
Защитники для этого бѣдняги.
Но, если мы не смѣемъ глазъ закрыть
На мелкій грѣхъ, къ тому-жъ внушенный хмелемъ,
Какими-же глазами намъ глядѣть
На государственное преступленье,
Что взвѣшено, обдумано, созрѣло?...
Нѣтъ, пусть тотъ человѣкъ уходитъ съ миромъ,
Хотя графъ Кэмбриджскій, лордъ Скрупъ, сэръ Грей
И требуютъ въ своемъ усердьѣ къ намъ,
Чтобъ былъ наказанъ онъ.—Теперь вернемся
Къ дѣламъ и Франціи. Кому вручить
Мы полномочія намѣревались?

Графъ Кэмбриджскій.

Отъ вашего величества приказъ
Я получилъ вамъ о себѣ напомнить.

Лордъ Скрупъ.

И я, мой государь.

Сэръ Грей.

И я, властитель.

Король Генрихъ.

Графъ Кэмбриджскій, вотъ полномочье вамъ,
Вотъ вамъ, лордъ Скрупъ, и вамъ, сэръ Грей. Читайте
И знайте, мы васъ по заслугамъ цѣнимъ.
Любезный дядя Эксетеръ, и вы,
Лордъ Вестморлэндъ, мы отплывемъ сегодня.
Но что-жъ прочли, милорды, вы въ бумагахъ?
И отчего такъ помертвѣли всѣ?
Смотрите, какъ они перемѣнились!...
Что васъ могло такъ испугать, заставить
Всю вашу кровь отхлынуть отъ лица?

Графъ Кэмбриджскій.

Виновенъ я и милости прошу
У вашего величества!

Лордъ Скрупъ и сэръ Грей.

Прибѣгнуть
И мы должны къ ней, государь!

Король Генрихъ.

Съ минуту
Назадъ она была жива у насъ
Въ груди, но сами-жъ вы ее убили
Совѣтами своими! Такъ стыдитесь
О милости теперь и заикаться!
Всѣ ваши доводы на васъ самихъ-же,
Какъ злые псы на собственныхъ господъ,
Накинутся.—Глядите, пэры, лорды,
Вотъ Англіи позоръ! Вотъ вамъ графъ Кэмбриджъ,
Котораго въ своемъ благоволеньѣ
Мы знаками почета осыпали;
Французамъ продался онъ съ легкимъ сердцемъ;
За пару легкихъ кронъ хотѣлъ убить
Въ Соутгэмптонѣ насъ. А вотъ сэръ Грей,
Обязанный не меньше намъ, чѣмъ Кэмбриджъ,
И такъ же, какъ и онъ, намъ измѣнившій.—
А Скрупъ! Что мнѣ тебѣ сказать, ты злое,
Неблагодарное созданье! Ты,
Имѣвшій ключъ ко всѣмъ моимъ совѣтамъ,
И въ глубинѣ души моей читавшій!
Ты золото могъ изъ меня чеканить,
Когда-бъ корысть тобой руководила,
Такъ неужель тебя чужія деньги
Смогли бъ подвигнуть на малѣйшій вредъ
Мизинцу моему? Непостижимо!
И пусть ясна, какъ день, твоя измѣна,
Я все-жъ готовъ глазамъ своимъ не вѣрить.
Предательство съ убійствомъ—пара бѣсовъ
Единомышленныхъ въ одной запряжкѣ.
Привыкли мы къ пріемамъ ихъ простымъ,
И удивленья въ насъ они не будятъ,
Но ты съумѣлъ насъ удивить и тутъ.
И кто-бы ни былъ адскій духъ, который
Успѣлъ такъ извратить твою всю душу,
Онъ пальму первенства въ аду стяжалъ.
Другіе демоны, внушая подлость,
Стараются ее прикрыть, украсить
Хоть мишурой, лоскутьями цвѣтными,
Чтобы придать ей отблескъ благородства,
Тому-жъ, что ввелъ тебя въ измѣну, нечѣмъ
Тебя и обольстить-то было, развѣ
Названіемъ измѣнника, злодѣя!
И если адскій духъ, тебя сгубившій,
Какъ рыкающій левъ весь міръ обрыскавъ,
Вернется въ адъ, сказать онъ можетъ смѣло
Бѣсовскимъ полчищамъ: „Нѣтъ, никогда
Ничьей души не обрѣсти мнѣ легче
Души британца этого!“ Отнынѣ
Ты лучшее изъ чувствъ на свѣтѣ—вѣру
Въ людей—сомнѣнья ядомъ отравилъ!
Вѣдь, если кто казался неподкупнымъ—
Такъ это ты; ученымъ, мудрымъ—ты;

Кто родомъ благороденъ былъ—все ты-же;
Казался набожнымъ и кроткимъ—ты!
Теперь пусть кажется кто хочетъ скромнымъ,
Свободнымъ отъ страстей и твердымъ духомъ,
Владыкою своихъ влеченій плотскихъ,
Украшеннымъ смиренья ореоломъ,
Въ сужденіяхъ разумно-осторожнымъ,
И взвѣшивающимъ свой каждый шагъ,—
Что изъ того? И ты такимъ казался,
Безъ пятнышка единаго! Набросилъ
Ты подозрѣнья тѣнь своей измѣной
На лучшихъ изъ людей. Готовъ заплакать
Я надъ тобою, Скрупъ. Твое паденье
Мнѣ кажется вторымъ грѣхопаденьемъ.—
Виновность ихъ доказана. Возьмите
Подъ стражу ихъ, къ отвѣту предъ закономъ,
И да проститъ имъ Богъ ихъ тяжкій грѣхъ!

Эксетеръ. Я арестую тебя за государственную измѣну, Ричардъ, графъ Кэмбриджскій!

Я арестую тебя за государственную измѣну, Генрихъ, лордъ Скрупъ Мершэмъ!

Я арестую тебя за государственную измѣну, Томасъ Грей, рыцарь Нортомберлэндскій!

Лордъ Скрупъ.

Богъ справедливъ, раскрывъ измѣну нашу,
И смерть не такъ меня страшитъ? какъ грѣхъ;
Его простить мнѣ, государь, молю я,
Хоть и пойду я за него на казнь.

Графъ Кэмбриджскій.

Не золото французское прельстило
Меня, но допустилъ его я дать
Толчокъ намѣреньямъ моимъ, и слава
Всевышнему, что Онъ имъ помѣшалъ!
Лишь это скорбный духъ мой утѣшаетъ.
Господь мнѣ да проститъ, и вы простите!

Сэръ Грей.

Изъ вѣрноподданныхъ никто живѣй
Обрадованъ раскрытіемъ измѣны
Не можетъ быть, чѣмъ я теперь, когда
Нашъ замыселъ разрушенъ. И не тѣлу,
Лишь своему грѣху прошу прощенья!

Король Генрихъ.

Господь васъ да проститъ. Теперь услышьте
Свой приговоръ. Съ врагомъ исконнымъ нашимъ
Стакнулись вы и насъ убить хотѣли,
Подкупленные золотомъ его.
Вы государя своего рѣшились
Предательски убить, а принцевъ, лордовъ
Въ покорныхъ слугъ французскихъ обратить,
Народъ отдать подъ иго чужеземцевъ,
И всю страну обречь на разоренье.
Мы лично за себя вамъ мстить не будемъ,
Но долгъ велитъ намъ государства благо
Оберегать; ему грозили вы,
И требуютъ законы государства
Къ отвѣту васъ. Ступайте же на казнь,
Несчастные заблудшіе! Да приметъ
Господь раскаянье въ грѣхахъ отъ васъ
И укрѣпитъ васъ въ горькій смерти часъ!
Ведите ихъ!

(Заговорщиковъ уводятъ).

Во Францію теперь!
И вы стяжаете, милорды, славу
Такую же, какъ мы, походомъ этимъ.
Не сомнѣваемся въ успѣхѣ мы:
Господь уже явилъ свою намъ милость,
Разоблачивъ опасную измѣну,
Подстерегавшую нашъ первый шагъ;
Такъ нѣтъ сомнѣнія, Онъ всѣ преграды
И на пути дальнѣйшемъ устранитъ.
Итакъ, впередъ, соратники! Поручимъ
Десницѣ Божіей всѣ наши силы,
И медлить болѣ незачѣмъ. Пора
На корабли! Кровавый стягъ взвился!
Моею будетъ Франціи корона,
Иль пусть лишусь и въ Англіи я трона!

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Лондонъ. Передъ таверной «Кабанья голова» въ Истчипѣ.

Входятъ Пистоль, Квикли, Нимъ, Бардольфъ *и* мальчикъ.

Квикли. Милый муженекъ, позволь мнѣ проводить тебя до Стэнса.

Пистоль.

Нѣтъ, безъ того героя сердце стынетъ!
Пріободрись, мой Бардольфъ! Духъ хвастливый
Пришпорь, Капралъ! Ты, мальчикъ, ощетинься,
Какъ истинный храбрецъ! Скончался Фальстафъ,
И намъ въ удѣлъ остались только вопли!

Бардольфъ. Ахъ, будь я съ нимъ, гдѣ бы онъ ни былъ, въ раю или въ аду!

Квикли. Нѣтъ, ужъ онъ никакъ не въ аду, а вѣрно въ лонѣ Артуровомъ, если только кому попасть въ лоно Артурово. И такой ему вышелъ хорошій конецъ; отошелъ тихохонько, какъ новорожденный младенецъ; какъ разъ между двѣнадцатью и часомъ, между приливомъ и отливомъ. Я какъ увидала, что

онъ началъ обдергивать простыни, играть цвѣтами и улыбаться на концы своихъ пальцевъ, такъ и рѣшила: ну, теперь конецъ. И носъ у него такъ завострился-завострился, какъ перышко, и онъ все что-то бредилъ о зеленыхъ лугахъ. „Ну, какъ вы, сэръ Джонъ?—спрашиваю.—Подбодритесь-ка!“ А онъ какъ закричитъ: „Господи, Господи, Господи!“ раза три или четыре. Я было стала утѣшать его; говорю, что незачѣмъ ему еще себя такими мыслями разстраивать. Потомъ онъ попросилъ меня хорошенько закутать ему ноги; я сунула руку въ постель и пощупала ему ноги — холоднешенькія, и колѣни пощупала — холоднешенькія, и выше пощупала—все какъ ледъ.

Нимъ. Говорятъ, онъ кричалъ что-то насчетъ вина.

Квикли. Да, да, какъ-же.

Бардольфъ. И насчетъ женщинъ.

Квикли. Вотъ ужъ нѣтъ.

Мальчикъ. Да, да! И еще сказалъ, что онѣ дьяволы въ тѣлесномъ видѣ.

Квикли. Да ужъ все тѣлесное ему противно было.

Мальчикъ. А разъ онъ сказалъ, что по милости женщинъ попадетъ къ дьяволу въ когти.

Квикли. Ну-да! онъ таки добирался до женщинъ; только вѣдь, это онъ уже въ ревматизмѣ былъ и бредилъ вавилонской блудницей.

Мальчикъ. А помните, какъ онъ увидалъ на носу у Бардольфа блоху и сказалъ, что это черная душа въ адскомъ огнѣ.

Бардольфъ. Да, да; теперь ужъ конецъ топливу, что поддерживало этотъ огонь; и онъ—все, что я нажилъ на службѣ у сэра Фальстафа.

Нимъ. Ну, что-жъ, попремъ, что ли? Король, небось, ужъ уѣхалъ изъ Соутгэмптона.

Пистоль.

Идемъ!—Любовь моя, подставь мнѣ губки!
Да береги мое добро! Съ умомъ
Распоряжайся всѣмъ. Возьми девизомъ:
„Плати и пей!“ А въ долгъ — ни-ни! Всѣ клятвы—
Труха, а честныя слова всѣ—вафли!
„Держи карманъ!“—надежнѣйшій изъ псовъ.
Совѣтникомъ себѣ возьми „*caveto*“.
Ну, осуши хрусталь своихъ очей!
Идемъ, товарищи! Скорѣй, скорѣе
Во Францію! Сосать тамъ, какъ піявки,
Мы будемъ кровь!

Мальчикъ. Говорятъ, это нездоровая пища.

Пистоль.

Къ ея устамъ прильни и въ путь-дорогу!

Бардольфъ. Прощай, хозяйка! (*Цѣлуетъ ее*).

Нимъ. Я не могу цѣловаться; вотъ въ чемъ штука. Прощай!

Пистоль.

Такъ береги добро! Вотъ мой завѣтъ!

Квикли. Прощай! Адью!

(*Всѣ уходятъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Франція. Зала во дворцѣ короля французскаго.

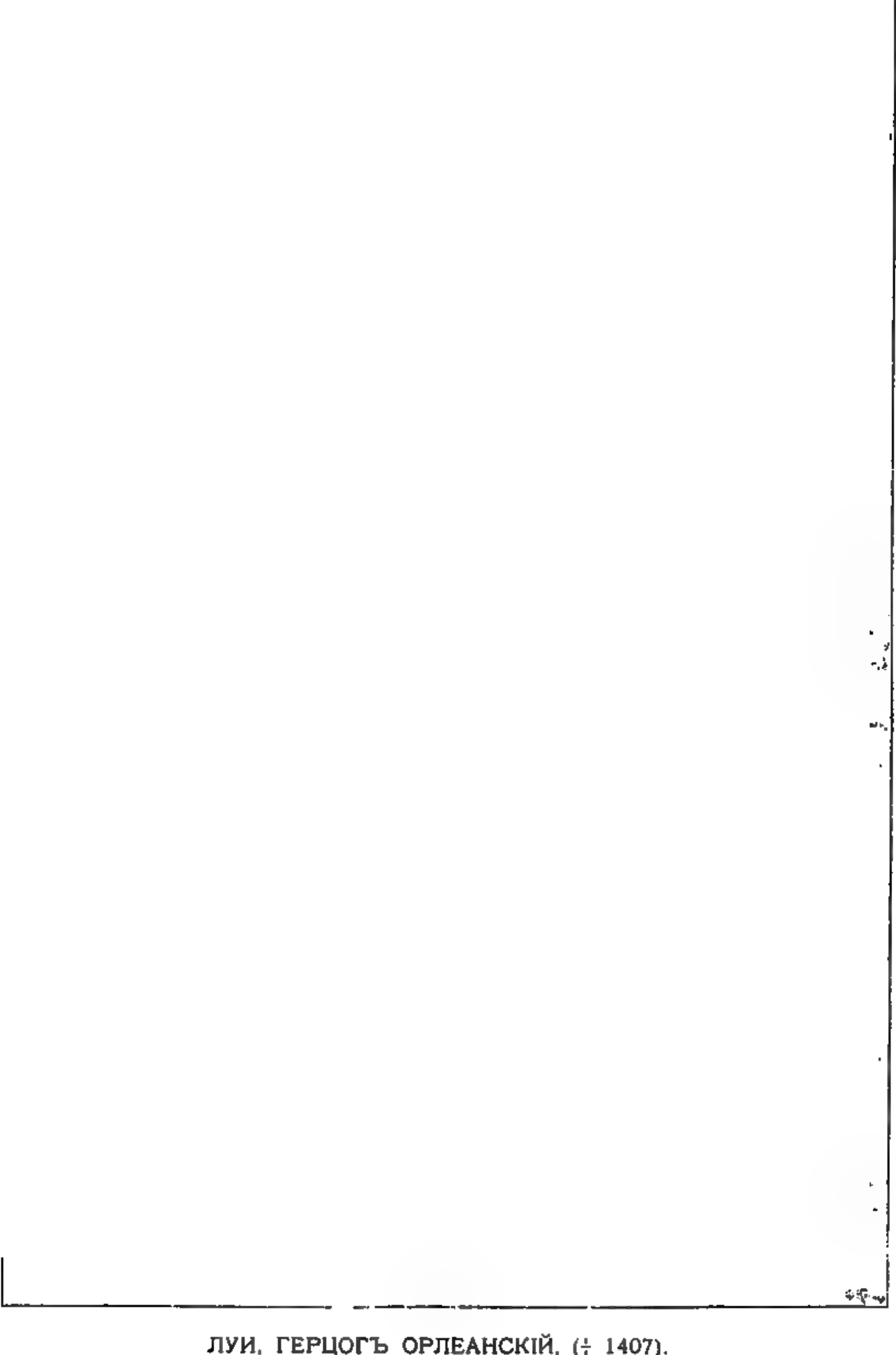
(*Входитъ* король Карлъ *съ* дофиномъ, герцогомъ Бургундскимъ, коннэтаблемъ и *свитой*).

Король Карлъ.

Вся сила Англіи на насъ идетъ,
И приложить намъ должно всѣ заботы,
Чтобъ ей отпоръ дать исто-королевскій.
Вы, принцъ дофинъ, и герцоги Бретонскій,
Беррійскій, Орлеанскій и Брабантскій
Должны поспѣшно выступить, чтобъ замки
Къ защитѣ укрѣпить, снабдивъ людьми
И боевыми средствами. Британцы
Въ своемъ стремленіи впередъ поспорятъ
Съ рѣкой, водоворотомъ уносимой.
Такъ надлежитъ теперь принять всѣ мѣры,
Которымъ научить насъ можетъ страхъ,
Внушаемый недавнимъ столь примѣромъ
Вторженья къ намъ соперницы опасной,
Пренебрегаемой напрасно нами.

Дофинъ.

Вполнѣ согласенъ я, высокочтимый
Родитель мой, что должно намъ къ отпору
Врага готовиться. И самый миръ
Настолько усыплять страну не долженъ,
Чтобъ прекратились въ ней вербовка войскъ,
Сооруженье крѣпостей, смотры;
Должно, напротивъ, все идти, какъ будто
Война близка, хотя бы и ни тучки
На горизонтѣ не было. Итакъ,
Заняться не мѣшаетъ намъ осмотромъ
И исправленіемъ слабѣйшихъ мѣстъ,
Но страха ощущать у насъ причины
Не болѣе, чѣмъ если бъ мы узнали,
Что Англія готова въ плясъ пуститься
На Троицу. Съ тѣхъ поръ, какъ перешли
Бразды правленья въ Англіи къ такому
Безпутному, шальному молодцу,
Никто страшиться Англіи не можетъ.

ЛУИ, ГЕРЦОГЪ ОРЛЕАНСКІЙ, († 1407).
(Историческая Галлерея въ Версали).

Коннэтабль.

Довольно, принцъ дофинъ! О, какъ жестоко
Вы ошибаетесь на счетъ его!
Спросите посланныхъ своихъ, узнайте,
Какъ принялъ ихъ по королевски онъ,
Совѣтниковъ какихъ имѣетъ мудрыхъ,
И самъ какъ мудро-сдержанъ онъ въ отвѣтахъ,
Но грозенъ какъ въ своихъ рѣшеньяхъ твердыхъ—
И согласитесь вы, что поведенье
Его въ былые дни—притворство Брута,
Что прикрывалъ онъ умъ безумья маской,
Какъ садоводъ навозомъ прикрываетъ
Коренья тѣ, которымъ предстоитъ
Скорѣй взойти и слаще быть на вкусъ.

Дофинъ.

Оно не такъ, почтенный коннэтабль,
Но думать такъ для насъ не безполезно.
Готовясь дать отпоръ врагу, не худо
Намъ представлять его себѣ сильнѣе,
Чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ онъ; тогда
Размѣры вѣрные и примутъ наши
Приготовленія. А если мѣрять
Начнемъ мы скудною рукой—какъ разъ
Уподобимся скрягѣ, что, жалѣя
Клочка сукна, все платье портитъ.

Король Карлъ.

Мы
И скажемъ, что силенъ король англійскій,
А потому и должно, принцы, намъ
Готовиться усиленно къ защитѣ.
Онъ родъ ведетъ отъ кровожадныхъ предковъ,
Которые не разъ сосали кровь
Изъ Франціи и гнали насъ нещадно,
Что можетъ подтвердить злосчастный день,
Когда произошло столь роковое
Для насъ сраженье подъ Кресси, и были
Захвачены всѣ наши принцы въ плѣнъ
Рукой и чернымъ именемъ Эдварда
Уэльскаго, что звался „Чернымъ принцемъ“;
А на горѣ, самъ мощный, какъ гора,
Стоялъ отецъ его, лучами солнца
Увѣнчанный, съ улыбкою любуясь
Своимъ геройскимъ отпрыскомъ, созданья
Природы-матери уничтожавшимъ,
Калѣчившимъ ту юную красу,
Что съ помощью Господней возростили
Французскіе отцы за двадцать лѣтъ.
И Генрихъ—вѣтвь отъ этого-же корня
Побѣдоноснаго; такъ намъ и должно
Бояться розмаха его судьбы
И проявленья силъ его природныхъ.

(*Входитъ* гонецъ).

Гонецъ.

Отъ короля англійскаго послы
Къ вамъ, государь!

Король Карлъ.

Мы ихъ немедля примемъ.
Введите ихъ сюда.
(*Гонецъ и нѣкоторые изъ придворныхъ уходятъ*).
Имѣемъ дѣло
Съ охотникомъ горячимъ мы, какъ видно;
Собакъ по слѣду быстро гонитъ онъ.

Дофинъ.

Лишь обернитесь къ нимъ лицомъ, и — станутъ.
Тѣмъ громче лай трусливыхъ псовъ бываетъ,
Чѣмъ дальше впереди бѣжитъ отъ нихъ
Преслѣдуемый ими врагъ. Съ послами
Не тратьте словъ, отецъ, но дайте имъ
Понять, какой страны и государства
Являетесь главой. Грѣхъ меньшій гордость,
Мой государь, чѣмъ самоуниженье.

(*Придворные возвращаются съ* герцогомъ Эксетеромъ *и его свитой).*

Король Карлъ.

Отъ брата нашего и короля
Англійскаго послами къ намъ явились?

Эксетеръ.

Да, государь, и вамъ такой привѣтъ
Онъ шлетъ: во имя Господа сложите
Съ себя вѣнецъ, который волей неба,
Законами природы и по праву
Народному принадлежитъ ему
Съ потомками его, то есть корону
Французскую, а также откажитесь
Отъ всѣхъ обширныхъ титуловъ и правъ,
Которые закрѣплены за нею
Обычаемъ и временемъ. И дабы
Васъ убѣдить, что онъ не выступаетъ
Съ неправильнымъ иль ложнымъ притязаньемъ,
Основаннымъ на лоскуткѣ, истлѣвшемъ
Отъ давности, источенномъ червями,
Имъ изъ пыли забвенья извлеченномъ —
Вамъ родословную свою онъ шлетъ.
(*Подаетъ королю бумагу*).
Въ ней имя каждое свидѣтель вѣрный;
Ее прочесть король мой проситъ васъ
И, если изъ нея вы убѣдитесь,
Что онъ прямой потомокъ и наслѣдникъ
Славнѣйшаго въ ряду великихъ предковъ,
Эдварда Третьяго,—сложить съ себя

находящагося въ Британскомъ Музеѣ [illegible] и [illegible] Брюгге
[illegible]ятъ въѣздъ королевы Изабеллы [illegible] въ [illegible]

Неправильно захваченные вами,
Въ ущербъ ему, законному владѣльцу,
Вѣнецъ и санъ.

Король Карлъ.

А если нѣтъ,—что будетъ?

Эксетеръ.

Польется кровь, и васъ къ тому принудятъ.
Хоть въ сердцѣ свой вѣнецъ вы схороните,
Его добудетъ онъ, какъ новый Зевсъ,
Обрушившись на васъ въ хаосѣ бури,
Неся съ собою молніи и громъ;
Гдѣ взять нельзя добромъ, возьметъ онъ силой.
Вотъ почему и заклинаетъ онъ
Васъ милосердіемъ Господнимъ—лучше
Корону уступить по доброй волѣ,
Изъ жалости къ несчастнымъ, для которыхъ
Разверзтъ уже войны голодный зѣвъ.
Не то на васъ однихъ онъ возлагаетъ
Отвѣтственность за слезы вдовъ, за вопли
Сиротъ, за стоны брошенныхъ невѣстъ,
За смерть отцовъ, мужей и нарѣченныхъ,
Которыхъ унесетъ война.—Вотъ все,
Чего онъ требуетъ, чѣмъ угрожаетъ
И съ чѣмъ послалъ насъ къ вамъ, мой государь.
А если здѣсь дофина я найду
Я передамъ ему привѣтъ особый.

Король Карлъ.

Что насъ касается—обсудимъ дѣло
И окончательный отвѣтъ вамъ завтра
Для брата нашего дадимъ.

Дофинъ.

А что
Касается дофина—онъ предъ вами.
Что шлютъ ему изъ Англіи?

Эксетеръ.

Глумленье,
Презрѣнье, ненависть и вызовъ—все,
Что послано быть можетъ безъ ущерба
Величію пославшаго и что
Находитъ онъ достойнымъ васъ. Еще же
Велѣлъ онъ вамъ сказать: коль не смирится
Родитель вашъ и требованій всѣхъ
Его не выполнитъ, онъ съ вами счеты
Сведетъ за дерзкую насмѣшку такъ,
Что горы, долы Франціи застонутъ,—
Насмѣшка та въ нихъ отзовется эхомъ
Громовыхъ залповъ войскъ его.

Дофинъ.

Отвѣчу,
Что если мой отецъ и сдастся, то
Мнѣ вопреки; я одного желаю—
Сразиться съ Англіей; вотъ для чего
Я и отправилъ Генриху въ подарокъ,
Какъ подходящій даръ его безпутству
И юности, парижскіе мячи.

Эксетеръ.

За то и задрожитъ вашъ Лувръ парижскій,
Будь онъ хоть первый дворъ во всей Европѣ.
Повѣрьте мнѣ, найдете вы, подобно
Намъ, подданнымъ его и приближеннымъ,
Большую разницу между его
Незрѣлымъ, малообѣщавшимъ прошлымъ
И короля достойнымъ настоящимъ.
По гранамъ взвѣшиваетъ время онъ;
Васъ убѣдятъ въ томъ пораженья ваши,
Когда у васъ побудетъ онъ подольше.

Король Карлъ.

Рѣшительный отвѣтъ дадимъ вамъ завтра.

Эксетеръ.

Поторопитесь, чтобъ король самъ лично
Сюда явиться не успѣлъ съ вопросомъ:
Что медлимъ мы? Вѣдь, онъ уже вступилъ
Въ предѣлы Франціи.

Король Карлъ.

Мы не замедлимъ
Вамъ дать отвѣтъ и съ миромъ отпустить.
Лишь ночь себѣ дадимъ мы—срокъ ничтожный,
Чтобы рѣшить серьезный столь вопросъ.

(Всѣ уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Хоръ (*входитъ*).

Пусть на крылахъ воображенья сцена
Летитъ съ такой же быстротой, какъ мысль.
А вы себѣ представьте, что предъ вами
Король, во всеоружіи доспѣховъ,
Со всею арміей своей садится
Въ Соутгэмптонѣ на суда, и, вѣя
Своими флагами, тотъ гордый флотъ
Ликъ Феба юнаго затмилъ. Отдайтесь
Игрѣ фантазіи, чтобъ передъ вами
Забѣгали матросы по снастямъ,
И дудки свистъ послышался, вносящій
Порядокъ въ суету и шумъ; отъ вѣтра,
Подползшаго змѣею-невидимкой,
Надулись паруса, и отплылъ флотъ,
Поверхность моря бороздя боками,
И волнъ хребты встрѣчая мощной грудью.
Представьте, будто вы на берегу
И смотрите на плавающій городъ,
Качающійся на волнахъ—таковъ
Англійскій флотъ, стремящійся къ Гарфлёру.
За нимъ, за нимъ! Цѣпляйтесь вашей мыслью
За руль, имъ правящій, забывъ пока
Объ Англіи съ ея затишьемъ мертвымъ,
Оберегаемой лишь стариками,
Старухами, да малыми дѣтьми,—
Лишь тѣми, чьи уже изсякли силы
Иль зрѣлости далеко не достигли.
Вѣдь, кто-жъ изъ тѣхъ, на чьихъ губахъ пробился
Хоть первый пухъ, не потянулся вслѣдъ
Столь избранному воинству?—Пришпорьте
Фантазію свою, себѣ представьте
Осаду города: зіяютъ жерла
Орудій грозныя вокругъ Гарфлёра;
А вотъ посольство къ Генриху шлетъ Карлъ,
Сулитъ въ невѣсты дочь Екатерину,
Въ приданое-жъ два герцогства поплоше.
Но Генриху-ль на это согласиться?
Пушкарь къ орудію фитиль подноситъ

(*громъ орудій*)

И—грянулъ разрушенья громъ.—Итакъ,
Пусть намъ поможетъ ваша мысль живая,
Игрой своею нашу дополняя!

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ I.

Передъ Гарфлёромъ.

Громъ орудій. Входитъ король Генрихъ *съ* Эксетеромъ, Бедфордомъ, Глостеромъ *и* воинами, *которые несутъ штурмовыя лѣстницы.*

Король Генрихъ.

Друзья, впередъ! Еще одна попытка!
Пробьемся сквозь проломъ, хотябъ пришлось
Намъ валъ изъ труповъ англичанъ воздвигнуть
До гребня стѣнъ!—Ничто такъ въ пору мира
Людей не краситъ, какъ смиренья духъ,
Любви и кротости. Но чуть засвищетъ
Грозы военной вихрь у васъ въ ушахъ,
Повадки тигра лютаго усвойте;
Пусть будетъ напряженъ въ васъ каждый мускулъ;
Клокочетъ кровь; природное незлобье
Личину ярости надѣнетъ; грозно
Сверкаютъ пусть глаза изъ орбитъ, какъ
Изъ люковъ жерла огненныя пушекъ;
Пускай нависнутъ брови, словно скалы
Надъ дикою пучиной, ихъ подмывшей;
Скрежещутъ зубы; вздрагиваютъ ноздри;
Займется духъ отъ напряженья силъ!—
Впередъ, дворяне, отпрыски тѣхъ славныхъ,
Испытанныхъ въ сраженіяхъ мужей,
Которые, подобно Александру,
Сражались отъ зари и до зари
И мечъ въ ножны не прятали, пока лишь
Имѣлся поводъ для борьбы. Позора
На вашихъ матерей не навлеките,
Но докажите, что и впрямь отцы
Вамъ тѣ, кого зовете вы отцами!
Достойнымъ образцомъ служите низшимъ
И доблестямъ военнымъ ихъ учите!—
А вы, простые воины! И васъ
Вскормила Англія, такъ покажите
Намъ, какъ сильна родимая земля,
И докажите всѣмъ, что воспитала
Она сыновъ достойныхъ въ васъ. Я вѣрю,
Среди васъ нѣтъ столь низкихъ по рожденью,
Иль званіемъ ничтожныхъ, въ чьихъ-бы взорахъ
Теперь огонь не вспыхнулъ благородный.
Я вижу васъ стоящими въ рядахъ,
Какъ гончія на сворахъ, напряженно
Сигнала ждущія. Дичь поднята—

ФЛЮЕЛЛЕНЪ: Ахъ, вы зопаки! На проломъ! Впередъ! Бездѣльники!

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Влеченью храбрости своей отдайтесь!
Впередъ! На штурмъ! Кричите: „Богъ за Гарри,
За Англію! Святой Георгъ на помощь!"
(*Уходятъ. Бряцанье доспѣховъ и гулъ орудій*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тамъ-же.

Время отъ времени проходятъ воины; затѣмъ входятъ Нимъ, Бардольфъ, Пистоль *и* мальчикъ.

Бардольфъ. Впередъ, впередъ, впередъ! Къ пролому! Къ пролому!

Нимъ. Нѣтъ, слушайте, капралъ! Постойте! Больно ужъ жарятъ, а у меня, вѣдь, нѣтъ въ запасѣ другой жизни на смѣну. Больно ужъ жаркая исторія. Плохія пѣсни,— вотъ оно что!

Пистоль.

Тутъ цѣлый хоръ; исторій пропасть; жарятъ
Со всѣхъ сторонъ; рабы Господни гибнутъ.
Но мечъ и щитъ—
Кровавый видъ—
Добудутъ славу намъ!

Мальчикъ. Ахъ, сидѣть бы теперь въ кабачкѣ въ Лондонѣ! Всю свою славу отдалъ бы за кружку пива да безопасность.

Пистоль.

Когда-бъ лишь захотѣть,
Чтобъ въ Лондонъ улетѣть—
И я-бъ порхнулъ туда!

Мальчикъ.

Вотъ это вѣрно,
Нелицемѣрно,
Какъ пѣнье птицъ въ вѣтвяхъ.

(*Входитъ* Флюелленъ).

Флюелленъ. Ахъ, вы зопаки! На проломъ! Впередъ! Бездѣльники! Вы не шелаете? (*Гонитъ ихъ*).

Пистоль.

О, пощади, великій предводитель,
Ничтожныхъ смертныхъ! Побори свой гнѣвъ!
Преодолѣй свой гнѣвъ, геройскій мужъ!
Умѣрь свой гнѣвъ, великій вождь! Пощады,
Великодушный, добрый, славный, милый!

Нимъ. Славная исторія!—Ваша честь влопалась въ скверную исторію!

(Нимъ, Пистоль *и* Бардольфъ *уходятъ*; Флюелленъ *за ними*).

Мальчикъ. Какъ я ни зеленъ, а рас-

кусилъ эту тройку хвастуновъ.—Я одинъ угождаю имъ всѣмъ троимъ, а вотъ они такъ всѣ трое не угодили бы мнѣ одному; изъ такихъ трехъ бездѣльниковъ не выкроишь и одного молодца. У Бардольфа сердце куриное, а носъ орлиный, ну онъ и нюхаетъ порохъ, а драться не смѣетъ. У Пистоля языкъ острый, а мечъ тупой, вотъ онъ и работаетъ языкомъ, а меча не трогаетъ. Нимъ слыхалъ, что молчаливый—храбрѣйшій, и воздерживается даже отъ Отче Нашъ, чтобы не прослыть трусомъ; а только, если онъ и мало говоритъ худого, такъ немного и дѣлаетъ хорошаго; никому въ жизни еще не раскроилъ башки, кромѣ себя самого — объ косякъ, въ пьяномъ видѣ. Воруютъ и тащатъ они все, что подъ руку попадется, и говорятъ, что это военная добыча.—Бардольфъ разъ стянулъ футляръ отъ лютни и тащилъ его цѣлыхъ двѣнадцать лье, чтобы продать за три полупенса. Нимъ и Бардольфъ даже побратались, чтобы воровать сообща, и въ Калэ стащили грѣлку съ углями. Сейчасъ видно, что теплые ребята! Они и меня не прочь бы пріохотить хозяйничать въ чужихъ карманахъ, да это не по мнѣ. Перекладывать изъ чужого кармана въ свой, по моему, значитъ обкрадывать собственную честь. Нѣтъ, надо мнѣ поискать другой службы; мой желудокъ не перевариваетъ ихъ гнусностей; стошнитъ.

(Уходитъ).

Флюелленъ *возвращается; ему на встрѣчу* Гоуеръ.

Гоуеръ. Капитанъ Флюелленъ! Поспѣшите къ подкопу, Герцогъ Глостеръ желаетъ поговорить съ вами.

Флюелленъ. Къ подкопу? Скашите герцогу, худо идти къ подкопу; онъ, снаете, веденъ пезъ правилъ, не довольно глюпоко; непріятель, понимаете, — и скашите это герцогу,—салошилъ контромину на четыре ярда глупше. Господи Іисусе! Право, я думаю, онъ всорветъ насъ всѣхъ на воздухъ, ешели не пудетъ дано лючшихъ распоряшеній.

Гоуеръ. Осаду ведетъ герцогъ Глостеръ, а онъ во всемъ слушается одного ирландца, по моему, весьма храбраго человѣка.

Флюелленъ. Капитэнъ Макъ-Моррисъ, да?

Гоуеръ. Да, да.

Флюелленъ. Господи Іисусе! Это первій озелъ въ мірѣ Пошьемъ! Я докашу ему это прямо въ лицо. Онъ змыслитъ военное искусство, осопенно римское военное искусство, не польше щенка.

(Входятъ Макъ-Моррисъ *и* Джэми*).*

Гоуеръ. А, вотъ онъ самъ и съ нимъ шотландскій капитанъ Джэми.

Флюелленъ. Капитэнъ Дшэми храбрій воинъ, это такъ, и имѣетъ поснанія въ древнемъ военномъ искусствѣ, насколько я понимаю его диспосиціи. Онъ мошетъ стоять на своихъ аргументахъ не хуше любого воина—на счетъ древняго военнаго искусства.

Джэми. Здорово, капитанъ Флюелленъ!

Флюелленъ. Господи васъ плагослови, допрѣйшій капитэнъ Дшэми!

Гоуеръ. Ну, что-же капитанъ Макъ-Моррисъ? Подкопъ оставленъ? Солдаты бросили работы?

Макъ-Моррисъ. Ахъ, Іезусъ! Худо, очень худо! Работы брошэны, трубятъ къ ретирадѣ. Клянусь моей рукой и душой отца моего, работы велись сквэрно и брошэны. Не то я взорвалъ бы городъ заразъ. Охъ, худо дѣло, худо! Вотъ вамъ рука моя—худо!

Флюелленъ. Капитэнъ Макъ-Моррисъ, я пуду прозить васъ удостоить меня имѣть со мною маленькій диспутъ касательно военнаго искусства, римскаго военнаго искусства, въ видѣ аргумэнтаціи и друшеской песѣды, частію, дапы я могъ укрѣпить свое мнѣніе, частію дапы укрѣпить мои всгляды касательно военной диссиплины. Вотъ мой пунктъ.

Джэми. Вотъ добре! И я васъ послухаю, да съ позволенья и самъ вверну словечко при случаѣ, ей Богу!

Макъ-Моррисъ. Не мѣсто и не часъ для диспутовъ! День такой жаркій, дѣло жаркое, король и герцоги кипятъ! Не мѣсто и не часъ! Сейчасъ штурмъ, трубы призываютъ до бреши, а мы тутъ раздобариваемъ. Іезусъ! Стыдъ, срамъ! Срамъ стоять безъ дѣла! Вотъ моя рука—срамъ! Сколько головъ можно срубить, сколько дѣла сдѣлать, а ничего не дѣлаемъ! Іезусъ!

Джэми. Ну, я-то, убей меня Богъ, дюже поработаю, пока закрою очи, коли не сразу меня ухлопаютъ. Поработаю, сколь будетъ мочи, покажу вамъ свое молодечество! А, ей Богу, послухалъ бы вашего спору!

Флюелленъ. Капитэнъ Макъ-Моррисъ! Я полагаю, видите, съ вашего посволенія, что не многіе изъ вашей націи...

Макъ-Моррисъ. Изъ моей націи? Кто смѣетъ болтать о моей націи? То развѣ блудная, подлая, низкая нація?

Флюелленъ. Видите, ешели вы пудете принять дѣло не такъ, а иначе, капитэнъ Макъ-Моррисъ, то я могу полагать, что вы откасываете мнѣ въ увашеніи, которымъ по всѣмъ правиламъ обясаны мнѣ; я такой-ше честній, храпрій воинъ, какъ вы, и не уступаю вамъ ни въ снаніи военной диссиплины, ни въ происхощденіи, ни въ прочихъ частностяхъ.

Макъ-Моррисъ. Не вѣдаю, такой-ли вы храбрый, какъ я; зато и пощупаю вамъ голову саблей!

Гоуеръ. Господи! Вы не поняли другъ друга.

Джэми. Вотъ, лихо!

(Раздаются трубные звуки).

Гоуеръ. Изъ крѣпости трубятъ къ переговорамъ.

Флюелленъ. Капитэнъ Макъ-Моррисъ, я докашу вамъ, когда представляется слючай, что снаю военное искусство, и засимъ кончаю.

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тамъ-же; передъ воротами Гарфлэра.

На стѣнахъ находятся КОМЕНДАНТЪ *и* НѢСКОЛЬКО ГРАЖДАНЪ; *внизу расположилось* АНГЛІЙСКОЕ ВОЙСКО. *Входитъ* КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ *со* СВИТОЙ.

Король Генрихъ.

Ну, что-же комендантъ? На что рѣшился?
Въ послѣдній разъ ведемъ переговоры;
Сдавайтесь-же! Иль, если вы въ своей
Надменности желаете погибнуть,
Сопротивляйтесь до конца! Но знайте,
Какъ вѣрно то, что воинъ я,—а я
Себѣ не нахожу вѣрнѣй названья—
Такъ вѣрно то, что, если мнѣ придется
Возобновить атаку, разорю я
Полуразрушенный Гарфлёръ до тла!
Закроется для васъ дверь милосердья,
И пусть тогда безжалостный и грубый
Солдатъ, съ руками по-локоть въ крови,
И съ совѣстью, вмѣстительной какъ адъ,
Свирѣпствуетъ во всю; пусть коситъ вашихъ
Дѣтей и дѣвъ цвѣтущихъ, какъ траву!
Пускай война, облекшись въ дымъ и пламя,
Какъ самъ князь тьмы, съ запятнаннымъ лицомъ,
Чинитъ неистовства, что неразлучны
Бываютъ съ грабежомъ и разрушеньемъ,—
Какое дѣло мнѣ? Виной вы сами!
Пусть вашихъ дѣвъ невинныхъ осквернитъ
Руками жадными, дыханьемъ жгучимъ
Насиліе! Я буду ни при чемъ!
Какой уздой стремительный разбѣгъ
Разнузданныхъ страстей сдержать? Приказы
И увѣщанія, когда солдаты
Опьянены кровавою расправой
И грабежомъ, безплодны, какъ безплоденъ
Остался-бъ мой приказъ Левіаѳану
На сушу выползти. Такъ пожалѣйте,
Защитники Гарфлёра, городъ свой
И мирныхъ жителей, пока не поздно,
Пока я полный властелинъ надъ войскомъ,
И милость вѣяньемъ прохладно-кроткимъ
Еще очистить въ силахъ душный воздухъ,
Предотвратить нависшую грозу
Насилій, грабежей, убійствъ, пожаровъ!
Не то—увидите окровавленныхъ
И ослѣпленныхъ яростью солдатъ,
Руками грязными сквернящихъ косы
Роскошныя несчастныхъ вашихъ дщерей;
Увидите, какъ повлекутъ они
За бороды сѣдыя вашихъ дѣдовъ,
Чтобъ черепъ имъ о стѣны размозжить;
Увидите на копья поднятыхъ
Нагихъ дѣтей, и матерей безумныхъ,
Чьи вопли будутъ раздирать сводъ неба,
Какъ вопли женъ еврейскихъ по младенцамъ,
Убитымъ Иродомъ жестокосердымъ.—
Ну, что-жъ теперь, вы городъ мнѣ сдаете,
Иль гибели дождаться предпочтете?

Комендантъ.

Намъ не на что надѣяться отнынѣ:
Дофинъ, къ которому мы посылали
За помощью, отвѣтилъ, что не въ силахъ
Столь грозную осаду снять. Сдаемъ
Тебѣ, великій государь, нашъ городъ
И милости твоей себя ввѣряемъ.
Вступай въ Гарфлёръ! Мы сами и все наше
Имущество въ твоемъ распоряженьи;
Противиться мы болѣе не въ силахъ.

Король Генрихъ.

Откройте ворота!—Гарфлёръ займите,
Любезный дядя Эксетеръ, немедля
И укрѣпитесь въ немъ съ своимъ отрядомъ.
Пощада, милость всѣмъ! А что до насъ,—
Зима близка, среди солдатъ болѣзни,—
Мы отправляемся назадъ въ Калэ.
У васъ въ Гарфлёрѣ до утра гостями
Пробудемъ мы, а тамъ,—простимся съ вами!

(Звуки трубъ. Король со свитой и прочими входятъ въ городъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Руанъ. Покой во дворцѣ.

Входятъ Екатерина и Алиса.

Екатерина. Alice, tu as été en Angleterre, et tu parles bien le language.

Алиса. Un peu, madame.

Екатерина. Je te prie m'enseignez; il faut, que j'apprenne à parler. Comment appellez-vous la main en Anglois?

Алиса. La main? Elle est appellée *рука*.

Екатерина. *Рука*. Et les doigts?

Алиса. Les doigts? Ma foi, j'oublie les doigts; mais je me souviendrai. Les doigts? Je pense, qu'ils sont appelés *пальцы*; oui, *пальцы*.

Екатерина. La main—*рука*; les doigts—*пальци*. Je pense, que je suis le bon écolier; j'ai gagné deux mots d'Anglois vitement. Comment appellez-vous les ongles?

Алиса. Les ongles? Nous les appellons *ногти*.

Екатерина. *Нокти*. Ecoutez; dites moi, si je parle bien: *рука*, *пальци* et *нокти*.

Алиса. C'est bien dit, madame; il est fort bon Anglois.

Екатерина. Dites moi l'Anglois pour le bras.

Алиса. *Плечо*, madame.

Екатерина. Et le coude?

Алиса. *Локоть*.

Екатерина. *Лёкоть*. Je m'en fais la répétition de tous les mots, que vous m'avez appris dès à présent.

Алиса. Il est trop difficile, madame, comme je pense.

Екатерина. Excusez-moi, Alice, ecoutez: *рука*, *пальци*, *нокти*, la-côte.

Алиса. *Локоть*, madame.

Екатерина. O, Seigneur Dieu, je m'en oublie! *Лёкоть*. Comment, appellez-vous la joue?

Алиса. *Щека*, madame.

Екатерина. *Чека*. Et l'oeil?

Алиса. *Глазъ*.

Екатерина. *Глясъ*. La joue—*чека*, l'oeil—*глясъ*.

Алиса. Oui. Sauf votre honneur, en vérité, vous prononcez les mots aussi droit que les natifs d'Angleterre.

Екатерина. Je ne doute point d'apprendre, par la grâce de Dieu, et en peu de temps.

Алиса. N'avez vous pas déjà oublié ce que je vous ai enseigné?

Екатерина. Non, je réciterai à vous promptement: *рука*, *пальци*...

Алиса. *Пальцы*. madame.

Екатерина. *Пальци*, *нокти*, *лёкоть*, *чека*, *лясъ*.

Алиса. Sauf votre honneur—*глазъ*.

Екатерина. Ainsi dis-je: *глясъ*. Comment appellez-vous le fiancé et la bague?

Алиса. *Женихъ*, madame, et *кольцо*.

Екатерина. Genisse et caleçons! O, Seigneur Dieu! Ce sont mots de son mauvais, corruptible, gros et impudique, et non pour les dames d'honneur d'user; je ne voudrais prononcer ces mots devant les seigneurs de France pour tout le monde. Il faut: *женисъ* et *кальсонъ* néanmoins. Je réciterai une autre fois ma leçon ensemble: *рука*, *пальци*, *нокти*, *лёкоть*, *чека*, *глясъ*, *женисъ*, *кальсонъ*.

Алиса. Excellent, madame!

Екатерина. C'est assez pour une fois; allons nous à diner.

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Другой покой во дворцѣ.

Входитъ король Карлъ *съ* дофиномъ, *герцогомъ* Бурбонскимъ, коннэтаблемъ *и пр.*

Король Карлъ.

Я знаю, онъ теперь уже за Соммой.

Коннэтабль.

Но если и теперь съ нимъ не сразимся,
Мы не жильцы во Франціи! Тогда
Ужъ лучше прямо намъ уйти, оставивъ
И виноградники и нивы наши
Въ добычу варварамъ!

Дофинъ.

O, Dieu vivant!
Такъ отпрыски отъ нашего-же корня,
Ублюдки сладострастныхъ нашихъ предковъ,
Тѣ черенки, что ими привиты
Неблагородному дичку, подымутъ
Главы свои до облаковъ и будутъ
На тѣхъ, кто ихъ привилъ, смотрѣть надменно!

Герцогъ Бурбонскій.

Mort de ma vie! Норманскіе ублюдки!
Нѣтъ, если имъ не преградятъ дороги,
Я герцогство свое продамъ, чтобъ жалкій,
Мужицкій дворъ купить на Альбіонѣ—
Клокѣ земли, заброшенномъ въ углу!

ГЕРЦОГЪ БУРБОНСКІЙ.

(*Средневѣковой рисунокъ*).

Коннэтавль.

Dieu de batailles! И гдѣ набраться было
Такого пыла имъ въ своемъ туманномъ,
Сыромъ отечествѣ, подъ хмурымъ небомъ,
Откуда солнце блѣдное глядитъ
Почти со злобой на землю и взглядомъ
Мертвитъ ея плоды? Ужели можетъ
Ихъ варево изъ ячменя съ водою,
То пойло для разбитыхъ жалкихъ клячъ,
Холодную ихъ кровь воспламенять
Такимъ геройствомъ, что предъ нею наша
Живая кровь, согрѣтая виномъ,
Замерзшей кажется?—За честь отчизны!
Довольно намъ висѣть, какъ ледяныя
Сосульки на домахъ, когда народъ,
Что холоднѣе насъ, разгоряченный
Отвагой юности, шагаетъ въ потѣ
Лица по пажитямъ богатымъ нашимъ,
Лишь храбростью своихъ владѣльцевъ бѣднымъ!

Дофинъ.

Parole d'honneur! Посмѣшищемъ мы станемъ
Для нашихъ дамъ! Онѣ ужъ говорятъ,
Что не мужчины мы, и что готовы
Онѣ отдаться бравымъ англичанамъ,
Чтобъ поколѣніемъ бастардовъ храбрыхъ
Отчизну обновить!

Герцогъ Бурбонскій.

И посылаютъ
Насъ въ Англію давать уроки танцевъ,—
Вся наша сила-де у насъ въ ногахъ,
И мастера показывать мы пятки!

Король Карлъ.

Гдѣ Монжуа, герольдъ? Немедля пусть
Доставитъ Англіи нашъ грозный вызовъ!
Пора! Воспряньте, принцы, и ударьте
На англичанъ съ отвагой,—жаждой славы,
Отточенной острѣе, чѣмъ мечи!—
Шарль де ля Брэ, нашъ славный коннэтабль,
Вы, герцоги Бурбонскій, Орлеанскій,
Беррійскій, Алансонскій и Брабантскій,
Бургундскій и Бордосскій; Шатильонъ,
Рамбюръ, Бомонъ, Гранпрэ, Руси, Фуа,
Бусико, Водемонъ, Шаролуа,
Лестраль и Фоконбергъ, всѣ принцы, графы,
Бароны, рыцари, постойте грудью
За лены и права свои! И смойте
Свой стыдъ, дорогу преградивъ англійскимъ
Войскамъ, что топчутъ нашу землю, вѣя
Знаменами, окрашенными кровью
Защитниковъ Гарфлёра! На врага
Обрушьтесь съ силою лавины снѣжной,
Что грозный духъ Альпійскихъ горъ швыряетъ
На кровли низкія своихъ вассаловъ!
Сотрите въ прахъ врага,—у васъ есть силы,—
И Генриха плѣненнаго доставьте
Въ телѣгѣ намъ въ Руанъ!

Коннэтавль.

Вотъ рѣчь монарха!
Одна бѣда: войска его ничтожны,
Болѣзнями и недостаткомъ пищи
Изнурены. Увѣренъ я—едва
Завидитъ онъ всѣ наши силы, въ пятки
Уйдетъ душа отъ страха у него,
И предпочтетъ отъ насъ онъ откупиться!

Король Карлъ.

Вы, коннэтабль, пошлете Монжуа

Немедленно, и пусть онъ спроситъ также
У Генриха, какой намъ можетъ выкупъ
Онъ предложить.—Дофинъ, вы здѣсь, въ Руанѣ,
Останетесь.

Дофинъ.

О, государь! Молю...

Король Карлъ.

Терпѣніе! Должны вы здѣсь остаться.
Отъ васъ-же, коннэтабль и принцы, скоро
Придетъ, надѣюсь, радостная вѣсть:
„Побѣда! Спасена отчизны честь!“

(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Лагерь англичанъ въ Пикардіи.

Входятъ Гоуэръ *и* Флюелленъ.

Гоуеръ. Ну, какъ дѣла, капитанъ Флюелленъ? Вы были у моста?

Флюелленъ. Могу увѣрять васъ, тамъ у моста пыло весьма отличное дѣло.

Гоуеръ. Герцогъ Эксетеръ не раненъ?

Флюелленъ. Герцогъ Эксетеръ герой, совсѣмъ Агамемнонъ; я увашаю его и люплю всей душой, всѣмъ зерцемъ и долгомъ и шизнью и слушпой и всѣми спозопностями! Онъ, хвала Господу, завсѣмъ не раненъ, а мостъ охранялъ весьма храпро и съ превосходнымъ искусствомъ... Видалъ я тоше одного подпрапорщика; право, скашу по совѣсти, храпръ, какъ самъ Маркъ Антоній, а не имѣетъ почета; а я самъ видалъ, что онъ храпрій слушака.

Гоуеръ. Какъ его зовутъ?

Флюелленъ. Подпрапорщикъ Пистоль.

Гоуеръ. Не знаю такого.

(*Входитъ Пистоль*).

Флюелленъ. Не снаете? Да вотъ онъ самъ.

Пистоль.

Я, капитанъ, за милостью къ тебѣ,—
Расположенъ къ тебѣ, я знаю, герцогъ.

Флюелленъ. Да, слава тебѣ Господи! Я заслюшилъ нѣкоторую его благосклоность.

Пистоль.

Боецъ съ душой открытой, смѣлой, Бардольфъ
Злокозненной судьбою и фортуной,
Слѣпой богиней, что стоитъ на камнѣ,
Который катится безъ остановки...

Флюелленъ. Съ вашего посволенія, подпрапорщикъ Пистоль, фортуна исопрашается слѣпой, съ повяской на гласахъ, дапы покасать, что счастье слѣпо; далѣе—она исопрашается на колесѣ, дапы покасать,—въ чемъ и саключается мораль,—что она вѣчно въ двишеніи и перемѣнѣ, непостоянна, а нога ея, видите, опирается на круглій камушекъ, который катится и катится и катится. По истинѣ, поэтъ даетъ очень превозходное описаніе. Фортуна отличная мораль.

Пистоль.

Фортуна Бардольфа не возлюбила
И вѣроломно поступила съ нимъ.
Распятье взялъ изъ церкви онъ, и вотъ,
Его къ повѣшенью приговорили.
Будь проклята такая смерть!
Пусть берегутъ веревки для собакъ,
А человѣка пусть отпустятъ съ миромъ,
Пенькой ему не стягивая глотки!
Но Эксетеръ обрекъ его на смерть,
И за такой пустякъ!—
Поди-же къ герцогу! Проси! Тебя
Послушается онъ и не позволитъ
Грошовою веревкой перерѣзать
Нить жизни Бардольфа. Спаси его!
Я награжу тебя!

Флюелленъ. Подпрапорщикъ Пистоль, я частію васъ понимаю.

Пистоль. Такъ и ликуй!

Флюелленъ. По истинѣ, подпрапорщикъ Пистоль, несачѣмъ ликовать. Потому что, видите, пудь онъ даше братъ мой, я пы просилъ герцога поступать съ нимъ, какъ угодно, и каснить; потому что диссиплина первое дѣло.

Пистоль.

Умри и провались въ тартарары!
Тебѣ за дружбу фигу!

Флюелленъ. Хорошо!

Пистоль. Испанскую!

Флюелленъ. Отлично!

(*Пистоль уходитъ*).

Гоуеръ. Вотъ плутъ! Отъявленный плутъ! Теперь я его вспомнилъ. Это сводня и воришка!

Флюелленъ. Могу увѣрять васъ, онъ говорилъ у моста такія мушественныя слова, какія только слыхало солнце. Но это отлично, что онъ скасалъ мнѣ; весьма хорошо; я при случаѣ ему покашу.

Гоуеръ. Этотъ болванъ, дуракъ и плутъ затесался въ войско, чтобы побывать въ походѣ, а потомъ, когда вернется въ Лон-

донъ, разыгрывать изъ себя настоящаго рубаку. Молодчики этого сорта знаютъ на перечетъ имена всѣхъ главныхъ полководцевъ и всѣ мѣста жаркихъ схватокъ; знаютъ кто, когда, и гдѣ отличился, убитъ, посрамленъ, какую позицію защищалъ непріятель, и обо всемъ этомъ повѣствуютъ, пересыпая чисто солдатскіе обороты самыми новомодными клятвами. А нельзя и представить себѣ, какъ дѣйствуютъ такія розсказни, да борода, подстриженная по фельдмаршальски, да боевыя лохмотья на отуманенныя пивомъ головы среди пѣнящихся стакановъ! Но вамъ надо выучиться отличать такихъ хвастунишекъ, позорящихъ наше время, не то васъ будутъ жестоко водить за носъ.

Флюелленъ. Я вотъ что скажу вамъ, капитэнъ Гоуеръ. Я вишу, что онъ не таковъ, какимъ ему шелательно покасываться, и когда я найду дирочку въ его мундирѣ, я ему выскашу свое мнѣнье.

(Раздается барабанный бой).

Слышите? Король идетъ, а мнѣ нушно сказать ему насчетъ моста.

Входитъ король Генрихъ *съ* Глостеромъ *и* воинами).

Флюелленъ. Господи благослови ваше величество!

Король Генрихъ. Ну, Флюелленъ, ты съ моста?

Флюелленъ. Къ услугамъ вашего величества. Герцогъ Эксетеръ охранялъ мостъ весьма храпро; непріятель ушелъ; весьма мушественное и отвашное дѣло. По чести, врагъ чуть пыло не савладѣлъ мостомъ, но принушденъ къ ретирадѣ, и герцогъ Эксетеръ остался господиномъ моста; я могу долошить вашему величеству, что герцогъ храпрій воинъ.

Король Генрихъ. Большія потери, Флюелленъ?

Флюелленъ. У врага очень польшія, навѣрно, весьма польшія, а герцогъ, я думаю, не потерялъ ни одного человѣка, кромѣ одного, котораго, вѣрно, повѣсятъ за крашу въ церкви, нѣкоего Бардольфа, если ваше величество исволите его снать. У него все лицо пыло въ прищахъ и въ пятнахъ и въ шишкахъ, и красное, какъ огонь, гупы раслутыя, а носъ, какъ раскаленный уголь, то синій, то красній; но, должно пыть, этотъ носъ каснили, и огонь его погасъ.

Король Генрихъ. Пусть такой конецъ лостигнетъ всѣхъ подобныхъ преступниковъ! Мы строго повелѣваемъ, чтобы во время нашего похода ничего не отнимать у мирныхъ жителей силой, ничего не брать даромъ, не оскорблять и не поносить ни единаго изъ французовъ; тамъ, гдѣ спорятъ о коронѣ кротость и грубость, скорѣе всего верхъ возьметъ кротость.

(Звуки трубъ. Входитъ Монжуа*).*

Монжуа. Вы видите, кто я, по моему одѣянію.

Король Генрихъ. Да, вижу; что-же ты сообщишь намъ?

Монжуа. Волю моего короля.

Король Генрихъ. Такъ говори!

Монжуа. Вотъ слова моего короля: „Скажи Генриху Англійскому, что, хотя мы и казались мертвыми, на дѣлѣ мы только дремали. Благоразуміе лучшій воинъ, нежели шальная смѣлость. Скажи ему, мы могли-бы поразить его при Гарфлёрѣ, но не нашли нужнымъ вскрывать нарывъ обиды, пока онъ еще не вполнѣ созрѣлъ. Теперь же мы откликаемся на вызовъ и говоримъ голосомъ повелителя: пусть король Англіи раскается въ своемъ безуміи, узритъ свою слабость и подивится нашему долготерпѣнію. Предложи ему позаботиться о выкупѣ за себя, который бы могъ вознаградить насъ за понесенныя нами потери, за подданныхъ, которыхъ мы лишились, и за униженіе, которому мы подверглись. Если онъ взвѣситъ все это, какъ слѣдуетъ, то всего его ничтожества не хватитъ, чтобы уравнять чашки вѣсовъ. Чтобы возмѣстить всѣ наши потери, не хватитъ всей его государственной казны; чтобы воздать намъ за пролитую кровь, не хватитъ всего народонаселенія Англіи, а за униженіе, которому мы подверглись, не заплатитъ и онъ самъ, колѣнопреклоненный у нашихъ ногъ. Прибавь къ этому нашъ вызовъ, и, наконецъ, скажи ему, что онъ погубилъ свои войска, приговоръ которыхъ подписанъ". Вотъ слова моего короля и государя, которыя онъ послалъ меня возвѣстить вамъ.

Король Генрихъ.

Ну, кто-ты, знаю я, а какъ зовешься?

Монжуа.

Зовусь я Монжуа.

Король Генрихъ.

Ты порученье
Свое исполнилъ, Монжуа, отлично.
Вернись теперь и королю повѣдай,
Что столкновенья съ нимъ я не ищу,

И предпочту вернуться безъ препятствій
Въ Калэ, за тѣмъ что, правду говоря,—
Хоть не разумно быть столь откровеннымъ
Съ такимъ врагомъ, умѣлымъ и счастливымъ,—
Немного у меня осталось войска,
И то болѣзнями истощено,
А потому наврядъ-ли стоитъ больше,
Чѣмъ равное ему число французовъ.
Скажу тебѣ, герольдъ, что англичанинъ,
Коль онъ здоровъ, троихъ французовъ стоитъ.—
Богъ отпусти мнѣ эту похвальбу!
Заразой хвастовства здѣсь дышетъ воздухъ,
И я глотнулъ ея, должно быть, каюсь!—
Итакъ, ступай и королю скажи:
Вотъ я, и выкупъ мой—мой бренный прахъ,
А войско—горсть людей больныхъ, усталыхъ,
Но все-же съ помощью Господней мы
Пойдемъ впередъ, хотя-бъ король французскій
И съ нимъ еще союзникъ, силой равный,
Намъ стали на пути.—Вотъ, Монжуа,
Возьми себѣ за трудъ (*даетъ ему кошелекъ*) и посовѣтуй
Размыслить королю: коль намъ дадутъ
Уйти свободно, мы уйдемъ, а если
Насъ остановите, то вашей кровью
Мы вашу землю черную окрасимъ!
Прощай! И вотъ тебѣ послѣдній сказъ:
Искать сраженья съ вами мы не будемъ,
Но и бѣжать отъ васъ не побѣжимъ.
Такъ королю и передай.

Монжуа.

Все будетъ
Доложено ему. Благодарю
Васъ, государь, за щедрый даръ!
(*Уходитъ*).

Глостеръ.

Надѣюсь,
Не вздумаютъ какъ разъ теперь французы
Напасть на насъ!

Король Генрихъ.

Не въ ихъ рукахъ мы,—въ Божьихъ,
Мой братъ. — Такъ ѣдемъ къ мосту. Ночь близка.
Нашъ лагерь разобьемъ мы за рѣкою.
А завтра двинемся въ походъ съ зарею!
(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Лагерь французовъ подъ Азинкуромъ.

Входятъ коннэтабль, Рамбюръ, *герцогъ* Орлеанскій, дофинъ *и проч*.

Коннэтабль. Э, что тамъ! У меня лучшіе доспѣхи въ мірѣ.—Ахъ, скорѣе бы день насталъ!

Герцогъ Орлеанскій. У васъ превосходные доспѣхи, но отдайте же должное и моему коню!

Коннэтабль. Это лучшій конь въ Европѣ.

Герцогъ Орлеанскій. Что-жъ это, утро никогда не наступитъ?

Дофинъ. Герцогъ Орлеанскій, великій коннэтабль, — у васъ идетъ разговоръ о доспѣхахъ и о коняхъ?

Герцогъ Орлеанскій. Васъ-то не перещеголяетъ ни конемъ, ни доспѣхами никакой принцъ.

Дофинъ. Однако, этой ночи конца не будетъ!—Да, я бы не промѣнялъ своего коня ни на какое животное о четырехъ копытахъ. *Ha, ha!* Онъ прыгаетъ, словно мячъ, набитый волосомъ! *Le cheval volant*, Пегасъ, *qui a les narines de feu!* Сидя на немъ, паришь, какъ соколъ; онъ несется по воздуху, земля звенитъ, когда онъ задѣнетъ ее копытомъ. Самая ничтожная часть его копытъ поспоритъ гармоніей съ цѣвницей Гермеса.

Герцогъ Орлеанскій. А мастью—чистый мускатный орѣхъ.

Дофинъ. И горячъ, какъ имбирь. Настоящій конь Персея. Воздухъ и огонь! Тяжелыхъ элементовъ—земли и воды—въ немъ и не замѣтишь, развѣ, когда онъ терпѣливо стоитъ, какъ вкопанный, готовясь принять въ сѣдло всадника. Да, это лошадь, а всѣ остальныя просто клячи.

Коннэтабль. Дѣйствительно, принцъ, лошадь у васъ превосходная, безъ малѣйшаго порока.

Дофинъ. Это царь всѣхъ скакуновъ. Въ его ржаніи—что-то королевски-повелительное, а весь его обликъ невольно требуетъ поклоненія.

Герцогъ Орлеанскій. Ну, будетъ, кузенъ.

Дофинъ. Нѣтъ, кто не сможетъ воспѣвать моего коня съ пробужденья жаворонковъ до отхода на покой ягнятъ, тотъ ничего не смыслитъ! Эта тема неисчерпаема, какъ море. Стань каждая песчинка краснорѣчивымъ языкомъ — всѣмъ имъ хватило

бы разговоровъ о моемъ конѣ. Это достойный предметъ для разговора владыки и верховой конь для владыки владыкъ. Онъ стоитъ того, чтобы весь міръ, вѣдомый и невѣдомый, бросилъ всѣ дѣла и только о немъ и говорилъ, ему и дивовался. Я посвятилъ ему сонетъ, который начинается такъ: „О, ты, природы дивное созданье!“

Герцогъ Орлеанскій. Я слышалъ чей-то сонетъ „Къ возлюбленной“, который начинается такъ.

Дофинъ. Такъ это подражаніе моему, который я посвятилъ своему скакуну. Мнѣ лошадь замѣняетъ возлюбленную.

Герцогъ Орлеанскій. Ваша возлюбленная великолѣпна подъ сѣдломъ.

Дофинъ. Да, только не признаетъ иныхъ всадниковъ, кромѣ меня. А въ этомъ какъ разъ все и совершенство доброй и вѣрной возлюбленной.

Коннэтавль. Однако, *ma foi*, вчера ваша возлюбленная порядкомъ таки потрясла вамъ бока.

Дофинъ. Пожалуй, и ваша вамъ.

Коннэтавль. Я свою не взнуздываю.

Дофинъ. Ну да, она, пожалуй, стара и лѣнива, а вы ѣздите на ней по шотландски, безъ панталонъ.

Коннэтавль. Вы таки знатокъ верховой ѣзды.

Дофинъ. И потому позвольте васъ предостеречь: кто ѣздитъ по вашему и недостаточно осторожно, тотъ можетъ сѣсть прямо въ лужу. Нѣтъ, пусть лучше у меня лошадь будетъ возлюбленной!

Коннэтавль. А у меня пусть бы возлюбленная была лошадью!

Дофинъ. У моей возлюбленной, по крайней мѣрѣ, нѣтъ фальшивыхъ волосъ.

Коннэтавль. Что-жъ, и я могъ бы похвастаться этимъ, будь у меня возлюбленной свинья.

Дофинъ. *Le chien est rétournée à son propre vomissement et la truie lavée au bourbier*; вы ничѣмъ не брезгаете.

Коннэтавль. Я, однако, не пользуюсь лошадью вмѣсто возлюбленной и пословицами, не идущими къ дѣлу.

Рамбюръ. А скажите, достойный коннэтабль, звѣзды или солнце на вашихъ доспѣхахъ, которыя я видѣлъ у васъ въ палаткѣ вечеромъ?

Коннэтавль. Звѣзды.

Дофинъ. Надѣюсь, утромъ многія изъ нихъ померкнутъ.

Коннэтавль. На моемъ небѣ въ звѣздахъ никогда не будетъ недостатка.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ V у воротъ Гарфлёра.
Картина извѣстнаго англ. живописца Вестоля (R. Westall, R. A., 1765—1836).
(Малая Бойделевская Галлерея).

Дофинъ. Можетъ статься; у васъ ихъ много лишнихъ, и вамъ-же больше чести будетъ, если ихъ поубавится.

Коннэтавль. Вотъ, то же можно сказать и о вашихъ похвалахъ своей лошади; у нея прибавится рыси, если вы посбросите ихъ съ сѣдла.

Дофинъ. А я желалъ бы навьючить на нее всѣ, какихъ она только заслуживаетъ... Да, настанетъ-ли когда-нибудь утро!... Я проскачу завтра цѣлую милю, и путь мой будетъ усыпанъ головами англичанъ, носами кверху!

Коннэтавль. Я-бы побоялся, какъ бы не остаться на этомъ пути съ носомъ. Но скорѣй-бы утро! Я просто горю отъ нетерпѣнія схватить англичанъ за шиворотъ!

Рамбюръ. Кто хочетъ бросить кости? Ставка два десятка плѣнныхъ англичанъ!

Коннэтавль. Сперва надо рискнуть своими костями, чтобы добыть этихъ плѣнныхъ.

Дофинъ. Полночь. Пойду надѣть доспѣхи. *(Уходитъ)*.

Герцогъ Орлеанскій. Дофинъ ждетъ— не дождется утра.

Рамбюръ. Онъ точитъ зубы на англичанъ.

Коннэтабль Пожалуй, онъ и сожретъ всѣхъ, кого убьетъ.

Герцогъ Орлеанскій. Клянусь бѣлоснѣжной ручкой моей дамы, онъ храбрый принцъ!

Коннэтабль. Клянитесь лучше ея ножкой, чтобы она могла стереть ею слѣды вашей клятвы.

Герцогъ Орлеанскій. Поистинѣ, онъ самый дѣятельный человѣкъ во Франціи.

Коннэтабль. Да, да, вѣчно затѣваетъ что нибудь.

Герцогъ Орлеанскій. И никому никогда не сдѣлалъ зла, насколько я знаю.

Коннэтабль. Не сдѣлаетъ и завтра; эту добрую славу онъ сохранитъ за собой навсегда.

Герцогъ Орлеанскій. Я знаю, что онъ храбръ.

Коннэтабль. Это мнѣ уже говорилъ одинъ человѣкъ, знающій его получше васъ.

Герцогъ Орлеанскій. Кто-же это?

Коннэтабль. Чортъ возьми, онъ самъ, и еще прибавилъ, что не заботится о томъ, знаютъ объ этомъ или нѣтъ.

Герцогъ Орлеанскій. Ему и нѣтъ нужды заботиться. Храбрость не изъ скрытыхъ его добродѣтелей.

Коннэтабль. Ma foi! Однако, ея еще никто не видалъ, за исключеніемъ его лакея; храбрость его, какъ соколъ въ колпачкѣ: стоитъ снять колпачокъ—сокола и слѣдъ простылъ.

Герцогъ Орлеанскій. „Отъ недруга не жди добраго слова"!

Коннэтабль. На эту поговорку найдется другая: „Дружба льстива".

Герцогъ Орлеанскій. А эту я отпарирую: „Отдай должное и чорту"!

Коннэтабль. Хорошо сказано; вашъ другъ сошелъ за чорта. Но и эту пословицу я побью: „Всякому свое, а чорту ничего".

Герцогъ Орлеанскій. Вамъ везетъ на пословицы по пословицѣ: „Дуракамъ счастье".

Коннэтабль. Ну, тутъ вы дали маху.

Герцогъ Орлеанскій. И вамъ не привыкать стать къ промахамъ.

(*Входитъ* гонецъ).

Гонецъ. Великій коннэтабль! Англичане всего въ полутора тысячахъ шагахъ отъ вашего лагеря.

Коннэтабль. Кто мѣрилъ разстоянье?

Гонецъ. Баронъ Гранпрэ.

Коннэтабль. Это храбрый и опытный дворянинъ.—Скорѣй бы день!... А, бѣдняга Генрихъ! Онъ-то не жаждетъ утра, какъ мы!

Герцогъ Орлеанскій. И что онъ за жалкій глупецъ! Куда онъ забрелъ со своими тупоголовыми молодчиками!

Коннэтабль. Будь у англичанъ хоть крупица здраваго смысла, они бы давно обратились вспять.

Герцогъ Орлеанскій. Вотъ этого-то имъ и не хватаетъ; будь у нихъ хоть что нибудь въ головѣ, не стали бы они носить такую тяжесть *на* головѣ, какъ ихъ шлемы.

Рамбюръ. Но и Англія даритъ міру храбрецовъ. Англійскіе бульдоги необычайно воинственны!

Герцогъ Орлеанскій. Глупые псы! Кидаются, закрывъ глаза, въ пасть русскому медвѣдю, чтобы онъ сплюснулъ имъ башки, какъ гнилыя яблоки. Эдакъ вы скажете, что и блоха храбра: завтракаетъ на губѣ льва!

Коннэтабль. Вотъ, вотъ! И англичане похожи на бульдоговъ, кидаются на врага съ такимъ-же остервенѣніемъ, оставивъ разумъ дома вмѣстѣ съ женами; дай-ка имъ добрый кусокъ говядины на обѣдъ, да добрый мечъ въ руки, они будутъ жрать, какъ волки, и драться, какъ черти.

Герцогъ Орлеанскій. Ну, эти-то англичане врядъ-ли откормлены говядиной.

Коннэтабль. Такъ завтра и окажется, что они хотятъ ѣсть, а не драться.—Теперь пора надѣть доспѣхи. Пойдемте; надо быть готовыми.

Герцогъ Орлеанскій.

Бьетъ два часа; до десяти—пари—
Мы трое въ плѣнъ захватимъ сотни три!

(*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Хоръ (*входитъ*).

Прошу я васъ теперь себѣ представить
Тотъ часъ, когда въ чертогѣ необъятномъ
Вселенной мракъ царитъ и тихій шопотъ;
Изъ стана въ станъ, подъ темнымъ кровомъ ночи,
Доносится жужжанье голосовъ,
И на постахъ почти расслышать можно,
Какъ шепчутся чужіе часовые;
Огонь сторожевой огню мигаетъ,
И очертанія обоихъ становъ
При свѣтѣ тускломъ блѣдныхъ тѣхъ огней
Рисуются другъ другу мрачной тѣнью.
Коню шлетъ вызовъ конь надменнымъ ржаньемъ,
Пронзающимъ слухъ ночи полусонный;
Стукъ молотовъ кузнечныхъ раздается
Въ палаткахъ лагерныхъ; то мастера
Налаживаютъ рыцарямъ доспѣхи,
И торопливая ихъ стукотня—
Зловѣщій знакъ приготовленій грозныхъ.
Запѣлъ пѣтухъ и заспанному утру
Часы на башнѣ три часа пробили.
Безпечные французы, уповая
На численность свою, играютъ въ кости
На плѣнниковъ—презрѣнныхъ англичанъ,
И ночь бранятъ за тихій ходъ калѣкой,
Чуть ковыляющею старой вѣдьмой.
А ими обреченные на гибель
Бѣдняги-англичане вкругъ огней
Сидятъ, какъ жертвы, смирно, терпѣливо,
Тяжелой думою удручены
О бѣдахъ, что несетъ съ собой имъ утро.
Такъ блѣдны лица ихъ, такъ впали щеки,
Изношены одежды, что при свѣтѣ
Воззрившейся на нихъ луны походятъ
Они на страшныхъ выходцевъ могилъ.
Но кто-бы ни узрѣлъ, какъ вождь державный
Свои войска злосчастныя обходитъ,
Воскликнулъ бы: „Хвала ему и честь!"
Съ поста на постъ, къ палаткѣ отъ палатки
Переходя, онъ всѣмъ съ улыбкой ясной
Желаетъ добраго утра, зоветъ
Всѣхъ братьями, друзьями, земляками.
Державный ликъ его не выдаетъ,
Что рать несмѣтная ихъ окружаетъ,
И ночь безсонная не унесла
Съ ланитъ его ни капельки румянца.
Онъ бодръ и свѣжъ; усталости не знаютъ
Осанка царственная, свѣтлый взглядъ...
И каждый, какъ бы ни былъ онъ измученъ,
Боязни полонъ, оживаетъ вновь
При видѣ Генриха, чей взглядъ, какъ солнце,
Во всѣ сердца вливаетъ свѣтъ и радость
И гонитъ страхъ. —Смотрите-же, смотрите
Отъ мала до велика всѣ на этотъ
Набросанный рукою недостойной
И блѣдный образъ Генриха, какимъ
Онъ былъ въ ту ночь. Мы сцену переносимъ
Подъ Азинкуръ на поле славной битвы.
Увы! Насмѣшкой лишь надъ нею будетъ
То жалкое ея изображенье,
Что въ силахъ дать мы вамъ на нашей сценѣ:
Пять-шесть бойцовъ, махающихъ безъ толку
Негодными и ржавыми мечами!...
Но истину вы возсоздайте сами.

(*Уходитъ*).

АНГЛІЙСКІЙ ЛАГЕРЬ НОЧЬЮ ПЕРЕДЪ БИТВОЙ ПРИ АЗИНКУРѢ.
Рисунокъ извѣстнаго англійскаго иллюстратора Силуза (H. Selous, 1812–1890).

ЯВЛЕНІЕ I.

Лагерь англичанъ подъ Азинкуромъ.

Входитъ король Генрихъ *и* Глостеръ; *затѣмъ* Бедфордъ.

Король Генрихъ.

Да, правда, велика опасность, Глостеръ;
Но тѣмъ сильнѣй должна быть наша храбрость....
Привѣтъ тебѣ, братъ Бедфордъ!... И клянусь!
Нѣтъ худа безъ добра, когда всмотрѣться
Въ него, какъ слѣдуетъ. Насъ разбудилъ
Раненько врагъ, но это, вѣдь, здорово
И прибыльно, какъ говорятъ. Вдобавокъ
Онъ какъ бы совѣстью второй намъ служитъ:
Напоминаетъ намъ о смертномъ часѣ,
Къ которому должны мы быть готовы.
Итакъ, и съ плевелъ можно медъ собрать,
Отъ дьявола и то добру учиться!

(*Входитъ* Эрпингэмъ).

Мой старый Эрпингэмъ! Получше-бъ надо
Для головы твоей сѣдой подушку,
Чѣмъ жесткій дернъ французскій!

Эрпингэмъ.

Государь,
Я ложа лучшаго и не желаю;
Могу сказать: лежалъ я, какъ король!

Король Генрихъ.

Да, благо, коль примѣръ насъ примиряетъ
Съ невзгодами, и на душѣ у насъ
Становится свѣтлѣй. А стоитъ духомъ
Воспрянуть намъ—и жизненныя силы,
Въ насъ мертвымъ сномъ объятыя, проснутся
И, сбросивъ гнетъ могильный, вновь воспрянутъ.—
Мой Эрпингэмъ, не дашь-ли мнѣ свой плащъ?—
Снесите, братья, мой привѣтъ всѣмъ лордамъ
И пригласите ихъ въ мою палатку.

Глостеръ.

Исполнимъ, государь!

(*Уходитъ съ* Бедфордомъ).

Эрпингэмъ.

Пойти мнѣ съ вами,
Мой государь?

Король Генрихъ.

Нѣтъ, добрый рыцарь мой!
Ступай и ты за ними къ нашимъ лордамъ,
Совѣтъ съ самимъ собой держать хочу,
И общества другого мнѣ не надо.

Эрпингэмъ.

Да осѣнитъ тебя Господня милость!
(*Уходитъ*).

Король Генрихъ.

Спасибо, другъ, на добромъ пожеланьѣ!

(*Входитъ* Пистоль).

Пистоль.

Эй! Qui va là?

Король Генрихъ. Свой.

Пистоль.

Кто ты таковъ, отвѣтствуй! Офицеръ
Иль рядовой простой?

Король Генрихъ. Я дворянинъ, предводитель отряда.

Пистоль.

Такъ ты влачишь тяжелое копье?

Король Генрихъ. Именно. А вы кто?

Пистоль.

Такой же дворянинъ, какъ императоръ!

Король Генрихъ. Такъ вы знатнѣе короля.

Пистоль.

Король нашъ славный малый, парень съ сердцемъ;
Кипитъ въ немъ жизнь; достойный отпрыскъ предковъ;
И кулачище у него здоровый!
Готовъ ему лобзать башмакъ я грязный!
Люблю всѣмъ сердцемъ милаго повѣсу!
Какъ звать тебя?

Король Генрихъ. Я Генрихъ le roi.

Пистоль.

А, Леруа! Изъ корнваллійцевъ, вѣрно?

Король Генрихъ. Нѣтъ, я валліецъ.

Пистоль.

А Флюелленъ тебѣ знакомъ?

Король Генрихъ. Знакомъ.

Пистоль.

Скажи-жъ ему: отпотчую его
Въ Давидовъ день ножемъ я по башкѣ!

Король Генрихъ. Ну, смотрите, не воткните въ этотъ день кинжала въ свою шляпу: какъ бы онъ не поподчивалъ васъ кинжаломъ по головѣ!

Пистоль.

Ты другъ ему?

Король Генрихъ. И вдобавокъ родственникъ.

Пистоль.

Такъ, на-жъ тебѣ вотъ фигу! Получай!

Король Генрихъ. Благодарю. Спаси васъ Богъ!

Пистоль.

Пистолемъ я зовусь.

(*Уходитъ*).

Король Генрихъ.

По шерсти, знать, дана тебѣ и кличка.

(*Входятъ съ противоположныхъ сторонъ* Гоуэръ *и* Флюелленъ).

Гоуэръ. Капитанъ Флюелленъ!

Флюелленъ. Ну, Господи Іисусе! Говорите-ше потише! Достойно величайшему удивленію, когда пренепрегаютъ замыми истинными старыми военными саконами и правилами! Ешели-пы вы только прали на сепя трудъ поснакомиться съ войнами великаго Помпея, вы-пы нашли, савѣряю васъ, что въ его лагерѣ никогда не пыло полтовни и тары-пары. Я савѣряю васъ, вы найдете тамъ и военныя формальности, и правила, и осторошность, и тресвость, и скромность—завсѣмъ другого рода.

Гоуеръ. Да, вѣдь, непріятель-то горланитъ себѣ; мы всю ночь напролетъ слышали, какъ онъ шумѣлъ.

Флюелленъ. Ешели непріятель озелъ и глюпецъ и полтунъ, такъ, по вашему, и намъ надо пыть такимъ-ше озломъ и глюпцомъ и полтуномъ? Отвѣчайте на зовѣсть.

Гоуеръ. Я буду потише.

Флюелленъ. Да, я-пы прозилъ васъ и рекомендовалъ.

(*Уходятъ*).

Король Генрихъ.

Вотъ человѣкъ вполнѣ достойный, дѣльный,
Хоть отъ него и вѣетъ стариной.

(*Входятъ* Бэтсъ, Куртъ *и* Уильямсъ).

Куртъ. А что, братъ Бэтсъ, не заря-ли тамъ занимается?

Бэтсъ. Кажется; но намъ-то нечего особенно скучать по утру.

Уильямсъ. Да; утреннюю-то зарю мы видимъ, а вотъ вечерней, пожалуй, ужъ и не дождемся.—Кто идетъ?

Король Генрихъ. Свой.

Уильямсъ. Изъ какого отряда?

Король Генрихъ. Изъ отряда сэра Томаса Эрпингэма.

Уильямсъ. Старый опытный предводитель и добрый начальникъ. Скажите, что онъ думаетъ насчетъ нашего положенія? Опасно оно?

Король Генрихъ. Какъ положеніе людей, которые сѣли на мель и ждутъ, что вотъ-вотъ ихъ снесетъ приливомъ.

Бэтсъ. А онъ говорилъ это королю?

Король Генрихъ. Нѣтъ; да и не слѣдовало.—Я полагаю, что могу говорить съ вами на чистоту.—По моему, король такой-же человѣкъ, какъ я. Фіалка и для него пахнетъ, какъ для меня, стихіи природы имѣютъ и надъ нимъ такую-же власть, какъ надо мной; всѣ его чувства подчиняются общимъ для всѣхъ людей законамъ; сбрось онъ съ себя свои королевскіе уборы—и явится въ наготѣ своей такимъ-же, какъ и всѣ люди. Чувства его, хоть и бываютъ выше нашихъ по полету, но, когда спускаются на землю, не отличаются отъ нашихъ. Поэтому, и онъ можетъ испугаться, какъ мы, если есть причины для страха; но самое благоразумное оберегать его отъ всего, что можетъ вызвать въ немъ страхъ: вѣдь, если онъ выкажетъ боязнь, все войско прямо потеряетъ голову.

Бэтсъ. Ну, пусть онъ тамъ напускаетъ на себя храбрости сколько угодно, а я все-таки думаю, что, какъ ни холодна эта ночь, онъ предпочелъ бы сидѣть теперь по горло въ Темзѣ,—да и я съ нимъ,—только бы подальше отсюда!

Король Генрихъ. А я, право, увѣренъ, что онъ наврядъ-ли желаетъ очутиться гдѣ-нибудь въ иномъ мѣстѣ.

Бэтсъ. Такъ и пусть бы себѣ оставался тутъ одинъ! Его все равно, навѣрно, выкупили бы, и сколько бѣдняковъ осталось бы въ живыхъ!

Король Генрихъ. Право, я не вѣрю, чтобы вы такъ не любили его и впрямь желали оставить его тутъ одного; вы только такъ говорите, чтобы испытать другихъ. Что до меня, я нигдѣ такъ охотно не сложилъ бы голову, какъ возлѣ короля, защищая его правое дѣло.

Уильямсъ. Ну, правое или нѣтъ, не намъ знать.

[illegible]

Уильямсъ. [illegible] король [illegible] страшный отвѣтъ [illegible], когда всѣ эти отрубленныя ноги и руки и головы соберутся вокругъ него и закричатъ: „Мы погибли тамъ-то и тамъ-то!“ И одни будутъ проклинать судьбу, другіе призывать врача, третьи своихъ женъ, [illegible] оставленныхъ въ нищетѣ, четвертые горевать о неоплаченныхъ долгахъ, пятые оплакивать своихъ осиротѣлыхъ дѣтей. Боюсь, что немногіе умираютъ на войнѣ, какъ подобаетъ христіанамъ. Откуда тамъ взяться добрымъ, благочестивымъ настроеніямъ, когда только и думы что о крови? Ну, а если всѣ эти люди умираютъ не какъ подобаетъ, плохо придется королю, онъ всему виною! Онъ, повелѣвшій [illegible] противно всѣмъ законамъ и долгу вѣрности.

Король Генрихъ. Итакъ, если сынъ, посланный отцомъ на кораблѣ по торговымъ дѣламъ, потонетъ во время бури, не успѣвъ покаяться въ грѣхахъ, то вина за его грѣхи падетъ на отца, пославшаго его? Или, если на слугу, посланнаго господиномъ [illegible], нападутъ разбойники, и онъ будетъ убитъ, не успѣвъ покаяться и примириться съ Богомъ, вы будете считать порученіе господина причиной вѣчной гибели слуги? Но это не такъ. Король не отвѣчаетъ за смерть каждаго отдѣльнаго изъ своихъ слугъ, какъ и отецъ за смерть сына, какъ и господинъ за смерть слуги, потому что ни другой, ни третій не хотѣли смерти тѣхъ, отъ кого требовали только той или иной службы. Кромѣ того, ни одинъ король, какъ бы ни было право его дѣло, не можетъ, если приходится защищать его [illegible]

[illegible]

преступленія противъ законовъ короля: тамъ, гдѣ они спасались смерти, они спасли свою жизнь, а тутъ, гдѣ думаютъ найти безопасность, погибнутъ; и если они умрутъ при этомъ не приготовленные къ смерти, не короля винить въ ихъ вѣчной гибели, какъ не его винить и въ ихъ грѣхахъ, за которые ихъ постигнетъ такая смерть. Жизнь каждаго подданнаго принадлежитъ королю, но душа каждаго принадлежитъ ему самому. Поэтому воину на войнѣ, какъ больному на одрѣ, подобаетъ очистить свою совѣсть отъ малѣйшихъ крупицъ зла; тогда умретъ онъ, благо, и не умретъ—благо. Время, потраченное имъ на такое подготовленіе къ смерти, не будетъ потрачено даромъ. И кто уцѣлѣетъ, тому не грѣхъ будетъ истолковать это такъ, что Господь наградилъ его за усердіе, даровавъ ему пережить этотъ день, дабы онъ могъ узрѣть Его величіе и научить другихъ, какъ слѣдуетъ готовиться къ смерти.

Уильямсъ. Это вѣрно; кто умретъ во грѣхахъ, тотъ самъ и понесетъ отвѣтъ за это, а король ни при чемъ.

Бэтсъ. Я и не хочу, чтобы онъ отвѣчалъ за меня, а всетаки буду драться за него по мѣрѣ силъ.

Король Генрихъ. Я самъ слышалъ, какъ король говорилъ, что и слышать не хочетъ о выкупѣ.

Уильямсъ. Да, онъ сказалъ это, чтобы мы смѣлѣе дрались; но, когда мы свернемъ себѣ шеи, онъ преспокойно можетъ дать себя выкупить; только намъ-то отъ этого не будетъ легче.

Король Генрихъ. Доведись мнѣ дожить до этого, я перестану вѣрить его королевскому слову.

Уильямсъ. Испугалъ тоже! Королю ни тепло, ни холодно отъ неудовольствія какого-то смерда. Это все одно, что пытаться заморозить солнце, махая на него павлиньимъ перышкомъ. Онъ перестанетъ вѣрить королевскому слову! [illegible]

[illegible]

нибудь осмѣлишься признать его, я буду драться съ тобой.

Уильямсъ. Вотъ моя перчатка; дай мнѣ взамѣнъ свою.

Король Генрихъ. Вотъ.

Уильямсъ. И я буду носить твою на шапкѣ; и если ты когда нибудь подойдешь ко мнѣ и скажешь: это моя перчатка,— вотъ моя рука, я закачу тебѣ оплеуху!

Король Генрихъ. Если только доживу и увижу ее на тебѣ, я потребую ее обратно.

Уильямсъ. Не посмѣешь; скорѣе дашь себя повѣсить.

Король Генрихъ. Хорошо! Я сдѣлаю это, хоть бы встрѣтилъ тебя рядомъ съ королемъ.

Уильямсъ. Сдержи же слово! Прощай!

Бэтсъ. Не ссорьтесь, англійскіе дураки, не ссорьтесь! Довольно намъ драки и съ французами. Управьтесь сначала съ ними!

Король Генрихъ. Да, не мудрено, если французы готовы прозакладывать двадцать французскихъ коронъ *) противъ одной, что завтра побьютъ насъ, разъ могутъ выставить двадцать французскихъ головъ противъ одной англійской. Но англичанину не грѣхъ сорвать французскія короны, и завтра самъ король возьмется за дѣло.

(Куртъ, Бэтсъ *и* Уильямсъ *уходятъ*).

На короля! Все, все на короля!
За жизнь, за душу, за долги, проступки,
За женъ и за дѣтей осиротѣлыхъ—
За все, про все одинъ король отвѣтчикъ!
Вотъ доля тяжкая! Близнецъ величья—
Предметъ злословія глупца любого,
Что лишь своей бѣдой болѣть способенъ.
Отъ сколькихъ радостей отречься долженъ
Король, вкушаемыхъ ничтожнымъ смертнымъ?
И много-ль радостей есть у него,—
Коль исключить величіе,—которыхъ
Любой ничтожный смертный не имѣлъ бы?
Но что-жъ такое ты, величья идолъ?
Что ты за божество, когда сильнѣе
Своихъ поклонниковъ страдать должно
Заботами земными? Въ чемъ-же сила,
Въ чемъ преимущества твои? Въ чемъ смыслъ
И сущность твоего обожествленья?
Что ты такое, какъ не титулъ, степень,
Названіе? Въ другихъ вселяя трепетъ,
Само ты знаешь счастья меньше тѣхъ,
Которые тебя трепещутъ. Часто-ль
Къ устамъ твоимъ подносятъ поклоненья
Напитокъ чистый, безъ отравы лести?
Излѣчитъ-ли тебя, коль заболѣешь
Ты, грозное величіе, твой санъ?
Горячка пышнымъ титуламъ уступитъ,
Которыми тебя ласкаетъ лесть?
Поклоны низкіе прогонятъ недугъ?
Колѣни бѣдняковъ сгибать ты властно,
Но не владѣешь ты здоровьемъ ихъ.
Нѣтъ, сонъ спесивый! Ты хитро играешь
Покоемъ королей! Тебя постигъ я!
Недаромъ я король! Я знаю, что
Ни мечъ, ни жезлъ, ни скипетръ, ни держава,
Ни мvро, ни вѣнецъ, ни жемчугами
И золотомъ расшитая порфира,
Ни тронъ, ни пышный королевскій титулъ,
Ни роскошь, что, какъ море въ часъ прилива,
О берегъ жизни бьетъ волной могучей,
Ни весь величья царственнаго блескъ—
Не водворятъ на королевскомъ ложѣ
Тотъ крѣпкій сонъ, какимъ спитъ жалкій рабъ,
Идущій спать съ пустой душой и съ полнымъ
Набитымъ животомъ, по горло сытый
Нужды горчайшимъ хлѣбомъ; никогда
Не видитъ онъ лица ужасной ночи,
Исчадья адскаго; онъ спутникъ Феба,
Отъ утренней зари и до вечерней
Въ трудѣ, а ночь зато спитъ сномъ блаженныхъ,
И вновь встаетъ съ зарею, помогая
Коней закладывать Гиперіону;
И такъ безъ отдыха весь круглый годъ,
И годъ за годомъ трудится до гроба.
Да, если бы не блескъ величья, всякій,
Кто трудится весь день и спитъ всю ночь,
Счастливѣй короля считаться могъ-бы.
Безпечно рабъ вкушаетъ блага мира;
Не знаетъ сонный мозгъ его, какихъ
Трудовъ, заботъ, ночей безсонныхъ стоитъ
Намъ, королямъ, поддерживать тотъ миръ,
Отъ благъ котораго вкушаютъ больше,
Чѣмъ кто другой, простые мужики.

(*Входитъ* Эрпингэмъ).

Эрпингэмъ.

Мой государь, нужны вы вашимъ лордамъ;
Они повсюду ищутъ васъ.

Король Генрихъ.

Ступай-же,
Мой старый, славный рыцарь, и вели

*) Игра словъ. Слово crown въ оригиналѣ означаетъ и корону и монету—крону.

Собраться всѣмъ передъ моею ставкой;
Я буду тамъ скорѣй тебя.

Эрпингэмъ.

Исполню,
Мой государь!

(*Уходитъ*).

Король Генрихъ.

Богъ брани, закали
Грудь воиновъ моихъ! Не дай закрасться
Въ нихъ трепету! Умѣнія считать
Лиши ихъ, коль число враговъ способно
Вселить въ нихъ страхъ! О, Боже, не попомни
Мнѣ преступленія отца!... Нѣтъ, нѣтъ,
Лишь не сегодня, Господи... Онъ добылъ
Вѣнецъ грѣхомъ, но предалъ погребенью
Прахъ Ричарда я вновь и больше пролилъ
Слезъ покаянія надъ нимъ, чѣмъ крови
При томъ убійствѣ было пролито.
Пять сотенъ бѣдняковъ я призрѣваю,
Что дважды въ день возносятъ къ небу руки
Изсохшія, съ мольбой объ отпущеньѣ
Творцомъ кроваваго грѣха; воздвигъ
Я двѣ часовни, гдѣ отцы святые
За душу Ричарда обѣдни правятъ;
И больше сдѣлаю еще—хотя
Все ни къ чему, что самъ я властенъ сдѣлать,
И подъ конецъ останется одно—
Раскаянье и мольбы о прощеньѣ!

(*Входитъ* Глостеръ).

Глостеръ.

Мой государь...

Король Генрихъ.

То голосъ брата.—Знаю,
За мною ты. Иду. Ступай впередъ.—
Да, день, друзья, все, все меня тамъ ждетъ.

(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Лагерь французовъ.

Входитъ дофинъ *съ* Рамбюромъ, герцогомъ Орлеанскимъ, *и прочими, затѣмъ* коннэтабль).

Герцогъ Орлеанскій.

Какъ солнце золотитъ доспѣхи наши!
Пора! друзья!

Дофинъ.

Montez à cheval! Коня!
Valet! Laquais!

Герцогъ Орлеанскій.

Кипитъ отвага!

Дофинъ.

Via!
Les eaux! La terre!

Герцогъ Орлеанскій.

Rien plus? Et l'air, le feu...

Дофинъ.

Le ciel, кузенъ!

(*Входитъ* коннэтабль).

А вотъ самъ коннэтабль!

Коннэтабль.

Чу! Наши кони ржутъ отъ нетерпѣнья!

Дофинъ.

Скорѣй-же на коней! Вонзите шпоры,
Чтобъ англичанамъ брызнула въ глаза
Струей горячей кровь, ихъ ослѣпляя
Безумной храбростью!

Рамбюръ.

Заставить плакать
Ихъ кровью нашихъ лошадей? Тогда
Мы собственныхъ ихъ слезъ, вѣдь, не увидимъ!

(*Входитъ* гонецъ).

Гонецъ.

Враги построились въ ряды, сеньёры!

Коннэтабль.

Живѣе на коней! Спѣшите, принцы!—
Но поглядите-ка на эту шайку
Оборвышей несчастныхъ! Духъ послѣдній
Изъ ихъ груди исторгнетъ вашъ блестящій
Побѣдоносный видъ, оставивъ намъ
Взамѣнъ людей одну труху! И дѣла
Для нашихъ рукъ не много тутъ найдется;
Въ изсохшихъ жилахъ ихъ не хватитъ крови,
Чтобъ хоть забрызгать свѣтлые клинки,
Которые отважные французы
Сегодня обнажатъ, чтобъ тотчасъ спрятать
За скудостью добычи. Стоитъ намъ
Подуть на нихъ, и духъ отваги нашей
Уложитъ на смерть ихъ! Да, спору нѣтъ,
Одни бездѣльники лакеи наши,
Да мужики, что суетятся зря
Вкругъ нашихъ войскъ, съ такою жалкой горстью
Расправиться съумѣли-бы, а мы
Могли-бъ стоять себѣ здѣсь на пригоркѣ,

Не шевельнувъ и пальцемъ, еслибъ это
Намъ позволяла честь. Ну, что еще
Сказать? Одно ничтожное усилье—
И дѣло кончимъ мы. Пусть трубачи
Трубятъ тревогу! Чуть мы шевельнемся,
Всѣхъ англичанъ такой охватитъ страхъ,
Что, бросивъ мечъ, падутъ предъ нами, въ
прахъ!

(*Входитъ* Гранпрэ).

Гранпрэ.

Ну, пэры Франціи, чего-жъ вы ждете?
Какъ видно, эта падаль островитянъ
Дрожитъ за шкуру. Что за видъ позорный
У нихъ при свѣтѣ утренней зари!
Презрительно французскій вѣтеръ треплетъ
Лоскутья ихъ знаменъ. Надменный Марсъ,—
Какъ поглядѣть на это войско нищихъ,—
Покажется банкротомъ жалкимъ, тупо
Глядящимъ за рѣшетками забралъ.
Ихъ всадники сидятъ, какъ неживые,
Какъ рыцари-подсвѣчники, что держатъ
Взамѣнъ копья свѣчу, а клячи ихъ
Стоятъ, понуривъ головы, и кожа
Повисла складками на ихъ бокахъ,
Слезится тусклый взглядъ, губа отвисла,
А удила, запачканныя жвачкой,
Чуть держатся во рту; нетерпѣливо,
Какъ палачи, вкругъ нихъ кружатъ вороны
И часа ждутъ. Да нѣтъ, нельзя словами
Вполнѣ живую набросать картину
Безжизненности этихъ войскъ, какую
Они въ дѣйствительности представляютъ.

Коннэтабль.

Должно-быть, молятся, готовясь къ смерти.

Дофинъ.

Чтожъ-жъ, не пошлемъ-ли мы врагу сначала
Обѣдъ, да платья новыя, да корму
Конямъ его голоднымъ, а потомъ
Ужъ вступимъ въ битву съ нимъ?

Коннэтабль.

Я дожидаюсь
Лишь знамени.—А впрочемъ, поспѣшимъ!
Могу себѣ значокъ съ трубы сорвать.
Впередъ! Намъ время некогда терять!

(*Уходятъ*).

КОСТЮМЪ ГЕРЦОГА БУРГУНДСКАГО.

(*Портретъ Герцога Филиппа Добраго, 1396 † 1467; кисти извѣстнаго брабантскаго живописца Рожье Ванъ-деръ Вейденъ, Rogier van der Weyden, 1400 - 1464*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Лагерь англичанъ.

Входятъ Глостеръ, Бедфордъ, Эксетеръ, Салисбери, Вестморлэндъ *и* воины.

Глостеръ.

А гдѣ-жъ король?

Бедфордъ.

Поѣхалъ самъ взглянуть
На непріятеля.

Вестморлэндъ.

Пожалуй, будетъ
Ихъ тысячъ шестьдесятъ.

Эксетеръ.

Да, по пяти
На одного, къ тому-же свѣжихъ, бодрыхъ.

Салисбери.

Да, силы страшныя! Не выдай, Боже!...
Друзья, простите! Богъ да будетъ съ вами!
Меня зоветъ мой постъ. Коль не удастся

Намъ больше свидѣться на этомъ свѣтѣ,
Дастъ Богъ увидимся на небесахъ!
Лордъ Бедфордъ, герцогъ Эксетеръ, лордъ Глостеръ,
И вы, всѣ воины-друзья, простите!

БЕДФОРДЪ.

Прощай! Пошли тебѣ Господь побѣду!

ЭКСЕТЕРЪ.

Прощай, мой добрый графъ! Смѣлѣе будь!
А, впрочемъ, смѣю-ль ободрять тебя?
Ты былъ всегда героемъ изъ героевъ!

(САЛИСБЕРИ *уходитъ*).

БЕДФОРДЪ.

Онъ полонъ доблести и благородства;
Принцъ истинный и тѣломъ и душой.

(*Входитъ* КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ).

ВЕСТМОРЛЭНДЪ.

О, подоспѣй къ намъ хоть десятокъ тысячъ
Изъ тѣхъ, что праздными теперь сидятъ
На родинѣ!

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ.

Кто этого желаетъ?
Кузенъ мой, Вестморлэндъ? Нѣтъ, другъ мой, если
Насъ гибель ждетъ—и съ нами потеряетъ
Довольно родина, а уцѣлѣемъ—
Чѣмъ меньше насъ, тѣмъ больше намъ и славы!
Да будетъ воля Божья! Но не надо
И одного намъ воина еще.
Клянусь Юпитеромъ, я не изъ жадныхъ,
Пусть на мой счетъ живутъ и богатѣютъ,
Пусть одѣваются въ мои одежды;
Душа моя не льнетъ ко внѣшнимъ благамъ;
Но, если грѣхъ быть жаднымъ къ славѣ, къ чести,
Изъ грѣшниковъ я первый грѣшникъ въ свѣтѣ.
Нѣтъ, не желай, кузенъ, и одного
Изъ Англіи солдата намъ въ подмогу!
Я ни за что бы въ мірѣ не хотѣлъ
Лишиться даже той частицы славы,
Что на его могла прійтись-бы долю.
Да, не желай подмоги намъ, кузенъ,
А лучше объяви войскамъ, что всякій,
Кому охоты нѣтъ сражаться, можетъ
Уйти домой; и денегъ на дорогу,
И пропускъ мы дадимъ. Мы не желаемъ
Пасть рядомъ съ тѣмъ, кто труситъ умереть
Бокъ-о-бокъ съ нами, какъ товарищъ вѣрный.—
Сегодня день святого Криспіана,
И кто изъ насъ его переживетъ—
До самой смерти будетъ ежегодно
Справлять канунъ его, твердя друзьямъ:
„Да, завтра день святого Криспіана!“
И рукава засучивать, и шрамы
Свои показывать и повторять:
„Я получилъ ихъ въ Криспіановъ день!“
Слабѣетъ память въ старости; забвенье
Все въ мірѣ ждетъ; но сохранитъ и даже
Украситъ память стариковъ сей день
И подвиги его! Сходить не будутъ
Съ устъ стариковъ и наши имена;
За кубками вспомянутся и Гарри,
И Бедфордъ, Вестморлэндъ и Варвикъ, Глостеръ,
Салисбери, Тальботъ и Эксетеръ.
Изъ рода въ родъ передаваться будетъ
Преданіе о славномъ днѣ; отнынѣ
Во вѣки не умретъ день Криспіана,
А съ нимъ и мы — счастливцевъ горсть, мы—братья.
Кто нынѣ кровь свою со мной прольетъ,
Тотъ станетъ братомъ мнѣ, и какъ бы ни былъ
Происхожденіемъ и званьемъ низокъ,
Его облагородитъ этотъ день.
Дворяне-жъ, что теперь сидятъ за печкой
На родинѣ, судьбу свою проклянутъ
За то, что не было ихъ здѣсь, и будутъ
Стыдливо потуплять глаза, заслышавъ,
Что рѣчь идетъ про Криспіановъ день!

(*Входитъ* САЛИСБЕРИ).

САЛИСБЕРИ.

Спѣшите, государь! Готовьтесь къ бою!
Сомкнулись грозные ряды французовъ;
Сейчасъ обрушатся на насъ!

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ

У насъ
Готово все, коль сердцемъ мы готовы.

ВЕСТМОРЛЭНДЪ.

Умри, чье сердце дрогнетъ въ этотъ часъ!

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ.

Такъ помощи ты больше не желаешь
Изъ Англіи, кузенъ?

ВЕСТМОРЛЭНДЪ.

О, государь!
Пускай бы ты да я, лишь мы съ тобою
Вдвоемъ рѣшили этотъ славный бой!

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ.

Вотъ это такъ! Пять тысячъ человѣкъ
Такимъ желаніемъ у насъ ты отнялъ!
Но это по сердцу куда мнѣ больше,

Чѣмъ пожелай ты намъ еще въ подмогу
Хоть одного!—Пора и по мѣстамъ,
Да сохранитъ васъ Богъ!

(*Звуки трубъ. Входитъ* Монжуа).

Монжуа.

Король англійскій!
Къ тебѣ еще разъ прихожу спросить,
Какой намъ выкупъ за себя предложишь
Во избѣжанье вѣрнаго разгрома?
Воистину, стоишь у края бездны,
Готовой поглотить тебя. И проситъ
Тебя нашъ коннэтабль, изъ состраданья,
Войскамъ своимъ совѣтъ дать—покаяньемъ
Очиститься, чтобъ бѣдныя ихъ души
Могли покинуть съ миромъ это поле,
Гдѣ будутъ гнить тѣла ихъ.

Король Генрихъ.

Кто тебя
На этотъ разъ послалъ, герольдъ?

Монжуа.

Великій
Нашъ коннэтабль.

Король Генрихъ.

Такъ и ему все тотъ же
Отвѣтъ снеси. Пусть побѣдитъ меня,
Тогда и продаетъ мой прахъ! О, Боже!
Какъ презираютъ бѣдныхъ насъ французы!—
Но человѣкъ, что продалъ шкуру льва:
Не застрѣливъ его,—самъ на охотѣ
Погибъ. — Хоть часть изъ насъ найдетъ, навѣрно,
Въ землѣ родной могилы, и надѣюсь,
Гробницы ихъ увѣковѣчатъ память
Объ этомъ славномъ днѣ. Но даже тѣ,
Что головы свои у васъ здѣсь сложатъ
Во Франціи, не будутъ тлѣть безславно,
Хотя-бъ ихъ погребли въ навозныхъ кучахъ.
Пригрѣетъ солнышко и легкимъ паромъ
Ихъ доблести на небо унесетъ,
А бренныя ихъ части гнить оставитъ
И воздухъ вашъ заразой отравлять.
Вотъ преимущество надъ вами нашихъ
Англійскихъ храбрецовъ: грозятъ бѣдою
Они и мертвые, подобно пулямъ,
Что, о-землю ударясь и отпрянувъ,
Полетъ свой смертоносный продолжаютъ.—
Теперь, герольдъ, и я возвышу голосъ.
Скажи пославшему тебя: невзрачны
Мои войска; одежды полиняли,
И позолота посошла съ доспѣховъ
Во время переходовъ подъ дождемъ;
Ни перышка на шлемахъ не осталось,—
И, значитъ, нечего бояться вамъ,

КОРОЛЕВА ФРАНЦУЗСКАЯ ИЗАБЕЛЛА.
(Версальская Историческая Галлерея; Gallerie Historique de Versailles).

Чтобъ улетѣть отъ васъ мы собирались.
Да, обтрепались мы въ походѣ долгомъ
И въ одѣяньяхъ будничныхъ явились
На пиръ кровавый къ вамъ. Зато сіяютъ
Въ уборахъ праздничныхъ сердца у насъ!
И воины мои мнѣ обѣщали,
Что къ вечеру нарядятся и сами,
Хотя-бъ имъ черезъ головы французовъ
Пришлось сдирать съ тѣхъ новенькія платья,
А ихъ самихъ изъ строя гнать! И, если
Съ Господней помощью моимъ солдатамъ
Удастся обѣщаніе исполнить,—
Тогда мой выкупъ скоро будетъ собранъ!
Итакъ, герольдъ, напрасно не трудись,
За выкупомъ къ намъ больше не являйся;
Клянусь, что вамъ не получить иного,
Какъ тѣло бренное мое, и то,—
Коль вамъ достанется оно въ томъ видѣ,
Въ какомъ намѣренъ я его оставить,—
Вамъ отъ него немного будетъ проку.
Такъ коннэтаблю и скажи!

Монжуа.

Скажу.

Прощай, король! Не жди герольдовъ больше!
(*Уходитъ*).

Король Генрихъ.

Боюсь, придешь еще разъ хлопотать
О выкупѣ!

(*Входитъ* герцогъ Іоркскій).

Герцогъ Іоркскій,

Униженно молю я
Васъ на колѣняхъ, государь, позволить
Мнѣ первому ударить на врага!

Король Генрихъ

Согласенъ, храбрый Іоркъ!... Скорѣй-же въ поле,
Мои друзья, и будь Господня воля!
(*Всѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Поле сраженія.

(*Шумъ и лязгъ оружія. Вбѣгаетъ* французскій солдатъ, *ему на встрѣчу* Пистоль и мальчикъ).

Пистоль. Сдавайся, собака!

Французъ. Je pense, que vous êtes gentilhomme de bonne qualité.

Пистоль. Калитэ? Callino, castore me!—
Ты изъ благородныхъ? Какъ твое имя?
Отвѣтствуй!

Французъ. O, Seigneur Dieu!

Пистоль.

Ну, сеньоръ Дьё—такъ, вѣрно, благородный.
Внимай-же, сеньоръ Дьё, моимъ словамъ:
Иль подавай, сеньоръ, хорошій выкупъ,
Иль быть тебѣ, сеньоръ, безъ головы!

Французъ. O, prenez miséricorde! Ayez pitié de moi, mon noble chévalier!

Пистоль.

Лишь нобль? Э, нѣтъ! Подай мнѣ сорокъ ноблей,
Не то кишки тебѣ изъ глотки вырву
Кровавою рукой!

Французъ. Mais dis, est-il impossible d'échapper la force de ton bras?

Пистоль.

Мѣди? Ты мѣдь мнѣ предлагаешь, песъ?
Козелъ проклятый! Мѣдь мнѣ предлагаешь?

Французъ. O, pardonnez moi, pardonnez moi!

Пистоль.

Муа, муа! Монета что-ль такая?—
Эй, малый, разспроси-ка по французски,
Какъ звать его?

Мальчикъ. Ecoutez: comment êtes vous appellé?

Французъ.

Monsieur le Fer.

Мальчикъ. Онъ говоритъ, что его зовутъ господинъ Феръ.

Пистоль.

Вотъ я ему наферю, да нахерю,
Да и похерю! Такъ и передай!

Мальчикъ. Да я не знаю, какъ сказать по французски наферю, нахерю и похерю.

Пистоль.

Такъ попросту готовиться вели!
Сейчасъ ему я глотку перерѣжу!

Французъ. Que dit-il, monsieur?

Мальчикъ. Il me commande de vous dire, que vous faites vous prêt; car ce soldat ici est disposé tout à cette heure de couper votre gorge.

Пистоль.

Ну, да, *couper la gorge, par ma foi*!
Коль выкупа хорошаго не дашь,
Вотъ этотъ мечъ тебя въ куски изрубитъ!

Французъ. O, je vous supplie, pour l'amour de Dieu, me pardonner! Je suis gentilhomme de bon maison; gardez ma vie, et je vous donnerai deux cents écus.

Пистоль. Что онъ изрекъ?

Мальчикъ. Онъ проситъ васъ пощадить его; онъ дворянинъ изъ хорошей семьи и готовъ дать вамъ за себя выкупъ въ двѣ сотни кронъ.

Пистоль.

Скажи ему: мой гнѣвъ утихъ, и кроны
Готовъ я взять.

Французъ. Pétit monsieur, que dit-il?

Мальчикъ. Encore qu' il est contre son jurement de pardonner aucun prisonnier, néanmoins, pour les écus, que vous l'avez promis, il est content de vous donner la liberté, le franchissement.

Французъ. Sur mes genoux je vous donne mille remerciments; et je m'estime heureux, que je suis tombé entre les mains d'un chevalier, je pense, le plus brave, vaillant et trés- distingué seigneur d'Angleterre.

Пистоль.

Ну, растолкуй-же мнѣ, что онъ сказалъ?

Мальчикъ. Онъ на колѣняхъ благодаритъ васъ и считаетъ себя счастливымъ, что попалъ въ руки такого благороднаго человѣка, самаго, по его мнѣнію, достойнаго и храбраго рыцаря въ Англіи.

Пистоль.

Ну, да, я храбръ и кровь, какъ воду, лью,
Но все же милую его.—Ступай
За мною, песъ!

(*Уходитъ*).

Мальчикъ. Suivez vous le grand capitaine. (*Французъ и Пистоль уходятъ*). Сроду не слыхивалъ такого зычнаго голоса отъ такой ничтожной душонки. Но, видно, права пословица: „Пустая бочка пуще грохочетъ". Бардольфъ и Нимъ были вдесятеро храбрѣе этого рыкающаго дьявола изъ старинной комедіи,—которому, однако, всякій можетъ обрѣзать ногти деревяннымъ кинжаломъ,—да оба угодили на висѣлицу; добьется и онъ того-же, коли начнетъ хапать посмѣлѣе.— Ну, надо отправляться въ обозъ. Вотъ поживились бы французы, знай они, что у насъ при обозѣ остались одни мальчишки.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Другая часть поля сраженія.

Трескъ выстрѣловъ и лязгъ оружія. Входятъ коннэтабль, герцоги Орлеанскій *и* Бурбонскій, дофинъ, Рамбюръ *и другіе.*

Коннэтабль.

O, diable!

Герцогъ Орлеанскій.

O, Seigneur!... Le jour est perdu! Tout est perdu!

Дофинъ.

Mort de ma vie! Погибло все! Погибло!
Позоръ и стыдъ навѣки намъ! Mechante
Fortune!... Да не бѣгите-же!

(*Шумъ непродолжительной схватки*).

Коннэтабль.

Всѣ наши
Ряды разстроились!

Дофинъ.

О, вѣчный стыдъ!
Нѣтъ, лучше намъ самимъ съ собой покончить!...
И это тѣ оборвыши, которыхъ
Разыгрывали въ кости мы!

Герцогъ Орлеанскій.

И это
Тотъ государь, къ которому пословъ
За выкупомъ мы посылали!

Герцогъ Бурбонскій.

Вѣчный
Позоръ и стыдъ — вотъ все, что намъ осталось!
Одинъ позоръ! Хоть смертью смыть его!
За мной! Еще разъ на враговъ ударимъ!
Кто не за мной—пускай домой идетъ
И съ шапкою въ рукахъ, какъ подлый сводня,
Стоитъ на стражѣ у дверей покоя,
Гдѣ гнусный рабъ, гнуснѣй моей собаки,
Его любимѣйшую дочь безчеститъ!

Коннэтабль.

Да служитъ намъ на пользу безпорядокъ,
Сгубившій насъ! Обрушимся на нихъ
Толпой нестройною и опрокинемъ!

Герцогъ Орлеанскій.

Да, насъ еще довольно, чтобъ могли
Мы окружить и раздавить врага,
Когда-бъ хоть чуточку порядка!

Герцогъ Бурбонскій.

Къ чорту
Порядокъ вашъ! Толпою напирайте!
Иль жизнь короткая иль долгій срамъ—
Вотъ что теперь осталось выбрать намъ!

(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Другая часть поля сраженія.

(*Шумъ сраженія. Входятъ* король Генрихъ, Эксетеръ *и воины*).

Король Генрихъ.

Ну, земляки, дрались мы молодцами;
Но держатся еще французы въ полѣ,
И не оконченъ бой!

Эксетеръ.

Вамъ герцогъ Іоркскій
Привѣтъ свой шлетъ, мой государь!

Король Генрихъ.

Онъ живъ?
Три раза на моихъ глазахъ онъ падалъ
И подымался вновь, и въ бой кидался,—
Въ крови отъ шлема и до шпоръ!

Эксетеръ.

Герой!
Такъ и лежитъ онъ въ этой багряницѣ—
Краса и честь арены боевой!
А рядомъ братъ его по славнымъ ранамъ,
Графъ Суфолькъ распростертъ. Онъ первый палъ,
И Іоркъ изрубленный, къ нему подползши
И взявъ за бороду, приникъ устами
Къ зіявшимъ ранамъ на его лицѣ
И такъ молилъ: „О, Суфолькъ мой, помедли!
Моя душа твою проводитъ въ рай!
О, милая душа, постой, и вмѣстѣ
Съ моей лети! Вѣдь, были неразлучны
Съ тобой на полѣ брани мы!"—Тутъ я
Сталъ утѣшать его, но онъ съ улыбкой
Рукой слабѣющей пожалъ мнѣ руку
И молвилъ: „Королю, милордъ, снесите
Привѣтъ послѣдній мой!"—И отвернулся,
Израненной рукою обвилъ шею
Умершаго, прильнулъ къ его устамъ
И, кровью собственной скрѣпивъ завѣты
Закончившейся такъ прекрасно дружбы,
Со смертью обручился самъ. До слезъ
Былъ я тѣмъ зрѣлищемъ прекраснымъ тронутъ;
Какъ ни боролся я, во мнѣ духъ мужа
Силенъ такъ не былъ, чтобы не сказался
Во мнѣ духъ матери моей слезами.

Король Генрихъ.

Тебя не порицаю. Самъ борюсь
Съ подернутыми влагою очами,
Чтобъ слезъ не выдали

(*Шумъ сраженія*).

Но чу! Откуда
Вновь этотъ шумъ?—Разсѣянные нами
Враги сплотились вновь! Такъ пусть же наши
Не выпускаютъ болѣе живыми
Враговъ изъ рукъ своихъ!—Отдать приказъ!

(*Всѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Другая часть поля сраженія.

Шумъ сраженія. Входятъ Флюелленъ *и* Гоуеръ.

Флюелленъ. Испивать мальчишекъ и опозъ! Это окончательно противъ всякихъ военныхъ правилъ. Это такой посоръ, такой срамъ! Что вы скашете? Отвѣчайте-ше на зовѣсть, правда это?

Гоуеръ. Да, дѣйствительно, ни одного мальчугана не уцѣлѣло. И устроили эту рѣзню негодяи, трусишки, удравшіе съ поля сраженія. Кромѣ того, они подожгли и разграбили королевскую ставку. Король и приказалъ теперь прикалывать всѣхъ плѣнныхъ. О! молодецъ нашъ король!

Флюелленъ. Да; онъ родился въ Монмоутѣ, капитэнъ Гоуеръ. А какъ насывается городъ, гдѣ родился Александръ Польшой?

Гоуеръ. Александръ Великій?

Флюелленъ. А польшой развѣ не великій? Что польшой, что великій, что зильный, что могучій—все одно и то-же, только слова расныя.

Гоуеръ. Александръ Великій, кажется, родился въ Македоніи; его отецъ, насколько я помню, назывался Филиппомъ Македонскимъ.

Флюелленъ. Ну-да, въ Македоніи; именно. Такъ я скашу вамъ, капитэнъ Гоуеръ, ешели вы позмотрите на свѣтскую карту, то савѣряю васъ, найдете польшое сходство между Македоніей и Монмоутомъ. И лешатъ они почти одинаково, и въ Македоніи есть рѣка и въ Монмоутѣ есть рѣка; въ Монмоутѣ рѣка насывается Уай, а какъ насывается рѣка въ Македоніи, я посапылъ, снаю только, что похоше на другую, какъ одинъ мой палецъ на другой, и въ той и въ другой есть лососина. А ешели вы хорошенько примѣчаете шисрь Александра, то шисрь Генриха исъ Монмоута тоше окашется похоша; во всемъ мошно найти зравненія. На Александра, какъ Господу и вамъ исвѣстно, находило пѣшенство, и онъ въ своемъ гнѣвѣ, слости, дурномъ располошеніи, недовольствѣ и разстройствѣ, а такше въ хмелю, потому что люпилъ выпивать, упилъ разъ своего лучшаго друга Клита.

Гоуеръ. Ну, въ этомъ-то ужъ нашъ король не похожъ на него; онъ никогда не убивалъ своихъ друзей.

Флюелленъ. Не хорошо съ вашей стороны перепивать мой раскасъ, когда онъ еще не конченъ. Я говорю только о сходствѣ и зравненіи. Какъ Александръ упилъ своего друга Клита потому, что пылъ пьянъ, такъ Генрихъ исъ Монмоута, потому что пылъ въ сдравомъ умѣ и рассущденіи, прогналъ отъ себя толстаго рыцаря съ польшимъ пусомъ. Онъ пылъ польшой шутъ и прокасникъ. Я посапылъ, какъ его свали.

Гоуеръ. Сэръ Джонъ Фальстафъ.

Флюелленъ. Вотъ-вотъ. Скашу вамъ, въ Монмоутѣ родятся хорошіе люди.

Гоуеръ. Его величество идетъ.

(*Бряцанье оружія. Входятъ* король Генрихъ, Варвикъ, Глостеръ, Эксетеръ *и* воины).

Король Генрихъ.

Съ прибытія во Францію не зналъ я
До часа этого, что значитъ гнѣвъ.-
Бери трубу, герольдъ! Ступай къ пригорку,
Гдѣ рыцари стоятъ, и предложи
Спуститься къ намъ, коли хотятъ сражаться;
Не то, очистить поле.—Надоѣло
Глядѣть на нихъ!—А на своемъ упрутся,
Мы сами налетимъ и ихъ сметемъ,
Какъ вихорь каменный изъ ассирійскихъ
Пращей сметалъ враговъ! Затѣмъ, рѣшили
Мы истребить всѣхъ плѣнниковъ, и впредь
Кто попадется намъ—не жди пощады!—
Ступай и возвѣсти имъ это все.

(*Входитъ* Монжуа).

Эксетеръ.

Мой государь! Герольдъ французскій.

Глостеръ.

На этотъ разъ смиреннѣй видъ его.

Король Генрихъ.

Ну, что, герольдъ? Зачѣмъ опять? Ты знаешь,
Что, кромѣ этихъ вотъ костей, другого
Вамъ не дождаться выкупа, и снова
За выкупомъ пришелъ?

Монжуа.

Нѣтъ, государь!
Пришелъ просить я васъ о дозволеньи
Намъ обойти кровавой битвы поле,
Чтобъ сосчитать, и схоронить убитыхъ,
И рыцарей отъ черни отдѣлить.
Увы! Лежитъ не мало нашихъ принцевъ,
Въ крови наемниковъ простыхъ купаясь,
А тѣ свои мужицкія тѣла
Купаютъ въ княжеской крови. И много
Коней израненныхъ, облитыхъ кровью,
По полю носятся и дико топчутъ
Копытами желѣзными тѣла
Своихъ господъ и тѣмъ вторичной смерти
Ихъ предаютъ. О, государь великій!
Дозволь намъ съ миромъ обойти все поле
И съ честью нашихъ мертвыхъ схоронить.

Король Генрихъ.

Сказать тебѣ по правдѣ, я не знаю,

ГЕРЦОГЪ БУРГУНДСКІЙ ІОАННЪ БЕЗСТРАШНЫЙ (Jean sans Peur † 1419).
(Версальская Историческая Галлерея, Gallerie historique de Versailles).

Герольдъ, за нами-ли еще побѣда?
Вонъ сколько вашихъ рыцарей тамъ въ полѣ!

Монжуа.

Побѣда ваша, государь!

Король Генрихъ.

Такъ Богу
Хвала и честь за это, а не намъ!
Какъ замокъ тотъ, что на горѣ, зовется?

Монжуа.

То замокъ Азинкуръ.

Король Генрихъ.

Такъ Азинкурской
Да будетъ впредь и битва называться,
Что разыгралась въ Криспіановъ день!

Флюелленъ. Вашъ прадѣдъ, плашенной памяти, съ посволенья вашего величества, и дядя вашего отца Эдуардъ, Чер-

ный принцъ Валлійскій, тоше одершали, какъ я читалъ въ хроникахъ, польшую побѣду во Франціи.

Король Генрихъ,

Да, Флюелленъ, дѣйствительно такъ было.

Флюелленъ. Точно такъ, ваше величество. И если ваше величество помните, валлійцы сослушили въ тотъ день хорошую слушбу въ огородѣ, гдѣ росъ порей, и са то украсили свои монмоутскія шапки пореемъ, и это, какъ ваше величество снаетъ, считается до сихъ поръ снакомъ отличія, и я думаю, и ваше величество не пресгуете украшать сепя пореемъ въ Давидовъ день.

Король Генрихъ.

Нѣтъ, нѣтъ; и я его въ воспоминанье
О славномъ днѣ ношу. Не забываю,
Что я валліецъ, добрый мой землякъ.

Флюелленъ. Вся вода въ рѣкѣ Уай не вымоетъ валлійской крови исъ тѣла вашего величества, скашу я вамъ. И Господи ее благослови и сохрани пока это угодно Ему и вашему величеству!

Король Генрихъ.

Спасибо, добрый мой землякъ! Спасибо!

Флюелленъ. Да, Господь звидѣтель, я семлякъ вашего величества. И пусть сепѣ всѣ объ этомъ снаютъ; я охотно соснаюсь въ этомъ на весь свѣтъ. Мнѣ, слава Господи, нечего стыдиться вашего величества, пока ваше величество честный человѣкъ.

Король Генрихъ.

Дай Богъ всегда мнѣ таковымъ остаться!—
Пусть ѣдутъ съ Монжуа герольды наши,
Узнаютъ съ точностью число убитыхъ
У насъ и у врага и мнѣ доложатъ.—

(Монжуа *уходитъ*).

Прошу позвать ко мнѣ того солдата.
(*Указываетъ на* Уильямса).

Эксетеръ. Солдатъ! Подойди къ королю.

Король Генрихъ. Зачѣмъ у тебя на шапкѣ перчатка?

Уильямсъ. Съ позволенья вашего величества, это залогъ отъ одного человѣка, съ которымъ мнѣ надо драться, если онъ живъ.

Король Генрихъ. Онъ англичанинъ?

Уильямсъ. Съ позволенья вашего величества, онъ просто негодяй, который пришелъ и расхвастался тутъ ночью. И если онъ живъ и осмѣлится потребовать у меня свою перчатку, такъ я поклялся закатить ему оплеуху. Или, если я увижу свою перчатку на его шапкѣ—а онъ тоже поклялся честью солдата носить ее, если останется живъ—то я сорву ее съ него такъ, что у него башка затрещитъ.

Король Генрихъ. Какъ, по вашему, капитанъ Флюелленъ, вправѣ ли этотъ солдатъ сдержать такую клятву?

Флюелленъ. Онъ пудетъ трусъ и негодяй, если не сдержитъ ея, съ посволенія вашего величества; это я говорю на зовѣсть.

Король Генрихъ. Ну, а если его противникъ окажется такимъ знатнымъ лицомъ, что отъ него нельзя будетъ и требовать, чтобы онъ далъ удовлетворенье простому солдату?

Флюелленъ. Пудь онъ снатенъ и древенъ родомъ, какъ замъ діаволъ или Люсиферъ или Вельсевулъ, онъ взетаки опясанъ, ваше величество, сдершать свою клятву. Ешели онъ нарушаетъ свою клятву, видите-ли, то получаетъ репутацію самаго польшого негодяя и труса, какой только топталъ землю своими грясными башмаками. Это я скашу на зовѣсть.

Король Генрихъ. Такъ сдержи же свое слово, молодецъ, когда встрѣтишь того человѣка.

Уильямсъ. Живъ не буду, коли не сдержу, ваше величество!

Король Генрихъ. Ты у кого въ отрядѣ?

Уильямсъ. У капитана Гоуера, ваше величество.

Флюелленъ. Гоуеръ правый слушака и имѣетъ допрыя поснанія и начитанъ въ военномъ дѣлѣ.

Король Генрихъ. Позови его ко мнѣ, солдатъ!

Уильясмъ. Слушаю ваше величество!
(*Уходитъ*).

Король Генрихъ. Вотъ, Флюелленъ, носи вмѣсто меня этотъ залогъ на своей шапкѣ. Когда мы въ схваткѣ съ герцогомъ Алансонскимъ свалились на землю, я сорвалъ эту перчатку съ его шлема, и, если кто нибудь станетъ требовать ее у тебя, тотъ, значитъ, другъ герцога и нашъ врагъ. Случится тебѣ встрѣтить такого человѣка, схвати его, какъ мой вѣрный подданный и слуга.

Флюелленъ. Ваше величество окасываете мнѣ глупокую честь, какой только мошетъ пошелать сердце подданнаго. Хотѣлъ-пы я видать того человѣка о двухъ ногахъ, который осмѣлился бы вырасить свою непріятность на эту перчатку. Польше я ничего не скажу; но я посмотрѣлъ-пы

на него! И дай Господи мнѣ посмотрѣть на него!

Король Генрихъ. Ты знаешь Гоуера?

Флюелленъ. Это мой лютшій другъ, съ посволенія вашего величества.

Король Генрихъ. Такъ поди и позови его ко мнѣ въ палатку.

Флюелленъ. Слушаю, ваше величество!

(*Уходитъ*).

Король Генрихъ.

Скорѣй идите вслѣдъ за нимъ, братъ Глостеръ,
И вы, лордъ Варвикъ. Какъ-бы та перчатка,
Что отъ меня онъ получилъ сейчасъ,
Не принесла пощечины валлійцу,
Коль тотъ солдатъ ее своей признаетъ. —
Согласно обѣщанію, я самъ
Обязанъ былъ ее носить.—Идите-жъ
Скорѣй за нимъ. Ударь его солдатъ—
А я не сомнѣваюсь, сдержитъ слово
Тотъ грубый малый—до бѣды не долго.
Я знаю, Флюелленъ горячъ и храбръ;
Задѣнь его, онъ словно порохъ вспыхнетъ
И за обиду тотчасъ же отплатитъ.
Такъ постарайтесь, чтобъ бѣды не вышло.—
Вы, дядя Эксетеръ, со мной пойдете.

(*Уходятъ*).

СЭРЪ ТОМАСЪ ЭРПИНГЭМЪ.

(*Старинный рисунокъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Передъ ставкой короля.

Входятъ Гоуеръ *и* Уильямсъ.

Уильямсъ. Я стою за то, капитанъ, что васъ хотятъ посвятить въ рыцари.

(*Входитъ Флюелленъ*).

Флюелленъ. Да пудетъ воля и милость Господня, капитанъ! Я прошу васъ сію минуту пошаловать къ королю. Васъ, пошалуй, ошидаетъ попольше, чѣмъ вы мошете помышлять.

Уильямсъ. Сэръ, вы знаете, что это за перчатка?

Флюелленъ. Снаю, что са перчатка? Перчатка какъ перчатка, а польше ничего.

Уильямсъ. А я ее знаю и вотъ какъ требую ее у тебя! (*Даетъ ему пощечину*).

Флюелленъ. Громъ Господній! Да это измѣнникъ, какого еще не видано во всемъ мірѣ и ни во Франціи, ни въ Англіи!

Гоуеръ (*Уильямсу*). Что это значитъ, негодяй!

Уильямсъ. Что-жъ, мнѣ быть клятвопреступникомъ?

Флюелленъ. Прочь, капитэнъ Гоуеръ! Я самъ расдѣлаюсь съ этимъ измѣнникомъ!

Уильямсъ. Я вовсе не измѣнникъ!

Флюелленъ. Лшешь!... Именемъ его величества держите его! Это привершенецъ герцога Аланзонскаго!

Входятъ Варвикъ *и* Глостеръ.

Варвикъ. Что тутъ такое? Что случилось?

Флюелленъ. Лордъ Варвикъ! Сдѣсь, благодаря Господи, вышла на свѣтъ Пошій самая ядовитая измѣна! Яснѣе лѣтняго дня! А вотъ и его величество.

Король Генрихъ *и* Эксетеръ *выходятъ изъ королевской ставки*.

Король Генрихъ. Что такое? что тутъ происходитъ?

Флюелленъ. Мой государь и король, вотъ негодяй, измѣнникъ, который зорвалъ съ моей шапки перчатку, которую ваше величество сняли со шлема герцога Аланзонскаго.

Уильямсъ. Ваше величество, это моя перчатка; вотъ и пара къ ней. Тотъ, кому я давалъ ее въ залогъ, обѣщалъ носить ее на шапкѣ, я же обѣщалъ сорвать ее съ него, если онъ это сдѣлаетъ. И вотъ, я увидалъ мою перчатку на шапкѣ у этого человѣка и сдержалъ свое слово.

Флюелленъ. Ваше величество слышите сами, какой это позтыдный, низкій, хитрый, гнузный плутъ! Я надѣюсь, ваше величество пудете мнѣ свидѣтельствомъ и салогомъ и сащитой, что это перчатка герцога Аланзонскаго, и что вы сами дали ее мнѣ; скашите все на зовѣсть.

Король Генрихъ.

Солдатъ, верни перчатку мнѣ; вотъ пара.

Тотъ, съ кѣмъ ты клятву далъ подраться—я;
Ты нагрубилъ порядкомъ мнѣ, молодчикъ!

Флюелленъ. Съ посволенія вашего величества, онъ и отвѣтитъ са это головой, ешели только есть военный саконъ на свѣтѣ.

Король Генрихъ.

Что въ оправданіе свое ты скажешь?

Уильямсъ. Ваше величество, оскорбленія наносятъ въ сердцахъ, а у меня никогда не было сердца противъ вашего величества, значитъ, я и не могъ васъ оскорбить.

Король Генрихъ.

Но лично намъ ты нагрубилъ!

Уильямсъ. Ваше величество были тогда не въ своемъ настоящемъ видѣ, а вродѣ простого человѣка; ночь, одежда ваша и простое обхожденіе сбили меня, и потому все, что ваше величество потерпѣли отъ меня въ такомъ видѣ, я прошу васъ отнести на свой собственный счетъ, а не на мой. Вѣдь, будь вы тѣмъ, за кого я васъ принялъ, никакой вины за мной и не было бы. Потому я и прошу ваше величество простить меня.

Король Генрихъ (*Эксетеру*).

Наполни кронами перчатку, дядя,
И возврати ему.—А ты, молодчикъ,
Носи ее на шапкѣ въ знакъ отличья,
Пока я не потребую ея.
Отсыпьте кронъ ему.—А капитана
Я помириться съ нимъ прошу.

Флюелленъ. Клянусь днемъ и звѣтомъ Господнимъ, у этого молодца есть храпрость. — На, вотъ вамъ двѣнадцать пенсовъ, и прошу васъ дерщитесь подальше отъ всякихъ всдоровъ и споровъ и всякой прани и непріятности; это пудетъ самое лучшее для васъ замихъ.

Уильямсъ. Не надо мнѣ вашихъ денегъ.

Флюелленъ. Перите, перите; я даю отъ чистаго сердца. Говорю вамъ, пригодится пашмаки починить. Ну? Сачѣмъ вы такъ конфуситесь? Сапоги у васъ просятъ починки, а это настоящая монета, не фальшивая, савѣряю васъ; а то могу перемѣнить.

(*Входитъ англійскій* герольдъ).

Король Генрихъ.

Сосчитаны убитые, герольдъ?

Герольдъ.

Вотъ списокъ павшихъ воиновъ французскихъ. (*Подаетъ бумагу*).

Король Генрихъ.

А кто у насъ въ плѣну изъ знатныхъ дядя?

Эксетеръ.

Племянникъ короля, принцъ Орлеанскій,
Высокородный Бусико и герцогъ
Бурбонъ, а прочихъ графовъ и бароновъ
И рыцарей всѣхъ—тысяча пятьсотъ.

Король Генрихъ.

А этотъ листъ гласитъ, что десять тысячъ
Французовъ полегло: сто двадцать шесть
Бароновъ, принцевъ и дворянъ-хорунжихъ,
Да восемь тысячъ и четыре сотни
Оруженосцевъ, рыцарей и прочихъ
Дворянъ; пятьсотъ изъ нихъ вчера лишь только
Надѣли шпоры въ первый разъ!—Итакъ,
Изо всего десятка тысячъ павшихъ
Лишь тысяча шестьсотъ простыхъ солдатъ—
Наемниковъ, а то все принцы, графы,
Бароны, рыцари, дворяне. Вотъ
Знатнѣйшіе изъ павшихъ: де ля Брэ
Французскій коннэтабль; Жакъ Шатильонъ
Великій адмиралъ; сеньоръ Рамбюръ,
Вождь лучниковъ; Дофэнъ—гросмейстеръ; герцогъ
Антонъ Брабантскій; герцогъ Алансонскій,
Братъ герцога Бургундскаго, и герцогъ
Беррійскій Эдуардъ; за ними графы:
Гранпрэ, Русси, Фуа и Фоконбергъ,
Бомонъ, Лестраль, Водмэнъ и Марль.— Смерть жатву
Поистинѣ здѣсь царскую скосила!—
А гдѣ-же списокъ англичанъ убитыхъ?
(*Герольдъ подаетъ другую бумагу*).
Графъ Суфолькъ, герцогъ Іоркскій Эдуардъ,
Сэръ Ричардъ Кэтлей и эсквайръ Гэмъ.
Изъ знатныхъ больше никого, а прочихъ
Лишь двадцать пять! О, Боже! Здѣсь десница
Твоя видна! Тебѣ вся честь, не намъ!
Когда-жъ бывало, что въ борьбѣ открытой,
Безъ хитростей военныхъ, столь огромный
Уронъ несла одна лишь сторона,
Другая-жъ столь ничтожный? Царь Небесный!
Тебѣ Единому хвала и честь!

Эксетеръ.

По истинѣ чудесно!

Король Генрихъ.

Вступимъ въ городъ
Торжественной процессіей; но смерть
Тому, кто хвастаться побѣдой станетъ

И честь ея оспаривать у Бога!

Флюелленъ. Такъ, съ досволенья вашего величества, несаконно пудетъ и опъявлять, сколько у насъ упитыхъ?

Король Генрихъ.

Законно, капитанъ, но прибавляя
Смиренно, что самъ Богъ за насъ сражался.

Флюелленъ. Да, скашу на зовѣсть, Онъ постарался са насъ.

Король Генрихъ.

Священные обряды всѣ исполнимъ,
Прослушаемъ Non nobis и Te Deum,
По христіански павшихъ похоронимъ
И—въ путь, въ Калэ, оттуда же въ отчизну,
И никогда и не дождаться ей
Изъ Франціи счастливѣйшихъ гостей!

(*Уходятъ*).

ЮАННЪ БЕЗСТРАШНЫЙ (Jean Sans Peur), ГЕРЦОГЪ БУРГУНДСКІЙ.
(*Средневѣковой рисунокъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Хоръ (*входитъ*).

Для тѣхъ, кто въ хроникахъ не свѣдущъ, мы
Изобразимъ дальнѣйшій ходъ событій,
А тѣхъ, которые о нихъ читали,
О снисхожденіи смиренно просимъ,—
Изобразить здѣсь тѣхъ временъ событья
Во всей ихъ правдѣ жизненной нельзя.—
Мы короля отправили въ Калэ;
За нимъ послѣдовавъ туда, вы съ нимъ-же
Оттуда на крылахъ воображенья
Перенеситесь за море. Глядите!
Весь берегъ Англіи людьми усѣянъ;
Мужчины, женщины и дѣти—всѣ
Толпятся тамъ, и громъ рукоплесканій
И ликованья клики заглушаютъ
Ревъ моря самого, что путь монарху
Готовитъ, словно вѣстникъ-исполинъ.
Теперь пусть къ берегу король пристанетъ
И слѣдуетъ торжественно въ столицу;
Его догонитъ ваша мысль въ Блэкгетѣ,
Гдѣ просятъ лорды Генриха дозволить
Нести предъ нимъ по городу его
Въ бояхъ погнутый мечъ и шлемъ измятый;
Но, гордости, тщеславья чуждый, онъ
Отказываетъ имъ, всю честь и славу
Предоставляя Богу—не себѣ.
Теперь прилежная работа мысли
Пускай покажетъ вамъ, какъ извергаетъ
Потоки цѣлые народа Лондонъ:
Въ торжественной процессіи лордъ-мэръ
Съ знатнѣйшими изъ гражданъ выступаютъ.
Какъ римскіе сенаторы, съ несмѣтной
Толпой плебеевъ позади, навстрѣчу
Герою-цезарю. Иль, чтобъ сравнить
Съ событіемъ намъ ближе, хоть и мельче,

Представьте полководца королевы
Вернувшимся—и дай Богъ, чтобъ скорѣе
Вернулся онъ!—поднявъ ирландскій бунтъ
На остріе меча,—кто усидѣлъ-бы
Тогда изъ нашихъ мирныхъ гражданъ дома,
Не устремился-бы ему на встрѣчу?
Такъ встрѣча Генриха еще несмѣтнѣй
И съ большимъ правомъ собрала толпы.—
И вотъ, онъ въ Лондонѣ, гдѣ долго держатъ
Его стенанья Франціи и просьбы
Заступниковъ ея: самъ императоръ
Старается уладить миръ.—Но васъ
Мы просимъ пропустить всѣ тѣ событья
Вплоть до того, какъ Генрихъ вновь вернулся
Во Францію, а съ нимъ и мы. Итакъ,
Представивъ вамъ все, что случилось раньше,
Еще разъ вамъ напомнимъ, что все это
Уже прошло. А вы, за сокращенья
Насъ извинивъ, отдайтесь вновь мечтамъ,
Чтобъ васъ несли къ французскимъ берегамъ.

(*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ I.

Франція. Англійскій сторожевой постъ.

Входятъ Флюелленъ *и* Гоуеръ.

Гоуеръ. Да, вы правы; но зачѣмъ же на васъ сегодня порей? Давидовъ день прошелъ.

Флюелленъ. Взегда и во вземъ находятся свои причины и поводы; и я скашу вамъ это, какъ другу, капитэнъ Гоуеръ. Этотъ подлый оборвышъ, вшивый, дрянной хвастунишка Пистоль, завсѣмъ ничего не стоющій каналья, какъ вы зами и весь свѣтъ снаете, пришелъ вчера ко мнѣ и принесъ мнѣ золи и хлѣба и предлошилъ мнѣ это зъѣсть съ моимъ пореемъ. —А пыло это въ такомъ мѣстѣ, что я не могъ садать ему. Но я теперь посволю себѣ смѣлость нозить мой порей, пока встрѣчу его опять, и тогда я выскашу ему кое-какія пошеланія.

Входитъ Пистоль.

Гоуеръ. Глядите, вотъ и онъ самъ; раздулся словно индюкъ.

Флюелленъ. Я не позмотрю на его расдутый собъ.—Спаси васъ Господи, подпрапорщикъ Пистоль, пакостный, вшивый каналья! Спаси васъ Господи!

Пистоль.

Съ ума сошелъ ты, песъ троянскій! Хочешь,
Чтобъ Парки ткань смертельную порвалъ я?
Прочь съ глазъ моихъ! Меня тошнитъ отъ вони
Порея твоего!

Флюелленъ. А я прошу васъ отъ взего зердца, вы пакостный, вшивый каналья, чтопы вы исволили по моему шеланію и приглашенію и трепованію скушать этотъ порей. Потому что, видите-ли, вы его не мошете терпѣть и ваши наклонности и аппетитъ и пищевареніе завсѣмъ не вынозятъ порея; потому именно, видите-ли, я и прошу васъ скушать его.

Пистоль.

Самъ Кадвалландеръ съ козами своими
Меня не принудитъ!

Флюелленъ. Такъ вотъ вамъ одну косу! (*бьетъ его*). Угодно вамъ, пакостный каналья, скушать?

Пистоль. Троянецъ злополучный, ты умрешь!

Флюелленъ. Правда ваша, мерзкій каналья, умру, когда Господу угодно пудетъ. А пока я прошу васъ замихъ жить и кушать на сдоровье,—вотъ вамъ и приправа къ этому плюду! (*бьетъ его*). Вы меня вчера насывали горнымъ косломъ, а я сегодня пошалую васъ въ кавалеры луши. Прошуше васъ, кушайте! Ешели вы мошете смѣяться надъ пореемъ, такъ мошете и покушать порея.

Гоуеръ. Ну, будетъ, капитанъ; онъ и такъ совсѣмъ упалъ духомъ.

Флюелленъ. Пусть покушаетъ моего порея, говорю я, не то я пуду колотить его по пашкѣ хоть четыре дня.—Кушайте, говорятъ вамъ, это хорошо для вашихъ свѣшихъ ранъ и кровяной пѣтушьей гребенки.

Пистоль. Такъ неужель мнѣ ѣсть?!

Флюелленъ. Непремѣнно, и песо взякихъ замнѣній и вопрозовъ и двузмысленностей.

Пистоль.

Клянусь пореемъ, отомщу жестоко!...
Я ѣмъ, я ѣмъ-же! И—клянусь!

Флюелленъ. Кушайте, прошу васъ. А то не шелаете-ли еще приправы къ порею? Да и порея не мало-ли для вашей клятвы?

Пистоль. Дай хоть вздохнуть дубинкѣ! Видишь, ѣмъ!

Флюелленъ. На сдоровье, мерскій каналья, на сдоровье! Нѣтъ, я прошу, ничего не просать, пошалуйста! И шелуха годится для вашей расбитой пѣтушьей гребенки.

Теперь, когда вы потомъ увидите порей, смѣйтесь надъ нимъ, пошалуйста. Я ничего не скашу.

Пистоль. Ну, хорошо!

Флюелленъ. Да, порей очень хорошъ.—А вотъ вамъ грошъ на перевяску вашей распитой башки.

Пистоль. Мнѣ грошъ? Мнѣ? Мнѣ?

Флюелленъ. Именно, и вы долшны его всять, а не то у меня въ карманѣ есть еще порей для васъ.

Пистоль. Твой грошъ беру въ задатокъ мести!

Флюелленъ. Ешели я вамъ что-нибудь долшенъ, я саплачу все сполна тумаками; вы пудете торговать мясомъ и пудете имѣть отъ меня питое мясо. Спаси васъ Господи и исцѣли вашу распитую пашку!

(*Уходитъ*).

Пистоль.

Я стѣны ада местью потрясу!

Гоуеръ. Знаете что? Вы просто на просто трусъ и лгунишка! Вы позволили себѣ глумиться надъ стариннымъ обычаемъ, который обязанъ своимъ возникновеніемъ достойному памяти случаю; но когда дошло до дѣла, вы не осмѣлились постоять за себя. Я ужъ нѣсколько разъ замѣчалъ, что вы насмѣхаетесь надъ этимъ достойнымъ человѣкомъ. Вы думали, что если онъ плохо владѣетъ англійскимъ языкомъ, такъ плохо владѣетъ и англійской дубинкой; теперь вы видите, что дали маху. Желаю, чтобы валлійскій кулакъ научилъ васъ, какъ прилично вести себя англичанину. Прощайте! (*Уходитъ*).

Пистоль.

Иль собирается Фортуна стать
Іезавелью для меня? Недавно
Узналъ о смерти Нель, что умерла
Французскою болѣзнью въ госпиталѣ,—
Итакъ, простите радости свиданья!
Старѣю я, и выбиваютъ честь
Дубинкой изъ моихъ усталыхъ членовъ.
Попробую стать своднею, да кстати
И легкимъ на руку карманнымъ воромъ.
Украдкой въ Англію сбѣгу, чтобъ красть.
Прикрою пластыремъ всѣ синяки
И стану клясться: „Эти раны мнѣ
Нанесены французомъ на войнѣ!“

(*Уходитъ*).

СОБОРЪ ВЪ ТРУА.

(*Начатъ постройкой въ XIII вѣкѣ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Труа въ Шампани. Покой во дворцѣ французскаго короля.

Король Генрихъ, Бедфордъ, Глостеръ, Эксетеръ, Варвикъ, Вестморлэндъ *и* свита: король Карлъ, королева Изабелла, принцесса Екатерина, Алиса, придворные кавалеры *и* дамы, герцогъ Бургундскій *и его* свита—*входятъ съ разныхъ сторонъ*.

Король Генрихъ.

Насъ свелъ здѣсь миръ, и миръ да будетъ съ нами!
Привѣтъ вамъ, братъ нашъ, Франціи монархъ!
И вамъ, сестра!—Принцессѣ и кузинѣ
Прекрасной нашей всякихъ благъ желаемъ!—
Какъ вѣтвь и члена царственнаго дома,
Привѣтствуемъ и васъ, Бургундскій герцогъ,

Кому обязаны мы этой встрѣчей.—
Привѣтъ мой всѣмъ вамъ, принцы и дворяне!

Король Карлъ.

Добро пожаловать! Мы рады видѣть
Васъ, царственный нашъ братъ! — И вы, милорды,
Добро пожаловать!

Королева Изабелла.

Да принесетъ
Намъ этотъ день пріятнаго свиданья
Такіе-же отрадные плоды,
Какъ намъ отрадно свѣтлый взоръ вашъ видѣть,
Тотъ взоръ, что во французовъ до сихъ поръ
Металъ убійственный огонь, разилъ
Какъ василиска взглядъ; мы уповаемъ,
Что нынѣ онъ свой ядъ совсѣмъ утратилъ,
И злобу и вражду замѣнитъ дружба.

Король Генрихъ.

Аминь! Мы съ этой цѣлью и явились.

Королева Изабелла.

Привѣтъ мой вамъ, англійскіе милорды!

Герцогъ Бургундскій.

Примите мой почтительный привѣтъ,
Великіе монархи! Я старался—
Какъ вѣдомо обоимъ государямъ—
По мѣрѣ силъ моихъ и разумѣнья,
Отъ сердца чистаго, подвигнуть ваши
Величества на мирное свиданье;
Теперь, когда успѣхомъ увѣнчались
Старанія мои,—лицомъ къ лицу
Съ привѣтомъ на устахъ сошлись монархи,—
Да не впаду въ немилость я, спросивъ:
Какія-жъ есть препятствія, помѣхи,
Чтобъ искалѣченный, несчастный миръ,
Искусствъ, наукъ, богатства, плодородья
И радостей семейныхъ покровитель,
Не смѣлъ поднять прекраснаго чела
Въ прекраснѣйшемъ изъ всѣхъ садовъ вселенной,
Во Франціи? Увы, давно, давно
Онъ отлетѣлъ изъ Франціи злосчастной!
На тучныхъ пашняхъ на корню сгниваютъ
Роскошные хлѣба, и виноградъ—
Сердецъ услада—сохнетъ безъ подрѣзки.
Живыя изгороди одичали,
Вѣтвями обросли, напоминая
Нестриженныхъ, небритыхъ заключенныхъ.
Поля подъ паромъ заросли бурьяномъ,
Болиголовомъ, сорною травой,
А плугъ, что долженъ бы ихъ вырвать съ корнемъ,
Ржавѣетъ отъ бездѣйствія; луга,
Что кормовыми травами пестрѣли,
Устали ждать косцовъ и облѣнились,—
Ихъ лоно тучное теперь взрощаетъ
Лишь бѣлену, крапиву, да лопухъ;
Ни красоты, ни пользы нѣтъ отъ нихъ!
И, какъ сады, луга и пашни наши,
Заброшены и наши очаги;
И мы и дѣти наши закоснѣли
Въ невѣжествѣ; досуга больше нѣтъ
Для тѣхъ наукъ, что красили страну.
Какъ дикари, какъ варвары-солдаты,
Живемъ теперь: иныхъ и мыслей нѣтъ,
Какъ о войнѣ, о крови; грубы рѣчи,
Угрюмы лица, жалки одѣянья,
И безурядица во всемъ царитъ.—
Васъ здѣсь свело желанье все исправить,
Возстановить въ странѣ былой порядокъ;
Благоволите-жъ выяснить причины,
Что миру благодатному мѣшаютъ
Смѣнить всѣ эти бѣдствія и снова
Дарами насъ своими осыпать.

Король Генрихъ.

Но если такъ желаете вы мира,
Несущаго съ собой конецъ всѣмъ бѣдамъ,
Описаннымъ такъ ярко вами, то
Его должны купить согласьемъ полнымъ
На всѣ условія мои. По пунктамъ
Они изложены, и вамъ врученъ
Ихъ краткій перечень.

Герцогъ Бургундскій.

Они извѣстны
Монарху Франціи, но онъ пока
На нихъ еще не можетъ дать отвѣта.

Король Генрихъ.

А между тѣмъ отъ этого отвѣта
Зависитъ миръ, который вамъ такъ дорогъ.

Король Карлъ.

Успѣли мы лишь пробѣжать условья;
Но если вамъ угодно будетъ выбрать
Кого нибудь изъ вашихъ приближенныхъ
Для обсужденія совмѣстно съ нами
Условій вашихъ, то мы не замедлимъ
Вамъ дать рѣшительный отвѣтъ.

Король Генрихъ.

Согласны.—
Любезный дядя Эксетеръ, братъ Кларенсъ,
И вы, братъ Глостеръ, Варвикъ, Гунтингдонъ,
Идите съ королемъ. Даемъ вамъ право
За насъ скрѣплять, мѣнять и добавлять
Условія, какъ вамъ вашъ умъ подскажетъ
Для пользы родины и чести нашей.

А мы заранѣе все утверждаемъ.—
Угодно-ль будетъ царственной сестрѣ
За королемъ послѣдовать иль съ нами
Остаться здѣсь?

Королева Изабелла.

Позвольте мнѣ пойти,
Любезный братъ. Быть можетъ, пригодится
Тамъ голосъ женщины, чтобы смягчить
Излишнюю суровость притязаній.

Король Генрихъ.

Такъ пусть кузина здѣсь побудетъ съ нами.
Она—одно изъ главныхъ притязаній,
Которыми я обусловилъ миръ.

Королева.

Пускай останется.

(*Всѣ, кромѣ* короля Генриха, принцессы Екатерины *и* Алисы, *уходятъ*).

Король Генрихъ.

О, Катарина!
Прекрасная, прекраснѣйшая въ мірѣ!
Ты не подскажешь-ли солдату слово,
Что къ сердцу дѣвушки нашло бы путь
И о любви его ей разсказало!

Екатерина. Ваше величество смѣетесь на меня; я не умѣю по англійски.

Король Генрихъ. Прекрасная Катарина! Только полюби меня всѣмъ своимъ французскимъ сердцемъ и признайся мнѣ въ этомъ хоть на самомъ ломаномъ англійскомъ языкѣ,—я буду счастливъ! Можешь ли ты полюбить меня такимъ, какимъ я тебѣ кажусь?

Екатерина. Я не знаю это: какимъ я тебѣ кажусь?

Король Генрихъ. О, ты-то кажешься мнѣ ангеломъ!

Екатерина (*Алисѣ*). Que dit-il? Que je suis semblable aux anges?

Алиса. Oui, vraiment, sauf vostre grâce, ainsi dit-il.

Король Генрихъ. Да, я такъ сказалъ, безцѣнная Катарина, и могу, не краснѣя, повторить.

Екатерина. O, bon Dieu! Les langues des hommes sont pleines des tromperies.

Король Генрихъ (*Алисѣ*). Что она говоритъ, красавица? Что у мужчинъ лживый языкъ?

Алиса. Oui, что языки мужчинъ наполнены лживостью; это говоритъ принцесса.

Король Генрихъ (*въ сторону*). Ну, принцесса говоритъ лучше по англійски!—

Знаменитая англійская актриса Сиддонсъ (Siddons, 1775—1831) въ роли принцессы Екатерины.

(*Вслухъ*). Право, Кэтъ, я такой женихъ, котораго не трудно понять. И я даже радъ, что ты не знаешь лучше по англійски, а то, пожалуй, нашла бы, что я слишкомъ ужъ простъ для короля, или подумала бы, что я только недавно продалъ свою ферму, чтобы купить корону. Я не мастеръ объясняться въ любви, не умѣю ворковать, а просто скажу: я люблю тебя! И если тебѣ захочется, чтобы я пошелъ еще дальше простого отвѣта на вопросъ: искренно-ли?—пропало все мое сватовство. Такъ отвѣчай-же, что любишь меня, протянемъ другъ другу руки, и дѣло съ концомъ.—Что вы скажете на это, лади?

Екатерина. Sauf vostre honneur, меня понятно хорошо.

Король Генрихъ. Право, если бы ты заставила меня воспѣвать тебя въ стихахъ или танцовать съ тобою, я бы пропалъ. Я ничего не смыслю ни въ риемахъ, ни въ размѣрѣ, а въ танцахъ никакъ не могу попасть въ тактъ, хотя по части того, чтобы попадать въ противника, я не изъ послѣднихъ. Вотъ, если бы я могъ плѣнить дѣвушку игрой въ чехарду или ловкимъ

Екатерина. Какъ будетъ желанье de roy mon pére.

Король Генрихъ. Онъ-то пожелаетъ, Кэтъ! Долженъ пожелать!

Екатерина. Такъ и я пожелаетъ.

Король Генрихъ. За это я поцѣлую твою ручку и назову тебя своей королевой!

Екатерина. Laissez, mon seigneur, laissez, laissez! Ma foy, je ne veux point que vous abaissiez vostre grandeur en baisant la main de vostre indigne serviteur; excusez moy, je vous supplie, mon très puissant seigneur!

Король Генрихъ. Такъ я поцѣлую тебя въ губки, Кэтъ.

Екатерина. Ce n'est pas la coutume de France, de baiser les dames et demoiselles avant leur nôces.

Король Генрихъ. Госпожа переводчица, что она говоритъ?

Алиса. Что это не обычай pour les dames Франціи... Я не знаю, какъ baiser по англійски.

Король Генрихъ. Цѣловать.

Алиса. Ваше величество entend лучше que moy.

Король Генрихъ. Она хочетъ сказать, что во Франціи не принято цѣловаться до свадьбы? Такъ?

Алиса. Oui, vraiment.

Король Генрихъ. О, Кэтъ! Мелочные обычаи смиренно стушевываются передъ волей великихъ монарховъ. Милая Кэтъ, насъ съ тобой не могутъ стѣснять такія слабыя преграды, какъ мѣстные обычаи. Мы сами создаемъ обычаи. Мы пользуемся свободой въ силу самаго положенія нашего, которое и заткнетъ ротъ всякимъ пересудамъ, какъ я сейчасъ заткну своимъ поцѣлуемъ твой ротикъ за то, что онъ стоитъ за щепетильные обычаи твоей родины и отказываетъ мнѣ въ поцѣлуѣ. Итакъ, смирно! (*Цѣлуетъ ее*). Въ твоихъ губкахъ волшебная сила, Кэтъ; ихъ сладость краснорѣчивѣй всего французскаго совѣта и скорѣе уговоритъ Генриха Англійскаго, нежели челобитныя всѣхъ монарховъ вмѣстѣ. — Вотъ и отецъ твой.

Входятъ король Карлъ, королева Изабелла, герцогъ Бургундскій, Бедфордъ, Глостеръ, Эксетеръ, Вестморлэндъ *и прочіе* французскіе *и* англійскіе дворяне.

Герцогъ Бургундскій. Богъ да хранитъ ваше величество! Вы обучаете принцессу по англійски, мой царственный кузенъ?

Король Генрихъ. Я хотѣлъ бы втолковать ей, мой добрый кузенъ, какъ сильно я люблю ее—чисто по англійски.

Герцогъ Бургундскій. И что-же, она толковая ученица?

Король Генрихъ. Языкъ нашъ грубоватъ, кузенъ, да и манеры мои не изъ мягкихъ, я не владѣю никакими чарами и не могу вызвать изъ ея сердца духа любви въ его настоящемъ видѣ.

Герцогъ Бургундскій. Простите за вольную шутку, которой я отвѣчу на это. Чтобы вызвать духовъ, надо очертить кругъ, а что касается до того, чтобы вызвать духа любви въ его настоящемъ видѣ, то, вѣдь, надо помнить, что онъ нагъ и слѣпъ. Итакъ, можно ли упрекать дѣвушку, на щекахъ которой пылаетъ заря дѣвственной стыдливости, что она не позволяетъ вызвать голаго и слѣпого божка? Трудновато, ваше величество, молодой дѣвушкѣ сдаться на такихъ условіяхъ!

Король Генрихъ. Однако, онѣ сдаются, закрывъ глаза, когда слѣпая любовь становится настойчивой.

Герцогъ Бургундскій. Ну, тогда ужъ ихъ приходится извинить, ваше величество, разъ онѣ не видятъ, что творятъ.

Король Генрихъ. Такъ, научите-же, любезный мой лордъ, и вашу кузину сдаться, закрывъ глаза.

Герцогъ Бургундскій. Я самъ закрою глаза, когда она будетъ сдаваться, ваше величество, только научите ее понять меня. Дѣвушки, воспитанныя въ теплѣ и холѣ, слѣпы, какъ мухи въ сентябрѣ, хоть глаза при нихъ и есть, и даются въ руки, хотя до того не переносили даже, чтобы на нихъ глядѣли.

Король Генрихъ. Отсюда мораль, что мнѣ надо возложить надежду на время и теплое лѣто; въ концѣ концовъ я и изловлю муху, вашу кузину, которая будетъ тогда слѣпа.

Герцогъ Бургундскій. Какъ любовь, прежде чѣмъ полюбить, ваше величество.

Король Генрихъ. Правда, кое-кто изъ васъ можетъ поблагодарить любовь за мою слѣпоту; я не вижу многихъ французскихъ городовъ изъ-за французской дѣвицы, которая стала на моей дорогѣ.

Герцогъ Бургундскій. Нѣтъ, ваше величество, вы ихъ видите точно на картинѣ особаго рода: города смотрятъ дѣвицей, такъ какъ всѣ обнесены дѣвственными стѣнами, въ которыя еще не вторгалась война.

Король Генрихъ. Будетъ Катарина моей женой?

ОБРУЧЕНІЕ ГЕНРИХА V СЪ ПРИНЦЕССОЙ ЕКАТЕРИНОЙ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Король Карлъ. Если вамъ угодно.

Король Генрихъ. Я доволенъ; если только и дѣвственные города, о которыхъ вы говорите, послѣдуютъ за нею, то дѣвица, стоящая на дорогѣ моихъ желаній, покажетъ мнѣ путь къ ихъ исполненію.

Король Карлъ. Мы согласны на всѣ благородныя требованія.

Король Генрихъ.

Что, лорды, скажете?

Вестморлэндъ.

Да, согласился
Король на всѣ условія. И дочь
Отдастъ за васъ и прочее исполнитъ,
Чего потребовали мы.

Экcетеръ.

Король
Не подписался лишь подъ этимъ пунктомъ:
„Король французскій при всякомъ обращеніи къ намъ, по какому бы то ни было

поводу, долженъ называть и титуловать насъ по французски: „Notre très-cher filz Henri, roy d'Angleterre, héritier de France", а по латыни: „Praeclarissimus filius noster Henricus, rex Angliae et heres Franciae"

Король Карлъ.

Не наотрѣзъ я этотъ пунктъ отвергнулъ
И уступить готовъ, коль вамъ угодно.

Король Генрихъ.

Да, утвердить и этотъ пунктъ прошу,
Любезный братъ, во имя нашей дружбы;
А также дочь свою мнѣ дать въ супруги.

Король Карлъ.

Бери ее, мой сынъ, и награди
Меня потомствомъ чрезъ нее. Дай Боже,
Чтобъ тѣмъ и кончилась вражда двухъ странъ,
Чьи берега отъ зависти блѣднѣли,
На благоденствіе другъ друга глядя.
Пусть вашъ союзъ въ сердца враговъ недавнихъ
Посѣетъ христіанское согласье
И дружбу братскую. Другъ противъ друга
Они мечей пусть впредь не обнажаютъ;
Пусть крови братской никогда впередъ
Ни Англія, ни Франція не льетъ!

Всѣ.

Аминь.

Король Генрихъ.

Приди-жъ въ мои объятья, Кэтъ!
Вы всѣ свидѣтели: ее цѣлую,
Какъ королеву и свою супругу.
(Звуки трубъ).

Королева Изабелла.

Господь, свершитель браковъ, да сольетъ
Сердца и страны ваши во-едино!
Да будетъ столь же тѣсенъ, неразрывенъ
Союзъ обоихъ государствъ, какъ вашъ.
И пусть ни злые языки, ни зависть,
Что ложе брачное колеблютъ часто,
Раздора между нихъ во вѣкъ не сѣютъ,
Не разлучаютъ слитыхъ во-едино!
Услышь насъ, Господи! Пускай живутъ,
Какъ братья, съ англичанами французы!
Благослови и укрѣпи ихъ узы!

Всѣ.

Аминь!

Король Генрихъ.

Пусть все готовятъ къ нашей свадьбѣ!
Вы, герцогъ, съ перами должны скрѣпить
Союзъ обѣихъ странъ своею клятвой,—
И въ тотъ-же день и насъ съ тобою, Кэтъ,
Соединитъ на вѣкъ любви обѣтъ!

(Всѣ уходятъ).

Хоръ *(входитъ).*

На этомъ кончить автору пора:
Съ большимъ трудомъ онъ велъ свое сказанье
При помощи столь слабаго пера,
Подавленный величіемъ преданья;
И мало могъ великимъ людямъ онъ
Въ своемъ произведеньи дать простора.
Недолго украшалъ англійскій тронъ
Король-герой; померкло слишкомъ скоро
Свѣтило Англіи, кому данъ былъ
Фортуной даръ побѣдъ благословенный.
Мечомъ въ наслѣдье сыну онъ добылъ
Прекраснѣйшій изъ всѣхъ садовъ вселенной,
И двѣ короны гордо вознеслись
Надъ колыбелью Генриха Шестого.
Былъ слабъ онъ, и другіе принялись
Страною править за него сурово;
Отпала Франція, и пострадать
Немало Англіи пришлось. Предъ вами
Все это намъ не разъ изображать
Здѣсь приходилось дѣломъ и словами;
Такъ пусть у васъ и это представленье
Такое же заслужитъ одобренье.

Анна Ганзенъ.

Знамена англичанъ въ битвѣ при Азинкурѣ.

Виньетка эпохи Ренесанса (Аугсбургъ, 1516. Типографія Іоганна Миллера; рисунокъ нѣм. художника Даніила Гопфера, умершаго около 1536 г.). Русскія буквы стилизовалъ В. А. Табуринъ.

ВИНДЗОРЪ.

Виндзорскія проказницы.

Многочисленныя свидѣтельства, сохранившіяся у писателей—современниковъ Шекспира, говорятъ намъ о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ на современную англійскую публику обѣими частями „Генриха IV“. Выведенныя въ нихъ дѣйствующія лица быстро стали популярными и имена ихъ—нарицательными для обозначенія тѣхъ типовъ людей, представителями которыхъ они являлись. Уже въ 1599 году товарищъ и соперникъ Шекспира, Бенъ Джонсонъ, въ своей комедіи „Every man out of his humour“ (V, 1) могъ ограничиться, при характеристикѣ одного изъ выведенныхъ имъ лицъ, простой ссылкой на схожій типъ во второй части „Генриха IV“.

Особенно посчастливилось, конечно, „толстому рыцарю“, Фальстафу, сразу ставшему всеобщимъ любимцемъ. Въ англійской литературѣ начинаютъ появляться болѣе или менѣе удачныя подражанія этому геніальному типу, да и самъ Шекспиръ, полюбивъ своего героя или уступая вкусамъ публики, хотѣлъ вывести его еще разъ на сцену въ пьесѣ, надъ которой онъ работалъ по окончаніи „Генриха IV“. Онъ самъ говоритъ объ этомъ въ эпилогѣ ко второй части хроники: „Если вамъ не прискучила жирная пища, нашъ смиренный авторъ продолжитъ исторію, въ которой дѣйствуетъ сэръ Джонъ, и развеселитъ васъ Катериной французской. Въ этой исторіи, насколько я знаю *), Фальстафъ умретъ отъ смертельнаго пота, — если онъ еще не убитъ вашимъ суровымъ приговоромъ“.

Въ этихъ словахъ заключается ясный намекъ на „Генриха V“. Поэтъ, однако, своего обѣщанія не сдержалъ: въ „Генрихѣ V“ Фальстафъ на сценѣ уже не появляется, и мы узнаемъ лишь о его смерти (II, 3).

*) Эпилогъ произносится однимъ изъ актеровъ.

Руководствуясь очень вѣрнымъ художественнымъ тактомъ, поэтъ, очевидно, отказался отъ первоначальнаго плана; онъ чувствовалъ, что въ героической драмѣ о Генрихѣ V Фальстафу и его пьяной компаніи мѣста быть не могло и что появленіе его на сценѣ внесло-бы въ художественную гармонію этой пьесы крупный и рѣзкій диссонансъ.

Мы не знаемъ, конечно, насколько Шекспиръ чувствовалъ себя связаннымъ своимъ обѣщаніемъ. Можетъ быть, онъ удовлетворился бы краткимъ разсказомъ о смерти Фальстафа, столь художественно заканчивающимъ изображеніе земного поприща героя, еслибъ не внѣшній поводъ, заставившій его вновь воскресить всеобщаго любимца. Онъ принялся за работу—и въ результатѣ получилась новая пьеса, о которой поэтъ навѣрное не думалъ раньше: комедія о „Виндзорскихъ проказницахъ", гдѣ толстый рыцарь стоитъ въ центрѣ дѣйствія, сосредоточивая на себѣ весь интересъ послѣдняго.

Упомянутый нами внѣшній поводъ къ написанію комедіи состоялъ въ прямомъ приказаніи королевы Елизаветы. Свѣдѣніе объ этомъ сохранилъ намъ Джонъ Деннисъ (Dennis), который ровно сто лѣтъ послѣ перваго появленія въ свѣтъ нашей комедіи, т. е. въ 1702 г., издалъ обработку ея подъ заглавіемъ „Комическій любовникъ или любовныя затѣи сэра Джона Фальстафа" (The Comical Gallant, or the Amours of Sir John Falstaff). Вкусу публики начала XVIII вѣка комедія Шекспира казалась грубой; вотъ почему Деннисъ и счелъ необходимымъ „исправить" ее, такъ какъ сама по себѣ она была вполнѣ достойна вниманія „по разнымъ причинамъ" — говоритъ Деннисъ въ предисловіи къ своей пьесѣ:— „во первыхъ, я хорошо зналъ, что комедія Шекспира снискала одобреніе одной изъ величайшихъ королевъ, которыхъ когда-либо видалъ свѣтъ, королевы, которая была велика не только своею мудростью въ управленіи государствомъ, но и своими знаніями въ наукахъ и тонкимъ вкусомъ въ драматическомъ искусствѣ. Что она обладала такимъ вкусомъ, въ этомъ мы можемъ быть увѣрены, такъ какъ вѣдь она особенно любила писателей древности. Такъ вотъ, эта комедія („Виндзорскія проказницы") была написана по ея повелѣнію и указанію, и она съ такимъ нетерпѣніемъ ожидала видѣть ее на сценѣ, что велѣла, чтобы комедія была готова въ двѣ недѣли, и преданіе говоритъ, что королева потомъ, при представленіи, осталась очень довольна ею".

Первый біографъ Шекспира, Н. Роу (Rowe) дополняетъ это свѣдѣніе въ 1709 г. еще одной чертой. „Королева Елизавета, говоритъ онъ, такъ восхищалась достойнымъ удивленія характеромъ Фальстафа, что велѣла вывести его еще въ другой пьесѣ и изобразить его въ ней влюбленнымъ".

И такъ, „Виндзорскія проказницы" написаны по заказу самой королевы Елизаветы.

Провѣрить эти показанія мы, конечно, не можемъ, но у насъ нѣтъ повода не довѣрять имъ, несмотря на сравнительно позднее появленіе преданія о „Виндзорскихъ проказницахъ" въ литературѣ. Въ его пользу говоритъ цѣлый рядъ фактовъ и соображеній.

Прежде всего, ему не противорѣчатъ данныя, имѣющіяся о внѣшней исторіи нашей комедіи. Она появилась въ печати впервые въ 1602 г. in 4^{0}, подъ заглавіемъ „Весьма занимательная и отмѣнно остроумная комедія о сэрѣ Джонѣ Фальстафѣ и веселыхъ виндзорскихъ женахъ. Съ многообразными и занятными шутками сэра Гуга, валлійскаго рыцаря, мирового судьи Шэлло и его мудраго кузена Слендера", и т. д. Заглавіе называетъ также имя автора—Вильяма Шекспира—и упоминаетъ о томъ, что пьеса неоднократно давалась „какъ въ присутствіи ея величества, такъ и въ другихъ мѣстахъ".

Много споровъ вызвало въ ученой литературѣ изученіе текста этого перваго изданія. Дѣло въ томъ, что онъ далеко не совпадаетъ съ тѣмъ несомнѣнно болѣе вѣрнымъ текстомъ, который принятъ изданіемъ in folio 1623 г. и перешелъ отсюда во всѣ позднѣйшія изданія, тогда какъ худшій текстъ 1602 года былъ перепечатанъ лишь одинъ разъ еще, въ 1619 г. Въ немъ замѣчаются не только крупные пробѣлы, но и такія значительныя отступленія, что онъ можетъ казаться другой, какъ бы болѣе ранней, еще не окончательно отдѣланной редакціей пьесы. Основываясь на этихъ отступленіяхъ, нѣкоторые изслѣдователи полагали, что въ изданіи 1602 г. передъ нами первая, древнѣйшая редакція комедіи, написанная по заказу, на спѣхъ, въ тѣ „двѣ недѣли", о которыхъ говоритъ Деннисъ. Впослѣдствіи-же поэтъ, якобы сознавая крупные недостатки своей пьесы, вторично обработалъ ее и придалъ ей ту форму, какую она имѣетъ въ in folio 1623 г.

Но едва-ли это такъ. Не даромъ же

соперникъ Шекспира, Бенъ Джонсонъ, ставитъ ему въ упрекъ, что онъ никогда ни одной написанной имъ строки не вычеркивалъ, что онъ всегда какъ-бы импровизировалъ и никогда не возвращался къ прежнимъ своимъ пьесамъ съ цѣлью лучшей ихъ отдѣлки. Болѣе правы, вѣроятно, изслѣдователи—и на ихъ сторонѣ теперь большинство — усматривающіе въ текстѣ 1602 г. такъ называемое „хищническое изданіе" (piratical edition), которыхъ въ то время появлялось не мало. Предпріимчивый издатель посылалъ въ театръ людей, умѣвшихъ запоминать и быстро записывать со словъ актеровъ; эти записи, затѣмъ, кое-какъ отдѣлывались, склеивались—и пускались въ ходъ какъ подлинный текстъ пьесы.

Извѣстно, что не однѣ только „Виндзорскія проказницы" попали въ печать въ такомъ исковерканномъ видѣ: та-же судьба постигла напр. текстъ „Ромео и Джульетты", „Гамлета" и другихъ пьесъ, имѣвшихъ успѣхъ у публики. Самъ Шекспиръ относился къ этому безцеремонному обращенію съ его литературной собственностью, повидимому, вполнѣ равнодушно. Во всякомъ случаѣ, лишь въ посмертномъ изданіи 1623 г. мы имѣемъ право видѣть подлинный текстъ нашей комедіи.

Впрочемъ, для насъ во всемъ этомъ спорѣ важенъ только тотъ фактъ, что пьеса появляется на книжномъ рынкѣ лишь въ 1602 г. А такъ какъ Meres, который въ своей „Palladis Tamia" (1598 г.) перечисляетъ произведенія Шекспира, еще не знаетъ нашей комедіи, то догадки нѣкоторыхъ ученыхъ (въ особенности Charles Knight'а) о болѣе раннемъ происхожденіи „Проказницъ" теряютъ всякую почву. Вѣроятнѣе всего, что комедія возникла вскорѣ послѣ „Генриха V", т. е. около 1600 г. А этимъ косвенно подтверждается преданіе объ участіи Елизаветы въ ея возникновеніи.

Другой фактъ, поддерживающій, повидимому, преданіе, это—пріуроченіе дѣйствія къ Виндзору, одному изъ любимыхъ мѣстопребываній королевы, а также прославленіе ордена Подвязки (V, 5), капитулъ котораго засѣдалъ именно здѣсь. Весьма возможно, что пьеса написана для одного изъ частныхъ придворныхъ празднествъ въ Виндзорѣ и была разыграна здѣсь впервые.

Еще важнѣе, однако, доказательства, основанныя на внутреннихъ соображеніяхъ.

Дѣло въ томъ, что наша комедія дѣйствительно производитъ—въ особенности по сравненію съ „Генрихомъ IV"—впечатлѣніе не свободнаго творчества, вызваннаго внутренней потребностью творческаго генія, а чего-то дѣланнаго, искусственнаго, однимъ словомъ—заказаннаго. Изъ всѣхъ позднѣйшихъ пьесъ Шекспира „Виндзорскія проказницы", несомнѣнно, самая слабая, если не считать „Генриха VIII", также написаннаго, вѣроятно, по заказу. Притомъ это единственная изъ позднихъ комедій Шекспира, въ которой интрига преобладаетъ надъ характеристикой. Еще важнѣе, наконецъ, то, что въ отдѣлкѣ типа самого Фальстафа здѣсь сдѣланъ шагъ назадъ. Въ сравненіи съ геніальнымъ собутыльникомъ принца Уэльскаго, передъ нами здѣсь какой-то пройдоха съ мошенническими инстинктами, попадающійся въ грубую ловушку. Онъ, правда, еще довольно остроуменъ, но нѣтъ уже того веселаго смѣха надъ всѣмъ міромъ — не исключая и собственной толстой персоны,—который слышится тамъ. Это—Фальстафъ въ полномъ упадкѣ, потерявшій то глубокое знаніе людей, которое давало ему столько власти надъ окружающей средой, помогало ему выбираться изъ любого, хотя бы сквернѣйшаго положенія и окружало его ореоломъ какого-то тріумфатора, не знающаго себѣ препятствій и преградъ. Онъ нѣсколько разъ подъ рядъ попадается въ западню, поставленную ему двумя заурядными кумушками и терпитъ полное фіаско по всей линіи. Неужели Шекспиръ могъ добровольно ослабить этотъ сильнѣйшій изъ созданныхъ имъ комическихъ типовъ только для того, чтобы изобразить торжество добродѣтели надъ порокомъ? А вѣдь это пришлось-бы признать, разъ намъ выяснилось, что „Виндзорскія проказницы" написаны послѣ „Генриха IV" и „Генриха V".

Нѣтъ, сюжетъ, очевидно, былъ навязанъ Шекспиру, и навязанъ неразумно. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно представить себѣ Фальстафа „влюбленнымъ"? Какъ онъ понимаетъ любовь и какую любовь цѣнитъ—это въ достаточной мѣрѣ выяснено во второй части „Генриха IV". Къ чему еще новая пьеса? Королева, очевидно, не вполнѣ поняла Фальстафа, иначе она не включила бы въ свой заказъ условіе „влюбленности". Поэтъ-же не могъ уклониться отъ исполненія королевскаго желанія; и нужно отдать ему справедливость:—онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы спасти своего героя, изобразивъ его не влюбленнымъ, а лишь затѣвающимъ любовную интригу — въ угоду королевѣ Елизаветѣ. И въ угоду ей-же

Фальстафъ, конечно, долженъ былъ попасться въ просакъ; другого исхода не было.

Какъ поэтъ приступилъ къ дѣлу,—это довольно ясно. Ему нужна была интрига для готоваго, законченнаго характера главнаго героя, въ которой послѣдній оказался-бы въ совершенно новой обстановкѣ. Интрига эта должна была разыграться, конечно, не въ высшей дворянской средѣ, къ которой Фальстафъ, какъ рыцарь, имѣлъ бы доступъ при другихъ вкусахъ и нравственныхъ качествахъ; но и не въ той болѣе чѣмъ легковѣсной компаніи, въ которой Фальстафъ проявляетъ свое пониманіе любви въ „Генрихѣ IV" (2-ая часть, II, 4). Наилучшимъ исходомъ должна была казаться провинціальная буржуазная среда съ ея добродушною мелочностью, захолустнымъ веселіемъ и семейною добропорядочностью. Вотъ почему „Виндзорскія проказницы" оказались единственною среди произведеній Шекспира вполнѣ буржуазной комедіей, въ которой передъ нами развертывается яркая картина провинціальной жизни среднихъ классовъ „веселой Англіи" въ эпоху „доброй королевы Бетти".

Что касается самой интриги, то кое-какія частности ея Шекспиръ заимствовалъ изъ той литературы, которая и для цѣлаго ряда другихъ произведеній его послужила главнымъ источникомъ, т. е. изъ литературы итальянской. Въ сборникѣ новеллъ Страпаролы „Тринадцать весело проведенныхъ ночей" (Straparola, „Tredeci piacevoli notti", Венеція 1550—1554) встрѣчается между прочимъ разсказъ о томъ, какъ нѣкій студентъ Filenio Sisterna на одномъ и томъ-же балу объясняется въ любви тремъ красавицамъ. Дамы, узнавъ объ этомъ другъ отъ друга, хотятъ наказать его за такое оскорбительное для нихъ легкомысліе. Онѣ подвергаютъ его разнымъ униженіямъ и мученіямъ, якобы для того, чтобы спасти его отъ неожиданно появляющихся мужей: одна прячетъ его подъ постель, гдѣ она заранѣе приготовила пукъ колючихъ вѣтокъ; въ домѣ второй онъ проваливается въ глубокій подвалъ; третья, наконецъ, высаживаетъ его ночью на улицу спящимъ и голымъ.

Затѣмъ, Giovanni Fiorentino въ своемъ сборникѣ „Pecorone" *) передаетъ другой разсказъ, который также напоминаетъ намъ нѣкоторыя детали нашей комедіи. Нѣкій студентъ, обучающійся у старика-ученаго наукѣ о любви, хочетъ примѣнить свои познанія на дѣлѣ, притомъ—къ молодой красавицѣ—женѣ своего учителя. А такъ какъ онъ не знаетъ, кто она, то, какъ ученикъ, который радъ похвастаться своими успѣхами передъ учителемъ, онъ разсказываетъ послѣднему всякій разъ о тѣхъ уловкахъ, при помощи которыхъ его милая спасла его отъ глазъ ревниваго мужа. Посвящаемый, такимъ образомъ, во всѣ подробности дѣла, мужъ всячески старается поймать преступниковъ на мѣстѣ преступленія, но напрасно: на слѣдующій же день онъ отъ любовника-же узнаетъ, какимъ образомъ его провели. Жена прячетъ здѣсь своего милаго между прочимъ подъ грудой бѣлья, какъ у Шекспира. Тотъ же разсказъ повторяется и у Страпаролы, въ другой новеллѣ указаннаго сборника, но уловки жены здѣсь менѣе напоминаютъ комедію Шекспира: она прячетъ своего любовника за занавѣсью постели, въ сундукѣ подъ платьемъ и въ шкапу; когда разъяренный мужъ хочетъ поджечь всю комнату, то умная жена велитъ вынести изъ нея этотъ шкапъ подъ тѣмъ предлогомъ, что въ немъ хранятся ея „семейныя бумаги".

Обѣ версіи были извѣстны въ английской литературѣ еще до Шекспира: ими воспользовался писатель-актеръ Richard Tarlton въ разсказѣ о „двухъ любовникахъ въ Пизѣ" („The two lovers of Pisa)", вошедшемъ въ его „Новости изъ чистилища" („News out of Purgatory", 1590). Не подлежитъ сомнѣнію, что Шекспиръ зналъ и эту англійскую передѣлку, на что указываютъ нѣкоторыя совпаденія въ частностяхъ, встрѣчающихся только у Тарлтона. Но не новелла послѣдняго была его главнымъ источникомъ, такъ какъ способы, при помощи которыхъ любовникъ спасается отъ мужа, у Шекспира ближе къ Fiorentino, чѣмъ къ Тарлтону.

Этимъ, однако, не исчерпывается число источниковъ Шекспира. Въ его комедіи есть мотивъ, притомъ очень удачный, который мы напрасно стали бы искать въ итальянской новеллистикѣ, но который встрѣчается въ нѣмецкой литературѣ у современника Шекспира, извѣстнаго драматическаго писателя, герцога Генриха Юлія Брауншвейгскаго (1564—1613). Въ его „Трагедіи о нѣкой прелюбодѣйкѣ, трижды обманувшей мужа, но наконецъ принявшей страшную кончину" („Tragedia Hibaldeha von einer Ehebrecherin, wie die ihren Mann dreimal betrogen, aber zuletzt ein schrecklich Ende

*) Объ этомъ сборникѣ см. т. I, стр. 421. *Ред.*

genommen hatte", Вольфенбюттель, 1594) нѣкій купецъ, сомнѣваясь въ добродѣтели своей жены, хочетъ подвергнуть ее испытанію. Для этой цѣли онъ даетъ бѣдняку—студенту Памфилу, который за деньги готовъ любить кого угодно, средства съ тѣмъ, чтобы онъ нарядился дворяниномъ и пріударилъ за его женой; онъ-же, мужъ, будетъ наблюдать и убѣдится окончательно въ добродѣтели или порочности жены. Есть въ этой драмѣ и другія черты, напоминающія „Проказницъ": такъ, жена велитъ вынести Памфила въ бочкѣ съ грязнымъ бѣльемъ. Но исходъ тутъ иной, т. е. пьеса кончается самоубійствомъ невѣрной жены.

Зналъ-ли Шекспиръ нѣмецкую драму, или-же сходство съ нею объясняется заимствованіемъ изъ общаго источника *), это вопросъ нерѣшенный и, повидимому, нерѣшимый. Нелишне, однако, замѣтить, что при дворѣ герцога Брауншвейгскаго проживало не мало англійскихъ актеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые вернулись въ Англію вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ „Трагедіи о прелюбодѣйкѣ". Весьма возможно, что отъ нихъ нашъ поэтъ узналъ о драмахъ нѣмецкаго герцога и между прочимъ о содержаніи названной трагедіи.

Вотъ элементы, изъ которыхъ составилась фабула „Виндзорскихъ проказницъ". Скомпоновалъ ихъ Шекспиръ совершенно самостоятельно, углубивъ интригу, давъ ей другой исходный пунктъ, иное основное настроеніе и, наконецъ, другой исходъ. Дѣло въ томъ, что и у Страпароли интрига получаетъ невеселую развязку: обманутый любовникъ жестоко мститъ своимъ мучительницамъ. Притомъ и психологическая подкладка иная. У итальянскаго писателя дамы казнятъ любовника не потому, что онъ, непрошенный, навязывается имъ, и не изъ добродѣтели, а лишь потому, что онъ объяснялся въ одинъ и тотъ-же вечеръ всѣмъ троимъ въ своей горячей любви; онѣ оскорблены, и отсюда месть. Будь онъ осторожнѣе, результатъ получился-бы, можетъ быть, иной. У Шекспира, наоборотъ, на первый планъ выдвинута супружеская вѣрность „проказницъ": онѣ поступили-бы съ Фальстафомъ не иначе, даже еслибъ онъ удовольствовался временно одной изъ нихъ. Интрига направлена противъ любовника и имѣетъ цѣлью наказать его за помыселъ, грѣховный по существу. Отсюда вытекаетъ морализирующая тенденція пьесы, совершенно отсутствующая у итальянцевъ.

Наконецъ, значительное углубленіе интриги состоитъ и въ томъ, что шутками хитрыхъ „проказницъ" казнится и исправляется также мужъ, ревнующій безъ всякаго основанія.

Нельзя не замѣтить, что дѣйствіе проведено бойко и весело; въ этой новой обстановкѣ и съ указанными измѣненіями и дополненіями оно производитъ совершенно иное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что и параллельное дѣйствіе—исторія любви Анны Пэджъ и Фентона, въ которую вмѣшиваются докторъ Каюсъ и дурачекъ Слендеръ—всецѣло принадлежитъ фантазіи Шекспира.

Долго и много спорили о томъ, къ какому моменту жизни Фальстафа пріурочить дѣйствіе нашей комедіи: происходитъ-ли оно, по мысли автора, до первой части Генриха IV, или между первой и второй его частями, или послѣ размолвки съ принцемъ, ставшимъ королемъ, или-же, наконецъ, оно одновременно съ дѣйствіемъ одной изъ этихъ драмъ. Споръ, въ сущности, лишній, тѣмъ болѣе, что, какое-бы рѣшеніе мы ему ни дали, мы всегда натолкнемся на непримиримыя противорѣчія. Въ особенное затрудненіе ставитъ насъ въ этомъ отношеніи личность продувной Квикли: въ первой части „Генриха IV" она—хозяйка гостиницы „Кабанья голова"; во второй части отмѣчается, что она вдова; въ „Генрихѣ V" она вторично вышла замужъ за Пистоля. А въ „Виндзорскихъ проказницахъ" Квикли увѣряетъ, что она—дѣвица. По „Генриху V" (2-ая ч., II, 4) она знаетъ Фальстафа уже 29 лѣтъ, а здѣсь она встрѣчается съ нимъ, какъ будто, впервые. На основаніи всего этого, полагали, что Шекспиръ представлялъ себѣ дѣйствіе „Проказницъ" происходящимъ до „Генриха IV". Но въ „Генрихѣ IV" нѣтъ еще Нима, который появляется впервые и умираетъ въ „Генрихѣ V", а въ „Проказницахъ" есть и онъ, и Бардольфъ, также умирающій въ „Генрихѣ V".

Изъ этого лабиринта противорѣчій есть только одинъ выходъ: предположеніе, что поэтъ самъ не искалъ пріуроченія къ какому-нибудь опредѣленному моменту. Отдѣльныя фигуры всѣ были готовы, и въ Квикли, напримѣръ, мы узнаемъ, по характеру и типу, старую знакомую, несмотря на новое ея положеніе въ домѣ доктора Ка-

*) Источникомъ драмы герцога Брауншвейгскаго послужилъ разсказъ, обнародованный Михаиломъ Линднеромъ въ его Rastbüchlein (Вольфенбюттель, 1558).

юса. Шекспиръ воспользовался тѣми изъ нихъ, которыя были ему пригодны для новаго дѣйствія, въ иномъ мѣстѣ и другой обстановкѣ, не задумываясь надъ тѣмъ, правдоподобно-ли ихъ новое сочетаніе или нѣтъ, и не противорѣчитъ-ли оно тому, что мы знаемъ о нихъ изъ историческихъ драмъ. Онъ тщательно избѣгаетъ всякаго намека на какое бы то ни было происшествіе изъ послѣднихъ, очевидно сознательно скрывая хронологическое соотношеніе ихъ. Важно лишь то, что дѣйствіе и вся характеристика въ „Виндзорскихъ проказницахъ“ предполагаетъ типы Фальстафа и его сообщниковъ, а также госпожу Квикли, судью Пустозвона (Шэлло) уже извѣстными читателю и зрителю. Изъ однѣхъ „Проказницъ“ типы эти не выясняются въ достаточной мѣрѣ, и въ особенности главный герой, Фальстафъ, становится жалкой и безжизненной каррикатурой для того, кто не знаетъ его изъ „Генриха IV“. Въ этомъ, кстати замѣтить, одно изъ сильнѣйшихъ доказательствъ въ пользу того, что „Проказницы“ дѣйствителено возникли по заказу, послѣ названныхъ историческихъ драмъ.

А если самъ Шекспиръ такъ свободно распоряжался созданными имъ типами, не считая нужнымъ пояснить намъ, какимъ образомъ Квикли стала дѣвицей и прислугой доктора Каюса, почему мистеръ Шэлло оказывается въ Виндзорѣ или, наконецъ, какимъ образомъ самъ Фальстафъ попалъ сюда, то и намъ нечего ставить этихъ вопросовъ. Шекспиръ произвольно собралъ ихъ въ новомъ мѣстѣ, для новой интриги, вполнѣ увѣренный въ томъ, что зритель узнаетъ всѣхъ своихъ старыхъ знакомыхъ. И мы дѣйствительно узнаемъ ихъ и рады встрѣчѣ.

Впрочемъ, вопросъ этотъ самъ по себѣ не такъ праздленъ, какъ оно можетъ показаться на первый взглядъ. Стараясь опредѣлить хронологическое соотношеніе дѣйствія „Виндзорскихъ проказницъ“, „Генриха IV“ и „Генриха V“, критики имѣли въ виду, въ сущности, болѣе важный вопросъ: о внутренней связи и зависимости „Проказницъ“ отъ названныхъ драмъ. Нѣкоторые изслѣдователи (напр. Гервинусъ) полагаютъ, что такая внутренняя связь существуетъ, что „Проказницы“ написаны какъ бы въ pendant къ „Генриху V“, продолжая и заканчивая собою изображеніе той противоположности развитія Фальстафа и Генриха, характеристика которой была начата имъ уже во второй части „Генриха IV“. Дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, что тамъ эта противоположность существуетъ: съ одной стороны, веселый и легкомысленный принцъ, мало по малу превращающійся въ героя и короля, достойнаго своего великаго призванія; съ другой стороны, Фальстафъ, все ниже спускающійся по ступенямъ разврата и порока. Постепенное отчужденіе принца отъ веселой компаніи Фальстафа, очень ясно проведенное во второй части „Генриха IV“, доказываетъ, что изображеніе этого развитія въ двухъ діаметрально противоположныхъ направленіяхъ входило въ планъ поэта и было, можетъ быть, даже главной его цѣлью. Но привлеченіе „Виндзорскихъ проказницъ“ къ той-же задачѣ представляется намъ большой натяжкой. Еслибъ, въ глазахъ Шекспира, „Проказницы“ были прямымъ продолженіемъ и необходимымъ дополненіемъ къ „Генриху IV“, то къ чему было ему скрывать хронологическое отношеніе ихъ дѣйствія къ дѣйствію этой драмы? Картина значительно выиграла бы въ ясности, еслибъ „Проказницы“ были связаны съ „Генрихомъ IV“ хотя бы какой-нибудь внѣшней чертой. Между тѣмъ, въ нихъ, какъ мы видѣли, нѣтъ и намека на подобную связь и хронологическое соотношеніе тщательно скрывается.

Къ тому-же, приведенныя нами выше соображенія о томъ, что наша пьеса написана по заказу, вѣроятно уже послѣ „Генриха V“ или, во всякомъ случаѣ, не до него, соображенія эти, на нашъ взглядъ, съ достаточной убѣдительностью опровергаютъ подобныя искусственныя попытки внутренне связать „Виндзорскихъ проказницъ“ съ серіей соотвѣтствующихъ историческихъ драмъ. Гервинусъ, допуская возникновеніе нашей комедіи по заказу, удивляется искусству поэта, который не удовлетворился такой „поверхностной темой“ и „съумѣлъ придать ей болѣе глубокое этическое значеніе, внутренне связавъ ее съ своими самостоятельными работами и съ той этической идеей, которая занимала его тамъ“. Но если мы вспомнимъ смерть Фальстафа, разсказъ о которой (Генрихъ V, II, 1.3) столь художественно вѣрно заканчиваетъ картину его развитія, то „Виндзорскія проказницы“ всегда представятся намъ ненужной привѣской, безъ всякой цѣли унижающей высоко-художественный типъ Фальстафа.

Вопросъ этотъ приводитъ насъ къ болѣе подробному разбору даннаго характера,

обѣщанному нами уже въ предисловіи къ „Генриху IV". Этимъ мы и закончимъ свою статью, такъ какъ Фальстафъ единственное дѣйствующее лицо нашей комедіи, въ которое стоитъ всмотрѣться внимательно. Остальныя такъ ясны сами по себѣ, что выяснять въ нихъ нечего.

Съ внѣшней стороны, поэтъ, рисуя Фальстафа, находится въ нѣкоторой зависимости отъ дошекспировской драмы о „Славныхъ побѣдахъ Генриха V" (см. предисловіе къ „Генриху IV,", стр. 125). Уже здѣсь мы въ обществѣ легкомысленнаго принца находимъ толстяка по имени Oldcastle, потѣшающаго публику, однако, не остроуміемъ, а исключительно только своею неимовѣрною толщиною. Это грубо-комическая фигура, лишь съ внѣшней стороны напоминающая Фальстафа. Тѣмъ не менѣе, изъ него именно выработался типъ послѣдняго. Вѣроятно даже, что Шекспиръ сохранилъ первоначально имя Ольдкэстля и измѣнилъ его лишь по требованію королевы или потомковъ этого рыцаря.

Дѣло въ томъ, что за нимъ скрывается историческая личность, Sir John Oldcastle, lord Cobham, знатный рыцарь и близкій другъ Генриха V, когда тотъ былъ еще принцемъ Уэльскимъ. Въ свое время онъ игралъ видную общественно-политическую роль, такъ какъ онъ стоялъ во главѣ лоллардовъ, послѣдователей ученія Виклефа. Когда, по вступленіи Генриха V на престолъ, началось или, точнѣе, возобновилось преслѣдованіе лоллардовъ, то личныя отношенія между королемъ и Ольдкэстлемъ измѣнились. Неоднократно Генрихъ пытался уладить дѣло мирнымъ путемъ и уговорить своего стараго пріятеля вернуться въ лоно католической церкви, но тщетно: Ольдкэстль остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ. Дѣло дошло до открытой борьбы и онъ былъ схваченъ. Бѣжавъ изъ заточенія, Ольдкэстль былъ схваченъ вторично и казненъ какъ измѣнникъ и еретикъ.

Когда въ XVI вѣкѣ въ Англіи была проведена реформація, то отношеніе къ памяти Ольдкэстля должно было измѣниться; честь его была возстановлена и въ глазахъ протестантовъ онъ оказался мученикомъ, пострадавшимъ за правую вѣру. Уже въ 1544 г. одинъ изъ передовыхъ борцовъ за реформу, епископъ Джонъ Бэль (Bale) издалъ „Краткій разсказъ о процессѣ и смерти блаженнаго мученика сэра Джона Ольдкэстля, лорда Кобэмскаго".

Это новое пониманіе его личности не могло, конечно, мириться съ пріуроченіемъ его имени къ каррикатурному герою драмы, что и послужило, по преданію, поводомъ къ превращенію Ольдкэстля въ Фальстафа.

Таковъ вѣроятный ходъ дѣла. Прямой намекъ на него мы находимъ въ эпилогѣ ко второй части „Генриха IV", гдѣ непосредственно за приведенными нами выше (стр. 434) словами поэтъ замѣчаетъ отъ себя: „потому что Ольдкэстль умеръ мученикомъ, а Фальстафъ не онъ". Слова эти, ничѣмъ въ самой драмѣ не вызываемыя, понятны лишь съ точки зрѣнія вышеизложенной гипотезы. Несмотря на измѣненіе имени, Фальстафъ, повидимому, все еще напоминалъ публикѣ, привыкшей къ Ольдкэстлю, о послѣднемъ, и поэтъ счелъ нужнымъ сдѣлать свое заявленіе, чтобы тѣмъ какъ-бы возстановить честь мученика и оградить себя отъ упрековъ.

Напрасно нѣкоторые изслѣдователи, пытаясь доказать, что Шекспиръ былъ убѣжденнымъ католикомъ, пускали въ ходъ между прочимъ и Ольдкэстля, протестантскаго мученика, якобы намѣренно обращеннаго поэтомъ въ каррикатуру. Если Фальстафу и предшествовалъ Ольдкэстль, то все-же не подлежитъ никакому сомнѣнію, что какъ имя, такъ и каррикатурную внѣшность толстаго рыцаря Шекспиръ просто взялъ изъ драмы о „славныхъ побѣдахъ Генриха V" безъ всякихъ заднихъ мыслей.

По существу-же Фальстафъ совершенно новый типъ, всецѣло принадлежащій нашему поэту, притомъ одинъ изъ величайшихъ художественныхъ типовъ, когда-либо созданныхъ всемірной литературой. Это типъ такого-же значенія, какъ Гамлетъ, Макбетъ, Отелло, Лиръ, и такое-же художественное откровеніе, поражающее насъ неисчерпаемой глубиной своей концепціи. Сколько о Фальстафѣ ни писалось, никто еще не исчерпалъ его характеристики, и сколько мы бы ни всматривались въ него, мы всегда откроемъ въ немъ новыя черты, ранѣе нами не подмѣченныя.

Съ своей стороны, мы желаемъ намѣтить лишь нѣкоторыя черты, кажущіяся намъ существенными, предоставляя самому читателю изученіе деталей.

Въ чемъ состоитъ сущность комизма Фальстафа? Почему онъ производитъ на насъ такое неотразимо комическое впечатлѣніе? Конечно, не однимъ комическимъ безобразіемъ своей фигуры и не однимъ геніальнымъ остроуміемъ. Какъ ни необходимо и то и другое для обрисовки полнаго

типа, однѣми только этими чертами типъ далеко не исчерпывается.

Много было споровъ объ этомъ въ ученой литературѣ, такъ какъ Фальстафъ ни подъ одно изъ ходячихъ опредѣленій комизма не подходитъ. Да и напрасно мы стали-бы трудиться надъ подъисканіемъ точной формулы, которою онъ-бы исчерпывался. Ближе всего подходитъ къ истинѣ, можетъ быть, опредѣленіе Фишера (F. Th. Vischer, „Shakespeare-Vorträge", т. IV), который усматриваетъ существеннѣйшую особенность типа Фальстафа въ сочетаніи геніальнаго остроумія и веселаго смѣха надъ самимъ собой съ добродушной наивностью.

Съ первой частью этого опредѣленія до добродушія включительно мы охотно согласимся. Но съ наивностью? Фальстафъ не наивенъ; онъ отлично понимаетъ, что дѣлаетъ, тонко разсчитывая каждое слово, вполнѣ увѣренный, что оно произведетъ ожидаемое имъ впечатлѣніе. Это-то именно и даетъ ему такую власть надъ людьми и ту спокойно-величавую самоувѣренность, которая представляется намъ одной изъ важнѣйшихъ чертъ этого сложнаго характера.

Передъ нами, несомнѣнно, типъ отрицательный. Грубый матеріалистъ и эгоистъ до мозга костей, онъ не признаетъ въ жизни никакихъ идеальныхъ силъ и стремленій. Къ чему бы ни прикасались его зоркая наблюдательность и проницательный скептицизмъ, все превращается отъ этого прикосновенія въ ничто, въ фикцію, искусственно созданную людьми, и въ силѣ остается только то, къ чему онъ стремится самъ.

Но какъ скроменъ онъ въ своихъ желаніяхъ! Почести, власть, богатство никакой цѣны въ его глазахъ не имѣютъ. Деньги онъ любитъ, но онѣ нужны ему лишь постольку, поскольку онѣ даютъ ему возможность удовлетворенія его немногосложныхъ потребностей, которыя исчерпываются сладкимъ испанскимъ виномъ, жирнымъ каплуномъ и, пожалуй, еще „любовью" такихъ дамъ, какъ Доли Тиршитъ въ кабакѣ его пріятельницы Квикли. Дальше этого его желанія не идутъ. Зато въ нихъ онъ неисправимъ; онъ готовъ пуститься на какія-угодно продѣлки, лишь бы на столѣ передъ нимъ всегда оказывались каплунъ и вино въ достаточномъ количествѣ, такъ какъ отсутствіе ихъ—единственное, что нарушаетъ его душевное равновѣсіе. Къ сожалѣнію, безденежье случается съ нимъ довольно часто. „Я не знаю средства отъ этой карманной чахотки, замѣчаетъ онъ съ грустью (2 ч., I, 2); брать въ займы—лишь затягиваетъ ее; сама болѣзнь неизлѣчима".

Правда, онъ не прочь прихвастнуть при случаѣ своими заслугами и вліяніемъ при дворѣ. Онъ „убилъ" страшнаго Перси (1 ч. V, 4); онъ ловко пользуется своей легкой побѣдой надъ рыцаремъ Кольвилемъ, чтобы поднять свой престижъ въ глазахъ принца Джона (2 ч. IV, 3). И сколько аристократической сдержанности сказывается въ его разговорахъ въ домѣ мирового судьи Шэлло (2 ч. V, 1.3), сколько самоувѣренной гордости въ его осанкѣ, когда онъ, узнавъ о смерти Генриха IV, обращается къ Шэлло: „Мистеръ Робертъ Шэлло, выбери себѣ какую тебѣ угодно должность въ государствѣ, она будетъ твоею!" Но во все это онъ самъ не вѣритъ, и тонкая иронія надъ самимъ собой слышится во всѣхъ этихъ сценахъ.

„Вотъ вамъ вашъ Перси. Коли отецъ вашъ захочетъ почтить меня чѣмъ-нибудь, ладно! а коли нѣтъ, то пусть справится съ слѣдующимъ Перси самъ. Право, я разсчитываю сдѣлаться графомъ или герцогомъ!" „Какъ, говоритъ ему принцъ, да вѣдь я-же самъ убилъ Перси и видѣлъ тебя мертвымъ!" „Вотъ какъ!" тономъ глубокаго негодованія отвѣчаетъ Фальстафъ. „Господи Боже мой, до какой степени люди преданы лжи!" (1 ч. V, 4).

А въ сценѣ съ Кольвилемъ (2 ч. IV, 3), когда принцъ Джонъ посмѣлъ усумниться въ храбрости Фальстафа: „Я такъ и зналъ, что порицаніе и упрекъ—награда за храбрость!" И въ его дальнѣйшемъ разсказѣ о томъ, какъ онъ, замучивъ сто восемьдесятъ съ лишнимъ почтовыхъ лошадей, чтобы только поспѣть къ битвѣ, усталый отъ пути, въ своей „чистой и незапятнанной храбрости" побѣдилъ Кольвиля, „яростнаго рыцаря и храбраго противника"; въ его требованіи, чтобы подвигъ его былъ занесенъ на скрижали исторіи, иначе онъ самъ сочинитъ о немъ балладу и превзойдетъ всѣхъ своей славой, какъ полная луна превосходитъ своимъ блескомъ мелкія звѣзды, кажущіяся передъ нею булавочными головками, — во всемъ этомъ слышится столько веселаго шаржа, что въ искренность Фальстафа вѣрить невозможно. Да онъ и не требуетъ, чтобы ему вѣрили. Стоитъ прочесть его разсужденія о чести (1 ч. V, 1), чтобы понять, что Фальстафъ серьезно стремиться къ ней не можетъ. „Честь, это размалеванный щитъ въ похо-

ронной процессіи“, — вотъ выводъ, къ которому онъ приходитъ, всесторонне расчленивъ понятіе чести. „Можетъ-ли честь приставить человѣку новую ногу? Нѣтъ! А руку? Нѣтъ. Или успокоить боль отъ раны? Нѣтъ. Стало быть, честь не хирургъ? Нѣтъ. Что-же такое честь? Слово. Что содержится въ словѣ честь? что такое честь? Пустой воздухъ. Хорошъ разсчетъ! Кто-же обладаетъ ею? Тотъ, кто умеръ. Онъ ее чувствуетъ? Нѣтъ. Онъ ее слышитъ? Нѣтъ. Значитъ, она не ощущаема? Мертвецами — нѣтъ. Но, можетъ быть, она жива съ живыми? Нѣтъ. Отчего-же нѣтъ? А потому, что злословіе не допускаетъ этого. Коли такъ, то она мнѣ не нужна!“

Онъ, дѣйствительно, не стремится къ чести, какъ не стремится и ко многому иному, что другимъ людямъ кажется необходимымъ въ жизни. Его философія уничтожаетъ все, что такъ или иначе связываетъ человѣка, подчиняя его то тѣмъ, то другимъ требованіямъ нравственнымъ, соціальнымъ или инымъ. Все—суета суетъ, за исключеніемъ вина и каплуна. Это—олицетвореніе абсолютной свободы духа, связаннаго съ землею однимъ только желудкомъ, и этимъ Фальстафъ такъ и привлекателенъ—между прочимъ и для принца Генриха,—но въ этомъ-же, конечно, и оборотная сторона медали. Отрицая все и вся, создавая для себя особую мораль, состоящую въ полнѣйшей нравственной безпринципности, онъ представляетъ изъ себя ферментъ разложенія, опасный для среды, въ которой онъ вращается; тѣмъ болѣе опасный, чѣмъ привлекательнѣе его остроуміе, чѣмъ заманчивѣе суверенная свобода духа, которою отъ него вѣетъ.

Онъ не знаетъ ни угрызеній совѣсти, ни стыда; не знаетъ ихъ не потому, что онъ состарившійся въ порокахъ грѣшникъ. Дѣло просто въ томъ, что эти душевныя движенія предполагаютъ нѣкоторое пониманіе того, что такое честность или, по крайней мѣрѣ, хотя бы инстинктивное чувство добропорядочности. А этого-то, именно, у него и нѣтъ: оно поглощено его жизнерадостной всеуничтожающей житейской философіей, передъ которой ничто устоять не можетъ.

По природѣ Фальстафъ не злой и не преступный человѣкъ. Конечно, его пріятельница, мистриссъ Квикли, сильно преувеличиваетъ, когда она, прощаясь съ нимъ, говоритъ ему въ слѣдъ (2 ч. II, 4): „Вотъ уже 29 лѣтъ, что я тебя знаю; но честнѣйшаго человѣка и болѣе доброе сердце...“ Она такъ взволнована и огорчена предстоящей разлукой, что не можетъ договорить: она хотѣла сказать, что болѣе честнаго человѣка ей не приходилось встрѣчать.

Конечно, такая характеристика карикатурна; но въ этихъ словахъ есть и доля правды. Фальстафу несомнѣнно присуще добродушіе; оно даже одна изъ основныхъ чертъ его характера, придающая особый оттѣнокъ и его остроумію. Послѣднее всегда безобидно; оно никогда не имѣетъ цѣлью оскорбить, обидѣть кого-нибудь или отомстить за полученную обиду. Одинъ только разъ онъ нѣсколько мѣняетъ тонъ, въ сценѣ съ верховнымъ судьей, который съ высоты своего нравственнаго и должностного величія читаетъ старику внушительную нотацію (2 ч. II, 1). Но съ Фальстафомъ не такъ-то легко справиться, и одними только громкими словами на него, мастера слова, впечатлѣнія не произведешь. Съ первыхъ же словъ ему удается повернуть фронтъ. Онъ, джентльменъ съ головы до пятъ, никого не обидѣлъ, а его обижаютъ и онъ требуетъ удовлетворенія. И такъ ловко и самоувѣренно ведетъ онъ свой маневръ, такъ легко и быстро привлекаетъ онъ на свою сторону обвинительницу Квикли, что судья принужденъ признать себя побѣжденнымъ и покинуть поле сраженія, получивъ отъ Фальстафа напослѣдокъ еще тонкій урокъ въ вѣжливости. „Что за пошлякъ научилъ васъ этимъ пріемамъ, сэръ Джонъ?“ спрашиваетъ раздосадованный судья. Фальстафъ отвѣчаетъ не ему, а его спутнику: „Мистеръ Гоуеръ, если эти пріемы ко мнѣ не идутъ, то тотъ—дуракъ, кто научилъ меня имъ“, т. е. самъ судья, который только что дѣйствительно былъ невѣжливъ съ Фальстафомъ, устранивъ его изъ разговора съ Гоуеромъ.

Это единственная сцена, въ которой остроуміе Фальстафа принимаетъ нѣсколько аггрессивный характеръ: Но и здѣсь его шутка, въ сущности, безобидна, и урокъ, полученный судьей, до извѣстной степени заслуженъ имъ. Во всѣхъ-же остальныхъ сценахъ Фальстафъ—олицетворенное добродушіе. Не даромъ нашъ поэтъ сохранилъ за нимъ обликъ „толстаго“ рыцаря: толстяки, по Шекспиру, всегда добродушны. Вспомнимъ Юлія Цезаря, не довѣряющаго сухощавому Кассію; онъ желалъ бы, чтобы его окружали одни тучные люди, они добродушнѣе и неспособны къ злобѣ.

Таковъ и Фальстафъ. Онъ трунитъ надъ другими и нисколько не обижается, а напротивъ даже радъ, когда надъ нимъ трунятъ. „Я не только самъ остроуменъ, заявляетъ онъ не безъ справедливой гордости, но и причина тому, что другіе остроумны" (2 ч. I, 2). Когда онъ сытъ и вина у него вдоволь, то онъ вполнѣ доволенъ, и остроуміе его создаетъ атмосферу, въ которой и другимъ дышется свободно и весело. Онъ сознаетъ за собой много грѣховъ, но нравственную отвѣтственность за нихъ несетъ не онъ—Боже сохрани!—а тѣ, которые довели его до этого. Онъ, бѣдный, палъ безвинной жертвой соблазна. „Ты много передо мною виноватъ, говоритъ онъ со вздохомъ принцу (1 ч. I, 2), да проститъ тебѣ Господь! До знакомства съ тобой я былъ невиненъ какъ младенецъ, а теперь я, по правдѣ сказать, не лучше ни одного изъ безбожниковъ. Мнѣ надо отказаться отъ этой грѣховной жизни, и я откажусь. Ей Богу, ни изъ-за какого принца въ мірѣ я не хочу попасть въ адъ!"

Его толстая фигура не результатъ обжорливости и пьянства, о нѣтъ! „Чортъ побери заботы и вздохи! они раздуваютъ человѣка словно кишку" (1 ч. II, 4).

Онъ вѣчно молодъ. „Мы, молодежь", говоритъ онъ про себя въ разговорѣ съ судьей (2 ч. I, 2); а когда послѣдній, не понявъ шутки, начинаетъ серьезно доказывать ему, что онъ старъ, то Фальстафъ, также сохраняя серьезный тонъ, побѣдоносно доказываетъ противное: „Сударь, я родился въ 3 часа пополудни, съ сѣдой головой и какъ-бы толстымъ брюхомъ. Что касается моего голоса, то я его испортилъ громкимъ пѣніемъ на клиросѣ. Я не стану приводить вамъ другихъ доказательствъ моей молодости, но правда та, что я старъ только сужденіями и умомъ".

Онъ правъ; такіе люди, какъ онъ, старости не знаютъ. Ихъ вѣчная молодость плещется въ веселіи, какъ рыба въ водѣ, и выходитъ побѣдителемъ изъ любого положенія, въ которомъ потерялась бы менѣе изворотливая старость. Развѣ не побѣда надъ всѣми житейскими невзгодами—мирный сонъ праведника, которымъ онъ засыпаетъ, спрятанный за занавѣской, въ тотъ самый моментъ, когда за нимъ приходитъ шерифъ, чтобы арестовать его за открытый грабежъ (1 ч. II, 4)? Развѣ онъ не выходитъ тріумфаторомъ изъ труднаго положенія, когда принцъ, въ той-же сценѣ, уличаетъ его въ наглой лжи по поводу ночного нападенія? Число враговъ, съ которыми ему, храброму Фальстафу, пришлось справляться, все растетъ. Сначала ихъ было двое, теперь уже четверо. „Такъ вотъ, эти четыре въ рядъ одновременно напали на меня. Не долго думая, я отпарировалъ ихъ семь шпагъ— вотъ такъ!"—„Какъ семь? говоритъ, смѣясь, принцъ: да вѣдь ихъ только что было четверо?" „Ну да, въ парусинномъ платьѣ", невиннымъ тономъ отвѣчаетъ Фальстафъ, словно не понимая вопроса принца. Наконецъ, онъ прижатъ къ стѣнѣ, принцъ раскрываетъ свои карты и возстановляетъ истину. Но если онъ разсчитывалъ смутить Фальстафа этимъ и заставить его сознаться во лжи и трусости, то онъ ошибся: одно мгновеніе ока—и изворотливость его нашла и здѣсь выходъ. „Клянусь небомъ, говоритъ онъ спокойно, я узналъ васъ, узналъ какъ родной отецъ. Скажите, друзья мои, развѣ мнѣ подобало убить наслѣдника престола? Развѣ я могъ возстать на истиннаго принца? Ты знаешь, я храбръ какъ Геркулесъ; но вспомни объ инстинктѣ: левъ никогда не тронетъ настоящаго принца. Инстинктъ —великое дѣло. Я былъ трусомъ изъ инстинкта". Никто ему, конечно, не вѣритъ. Но это ему безразлично; важно то, что всѣ смѣются—и миръ возстановленъ.

Дѣйствительно, трусомъ Фальстафа, строго говоря, назвать нельзя. Въ сценѣ грабежа ему какъ-то не по себѣ, словно школьнику, попавшему въ неладное дѣло; быть побитымъ онъ не желаетъ. Но вѣсть о предстоящей войнѣ его нисколько не смущаетъ. Онъ хладнокровно отправляется въ походъ, хотя легко могъ бы остаться и дома. Онъ увѣренъ въ себѣ и знаетъ, что хладнокровіе и полная свобода духа не покинутъ его и на полѣ битвы. И онъ правъ. Спокойно-самоувѣренно вмѣшивается онъ въ разговоры сильныхъ міра сего (1 ч. V, 1); въ столкновеніи съ страшнымъ Дугласомъ, побѣдителемъ оказывается не послѣдній, а Фальстафъ, въ надлежащій моментъ представившійся убитымъ. „Лучшая часть храбрости—осторожность, и при помощи этой части я спасъ свою жизнь" (1 ч. V, 4). И веселая наглость, съ которой онъ приписываетъ себѣ смерть Перси, дѣлаетъ его однимъ изъ героевъ дня.

Есть, однако, еще черта въ обликѣ Фальстафа, которой мы коснулись пока лишь мимоходомъ. Это—его весьма сомнительная честность. Онъ откровенно сознается, что обираніе чужихъ кармановъ—его профессія (1 ч. I, 2). Но на первыхъ порахъ эта

черта какъ бы скрашена добродушнымъ веселіемъ; она не выступаетъ такъ рѣзко, какъ во второй части „Генриха IV“ и въ особенности въ „Виндзорскихъ проказницахъ“. Выносишь впечатлѣніе, словно грабежъ близъ Гедсгиля—шутка, придуманная только для увеселенія принца и всей честной компаніи. Уже приготовленія къ нему до нельзя комичны. Фальстафъ хочетъ, чтобы „настоящій принцъ, ради веселія, сдѣлался мнимымъ воромъ, такъ какъ жалкія злоупотребленія нашего времени нуждаются въ исправленіи (1 ч. I, 2)“. Упрекъ, съ которымъ Фальстафъ обращается къ принцу, когда тотъ отказывается принять участіе въ предпріятіи: „Нѣтъ въ тебѣ честности, нѣтъ мужества, и настоящаго товарищества въ тебѣ нѣтъ; и не отъ царской крови происходишь ты, коли у тебя не хватаетъ духа протянуть руку за нѣсколькими „кронами“!“; комическій возгласъ его, когда онъ узнаетъ, что путешественниковъ „штукъ восемь или десять“, а ихъ, грабителей, всего шесть: „Чортъ возьми, а что если не мы ихъ, а они насъ оберутъ?“ его брань, когда, отнявъ у него коня, его заставляютъ идти пѣшкомъ; его обращеніе къ путникамъ: „Бейте ихъ! сломайте негодяямъ шею! они ненавидятъ насъ, молодыхъ! оберите ихъ! Мы, молодежь, тоже хотимъ жить!“—все это смягчаетъ грубость сцены. А когда читатель узнаетъ, что принцъ вернулъ ограбленнымъ ихъ имущество (1 ч. III, 3), то онъ окончательно мирится съ фактомъ и готовъ видѣть во всемъ этомъ веселую шутку.

Но мало по малу краски сгущаются. Еще въ первой части „Генриха IV“, отправляясь въ походъ, Фальстафъ, какъ онъ самъ сознается, грубо злоупотребилъ королевскимъ указомъ о рекрутскомъ наборѣ, набравъ, вмѣсто 150 солдатъ — триста съ лишнимъ фунтовъ стерлинговъ, и тутъ-же поясняетъ, какъ ему это удалось: онъ, видите-ли, забиралъ только богатыхъ землевладѣльцевъ, сыновей зажиточныхъ фермеровъ, давно помолвленныхъ холостяковъ наканунѣ свадьбы, однимъ словомъ—„все народъ, который такъ же охотно услышалъ бы голосъ дьявола, какъ звукъ барабана“. Всѣ они, конечно, поспѣшили откупиться отъ службы, и теперь у него, вмѣсто настоящихъ солдатъ, 150 оборванцевъ, такихъ, что прохожій шутникъ спросилъ его, не снялъ-ли онъ ихъ со всѣхъ висѣлицъ Англіи. „Въ моей ротѣ всего полторы рубахи; изъ нихъ та, что представляетъ половинку, сшита изъ двухъ салфетокъ, накинутыхъ на плечи, какъ мантія безъ рукавовъ; а цѣльная рубаха, по правдѣ сказать, сворована у трактирнаго хозяина въ Сентъ-Альбансѣ или у красноносаго цѣловальника въ Дэвентри“ (1 ч. IV, 2). Ему немножко стыдно своихъ солдатъ и онъ не хочетъ пройти съ ними по улицамъ Ковентри, но онъ весело вступается за нихъ, когда принцъ и графъ Вестморлэндъ находятъ ихъ видъ слишкомъ „нищенскимъ“. „Ихъ бѣдность — право не знаю, откуда она у нихъ; а что касается голоднаго ихъ вида, то я увѣренъ, что не у меня они его переняли“.

Но чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Фальстафъ чувствуетъ, что принцъ, подъ вліяніемъ другихъ, болѣе серьезныхъ интересовъ и заботъ, начинаетъ чуждаться его. Жизнь становится серьезнѣе; онъ причисленъ къ войску принца Джона Ланкастерскаго, который шутить не любитъ. Фальстафъ предоставленъ самому себѣ; ему приходится бороться за существованіе и напрягать всѣ силы своего ума, чтобы удержаться на высотѣ. Съ верховнымъ судьей онъ справляется легко (см. выше); но денегъ нѣтъ— и начинается прежній маневръ, взятки съ новобранцевъ, на этотъ разъ на нашихъ глазахъ (2 ч. III, 2); сцена уже не скрашивается добродушными шутками Фальстафа, а выступаетъ во всей наготѣ своей наглой безцеремонности. Глупостью мистера Шэлло онъ пользуется для того, чтобы занять у него 1000 фунтовъ, хотя онъ отлично знаетъ, что онъ ихъ ему никогда не вернетъ. Разсужденія его въ этомъ пунктѣ чрезвычайно просты: „Если мелкая рыба на то и создана, чтобы служить приманкой для старой щуки, то я, по законамъ природы, не вижу причины, почему мнѣ не проглотить его!“ (2 ч. III, 2). Остроуміе и иронія, направленная противъ самого себя, не покидаютъ его и въ моментъ перваго горькаго разочарованія, когда молодой король демонстративно, передъ всѣмъ народомъ, отказывается отъ него. Но иронія принимаетъ здѣсь оттѣнокъ горечи, котораго до этого въ шуткахъ Фальстафа не замѣчалось: „Мистеръ Шэлло, я вамъ долженъ 1000 фунтовъ!“ „Впрочемъ, вы этимъ не огорчайтесь“, продолжаетъ онъ тутъ-же, нѣсколько оправившись отъ удара, „меня позовутъ къ нему тайкомъ; онъ, видите-ли, долженъ былъ напустить на себя этотъ видъ передъ людьми“ (2 ч. V, 5).

Увы! король Генрихъ его къ себѣ не вызоветъ, и Фальстафъ самъ отлично понимаетъ, что этому не бывать.

Въ „Виндзорскихъ проказницахъ“ передъ нами, строго говоря, другой типъ. Все, что скрашивало и смягчало темныя стороны его—исчезло здѣсь совершенно. Осталась только оборотная сторона медали: наглое нахальство, грубый разсчетъ на чужой карманъ при помощи омерзительно-гнуснаго маневра. И прибавилось нѣчто, чего въ Фальстафѣ „Генриха IV“ не было вовсе: полное непониманіе людей, какое-то ослѣпленіе, дѣлающее его способнымъ вѣрить въ двойную побѣду надъ женскими сердцами. И это Фальстафъ, который такъ добродушно смѣялся надъ своимъ толстымъ брюхомъ и сѣдыми волосами!... Ловушка, которую ему ставятъ, до-нельзя груба—и онъ попадается въ нее трижды. Онъ вѣритъ въ фей, онъ говоритъ о „сознаніи своей вины“ (V, 5) и, наконецъ, ошеломленный и одураченный, безпомощно опускаетъ руки: „Дѣлайте со мной, что хотите!“

Это-ли Фальстафъ?!

Выше мы пытались выяснить, почему съ нимъ произошла эта перемѣна. „Виндзорскія проказницы“ ничего положительнаго къ типу Фальстафа не прибавляютъ, а лишь унижаютъ и ослабляютъ его. Не будь „Генриха IV“, имя Фальстафа было бы только именемъ одной изъ многочисленныхъ каррикатуръ, наполняющихъ собой комическій театръ всѣхъ народовъ, своего рода Плавтовскій „miles gloriosus“ въ новомъ изданіи, лишь нѣсколько лучше отдѣланный и болѣе остроумный, чѣмъ донъ Адріано де-Армадо и Пароль Шекспира-же.

Если, тѣмъ не менѣе, „Виндзорскія проказницы“ занимаютъ въ ряду произведеній нашего поэта болѣе видное мѣсто, чѣмъ „Безплодныя усилія любви“, то дѣло тутъ не въ Фальстафѣ, а въ бойкой интригѣ съ одной стороны, и въ главной прелести нашей комедіи—въ живыхъ бытовыхъ картинкахъ, которыя она рисуетъ,—съ другой.

Ө. Браунъ.

Орденъ подвязки.

Книжная рамка работы знаменитаго нѣмецкаго художника эпохи возрожденія Альбрехта Дюрера. (Albrecht Dürer, 1471—1528).

Шэлло. О, чортъ побери, помолодѣй я теперь [illegible] мечъ покончилъ бы это дѣло.

Эвансъ. Лучше, чтобъ мечомъ были друзья и чтобъ они это покончили. И притомъ въ разумѣ моемъ возникаетъ еще иное соображеніе, которое, быть можетъ, повлечетъ за собою хорошія послѣдствія. Извѣстна вамъ Анна Пэджъ, дочь Томаса Пэджа, прекраснѣйшая дѣвственница?

Слендеръ. Анна Пэджъ? У нея темнокаштановые волосы, и говоритъ она тоненькимъ женскимъ голоскомъ.

Эвансъ. Она то и есть та самая особа, какой только вы могли бы пожелать во всемъ свѣтѣ. И — сверхъ того — семьсотъ фунтовъ деньгами, и много золота и серебра оставлено ей дѣдомъ на смертномъ одрѣ— да пошлетъ ему Господь радостное воскресенье!—съ тѣмъ, чтобы она получила ихъ, когда достигнетъ возможности имѣть семнадцать лѣтъ. Вотъ я и полагаю, что мы поступили бы хорошо, если бы оставили наши ссоры и раздоры, и уладили бракосочетаніе между мистеромъ Авраамомъ и миссъ Анною Пэджъ.

Шэлло. Такъ ея дѣдъ завѣщалъ ей семьсотъ фунтовъ?

Эвансъ. Да, а отецъ оставитъ и получше сумму.

Слендеръ. Я знаю эту молодую дѣвушку: у нея хорошія качества.

Эвансъ. Семьсотъ фунтовъ и возможность имѣть еще больше—качества недурныя.

Шэлло. Ну, быть по вашему — отправимся къ почтенному мистеру Пэджу. А Фальстафъ тамъ?

Эвансъ. Солгать ли вамъ? Но я презираю ложь, какъ презираю все, что лживо, или какъ презираю все, что не правда. Сэръ Джонъ тамъ; но я умоляю васъ слѣдовать совѣтамъ вашихъ доброжелателей. Сейчасъ постучусь въ дверь мистера Пэджа. (*Стучитъ*). Эй! вы! Благослови Господи внутренность жилища вашего!

Пэджъ (*за сценой*). Кто тамъ?

Входитъ Пэджъ.

Эвансъ. Вы видите передъ собою благословеніе Господне, вашего благопріятеля, судью Шэлло, и юнаго Слендера, который, можетъ быть, разскажетъ вамъ другую исторію, ежели она придется по вкусу вамъ.

Пэджъ. Очень радъ видѣть васъ, господа, въ добромъ здоровьи. Мистеръ Шэлло, благодарю васъ за дичь.

Шэлло. Мистеръ Пэджъ, мнѣ весьма пріятно видѣть васъ. Кушайте ее на здоровье, хотя, признаться, она не такъ хороша, какъ бы мнѣ хотѣлось: дурно подстрѣлена. Какъ поживаетъ добрѣйшая мистриссъ Пэджъ? Я преданъ вамъ всей душой, видитъ Богъ, всей душой.

Пэджъ. Покорнѣйше благодарю.

Шэлло. Это я васъ благодарю; право же, я благодарю.

Пэджъ. Добрѣйшій мистеръ Слендеръ, мнѣ весьма пріятно видѣть васъ.

Слендеръ. Какъ поживаетъ ваша рыжая борзая? Сказывали мнѣ, что въ Котзелѣ ее обогнали.

Пэджъ. Дѣло это осталось нерѣшеннымъ.

Слендеръ. Полноте, вы не хотите сознаться, не хотите сознаться.

Шэлло. Конечно, не хочетъ. Жаль, что такъ случилось. А собака хорошая.

Пэджъ. Дрянь собака.

Шэлло. Нѣтъ-съ, хорошая собака и красивая собака. Можно ли сказать что-нибудь больше этого? Хорошая и красивая. Сэръ Джонъ Фальстафъ у васъ?

Пэджъ. У меня, сэръ—и мнѣ бы очень хотѣлось уладить вашу ссору.

Эвансъ. Сказано, какъ подобаетъ христіанину.

Шэлло. Онъ оскорбилъ меня, мистеръ Пэджъ.

Пэджъ. Сэръ, онъ отчасти самъ сознается въ этомъ.

Шэлло. Сознаться еще не значитъ расквитаться; такъ ли я говорю, мистеръ Пэджъ? Онъ оскорбилъ меня, какъ есть оскорбилъ, въ полномъ смыслѣ слова оскорбилъ—ужъ повѣрьте, Робертъ Шэлло, эсквайръ, говоритъ вамъ, что онъ оскорбленъ.

Пэджъ. Вотъ и сэръ Джонъ.

Входятъ Фальстафъ, Бардольфъ, Нимъ *и* Пистоль.

Фальстафъ. Ну-съ, мистеръ Шэлло, такъ вы собираетесь пожаловаться на меня королю?

Шэлло. Сэръ, вы избили мою прислугу, застрѣлили моего оленя и выломали дверь въ моемъ охотничьемъ домикѣ.

Фальстафъ. Но не цѣловалъ дочери вашего лѣсничаго?

Шэлло. Ну, да что тамъ! Вы отвѣтите за такіе поступки.

Фальстафъ. Отвѣчу, даже сейчасъ: все это я сдѣлалъ. Вотъ и отвѣтилъ.

Виндзорскій замокъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Виндзоръ. Передъ домомъ Пэджа.

Входятъ судья Шэлло, Слендеръ *и* сэръ Гугъ Эвансъ.

Шэлло. И не просите меня, сэръ Гугъ: это напрасно. Я перенесу это дѣло въ Звѣздную Палату. Будь онъ хоть двадцать разъ сэръ Джонъ Фальстафъ, ему не удастся дурачить сэра Роберта Шэлло, эсквайра...

Слендеръ. Графства Глостерскаго, мирового судью и *coram*.

Шэлло. Да, Слендеръ—и Cust-alorum

Слендеръ. И, сверхъ того, еще ratolorum; дворянина *родовитаго*, господинъ пасторъ—дворянина, который подписывается *armigero*; да-съ, на всѣхъ запискахъ, повѣсткахъ, квитанціяхъ и обязательствахъ—*armigero*.

Шэлло. Да, это правда. Такъ подписываемся мы уже триста лѣтъ сряду.

Слендеръ. Всѣ его потомки, скончавшіеся прежде его, поступали такъ, и всѣ его предки, которые народятся послѣ него, могутъ поступать точно такъ же. Они будутъ имѣть право носить на своей рыцарской мантіи двѣнадцать бѣлыхъ *ковшей*.

Шэлло. Это старая мантія.

Эвансъ. Двѣнадцать бѣлыхъ *вшей*—очень идутъ къ старой мантіи. Это животныя близкія къ человѣку, и означаютъ—любовь.

Шэлло. Изъ ковшей пьютъ воду, а для вшей вода не нужна *).

Слендеръ. Могу я, кузенъ, взять и себѣ четверть этой мантіи?

Шэлло. Можешь, сочетавшись бракомъ.

Эвансъ (*къ Шэлло*). Поступитъ ваша мантія въ бракъ, если это сдѣлается.

Шэлло. Нисколько.

Эвансъ. Непремѣнно! Если онъ возьметъ четверть вашей мантіи, у васъ останется всего три четверти—по моему простому разсчету. Но это все равно; оставимъ это. Если сэръ Джонъ Фальстафъ неприлично поступилъ съ вами, то я, какъ служитель церкви, за удовольствіе сочту приложить усилія къ тому, дабы учинить между вами соглашеніе и взаимное благорасположеніе.

Шэлло. Государственный Совѣтъ узнаетъ объ этомъ. Это бунтъ.

Эвансъ. Не приличествуетъ Совѣту узнавать о бунтѣ: въ бунтѣ нѣтъ страха божія. Совѣтъ, видите ли, желаетъ слышать о страхѣ божіемъ и не желаетъ слышать о бунтѣ. Примите сіе въ соображеніе.

---

*) Тутъ у Шекспира непереводимая игра словъ, вслѣдствіе чего мы ее замѣнили иною, наиболѣе подходящею. *Перев.*

нусь этими перчатками. Не войди я никогда въ мою собственную большую комнату, если это неправда! Семь гротовъ онъ стащилъ у меня—семь гротовъ шестипенсовою монетой, да еще два эдуардовскіе шиллинга, которые я купилъ у Эди Миллера по два шиллинга и два пенса за каждый. Клянусь этими перчатками, стащилъ!

Фальстафъ. Это правда, Пистоль?

Эвансъ. Нѣтъ, если было воровство, то это не правда, а обманъ.

Пистоль.

Ахъ, ты, пришлецъ изъ горъ!
(*Фальстафу*). Мой господинъ,
Сэръ Джонъ, зову на бой я эту саблю
Жестяную. (*Слендеру*). Кидаю въ носъ тебѣ
Я слово возраженья; это слово:
Ты лжешь, нагаръ и пѣнистая грязь!

Слендеръ (*указывая на Нима*). Ну, такъ вотъ этотъ, клянусь моими перчатками.

Нимъ. Поосторожнѣе, сэръ: оставьте эти шуточки. Коли вы натравите на меня ваши глупыя остроты, такъ вѣдь я скажу вамъ: „пиль—съѣшь самъ!“ Поняли?

Слендеръ. Ну, такъ это сдѣлала вонъ та красная рожа—клянусь моею шапкой. Я хоть и не помню, что дѣлалъ, когда вы напоили меня пьянымъ, но все-таки не совсѣмъ же я оселъ.

Фальстафъ. Что скажешь ты на это, Джонъ Румяный?

Бардольфъ. Да что сказать? скажу, что сей джентельменъ упился въ это время такъ, что лишился своихъ пяти чувствованій.

Эвансъ. То-есть пяти чувствъ. Фу, какое невѣжество!

Бардольфъ. А нарѣзавшись, онъ, какъ говорится, свалился подъ столъ—и вотъ такимъ-то образомъ, мало по малу, совсѣмъ одурѣлъ.

Слендеръ. Да, вы и въ то время говорили по латыни; но не въ этомъ дѣло. Послѣ такой штуки, я никогда въ жизни не буду пьянствовать иначе, какъ въ честной, благовоспитанной и доброй компаніи. Коли захочется мнѣ пить, буду пить только съ тѣми, въ комъ есть страхъ божій, а ужъ никакъ не съ мерзкими пьяницами.

Эвансъ. Добродѣтельное намѣреніе, суди меня Богъ!

Фальстафъ. Вы слышите, господа, что всѣ показанія опровергаются? вы это слышите?

Входитъ Анна Пэджъ *съ виномъ, за нею* мистриссъ Фордъ *и* мистриссъ Пэджъ.

Пэджъ. Нѣтъ, дочка, неси вино въ комнату, мы будемъ пить тамъ. (*Анна уходитъ*).

Слендеръ. О, небо: это миссъ Анна Пэджъ!

Пэджъ. Какъ ваше здоровье, мистриссъ Фордъ?

Фальстафъ. Мистриссъ Фордъ, честное слово, мнѣ весьма пріятно васъ видѣть. Съ вашего позволенія, почтенная мистриссъ! (*Цѣлуетъ ее*).

Пэджъ. Жена, проси къ намъ этихъ джентельменовъ. Пожалуйте; мы угостимъ васъ за обѣдомъ горячимъ пастетомъ изъ дичи. Прошу, господа. Я надѣюсь, что мы утопимъ въ винѣ всѣ непріятности.

(*Уходятъ всѣ, кромѣ Шэлло, Слендера и Эванса*).

Слендеръ. Я далъ бы теперь сорокъ шиллинговъ, если бы могъ получить мою книгу пѣсенъ и сонетовъ.

Входитъ Сэмпль.

Слендеръ. Наконецъ-то! Гдѣ это ты пропадалъ? Ужъ не долженъ ли я, по-твоему, самъ себѣ прислуживать? Гдѣ моя „Книга Загадокъ“?—при тебѣ, что ли?

Сэмпль. „Книга Загадокъ“? Да вѣдь вы же сами изволили одолжить ее Алисѣ Шорткекъ въ праздникъ Всѣхъ Святыхъ, за двѣ недѣли до Михайлова дня.

Шэлло. Пойдемъ, пойдемъ, кузенъ—мы ждемъ тебя. Только вотъ еще одно слово, кузенъ: знаешь, сэръ Гугъ сдѣлалъ издалека, обинякомъ, предложеніе, нѣчто въ родѣ предложенія. Понимаешь ты меня?

Слендеръ. Да, сэръ, понимаю, и вы увидите мое благоразуміе. Если это такъ, то я буду дѣлать все, что требуется благоразуміемъ.

Шэлло. Да ты прежде пойми меня.

Слендеръ. Я это и дѣлаю.

Эвансъ. Внемлите его внушеніямъ, мистеръ Слендеръ. Я составлю вамъ обозрѣніе этого дѣла, если вы способны вникнуть въ оное.

Слендеръ. Нѣтъ, я поступлю, какъ скажетъ кузенъ Шэлло—ужъ вы меня простите: онъ мировой судья въ графствѣ, а я, вѣдь, простой смертный.

Эвансъ. Но совсѣмъ не въ этомъ дѣло; рѣчь идетъ о вашей женитьбѣ.

Шэлло. Да, именно въ этомъ дѣло, сэръ.

Эвансъ. Собственно въ этомъ—о женитьбѣ на миссъ Аннѣ Пэджъ.

Слендеръ. Что жъ, если это такъ, я

АННА ПЭДЖЪ ПРИГЛАШАЕТЪ СЛЕНДЕРА ОБѢДАТЬ (Дѣйствіе I, сц. 1).
Картина извѣстнаго англійскаго жанриста Роберта Смирка (Rob. Smirke, R. A. 1752—1845).
(Бойделевская галлерея).

готовъ вступить въ бракъ на всякихъ благоразумныхъ условіяхъ.

Эвансъ. Но можете ли вы питать привязанность къ сей дѣвицѣ? Позвольте намъ услышать это изъ вашихъ устъ, или изъ вашихъ губъ, ибо нѣкоторые философы утверждаютъ, что губы суть частица устъ. И такъ объясните съ точностью, можете ли перенести свое благорасположеніе на сію дѣвицу?

Шэлло. Кузенъ Авраамъ Слендеръ, можешь ты любить ее?

Слендеръ. Надѣюсь, сэръ; по крайней-мѣрѣ, сдѣлаю для этого все, что слѣдуетъ дѣлать благоразумному человѣку.

Эвансъ. Нѣтъ, клянусь Богомъ и его ангелами, это все не то; вы должны отвѣчать положительно, можете ли отдать ей всю вашу любовь?

Шэлло. Да, ты долженъ отвѣчать положительно. Хочешь жениться на ней и взять хорошее приданое?

Слендеръ. Я сдѣлаю и больше этого, кузенъ, если вы того потребуете.

Шэлло. Нѣтъ, ты пойми, пойми меня, любезный племянникъ. Вѣдь, если я дѣлаю что, такъ только для твоего же удовольствія. Можешь ты любить эту дѣвицу?

Слендеръ. Я женюсь на ней, если вы этого желаете. Въ началѣ любовь, можетъ быть, будетъ и не очень велика, но потомъ, когда мы ближе познакомимся, женимся и покороче узнаемъ другъ друга—она, съ божьей помощью, можетъ и уменьшиться. Надѣюсь, что по мѣрѣ сближенія будетъ увеличиваться и взаимное нерасположеніе. Но если вы скажете: „женись на ней"—я женюсь. На это я рѣшился добровольно и необдуманно.

Эвансъ. Весьма разумный отвѣтъ, за исключеніемъ слова „необдуманно", ибо нельзя сказать „рѣшился необдуманно". Вы, вѣрно, хотѣли сказать: „обдуманно". Во всякомъ случаѣ, намѣренье прекрасное.

Шэлло. Да, полагаю, что у него честныя намѣренія.

Слендеръ. Конечно—и пусть меня повѣсятъ, если я лгу.

Шэлло. Вотъ и наша красавица, миссъ Анна!

Входитъ Анна Пэджъ.

Шэлло. Видя васъ, миссъ Анна, я жалѣю, что не могу помолодѣть.

Анна. Обѣдъ на столѣ; батюшка проситъ васъ пожаловать.

Шэлло. Я иду къ нему, прекрасная миссъ Анна!

Эвансъ. Господи помилуй! Я тоже поспѣшу, чтобы не пропустить предобѣденной молитвы. (*Шелло и Эвансъ уходятъ*).

Анна. Не угодно ли и вамъ пожаловать?

Слендеръ. Нѣтъ, благодарю васъ, повѣрьте честному слову, отъ всего сердца благодарю; мнѣ очень хорошо.

Анна. Обѣдъ ждетъ васъ.

Слендеръ. Я не голоденъ; благодарю васъ, честное слово. (*Сэмплю*). Ты, какъ мой слуга, ступай прислуживать моему кузену Шэлло. (*Сэмпль уходитъ*). И мировой судья можетъ быть иногда благодаренъ своему другу за услугу. Теперь, пока еще моя мать жива, я держу только трехъ лакеевъ да одного мальчика. Но что жъ такое? я все-таки живу, какъ бѣдный, родовитый дворянинъ.

Анна. Я не могу вернуться домой безъ васъ. Пока вы не придете, не сядутъ за обѣдъ.

Слендеръ. Ей-богу, мнѣ рѣшительно не хочется ѣсть; благодарю васъ точно такъ же, какъ будто я и поѣлъ.

Анна. Пожалуйста, пойдемте.

Слендеръ. Право, благодарю васъ; я лучше буду прохаживаться здѣсь въ это время. На дняхъ я ушибъ себѣ колѣно, фехтуя на сабляхъ и шпагахъ съ учителемъ фехтованія; условіе у насъ было—три удара за блюдо варенаго чернослива, и, клянусь вамъ честью, съ тѣхъ поръ я не могу выносить запахъ горячаго кушанья. Чего это ваши собаки тамъ лаютъ? Не водятъ ли по городу медвѣдей?

Анна. Кажется—да; такъ я, по крайней мѣрѣ, слышала.

Слендеръ. Очень мнѣ нравится это увеселеніе, и никто въ Англіи не держитъ пари при этомъ такъ горячо, какъ я. А вы, я думаю, пугаетесь, когда видите спущеннаго медвѣдя?

Анна. Очень пугаюсь.

Слендеръ. А мнѣ такъ не давай ѣсть и пить, только показывай ихъ. Спущеннаго Секерсона я видѣлъ разъ двадцать и даже за цѣпь трогалъ; но если бъ вы слышали, какъ женщины кричали и визжали при этомъ — просто страсть, честное слово! Впрочемъ, дѣйствительно, для женщинъ медвѣди невыносимы; это такія грубыя, неблаговоспитанныя животныя.

Входитъ Пэджъ.

Пэджъ. Пожалуйте, любезнѣйшій Слендеръ, пожалуйте: мы всѣ ждемъ васъ.

Слендеръ. Мнѣ рѣшительно не хочется ѣсть; покорнѣйше васъ благодарю.

Пэджъ. Нѣтъ ужъ, чортъ возьми, я не позволю распоряжаться въ этомъ случаѣ. Пожалуйте, пожалуйте!

Слендеръ. Нечего дѣлать—прошу васъ идти впередъ.

Пэджъ. Извольте идти вы, я слѣдую за вами.

Слендеръ. Миссъ Анна, вамъ слѣдуетъ идти первой.

Анна. Нѣтъ, пожалуйста, проходите вы.

Слендеръ. Нѣтъ-съ, ни за что: я никакъ не рѣшусь нанести вамъ это оскорбленіе.

Анна. Пожалуйста, сэръ.

Слендеръ. Нечего дѣлать, я буду лучше невѣжливъ, чѣмъ надоѣдливъ. Вы сами себя оскорбляете—право такъ! (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Тамъ же.

Входятъ сэръ Гугъ Эвансъ *и* Сэмпль.

Эвансъ. Ступай и узнай, какъ пройти къ дому доктора Каюса. Тамъ живетъ мистриссъ Квикли. Она у доктора что-то въ родѣ его няньки, или его сидѣлка, или кухарка, или прачка, швея—что-то такое, однимъ словомъ.

Сэмпль. Слушаю-съ.

Эвансъ. Нѣтъ, вотъ что будетъ еще лучше: отдай ей это письмо, потому что эта женщина давно знакома съ миссъ Анною Пэджъ. А въ письмѣ ее просятъ содѣйствовать твоему господину въ сватовствѣ его къ миссъ Пэджъ. Ступай же, пожалуйста, поскорѣе, а я пойду кончать обѣдъ; остались еще яблоки и сыръ. (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Комната въ гостинницѣ Подвязки.

Входятъ Фальстафъ, хозяинъ гостиницы, Бардольфъ, Нимъ, Пистоль *и* Робинъ.

Фальстафъ. Почтеннѣйшій хозяинъ Подвязки!

Хозяинъ. Что скажетъ мой плутъ-забіяка? Говори учено и умно.

Фальстафъ. Вотъ что, мой хозяинъ: я долженъ уволить кое-кого изъ моей свиты.

Хозяинъ. Увольняй, буйный Геркулесъ, спроваживай. Пусть проваливаютъ рысцой, рысцой!

Фальстафъ. Я истрачиваю здѣсь по десяти фунтовъ въ недѣлю.

Хозяинъ. Ты императоръ, цезарь и кесарь! Бардольфа я возьму къ себѣ: онъ будетъ цѣдить и разливать вино. По сердцу ли тебѣ мои слова, свирѣпый Гекторъ?

Фальстафъ. Сдѣлай это, мой добрый хозяинъ.

Хозяинъ. Сказалъ, такъ и кончено. Вели ему слѣдовать за мною. (*Бардольфу*). Посмотримъ, какъ ты умѣешь пѣнить вино. Я слова своего не мѣняю. Ступай за мной. (*Уходитъ*).

Фальстафъ. Бардольфъ, иди за нимъ. Подносчикомъ быть не дурно. Изъ стараго плаща выходитъ новый камзолъ; поношенный слуга превращается въ свѣжаго подносчика. Ну, иди; прощай.

Бардольфъ. Этой жизни я всегда желалъ; теперь мои дѣла пойдутъ отлично.

Пистоль. О, низкій цыганъ! Такъ ты желаешь управлять краномъ?

(*Бардольфъ уходитъ*).

Нимъ. Онъ былъ зачатъ во хмелю. Какова острота? а? Въ немъ нѣтъ ничего геройскаго—въ этомъ и вся штука.

Фальстафъ. Я радъ, что спустилъ отъ себя этотъ ящикъ съ трутомъ, Его воровство было ужъ слишкомъ открытое; въ своихъ мошенническихъ продѣлкахъ онъ былъ похожъ на дурного пѣвца: не зналъ мѣры и такта.

Нимъ. Талантливый воръ крадетъ всегда съ паузами.

Пистоль. „Крадетъ!“ экое глупое слово! Мудрый человѣкъ сказалъ бы: „перемѣщаетъ“.

Фальстафъ. Все это хорошо, господа; но дѣло вотъ въ чемъ: я остался почти безъ сапогъ.

Пистоль. Въ такомъ случаѣ, берегись отморозить ноги.

Фальстафъ. Тутъ ужъ нечего дѣлать: приходится приняться за надувательство, приходится подыматься на разныя выдумки.

Пистоль. Молодые воронята должны же имѣть пищу.

Фальстафъ. Кто изъ васъ знаетъ здѣсь въ городѣ Форда?

Пистоль. Я его знаю: парень здоровый.

Фальстафъ. Честные друзья мои, я хочу сказать вамъ, что теперь во мнѣ...

Пистоль. Два ярда, да пожалуй и больше въ обхватѣ.

Фальстафъ. Полно, Пистоль, теперь не до остротъ! Правда, въ окружности я

имѣю два ярда, но теперь меня занимаетъ не убавка, а прибавка. Однимъ словомъ, имѣю я намѣреніе поиграть въ любовь съ женою этого Форда; чую носомъ благорасположеніе ея ко мнѣ. Она любезничаетъ, заигрываетъ, строитъ глазки. Я уразумѣваю смыслъ этого интимнаго стиля; въ немъ даже самая неблагопріятная для меня фраза означаетъ въ переводѣ на чистый англійскій языкъ: „я вся принадлежу сэру Джону Фальстафу".

Пистоль. Онъ изучилъ ея мысли, и перевелъ ея мысли съ языка непорочности на англійскій.

Нимъ. Якорь брошенъ глубоко. Хороша эта острота?

Фальстафъ. Ну-съ, люди толкуютъ, что кошелекъ мужа вполнѣ въ ея рукахъ, а у него цѣлый легіонъ серебряныхъ ангеловъ.

Пистоль. Возьми себѣ въ услуженіе столько же дьяволовъ—и я скажу: „маршъ на нее, дитя мое!"

Нимъ. Остроуміе растетъ. Отлично! Поострите-ка на счетъ ангеловъ!

Фальстафъ. Я написалъ къ ней вотъ это письмо; а вотъ и другое—къ женѣ Пэджа, которая тоже нѣсколько часовъ назадъ дѣлала мнѣ глазки и весьма основательно осматривала всю мою персону. Лучъ ея взглядовъ золотилъ то мою ногу, то мое величественное брюхо.

Пистоль. Стало-быть, солнце кидало свои лучи на кучу навоза.

Нимъ. Благодарю тебя за эту остроту.

Фальстафъ. О, она пробѣгала по моимъ формамъ съ такимъ жаднымъ вниманіемъ, что вожделѣніе ея взглядовъ сожигало меня точно зажигательное стекло. Вотъ письмо и къ ней; она тоже управляетъ кошелькомъ; она—Гвіана, вся полная золотомъ и щедрости. Я сдѣлаюсь казначеемъ у этихъ барынь, а онѣ будутъ моими казначействами; я найду въ нихъ восточную и западную Индію и поведу торговлю съ обѣими. Такъ вотъ ты отнеси это письмо къ мистриссъ Пэджъ, а ты это къ мистриссъ Фордъ. Расцвѣтемъ мы, дѣти мои, расцвѣтемъ!

Пистоль.

И, значитъ, я, носящій на бедрѣ
Булатный мечъ, Пандаромъ Трои стану?
Нѣтъ, лучше пусть возьметъ насъ Люциферъ!

Нимъ. Я не хочу участвовать въ гнусной потѣхѣ. Возьми себѣ твое потѣшное письмо. Не желаю портить мою репутацію.

Фальстафъ (*Робину*).

Неси же ты, мальчишка, эти письма
Проворнѣе; несись, какъ мой корабль,
Къ тѣмъ золотымъ странамъ. А вы, мерзавцы,
Вонъ! къ чорту всѣ! Исчезните, какъ градъ!
Не вѣдайте покоя, пресмыкайтесь,
Пристанища ищите, безпрестанно
Взадъ и впередъ мечитесь! Вонъ сейчасъ!
Фальстафъ духъ времени усвоитъ—и отлично
Одинъ съ своимъ пажемъ онъ заживетъ практично.

(*Фальстафъ и Робинъ уходятъ*).

Пистоль.

Пусть коршуны кишки твои растреплютъ!
Не мало, братъ, костей фальшивыхъ есть,
Чтобъ надувать и богачей и бѣдныхъ—
И въ тѣ поры, когда ты будешь нищъ,
Фригійскій турокъ гнусный, будетъ туго
Мой кошелекъ монетами набитъ.

Нимъ. У меня есть замыселъ, который будетъ остроумнымъ мщеніемъ.

Пистоль.

Ты хочешь мстить?

Нимъ.

Хочу—клянуся небомъ
И звѣздами!

Пистоль.

А чѣмъ же мстить? мечомъ
Иль хитростью?

Нимъ.

И тѣмъ, и этимъ. Пэджу
Я разскажу про замыслы его.

Пистоль.

А я пойду и Форду все открою,
Что гнусный плутъ Фальстафъ намѣренъ тоже
Голубку взять его и завладѣть казною,
И смять его супружеское ложе.

Нимъ. Мое остроумное мщеніе не охладѣетъ. Я буду подстрекать Пэджа употребить въ дѣло ядъ; я вгоню его въ желтуху, потому что такое потрясеніе мины—очень опасно. Вотъ каково мое остроуміе.

Пистоль. Ты—Марсъ всѣхъ недовольныхъ. Я—твой помощникъ. Идемъ же!

(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Комната въ домѣ доктора Каюса.

Входятъ мистриссъ Квикли, Сэмпль *и* Регби.

Квикли. Вотъ что, Джонъ Регби: ты ступай, пожалуйста, къ надворному окну и смотри, не идетъ ли домой мой хозяинъ, докторъ Каюсъ; а то, если онъ вернется и застанетъ у себя въ домѣ кого-нибудь— опять начнетъ пытать долготерпѣніе Господа и языкъ Англійскаго короля.

Регби. Пойду сторожить.

Квикли. Да, иди; а за труды я вскипячу для тебя молочка на послѣднемъ огнѣ. (*Регби уходитъ*). Честный, услужливый, добрый малый; лучшій слуга, какого только можно принять въ домъ. И притомъ, увѣряю васъ, совсѣмъ не сплетникъ и не забіяка. Самый большой недостатокъ его, что онъ очень богомоленъ. На этотъ счетъ онъ довольно упрямъ; но вѣдь у всякаго есть свои недостатки. Оставимъ, однако, это. Вы говорите, что ваше имя—Питеръ Сэмпль?

Сэмпль. Да, за неимѣніемъ лучшаго.

Квиклл. И вы слуга мистера Слендера?

Сэмпль. Совершенно такъ.

Квикли. Какой это Слендеръ? Съ этакой большой круглой бородой, похожей на ножъ перчаточника?

Сэмпль. Совершенно не такъ: у него крохотное лицо съ маленькой желтой бородкой; на корицу похожа цвѣтомъ эта бородка.

Квикли. Человѣкъ онъ, кажется, смирный, спокойный?

Сэмпль. Смирный; но при случаѣ ловко работаетъ кулакомъ, какъ и всякій другой, между моей головой и его головой. Разъ у него была драка съ полевымъ сторожемъ.

Квикли. Что вы говорите? О, теперь я припоминаю. Вѣдь это тотъ самый, что носитъ, такъ сказать, голову вверхъ и ходитъ фертомъ?

Сэмпль. Совершенно такъ.

Квикли. Ну, въ такомъ случаѣ, дай Богъ Аннѣ Пэджъ не найти худшей партіи! Скажите господину пастору Эвансу, что я сдѣлаю все, что могу для вашего хозяина. Анна дѣвушка хорошая, а я желаю...

Регби *возвращается*.

Регби. Горе намъ! спасайтесь: баринъ идетъ.

Квикли. Будетъ намъ всѣмъ бѣда! Спрячьтесь, добрѣйшій молодой человѣкъ, въ эту комнату! (*Вталкиваетъ Сэмпля въ кабинетъ*). Онъ скоро уйдетъ. Эй, Джонъ Регби! Джонъ! Да поди же сюда. Джонъ, говорятъ тебѣ! Ступай, узнай, не приключилось ли чего съ нашимъ господиномъ? Ужъ не случилось ли чего съ нимъ, что его такъ долго нѣтъ? (*Напѣваетъ*).

Тамъ внизу, внизу низехонько...

Входитъ докторъ Каюсъ.

Каюсъ. О чемъ это ты распѣлась? Не люблю я этихъ штукъ. Принеси мнѣ изъ кабинета un boîtier vert—ящикъ, зеленый ящикъ; понимаешь, что я говорю? зеленый ящикъ!

Квикли. Конечно, понимаю; сейчасъ принесу. (*Въ сторону*). Я очень рада, что онъ не идетъ туда самъ; застань онъ тамъ молодого человѣка, началъ бы бодаться рогами, какъ бѣшеный.

ДОКТОРЪ КАЮСЪ ЗАСТАЕТЪ У СЕБЯ ВЪ КАБИНЕТѢ СЭМПЛЯ. (Дѣйств. I, сц. 4).

Картина Роберта Смирка (Rob. Smirke). (Малая Бойделевская галлерея).

Каюсъ. Fe, fe, fe, fe! ma foi, il fait fort chaud! Je m'en vais à la Cour — la grande affaire.

Квикли (*выходя изъ кабинета*). Этотъ ящикъ?

Каюсъ. Oui; mette le au mon карманъ; dêpêchez, проворнѣй. Да гдѣ этотъ каналья Регби?

Квикли. Эй, Джонъ Регби! Джонъ!

Регви. Здѣсь, сэръ!

Каюсъ. Ты Джонъ Регби, ты и дуракъ Регби. Бери скорѣй свою рапиру и сопровождай меня ко двору.

Регби. Рапира готова, сэръ, и стоитъ въ сѣняхъ.

Каюсъ. Я ужасно замѣшкался. Ахъ, чортъ побери! Qu'ai j'oublié? Тамъ у меня въ кабинетѣ есть лекарства, которыя я ни за что въ свѣтѣ не хотѣлъ бы забыть дома.

(*Уходитъ въ кабинетъ*).

Квикли. Ахъ, бѣда! Онъ найдетъ тамъ молодого человѣка — и взбѣленится.

Каюсъ. О, diable, diable! Кто это въ моемъ кабинетѣ? Бездѣльникъ! larron! (*Выталкиваетъ Сэмпля*). Регби, мою рапиру!

Квикли. Мой добрый господинъ, успокойтесь!

Каюсъ. По какой причинѣ я могу успокоиться?

Квикли. Этотъ молодой человѣкъ— честный человѣкъ.

Каюсъ. Честному человѣку какое дѣло въ моемъ кабинетѣ? Честный человѣкъ не станетъ входить въ мой кабинетъ.

Квикли. Умоляю васъ, не будьте такимъ флегматикомъ и выслушайте, въ чемъ дѣло. Онъ присланъ ко мнѣ пасторомъ Эвансомъ...

Каюсъ. Хорошо.

Сэмпль. Совершенно такъ.. Чтобы просить эту даму...

Квикли. Замолчите, пожалуйста.

Каюсъ. Замолчи ты. (*Сэмплю*). Разсказывай.

Сэмпль. Чтобы просить эту почтенную женщину, вашу служанку, замолвить миссъ Аннѣ Пэджъ доброе слово за моего барина, который ищетъ ея руки.

Квикли. Ну, да! вотъ и все! Но я ни за что не положу пальца въ огонь, да и не имѣю въ этомъ надобности.

Каюсъ. Тебя послалъ сэръ Гугъ? Регби, baillez мнѣ бумаги. А ты подожди минутку.

(*Пишетъ*).

Квикли (*тихо Сэмплю*). Я очень рада, что онъ такъ спокоенъ; если бы онъ вспылилъ, наслышались бы вы его криковъ и его меланхоліи. Но что бы тамъ ни было, молодой человѣкъ, я сдѣлаю для вашего барина все, что могу; вся штука-то въ томъ, что французъ-докторъ, мой господинъ... Я могу называть его моимъ господиномъ, потому что управляю его домомъ: стираю, глажу, варю, пеку, чищу, стряпаю кушанье и питье, дѣлаю постель—и все это дѣлаю сама.

Сэмпль. Для рукъ одной персоны весьма много работы.

Квикли. Вы находите? Конечно, много работы—и, вѣдь, приходится всегда вставать рано и ложиться поздно. И несмотря на то—скажу вамъ это на зло, только, пожалуйста, чтобъ осталось между нами—мой баринъ самъ влюбленъ въ миссъ Анну Пэджъ. Но чувства миссъ Анны извѣстны: ничего тутъ не выйдетъ.

Каюсъ. Ну, вотъ, олухъ, отдай это письмо пастору Эвансу. Это вызовъ на дуэль, чортъ меня побери! Я перерѣжу ему горло въ паркѣ; я покажу этому поскудному олуху, какъ вмѣшиваться въ чужое дѣло и прислуживаться. Теперь можешь идти: больше тебѣ не слѣдъ оставаться здѣсь. Чортъ меня побери, я его выхолощу — у него, чортъ меня побери, не останется ничего даже собакѣ бросить.

(*Сэмпль уходитъ*).

Квикли. Бѣдный—вѣдь, онъ хлопочетъ только о своемъ другѣ.

Каюсъ. Мнѣ это рѣшительно все равно. Вѣдь, ты же сама сказала мнѣ, что Анна Пэджъ будетъ моя! О, чортъ меня побери, я убью этого болвана пастора! Мѣрять наше оружіе я выбралъ хозяина de la Jarretière. Анна Пэджъ должна быть моя, чортъ меня побери!

Квикли. Сэръ, эта дѣвушка любитъ васъ, и все кончится хорошо. Пусть себѣ народъ болтаетъ, сколько хочетъ; экая бѣда!

Каюсъ. Регби, сопровождай меня ко двору. Чортъ меня побери, если Анна Пэджъ не будетъ моя, я вытолкаю тебя головой за двери. Регби, слѣдуй по моимъ пятамъ!

(*Каюсъ и Регби уходятъ*).

Квикли. Ослиныя уши останутся тебѣ, вотъ что! Нѣтъ, я знаю мысли Анны на этотъ счетъ; ни одна женщина въ Виндзорѣ не знаетъ мыслей Анны лучше меня. Никто, благодаря Бога, не можетъ сдѣлать съ ней то, что могу сдѣлать я.

Фентонъ (*за сценой*). Эй! кто тутъ есть?

Квикли. Кто это тамъ? Войдите!

Входитъ Фентонъ.

Фентонъ. Здорово, добрѣйшая! Какъ поживаешь?

Квикли. Очень хорошо, тѣмъ больше, что ваша милость изволите спрашивать объ этомъ.

Фентонъ. Что новаго? Какъ здоровье прекрасной миссъ Анны?

Квикли. Вы правы, сэръ, она и прекрасна, и добродѣтельна, и мила, и—ужъ кстати сказать—совсѣмъ не врагъ вамъ, благодаря Бога.

Фентонъ. Такъ ты полагаешь, что это дѣло мнѣ удастся? что труды мои не пропадутъ даромъ?

Квикли. Все въ волѣ божьей, сэръ; но я, все-таки, готова поклясться на евангеліи, что она любитъ васъ. Вѣдь, у вашей милости есть бородавка надъ глазомъ?

Фентонъ. Есть. Что же изъ этого?

Квикли. Да съ этой бородавкой цѣлая исторія. Сказать правду, причудливая она дѣвушка; но, клянусь Богомъ, честнѣе всѣхъ, какія только когда-нибудь ѣли хлѣбъ. Цѣлый часъ мы толковали съ ней объ этой бородавкѣ. Ни съ кѣмъ не смѣюсь я столько, сколько съ этой дѣвушкой. Правда, она ужъ слишкомъ наклонна къ меланхоліи и задумчивости; но, что касается васъ—одно скажу, не робѣйте.

Фентонъ. Хорошо; я повидаюсь съ ней сегодня. Вотъ тебѣ деньги; поговори, пожалуйста, въ мою пользу. Если увидишь ее прежде меня, похлопочи о моемъ дѣлѣ.

Квикли. Еще бы не похлопотать! Конечно, похлопочемъ; а въ слѣдующій разъ, какъ увидимся, я вамъ побольше разскажу о бородавкѣ, да кстати и о другихъ женихахъ.

Фентонъ. Хорошо. Прощай: теперь я очень спѣшу.

Квикли. Добраго здоровья вашей милости (*Фентонъ уходитъ*). Очень хорошій джентльменъ; но Анна не любитъ его. Никто, вѣдь, не знаетъ мыслей Анны лучше меня! Ахъ ты, Господи, какъ же это я забыла! (*Уходитъ*).

Травля медвѣдя собаками въ Англіи временъ Шекспира.

(Разговоръ Слендера съ Анной Пэджъ).

«КАРЕТА ЗА КАРЕТОЙ» (Дѣйствіе II, сц. 2).

(Рисунокъ антверпенскаго живописца Hoefnagel'я (1545 † послѣ 1618); изображаетъ путешествіе королевы Елизаветы въ ея любимый замокъ Нонсечъ).

ДѢЙОТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Передъ домомъ Пэджа.

Входитъ мистриссъ Пэджъ, *съ письмомъ.*

Мистриссъ Пэджъ. Каково: въ праздничные годы моей красоты я была избавлена отъ любовныхъ писемъ, а теперь сдѣлалась предметомъ ихъ! Посмотримъ. *(Читаетъ).*

„Не спрашивай, почему я люблю тебя: если любовь и дѣлаетъ разсудокъ своимъ докторомъ, то никогда не допускаетъ его въ качествѣ совѣтника. Ты уже не молода, я тоже; вотъ тебѣ и симпатія; ты любишь похохотать, я тоже—ха, ха, ха! Вотъ и еще симпатія. Ты охотница выпить, я тоже: какой же тебѣ еще симпатіи? Будь довольна, мистриссъ Педжъ— если только любовь солдата можетъ удовлетворить тебя—тѣмъ, что я тебя люблю. Я не прошу, чтобъ ты сжалилась надо мной: такія выраженія неприличны солдату; я говорю только: полюби меня!

Вѣчный рыцарь твой,
И днемъ, и ночной порой,
И во всякій часъ другой,
За тебя готовый въ бой—

Джонъ Фальстафъ".

Экій—Иродъ Іудейскій! О, испорченный испорченный свѣтъ! Вѣдь, вотъ человѣкъ—совсѣмъ истрепался отъ старости, а туда же корчитъ изъ себя молодого любезника. Кажется, никакою легкостью въ обращеніи не могла я подать этому фламандскому пьяницѣ—чортъ бы его побралъ—поводъ такъ дерзко подъѣзжать ко мнѣ! Вѣдь, онъ и трехъ разъ не встрѣчался со мною! Неужели же я могла сказать ему что-нибудь такое? Да нѣтъ—въ то время я всячески сдерживала мою веселость, прости мнѣ Господи! Рѣшительно, внесу въ парламентъ билль объ истребленіи мужчинъ. Однако, чѣмъ мнѣ отомстить ему? А что я отомщу ему—это такъ же вѣрно, какъ то, что его кишки состоятъ изъ пуддинга.

Входитъ мистриссъ Фордъ.

Мистриссъ Фордъ. Ахъ, мистриссъ Пэджъ! А я честное слово, шла къ вамъ.

Мистриссъ Пэджъ. А я, честное слово, шла тоже къ вамъ! Но что съ вами?—вы сегодня что-то нехороши съ лица.

Мистриссъ Фордъ. Никогда не повѣрю этому—могу доказать противное.

Мистриссъ Пэджъ. Право, на мой взглядъ, такъ...

Мистриссъ Фордъ. Очень можетъ быть, но повторяю вамъ, что могу доказать противное.—О, мистриссъ Пэджъ, посовѣтуйте мнѣ...

Мистриссъ Пэджъ. Въ чемъ дѣло, голубушка?

Мистриссъ Фордъ. О, голубушка, не бойся я сущаго пустяка, въ какую честь я вошла бы!

Мистриссъ Пэджъ. Плюньте на этотъ пустякъ, голубушка, и берите честь! Въ чемъ же дѣло?—не дурачьтесь—и скажите, въ чемъ дѣло?

Мистриссъ Фордъ. Еслибъ я согласилась отправиться въ адъ на одну или двѣ минуты вѣчности, то могла бы получить за это рыцарское званіе.

Мистриссъ Пэджъ. Не можетъ быть! вы лжете! Сэръ Алиса Фордъ! Дюжинное это выйдетъ рыцарство! По моему, лучше вамъ не мѣнять своего дворянскаго званія.

Мистриссъ Фордъ. Мы тратимъ время попусту. Вотъ, лучше, прочтите—тогда узнаете, какимъ образомъ я могла бы сдѣлаться рыцаршей. (*Отдаетъ ей письмо*). Пока мои глаза будутъ въ состояніи отличать наружность одного человѣка отъ другого, я буду смотрѣть какъ нельзя хуже на толстяковъ. А между тѣмъ этотъ толстякъ не ругался, превозносилъ женскую скромность и такъ разсудительно и поучительно осуждалъ всякое неприличіе, что я готова была присягнуть, что у него совершенно одно на умѣ и на языкѣ—и вотъ оказывается, что его слова и мысли точно такъ же идутъ другъ къ другу, какъ сотый псаломъ къ пѣснѣ о зеленыхъ рукавичкахъ. И какая буря, скажите, выкинула на виндзорскій берегъ этого кита, у котораго столько бочекъ сала въ брюхѣ? Какъ мнѣ отомстить ему? Лучше всего, я полагаю, было бы тѣшить его надеждой до тѣхъ поръ, пока онъ не растопится въ своемъ собственномъ жирѣ подъ мерзкимъ огнемъ своей похотливости. Слыхали ль вы что-нибудь подобное?

Мистриссъ Пэджъ. Слово въ слово; разница только въ именахъ: тамъ—Пэджъ, а здѣсь—Фордъ! Чтобы совсѣмъ разъяснить вамъ тайну вашей дурной репутаціи—вотъ близнецъ вашего письма; но пусть наслѣдствомъ воспользуется ваше, потому что мое—ужъ за это я поручусь—навсегда отказывается отъ этой чести. Навѣрно, у него тысяча такихъ писемъ, гдѣ оставлены только пробѣлы для различныхъ именъ, которыхъ у него въ запасѣ, безъ сомнѣнія, еще больше. Наши же—ужъ второе изданіе. Онъ, конечно, тиснетъ ихъ въ печати: ему, вѣдь, все равно, что ни тискать, когда онъ рѣшился взять обѣихъ насъ въ тиски. Я бы лучше согласилась быть гигантшей и лежать подъ горой Пеліономъ! Право, я скорѣе найду вамъ двадцать распутныхъ голубокъ, чѣмъ одного цѣломудреннаго мужчину.

Мистриссъ Фордъ. Да, въ самомъ дѣлѣ, это одно и то же; тотъ же самый почеркъ, тѣ же слова. Какого же онъ мнѣнія о насъ?

Мистриссъ Пэджъ. Ну, ужъ не знаю; это почти подбиваетъ меня ссориться съ моею собственною честностью. Я готова смотрѣть на себя, какъ на человѣка совершенно незнакомаго мнѣ. Вѣдь, если бы онъ не открылъ во мнѣ какой-нибудь слабой стороны, которой я сама не замѣчаю—неужели онъ рѣшился бы на такой бѣшеный абордажъ?

Мистриссъ Фордъ. Вы называете это абордажемъ? Ну, я ручаюсь, что на мою палубу онъ не взберется.

Мистриссъ Пэджъ. И я тоже. Еслибъ ему удалось пробраться въ мои люки, я послѣ этого ужъ никогда не пустилась бы въ море. Отомстимъ ему, назначимъ ему свиданіе, подадимъ какую-нибудь надежду на успѣхъ и будемъ ловко водить его изо дня въ день до тѣхъ поръ, пока онъ не заложитъ своихъ лошадей хозяину Подвязки.

Мистриссъ Фордъ. Извольте, я готова сыграть съ нимъ всякую скверную штуку, лишь бы она не пачкала чистоты нашей добродѣтели. О, еслибъ мой мужъ увидѣлъ это письмо! Оно дало бы его ревности вѣчную пищу!

Мистриссъ Пэджъ. Да вотъ кстати и онъ. Мой добрякъ тоже съ нимъ; ну, да мой такъ же далекъ отъ ревности, какъ я отъ всего, что могло бы возбудить ее; а это разстояніе, надѣюсь, неизмѣримо далекое.

Мистриссъ Фордъ. Вы счастливѣе меня.

Мистриссъ Пэджъ. Посовѣтуемся,

чѣмъ отплатить этому жирному рыцарю. Отойдемъ отсюда. (*Отходятъ въ сторону*).

Входятъ Фордъ *съ* Пистолемъ *и* Пэджъ *съ* Нимомъ.

Фордъ. Ну, полно, я надѣюсь, что это не такъ.

Пистоль.

Въ иныхъ вещахъ надежда песъ безхвостый.
Сэръ Джонъ Фальстафъ прельщенъ твоей женой.

Фордъ. Да помилуйте, моя жена уже не молода.

Пистоль.

Волочится онъ за простой и знатной,
За бѣдной и богатой, молодой
И старою—за всѣми безъ разбора.
Охотникъ онъ до винигрета! Фордъ,
Смотри за нимъ!

Фордъ.

Мою жену онъ любитъ?

Пистоль.

Всей печенью, горящей какъ огонь.
Предупреди, иль будешь ты украшенъ,
Какъ Актеонъ, затравленный въ лѣсу
Собаками. О, пасквильное слово!

Фордъ. Какое это слово?

Пистоль.

Да слово рогъ. Прощай. Не спи, смотри
Во всѣ глаза: вѣдь, воры ходятъ ночью;
Смотри, пока къ намъ лѣто не пришло,
Или пока кукушка не запѣла.
Идемъ, капралъ сэръ Нимъ. Вѣрь, Пэджъ, ему:
Онъ говоритъ умно и справедливо. (*Уходитъ*).

Фордъ (*въ сторону*). Буду терпѣливъ. Надо разузнать правду.

Нимъ (*Пэджу*). И это онъ сказалъ правду; я не охотникъ до лжи. Онъ оскорбилъ меня въ нѣкоторомъ отношеніи. Я бы, пожалуй, могъ отнести къ ней его замысловатое письмо; но у меня есть мечъ, который кусаетъ въ случаѣ необходимости. Онъ любитъ вашу жену: вотъ вамъ и вся штука безъ обиняковъ. Меня зовутъ капраломъ Нимомъ; я говорю и утверждаю. Это вѣрно; меня зовутъ—Нимъ, а Фальстафъ любитъ вашу жену. Adieu! Не въ моемъ характерѣ пробавляться хлѣбомъ и сыромъ—и въ этомъ заключается весь мой характеръ. Adieu! (*Уходитъ*).

Пэджъ. Его характеръ! Вотъ тоже малый, отъ котораго всякій англичанинъ одурѣетъ.

Фордъ. Стану наблюдать за Фальстафомъ.

Пэджъ. Никогда не встрѣчалъ я такого болтливаго и жеманнаго бездѣльника!

Фордъ. Если только узнаю что-нибудь—хорошо же!

Пэджъ. Ни въ чемъ не повѣрю такому китайцу, если бы даже священникъ нашего города рекомендовалъ его за честнаго человѣка.

Фордъ. Онъ добрый, благоразумный малый. Хорошо! (*Мистриссъ Пэджъ и мистриссъ Фордъ подходятъ*).

Пэджъ. Что скажешь, Мегъ?

Мистриссъ Пэджъ. Куда это ты идешь, Джорджъ? Послушай-ка?

Мистриссъ Фордъ. Что это, мой милый Франкъ, ты такъ задумчивъ?

Фордъ. Задумчивъ?—я не задумчивъ. Ступай-ка домой, ступай.

Мистриссъ Фордъ. Нѣтъ, у тебя въ головѣ какія-то причуды. Идемъ, что-ли, мистриссъ Пэджъ.

Мистриссъ Пэджъ. Я сейчасъ къ вашимъ услугамъ. Ты придешь къ обѣду, Джорджъ? (*Тихо мистриссъ Фордъ*). Смотрите, кто идетъ сюда: она будетъ нашей посланницей къ этому жалкому рыцарю.

Мистриссъ Фордъ (*тоже тихо*). Я только что о ней думала. Да, она все отлично устроитъ.

Входитъ мистриссъ Квикли.

Мистриссъ Пэджъ. Вы пришли къ моей дочери Аннѣ?

Квикли. Да-съ, именно такъ. А какъ здоровье добрѣйшей миссъ Анны?

Мистриссъ Пэджъ. Пойдемте съ нами, сами увидите. Мы имѣемъ кое о чемъ поговорить съ вами.

(*Мистриссъ Пэджъ, мистриссъ Фордъ и мистриссъ Квикли уходятъ*).

Пэджъ. Ну, что скажете, Фордъ?

Фордъ. Вы слышали, что этотъ бездѣльникъ сообщилъ мнѣ?

Пэджъ. Да. А вы слышали, что другой мнѣ сказалъ?

Фордъ. Какъ вы полагаете — правду они говорятъ?

Пэджъ. Повѣсить бы ихъ, мерзавцевъ! Не думаю, чтобы рыцарь рѣшился на это: вѣдь эти люди, обвиняющіе его въ замыслахъ противъ нашихъ женъ—его же соб-

ственные лакеи, прогнанные имъ. Теперь они безъ мѣста, — вотъ и мошенничаютъ напропалую.

Фордъ. Да развѣ они прежде служили у него?

Пэджъ. Ну, да.

Фордъ. Отъ этого мнѣ не легче. Вѣдь, онъ живетъ въ гостиницѣ Подвязки?

Пэджъ. Ну, да. Если онъ дѣйствительно начнетъ подъѣзжать къ моей женѣ, я ее же натравлю на него—и пропади моя голова, коли онъ добьется отъ нея чего-нибудь, кромѣ ругани.

Фордъ. Я совершенно увѣренъ въ моей женѣ, но для меня было бы весьма прискорбно, если бы между ею и имъ началась схватка. Мужья иногда черезъ-чуръ довѣрчивы. Я рѣшительно не желаю рисковать моей головой. Меня этимъ не удовлетворишь.

Пэджъ. Вотъ идетъ хозяинъ Подвязки. Экъ онъ деретъ горло! Ужъ коли онъ такъ веселъ—значитъ, у него или водка въ головѣ, или деньги въ кошелькѣ.

Входитъ хозяинъ гостиницы.

Пэджъ. Какъ поживаете, хозяинъ?

Хозяинъ (*кричитъ за сцену*). Ну, что жъ ты тамъ, забіяка? Ты, вѣдь, джентльменъ, cavalero-судья! Гдѣ же ты?

Входитъ Шэлло.

Шэлло. Иду, хозяинъ, иду. Двадцать разъ здравствуйте, добрѣйшій мистеръ Пэджъ! Угодно вамъ пойти съ нами, мистеръ Пэджъ? У насъ въ виду потѣшная штука.

Хозяинъ. Скажи ему, cavalero-судья, скажи ему, негодный драчунъ, въ чемъ дѣло?

Шэлло. Сэръ, предстоитъ поединокъ между сэромъ Гугомъ, валлійскимъ пасторомъ, и Каюсомъ, французскимъ докторомъ.

Фордъ. На одно слово, добрѣйшій хозяинъ Подвязки.

Хозяинъ. Что скажешь, дорогой забіяка? (*Отходятъ*).

Шэлло (*Пэджу*). Что-жъ—пойдете съ нами взглянуть? Нашего весельчака-хозяина выбрали, чтобы мѣрять оружіе, а онъ, какъ мнѣ кажется, назначилъ каждому изъ нихъ свиданье въ разныхъ мѣстахъ,—потому что, какъ я слышалъ, пасторъ не охотникъ до шутокъ. Вотъ послушайте, я разскажу вамъ, въ чемъ будетъ наша потѣха. (*Тихо разговариваютъ*).

Хозяинъ. Не имѣешь ли ты какого денежнаго взысканія на моего постояльца, благороднаго рыцаря?

Фордъ. Честное слово, никакого—и я дамъ тебѣ цѣлую бутыль отличнѣйшаго вина, если ты сведешь меня съ нимъ и скажешь, что мое имя—Потокъ. Мнѣ это нужно только для шутки.

Хозяинъ. Вотъ тебѣ моя рука, чудовище! Я доставлю тебѣ и входъ, и выходъ—вѣдь, хорошо сказано?—и твое имя будетъ Потокъ. Онъ у меня веселый парень! Ну, идемъ, что ли, мингеры?

Шэлло. Мы къ вашимъ услугамъ, хозяинъ.

Пэджъ. Я слышалъ, что французъ мастеръ драться на рапирахъ.

Шэлло. Эка штука! Въ былое время я бы не то могъ показать вамъ. Теперь вы придаете важное значеніе разстоянью и всякимъ тамъ пассадамъ, эстокадамъ и прочему, ни вѣсть чему. А вѣдь самое главное, мистеръ Пэджъ, сердце; вся штука въ немъ, только въ немъ. Было время, когда моимъ длиннымъ мечемъ я могъ бы разогнать, какъ крысъ, четырехъ такихъ здоровяковъ, какъ вы.

Хозяинъ. Въ дорогу, ребята, въ дорогу, въ дорогу! Идемъ, что-ли?

Пэджъ. И я съ вами, хотя лучше желалъ бы присутствовать при ихъ перебранкѣ, чѣмъ при этой дуэли.

(*Пэджъ, Шелло и хозяинъ гостиницы уходятъ*).

Фордъ. Пэджъ — безпечный дуракъ, и пусть онъ слѣпо довѣряетъ добродѣтели своей жены; но я—я не могу такъ легко измѣнить свое мнѣніе. Я знаю, что она видѣлась съ нимъ въ домѣ Пэджа; а что они тамъ дѣлали—не знаю. Но я допытаюсь правды; переодѣвшись, мнѣ легче будетъ вывѣдать все у Фальстафа. Если она окажется невинною—труды мои не пропадутъ даромъ; случится иначе—они тоже будутъ хорошо вознаграждены.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Комната въ гостиницѣ Подвязки.

Входятъ Фальстафъ *и* Пистоль.

Фальстафъ.

Не дамъ тебѣ ни гроша.

Пистоль.

Ну, такъ міръ
Мнѣ устрицею будетъ—и я вскрою
Ее своимъ губительнымъ мечемъ.

Фальстафъ. Ни гроша. Не разъ уже я позволялъ тебѣ закладывать мой кредитъ и выпросилъ три отсрочки у моихъ добрыхъ друзей для тебя и твоего однокашника Нима. Не дѣлай я этого, вы бы выглядывали изъ-за рѣшетки, какъ пара обезьянъ. Я заранѣе предалъ себя въ адъ, поклявшись моимъ друзьямъ-джентльменамъ, что вы хорошіе солдаты и славные люди; а когда мистриссъ Бриджетъ потеряла рукоятку своего вѣера, я поручился моею честью, что эта вещь не у тебя.

Пистоль. А развѣ я не подѣлился съ тобой? развѣ ты не получилъ пятнадцать пенсовъ?

Фальстафъ. Такъ и слѣдовало, каналья. Скажите, пожалуйста! Ты, можетъ быть, думалъ, что я стану рисковать моею душой gratis? Да что тутъ толковать попусту: перестань виснуть на мнѣ — я для тебя не висѣлица. Проваливай. Короткій ножъ да толпа—вотъ что тебѣ нужно. Проваливай въ свой замокъ Петчь. Негодяй, не хотѣлъ снести письма для меня! Какъ можно! честь этого не позволяетъ. Ахъ, ты, бездонная низость, да, вѣдь, даже я едва-едва могу удерживаться въ границахъ моей чести! я, самъ я, иногда принужденъ оставлять страхъ божій въ сторонѣ и, прикрывая честь необходимостью, хитрить, изворачиваться, надувать. А ты, каналья, хочешь тоже прятать подъ маску чести свои лохмотья, свои взгляды черной кошки, свои кабачныя выраженія, свои площадныя ругательства!... И изъ-за этого отказываешь мнѣ!

Пистоль. Я каюсь въ этомъ. Чего жъ тебѣ еще надобно?

Входитъ Робинъ.

Робинъ. Сэръ, какая-то женщина хочетъ поговорить съ вами.

Фальстафъ. Пусть приблизится къ намъ.

Входитъ мистриссъ Квикли.

Квикли. Добраго здоровья вашей милости.

Фальстафъ. Добраго здоровья, добрая женщина.

Квикли. Не совсѣмъ такъ, съ позволенія вашей милости.

Фальстафъ. Ну такъ значитъ, дѣвушка.

Квикли.

Такая же, клянусь, какою мать была
Въ тотъ часъ, когда меня на свѣтъ произвела.

Фальстафъ. Вѣрю твоей клятвѣ. Чего жъ тебѣ надо отъ меня?

Квикли. Угодно будетъ вашей милости получить отъ меня два-три слова?

Фальстафъ. Хоть двѣ тысячи, моя красавица; а отъ меня ты получишь аудіенцію.

Квикли. Есть на свѣтѣ, сэръ, нѣкая мистриссъ Фордъ... Отойдемте, пожалуйста, немного подальше... А я живу у доктора Каюса.

Фальстафъ. Хорошо; дальше. — Итакъ, мистриссъ Фордъ?

Квикли. Совершенно вѣрно изволили сказать... Пожалуйста, ваша милость, отойдемте немного подальше.

Фальстафъ. Не безпокойся, никто насъ не услышитъ; тутъ все мои люди, мои собственные люди.

Квикли. Въ самомъ дѣлѣ? Да благословитъ ихъ Богъ и сдѣлаетъ своими слугами!

Фальстафъ. Итакъ, мистриссъ Фордъ... Что же ты имѣешь сказать о ней?

Квикли. Ахъ, сэръ, она очень добрая женщина. Господи, Господи! какой вы соблазнитель, ваша милость! Да проститъ Богъ вамъ и всѣмъ намъ—это моя молитва.

Фальстафъ. Итакъ, мистриссъ Фордъ... Продолжай же объ этой мистриссъ Фордъ.

Квикли. Да чтобъ долго не толковать, вотъ вамъ въ двухъ словахъ все дѣло. Вы до того взбудоражили ее, что просто удивительно. Лучшему изъ придворныхъ, въ пріѣзды двора въ Виндзоръ, не удавалось такъ сильно взбудоражить ее. А вѣдь тутъ были и рыцари, и лорды, и джентльмены въ своихъ каретахъ; вѣрите ли — карета за каретой, письмо за письмомъ, подарокъ за подаркомъ такъ и сыпались; и все это такъ отлично пахло мускусомъ, и все это такъ шелестѣло золотомъ и шелкомъ... А рѣчи-то какія были галантерейныя! а винато какія дорогія и сладкія! Ни одна женщина не устояла бы, кажись, противъ нихъ! И что жъ вы думаете? отъ нея и взгляда никто не могъ добиться. Вотъ мнѣ самой еще сегодня утромъ давали двадцать ангеловъ; но я принимаю ангеловъ этого рода— какъ говорится—только за честное дѣло... А ее, честное слово, не могли склонить даже на то, чтобъ она хоть губы обмакнула въ бокалъ самаго знатнаго изъ нихъ; а тутъ бывали и графы, и даже—это еще поважнѣе—пенсіонеры, но для нея, вѣрьте слову, что тотъ, что другой—все равно.

Фальстафъ. Что же послала она сказать мнѣ? Не будь многорѣчива, о мой добрый Меркурій женскаго рода!

Квикли. Да вотъ что: получила она ваше письмо и велѣла тысячекратно благодарить

МИСТРИСЪ ФОРДЪ и МИСТРИССЪ ПЭДЖЪ ПОКАЗЫВАЮТЪ ДРУГЪ ДРУГУ ПИСЬМА ФАЛЬСТАФА. (Дѣйствіе II, сц. 1).

Картина англійскаго живописца Мэтью Вильямса Петерса (Matthew William Peters, 1740 (?)—1814). (Бойделевская галлерея).

васъ за него, а вмѣстѣ съ тѣмъ дать вамъ знать, что ея мужа не будетъ дома между десятью и одиннадцатью часами.

Фальстафъ. Десятью и одиннадцатью?

Квикли. Совершенно такъ. Вотъ въ это-то время вы можете придти посмотрѣть на картину, которую, какъ она говоритъ, вы знаете. Мистера Форда, ея мужа, не будетъ дома. Ахъ, не весело жить съ нимъ моей голубушкѣ!... Онъ страсть какой ревнивый; ей, сердечной, съ нимъ не житье, а каторга.

Фальстафъ. Между десятью и одиннадцатью. Женщина, кляняйся ей отъ меня; не премину явиться.

Квикли. Прекрасно сказано. Но у меня есть еще одно порученіе къ вашей милости. Мистриссъ Пэджъ тоже посылаетъ вамъ сердечный поклонъ. Позвольте мнѣ шепнуть вамъ на ушко: эта дама скромная и деликатная, и притомъ съ прекраснымъ характеромъ; ужъ повѣрьте, никто въ Виндзорѣ не ходитъ аккуратнѣе ея въ церковь утромъ и вечеромъ... Она приказала мнѣ передать вашей милости, что ея мужъ рѣдко не бываетъ дома; но она надѣется, что когда-нибудь это да случится. Никогда еще мнѣ не случалось видѣть женщину, такъ ужасно врѣзавшуюся въ мужчину. Навѣрно, у васъ есть какой-нибудь приворотный корешокъ; ужъ это безъ сомнѣнія.

Фальстафъ. Увѣряю тебя, что нѣтъ; за исключеніемъ привлекательности моихъ достоинствъ, у меня нѣтъ никакихъ приворотныхъ чаръ.

Квикли. Благослови Господи ваше сердце за это!

Фальстафъ. Но скажи мнѣ, пожалуйста, вотъ что: жена Форда и жена Пэджа открылись одна другой въ своей любви ко мнѣ?

Квикли. Вотъ это была бы забавная штука! Надѣюсь—онѣ не такъ просты. Да, штука это была бы, ничего сказать! Да вотъ еще что: мистриссъ Пэджъ умоляетъ васъ всею любовью прислать ей вашего маленькаго пажа; ея мужъ удивительно разочарованъ этимъ маленькимъ пажомъ— а мистеръ Пэджъ, вѣрьте слову, прекрасный человѣкъ. Ни одна женщина въ Виндзорѣ не живетъ лучше ея: она дѣлаетъ все, что ей угодно, имѣетъ все, платитъ за все, ложится спать, когда ей вздумается, встаетъ тоже, когда ей вздумается; все дѣлается, какъ она хочетъ, и, вѣрьте слову, она вполнѣ стоитъ этого: коли есть въ Виндзорѣ милая женщина, такъ ужъ это, конечно, она. Вы должны послать къ ней вашего пажа; тутъ ужъ ничего не подѣлаешь.

Фальстафъ. Что жъ, я пошлю.

Квикли. Да, пошлите, пожалуйста. Притомъ, изволите видѣть, онъ можетъ быть посредственникомъ между ею и вами. А на всякій случай приберите какое-нибудь условное слово для передачи дружка дружкѣ вашихъ мыслей такъ, чтобы этотъ мальчикъ не могъ ничего понять. Дѣтямъ не слѣдъ понимать грѣшки, а люди въ лѣтахъ, какъ вы изволите знать, имѣютъ, какъ говорится, скромность, и знаютъ свѣтъ.

Фальстафъ. Прощай. Кланяйся отъ меня обѣимъ. Вотъ тебѣ мой кошелекъ; я остаюсь еще твоимъ должникомъ. Ты, мальчикъ, ступай за этой женщиной. (*Мистриссъ Квикли и Робинъ уходятъ*). Эта новость вскружила мнѣ голову.

Пистоль.

Изъ флота Купидонова ладья
Ко мнѣ плыветъ. Ставь паруса! Въ погоню!
Открой борты! Пали! Она моя,—
Иль пусть имъ всѣмъ погибнутьвъ океанѣ!
(*Уходитъ*).

Фальстафъ. Что ты на это скажешь, дружище Джекъ? Смѣлѣй.—Ну, теперь постараемся извлечь изъ своего стараго тѣла побольше пользы, чѣмъ когда-либо. Стало-быть, женщины все еще заглядываются на тебя? Стало-быть, истративъ столько денегъ, ты теперь начнешь получать барыши? Ну, спасибо тебѣ, мое доброе тѣло. Пусть говорятъ, что я топорной работы; это мнѣ все равно, коли сработано хорошо!...

Входитъ Бардольфъ.

Бардольфъ. Сэръ Джонъ, тамъ внизу какой-то мистеръ Потокъ; онъ очень желаетъ поговорить и познакомиться съ вами. Сегодня утромъ онъ прислалъ вашей милости бутыль вина.

Фальстафъ. Его зовутъ Потокъ.

Бардольфъ. Точно такъ.

Фальстафъ. Зови его сюда. (*Бардольфъ уходитъ*). Мнѣ по сердцу тѣ потоки, которые состоятъ изъ такой жидкости!... Ага, мистриссъ Пэджъ и мистриссъ Фордъ, попались въ мою западню? Впередъ! via!

Бардольфъ *возвращается съ переодѣтымъ* Фордомъ.

Фордъ. Добраго здоровья, сэръ.

Фальстафъ. И вамъ, сэръ. Вамъ угодно поговорить со мною?

Фордъ. Съ моей стороны неделикатно безпокоить васъ съ такою безцеремонностью.

Фальстафъ. Милости просимъ. Что вамъ угодно? Оставь насъ, подносчикъ. (*Бардольфъ уходитъ*).

Фордъ. Сэръ, я джентльменъ, истратившій много денегъ; мое имя Потокъ.

Фальстафъ. Добрѣйшій мистеръ Потокъ, мнѣ очень желательно ближе познакомиться съ вами.

Фордъ. Добрѣйшій сэръ Джонъ, я тоже ищу вашего знакомства, но не для того, чтобы быть вамъ въ тягость, потому что, надо вамъ сказать, я имѣю возможность давать въ займы деньги больше васъ. Это-то и дало мнѣ отчасти смѣлость такъ безцеремонно явиться къ вамъ. Вѣдь, говорятъ, что когда деньги идутъ впереди—всѣ дороги открыты.

Фальстафъ. Деньги, сэръ, храбрый солдатъ, всегда идущій впереди.

Фордъ. Совершенно вѣрно, и вотъ у меня мѣшокъ съ деньгами, который затрудняетъ меня. Если хотите облегчить мнѣ эту ношу, сэръ Джонъ, возьмите все или хоть половину.

Фальстафъ. Сэръ, я не знаю, чѣмъ могу заслужить честь быть вашимъ носильщикомъ.

Фордъ. Это я объясню вамъ, если вамъ будетъ угодно выслушать меня.

Фальстафъ. Говорите, добрѣйшій мистеръ Потокъ; мнѣ будетъ очень пріятно услужить вамъ.

Фордъ. Я слышалъ, сэръ, что вы человѣкъ ученый. Постараюсь объясниться покороче. Давно уже вы извѣстны мнѣ, хотя до сихъ поръ не имѣлъ желаннаго случая познакомиться съ вами. Теперь я открою вамъ одну вещь, которая обнаружитъ мои собственные недостатки. Но, добрѣйшій сэръ Джонъ, въ то время, какъ я стану разсказывать вамъ про мои грѣшки, вы однимъ глазомъ смотрите на нихъ, а другимъ заглядывайте въ списокъ вашихъ собственныхъ грѣшковъ. Можетъ быть, вы станете не такъ строго обвинять меня, когда сознаете на самомъ себѣ, какъ легко провиниться такимъ образомъ.

Фальстафъ. Очень хорошо, сэръ, продолжайте.

Фордъ. Въ вашемъ городѣ живетъ одна госпожа—фамилія ея мужа Фордъ.

Фальстафъ. Хорошо-съ.

Фордъ. Я долго любилъ ее и, даю вамъ честное слово, очень много сдѣлалъ для нея. Я слѣдовалъ за нею со страстною настойчивостью, пользовался всевозможными случаями встрѣчаться съ нею, жадно ловилъ каждую минуту, когда могъ взглянуть на нее; не только покупалъ множество подарковъ собственно для нея, но и щедро платилъ другимъ, чтобъ узнавать, какой подарокъ былъ бы для нея пріятнѣе. Однимъ словомъ, я преслѣдовалъ ее точно такъ же, какъ любовь преслѣдовала меня—то есть на крыльяхъ всевозможныхъ случаевъ. Но чего бы я ни заслуживалъ, какъ моими чувствами, такъ и дѣйствіями—знаю одно, что ни тѣ, ни другія не принесли мнѣ никакой пользы, если не считать опытности драгоцѣнностью. Вотъ за эту-то драгоцѣнность я заплатилъ неизмѣримо дорого, и тутъ-то я узналъ, что

„Любовь, какъ тѣнь, бѣжитъ того, кто
вслѣдъ за ней спѣшитъ,
Преслѣдуетъ бѣгущаго, гонителя бѣжитъ".

Фальстафъ. И вы никогда не получали отъ нея никакого утѣшительнаго обѣщанія?

Фордъ. Никогда.

Фальстафъ. А приставали вы къ ней съ этой цѣлью?

Фордъ. Никогда.

Фальстафъ. Такъ какого же сорта была ваша любовь?

Фордъ. Она была похожа на прекрасный домъ, построенный на чужой землѣ. Такимъ образомъ я потерялъ зданіе, потому что ошибся въ выборѣ мѣста, на которомъ построилъ его.

Фальстафъ. Съ какою цѣлью разсказали вы мнѣ все это?

Фордъ. Объяснивъ вамъ эту цѣль, я объясню вамъ все. Ходитъ слухъ, что какъ ни неприступна она для меня, но съ другими доводитъ свою веселость до того, что о ея добродѣтели отзываются не совсѣмъ благопріятно. Вотъ тутъ-то, сэръ Джонъ, и есть самая сердцевина моего замысла. Вы—джентльменъ, прекрасно воспитанный, удивительно краснорѣчивый, у васъ огромный кругъ знакомыхъ, вы пользуетесь общимъ уваженіемъ по своему положенію и личнымъ достоинствамъ, и признаетесь всѣми за опытнѣйшаго воина, царедворца и ученаго.

Фальстафъ. О, сэръ!

Фордъ. Вы можете мнѣ повѣрить, потому что сами знаете это. Вотъ вамъ деньги; тратьте, тратьте ихъ; тратьте все, что я имѣю, а взамѣнъ этого я прошу только одного: удѣлите мнѣ столько изъ вашего времени, сколько понадобится на любовную осаду неприступности жены этого Форда. Пустите въ ходъ все ваше искусство; заставьте ее уступить вамъ. Если это воз-

можно, то, конечно, вамъ скорѣе, чѣмъ кому-либо.

Фальстафъ. Но будетъ ли удобно для пылкости вашей страсти, если я одержу побѣду надъ тою, которою вы сами хотите обладать? По моему, вы прописываете себѣ весьма странное лѣкарство.

Фордъ. Поймите хорошенько мой планъ! Она такъ самоувѣренно опирается на непоколебимость своей добродѣтели, что безуміе души моей не смѣетъ подступиться къ ней, она слишкомъ ярко свѣтитъ, чтобъ можно было прямо смотрѣть на нее. Но если бы я могъ явиться къ ней съ какимъ-нибудь обличительнымъ доказательствомъ, мои просьбы имѣли бы себѣ въ немъ ходатая и защитника; съ этимъ оружіемъ въ рукахъ я могъ бы выбить ее изъ этой крѣпости безпорочности, доброй репутаціи, супружеской вѣрности и тысячи другихъ окоповъ, которые теперь такъ страшно сопротивляются мнѣ. Что скажете на это, сэръ Джонъ?

Фальстафъ. Мистеръ Потокъ, сперва я безъ церемоніи возьму ваши деньги; затѣмъ, дайте мнѣ вашу руку, и, наконецъ, получите отъ меня слово джентльмена, что жена Форда будетъ ваша, если вы этого желаете.

Фордъ. О, добрѣйшій сэръ!

Фальстафъ. Повторяю, она будетъ ваша.

Фордъ. Не жалѣйте денегъ, сэръ Джонъ; у васъ будетъ ихъ, сколько захотите.

Фальстафъ. Не жалѣйте мистриссъ Фордъ, мистеръ Потокъ; у васъ будетъ ея, сколько захотите. Могу вамъ сообщить, что я скоро буду имѣть съ ней свиданіе, которое она сама мнѣ назначила. За нѣсколько минутъ до васъ ушла отъ меня ея помощница, или, по-просту, сводня. Я буду съ ней видѣться между десятью и одиннадцатью часами, потому что въ это время ея мужъ, гнусный и негодный ревнивецъ, не будетъ дома. Приходите ко мнѣ сегодня вечеромъ: узнаете, насколько я успѣлъ.

Фордъ. Знакомство съ вами, сэръ, для меня сущее благословеніе. А вы знаете этого Форда?

Фальстафъ. Чортъ бы побралъ этого бѣднаго, рогатаго бездѣльника! Я-то его не знаю; но напрасно называю его бѣднымъ, потому что, какъ говорятъ, у этого мерзкаго ревнивца груды золота. Изъ-за этого-то и его жена такъ приглянулась мнѣ. Она будетъ для меня ключемъ къ сундуку этой рогатой канальи—и тутъ-то я начну собирать жатву.

Фордъ. Мнѣ было бы желательно, чтобъ вы узнали въ лицо Форда; такимъ образомъ, при встрѣчѣ съ нимъ, вы могли бы избѣгать его.

Фальстафъ. Пропади онъ, бездѣльникъ, на соленомъ маслѣ! Я заставлю его помѣшаться отъ моихъ взглядовъ, я уничтожу его моею палкой; она будетъ носиться, какъ метеоръ, надъ рогами рогоносца. Знайте, мистеръ Потокъ, я одержу верхъ надъ этимъ мужикомъ, и вы раздѣлите ложе съ его женою! Приходите ко мнѣ сегодня вечеромъ пораньше. Фордъ олухъ, и я хочу умножить его титулы: вы скоро узнаете, мистеръ Потокъ, что онъ и олухъ, и рогоносецъ. Приходите ко мнѣ пораньше вечеромъ (*Уходитъ*).

Фордъ. Что это за проклятый, гнусный эпикуреецъ! Сердце мое готово лопнуть отъ нетерпѣнія. Вотъ и говорите теперь, что моя ревность неосновательна! Моя жена посылала къ нему; часъ свиданія назначенъ; сдѣлка заключена. Могъ ли кто-нибудь подумать это? О, какое адское мученіе имѣть измѣнницу жену! Мое ложе будетъ запятнано, мои деньги расхищены, моя репутація поругана; а я не только сдѣлаюсь жертвою этихъ мерзкихъ оскорбленій, но и буду выслушивать отвратительныя ругательства отъ того же самаго человѣка, который наноситъ мнѣ эти оскорбленія. И какія ругательства! какія прозвища! Амаймонъ—прозвище не дурное; Люциферъ—хорошее; Барбасонъ—хорошее; а вѣдь это все имена дьяволовъ, злыхъ духовъ. Но рогоносецъ! слѣпой рогоносецъ! о, у самого чорта нѣтъ такого прозванія! Пэджъ оселъ, самоувѣренный оселъ; онъ полагается на свою жену, онъ не ревнивъ. Да я скорѣе довѣрю мое масло фламандцу, мой сыръ—пастору Гугу, мой штофъ съ водкой—ирландцу, мою лошадь—для прогулки—вору, чѣмъ мою жену—ей же самой! Она и интригуетъ, и замышляетъ, и придумываетъ разныя штуки—а ужъ коли женщина рѣшила въ сердцѣ сдѣлать что-нибудь, такъ она сердце разобьетъ, а сдѣлаетъ. Благодарю Бога за то, что я ревнивъ!—Свиданіе назначено въ одиннадцать часовъ. Но я предупрежу его, застану врасплохъ мою жену, отомщу Фальстафу и посмѣюсь надъ Пэджемъ... Поспѣшу туда; лучше придти тремя часами раньше, чѣмъ одной минутой позже. Тьфу! тьфу! тьфу! рогоносецъ! рогоносецъ! рогоносецъ! (*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Виндзорскій паркъ.

Входятъ Каюсъ *и* Регби.

Каюсъ. Джекъ Регби!

Регби. Что прикажете, сэръ?

Каюсъ. Который часъ, Джекъ?

Регби. Часъ, въ который сэръ Гугъ обѣщалъ явиться, прошелъ.

Каюсъ. Чортъ меня побери, онъ спасъ свою душу тѣмъ, что не пришелъ; онъ вѣрно горячо молился по своей библіи, что не пришелъ, чортъ меня побери, Джекъ Регби, онъ былъ бы теперь ужъ мертвъ, еслибы пришелъ.

Регби. Онъ хитеръ, сэръ; онъ зналъ, что ваша милость убили бы его, еслибы онъ явился.

Каюсъ. Чортъ меня побери, селедка не такъ мертва, какъ будетъ онъ мертвъ, когда я убью его! Возьми свою рапиру, Джекъ: я покажу тебѣ, какъ я убью его.

Регби. Ай, ай! сэръ, я не умѣю фехтовать.

Каюсъ. Возьми свою рапиру, негодяй!

Регби. Остановитесь! сюда идутъ.

Входятъ хозяинъ гостиницы, Шэлло' Слендеръ *и* Пэджъ.

Хозяинъ. Да благословитъ тебя Господь, неукротимый докторъ!

Шэлло. Добраго здоровья, докторъ Каюсъ!

Пэджъ. Здравствуйте, добрѣйшій докторъ!

Слендеръ. Мое почтеніе, сэръ.

Каюсъ. Что вы всѣ пришли сюда? Одинъ, два, три, четыре.

Хозяинъ. Пришли смотрѣть, какъ ты будешь драться, фехтовать, дѣлать всякіе траверсы, кидаться то туда, то сюда; пришли смотрѣть на твои вольты, выходы, реверсы, парировки. Ну что, умеръ мой эѳіопъ? убитъ мой Франциско? Говори же, забіяка! Что скажетъ мой Эскулапіусъ? мой Галенъ? моя сердцевина изъ бузины? Говори же, мой буйный другъ мочи, умеръ онъ? убитъ?

Каюсъ. Чортъ меня побери, онъ самый трусливый попъ въ свѣтѣ: онъ и глазъ сюда не показалъ.

Хозяинъ. Ты кастильянскій король Уриналъ! Гекторъ Греціи, душа моя!

Каюсъ. Прошу васъ быть свидѣтелями, что я ждалъ его шесть или семь, три или четыре часа, и что онъ все-таки не пришелъ.

Шэлло. Онъ благоразумный человѣкъ, сэръ. Вѣдь онъ врачъ души, а вы—врачъ тѣла; еслибъ вы стали драться, то погладили бы ваши профессіи какъ разъ противъ шерсти. Такъ ли я говорю, мистеръ Пэджъ?

Пэджъ. Мистеръ Шэлло, вы сами, хоть теперь и сдѣлались мировымъ судьею, были прежде большимъ забіякой.

Шэлло. О, чортъ возьми, мистеръ Пэджъ, хоть я уже старъ, и занимаюсь мировымъ дѣломъ, но все еще не могу видѣть мечъ безъ того, чтобы мои пальцы не начали зудѣть. Да, мистеръ Пэджъ, у всѣхъ насъ, и судей, и докторовъ, и служителей церкви, всегда остается кое-что отъ молодого духа; мы сыновья женщинъ, мистеръ Пэджъ.

Пэджъ. Это правда, мистеръ Шэлло.

Шэлло. Такъ оно и должно быть, мистеръ Пэджъ. Докторъ Каюсъ, я пришелъ сюда для того, чтобы препроводить васъ домой. Я—присяжный мировой судья; вы выказали себя мудрымъ врачомъ, а сэръ Гугъ выказалъ себя мудрымъ и терпѣливымъ служителемъ церкви. Вы должны идти со мною, докторъ.

Хозяинъ. Виноватъ, драгоцѣнный судья. Позвольте на одно слово, monsieur Мокрый Навозъ!

Каюсъ. Мокрый Навозъ! это что значитъ?

Хозяинъ. Мокрый Навозъ на нашемъ англійскомъ языкѣ—доблесть.

Каюсъ. О, чортъ меня побери, въ такомъ случаѣ, во мнѣ столько же мокраго навоза, сколько въ всякомъ другомъ англичанинѣ! Проклятый попъ! мерзкая собака! Ужъ обрублю я тебѣ уши, чортъ меня побери!

Хозяинъ. Накостыляетъ онъ тебѣ шею порядкомъ.

Каюсъ. Накостыляетъ это что значитъ?

Хозяинъ. Значитъ, что онъ дастъ тебѣ удовлетвореніе.

Каюсъ. О, въ такомъ случаѣ, чортъ меня побери, вы увидите, что онъ меня накостыляетъ; да, чортъ меня побери, я хочу этого!

Хозяинъ. А я заставлю его сдѣлать это; иначе, пропади онъ къ чорту!

Каюсъ. Покорнѣйше васъ благодарю.

Хозяинъ. И, сверхъ того, мое чудовище... (*Тихо другимъ*). Но прежде вы, мистеръ судья, и вы, мистеръ Пэджъ, и вы cavalero Слендеръ, отправляйтесь черезъ городъ въ Фрогморъ.

Пэджъ. Вѣдь сэръ Гугъ тамъ?

Хозяинъ. Тамъ. Узнаете, въ какомъ онъ расположеніи духа, а я проведу туда доктора полями. Вѣдь хорошо такъ будетъ?

Шэлло. Мы идемъ.

Пэджъ, Шэлло *и* Слендеръ. Прощайте, добрѣйшій докторъ! (*Уходятъ*).

Каюсъ. Чортъ меня побери, я хочу убить попа, потому что онъ хлопочетъ у Анны Пэджъ за обезьяну.

Хозяинъ. Да, пусть онъ умретъ; но пока вложи въ ножны свое нетерпѣніе, облей холодной водой свой гнѣвъ, и пойдемъ со мной полями въ Фрогморъ; я приведу тебя на сельскій праздникъ, гдѣ теперь Анна Пэджъ, и тамъ ты будешь строить ей куры и всяческіе амуры. Хорошо сказано?

Каюсъ. Спасибо за это, чортъ меня побери! Вы мнѣ нравитесь, чортъ меня побери! Я доставлю вамъ хорошихъ покупателей—графовъ, лордовъ, джентльменовъ—все моихъ паціентовъ.

Хозяинъ. А я за это буду твоимъ противникомъ у Анны Пэджъ. Хорошо сказано?

Каюсъ. Хорошо, чортъ меня побери, хорошо сказано!

Хозяинъ. Ну, такъ маршъ!

Каюсъ. Слѣдуй по моимъ пятамъ, Джекъ Регби! (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Поле близъ Фрогмора.

Входятъ сэръ Гугъ Эвансъ *и* Сэмпль.

Эвансъ. Прошу васъ, служитель добраго мистера Слендера, другъ мой, Сэмпль по имени, скажите, съ которой стороны высматривали вы мистера Каюса, титулующаго себя докторомъ медицины?

Сэмпль. Да со всѣхъ сторонъ, сэръ: и съ лондонской дороги, и съ парка, и съ старой виндзорской дороги; только съ городской дороги и не смотрѣлъ.

Эвансъ. Наинастоятельнѣйше прошу васъ посмотрѣть и съ этой стороны.

Сэмпль. Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Эвансъ. Господи помилуй! какъ преисполнена душа моя гнѣва, какъ мятется духъ мой! Я былъ бы радъ, еслибъ онъ обманулъ меня! Какая меланхолія овладѣла мною! Какъ только представится благопріятный случай, перебью на его негодной главѣ всѣ его сосуды съ мочей. Господи помилуй! (*Поетъ*).

У тихихъ ручейковъ, въ честь коихъ птички малы
Созвучнымъ голоскомъ слагаютъ мадригалы,
Изъ розъ содѣлаемъ мы ложе, и на немъ
Мы тысячи вѣнковъ пахучихъ заплетемъ!

Господи помилуй! Я ощущаю великое желаніе плакать! (*Поетъ*).

Созвучнымъ голоскомъ слагаютъ мадригалы..
Когда я возсѣдалъ у вавилонскихъ водъ..
Мы тысячи вѣнковъ пахучихъ заплетемъ..
У тихихъ ручейковъ...

(Сэмпль *возвращается*).

Сэмпль. Идетъ, сэръ Гугъ, идетъ съ этой стороны!

Эвансъ. Милости просимъ. (*Поетъ*).

У тихихъ ручейковъ, въ честь коихъ птички малы...

Да защититъ небо правое дѣло!... Какое оружіе несетъ онъ?

Сэмпль. Никакого, сэръ. Вотъ идутъ также по фрогморской дорогѣ мой баринъ, мистеръ Шэлло и еще какой то джентльменъ.

Эвансъ. Пожалуйста, подай мнѣ платье, или, лучше, подержи его у себя на рукахъ.

Входятъ Пэджъ, Шэлло *и* Слендеръ.

Шэлло. А! господинъ пасторъ! добраго утра, почтеннѣйшій сэръ Гугъ! Увидѣть игрока не за костями, а хорошаго ученаго не за книгами—удивительное дѣло.

Слендеръ (*въ сторону*). Ахъ, дорогая Анна Пэджъ!

Пэджъ. Здравствуйте, добрѣйшій сэръ Гугъ!

Эвансъ. Да будетъ благословеніе Божіе надъ всѣми вами!

Шэлло. Какъ! мечъ и слово вмѣстѣ? Такъ вы владѣете и тѣмъ, и другимъ, господинъ пасторъ?

Пэджъ. И посмотрите, какимъ юношей онъ смотритъ! Въ камзолѣ и короткихъ штанахъ въ такую холодную ревматическую погоду!

Эвансъ. Этому существуютъ причины и поводы.

Пэджъ. Мы пришли сюда, господинъ пасторъ, затѣмъ, чтобы сдѣлать доброе дѣло.

Эвансъ. Очень хорошо; какое же?

Пэджъ. Одинъ весьма почтенный джентльменъ, сочтя себя оскорбленнымъ какимъ-то другимъ господиномъ, до такой степени ссорится съ своимъ терпѣніемъ и своею солидностью, что вы себѣ и представить не можете.

Шэлло. Я прожилъ на свѣтѣ восемьдесятъ лѣтъ съ лишнимъ, и никогда еще не слышалъ, чтобы человѣкъ, занимающій такое мѣсто, человѣкъ такой солидный и ученый, могъ до такой степени потерять уваженіе къ самому себѣ.

Эвансъ. Кто же это?

Пэджъ. Вы, я думаю, его знаете: это докторъ Каюсъ, извѣстный французскій докторъ.

Эвансъ. Господи спаси и помилуй! ужъ лучше бы вы стали говорить мнѣ о горшкѣ съ кашей.

Пэджъ. Отчего же?

Эвансъ. Онъ столько же знаетъ о Гиппократѣ и Галенѣ, сколько этотъ горшокъ; а въ добавокъ къ тому еще плутъ и трусъ, какого вы только можете встрѣтить на свѣтѣ.

Пэджъ (*къ Шэлло*). Ручаюсь вамъ, что это онъ долженъ былъ драться съ докторомъ.

Слендеръ (*въ сторону*). Ахъ, дорогая Анна Пэджъ.

Шэлло (*Пэджу*). Да, судя по его оружію, вы правы.—Не допускайте ихъ другъ къ другу; вотъ идетъ докторъ Каюсъ.

Входятъ хозяинъ гостиницы, Каюсъ *и* Регби.

Пэджъ. Вложите въ ножны вашу шпагу, добрѣйшій пасторъ.

Шэлло. И вы сдѣлайте то же, добрѣйшій докторъ.

Хозяинъ. Обезоружимъ ихъ и заставимъ объясниться; пусть они сохранятъ невредимыми свои члены и рубятъ нашъ англійскій языкъ.

Каюсъ (*Эвансу*). Позвольте мнѣ сказать вамъ одно слово на ухо. (*Тихо ему же*). Почему вы не хотите встрѣтиться со мною?

Эвансъ (*тихо*). Пожалуйста, потерпите; все будетъ въ свое время.

Каюсъ (*тихо*). Чортъ меня побери, вы трусъ, собака, обезьяна.

Эвансъ (*тихо*). Пожалуйста, не сдѣлайте насъ предметомъ насмѣшки для постороннихъ. Дружески прошу васъ объ этомъ, и обѣщаю, что такъ или иначе дамъ вамъ удовлетвореніе. (*Вслухъ*). Я разобью ваши стклянки съ мочей на вашей негодной маковкѣ за то, что вы не явились на свиданіе, согласно условію.

Каюсъ. Diable!... Джекъ Регби и вы, хозяинъ Jaretierre, скажите, развѣ я не ожидалъ въ томъ самомъ мѣстѣ, которое назначилъ?

Эвансъ. Свидѣтельствуюсь моей христіанской душой, это мѣсто здѣсь; ссылаюсь на хозяина Подвязки.

Хозяинъ. Молчать, говорятъ вамъ, Галлія и Валія, французъ и валліецъ, врачъ души и врачъ тѣла.

Каюсъ. Вотъ это очень хорошо! вотъ это превосходно!

Хозяинъ. Молчать. Слушайте, что скажетъ хозяинъ Подвязки. Политикъ я или нѣтъ? хитроумный я человѣкъ или нѣтъ? Макіавель я или нѣтъ? Захочу я потерять моего доктора? Нѣтъ — потому что онъ даетъ мнѣ промывательное и полоскательное. Захочу я потерять моего пастора, моего священника, моего сэра Гуга? Нѣтъ— потому что онъ даетъ мнѣ поученія и нравоученія. Дай же мнѣ твою руку, мужъ земной; вотъ такъ. Дай мнѣ твою руку, мужъ небесный; вотъ такъ. Питомцы науки, я обманулъ обоихъ васъ; я отправилъ васъ одного въ одно мѣсто, другого въ другое. Но ваши сердца высоко благородны, ваши кожи остались невредимыми, и поэтому пусть разогрѣтое вино послужитъ развязкой всего этого дѣла.—Возьмите въ залогъ ихъ мечи!.. Слѣдуйте за мной, о люди мира! слѣдуйте за мной, слѣдуйте за мной!

Шэлло. Совсѣмъ сумасшедшій человѣкъ, честное слово! Слѣдуйте за нимъ, джентльмены, слѣдуйте.

Слендеръ (*въ сторону*). Ахъ, дорогая Анна Пэджъ! (*Всѣ уходятъ, кромѣ Каюса и Эванса*).

Каюсъ. А! я понимаю! Вы сдѣлали изъ насъ des sots—хорошо!

Эвансъ. А! онъ сдѣлалъ насъ своими игрушками! Прошу вашей дружбы; соединимъ наши мозги, чтобы придумать мще-

ніе этому мерзкому, паршивому, гнусному хозяину Подвязки.

Каюсъ. Отъ всей души готовъ, чортъ меня побери! Онъ обѣщалъ привести меня туда, гдѣ Анна Пэджъ; но и тутъ надулъ, чортъ меня побери!

Эвансъ. Хорошо; я раздроблю ему за это черепъ. Прошу слѣдовать за мною.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Улица въ Виндзорѣ.

Входятъ мистриссъ Пэджъ *и* Робинъ.

Мистриссъ Пэджъ. Иди, иди впереди, маленькій франтъ; ты привыкъ слѣдовать, но теперь долженъ вести.—А что тебѣ нравится больше: руководить моими глазами, или смотрѣть на пятки твоего барина?

Робинъ. Конечно, мнѣ пріятнѣе идти впереди васъ, какъ человѣкъ, чѣмъ слѣдовать за нимъ, какъ карликъ.

Мистриссъ Пэджъ. О, ты порядочный льстецъ; теперь я вижу, что изъ тебя выйдетъ придворный.

Входитъ Фордъ.

Фордъ. Добраго здоровья, мистриссъ Пэджъ. Куда это вы идете?

Мистриссъ Пэджъ. Въ гости къ вашей женѣ? Дома она?

Фордъ. Дома и ничего не дѣлаетъ, потому что ей не съ кѣмъ заняться. Я думаю, если бы ваши мужья умерли, вы обѣ сейчасъ бы вышли замужъ?

Мистриссъ Пэджъ. Ужъ конечно— за двухъ другихъ.

Фордъ. Откуда вы взяли этого хорошенькаго пѣтушка?

Мистриссъ Пэджъ. Право, забыла дьявольское имя господина, у котораго мой мужъ выпросилъ его. (*Робину*). Какъ, бишь, зовутъ твоего господина?

Робинъ. Сэръ Джонъ Фальстафъ.

Фордъ. Сэръ Джонъ Фальстафъ!

Мистриссъ Пэджъ. Да, такъ, такъ; я никакъ не могу запомнить это имя... Онъ такой близкій пріятель моего мужа... Такъ ваша жена въ самомъ дѣлѣ дома?

Фордъ. Въ самомъ дѣлѣ.

Мистриссъ Пэджъ. Съ вашего позволенія, сэръ... Я просто больна, когда не вижу ея. (*Уходитъ съ Робиномъ*).

Фордъ. Да что же это съ Пэджемъ? Или ужъ онъ совсѣмъ лишился мозга, глазъ, соображенія? Да, несомнѣнно, все это спитъ у него — перестало служить ему... Да, вѣдь, этому мальчишкѣ такъ же легко отнести письмо за двадцать миль, какъ пушкѣ попасть въ цѣль на двѣсти пятьдесятъ шаговъ. Пэджъ потворствуетъ всѣмъ прихотямъ своей жены, даетъ ей возможность исполнять всѣ ея дурачества, и вотъ теперь она идетъ къ моей женѣ, да еще вмѣстѣ съ пажемъ Фальстафа. Каждый услышалъ бы приближеніе бури въ этомъ свистѣ вѣтра. Вмѣстѣ съ пажемъ Фальстафа! Недурной заговоръ, нечего сказать! Все ловко устроено, и наши жены отдаютъ себя чорту. Хорошо! я поймаю его, проучу мою жену, сорву съ лицемѣрной мистриссъ Пэджъ покрывало скромности, взятое ею въ займы, докажу Пэджу, что онъ самоувѣренный и добровольный Актеонъ—и всѣ мои сосѣди будутъ апплодировать этимъ бурнымъ дѣйствіямъ! (*Бой часовъ*). Часы подаютъ мнѣ сигналъ, и моя увѣренность приказываетъ мнѣ идти на поиски. Фальстафа я найду тамъ—и за это меня будутъ скорѣй хвалить, чѣмъ осмѣивать. А что Фальстафъ тамъ—это вѣрно, какъ то, что земля не движется. Иду.

Входятъ Пэджъ, Шэлло, Слендеръ, хозяинъ гостиницы, Эвансъ, Каюсъ *и* Регби.

Всѣ. Добраго здоровья, мистеръ Фордъ!

Фордъ. Славная компанія, честное слово! У меня сегодня вкусный обѣдъ, и я прошу всѣхъ пожаловать ко мнѣ.

Шэлло. Я прошу у васъ извиненія, мистеръ Фордъ.

Слендеръ. Я тоже. Мы обѣщали обѣдать съ миссъ Анной, и я не хотѣлъ бы измѣнить этому обѣщанію ни за какія деньги въ свѣтѣ.

Шэлло. Мы устраиваемъ бракъ Анны Пэджъ съ моимъ кузеномъ Слендеромъ и сегодня должны получить рѣшительный отвѣтъ.

Слендеръ. Надѣюсь, вы не откажете мнѣ, батюшка Пэджъ.

Пэджъ. Не откажу, мистеръ Слендеръ. Я совершенно на вашей сторонѣ; но моя жена за васъ, почтенный докторъ.

Каюсъ. Да, чортъ меня побери! да и сама дѣвица любитъ меня. За это мнѣ поручилась моя ключница, мистриссъ Квикли.

Хозяинъ. А какого вы мнѣнія о молодомъ мистерѣ Фентонѣ? Онъ порхаетъ, онъ

пляшетъ, онъ смотритъ настоящимъ юношей, онъ пишетъ стихи, онъ говоритъ по праздничному, онъ пахнетъ апрѣлемъ и маемъ; онъ побѣдитъ, онъ побѣдитъ; ужъ ему такъ на роду написано—онъ побѣдитъ.

Пэджъ. Но не съ моего согласія—за это я ручаюсь. У этого джентльмена нѣтъ ни гроша за душой; онъ водитъ дружбу съ нашимъ безпутнымъ принцемъ и Пойнсомъ; онъ птица слишкомъ высокаго полета; онъ ужъ черезъ чуръ много знаетъ. Нѣтъ, пальцами моего состоянія онъ не завяжетъ ни одного узелка на своей долѣ; коли хочетъ взять мою дочь, пускай беретъ безъ приданаго. Деньги, которыя принадлежатъ мнѣ, зависятъ отъ моего согласія, а мое согласіе идетъ не въ эту сторону.

Фордъ. Убѣдительнѣйше прошу, чтобы хоть кто-нибудь изъ васъ пожаловалъ ко мнѣ отобѣдать. Кромѣ вкуснаго стола, вы найдете у меня и забаву: я покажу вамъ чудовище. Пожалуйста, не откажите, докторъ; и вы тоже, мистеръ Пэджъ; и вы, сэръ Эвансъ.

Шэлло. Ну, такъ прощайте. Тѣмъ свободнѣе будетъ намъ толковать о свадьбѣ у мистера Пэджа.

(*Шэлло и Слендеръ уходятъ*).

Каюсъ. Ступай домой, Джекъ Регби—я вернусь скоро.

(*Регби уходитъ*).

Хозяинъ. Прощайте, драгоцѣнные мои: я отправляюсь къ моему любезнѣйшему рыцарю Фальстафу—и дерну съ нимъ канарскаго.

(*Уходитъ*).

Фордъ (*въ сторону*), Прежде, полагаю, дерну я его самого, такъ что онъ запляшетъ.—Прошу пожаловать, господа!

Всѣ. Идемъ; посмотримъ на ваше чудовище. (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Комната въ домѣ Форда.

Входятъ мистриссъ Фордъ *и* мистриссъ Пэджъ.

Мистриссъ Фордъ. Эй, Джонъ! Робертъ!

Мистриссъ Пэджъ. Скорѣе, скорѣе! А корзина съ бѣльемъ?

Мистриссъ Фордъ. Все готово.—Эй, Робертъ! Да гдѣ же ты?

Входятъ слуги *съ корзиной*.

Мистриссъ Пэджъ. Живѣе! живѣе! живѣе!

Мистриссъ Фордъ. Поставьте ее сюда.

Мистриссъ Пэджъ. Распорядитесь скорѣе; намъ нельзя терять времени.

Мистриссъ Фордъ. Такъ помните же, Джонъ и Робертъ, сдѣлайте такъ, какъ я вамъ говорила: ждите тамъ въ пивоварнѣ, и какъ только я позову васъ, бѣгите сюда, и, не медля ни минуты, берите эту корзину на плечи; затѣмъ, во всю прыть, несите ее на Дэтчетскій лугъ, къ прачкамъ, и тамъ вывалите все изъ нея въ грязный ровъ, около самой Темзы.

Мистриссъ Пэджъ. Сдѣлаете ли вы все, какъ сказано?

Мистриссъ Фордъ. Я ужъ это имъ толковала и перетолковала; больше ничего объяснять.—Ступайте и приходите, когда васъ позовутъ. (*Слуги уходятъ*).

Мистриссъ Пэджъ. Вотъ маленькій Робинъ.

Входитъ Робинъ.

Мистриссъ Фордъ. Ну, что новаго мой соколикъ?

Робинъ. Мой баринъ, сэръ Джонъ стоитъ у задняго крыльца вашего дома мистриссъ Фордъ, и проситъ позволенія явиться къ вамъ.

Мистриссъ Пэджъ. Ты не измѣнилъ намъ, маленькій проказникъ?

Робинъ. Клянусь, что нѣтъ. Мой баринъ не знаетъ, что вы, мистриссъ Пэджъ, здѣсь, и погрозилъ, что если я разскажу вамъ объ этомъ, то онъ навѣки дастъ мнѣ свободу--прогонитъ, стало-быть.

Мистриссъ Пэджъ. Ты славный мальчикъ. Твоя скромность будетъ твоимъ портнымъ и сошьетъ тебѣ новые штаны и камзолъ. Я пойду спрятаться.

Мистриссъ Фордъ. Подите. (*Робину*). Ступай, скажи твоему барину, что я одна. (*Робинъ уходитъ*). Мистриссъ Пэджъ, помните вашу роль.

Мистриссъ Пэджъ. За это ручаюсь; коли не сыграю, какъ слѣдуетъ, ошикайте меня. (*Уходитъ*).

Мистриссъ Фордъ. Ну, теперь за дѣло. Угостимъ мы эту зловредную сырость, эту толстую водяную тыкву, научимъ мы его распознавать горлицъ отъ сорокъ.

Входитъ Фальстафъ.

Фальстафъ. „Ужель ты мой, брильянтъ небесный?“ О, теперь я готовъ умереть,

потому что много жилъ. Здѣсь предѣлъ моего честолюбія. О, блаженнѣйшій часъ!

Мистриссъ Фордъ. Милый сэръ Джонъ!

Фальстафъ. Мистриссъ Фордъ, я не умѣю льстить, я не умѣю много говорить, мистриссъ Фордъ. Согрѣшу я теперь помысломъ: мнѣ было бы желательно, чтобъ твой мужъ умеръ. Да, передъ знатнѣйшимъ лордомъ не задумаюсь я сказать: желалъ бы сдѣлать тебя моею лэди!

Мистриссъ Фордъ. Меня—вашей лэди, сэръ Джонъ? Ахъ, жалкая лэди вышла бы изъ меня!

Фальстафъ. Пусть французскій дворъ покажетъ мнѣ подобную тебѣ! Твои очи, это я вижу, могли бы соперничать съ брильянтомъ. Ты обладаешь тѣми прелестными дугами бровей, къ которымъ идетъ и шляпка-корабликъ, и шляпка-амазонка, и всякая шляпка венеціанскаго покроя.

Мистриссъ Фордъ. Простой платокъ, сэръ Джонъ—вотъ что идетъ къ моимъ бровямъ, да и тотъ слишкомъ хорошъ для меня.

Фальстафъ. Клянусь Богомъ, ты совершаешь преступленіе, произнося такія слова. Нѣтъ изъ тебя бы вышла придворная дама въ полномъ смыслѣ слова, и твердая поступь твоей ноги придавала бы удивительную прелесть твоимъ движеніямъ въ полукруглыхъ фижмахъ. Если бъ судьба не была твоимъ врагомъ, я знаю, чѣмъ была бы ты, имѣя такого друга въ природѣ. Перестань же скрывать это — ибо скрыть невозможно!

Мистриссъ Фордъ. Повѣрьте, ничего подобнаго нѣтъ во мнѣ.

Фальстафъ. Но за что же я полюбилъ тебя? Убѣдись, хоть этимъ, что въ тебѣ есть нѣчто необыкновенное. Я не умѣю льстить, не умѣю говорить, что ты и такая, и этакая—какъ умѣютъ сюсюкать эти франтики, похожіе на женщинъ въ мужскомъ платьѣ, и пахнущіе, какъ Бэклъберійская улица съ ея аптекарскими кладовыми во время сбора травъ. Не умѣю я, но люблю тебя, одну тебя, и ты заслуживаешь этого.

Мистриссъ Фордъ. Не обманывайте меня, сэръ; боюсь, вы любите мистриссъ Пэджъ.

Фальстафъ. Ты точно также могла бы сказать, что я люблю прохаживаться мимо долговой тюрьмы, которая для меня ненавистна такъ же, какъ дымъ отъ обжигаемой извести

Мистриссъ Фордъ. Одному Богу извѣстно, какъ я люблю васъ, и когда-нибудь вы убѣдитесь въ этомъ.

Фальстафъ. Останься вѣрна этой любви; я сдѣлаюсь достойнымъ ея.

Мистриссъ Фордъ. Не могу скрыть отъ васъ, что вы и теперь достойны ея; иначе во мнѣ не было бы этого чувства.

Робинъ (*за сценой*). Мистриссъ Фордъ! мистриссъ Фордъ! къ вамъ пришла мистриссъ Пэджъ; она вся въ поту, страшно запыхалась и смотритъ, какъ растерянная; ей необходимо сію же минуту поговорить съ вами.

Фальстафъ. Она не должна видѣть меня здѣсь; я спрячусь за занавѣски.

Мистриссъ Фордъ. Да, спрячьтесь, пожалуйста; она вѣдь такая болтливая женщина. (*Фальстафъ прячется*).

Входятъ мистриссъ Пэджъ *и* Робинъ.

Мистриссъ Фордъ. Что такое? что случилось?

Мистриссъ Пэджъ. Ахъ, мистриссъ Фордъ, что вы надѣлали? Вы осрамлены, уничтожены, погибли на-вѣки!

Мистриссъ Фордъ. Да въ чемъ дѣло, добрѣйшая мистриссъ Пэджъ?

Мистриссъ Пэджъ. Ради самого Бога, мистриссъ Фордъ—можно ли, имѣя честнаго мужа, давать ему такой поводъ къ подозрѣнію.

Мистриссъ Фордъ. Какой поводъ къ подозрѣнію?

Мистриссъ Пэджъ. Какой поводъ? Стыдитесь! Какъ страшно я ошиблась въ васъ!

Мистриссъ Фордъ. Да въ чемъ же дѣло, Господи Боже мой?

Мистриссъ Пэджъ. Вашъ мужъ идетъ сюда со всѣми виндзорскими полицейскими: онъ ищетъ одного джентльмена, который, по его словамъ, теперь здѣсь въ домѣ, съ вашего согласія и съ намѣреніемъ преступно воспользоваться отсутствіемъ вашего супруга. Вы погибли!

Мистриссъ Фордъ. Надѣюсь, что это все выдумка.

Мистриссъ Пэджъ. Дай Богъ, чтобъ это была выдумка. Но что вашъ мужъ идетъ сюда его отыскивать чуть не съ половиной Виндзора—это несомнѣнно. Я прибѣжала предупредить васъ. Если вы увѣрены въ своей невинности — я, конечно, очень рада; но если въ самомъ дѣлѣ у васъ здѣсь спрятанъ возлюбленный—выпроводите его скорѣе. Не теряйте присутствія духа.. придите въ себя; защитите вашу репутацію—иначе вамъ придется на-

МИСТРИССЪ ПЭДЖЪ и МИСТРИССЪ ФОРДЪ ПРЯЧУТЪ ФАЛЬСТАФА ВЪ КОРЗИНУ СЪ БѢЛЬЕМЪ.

Картина знаменитаго нѣмецкаго художника Ганса Макарта (Hans Macart, 1840—84).

вѣки проститься съ вашею счастливою жизнью.

Мистриссъ Фордъ. Что мнѣ дѣлать?— Здѣсь спрятанъ мой дорогой другъ, и мнѣ не столько страшенъ мой стыдъ, сколько угрожающая ему опасность. Я не пожалѣла бы тысячи фунтовъ, чтобы только онъ не былъ здѣсь.

Мистриссъ Пэджъ. Стыдитесь! оставьте ваше: „я не пожалѣла бы". Вашъ мужъ въ двухъ шагахъ отсюда; придумайте средство къ его побѣгу—здѣсь въ домѣ вамъ невозможно спрятать его. О, какъ вы обманули меня! Постойте, вотъ корзина; если онъ умѣреннаго роста, то какъ-нибудь помѣстится; потомъ вы навалите на него

грязное бѣлье, какъ-будто отправляете въ стирку; а такъ какъ теперь именно стираютъ, то пусть двое вашихъ слугъ снесутъ его на Дэтчетскій лугъ.

Мистриссъ Фордъ. Онъ слишкомъ толстъ, чтобъ помѣститься въ ней. Что нѣ дѣлать?

Фальстафъ (*выбѣгая изъ-за занавѣски*). Покажите, покажите мнѣ! О, покажите скорѣе! Помѣщусь, помѣщусь! Послѣдуйте совѣту вашей подруги—я помѣщусь!

Мистриссъ Пэджъ (*тихо ему*). Какъ, это вы, сэръ Джонъ Фальстафъ? Такъ вотъ каковы ваши письма, рыцарь?

Фальстафъ (*тихо*). Я люблю тебя. Помоги мнѣ удрать. (*Вслухъ*). Скорѣе въ корзину! Впередъ никогда... (*Влѣзаетъ въ корзину; онѣ заваливаютъ его грязнымъ бѣльемъ*).

Мистриссъ Пэджъ. Помогай, мальчикъ, закрыть твоего барина... Зовите вашихъ слугъ, мистриссъ Фордъ!... О, лицемѣрный рыцарь!

Мистриссъ Фордъ. Эй, Джонъ! Робертъ! Джонъ! (*Робинъ уходитъ*).

Входятъ слуги.

Мистриссъ Фордъ. Берите скорѣе это бѣлье. Гдѣ шестъ для корзины? Да живѣе—что мѣшкаете? Несите его къ прачкамъ на Дэтчетскій лугъ. Живѣе, живѣе!

Входятъ Фордъ, Пэджъ, Кюсъ *и* Эвансъ.

Фордъ. Пожалуйте, пожалуйте сюда. Если мои подозрѣнія неосновательны, издѣвайтесь надо мной, сдѣлайте меня вашимъ посмѣшищемъ: я буду стоить этого... Это что такое? куда вы несете корзину?

Слуги. Къ прачкамъ.

Мистриссъ Фордъ. Да тебѣ какое дѣло, куда они несутъ это? Только недоставало, чтобъ ты сталъ мѣшаться въ мытье бѣлья.

Фордъ. Мытье! О, я хотѣлъ бы съ себя самого смыть пятно. Пятно, пятно, пятно! Да, пятно—повѣрьте; тутъ пятно, и вы сейчасъ увидите его! (*Слуги уносятъ корзину*). Сегодня, джентльмены, мнѣ снился сонъ; я разскажу вамъ этотъ сонъ. Вотъ, вотъ, вотъ вамъ мои ключи; пойдите въ мои верхнія комнаты; ищите, обыскивайте, перерывайте все; я вамъ ручаюсь, что мы вытравимъ лисицу. Но прежде я затворю эту дверь; вотъ такъ; теперь начинайте травлю.

Пэджъ. Добрѣйшій мистеръ Фордъ, успокойтесь: вы черезъ-чуръ вредите самому себѣ.

Фордъ. Правда, мистеръ Пэджъ.— Идемте, господа; сейчасъ вы потѣшитесь. Слѣдуйте за мной, господа! (*Уходятъ*).

Эвансъ. Совершенно фантастическая ревность и боязнь!

Каюсъ. Чортъ меня побери, это совсѣмъ не во французскомъ духѣ; у насъ, во Франціи, не ревнуютъ.

Пэджъ. Пойдемъ, однако, за нимъ; посмотримъ, чѣмъ кончатся его поиски.

(*Пэджъ, Каюсъ и Эвансъ уходятъ*).

Мистриссъ Пэджъ. Не правда ли, что штука вышла вдвойнѣ превосходная?

Мистриссъ Фордъ. Я ужъ не знаю, чѣмъ больше восхищаться: тѣмъ ли, что мужъ попалъ въ просакъ, или тѣмъ, что съ Фальстафомъ сыграли такую штуку?

Мистриссъ Пэджъ. Что, я думаю, дѣлалось съ нимъ, когда вашъ мужъ спросилъ, что такое въ корзинѣ!

Мистриссъ Фордъ. Я почти увѣрена, что ему вымыться очень не мѣшаетъ. Значитъ, мы ему окажемъ услугу, окунувъ его въ воду.

Мистриссъ Пэджъ. Чтобъ ему, мерзавцу пропасть тамъ! Желаю того же и всѣмъ, ему подобнымъ.

Мистриссъ Фордъ. Мнѣ сдается, что у моего мужа была особенная причина подозрѣвать, что Фальстафъ здѣсь; по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ я никогда не видѣла его въ такомъ грубомъ припадкѣ ревности.

Мистриссъ Пэджъ. Я найду средство узнать это; а съ Фальстафомъ мы сыграемъ еще нѣсколько штукъ. Отъ одного этого лѣкарства не пройдетъ его распутная болѣзнь.

Мистриссъ Фордъ. Не послать ли намъ къ нему эту глупую тварь Квикли, чтобы извиниться отъ нашего имени въ этомъ купаньи и подать ему какую-нибудь другую надежду, которая заставила бы его поплатиться еще разъ?

Мистриссъ Пэджъ. Да; пошлемъ ему сказать, что мы ждемъ его завтра въ восемь часовъ, чтобъ вознаградить за сегодняшнюю неудачу.

Входятъ Фордъ, Пэджъ, Каюсъ *и* Эвансъ.

Фордъ. Не могу найти его; можетъ быть, бездѣльникъ только хвастался тѣмъ, что не удалось ему получить.

Мистриссъ Пэджъ (*тихо мистриссъ Фордъ*). Слышали?

Мистриссъ Фордъ. Что же, мистеръ Фордъ, какъ вы полагаете, хорошо вы поступаете со мною?

Фордъ. Да, хорошо, нечего сказать.

Мистриссъ Фордъ. Дай Богъ, чтобъ вы сдѣлались лучше, чѣмъ ваши мысли!

Фордъ. Аминь.

Мистриссъ Пэджъ. Вы сами сильно вредите себѣ, мистеръ Фордъ.

Фордъ. Да,да, я долженъ страдать за это.

Эвансъ. Если скрытъ кто либо въ здѣшнемъ домѣ, или въ комнатахъ, или въ сундукахъ, или въ шкапахъ—то да проститъ мнѣ Господь прегрѣшенія мои въ день страшнаго суда!

Каюсъ. Чортъ меня побери, и мнѣ тоже! Никого здѣсь нѣтъ!

Пэджъ. Фи, фи, мистеръ Фордъ! какъ вамъ не стыдно! Какой злой духъ, какой демонъ внушилъ вамъ эту чепуху? За всѣ сокровища виндзорскаго замка не желалъ бы я имѣть болѣзнь такого рода.

Фордъ. Это мое несчастіе, мистеръ Пэджъ,—и я терплю за него.

Эвансъ. Вы терпите за нечистую совѣсть; ваша жена—честная женщина, какую я желалъ бы обрѣсти между пятью тысячами, и еще пятью стами.

Каюсъ. Чортъ меня побери, я вижу, что она честная женщина.

Фордъ. Ну, хорошо, хорошо! Я обѣщалъ угостить васъ обѣдомъ. Пойдемъ теперь прогуляться въ паркѣ. Пожалуйста, извините меня; послѣ я объясню вамъ, почему сдѣлалъ это. Пойдемъ жена; пойдемте, мистриссъ Пэджъ. Пожалуйста, простите меня; убѣдительно прошу—простите.

Пэджъ. Пойдемте, господа; но, право, намъ слѣдуетъ посмѣяться надъ нимъ. Я приглашаю васъ къ себѣ завтра утромъ на охоту; у меня отличный соколъ для лѣса. Идетъ?

Фордъ. Къ вашимъ услугамъ.

Эвансъ. Ежели будетъ одинъ, я составлю пару.

Каюсъ. Ежели будетъ одинъ или пара, я составлю тройку.

Фордъ. Пожалуйте, мистеръ Пэджъ.

Эвансъ (*Каюсу*). Прошу васъ не забыть завтра объ этомъ вшивомъ негодяѣ, хозяинѣ гостиницы.

Каюсъ. Это правда, чортъ меня побери,—непремѣнно вспомню.

Эвансъ. Вшивый негодяй! Позволять себѣ подобныя насмѣшки и издѣванія!

(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Комната въ домѣ Пэджа.

Входятъ Фентонъ *и* Анна Пэджъ.

Фентонъ.

Нѣтъ, ужъ любви у твоего отца
Я не добьюсь, какъ видно; перестань же
Меня къ нему все отсылать, мой другъ.

Анна.

Что жъ дѣлать намъ?

Фентонъ.

Ты собственную волю
Должна имѣть. Онъ говоритъ, что я,
По своему рожденью, слишкомъ знатенъ,
Что будто бы, разстроивъ мотовствомъ
Отцовское наслѣдство, я желаю
Поправиться на ваши деньги. Онъ,
Сверхъ этого, находитъ и другія
Препятствія: прошедшія мои
Дурачества, безпутныя знакомства,
И говоритъ, что я любить тебя
Могу, какъ капиталъ,—но не иначе...

Анна.

Онъ, можетъ быть, и правду говоритъ.

Фентонъ.

О, нѣтъ, клянусь всѣмъ счастьемъ, что отъ неба
Я жду себѣ! Не скрою отъ тебя,
Что твоего отца богатство было
Мнѣ первымъ побужденьемъ къ сватовству,
Но, сблизившись съ тобой, я убѣдился,
Что ты цѣннѣй всѣхъ золотыхъ монетъ,
Всѣхъ сундуковъ съ червонцами—и только
Къ сокровищамъ, таящимся въ тебѣ,
Стремлюсь теперь!

Анна.

Но все-жъ старайтесь, Фентонъ,
Чтобъ мой отецъ васъ полюбилъ, мой другъ,
Старайтесь постоянно. Если жъ время
И просьбы, и моленья ваши къ цѣли
Не приведутъ—тогда... Сюда идутъ!
(*Отходятъ въ сторону*).

Входятъ Шэлло, Слендеръ *и* мистриссъ Квикли.

Шэлло. Прервите ихъ бесѣду, мистриссъ Квикли, мой родственникъ будетъ говорить самъ за себя.

Слендеръ. Пущу одну или двѣ стрѣлы: такъ, въ видѣ попытки.

Шэлло. Не робѣй.

Слендеръ. Нѣтъ, она не пугаетъ меня. Это-то меня не безпокоитъ, но главное дѣло въ томъ, что я боюсь.

Квикли (*Аннѣ Пэджъ*). Послушайте, мистеръ Слендеръ желаетъ вамъ сказать пару словъ.

Анна.

Иду. (*Въ сторону*).

Вотъ кто отцомъ моимъ мнѣ выбранъ!
О, сколько гадкихъ, безобразныхъ свойствъ
прикрашены доходомъ въ триста фунтовъ!

Квикли. А, какъ вы поживаете, добрѣйшій мистеръ Фентонъ? Позвольте сказать вамъ словечко.

Шэлло. Она идетъ. Начинай, кузенъ. Вспомни, дитя мое, какой, вѣдь, у тебя былъ отецъ!

Слендеръ. У меня былъ отецъ, миссъ Анна. Мой кузенъ можетъ разсказать вамъ забавныя штуки про него. Будьте такъ добры, кузенъ, разскажите миссъ Аннѣ, какъ мой папенька укралъ однажды изъ курятника двухъ гусей.

Шэлло. Миссъ Анна, мой кузенъ любитъ васъ.

Слендеръ. Да, да—люблю, какъ любую изъ женщинъ въ Глостерширѣ.

Шэлло. Онъ будетъ содержать васъ, какъ настоящую барыню.

Слендеръ. Точно такъ-съ—буду жить, какъ любой длиннохвостый и короткохвостый, по званію ниже эсквайра.

Шэлло. Онъ запишетъ на ваше имя полтораста фунтовъ.

Анна. Добрѣйшій мистеръ Шэлло, предоставьте ему объясниться въ любви самому.

Шэлло. Благодарю васъ за это; благодарю васъ за такое одобреніе. (*Слендеру*). Она зоветъ тебя, кузенъ. Я оставляю васъ.

Анна. Итакъ, мистеръ Слендеръ.

Слендеръ. Итакъ, миссъ Анна...

Анна. Въ чемъ состоитъ ваша послѣдняя воля?

Слендеръ. Моя послѣдняя воля? Вотъ это потѣха! истинно скажу, штука забавная! Да я еще не думалъ о послѣдней волѣ: благодаря Господа, мое здоровье еще не такъ плохо.

Анна. Вы меня не поняли: я хочу спросить, чего вы отъ меня окончательно желаете?

Слендеръ. Да извольте видѣть, собственно я не желаю ничего, или весьма мало. Вашъ папенька и мой кузенъ пустили меня въ ходъ. Если дѣло мнѣ удастся—хорошо; не удастся—пусть везетъ тому, кто счастливъ! Они лучше меня могутъ сказать вамъ, какъ идетъ дѣло. Вы можете освѣдомиться у вашего папеньки. Вотъ онъ идетъ.

Входятъ Пэджъ *и* мистриссъ Пэджъ.

Пэджъ.

А, Слендеръ здѣсь! Люби его, дочь Анна!
А это что? Зачѣмъ здѣсь Фентонъ? Сэръ,
Мнѣ частые визиты ваши, знайте,
Ужасно непріятны. Я, вѣдь, вамъ
Уже сказалъ, что отдалъ дочь другому.

Фентонъ.

Прошу васъ не сердиться, мистеръ Пэджъ.

Мистриссъ Пэджъ.

Сэръ Фентонъ, да, пожалуйста, оставьте
Мое дитя.

Пэджъ.

Она не пара вамъ.

Фентонъ.

Позвольте мнѣ два слова вамъ сказать.

Пэджъ.

Нѣтъ, мистеръ Фентонъ. Ну, идемте, Шэлло.
(*Слендеру*). Пойдемъ, мой сынъ. Рѣшеніе мое
Извѣстно вамъ—и потому обидны
Мнѣ ваши предложенья, мистеръ Фентонъ
(*Пэджъ, Шэлло и Слендеръ уходятъ*).

Квикли. Поговорите съ мистриссъ Пэджъ.

Фентонъ.

О, мистриссъ Пэджъ, я вашу дочь такъ чисто
И искренно люблю, что, несмотря
На эти всѣ препятствія, отказы,
Не удалюсь и флагъ моей любви
Не опущу. Молю васъ снова—дайте
Согласье мнѣ.

Анна.

О, матушка моя,
Не отдавайте этому болвану
Моей руки.

Мистриссъ Пэджъ.

Да я и не хочу.
Нашла тебѣ я партію получше.

Квикли. Моего барина, господина доктора.

Анна.

О, Господи! ужъ лучше пусть меня

Живой зароютъ въ землю, или рѣпой
Забьютъ на смерть!

Мистриссъ Пэджъ.

Ну, полно, не тревожься.
Любезный мистеръ Фентонъ, я не буду
Ни другомъ вамъ, ни недругомъ: я дочь
Поразспрошу, дѣйствительно ли ею
Любимы вы, и съ чувствами ея
Свое расположенье согласую.
Покамѣстъ-же прощайте; надо ей
Идти туда: отецъ сердиться станетъ.

Фентонъ.

Прощайте, Нанъ! прощайте, мистриссъ Пэджъ!

(*Анна и мать уходятъ*).

Квикли. Это, вѣдь, я такъ устроила. „Неужели—сказала я матери—вы бросите вашу дочь этому болвану, или какому-нибудь лѣкарю? Посмотрите-ка на мистера Фентона...“ Да, это я устроила.

Фентонъ.

Благодарю—и передать прошу
Сегодня вечеромъ вотъ этотъ перстень
Прекрасной Нанъ. Вотъ и тебѣ за трудъ,

(*Даетъ деньги и уходитъ*).

Квикли. Пошли тебѣ Господи всякаго успѣха! Доброе у него сердце; за такое доброе сердце любая женщина пойдетъ въ огонь и воду. Но все-таки мнѣ хотѣлось бы, чтобъ миссъ Анна досталась моему барину, или чтобъ она досталась мистеру Слендеру, или, ужъ право, пусть бы досталась мистеру Фентону. Я буду всячески помогать всѣмъ троимъ, потому что всѣмъ троимъ обѣщала—и сдержу слово. Но особенно стану хлопотать за мистера Фентона. Ахъ, да, вѣдь, я и забыла, что у меня есть еще порученіе отъ моихъ двухъ мистриссъ къ сэру Джону Фальстафу; а я-то, дура, болтаюсь здѣсь. (*Уходитъ*).

СЦЕНА V.

Комната въ гостиницѣ Подвязки.

Входятъ Фальстафъ *и* Бардольфъ.

Фальстафъ. Эй, Бардольфъ!

Бардольфъ. Что прикажете, сэръ?

Фальстафъ. Принеси мнѣ кружку вина, да положи въ него подожженнаго хлѣба. (*Бардольфъ уходитъ*). Для того ли я прожилъ на свѣтѣ столько лѣтъ, чтобъ меня потащили, наконецъ, въ корзинѣ, точно негодные остатки битаго мяса, и выкинули въ Темзу? Ну, ужъ коли я позволю еще разъ сыграть со мной такую штуку, пусть у меня вырѣжутъ мозгъ, изжарятъ его на маслѣ и отдадутъ собакѣ въ подарокъ на новый годъ. Этакіе подлецы! Вѣдь швырнули меня въ рѣку безъ всякаго угрызенія совѣсти, точно топили пятнадцать слѣпыхъ щенятъ. А по моей корпуленціи вы можете судить, что я обладаю нѣкоторою способностію быстро погружаться: будь дно даже и такъ глубоко, какъ самъ адъ, я и тогда дошелъ бы до него. Да, потонуть бы мнѣ непремѣнно, еслибъ рѣка не была въ томъ мѣстѣ мелка и съ каменистымъ дномъ. А для меня такая смерть просто ненавистна, потому что, вѣдь, человѣкъ отъ воды раздувается; какая же фигура вышла бы изъ меня, еслибъ меня еще раздуло! Сталъ бы гора-горой!

(*Бардольфъ возвращается съ виномъ*).

Бардольфъ. Тамъ пришла, сэръ, мистриссъ Квикли: хочетъ говорить съ вами.

Фальстафъ (*взявъ вино*). Ну, подбавимъ немного вина къ водѣ изъ Темзы, потому что въ желудкѣ моемъ такой морозъ, какъ будто я проглотилъ нѣсколько пилюль изъ снѣга для освѣженія моихъ внутренностей. Зови ее сюда.

Бардольфъ. Иди, женщина!

Входитъ мистриссъ Квикли.

Квикли. Съ вашего позволенія, сэръ... Простите, пожалуйста! Добраго здоровья вашей милости.

Фальстафъ (*Бардольфу*). Тащи прочь эти сосуды и вскипяти мнѣ самымъ лучшимъ манеромъ бутылку вина.

Бардольфъ. Съ яйцами, сэръ?

Фальстафъ. Нѣтъ, безъ всякой примѣси: я не желаю видѣть въ своемъ питьѣ зарождающагося цыпленка. (*Бардольфъ уходитъ*). Ну, что скажешь?

Квикли. Да пришла къ вашей милости отъ мистриссъ Фордъ.

Фальстафъ. Мистриссъ Фордъ! Довольно съ меня: угощенъ достаточно, напитанъ вполнѣ!

Квикли. Ахъ, горе, горе! Да, вѣдь, она, голубушка, тутъ ни въ чемъ не виновата. Ужъ она ругала, ругала свою прислугу—они взяли не то *управленіе*.

Фальстафъ. Какъ и я взялъ не то направленіе, положившись на обѣщаніе глупой бабы.

Квикли. Ахъ, сэръ, она такъ горюетъ объ этомъ, что у васъ сердце бы разорвалось, глядя на нее. Но сегодня утромъ

ея мужъ идетъ на охоту, и она проситъ васъ опять придти къ ней между восемью и девятью часами. Мнѣ велѣно, какъ можно скорѣе, принести ей отвѣтъ. Ужъ повѣрьте мнѣ, она вознаградитъ васъ за первую неудачу.

Фальстафъ. Хорошо, я посѣщу ее. Такъ ей и скажи, да попроси обдумать, что значитъ человѣкъ; попроси обсудить непрочность человѣческой натуры и воздать поэтому должную цѣну моему достоинству.

Квикли. Слушаю—все скажу.

Фальстафъ. Да, скажи. Такъ между девятью и десятью?

Квикли. Между восемью и девятью.

Фальстафъ. Ну, хорошо, ступай. Буду непремѣнно.

Квикли. Да хранитъ васъ Богъ, сэръ!

(*Уходитъ*).

Фальстафъ. Удивительно мнѣ, что Потока не видать; вѣдь онъ послалъ мнѣ сказать, чтобъ я ждалъ его здѣсь. Мнѣ его деньги очень по сердцу. А, да вотъ и онъ!

Входитъ Фордъ, *переодѣтый по прежнему.*

Фордъ. Добраго здоровья, сэръ!

Фальстафъ. Ну, мистеръ Потокъ, вы пришли узнать, что произошло между мною и женой Форда?

Фордъ. Дѣйствительно, пришелъ за этимъ, сэръ Джонъ.

Фальстафъ. Мистеръ Потокъ, я не хочу лгать вамъ; я былъ у ней въ назначенный часъ.

Фордъ. И успѣли?

Фальстафъ. Весьма неблагополучно, мистеръ Потокъ.

Фордъ. Какимъ же это образомъ? Измѣнила она, что ли, свое рѣшеніе?

Фальстафъ. Нѣтъ, мистеръ Потокъ; но проклятый рогоносецъ, мужъ ея, который то и дѣло мечется во всѣ стороны отъ ревности, явился въ самую минуту нашей встрѣчи, послѣ того какъ мы успѣли и обняться, и облобызаться, и увѣрить другъ друга въ любви, и, такъ сказать, сыграть прологъ къ нашей комедіи. А по пятамъ его слѣдовала цѣлая шайка его друзей, которыхъ онъ собралъ и взбудоражилъ своимъ бѣшенствомъ. Всѣ они, можете себѣ представить, пришли обыскивать его домъ, чтобы найти любовника его жены.

Фордъ. Какъ! — и это происходило въ то время, когда вы были тамъ?

Фальстафъ. Въ то время, когда я былъ тамъ.

Фордъ. И онъ искалъ васъ и не могъ найти?

Фальстафъ. А вотъ, послушайте. На наше счастье въ это время пришла нѣкая мистриссъ Пэджъ; она тотчасъ же дала намъ знать о приближеніи Форда, и тутъ, по ея мысли, жена Форда, совсѣмъ потерявъ голову, спрятала меня въ корзину съ бѣльемъ.

Фордъ. Въ корзину съ бѣльемъ?

Фальстафъ. Да, чортъ меня побери, въ корзину съ бѣльемъ! Меня засунули въ грязныя рубашки и юбки, грязные чулки, выпачканныя салфетки. Все это, мистеръ Потокъ, производило самую зловонную смѣсь сквернѣйшихъ запаховъ, какая только когда-нибудь оскорбляла человѣческія ноздри.

Фордъ. И долго вы пролежали тамъ?

Фальстафъ. Погодите, сейчасъ услышите, мистеръ Потокъ, сколько я вытерпѣлъ изъ-за моего желанія склонить эту женщину къ злу для вашего блага. Когда я такимъ образомъ очутился въ корзинѣ, мистриссъ Фордъ позвала двухъ мерзавцевъ, лакеевъ своего мужа, и велѣла нести меня, въ видѣ грязнаго бѣлья, на Дэтчетскій лугъ. Они подняли меня къ себѣ на плечи. Въ дверяхъ встрѣтился съ ними мерзкій ревнивецъ, ихъ баринъ, спросившій разъ или два, что у нихъ въ корзинѣ. Я трепеталъ отъ страха при мысли, что этотъ подлый сумасшедшій станетъ осматривать корзину; но судьба, обрекшая его на званіе рогоносца, удержала его руку. Ну, хорошо! Онъ отправился дальше на поиски, а я препроводился въ видѣ грязнаго бѣлья. Но замѣчайте, что было дальше, мистеръ Потокъ. Я терпѣлъ муки трехъ различныхъ родовъ смерти: во-первыхъ, невыносимый страхъ, что ревнивый, гнусный баранъ найдетъ меня; затѣмъ, лежанье на пространствѣ какого-нибудь наперстка въ мучительно-скорченномъ положеніи, головою къ пяткамъ; наконецъ, плотная укупорка моей персоны, точно крѣпкаго спирта, въ вонючемъ бѣльѣ, разлагавшемся въ своемъ собственномъ салѣ. Представьте вы себѣ человѣка моей комплекціи — представьте себѣ это... А надо вамъ знать, что на меня жаръ дѣйствуетъ какъ на масло: со мной происходитъ вѣчное растапливаніе, вѣчное таяніе. Не понимаю, какимъ чудомъ я не задохся. И вотъ, въ самомъ разгарѣ этой бани, когда я, точно голландское кушанье, на половину сварился уже въ собственномъ жирѣ—меня вдругъ швырнули

въ Темзу, мое до красна раскаленное тѣло охладили въ этой влагѣ, какъ лошадиную подкову. Представьте вы только себѣ это—раскаленное докрасна—представьте себѣ, мистеръ Потокъ!

Фордъ. По совѣсти говорю, сэръ, мнѣ весьма прискорбно, что изъ-за меня вы вытерпѣли все это. Стало-быть, мое дѣло совсѣмъ проиграно. Вы послѣ этого, конечно, уже не приметесь за него?

Фальстафъ. Мистеръ Потокъ, скорѣй я позволю швырнуть себя въ Этну, какъ швырнули меня въ Темзу, чѣмъ такъ легко откажусь отъ нея. Ея мужъ сегодня утромъ отправился на охоту, а я получилъ отъ нея приглашеніе на новое свиданіе — именно между восемью и девятью часами, мистеръ Потокъ.

Фордъ. Восемь уже било, сэръ.

Фальстафъ. Уже? Ну, такъ я отправлюсь на свиданье. Приходите ко мнѣ, когда найдете удобнымъ, и я сообщу вамъ о моемъ успѣхѣ. Дѣло все-таки разыграется тѣмъ, что она будетъ ваша. Adieu! Она будетъ ваша, мистеръ Потокъ. Мистеръ Потокъ, вы украсите рогами Форда. (*Уходитъ*).

Фордъ. О, что это такое—видѣніе? сонъ? Сплю я—что ли? Мистеръ Фордъ, проснитесь! Въ вашемъ лучшемъ платьѣ образовалась прорѣха, мистеръ Фордъ. Вотъ что значитъ быть женатымъ! вотъ что значитъ имѣть бѣлье и корзины для бѣлья! Хорошо, теперь я покажу всѣмъ, кто я такой. Я поймаю этого мерзавца: онъ въ моемъ домѣ; онъ не увернется отъ меня, такъ какъ ему невозможно увернуться: не спрятаться же ему въ кошелекъ для мелкихъ денегъ, не забиться въ перечницу. Но чтобы помогающій ему дьяволъ не выпуталъ его изъ бѣды и теперь, я сдѣлаю обыскъ даже въ самыхъ невозможныхъ мѣстахъ. Хоть я и не могу избѣгнуть моей участи, но эта участь, для меня ненавистная, все-таки не покоритъ меня себѣ. Если мнѣ достались рога, доводящіе до бѣшенства, то я оправдаю поговорку: буду бѣшенъ, какъ рогатый звѣрь (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Улица.

Входятъ мистриссъ Пэджъ, мистриссъ Квикли *и* Вильямъ Пэджъ.

Мистриссъ Пэджъ. Какъ ты думаешь, пришелъ уже онъ къ мистриссъ Фордъ?

Квикли. Непремѣнно пришелъ, или придетъ сію минуту. Ну, правду вамъ сказать, онъ ужасно взбѣшенъ за то, что его кинули въ воду. Мистриссъ Фордъ проситъ васъ придти къ ней сейчасъ же.

Мистриссъ Пэджъ. Я сейчасъ приду къ ней, только прежде провожу моего мальчугана въ школу. Впрочемъ, вотъ идетъ его учитель: должно быть, сегодня рекреаціонный день.

Входитъ сэръ Гугъ Эвансъ.

Мистриссъ Пэджъ. Что, сэръ Гугъ, сегодня нѣтъ ученья?

Эвансъ. Нѣтъ, мистеръ Слендеръ упросилъ меня позволить мальчикамъ сегодня играть.

Квикли. Благослови его, Господи, за это.

Мистриссъ Пэджъ. Сэръ Гугъ, мой мужъ говоритъ, что нашъ сынъ не выноситъ ровно ничего изъ своего ученья. Пожалуйста, сдѣлайте ему нѣсколько вопросовъ изъ грамматики.

Эвансъ. Подойди сюда Вильямъ; подыми голову. Ну!

Мистриссъ Пэджъ. Подойди, мальчуганъ; подыми голову; отвѣчай твоему учителю; не робѣй.

Эвансъ. Вильямъ, скажи мнѣ, сколько существуетъ чиселъ?

Вильямъ. Два.

Квикли. Каково! А я всегда думала, что больше тридцати—потому что говорятъ: первое число, второе, тридцатое, тридцать первое.

Эвансъ. Прекратите вашу болтовню. Вильямъ, какъ „большой“?

Вильямъ. Magnus.

Квикли. Магнусъ? Нашъ пономарь Магнусъ совсѣмъ не большой.

Эвансъ. Вы весьма несообразительная женщина. Прошу васъ молчать. Что такое lapis. Вильямъ?

Вильямъ. Камень.

Эвансъ. А что такое камень, Вильямъ?

Вильямъ. Голышъ.

Эвансъ. Нѣтъ, камень,—это lapis. Пожалуйста, заруби у себя въ мозгу.

Вильямъ. Lapis.

Эвансъ. Хорошо, Вильямъ. Теперь скажи, Вильямъ, отъ чего получаютъ начало члены?

Вильямъ. Члены получаютъ начало отъ мѣстоименій и склоняются такъ: Singulariter, nominativo, hic, haec, hoc.

Эвансъ. Nominativo, hig. hag, hog: пожалуйста, замѣть это: genitivo—hujus. Ну, хорошо, какъ же винительный падежъ?

Вильямъ. Винительный—hinc.

Эвансъ. Пожалуйста, дитя мое, помни хорошенько; accusativo—hing, hang, hog.

Квикли. Генгъ, гангъ, гогъ—это вы точно по-китайски говорите.

Эвансъ. Прекратите вашу болтовню, женщина. Какъ звательный падежъ, Вильямъ?

Вильямъ. О, звательный! О!

Эвансъ. Обдумайте хорошенько, Вильямъ, звательный—caret.

Квикли. Парить, кого это?

Эвансъ. Женщина, умолкните!

Мистриссъ Пэджъ. Молчите.

Эвансъ. Какъ родительный падежъ множественнаго числа, Вильямъ?

Вильямъ. Родительный падежъ?

Эвансъ. Да.

Вильямъ. Родительный—horum,harum, horum.

Квикли. Экій стыдъ какой! Говорить съ ребенкомъ объ родахъ, да еще множественнаго числа, да еще хоромъ! Не говори объ этомъ никогда, голубчикъ.

Эвансъ. Женщина, стыдитесь!

Квикли. Вы очень не хорошо дѣлаете, что учите ребенка такимъ вещамъ. Каково: родить—да еще хоромъ. Стыдно вамъ!

Эвансъ. Ты съ ума сошла, женщина! Ты, вѣрно, никакого понятія не имѣешь о падежахъ, числахъ и родахъ? Такой глупой христіанки, какъ ты, я и представить себѣ не могу.

Мистриссъ Пэджъ. Пожалуйста, молчи.

Эвансъ. Теперь, Вильямъ, просклоняй нѣкоторыя мѣстоименія.

Вильямъ. Я, право, позабылъ.

Эвансъ. Припомни—qui, quae, quod; а если забудешь quies, quaes и quods—высѣкутъ. Теперь ступай играть. Ступай же.

Мистриссъ Пэджъ. Онъ больше знаетъ, чѣмъ я думала.

Эвансъ. У него очень хорошая память. До свиданія, мистриссъ Пэджъ.

Мистриссъ Пэджъ. До свиданія, добрѣйшій сэръ Гугъ. (*Эвансъ уходитъ*). Ступай домой, Вильямъ. (*Къ мистриссъ Квикли*). Пойдемъ—мы слишкомъ замѣшкались).

СЦЕНА II.

Комната въ домѣ Форда.

Входятъ Фальстафъ *и* мистриссъ Фордъ.

Фальстафъ. Мистриссъ Фордъ. ваша печаль пожрала мои страданія. Я вижу, какъ глубока ваша любовь—и вѣрьте, что воздамъ за нее вполнѣ, до послѣдняго волоска—не только простымъ долгомъ любви, мистриссъ Фордъ, но и всѣми ея принадлежностями, украшеніями и обрядами. Скажите только, увѣрены вы теперь относительно вашего мужа?

Мистриссъ Фордъ. Онъ на охотѣ, милый сэръ Джонъ.

Мистриссъ Пэджъ (*за сценой*). Кумушка Фордъ! кумушка!

Мистриссъ Фордъ. Пройдите въ эту комнату, сэръ Джонъ. (*Фальстафъ уходитъ*).

Входитъ мистриссъ Пэджъ.

Мистриссъ Пэджъ. Здравствуйте голубушка! Кто тутъ есть въ домѣ, кромѣ васъ?

Мистриссъ Фордъ. Да никого, кромѣ моей прислуги.

Мистриссъ Пэджъ. Это вѣрно?

Мистриссъ Фордъ. Конечно. (*Тихо ей*). Говорите громче.

Мистриссъ Пэджъ. Ахъ, какъ я рада, что здѣсь у васъ никого нѣтъ!

Мистриссъ Фордъ. Отчего же?

Мистриссъ Пэджъ. Да оттого, милая, что у вашего мужа возобновились старые припадки. Онъ теперь оретъ тамъ съ моимъ мужемъ, ругаетъ, какъ бѣшеный, все женатое человѣчество, проклинаетъ всѣхъ дочерей Евы безъ всякаго исключенія, колотитъ себя по лбу, и при этомъ кричитъ: „ну, пробивайтесь отсюда, пробивайтесь!“ Видѣла я на свѣтѣ всякія бѣснованія, но всѣ они—кротость, вѣжливость и терпѣніе въ сравненіи съ неистовствомъ вашего

супруга. Я очень рада, что жирный рыцарь теперь не у васъ.

Мистриссъ Фордъ. Да развѣ мой мужъ говорилъ о немъ?

Мистриссъ Пэджъ. Только о немъ и говоритъ. Онъ клянется, что въ послѣдній разъ, какъ обыскивалъ здѣсь, рыцаря пронесли въ корзинѣ; увѣряетъ моего мужа, что рыцарь и теперь здѣсь, и увелъ его и всѣхъ остальныхъ съ охоты, чтобы опять провѣрить свои подозрѣнія. Но я очень рада, что рыцарь не здѣсь. Теперь вашъ мужъ увидитъ свою глупость.

Мистриссъ Фордъ. Близко-ли онъ, мистриссъ Пэджъ?

Мистриссъ Пэджъ. Совсѣмъ близко— въ концѣ улицы. Онъ сейчасъ явится сюда.

Мистриссъ Фордъ. Я погибла! Рыцарь —здѣсь.

Мистриссъ Пэджъ. Ну, въ такомъ случаѣ, вы совсѣмъ осрамлены, а онъ— мертвый человѣкъ. Экая вы женщина, право! Выпроводите его, выпроводите скорѣе! Лучше срамъ, чѣмъ убійство!

Мистриссъ Фордъ. Да какъ же выпроводить? какимъ образомъ спасти? Не уложить ли опять его въ корзину?

Входитъ Фальстафъ.

Фальстафъ. Нѣтъ, я не полѣзу больше въ корзину! Нельзя ли мнѣ убраться прежде, чѣмъ онъ придетъ?

Мистриссъ Пэджъ. Увы, три брата мистера Форда сторожатъ у дверей съ пистолетами, чтобы никто не могъ выдти· иначе, вы могли бы ускользнуть. Что жъ вы стоите?

Фальстафъ. Да что мнѣ дѣлать? Я влѣзу въ каминъ.

Мистриссъ Фордъ. Черезъ трубу камина они имѣютъ обыкновеніе разряжать свои охотничьи ружья. Влѣзьте лучше въ печь.

Фальстафъ. Гдѣ эта печь?

Мистриссъ Фордъ. Нѣтъ, онъ и тамъ станетъ искать—я увѣрена. Нѣтъ у насъ въ домѣ шкапа, сундука, ящика, подвала, колодца, которыхъ бы онъ не помнилъ наизусть и будетъ осматривать всюду. Въ домѣ вамъ рѣшительно негдѣ спрятаться.

Фальстафъ. Ну, такъ я выйду.

Мистриссъ Пэджъ. Если выйдете въ вашемъ собственномъ видѣ—умрете, сэръ Джонъ. Развѣ переодѣнетесь...

Мистриссъ Фордъ. Да во что же переодѣть его?

Мистриссъ Пэджъ. Ахъ, я ужъ и

ЭВАНСЪ ЭКЗАМЕНУЕТЪ СЫНА МИСТРИССЪ ПЭДЖЪ.

Картина Роберта Смирка (Rob. Smirke). (Малая Бойделевская галлерея).

сама не знаю! Вѣдь, женскаго платья на его толщину нигдѣ не найдешь; а то онъ могъ бы надѣть шляпку, плащъ и вуаль, и такимъ образомъ уйти.

Фальстафъ. Выдумайте что-нибудь, добрыя души всякое средство лучше убійства.

Мистриссъ Фордъ. Тетка моей горничной, толстая баба изъ Брентфорда, оставила тамъ наверху свое платье.

Мистриссъ Пэджъ. Честное слово, оно будетъ ему впору: она такая же толстая, какъ онъ; кстати, ея холщевая шапка и плащъ тоже остались здѣсь. Бѣгите на верхъ, сэръ Джонъ.

Мистриссъ Фордъ. Бѣгите, бѣгите, милый сэръ Джонъ; а мы съ мистриссъ Пэджъ поищемъ какого-нибудь платка, чтобъ завязать вамъ голову.

Мистриссъ Пэджъ. Скорѣе, скорѣе! Мы сейчасъ прійдемъ одѣвать васъ. Покамѣстъ надѣньте платье. *(Фальстафъ уходитъ).*

Мистриссъ Фордъ. Хотѣлось бы мнѣ, чтобъ мой мужъ встрѣтилъ его въ этомъ

костюмѣ. Онъ терпѣть не можетъ брентфордскую толстуху: боится, что она вѣдьма, и запретилъ ей показываться сюда, причемъ даже погрозилъ, что поколотитъ ее.

Мистриссъ Пэджъ. Да подведетъ его небо подъ палку твоего мужа, и за тѣмъ да управляетъ этой палкой дьяволъ.

Мистриссъ Фордъ. Но вы не шутите, что мой мужъ идетъ сюда?

Мистриссъ Пэджъ. Да увѣряю васъ совершенно серьезно; и при этомъ разсказываетъ исторію съ корзиной. Ужъ не знаю, откуда онъ узналъ ее.

Мистриссъ Фордъ. Это все мы разъяснимъ. Я велю моимъ слугамъ еще разъ понести отсюда корзину и сдѣлать такъ, чтобъ опять встрѣтиться съ нимъ въ дверяхъ.

Мистриссъ Пэджъ. Но не забудьте, что онъ черезъ нѣсколько минутъ будетъ здѣсь. Пойдемъ наряжать Фальстафа брендфордской вѣдьмой.

Мистриссъ Фордъ. Я только научу прислугу, что дѣлать съ корзиной. Ступайте на верхъ, а я сейчасъ принесу ему повязку для головы. (*Уходитъ*).

Мистриссъ Пэджъ. Чтобъ ему околѣть, негодяю! Какъ бы мы ни насолили ему—все будетъ мало!
Докажемъ мы теперь, что можно потѣшаться
И вмѣстѣ честною женою оставаться.
Мы зла не дѣлаемъ; смѣяться жъ не бѣда:
Вѣдь, въ тихомъ омутѣ чортъ водится всегда!

(*Уходитъ*).

Мистриссъ Фордъ *возвращается съ двумя* слугами.

Мистриссъ Фордъ. Взвалите еще разъ корзину къ себѣ на плечи. Баринъ уже у дверей. Если онъ прикажетъ вамъ поставить ее на полъ—поставьте. Ну, живѣе же! (*Уходитъ*).

1-й слуга. Ну, подымай.

2-й слуга. Дай Господи, чтобъ въ ней опять не лежалъ рыцарь.

1-й слуга. Надѣюсь, что не лежитъ; я бы ужъ лучше понесъ столько же свинцу.

Входятъ Фордъ, Пэджъ, Шэлло, Каюсъ *и* Эвансъ.

Фордъ. Ну, мистеръ Пэджъ, а если я докажу вамъ, что это правда, я все таки останусь одураченнымъ,—чтобы вы не дѣлали. Поставьте корзину, бездѣльники!... Позвать жену!... Молодчикъ въ корзинѣ!... Мерзавцы!... Да, тутъ умыселъ, интрига, цѣлый заговоръ противъ меня! Но теперь я пристыжу дьявола. Да гдѣ же моя жена? Ступай, ступай сюда! Полюбуйся, какое славное бѣлье ты отправляешь въ стирку!

Пэджъ. Нѣтъ, ужъ это изъ рукъ вонъ, мистеръ Фордъ! Васъ нельзя дольше оставлять на свободѣ—надо привязать васъ.

Эвансъ. Это совершенное умопомѣшательство! Онъ бѣшенъ, какъ бѣшеная собака!

Шэлло. Въ самомъ дѣлѣ, мистеръ Фордъ, это не хорошо, въ самомъ дѣлѣ не хорошо.

Фордъ. То же самое и я говорю, сэръ.

Входитъ мистриссъ Фордъ.

Фордъ. Приблизьтесь, мистриссъ Фордъ—мистриссъ Фордъ, честная женщина, скромная жена, добродѣтельное созданіе, имѣющее мужемъ ревниваго дурака! Вѣдь, мои подозрѣнія совершенно неосновательны, сударыня,—не такъ ли?

Мистриссъ Фордъ. Да, Богъ свидѣтель, совершенно неосновательны, если вы подозрѣваете меня въ какомъ-нибудь безчестномъ дѣлѣ.

Фордъ. Отлично сказано, мѣдный лобъ! Продолжайте же запираться! Ну, выходи, почтеннѣйшій! (*Начинаетъ выбрасывать бѣлье изъ корзины*).

Пэджъ. Это изъ рукъ вонъ!

Мистриссъ Фордъ. Не стыдно ли вамъ? Оставьте это бѣлье!

Фордъ. Вотъ я тебя поймаю сейчасъ!

Эвансъ. Это безуміе! Неужели вы станете поднимать платье вашей жены? Оставьте это.

Фордъ (*слугамъ*). Опорожните корзину, говорятъ вамъ!

Мистриссъ Фордъ. Для чего же, другъ мой, для чего?

Фордъ. Мистеръ Пэджъ, вчера — это такъ же вѣрно, какъ то, что я человѣкъ—вчера въ этой самой корзинѣ нѣкто былъ вынесенъ изъ моего дома. Отчего же и сегодня не сидѣть ему въ ней? Что онъ теперь въ моемъ домѣ—въ этомъ я увѣренъ: свѣдѣнія, собранныя мною, самыя точныя; ревность моя основательна. Выкиньте изъ корзины все бѣлье.

Мистриссъ Фордъ. Если вы найдете въ ней кого-нибудь — пусть онъ умретъ, какъ блоха!

Пэджъ. Въ корзинѣ нѣтъ рѣшительно никого.

Шэлло. Клянусь моею вѣрностью, мистеръ Фордъ — это нехорошо. Вы вредите сами себѣ.

Эвансъ. Мистеръ Фордъ, вы должны

ФОРДЪ КОЛОТИТЪ ПЕРЕОДѢТАГО СТАРУХОЙ ФАЛЬСТАФА.
Картина англійскаго художника XVIII вѣка Дэрно (Durno). (Большая Бойделевская галлерея).

молиться, а не слѣдовать воображаемымъ представленіямъ вашего сердца. Это ревность.

Фордъ. Итакъ, тотъ, кого я ищу, не здѣсь!

Пэджъ. Не здѣсь и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ вашего мозга.

Фордъ. Помогите мнѣ еще и на этотъ разъ сдѣлать обыскъ въ моемъ домѣ. Если я не найду того, кого ищу, не давайте никакой пощады моему сумасбродству — пусть я буду всегда вашей застольной потѣхой, пусть говорятъ: „ревнивъ, какъ Фордъ, искавшій любовника своей жены въ орѣховой скорлупѣ". Окажите мнѣ еще разъ услугу— еще только разъ поищите со мною.

Мистриссъ Фордъ. Мистриссъ Пэджъ... послушайте идите внизъ со старухой: мой мужъ идетъ на верхъ.

Фордъ. Со старухой! Это еще что за старуха?

Мистриссъ Фордъ. Тетка моей горничной, знаешь, та — брентфордская.

Фордъ. Эта вѣдьма, потаскуха, старая, подлая потаскуха! Да, вѣдь, я запретилъ ей показываться въ моемъ домѣ! Что жъ, она вѣрно явилась сюда съ какимъ-нибудь порученіемъ? Мы, вѣдь, люди простые— не знаемъ, какія штуки можно продѣлывать подъ видомъ гаданья. У нея тутъ и колдовства разныя, и заговоры, и наговоры, и всякая другая чертовщина. Гдѣ нашему уму понять это: мы ничего не знаемъ. Сходи сюда, колдунья, сходи, злая вѣдьма! Сходи же, говорятъ тебѣ!

Мистриссъ Фордъ. Полно, мой добрый, мой милый мужъ! Господа, не позволяйте ему бить эту старуху.

Входятъ Фальстафъ *въ женскомъ платьѣ и* мистриссъ Пэджъ.

Мистриссъ Пэджъ. Идемъ, бабушка Потчъ! идемъ—давай руку!

Фордъ. Вотъ я ее отпотчую! *(Бьетъ Фальстафа.)* Вонъ отсюда, вѣдьма поганая, свиная туша, подлая дрянь — вонъ сію же минуту! Вотъ я тебѣ поколдую! вотъ я тебѣ погадаю!

(Фальстафъ уходитъ.)

Мистриссъ Пэджъ. Какъ вамъ не стыдно? Вы, кажется, совсѣмъ убили бѣдную женщину.

Мистриссъ Фордъ. Очень можетъ быть что убилъ. Это очень похвально съ вашей стороны.

Фордъ. На висѣлицу ее, вѣдьму!

Эвансъ. По моему соображенію, эта женщина дѣйствительно колдунья. Я не люблю, когда у женщины большая борода, а у этой изъ-подъ платка вокругъ лица я усмотрѣлъ большую бороду.

Фордъ. Угодно вамъ слѣдовать за мной, господа? Умоляю васъ, слѣдуйте за мною и дождитесь развязки моей ревности. Если моими криками я не наведу васъ ни на чей слѣдъ, не вѣрьте мнѣ больше никогда.

Пэджъ. Что жъ, исполнимъ еще разъ его прихоть. Пойдемте, господа. *(Уходятъ всѣ, кромѣ мистриссъ Пэджъ и мистриссъ Фордъ.)*

Мистриссъ Пэджъ. Ну, правду сказать, избилъ онъ его самымъ жалостнымъ образомъ.

Мистриссъ Фордъ. Совсѣмъ нѣтъ; по моему мнѣнію—самымъ безжалостнымъ.

Мистриссъ Пэджъ. Надо освятить эту палку и повѣсить ее надъ алтаремъ: она оказала великую услугу.

Мистриссъ Фордъ. Ну, какъ же вы теперь полагаете? Можемъ мы, не измѣняя женской скромности и чистой совѣсти, продолжать мстить ему?

Мистриссъ Пэджъ. Я увѣрена, что духъ распутства уже изгнанъ изъ него. Если чортъ не взялъ его въ вѣчное и потомственное владѣніе, то полагаю, что онъ откажется отъ всякой дальнѣйшей попытки противъ насъ.

Мистриссъ Фордъ. А разскажемъ мы нашимъ мужьямъ, какъ мы удружили ему?

Мистриссъ Пэджъ. Конечно, разскажемъ, хотя бы только для того, чтобъ выгнать изъ головы вашего мужа всѣ его сумасбродства. Если они по совѣсти рѣшатъ, что этого бѣднаго, жирнаго развратника слѣдуетъ наказать построже, мы опять примемъ это дѣло на себя.

Мистриссъ Фордъ. Я пари держу, что они захотятъ осрамить его публично; да и я полагаю, что наша потѣха останется неконченною, если онъ не будетъ публично осрамленъ.

Мистриссъ Пэджъ. Ну, такъ идемъ ковать желѣзо; надо его ковать, пока горячо.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Комната въ гостиницѣ Подвязки.

Входятъ хозяинъ гостиницы *и* Бардольфъ.

Бардольфъ. Сэръ, нѣмцы просятъ у васъ трехъ лошадей. Самъ герцогъ пріѣдетъ завтра ко двору, и они желаютъ выѣхать къ нему на встрѣчу.

Хозяинъ. Какой же это герцогъ ѣдетъ такъ секретно? Я ничего не слыхалъ о немъ при дворѣ. Поговорю я самъ съ этими господами. Говорятъ они по-англійски?

Бардольфъ. Точно такъ, сэръ. Я позову ихъ къ вамъ.

Хозяинъ. Лошадей они получатъ; но я заставлю ихъ заплатить—повыцѣжу ихъ. Цѣлую недѣлю весь мой домъ былъ въ ихъ распоряженіи, и я отказывалъ моимъ другимъ гостямъ. Пусть же теперь раскошеливаются: я ихъ порастрясу. Идемъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Комната въ домѣ Форда.

Входятъ Пэджъ, Фордъ, мистриссъ Пэджъ, мистриссъ Фордъ *и* Эвансъ.

Эвансъ. Это одна изъ самыхъ прекрасныхъ женскихъ идей, какія только мнѣ случалось встрѣчать.

Пэджъ. И онъ обѣимъ вамъ прислалъ эти письма въ одно и то же время?

Мистриссъ Пэджъ. Въ одну и ту же четверть часа.

Фордъ.

Прости жена—и съ этихъ поръ ужъ дѣлай,
Что вздумаешь. Скорѣе буду я
Подозрѣвать въ холодности свѣтъ солнца,
Чѣмъ въ вѣтренной невѣрности тебя.
И честь твоя теперь для человѣка,
Который былъ недавно еретикъ,
Незыблема, какъ вѣра.

Пэджъ.

Ну, прекрасно.
Не будьте въ извиненьяхъ такъ же крайни,
Какъ прежде въ оскорбленьяхъ. Лучше мы
Обдумаемъ нашъ планъ. Пусть наши жены
Еще разокъ, чтобы доставить намъ
Публичную комедію, назначатъ
Свиданье этой старой тушѣ тамъ,
Гдѣ мы могли бъ поймать его на мѣстѣ
И проучить.

Фордъ.

Намъ лучше ничего
Не выдумать придуманнаго ими.

Пэджъ. Какъ, послать ему сказать, что въ полночь онѣ будутъ ждать его въ паркѣ? Фи! фи! Онъ ни за что не придетъ.

Эвансъ. Вы говорите, что его вергали въ рѣку и жестоко били подъ одеждою старой женщины. Поэтому, я полагаю, страхъ до такой степени овладѣлъ имъ, что онъ не придетъ. Плоть его, какъ я думаю, настолько наказана, что онъ пересталъ имѣть всякія вожделѣнія.

Пэджъ. Я то же думаю.

Мистриссъ Фордъ.

Придумайте вы только, чѣмъ его
Вамъ угостить, когда придетъ; а средство,
Чтобъ онъ пришелъ, ужъ мы вдвоемъ пріищемъ.

Мистриссъ Пэджъ.

Есть старое преданье, что охотникъ
И бывшій стражъ въ лѣсу виндзорскомъ Гернъ
Въ полночный часъ всю зиму бродитъ въ паркѣ,
Съ огромными, вѣтвистыми рогами,
Вкругъ одного изъ тамошнихъ дубовъ,
И тамъ деревья сушитъ, портитъ скотъ,
И молоко коровье превращаетъ
Въ коровью кровь, и цѣпью такъ трясетъ,
Что всякаго беретъ и страхъ, и ужасъ.
Вы слышали, я думаю, объ этомъ
И знаете, что суевѣрно-глупый
Старинный вѣкъ ту сказку принималъ
За истину и нашимъ поколѣньямъ
За истину ее-же передалъ.

Пэджъ.

Да—и теперь еще такихъ не мало,
Которые боятся проходить
Въ полночный часъ въ сосѣдствѣ дуба Герна.
Но что же намъ изъ этого?

Мистриссъ Фордъ.

А то,
Что сэръ Фальстафъ придетъ къ намъ на свиданье
Подъ этотъ дубъ, переодѣвшись Герномъ,
Съ огромными рогами.

Пэджъ.

Хорошо.
Положимъ, что придетъ онъ непремѣнно
И въ этомъ одѣяньи. Что жъ тогда?
Что сдѣлать съ нимъ по вашему проекту?

Мистриссъ Пэджъ.

И это мы придумали. Вотъ планъ:
Мы дочь мою Нанетту и меньшого
Изъ сыновей моихъ, да четверыхъ,
Или троихъ дѣтей такого жъ роста
Одѣнемъ эльфами и феями, въ цвѣта
Зеленый съ бѣлымъ, головы жъ украсимъ
Гирляндами изъ восковыхъ свѣчей
И погремушками снабдимъ. Когда же
Фальстафъ, я и она сойдемся—вдругъ
Они изъ рва сосѣдняго всѣ вмѣстѣ,
И дико распѣвая, налетятъ
На насъ троихъ. Увидѣвъ ихъ, мы обѣ
Отъ ужаса ударимся бѣжать;
Они же окружатъ тотчасъ Фальстафа
И рыцаря поганаго начнутъ
Щипать, толкать и спрашивать, какъ смѣлъ
Онъ, въ этотъ часъ волшебныхъ ихъ забавъ,
Въ священный ихъ пріютъ, и въ этомъ видѣ,
Войти?

Мистриссъ Фордъ.

И пусть пока всей правды онъ
Не скажетъ—пусть лѣсные духи щиплютъ
Безъ устали его и тутъ же жгутъ
Свѣчами восковыми.

Мистриссъ Пэджъ.

А какъ только
Сознается, мы выйдемъ всѣ, рога
Съ чудовища мы снимемъ и проводимъ
Домой, въ Виндзоръ, съ насмѣшками.

Фордъ.

Да вы
Должны дѣтей настроить хорошенько;
Иначе имъ не сдѣлать ничего.

Эвансъ. Я обучу дѣтей тому, что имъ предстоитъ совершить. Да и самъ переодѣнусь какой-нибудь обезьяной для того, чтобы жечь рыцаря свѣчкой.

Фордъ. Отлично. Я сейчасъ пойду купить масокъ.

Мистриссъ Пэджъ.

Царицей фей моя Нанетта будетъ
Въ чудесномъ бѣломъ платьѣ.

Пэджъ.

Для него
Матеріи сейчасъ куплю я.
(*Въ сторону*). Тутъ же
Ее похититъ Слендеръ, и тотчасъ
Въ Итонѣ обвѣнчается. (*Вслухъ*). Скорѣе
Къ Фальстафу посылайте.

Фордъ.

Нѣтъ, я самъ
Пойду опять подъ именемъ Потока,
И онъ свои предположенья мнѣ
Разскажетъ. Да, онъ явится навѣрно.

Мистриссъ Пэджъ.

Ужъ это несомнѣнно. Ну, идемъ
Костюмы припасать для нашихъ духовъ.

Эвансъ. Да, примемся за работу. Это увеселеніе наипріятное, и обманъ наичестнѣйшій.

(*Эвансъ, Пэджъ и Фордъ уходятъ*).

Мистриссъ Пэджъ.

Ну, мистриссъ Фордъ, теперь скорѣй къ Фальстафу
Пошлите, чтобъ узнать его отвѣтъ.

(*Мистриссъ Фордъ уходитъ*).

Я—къ доктору; мое расположенье
Онъ пріобрѣлъ, и ужъ никто другой
На Аннѣ Пэджъ не женится. Вотъ Слендеръ
Хоть и богатъ, но идіотъ, а мой
Супругъ его другимъ предпочитаетъ.
У доктора—и деньги, и друзья
Съ значеньемъ при дворѣ. Да, я ручаюсь—
Хоть двадцать тысячъ будь достойнѣйшихъ людей,
Но женится лишь онъ на дочери моей!

(*Уходитъ*).

СЦЕНА V.

Комната въ гостинницѣ Подвязки.

Входятъ хозяинъ *и* Сэмпль.

Хозяинъ. Чего тебѣ надо, деревенщина? чего, толстокожее чучело? Ну, говори, пропускай сквозь зубы, излагай. Да покороче, поживѣе, чтобъ разъ, два—и готово.

Сэмпль. Да извольте видѣть, сэръ, я пришелъ поговорить съ сэромъ Джономъ Фальстафомъ отъ имени мистера Слендера.

Хозяинъ. Вотъ его комната, его домъ, его замокъ, его постоянная постель и временная постель. Надъ нею только-что расписана исторія блуднаго сына. Ступай, стучи, зови: онъ откликнется тебѣ, какъ антропофагъ. Стучи же, говорятъ тебѣ.

Сэмпль. Въ его комнату вошла старая женщина, толстая, старая женщина. Я осмѣлюсь, сэръ, подождать, пока она выйдетъ. Я пришелъ поговорить съ ней.

Хозяинъ. Что? толстая женщина? Рыцаря могутъ обокрасть. Я позову его. Эй, неизмѣримый рыцарь, неизмѣримый сэръ Джонъ, отвѣтствуй твоими воинственными легкими: тамъ ли ты? Это твой хозяинъ, твой эфессецъ зоветъ тебя!

Фальстафъ (*сверху*). Что надо, хозяинъ?

Хозяинъ. Тутъ татаринъ-цыганъ ждетъ выхода отъ тебя твоей толстухи. Спровадь ее внизъ, чудовище,—спровадь; не позорь моихъ комнатъ. Фу! интимности! Фу! какая гадость!

Входитъ Фальстафъ.

Фальстафъ. У меня, хозяинъ, дѣйствительно только-что была старая, толстая женщина; но она ушла.

Сэмпль. Позвольте узнать, сэръ, это не ворожея ли брентфордская была у васъ?

Фальстафъ. Она самая, раковина ты устричья. А тебѣ до нея какое дѣло?

Сэмпль. Мой баринъ, мистеръ Слендеръ, увидавъ, что она идетъ по улицѣ, послалъ меня за ней—спросить, что какъ, значитъ, нѣкій Нимъ укралъ у него цѣпочку, такъ у него ли, у этого самаго Нима, эта цѣпочка?

Фальстафъ. Объ этомъ я говорилъ со старухой.

Сэмпль. Что же она сказала, смѣю спросить?

Фальстафъ. Да сказала, что человѣкъ, который стибрилъ у мистера Слендера цѣпочку, и есть тотъ самый,который укралъ ее.

Сэмпль. Мнѣ бы желательно было поговорить съ нею самой. Баринъ велѣлъ поразспросить ее еще кой о чемъ другомъ.

Фальстафъ. О чемъ же это—говори?

Хозяинъ. Говори, да живѣе!

Фальстафъ. Скрыть не смѣй.

Хозяинъ. А скроешь — тутъ тебѣ и смерть!

Сэмпль. Да пустяки, сэръ — все на счетъ миссъ Анны Пэджъ; велѣно узнать— написано ли на роду моему барину или не написано жениться на ней?

Фальстафъ. Написано, написано.

Сэмпль. Что, сэръ, написано?

Фальстафъ. Что онъ женится на ней или не женится. Ступай, скажи, что старуха такъ отвѣчала мнѣ.

Сэмпль. И я могу имѣть смѣлость такъ и сказать, сэръ?

Фальстафъ. Да-съ, имѣйте эту смѣлость, сэръ.

Сэмпль. Покорнѣйше благодарю вашу милость. Этимъ извѣстіемъ я обрадую моего барина. (*Уходитъ*).

Хозяинъ. Ты мудрецъ, ты мудрецъ, сэръ Джонъ. Такъ у тебя была ворожея?

Фальстафъ. Конечно, была, хозяинъ— и отъ нея узналъ я больше, чѣмъ выучился за всю свою жизнь. И не только ничего не заплатилъ за эту науку — еще мнѣ заплатили.

Входитъ Бардольфъ.

Бардольфъ. Сэръ, сэръ, несчастіе! Это воровство, чистое воровство!

Хозяинъ. Гдѣ мои лошади? отвѣчай, какъ слѣдуетъ, varletto!

Бардольфъ. Удрали вмѣстѣ съ ворами. Какъ только мы миновали Итонъ — а я, какъ вамъ извѣстно, сидѣлъ позади одного изъ нихъ—они меня сбросили въ грязную яму, потомъ пришпорили лошадей — и поминай, какъ звали, точно три нѣмецкихъ чорта, три доктора Фауста.

Хозяинъ. Они просто поспѣшили на встрѣчу герцогу, негодяй. Не смѣй говорить, что они убѣжали: нѣмцы честные люди.

Входитъ сэръ Гугъ Эвансъ.

Эвансъ. Гдѣ хозяинъ?

Хозяинъ. Что угодно, сэръ?

Эвансъ. Смотрите хорошенько за вашими жильцами. Только-что въ нашъ городъ пріѣхалъ одинъ изъ моихъ друзей; онъ разсказываетъ, что какіе-то три воранѣмца обокрали всѣхъ содержателей гостиницъ въ Родингѣ, въ Майденгедѣ и въ Кольбругѣ; забрали и деньги, и лошадей. Для вашей же пользы говорю вамъ—берегитесь. Вы человѣкъ умный, такъ и сыплете остроуміемъ — поэтому не пристало вамъ быть обманутымъ. Прощайте. (*Уходитъ*).

Входитъ докторъ Каюсъ.

Каюсъ. Гдѣ хозяинъ?

Хозяинъ. Здѣсь, господинъ докторъ, въ большомъ смущеніи и затруднительной дилеммѣ.

Каюсъ. Не могу сказать, что все это значитъ; но мнѣ сказали, что вы дѣлаете большія приготовленія для какого-то duc de Iarmany. Даю вамъ честное слово, что никакого герцога при дворѣ не ожидаютъ.

Англійскій актеръ 18 в. Гендерсонъ (Henderson) въ роли Фальстафа.

Рисунокъ извѣстнаго англо-нѣмецкаго художника Рамберга (Joann Heinrich Ramberg, 1763—1840).

Говорю это, желая вамъ добра. Adieu! (*Уходитъ*).

Хозяинъ. Кричи, зови на помощь, бездѣльникъ! Помогите мнѣ, рыцарь: я пропалъ! Бѣги же, бездѣльникъ, кричи, зови! Я пропалъ! (*Хозяинъ и Бардольфъ уходятъ*).

Фальстафъ. Я желалъ бы, чтобы весь міръ надули, потому что меня самого надули, да вдобавокъ еще отколотили. Ну, если бы при дворѣ узнали, какимъ превращеніямъ я подвергался и какъ, въ этихъ превращеніяхъ, меня выкупали и избили— мой жиръ вытопили бы изъ меня капля за каплей и смазали бы этою жидкостью сапоги рыбаковъ. Ужъ это вѣрно, что они до тѣхъ поръ бичевали бы меня своими шуточками и остротами, пока я не съежился бы, какъ высушенная груша. Страшно не везетъ мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я смошенничалъ, играя въ примеро. Ахъ, если бы у меня хватило силы читать молитвы — я бы покаялся!

Входитъ мистриссъ Квикли.

Фальстафъ. Ну, отъ кого ты опять?

Квикли. Да отъ обѣихъ, сэръ.

Фальстафъ. Чортъ побери одну, а его матушка — другую! Вотъ онѣ и устроятся обѣ! Изъ-за нихъ я вынесъ больше, гораздо больше, чѣмъ можетъ вытерпѣть мерзкая непрочность человѣческой натуры.

Квикли. А онѣ развѣ мало вынесли? Много, повѣрьте мнѣ. Особенно одна изъ нихъ, мистриссъ Фордъ. Ее, голубушку, до того избили, что все тѣло въ синякахъ и черныхъ пятнахъ—ни одного мѣстечка бѣлаго.

Фальстафъ. Что ты мнѣ толкуешь о синихъ и черныхъ пятнахъ? Меня самого отдули такъ, что я раскрасился всѣми цвѣтами радуги, да еще чуть не схватили вмѣсто брентфордской вѣдьмы. Еслибъ удивительная моя находчивость не помогла мнѣ представить изъ себя обыкновенную старуху —каналья констебль засадилъ бы меня, какъ вѣдьму, въ колодку, въ тюремную колодку.

Квикли. Сэръ, позвольте поговорить съ вами въ вашей комнатѣ. Я поразскажу вамъ, какъ идетъ дѣло, и ручаюсь, что вы останетесь довольны. Вотъ вамъ письмо—изъ него узнаете кое-что. Ахъ, сердечные мои, сколько труда-то, труда, чтобы свести васъ! Ужъ вѣрно кто-нибудь изъ васъ не служитъ Богу, какъ слѣдуетъ; иначе не было бы у васъ такихъ хлопотъ.

Фальстафъ. Пойдемъ въ мою комнату. (*Уходятъ*).

СЦЕНА VI.

Другая комната въ той же гостиницѣ.

Входятъ Фентонъ *и* хозяинъ.

Хозяинъ. И не говорите со мною, мистеръ Фентонъ. У меня на душѣ тяжело. Я отказываюсь отъ всего.

Фентонъ.

Но выслушай меня. Коль согласишься
Ты мнѣ помочь, клянусь, какъ джентльменъ,
Я дамъ тебѣ сто фунтовъ золотыми
Сверхъ денегъ тѣхъ, что потерялъ ты нынче.

Хозяинъ. Я выслушаю васъ, мистеръ Фентонъ, и ужъ во всякомъ случаѣ не выдамъ вашей тайны.

Фентонъ.

Уже не разъ ты слышалъ отъ меня,
Что Анну Пэджъ прекрасную люблю я
Отъ всей души; моей любви она
Отвѣтила, на сколько можетъ лично
Собой распоряжаться, и какъ разъ,
Какъ я желалъ. Теперь она прислала
Ко мнѣ письмо вотъ это; удивитъ
Оно тебя. Потѣха, о которой
Въ ней пишется, съ намѣреньемъ моимъ
Такъ связана, что разсказать о первой
И о другомъ не объявить—нельзя.
Въ потѣхѣ той большую роль играетъ
Толстякъ Фальстафъ. Изъ этого письма
Узнаешь всѣ подробности. Такъ слушай,
Любезнѣйшій хозяинъ. Нынче ночью,
Межъ полночью и часомъ, Нанъ моя
Изображать должна у дуба Герна
Царицу фей; съ какою цѣлью—это
Ты изъ письма узнаешь. Но отецъ
Ей приказалъ, чтобъ въ этомъ самомъ видѣ,
Когда совсѣмъ въ разгарѣ будетъ фарсъ,
Она въ Итонъ со Слендеромъ бѣжала
И тамъ съ нимъ обвѣнчалась—и она
На это согласилась. Слушай дальше:
Но мать ея, которой этотъ бракъ
Не по-сердцу—она всегда стояла
За Каюса—рѣшила такъ, что дочь
Похититъ онъ, когда всѣ остальные
Ролями увлекутся, и тотчасъ
Съ ней подъ вѣнецъ пойдетъ въ своемъ приходѣ,
Гдѣ ждетъ уже священникъ. Притворясь
Покорною такому плану, Анна
И доктору согласье ужъ дала.
Теперь вотъ дѣло въ чемъ: отецъ желаетъ.
Чтобъ дочь была вся въ бѣломъ, и когда
Въ удобную минуту Слендеръ руку
Ея возьметъ и скажетъ, что пора—
Она уйдетъ съ нимъ въ этомъ самомъ платьѣ.
Напротивъ, мать рѣшила, для того,
Чтобъ докторъ могъ узнать ее—всѣ будутъ
Подъ масками—зеленый балахонъ
Надѣть на дочь и лентами украсить
Всю голову; и долженъ докторъ къ ней
Приблизиться въ удобную минуту
И за руку щипнуть, давая знакъ
За нимъ идти. И Анна согласилась.

Хозяинъ.

Кого жъ она рѣшилась обмануть—
Отца иль мать?

Фентонъ.

Обоихъ, мой добрѣйшій,
Чтобъ убѣжать со мною. И теперь
Все дѣло въ томъ, чтобъ ты добылъ пастора,
Который бы насъ въ церкви ожидалъ
Межъ полночью и часомъ, и навѣки
Торжественнымъ обрядомъ намъ сердца
Соединилъ.

Хозяинъ.

Ну, хорошо, идите
Улаживать вашъ планъ, а я сейчасъ
Къ викарію. Давайте лишь дѣвицу—
Священника вамъ не придется ждать.

Фентонъ.

Навѣки ты меня обяжешь этимъ;
Да и сейчасъ тебя я награжу. (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Комната въ гостинницѣ Подвязки.

Входятъ Фальстафъ *и* мистриссъ Квикли.

Фальстафъ. Ну, довольно, довольно болтать. Ступай—я приду. Это будетъ ужъ въ третій разъ. Надо надѣяться, что нечетныя числа самыя счастливыя. Ступай-же, ступай! Говорятъ, что въ нечетныхъ числахъ волшебная сила, къ чему бы они ни относились,—рожденію, всей жизни, или смерти. Проваливай!

Квикли. Я вамъ достану цѣпь; постараюсь также, во что бы то ни стало, добыть пару роговъ.

Фальстафъ. Проваливай, говорятъ тебѣ: голову вверхъ и маршъ мелкой рысцой.

(*Мистриссъ Квикли уходитъ*).

Входитъ Фордъ (*переодѣтый*).

Фальстафъ. А, мистеръ Потокъ! Наше дѣло, мистеръ Потокъ, рѣшится или сегодня ночью, или никогда. Приходите около двѣнадцати часовъ въ паркъ, къ дубу Герна —увидите чудеса.

Фордъ. А развѣ вчера вы не ходили къ ней на условленное свиданье?

Фальстафъ. Ходилъ, мистеръ Потокъ, какъ видите, старикомъ, а вернулся, мистеръ Потокъ, старухой. Этотъ мерзавецъ Фордъ, ея мужъ, одержимъ самымъ бѣшенымъ дьяволомъ ревности, какой когда-либо сидѣлъ въ бѣшеномъ человѣкѣ. Скажу я вамъ, что онъ сильно исколотилъ меня, переодѣтаго старухой: въ образѣ же мужчины, мистеръ Потокъ, я съ простымъ навоемъ въ рукѣ не побоюсь и Голіафа; притомъ, я знаю, что жизнь то же, что ткацкій челнокъ. Теперь мнѣ некогда. Пойдемте со мной—я разскажу вамъ все, мистеръ Потокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я щипалъ гусей, бѣгалъ отъ своихъ учителей и погонялъ кнутикомъ кубарь, до вчерашняго дня я не зналъ, что значитъ быть поколоченнымъ. Пойдемте со мной: я разскажу вамъ странныя вещи про этого мерзавца Форда. Сегодня ночью я отомщу за себя и передамъ его жену въ ваши руки. Пойдемте со мной! Чудныя вещи приготовляются. Идемъ!

(*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Виндзорскій паркъ.

Входятъ Пэджъ, Шэлло *и* Слендеръ.

Пэджъ. Идите, идите. Мы спрячемся въ дворцовый ровъ и будемъ лежать тамъ до-тѣхъ поръ, пока увидимъ огоньки нашихъ фей. Не забудь, сынокъ Слендеръ, мою дочь.

Слендеръ. Еще бы забыть! Я говорилъ съ ней, и мы условились, какъ узнать другъ друга. Я подойду къ той, которая будетъ въ бѣломъ, и скажу ей: „тсъ“, а она крикнетъ: „тише“! Вотъ по этимъ словамъ мы и узнаемъ другъ друга.

Шэлло. Это очень хорошо, но для чего тутъ твое тсъ и ея тише? По бѣлому платью ты и безъ того узнаешь ее. Однако десять часовъ пробило.

Пэджъ. Ночь темна; огни и привидѣнія будутъ поэтому очень эффектны. Да пошлетъ небо удачу нашей потѣхѣ! Тутъ никто не замышляетъ злого дѣла, кромѣ дьявола, а его мы узнаемъ по рогамъ. Ну, идемъ. Слѣдуйте за мной.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Дорога, ведущая въ паркъ.

Входитъ мистриссъ Пэджъ, мистриссъ Фордъ *и* докторъ Каюсъ.

Мистриссъ Пэджъ. Итакъ, докторъ, моя дочь въ зеленомъ платьѣ. Когда вы улучите удобную минуту, берите ее за руку, отправляйтесь въ приходскую церковь, и кончайте дѣло скорѣе. Теперь — идите въ паркъ; мы обѣ должны идти вмѣстѣ.

Каюсъ. Я знаю, что мнѣ дѣлать. Adieu!

Мистриссъ Пэджъ. До свиданья, сэръ. (*Каюсъ уходитъ*). Моего мужа не такъ развеселитъ потѣха надъ Фальстафомъ, какъ разсердитъ женитьба доктора на моей дочери. Но — все равно. Легкое ворчанье лучше тяжелаго горя.

Мистриссъ Фордъ. Гдѣ же Нанетта со своими феями и валлійскимъ дьяволомъ Гугомъ?

Мистриссъ Пэджъ. Всѣ они притаились во рву, подлѣ дуба Герна, и закрыли свои огни; но въ ту самую минуту, какъ Фальстафъ сойдется съ нами, они вдругъ освѣтятъ ночную темноту.

Мистриссъ Фордъ. Это непремѣнно испугаетъ его.

Мистриссъ Пэджъ. Если онъ не испугается, будетъ все-таки осмѣянъ; а испугается—осмѣютъ еще больше.

Мистриссъ Фордъ. Мы ловко проведемъ его.

Мистриссъ Пэджъ.
Такихъ развратниковъ дурачить, надувать—
Не значитъ никогда безчестно поступать.

Мистриссъ Фордъ. Часъ приближается. Къ дубу, къ дубу!

(*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Виндзорскій паркъ.

Входятъ сэръ Гугъ Эвансъ (*переодѣтый*) *и* феи.

Эвансъ. Маршъ, маршъ, феи! За мной! Не забывайте вашихъ ролей, а главное— не робѣйте. Слѣдуйте за мною въ ровъ, и, какъ только я подамъ сигналъ—дѣлайте, какъ сказано. Идемъ, идемъ! Маршъ, маршъ!

(*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Другая часть парка.

Входитъ Фальстафъ, *переодѣтый Герномъ.*

Фальстафъ. Виндзорскій колоколъ пробилъ двѣнадцать: роковая минута приближается. Теперь да помогутъ мнѣ боги съ пламенною кровью! Припомни, о, Юпитеръ, что ты сдѣлался быкомъ для твоей Европы; любовь заставила тебя надѣть рога. О, всемогущая любовь! Въ однихъ случаяхъ ты превращаешь животныхъ въ людей, въ другихъ—людей въ животныхъ. Юпитеръ, и въ лебедя превращался ты изъ любви къ Ледѣ! О, всемогущая любовь! какъ мало недоставало въ то время для того, чтобъ богъ сдѣлался гусемъ! Первый грѣхъ, совершенный тобой, о Юпитеръ, въ видѣ животнаго— животный грѣхъ; второй сдѣланъ въ видѣ бѣлой птицы, но самъ по себѣ черный— подумай объ этомъ, Юпитеръ! Ужъ если у боговъ такъ горяча кровь, то что остается дѣлать бѣднымъ людямъ? Вотъ я сдѣлался виндзорскимъ оленемъ, и, полагаю, жирнѣе звѣря нѣтъ въ здѣшнемъ лѣсу? О, Юпитеръ, навѣй прохладу на время моей течки; иначе, кто упрекнетъ меня въ томъ, что

я весь истеку жиромъ? Кто-то идетъ сюда. Не моя ли лань?

Входятъ мистриссъ Фордъ *и* мистриссъ Пэджъ.

Мистриссъ Фордъ. Сэръ Джонъ, ты здѣсь, мой олень, мой дорогой олень?

Фальстафъ. О, моя черношерстная лань! Пусть теперь небо льетъ картофельный дождь, пусть громъ раскатывается на голосъ: „ахъ, рукавчики зеленые мои!“, пусть сыплется градъ изъ ароматныхъ лепешекъ, пусть бушуетъ метель изъ ванили, пусть разразится буря плотскихъ искушеній—я нашелъ себѣ пріютъ вотъ гдѣ!

(Цѣлуетъ ее).

Мистриссъ Фордъ. Мистриссъ Пэджъ пришла со мною, дорогой мой.

Фальстафъ. Дѣлите меня, какъ принесеннаго въ даръ оленя—каждой по одной ногѣ. Бока я оставлю для себя, лопатки отдаю лѣсному сторожу, а рога уступаю вашимъ супругамъ! А каковъ я охотникъ, а? Не похожъ ли, какъ двѣ капли воды, на охотника Герна? Ну, на этотъ разъ Купидонъ оказался добросовѣстнымъ мальчишкой: онъ вознаграждаетъ меня за прошлое. Не будь я истое привидѣніе, если вашъ приходъ не восхищаетъ меня! (*За сценой шумъ*).

Мистриссъ Пэджъ. Господи помилуй, что это за шумъ?

Мистриссъ Фордъ. Прости намъ, Господи, наши прегрѣшенія!

Фальстафъ. Что бы это значило?

Мистриссъ Фордъ *и* мистриссъ Пэджъ. Бѣжимъ! бѣжимъ! (*Убѣгаютъ*).

Фальстафъ. Я полагаю, что дьяволъ не хочетъ моего грѣхопаденія, боясь, чтобъ сало, которымъ я наполненъ, не зажгло весь адъ—иначе, онъ не сталъ бы такъ мѣшать мнѣ.

Входятъ сэръ Гугъ Эвансъ, *одѣтый сатиромъ,* Пистоль *въ видѣ лѣсного духа Гобгоблина,* миссъ Анна Пэджъ, *одѣтая какъ царица фей, въ сопровожденіи брата,* мистриссъ Квикли *и другихъ въ костюмахъ фей, съ зажженными свѣчами на головахъ.*

Царица фей.

Феи зеленыя, черныя, бѣлыя, сѣрыя феи,
Луннаго свѣта подруженьки, дѣти-сиротки судьбинъ,
Тѣни ночной темноты, принимайтесь за дѣло скорѣе,
Долгъ исполняйте! Зови ихъ на дѣло, герольдъ-Гобгоблинъ!

Фальстафъ, переодѣтый Герномъ, мистриссъ Фордъ и мистриссъ Пэджъ въ Виндзорскомъ паркѣ.

Картина Роберта Смирка (Rob. Smirke) (Малая Бойделевская галлерея).

Пистоль.

Эльфы, внемлите, внемлите! умолкните, рѣзвые духи!
Слушай, сверчокъ: облети ты всѣ кухни Виндзора и тамъ,
Гдѣ очага не убрали, огня не гасили стряпухи,
Такъ ихъ щипли ты, чтобъ цвѣтъ ежевики придать синякамъ:
Не терпитъ владычица свѣтлая фей
Ни грязныхъ покоевъ, ни грязныхъ людей!

Фальстафъ.

Здѣсь феи собрались. Я знаю—кто рѣшится
Имъ слово хоть сказать, тотъ съ жизнью распростится.
Зажмурясь, лягу я. Ничей на свѣтѣ глазъ
Не долженъ видѣть ихъ затѣйливыхъ проказъ.

(Ложится ничкомъ).

Эвансъ.

Гдѣ Бидъ? Лети! Когда бъ найти тебѣ случилось
Дѣвицу, что предъ сномъ три раза помолилась,
Ты грезы сладкія на душу ей навѣй,
И пусть уснетъ она невиннымъ сномъ дѣтей;

Но тѣхъ, которыя въ минуту усыпленья
Не вздумали просить грѣхамъ своимъ прощенья—
Тѣхъ щиплетъ пусть твоя сердитая рука
Въ голени, спину, грудь и плечи, и бока.

ЦАРИЦА ФЕЙ.

За дѣло, за дѣло! О, духи, летите,
Весь замокъ виндзорскій снаружи, внутри обыщите:
Разсыпьте вы счастье повсюду въ жилищѣ священномъ,
Чтобъ вѣчно стоялъ онъ въ величьи своемъ неизмѣнномъ,
Достойный властителя дома сего,
Какъ этотъ властитель достоинъ его!
Натрите старательно кресла всѣхъ орденскихъ членовъ почтенныхъ
Бальзамомъ душистымъ и сокомъ изъ разныхъ цвѣтовъ драгоцѣнныхъ,
И пусть благодатное небо съ сѣдалищъ, одеждъ и щитовъ
Во-вѣкъ не стираетъ ихъ честныхъ гербовъ!
Вы, феи луговъ, образуйте кружокъ на подобье подвязки,
И пойте ночною порою свои вдохновенныя сказки,
И мѣсто, гдѣ вы соберетесь, пусть будетъ свѣжѣй, зеленѣй,
Чѣмъ зелень всѣхъ нашихъ полей!
Пурпурныхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ, изумрудной травы наберите
И ими *Honni soit qui mal y pense* напишите,
На мѣсто сафировъ и перловъ, шитья изъ шелковъ драгоцѣнныхъ,
Что блещутъ у рыцарей славныхъ кольцомъ на колѣняхъ согбенныхъ:
Цвѣты замѣняютъ, вѣдь буквы у фей.
Разсѣйтесь же духи—летите скорѣй!
Но первый пока не пробилъ еще часъ—не забудете вѣрно
Вы пляску обычную нашу вкругъ дуба охотника Герна.

ЭВАНСЪ.

Давайте же руки другъ другу, въ кружокъ становитесь сейчасъ,
А двадцать большихъ свѣтляковъ фонарями послужатъ у насъ,
Чтобъ мы танцовать, не сбиваясь, подъ дубомъ родимымъ могли.
Но стойте, я чую, что здѣсь человѣкъ серединной земли!

ФАЛЬСТАФЪ. Да защититъ меня небо отъ этого валлійскаго духа; не то онъ превратитъ меня въ кусокъ сыра.

ПИСТОЛЬ.

Гнуснѣйшій червь, ты проклятъ отъ рожденья!

ЦАРИЦА ФЕЙ.

Огнемъ испытанья коснитесь вы пальцевъ его.
Коль чистъ онъ, огонь не сожжетъ ничего
И тихо отклонится. Если жъ отъ боли онъ вздрогнетъ, то смѣло
Рѣшайте, что это развратника гнуснаго тѣло.

ПИСТОЛЬ.

Начнемъ испытанье!

ЭВАНСЪ.

Начнемъ—
Увидимъ, обхватится-ль дерево это огнемъ?
(*Всѣ жгутъ Фальстафа свѣчами*).

ФАЛЬСТАФЪ. Ай, ай, ай!

ЦАРИЦА ФЕЙ.

Нечистъ, нечистъ, въ желаньяхъ развращенъ!
Скорѣе же его со всѣхъ сторонъ
Съ язвительною пѣснью окружайте
И, вкругъ его носясь, щипайте и щипайте!

ПѢСНЯ.

Срамъ всѣмъ грѣховнымъ помышленьямъ,
Срамъ похотливымъ вожделѣньямъ!
Огонь кровавый—сладострастье,
Огонь, зажженый грязной страстью!
Начало въ сердцѣ онъ кладетъ,
Но дунетъ мыслью онъ все вверхъ, и вверхъ идетъ!
Щипайте, щипайте безъ устали, феи,
Щипайте за гнусныя, злыя затѣи,
Щипайте и жгите, вертите въ рукахъ,
Пока не погаснутъ съ свѣчами и звѣзды съ луной въ небесахъ!

(*Во время этой пѣсни феи щиплятъ Фальстафа. Докторъ Каюсъ выходитъ съ одной стороны и уводитъ фею въ зеленомъ платьѣ, Слендеръ—съ другой и уводитъ фею въ бѣломъ; затѣмъ Фентонъ похищаетъ Анну Пэджъ. За сценою слышится шумъ охоты. Всѣ феи разбѣгаются. Фальстафъ сбрасываетъ свои рога, встаетъ съ земли и хочетъ бѣжать*).

Входятъ ПЭДЖЪ, ФОРДЪ, МИСТРИСС ПЭДЖЪ *и* МИСТРИСС ФОРДЪ *и останавливаютъ его.*

ПЭДЖЪ.

Нѣтъ, стой! куда? Надѣюсь, вы теперь
У насъ въ рукахъ. Неужто вы иначе
Не можете успѣть, какъ въ видѣ Герна
Охотника?

МИСТРИССЪ ПЭДЖЪ.

Довольно. Этотъ фарсъ

ФАЛЬСТАФЪ, ОКРУЖЕННЫЙ МНИМЫМИ ЭЛЬФАМИ и ФЕЯМИ.
Картина Роберта Смирка (Rob. Smirke) (Большая Бойделевская галлерея).

Я васъ прошу окончить. Ну, добрѣйшій
Сэръ Джонъ, какъ вамъ виндзорскія бабенки
Понравились? (*Мужу, указывая на рога Фальстафа.*) Неправда ль, милый мужъ,
Что это украшенье дорогое
Не такъ пристало городу, какъ лѣсу?

Фордъ. Ну, сэръ, кто теперь рогоносецъ? Мистеръ Потокъ, Фальстафъ негодяй, рогатый негодяй; вотъ его рога, мистеръ Потокъ. Изъ всего имущества Форда, мистеръ Потокъ, онъ воспользовался только его корзиной съ грязнымъ бѣльемъ, его палкой и двадцатью фунтами денегъ, которые онъ долженъ уплатить мистеру Потоку. Въ обезпеченіе этой уплаты взяты его лошади, мистеръ Потокъ.

Мистриссъ Фордъ. Намъ не повезло, сэръ Джонъ; мы никакъ не могли сойтись. Что жъ дѣлать? Теперь ужъ я не хочу имѣть васъ моимъ любовникомъ, но моимъ оленемъ вы всегда останетесь.

Фальстафъ. Я начинаю замѣчать, что изъ меня сдѣлали осла.

Фордъ. Да—и сверхъ того, вола. Доказательства на лицо.

Фальстафъ. И это были не феи? Три или четыре раза мнѣ самому приходило въ голову, что это не феи. Но угрызенія моей совѣсти, внезапное отуманеніе моихъ умственныхъ способностей заставили меня принять грубый обманъ за чистую монету и, наперекоръ всякому здравому смыслу, повѣрить, что все это феи. Вотъ въ какого олуха превращается умъ, когда его направишь въ дурную сторону.

Эвансъ. Сэръ Джонъ Фальстафъ, служите Богу и отрекитесь отъ дурныхъ помысловъ, и тогда феи не будутъ щипать васъ.

Фордъ. Отлично сказано, эльфъ Гугъ.

Эвансъ. А васъ я прошу отречься отъ вашей ревности.

Фордъ. Я до тѣхъ поръ не буду ни въ чемъ подозрѣвать мою жену, пока ты не начнешь любезничать съ ней на чистомъ англійскомъ языкѣ.

Фальстафъ. Неужели мой мозгъ высохъ отъ солнца до того, что не въ силахъ предохранить меня отъ такого грубаго обмана? Неужели валлійскій козелъ могъ одурачить меня? Неужели меня можно было нарядить въ валлійскую дурацкую шапку? Теперь, значитъ, мнѣ осталось только подавиться кускомъ жаренаго сыра.

Эвансъ. Сыръ не идетъ къ жиру, а вашъ желудокъ одинъ жиръ.

Фальстафъ. Сыръ и жиръ! И я дожилъ до того, что надо мной издѣвается человѣкъ, острящій такъ тупо! Да этого достаточно, чтобъ убить во всемъ государствѣ распутство и страсть къ ночнымъ похожденіямъ.

Мистриссъ Пэджъ. И какъ это, сэръ Джонъ, вы могли подумать, что дьяволъ— если бы даже мы и вытолкали въ шею добродѣтель изъ нашего сердца и, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, отдали себя аду — заставилъ бы насъ плѣниться вами?

Фордъ. Плѣниться такой требухой, такимъ тюкомъ льну?

Мистриссъ Пэджъ. Такою тушей?

Пэджъ. Такимъ старымъ, холоднымъ, истертымъ, невыносимо-вонючимъ человѣкомъ?

Фордъ. И злоязычнымъ, какъ самъ сатана?

Пэджъ. И нищимъ, какъ Іовъ?

Фордъ. И нечестивымъ, какъ его жена?

Эвансъ. И преданнымъ блуду и харчевнямъ, и хересу, и прочимъ винамъ, и меду, и пьянству, и ругательствамъ, и мошенничеству, и всему иному прочему?

Фальстафъ. Продолжайте, я ваша мишень; перевѣсъ на вашей сторонѣ. Я разбитъ; я не способенъ даже отвѣчать валлійскому войлоку; само невѣжество попираетъ меня ногами. Дѣлайте со мной, что хотите.

Фордъ. А мы сдѣлаемъ, сэръ, вотъ что: сведемъ васъ въ Виндзоръ, къ нѣкоему мистеру Потоку, у котораго вы стибрили деньги, пообѣщавшись ему быть его сводникомъ. Изъ всѣхъ мученій, какія вы вынесли, самымъ горькимъ для васъ, я полагаю, будетъ возвращеніе этихъ денегъ.

Пэджъ. Не горюй, однако, рыцарь. Сегодня вечеромъ я угощу тебя ужиномъ и дамъ случай посмѣяться надъ моей женой, которая теперь смѣется надъ тобой: ты скажешь ей, что на ея дочери женился мистеръ Слендеръ.

Мистриссъ Пэджъ (*въ сторону*). Нѣкоторые доктора сомнѣваются въ этомъ. Если Анна Пэджъ моя дочь, то въ настоящую минуту она жена доктора Каюса.

Входитъ Слендеръ.

Слендеръ. Охъ, охъ! Ай, ай, ай! Батюшка Пэджъ!

Пэджъ. Что, сынокъ, что? Устроилъ дѣло?

Слендеръ. Устроилъ! Самый умный человѣкъ въ Глостерширѣ не добьется тутъ толку—вотъ хоть сейчасъ повѣситься!

Пэджъ. Да что же случилось, сынокъ?

Слендеръ. Пришелъ я въ Итонъ вѣнчаться съ миссъ Анной Пэджъ, а она оказалась здоровеннымъ парнемъ. Не будь это въ церкви, я исколотилъ бы его, или онъ исколотилъ бы меня. Не сойди я съ этого мѣста, если я не думалъ, что иду съ Анной Пэджъ, и вдругъ она—почтальонъ.

Пэджъ. Ну, стало быть, вы ошиблись— это несомнѣнно.

Слендеръ. Для чего вы говорите мнѣ это? Конечно, ошибся, если принялъ мальчика за дѣвушку. Но хоть онъ и нарядился въ женское платье, мнѣ его не надо было-бы, хотя бы я даже обвѣнчался.

Пэджъ. Ну, это вы сами сглупили. Развѣ я не сказалъ вамъ, какъ узнать мою дочь по платью?

Слендеръ. Да я и подошелъ къ той, что была въ бѣломъ—и сказалъ ей: „Тсъ!“ а она сказала мнѣ: „тише!“ какъ условились мы съ Анной. И все-таки вышло, что это не Анна, а почтальонъ.

Мистриссъ Пэджъ. Добрый Джорджъ, не сердись. Узнавъ о вашемъ замыслѣ, я одѣла мою дочь въ зеленое, и въ настоящую минуту она, конечно, обвѣнчана съ докторомъ въ приходской церкви.

Входитъ Каюсъ.

Каюсъ. Гдѣ мистриссъ Пэджъ? Чортъ меня побери, я въ дуракахъ! Я женился на garçon, на мальчикѣ, на paysan, чортъ меня побери, на мальчикѣ—не на Аннѣ Пэджъ, чортъ меня побери! Я въ дуракахъ.

Мистриссъ Пэджъ. Да вы взяли ту, что была въ зеленомъ?

Каюсъ. Да, чортъ меня побери, а вышло, что это мальчикъ. Я подыму на ноги весь Виндзоръ, чортъ меня побери. (*Уходитъ*).

Фордъ. Это странно! Кому же досталась настоящая Анна?

Пэджъ. Мое сердце предчувствуетъ. Вотъ идетъ мистеръ Фентонъ.

Входятъ Фентонъ *и* Анна Пэджъ.

Пэджъ. Что это значитъ, мистеръ Фентонъ?

ФАЛЬСТАФЪ И ЕГО НОВЫЕ ДРУЗЬЯ. (Заключительная сцена).
Картина извѣстнаго англійскаго живописца Чарльза Роберта Лесли (Charles Robert Leslie, 1794—1859).

Анна. Простите, добрый батюшка! простите, добрая матушка!

Пэджъ. По какому же это случаю, сударыня, вы не пошли съ мистеромъ Слендеромъ?

Мистриссъ Пэджъ. Почему это, сударыня, вы не пошли съ докторомъ?

Фентонъ.

Совсѣмъ ее смутили вы. Всю правду
Я вамъ скажу. Готовили вы ей
Постыдный бракъ безъ всякаго влеченья
Взаимнаго. Но знайте, что она
И я давно обручены; отнынѣ жъ
Такъ крѣпокъ нашъ союзъ, что разорвать
Его ничто не въ силахъ. Святъ проступокъ,
Свершенный ею, и нельзя его
Назвать непослушаніемъ, обманомъ,
Отсутствіемъ почтенія; вѣдь, этимъ
Она себя избавила навѣкъ
Отъ тысячи проклятій богохульныхъ,
Что вызывалъ бы постоянно въ ней
Насильный бракъ.

Фордъ.

Ну, полно огорчаться:
Вѣдь этому ничѣмъ не пособишь.
Въ любви всѣмъ правитъ Богъ. Помѣстья покупаетъ
За деньги человѣкъ, женъ небо посылаетъ.

Фальстафъ. Я очень радъ, что ваша стрѣла, хотя вы и прицѣлились въ меня, попала въ васъ самыхъ.

Пэджъ.

Да, тутъ ничѣмъ не пособишь. Ну, Фентонъ,
Пошли вамъ Богъ и радости, и счастья!
Чего нельзя избѣгнуть, то должны
Мы принимать.

Фальстафъ.

Когда собаки ночью
Охотятся—всю дичь легко поднять.

Мистриссъ Пэджъ.

Довольно мнѣ сердиться!

(Фентону). Много, много
Веселыхъ дней пусть небо вамъ пошлетъ!
Любезный мужъ, теперь домой всѣ вмѣстѣ
Отправимся — *(Фальстафу)* вы тоже съ нами, сэръ —
И у камина вмѣстѣ посмѣемся
Надъ нашею продѣлкою въ лѣсу.

Фордъ.

Пусть будетъ такъ.
(Фальстафу). Однако, обѣщанье,
Потоку данное, сдержали вы, сэръ Джонъ:
Вѣдь точно съ мистриссъ Фордъ ночуетъ нынче онъ. *(Уходятъ).*

П. Вейнбергъ.

ЭВАНСЪ: „Изъ-подъ платка вокругъ лица"
(дѣйствіе IV, сцена 2).
(Платки вокругъ лица - muffler—, какъ ихъ носили провинціальныя дамы во времена Шекспира).

Книжная рамка эпохи Ренесанса (типографія Григорія de Rusconibus, Венеція, 1512). Русскія буквы стилизовалъ В. А. Табуринъ.

ИЛЛИРІЙСКІЙ ВИДЪ (ВОДОПАДЪ КИРКА).
Рисунокъ англійскаго художника Сарджента (C. F. Sargent).

Двѣнадцатая ночь или Какъ вамъ угодно.

(Twelfth night; or What you will).

Въ замѣткахъ Гете къ „Западно-Восточному Дивану" сохранились цѣнныя строки, представляющія собою столько же самонаблюденіе великаго поэта, сколько разсужденіе глубокаго мышленія о сущности поэтическаго творчества.

„Размышленія поэта—говоритъ Гете—относятся собственно только къ формѣ; сюжеты предоставляетъ ему жизнь слишкомъ щедрою рукою; содержаніе само бьетъ изъ полноты его внутренняго міра; внѣ сознанія встрѣчаются они,—такъ что въ концѣ концовъ не знаешь, кому-же принадлежатъ эти богатства".

„Но форма, хотя она во всей полнотѣ уже присуща генію, требуетъ познанія, требуетъ мысли; и именно думать надо для того, чтобы пригнать форму, сюжетъ и содержаніе другъ къ другу, чтобы они слились въ одно цѣлое, проникли другъ друга".

„Поэтъ стоитъ слишкомъ высоко, чтобы принять чью нибудь сторону. Веселость и сознательность—вотъ прекрасные дары, за которые онъ благодаритъ создателя: сознательность для того, чтобы не отступить предъ страшнымъ, веселость для того, чтобы сдѣлать изображеніе всего радостнымъ".

Вотъ вся Шекспировская поэтика; можно подумать, что Гете, набрасывая эту сжатую и полную содержанія теорію творчества, думалъ о томъ великомъ прообразѣ, предъ которымъ онъ преклонялся съ сознательнымъ благоговѣніемъ. Въ этомъ опредѣленіи той доли, которую всякій—и величайшій—поэтъ вкладываетъ въ свое созданіе, и того сложнаго настроенія, которымъ обусловлена сложность произведенія есть, конечно, элементы, которые удобнѣе сопоставить съ иными произведеніями Шекспира. Но въ немъ есть подробности, невольно приходящія на умъ, занятый мыслью о томъ прекрасномъ созданіи великаго поэта Англіи, которое, скрывшись въ скромной тѣни, бросаемой на него сверкающей славой другихъ

произведенiй Шекспира, однако не однимъ критикомъ признается перломъ среди шекспировыхъ комедiй.

Форма, сюжетъ, содержанiе: что дѣлаетъ перломъ комедiю „Какъ Вамъ угодно" или „Двѣнадцатая ночь"? Что въ нихъ принадлежитъ тѣмъ незамѣтнымъ произведенiямъ, которыя прославилъ Шекспиръ своимъ заимствованiемъ, и что онъ вложилъ въ нихъ своего, что создалъ въ предѣлахъ усвоеннаго?

Источники, изъ которыхъ Шекспиръ могъ почерпнуть интригу, положенную въ основанiе пьесы, и нѣкоторыя подробности ея разработки довольно разнообразны въ деталяхъ, но сходны въ основѣ сюжета. Нѣкоторые изъ нихъ указывалъ еще современникъ поэта Мэннингемъ, любопытный дневникъ котораго даетъ намъ опорныя точки для сужденiя о времени созданiя комедiи. Но и они не могутъ считаться первоначальными; въ рукахъ Шекспира, несомнѣнно, была также позднѣйшая переработка того же сюжета. Мэннингемъ отмѣчаетъ сходство съ „Менехмами" Плавта и итальянской пьесой „Inganni"; онъ упоминаетъ также о „Комедiи ошибокъ", гдѣ мы, какъ извѣстно, также встрѣчаемъ интригу, основанную на смѣшенiи двухъ лицъ,— правда, одного пола. Такая исторiя разсказана еще въ „Неистовомъ Роландѣ" Арiосто, гдѣ Рикардетъ, выдавъ себя за свою сестру Брадаманту, обманываетъ испанскую принцессу Флордестину. Итальянскiе новеллисты и драматурги неоднократно обрабатывали и варiировали этотъ сюжетъ. Первой такой обработкой является новелла Маттео Банделло (1480—1560), тридцать шестая во второй части его сборника изъ двухсотъ четырнадцати разсказовъ. Въ основанiе новеллы положена исторiя о братѣ и сестрѣ—близнецахъ, настолько похожихъ другъ на друга, что ихъ невозможно было различить. Взятый въ плѣнъ испанско-нѣмецкими войсками при взятiи Рима въ 1527 году, братъ, Паоло, увезенъ въ Германiю; сестра Никуола полюбила нѣкоего Латтанцiо, который обѣщалъ жениться на ней, но, полюбивъ другую, отказался отъ Никуолы; тогда она переодѣвшись пажомъ, поступила къ нему въ услуженiе, чтобы быть хоть поближе къ любимому человѣку. Онъ не только не узналъ ея, но считалъ новаго слугу своимъ любимцемъ и посылалъ его къ своей возлюбленной Кателлѣ, которая, однако, воспылавъ страстью къ красивому мальчику, отвергла любовь Латтанцiо, чтобы выйти замужъ за его пажа. Неожиданное возвращенiе Паоло изъ плѣна разрѣшаетъ запутанное положенiе: Кателла, встрѣтивъ его случайно, вступаетъ съ нимъ въ бракъ, а Латтанцiо, тронутый вѣрностью Никуолы, женится на ней. Этотъ разсказъ Банделло былъ источникомъ многихъ передѣлокъ; отдѣльно отъ него стоитъ комедiя Николо Секки „Inganni" („Обманы"), дѣйствiе которой отнесено къ 1547 году; древнѣйшее итальянское изданiе, извѣстное намъ, появилось въ 1562 г.; французская передѣлка („Les Tromperies") въ 1611 г. Въ комедiи Секки братъ и сестра, дѣти-близнецы генуэзскаго купца Ансельмо, который проводилъ съ ними всю жизнь на морѣ, взяты въ плѣнъ корсарами; дѣвочка Джиневра—подъ видомъ юноши Роберто—попала въ услуженiе въ Неаполь къ Массимо Караччоли, дочь котораго Порцiя полюбила красиваго слугу, а сынъ Констанцо любитъ нѣкую Доротею. Но Джиневра въ благосклонности Порцiи замѣняетъ себя братомъ; а Костанцо, узнавъ, что она дѣвушка, переноситъ свою любовь на нее. Въ заключенiе пьесы дѣти находятъ своего отца, который успѣлъ разбогатѣть и избавиться отъ рабства. Здѣсь нѣтъ слѣдовъ влiянiя Банделло; но, несомнѣнно, его сюжетъ лежитъ въ основѣ комедiи „Gl' Ingannati", напечатанной въ 1537 году въ Венецiи и принадлежащей неизвѣстному члену сiенской „Academia degli Intronati". Здѣсь мы встрѣчаемъ имена Фабiана и Мальвольти, повторенныя у Шекспира; только послѣднее имя перешло въ Мальволiо.

Простое сличенiе пьесы Шекспира съ ея итальянскимъ первообразомъ, по заключенiю Н. И. Стороженко, не оставляетъ сомнѣнiя въ томъ, что Шекспиръ пользовался комедiей „Gl'Ingannati". „Вотъ какъ передаетъ Гонтеръ содержанiе итальянской пьесы: Фабрицiо и сестра его Лелiя (Вiола и Себастiанъ у Шекспира) разлучены другъ съ другомъ во время разграбленiя Рима въ 1527 г. Лелiя бѣжитъ въ Модену, гдѣ, переодѣвшись мальчикомъ, поступаетъ на службу къ синьору Фламинiо (герцогъ у Шекспира), котораго она знала раньше, горячо любила и была даже увѣрена въ его взаимности. Фламинiо между тѣмъ, давно уже успѣвшiй позабыть ее, добивается любви одной знатной моденской дамы (Оливiя у Шекспира) и дѣлаетъ молодую дѣвушку повѣренной и посредницей своей любви, посылаетъ черезъ нее стихи, подарки и т. д. Но гордая моденская краса-

вица остается нечувствительной къ исканіямъ Фламиніо и сама влюбляется въ переодѣтую въ мужское платье Лелію. Въ третьемъ актѣ братъ Леліи, Фабриціо, появляется въ Моденѣ; поразительное сходство его съ сестрой подаетъ поводъ къ забавнымъ qui pro quo, пока все не оканчивается къ общему удовольствію, какъ въ комедіи Шекспира: Изабелла легко переноситъ свои симпатіи съ сестры на брата, а Фламиніо, оцѣнивъ вѣрную любовь Леліи, предлагаетъ ей руку и сердце". Въ другой пьесѣ со сходнымъ заглавіемъ „Gl' Inganni" Курціо Гонзаги (1592) переодѣтая дѣвушка, какъ и Віола у Шекспира, принимаетъ имя Чезаре (Цезаріо).

Разсказъ Банделло сталъ извѣстенъ во Франціи по переводу въ „Histoires tragiques" Бельфореста (1580); важнѣе однако то, что онъ былъ переданъ также во „Влюбленной Діанѣ", романѣ испанца Монтемайора, откуда Шекспиръ заимствовалъ сюжетъ „Двухъ веронцевъ". Вѣроятно, была ему равнымъ образомъ извѣстна и новелла другого разсказчика, Чинтіо, такъ какъ только здѣсь дѣйствіе происходитъ въ Иллиріи и начинается съ кораблекрушенія. Надо, однако, сказать, что и нѣкоторыя изъ указанныхъ драматическихъ произведеній, и новелла Чинтіо, легли уже въ основу одного англійскаго разсказа, вышедшаго въ свѣтъ почти за двадцать лѣтъ до созданія „Двѣнадцатой ночи". Въ 1581 году отставной офицеръ Барнэби Ричъ издалъ сборникъ изъ восьми почерпнутыхъ въ романскихъ литературахъ новеллъ подъ оригинальнымъ заглавіемъ: „Прощаніе Рича съ военнымъ ремесломъ, содержащее весьма забавныя исторіи для мирнаго времени. Составлено единственно для развлеченія благородныхъ дамъ Англіи и Ирландіи" *). Второй разсказъ въ сборникѣ Рича носитъ названіе „Герцогъ Аполлоній и Силла". Аполлоній, герцогъ Греціи, разсказывается здѣсь, — по пути съ турецкой войны, попалъ, вслѣдствіе кораблекрушенія, на островъ Кипръ, гдѣ гостепріимно принятъ намѣстникомъ герцогомъ Понтусомъ. У Понтуса двое дѣтей—сынъ Сильвіо, уже давно отправившійся на войну въ Африку, и дочь Силла, — въ которой внезапно вспыхиваетъ столь пламенная любовь къ герцогу Аполлонію, что когда онъ возвращается на родину въ Константинополь, она слѣдуетъ за нимъ въ сопровожденіи одного лишь вѣрнаго слуги. Боясь оскорбленій и преслѣдованій, она переодѣлась мужчиной и принимаетъ имя брата — Сильвіо. Добравшись до Константинополя, она является къ герцогу съ просьбой принять ее въ число его слугъ, и ея красота помогаетъ ей добиться этого. Счастливая близостью къ любимому человѣку, она старается быть всегда подлѣ него; она такъ внимательна и услужлива, что онъ дѣлаетъ ее своимъ камердинеромъ, позволяетъ ей не отлучаться отъ него, раздѣвать его, убирать его комнату и т. п. Понемногу мнимый Сильвіо становится ближайшимъ довѣреннымъ лицомъ и любимцемъ герцога, который въ это время страстно влюбленъ въ знатную, богатую и необычайно прекрасную вдову по имени Джулина. Но никакія воздыханія, нѣжности, любовныя письма и подарки не могутъ склонить ея сердце къ несчастному герцогу, который, наконецъ, рѣшается отправить къ ней любовнымъ посломъ своего вѣрнаго Сильвіо. Какъ ни мучительно это порученіе для бѣдной Силлы, которой приходится стараться о разрушеніи своихъ надеждъ, она забываетъ свои терзанія и со всей искренностью пытается добыть руку прекрасной вдовы своему повелителю. Но Джулина вдругъ поражена пламенной любовью къ прелестному послу и повергаетъ его въ немалое замѣшательство, въ одинъ прекрасный день, объявивъ ему, что онъ можетъ молчать о своемъ хозяинѣ и просить ея руки для себя. Между тѣмъ настоящій Сильвіо, братъ Силлы, возвратившись послѣ долгаго отсутствія на Кипръ, узналъ о бѣгствѣ сестры, и прежде всего заподозрилъ исчезнувшаго съ ней слугу. Горячо любя свою сестру, онъ даетъ обѣтъ не успокоиться, пока онъ не найдетъ ее и не накажетъ низкаго соблазнителя. Долго ищетъ Сильвіо сестру, пока въ своихъ скитаніяхъ попадаетъ въ Константинополь. Однажды вечеромъ на прогулкѣ въ окрестностяхъ города онъ встрѣчаетъ Джулину, которая, принявъ его за Силлу, подзываетъ его къ себѣ и проситъ проводить ее. Сильвіо пораженъ тѣмъ, что незнакомая дама назвала его по имени въ городѣ, гдѣ его никто не знаетъ, но еще болѣе поражаетъ его то, что онъ слышитъ изъ устъ красавицы. Она мягко упрекаетъ его въ небрежности; онъ начинаетъ понимать, что его принимаютъ за кого то другого,

*) Riche his Farewelle to Military profession, conteining verie pleasaunt discourses fit for a peacable time. Gathered together for the only deligh of the courteous Gentlewomen bothe of England and Irelande.

но, конечно, думаетъ онъ, было бы нелѣпо отказываться отъ этой игры счастія—и онъ проситъ прекрасную незнакомку простить ему его прежнее поведеніе; онъ одумался— и готовъ служить ей. Дальнѣйшія перипетіи разсказа, весьма многообразныя и довольно растянутыя, совпадаютъ съ ходомъ „Двѣнадцатой ночи" и такъ же благополучно заканчиваются двойной свадьбой.

Таковъ ничтожный, мертвенный и пустой остовъ, обращенный Шекспиромъ въ живой и самостоятельный организмъ художественнаго произведенія. Даже при поверхностномъ знакомствѣ съ комедіей мы видимъ, какъ разнообразны, цѣлесообразны и художественно логичны были измѣненія и новыя подробности, внесенныя имъ въ пьесу. Онъ упростилъ фабулу, выбросивъ изъ нея замедляющія дѣйствіе постороннія детали неуклюжаго разсказа стариннаго новеллиста; онъ усложнилъ ее, сплетя съ ней новые драматическіе эпизоды, введя новыхъ дѣйствующихъ лицъ съ ихъ самостоятельной жизнью, идущей рядомъ съ развитіемъ основного дѣйствія; и все же въ общемъ онъ сгустилъ дѣйствіе, стянувъ въ одно стройное цѣлое его расплывчатую массу, и рѣзко выставивъ на первый планъ главные его мотивы. Но перестроить художественное произведеніе не значило бы еще оживить его, а Шекспиръ вдохнулъ въ него душу живую. Онъ перенесъ интересъ отъ фабулы къ лицамъ, онъ заинтересовалъ насъ не исходомъ запутаннаго положенія, но судьбою вовлеченныхъ въ него живыхъ и яркихъ людей, которыхъ мы хорошо узнали и къ которымъ такъ быстро и такой чудесной силой почувствовали себя близкими. Кто для читателя эти Силла и Никуола, Лелія и Джиневра источниковъ, изъ которыхъ вышла прелестная Віола „Двѣнадцатой ночи"? Безтѣлесные схематическіе образы, не внушающіе намъ разумѣется ни тѣни того дѣятельнаго и глубокаго сочувствія, которое съ перваго же знакомства сковываетъ насъ съ героиней Шекспира. И это не потому, что она прелестна, но потому, что она жизненна. Высоты творчества не въ созданіи сюжетовъ—ихъ, какъ сказали мы словами Гете въ самомъ началѣ, жизнь даетъ такъ много, что ихъ не стоитъ даже выдумывать, можно взять въ любомъ беллетристическомъ произведеніи. Творчество есть приданіе формы этому матеріалу: созданіе тѣхъ живыхъ индивидуальностей, которыя его воплощаютъ извнѣ и мотивируютъ изнутри, созданіе того настроенія, которое сообщаетъ намъ—то есть заставляетъ насъ вложить въ произведеніе—его высшій нравственно-философскій смыслъ.

И если можно спорить о томъ, былъ ли Шекспиръ великимъ индивидуалистомъ, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, онъ былъ величайшимъ индивидуализаторомъ. Не на тѣхъ вѣковѣчныхъ образахъ, которые составили его славу, это проявляется съ особенной глубиной. И до Лира, Гамлета, лэди Макбетъ драматическая поэзія—поэзія личности по преимуществу—знала чеканныя изваянія Антигоны, Эдипа, Медеи, дышащіе всей полнотой душевнаго своеобразія, присущаго живой личности. Но громадное большинство дѣйствующихъ лицъ древней драмы есть именно большинство—сѣрая масса, запечатлѣнная не своимъ личнымъ, а групповымъ характеромъ: они могли бы, не теряя ничего изъ своего личнаго душевнаго достоянія, слиться съ хоромъ. Лишь у Шекспира эту оригинальность индивидуальной окраски получаютъ тѣ незамѣтные, случайные дѣятели драмы, мимо которыхъ проходили его предшественники. Во всемірной литературѣ это первый большой поэтъ, для котораго—говоря словами Ницше—jeder Mensch ist ein einmaliges Wunder—всякій человѣкъ есть нѣчто неповторяемое—„однократное чудо". Этотъ „анализъ безконечно малыхъ" сообщаетъ каждой пьесѣ Шекспира то невыразимое вѣяніе жизни, которымъ онѣ проникнуты. И съ этой точки зрѣнія второстепенные персонажи такой, напримѣръ, пьесы, какъ „Двѣнадцатая ночь", пожалуй, любопытнѣе болѣе крупныхъ фигуръ. *Болѣе* крупныхъ— только сравнительно. Ибо дѣйствительно большихъ фигуръ, могучихъ если не душевными силами, то глубиною внутреннихъ переживаній, эта комедія не знаетъ. Точно прозрачная акварель, она ярка безъ глубокихъ тоновъ и рѣзкихъ контрастовъ. И ей придаетъ особенную привлекательность эта жизненность всѣхъ безъ исключенія дѣйствующихъ лицъ, вполнѣ соотвѣтствующая тому пульсу жизни, который такъ энергично бьется во всей пьесѣ.

Для примѣра остановимся сперва на мгновеніе на самомъ эпизодическомъ лицѣ— на морякѣ Антоніо; его участіе въ движеніи пьесы незначительно. Онъ появляется всего три—четыре раза, а между тѣмъ какъ ясна и рельефна его мужественная фигура, отмѣченная слѣдами всѣхъ непогодъ и опасностей его ремесла, въ которомъ въ ту эпоху борьба съ стихіей сливалась съ настоящей войной съ людьми. Скромный и

равный своему прообразу по толщинѣ, распутству и наглости и немногимъ ему уступающій въ веселомъ остроуміи. Подобно Фальстафу, онъ имѣетъ нѣчто симпатичное, несмотря на свои пороки; сказать о немъ только, что онъ пьяница и распутникъ, значитъ осудить его, не понявъ. Безшабашный гуляка и питухъ, онъ гнусенъ, но забавенъ; его жизненная философія эмансипировала его отъ всякой морали, но онъ и отъ другихъ ничего не требуетъ. И потому его выгодно отличаетъ отъ Мальволіо полная гармонія между его свинской моралью и его свинскимъ поведеніемъ. Бездѣльникъ и прихлебатель, онъ полонъ здраваго смысла, которому даетъ выраженіе въ насмѣшливомъ, но не злобномъ словечкѣ. Веселое общество вокругъ доброй бутылки вина, ловкая продѣлка, мѣткое словечко—вотъ что онъ цѣнитъ въ жизни, и нужно лишь припомнить его захватывающій восторгъ по поводу выдумки Маріи, чтобы оцѣнить въ немъ настоящаго поэта и цѣнителя веселой жизни. „Я твой—кричитъ онъ проказницѣ—топчи меня ногами! Хочешь, проиграю мою свободу въ трактракъ и сдѣлаюсь твоимъ рабомъ на вѣки вѣчные!" И толстый рыцарь женится на плутовкѣ горничной,—ужъ очень по душѣ ему этотъ „чертенокъ въ юбкѣ". Весьма вѣроятно, что въ положеніи мужа этой находчивой и здравомыслящей особы онъ вынужденъ будетъ отказаться отъ многаго, что было ему такъ мило въ его холостой жизни. Но его неизмѣнный почитатель, сэръ Андрей Эгчикъ—въ точномъ переводѣ Блѣднощекъ (у нѣмцевъ Bleichenwang)—вѣрно останется при немъ. Это ничтожное существо, трусъ, фанфаронъ, идіотъ и фатъ - одно изъ лучшихъ созданій комической сцены. Трудно представить себѣ что либо болѣе забавное, чѣмъ фигура, ухватки и словечки этого тупоумнаго спортсмена. Тощій, длинный, безкровный, онъ представляетъ собою полную противоположность своему другу и образцу, упитанному, здравомыслящему и полному жизни сэру Тоби. Но онъ подражаетъ ему въ мелочахъ—и изъ этого несоотвѣтствія брызжетъ цѣлый каскадъ невыразимо комичныхъ сценъ и словечекъ. Тоби знаетъ свое мѣсто и попросту женится на субреткѣ; Андрей мечтаетъ объ Оливіи и не только мечтаетъ, а даже чувствуетъ нѣкоторыя права на нее. Въ этомъ, впрочемъ, виноватъ сэръ Тоби, который внушаетъ Андрею самомнѣніе — быть можетъ, чтобы имѣть больше поводовъ издѣваться надъ несчастнымъ „вислоухимъ балбесомъ", какъ его называетъ Марія. Вообще-же самомнѣніе Андрея не велико: онъ знаетъ, что „убилъ все время на танцы, фехтованіе и охоту" и только въ этихъ искусствахъ чувствуетъ себя сильнымъ. „Мнѣ кажется, что я иногда не умнѣе самаго обыкновеннаго человѣка. Но я ѣмъ много говядины—это вредитъ моему уму"; съ этимъ прекраснымъ признаніемъ можетъ сравниться лишь знаменитая сцена между Тоби и Андреемъ, едва ли превзойденная кѣмъ нибудь по комической характеристикѣ наивной безличности (д. II, сцена 4). Покорное „я тоже" — таковъ единственный смыслъ всѣхъ разнообразныхъ репликъ Андрея, увѣнчиваемыхъ безсмертнымъ воспоминаніемъ: Тоби говоритъ, что Марія обожаетъ его. *„И меня тоже одинъ разъ обожали"*, — присовокупляетъ его неутомимый почитатель. Сэръ Андрей въ качествѣ объекта женскаго обожанія — вотъ положеніе, полное непередаваемаго комизма для всѣхъ, кто знаетъ этого недоросля и раззяву.

Эпизодическія лица, почти не участвующія въ дѣйствіи, вродѣ слуги Оливіи Фабіана и придворныхъ герцога Валентина и Куріо, заканчиваютъ группу персонажей, введенныхъ въ пьесу Шекспиромъ. Въ общемъ именно вновь созданныя лица и являются носителями реалистически комическаго элемента пьесы. Шекспиръ не нашелъ его въ своихъ источникахъ и не сдѣлалъ смѣшными главныхъ героевъ комедіи, которыхъ онъ нашелъ въ источникахъ. Наоборотъ, онъ исполнилъ ихъ того благородства, которое въ художественномъ произведеніи не достигается никакими пространными исчисленіями высшихъ добродѣтелей, но дается лишь совокупностью незамѣтныхъ мельчайшихъ подробностей и оттѣнковъ, слагающихся въ живой образъ. Наименьшее преобразованіе въ этомъ смыслѣ потерпѣлъ Себастіанъ, братъ Віолы, достаточно опредѣленный въ „Двѣнадцатой ночи", но едва-ли многимъ отличающихся отъ своихъ прообразовъ — Паоло и Фабриціо, Костанцо и Сильвіо. Но и въ немъ замѣтны черты, возвышающія его образъ. Безконечно чужды ему какъ скверное подозрѣніе противъ Віолы, которое зарождается въ Сильвіо (въ разсказѣ Рича), такъ и холодная разсчетливость, съ которой Сильвіо соглашается на предложеніе Джулины. Себастіанъ такъ же внезапно пораженъ любовью, какъ и Віола. „Цѣпенѣя,

безъ всякаго противодѣйствія, падаетъ онъ въ чудную сѣть, которою его опуталъ случай, — говоритъ Боденштедтъ;—его восхищеніе слишкомъ свѣжо и молодо, чтобы онъ могъ одуматься и дѣйствовать разсудительно. Чистый и беззаботный, добрый и смѣлый юноша, онъ принимаетъ нежданно упавшее ему съ неба счастье любви лишь съ слабой тѣнью сомнѣній, среди которыхъ нѣтъ дурной мысли; пораженный и невинный, онъ принимаетъ это счастье, какъ чудо". Дѣятельный и самостоятельный въ другихъ обстоятельствахъ, взывающихъ къ его мужественной натурѣ — напримѣръ, въ столкновеніи съ Андреемъ,— онъ здѣсь пассивенъ. Активная роль выпала на долю дѣвушки—Оливіи. Она, конечно, имѣетъ мало общаго съ „богатой вдовой" Джулиной (въ разсказѣ Рича), которая, встрѣтивъ на прогулкѣ знакомаго красиваго юношу, настойчиво упрекаетъ его въ недоступности; еще меньше съ Изабеллой (въ „Gl'Ingannati"). Доротеей (въ „Inganni") и особенно съ Кателлой (въ новеллѣ Банделло), которая успѣла уже быть возлюбленной Латтанціо: такой особой не увлекся бы Орсино, она не увлеклась бы переодѣтой Віолой и не годится въ жены Себастіану. Оливія не дѣвочка, но пожаръ любви, внезапно и непреоборимо охватившій ее, не лишаетъ ее чаръ нѣжной женственности и чистоты, несмотря на слишкомъ дѣятельное отношеніе къ любви, которое ей пришлось выказать. Она почти равна по положенію герцогу Орсино: она богата и самостоятельна и стоитъ во главѣ владѣтельнаго дома; это необычное для молодой дѣвушки положеніе могло легко породить въ ней не только самостоятельность тамъ, гдѣ дѣвическая скромность повелѣвала бы иное поведеніе, но и нѣкоторую неуравновѣшенность, въ силу которой Оливія легко преувеличиваетъ значеніе своихъ переживаній. Потерявъ брата, она съ неумѣренной демонстративностью предается горю, скрывая лицо, обращаясь въ затворницу, отказываясь отъ любви и собираясь всю жизнь посвятить памяти усопшаго. Но вѣяніе жизни, представшее предъ ней въ видѣ настоящей страсти, сметаетъ, какъ легкую пыль, всѣ ея тягостные обѣты, сокрушивъ ея дѣвичью гордость. Но любовь сильнѣе пустого каприза; страсть исторгла у нея роковое слово, и лишь когда оно уже сказано, прекрасная душа Оливіи становится ареной борьбы. „Ужели такъ скоро въ кровь проникнуть можетъ ядъ?"— съ недоумѣніемъ спрашиваетъ она себя послѣ первой встрѣчи съ Віолой; она какъ будто плыветъ по теченію. „Свершай судьба—мы не имѣемъ воли". И она ужъ сравниваетъ себя съ безумнымъ Мальволіо. Но когда судьба, рѣшая за нее, приводитъ ее къ счастливому исходу, мы не согласимся съ нею: въ основѣ ея „безумія" лежало, очевидно, безсознательное избирательное сродство: ее влекло не только къ личности, но къ представителю рода; она нашла его сперва въ Віолѣ, но то, что было нелѣпо въ любви дѣвушки къ дѣвушкѣ, получаетъ полное оправданіе и естественное завершеніе въ ея любви къ молодому человѣку. Не мудрено, что избранникомъ ея не оказался герцогъ Орсино: онъ слишкомъ близокъ къ ней, чтобы внушить ей любовь. Онъ такъ же прихотливъ, какъ она, но его безбрежная и симпатичная фантастика не только порожденіе капризнаго своеволія, но цѣлая философія любви. Она раскрывается цѣликомъ въ первомъ монологѣ Орсино, дающемъ также сразу выпуклое изображеніе его характера и настроенія. Любовь многообразна и пестра, но лишь въ ней сливается душевное влеченіе и полетъ прихотливой фантазіи, и потому лишь она одна есть нѣчто „высоко-фантастическое". И комментаторы внимательно останавливаются на томъ емкомъ словѣ, которое герцогъ Орсино употребляетъ для обозначенія понятія любви; это *fancy* — столько же любовная склонность, сколько продуктъ мечты. Этой призрачной любовью обуянъ симпатичный Орсино, мягкій, задушевный, но не очень глубокій и потому обвѣянный легкимъ дыханіемъ ироніи автора. Это, конечно, не насмѣшка Рича, который подчасъ просто издѣвается надъ прихотью своего Аполлонія, думавшаго побѣдить Джулину „цѣпочками, браслетами, брошками, кольцами, геммами, драгоцѣнностями и ужъ не знаю чѣмъ"; и Шекспиръ во всякомъ случаѣ не сдѣлалъ бы, подобно Банделло, обманщикомъ, нарушившимъ обѣщаніе, мужчину, который долженъ привлечь сердце его чистой героини. Эта героиня—по истинѣ лучшая жемчужина комедіи.

Даже въ обширной галлерeѣ чудныхъ женскихъ образовъ, сотканныхъ Шекспиромъ изъ свѣта и ласки, фигура Віолы выдѣляется душевнымъ изяществомъ. Чтобы дать ея характеристику, Гейне съ полнымъ правомъ и глубокимъ тактомъ не прибавилъ ни слова къ ея безконечно трогательному полу-признанію въ безнадежной

любви (дѣйствіе II, сцена IV). Она говоритъ, какъ будто о сестрѣ:

Имѣлъ отецъ мой дочь; она любила
Какъ, можетъ быть, и я любилъ-бы васъ,
Когда-бы слабой женщиной я былъ.

Герцогъ.

А жизнь ея?

Віола.

Пустой листокъ, мой государь:
Она ни слова о своей любви
Не проронила, тайну берегла,
И тайна, какъ червякъ, сокрытый въ почкѣ,
Питалась пурпуромъ ея ланитъ.
Задумчива, блѣдна, въ тоскѣ глубокой,
Какъ Геній христіанскаго терпѣнья,
Изсѣченный на камнѣ гробовомъ,
Она съ улыбкою глядѣла на тоску —
Иль это не любовь?...

Герцогъ.

Сестра твоя скончалась отъ любви?

Віола.

Я—вотъ всѣ дочери и сыновья
Изъ дома моего отца....

Милая дѣвушка какъ будто и не предвидитъ возможности иного исхода, кромѣ печальной кончины отъ нераздѣленной любви. И въ мужскомъ платьѣ, она связана природой своего пола — и если въ описаніи своей любви предъ Оливіей она изображаетъ иное, болѣе мужественное поведеніе влюбленнаго,—не трудно и въ этихъ энергичныхъ для нея пріемахъ замѣтить женственную мягкость, которая умѣетъ взывать лишь къ жалости:

У вашего порога
Я выстроилъ бы хижину изъ ивы,
Взывалъ бы день и ночь къ моей царицѣ,
Писалъ бы пѣсни о своей любви
И громко пѣлъ бы ихъ въ тиши ночей;
По холмамъ пронеслось бы ваше имя,
И эхо повторило бъ по горамъ:
„Оливія!“ Вамъ не было бъ покоя
Межъ небомъ и землей, пока бы *жалость*
Не овладѣла вашею душой.

Безконечно чужда ей смѣлая настойчивость ея прообраза, Силлы, которая отважно ринулась въ опасное скитаніе вслѣдъ любимому человѣку. Віола не ищетъ любви — она переодѣвается, чтобы избѣжать ея опасностей — и случайно попадаетъ въ ея оковы. Она добра и ласкова, благородна и самоотверженна. Чудесной мягкостью дышитъ ея сочувствіе къ ея подругѣ по несчастію, въ которомъ она отчасти виновата,—къ Оливіи, влюбившейся въ нее, по убѣжденію Віолы, еще болѣе безнадежно, чѣмъ она любитъ герцога Орсино. „Бѣдное чудище“, — съ печальной усмѣшкой называетъ она себя: юношу для мужчины, котораго она любитъ, дѣвушку для женщины, которая имѣла несчастіе полюбить ее. Непреодолимыя случайности и неразрѣшимыя противорѣчія жизни встали грозной загадкой предъ милой дѣвушкой на первыхъ шагахъ ея невольной самостоятельности,— да еще въ самой тягостной формѣ: втянувъ въ свой роковой круговоротъ чувствительнѣйшія струны ея существа и самые роковые моменты ея личной судьбы, жизненная загадка дала ей лишь сознаніе отвѣтственности, но не дала мужскихъ силъ нести ее. И она можетъ лишь покорно сознаться въ своемъ безсиліи:

Ты этотъ узелъ разрѣшишь, о время!
А для меня онъ — не по силамъ бремя.

Ея изящной внѣшности, нѣжной и хрупкой, и съ особенной тонкостью оттѣняемой мужскимъ костюмомъ, соотвѣтствуетъ безконечная, чисто женственная грація ея внутренняго существа. Она бываетъ по своему смѣла и находчива, весела и остроумна. Но осыпавъ ее дарами прелести, сдѣлавъ изъ нея умницу и красавицу, давъ ей нѣжное сердце и чуткую мысль, жизнь обидѣла ее: изъ дочери владѣтельнаго дома она обратилась въ слугу; быть можетъ, на вѣки она потеряла родныхъ; единственный братъ погибъ въ волнахъ чуть не на ея глазахъ; любимый ею человѣкъ любитъ другую. И безысходная грусть покрыла тонкимъ налетомъ каждое ея слово и каждое движеніе. И если до столкновенія Віолы съ ужасами жизни „самая зависть—какъ прекрасно характеризуетъ потерянную сестру Себастіанъ — должна была признать ея сердце прекраснымъ“, то тѣмъ привлекательнѣе становится образъ прелестной дѣвушки, не запятнанный, но возвышенный жизненными испытаніями. Въ ней болѣе, чѣмъ въ какомъ бы то ни было образѣ комедіи, отразилось сложное настроеніе, владѣвшее Шекспиромъ во время ея созданія. Но это время — извѣстно ли оно намъ съ совершенной достовѣрностью? Къ счастію, благодаря многообразнымъ и кропотливымъ разысканіямъ и тщательнѣйшему изученію текста, поглощающему такъ много ученыхъ силъ, у насъ есть на что опереться въ рѣшеніи этого вопроса.

Комедія „Двѣнадцатая ночь" или „Какъ вамъ угодно" не была напечатана при жизни автора и появилась лишь въ изданіи in folio 1623 года съ этимъ двойнымъ заглавіемъ, происхожденіе котораго,—очевидно, случайное—не выяснено. Названіе *„Двѣнадцатой ночи"* (двѣнадцатой отъ Рождества: между Рождествомъ и Крещеньемъ — двѣнадцать дней) носитъ у англичанъ праздникъ Крещенья, особенно крещенскій вечеръ, которымъ во времена Шекспира заканчивались рождественскіе праздники для высшихъ классовъ. Какъ и у иныхъ народовъ, этотъ вечеръ былъ посвященъ разнымъ играмъ и традиціоннымъ обрядамъ, освященнымъ завѣтами сѣдой старины. Между прочимъ—кто за ужиномъ находилъ запеченный въ пирогѣ бобъ, тотъ получалъ званіе бобоваго короля съ правомъ выбрать себѣ бобовую королеву, руководить забавами, заполняющими вечеръ, и отдавать разныя приказанія присутствующимъ, которые обязаны были повиноваться. Намекъ на такую же игру случая въ заглавіи пьесы видѣли нѣкоторые комментаторы (Ульрици), отмѣчавшіе въ ея развязкѣ счастливый жребій, выпадающій главнымъ дѣйствующимъ лицамъ. Можно во всякомъ случаѣ думать, что пьеса была представлена впервые въ тотъ самый вечеръ, отъ котораго она получила свое первое заглавіе.

Время созданія комедіи было долго предметомъ ошибочныхъ соображеній и предположеній. Она считалась послѣдней пьесой Шекспира; предполагалось, что она не могла появиться ранѣе 1614 года. Эта хронологія была основана на субъективной оцѣнкѣ настроенія, царящаго въ пьесѣ. Ясность впечатлѣнія, производимаго комедіей, ея ровное теченіе, чуждое трагизма и обличающее жизнерадостное спокойствіе взрослаго человѣка, позволяло отнести ее къ тому періоду душевнаго равновѣсія, къ которому относятся возвышенныя философскія комедіи Шекспира: „Буря", „Цимбелинъ", „Зимняя сказка". Но нѣкоторыя новыя данныя и сопоставленіе нѣсколькихъ указаній, случайно брошенныхъ въ самой пьесѣ, позволяютъ опредѣлить съ достаточной точностью время, когда она была написана. Прежде всего, если ужъ судить по содержанію комедіи, то нѣкоторые герои и положенія ея обличаютъ слишкомъ большую близость къ „Генриху IV", чтобы быть отъ него отдѣленными столь значительнымъ промежуткомъ времени.

Сэръ Тоби такъ близокъ по настроенію, виду и образу жизни къ сэръ Джону Фальстафу, а Андрей—къ судьѣ Шэлло (пустозвону), что они должны были быть созданы приблизительно въ одну эпоху. Это подтверждается разнообразными фактами. Въ извѣстномъ спискѣ произведеній Шекспира въ „Palladis Tamia" Фрэнсиса Мереса, напечатанномъ въ 1598 г., составитель называетъ нѣсколько его комедій—„Двухъ веронцевъ", „Комедію ошибокъ", „Безплодныя усилія любви", „Вознагражденныя усилія любви", „Сонъ въ Иванову ночь" и „Венеціанскій купецъ"; „Двѣнадцатой ночи" нѣтъ, а между тѣмъ невѣроятно, чтобы составитель пропустилъ ее, если бы она была ему извѣстна. Пѣсенка „Fare-Well, dear heart, since I must needs be gone" („Прощай, душа! Твой другъ во путь идетъ!"), которую поетъ сэръ Тоби съ шутомъ въ 3 сценѣ II дѣйствія, впервые напечатана въ сборникѣ пѣсенъ Роберта Джонсона въ 1601 году. Во второй сценѣ III дѣйствія Марія говоритъ, что когда Мальволіо улыбнется—„на лицѣ его является больше линій, чѣмъ на новой картѣ съ обѣими Индіями". Это—первая карта земли по проекціи Меркатора, напечатанная въ Англіи въ 1600 году; въ этой же сценѣ Фабіанъ говоритъ сэру Андрею: „Вы въ мнѣніи графини поплыли на сѣверъ, гдѣ и будете висѣть, какъ ледяная сосулька на бородѣ голландца" — и есть основаніе думать, что это намекъ на путешествіе голландца Баренца на Новую Землю, совершенное въ 1596 г. и описанное въ „The principal navigations, voyages and discoveries" Гаклюйта въ 1600 году.

Очевидно, комедія была написана не ранѣе этихъ датъ, т. е. 1601 года. Противъ этого говоритъ какъ будто только одно соображеніе. Въ комедіи Бенъ Джонсона *„Every man out of his humour* („Всякій человѣкъ безъ своихъ странностей"), которую давали уже въ 1599 году, есть одно мѣсто, въ которомъ многіе охотно усматриваютъ намекъ на „Двѣнадцатую ночь" Шекспира. Въ первой сценѣ третьяго акта произведенія Бенъ Джонсона критикъ Митисъ говоритъ объ одной пьесѣ: „Содержаніе комедіи могло бы быть иное — напримѣръ, можно было изобразить, какъ какой нибудь герцогъ влюбленъ въ графиню, а графиня—въ сына герцога, а герцогскій сынъ—въ дѣвушку графини; такое перекрестное увлеченіе, да еще въ прибавку шутъ въ видѣ слуги,—это лучше, чѣмъ что нибудь близкое и сродное нашему времени". Но, не говоря ужъ о туманности этого намека, весьма слабо напоминающаго

интригу „Двѣнадцатой ночи", — возможно, что онъ вставленъ позже.

Такъ опредѣляется начальный моментъ того періода, въ который могла быть написана комедія. Въ началѣ 1602 года она была уже готова. Этимъ цѣннымъ и достовѣрнымъ указаніемъ мы обязаны счастливой находкѣ Кольера, сдѣланной въ 1828 году. Среди рукописей Британскаго музея, въ дневникѣ нѣкоего Джона Мэннингема, юриста, состоявшаго при лондонскомъ судѣ, онъ нашелъ подъ 2 февраля 1602 г. слѣдующую запись: „Въ нашъ праздникъ (авторъ имѣетъ въ виду судейскій праздникъ Срѣтенія (въ судейской залѣ Middle Temple Hall дана была пьеса подъ заглавіемъ „*Двѣнадцатая ночь*" или „*Что угодно*", очень схожая съ „*Комедіей ошибокъ*" или „*Менехмами*" Плавта, но особенно близкая къ итальянской пьесѣ „*Inganni*". Содержаніе ея состоитъ въ томъ, что дворецкаго увѣряютъ будто его госпожа, *вдова*, влюблена въ него; этого достигаютъ посредствомъ подложнаго письма, якобы написаннаго его госпожей, гдѣ въ общихъ выраженіяхъ она говоритъ, что ей нравится въ немъ, какъ ему вести себя, какъ одѣваться и т. д., и когда онъ выполняетъ все это, его увѣряютъ, что онъ сошелъ съ ума". Весьма характерно это изложеніе, по которому второстепенный Мальволіо является центромъ пьесы, а о главномъ въ ея интригѣ не упоминается совсѣмъ. По этому образцу можно судить, что видятъ подчасъ въ геніальномъ произведеніи современники творца. И это не случайное указаніе: даже нѣсколько позже, когда „Двѣнадцатая ночь" пользовалась значительной популярностью, успѣхъ ея, кажется, покоился по преимуществу на фигурѣ Мальволіо. Уже въ 1640 году ученый Леонардъ Дигесъ, перечисляя въ своемъ стихотвореніи „Upon Master William Shakespeare" любимые образы поэта, напоминаетъ о двухъ только комедіяхъ — „All's well" („Конецъ всему дѣлу вѣнецъ") и „Twelfty Night". „Стоитъ только показаться Беатриче и Бенедикту", — говоритъ онъ, — какъ въ мгновеніе ока партеръ, галлерея и ложи наполняются желающими послушать Мальволіо, болвана съ подвязками, завязанными крестъ-накрестъ".

Итакъ, драма написана на рубежѣ шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій. При всей скудости точныхъ біографическихъ свѣдѣній, мы имѣемъ возможность судить о настроеніи Шекспира въ эту эпоху. Онъ былъ счастливъ и чувствовалъ себя счастливымъ. „Представьте себѣ — говоритъ Брандесъ — ощущеніе полноты жизни, поскольку оно вамъ извѣстно, во сто разъ интенсивнѣе, представьте себѣ вашу память, ваше воображеніе, вашу наблюдательность, вашу проницательность, вашъ даръ воспроизведенія впечатлѣній во сто разъ увеличенными, и вы угадаете основное настроеніе Шекспира въ эту эпоху, когда раскрылись вполнѣ болѣе свѣтлыя и радостныя стороны его природы". Но, конечно, такое настроеніе должно было носить въ себѣ свое отрицаніе. Великій художникъ не могъ отдаваться счастливому настроенію, не проходя по немъ мыслью, не интеллектуализируя его. Онъ подходилъ къ сороковымъ годамъ жизни; громады жизненной загадки стояли передъ нимъ, неотступно тѣсня его — и въ его сложной душѣ зрѣли уже вѣковѣчные отвѣты на нихъ въ видѣ его великихъ трагедій. И эта сложность настроенія прошла по веселой „Двѣнадцатой ночи". Комедія двойственна по формѣ, двойственна по содержанію, двойственна по настроенію. Грубоватый комизмъ реалистическаго изображенія сочетался въ ней съ неопредѣленной фантастичностью прелестнаго романтизма; коренастыя, неуклюжія, забавныя фигуры подлинныхъ англичанъ — дворецкаго, горничной, прихлебателя — встрѣтились въ ней съ граціозными и туманно-ирреальными образами какихъ-то полусказочныхъ герцоговъ Иллиріи, наслѣдниковъ Митилены, выплывшихъ изъ экзотическихъ глубинъ Средиземнаго прибрежья; встрѣтились, чтобы чудеснымъ образомъ слиться въ одну гармоническую картину, которой наслаждается упоенный зритель, не смущаемый ненужнымъ и грубымъ вопросомъ объ элементарной правдивости пьесы, о простѣйшихъ требованіяхъ реализма. И, наконецъ, изъ такого же восхитительнаго соединенія противоположностей соткано настроеніе пьесы — это своеобразное переплетеніе здороваго жизненнаго веселья и затаенной грусти, то мечтательной, то задумчивой. Это соединеніе не удивило бы насъ въ томъ эстетическомъ феноменѣ, который мы называемъ юморомъ. Но здѣсь мы чаще всего имѣемъ не юморъ, а именно комизмъ, простой, неповоротливый комизмъ поверхностно-забавныхъ положеній и образовъ, вызывающій не сложное раздумье юмора, а веселый, захватывающій смѣхъ, который мы назвали бы безсмысленнымъ, если бы это названіе не было обидно для такого здороваго проявленія здоровой души. И слить

этотъ элементарный гедонизмъ съ мотивами нѣжной, еле намѣченной, но тѣмъ сильнѣе чувствуемой грусти—вотъ неразрѣшимая трудность, которую поставило себѣ геніальное дарованіе—и точно играя, разрѣшило ее. Эту буйно-веселую пьесу, гдѣ глупый Андрей соперничаетъ въ нелѣпости съ одураченнымъ Мальволіо, гдѣ непристойныя шутки сэра Тоби смѣняются забавными выходками шута, гдѣ счастливая развязка достается безъ всякой борьбы и скорби, однимъ мановеніемъ счастливой случайности, гдѣ пьяный распутникъ одерживаетъ легкую побѣду надъ призывомъ къ пристойности посредствомъ знаменитаго афоризма: „Или ты думаешь,—потому что ты добродѣтеленъ, такъ не бывать на свѣтѣ ни пирогамъ, ни вину?" эту пьесу, гдѣ только и дѣлаютъ, что пляшутъ, шутятъ, поютъ и смѣются, а въ заключеніе играютъ двѣ, и даже три, свадьбы,—англійскій критикъ съ большою чуткостью Артуръ—Саймонсъ назвалъ „прощаньемъ съ веселостью". Это очень тонко: вся пьеса въ самомъ дѣлѣ еще цѣликомъ въ сферѣ веселья; но продумайте и прочувствуйте ее—и вы увидите, что она уже отрывается отъ веселья, чтобы перейти въ иной міръ—и увлечь за собой и автора, и читателя. Эта нѣжная сложность, далекая отъ неисчислимаго богатства глубочайшихъ духовныхъ сплетеній, обезсмертившихъ трагедіи Шекспира, но отмѣченная какой то безконечной поэтичностью, представляетъ лучшее достоинство „Двѣнадцатой ночи". Среди произведеній Шекспира—говоритъ о комедіи тотъ же англійскій критикъ, Артуръ Саймонсъ—есть творенія болѣе великія, но нѣтъ ничего болѣе очаровательнаго".

А. Горнфельдъ.

Орнаментъ эпохи итальянскаго Ренесанса (изъ украшеній Ватиканскихъ ложъ; рельефъ изъ дерева).

Рамка изъ изданія Найта «Pictorial Edition of Shakespeare's Works» (кубокъ, кувшинъ, мебель, лютня и пр.- эпохи итальянскаго Ренесанса).

ИЛЛИРІЙСКІЙ ГОРОДЪ СПАЛАТТО.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Комната во дворцѣ герцога.

Входятъ ГЕРЦОГЪ, КУРІО *и придворные.* *Вдали — музыканты.*

ГЕРЦОГЪ.

Когда музыка пища для любви —
Играйте громче, насыщайте душу!
Пусть пресыщенное желанье звуковъ
Отъ полноты зачахнетъ и умретъ.
Еще разъ тотъ напѣвъ! Онъ словно замеръ!
Онъ обольстилъ мой слухъ, какъ вѣтеръ юга,
Что, вѣя надъ фіалковой грядой,
Уноситъ и приноситъ ароматы.
Довольно — перестаньте! Нѣтъ, ужъ онъ
Не нѣжитъ слухъ, какъ это было прежде.
О, духъ любви, какъ свѣжъ ты, какъ ты живъ!
Какъ океанъ, ты принимаешь все.
Но что бъ ни кануло въ твою пучину
И какъ ни было бъ драгоцѣнно, важно,
Цѣна его мгновенно упадетъ.
Любовь такъ преисполнена мечтаній,
Что истинно мечта—одна любовь.

КУРІО.

Хотите ли на травлю, государь?

ГЕРЦОГЪ.

Кого травить мнѣ?

КУРІО.

Лань.

ГЕРЦОГЪ.

Да, я охочусь
За благороднѣйшей моею ланью.
Когда я въ первый разъ Оливію увидѣлъ,
Мнѣ показалось, будто самый воздухъ
Очищенъ отъ губительной заразы
Ея дыханіемъ—и въ то жъ мгновенье
Оленемъ сталъ я, и, какъ злые псы,
Меня съ тѣхъ поръ преслѣдуютъ желанья.

Входитъ ВАЛЕНТИНЪ.

ГЕРЦОГЪ.

А, вотъ и ты! Ну, что она сказала?

ВАЛЕНТИНЪ.

Осмѣлюсь доложить, что я не видѣлъ
Самой графини. Дѣвушка ея

Ходила къ ней и, возвратясь, сказала,
Что даже небо прежде семи лѣтъ
Ея лица не узритъ безъ покрова.
Она монахиней подъ покрываломъ
Рѣшилась жить и келію свою,
Что Божій день, горючими слезами
Вкругъ окроплять—и это все затѣмъ,
Чтобъ брата мертвую любовь почтить
И въ памяти печальной сохранить
Ее надолго живо и свѣжо.

Герцогъ.

Она, въ комъ сердце создано такъ нѣжно,
Что можетъ чтить такъ свято память брата—
О, какъ она полюбитъ, если сонмъ
Живущихъ въ ней желаній умертвитъ
Стрѣла златая, если воцарится
На двухъ возвышенныхъ ея престолахъ,
На этихъ милыхъ, нѣжныхъ совершенствахъ—
На сердцѣ и умѣ — одинъ властитель!
Впередъ—въ любви свободную обитель!
Сладка мечта любви въ тѣни лѣсовъ,
Среди благоухающихъ цвѣтовъ! (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Берегъ моря.

Входятъ Віола *и* капитанъ *корабля*.

Віола.

Что это за земля, друзья мои?

Капитанъ.

Иллирія, прекрасная синьора.

Віола.

Но что же мнѣ въ Иллиріи здѣсь дѣлать?
Мой братъ въ поляхъ Элизіума бродитъ!
Но, можетъ-быть, онъ живъ— не утонулъ?
Какъ думаете вы?

Капитанъ.

Вѣдь, вы спаслись же!

Віола.

О, бѣдный братъ! Но, можетъ быть, и онъ
Не утонулъ, а спасся тоже?

Капитанъ.

Да—
И чтобы васъ возможностью утѣшить,
Я вотъ что разскажу: когда корабль
Разбился о скалу, и вы, спасаясь,
Вотъ съ ними плыли на ладью, я видѣлъ,
Какъ смѣлый братъ вашъ, бодро сохраняя
Среди опасностей присутствіе ума,
Связалъ себя съ огромнѣйшею мачтой:
Его учили смѣлость и надежда.
Какъ на хребтѣ дельфина Аріонъ,
Онъ твердо сохранялъ съ волнами дружбу,
Пока я взоромъ могъ за нимъ слѣдить.

Віола (*бросая кошелекъ*).

Возьми за эту вѣсть. Съ моимъ спасеньемъ
Въ душѣ моей воскресла и надежда;
Твои жъ слова ее питаютъ. Онъ,
Быть можетъ, живъ! Ты эту землю знаешь?

Капитанъ.

И очень хорошо. Недалеко
Отсюда я родился и воспитанъ.

Віола.

А кто здѣсь царствуетъ?

Капитанъ.

Благородный
И сердцемъ и происхожденьемъ герцогъ.

Віола.

А какъ зовутъ его?

Капитанъ.

Орсино, донна.

Віола.

Орсино? Да, я помню, мой отецъ
Его не разъ такъ называлъ. Тогда
Еще онъ холостъ былъ.

Капитанъ.

Да и теперь,
Или по крайней мѣрѣ незадолго,
Не дальше, какъ за мѣсяцъ, я оставилъ
Иллирію: тогда носился слухъ —
Вы знаете, что мелкіе не прочь
Болтать о томъ, что дѣлаютъ большіе —
Что ищетъ онъ Оливіи руки.

Віола.

Но кто она?

Капитанъ.

Дочь графа, и дѣвица,
Исполненная всякихъ совершенствъ.
Графъ умеръ годъ тому назадъ, ее
Оставивши на попеченье брата,
Который также кончилъ жизнь; графиня жъ,
Любя его горячею любовью,
Отъ общества мужского отреклась.

Віола.

О, если бы я ей служить могла

СЭРЪ АНДРЕЙ ЭГЧИКЪ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

И званіе мое передъ людьми
Скрывать, пока мой планъ созрѣетъ!

Капитанъ.

Это
Исполнить не легко. Всѣмъ предложеньямъ,
И даже герцогскимъ, она не внемлетъ.

Віола.

Ты вѣжливъ въ обращеньи, капитанъ.
И, несмотря на то, что очень часто
Природа подъ изящной оболочкой
Скрываетъ смерть, мнѣ вѣрится охотно,
Что благородная твоя осанка
Въ гармоніи съ прекрасною душой.
Прошу тебя — за исполненье просьбы
Я щедро награжу — сокрой, кто я,
И помоги мнѣ отыскать одежду,
Приличную для плана моего.
Я герцогу хочу служить. Прошу
Меня ему представить какъ кастрата.
Твой трудъ не пропадетъ напрасно: я
Умѣю пѣть, умѣю восхищать
Игрой на лютнѣ и способна къ службѣ.
Все остальное — время довершитъ,
Лишь помолчи объ умыслѣ моемъ.

Капитанъ.

Я буду нѣмъ: вы будете кастратомъ—
Иль слѣпота меня да поразитъ!

Віола.

Прекрасно! Такъ веди же дальше! *(Уходятъ).*

СЦЕНА III.

Комната въ домѣ Оливіи.

Входятъ сэръ Тоби Бельчъ *и* Марія.

Сэръ Тоби. Кой чортъ вздумалось моей племянницѣ такъ огорчаться смертью своего брата? Право же, заботы—врагъ жизни.

Марія. Право, сэръ Тоби, вамъ бы слѣдовало пораньше возвращаться домой. Барышня, племянница ваша, сильно возмущается вашими полуночными визитами.

Сэръ Тоби. Такъ пусть возмущается себѣ, пока противъ самой не возмутились.

Марія. Однако, порядочная жизнь вамъ бы больше пристала.

Сэръ Тоби. Больше пристала? Да къ чему мнѣ рядиться? Я и такъ порядочно одѣтъ. Этотъ кафтанъ на столько хорошъ, что въ немъ можно пить, и сапоги тоже— или чтобъ имъ подавиться собственными голенищами!

Марія. Бражничанье да гулянье доканаютъ васъ. Барышня еще вчера объ этомъ говорила, да еще о какомъ-то Иванушкѣ-дурачкѣ, котораго вы какъ-то вечеркомъ приводили къ ней свататься.

Сэръ Тоби. О комъ это? объ Андреѣ Эгчикѣ?

Марія. Да.

Сэръ Тоби. Да онъ не хуже кого другого въ Илліріи.

Марія. Какое кому до этого дѣло?

Сэръ Тоби. Да, вѣдь, онъ получаетъ въ годъ 3000 червоныхъ.

Марія. Всѣ его червонцы станутъ ему развѣ на годъ: онъ дуракъ и мотъ.

Сэръ Тоби. И какъ ты только можешь такъ говорить? Онъ играетъ на басѣ и знаетъ три-четыре языка наизусть слово-въ-слово и многимъ еще кое-чѣмъ одаренъ отъ природы.

Марія. Да, правда, порядочно одуренъ. При всей своей глупости, онъ еще и забіяка — и не имѣй дара трусости для усмиренія удальства, такъ умныя головы думаютъ, что ему бы скоро свернули шею.

Сэръ Тоби. Клянусь кулакомъ моимъ,

ИТАЛЬЯНСКІЙ ГЕРЦОГЪ XVI ВѢКА.
(Портретъ Цезаря Борджія, кисти Рафаэля).

тотъ лжецъ и мерзавецъ, кто такъ отзывается о немъ! Кто они?

Марія. А тѣ самые, которые утверждаютъ, что онъ каждый вечеръ напивается съ вами до-пьяна.

Сэръ Тоби. Конечно, за здоровье моей племянницы. Я до тѣхъ поръ буду пить за нее, пока въ глотку льется и есть еще вино въ Илиріи. Собака и свинья, кто не пьетъ въ честь моей племянницы до тѣхъ поръ, пока мозгъ у него не пойдетъ кубаремъ. Тише, красотка! Castiliano volto! Сэръ Андрей Эгчикъ идетъ.

Входитъ сэръ Андрей Эгчикъ.

Сэръ Андрей. Сэръ Тоби Бельчъ! Какъ поживаешь, сэръ Тоби Бельчъ?

Сэръ Тоби. Дружище, сэръ Андрей!

Сэръ Андрей. Здравствуй, красавица!

Марія. Здравствуйте, сударь.

Сэръ Тоби. Приступай, сэръ Андрей, приступай!

Сэръ Андрей. Кто это?

Сэръ Тоби. Горничная моей племянницы.

Сэръ Андрей. Милая мамзель Приступай, мнѣ хочется ближе съ тобою познакомиться.

Марія. Мое имя Марія, сударь.

Сэръ Андрей. Милая Марія Приступай!

Сэръ Тоби. Ты не такъ меня понялъ, братецъ. *Приступай*—значитъ: разговорись съ нею, атакуй ее. Маршъ на приступъ!

Сэръ Андрей. Клянусь честью, въ этомъ обществѣ я не рѣшился бы сдѣлать это. Такъ это значитъ—*приступай?*

Марія. Мое почтеніе, господа.

Сэръ Тоби. Если она такъ уйдетъ, сэръ Андрей, такъ чтобъ тебѣ никогда не обнажать шпаги!

Сэръ Андрей. Если ты такъ уйдешь, такъ чтобъ мнѣ никогда не обнажать шпаги! Что жъ ты, милочка, думаешь, что водишь дураковъ за носъ?

Марія. Нѣтъ, сударь, я васъ не вожу за носъ.

Сэръ Андрей. Но будешь вести. вотъ тебѣ рука моя.

Марія. Конечно, сударь, мысли свободны, но все-таки не худо было бы держать ихъ немного на привязи.

Сэръ Андрей. Это зачѣмъ, моя милочка? Что значитъ эта метафора?

Марія. Она суха, сударь, такъ же, какъ ваша рука горяча.

Сэръ Андрей. Что же? Ты хоть кого согрѣешь!

Марія. Нѣтъ, у васъ холодное сердце: это я могу пересчитать по вашимъ пальцамъ.

Сэръ Андрей. А ну, попробуй!

Марія. Да я уже пересчитала по нимъ, что вы и трехъ не пересчитаете. Прощайте.

(*Уходитъ*).

Сэръ Тоби. О, рыцарь, тебѣ нужно бы стаканъ канарскаго! Случалось-ли, чтобы тебя такъ сшибали съ ногъ?

Сэръ Андрей. Никогда, вотъ развѣ только канарское сваливало меня съ ногъ. Мнѣ сдается, что иногда во мнѣ не больше остроумія, чѣмъ въ обыкновенномъ человѣкѣ. Но я ѣмъ очень много говядины —и это вредитъ моему остроумію.

Сэръ Тоби. Безъ сомнѣнія.

Сэръ Андрей. Если бы я это думалъ, я бы зарекся ѣсть ее. Завтра я поѣду домой, сэръ Тоби.

Сэръ Тоби. Pourquoi, любезный рыцарь?

Сэръ Андрей. Что такое pourquoi: поѣзжай или нѣтъ? Жаль, что я не употребилъ на языки времени, которое ушло на фехтованье, танцы и травлю лисицъ. Ахъ, что бы мнѣ заняться искусствами!

Сэръ Тоби. О, тогда голова твоя прекрасно была бы убрана волосами!

Сэръ Андрей. Какъ такъ? Развѣ они исправили бы волоса мои?

Сэръ Тоби. Безъ сомнѣнія! Ты видишь, отъ природы они не хотятъ виться.

Сэръ Андрей. Однако они все-таки мнѣ очень къ лицу—не правда ли?

Сэръ Тоби. Чудесно! Они висятъ, какъ ленъ на прялкѣ, и я надѣюсь дожить еще до того, что какая-нибудь баба возьметъ тебя между колѣнъ и начнетъ ихъ прясть.

Сэръ Андрей. Ей-богу, я поѣду завтра домой, сэръ Тоби. Твоя племянница не хочетъ показываться. Да если бы и показалась, такъ можно держать десять противъ одного, что я ей не понравлюсь. Самъ герцогъ, ктому-же, ухаживаетъ за ней.

Сэръ Тоби. Герцога она не хочетъ, такъ какъ не хочетъ выйти за человѣка, который выше ея званіемъ, лѣтами и умомъ. Я самъ слышалъ, какъ она клялась въ этомъ. Веселѣй, братъ! Еще не все пропало.

Сэръ Андрей. Такъ я останусь еще на мѣсяцъ. Я человѣкъ съ самымъ страннымъ устройствомъ души: иногда меня только и занимаютъ маскарады да поѣздки.

Сэръ Тоби. Неужели ты годенъ на эти дурачества?

Сэръ Андрей. Да такъ же, какъ и всякій другой въ Иллиріи, будь онъ кто угодно, лишь бы не былъ знатнѣе меня; а съ старшими я сравнивать себя не хочу.

Сэръ Тоби. Зачѣмъ же скрываются эти таланты? Зачѣмъ завѣса опущена предъ этими дарами? Или, можетъ быть, ты боишься, чтобъ они не запылились, какъ картины миссисъ Малль? Почему ты не идешь въ театръ галопадомъ и не возвращаешься въ присядку? Я на твоемъ мѣстѣ не ходилъ бы иначе, какъ à pas de rigaudon. Что съ тобой сдѣлалось? Развѣ нынѣшній свѣтъ таковъ, чтобъ держать подъ спудомъ свои добродѣтели? Глядя на прекрасное устройство твоихъ ногъ, я всегда думалъ, что ты родился подъ галлопирующею звѣздою.

Сэръ Андрей. Да, нога мощная, и въ чулкѣ розоваго цвѣта не дурна. Не приняться ли за стаканы?

Сэръ Тоби. А что намъ больше дѣлать?

Развѣ мы не родились подъ созвѣздіемъ Козерога?

Сэръ Андрей. Козерога? Это знаменуетъ толчки и драку.

Сэръ Тоби. Нѣтъ, дружище, это означаетъ прыжки и пляску. Ну, покажи свои скачки: валяй! выше! Э-ге, чудесно!

(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Комната во дворцѣ герцога.

Входятъ Валентинъ *и* Віола *въ мужскомъ платьѣ.*

Валентинъ. Если герцогъ всегда будетъ такъ милостивъ, Цезаріо, такъ вы далеко пойдете: всего три дня, какъ васъ знаетъ—и вы уже не чужой.

Віола. Вы опасаетесь или непостоянства съ его стороны, или небрежности съ моей, если сомнѣваетесь въ продолженіи его благосклонности. Что? онъ непостояненъ въ своихъ милостяхъ?

Валентинъ. Нѣтъ, нисколько.

Входятъ герцогъ, Куріо *и свита.*

Віола.

Благодарю; но вотъ и графъ идетъ.

Герцогъ.

Скажите, гдѣ Цезаріо? гдѣ онъ?

Віола.

Я здѣсь, къ услугамъ вашимъ, государь.

Герцогъ *(свитѣ).*

Вы станьте здѣсь поодаль всѣ покамѣстъ.
Цезаріо, ты знаешь все: тебѣ
Я въ книгѣ сердца моего открылъ
Страницы глубочайшихъ тайнъ. Бѣги,
Лети къ ней, милый другъ, не принимай
Отказовъ никакихъ, стой у дверей, скажи,
Что корни въ полъ нога твоя пустила,
Что не уйдешь, пока ея не видѣлъ...

Віола.

Однако жъ, государь, когда тоскѣ
Она дѣйствительно такъ предалась,
Какъ говорятъ—она меня не впуститъ.

Герцогъ.

Шуми, будь дерзокъ лучше, чѣмъ оставить
Безъ исполненія твое посольство.

Віола.

Положимъ, государь, что мнѣ удастся
Съ ней говорить—тогда что?

Герцогъ.

О! тогда
Раскрой предъ ней весь пылъ моей любви
И изуми разсказомъ обо мнѣ.
Тебѣ излить тоску мою пристало:
Тебя она скорѣе станетъ слушать,
Чѣмъ стараго посла съ лицомъ суровымъ.

Віола.

Не думаю.

Герцогъ.

Повѣрь мнѣ, милый другъ:
Тотъ наклевещетъ на твою весну,
Кто скажетъ, что ты мужъ. Уста Діаны
Не мягче, не алѣй; твой голосокъ,
Какъ голосъ дѣвушки, и чистъ, и звученъ;
Какъ женщина, ты созданъ весь. Я знаю,
Твоя звѣзда посольству твоему
Благопріятна. Четверо изъ васъ
Пусть съ нимъ идутъ. Ступайте хоть и всѣ,
Когда угодно. Мнѣ дышать тѣмъ легче,
Чѣмъ менѣе вокругъ меня людей.
Окончи счастливо твое посольство—
Свободенъ будешь ты, какъ твой монархъ,
И съ нимъ раздѣлишь все.

Віола.

Я постараюсь
Все сдѣлать, чтобъ графиню покорить.
(Тихо). О, какъ я ни стараюсь, все страдаю!
Его женой сама я быть желаю. *(Уходятъ).*

СЦЕНА V.

Комната въ домѣ Оливіи.

Входятъ Марія *и* шутъ.

Марія. Ну, говори же, гдѣ ты таскался, или я ни на волосъ не открою рта для твоего извиненія. Барышня прикажетъ тебя повѣсить за отлучку.

Шутъ. По-мнѣ — пожалуй. Кто на этомъ свѣтѣ хорошо повѣшенъ, тому лба не забрѣютъ.

Марія. Почему такъ?

Шутъ. А потому, что онъ не можетъ итти въ рекрутское присутствіе.

Марія. Постный отвѣтъ! Я тоже могу сказать тебѣ, откуда взялось выраженіе „забрить лобъ".

Шутъ. Откуда, моя красотка?

Марія. Изъ рекрутскаго присутствія. И ты это можешь смѣло повторять въ твоей глупости.

Шутъ. Да, надѣли, Господи, мудростью

мудрыхъ, а дурачье пусть себѣ отдаютъ въ ростъ свои дары.

Марія. Тебя все-таки повѣсятъ за то, что ты шатался такъ долго, или выгонятъ вонъ; а развѣ это для тебя не все равно, что повѣсятъ?

Шутъ. Хорошо висѣть лучше, чѣмъ худо жениться. А что до того, что меня прогонятъ, такъ мнѣ все равно, покамѣстъ на дворѣ лѣто.

Марія. Такъ тебѣ не нужна моя помощь?

Шутъ. Зачѣмъ? У меня и своихъ пара помочей.

Марія. А когда одна лопнетъ, такъ другая будетъ держать; а если обѣ лопнутъ, то ты потеряешь панталоны.

Шутъ. Ловко! ей-богу, ловко! Продолжай, продолжай! Если сэръ Тоби оставитъ пьянство, то ты будешь самой остроумной изъ дочерей Еввы во всей Иллиріи.

Марія. Тише, шутъ! ни слова больше! Тебѣ не худо бы извиниться, какъ слѣдуетъ.

(Уходитъ).

Шутъ. Остроуміе, если на то будетъ воля твоя, то помоги мнѣ въ доброй шуткѣ! Умные люди, которые думаютъ, что обладаютъ тобою, часто остаются въ дуракахъ; а я, который увѣренъ, что не имѣю тебя, могу прослыть за мудреца, ибо что говоритъ Квинапалъ?—„Мудрый глупецъ лучше глупаго мудреца".

Входятъ Оливія *и* Мальволіо.

Шутъ. Желаю здравствовать, сударыня!

Оливія. Выведите глупость вонъ!

Шутъ. Слышите вы? выведите вонъ графиню!

Оливія. Поди, ты, сухой дуракъ! Я тебя знать не хочу, да, кромѣ того, ты еще начинаешь худо вести себя.

Шутъ. Два недостатка, мадонна, которые можно уничтожить питьемъ и добрымъ совѣтомъ. Дайте сухому дураку напиться — онъ не будетъ сухъ. Посовѣтуйте дурному человѣку исправиться—и если исправится, то онъ уже не дурной человѣкъ; если же онъ уже не можетъ исправиться, то пусть его портной заштопаетъ. Вѣдь, что не исправлено, все только штопано. Проступившаяся добродѣтель штопана грѣхомъ; исправившійся грѣхъ штопанъ добродѣтелью. Годится этотъ простой выводъ—хорошо, нѣтъ— что дѣлать! Истинный рогоносецъ—только несчастье, а красота — цвѣтокъ. Графиня хотѣла, чтобъ вывели глупость, и я повторяю: выведите графиню вонъ!

Оливія. Я хотѣла, чтобы тебя вывели, почтеннѣйшій.

Шутъ. Жестокая ошибка, сударыня: Cuculus non facit monachum, то-есть: мой мозгъ не такъ пестръ, какъ мой кафтанъ. Добрѣйшая мадонна, позвольте доказать, что вы дура.

Оливія. Можешь ли ты это сдѣлать?

Шутъ. И очень мадонна!

Оливія. Доказывай.

Шутъ. Но я долженъ сперва проэкзаменовать васъ, мадонна. Отвѣчайте мнѣ...

Оливія. Пожалуй. За недостаткомъ лучшаго развлеченія, я послушаю твои доказательства.

Шутъ. Добрѣйшая мадонна, о чемъ грустишь ты?

Оливія. Добрый дуракъ, о смерти моего брата.

Шутъ. Я думаю, душа его въ аду, мадонна.

Оливія. Я знаю, дуракъ, что душа его на небесахъ.

Шутъ. Тѣмъ больше ты дура, если грустишь о томъ, что душа брата твоего на небесахъ. Эй, вы! выведите глупость вонъ!

Оливія. Что ты думаешь объ этомъ дуракѣ Мальволіо? Не становится ли онъ лучше?

Мальволіо. Конечно—и будетъ совершенствоваться до послѣдняго издыханія. Старость приводитъ въ упадокъ умнаго человѣка, а дурака—совершенствуетъ.

Шутъ. Ниспошли же тебѣ Господи раннюю старость, и глупость твоя да расцвѣтетъ во всей красѣ! Сэръ Тоби поклянется, что я не лисица, но ни гроша не прозакладуетъ, что ты не дуракъ.

Оливія. Что ты на это скажешь, Мальволіо?

Мальволіо. Я удивляюсь, какъ ваше сіятельство можете находить удовольствіе въ такомъ бездарномъ мерзавцѣ! Я видѣлъ давеча, какъ простой дуракъ, въ которомъ столько же мозга, какъ въ палкѣ, вышибъ его изъ сѣдла. Смотрите, онъ уже потерялся; если вы не смѣетесь и не доставляете ему случая для остротъ, такъ у него ротъ зашитъ. Ей-ей, умные люди, которые смѣются надъ этими заказными дураками, не что иное, какъ паяцы этихъ же дураковъ.

Оливія. О, ты боленъ самолюбіемъ, Мальволіо, и вкусъ твой совершенно испорченъ. Кто благороденъ, простодушенъ и одаренъ свободою мысли, тотъ принимаетъ за мыльные пузыри эти выходки, въ которыхъ ты видишь пушечныя ядра. Привилегиро-

ванный дуракъ не клевещетъ, хотя бы безпрестанно насмѣхался, такъ же какъ человѣкъ, извѣстный за умнаго, не насмѣхается, хотя бы всегда осуждалъ.

Шутъ. Да ниспошлетъ тебѣ Меркурій даръ краснорѣчія за то, что ты хорошо говоришь въ пользу дураковъ.

Марія *возвращается.*

Марія. Сударыня, тамъ у дверей какой-то молодой человѣкъ: онъ очень желаетъ съ вами говорить.

Оливія. Онъ отъ графа Орсино, не правда ли?

Марія. Не знаю, сударыня: статный молодой человѣкъ и съ довольно большою свитою.

Оливія. Кто же его удерживаетъ?

Марія. Сэръ Тоби, сударыня, вашъ дядюшка.

Оливія. Пожалуйста, уведи его: онъ вѣчно говоритъ, какъ сумасбродъ. (*Марія уходитъ*). Ступай, Мальволіо—и если это посолъ отъ графа, такъ я больна, или меня нѣтъ дома. Скажи, что хочешь, лишь бы отвязаться. (*Мальволіо уходитъ. Шуту*). Видишь, какъ твои шутки старѣютъ и надоѣдаютъ?

Шутъ. Ты же за насъ говорила, мадонна, какъ-будто старшему сыну твоему быть шутомъ; но да набьютъ боги биткомъ его черепъ мозгомъ, понеже вотъ одинъ изъ твоей роденьки, у котораго очень слабая pia mater.

Входитъ сэръ Тоби.

Оливія. Право, онъ полупьянъ. Кто тамъ у дверей, дядюшка?

Сэръ Тоби. Человѣкъ.

Оливія. Человѣкъ? Какой человѣкъ?

Сэръ Тоби. Человѣкъ тамъ... (*Икаетъ*). Чортъ возьми эти селедки! (*Шуту*). Ты что, болванъ?

Шутъ. Почтеннѣйшій сэръ Тоби...

Оливія. Дядюшка, дядюшка, такъ рано и уже въ такомъ непристойномъ видѣ.

Сэръ Тоби. Недостойномъ? Велика важность. Тамъ кто-то у дверей.

Оливія. Ну, хорошо; да кто же?

Сэръ Тоби. По мнѣ, хоть самъ чортъ, если ему угодно. Мнѣ что за дѣло? Ужъ повѣрьте мнѣ, говорю я. Э! все на одно выходитъ! (*Уходитъ*).

Оливія. Съ чѣмъ можно сравнивать пьянаго?

Шутъ. Съ утопленникомъ, дуракомъ и бѣшенымъ. Первый глотокъ сверхъ жажды дѣлаетъ его дуракомъ, второй—бѣшенымъ, а третій—утопленникомъ.

ВІОЛА, МАРІЯ И ОЛИВІЯ подъ вуалью. (Дѣйств. I, сц. 5).

Картина извѣстнаго англ. живописца Вильяма Гамильтона (William Hamilton, R. A., 1751—1801).

Оливія. Ступай же за полицейскимъ, пусть освидѣтельствуетъ дядюшку: онъ уже въ третьей степени пьянства—онъ утонулъ. Ступай, присмотри за нимъ.

Шутъ. До сихъ поръ онъ еще только бѣшеный, мадонна—и дуракъ будетъ смотрѣть за бѣшенымъ. (*Уходитъ*).

Мальволіо *возвращается.*

Мальволіо. Сударыня этотъ молодой человѣкъ клянется, что долженъ говорить съ вами. Я сказалъ ему, что вы нездоровы; но онъ увѣряетъ, что уже слышалъ объ этомъ и потому именно пришелъ говорить съ вами. Я сказалъ, что вы спите—и это онъ какъ-будто зналъ уже напередъ и утверждаетъ, что за тѣмъ-то и пришелъ поговорить съ вами. Что ему сказать, сударыня? Онъ вооруженъ противъ всякаго отказа.

Оливія. Скажи ему, что я не хочу съ нимъ говорить.

Мальволіо. Я это уже говорилъ ему, да онъ увѣряетъ, что будетъ стоять у дверей, какъ будка часового, пока вы его не допустите.

Оливія. Какого же рода этотъ человѣкъ?

Мальволіо. Мужского.

Оливія. Ну, а какого рода мужчина?

Мальволіо. Очень дерзкаго. Волею или неволею, онъ непремѣнно хочетъ говорить съ вами.

Оливія. Его лѣта, наружность?

Мальволіо. Не довольно старъ для мужа, не довольно молодъ для мальчика; ни рыба, ни мясо, такъ—на межѣ мужа и мальчика. Лицомъ смазливъ, говоритъ дерзко; у него, какъ будто, еще молоко на губахъ не обсохло.

Оливія. Впусти его, да позови Марію.

Мальволіо (*кричитъ*). Марія, графиня зоветъ! (*Уходитъ*).

Марія *возвращается*.

Оливія. Подай мнѣ вуаль и накинь ее на меня: попробую еще разъ выслушать посольство Орсино.

Входитъ Віола *со свитою*.

Віола. Кто изъ васъ благородная хозяйка этого дома?

Оливія. Обратитесь ко мнѣ, я хочу отвѣчать за нее. Что вамъ угодно?

Віола. Вселучезарнѣйшая, превосходнѣйшая, несравненнѣйшая красавица, прошу васъ покорнѣйше сказать мнѣ, кто здѣсь хозяйка? Я никогда ея не видалъ, и потому мнѣ бы не хотѣлось промахнуться съ моею рѣчью, такъ какъ кромѣ того, что она мастерски изложена, мнѣ еще стоило большого труда выучить ее наизусть. Красавицы мои, не насмѣхайтесь надо мной: я очень чувствителенъ,—малѣйшее неуваженіе меня раздражаетъ.

Оливія. Откуда вы, сударь?

Віола. Я могу вамъ разсказать не много больше того, что я выучилъ, а этого вопроса нѣтъ въ моей роли. Увѣрьте меня въ томъ, моя красавица, что вы дѣйствительно хозяйка, чтобъ я могъ продолжать рѣчь мою.

Оливія. Вы актеръ?

Віола. Нѣтъ, мое сокровенное сердце. И при всемъ томъ клянусь вамъ всѣми крючками хитрости, я не то, что представляю. Вы ли хозяйка?

Оливія. Если не слишкомъ много беру на себя, такъ я.

Віола. Дѣйствительно, если это вы, то вы много на себя берете. Что въ вашей волѣ дать, въ томъ отказать вы не властны. Впрочемъ, это не принадлежитъ къ моему порученію. Итакъ, я буду продолжать похвальное вамъ слово, а потомъ поднесу зерно моего посольства.

Оливія. Къ дѣлу: что же касается похвальнаго слова, то я васъ освобождаю отъ него.

Віола. Ахъ, да... а я убилъ столько труда, чтобъ выучить его наизусть, и слово мое такъ поэтически изложено.

Оливія. Потому-то оно и вымышлено. Пожалуйста, поберегите его для себя. Я слышала, что вы неприлично вели себя у моихъ дверей и впустила васъ больше затѣмъ, чтобъ подивиться вамъ, чѣмъ слушать ваши разсказы. Если вы не безразсудны, то удалитесь; если вы умны, то укоротите рѣчь свою. Сегодня я не расположена быть дѣйствующимъ лицомъ въ подобномъ странномъ разговорѣ.

Марія. Угодно вамъ сняться съ якоря? Вотъ дорога.

Віола. Нѣтъ, милый юнга, я еще здѣсь покрейсирую. Усмирите немного вашего великана, принцесса!

Оливія. Говорите, что вамъ угодно?

Віола. Я—посланный.

Оливія. Вѣроятно, вы должны сказать мнѣ ужасную вѣсть, если дѣлаете къ ней такія ужасныя приготовленія. Исполняйте ваше порученіе.

Віола. Оно назначено только для вашего слуха. Я пришелъ не съ объявленіемъ войны, не съ требованіемъ дани. Оливковая вѣтвь въ рукѣ моей, и я произношу только слова мира.

Оливія. Тѣмъ не менѣе, начало было довольно бурное. Кто вы? чего хотите?

Віола. Если я выказалъ невѣжливость — то этому виной пріемъ, который встрѣтилъ. Кто я и чего я хочу—таинственно, какъ дѣвственная прелесть: для вашего слуха—цѣлая поэма, для всякаго другого—святотатство.

Оливія. Оставьте насъ. (*Марія и свита уходятъ*). Послушаемъ эту поэму. Ну, сударь, что-то гласитъ ваша поэзія?

Віола. Прелестнѣйшая!

Оливія. Утѣшительное ученіе — и о немъ много можно наговорить. Гдѣ же стихи ваши?

Віола. Въ груди Орсино.

Оливія. Въ его груди? Въ которой главѣ?

ВІОЛА СБРАСЫВАЕТЪ ВУАЛЬ.

Картина англійскаго живописца Эдмунда Блэръ Лейтона (Edmund Blair Leighton, р. 1853).

Віола. Чтобъ отвѣчать методически— въ первой.

Оливія. О, ее я читала! Это ересь. Больше ничего вы не имѣете сказать мнѣ?

Віола. Красавица, позвольте взглянуть на ваше лицо.

Оливія. Развѣ герцогъ далъ вамъ порученіе къ моему лицу? Вы сбились съ текста. Однако жъ я отброшу занавѣсъ и покажу вамъ картину. (*Она сбрасываетъ вуаль*). Смотрите: такова я дѣйствительно въ это мгновеніе. Хороша ли работа?

Віола. Превосходна, если одна природа создала ее.

Оливія. Краса неподдѣльная: не боится ни дождя, ни вѣтра.

Віола.

Гдѣ розы съ лиліями сочетала
Природы нѣжная, искусная рука,
Тамъ красота чиста и неподдѣльна.
Вы будете жесточе всѣхъ, графиня,
Когда въ могилѣ скроете красу
И списка не оставите для міра.

Оливія. О, я не хочу быть такъ жестокосерда! Я издамъ каталогъ моей красоты; сдѣлаю опись—и каждая частица, каждый кусочекъ будетъ приложенъ къ моему завѣщанію, какъ напримѣръ, первое: довольно алыя губы; второе: пара голубыхъ глазъ, при нихъ и рѣсницы; третье: шея, подбородокъ и такъ далѣе. Что? вы присланы для оцѣнки?

Віола.

О, я васъ вижу въ настоящемъ видѣ:
Вы непомѣрно горды! Но хоть будь
Самъ дьяволъ заключенъ въ васъ—вы прекрасны.
Мой повелитель любитъ васъ, синьора.
Такой любви нельзя не наградить,
Хотя бы вы, Оливія, носили
Корону безпримѣрной красоты.

Оливія.

Какъ любитъ онъ меня?

Віола.

Съ потокомъ слезъ,

Съ благоговѣніемъ, съ огнемъ молитвы,
Со вздохами, звучащими любовью.

Оливія.

Онъ знаетъ, что любить я не могу
Его, хотя считаю благороднымъ
И добрымъ, и богатымъ, и отважнымъ,
И знаю, что онъ молодостью свѣжей
И незапятнанной цвѣтетъ. Природа
Прекрасные дары въ прекрасной формѣ
Ему дала. А все же не могу я
Его любить, что могъ бы ужъ давно
Онъ отгадать.

Віола.

Когда бъ я васъ любилъ
Такъ горячо, мучительно и страстно,
Какъ мой монархъ, въ отказѣ вашемъ гордомъ
Я бъ никакого смысла не нашелъ—
Не понялъ бы его.

Оливія.

Но что бы
Вы сдѣлали?

Віола.

У вашего порога
Я выстроилъ бы хижину изъ ивы,
Взывалъ бы день и ночь къ моей царицѣ,
Писалъ бы пѣсни о моей любви
И громко пѣлъ бы ихъ въ тиши ночей;
По холмамъ пронеслось бы ваше имя,
И эхо повторило бъ по горамъ:
«Оливія». Вамъ не было бъ покоя
Межъ небомъ и землей, пока бы жалость
Не овладѣла вашею душой.

Оливія.

Кто знаетъ, вы бы далеко зашли!
Откуда же вы родомъ?

Віола.

Жребій мой
Хотя и не тяжелъ, но родъ мой выше:
Я дворянинъ.

Оливія.

Идите же назадъ
Къ монарху вашему: его любить
Я не могу. Пусть онъ не присылаетъ
Опять ко мнѣ пословъ, иль развѣ вы
Придете извѣстить меня, какъ принялъ
Орсино мой отказъ. Прощайте.
Благодарю за трудъ. Вотъ вамъ на память.

Віола.

Нѣтъ, спрячьте кошелекъ—я не слуга:
Не мнѣ, а герцогу нужна награда.
Пусть камнемъ станетъ сердце человѣка,
Котораго вы будете любить!
Да презираетъ онъ твою любовь,
Какъ презираешь ты любовь Орсино!
Красавица жестокая, прощай. *(Уходитъ).*

Оливія.

А родомъ вы откуда? «Жребій мой
Хотя и не тяжелъ, но родъ мой выше:
Я дворянинъ». Клянусь, что это правда!
Твое лицо, пріемы, смѣлость, станъ,
Твои слова—вотъ твой богатый гербъ.
Оливія, не торопись, потише.
Но ежели бъ слуга былъ господиномъ—
Ужели заразиться такъ легко?
Я чувствую, что юношескій образъ
Невидимо и осторожно вкрался
Въ мои глаза. Мальволіо, гдѣ ты?

Мальволіо *возвращается.*

Мальволіо.

Я здѣсь, графиня! Что угодно?

Оливія.

Догони
Упрямаго посланника Орсино:
Онъ перстень здѣсь насильно мнѣ оставилъ.
Скажи, что я подарка не хочу.
Пусть герцогу не льститъ, пусть не ласкаетъ
Его пустой надеждой—никогда онъ
Оливію своей не назоветъ;
Когда жъ послу угодно завтра утромъ
Притти ко мнѣ, я объявлю причину.
Мальволіо, спѣши!

Мальволіо.

Сейчасъ, графиня.
(Уходитъ).

Оливія.

Что дѣлаю, сама того не знаю.
Мой глазъ не обольстилъ ли это сердце?
Свершай, судьба! Мы не имѣемъ воли,
И намъ судьбы своей не избѣжать.

(Уходитъ).

ВІОЛА И ОЛИВІЯ (дѣйств. I, сц. 5).
Картина извѣстнаго нѣмецкаго живописца, проф. Эдуарда Стейнле, (Eduard Steinle, 1810—1886).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Берегъ моря.

Входятъ Антоніо и Себастіанъ.

Антоніо. Такъ ты не хочешь оставаться долѣе и не позволяешь мнѣ итти съ тобою?

Себастіанъ. Съ твоего позволенія—нѣтъ. Темно свѣтитъ надо мной звѣзда моя. Злоба моей судьбы могла бы заразить и твою. Потому, прошу тебя, позволь мнѣ страдать одному. Я худо заплатилъ бы за твою любовь, подѣлившись съ тобою моимъ горемъ.

Антоніо. Хоть скажи, куда ты идешь?

Себастіанъ. Нѣтъ, извини. Мое путешествіе—прихоть. Но я замѣчаю въ тебѣ прекрасную черту скромности: ты не хочешь вынудить отъ меня мою тайну; тѣмъ охотнѣе я тебѣ откроюсь. Знай же, Антоніо: меня зовутъ Себастіаномъ, хоть я и называю себя Родериго. Отецъ мой былъ тотъ Себастіанъ изъ Мессалине, о которомъ ты, какъ мнѣ извѣстно, уже слышалъ. Онъ оставилъ меня и сестру, родившихся въ одинъ часъ. Зачѣмъ не угодно было Небу, чтобъ мы и въ одно время умерли? Ты помѣшалъ этому: за часъ до того, какъ ты

спасъ меня отъ бушующихъ волнъ, сестра моя утонула.

Антоніо. Боже!

Севастіанъ. Хоть и говорили, что она на меня очень похожа, однако многіе считали ее красавицей. Я, конечно, не могъ раздѣлять съ ними ихъ чрезмѣрнаго удивленія, однако смѣло скажу, что самая зависть должна была бы назвать ея сердце прекраснымъ. Она уже утонула въ соленой водѣ, а я топлю ея память снова въ соленыхъ слезахъ.

Антоніо. Не взыщи за плохой пріемъ.

Севастіанъ. О, добрѣйшій Антоніо, прости только мнѣ всѣ безпокойства!

Антоніо. Если ты не хочешь убить меня за мою дружбу, позволь мнѣ быть твоимъ слугою.

Севастіанъ. Если ты не хочешь уничтожить сдѣланнаго, то есть убить того, кому спасъ жизнь, такъ не требуй этого. Прощай однажды навсегда. Мое сердце такъ чувствительно—это наслѣдіе матери—что глаза мои при малѣйшемъ поводѣ наполняются слезами. Я иду ко двору графа Орсино. Прощай.

(Уходитъ).

Антоніо.

Благословенье Неба будь съ тобою!
Врагами я богатъ въ дворцѣ Орсино,
Иначе скоро свидѣлся бъ съ тобой.
Но что мнѣ въ томъ? я за тобой лечу!
Съ опасностями я играть хочу. *(Уходитъ).*

СЦЕНА II.

Улица.

Входитъ Віола; Мальволіо *ее догоняетъ.*

Мальволіо. Не вы ли были сейчасъ у графини Оливіи?

Віола. Я только-что отъ нея и шелъ такъ медленно, что успѣлъ дойти только до этого мѣста.

Мальволіо. Она возвращаетъ вамъ этотъ перстень. Вы могли бы избавить меня отъ труда и сами взять его съ собою. Она еще приказала васъ просить рѣшительно сказать вашему герцогу, что она отвергаетъ его предложенія. Еще одно: не осмѣливайтесь являться къ ней съ порученіями отъ герцога, развѣ придете извѣстить, какъ онъ это принялъ. Возьмите-же!

Віола. Она взяла у меня перстень—и я не приму его назадъ.

Мальволіо. Послушайте: вы дерзко бросили ей перстень—и ей угодно, чтобы онъ такъ же былъ возвращенъ. Если онъ стоитъ того, чтобъ нагнуться—такъ вотъ онъ, а если—нѣтъ, пусть возьметъ его первый прохожій.

(Бросаетъ перстень и уходитъ).

Віола.

Я не оставила ей никакого перстня!
Что это значитъ? Боже сохрани!
Не обольстила ли ее наружность?
Она такъ страстно на меня глядѣла,
Какъ-будто бы забыла о рѣчахъ.
Ея слова прерывисты такъ были!
Она меня—о, это вѣрно—любитъ!
Любовь хитра: она меня зоветъ
Черезъ посредство мрачнаго посла,
И перстня герцогъ ей не посылалъ!
Я—цѣль ея желаній. Если такъ,
То лучше бы любить ей сновидѣнье.
Ты одѣянье—хитрость, какъ я вижу,
Въ которой силенъ нашъ лукавый врагъ.
Какъ лицемѣру-молодцу не трудно
На сердце женщины напечатлѣть
Свой образъ! Ахъ, не мы, а наша слабость
Тому причиной! Мы должны же быть
Такъ созданы. Чѣмъ кончится все это?
Оливію Орсино любитъ нѣжно;
Я, бѣдная, равно имъ плѣнена;
Она жъ, обманутая, полюбила,
Какъ кажется, меня. Что это будетъ?
Когда я юноша, мнѣ не питать
Надежды на любовь Орсино;
А если женщина, то, Боже, какъ напрасно
Должна Оливія по мнѣ вздыхать!
Ты этотъ узелъ разрѣшишь, о время!
А для меня онъ не по силамъ бремя.

(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Комната въ домѣ Оливіи.

Входитъ сэръ Тоби, *за нимъ* сэръ Андрей.

Сэръ Тоби. Ступай сюда, сэръ Андрей! Не быть за полночь въ постели значитъ—рано вставать; а diluculo surgere—ты знаешь?

Сэръ Андрей. Нѣтъ, ей-богу, не знаю. А знаю, что долго не спать значитъ долго не спать.

Сэръ Тоби. Ложный выводъ, столько же для меня противный, какъ пустая бутылка. Просидѣть за полночь и потомъ итти спать—значитъ рано: такъ, стало-

быть, ложиться спать за полночь значитъ —рано ложиться. Развѣ наша жизнь не состоитъ изъ четырехъ элементовъ?

Сэръ Андрей. Говорятъ такъ: но я думаю, что она состоитъ изъ ѣды и питья.

Сэръ Тоби. Ты ученый. Давай же ѣсть и пить. Эй, Марія! вина!

Входитъ Шутъ.

Сэръ Андрей. Вотъ дуракъ, ей-богу!

Шутъ. Здорово, ребята! Видали вывѣску трехъ дураковъ?

Сэръ Тоби. Добро пожаловать, болванъ! Споемъ-ка хоромъ.

Сэръ Андрей. Ей-богу, славное горло у дурака! Я бы далъ полдюжины червонцевъ, когда бы у меня были такія икры и такой славный голосъ для пѣнья, какія имѣетъ дуракъ. Ей-ей! Ты вчера ввечеру хорошо дурачился, какъ разсказывалъ о Пигрогромитусѣ и Вапіанахъ, что прошли за квебускую линію. Чудесно, ей-богу! Я послалъ тебѣ гривну для твоей любезной—получилъ ли ты?

Шутъ. Я спряталъ твой подарокъ въ карманъ, потому что Мальволіевъ носъ не плеть, моя милая бѣлоручка, а мирмидонцы не полпивная лавочка.

Сэръ Андрей. Превосходно! Вотъ лучшія шутки, въ концѣ концовъ. Ну пой же!

Сэръ Тоби. Да, спой-ка. Вотъ тебѣ гривна: валяй!

Сэръ Андрей. Вотъ и отъ меня: коли одинъ даетъ гривну, я даю другую. Ну же, пой пѣсню!

Шутъ. Что жъ вамъ спѣть? любовную пѣсенку или нравоучительную и чинную?

Сэръ Тоби. Любовную! любовную!

Сэръ Андрей. Да; что мнѣ нравоученія!

Шутъ *(поетъ).*

Гдѣ ты, душенька, гуляешь?
Иль меня ты забываешь,
Что одинъ грустить?
Кто тебя отсюда манитъ?
Часъ любви, повѣрь, настанетъ,
Быстро пролетитъ!

Сэръ Андрей. Чудесно, ей-богу!

Сэръ Тоби. Славно! славно!

Шутъ *(поетъ).*

Что любовь? Не за горами,
Не за лѣсомъ и полями,

СЭРЪ ТОБИ БЭЛЬЧЪ и СЭРЪ АНДРЕЙ ЭГЧИКЪ въ веселомъ расположеніи духа (Дѣйств. II, сц. 3).

Картина Вильяма Гамильтона (William Hamilton), (Малая Бойделевская Галлерея).

Здѣсь она—лови!
Если медлишь—проиграешь,
Поцѣлуй мой потеряешь:
Не теряй, лови!

Сэръ Андрей. Медовый голосъ, клянусь моимъ дворянствомъ!

Сэръ Тоби. Соблазнительный голосъ!

Сэръ Андрей. Медовый и соблазнительный—ей-богу!

Сэръ Тоби. Такъ сладокъ, что даже тошно. Да что? не хватить ли такъ, чтобъ земля пошла въ присядку? Спугнемъ-ка филина хоромъ, который вытянулъ бы у ткача три души.

Сэръ Андрей. Пожалуйста, если вы меня любите. Я такъ люблю хоры, я на пѣсняхъ собаку съѣлъ! Начинайте:

Мошенникъ...

Шутъ. „Молчи, мошенникъ?“ Да, вѣдь

тогда я долженъ буду назвать вашу милость мошенникомъ.

Сэръ Андрей. Это уже я не въ первый разъ заставляю называть себя мошенникомъ. Начинай, шутъ! Оно начинается: „молчи!"

Шутъ. Я не могу начать молча.

Сэръ Андрей. Хорошо! ей-богу, хорошо! Ну, начинайте! (*Поютъ хоромъ*).

Входитъ Марія.

Марія. Это что за кошачій концертъ? Если графиня не позоветъ своего управителя Мальволіо, чтобъ выгнать васъ изъ дому, такъ назовите меня чѣмъ угодно.

Сэръ Тоби. Графиня—родомъ изъ Китая, мы дипломаты, а Мальволіо—старая вѣдьма.

(*Поетъ*).

Вотъ три веселыхъ молодца!

Что я ей не родственникъ, что ли? Развѣ мы не одной крови съ твоей барышней? (*Поетъ*).

Сударыня, барыня...

Шутъ. Право, его милость славно дурачится.

Сэръ Андрей. Да, онъ на это мастеръ, когда расположенъ, и я тоже; но только онъ искуснѣе, какъ-то натуральнѣе.

Сэръ Тоби (*поетъ*).

Однажды зимнимъ вечеркомъ
Сошлись...

Марія. Ради Бога, молчите!

Входитъ Мальволіо.

Мальволіо. Взбѣсились вы, господа, что ли? Что это, у васъ ни стыда, ни совѣсти шумѣть по ночамъ? Или вы принимаете домъ графини за трактиръ, что такъ немилосердно горланите ваши сапожническія пѣсни? Не знаете ни времени, ни мѣры.

Сэръ Тоби. И время, и мѣру наблюдали, сударь, въ нашей пѣснѣ. Убирайся къ чорту!

Мальволіо. Сэръ Тоби, я долженъ поговорить съ вами на-чистую. Графиня поручила мнѣ сказать вамъ, что хотя вы и живете у нея, какъ родственникъ, но съ буйствомъ вашимъ она не хочетъ имѣть никакого дѣла. Если вы можете развязаться съ дурнымъ поведеніемъ, такъ она вамъ очень рада; если же нѣтъ и угодно вамъ съ ней проститься, такъ она очень охотно съ вами разстанется.

Сэръ Тоби (*поетъ*).

Прощай, душа! Твой другъ во путь идетъ!

Мальволіо. Прошу васъ, сэръ Тоби...

Шутъ (*поетъ*).

И видно по лицу, что пропадетъ.

Мальволіо. Возможно ли...

Сэръ Тоби (*поетъ*).

Ты никогда, сэръ Тоби, не умрешь!

Шутъ (*поетъ*).

Протянешь ноги—врешь!

Мальволіо. Это вамъ дѣлаетъ честь, право!

Сэръ Тоби (*поетъ*).

Не худо бы его прогнать?

Шутъ (*поетъ*).

Зачѣмъ? Ему къ лицу здѣсь постоять.

Сэръ Тоби (*поетъ*).

Прогнать его, мошенника, за дверь!

Шутъ (*поетъ*).

О, трусъ! Да не посмѣешь же, повѣрь.

Сэръ Тоби. Я съ такту сбился, по твоему, пріятель! Совралъ! Что жъ ты за важная особа? Дворецкій! Или ты думаешь: потому что ты добродѣтеленъ, такъ не бывать на свѣтѣ ни пирогамъ, ни вину?

Шутъ. Да, клянусь святой Анной; и имбиремъ будутъ по прежнему обжигать ротъ.

Сэръ Тоби. Твоя правда. Проваливай-ка! Пѣтушись въ лакейской. А подай-ка намъ винца, Марія!

Мальволіо. Если бъ ты, Марія, хоть сколько нибудь дорожила милостью графини, такъ не потворствовала бы этому разврату. Она узнаетъ объ этомъ, вотъ мое слово! (*Уходитъ*).

Марія. Ступай! Помахивай ушами!

Сэръ Андрей. А было бы такъ же хорошо, какъ и выпить, проголодавшись, вызвать его на поединокъ, да и не явиться, и тѣмъ его одурачить.

Сэръ Тоби. Сдѣлай-ка это, дружище; я напишу тебѣ вызовъ, или на словахъ разскажу ему, какъ ты сердился.

Марія. Почтеннѣйшій сэръ Тоби, будьте потише только эту ночь. Молодой посолъ отъ герцога опять былъ у нея и съ тѣхъ поръ ей совсѣмъ не по себѣ. А съ мусье Мальволіо я справлюсь. Если я не сдѣлаю его притчей во языцѣхъ и посмѣшищемъ, такъ позволяю вамъ думать, что не съумѣю лежать прямо въ постели. Я знаю, что могу это сдѣлать.

Сэръ Тоби. Разскажи же, разскажи! Что ты о немъ знаешь?

Марія. Право, иногда кажется, какъ-будто онъ родъ пуританина.

Сэръ Андрей. О, если бъ я думалъ это, то прибилъ бы его, какъ собаку!

Сэръ Тоби. Какъ? за то, что онъ пуританинъ? Твои побудительныя причины, рыцарь?

Сэръ Андрей. Мои причины хоть и не побудительны, но, напротивъ, хороши.

Марія. Пусть себѣ будетъ — чтобъ его нелегкая взяла — пуританиномъ или чѣмъ угодно: все-таки онъ флюгеръ, что ходитъ за вѣтромъ; оселъ, который выучилъ наизусть высокопарныя рѣчи и сыплетъ ихъ пригоршнями; ужасно доволенъ собою и совершенно увѣренъ въ томъ, что набитъ совершенствами; онъ свято вѣруетъ, что кто на него ни взглянетъ, непремѣнно въ него влюбится. Этотъ порокъ прекрасно поможетъ моему мщенію.

Сэръ Тоби. Чтожъ ты думаешь сдѣлать?

Марія. Я подкину ему туманныя любовныя письма. Въ нихъ опишу я цвѣтъ его волосъ, форму ногъ, поступь, глаза, лобъ, черты лица — и онъ узнаетъ себя непремѣнно. Я могу писать совершенно, какъ графиня, ваша племянница. Когда намъ попадется какая-нибудь забытая записка, такъ мы никакъ не можемъ различить нашего почерка.

Сэръ Тоби. Безподобно! Я уже чую, въ чемъ дѣло.

Сэръ Андрей. И мнѣ въ носъ ударило.

Сэръ Тоби. Онъ подумаетъ, что письма эти отъ моей племянницы и что она въ него влюблена.

Марія. Да, я, дѣйствительно, хочу выѣхать на этомъ конькѣ.

Сэръ Андрей. А, и этотъ конекъ сдѣлаетъ его осломъ.

Марія. Осломъ.

Сэръ Андрей. О, это чудесно будетъ!

Марія. Богатая штука! Ужъ повѣрьте: я знаю, мое зелье на него подѣйствуетъ. Я поставлю васъ двоихъ—шутъ будетъ третій—туда, гдѣ онъ долженъ найти письмо: замѣтьте только, какъ онъ будетъ изъяснять его. На сегодня довольно; желаю, чтобъ вамъ приснилась наша шутка. Прощайте! (*Уходитъ*).

Сэръ Тоби. Прощай, амазонка.

Сэръ Андрей. Славная, на мои глаза, она дѣвка!

Сэръ Тоби. Хорошо дрессирована и обожаетъ меня; да въ этомъ ее нельзя винить.

МАЛЬВОЛІО ГРОЗИТЪ ОТЪ ИМЕНИ ОЛИВІИ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Сэръ Андрей. И меня разъ какъ-то обожала!

Сэръ Тоби. Пойдемъ спать, сэръ. Не худо бы, если бъ тебѣ прислали денегъ.

Сэръ Андрей. Если мнѣ не удастся жениться на твоей племянницѣ, такъ я крѣпко обчелся.

Сэръ Тоби. Вели только прислать денегъ; если же она не будетъ, наконецъ, твоею, такъ назови меня лошадью.

Сэръ Андрей. Если я этого не сдѣлаю, такъ я безчестный человѣкъ. Понимай, какъ хочешь.

Сэръ Тоби. Пойдемъ, пойдемъ! Я приготовлю грогу. Ложиться уже поздно. Идемъ, братъ, идемъ! (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Комната во дворцѣ герцога.

Входятъ герцогъ, Віола, Куріо *и другіе.*

Герцогъ.

По звукамъ стосковался я. Здорово!
Цезаріо мой добрый, сдѣлай милость,
Спой ту старинную, простую пѣснь
Вчерашней ночи. Грусть мою какъ-будто
Она отвѣяла и дальше, и свѣжѣй,

Чѣмъ красныя слова воздушныхъ арій.
Плѣнявшихъ собой нашъ пестрый вѣкъ.
Одну строфу, одну строфу всего лишь!

Куріо. Извините, государь: того, кто могъ бы спѣть ее, здѣсь нѣтъ.

Герцогъ. Кто же это пѣлъ?

Куріо. Шутъ Фестъ, шутъ, который восхищалъ, бывало, отца Оливіи. Но онъ, вѣрно, гдѣ-нибудь близко.

ГЕРЦОГЪ.

Сыщите же его; а между тѣмъ
Сыграйте тотъ напѣвъ неотразимый.

(Куріо уходитъ. Музыка).

Цезаріо, когда полюбишь ты,
Въ страданьяхъ сладкихъ вспомни обо мнѣ.
Какъ я, всѣ любящіе своенравны,
Измѣнчивы въ движеніяхъ души.
Одно въ нихъ держится непоколебимо:
То—образъ милой, глубоко любимой.
Что, нравится ль тебѣ напѣвъ?

ВІОЛА.

Прекрасно!
Какъ эхо, раздается онъ въ чертогахъ,
Гдѣ царствуетъ любовь.

ГЕРЦОГЪ.

Твои слова
Искусно выражаютъ чувство страсти,
Ручаюсь жизнью! Какъ ни молодъ ты,
Но ты уже искалъ въ глазахъ любимой
Отвѣта на любовь—не такъ ли?

ВІОЛА.

Да,
Немного, государь.

ГЕРЦОГЪ.

Ну, какова жъ
Твоя любезная?

ВІОЛА.

На васъ похожа.

ГЕРЦОГЪ.

Не стоитъ же она тебя. Какъ молода?

ВІОЛА.

Почти что вашихъ лѣтъ.

ГЕРЦОГЪ.

Стара!
Жена должна избрать себѣ постарше;
Тогда она прилѣпится къ супругу,
И будетъ царствовать въ его груди.
Какъ мы себя, Цезаріо, ни хвалимъ,
А наши склонности непостояннѣй,
Чѣмъ женщины любовь.

ВІОЛА.

Я тѣхъ же мыслей.

ГЕРЦОГЪ.

Такъ избери подругу помоложе.
А иначе любовь не устоитъ.
Вѣдь, женщины, какъ розы:
Чуть расцвѣла—
Ужъ отцвѣла.
И милыхъ нѣтъ цвѣтовъ!

ВІОЛА.

Да, жребій ихъ таковъ!
Не доцвѣтать,
А умирать.
Ихъ жизнь—мгновенье, слезы.

Куріо *возвращается съ* шутомъ.

ГЕРЦОГЪ.

Ну, спой-ка пѣснь вчерашней ночи, другъ!
Замѣть—она старинная, простая.
Крестьянки на полѣ, сбирая хлѣбъ,
Иль, кружево сплетая, молодицы
Поютъ ее; она не мудрена
И сладкою невинности любовью
Играетъ, какъ простая старина.

Шутъ. Прикажете начать?

Герцогъ. Да, пожалуйста, спой.

Шутъ (*поетъ*).

Смерть, скорѣй прилетай, прилетай:—
Кипарисами гробъ мой обвитъ!
Жизнь, скорѣй улетай, улетай:
Я красавицей гордой убитъ!

Плющомъ украсьте саванъ мой,
Посмертный мой вѣнецъ!
Никто съ любовію такой
Не встрѣтитъ свой конецъ.

Нѣтъ, нѣжныхъ, прекрасныхъ цвѣтовъ
Не бросайте на черный мой гробъ
И во прахъ не склоняйте головъ,
На укрывшій дерновый сугробъ!

Чтобъ было некому по мнѣ вздыхать,
Заройте трупъ мой въ прахъ!
Чтобъ другу гробъ мой не сыскать,
Забудьте о слезахъ!

Герцогъ. Вотъ тебѣ за труды.

Шутъ. Что за трудъ, государь? Я нахожу удовольствіе въ пѣсняхъ.

Герцогъ. Такъ возьми за удовольствіе.

Шутъ. Пожалуй: за удовольствіе, рано или поздно, мы должны расплатиться.

Герцогъ. Позволь мнѣ тебя уволить.

Сыгра

Цезарі
Въ ст
Какъ
Измѣн
Одно
То—о
Что, н

Какъ
Гдѣ ц

Искус
Ручак
Но ть
Отвѣт

Немн

Твоя

Не с

Почт

Жена
Тогд
И бу
Какъ
А на
Имт

Шутъ. Да осѣнитъ тебя богъ меланхоліи, а портной сошьетъ тебѣ платье изъ двуличной тафты! Твой духъ—опалъ, играющій всѣми цвѣтами. Людей съ твоимъ постоянствомъ надобно бы посылать въ море, чтобъ они занимались всѣмъ, не находя нигдѣ цѣли, потому что, когда не знаешь, куда итти, то зайдешь всего дальше. Прощайте! (*Уходитъ*).

Герцогъ.

Оставьте насъ.

(*Куріо и придворные уходятъ*).

Цезарьо, еще разъ
Иди къ неограниченно-жестокой;
Скажи ей, что моя любовь надъ міромъ
Возвышена, какъ небо надъ землей:
Ей пыльныхъ областей земныхъ не нужно.
Скажи, что всѣ ея дары, богатства,
Ей счастьемъ данные, въ моихъ глазахъ
Ничтожны и измѣнчивы, какъ счастье.
Лишь онъ, тотъ царь-алмазъ, тотъ образъ-чудо,
Въ который Богъ ея оправилъ душу,
Меня прельстилъ, меня къ ней приковалъ.

Віола.

Однако жъ, если, государь, она
Не можетъ васъ любить?

Герцогъ.

Такой отвѣтъ
Не принимаю я.

Віола.

Но вы должны.
Положимъ, дѣвушка влюбилась въ васъ—
Какая, можетъ быть, и есть на свѣтѣ—
И сердце ноетъ у нея по васъ,
Какъ ваше по Оливіи; положимъ,
Что вы не можете ее любить,
Что вы ей это говорите—что жъ,
Отвѣтъ вашъ не должна ль она принять?

Герцогъ.

Грудь женщины не вынесетъ той бури,
Такого страсти урагана, какъ въ моемъ
Грохочетъ сердцѣ; женщины душа
Мала, чтобъ умѣстить въ себѣ такъ много.
Онѣ непостоянны; ихъ любовь
Желаньемъ только можетъ называться;
Она въ крови у нихъ, а не въ душѣ,
И вслѣдъ за ней отягощаютъ сердце
И пресыщеніе, и тошнота.
Моя жъ, какъ море, голодна любовь—
Ея не насытишь! О, не равняй
Мою къ Оливіи любовь съ любовью,
Что можетъ женщина ко мнѣ питать!

Віола.

Однако же я знаю...

Герцогъ.

Что ты знаешь?
Скажи.

Віола.

Мнѣ слишкомъ хорошо извѣстно,
Какъ женщина способна полюбить.
Ихъ сердце такъ же вѣрно, какъ и наше.
Дочь моего родителя любила,
Какъ, можетъ быть, я полюбила бъ васъ,
Когда бы слабой женщиной была.

Герцогъ.

А жизнь ея?

Віола.

Пустой листокъ, мой государь:
Она ни слова о своей любви
Не проронила, тайну берегла,
И тайна, какъ червякъ, сокрытый въ почкѣ,
Питалась пурпуромъ ея ланитъ.
Задумчива, блѣдна, въ тоскѣ глубокой,
Какъ геній христіанскаго терпѣнья,
Изсѣченный на камнѣ гробовомъ,
Она съ улыбкою глядѣла на тоску—
Иль это не любсвь? Конечно, намъ,
Мужчинамъ, легче говорить и клясться;
Да наши обѣщанья выше воли:
Велики въ клятвахъ мы, въ любви — ничтожны.

Герцогъ.

Сестра твоя скончалась отъ любви?

Віола.

Я—вотъ всѣ дочери и сыновья
Изъ дома моего отца. При всемъ томъ
Не знаю я... Да не пора ль къ графинѣ?

Герцогъ.

Да, вотъ въ чемъ дѣло! Живо, поспѣшай!
Вручи ей отъ меня вотъ этотъ перстень
И повтори ей, что моя любовь
Не вынесетъ отказа иль отсрочки.

(*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Садъ Оливіи.

Входятъ сэръ Тоби, сэръ Андрей *и* Фабіанъ.

Сэръ Тоби. Ступай сюда, синьоръ Фабіанъ.

Фабіанъ. Конечно, пойду. Если я про-

МАЛЬВОЛІО ЧИТАЕТЪ МНИМОЕ ПИСЬМО ОЛИВІИ.

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

роню хоть одинъ гранъ этой шутки, такъ пусть изъ меня сдѣлаютъ похлебку на меланхоліи.

Сэръ Тоби. Не порадуетъ ли тебя, что эта протоканалья осрамится съ головы до ногъ?

Фабіанъ. Я торжествовалъ бы! Ты знаешь: однажды онъ лишилъ меня милости графини, по случаю медвѣжьей травли.

Сэръ Тоби. На зло жъ ему, медвѣдя еще разъ спустятъ, и мы не оставимъ на немъ живого волоска. Не такъ ли, сэръ Андрей?

Сэръ Андрей. Если мы не сдѣлаемъ этого, то да сжалится надъ нами Небо!

Входитъ Марія.

Сэръ Тоби. Вотъ и бѣсенокъ. Ну, что, мое индійское золото?

Марія. Станьте втроемъ за кустъ: Мальволіо идетъ этой дорогой. Онъ съ полчаса стоялъ тамъ, на солнцѣ, и кривлялся передъ собственною тѣнью. Ради Бога, примѣчайте за нимъ! Я знаю, это письмо превратитъ его въ философствующаго болвана. Тише, ради всего веселаго! (*Мужчины прячутся*). Ты лежи здѣсь. (*Она бросаетъ письмо*). Вонъ плыветъ рыбка, которую надо поймать на удочку. (*Уходитъ*).

Входитъ Мальволіо.

Мальволіо. Все только счастье—одно счастье. Марія сказала мнѣ однажды, что графиня ко мнѣ неравнодушна, и я самъ слышалъ, какъ сама она намекала довольно ясно, что если она влюбится, такъ въ человѣка съ такой фигурой, какъ у меня, со мною обращается она съ большимъ почтеніемъ, чѣмъ съ кѣмъ-либо изъ остальныхъ слугъ ея. Что мнѣ объ этомъ думать?

Сэръ Тоби. Надутая скотина!

Фабіанъ. Тсъ! Эти умствованія превращаютъ его въ великолѣпнѣйшаго изъ индѣйскихъ пѣтуховъ. Экъ онъ надувается въ своихъ перьяхъ!

Сэръ Андрей. Ей-ей, такъ бы и прибилъ этого мошенника!

Сэръ Тоби. Тише!

Мальволіо. Быть графомъ Мальволіо...

Сэръ Тоби. О, скотъ!

Сэръ Андрей. Пулю въ лобъ ему, пулю!

Сэръ Тоби. Тише, тише!

Мальволіо. Есть примѣры: обергофмейстерина вышла за камердинера.

Сэръ Андрей. Погибни, Іезавель!

Фабіанъ. Тише! Теперь онъ окунулся по уши. Смотрите, какъ воображеніе его надуваетъ.

Мальволіо. Три мѣсяца прошли ужъ послѣ нашей свадьбы—и я сижу въ великолѣпномъ креслѣ.

Сэръ Тоби. О, если бы пустить въ него камнемъ изъ лука.

Мальволіо. Сзываю вокругъ себя моихъ чиновниковъ, сижу въ бархатномъ, цвѣтистомъ халатѣ, только-что вставъ съ постели, гдѣ оставилъ Оливію спящею...

Сэръ Тоби. Громъ и молнія!

Фабіанъ. Тсъ! тсъ!

Мальволіо. Потомъ находитъ барскій капризъ: осматриваешь ихъ важнымъ взоромъ, говоришь имъ: „я знаю свое мѣсто, такъ и вы знайте свое“ и, наконецъ, спрашиваешь о сэрѣ Тоби.

Сэръ Тоби. Адъ и проклятіе!

Фабіанъ. О, тише! тише! Теперь слушай!

Мальволіо. Семеро изъ моихъ слугъ

съ раболѣпною поспѣшностью бросаются за нимъ. Я, между-тѣмъ, наморщиваю лобъ, завожу, можетъ-быть, мои часы или играю драгоцѣннымъ перстнемъ. Сэръ Тоби входитъ, отвѣшиваетъ мнѣ свой поклонъ...

Сэръ Тови. Неужели оставить его въ живыхъ?

Фабіанъ. Молчи, хоть бы лошадьми тянули изъ тебя слова.

Мальволіо. Такъ протягиваю я ему руку и благосклонную улыбку подавляю строгимъ взглядомъ неудовольствія...

Сэръ Тови. И Тоби не ударитъ тебя въ рожу?

Мальволіо. И говорю: „mon cher Тоби, такъ какъ судьба соединила меня съ твоею племянницею, то я имѣю право сдѣлать тебѣ слѣдующія замѣчанія..."

Сэръ Тови. Что? какъ?

Мальволіо. Ты долженъ оставить пьянство...

Сэръ Тови. Оселъ!

Фабіанъ. Потерпите, пожалуйста, а то, вѣдь, мы все испортимъ.

Мальволіо. Кромѣ того, ты тратишь драгоцѣнное время съ болваномъ.

Сэръ Андрей. Это я—будьте увѣрены.

Мальволіо. Какимъ-то сэръ Андреемъ...

Сэръ Андрей. Я очень хорошо зналъ, что это я, потому что многіе называютъ меня болваномъ.

Мальволіо. Это что такое? *(Поднимаетъ письмо).*

Фабіанъ. Вотъ рыбка и на удочкѣ.

Сэръ Тови. Тсъ! И да внушитъ ему духъ шутки читать вслухъ!

Мальволіо. Клянусь жизнью, это почеркъ моей графини! Это, точно, ея Люди, Земля и Добро; она точно такъ пишетъ большіе Покои. Это ея рука...

Сэръ Андрей. Ея люди, земля и добро... къ чему это?

Мальволіо (*читаетъ*). „Неизвѣстному предмету любви моей это письмо и дружескій привѣтъ". Это совершенно ея слогъ. Постой—и печать ея: Лукреція, которую она обыкновенно употребляетъ. Это графиня! Къ кому бы это?

Фабіанъ. Завязъ съ душой и тѣломъ!

Мальволіо (*читаетъ*).

Богамъ извѣстно, я люблю!
Одну мечту лелѣю!
Кого люблю — я не скажу,
Признаться въ томъ не смѣю.

„Признаться въ томъ не смѣю!" Что дальше? Еще стихи! „Признаться въ томъ не смѣю!" Если бы это былъ ты, Мальволіо!

МАЛЬВОЛІО ЧИТАЕТЪ МНИМОЕ ПИСЬМО ОЛИВІИ.
Рисунокъ современнаго англійскаго иллюстратора Рольстона (Ralston).

Сэръ Тови. Повѣсить тебя, собаку!

Мальволіо (*читаетъ*).

Я рождена повелѣвать
Тому, къ кому душой пылаю;
Но не могу тебя назвать
И молча по тебѣ страдаю,
М. О. А. И.,
Кумиръ моей души.

Фабіанъ. Безтолковая загадка!

Сэръ Тови. Чудесная дѣвка!

Мальволіо. „М. О. А. И., кумиръ моей души". Сначала, однако жъ... Посмотримъ! посмотримъ!

Фабіанъ. Экъ она его разлакомила!

Сэръ Тови. Попался соколикъ!

Мальволіо.

Я рождена повелѣвать
Тому, къ кому душой пылаю.

Ну, конечно, она можетъ мнѣ повелѣвать, я ей служу, она моя госпожа — это ясно для всякаго здраваго ума: тутъ затрудненій нѣтъ. А конецъ? Что бы значилъ этотъ порядокъ буквъ? Если бы мнѣ удалось, такъ или иначе, приладить ихъ ко мнѣ. Постой! М. О. А. И.

Сэръ Тоби. Ну, догадывайся! Попалъ на слѣдъ!

Фабіанъ. Борзая залаяла, какъ будто почуяла лисицу.

Мальволіо. М. — Мальволіо — М... Ну, этимъ начинается мое имя.

Фабіанъ. Не сказалъ ли я, что онъ отыщетъ свое? У него удивительное чутье.

Мальволіо. М.—Но тогда нѣтъ согласія съ слѣдующимъ: дальше изъяснять нельзя; должно бы стоять А, а стоитъ О.

Фабіанъ. Этимъ О, надѣюсь, все и кончится.

Сэръ Тоби. Да, или я стану бить его, пока онъ не закричитъ: „о!"

Мальволіо. А за нимъ слѣдуетъ Азъ.

Фабіанъ. Если бы у тебя былъ хоть одинъ глазъ позади, ты увидѣлъ бы больше стыда за собою, чѣмъ счастья впереди.

Мальволіо. М. О. А. И. — это ужь не такъ ясно, какъ сначала; однако жъ, немножко поворочать, такъ можно приладить ко мнѣ: въ моемъ имени есть каждая изъ этихъ буквъ. Но вотъ слѣдуетъ проза. *(Читаетъ).*

„Если это письмо попадется въ твои руки — обдумай. Звѣзда моя возвышаетъ меня надъ тобою, но не бойся величія. Одни — родятся великими, другіе пріобрѣтаютъ величіе, а инымъ его бросаютъ. Судьба простираетъ надъ тобой свою десницу! Душой и тѣломъ вцѣпись въ свое счастье; а чтобъ привыкнуть къ тому, чѣмъ ты имѣешь надежду сдѣлаться, сбрось эту смиренную оболочку и явись превращеннымъ. Будь грубъ съ моимъ родственникомъ, ворчи на прислугу; изъ устъ твоихъ да звучатъ рѣчи политическія; веди себя странно. Это совѣтуетъ тебѣ та, которая по тебѣ вздыхаетъ. Вспомни, кто хвалилъ твои желтые чулки, кто всегда желалъ тебя видѣть съ на-крестъ застегнутыми подвязками—я говорю тебѣ: вспомни! смѣлѣй! Счастье къ твоимъ услугамъ, если ты этого хочешь. Если нѣтъ, то оставайся навсегда дворецкимъ, товарищемъ лакеевъ и недостойнымъ коснуться руки Фортуны! Прощай. Та, которая хотѣла бы помѣняться съ тобою своимъ званіемъ. *Счастливая Несчастливица*".

Свѣтъ солнечный не яснѣе! Это очевидно. Я буду гордымъ; буду читать политическія книги; ниспровергну сэра Тоби; очищу себя отъ низкихъ знакомствъ; до послѣдняго волоска стану такимъ, какъ должно. Теперь я не обманываю себя: воображеніе не имѣетъ надо мною никакой власти. На дняхъ она хвалила мои желтые чулки, восхищалась моими подвязками; здѣсь открывается она въ любви и тонкимъ намекомъ заставляетъ меня одѣваться по ея вкусу. Благодарю звѣзду мою—я счастливъ! Я буду страненъ, гордъ, стану носить желтые чулки, на-крестъ застегивать подвязки... Да будутъ благословенны боги и мое созвѣздіе! Вотъ еще приписка.

„Ты не можешь не догадаться, кто я. Если ты отвѣчаешь на любовь мою—знакомъ да будетъ твоя улыбка. Тебѣ такъ къ лицу, когда ты улыбаешься, и потому, прошу тебя, улыбайся всегда въ моемъ присутствіи".

Боги! благодарю васъ! Я буду улыбаться, буду дѣлать все, чего ты ни потребуешь. *(Уходитъ).*

Фабіанъ. Я не отдалъ бы моего участья въ этой потѣхѣ ни за тысячу годовыхъ доходовъ султана.

Сэръ Тоби. За эту шутку я готовъ бы жениться на этой дѣвкѣ.

Сэръ Андрей. И я бы женился...

Сэръ Тоби. И не взялъ бы другого приданаго, кромѣ еще такой шутки.

Сэръ Андрей. И я не взялъ бы.

Марія *возвращается.*

Фабіанъ. Вотъ она, наше золото!

Сэръ Тоби. Послушай, амазонка, требуй, чего хочешь! Сдѣлай изъ меня табуретъ для твоихъ ногъ, если угодно...

Сэръ Андрей. Иль изъ меня.

Сэръ Тоби. Иль прикажи мнѣ проиграть въ шашки мою свободу и сдѣлаться рабомъ твоимъ.

Сэръ Андрей. Иль мнѣ сдѣлаться...

Сэръ Тоби. Ты погрузила его въ такой сонъ, что когда его видѣнія исчезнутъ, онъ непремѣнно сойдетъ съ ума.

Марія. Нѣтъ, оно не шутя подѣйствовало на него?

Сэръ Тоби. Какъ водка на старую бабу.

Марія. Такъ если вы хотите увидѣть плоды нашей шутки, замѣтьте появленіе его при графинѣ. Онъ придетъ въ желтыхъ чулкахъ, а она ненавидитъ этотъ цвѣтъ; подвязки будутъ застегнуты на-крестъ, а она этого терпѣть не можетъ; онъ будетъ, глядя на нее, улыбаться, а это такъ мало гармонируетъ съ ея грустью, что онъ лишится всей ея милости. Если хотите взглянуть на это, такъ идите за мною.

Сэръ Тоби. До воротъ самаго ада, несравненный дьяволъ остроумія.

Сэръ Андрей. И я до воротъ. *(Уходятъ).*

ВІОЛА И ШУТЪ СЪ БАРАБАНОМЪ.
(*Рисунокъ Джильберта* (*Gilbert*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Садъ Оливіи.

Входятъ Віола *и* шутъ *съ барабаномъ.*

Віола. Здравствуй, другъ, съ твоей музыкой! Каково поживаешь ты при барабанѣ?

Шутъ. Я поживаю, сударь, при церкви.

Віола. Развѣ ты церковникъ?

Шутъ. Нѣтъ, не то; а проживаю я при церкви потому, что проживаю въ моемъ домѣ, а домъ мой стоитъ при церкви.

Віола. Да этакъ ты, пожалуй, можешь сказать, что церковь выстроена при барабанѣ, если барабанъ стоитъ подлѣ нея.

Шутъ. Правда, сударь. Вотъ вѣкъ настал! Для умной головы всякая рѣчь, какъ карманъ: мигомъ вывернетъ на изнанку.

Віола. Ты не шутъ ли Оливіи?

Шутъ. Нисколько. У Оливіи нѣтъ дурачества, и она до тѣхъ поръ не будетъ держать у себя шута, пока не выйдетъ замужъ; а шуты относятся къ мужьямъ, какъ сардинка къ селедкамъ: мужъ наибольшій изъ двухъ. Собственно, я не шутъ ея, а слововыворачиватель.

Віола. На дняхъ я видѣлъ тебя у графа Орсино.

Шутъ. Глупость, какъ солнце, бродитъ вокругъ свѣта и свѣтитъ повсюду. Жаль, если дуракъ не будетъ посѣщать вашего господина такъ же часто, какъ мою госпожу. Кажись, я видѣлъ у нея вашу премудрость.

Віола. Если ты хочешь смѣяться надо мной, такъ мнѣ нечего больше съ тобой толковать. Вотъ тебѣ на водку.

Шутъ. Да подаритъ тебѣ Зевсъ для бороды первый клокъ, который у него сыщется!

Віола (*про себя*). Да, я почти изнываю по ней, хотя и не желала бы, чтобъ она росла на моемъ подбородкѣ. (*Громко*). Графиня дома?

Шутъ (*указывая на деньги*). А что? можетъ эта пара прижить дѣтей?

Віола. И очень: стоитъ только ихъ свесть.

Шутъ. Я охотно сыгралъ бы роль Пандара, чтобъ этого Троила свесть съ Крессидой.

Віола. Понимаю: ты искусно нищенствуешь.

Шутъ. Кажется, не велика штука! Я прошу только о нищей. Крессида была нищая. Графиня дома, сударь. Я разскажу ей, откуда вы; кто же вы и чего вы хотите—это внѣ моей „сферы"; я могъ бы сказать „горизонта", да это слово уже больно истерто.

(*Уходитъ*).

Віола.

Да, этотъ молодецъ смышленъ довольно—
Играть роль дурака; а чтобы ловко
Ее сыграть, такъ надобно умѣнье.
Онъ долженъ знать и обстоятельства, и нравъ,
И лица тѣхъ людей, надъ кѣмъ смѣется.
Какъ соколъ, долженъ онъ летѣть стрѣлой
На всякую изъ птицъ, предъ нимъ парящихъ.
И, право, это ремесло не легче
Искусства мудрымъ быть. Когда дуракъ
Дурачится, ему дурачество къ лицу,
Но ужъ никакъ пристать не можетъ мудрецу.

Входятъ сэръ Тоби и сэръ Андрей.

Сэръ Тоби. Здравствуйте!

Віола. Мое почтеніе.

Сэръ Андрей. Dieu vous garde, monsieur.

Віола. Et vous aussi, votre serviteur.

Сэръ Андрей. Надѣюсь, что такъ—и я къ вашимъ услугамъ.

Сэръ Тоби. Вы хотите войти въ домъ? Племянница моя желаетъ васъ видѣть, если у васъ есть до нея дѣло.

Віола. Я очень ей обязанъ... я хочу сказать: я обязанъ итти къ ней.

Сэръ Тоби. Такъ ноги въ карманъ—и маршъ!

Віола. Мои ноги понимаютъ меня лучше, чѣмъ я ваше выраженіе.

Сэръ Тоби. Да, я просто хочу сказать: идите.

Віола. Я отвѣчу вамъ дѣломъ; но насъ предупредили.

Входятъ Оливія *и* Марія.

Віола. Очаровательная, несравненная графиня! Небо да ниспошлетъ на васъ дождь благоуханій!

Сэръ Андрей. Этотъ молодой человѣкъ отличный придворный. Дождь благоуханій! Прекрасно!

Віола. Мое порученіе безмолвно для всѣхъ, графиня, кромѣ вашего благосклоннаго и снисходительнаго слуха.

Сэръ Андрей. Благоуханіе! Благосклонное! Снисходительная! Замѣчу всѣ три.

Оливія. Затворите садовую дверь и оставьте насъ. Я хочу его выслушать.
(*Сэръ Тоби, сэръ Андрей и Марія уходятъ*).

Оливія. Позвольте вашу руку.

Віола.

Повелѣвайте мной, графиня: я
Къ услугамъ вашимъ.

Оливія.

Имя ваше какъ?

Віола.

Цезарьо—имя вашего слуги,
Прелестная графиня.

Оливія.

Мой слуга?
Не радовался свѣтъ еще ни разу,
Когда учтивостью считали лесть.
Вы, юноша, слуга Орсино.

Віола.

А онъ вашъ!
Слуга же вашего слуги обязанъ
И вашимъ быть, графиня.

Оливія.

Я о немъ
Не думаю: его же мысли лучше
Пусть будутъ неисписаннымъ листкомъ,
Чѣмъ мной наполнены.

Віола.

Графиня, я
Пришелъ, чтобъ ваши помыслы склонить
Къ нему, чье сердце полно...

Оливія.

Извините,
О немъ я говорить вамъ запретила.
Но если есть у васъ другая просьба,
Я выслушаю ваше предложенье
Охотнѣй, чѣмъ музыку сферъ.

Віола.

Графиня...

Оливія.

Позвольте на минуту! Прошлый разъ
Вы здѣсь произвели очарованье,
И я за вами вслѣдъ послала перстень;
Я этимъ обманула и себя,
И моего слугу, и, вѣрно, васъ.
Теперь невыгодному толкованью
Я подвергаюсь, навязавши вамъ
Съ лукавствомъ недостойнымъ эту вещь,
Принадлежащую не вамъ. Ну, что же?
Вы что подумали? Вы честь мою
Мишенью сдѣлали—и полетѣли
Въ нее всѣ необузданныя мысли,
Какъ стрѣлы, изъ души властолюбивой?
Для прозорливаго ума, какъ вашъ,
Я обнаружила довольно: сердце
Мое прикрыто дымкою—не грудью.
Такъ говорите же теперь и вы.

Віола.

Я сожалѣю...

Оливія.

Это шагъ къ любви.

Віола.

Ни на вершокъ; изъ опыта мы знаемъ,
Что часто сожалѣютъ о врагахъ.

Оливія.

Такъ, стало-быть, опять пора смѣяться!
Какъ возгордиться нищему легко!
Но если должно пасть добычей, лучше
Попасться въ когти льву, чѣмъ въ зубы волку.
(*Бьютъ часы*).

ЗНАТНАЯ ИТАЛЬЯНКА XVI ВѢКА.

Портретъ кипрской королевы Катерины Корнаро, кисти знаменитаго итальянскаго живописца Тиціано Вечелліо (Tiziano Vecellio, 1477—1576).

Звонъ колокольчика напомнилъ мнѣ,
Что я теряю время. Успокойтесь:
Я не желаю васъ, мой другъ. Когда же
Въ васъ молодость и умъ созрѣютъ, будетъ
Завидный у супруги вашей мужъ.
Вашъ путь идетъ туда, на западъ.

Віола.

Итакъ, на западъ! Васъ да осѣнятъ
Дары небесъ, веселіе и счастье!
А государю моему ни слова?

Оливія.

Скажи, что думаешь ты обо мнѣ?

Віола.

Я думаю, душа въ васъ говоритъ:
„Оливія—не то, что есть".

Оливія.

Такъ знай:
Я то же думаю и о тебѣ.

Віола.

Вы не ошиблись: я—не я, синьора.

Оливія.

Желала бы тебя я видѣть тѣмъ,
Чѣмъ я хочу.

Віола.

Когда бы я тогда
Сталъ чѣмъ-нибудь получше—я того
Желалъ бы; а теперь я вашъ дуракъ.

Оливія.

О, сколько прекраснаго въ этихъ устахъ,
Когда на перловыхъ въ кораллѣ зубахъ
Змѣятся насмѣшка и гнѣвъ, и презрѣнье!
Любовь, ты не долго свое откровенье
Таишь, какъ сознанье кровавой вины.
Цезарьо, клянусь тебѣ розой весны,
Клянусь непорочной души чистотою
И всѣмъ, что священно—любовью святою,
Тебя полюбила я, какъ ты ни гордъ!
Мой умъ передъ сердцемъ безъ силы простертъ.
Зачѣмъ же себя оградилъ ты молчаньемъ,
Когда я сгораю безумнымъ желаньемъ?
Цезаріо, сладко въ любви тосковать,
Но слаще отвѣтъ на любовь отыскать!

Віола.

Клянусь моей юностью, въ этой груди
Есть сердце и вѣрность; но ими владѣетъ
Не женщина. Кромѣ меня не посмѣетъ
Никто воцариться на тронѣ души.
Прощайте, графиня. Впередъ я не стану
Описывать графа сердечную рану. (*Уходитъ*).

Оливія.

Вернись! Мое сердце ты можешь склонить
Любовью, мнѣ чуждою, графа любить!
(*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Комната въ домѣ Оливіи.

Входятъ сэръ Тоби, сэръ Андрей *и* Фабіанъ.

Сэръ Андрей. Нѣтъ, ей-богу, я не останусь ни минуты дольше.

Сэръ Тоби. Почему, великолѣпная ярость? Скажи, почему?

Фабіанъ. Вы непремѣнно должны сказать намъ причину, сэръ Андрей.

Сэръ Андрей. Ну, я видѣлъ твою племянницу: она гораздо была ласковѣе съ слугою графа, чѣмъ со мной когда-нибудь. Тамъ въ саду я это видѣлъ.

Сэръ Тоби. А видѣла она тогда тебя, старый ребенокъ? Ну, говори!

Сэръ Андрей. Ясно, какъ я теперь васъ.

Фабіанъ. Это сильное доказательство, что она васъ любитъ.

Сэръ Андрей. Чортъ возьми! Хотите вы сдѣлать изъ меня осла?

Фабіанъ. Я докажу вамъ это законнымъ порядкомъ; умъ и разумъ присягнутъ въ этомъ.

Сэръ Тоби. А они были присяжными, когда еще Ной не плавалъ въ ковчегѣ.

Фабіанъ. Она любезничала съ этимъ молодцомъ въ нашихъ глазахъ единственно для того, чтобъ пробудить спящее мужество, наполнить огнемъ вашу грудь и пламенемъ сердце. Вамъ бы тогда подойти и заставить молчать этого молодца самыми лучшими и свѣжими, какъ съ иголочки, шутками. Этого отъ васъ ожидали — и обманулись. Вы позволили времени смыть двойную позолоту этого случая, и въ мнѣніи графини поплыли на сѣверъ, гдѣ и будете висѣть, какъ ледяная сосулька на бородѣ голландца, пока не исправите дѣла какимъ-нибудь отличнымъ порывомъ храбрости или тонкою политикой.

Сэръ Андрей. Коли надо этому быть, такъ надо, чтобъ храбростью. Политику я ненавижу. По моему лучше ужъ быть пуританиномъ, чѣмъ заниматься политикой.

Сэръ Тоби. Пожалуй, построимъ твое счастье на основаніи храбрости. Такъ вызови жъ графскаго посла на дуэль и изрань

его въ одиннадцати мѣстахъ. Племянница моя узнаетъ объ этомъ и—будь увѣренъ—что никакая сваха въ мірѣ не отрекомендуетъ тебя женщинѣ такъ хорошо, какъ слава храбрости.

Фабіанъ. Другого средства не остается, сэръ Андрей.

Сэръ Андрей. Согласенъ кто-нибудь изъ васъ отнести къ нему мой вызовъ?

Сэръ Тоби. Иди и напиши его рукою Марса, дерзко и кратко. До остроумія дѣла нѣтъ: было бы краснорѣчиво да замысловато. Разругай его во весь листъ. Не помѣшаетъ, если ты ему „тыкнешь" съ полдюжины разъ. Сади ложь на ложь, сколько ихъ умѣстится на листѣ бумаги, будь онъ длиной въ простыню на кровать въ Уорѣ. въ Англіи. Ступай, да смотри, чтобы въ чернилахъ твоихъ нашлось довольно желчи, хоть ты и пишешь гусинымъ перомъ. Но это не важность. За дѣло!

Сэръ Андрей. Гдѣ мнѣ васъ найти?

Сэръ Тоби. Мы позовемъ тебя ex cubiculo. Иди только.

(Сэръ Андрей уходитъ).

Фабіанъ. Дорогой это для тебя человѣкъ, сэръ Тоби.

Сэръ Тоби. Да и я ему не дешево пришелся: тысячи въ двѣ-три.

Фабіанъ. Мы получимъ отъ него рѣдкость—не письмо; но, вѣдь, ты его не отдашь?

Сэръ Тоби. Ужъ, конечно, нѣтъ; но всетаки буду подстрекать молодца вытти на его вызовъ. Я думаю, ихъ и волами не стащишь вмѣстѣ. Что же касается нашего рыцаря, такъ если его вскроютъ и найдутъ въ немъ крови блохѣ на завтракъ—я готовъ съѣсть все остальное.

Фабіанъ. Да и противникъ его, этотъ молодой человѣкъ, судя по лицу, не обѣщаетъ особенной свирѣпости.

Входитъ Марія.

Сэръ Тоби. Смотри: вотъ и соловей нашъ!

Марія. Хотите заболѣть отъ смѣха, такъ пойдемте со мной. Этотъ болванъ Мальволіо сдѣлался идолопоклонникомъ, настоящимъ ренегатомъ. Никакой мусульманинъ, уповающій на блаженство въ своей вѣрѣ, не вѣруетъ въ такую кучу глупѣйшихъ вещей. Онъ уже въ желтыхъ чулкахъ.

Сэръ Тоби. И съ подвязками на-крестъ?

Марія. Да, и гуляетъ, точно цапля въ болотѣ. Я шла за нимъ тайкомъ, какъ воръ, и знаю, что онъ сообразуется съ каждой буквой моего письма. Едва улыбнется онъ, какъ на лицѣ его является больше линій, чѣмъ на новой картѣ съ обѣими Индіями. Вы не можете себѣ представить всего этого, и я едва могла удержаться, чтобъ не швырнуть ему что-нибудь въ голову. Я увѣрена, что графиня дастъ ему пощечину, а онъ, улыбаясь, приметъ это, какъ особенную милость.

Сэръ Тоби. Пойдемъ, пойдемъ! Веди насъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Улица.

Входятъ Антоніо *и* Себастіанъ.

Себастіанъ.

Я не хотѣлъ тебя обезпокоить;
Но если этотъ трудъ тебѣ не въ тягость,
Такъ я тебя не стану и бранить.

Антоніо.

Тебя покинуть я не могъ; желанье,
Острѣйшее зубчатой стали шпоръ,
Меня погнало за тобою слѣдомъ,
И не одна охота повидаться—
Хотя и этого уже довольно,
Чтобы завлечь меня въ далекій путь—
Но также и забота, каково
Ты совершишь свой путь, страны не зная,
Которая чужому, безъ друзей
И безъ путеводителя, нерѣдко
Является угрюмою пустыней.
Вотъ опасенія мои, и съ ними
Моя любовь тѣмъ больше поспѣшила
Вслѣдъ за тобой.

Себастіанъ.

Мой добрый другъ Антоньо,
Благодарю, благодарю, благодарю—
Вотъ все, чѣмъ отвѣчать тебѣ могу я.
За добрыя услуги часто платятъ
Такой невыгодной монетой... Да,
Будь кошелекъ мой полонъ, какъ душа,
Ты лучшую награду получилъ бы.
Ну, чѣмъ заняться? Не пойти ли въ городъ
Взглянуть на древности его?

Антоніо.

До завтра:
Сперва квартиру надо поискать.

Себастіанъ.

Я не усталъ, и до ночи далеко.

Пожалуйста, порадуемъ нашъ взоръ;
Пойдемъ взглянуть на славныя строенья
И монументы города.

Антоніо.

Нѣтъ, извини:
Мнѣ здѣсь по улицамъ ходить опасно.
Въ морскомъ сраженьи съ кораблями графа
Разъ удалось мнѣ службу сослужить
Такую, что ужъ мнѣ не оправдаться,
Когда бъ имъ удалось меня поймать.

Себастіанъ.

Ты много истребилъ его людей?

Антоніо.

Нѣтъ, мой проступокъ не такой кровавый,
Хоть обстоятельства и споръ могли
Быть поводомъ кроваваго убійства.
Конечно, дѣло можно было сладить
Вознагражденьемъ отнятыхъ вещей;
Да большая часть нашихъ добрыхъ гражданъ
И поступила такъ, торговли ради;
Но я не захотѣлъ. Итакъ, мой другъ,
Мнѣ дорого придется покаянье,
Когда меня поймаютъ здѣсь теперь.

Себастіанъ.

Такъ не ходи жъ по улицамъ такъ явно.

Антоніо.

И не пойду. На, вотъ мой кошелекъ.
Квартиры лучшія въ предмѣстьи Юга.
Въ гостиницѣ подъ вывѣской Слона
Я закажу обѣдъ, а ты покамѣстъ
Умножь познанья, исходивши городъ,
И время за носъ поводи. Меня
Найдешь въ гостиницѣ.

Себастіанъ.

Къ чему мнѣ кошелекъ?

Антоніо.

На случай, если что-нибудь себѣ
Купить захочешь, то чтобъ не нуждаться.

Себастіанъ.

Итакъ, твоимъ я буду казначеемъ.
Прощай же.

Антоніо.

Жду подъ вывѣской Слона.

Себастіанъ.

Явлюсь—не позабуду. *(Уходятъ).*

СЦЕНА IV.

Садъ Оливіи.

Входятъ Оливія *и* Марія.

Оливія.

За нимъ послала я. Когда придетъ онъ,
Какъ угостить его? чѣмъ подарить?
Для молодости золото такъ мило!
Я говорю такъ громко! Гдѣ Мальвольо?
Онъ вѣжливъ и торжественъ. Въ этомъ дѣлѣ
Такой слуга съ руки. Мальвольо!

Марія.

Онъ
Идетъ сюда, графиня; только страненъ
До крайности. Онъ, вѣрно, помѣшался.

Оливія.

Что сталось съ нимъ? Онъ бредитъ?

Марія.

Нѣтъ, нисколько:
Онъ только улыбается. Не худо,
Чтобъ кто-нибудь, графиня, былъ при васъ
На всякій случай. Право, онъ рехнулся.

Оливія.

Поди-ка позови его скорѣй.
(*Марія уходитъ*).
И я безумная, какъ онъ, когда
Веселое безумство сходно съ грустнымъ.

Марія *возвращается съ* Мальволіо.

Оливія. Какъ поживаешь, Мальволіо?

Мальволіо *(улыбаясь изыскано)*. Прелестная графиня! хе!-хе!

Оливія. Ты улыбаешься? А я позвала тебя по серьезному дѣлу.

Мальволіо. По серьезному, графиня? Конечно, я могъ бы быть серьезнымъ, такъ-какъ эти подвязки на-крестъ останавливаютъ и сгущаютъ кровь. Впрочемъ, что за дѣло? Если же это пріятно взорамъ одной, то я готовъ повторить этотъ правдивый сонетъ: „Когда я нравлюся одной, то нравлюсь всѣмъ, само-собой"!

Оливія. Что съ тобою, Мальволіо? Здоровъ ли ты?

Мальволіо. У меня не черная душа, хотя и желтые чулки. Письмо въ моихъ рукахъ, и повелѣнія должны быть исполнены. Надѣюсь, я знаю этотъ прекрасный латинскій почеркъ.

Оливія. Не лечь ли тебѣ въ постель, Мальволіо?

Мальволіо. Въ постель? Да, душа моя, я приду къ тебѣ.

МАЛЬВОЛІО СТАРАЕТСЯ ПОНРАВИТЬСЯ ОЛИВІИ.

Картина извѣстнаго англо-нѣмецкаго художника Рамберга (Henry Ramberg, 1763—1840).

Оливія. Господь съ тобой! Съ какой стати ты улыбаешься и безпрестанно посылаешь воздушные поцѣлуи?

Марія. Какъ ваше здоровье, Мальволіо?

Мальволіо. Вамъ желательно знать? Но развѣ соловьи отвѣчаютъ сорокамъ?

Марія. Что это значитъ, что вы являетесь къ графинѣ съ такимъ смѣшнымъ безстыдствомъ?

Мальволіо. „Не бойся величія". Это было прекрасно сказано.

Оливія. Что ты хочешь этимъ сказать, Мальволіо?

Мальволіо. „Одни родятся великими"...

Оливія. Ну?

Мальволіо. „Другіе пріобрѣтаютъ величіе".

Оливія. Что ты говоришь?

Мальволіо. „А инымъ его бросаютъ".

Оливія. Да поможетъ тебѣ Небо!

Мальволіо. „Вспомни, кто хвалилъ твои желтые чулки"...

Оливія. Твои желтые чулки?

Мальволіо. „Кто желалъ тебя видѣть съ на-крестъ завязанными подвязками"...

Оливія. Съ подвязками на-крестъ?

Мальволіо. „Смѣлѣй: счастье къ твоимъ услугамъ, если ты только хочешь"...

Оливія. Къ моимъ услугамъ?

Мальволіо. „Если жъ нѣтъ, такъ оставайся навсегда слугою".

Оливія. Да это совершенное безуміе!

Входитъ слуга.

Слуга. Ваше сіятельство, молодой кавалеръ отъ графа Орсино пришелъ снова, и я едва уговорилъ его подождать. Онъ ожидаетъ вашихъ приказаній.

Оливія. Сейчасъ приду. (*Слуга уходитъ*). Любезная Марія, пожалуйста, позаботься объ этомъ человѣкѣ. Гдѣ Тоби? Пусть двое изъ моихъ людей хорошенько за нимъ присматриваютъ. Ни за что въ мірѣ не желала бы я, чтобъ съ нимъ случилось какое-нибудь несчастье. (*Оливія и Марія уходятъ*).

Мальволіо. А-га! еще яснѣе! Да-съ! Не кто-нибудь, а самъ сэръ Тоби долженъ обо мнѣ заботиться, что совершенно согласно съ письмомъ. Она нарочно посылаетъ его ко мнѣ, чтобъ я обошелся съ нимъ грубо, о чемъ сказано и въ письмѣ. „Сбрось эту смиренную оболочку", пишетъ она: „и будь грубъ съ моимъ родственникомъ, ворчи на прислугу; изъ устъ твоихъ да зазвучатъ рѣчи политическія; веди себя странно". И прибавляетъ затѣмъ, что при этомъ необходимы: „серьезное лицо, важная поступь, медленная рѣчь, на манеръ вельможъ" и тому подобное. Попалась, голубушка! Конечно, это милость боговъ, и боги найдутъ меня благодарнымъ. А слова при уходѣ: „позаботьтесь объ этомъ человѣкѣ". Не о Мальволіо, не о дворецкомъ, а о человѣкѣ! Да, все въ наилучшей гармоніи: ни скрупула, ни грана сомнѣнія, никакого препятствія, никакого невѣроятнаго или двусмысленнаго обстоятельства. Что тутъ возразить? Ничто не можетъ стать между мною и далекой перспективой моихъ надеждъ. Боги, а не я, совершили это—и имъ принадлежитъ благодареніе.

Марія *возвращается съ* сэромъ Тоби *и* Фабіаномъ.

Сэръ Тоби. Гдѣ онъ, во имя всего святого? Я заговорю съ нимъ, хотя бы въ него вселились всѣ бѣсы ада, хотя бы имъ обладалъ цѣлый легіонъ ихъ.

Фабіанъ. Вотъ онъ! вотъ онъ! Что съ вами, сударь? что съ вами, почтеннѣйшій?

Мальволіо. Ступайте — я отпускаю васъ. Оставьте меня наслаждаться моимъ уединеніемъ. Ступайте прочь!

Марія. Прислушайтесь, какъ глухо говоритъ въ немъ лукавый! Не говорила ли я вамъ? Сэръ Тоби, графиня проситъ васъ позаботиться о немъ.

Мальволіо. Э-ге! въ самомъ дѣлѣ?

Сэръ Тоби. Тише, тише! съ нимъ должно обходиться ласково. Оставьте—ужъ я знаю какъ. Что съ тобою, Мальволіо? Здоровъ ли ты? Что жъ, другъ мой, сатанѣ должно противиться; подумай, вѣдь, онъ врагъ человѣка.

Мальволіо. Знаете ли вы, что вы говорите?

Марія. Видите, какъ онъ принимаетъ къ сердцу, когда говорятъ худо о сатанѣ! Дай Богъ, чтобъ онъ не былъ заколдованъ!

Фабіанъ. Показатьбы его мочу ворожеѣ.

Марія. Завтра же утромъ, непремѣнно. Графиня ни за что въ мірѣ не хотѣла бы его лишиться.

Мальволіо. Ты думаешь?

Марія. О, Господи!

Сэръ Тоби. Пожалуйста, замолчи! Это совсѣмъ не то, и развѣ вы не видите, что вы его только раздражаете? Оставьте: ужъ я одинъ справлюсь.

Фабіанъ. Не иначе, какъ ласково: лукавый золъ и не терпитъ возраженій.

Сэръ Тоби. Ну, что ты подѣлываешь,

голубокъ мой? Какъ поживаешь, мой цыпленочекъ?

Мальволіо. Милостивый государь!

Сэръ Тоби. Поди сюда! Цыпъ, цыпъ! Нѣтъ, сударь, важному человѣку не пристало играть съ сатаною въ бабки. Изыди, окаянный!

Марія. Заставьте его проговорить молитву, добрѣйшій сэръ Тоби, заставьте его молиться.

Мальволіо. Молиться, выдра?

Марія. Видите, я вамъ говорила: онъ и слышать не хочетъ о страхѣ божіемъ.

Мальволіо. Убирайтесь на висѣлицу! Болваны, ничтожныя твари, не къ вашей сферѣ принадлежу я. Вы еще обо мнѣ услышите. (*Уходитъ*).

Сэръ Тоби. Возможно ли?

Фабіанъ. Если представить на сценѣ, я бы назвалъ это, можетъ быть, неправдоподобной выдумкой.

Сэръ Тоби. Голова его биткомъ набита нашей шуткой.

Марія. Такъ не отставайте отъ него, чтобъ шутка наша не выдохлась.

Фабіанъ. Право, мы его сведемъ съ ума.

Марія. Тѣмъ покойнѣе будетъ въ домѣ.

Сэръ Тоби. Пойдемъ, свяжемъ его и засадимъ въ темную комнату. Племянница моя уже увѣрена, что онъ сошелъ съ ума, и мы можемъ продолжать нашу шутку себѣ на потѣху, а ему на покаяніе до тѣхъ поръ, пока намъ самимъ надоѣстъ; а тогда можно и сжалиться. Мы поведемъ дѣло судебнымъ порядкомъ, а ты, амазонка, его освидѣтельствуешь. Смотри!

Входитъ сэръ Андрей.

Фабіанъ. Еще потѣха!

Сэръ Андрей. Вотъ вамъ вызовъ: читайте! Ручаюсь, что соли и перцу довольно.

Фабіанъ. Ужели онъ такъ дерзко написанъ?

Сэръ Андрей. Ну — да, ручаюсь. Прочтите только.

Сэръ Тоби. Подай сюда. (*Читаетъ*). „Молодой человѣкъ! Кто бы ты ни былъ, ты все таки собака".

Фабіанъ. Изящно и храбро!

Сэръ Тоби (*читаетъ*). „Не удивляйся и не изумляйся въ душѣ своей, почему я тебя такъ называю, такъ-какъ не говорю тебѣ причины".

Фабіанъ. Славный крючекъ! На нѣтъ и суда нѣтъ.

Сэръ Тоби (*читаетъ*). „Ты приходишь къ графинѣ Оливіи, и она любезничаетъ съ тобою въ моихъ глазахъ. Но ты лжешь — я тебя вовсе не за это вызываю".

Фабіанъ. Удивительно кратко и удивительно безсмысленно!

Сэръ Тоби (*читаетъ*). „Я подстерегу тебя на возвратномъ пути домой, и если ты будешь столько счастливъ, что убьешь меня"...

Фабіанъ. Славно!

Сэръ Тоби (*читаетъ*). „То ты убьешь меня, какъ мерзавецъ и мошенникъ".

Фабіанъ. Ты все отъ выстрѣла въ сторону.

Сэръ Тоби (*читаетъ*). „Прощай — и Господь да помилуетъ одну изъ нашихъ душъ! Онъ можетъ помиловать и мою; но я надѣюсь на лучшее. Итакъ — берегись! Твой другъ, смотря по тому, какъ ты меня встрѣтишь, или твой заклятый врагъ — Андрей Эгчикъ". Если это письмо его не взорветъ, такъ его и порохомъ не сдвинешь съ мѣста. Я отдамъ ему его.

Марія. Вы сейчасъ можете это сдѣлать: онъ теперь разговариваетъ съ графиней и скоро уйдетъ.

Сэръ Тоби. Ступай, сэръ Андрей, и подстереги его у садовой рѣшетки, какъ охотникъ зайца. Только что увидишь его, обнажи шпагу и окати его потокомъ ужаснѣйшихъ ругательствъ. Часто случается, что какъ проревешь медвѣжьимъ басомъ самую ~~нанужаснѣйшую ругань~~, такъ прослывешь храбрымъ гораздо больше, чѣмъ отъ настоящаго дѣла. Маршъ!

Сэръ Андрей. Ну, ужъ ругаться я съумѣю.

(*Уходитъ*).

Сэръ Тоби. Письма-то я, конечно, не отдамъ. Обращеніе этого молодого человѣка доказываетъ, что онъ уменъ и хорошо воспитанъ, да и посредничество его между его господиномъ и моею племянницею подтверждаютъ это. Итакъ, письмо не испугаетъ его, такъ какъ оно глупо, какъ нельзя болѣе, и онъ тотчасъ смекнетъ, что оно написано осломъ. Вмѣсто того, я изустно передамъ ему вызовъ, наговорю съ три короба о храбрости Андрея и поселю въ немъ высокое мнѣніе о его ярости, ловкости и вспыльчивости. Онъ такъ молодъ, что повѣритъ всему. Это обоихъ ихъ такъ перепугаетъ, что они уничтожатъ другъ друга глазами, какъ василиски.

Входятъ Оливія *и* Віола.

Фабіанъ. Вотъ онъ съ твоей племянницей. Оставимъ его съ ней проститься, а тамъ и на приступъ.

Сэръ Тови. А между тѣмъ я выдумаю самыя страшныя выраженія для вызова.
(*Сэръ Тоби, Фабіанъ и Марія уходятъ*).

Оливія.

Ужъ слишкомъ много высказала я
Для сердца каменнаго. Честь мою
Я необдуманно опасности подвергла:
Меня въ проступкѣ что-то укоряетъ,
Но онъ такъ необузданъ и силенъ,
Что насмѣхается надъ укоризной.

Віола.

Какъ душу вамъ снѣдаетъ злая страсть,
Такъ отъ нея мой господинъ страдаетъ.

Оливія.

Прошу, носите изъ любви ко мнѣ
Вотъ этотъ перстень: это мой портретъ.
Не откажите—мучить васъ не станетъ
Онъ болтовней своей—и приходите,
Прошу васъ, завтра поутру опять.
Въ какой изъ просьбъ могу я отказать,
Когда она не оскорбляетъ чести?

Віола.

Прошу любви одной для господина.

Оливія.

Отдать могу ли безъ ущерба чести
Я графу то, что вамъ ужъ отдала?

Віола.

Я разрѣшаю.

Оливія.

Хорошо; но завтра
Будь здѣсь. Злой духъ такой, какъ ты, другъ мой,
Способенъ въ адъ увлечь меня съ собой!
(*Уходитъ*).

Сэръ Тови *и* Фабіанъ *возвращаются*.

Сэръ Тови. Здравствуй, молодой человѣкъ!

Віола. Здравствуйте, сударь.

Сэръ Тови. Какое бы оружіе съ тобою ни было, изготовь его. Какого рода обиду ты ему нанесъ—я не знаю; но твой противникъ, разъяренный и кровожадный, какъ охотникъ, ожидаетъ тебя у конца сада. Шпагу наголо! Не мѣшкай! Твой непріятель скоръ, ловокъ и убійственъ.

Віола. Вы ошибаетесь, сударь: я увѣренъ, что у меня ни съ кѣмъ нѣтъ ссоры. Память моя не представляетъ мнѣ никакой нанесенной мною обиды.

Сэръ Тови. Увѣряю васъ, что вы увѣритесь въ противномъ, и если вы хоть сколько-нибудь дорожите своею жизнью, будьте осторожны: на сторонѣ вашего противника всѣ выгоды, какія только можетъ доставить молодость, сила, ловкость и гнѣвъ.

Віола. Скажите же, пожалуйста, кто онъ?

Сэръ Тови. Онъ рыцарь, возведенный въ это достоинство прикосновеніемъ незазубреннаго меча на шитомъ коврѣ; но въ поединкѣ онъ сущій чортъ: онъ уже трижды отдѣлилъ душу отъ тѣла—и гнѣвъ его въ эту минуту такъ непримиримъ, что нѣтъ ему другого удовлетворенія, кромѣ смерти и похоронъ. Валяй! Девизъ его: „или панъ, или пропалъ!"

Віола. Я возвращусь въ домъ и выпрошу у графини провожатыхъ. Я не забіяка. Слышалъ, правда, что есть люди, которые нарочно завязываютъ ссоры съ другими въ доказательство своей храбрости. Можетъ быть, и онъ того же десятка.

Сэръ Тови. Нѣтъ, сударь: гнѣвъ его основанъ на существенной обидѣ. Итакъ—впередъ! Вы должны съ нимъ драться. Вы не войдете въ домъ, не подравшись со мною, а драться вы можете все равно и съ нимъ. Итакъ, впередъ, или обнажайте сейчасъ вашу шпагу. Драться вы должны—это рѣшено, или должны навсегда отказаться отъ права носить шпагу.

Віола. Это столько же неучтиво, какъ и странно. Сдѣлайте мнѣ одолженіе, спросите, чѣмъ я его обидѣлъ. А если случилось, то, вѣрно, безъ умысла, по неосторожности.

Сэръ Тови. Извольте! Фабіанъ, останься съ нимъ, пока я ворочусь. (*Уходитъ*).

СЭРЪ ТОБИ ЧИТАЕТЪ ВЫЗОВЪ СЭРА АНДРЕЯ.
Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

Віола. Вы, милостивый государь, знаете что нибудь объ этой ссорѣ?

Фавіанъ. Я знаю только, что онъ очень на васъ золъ и будетъ драться не на жизнь, а на смерть. Больше мнѣ ничего неизвѣстно.

Віола. Скажите, что онъ за человѣкъ?

Фавіанъ. Наружность его не обѣщаетъ ничего необыкновеннаго; но на дѣлѣ узнаете его мужество. По-истинѣ, онъ самый ловкій, кровожадный и опасный соперникъ во всей Илліріи. Угодно вамъ итти ему на встрѣчу: я васъ помирю, если возможно.

Віола. Я бы вамъ былъ очень благодаренъ. По мнѣ, лучше имѣть дѣло со священникомъ, чѣмъ съ рыцаремъ: я не забочусь о томъ, считаютъ ли меня храбрымъ. (*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Улица подлѣ сада Оливіи.

Входятъ сэръ Тоби *и* сэръ Андрей.

Сэръ Тоби. Да, братецъ, это чортъ, а не человѣкъ! Я еще не видывалъ такого рубаки. Я пошелъ-было съ нимъ на ножнахъ—такъ, для пробы; но онъ выпадаетъ съ такою дьявольскою быстротою, что хоть брось, и если онъ отпарировалъ, то наноситъ ударъ такъ же вѣрно, какъ нога касается земли, когда сдѣлаешь шагъ. Онъ былъ, говорятъ, первымъ фехтовальщикомъ у турецкаго султана.

Сэръ Андрей. Чортъ возьми! Я не хочу съ нимъ драться!

Сэръ Тоби. Да ужъ теперь онъ самъ нейдетъ назадъ. Фабіанъ едва его тамъ сдерживаетъ.

Сэръ Андрей. Провались онъ! Если бъ я зналъ, что онъ такой бойкій и мастеръ драться, такъ чортъ бы его взялъ прежде, чѣмъ я его вызвалъ. Постарайся только, чтобъ онъ бросилъ это дѣло—и я дамъ ему моего сѣраго жеребца.

Сэръ Тоби. Пожалуй, я сдѣлаю ему это предложеніе. Погоди здѣсь—и держи себя бодрѣе. (*Въ сторону*). Это кончится безъ крови и убійства. А на твоей лошадкѣ я поѣду такъ же, какъ и на тебѣ, дружокъ.

Входитъ Фавіанъ *и* Віола.

Сэръ Тоби (*Фабіану*). Онъ даетъ свою лошадь за мировую. Я увѣрилъ его, что этотъ молокососъ чуть не самъ дьяволъ.

Фавіанъ (*сэру Тоби*). А тотъ столь же высокаго мнѣнія о нашемъ рыцарѣ. Онъ блѣденъ и дрожитъ, какъ-будто у него медвѣдь за спиною.

Сэръ Тоби (*Віолѣ*). Нѣтъ спасенія, сударь: онъ непремѣнно хочетъ съ вами драться, потому что поклялся. Что же касается ссоры, такъ онъ одумался и видитъ теперь, что дѣло не стоитъ порядочнаго слова. Итакъ, обнажите шпагу, чтобъ дать ему возможность не нарушить своей клятвы. Онъ увѣряетъ, что не нанесетъ вамъ вреда.

Віола (*въ сторону*). Боже, еще немного—и я признаюсь, какой я мужчина.

Фавіанъ. Когда замѣтите, что онъ разгорячился, то отступайте.

Сэръ Тоби. Что, братъ Андрей, нѣтъ спасенія? Впрочемъ, онъ хотѣлъ сразиться съ тобою только чести-ради, такъ какъ безъ этого нельзя обойтись по законамъ дуэли; но онъ далъ мнѣ свое рыцарское слово, что не причинитъ тебѣ вреда. Живѣй же!

Сэръ Андрей. Дай Богъ, чтобъ онъ сдержалъ свое слово! (*Обнажаетъ шпагу*).

Віола (*обнажая шпагу*). Увѣряю васъ, что это противъ моей воли.

Входитъ Антоніо.

Антоніо (*сэру Андрею*).

Стой—и въ ножны вложите вашу шпагу!
Когда васъ этотъ юноша обидѣлъ,
Я за него дерусь; а если вы
Его обидѣли, такъ васъ зову на бой.

Сэръ Тоби.

Какъ, сударь, вы? Да вы-то кто такой?

Антоніо.

Я тотъ, кто больше за своихъ друзей
На дѣлѣ дѣлаетъ, чѣмъ говоритъ.

Сэръ Тоби (*обнажая шпагу*). Если вы такой забіяка, такъ я къ вашимъ услугамъ.

Входятъ двое полицейскихъ.

Фавіанъ. Остановись, Тоби! Чортъ полицію принесъ.

Сэръ Тоби (*къ Антоніо*). Мы послѣ поговоримъ.

Віола (*сэру Андрею*). Вложите вашу шпагу, если вамъ угодно.

Сэръ Андрей. Ей-богу—угодно! А что до того, что я вамъ обѣщалъ, такъ я сдержу мое слово. Онъ хорошо выѣзженъ и не тугоуздъ.

СЭРЪ ТОБИ И ПОДНЕВОЛЬНЫЕ ДУЭЛИСТЫ—СЭРЪ АНДРЕЙ и ВІОЛА.
Картина извѣстнаго нѣмецкаго художника Пехта (Fr. Pecht, 1814).

1-ый полицейскій. Вотъ онъ: исполняй свою обязанность.

2-ой полицейскій.

По повелѣнью герцога, подъ стражу
Я васъ беру.

Антоніо.

Любезный, вы ошиблись!

1-ый полицейскій.

Ничуть: я васъ немедленно узналъ,
Хоть вы теперь и не въ матросской шапкѣ.
Бери его: онъ знаетъ, что я знаю.

Антоніо (*Віолѣ*).

Я повинуюсь: это же случилось
Все оттого, что я пошелъ искать васъ.
Что жъ дѣлать, другъ: пришлося поплатиться!
Что предпринять намѣрены вы? Я жъ,
Гонимый нуждой, долженъ васъ просить
Мнѣ кошелекъ, вамъ данный, возвратить.
О, мысль, что я помочь ужъ вамъ не въ силѣ,
Грызетъ меня сильнѣе, чѣмъ арестъ!
Я удивилъ васъ. О, не унывайте!

2-ой полицейскій. Пожалуйте, сударь.

Антоніо.

Я принужденъ просить васъ возвратить
Хоть часть изъ вамъ мной данныхъ денегъ.

Віола.

Деньги!.
За теплое участіе ко мнѣ,
Которое вамъ много повредило
И довело отчасти до тюрьмы,
Я удѣлить готовъ вамъ половину
Изъ скудныхъ средствъ моихъ.

Антоніо.

Ужель отречься
Рѣшились вы? Ужель мои услуги
Я долженъ вамъ доказывать словами?
Не искушайте горя моего
И устъ моихъ дойти не заставляйте
До вычисленья ихъ предъ вами здѣсь!

Віола.

Увы, изъ нихъ не знаю ни одной,
Да и лицо мнѣ ваше незнакомо;
Неблагодарность же мнѣ ненавистнѣй лжи
И хвастовства, и гордости, и пьянства,
И всѣхъ другихъ пороковъ, что живутъ
И властвуютъ въ крови, какъ острый ядъ.

Антоніо.

О, правосудный Богъ!

2-ой полицейскій.

Пойдемте, сударь!
Прошу итти.

Антоніо.

Постой—два слова только!
Стоящаго здѣсь юношу межъ вами
Я выхватилъ почти изъ пасти смерти,
Берегъ его съ любовію святой,
И предъ его наружностью склонялся,
Надѣясь духъ подъ ней найти высокій.

1-ый полицейскій.

Что намъ до этого за дѣло? Время
Летитъ стрѣлой—и намъ пора итти.

Антоніо.

И истуканомъ стало божество!
Ты свѣтлый ликъ на вѣкъ свой обезчестилъ,
Себастіанъ! Природу очернила
Твоя душа: она мнѣ заплатила
Неблагодарностью. Добро—есть красота,
Но зло прекрасное—есть пустота,
Одѣтая въ блестящую одежду.

1-ый полицейскій. Онъ съ ума сходитъ. Ведите его! Пойдемъ, пойдемъ!

Антоніо. Ведите.

(Уходитъ съ полицейскими).

Віола.

Онъ говорилъ такъ бурно. Вѣритъ онъ
Своимъ словамъ; но я не вѣрю.
О если бъ вы сбылись, мои мечты!
О если бъ, братъ, изъ волнъ спасенъ былъ ты!

Сэръ Тоби.

Андрей и Фабіанъ, въ кабакъ направимъ путь,
Гдѣ, можетъ быть, втроемъ сриемуемъ что-нибудь!

Віола.

Онъ называлъ меня Себастіаномъ!
Мой братъ былъ схожъ лицомъ со мною точно
И, какъ мое, носилъ такое жъ платье.
О, если рокъ осуществитъ надежду,
Тогда смерчи и гибельныя волны
Въ моихъ глазахъ любови будутъ полны!

(Уходитъ).

Сэръ Тоби. Самый безчестный, ничтожный молокососъ и болѣе трусливый, чѣмъ заяцъ. Что онъ безчестенъ, это видно изъ того, что онъ оставилъ друга въ нуждѣ и отрекся отъ него. Что же касается его трусости, то спроси о томъ у Фабіана.

Фабіанъ. Трусъ, самый отъявленнѣйшій изъ всѣхъ трусовъ!

Сэръ Андрей. Чортъ возьми, догоню и отваляю его!

Сэръ Тоби. Дѣло! Колоти его, только не обнажай шпаги.

Сэръ Андрей. Еще бы не колотить!

Фабіанъ. Пойдемъ, посмотримъ, чѣмъ все это кончится.

Сэръ Тоби. Держу, что хочешь, что изъ этого все таки ничего не выйдетъ. *(Уходятъ).*

СЭРЪ ТОБИ: «Будь онъ длиной въ простыню на кровать въ Уорѣ, въ Англіи.

(Кровать въ гостинницѣ англ. городка Уоръ-Ware, — во времена Шекспира привлекавшая любопытныхъ своею длиною).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Улица передъ домомъ Оливіи.

Входятъ Себастіанъ *и* Шутъ.

Шутъ. Такъ вы хотите увѣрить меня, что я не къ вамъ посланъ.

Себастіанъ.

Довольно — ты, я вижу, ловкій парень,
И потому — оставь меня въ покоѣ!

Шутъ. Славно сыграно! Значитъ, я васъ не знаю, и графиня не къ вамъ меня послала, чтобъ пригласить къ ней на пару словъ, и зовутъ васъ не Цезаріо, и это не мой носъ. Словомъ — все не такъ, какъ оно есть.

Себастіанъ.

Поди и расточай свое безумье
Передъ другими. Ты меня не знаешь.

Шутъ. Расточать свое безумье! Это словечко подслышалъ онъ о какой-нибудь знатной особѣ и примѣняетъ его къ дураку. Расточать свое безумье! Право, того и смотри, что этотъ огромный болванъ, свѣтъ, сдѣлается моднымъ франтомъ. Пожалуйста, брось свои причуды и скажи, чѣмъ мнѣ слѣдуетъ расточиться передъ графиней? Не вѣстью ли о томъ, что ты придешь?

Себастіанъ.

Оставь меня въ покоѣ, глупый сводникъ!
Вотъ деньги — на, а не уйдешь — тебя
Я награжу и худшею монетой.

Шутъ. Клянусь честью, у тебя щедрая рука. Мудрецы, дающіе деньги дуракамъ, пріобрѣтаютъ тѣмъ себѣ добрую славу, если лѣтъ съ дюжину не перестаютъ набивать ихъ карманы.

Входятъ сэръ Тоби, сэръ Андрей *и* Фабіанъ.

Сэръ Андрей. А, сударь, попались! Вотъ вамъ! *(Бьетъ его).*

Себастіанъ *(бьетъ его).* А вотъ тебѣ и сдача. Да, здѣсь всѣ перебѣсились?

Сэръ Тоби. Остановись, или шпага твоя полетитъ къ чорту!

Шутъ. Сейчасъ все разскажу графинѣ. Я и за гривну не хотѣлъ бы сидѣть въ какой-нибудь изъ вашихъ шкуръ.

(Уходитъ).

Сэръ Тоби *(хватая Себастіана).* Перестаньте, будетъ!

Сэръ Андрей. Оставь его — я иначе съ нимъ расправлюсь: я подамъ на него жалобу и, если въ Иллиріи есть еще законы, обвиню его, хоть я и первый ударилъ, что, впрочемъ, вздоръ.

Себастіанъ. Прочь руку!

Сэръ Тоби. Э! не хочу — и дѣло съ концомъ. Шпагу въ ножны, герой! Хотя ты и храбръ, но все таки довольно.

Себастіанъ *(вырываясь).*

Все жъ вырвусь я. Ну, что теперь ты скажешь
Ступай, а нѣтъ—такъ шпагу вынимай.

(Обнажаетъ шпагу).

Сэръ Тоби. Что? что? Такъ, стало-быть, непремѣнно нужно выпустить унца два твоей дерзкой крови? *(Обнажаетъ шпагу).*

Входитъ Оливія.

Оливія.

Стой, Тоби, если жизнью дорожишь!
Ужели никогда твои поступки
Не перемѣнятся? Неблагодарный!
Ты сотворенъ, чтобъ жить въ глухихъ степяхъ,
Въ скалахъ, гдѣ общежитія не знаютъ.
Прочь съ глазъ моихъ! А ты не оскорбляйся,
Цезаріо мой добрый! *(Тоби).* Прочь, дерзкій!
(Сэръ Тоби, Андрей и Фабіанъ уходятъ).
Мой милый другъ, не предавайся гнѣву
И сохрани владычество ума
Надъ этимъ грубымъ, дерзкимъ нападеньемъ
На твой покой. Пойдемъ: я разскажу
Тебѣ про шутки буйныя его —
И самъ же ты надъ ними посмѣешься.
Ты долженъ быть со мной — не откажи.
Будь проклятъ онъ! Тебя онъ оскорбилъ,
Въ тебѣ мое онъ сердце огорчилъ.

Себастіанъ.

Откуда этотъ вихрь, видѣній полный?
Въ безумствѣ я или въ глубокомъ снѣ?
Такъ усыпите жъ чувства, Леты волны!
Въ такихъ мечтахъ не пробудиться мнѣ!

Оливія.

Пойдемъ, пойдемъ! Иди за мною смѣло.

Себастіанъ.

Охотно.

Оливія.

Слово будь отнынѣ дѣло. (*Уходятъ*).

— —

СЦЕНА II.

Комната въ домѣ Оливіи.

Входятъ Марія *и* Шутъ.

Марія. Пожалуйста, надѣнь вотъ эту рясу, да прицѣпи бороду и увѣрь его, что ты отецъ Спиридонъ. Поспѣши, а я позову между тѣмъ Тоби. (*Уходитъ*).

Шутъ. Прекрасно: надѣну рясу и прикинусь попомъ. Да, впрочемъ, не первый я притворщикъ подъ такой рясой. Я не такъ важенъ, чтобъ могъ сдѣлать честь моему званію, и не такъ тощъ, чтобъ прослыть за ученаго; однако же быть честнымъ человѣкомъ и хорошимъ хозяиномъ не хуже, чѣмъ прослыть великимъ ученымъ. Но вотъ мои товарищи.

Входятъ сэръ Тоби *и* Марія.

Сэръ Тоби. Да благословитъ васъ Іегова, отецъ Спиридонъ!

Шутъ. Bonos dies, сэръ Тоби. Какъ сѣдовласый прагскій отшельникъ, не умѣвшій ни читать, ни писать, очень мудро сказалъ племянницѣ царя Горбодука: *то, что есть—есть*; такъ и я, поколику я патеръ Спиридонъ, потолику я патеръ Спиридонъ. Ибо что такое *то*, если не *то*, и *есть*, если не *есть?*

Сэръ Тоби. Поговорите съ нимъ, отецъ Спиридонъ.

Шутъ. Эй, кто тамъ? Да будетъ миръ въ сей темницѣ!

Сэръ Тоби. Каналья хорошо подражаетъ: ловкая каналья!

Мальволіо (*за сценой*). Кто меня зоветъ?

Шутъ. Патеръ Спиридонъ, пришедшій посѣтить одержимаго бѣсомъ Мальволіо.

Мальволіо. Отецъ Спиридонъ, отецъ Спиридонъ, добрый отецъ Спиридонъ, сходите къ милэди!

Шутъ. Изыди, окаянный! Зачѣмъ истязуешь ты сего человѣка и говоришь только о лэди?

Сэръ Тоби. Премудро сказано, отецъ Спиридонъ!

Мальволіо. Отецъ Спиридонъ, такъ жестоко еще никого вы не обижали. Отецъ Спиридонъ, не вѣрьте, что я сошелъ съ ума. Они засадили меня въ ужасную темноту.

Шутъ. Сатана нечистый! Я называю тебя нѣжнѣйшимъ изъ твоихъ именъ, ибо я одна изъ тѣхъ кроткихъ душъ, которыя даже и съ чортомъ обращаются вѣжливо. Ты говоришь, что въ комнатѣ темно?

Мальволіо. Какъ въ аду, отецъ Спиридонъ.

Шутъ. Однако жъ въ ней есть окна, прозрачныя, какъ ставни и верхніе окна, что на сѣверо-югѣ свѣтятъ, какъ черное дерево, а ты жалуешься на темноту.

Мальволіо. Я не сумасшедшій, отецъ Спиридонъ: говорю вамъ, что эта комната темна.

Шутъ. Безумный, ты въ заблужденьи. Но я говорю, что нѣсть тьмы, кромѣ незнанія, въ которомъ ты погруженъ больше, чѣмъ египтяне въ ихъ туманахъ.

Мальволіо. Я говорю, что эта комната темна, какъ незнаніе, будь оно темно, какъ самый адъ. Повторяю, что никого еще не обижали такъ жестоко. Я сумасшедшій столько же, какъ и вы. Испытайте это въ какомъ угодно толковомъ разговорѣ.

Шутъ. Въ чемъ состоитъ ученіе Пиѳагора касательно дикихъ утокъ?

Мальволіо. Въ томъ, что душа нашей бабушки можетъ жить въ уткѣ.

Шутъ. Что ты думаешь объ этомъ ученіи?

Мальволіо. Я считаю душу благородной и не причастенъ его ученію.

Шутъ. Прощай! Оставайся во тьмѣ. Прежде, чѣмъ я признаю въ тебѣ здравый разсудокъ, ты долженъ признать ученіе Пиѳагора и бояться убить утку, чтобъ не изгнать души твоей бабушки. Прощай!

Мальволіо. Отецъ Спиридонъ! отецъ Спиридонъ!

Сэръ Тоби. Ай да отецъ Спиридонъ!

Шутъ. Не правда ли, что мнѣ все къ лицу?

Марія. Ты могъ бы окончить дѣло безъ рясы и бороды: онъ тебя не видитъ.

Сэръ Тоби. Теперь заговори съ нимъ своимъ голосомъ и приди мнѣ сказать, какъ ты его найдешь. Какъ бы было хорошо развязаться съ этой шуткой добромъ! Если можно выпустить его кстати, такъ пусть-себѣ идетъ, потому что мои отношенія къ графинѣ теперь такъ дурны, что я не могу

„ОТЕЦЪ СПИРИДОНЪ“

Рисунокъ Джильберта (Gilbert).

безопасно дотянуть шутку до конца. Приходи ко мнѣ въ комнату.

(*Сэръ Тоби и Марія уходятъ*).

Шутъ (*поетъ*).

Ваня, ты скажи
Любитъ ли тебя
Душенька твоя?

Мальволіо. Дуракъ!

Шутъ (*поетъ*).

Нѣтъ, не любитъ--разлюбила!

Мальволіо. Дуракъ!

Шутъ (*поетъ*).

Ой, за что жъ тебя забыла?

Мальволіо. Дуракъ, говорю я.

Шутъ (*поетъ*).

Знать, другого полюбила!

Мальволіо. Душа моя, шутъ, если ты хочешь крѣпко обязать меня, достань мнѣ свѣчку, перо, бумагу и чернила. Какъ честный человѣкъ, я во всю жизнь буду тебѣ благодаренъ.

Шутъ. Господинъ Мальволіо...

Мальволіо. Да, любезный шутъ.

Шутъ. Ахъ, сударь, какъ это вы лишились вашихъ пяти чувствъ?

Мальволіо. Шутъ! никогда и никого еще не обижали такъ жестоко. Я такъ же хорошо владѣю моими чувствами, какъ и ты, шутъ.

Шутъ. Только такъ? Такъ ты, право, не въ своемъ умѣ, если твои чувства не лучше моихъ, дурацкихъ.

Мальволіо. Они заперли меня здѣсь, держатъ въ потьмахъ, присылаютъ ко мнѣ поповъ, ословъ и всѣми средствами стараются лишить меня разсудка.

Шутъ. Подумайте, что вы говорите: патеръ, вѣдь, здѣсь. (*Перемѣнивъ голосъ*). „Мальволіо! Мальволіо! да возстановитъ Небо твой разсудокъ. Постарайся заснуть и перестань врать пустяки“.

Мальволіо. Батюшка..

Шутъ. „Не заводи съ нимъ рѣчей, сынъ мой“. — Кто? я, отецъ-Спиридонъ? Нѣтъ, ни за что! Господь съ вами! „Аминь“. Да будетъ такъ.

Мальволіо. Дуракъ! дуракъ!

Шутъ. Что съ вами — успокойтесь! Меня бранятъ за то, что я съ вами разговариваю.

Мальволіо. Душенька-шутъ, достань мнѣ огня и бумаги. Увѣряю тебя, я не безумнѣе кого другого въ Илиріи.

СЕБАСТІАНЪ ОЛИВІЯ и СВЯЩЕННИКЪ.
(Дѣйствіе IV, сц. 3).
Картина В. Гамильтона (W. Hamilton). Малая Бойдельская галлерея.

Шутъ. Если бъ это была правда, Господи!

Мальволіо. Какъ честный человѣкъ, это правда! Достань мнѣ, милый шутъ, чернила, свѣчу и бумаги и передай графинѣ, что я напишу: тебѣ дадутъ за это больше, чѣмъ когда-нибудь давали почтальону.

Шутъ. Достану, такъ и быть; но скажите мнѣ по правдѣ: вы точно сошли съ ума, или только такъ притворяетесь?

Мальволіо. Повѣрь же, что нѣтъ: я говорю правду.

Шутъ. Помѣшанному я не повѣрю, не видѣвъ его мозга. Сейчасъ принесу вамъ свѣчу, бумагу и чернила.

Мальволіо. Шутъ, я щедро награжу тебя. Пожалуйста, иди. (*Шутъ уходитъ*).

СЦЕНА III.

Садъ Оливіи.

Входитъ Себастіанъ.

Себастіанъ.

Вотъ свѣтлый Фебъ, вотъ воздухъ, вотъ земля.
Вотъ перстень, что она мнѣ подарила;
Онъ предо мной: я чувствую его.
Хотя я и опутанъ волшебствомъ,
Но это не безумство. Гдѣ Антоньо?
Я не нашелъ въ гостиницѣ его:
Но онъ былъ тамъ: хозяинъ мнѣ сказалъ,
Что въ городѣ онъ пошелъ меня искать.
Теперь его совѣтъ мнѣ былъ бы дорогъ,
Какъ золото. Разсудокъ въ ссорѣ съ чувствомъ;
Хоть я и почитаю все ошибкой,
А не безумствомъ: но приливъ фортуны
Такъ безпримѣренъ, такъ непостижимъ,
Что я готовъ глазамъ своимъ не вѣрить.
Я долженъ спорить съ собственнымъ умомъ:
Онъ говоритъ, что кто-то здѣсь безумный.
Она—въ умѣ, и это ясно; какъ
Иначе управлять бы ей прислугой,
Давать приказы, принимать пословъ—
И все такъ тихо, твердо и умно?
Тутъ что-то есть—обманъ. Но вотъ она!

Входитъ Оливія *съ* священникомъ.

Оливія.

Прости мою поспѣшность! Если ты
Желаешь мнѣ добра—пойдемъ со мною:
Въ часовнѣ, что недалеко отсюда,
Ты передашь духовному отцу
Святую клятву вѣчнаго союза—
И успокоится въ моей груди
Отъ страха замирающее сердце.
Онъ въ тайнѣ сохранитъ нашъ бракъ,
Пока ты объявить его захочешь —
И свадьбу мы отпразднуемъ тогда
Прилично сану моему. Что скажешь?

Себастіанъ.

Я клятву вѣрности готовъ произнести
И вѣчно сохранять ее въ моей груди.

Оливія (*священнику*).

Веди же насъ, отецъ. Насъ Богъ благословитъ
И благодать его союзъ нашъ осѣнитъ.

ЮНОША ЭПОХИ ИТАЛЬЯНСКАГО РЕНЕСАНСА.
(Портретъ неизвѣстнаго, кисти Рафаэля).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Улица передъ домомъ Оливіи.

Входятъ ШУТЪ *и* ФАБІАНЪ.

ФАБІАНЪ. Если ты меня любишь, покажи мнѣ письмо его.

ШУТЪ. Любезный Фабіанъ, сдѣлай мнѣ за то другое одолженіе.

ФАБІАНЪ. Все, что ты хочешь.

ШУТЪ. Не требуй этого письма.

ФАБІАНЪ. То есть ты даришь мнѣ собаку и въ награду требуешь ее назадъ.

Входятъ ГЕРЦОГЪ, ВІОЛА, КУРІО *и свита.*

ГЕРЦОГЪ. Вы люди графини Оливіи?

Шутъ. Точно такъ: мы часть ея домашняго обихода.

Герцогъ. Тебя-то я хорошо знаю. Каково поживаешь, молодецъ?

Шутъ. По правдѣ сказать, съ врагами лучше, чѣмъ съ друзьями.

Герцогъ. Нѣтъ, съ друзьями лучше.

Шутъ. Нѣтъ, государь, хуже.

Герцогъ. Какъ же это?

Шутъ. Да вотъ какъ: друзья хвалятъ меня и дѣлаютъ изъ меня осла, а враги прямо говорятъ мнѣ, что я оселъ. Слѣдственно, съ врагами я научаюсь самопознанію, а друзья меня надуваютъ. Итакъ, если умозаключенія похожи на поцѣлуи и если четыре отрицанія составляютъ два утвержденія, то чѣмъ больше друзей, тѣмъ хуже, чѣмъ больше враговъ, тѣмъ лучше.

Герцогъ. Хорошо! прекрасно!

Шутъ. Нѣтъ, государь, право нѣтъ, хоть вамъ и угодно быть однимъ изъ моихъ друзей.

Герцогъ. Отъ моей дружбы тебѣ хуже не будетъ: вотъ тебѣ червонецъ.

Шутъ. Если бы это не значило повторять дважды тоже самое сэръ, такъ не мѣшало бы удвоить.

Герцогъ. О, ты даешь мнѣ худой совѣтъ!

Шутъ. На этотъ разъ опустите, государь, вашу щедрость въ карманъ — и да повинуются ей ваша кровь и тѣло!

Герцогъ. Такъ и быть, согрѣшу вдвойнѣ.

Шутъ. Primo, secundo, tertio—и тогда будетъ ладно. Старая пословица говоритъ: безъ троицы домъ не строится; тактъ въ три четверти — веселый тактъ; колоколъ, созывающій на молитву, можетъ васъ убѣдить въ томъ: онъ всегда звонитъ—динь! динь! динь!

Герцогъ. Этой шуткой ты не выманишь больше денегъ изъ моего кармана. Если тебѣ угодно доложить графинѣ, что я желаю съ ней говорить и проводишь ее сюда, такъ это вѣрнѣе пробудитъ мою щедрость.

Шутъ. Пусть же почиваетъ, пока я ворочусь. Я иду, государь. Однако вы не должны думать, что моя любовь къ золоту есть сребролюбіе. Щедрость ваша пусть немного вздремнетъ — и я ее разбужу. (*Уходитъ*).

Входятъ Антоніо *и полицейскіе.*

Віола.

Вотъ, государь, спаситель мой идетъ.

Герцогъ.

Его лицо знакомо мнѣ, хотя
Въ послѣдній разъ я видѣлъ его чернымъ,
Запачканнымъ въ дыму, какъ у Вулкана.
Онъ былъ начальникомъ на плоскодонномъ
Ничтожномъ кораблѣ и такъ жестоко,
Такъ разрушительно схватился съ лучшей,
Сильнѣйшей частью флота моего,
Что даже зависть и языкъ утраты
Ему и честь, и славу отдавали.
Въ чемъ дѣло?

1-ый полицейскій.

Государь, вотъ тотъ Антоньо,
Который Феникса, съ богатымъ грузомъ
Къ намъ плывшаго изъ Кандіи, схватилъ.
Вотъ тотъ, который полонилъ Орла,
При чемъ погибъ вашъ молодой племянникъ.
Сейчасъ его на дерзкомъ поединкѣ
Мы здѣсь въ одной изъ улицъ захватили.

Віола.

Онъ шпагу мнѣ въ защиту обнажилъ,
Но подъ конецъ заговорилъ такъ странно,
Что всѣ слова его за бредъ я счелъ.

Герцогъ.

Ославленный пиратъ, воръ океана,
Что за безумная отвага предала
Тебя во власть людей, которыхъ кровью
Къ себѣ вражду навѣкъ запечатлѣлъ?

Антоніо.

Орсино, благородный государь,
Позвольте сбросить эти имена:
Антоніо не воръ и не пиратъ,
Хотя и былъ врагомъ твоимъ суровымъ.
Сюда меня волшебство завлекло,
При чемъ изъ грозной пасти злого моря
Я юношу безчувственнаго спасъ.
Вотъ онъ! Онъ былъ уже добычей смерти;
Но жизнь ему я смѣло подарилъ,
А съ ней и страсть безъ мѣры и границы,
Со всей ея горячей полнотой.
Я для него, мнѣ милаго, рѣшился
Вступить сюда, въ враждебный этотъ городъ,
И за него же шпагу обнажилъ.
Когда жъ меня схватили, онъ, презрѣнный,
Не захотѣвъ со мною раздѣлить
Моей бѣды, отрекся отъ меня.
Тогда онъ тотчасъ сталъ мнѣ вовсе чуждъ,
Какъ вещь, погибшая въ волнахъ морскихъ.
Онъ отказалъ мнѣ въ кошелькѣ моемъ,
Что я вручилъ ему за полчаса.

Віола.

Но какъ могло случиться это все?

Герцогъ.

Когда же къ намъ онъ въ городъ возвратился?

Антонio.

Сегодня утромъ, славный государь.
Три мѣсяца мы были неразлучны,
Не разставались ни на полминуты,
Ни днемъ, ни ночью.

Входитъ Оливiя *со свитой.*

Герцогъ.

Вотъ идетъ графиня!
На землю къ намъ спустились небеса!
Ты говоришь, какъ сумасшедшiй: онъ
Три мѣсяца ужъ служитъ у меня.
Но мы поговоримъ объ этомъ послѣ.
Теперь же съ нимъ посторонись скорѣй.

Оливiя.

Что вамъ угодно, славный государь?
Оливiя готова вамъ служить
Во всемъ и всѣмъ, съ однимъ лишь исклю-
ченьемъ.
Цезарiо, ты слова не сдержалъ.
Ну, что сказать въ отвѣтъ на это можешь?

Вiола.

Мой повелитель хочетъ говорить—
И я молчу.

Оливiя.

Когда запѣть хотите
На старый ладъ, то я отвѣчу вамъ.
Что это слуху моему противно,
Какъ послѣ звуковъ музыки—вытье.

Герцогъ.

Попрежнему жестока.

Оливiя.

Постоянна
Попрежнему.

Герцогъ.

Въ жестокости? Увы,
Неумолимая красавица, на твой
Алтарь неблагодарный приносилъ я
Души моей священнѣйшiя жертвы—
И все напрасно? Что же дѣлать мнѣ?

Оливiя.

Что вы почтете болѣе приличнымъ.

Герцогъ.

Такъ почему жъ бы мнѣ не умертвить
Того, что для меня всего милѣе,
Какъ египтянинъ тотъ, который въ часъ
Кончины злой убилъ свою подругу?
И развѣ необузданная ревность

ЗНАМЕНИТАЯ АНГЛIЙСКАЯ АКТРИСА XVIII в. ФАРРЕНЪ (FARREN) ВЪ РОЛИ ОЛИВIИ.

Не на границѣ благородства? Слушай:
Ты вѣрностью моей не дорожишь,
А тотъ, кто вытѣснилъ меня изъ сердца
И изъ любви твоей—того я знаю.
Ты, непреклонная, ты будешь жить,
Но этого любимца твоего—
Котораго и я люблю не меньше—
Его я оторву отъ гордыхъ взоровъ,
Гдѣ, государю своему на зло,
Онъ царствуетъ! Цезарiо, пойдемъ!
До зла моя рѣшительность дозрѣла:
Я умерщвлю любимаго ягненка,
Чтобъ растерзать въ голубкѣ сердце злое.

Вiола.

Я тысячу смертей готовъ принять,
Чтобъ вамъ покой и утѣшенье дать.

Оливiя.

Цезарiо, куда?

Вiола.

За государемъ.
Котораго люблю, какъ свѣтъ очей,
Какъ жизнь, какъ счастiе души моей—
Люблю такъ страстно, горячо и сильно,
Какъ женщину мнѣ не любить. Всесильный,

Когда я лгу, права святой любви
Ты смертью отомсти въ моей крови!

Оливія.

О, я несчастная, онъ обманулъ меня!

Віола.

Кто обманулъ васъ, кто васъ оскорбилъ?

Оливія.

Давно ли? Иль себя ты позабылъ?
Позвать священника! (*Слуга уходитъ*).

Герцогъ.

Пойдемъ! За мной!

Оливія.

Куда, супругъ--Цезаріо мой милый?

Герцогъ.

Супругъ?

Оливія.

Супругъ! Ты можешь-ли отречься?

Герцогъ.

Ты мужъ ея?

Віола.

Нѣтъ, государь, не я.

Оливія.

О, это страхъ твой рабскій говоритъ!
Отъ собственности отказаться онъ
Тебѣ внушилъ! Цезаріо, не бойся—
Не отвергай фортуны! Будь открыто
Тѣмъ,чѣмъ ты сталъ,чего достигъ ты втайнѣ—
И ты великъ, какъ то, чего боишься.

Входитъ священникъ.

Оливія.

Добро пожаловать! Я заклинаю
Твоимъ священнымъ саномъ: объяви,
Что съ этимъ юношей я совершила
Въ твоемъ присутствіи. Хотя недавно
Мы въ тайнѣ думали все сохранить,
Но случай все теперь разоблачаетъ.

Священникъ.

Союзъ любви вы предо мной свершили;
Онъ укрѣпленъ соединеньемъ рукъ,
Онъ утвержденъ размѣномъ вашихъ колецъ,
Запечатлѣнъ священнымъ поцѣлуемъ;
Всѣ жъ брачные обряды скрѣплены
Моей рукой. И вотъ двумя часами
Съ тѣхъ поръ я ближе къ гробу моему.

Герцогъ.

Чѣмъ будешь ты, лукавое созданье,
Когда тебя покроетъ сѣдина?
Иль ты до старости не доживешь
И жертвой лжи губительной падешь?
Она твоя: ты можешь наслаждаться;
Но берегись, чтобъ намъ не повстрѣчаться!

Віола.

Клянусь вамъ, государь!

Герцогъ.

О, не клянись
И сохрани хоть каплю чести чистой
Среди избытка страха своего!

Входитъ сэръ Андрей *съ окровавленной головой.*

Сэръ Андрей. Ради Господа-Бога, пошлите за цирюльникомъ! Ради всѣхъ святыхъ, фельдшера сэру Тоби!

Оливія. Что такое?

Сэръ Андрей. Онъ проломилъ мнѣ голову, да и Тоби не даромъ обошлось. Ради Господа Бога, помогите! Ничего не пожалѣю, чтобъ быть только дома!

Оливія. Кто же это надѣлалъ, сэръ Андрей?

Сэръ Андрей. Придворный графа, какой-то Цезаріо. Мы думали, что онъ трусъ, а онъ вышелъ воплощенный дьяволъ.

Герцогъ. Мой пажъ, Цезаріо?

Сэръ Андрей. Окаянный! Вотъ онъ! Вы ни за что, ни про что проломили мнѣ голову; а что я надѣлалъ, тому научилъ меня сэръ Тоби.

Віола.

Что нужно вамъ? Я васъ не трогалъ, сударь!
Вы сами шпагу первый обнажили,
А я вамъ ласковымъ отвѣтилъ словомъ.

Сэръ Андрей. Если пробитая голова называется раной, такъ вы меня поранили. Да вы, кажется, и дыру въ головѣ считаете ни во что?

Шутъ *вводитъ пьянаю* сэра Тоби.

Сэръ Андрей. Вотъ и сэръ Тоби прихрамываетъ; онъ вамъ еще кое-что поразскажетъ. Не хвати онъ лишняго, онъ бы заставилъ васъ иначе проплясать.

Герцогъ. Ну, Тоби, что съ вами?

Сэръ Тоби. Одинъ чортъ на дьяволѣ. Ранилъ—и баста! Болванъ, не видалъ ли ты Ваньку-цирюльника болвана?

Шутъ. Вотъ уже съ часъ, какъ онъ пьянъ, и глаза его закатились въ восемь часовъ утра.

Сэръ Тоби. Вотъ скотъ и мерзавецъ. Я ненавижу этого пьянаго скота.

Оливія. Уведите его. Кто это такъ ихъ отдѣлалъ?

Сэръ Андрей. Я помогу тебѣ, Тоби: пусть намъ обоимъ вмѣстѣ сдѣлаютъ перевязки.

Сэръ Тоби. Ты хочешь помогать? Ахъ, ты, оселъ, болванъ, дуракъ, ступа ты мѣдная!

Оливія. Уложите его въ постель, да перевяжите рану.

(*Шутъ, Фабіанъ, сэръ Андрей и сэръ Тоби уходятъ*).

Входитъ Себастіанъ.

Себастіанъ.

Мнѣ очень жаль, что вашего родного,
Графиня, ранилъ я. Но будь онъ братъ мой,
Я, ради безопасности моей,
Не могъ съ нимъ поступить иначе. Вижу
Изъ вашихъ глазъ, что вы оскорблены.
Простите же, прекрасная графиня,
Хоть ради клятвъ, что мы другъ другу дали.

Герцогъ.

Одно лицо, одна одежда, голосъ
И, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ двое! Точно тѣнь,
Которая и есть, и нѣтъ.

Себастіанъ.

Мой милый,
Мой дорогой Антоньо, какъ терзали
Меня часы съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались!

Антоніо.

Ты ль это, другъ?

Себастіанъ.

Иль можешь сомнѣваться?

Антоніо.

Но какъ же ты надвое раздѣлился?
Вы, какъ двѣ капли, сходны межъ собой,
И кто жъ—Себастіанъ?

Оливія.

Непостижимо!

Себастіанъ.

Не я ли то? Я брата не имѣлъ
И нѣтъ во мнѣ божественной той силы,
Чтобъ вездѣсущимъ быть. Моя жъ сестра...
Ее валы морскіе поглотили.
(*Віолѣ*). О, ради Бога, не родные ль мы?
Откуда вы? какъ звать васъ, мнѣ скажите?

Віола.

Моя отчизна островъ Метелинъ;
Отецъ мой назывался Себастьяномъ,
И былъ когда-то у меня такой же
И братъ Себастіанъ. Въ такой же точно
Одеждѣ онъ пошелъ на дно морское,
И если духи могутъ на землѣ
Присваивать лицо и одѣянье,
Такъ ты пришелъ насъ страхомъ поразить.

Себастіанъ.

Я точно духъ, но только облеченный
Какъ всѣ костьми и мясомъ естества.
Будь женщиной—и на твои ланиты
Я пролилъ бы слезу, сказавъ: „Віола,
Погибшая, будь вновь моей сестрой!“

Віола.

У моего умершаго отца
Надъ правой бровью былъ рубецъ глубокій.

Себастіанъ.

И мой отецъ имѣлъ такой же знакъ.

Віола.

Онъ умеръ въ день рожденія Віолы,
Когда ей минуло тринадцать лѣтъ.

Себастіанъ.

О, этотъ часъ живетъ въ моей душѣ!
Да, смертное свое онъ кончилъ дѣло,
Когда сестрѣ тринадцать лѣтъ минуло.

Віола.

Итакъ, одно мужское одѣянье
Мѣшаетъ намъ быть счастливыми вновь?
Но ты меня не обнимай: сперва
Пусть время, обстоятельства и мѣсто
Докажутъ, что Віола предъ тобой.
Я къ капитану поведу тебя—
Онъ тутъ неподалеку; у него
Одежда женская сохранена,
И—имъ спасенная—я поступила
На службу благороднаго Орсино.
Все, что съ тѣхъ поръ со мной случилось здѣсь,
Относится къ графинѣ и къ Орсино.

Себастіанъ.

Такъ, стало-быть, графиня, вы ошиблись?
Но васъ не обманулъ природы голосъ:
Супругой дѣвушки вы захотѣли быть—
И, я клянусь, что вы не промахнулись:
Вашъ мужъ невиненъ, какъ его сестра.

Герцогъ.

Не изумляйтесь: кровь въ немъ благородна.
Когда все это правда, а не сонъ,
Такъ есть и моего частица счастья
Въ разбитомъ кораблѣ. (*Віолѣ.*) Ты говорилъ
Не разъ, а тысячу, что не полюбишь
Такъ страстно женщину ты, какъ меня?

Віола.

И всѣ слова мои да будутъ клятвы,
И ихъ я твердо сохраню въ душѣ,

Какъ сводъ небесный звѣзды сохраняетъ
И солнце, и луну.

Герцогъ.

Подай же руку;
Дай въ женскомъ платьѣ на тебя взглянуть.

Віола.

Оно сохранено у капитана,
Который высадилъ меня на берегъ.
По жалобѣ Мальволіо, онъ взятъ
Подъ стражу.

Оливія.

Чтобъ сей же часъ, прошу
Ему была возвращена свобода!
Мальволіо пускай придетъ сюда.
Теперь я только вспомнила: бѣдняга,
Какъ говорятъ, совсѣмъ сошелъ съ ума.

Входятъ Шутъ *съ письмомъ и* Фабіанъ.

Оливія.

Но я сама была въ такомъ разстройствѣ,
Что о его безумствѣ позабыла.
Что съ нимъ, друзья? Скажите, что съ нимъ сталось?

Шутъ. Да что, графиня, онъ борется съ чортомъ, какъ только можетъ человѣкъ въ его обстоятельствахъ. Вотъ онъ написалъ вамъ письмо, которое я долженъ былъ отдать вамъ еще утромъ; но такъ какъ письма сумасшедшихъ не евангеліе, то все равно, когда ихъ ни отдашь.

Оливія. Открой же его и прочти.

Шутъ. Поучайтесь же: дуракъ читаетъ посланіе сумасшедшаго! Ей-Богу, графиня...

Оливія. Съ ума ты сошелъ?

Шутъ. Нѣтъ, графиня, я только передаю слова сумасшедшаго. Если вамъ угодно, чтобъ я читалъ съ чувствомъ, такъ вы не должны меня перебивать.

Оливія. Пожалуйста, читай съ толкомъ.

Шутъ. Я такъ и сдѣлаю, мадонна. Но чтобъ вычитать изъ него здравый смыслъ, такъ надо читать по моему. Внимайте же, моя принцесса.

Оливія. Фабіанъ, прочти ты.

Фабіанъ (*читаетъ*). „Ей-богу, графиня, вы меня обидѣли—и міръ объ этомъ узнаетъ. Хотя вы и заперли меня въ темную яму и поручили смотрѣть за мною вашему пьяному дядюшкѣ, но я такъ же въ умѣ, какъ и вы. Въ рукахъ моихъ ваше письмо, которое побудило меня вести себя такимъ образомъ, и я увѣренъ, что могу имъ себя оправдать, а васъ пристыдить. Думайте обо мнѣ, что угодно, на время я забываю должное почтеніе и говорю, какъ обиженный. Почитаемый за сумасшедшаго *Мальволіо*".

Оливія. Это онъ писалъ?

Шутъ. Да, графиня.

Герцогъ. Это не похоже на сумасшествіе.

Оливія.

Верни ему свободу, Фабіанъ,
И приведи сюда къ намъ поскорѣе.
Когда угодно вамъ, мой государь,
Любить во мнѣ сестру, а не супругу,
Позвольте предложить, чтобъ день одинъ
Въ моемъ дворцѣ двѣ свадьбы увѣнчалъ.

Герцогъ.

Я принимаю ваше предложенье.
(*Віолѣ.*) Твой государь даетъ тебѣ свободу.
За службу же тяжелую твою—
Тяжелую для робости жены,
Привыкшей къ попеченіямъ нѣжнѣйшимъ—
Прими мою ты руку и отнынѣ
Будь господина госпожею.

Оливія.

Да,
Ты мнѣ сестра!

Фабіанъ *возвращается съ* Мальволіо.

Герцогъ.

Такъ это сумасшедшій?

Оливія.

Да, государь. Мальвольо, что съ тобой?

Мальволіо.

Графиня, вы обидѣли меня,
Обидѣли жестоко.

Оливія.

Я? нисколько!

Мальволіо.

Графиня, да. Прочтите эти строки:
Вы не откажетесь отъ вашихъ словъ.
Пишите иначе, когда возможно,
Перемѣните слогъ и форму буквъ;
Скажите, что печать и эти мысли
Не вамъ принадлежатъ. Ихъ отрицать
Не въ состояньи вы! Итакъ, признайтесь,
Зачѣмъ такъ ясно высказали вы
Свою любовь и приказали мнѣ
Являться къ вамъ съ улыбкой неизмѣнной,
Съ подвязками, завязанными на-крестъ,
Обутымъ въ желтые чулки? Зачѣмъ
Вы приказали обращаться гордо
Съ прислугой, съ сэромъ Тоби? И когда
Я все съ покорной выполнялъ надеждой,
Зачѣмъ велѣли вы меня схватить,

ОЛИВІЯ, ДОКАЗЫВАЮЩАЯ, ЧТО ОНА ОБВѢНЧАНА СЪ ВІОЛОЙ (Дѣйств. V, сц. 1).
Картина Вильяма Гамильтона (W. Hamilton, R. A.).

Замкнули въ тьму, прислали мнѣ попа
И сдѣлали шутомъ и дуракомъ
Глупѣйшимъ, надъ которымъ всѣ смѣялись?
Скажите мнѣ зачѣмъ?

Оливія.

Ахъ, мой любезный!
Вѣдь, это не моя рука, хоть точно
Съ моею очень сходна. Безъ сомнѣнья,
Письмо писала Марья. И теперь
Припоминаю я: она сказала
Мнѣ первая, что ты сошелъ съ ума;
Потомъ явился ты съ своей улыбкой,
Въ чулкахъ, расхваленныхъ въ твоемъ письмѣ.
Но успокойся же; съ тобой сыграли
Презлую шутку, и когда откроемъ
Зачинщиковъ, въ своемъ же дѣлѣ
Ты будешь и судьею, и истцомъ.

Фабіанъ.

Графиня, часъ столь свѣтлый и благой,
Блестящій радостью, пусть не мрачатъ
Ни жалоба, ни будущая ссора.
Съ такимъ желаньемъ сознаюсь я смѣло,
Что выдумали это я и Тоби
Противъ Мальволіо, чтобъ проучить
Его за грубость обращенья. Онъ
Намъ надоѣлъ. Письмо писала Марья
По настоянью сэра Тоби: онъ
Посватался на ней за то въ награду.
Но въ шуткѣ злой веселости такъ много,
Что, право, смѣхъ ей болѣе къ-лицу,
Чѣмъ мщенье; къ тому жъ и оскорбленій
Начтется поровну для каждой стороны.

Оливія. Бѣдняжка, какъ одурачили тебя!

Шутъ. Да: „одни родятся великими, другіе пріобрѣтаютъ величіе, а инымъ его бросаютъ“. Игралъ и я роль въ этой комедіи, милостивые государи, роль нѣкоего отца Спиридона. Да, впрочемъ, все-равно, „Ей-Богу, дуракъ, я не сумасшедшій!“ Да, помните ли вы еще? „Я удивляюсь, ваше сіятельство, какъ

вы можете находить удовольствіе въ шуткахъ такого бездарнаго мерзавца: если вы не смѣетесь, такъ у него ротъ зашитъ". Такъ-то колесо времени приноситъ свое возмездіе.

Мальволіо.

Я отомщу всей вашей шайкѣ! (*Уходитъ*).

Оливія.

Ахъ, какъ надъ нимъ жестоко насмѣялись!

Герцогъ.

Догнать его—уговорить на миръ:
Онъ долженъ разсказать о капитанѣ.
Когда узнаемъ все, для насъ наступитъ
Златое время сочетанья душъ
На брачномъ торжествѣ. А между тѣмъ
Я остаюсь у васъ въ гостяхъ, сестрица.
Цезаріо, пойдемъ! Ты будешь имъ,
Пока ты мужъ: перемѣни костюмъ—
И будь любви моей царица! (*Всѣ уходятъ*).

Шутъ (*оставшись одинъ, поетъ*).

Какъ я еще мальчишкой былъ,
Ай люли! да! тра-ла-ла-ла!
Глупецъ глупцомъ все былъ да былъ,
А я все пѣлъ: ай тра-ла-ла!
Потомъ, когда я взрослымъ сталъ,
Ай люли! да! тра-ла-ла-ла!
Отъ вора дверь я запиралъ,
А самъ все пѣлъ: ай тра-ла-ла!
Когда же я, увы, женился,
Ай люли! да! тра-ла-ла-ла!
Я съ праздностью моей простился,
Но все же пѣлъ: ай тра-ла-ла!
И помню, разъ, когда напился,
Ай люли! да! тра-ла-ла-ла!
И въ грязной ямѣ очутился,
Не унывая пѣлъ: тра-ла!
Давно ужъ созданъ глупый свѣтъ,
Ай люли! да! тра-ла-ла-ла!
И я бы могъ еще пропѣть,
Да нѣтъ, ужъ спать пора.

(*Уходитъ*).

А. Кронебергъ.

Концовка къ «Двѣнадцатой ночи» Джильберта (Gilbert).

Примѣчанія ко II-му тому.

Въ составленіи примѣчаній ко II-му тому приняли участіе Зин. Венгерова и С. А. Венгеровъ. Нѣкоторыя примѣчанія принадлежатъ переводчикамъ.

КОРОЛЬ ДЖОНЪ.

(King John).

Стр. 10. . . . . *если*
Воткнуть ей розанъ за ухо - весь скажутъ:
Глядите, вотъ монета въ три полушки!

Старинная мелкая англійская монета въ три фартинга была серебряная и потому, конечно, очень тонка. На лицевой сторонѣ ея была изображена роза, рядомъ съ профилемъ королевы Елисаветы, и все это окружала латинская надпись: rosa sine spina (роза безъ шиповъ). По словамъ Теобальда, въ шекспирово время была мода носить за ухомъ розанъ.

Стр. 11.—*Будь счастливъ. Знать не даромъ*
Путемъ законнымъ ты на свѣтъ рожденъ.

По англ. пословицѣ незаконнорожденные счастливы отъ рожденія (bastards are born lucky), а законнорожденные слѣдовательно болѣе подвержены ударамъ судьбы и нуждаются въ добрыхъ пожеланіяхъ.

Стр. 11. *Не все ль равно, въ окно иль въ двери.*

In at the window, or else o'er the hatch—обычная во времена Ш. поговорка о незаконнорожденныхъ дѣтяхъ, встрѣчается часто въ драмахъ шекспировской эпохи.

Стр. 11. *Я не Филиппъ теперь.*— Въ оригиналѣ: Philip! sparrow James (Филиппъ, такъ зовутъ воробья, Джэмсъ). Герней не знаетъ о повышеніи своего господина, и называетъ его старымъ именемъ, на что тотъ ему отвѣчаетъ: «Филиппомъ зовутъ не меня, а воробья» (въ старой Англіи кличка воробья была Philip или Phip).

Стр. 11. *И зубы чистя...* Употребленіе зубочистокъ было во времена Шекспира новой, занесенной съ континента щеголями-туристами модой. Филиппъ мечтаетъ о томъ, что онъ сдѣлается собственникомъ рыцарскаго помѣстья, будетъ принимать за своимъ столомъ людей, много ѣздившихъ по свѣту, и ихъ разсказы о чужихъ краяхъ будутъ развлекать его досугъ.

Стр. 11. *Гдѣ тотъ великанъ...* Въ оригиналѣ: Colbrand the Giant. Филиппъ въ насмѣшку называетъ своего худощаваго брата Кольбрандомъ, по имени датскаго великана, одолѣвшаго въ единоборствѣ англійскаго витязя, Гюи Варвикскаго. Имена этихъ двухъ героевъ вошли въ пословицу, часто встрѣчаются въ старыхъ англійскихъ балладахъ и приводятся Ш., какъ образцы необычайной силы (Ср. также въ «Генрихѣ VIII» д. 5, сц. 3).

Стр. 11. *чтобъ затрубилъ*
Въ какой нибудь рожокъ передъ стѣной.

Намекъ на рога обманутаго мужа и на конныхъ гонцовъ (post), извѣщавшихъ о своемъ пріѣздѣ, трубя въ рогъ.

Стр. 12. *Во мнѣ его и капли крови нѣтъ*—буквальный переводъ былъ бы: «сэръ Робертъ могъ бы съѣсть ту часть плоти, которая у меня отъ него, въ страстную пятницу и этимъ не оскоромился бы».

Стр. 12. *Не плутъ, а рыцарь матушка*—въ оригиналѣ: «Knight, Knight, good mother,—Basilisco-like» (рыцарь матушка, какъ Василискъ). Намекъ на популярную во времена Шекспира драму «Soliman and Perseda», въ которой изображенъ хвастунъ Basilisco; онъ постоянно величаетъ себя рыцаремъ (Knight), а шутъ пьесы дразнитъ его, называя плутомъ (Knave). Филиппъ въ отвѣтъ лэди Ф., называющей его плутомъ (Knave), тоже, говоритъ, что онъ рыцарь (Knight), а не плутъ (Knave).

Стр. 13. *Твой дядя,—Великій Ричардъ.* Въ оригиналѣ: that great forerunner of thy blood, Richard—этотъ великій предокъ твоего рода, Ричардъ. Шекспиръ ошибочно выдаетъ здѣсь Артура за потомка Ричарда по прямой линіи.

Стр. 13. *...кѣмъ былъ доведенъ*
До гибели безвременной.

См. дальше примѣч. къ стр. 26.

Стр. 13.
Боецъ, у льва изъ груди сердце взявшій.

По преданію, въ темницу короля Ричарда впустили льва, чтобъ онъ пожралъ его. Когда левъ разинулъ пасть, король быстро и смѣло туда всунулъ руку и сдавилъ ему глотку такъ сильно, что умертвилъ его - и оттого, по мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ прозванъ Ричардомъ Львиное Сердце».

Стр. 14. *Съ племянницей своей, испанской*
Бланкой.—

Въ дѣйствительности Бланка ея внучка, дочь сестры короля Джона Элеоноры и Альфонса VIII, короля Кастильскаго.

Стр. 15. *Слушать крикуна!* (Hear the crier). Филиппъ издѣвается надъ герцогомъ, обзывая его «общественнымъ крикуномъ» (призывающимъ въ судахъ публику къ тишинѣ) за его выкрикъ: «Молчите» (Peace).

Стр. 15. *Вотъ ты его на свѣтъ произвела.* Намекъ на невѣрность Элеоноры своему первому мужу, франц. королю Людовику VII.

Стр. 16. *Какъ башмаки Алкида*—Alcides'shooes по изд. Folio. Теобальдъ переправилъ *shooes* въ *shows* и текстъ отъ этого болѣе выясняется: *It lies as sightly on the back of him — As great Alcides shows upon an ass*—т. е.: львиная шкура Ричарда Льв. Сердце сидитъ на немъ, какъ львиная шкура Геркулеса на ослѣ. Шекспиръ имѣлъ ввиду басню объ ослѣ въ львиной шкурѣ.

Стр. 16. *Еще къ твоей я кожѣ подберусь.*—Филиппъ говоритъ о львиной шкурѣ, которую эрцгерцогъ носитъ, въ знакъ побѣды надъ Ричардомъ Львиное Сердце, у котораго онъ ее отнялъ.

Стр. 16. *Ты заяцъ тотъ, что въ храбрости своей*
Убитыхъ львовъ привыкъ щипать за гриву.

Это слегка измѣненная латинская пословица: mortuo leoni et lepores insultant. Она есть въ сборникѣ Эразма, который былъ извѣстенъ Шекспиру.

Стр. 16. *И на него обрушился законъ...* Книга Бытія. XX. 5.

Стр. 18. *и съ тѣхъ поръ*
Гарцующій передъ дверьми трактировъ.

Во времена Шекспира въ Англіи часто попадались трактирныя вывѣски съ изображеніемъ св. Георгія, одолѣвающаго дракона, сидя на конѣ.

Стр. 18. *руки омочивъ*
Въ крови враговъ, погибшихъ въ сѣчи лютой.

Въ оригиналѣ: all with purpled hand
Dyed in the dying slaughter of their foes.

Игра словъ между *die*—умирать и *dye*—окрашивать. Указаніе на охотничьи нравы временъ Шекспира: убивши звѣря, ловцы омывали руки въ его крови.

Стр. 19.- *какъ тѣ бунтовщики, что въ Іерусалимѣ примирились*—намекъ на Іоанна изъ Гискалы и Симона баръ Гіораса, вожаковъ двухъ еврейскихъ партій, примирившихся для противодѣйствія римлянамъ. Шекспиръ вѣроятно почерпнулъ это свѣдѣніе изъ сдѣланнаго Петеромъ Морвингомъ 1558) перевода псевдо-Іосифа (Ioseppon): подлинная исторія Іосифа переведена была на англійскій яз. въ 1602 г.

Стр. 22.- *Когда червонцевъ мнѣ предложатъ.* Въ оригиналѣ: «When his fair angels would salute my palm» (когда его свѣтлые ангелы прикоснутся къ моей ладони) часто встрѣчающаяся у Шекспира игра словъ: angel - ангелъ и angel - золотая монета съ изображеніемъ ангела.

Стр. 24. *Что сдѣлалъ онъ,*
Чтобъ вписывать его въ мѣсяцесловъ
На ликованье буквой золотою?

Въ старинныхъ календаряхъ обозначались не только дни, о которыхъ предполагали, что они оказываютъ вліяніе на погоду, но и тѣ, которые почитались счастливыми или несчастливыми для всякихъ начинаній. (Дружининъ).

Стр. 26.
Стыдись, австріецъ, за свою добычу:
Въ крови добыча та, лиможскій графъ!

Леопольдъ австрійскій и Видомаръ, графъ лиможскій суть два лица, соединенныя Шекспиромъ въ одно, подъ именемъ эрцгерцога. Первый изъ нихъ—Леопольдъ, эрцгерцогъ австрійскій, заключилъ Ричарда Львиное Сердце въ темницу въ 1193 году, а второй — Видомаръ, графъ лиможскій, былъ владѣтелемъ замка Шалюсъ-Шеврель, подъ стѣнами котораго Ричардъ былъ смертельно раненъ въ 1199 году однимъ стрѣлкомъ, по имени Бертранъ де-Гурдонъ.(Дружининъ).

Стр. 26. *и поскорѣй на плечи*
Себѣ телячью кожу навяжи.

Телячью кожу носили домашніе шуты.

Стр. 28. *и въ жилахъ воспаленныхъ*
Огонь смягчаетъ пламенный недугъ.

Во времена Шекспира лѣчили раны отъ ожоговъ прижиганіями.

Стр. 30. *Какой нибудь воздушный бѣсъ* (airy devil).

Въ современныхъ Шекспиру книгахъ по демонологіи дьяволы различались по стихіямъ, въ которыхъ они обитаютъ. Злые духи, пребывающіе въ воздухѣ, низвергаютъ съ высотъ зло, свершающееся въ сраженіяхъ.

Стр. 30. *Голову австрійца*
Положимъ здѣсь, покуда живъ Филиппъ.

По исторіи, не эрцгерцогъ австрійскій, а графъ лиможскій былъ убитъ Филиппомъ Незаконнорожденнымъ. Вотъ что говорится объ этомъ въ «Хроникѣ» Голиншеда: «Въ томъ же 1199 г. Филиппъ, побочный сынъ короля Ричарда, которому отецъ далъ замокъ и титулъ Коннака (Coinacke), убилъ графа лиможскаго, чтобы отомстить за смерть отца своего, убитаго при осадѣ замка Шалюсъ-Шеврель».

Стр. 31. *— на волю выпустя червонцы.*

Въ оригиналѣ игра словъ между *angel*—ангелъ и *angel*—золотая монета въ 10 шиллинговъ.

Стр. 31.
Ни книгами, ни звономъ, ни свѣчами...

Намекъ на католическое отлученіе отъ церкви, при объявленіи котораго звонятъ въ колокола, держатъ Библію въ поднятыхъ рукахъ и тушатъ три свѣчи.

Стр. 32. *Иль нашъ Анжеръ?* — Артуръ былъ взятъ въ плѣнъ при захватѣ Мирбо въ 1202 г. Анжеръ взятъ былъ королемъ Джономъ четыре года спустя.

Стр. 32.
Раскиданъ... флотъ спопутныхъ кораблей.

Намекъ на гибель знаменитой испанской «непобѣдимой армады», посланной противъ Англіи, въ 1588 г., около 7 лѣтъ до того, какъ написанъ былъ «Король Джонъ» Шекспира.

Стр. 36. *Здѣсь за ковромъ* (Within the arras.—Arras—коверъ повѣшенный на стѣну такъ, что между стѣною и ковромъ остается пространство, которое въ драмахъ Шекспира часто служитъ мѣстомъ, гдѣ прячутся для подслушиванія (напр. въ «Гамлетѣ», д. 3, сц. 3).

Стр. 43. *На первое апрѣля умерла*—по историческимъ даннымъ Элеонора умерла въ іюлѣ 1204 г.

Стр. 43 *А за три дня, лишенная разсудка,*
Констанція скончалась.

Въ дѣйствительности, Констанція умерла за три года, а не за три дня до того, въ августѣ 1201 г.

Стр. 43. *вотъ пророкъ, котораго схватилъ*
Я въ Помфретѣ, на улицѣ, гдѣ онъ
Толпѣ за нимъ бѣжавшихъ ротозѣевъ
Разсказывалъ въ уродливыхъ стихахъ,
Что царственнаго ты вѣнца лишишься
Въ день Вознесенья и въ полдневный часъ.

«Въ это время въ окрестностяхъ Іорка жилъ отшельникъ, по имени Петръ, пользовавшійся большою извѣстностью въ простонародьи, оттого-ли, что предсказывалъ будущее, или потому что, по мнѣнію народа, имѣлъ даръ пророчества, или въ самомъ дѣлѣ былъ посвященъ въ тайны волхвованія... Такъ какъ его предсказанія весьма часто оправдывались, то его считали за настоящаго пророка. Этотъ Петръ, около 1-го января 1213 года, объявилъ королю, что въ будущій праздникъ Вознесенья онъ будетъ изгнанъ изъ своего государства, и для того ли, чтобы еще болѣе увѣровали въ его слова, или надѣясь на собственную проницательность—предложилъ претерпѣть смерть, если не сбудется его пророчество. Петра посадили въ темницу замка Корфъ, и когда назначенный имъ день прошелъ и ничего дурного не случилось съ королемъ Джономъ, его привязали къ хвосту лошади и такъ проволочили отъ замка до города Вергэма, гдѣ онъ и былъ повѣшенъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Народъ вознегодовалъ на короля за эту жестокость, такъ какъ отшельникъ слылъ за человѣка добродѣтельнаго, а сынъ его нисколько не былъ виновенъ въ преступленіи своего отца, если только тутъ было преступленіе противъ особы короля. Притомъ, многіе думали, что онъ пострадалъ безвинно, потому что дѣло совершилось такъ, какъ онъ предсказывалъ: наканунѣ Вознесенія король Джонъ предоставилъ верховную власть въ своемъ королевствѣ папѣ». («Хроника» *Голиншеда*, подъ 1213 годомъ).

Стр. 44 . . . . *пять мѣсяцевъ на небѣ:*
Изъ нихъ четыре неподвижны были,
А пятый обходилъ ихъ и чудесно
Бродилъ кругомъ.

«Видѣли пять лунъ: первую на западѣ, вторую на востокѣ, третью на сѣверѣ, четвертую на югѣ, а пятую, окруженную множествомъ звѣздъ, посреди нихъ. Эти луны обращались одна вокругъ другой (пять или шесть разъ) почти въ продолженіе часа времени и потомъ исчезли». (*Голиншедъ*).

Стр. 44.
На грѣхъ и зло толпятся при царяхъ
Рабы, которымъ высшей власти прихоть
Есть поводъ на кровавыя дѣла:
Рабы, законъ толкующіе смѣло,
По мановенью царственной руки
Готовые всегда дать ходъ опасный
Тому, что прихоть царская велѣла.

Въ этихъ словахъ усматриваютъ намекъ на ту поспѣшность, которую приближенные королевы Елизаветы проявили въ роковомъ исходѣ процесса Маріи Стюартъ.

Стр. 45.
Прими мой духъ, Господь!— и кости эти
Пускай въ землѣ улягутся британской.
(Умираетъ).

Какъ погибъ Артуръ — положительно неизвѣстно. Одни говорятъ, что, покушаясь убѣжать изъ тюрьмы, онъ перепрыгнулъ черезъ стѣну замка, упалъ въ Сену и утонулъ; другіе утверждаютъ, что онъ зачахъ отъ горя и скуки, и умеръ отъ болѣзни естественною смертью; наконецъ, третьи думаютъ, что король Джонъ велѣлъ убить его и похоронить тайно. Французскіе хронисты придерживаются послѣдняго мнѣнія. По ихъ словамъ, король Джонъ подъѣхалъ ночью на лодкѣ къ Руанскому замку, гдѣ послѣднее время содержался несчастный Артуръ, велѣлъ вывести его къ себѣ и заколоть въ то самое время, когда тотъ молилъ о пощадѣ. «Итакъ», говоритъ Голиншедъ: «навѣрно неизвѣстно, какимъ образомъ погибъ Артуръ; но тѣмъ не менѣе король Джонъ, по отношенію къ его смерти, остался въ больномъ подозрѣніи, справедливо, или нѣтъ - то Богу одному извѣстно».

Стр. 50. *Милордъ Меленъ, вели списать бумагу.*—Людовикъ требуетъ для себя копію съ договора, заключеннаго имъ съ англійскими лордами и подтвержденнаго ими присягой.

Стр. 52. *Я, въ силу правъ супружескаго ложа*—какъ мужъ Бланки Кастильской, мать которой была сестрой короля Джона.

Стр. 52. *Заслыша крикъ роднаго пѣтуха*—
Even at the crying of your nation'scrow.

Игра словъ: crow означаетъ ворону и крикъ пѣтуха. Фил., говоря съ насмѣшкой о «гальскомъ пѣтухѣ», намѣренно смѣшиваетъ его съ вороной.

Стр. 53. *На гудвинскихъ пескахъ* - опасная мель на южномъ берегу Англіи (о ней говорится въ «Венеціанскомъ Купцѣ», д. 3. сц. 1).

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ II.

(Kign Richard II).

Стр. 67. *Джонъ Гантъ, почтенный старый Ланкастеръ.*

Ганту было въ то время, къ которому относится пьеса, 48 лѣтъ, но Шекспиръ говоритъ о немъ всюду какъ о старцѣ.

Стр. 67. *Джонъ Гаунтъ* (John of Gaunt)—собственно Джонъ Гентскій: Іоаннъ Ланкастерскій былъ по матери фламандскаго происхожденія и родился въ Гентѣ.

Стр. 68. *За восемнадцать лѣтъ* —т. е. со времени мятежа, поднятаго Ватомъ Тэйлоромъ въ 1381 г.

Стр. 68. *...что онъ взялъ сто тысячъноблей.*

Ошибка переводчика: въ подлинникѣ восемь тысячъ ноблей. Нобль—золотая монета цѣнностью приблизительно въ 5 шилл.

Стр. 69. *Которые я несъ въ мою поѣздку*
Во Францію, за нашей королевой.

Ричардъ въ то время вступилъ во второй бракъ съ принцессой Изабеллой французской которой было только 10 лѣтъ.

Стр. 69. *Я пренебрегъ лишь, къ своему стыду,*
Своимъ священнымъ долгомъ

т. е. долгомъ отмстить за брата, который умеръ отъ руки Глостера.

Стр. 69. *Врачи намъ говорятъ, что этотъ мѣсяцъ*
Кровопусканью не благопріятенъ.

Въ старинныхъ лѣчебникахъ указаны были опредѣленные мѣсяцы, когда слѣдовало и когда не слѣдовало пускать кровь; эта операція была общепринятой гигіенической мѣрой даже для здоровыхъ.

Стр. 70. *въ день Ламберта*—17-го сентября.

Стр. 70. *Но такъ какъ судъ и месть—въ рукахъ того,*
Кто самъ свершилъ тотъ грѣхъ непоправимый.

Гантъ намекаетъ на участіе въ убійствѣ герцога Глостера.

Стр. 71. *Пусть онъ скорѣй ко мнѣ прібудетъ съ Плэши.*

Плэши помѣстье около Дунмоу въ Эссексѣ. гдѣ Томасъ Вудстокъ жилъ. ставши лордомъ констеблемъ.

Стр. 71. *Лордъ маршалъ.* — Эту должность. принадлежащую по праву герцогу Норфолькскому. исполняетъ при поединкѣ въ этой сценѣ герцогъ Серрей.

Стр. 71. *Стѣны безъ убранства* (unfurnished walls)—т. е. безъ навѣшанныхъ на нихъ тканей. Стѣны въ то время не обивались обоями. а украшались навѣшанными на крючкахъ тканями.

Стр. 74. *Кладите ваши изгнанныя руки*
На мечъ нашъ королевскій и клянитесь.

Рукоять меча представляла крестъ. Ричардъ потому и требуетъ. чтобы Болингброкъ и Моубрэй на немъ поклялись (какъ въ «Гамлетѣ». Д. I. сц. 5).

Стр. 76. *Да. кое что мы наблюдали тамъ.*

Эти слова обращены къ Бэготу и Грину. которые обратили вниманіе короля на то. какъ Болингброкъ. отправляясь въ изгнаніе. старался возбудить къ себѣ симпатіи и искалъ популярности.

Стр. 77. *Стараясь съобезьянить ихъ*—за подражаніе итальянскимъ модамъ Шекспиръ вышучиваетъ своихъ соотчичей и въ «Венеціанскомъ Купцѣ» (Д. I. сц. 2).

Стр. 77. *Пусть богачей*
Они разыщутъ, подписать заставятъ
Большія суммы...

Такія вынужденныя пособія королю очень часто собирались въ царствованіе Плантагенетовъ и вызывали негодованіе въ населеніи. тѣмъ болѣе. что за этими «добровольными даяніями» (benevolences) обращались и къ несостоятельнымъ людямъ.

Стр. 77. *Извѣстія о всѣхъ новѣйшихъ модахъ*
Напыщенной Италіи.

Италія въ области моды была во времена Шекспира тѣмъ. что теперь Франція.

Стр. 79. *Упрямыхъ, грубыхъ этихъ мужиковъ,*
Въ отравленномъ гнѣздѣ своемъ живущихъ
И въ немъ плодящихъ вѣчную отраву,
Пора сломить.

По преданію св. Патрикъ. патронъ Ирландіи. освободилъ свою страну отъ всѣхъ ядовитыхъ земноводныхъ. Единственными оставшимися тамъ ядовитыми змѣями Ричардъ называетъ коренныхъ ирландскихъ крестьянъ (Kerns), которые подняли возстаніе противъ англійскаго намѣстника и убили его.

Стр. 80. *ни помѣхи*
Вступленью въ бракъ бѣдняги Болингброка.

Болингброкъ. отправившись послѣ изгнанія во Францію, былъ тамъ принятъ съ почетомъ при дворѣ; предполагалась женитьба его на дочери герцога Беррійскаго. дяди французскаго короля. но Ричардъ. опасаясь этого брака. разстроилъ его подъ тѣмъ предлогомъ. что Б. изгнанъ за государственную измѣну (что была неправда) и недостоинъ союза съ французскимъ королевскимъ домомъ.

Стр. 80. *Пускай присмотритъ*
За этимъ откупомъ.

Т. е. за сдачей въ аренду государственныхъ доходовъ. Арендаторомъ былъ графъ Вильтширскій.

Стр. 80. *Чтобъ получить имущество свое*—въ ориг.: livery—феодальный терминъ. обозначающій право совершеннолѣтняго наслѣдника на ленныя владѣнія. управлявшіяся умершимъ отъ имени короля.

Стр. 81. *Посредствомъ гнусныхъ сдѣлокъ*
Онъ раздавалъ все то...

Намекъ на договоръ Ричарда съ Карломъ VI. королемъ французскимъ. въ 1393 г.

Стр. 81. *То бланки. то пожертвованій взносы*

Бланки (blanks)—были бѣлые листы. на которыхъ должны были расписываться духовныя лица. дворяне и разныя общины. обязуясь платить подати. сумма которыхъ вписывалась потомъ. *Пожертвованія* (benevolences) были экстренные денежные поборы. которые вымогались королемъ подъ этимъ названіемъ у парламента.

Стр. 83.
А Болингброкъ—моей печали смутной
Ужасное дитя. Моя душа
Чудовищемъ свирѣпымъ разрѣшилась и

Ея печаль была зародышемъ. который онъ носила въ себѣ. не зная. что въ немъ таится: при содѣйствіи Грина. принесшаго ужасную вѣсти она разрѣшилась отъ бремени (т. е. узнала въ чемъ причина ея горестнаго предчувствія) и это дитя горя—Болингброкъ.

Стр. 83. *Со знаками войны*
Вкругъ старой головы своей.

Въ оригиналѣ: With signs of. War about his aged neck

Со знаками войны вокругъ старой шеи—Іоркъ одѣлъ шейный панцырь.

Стр. 84. . . . . *чтобъ король,*
Снявъ голову съ плечъ брата, заодно ужъ
Снялъ и мою.

Іоркъ говоритъ о своемъ братѣ Глостерѣ. который. однако. не былъ обезглавленъ. а задушенъ въ постели. въ Калэ.

Стр. 86. *И ненавистнымъ хвастаясь мечемъ.*

Іоркъ называетъ мечъ ненавистнымъ. потому что онъ обнаженъ для гражданской войны.

Стр. 88. . . . *Портили мнѣ парки.*

Въ оригиналѣ: «disparked my parks»—судейскій терминъ: лишать паркъ (или лѣсъ) его защищенности. сломить ограду. вырубить деревья. уничтожить живущую тамъ дичь.

Стр. 89. *Чтобъ усмирить Глендоура и его*
сообщниковъ.

Шекспиръ говоритъ здѣсь не о дѣйствительномъ Глендоу(ве)рѣ (который поднялъ возстаніе уже послѣ вступленія Болингброка на престолъ—(См. «Генриха IV»). а о валлійцахъ, соединившихся съ Салисбюри для помощи королю: имя Глендовера является здѣсь нарицательнымъ словомъ.

Стр. 91. *Монахи ваши учатся прилежно*
Упругій лукъ свой изъ двойного тиса
Натягивать.

Въ оригиналѣ собственно не «монахи»,—а молельщики. Beadsmen,—обязанные за жалованье молиться за короля (ср. «Двухъ Веронцевъ», д. I, сц. 1.): тисъ названъ въ оригиналѣ «вдвойнѣ смертоноснымъ» (double-fatal), потому что листья его считались ядовитыми. а дерево употреблялось глав-

нымъ образомъ на изготовленіе орудій для стрѣльбы.

Стр. 92. *Гнѣздится*
Тамъ старый шутъ, смѣясь надъ нашей властью.

Это сравненіе смерти съ шутомъ навѣяно одной изъ гравюръ (7-ой) серіи «Imagines morti»; гравюры эти, ложно приписываемыя Гольбейну, были извѣстны Шекспиру.

Стр. 95. *Клянется онъ священною гробницей,*
Гдѣ кости дѣда вашего лежатъ.

Нортомберлэндъ говоритъ о гробницѣ Эдуарда III въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

Стр. 99. *Концомъ своей рапиры.*

Анахронизмъ: рапиръ при Ричардѣ не было.

Стр. 100. *Настолько вѣрно то, что въ этомъ мірѣ.*
Столь новомъ для меня...

Фицуотеръ юноша, впервые являющійся въ парламентъ; поэтому онъ называетъ міръ новымъ.

Стр. 104. *Я даже то утратилъ имя,*
Которое въ крещеньи получилъ.

Называться только по имени — привилегія королей.

Стр. 106. *...Къ зловѣщей башнѣ, что когда то*
На горе намъ построилъ Юлій Цезарь.

Тоуэръ, основанный по преданію — Юліемъ Цезаремъ. Объ этомъ говорится и въ «Рич. III» (д. III, сц. 1).

Стр. 104. *Казалось, вкругъ всѣ стѣны расписныя*
Вдругъ ожили.

Стѣны домовъ были увѣшаны къ пріему Болингброка пестрыми коврами и тканями, съ вышитыми на нихъ привѣтствіями.

Стр. 110.
Теперь онъ будетъ называться Рутлэндъ.

Какъ приверженецъ Ричарда, Омерль былъ лишенъ герцогскаго достоинства и носитъ только свое фамильное имя графа Рутлэнда.

Стр. 114. *Отрывокъ здѣсь разыгрываемъ мы,*
Немного измѣненный, старой драмы
«Король и нищій».

Намекъ на извѣстную балладу о королѣ Кафетуа и нищенкѣ. О ней Шекспиръ часто упоминаетъ въ разныхъ пьесахъ (въ «Ромео и Джульетта», Д. 2, сц. 1; во 2-й части «Генриха IV», д. V, сц. 3-я; въ «Безплодныхъ усиліяхъ любви», д. 4, сц. 1).

Стр. 114. *Ты по французски ей, король, отвѣть*
Pardonne moi.

Во времена Шекспира французская фраза «pardonnez moi» была принятой въ свѣтѣ формулой вѣжливаго отказа (то же выраженіе въ «Ромео и Джульеттѣ», д. 2, сц. 4).

Стр. 115. *Но что до тѣхъ злодѣевъ*
Касается - до вѣрнаго зятька
И до аббата...

Зять Болингброка, котораго онъ иронически называетъ «вѣрнымъ», —герцогъ Эксетерскій, аббатъ же—вождь заговора, Вестминстерскій аббатъ.

Стр. 115. *Весь этотъ малый міръ.*

Подъ «малымъ міромъ» Ричардъ подразумѣваетъ себя, въ противоположность большому внѣшнему міру.

Стр. 118. *Лордъ Оксфордъ, Салисбери, Блентъ и Кентъ —*
Всѣ казнены. —

Это имена заговорщиковъ, которые послѣ сознанія Омерля подняли возстаніе, но были разбиты.

Стр. 119. *Прахъ Ричарда Бордосскаго.—*

Ричардъ II родился въ Бордо, принадлежавшемъ въ то время еще англичанамъ, и носилъ, будучи принцемъ, имя Ричарда Бордосскаго.

ГЕНРИХЪ IV.

(King Henry IV).

Часть I.

Стр. 131. *Истомлены, въ заботахъ поблѣднѣвъ.*

Король Генрихъ говоритъ о кровавой борьбѣ съ Ричардомъ II. Это начало I части «Генр. IV» непосредственно примыкаетъ къ концу «Ричарда II», такъ что «Генрихъ IV» представляетъ собою прямое продолженіе трагедіи «Ричардъ II».

Стр. 131. *Пусть жадный прахъ земли родной отнынѣ*
Не обагряетъ больше устъ въ крови
Своихъ дѣтей.

Образъ, заимствованный изъ Библіи (Книга Бытія, гл. IV, ст. 11).

Стр. 131. *Кто ради насъ четырнадцать столѣтій*
Тому назадъ . . . .

Событія, о которыхъ говорится въ драмѣ, относятся къ 1402 и 1403 г.

Стр. 132. *Мордэкъ, графъ Файфскій, старшій сынъ Дугласа...*

Графъ Файфскій не былъ, какъ ошибочно полагаетъ Шекспиръ, сыномъ Дугласа; онъ сынъ герцога Альбани, шотландскаго регента. Ошибка произошла отъ опечатки въ хроникѣ Голиншеда, гдѣ выпущена запятая послѣ слова «Governor» (регентъ).

Стр. 132. *О еслибъ вѣрить, что, скитаясь ночью,*
Еще въ пеленкахъ фея подмѣнила
Малютокъ нашихъ.

Въ «Снѣ въ Лѣтнюю ночь» (II, 1) тоже говорится о томъ, что феи и эльфы по ночамъ крадутъ или подмѣниваютъ младенцевъ.

Стр. 133.
и циферблаты вывѣсками публичныхъ домовъ.

Притоны разврата имѣли во времена Шекспира вывѣски, подобно трактирамъ.

Стр. 133. — *а не по Фебу, этому «прекрасному странствующему рыцарю».*

Фальстафъ, вѣроятно, цитируетъ стихъ изъ какой нибудь баллады, гдѣ героемъ является рыцарь Фебъ (Phoebus), и ради шутки отождествляетъ рыцаря Феба съ богомъ солнца.

Стр. 133. *Вѣрно говорю, не будетъ — даже на молитву передъ завтракомъ изъ яицъ и масла.*

Въ оригиналѣ непереводимая игра словъ, основанная на разныхъ значеніяхъ слова *grace*: въ смыслѣ королевскаго титула (God save thy grace), благодати (grace thou wilt have non) и молитвы передъ ѣдой (not so much, as will serve to be prologue to an egg and butter).

Стр. 133. *А не правда ли, буйволовая куртка очень прочная штука.*

Намекъ на одежду тюремщиковъ. Въ отвѣтъ Фальстафу, думающему только о кабакѣ и разгулѣ, принцъ Генрихъ напоминаетъ ему о тюрьмѣ, ожидающей мошенниковъ. «Прочной» (robe of durance) принцъ называетъ буйволовую куртку и потому что она изъ прочнаго матерьяла, и потому что durance означаетъ также тюремное заключеніе.

Стр. 133. *Да, и такъ имъ пользовался, что изъ этого слѣдовало, что ты наслѣдникъ.*

Въ оригиналѣ непереводимая игра словъ: Yea, and so used it, that were it not here apparent, that thou art heir apparent. *Here apparent*—тутъ становилось яснымъ; *heir apparent*—наслѣдный принцъ.

Стр. 133. *ржавыя цѣпи дѣдушки Закона.*

Въ оригин.: the rusty curb of old father Antick the law. Antick — значитъ старикъ и также шутъ.

Стр. 133. *Принцъ Генрихъ. Тебя прельщаетъ плата?*

Фальстафъ. Да меня прельщаетъ платье— а у палача запасъ его не малый.

Въ оригиналѣ: P. Hen. For obtaining of suit?s Falstaff. Yea, for obtaining of suits, whereof the hangman hath no lean wardrobe.

Suits—прошенія, исполненія которыхъ можно легче добиться, служа при дворѣ и также платья, выборъ которыхъ у палача великъ, потому что онъ получаетъ по наслѣдству одежду повѣшенныхъ. Объ этомъ обычаѣ говорится также въ «Коріоланѣ» (Д. 1, сц. 5).

Фальстафъ. Да, или какъ сопѣніе линкольнширской волынки.

Принцъ Генрихъ. Можно еще сказать: какъ заяцъ, или какъ мрачный Мурскій ровъ.

Линкольншайръ былъ родиной бродячихъ музыкантовъ, играющихъ на волынкѣ. Ихъ можно было встрѣтить на всѣхъ народныхъ праздникахъ. О нихъ упоминается у разныхъ писателей времени Шекспира. Заяцъ считался меланхоличнымъ по природѣ животнымъ, о чемъ часто говорится у старыхъ англійскихъ писателей (Дрэйтонъ называетъ въ «Polybion» зайца «the melancholy hare») «Мурскій ровъ» (Moor Ditch)—часть городскаго рва, отдѣлявшаго старый Лондонъ (City) отъ пригородныхъ мѣстностей; примыкая къ болотамъ и наполненный мутной водой, онъ представлялъ вѣроятно грустное зрѣлище.

Стр. 134. *Какъ поживаетъ сэръ Джонъ Сладкій Хересъ?*

Пойнсъ называетъ Фальстафа «Сладкимъ Хересомъ» (Sir John Sack-and-Sugar) по названію любимаго его напитка. «Сектомъ» (sack — отъ франц. vin sec) тогда называли малагу и хересъ. Въ XVI и XVII в. принято было подслащать вино сахаромъ.

Стр. 134. *Завтра утромъ, въ четыре часа, нужно быть въ Гэдсгилъ*

Гэдсгиль—мѣстность по дорогѣ изъ Кента въ Лондонъ. Тамъ происходили частые грабежи и разбои, вслѣдствіи чего мѣсто это имѣло очень дурную славу. Гэдсгилемъ зовутъ также уличнаго грабителя, вмѣстѣ съ которымъ Фальстафъ подкарауливаетъ проѣзжихъ.

Стр. 134. *На завтра ужинъ заказанъ въ Истчипъ.*

Истчипъ (Eastcheap)—улица въ старомъ Лондонѣ (Сити), гдѣ дѣйствительно существовала таверна «Кабанья Голова» (Boar's Head Tavern). У принца Генриха былъ домъ въ этой мѣстности.

Стр. 134. *Не знаю, есть ли въ тебѣ королевская кровь, если ты не можешь добыть десяти шиллинговъ королевскаго чекана.*

Въ оригиналѣ:

nor thou cam'st not of the blood royal, if thou darest not stand for ten shillings.

Игра словъ, основанная на двойномъ значеніи *royal* и *stand*. «Royal»—королевской крови, и также монета въ 10 шиллинговъ. «To stand»—имѣть курсъ, стоить (про монету) и «добыть, постоять за что нибудь». Буквальный переводъ шутки Фальстафа былъ бы: «Ты не настоящій червонецъ» (подразумѣвается второе значеніе: не настоящій принцъ крови), если не осмѣливаешься сойти за десять шиллинговъ (второй смыслъ: не осмѣливаешься награбить хотя бы на десять шиллинговъ).

Стр. 134. *Фальстафъ, Бардольфъ, Пето и Гэдсгиль ограбятъ тѣхъ людей.*

Вмѣсто именъ Бардольфа и Пето (вставленныхъ шекспирологомъ Теобальдомъ) въ первыхъ изданіяхъ (in 4° и in Folio) стояли два другихъ—Harvey, Rossil. Вѣроятно Шекспиръ намѣревался сначала такъ назвать двухъ товарищей принца, а перемѣнивъ ихъ имена въ дальнѣйшемъ теченіи пьесы, забылъ внести поправку въ это мѣсто рукописи. Нѣкоторые комментаторы полагаютъ, что Harvey и Rossil—фамиліи актеровъ.

Стр. 136. . . . *терзаемъ болью холодныхъ ранъ.*

Боль усилилась отъ того, что раны остыли.

Стр. 136. . . . *Изъ нашихъ средствъ за шурина его За Мортимера глупаго.*

Шекспиръ, введенный въ заблужденіе ошибкой въ хроникѣ Голлиншеда, смѣшиваетъ постоянно сэра Эдмонда Мортимера, брата лэди Перси, съ Эдмондомъ Мортимеромъ, графомъ Марчемъ. Сэръ Эдмондъ былъ младшій братъ умершаго графа Роджера Марча; графъ Эдмондъ сынъ послѣдняго. Ему было въ то время 10 лѣтъ, и онъ воспитывался, т.-е. вѣрнѣе былъ въ плѣну у короля Генриха въ Виндзорѣ. Маленькій графъ былъ послѣ смерти Ричарда II законнымъ наслѣдникомъ, ведя свое происхожденіе отъ *третьяго* сына Эдуарда III, Ліонеля, герцога Кларенса (по своей бабушкѣ Филиппѣ, вышедшей замужъ за графа Марча). Отецъ же Генриха IV, Джонъ Гантъ, *четвертый* сынъ Эдуарда III. Ланкастеры узурпировали такимъ образомъ своимъ воцареніемъ права представленной Мортимерами старшей линіи—и потерпѣли за это наказаніе въ третьемъ поколѣніи, когда вспыхнула война Алой и Бѣлой Розы.

Стр. 139. *Чортъ побралъ бы Обманщиковъ такихъ.*

Въ оригиналѣ:

And—«gentle Harry Percy»,—and—«Kin! cousin»,
O the devil take such cozeners.

Непереводимое созвучіе между: «cousin»—кузенъ, и to cozen—ублажать, говорить любезности. Первую встрѣчу между Генрихомъ Болингброкомъ и молодымъ Пэрси Шекспиръ изобразилъ въ «Рич. II» (Д. II, сц. 3).

Стр. 139. *къ тому Архіепископу, кого всѣ любятъ.*

Готспуръ.

Къ Іоркскому, не правда-ль?

Архіепископъ Іоркскій былъ братъ графа Уильтшэйрскаго, того, которому Ричардъ II отдалъ въ аренду государственные доходы. Какъ приверженецъ низвергнутаго короля, графъ былъ захваченъ въ Бристолѣ и казненъ.

Стр. 140. *Мнѣ нужно доставить окорокъ ветчины и два тюка инбиря въ самый Чэрингъ-Кроссъ.*

Нынѣ центральный пунктъ Лондона—Чэрингъ-Кроссъ еще не былъ въ XVII в. частью Лондона, а лежалъ по пути между Лондономъ и Вестминстеромъ, бывшимъ тогда тоже еще отдѣльнымъ городомъ.

Стр. 141. *Не миновать имъ встрѣчи съ прислужниками стараго Ника.* Выраженіе «Saint Nicholas clercs» или «Knights» часто встрѣчается у современныхъ Шекспиру писателей для обозначенія уличныхъ грабителей. Св. Николай считался покровителемъ странствующихъ школяровъ, а затѣмъ бродягъ вообще. Въ томъ же смыслѣ Гэдсгиль употребляетъ въ этой сценѣ слово «троянцы», которое на народномъ языкѣ обозначало ловкихъ рубакъ вообще и разбойниковъ въ частности. Говоря о «нашемъ ремеслѣ» (the profession) Гэдсгиль подразумѣваетъ грабительство.

Стр. 141. *Или вѣрнѣе не молятся ей, а заставляютъ ее самое взмолиться.*

Въ оригиналѣ (not pray to her, but prey on her) игра словъ: to pray — молиться, to prey — дѣлать что нибудь своей добычей. Игра словъ продолжается въ слѣдующей фразѣ: «И топчутъ ее какъ старые сапоги».—Какъ? чужая мошна ихъ сапоги? (make her their boots.—What! the commonwealth their boots?) Boot—означаетъ и добычу, и сапоги. Въ слѣдующей фразѣ: «Правосудіе ихъ смазываетъ» (justice has liquored her), liquor означаетъ смазывать сапоги и опьянять, напаивать—намекъ на управленіе страной, которое такъ отуманено крючкотворствомъ судейскихъ, что ему не удается наказывать воровъ.

Стр. 141. *При насъ такое зелье—папоротниковый цвѣтъ.*

Папоротниковый цвѣтъ считался средствомъ сдѣлаться невидимкой, такъ какъ его почти нельзя видѣть невооруженнымъ глазомъ.

Стр. 143. *Врешь, никто тебя не подводилъ—нѣтъ у тебя ни подводы, ни лошади*

Въ оригиналѣ: thou art not coldet; thou art uncoldet. Игра словъ: coldet быть обманутымъ, одураченнымъ; uncoldet быть лишеннымъ своего жеребца.

Стр. 143. *Я, конечно, не такой сухарь, какъ твой дѣдъ, Джонъ Гантъ.*

Въ оригиналѣ (Indeed, I am not John of Gaunt) игра словъ: *Gaunt* прозвище Іоанна Ланкастерскаго, и *gaunt* худощавый, сухой. Фальстафъ смѣется надъ худобой въ отвѣтъ на насмѣшки принца Генриха надъ его толщиной.

Стр. 144. *Здравствуй Кэтъ.*

Лэди Перси въ дѣйствительности звали не Катериной, а Элеонорой. Она была дочерью Эдмунда Мортимера, графа Марча, и Филиппы, дочери герцога Ліонеля Кларенса, т.-е. правнучкой Эдуарда III.

Стр. 146. *Носовъ разбитыхъ нужно намъ побольше!*

Дырявыхъ череповъ.

Въ оригиналѣ игра словъ: «Cracked crown» означаетъ разбитые черепа и растрескавшіяся монеты, ставшія тѣмъ самымъ негодными, но которыя все таки хотятъ здѣсь оставить въ обращеніи.

Стр. 147. . . . *а настоящій коринѳянинъ*—т.-е. человѣкъ, предающійся разгулу (Коринѳъ славился разнузданными нравами жителей). Такія выраженія какъ «троянцы», «коринѳянинъ» и т. п. вошли въ простонародный языкъ какъ результатъ частаго посѣщенія театровъ, гдѣ давались пьесы на античные сюжеты.

Стр. 148. *Бутылку сладкаго вина въ комнату съ полумѣсяцемъ.*

Каждая комната въ трактирахъ того времени носила особое названіе и имѣла отдѣльную эмблему: «комната полумѣсяца», «гранатоваго яблока» и т. д.

Стр. 148. *Сахару, который ты мнѣ далъ, было на одинъ пенсъ, не правда-ли?*

Въ трактирахъ того времени подавали къ вину сахаръ, что заставляетъ сомнѣваться въ хорошемъ качествѣ тогдашнихъ винъ.

Стр. 148. *Этого человѣка въ кожаной курткѣ* и т. д.

Этимъ эпитетомъ и дальнѣйшими принцъ опредѣляетъ хозяина дома, описывая обычный костюмъ тогдашнихъ лондонскихъ жителей средняго круга.

Стр. 150. *Rivo! какъ восклицаютъ пьяницы.* Это восклицаніе часто встрѣчается въ описаніяхъ пирушекъ у современниковъ Шекспира. Происхожденіе слова «rivo» не выяснено.

Стр. 150. *Хотѣлъ бы я быть ткачемъ...*

Ткачи слыли въ Англіи временъ Шекспира особенно благочестивыми людьми. Это были большей частью кальвинисты, бѣжавшіе въ Англію изъ Фландріи, спасаясь отъ преслѣдованій. Они любили пѣть гимны, сидя за станкомъ.

Стр. 152. *Такъ какъ острія ихъ шпагъ отломились...*

Пойнсъ *То штаны съ нихъ свалились?*

Въ оригиналѣ: Their points being broken... Poins. Down fell their hose.

Игра словъ: points—острія шпагъ и points—застежка панталонъ.

Стр. 154. *Дай ему крону, если онъ отъ короля...*

Въ ориг.: give him so much as will make him a royal man. Игра словъ: хозяйка называетъ пришедшаго «a nobleman», что означаетъ и знатнаго человѣка, и человѣка, имѣющаго «noble»—монету цѣной въ 6 шил. 8 пенсовъ. Принцъ въ шутку предлагаетъ сдѣлать его «a royal man», что означаетъ и «человѣка отъ короля» и обладателя «royal» (10 шил.); для этого надо приплатить ему разницу между «noble» и «royal»—крону.

Стр. 154. *Тотъ валіецъ, который отколотилъ Амемона...*

Амемонъ—имя бѣса, побѣдой надъ которымъ похвалялся Глендоверъ (имя этого бѣса встрѣчается также въ «Виндзорскихъ проказницахъ»).

Стр. 156. *И я это сдѣлаю не хуже короля Камбиза въ трагедіи.*

Намекъ на драму подъ заглавіемъ «A lamentable tragedy mixed full of pleasant mirth containing the life of Cambyses King of Persia» (1570).

Стр. 156. *Съ этимъ жаренымъ манингтрійскимъ быкомъ.*

Манингтри (въ графствѣ Эсексъ) славился своими быками; тамъ ежегодно на ярмаркѣ зажаривался быкъ цѣликомъ, съ внутренностями. Тамъ же во время ярмарки давались народныя представленія «моралитэ», въ которыхъ выступали аллегорическія фигуры Порока, Безбожія и Тще-

сланія (Vice, Iniquity и Vanity). Намекая на это, принцъ отождествляетъ Фальстафа сначала съ бѣсомъ, потомъ съ этими аллегорическими фигурами.

Стр. 153. *Я отрицаю твою главную посылку.*

Въ оригиналѣ: I deny your major. Игра словъ: major—главная посылка въ утвержденіи пріятеля; и major—майоръ, вызывающее противоположеніе «шерифъ». Точно также «deny» значитъ сначала «отрицать», а затѣмъ «не впускать».

Стр. 155. *Поди спрячься за занавѣску* — въ оригин. arras—коверъ, подвѣшанный къ потолку; между нимъ и стѣной есть мѣсто, чтобы спрятаться и подслушивать. (Ср. «Гамлетъ», д. III, сцена убійства Полонія).

Стр. 161. *И босикомъ, и въ бурю? Чортъ возьми...*

Игра словомъ: «bootless» — означающимъ и «ни съ чѣмъ, не достигнувъ ничего» и «безъ сапогъ». Глендоверъ говоритъ, что королю пришлось уѣхать домой «ни съ чѣмъ» (bootless); Готспуръ, издѣваясь надъ Глендоверомъ, беретъ слово «bootless» въ его второмъ значеніи — «безъ сапогъ».

Стр. 162.

Порой меня онъ бѣситъ, повѣствуя
О муравьяхъ, кротахъ, о духовидцѣ
Мерлинѣ и пророчествахъ его...

По свидѣтельству хроникъ, Глендоверъ ссылался на пророчества стараго валлійскаго кудесника Мерлина, толкуя ихъ въ томъ смыслѣ, что король Генрихъ кротъ, три заговорщика — драконъ, левъ, и волкъ, которые должны раздѣлить между собою страну. Надъ пророчествами Мерлина Шекспиръ смѣется и въ «Королѣ Лирѣ» устами шута (Д. III, сц. 2).

Стр. 164.

Ты божишься такъ шелково-мѣщански
Какъ будто не гуляла никогда
Ты дальше Финсбюри.

Шелково-мѣщански (such sarcenet surety)— намекъ на продавцевъ шелка — представителей лондонскихъ буржуазныхъ круговъ. Финсбюри - часть Лондона, находившаяся во время Шекспира внѣ городскихъ стѣнъ—мѣсто воскресныхъ прогулокъ для лондонцевъ.

Стр. 167.

Лордъ Мортимеръ шотландскій извѣщаетъ.

Шекспиръ смѣшиваетъ тутъ двѣ семьи, шотландскихъ лордовъ Марчъ и англійскихъ графовъ Марчъ. Первыхъ звали Денбарами, вторыхъ Мортимерами. Шотландскій магнатъ Джорджъ Денбаръ лордъ Марчъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, былъ приверженцемъ англійскаго двора.

Стр. 169.

... въ сравненіи съ тобой плясунья Маріана честная жена околодочнаго надзирателя.

Маріанна (maid Marian)—главное лицо въ «мавританской пляскѣ» (morris-dance), исполнявшейся на улицахъ на Троицу и въ день перваго мая. Она изображала возлюбленную легендарнаго старо-англійскаго бродяги и разбойника Робинъ Гуда, и не считалась образцомъ женской скромности, такъ какъ эта роль исполнялась всегда мужчинами. Но и она, по мнѣнію Фальстафа, въ сравненіи съ хозяйкой, честна, какъ жена должностного лица.

Стр. 174. *Одна эта бутылка составитъ ангелъ.*

Въ оригиналѣ: this bottle will make an angel. Ангелъ—золотая монета въ 10 шиллинговъ; но «make an angel» сдѣлать, создать ангела. Въ этомъ смыслѣ Фальстафъ для шутки и понимаетъ слова Бардольфа.

Стр. 176. *Письмо съ печатью лорду Маршалу съ быстротой доставьте птицы.*

Эта сцена введеніе во второй періодъ междуусобій, наставшій послѣ пораженія Перси. Лордъ маршалъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь— Томасъ Моубрэй, сынъ герцога Норфолька, умершаго въ изгнаніи при Ричардѣ II; онъ поэтому отъ рожденія врагъ короля Генриха.

Стр. 177. *А южный вѣтеръ о его трубитъ Намѣреньяхъ.*

Южный вѣтеръ считается у Шекспира всегда неблагопріятнымъ, приносящимъ бѣду. Здѣсь онъ возвѣщаетъ о томъ, что означаетъ измѣнившійся видъ солнца.

Стр. 177. *Сочувствіе найдетъ онъ въ побѣжденныхъ.*

Кто побѣдилъ, ни въ чемъ не видитъ грусти.

Король отвращаетъ отъ себя дурное предзнаменованіе, относя его къ побѣжденнымъ врагамъ.

Стр. 180.

За прозвище Сорви, моль, голова,
Пришпорившій судьбу, мечтъ послушный.

Прозвище Гарри Перси—Готспуръ (Hotspur) означаетъ «Горячія шпоры».

Стр. 182. *Турокъ Григорій не совершалъ такихъ военныхъ подвиговъ, какъ я сегодня.*

«Турокъ» часто упоминается въ старыхъ англійскихъ пьесахъ, представляемый неистовымъ злодѣемъ, рубящимъ множество головъ. Христіанское имя Григорія Шекспиръ придалъ ему или ради шутки, или, быть можетъ, въ какой нибудь тогдашней драмѣ упоминался турецкій султанъ Григорій. Деліусъ полагаетъ, что тутъ есть намекъ на папу Григорія VII, который казался англичанамъ столь же страшнымъ, какъ турецкій султанъ.

Стр. 182. *Имъ можно сжечь цѣлый городъ.*

Въ оригиналѣ: there's that will sack a city: игра словъ между to sack—разграбить и sack—хересъ.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ IV.

Часть II.

Стр. 183. Прологъ имѣлъ особенное значеніе въ историческихъ драмахъ, для повѣствованія о событіяхъ, не включенныхъ въ дѣйствіе, но знакомство съ которыми необходимо для пониманія пьесы. «Молва» въ прологѣ II части «Генриха IV» является въ такомъ же костюмѣ, какъ и у другихъ авторовъ того времени, т.-е. «въ одеждѣ, испещренной изображеніями языковъ». Такого рода осязательныя аллегоріи были въ духѣ XVII в. и часто встрѣчаются въ произведеніяхъ живописцевъ и скульпторовъ той эпохи.

Стр. 189.

Но для чего мнѣ
Въ кругу домашнихъ расчленять свое
И безъ того извѣстное имъ тѣло?

Молва считаетъ зрителей въ театрѣ своимъ

«домашнимъ кругомъ» (household), потому что они, какъ представители толпы, слуги Молвы, усердно разносящіе ея слова.

Стр. 191.

Смотрите: его лицо, какъ листъ заглавный,
Трагическую повѣсть возвѣщаетъ.

Намекъ на обычай того времени печатать траурныя оды и извѣстія о грустныхъ событіяхъ съ черными заглавными листами.

Стр. 192.

Дугласъ, чей неустанный мечъ три раза
Сразилъ въ бою подобье короля.

Дугласъ убилъ трехъ рыцарей, которые, чтобы обмануть врага, одѣлись въ одежду короля во время битвы при Шрьюсбюри.

Стр. 193.

Тебѣ бы, непотребный корешокъ мандрагоры...

По народному повѣрью, мандрагора — чудодѣйственный корень; заклинаніями его можно превратить въ крошечнаго, какъ самъ корень, человѣка. «Агатъ изъ перстня»,—маленькая вырѣзанная изъ агата фигурка, вставленная въ кольцо; ею пользовались какъ печатью. Словами «mandrake» и «agate» Шекспиръ часто пользуется для обозначенія маленькихъ ростомъ людей. Ср. т. I стр. 655 (прим. къ стр. 205) и 556 (прим. къ стр. 248).

Стр. 193.

То человѣкъ, кто узами двойными
Привязывать сторонниковъ умѣетъ.

Двойное преимущество архіепископа передъ Перси заключается въ его духовномъ санѣ и въ его личномъ авторитетѣ.

Стр. 193.

Съ Помфретскихъ камней соскоблитъ онъ кровь
Прекраснаго Ричарда...

Кровавые слѣды убійства Ричарда были соскоблены съ каменнаго пола въ Помфретской тюрьмѣ.

Стр. 193.

и въ такомъ видѣ отправлю въ качествѣ
драгоцѣннаго камня твоему господину...

Въ оригиналѣ игра словъ между jewel» (драгоцѣнный камень) и «jouvenal» (молодой господинъ).

Стр. 194. *Я самого его нанялъ въ соборѣ св. Павла, а онъ мнѣ купитъ лошадь въ Смитсфильдѣ.*

Въ боковыхъ проходахъ лондонскаго собора св. Павла собирались обыкновенно праздношатающіеся всякаго рода; Смитсфильдъ былъ тогда (какъ и теперь) центральнымъ скотнымъ дворомъ и извѣстенъ былъ тѣмъ, что тамъ постоянно надували покупателей.

Стр. 194.

А все таки онъ не стѣсняется увѣрять, что
у него лицо королевское.

Намекъ на лица королей, отчеканенныя на золотыхъ монетахъ (royal).

Стр. 194. *Сэръ, вотъ идетъ лордъ, посадившій въ тюрьму принца за то, что онъ ударилъ его изъ-за Бардольфа.*

Верховный судья, сэръ Уильямъ Гасконъ, отправилъ принца Генриха въ тюрьму за то, что принцъ ударилъ его во время судебнаго разбирательства. На этомъ инцидентѣ, лишь упомянутомъ вскользь въ I части «Генриха IV» (Д. III, сц. 2), въ послужившей Шекспиру до извѣстной степени матеріаломъ старой пьесѣ, «Famous Victories of Henry V», построена цѣлая сцена.

Стр. 195.

Если бы васъ отлупить по пяткамъ...

Въ оригиналѣ: «To punish you by the heels». Намекъ на обычное въ то время наказаніе воровъ и бродягъ: имъ надѣвали колодки на ноги и они должны были болѣе или менѣе продолжительное время оставаться въ этомъ неудобномъ положеніи. Такому наказанію подвергаютъ Кента въ «Королѣ Лирѣ». Изображеніе колодокъ см. т. I, стр. 549.

Стр. 195. *Я бѣденъ, какъ Іовъ, милордъ, но не такъ терпѣливъ.* Въ оригин.: J am as poor as Job, milord, but not so patient.

Игра словъ: patient—терпѣливъ и patient пацiентъ (въ отвѣтъ на предложеніе судьи быть докторомъ Фальстафа). Дальше опять игра словъ: «но выполню ли я ваши предписанія; мудрецъ можетъ сомнѣваться на драхму, или на цѣлый скрупулъ» (the wieseman may make some dram of a scruple, or, indeed, a scruple itself). Scruple—сомнѣніе и *scruple*—скрупулъ (аптекарская мѣра).

Стр. 196. *Я хотѣлъ бы, чтобы это было наоборотъ: чтобы мои средства были больше, а аппетитъ поменьше.*

Въ оригиналѣ игра словъ между *waste* (трата) и *waist* объемъ. Судья говоритъ Ф., что у него тощія средства (slender means), а онъ позволяетъ себѣ большія траты (your waste is great). Ф. желалъ бы, чтобы средства его увеличились, а объемъ (waist) уменьшился.

Стр. 195.

Я толстобрюхій слѣпой, а онъ моя собака...

Вѣроятно намекъ на какого нибудь извѣстнаго всѣмъ въ то время толстаго слѣпца, котораго водила собака.

Стр. 196. *Ну, нѣтъ, милордъ, дурной ангелъ очень легокъ*—обычная у Шекспира шутка, основанная на томъ, что «ангеломъ» (angel) называлась золотая монета въ 10 шилл. Слова судьи о «зломъ ангелѣ» Ф. толкуетъ въ смыслѣ «фальшиваго червонца».

Стр. 196.

Истиннымъ храбрецамъ остается водить медвѣдей.

Обученіе медвѣдей считалось низменнымъ занятіемъ, хотя и оно требуетъ храбрости. Ученыхъ медвѣдей показывали на всѣхъ народныхъ представленіяхъ и праздникахъ.

Стр. 196.

- пусть мнѣ больше никогда не выплевывать бѣлой слюны (to spite white).

Бѣлая слюна—признакъ чрезмѣрнаго пьянства.

Стр. 196. *Пусть мнѣ дадутъ щелчка въ носъ, если я передамъ твое порученіе.*

Судья передаетъ только привѣтъ Вестморлэнду (commend me to my cousin W.)—Ф. же понимаетъ «commend» въ смыслѣ восхваленія и отказывается исполнить такое порученіе.

Стр. 196. *Если бы я даже сказалъ—восковая, то мой объемъ подтвердилъ бы это.*

Въ оригиналѣ: if did say of wax my growth would approve it. Игра словъ: wax - воскъ и ростъ, увеличеніе объема.

Стр. 196. *Вы слишкомъ нетерпѣливы, чтобы вамъ давать кресты.* Въ оригин.: You are too impatient to bear crosses. Игра словъ: cross крестъ, невзгоды судьбы и cross—монета съ изображеніемъ креста.

Стр. 200. *Это было въ моей дельфиновой комнатѣ.*

Въ англійскихъ тавернахъ того времени каждая монета имѣла свою особую эмблему; комната, гдѣ клялся Ф., имѣла эмблемой дельфина. См. выше примѣч. къ стр. 148.

Стр. 200. *Если повѣсить на нихъ какую-нибудь веселую картинку* и т. д.

Шекспиръ имѣетъ въ виду расписанныя подобнаго рода сценами обои, которые привозились въ Англію изъ Голландіи.

Стр. 201. *Удовольствуйтесь двадцатью нобями*—это 6 ф. стерл. и 13 шиллинговъ.

Стр. 202.—*Я младшій сынъ, и потому живу на свой собственный страхъ.*

Наслѣдственныя земли переходятъ въ Англіи къ старшимъ сыновьямъ, а младшіе должны сами заботиться о себѣ.

Стр. 203. *Алтеѣ приснилось, что она родила пылающую головню.*

Пажъ смѣшиваетъ миѳъ объ Алтеѣ, матери Мелеагра, выхватившей изъ очага головню, съ миѳомъ о Гекубѣ, которой снилось передъ рожденіемъ Париса, что она родила пылающую головню.

Стр. 203. *Все въ прежнемъ хлѣвѣ кормится старый боровъ?*

Намекъ на вывѣску «Кабанья голова» (Boars head) Истчипской таверны.

Стр. 205. *Не встрѣтится ли тебѣ гдѣ-нибудь Сникъ съ музыкантами.*

Во времена Шекспира дѣйствительно существовалъ бродячій оркестръ подъ управленіемъ Сника (Sneak's band) и игралъ на лондонскихъ улицахъ.

Стр. 205. «*Когда Артуръ явился ко двору... онъ былъ достойнымъ королемъ...*

Фальстафъ поетъ начало старой англійской баллады о сэрѣ Ланчелотѣ съ озера (Sir Lancelote du Lake).

Стр. 205. «*Брошки, жемчугъ и золото*» (Your breaches, pearls and broches)—цитата изъ баллады: «The Boy and Mantle».

Стр. 205. *Ну, такъ накрой столъ для десерта и поставь ихъ.*

По обычаю того времени, дессертъ подавался не въ той комнатѣ, гдѣ былъ обѣдъ. Слуги въ этой сценѣ готовятъ столъ для дессерта въ ожиданіи гостей, отобѣдавшихъ въ другой комнатѣ. Ср. т. I, стр. 558, прим. къ стр. 524.

Стр. 207. *Онъ живетъ тухлымъ черносливомъ и сухими корками*,- т. е. питается остатками въ притонахъ разврата. Вареный черносливъ считался средствомъ предохраненія отъ заразы.

Стр. 207. . . *. такимъ же мерзкимъ, какъ слово «обладать».*

Англійское слово «occupy», на ряду со своимъ обыкновеннымъ значеніемъ (занять, завладѣть), имѣло во времена Шекспира еще другой, непристойный смыслъ, въ которомъ оно употреблялось въ нѣкоторыхъ старыхъ пьесахъ.

Стр. 208. *Водовозныхъ клячъ,*
Одровъ татарскихъ, дѣлающихъ въ день
Съ усильемъ тридцать верстъ — вдругъ принимать
За цезарей или за Каннибаловъ.

Искаженная цитата изъ «Tamburlain the Great» Марло; «Каннибалы» вмѣсто «Аннибалы». Слѣдующая цитата: «Красавица моя Калиполида,- ѣшь и толстѣй»—пародія на одно мѣсто въ драмѣ Пиля, «Battle of Alcazar» (это мѣсто часто пародировалось и современниками Шекспира): «Si fortune me tormente, sperato me contente—искаженный Пистолемъ французскій эпиграфъ на шпагѣ.

Стр. 208. *Развѣ мы не видали съ тобой вмѣстѣ семизвѣздія*, т.-е. мы не одну ночь проводили вмѣстѣ въ кутежахъ.

Стр. 208. *Знаемъ мы такихъ голлоуэскихъ клячъ*—порода маленькихъ простыхъ лошадей, родомъ изъ мѣстечка Голлоуэя.

Стр. 208. . . . *и въ десять разъ превосходить всѣхъ десять героевъ.*

Въ торжественныхъ праздничныхъ процессіяхъ въ Лондонѣ (процессія въ день избранія лордъ-мэра совершается ежегодно до сихъ поръ) фигурировали всегда «девять героевъ» (the Nine Worthies: три героя древности, три представителя іудейства и три христіанства). Ср. «Безплодныя усилія любви», Д. V, сц. 2 и примѣч. къ I т. стр. 553, прим. къ стр. 158.

Стр. 210,—*ѣсть угрей и укропъ* (conger and fennel).—Признакъ человѣка, ведущаго распутную жизнь и нуждающагося въ возбуждающихъ средствахъ, каковыми во времена Шекспира считались угри и укропъ.

Стр. 210. *Не оборвать ли уши этой колесной ступицѣ.*

Въ оригиналѣ: Would not this nave of a wheel have his ears cut off. Игра словъ: nave—колесная ступица, на округленность которой Фальстафъ похожъ своей толщиной, звучитъ такъ же, какъ Knave—плутъ, мошенникъ.

Стр. 210. *Въ нынѣшнемъ году, кажется, происходитъ соединеніе Сатурна и Венеры. Что говоритъ календарь?*

Календари того времени высчитывали и отмѣчали соединенія разныхъ созвѣздій. Сатурнъ и Венера (по астрономической справкѣ Джонсона) никогда не бываютъ въ соединеніи. Пойнсъ въ своемъ отвѣтѣ продолжаетъ астрономическое сравненіе и называетъ красноносаго Бардольфа «огненнымъ треугольникомъ или «Тригономъ» (Trigonum igneum, соединеніе созвѣздій Овна, Льва и Стрѣльца). Хозяйку же онъ называетъ записной и счетной книгой Фальстафа, потому что она живая запись его долговъ.

Стр. 214. (*къ Варвику*) *сдается мнѣ, что вы, Кузенъ Невиль.*

Анахронизмъ. Титулъ графовъ Варвиковъ перешелъ въ родъ Невилей только въ концѣ правленія Генриха VI. При Генрихѣ IV онъ еще принадлежалъ семьѣ Бошановъ (Beauchamps), представителемъ котораго во II части «Генриха IV» является графъ Вестморлэндъ. Пророчество Ричарда II, о которомъ говоритъ здѣсь король, приведено въ «Ричардѣ II» (Д. V. сц. 1); но Варвикъ не названъ въ той сценѣ. Кромѣ того, здѣсь говорится, что Ричардъ произнесъ пророческія слова до торжества Болингброка, а въ «Ричардѣ II» они вложены въ уста уже низложеннаго монарха.

Стр. 214. *Пора ему скоро въ адвокатскую школу*. Въ оригиналѣ; inns of court.

Такія школы inns» (St. Clement's Inn, Gray's Inn и т. д.) существуютъ до сихъ поръ. Это общежитія для молодыхъ юристовъ, подчиняющихся во время своего пребыванія въ нихъ извѣстнымъ правиламъ и статутамъ; они обучаются подъ руководствомъ опытныхъ юристовъ судейской практикѣ и въ свободное отъ занятій время принимаютъ участіе во всѣхъ столичныхъ развлеченіяхъ. Пребываніе въ лондонскихъ «Inns» замѣняетъ университетъ, такъ какъ въ англій-

скихъ университетахъ нѣтъ юридическаго (равно какъ нѣтъ и медицинскаго) факультета.

Стр. 215. *Былъ тамъ еще Джэкъ Фальстафъ, нынѣ сэръ Джонъ.*

Эти подробности соотвѣтствуютъ біографіи историческаго сэра Джона Ольдкэстля, изображеннаго въ дошекспировской драмѣ «Генрихъ V». Фальстафъ имѣетъ мало общаго съ Ольдкэстлемъ, приверженцемъ Виклифа, но всетаки нѣкоторыя внѣшнія черты и фактическія подробности связываютъ Шекспировскаго Фальстафа съ Ольдкэстлемъ старой драмы. Ср. предисловіе къ «Виндзорскимъ проказницамъ» стр. 440.

Стр. 215. . . . *Проломилъ голову Скогану—*

Скоганъ—знаменитый придворный шутъ Эдуарда VI. Его «Шутки» были напечатаны и выдержали много изданій.

Стр. 215. *Солдату удобнѣе безъ жены.*

Въ оригиналѣ: a soldier is better accomodadet than whit a wife.—«To accomodate» было во время Шекспира моднымъ словечкомъ, и Шекспиръ намѣренно высмѣиваетъ его.

Стр. 215. *У насъ уже есть много тѣней въ спискахъ.*

Фальстафъ записалъ много незавербованныхъ въ дѣйствительности солдатъ, чтобы получить за нихъ деньги изъ казны. Ихъ то онъ и называетъ тѣнями.

Стр. 218. *И вотъ вамъ за это четыре Генриха по десяти шиллинговъ французскими кронами.*

«Генрихами» Бычокъ называетъ десятишиллинговыя монеты съ изображеніемъ короля Генриха. Такія монеты появляются только при Генрихахъ VII и VIII, и Шекспиръ совершаетъ анахронизмъ, перенося ихъ ко времени Генриха IV.

Стр. 218, *и исполнялъ на играхъ Артура въ Майлэндгринѣ...*

«Игры Артура» (Arthur's show) стрѣлковый праздникъ, во время котораго изображалось шествіе короля Артура и его рыцарей; Пустозвонъ исполнялъ роль придворнаго шута, сэра Дагонета.

Стр. 219.—*своими подвигами на Торнбульской улицѣ...*

Turnbull (собственно Turnmill) Street лондонская улица, имѣвшая очень скверную славу.

Стр. 219. *Я при этомъ былъ и сказалъ Ганту, что онъ бьетъ свою собственную тѣнь.*

Въ оригиналѣ: I saw it, and told John of Gaunt, he beat his own name.

Нѣсколько разъ встрѣчающаяся въ «Ричардѣ II» и «Генрихѣ IV» игра словъ между Gaunt прозвищемъ Джона Ганта и Gaunt - тощій человѣкъ.

Стр. 220.

Я общаго намъ брата государство
Хочу считать отвѣтственнымъ за жребій
Жестокій моего родного брата

Братъ архіепископа, лордъ Скрупъ, графъ Уильтшейрскій, былъ казнецъ по приказу Генриха IV въ Бристолѣ за свою приверженность къ Ричарду II.

Стр. 230.

Меня народъ пугаетъ:
Толкуютъ о зачатьяхъ безъ отцовъ и т. д.

По хроникѣ Голлиншеда, 12 октября 1412 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти короля, было три прилива одинъ за другимъ, безъ смѣняющаго ихъ отлива.

Стр. 231.

Другое, хоть достоинствомъ пониже,
Цѣннѣе оттого, что, какъ цѣлебный
Напитокъ, сохраняетъ нашу жизнь.

Намекъ на золото, употреблявшееся для драгоцѣнныхъ лѣкарствъ (золотая тинктура aurum potabile). Это золото было низшаго достоинства, чѣмъ золото короны.

Стр. 239.

Не Амурату Амуратъ, но Генрихъ
Здѣсь Генриху наслѣдуетъ.

Анахронизмъ. Событія, на которыя здѣсь намекается, относится къ 1596 году; сынъ и наслѣдникъ турецкаго султана Амурата умертвилъ при восшествіи на престолъ всѣхъ своихъ братьевъ.

Стр. 241. *Мой отвѣтъ храня,*
Въ рыцари меня
Посвяти, Саминго.

Тихоня передаетъ здѣсь въ искаженномъ видѣ застольную пѣсню изъ драмы Nash'a, «Summers Last Will and Testament». Тамъ призывается не «Саминго», а «Доминго», т.-е. святой Доминикъ, какъ патронъ любящихъ выпить монаховъ.

Стр. 241. *Король Кафетуа знать хочетъ правду.*

Намекъ на извѣстную старинную балладу о любви короля Кафетуа къ нищенкѣ. Шекспиръ часто упоминаетъ объ этой балладѣ («Ричардъ II», Д. V, сц. 3, «Ромео и Джульета», «Безплодныя усилія любви» см. т. I, стр. 555, прим. къ стр. 211 и др.). Произнесенное Фальстафомъ имя стараго короля изъ баллады напоминаетъ Тихонѣ другую знаменитую балладу о Робинъ Гудѣ и его товарищахъ.

Стр. 242. *Чтожъ, тогда у тебя будетъ дюжина подушекъ, а теперь только одиннадцать.*

Полицейскій полагаетъ, что хозяйка одолжила Долли подушку, чтобы она, обвязавъ ее вокругъ живота, представилась беременной.

Стр. 242. *Больше осоки, больше осоки*

Осокой усыпали полы въ дворцахъ; здѣсь ею устилаютъ улицу для торжественнаго въѣзда короля.

Стр. 246. . *потому, что Ольдкэстль умеръ мученикомъ, а Фальстафъ не онъ.*

См. предисловіе къ «Виндзорскимъ проказницамъ», стр. 440.

КОНЕЦЪ ВСЕМУ ДѢЛУ ВѢНЕЦЪ.

(Alls well that ends well).

Стр. 255. *Онъ теперь опекунъ мой*—англійскіе короли (до Карла II) были опекунами всѣхъ богатыхъ сиротъ. Англійскій обычай Шекспиръ переноситъ и во Францію, хотя онъ существовалъ только въ Нормандіи. Эта подробность есть и въ пьесѣ, служившей Шекспиру первообразомъ.

Стр. 257. *И васъ, монархъ.*

Можетъ быть, намекъ на чудака, итальянца Монархо, придворнаго, о которомъ говорится въ «Безплодныхъ Усил. Любви» (IV, 1). Монархо жилъ въ Лондонѣ около 1580 г. и воображалъ себя властелиномъ всего міра.

Стр. 261. *Молодой пуританинъ Чарбонъ и старый папистъ Пойзамъ.*

Имена эти выдуманы, но въ «Чарбонъ» (Charbon—уголь) есть намекъ на религіозный пылъ пуританъ, а въ Пойзамъ (Poysam или Poison—ядъ)—инсинуація на преступность католическаго духовенства.

Стр. 261.
Шутъ: *Я пророкъ, графиня...*

Намекъ на весьма распространенный предразсудокъ, существовавшій во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ, по которому юродивые и безумные обладаютъ даромъ прорицанія.

Стр. 262. *Хотя честность не пуританка, но она согласится надѣть стихарь смиренія на черную рясу своего гордаго сердца.*

Намекъ на протестъ пуританъ противъ бѣлаго стихаря, употребляемаго англиканской церковью при богослуженіи; они предпочитали для пасторовъ черный сюртукъ кальвинистовъ.

Стр. 263. *Барышнѣ,*—т.-е. Еленѣ.

Имя Елены напоминаетъ шуту балладу о греческой Еленѣ и о разрушеніи Трои, и онъ поетъ нѣсколько строфъ изъ этой баллады, коверкая и измѣняя стихи, чтобы перевести на Елену то, что говорится о Парисѣ. По предположенію Малона, эта, недошедшая до насъ баллада—та, которая занесена въ книжные реэстры 15?5 г. подъ заглавіемъ: «The Lamentation of Hecuba and the Ladyes of Troy».

Стр. 262. Тамъ же.
Графиня. *Какъ, одна на десять?*
Ты перевираешь пѣсню.

Имя Елены приводитъ шуту на память старинную балладу о разореніи Трои, въ которой, между прочимъ, говорится, что у Пріама было десять взрослыхъ сыновей и изъ нихъ только одинъ Парисъ некрасивъ собою.

Стр. 268. *Пропляшите вы канарію намъ*—канарія (canary) очень быстрый и живой танецъ.

Стр. 268.
Какъ дядушка Крессиды, я вдвоемъ
Рѣшаюсь васъ оставить.

Лафэ, сводящій короля съ Еленой, сравниваетъ себя на шутку съ Пандаромъ, который сблизилъ Троила съ Крессидой см. въ Ш т. («Троила и Крессиду») и слылъ образцомъ сводничества.

Стр. 271. *Какъ французская крона къ дѣвкѣ въ шелковомъ платьѣ.* Въ ориг.: as your French crown for your taffeta punk. Непереводимая игра словъ: french crown французская монета, а также французская болѣзнь. Шелковая матерія (taffeta) обычный костюмъ женщинъ легкаго поведенія во времена Шекспира.

Стр. 271.
Вы и подъ розгами кричите: «о, Господи, сэръ—

Насмѣшка надъ обычнымъ въ то время возгласомъ пуританъ: «O Lord, Sir».

Стр. 271. *Какъ тростниковое кольцо Тибби*—*указательному пальцу Тома* (as Tib's rush for Tom's forefinger)—кольца изъ тростника часто употреблялись въ сельскомъ быту при заключеніи легкомысленныхъ сожительствъ.

Стр. 271. *Какъ мавританская пляска*—*первому маю.*

Мавританская пляска (morris-dance)—процессія изъ героевъ старо-англійскихъ балладъ и легендъ, проходящая по улицамъ Лондона въ день 1-го мая; старинный обычай.

Стр. 272. «*Проявленіе небесной силы въ земномъ существѣ*». («A showing of a heavenly effect in an earthly actor»)— пародія на заглавіе дѣйствительно существовавшей брошюры.

Стр. 278. *Lustick! какъ говорятъ голландцы*

Намекъ на старую пьесу. «The Weakest goes to the wall», гдѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Яковъ ванъ Смельтъ, говоритъ на смѣшанномъ англо-голландскомъ нарѣчіи и часто говоритъ «lustick» вмѣсто англ. lusty—весело.

Стр. 280. *Какъ тотъ, который вскакиваетъ въ пирогъ*—

Во время городскихъ праздничныхъ обѣдовъ подавался пастетъ, столь гигантскій, что въ него для увеселенія гостей вскакивалъ домашній шутъ лордъ мэра.

Стр. 286.
Управитель (читаетъ)... *сдѣлавшись его Юноной пагубной...*

Юнона преслѣдовала Геркулеса, ревнуя Зевса къ матери Геркулеса, Алкменѣ, супругѣ Ѳивскаго царя Амфитріона. Алкмена имѣла любовную связь съ Юпитеромъ, и плодомъ этой связи былъ Геркулесъ.

Стр. 290.
Пароль... *Я возвратилъ бы или этотъ барабанъ или другой, или hic jacet.* Hic yacet - латинскія слова надгробныхъ надписей, означающія: здѣсь лежитъ (или покоится) и т. д. Пароль этимъ хочетъ сказать, что онъ или добудетъ барабанъ, или умретъ.

Стр. 290. *Вы не угостите его какъ Джона Друма* -

Джонъ Другъ—арлекинъ изъ одного англійскаго фарса; ему всегда достаются колотушки. Въ имени Друма (Drum - барабанъ)—заключенъ также намекъ на барабанъ, который Пароль опять собирается отнять у врага.

Стр. 300. *Пароль... онъ имѣлъ честь служить офицеромъ въ мѣстечкѣ, называемомъ Майнъ-Эндъ, гдѣ обучалъ построенію двойныхъ рядовъ.*

Такъ назывался лугъ, на которомъ въ Шекспирово время производились военныя ученья горожанъ, часто подвергавшіяся въ это время осмѣянію.

Стр. 302. *Лафе.. Бездѣльникъ, мерзкій шафранъ котораго могъ бы окрасить въ свой цвѣтъ всю недопеченную, мягкую какъ тѣсто молодежь.* Насмѣшка надъ модой того времени крахмалить воротники и брыжи желтымъ крахмаломъ.

Стр. 303. Шутъ. *А женѣ отдалъ бы мою дурацкую палочку.*

Bauble (шутовскій жезлъ) коротенькая палочка съ головой шута на одномъ концѣ: была непремѣнной принадлежностью каждаго шута того времени, съ которою онъ не разставался, такъ какъ она составляла принадлежность его шутовской одежды. Звонкіе удары, наносимые этой палочкой, составляли одну изъ самыхъ обычныхъ продѣлокъ шута.

МНОГО ШУМУ ИЗЪ НИЧЕГО.

(Much Ado about Nothing).

Стр. 322. *Храбрый витязь Бева воротился или нѣтъ?*

Въ ориг.: Is signor Montanto returned from the wars or not?

Montanto - выпадъ (технич. выраженіе фехтовальщиковъ). Беатриче въ шутку превращаетъ это слово въ имя собственное.

Стр. 323. *Онъ здѣсь, въ Мессинѣ, объявилъ афишами, что вызываетъ Купидона состязаться въ пораженіи сердецъ: дядюшкинъ шутъ расписался за божка.*

Фехтовальные мастера вывѣшивали во времена Шекспира объявленія на столбахъ, вызывая въ нихъ на состязаніе желающихъ; принимающіе вызовъ расписывались на столбахъ. Беатриче смѣется надъ Бенедиктомъ, вызывавшимъ Купидона, вмѣсто котораго принялъ вызовъ только шутъ, и то не состязаніе длинными, острыми стрѣлами, а, чтобы надсмѣяться надъ нимъ, тупыми, какими стрѣляютъ въ птицъ, не желая ихъ ранить (bird-bolt).

Стр. 325. *Да, какъ говорится въ старой сказкѣ; оно не то, чтобы то, а такъ сказать въ нѣкоторомъ родѣ того.*

Въ ориг.: it is not so, wor't was not so; but indeed, God fordid it should be so.

Намекъ на старинную сказку о лэди Мэри и м-рѣ Фоксѣ, обличенномъ ею въ разбоѣ и убійствѣ и отвѣчающемъ на обвиненіе словами: it is not so и т. д., до тѣхъ поръ, пока лэди Мэри не показываетъ вещественнаго доказательства его преступленія. Эта сказка - одинъ изъ интересныхъ и красивыхъ по формѣ варіантовъ «Синей бороды», перешедшій и въ Россію. «Женихъ» Пушкина очень близокъ къ сюжету этой сказки (Наташа обличаетъ жениха, разсказывая о видѣнномъ ею, какъ о страшномъ снѣ, и показывая въ заключеніе кольцо съ руки убитой женихомъ дѣвушки).

Стр. 326. *Если отрекусь, то повѣсьте меня въ кувшинѣ, какъ кошку—и стрѣляйте; и кто попадетъ въ меня, потреплите его по плечу и назовите Адамомъ.*

Одно изъ старинныхъ народныхъ развлеченій въ Англіи заключалось въ томъ, что кошку, посаженную въ кувшинъ, привѣшивали на веревкѣ, и она служила мишенью для стрѣльбы. «Назовите Адамомъ»— намекъ на прославленнаго въ англійскихъ балладахъ стрѣлка Адама Бэля.

Стр. 326.

«И дикій быкъ свыкается съ ярмомъ»

(«In time the savage bull doth bear the yoke»).

Этотъ стихъ заимствованъ изъ «Spanish tragedy» Кид'а Kyd), который въ свою очередь взялъ его, нѣсколько измѣнивъ, изъ сонетовъ Ватона· «(Passionate Centurie of Love», 1582).

Стр. 326 . . . . *если только онъ не растратилъ всего колчана въ Венеціи.*

Венеція славилась во времена Шекспира, какъ мѣсто любовныхъ приключеній.

Стр. 327. *Я за коверъ—и слышу.* Въ оригиналѣ: I whipt me behind the arras Ковры (arras), украшавшіе стѣны домовъ, вѣшались для предохраненія отъ сырости на нѣкоторомъ разстояніи отъ стѣнъ, такъ что за ними удобно было прятаться для подслушиванія. О такихъ коврахъ часто упоминается въ пьесахъ Шекспира. (Гамлетъ», «Генрихъ IV» и др.).

Стр. 327. *Ты утверждаешь, что родился подъ вліяніемъ Сатурна.*

Сатурнъ считался зловѣщей звѣздой. Родившіеся подъ его вліяніемъ—неизлѣчимо меланхоличнаго нрава, неудачники или злодѣи.

Стр. 329. *Отводить его обезьянъ въ преисподнюю*—англійское выраженіе «to lead apes into hell» означаетъ: остаться старой дѣвой.

Стр. 330. *Что я вычитала ваъ мои остроты изъ «Ста веселыхъ сказокъ»*—«A Hundred merry tales» - очень распространенный во времена Шекспира сборникъ анекдотовъ и остротъ. Сборникъ этотъ сохранился въ очень неполномъ видѣ.

Стр. 331. *Какъ намѣрены вы носить вашу гирлянду...*

Вѣнокъ изъ ивовыхъ вѣтвей былъ въ Англіи символомъ несчастной любви.

Стр. 332. *Это адская Ате въ модной юбкѣ*—Ате (Геката) богиня мести и раздора. О ней Шекспиръ упоминаетъ также въ «Юліѣ Цезарѣ» (Д.III, сц. 1).

Стр. 333. *Принесть вамъ мѣрку съ ноги попа Ивана.*

Въ ориг: bling you the length of prester John's foot. Prester John—легендарный властелинъ Индійскаго государства, къ которому никто не дерзалъ подойти близко. Онъ окруженъ епископами и патріархами, и ему прислуживаютъ семь королей, сорокъ герцоговъ, триста графовъ и безконечное количество рыцарей. Сказанія о царствѣ «пресвитера Іоанна» проникли и въ древне-русскую литературу. Васко-де-Гама, отправляясь въ Индію, надѣялся дойти до царства пресвитера Іоанна.

Стр. 334. *Онъ только нѣженъ и желтъ, какъ апельсинъ; а желтый цвѣтъ, извѣстно, цвѣтъ ревности.*

Въ ориг. непереводимая игра словъ: civil, count, civil as an orange and something of that jealous complexion: civil (честный, или обходительный) напоминаетъ по звукамъ Sevil (Севилья); отсюда сравненіе съ «Севильскимъ апельсиномъ», желтый цвѣтъ котораго—цвѣтъ ревности.

Стр. 334. *Готовъ сбѣгать за зубочисткой въ отдаленнѣйшій уголокъ Азіи.*

Употребленіе зубочистокъ было иноземной модой, которую путешественники ввели во времена Шекспира въ Англію, и Шекспиръ часто смѣется надъ этимъ новшествомъ. См. выше, примѣч. къ «Королю Джону» (стр. 555).

Стр. 336. *Добродѣтельна, иначе я не дамъ за нее и гроша.*

Въ ориг. непереводимая игра словъ: noble, or not I for a angel—Noble—благородна или добродѣтельна и noble—золотая монета; angel ангелъ и тоже монета съ изображеніемъ ангела.

Стр. 327.

. . . *то замѣтила, что имена Бенедикта и Беатриче въ складкахъ письма ложились одно на другое.*

Въ оригин.: She found Benedict and Beatrice between the sheet.—Непереводимая двусмысленность, основанная на томъ, что слово *sheet* означаетъ и листъ бумаги, и простыню.

Стр. 340.

Такъ камей дрянной работы.

Въ ориг: an agate very vilely cut—

Агатъ съ вырѣзанными на немъ мелкими фигурками часто вставлялся въ перстни, и ввиду этого людей маленькаго роста дразнили, называя ихъ агатами изъ перстней. Въ «Генрихѣ IV» Фальстафъ такъ обзываетъ своего крошечнаго пажа (II часть, дѣйст. I, сц. 2). Ср. «Ромео и Джульетта (т. I, стр. 555, прим. къ стр. 205).

Стр. 344. *Сошлюсь на кого угодно, кто знаетъ уставъ.*

Въ ориг. Клюква вмѣсто «Statutes» (уставъ) говоритъ «statues» (статуи).

Шекспиръ тутъ мимоходомъ вышучиваетъ циркуляръ лондонской полиціи—«The statutes of the Street» (1595).

Стр. 316.
Я его знаю: онъ завивается.
Въ оригин.: a wears a lock. Насмѣшка надъ модной въ то время прической щеголей: одинъ локонъ, украшенный бантомъ, спускался съ одной стороны ниже уха; это называлось «носить love lock».

Стр. 346. *Спойте напримѣръ «Свѣтъ Любви», а я протанцую.*
«Свѣтъ Любви» (Light o'love) популярная пѣсня конца XVI в. съ мелодіей, подходящей для танца. Шекспиръ говоритъ объ игривости этой пѣсни въ «Двухъ Веронцахъ» (Д. I, сц. 2-я).

Стр. 346. *О буквѣ К., которой начинаются эти слова.*
Въ оригиналѣ непереводимая игра словъ: Три слова, названныхъ Маргаритой: hawk, horse, husband начинаются на *H*, и Беатриче отвѣчаетъ, что ея печаль вызвана буквой, начинающей всѣ три слова—*H*, которая произносится: *ache*, что значитъ: боль, скорбь.

Стр. 346. *Приложите къ сердцу припарку изъ Cardus Benedictus.* Это растеніе (чертополохъ) считалось лѣкарствомъ отъ всѣхъ болѣзней.

Стр. 348. *Если кому либо изъ васъ извѣстно препятствіе и т. д.*
Эти слова взяты изъ обрядовой формулы при бракосочетаніяхъ во времена Шекспира.

Стр. 359. *Въ такомъ случаѣ онъ знаетъ, какъ поступаютъ порядочные люди—*
Въ ориг. сказано образно: he Knows how to turn his girdle старинная поговорка, означающая вызовъ на состязаніе; борцы во времена Шекспира носили широкіе пояса съ пряжкой впереди и передъ состязаніемъ передвигали пряжку назадъ, чтобы дать противнику возможность схватиться за поясъ.

Стр. 361. *Онъ, говорятъ, ходитъ съ сережкой въ ухѣ.*
Въ ориг. непереводимая игра словъ: he wears a Key in his ear and a lock to it (онъ носитъ ключъ въ ухѣ и замокъ къ нему).
Клюква слыхалъ, что «фасонъ» носитъ локонъ (lock) и понялъ это въ смыслѣ lock замокъ, который, конечно, долженъ имѣть и ключъ къ нему.

Стр. 332. *Такимъ высокимъ слогомъ, что никому изъ смертныхъ не добраться...*
Въ оригиналѣ въ этомъ мѣстѣ непереводимая игра словъ съ грубыми шутками. Бенедиктъ говоритъ о высокомъ стилѣ сонета, но Маргарита понимаетъ style въ смыслѣ забора и понимаетъ слова Б. «that no man living shall come over it» не въ томъ смыслѣ, какъ они сказаны (т. е. «что ни одинъ смертный не превзойдетъ высоту моего восхваленія»), а въ болѣе грубомъ, и отвѣчаетъ «To have no man come over me? why, shall I always Keep below stairs» «Come over» въ ея отвѣтѣ означаетъ «преодолѣть» и болѣе грубо «быть сверху». Stairs (лѣстница) противополагается man (мужчина). «Неужели мое мѣсто быть всегда подъ лѣстницей» (съ удареніемъ на послѣднемъ словѣ).

ГЕНРИХЪ V.

Стр. 377. *Здѣсь, гдѣ пѣтухамъ лишь впору биться* (въ ориг.: cockpit).
Насмѣшливый намекъ на то, что сцена театра «Глобусъ», въ которомъ игрались пьесы Шекспира, была очень мала и годилась лишь для излюбленнаго народнаго зрѣлища того времени пѣтушинаго боя. Черезъ стихъ Шекспиръ по поводу своего театра говоритъ на стр. 377 *здѣсь въ деревянномъ О*, намекая на овальную форму зрительной залы.

Стр. 377.
и единицы
На тысячи умноживъ, возсоздайте
Воображаемую мощь и силу.
Намекъ на примитивность постановки въ театрѣ «Глобусъ», въ особенности въ началѣ его существованія: пять статистовъ изображали цѣлое войско, и фантазія зрителей должна была умножать ихъ число, такъ же какъ воображать лошадей, которыхъ за недостаткомъ мѣста нельзя было выводить на сцену.

Стр. 377.
одни хоть шлемы,
Наведшіе грозу подъ Азинкуромъ.
Въ ориг.: the very casques
That did affright the air of Agincourt:
Развѣвающіеся шлемы приводили воздухъ въ движеніе, т. е., по образному выраженію Шекспира, заставляли воздухъ содрогаться отъ ужаса.

Стр. 381.
. . . какъ львенокъ
Его отважный жажду утолялъ
Въ крови французскихъ рыцарей.
Епископъ говоритъ о побѣдѣ Эдуарда, Чернаго Принца, сына Эдуарда III, надъ французами въ знаменитой битвѣ при Креси, въ Пикардіи, въ 1777 г.

Стр. 381.
Людовикъ же десятый
Наслѣдникъ узурпатора Капета.
Людовикъ X названъ ошибочно вмѣсто Людовика IX: эта ошибка сдѣлана въ хроникѣ Голиншеда, и Шекспиръ взялъ оттуда свое ложное свѣдѣніе.

Стр. 382.
Но короля шотландскаго плѣнила
И плѣнникомъ во Францію послала,
Чтобы тріумфъ украситъ Эдуардовъ.
Въ 1346 г. англійскіе вассалы Невили, Перси и др. разбили шотландцевъ при Невалсъ Красѣ и взяли въ плѣнъ ихъ короля, Давида Брюса. Черезъ 10 лѣтъ въ битвѣ при Пуатье взятъ былъ въ плѣнъ Чернымъ Принцемъ король Іоаннъ французскій.

Стр. 382.
Подобное жъ находимъ мы у пчелъ.
Такое же сравненіе съ пчелами есть въ знаменитомъ дидактическомъ романѣ Лили Euphues (1580), и Шекспиръ имѣлъ очевидно ввиду это мѣсто всѣмъ извѣстнаго романа.

Стр. 386. *Исландскій карноухій песъ—*
Исландскіе шпицы съ длинной бѣлой шерстью были при Шекспирѣ модными комнатными собачками свѣтскихъ дамъ; «исландскій песъ» (iceland dog)—часто встрѣчающееся ругательство въ пьесахъ Шекспира.

Стр. 386. *Попадись ты мнѣ solus...*
Solus—обычное опредѣленіе актера, остающагося однимъ на сценѣ. Пистолю это слово кажется браннымъ, и онъ отвѣчаетъ на него ругательствами.

Стр. 386. *Ты, критскій песъ, задумалъ подобраться*
Къ моей женѣ!

О знаменитыхъ критскихъ охотничьихъ собакахъ говорится и въ «Снѣ въ Лѣтнюю Ночь» (IV, 2).

Стр. 386.

Да изъ разсола гнуснаго порока
Себѣ мегеру выуди, Крессидъ
Сродни, а по прозванью Долли Тиршитъ.

Такое обозначеніе распутной женщины «a kite of Cresside,s Kind» встрѣчается въ драмѣ Gascoigne'я «Don Bartholomew of Bathe» (1587), такъ что Пистоль цитируетъ знакомое публикѣ выраженіе. «Разсолъ гнуснаго порока» (the powdering tub of infamy) означаетъ леченіе посредствомъ потѣнія, которому подвергается Долли Тиршитъ, извѣстная публикѣ Шекспира по предшествующей драмѣ. II части «Генриха IV».

Стр. 388.

Живу для Нима я, Нимъ для меня.

Въ ориг.: I'll live by Nym and Nim shall live by me.

Непереводимая игра словъ: Nym имя человѣка, и to nim на тогдашнемъ воровскомъ языкѣ — грабить, плутовать.

Стр. 389.

Тотъ человѣкъ, съ кѣмъ кровъ дѣлилъ король.

Въ ориг.: his bedfellow сопостельникъ. Эту подробность о дружбѣ короля Генриха съ лордомъ Скрупомъ Шекспиръ заимствовалъ изъ хроники Голиншеда; обычай спать вдвоемъ на одной постели часто упоминается у современниковъ Шекспира.

Стр. 391.

Не золото французское прельстило
Меня.

Въ дѣйствительности Кэмбриджъ устроилъ заговоръ съ цѣлью вазстановить права Мортимеровъ, и французское золото не имѣло для него значенія.

Стр. 391.

Какъ разъ между двѣнадцатью и часомъ, между приливомъ и отливомъ.

По народному повѣрью Шекспировскаго времени, люди умираютъ всегда во время отлива.

Стр. 392. *Что Англія готова въ плясъ пуститься на Троицу.*

Въ ориг.: were busied with a Whitsun morris-dance.

«Morris-dance», о которомъ говоритъ дофинъ, какъ о любимомъ развлеченіи англичанъ — процессія изъ популярныхъ народныхъ типовъ (Робинъ Гудъ и др.), которая проходила по улицамъ Лондона 1-го мая и на Троицу. О майскихъ праздникахъ, и «мавританской пляскѣ» («Morris-dance») часто говорится у Шекспира.

Стр. 397.

Вотъ это вѣрно,
Нелицемѣрно,
Какъ пѣнье птицъ въ вѣтвяхъ.

Эта строфа и предъидущія обрывки изъ утерянныхъ народныхъ пѣсенъ.

Стр. 400.

Такъ отпрыски отъ нашего же корня
Ублюдки сладострастныхъ нашихъ предковъ.

Намекъ на завоеваніе Англіи норманами при Вильгельмѣ Завоевателѣ, который тоже былъ незаконнорожденнымъ.

Стр. 406.

Да, да, вѣчно затѣваетъ что нибудь.

Въ ориг.: Doing is activity, and the will still be doing въ этихъ словахъ скрытая непристойная шутка, намекъ на распутность дофина.

Стр. 406. *Храбрость его какъ соколъ въ колпачкѣ: стоитъ снять колпачокъ, и соколъ улетитъ.*

Въ ориг.: 't s a hooded valour; and when it appears, it wiel bate. «Hooded» и «bate» — термины соколиной охоты; въ примѣненіи къ дофину они означаютъ, что какъ только увидятъ храбрость дофина, она уже улетитъ.

Стр. 411. *Не мудрено, если французы готовы прозакладывать двадцать французскихъ коронъ.*

Въ оригиналѣ игра непристойнымъ значеніемъ слова «корона», которое было названіемъ одной изъ формъ «французской болѣзни». Этотъ смыслъ король Генрихъ имѣетъ ввиду и когда говоритъ дальше: «не грѣхъ сорвать французскія короны» (to cut french crowns), т.-е. произвести операцію. А такъ какъ «crowns» означаетъ въ то же время и монету, то получается еще другой смыслъ словъ короля «to cut crowns»: обрѣзать англійскія монеты (уменьшая этимъ ихъ цѣнность) - преступленіе, но обрѣзать французскія кроны англичанину дозволяется.

Стр. 412. *но предалъ погребенію*
Прахъ Ричарда я вновь воздвигъ..
Я двѣ часовни, гдѣ отцы святые
За душу Ричарда обѣдни правятъ.

Тѣло убитаго Ричарда II, погребенное безъ всякихъ почестей въ Лангля, въ Герфортшайрѣ, было перевезено Генрихомъ V въ Лондонъ и торжественно погребено въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. Кромѣ того, Генрихъ построилъ въ память Ричарда два монастыря на Темзѣ, вблизи Лондона.

Стр. 414. *Пять тысячъ человѣкъ*
Такимъ желаніемъ у насъ ты отнялъ.

«Пять тысячъ человѣкъ» — здѣсь круглая сумма, а не точное обозначеніе численности войска, тѣмъ болѣе, что въ началѣ сцены указывается на то, что въ войскѣ приблизительно 12 тысячъ человѣкъ.

Стр. 414. *Сегодня день святаго Криспіана.*

Битва при Азинкурѣ происходила 25 октября 1415 г., въ день святыхъ мучениковъ Криспина и Криспіана.

Стр. 417. *Бардольфъ и Нимъ были вдесятеро храбрѣе этого рыкающаго дьявола изъ старинной комедіи.*

Въ старыхъ англійскихъ народныхъ пьесахъ дьявола представляли всегда очень страшнымъ свиду и грознымъ на словахъ, но трусливымъ, такъ что шутъ (Vice), непремѣнное дѣйствующее лицо каждой пьесы, безпрепятственно колотилъ его по пальцамъ своимъ деревяннымъ мечемъ и, какъ здѣсь говорится въ шутку, «обрѣзалъ ему ногти».

Стр. 420. *Украсили свои монмоутскія шапки пореемъ.*

Монмоутъ въ Уэльсѣ славился изготовленіемъ самыхъ лучшихъ шапокъ для солдатъ. Валисцы носили на шляпахъ порей въ день св. Давида, въ память о происходившей въ этотъ день битвѣ при Кресси. Самая блестящая для валисцевъ схватка произошла въ огородѣ, гдѣ росъ порей, и въ знакъ побѣды они украсили себя тогда имъ.

Стр. 424. *Представьте полководца королевы*
Вернувшимся

Рѣчь идетъ о графѣ Эссексѣ, который от-

правился въ 1599 г. въ Ирландію усмирять поднятое тамъ возстаніе.

Стр. 424. . . *самъ императоръ*
Старается уладить миръ.

Императоръ Сигизмундъ посѣтилъ въ интересахъ французскаго короля Генриха V и пытался устроить миръ между Англіей и Франціей, но безуспѣшно.

Стр. 424.
Самъ Кадваллапдеръ съ козами своими
Меня не принудитъ.

Въ этихъ словахъ новая насмѣшка надъ валлійцами. Кадвалландеръ — гора въ Уэльсѣ, извѣстная обиліемъ козъ, а валлійцевъ всегда дразнили ихъ козьими стадами.

Стр. 424. *Троянецъ злополучный....*

Троянцами называли во времена Шекспира мошенниковъ и гулякъ. Это выраженіе часто встрѣчается въ обѣихъ частяхъ «Генриха IV».

Стр. 428.
Вотъ я и вышелъ съ такимъ угрюмымъ,
грубымъ, чисто солдатскимъ лицомъ.

По современнымъ источникамъ, Генрихъ V вовсе не былъ такимъ, какимъ онъ себя здѣсь описываетъ, а отличался красивой и изящной наружностью.

Стр. 433. *Предъ вами*
Все это намъ не разъ изображать
Здѣсь приходилось дѣломъ и словами.

Намекъ на юношескую драму Шекспира, «Король Генрихъ VI».

ВИНДЗОРСКІЯ ПРОКАЗНИЦЫ.

(The merry wifes of Windsor).

Стр. 447. *Я перенесу это дѣло въ «Звѣздную Палату».*

«Звѣздная Палата» — зала засѣданій уголовнаго суда въ Вестминстерѣ: потолокъ ея былъ расписанъ золотыми звѣздами.

Стр. 447. *Да, Слендеръ — и Cust-alorum.*

Cust-alorum — сокращеніе латинскаго custos rotulorum, хранитель актовъ. Слендеръ этого термина не понимаетъ, также, какъ «coram» (передъ) и «armigero» (оруженосецъ). (Слова изъ офиціальной подписи судьи: jurat coram me, Roberto Shallow, armigero», т.-е. клянется предо мною, Робертомъ Шэлло, оруженосцемъ (эсквайромъ) Слендеръ принимаетъ за дворянскій титулъ Шэлло.

Стр. 448. *Сказывали мнѣ, что въ Котзелѣ ее обогнали.*

Котзель (Cotsall, въ дѣйствительности Cotswold) въ Глостершайрѣ, холмистая мѣстность, гдѣ происходили извѣстные бѣга.

Стр. 448. *Но не цѣловалъ дочери вашего лѣсничаго* — вѣроятно цитата изъ старой, потерянной баллады.

Стр. 449.
Ахъ ты бенбурскій сыръ (Banbury cheese).

Насмѣшка надъ худобой Слендера. Бенбюри — городокъ въ Оксфордшайрѣ, извѣстный изготовленіемъ тощихъ сыровъ. Сними платье, и ты будешь, какъ бенбурскій сыръ, состоящій только изъ корки» говорится въ современной III. пьесѣ «Jack Drum's Entertainment». На худобу Слен[illegible] указываетъ и Пистоль, обзывая его въ слѣ[illegible]ей фразѣ Мефистофелемъ (намекъ на спут[illegible]Фауста въ пьесѣ Марло).

Стр. 449. *Клянусь этими перчатками.*

Перчатки были предметомъ большого щегольства во времена Шекспира, и Слендеръ изъ фатовства клянется перчатками, какъ признакомъ того, что онъ слѣдитъ за модой.

Стр. 450.
Ахъ, ты, пришлецъ изъ горъ.

Валлисцевъ постоянно дразнили ихъ гористой суровой родиной. Въ «Генрихѣ V» много насмѣшекъ по этому поводу.

Стр. 450.
Что скажешь ты на это,
Джонъ Румяный. Въ ориг.: Scarlet and John—такъ звали двухъ товарищей популярнаго разбойника Робинъ-Гуда въ старой англійской балладѣ). Scarlet — багровый—намекъ на красный носъ Бардольфа.

Стр. 450. . . *если бы могъ получить мою книгу пѣсенъ и сонетовъ.*

Шекспиръ, какъ предполагаютъ, имѣетъ ввиду лирическія стихотворенія лорда Сэррей и др., появившіяся въ 1557 г. подъ заглавіемъ: Songes and Sonnets, written by the Right Honorable Lord Henry Howard, late Earl of Surrey and others.

Стр. 450. *Гдѣ моя «Книга Загадокъ»*

Здѣсь имѣется ввиду книга «The Booke of Merry Riddles» очень популярная во времена Шекспира.

Стр. 452.
Спущеннаго Секерсона я видѣлъ разъ двадцать.

Секерсонъ—имя медвѣдя, котораго часто спускали съ цѣпи и травили въ Paris-Garden, вблизи театра Шекспировскаго «Глобусъ».

Стр. 454. *А у него цѣлый легіонъ серебряныхъ ангеловъ* -

Ангелъ — монета съ изображеніемъ ангела. Эта игра двумя значеніями слова «ангелъ» изъ наиболѣе частыхъ у Шекспира.

Стр. 454. *Она — Гвіана, вся полная золота и щедрости.*

Намекъ на разсказы о богатствахъ Гвіаны сэра Вальтера Ралэя послѣ его экспедиціи въ Южную Америку, въ 1596 г.

Стр. 454. *И значитъ я, носящій на бедрѣ*
Булатный мечъ, Пандаромъ Трои стану.

Пандаръ (о которомъ см. далѣе въ «Троилѣ и Крессидѣ») считался типичнымъ представителемъ сводничества, такъ какъ онъ былъ посредникомъ между Троиломъ и собственной племянницей Крессидой.

Стр. 458. *Кажется, никакой легкости въ обращеніи не могла я подать этому фламандскому пьяницѣ...*

Фламандцы имѣли репутацію пьяницъ во времена Шекспира. Въ «Отелло» Яго говоритъ, что англичанинъ перепьетъ даже толстопузаго голландца.

Стр. 460.
Въ иныхъ вещахъ надежда — песъ безхвостый (a curtail dog), т.-е. собака, у которой обрѣзали хвостъ въ знакъ того, что она больше не годится для охоты.

Стр. 460. *Или пока кукушка не запѣла.*

По народному повѣрью, которое Шекспиръ часто приводитъ въ своихъ пьесахъ, кукушка высмѣиваетъ своимъ кукованьемъ обманутыхъ мужей.

Стр. 460.
Ни въ чемъ не повѣрю такому китайцу.

Китаецъ (Cataian—отъ стараго англійскаго названія Китая, Catai)-былъ синонимомъ мошенника.

Стр. 462. *Проваливай въ свой замокъ Петчъ.* (Въ ориг.: to your manor of Pickt-hatch, go).

Pickt-hatch—часть Лондона, имѣвшая дурную славу, вслѣдствіе множества расположенныхъ тамъ домовъ терпимости. Фальстафъ иронически называетъ Pickt-hatch помѣстьемъ Пистоля.

Стр. 462.

и даже-это еще поважнѣе-пенсіонеры.

Пенсіонеры (pensioners)—члены королевской лейбъ-гвардіи, состоявшей изъ знатныхъ, и видныхъ изъ себя военныхъ.

Стр. 468. *У тихихъ ручейковъ, въ честь коихъ птички малы* и т. д.

Чтобы заглушить страхъ, Эвансъ поетъ отрывки изъ разныхъ пѣсенъ, безсвязно сочетая ихъ. Первые четыре стиха взяты изъ стихотворенія Марло «The passionate shepherd to his love» (сборникъ «The passionate pilgrim»); «Я возсѣдалъ у вавилонскихъ водъ»—переложеніе 137 псалма.

Стр. 469. *Я прожилъ на свѣтѣ восемьдесятъ лѣтъ съ лишнимъ.*

Это число (fourscore years and up ward) не опредѣленіе точнаго возраста Шэлло, а обычное обозначеніе старости.

Стр. 470. *Что тебѣ нравится больше: руководить моими глазами или смотрѣть на пятки твоего барина?*

По обычаю того времени, знатныя и богатыя дамы брали съ собой, отправляясь гулять, щегольскихъ пажей, которые шли впереди своихъ госпожъ; мужчинъ же сопровождалъ мальчишка, идущій сзади. Должность пажа была почетнѣе, на что указываютъ слова м-ссъ Пэджъ и отвѣтъ Робина.

Стр 471.

Ужель ты мой, брильянтъ небесный...

Въ ориг: Have j caught my heavenly jewel. Начало одной пѣсни изъ сборника Sidney's as trophel and Stella

Стр. 471.

Онъ водитъ дружбу съ нашимъ безпутнымъ принцемъ...

Въ этихъ словахъ указаніе на то, что въ «Виндз. Проказн.» Фальстафъ изображенъ не послѣ опалы при Генрихѣ V, а во время дружбы съ принцемъ Галемъ. Комедія эта—одинъ изъ эпизодовъ прежней жизни.

Стр. 481.

Тетка моей горничной, толстая баба изъ Брентфорда.—

Намекъ на опредѣленное лицо, веселую трактирщицу въ Брентфордѣ, мѣстечкѣ между Виндзоромъ и Лондономъ; ея остроты и шутки собраны были Робертомъ Коплэндомъ въ книгѣ «Jyl of Brentford's Tastament».

Стр. 486.

его постоянная постель и временная постель (his standig bed and trucklebed). Trucklebed—низенькая складная кровать, которая помѣщалась подъ обыкновенной кроватью и выдвигалась изъ подъ нея, въ случаѣ надобности.

Стр. 486. *Твой эфесецъ зоветъ тебя.*

Эфесцы (Ephesians) шуточное прозвище гулякъ.

Стр. 481. *Пусть теперь льется картофельный дождь,*

. . . пусть бушуетъ мятель изъ ванили -

Картофель и ваниль часто приводятся у современниковъ Шекспира въ числѣ возбуждающихъ средствъ (aprhrodisiaca).

Стр. 491. *Дѣти-сиротки судьбинъ* (you orphan heirs of fixed destiny).

Шекспиръ разумѣетъ подъ этими словами дѣтей земныхъ родителей, усыновленныхъ по вѣчнымъ рѣшеніямъ рока феями.

ДВѢНАДЦАТАЯ НОЧЬ ИЛИ КАКЪ ВАМЪ УГОДНО.

(Twelfth Night; or, What you Will).

Стр. 510. *Оленемъ сталъ я, и, какъ злые псы Меня съ тѣхъ поръ преслѣдуютъ желанья.*

Намекъ на миѳъ объ Актеонѣ, о которомъ упоминается и въ «Виндз. Проказн». (Д. II, сц. 2).

Стр. 512.

Я буду нѣмъ: вы будете кастратомъ
Иль слѣпота меня да поразитъ.

Намекъ на гаремныхъ прислужниковъ—евнуховъ и нѣмыхъ и на обычай наказывать ихъ выкалываніемъ глазъ.

Стр. 514.

Иль, можетъ быть, ты боишься, чтобы они не запылились, какъ картины м-ссъ Малль. Вѣрнѣе было бы: какъ *портретъ* м-ссъ Малль.

Mistress Mall, въ дѣйствительности Mary Frith (прозванная Mall cutpurse: Маль, отбирающая кошелекъ) знаменитая своей эксцентричностью куртизанка временъ Шекспира. Много намековъ на нее и ея образъ жизни встрѣчается у современныхъ Шекспиру сатириковъ и драматурговъ. Въ 1610 г. появилась книга подъ заглавіемъ: «The Madde Prancks of mery Mall of the Banckside, with his walkes in man's apparell and to what purpose, written by John Day». Въ 1611 г. она выведена была на сценѣ въ пьесѣ Миддльтона и Деккера, «The Roaring Girl or Mall Cutpurse». На заглавномъ листѣ напечатанной пьесы Mall была изображена въ мужскомъ платьѣ и курящей табакъ. Въ томъ же году она приговорена была къ публичному принесенію покаянія и во время этой церемоніи горько плакала—не изъ раскаянія, а потому что была совсѣмъ пьяна. Она умерла въ 1659 г. и завѣщала двадцать ф. ст. на то, чтобы въ день возвращенія короля Карла II на Флитской улицѣ изъ фонтана вмѣсто воды текло вино. Портретъ этой знаменитой женщины завѣшивался-подъ предлогомъ предохраненія отъ пыли, но въ дѣйствительности оттого, что оригиналъ пользовался очень дурной славой.

Стр. 516. . . *ибо что говоритъ Квинапалъ.*

Шутъ выдумываетъ не существующаго древняго философа, которому и приписываетъ свое изреченіе.

Стр. 516.

Cucullus non facit monachum; клобукъ не дѣлаетъ монахомъ.

Стр. 517.

у котораго очень слабая pia mater.

Pia mater—мозговая оболочка; Шекспиръ часто обозначаетъ этимъ словомъ мозгъ (въ «Безплодныхъ усиліяхъ любви» (Д. II. сц. 2), въ «Троилѣ и Крессидѣ» (Д. II, сц. 1).

Стр. 518. *Усмирите немного вашего великана, принцесса.*

Великаномъ Віола въ шутку называетъ маленькую ростомъ Марію за ея свирѣпый видъ. Нѣкоторые комментаторы (Johnson) видятъ въ этихъ словахъ намекъ на великановъ, составляющихъ почетную стражу принцессъ въ народныхъ сказкахъ.

Стр. 522.

A diluculo surgere—ты знаешь.

Латинская пословица Diluculo surgere saluberrimum est (раннее вставаніе очень полезно) взята Шекспиромъ изъ грамматики Lilly.

Стр. 523. *Видали вывѣску трехъ дураковъ?*

Намекъ на трактирныя вывѣски того времени, съ изображеніемъ двухъ пирующихъ шутовъ или двухъ ословъ и съ надписью, въ которую включался и тотъ, кто будетъ смотрѣть на вывѣску. Таковы надписи: «We three loggerheads be» (мы три болвана) или «We are three asses» (мы три осла).

Стр. 523.

Какъ разсказывалъ о Пигрогромитусѣ и Вапіанахъ, что прошли за квебускую линію.

Всѣ эти названія выдуманы шутомъ такъ же, какъ до того (Д. I, сц. 5) онъ выдумалъ философа Квинапала.

Стр. 523.

. . *который вытянулъ бы у ткача три души.*

Объ особой музыкальности ткачей у Шекспира упоминается и въ другихъ пьесахъ («Генрихъ IV», I часть; д. II, сц. 5); «три души» комическое выраженіе для тройного, т.-е. чрезвычайнано восторга передъ хоромъ.

Стр. 524.

Прощай, душа, твой другъ во путь идетъ.

«Farewell, dear heart, since j must needs be gone».

Эта пѣсня, которую сэръ Тоби поетъ, чередуясь съ шутомъ, помѣщена подъ заглавіемъ Corydon's Farewell to Phillis въ извѣстномъ сборникѣ Percy's Reliques of Ancient Poetry.

Стр. 530.

Вспомни, кто хвалилъ твои желтые чулки, кто желалъ тебя всегда видѣть съ на-крестъ застегнутыми подвязками.

Насмѣшка надъ модами щеголей времени Шекспира.

Стр. 531

Каково поживаешь ты при барабанѣ?

Барабанъ былъ типичной принадлежностью придворныхъ и домашнихъ шутовъ во времена Шекспира.

Стр. 531. *Крессида была нищая.*

Намекъ на то, что Крессида была наказана за свое вѣроломство тѣмъ, что умерла въ нищетѣ. Такъ это разсказывается въ «Testament of Creseid» Чоусера.

Стр. 531.

По моему, лучше ужъ быть пуританиномъ...

(Въ ориг.: J had as lief be a Brownist).

«Броунистами» назывались послѣдователи Роберта Броуна, который въ 1580 г. отдѣлился отъ англійской церкви и основалъ пуританскую секту (члены ея впослѣдствіи называли себя «независимыми Independents). Ея послѣдователей преслѣдовали въ обществѣ насмѣшками; поэтому сэръ Андрей и говоритъ о «Броунистахъ» такъ презрительно.

Стр. 535.

Больше линій, чѣмъ на новой картѣ, съ двумя Индіями.

Намекъ на вышедшую въ 1598 г. съ англійскимъ переводомъ карту путешествій Линшота; на ней впервые обозначены были острова остъ-индскаго архипелага. Карта была испещрена линіями для обозначенія направленій.

Стр. 535.

. . . . *на листѣ бумаги, будь онъ длиной въ простыню на кровать въ Уорѣ.*

Огромная кровать въ гостиницѣ въ городѣ Уорѣ (Герфордширское графство) была всѣмъ извѣстной достопримѣчательностью въ Англіи. На ней могли помѣститься 24 человѣка. Объ этой диковинѣ, сооруженной чудакомъ трактирщикомъ. говорится также въ «Epicoene» Бенъ-Джонсона.

Стр. 538.

. . *важному человѣку не пристало играть съ сатаной въ бабки.* (Въ оригин.: to play of cherry-pit with Satan).

Cherry-pit дѣтская игра, состоящая въ томъ, что бросаютъ вишневыя косточки въ пробитыя въ доскѣ отверстія.

Стр. 539.

Онъ рыцарь, возведенный въ это достоинство прикосновеніемъ незазубреннаго меча на шитомъ коврѣ. (Въ ориг.: He is Knight, dubbed with unhatch'd rapier, and on carpet consideration).

«Carpet Knights» (ковровыми рыцарями) называли рыцарей, посвященныхъ въ это званіе не за храбрость въ бою, а за службу въ мирное время; посвященіе происходило тогда на коврѣ въ парадной залѣ королевскаго дворца. Къ такимъ рыцарямъ относились съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ.

Стр. 544.

Какъ сѣдовласый пражскій отшельникъ,
. . *очень мудро сказалъ племянницѣ царя Горбодука.*

Шутъ выдумываетъ этого пражскаго отшельника, какъ онъ и до того выдумываетъ разныя имена и исторіи, и какъ онъ тутъ же приписываетъ древнему британскому королю Горбодуку (извѣстному публикѣ по драмѣ Саквиля и Нортона—«Горбодукъ») совершенно невѣдомую племянницу.

Стр. 544.

. . . *больше, чѣмъ египтяне въ ихъ туманахъ.*

Намекъ на одну изъ египетскихъ каръ.

Стр. 548.

Какъ египтянинъ тотъ, который въ часъ Кончины убилъ свою подругу.

Египетскій разбойникъ Тіамисъ, преслѣдуемый врагами, убилъ свою возлюбленную въ пещерѣ, гдѣ онъ скрывалъ ее вмѣстѣ со всѣми своими сокровищами. Эту исторію Шекспиръ зналъ изъ Геліодора, изданнаго въ англійскомъ переводѣ Underdown'a въ 1587 г.

Стр. 554.

Какъ я еще мальчишкой былъ и т. д.

Эта пѣснь шута—такъ называемая «джига» (Jig)—пѣсня съ пляской. Шуты у Шекспира часто импровизируютъ такія полубезсмысленныя пѣсни и поютъ ихъ для увеселенія публики, сопровождая пѣніе прыжками и танцами.

Заставка эпохи нѣмецкаго Ренессанса.

РИСУНКИ.

I.

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ.

стр.

II.

Автотипіи на отдѣльныхъ листахъ.

III.

Геліогравюры и фотогравюры.

Книжная рамка эпохи Ренессанса. (Страсбургъ, 1519)

